

Введение

БИБЛИЯ РАДЖНИША — это чистое, непосредственное общение. Это не проповедь по какому-либо случаю, не фрагментарное воспоминание, пересказанное и записанное много после того, как сам источник прекратил свое существование.

БИБЛИЯ РАДЖНИША — это чистое, непосредственное приобщение. Это — живой просветленный Учитель Бхагаван Шри Раджниш, говорящий о Его религии, о жизненной, расцветающей религии Раджнишизма.

С одной стороны, известие о том, что Бхагаван снова заговорил после 1315 дней безмолвия, пришло, как сюрприз. Но все же, с другой стороны, Его решение заговорить снова было, в конце концов, не таким уж сюрпризом — непредсказуемость нашего Учителя всегда восхищала нас. И, как Он сказал нам в тот первый вечер, период безмолвия хорошо послужил Его цели.

«Эти дни безмолвия, — говорил Он, — помогли отстраниться от меня тем, кто испытывал по отношению ко мне интеллектуальную любознательность, рациональный интерес. А кроме того, они помогли мне найти моих настоящих, подлинных людей, которым не нужны слова, чтобы быть со мной... Но сегодня, - продолжал Он, — я вдруг решил заговорить снова, снова, спустя 1315 дней, по простой причине: картина, которую я пишу всю свою жизнь, нуждается в нескольких мазках здесь и там для завершения ее...»

«Теперь впервые я говорю со своими собственными людьми — неиндусами, не мусульманами, не христианами, не иудеями. Это большая разница, и только благодаря этой разнице я могу нанести завершающий мазок на картину, которую пишу».

Лекции в этом первом томе БИБЛИИ РАДЖНИША как раз таковы: Учитель говорит со Своими собственными людьми. И между ними возникает восхитительная, тесная связь. «Учитель раскрывает себя вам, дает вам возможность почувствовать близость», — говорит Бхагаван. Эти беседы как интимные разговоры с возлюбленной, как глубочайшее, сердечное общение с самым близким и самым дорогим другом.

За годы, проведенные в Бомбее и Пуне, в Индии, беседы Бхагавана на английском и хинди заполнили 350 потрясающих томов, в большинстве своем уже опубликованных издательством Раджниш Фаундейшн Интернейшнл. В те годы Он еще не беседовал только с раджнишистами, «с моими собственными людьми», — Он общался с буддистами при помощи Будды, с индусами при помощи Кришны, с христианами при помощи Христа.

«Да, — признавался Он недавно, — я использовал всех этих людей, как «подкидные доски»... Если Кришна вернется, он будет очень зол, особенно на меня. Но он не собирается возвращаться, так что проблемы нет. Я не думаю, что мы встретимся когда-нибудь. И даже если мы встретимся, — радостно посмеивался Он, — я могу просто попросить извинения».

А что по поводу этих религий, произрастающих в памяти этих людей? «Все эти религии прошлого, - говорит Бхагаван, — антижизненны. Ни одна — ради жизни, ни одна — ради живущих, ни одна — ради смеха. Ни одна религия не воспринимает чувство юмора как свойство

религиозности. Поэтому я говорю, что моя религия — это первая религия, которая рассматривает человека в его всеобщности, в его естественности -воспринимает человека целиком, как он есть. Вот что для меня означает святость — не нечто священное, но нечто, принятое во всей его целостности... Это первая религия, которая ничего не отвергает из вашей жизни. Она принимает вас целиком, как вы есть, и находит пути и методы сделать целое более гармоничным...»

«Старые религии основаны на системах верования, - указывает Он. — Моя религия абсолютно научна. Это не вера, это не вероисповедание. Это чистая наука...»

«В качестве своего метода наука использует наблюдение; религия также использует наблюдение в качестве метода, но называет это медитацией. Это наблюдение, чистое наблюдение вашей собственной субъективности. Наука называет свою работу экспериментом, религия называет свою работу переживанием... Поэтому я не дал вам никаких верований, я дал вам только методы. Я лишь объяснил вам мое переживание, я рассказал вам способ, как я испытал это... Я не предложил вам ничего, что не основывалось бы на здравом смысле, логике, эксперименте, переживании».

И в этом удивительная красота и значительность БИБЛИИ РАДЖНИША. Это событие, беспрецедентное в человеческой истории: ведь еще не было микрофонов, чтобы записывать Будду, следуя за ним через Бихар. А здесь представлен из первых рук опыт человека, достигшего предельного цветения. И больше нет «подкидных досок». Здесь есть сам Бхагаван Шри Раджниш в полном великолепии. Он больше не играет на флейте Кришны. Теперь Он просто поет свою собственную песнь.

БИБЛИЯ РАДЖНИША — это революция, которая испугает даже тех, кто слышал слова Бхагавана ранее. В этих беседах проявляется полностью новое измерение. Неожиданно Бхагаван вынул Свой меч истины и безжалостно порвал в клочья лживость истории. Все покровы сорваны, показывая человека, его религию, его политику во всей их бесполезности. Даже Бог, Великая Белая Надежда, уходит навсегда. Религия за религией, миф за мифом, все они разрезаны на маленькие кусочки, тщательно обследованы и брошены по ветру, как клочки бумаги при расторжении брака.

Научные методы медитации Бхагавана и широкий комплекс новаторских терапевтических программ проводятся в Раджнишпуре в Международном Медитационном Университете Раджниша, штат Орегон, США, а также в Медитационных Центрах Раджниша и Коммунах Неосанньясы по всему миру. А в этих лекциях раскрывается Сам Бхагаван. Вот они, слова без мистики или фетишей суевория. Вот они, слова как маяки, указывающие нам путь к дому.

«Я просто обыкновенный человек, — говорит Он. Как всякий другой. Если и есть какая-нибудь разница, то она не в качестве, она только в знании. Я знаю себя, вы нет».

«Когда вопрос касается нашего бытия, я принадлежу тому же существованию, той же экзистенции. Вы дышите тем же воздухом, но вы просто не пытались познать себя. В тот момент, когда вы познаете себя, разница совсем исчезнет. Теперь же все в точности так, словно я стою и смотрю на восход солнца, а вы стоите рядом со мной с закрытыми глазами. Солнце восходит и для вас точно так же, как оно восходит для меня. Оно так прекрасно, так красочно не только для меня, но и для вас. Но что может солнце? Вы же стоите с закрытыми глазами. Вот

единственная разница. Велика ли эта разница? -спрашивает Он. — Вас нужно лишь встряхнуть и сказать:

«Откройте глаза. Уже утро. Ночь прошла»».

БИБЛИЯ РАДЖНИША — это не святая книга. Не является она и священным писанием. Она — открытое любовное приглашение. Она — приглашение прийти и отпить из реки, что бежит широко, истинно и свободно.

Махасаттва Свами Кришна Прем М.М., Доктор философии (Международный Медитационный Университет Раджниша), Ачарья

Беседа 1

БЕЗМОЛВИЕ — ТЯГА ВНУТРЕННЕГО НИЧТО

30 октября 1984 года

Бхагаван,

Почему Вы называете Вашу религию первой и последней религией?

Для меня нелегко снова начать говорить. Говорить мне всегда было непросто, потому что я пытался выразить невыразимое. Тем более сейчас.

После тысячи трехсот пятнадцати дней безмолвия я чувствую, что прихожу к вам как будто из совершенно другого мира. На самом деле, так оно и есть.

Мир слов, языка, концепций и мир безмолвия так диаметрально противоположны, что не имеют точек соприкосновения, они нигде не встречаются. Они не могут встретиться по самой своей природе. Безмолвие — это состояние без слов; и говорить теперь — все равно, что учить язык снова, начиная с букваря. Но это для меня не новое переживание; это случалось со мной и ранее.

В течение тридцати лет я говорил непрерывно. Это было так напряженно, поскольку все мое существо тянулось к безмолвию, а я направлял себя к словам, языку, концепциям, философиям.

Не было другого способа передать людям что-либо, а мне нужно было передать им откровения необычайной важности. Не было способа уклониться от ответственности. Я должен был нести ее.

В тот день, когда я реализовал свою собственную сущность, я стал таким завершенным, что замолчал. Больше не о чем было спрашивать.

Один из моих университетских профессоров, всемирно известный профессор, доктор С.К.Саксена — он многие годы был профессором философии в Америке — много раз, бывало, просил меня задать ему какой-нибудь вопрос. А это было в те дни, когда я был так исполнен, так удовлетворен; у меня не было никаких вопросов, нечего было искать.

Поэтому я говорил ему: «У меня есть ответы; вопросов у меня нет».

Он смеялся и говорил, что я сумасшедший: «Как можно иметь ответы, не имея вопросов?»

Я настаивал: «Пока у вас есть вопросы, вы никогда не будете иметь ответов. Если вы не прекратите спрашивать, вы не найдете главный ответ. И он не приходит в форме ответа, но он ответит на все, не отвечая на какой-то конкретный вопрос, но просто отвечая на все вопросы: возможно, невозможно, вероятно, невероятно».

После моего просветления ровно тысячу триста пятнадцать дней я пытался хранить молчание — насколько это было возможно в тех условиях. В силу некоторых причин я должен был говорить, но разговор мой был телеграфным. Мой отец очень сердился на меня. Он так сильно любил меня, что имел на это все права. Когда он посылал меня в университет, то взял с меня обещание, что я буду писать ему по крайней мере одно письмо каждую неделю. И когда я замолчал, я написал ему последнее письмо, в котором сказал: «Я счастлив, невыразимо счастлив, предельно счастлив, и из самой глубины моего существа я знаю, что навсегда останусь таким, как сейчас, буду ли я пребывать в теле или нет. В этом блаженстве есть нечто от вечности. Поэтому теперь каждую неделю, если вы настаиваете, я буду писать одно и то же снова и снова. Это не будет выглядеть нормальным, но я обещал, и поэтому каждую неделю буду опускать в почтовый ящик открытку с надписью «ditto» (то же самое). Пожалуйста, простите меня, а когда получите письмо с надписью «ditto», перечитайте это письмо».

Он подумал, что я совершенно сошел с ума. Немедленно он ринулся из деревни, прибыл в университет и спросил меня:

«Что с тобой случилось? Увидев твое письмо и твою идею с этим «ditto», я подумал, что ты сошел с ума. Но, глядя на тебя, мне кажется, что это я сумасшедший; весь мир сошел с ума. Я возвращаю твое обещание и слово, которое ты дал мне. Не нужно писать каждую неделю. Я буду теперь читать твое последнее письмо». И он хранил его до самого последнего своего дня; оно лежало у него под подушкой.

Человек, заставивший меня заговорить, — тысячу триста пятнадцать дней я хранил молчание — был также очень странным человеком. Сам он хранил молчание всю свою жизнь. Никто не слышал о нем; никто не знал о нем. И был он самым драгоценным человеком, которого я встречал в этой или в любой другой из моих жизней в прошлом. Его имя было Магга Баба. Это не совсем имя; «магга» означает просто «кувшин». Он обычно носил с собой кувшин — единственную свою собственность — пластиковый кувшин. Из этого кувшина он пьет, с этим же кувшином просит на пропитание. Люди бросают что-нибудь в кувшин: деньги, пищу, воду — вот и все. А если кто-нибудь захотел бы взять из его кувшина, то не встретил бы возражений. Так что люди берут у него деньги или пищу — особенно дети, нищие. Он не запрещал никому бросать, он не запрещал никому брать. И был он абсолютно безмолвен, так что ни у кого не было даже понятия о его имени, поскольку он никогда не называл себя. Его просто начали называть Магга Баба — из-за кувшина.

Но глубокими ночами, когда никого не было, я, бывало, посещал его. Было очень трудно найти время, когда никого не было, поскольку он притягивал к себе различных странных людей. Он не разговаривал, так что интеллектуалы к нему не ходили — только простые люди. И что же делать с ним? В Индии ходить к человеку, который реализовал себя, называется сева. Буквально это означает «служение», но такой перевод не дает объяснения, поскольку слово сева имеет священный смысл, которого не имеет слово «служение». Когда вы ходите к человеку, который

познал, что вы еще можете делать, как не служить ему? Так что люди упорно приходили к нему и массировали его ноги, а кто-то массировал голову, но он ничего никому не говорил. Он не говорил ни «да», ни «нет». Иногда они не давали ему даже спать, поскольку массировали его впятером или вшестером. Так они исполняют сеvu. Много раз я вынужден был выгонять от него людей, а жил он в бунгало, открытом со всех сторон. Время от времени, особенно холодными зимними ночами, я, бывало, находил его одного, тогда он говорил мне кое-что.

Он заставил меня заговорить. Он сказал: «Посмотри, я был в безмолвии всю свою жизнь, но они не слышат, они не слушают. Они не понимают, это недоступно им. Я потерпел неудачу. Я оказался не в состоянии сообщить то, что нес в себе, а теперь мне осталось не так много времени. Ты молод, перед тобой долгая жизнь. Пожалуйста, не прекращай говорить; начни. Трудно, почти невозможно выразить сообщаемое в словах, ведь оно пережито в состоянии безмолвствующего сознания. Как обратить это безмолвие в звук? Кажется, что нет такого способа. Его действительно нет».

Но я понял смысл слов Магга Бабы. Он был очень стар и говорил мне: «Ты будешь в таком же положении. Если ты не начнешь вскоре, то внутреннее безмолвие, вакуум, внутреннее ничто, затянет тебя вовнутрь. И тогда придет время, когда ты не сможешь выйти. Ты утонешь в этом. В тебе предельное блаженство, но весь мир полон несчастья. Ты мог бы показать путь. Возможно, кто-нибудь и услышал бы, возможно, кто-нибудь и пошел бы по этому пути. По крайней мере, ты чувствовал бы, что сделал то, что ожидало от тебя само существование. Да, это ответственность».

Я обещал ему: «Я постараюсь сделать все, что смогу». И вот тридцать лет я говорю непрерывно, используя для этого любой мыслимый повод.

Но я дошел до смысла, до которого не дошел Магга Баба. Он спас меня от своего разочарования; но я дошел до нового понимания, до нового смысла. Я забросил свою сеть во все стороны, чтобы поймать в нее максимальное число людей, имеющих потенциал для цветения. Но затем я почувствовал, что слов недостаточно.

Теперь я нашел своих людей и организовал некое безмолвное приобщение, которое поможет по двум причинам. Во-первых, те, кто не понимает безмолвия, будут отброшены. И это будет хорошо. Это будет хорошая прополка. Иначе эти люди будут продолжать цепляться за меня, за мои слова, потому что их интеллект получает удовлетворение. А я здесь не для того, чтобы удовлетворять их интеллект. Мое назначение много, много глубже, оно лежит в ином измерении.

Эти дни безмолвия помогли отстраниться от меня тем, кто испытывал по отношению ко мне интеллектуальную любознательность, рациональный интерес. Кроме того, и это во-вторых, это помогло мне найти моих настоящих, подлинных людей, которым не нужны слова, чтобы быть со мной. Они могут быть со мной без слов. В этом различие между общением и приобщением.

Общение идет через слова, приобщение — через безмолвие.

Так что эти дни безмолвия были чрезвычайно плодотворны. Теперь остались только те, для кого достаточно моего присутствия, достаточно моего существа, для кого достаточно жеста моей руки, для кого достаточно моих глаз; для кого больше не нужен язык.

Но сегодня я решил снова заговорить — снова заговорить спустя тысячу триста пятнадцать дней — по простой причине: картина, которую я пишу всю свою жизнь, нуждается в нескольких мазках здесь и там для завершения ее. Потому что в тот день, когда я неожиданно замолчал, все осталось незавершенным. Перед тем, как я уйду от вас, уйду из своего физического тела, я хотел бы завершить картину.

Я говорил с индусами, с христианами, с иудеями, с мусульманами, с джайнами, с буддистами, с сикхами, с людьми, принадлежащими почти всем так называемым религиям. И вот впервые я говорю со своими собственными людьми: не индусами, не мусульманами, не христианами, не иудеями. Это большая разница, и только благодаря этой разнице я могу нанести завершающий мазок на картину, которую пишу. Что дает эта разница? С вами я могу говорить прямо, непосредственно. С индусами я вынужден был общаться при помощи Кришны, и я не был счастлив этим. Но другого пути не было. Это было необходимое зло. С христианами я мог говорить только при помощи Иисуса. Мне это было нелегко, но другого пути не было. Нужно выбрать наименьшее из зол. Позвольте мне объяснить вам.

Я не соглашаюсь с Иисусом по всем основным вопросам. На самом деле, есть много вопросов, которые я оставил без ответа, поскольку даже касаться их было бы разрушительно для тех христиан, которые приходили ко мне. Теперь они чисты.

Люди говорят, что я занимаюсь промыванием мозгов. Нет, я не промываю мозги людям. Я определенно прочищаю им мозги, — но я сторонник сухой чистки.

И вот теперь я могу говорить вам в точности то, что думаю; иначе это лежало бы на мне тяжким бременем.

Необходимо было говорить о Махавире, поскольку без этого невозможно было бы заполучить в свои слушатели ни одного джайна. И с Махавирой я не соглашаюсь по всем основным вопросам. На самом деле, мое несогласие относится к большему числу пунктов, чем согласие. Поэтому я вынужден был совершать странную работу. Я должен был выбирать те пункты, с которыми мог согласиться; и совсем ничего не говорить о тех пунктах, по которым я был абсолютно против. Но и в тех пунктах, по которым было некоторое согласие, мне нужно было справляться с еще одной задачей: дать их словам новый смысл, дать их словам мой смысл. Это был не их смысл. Если придет Махавира, он будет в гневе; если придет Иисус, он будет в гневе. Если где-нибудь вся эта толпа из Иисуса, Махавиры, Будды, Лао-цзы, Чжуан-цзы встретит меня, они все сойдут от меня с ума, поскольку я заставил их говорить то, что им никогда и не снилось. Они не могли говорить этого. Иногда даже я вкладывал в их слова смысл, идущий против их основ. Но другого пути не было.

Весь мир разделен. Невозможно найти ни одного чистого человека. Он или христианин — тогда он несет грязь одного рода; или индус — тогда он несет грязь другого рода. Теперь я могу говорить точно и прямо даже то, что может звучать горько.

Шила спросила, почему я называю свою религию первой и, возможно, последней религией.

Да, я называю ее первой религией, потому что религия -это наивысшее цветение сознания. До настоящего времени человек не был способен постичь ее.

Даже теперь едва лишь один процент человечества способен постичь ее. Массы все еще живут в прошлом, отягощены прошлым, обусловлены в поведении прошлым. Сейчас едва лишь один процент человечества в состоянии постичь религию.

Все старые религии основываются на страхе.

Настоящая религия разрушает страх. Она не основывается на страхе.

Во всех старых религиях концепция Бога связана со страхом, с утешением. Иначе нет обоснования, нет свидетельства, нет доказательства существования Бога.

Люди, верящие в Бога, — это на самом деле люди, неспособные доверять самим себе. Им нужен отец, большой Папа.

Они все еще в детстве. Их умственный возраст что-то около двенадцати лет, не более того. Им нужен кто-то, кто даст им смелость, кто направит их, кто защитит их. Они просто боятся остаться одни. Они боятся смерти, которая приближается с каждым днем. Им нужен кто-то, кто защитит их от смерти.

Это защита от вашего страха. Если страх исчезнет, окажется, что Бога нет.

Если вы будете способны доверять самим себе, быть собой, то Бога не будет. Вы будете смеяться над всей этой концепцией Бога.

Вот Иисус молится Богу, постоянно поднимая свои руки к небу, как если бы Бог пребывал там, на небесах. И он не только молится, он принимает и ответы — слышит голоса! Вот они, симптомы невроза. Сказать по правде, Иисус — это психический больной. Он хороший парень. Он добрый человек. Но то, как он ведет себя, доказывает многое. Он фанатик. Он носит в себе ум такого же рода, что и Адольф Гитлер. Он фашист. Он полагает, что будут спасены только те, кто следует за ним. Все остальные, кто не следует за ним, попадут в вечный ад. Только простак мог сказать такое. Кто он, чтобы спасать кого-нибудь? Но он утверждает, что он единственный рожденный сын Бога. И он искренне верит в это. Он не только говорит, он искренне верит в это.

До самого распятия он искренне верит в это. Только распятие приносит небольшое понимание этому душевно нездоровому человеку. Только на кресте он кричит: «Почему ты оставил меня?» Он определенно ожидал чуда. Он — единственный сын Божий, а Бог не приходит. А если он не приходит при распятии, то когда же?

Если даже Иисус не спасается, то где гарантия, что спасутся собирающиеся последовать за ним? И дураки все еще верят, что будут спасены, если последуют за Иисусом. Даже сам Иисус не спасается. И он знал это. Он долго ждал, что произойдет чудо, — но чуда не случилось.

Чудеса не случаются вовсе. Они и не случались никогда. Они — лишь исполнение желаний мечтающих и галлюцинирующих людей. Они нереальны. Если вы верите в них, то они могут показаться почти реальностью, быть может, даже больше, чем реальностью. Это ваша вера создает галлюцинацию. Без этого нет ничего — никаких чудес.

Но сам Иисус верил, что совершал чудеса; и он ждал чуда. Все это очень детские черты. Кроме

того, он был немного шизофреником. Он все время говорил: «Блаженны смиренные, ибо их есть царство Божье». Но сам он не был смиренным человеком. Он был очень высокомерным.

Если вы отягощены христианской обусловленностью, вы можете не увидеть, что он очень высокомерен. Но если вы чисты, вы увидите это ясно. Он входит в храм, великий храм иудеев, и расталкивает менял и торговцев, переворачивает их лавки, бьет их... и он говорит о смирении, покорности. Он и его последователи голодны, им отказали в пище в деревне. Он очень зол. Они подходят к фиговому дереву; еще не сезон для фиг, поэтому, естественно, на дереве фиг еще нет. И он от этого становится совершенно безумным и начинает проклинать дерево: «Ты тоже против нас; ты не даешь нам фиги».

Ну, вот вам человек, проклинающий фиговое дерево, когда не сезон, — как вы назовете такого человека? И так говорю не только я. Его собственный Учитель... Иисус был учеником Иоанна Крестителя. Иоанн Креститель был заключен в темницу, и когда он услышал такое об Иисусе, даже он стал сомневаться, стоило принимать его в ученики или нет. Он послал весть Иисусу из своего заточения: «Думаешь ли ты на самом деле, что ты мессия, которого ждали евреи?» Он стал подозревать — слова и дела Иисуса противоречили друг другу. И то, как он ведет себя, не подобает религиозному человеку. Он поступает очень нерелигиозно.

Религиозный человек не может стоять на такой точке зрения, как эта: «Я особенный, единственный сын Божий».

Религиозный человек знает, что он так же обыкновенен, как любая обыкновенная вещь. Он всего лишь как листья травы, как звезды, как горы. Он никоим образом не особенный.

Идея особости, необыкновенности, превосходства — это не что иное, как игра эго, порождающая всяческое высокомерие.

То же самое было и с другими религиями. Я говорил о Махавире, но я не могу согласиться с поведением этого человека. Не могу я согласиться и с идеологией и наставлениями, которые он давал своим ученикам и которые абсолютно противоестественны.

Махавира жил обнаженным. Но ведь это не случайно, что человек изобрел одежду. Это абсолютно естественная потребность, поскольку другие животные покрыты волосами по всему телу и защищены от зимы и холода. У человека нет такой способности. Даже если он порос волосами, они у него не такие густые, как у животного, живущего в снегах. Он не выживет. Он умрет. Он должен защищать свое тело. Его кровь не холодная, как у холоднокровных рыб, живущих в арктических морях. Их кровь холодна, холодна, как лед, она имеет определенный химический состав, предохраняющий ее от замерзания. Снаружи для нас леденящий холод, для этих рыб холода не существует. Человек — это животное с горячей кровью. Он нуждается в защите. Поэтому обнажить его — абсолютный идиотизм. А Махавира предписывал, что нельзя пользоваться никакими инструментами, даже такими простыми, как лезвие бритвы, не представляющими собой ни большой машины, ни большой технологии. Если вы хотите укоротить свои волосы, вам следует выдергивать их. Поэтому монахи-джайны круглый год выдергивают свои волосы. Это так глупо, так омерзительно, так неестественно... и для чего?

Все обоснование этому в том, что если вы делаете так, то вы утверждаете свою добродетель и будете на небесах. С одной стороны, он говорит: «Не будьте алчными, алчность — это грех». А с

другой стороны, он не учит ничему, кроме алчности, алчности к иному миру. Это представляется намного большей алчностью, чем алчность к этому миру: иметь деньги и хороший дом — это ничто по сравнению с вечными наслаждениями на небесах. А у джайнов семь небес, и, поэтому, чем больше вы истязаете себя, тем выше вы поднимаетесь. Представляется, что в Махавире есть определенный элемент мазохизма. Но я не мог говорить этого джайнам.

Так что я нес в себе, в своем сердце, тяжелый груз. Мое здоровье было разрушено по многим причинам; самая главная из них — в том, что я говорил о людях, с которыми совсем не был согласен. Я не согласен — и не только не согласен, но нахожу их психопатическими, невротическими, шизофреническими, антижизненными.

Все эти религии прошлого — антижизненны. Ни одна — ради жизни, ни одна — ради живущих, ни одна — ради смеха. Ни одна религия не воспринимает чувство юмора как свойство религиозности.

Поэтому я говорю, что моя религия — это первая религия, которая берет человека во всей его целостности, во всей его естественности — воспринимает человека целиком, как он есть. Вот что для меня означает святость: не нечто священное, но нечто, принятое во всей его целостности.

Возможно, всё вокруг вверх дном, и вам нужно поставить все на свое место; совсем как в составной картинке-загадке, вам нужно все поставить на свое место. И затем из этой целостности возникает религиозное сознание.

Больше, чем о ком-либо еще, я говорил о Будде. Но он такой же антижизненный, как и все другие: «Эта жизнь должна быть использована только для достижения настоящей жизни, которая придет после смерти».

Но никто не возвращался после смерти. Нет ни единого доказательства возвращения когонибудь после смерти, нет ни одного рассказа о том, что там есть жизнь.

А все эти религии основываются на том предположении, что жизнь после смерти есть: жертвуйте этой жизнью ради той. А я говорю: «Жертвуйте той ради этой!» — поскольку это все, что у вас есть: здесь и сейчас.

А если и есть какая-нибудь жизнь после смерти, то вы будете там, и тогда это тоже будет «здесь и сейчас». И если вы знаете, как жить здесь и сейчас, вы сможете жить и там. Поэтому я учу вас жить здесь и сейчас.

Это первая религия, которая ничего не отвергает из вашей жизни. Она принимает вас целиком, как вы есть, и находит пути и методы сделать целое более гармоничным. У вас есть все необходимые составляющие.

Все, что необходимо, — внутри вас, может быть, правда, не на нужном месте. Нужно все расставить по своим местам. И когда все поставлено на свои места, это я называю добродетелью. Тогда в вас возникает человек характера, человек, которого я могу назвать моральным, религиозный человек.

Все старые религии основаны на определенных системах верований. Об этих верованиях нет смысла спрашивать, поскольку все они — фантазии, красивые вымыслы, — но все равно вымыслы.

Вы не можете спросить: «Откуда вы знаете, что Бог создал мир?» Не было ни единого свидетеля, не могло быть по самой природе, поскольку если там уже был свидетель, то это было не начало мира. Нужно будет вернуться назад до этого свидетеля. Мир уже был; свидетель был там. Этого свидетеля достаточно для доказательства того, что мир уже существовал. Так что не может быть никакого свидетеля, видевшего Бога, создающего мир.

Но все религии принимают это, и вам запрещено спрашивать, поскольку сомневаться — значит быть в «черном списке».

И тогда семь кругов ада ожидают вас, со всеми мучениями, которые мог бы только представить какой-нибудь Адольф Гитлер, или Иосиф Сталин, или Мао Цзе-дун. Эти религиозные люди представили себе задолго до этого... все виды мучений.

И не на несколько дней — христианство бросает вас в ад навечно. Такое абсурдное предположение!

Христианство признает только одну жизнь. За одну жизнь сколько грехов вы можете совершить?

Если вы постоянно день и ночь совершаете грехи в течение семидесяти лет, с первого до последнего дня, как постоянный грешник, то и тогда вечное наказание не может быть оправдано. Вечное наказание... навсегда? Этому не будет конца! И я не думаю, что вы совершаете грехи постоянно, каждый момент. Человек может совершить несколько грехов... может отправиться в тюрьму года на четыре, на пять лет; это может быть оправдано. Но вечный ад?

Итак, они эксплуатируют ваш страх, страх ада, и алчут наслаждений на небесах. Вот весь их шаблон воздействия на человеческий ум.

Я хочу сказать вам, что они — лишь так называемые религии. Они не религии совсем.

Это первая религия. Я не обещаю вам никаких небес, я не пугаю вас никаким адом; ничего этого нет. Я не говорю: «Вы должны следовать за мной, только тогда вы спасетесь». Так говорить — абсолютный эгоизм. Иисус говорит: «Приходи, следуй за Мною». Даже моя книга об Иисусе озаглавлена «Приходи, следуй за Мною». Это не мои слова. Это слова Иисуса. Если вы спросите меня, я скажу: «Никогда! Не следуйте за мной, поскольку я потерял себя. Если только вы не выбрали для себя путь потеряться навсегда, как я... тогда все в порядке».

По мне, всякий, кто провозглашает превосходство любого рода и то, что вы должны следовать за ним, находится на позициях фашиста.

Мои санньясины — это не мои последователи, но мои попутчики, мои друзья, мои возлюбленные.

Они что-то увидели во мне, как вы что-то видите в зеркале. Вы не последователь своего зеркала,

— но в зеркале вы можете увидеть свое лицо. Учитель — это зеркало. Вы не обязаны следовать за Ним. Вы должны увидеть ваше лицо в Его зеркале — вот и все. И помните одну вещь: зеркало вовсе ничего не делает. Когда вы смотрите в зеркало, это вы что-то делаете; вы смотрите в зеркало. Зеркало не обеспокоено тем, смотрите ли вы в него или нет. И зеркало не делает ровным счетом ничего, когда вы смотрите в него; оно просто отражает вас. Это его природа, вот почему мы называем его зеркалом. Оно просто отражает. Это не деяние, это бытие.

Учитель вовсе ничего не делает. Это Его бытие, Его присутствие становится источником отражения. Постепенно, мало-помалу, вы начинаете видеть себя в новом свете, на новом пути, в новом аспекте, в новом измерении.

Старые религии основаны на системах верований. Моя религия абсолютно научна. Это не вера, это не вероисповедание — это чистая наука.

Слово «наука» означает «познание». Конечно, эта наука отличается от той, которой учат в университетах. Та наука объективная, эта — субъективная.

Иногда слова потрясающе значимы. Задумывались ли вы когда-нибудь над словом «объект»? Оно просто означает то, что препятствует вам, возражает вам, стоит на вашем пути, мешает вам (англ. object — «объект» и «возражать, протестовать»). Наука пытается наблюдать объекты, окружающие вас. Они не должны мешать вам. Они не должны вставать на вашем пути. Напротив, они должны стать вашим путем; они должны стать камешками для перехода через ручей, они должны использоваться. Они не должны оставаться врагами, окружающими вас. Так что все усилия науки заключаются в преобразовании объектов, препятствий, в друзей, чтобы они больше не препятствовали вам, но позволяли вам двигаться, приветствовали вас.

И когда я говорю, что религия, моя религия, — это наука, то это означает, что религия наблюдает субъективность так же, как наука наблюдает объекты.

Субъективность — это противоположность объективности, диаметрально противоположность. Объект встает перед вами преградой, субъективность — это бездонная глубина. Вам ничто не препятствует.

Если вы пошли, вы начинаете падать в непостижимую бездну; вы никогда не достигнете конца. Но вы и не хотите идти до конца. Само это бесконечное падение является таким огромным экстазом, что невозможно думать об его окончании; оно не имеет конца.

Объекты начинаются и кончаются; субъективность начинается, но никогда не кончается.

В качестве своего метода наука использует наблюдение; религия также использует наблюдение в качестве метода, но называет это медитацией. Это наблюдение, чистое наблюдение вашей собственной субъективности.

Наука называет свою работу «эксперимент (experiment)», религия называет свою работу «переживание (expepse)».

Обе они начинают с одной точки, но движутся в различных направлениях. Наука движется наружу; религия движется внутрь.

Поэтому я не дал вам никаких верований; я дал вам только методы.

Я лишь объяснил вам мое переживание, я рассказал вам способ, как я испытал это. И, однажды пережив это, я испробовал все способы, достигали они цели или нет. И я нашел сто двенадцать способов, с помощью которых можно достичь той же точки. И когда вы достигнете ее одним методом, остальные сто одиннадцать будут очень простыми, поскольку вы знаете точку, вы уже достигли ее. Теперь вы можете попасть в нее откуда угодно.

Итак, я учил ста двенадцати методам медитации, — но не системе верований. Поэтому я называю это наукой.

И я сказал, что это, возможно, также и последняя религия по той простой причине, что я не дал вам ничего, против чего можно было бы возражать.

Я могу возражать Иисусу. Я могу возражать Махавире. Я могу спорить с Лао-цзы. Я могу спорить с Буддой. Со мной никто не может спорить, потому что я, прежде всего, не дал никакой догмы, с которой можно было бы спорить. Я дал только методы.

Методы можно испытывать или не испытывать, но с методом нельзя спорить. Если вы испытаете его, я знаю, вы преуспеете. По моему собственному переживанию я знаю, что вы преуспеете - в этом нет вопроса. Если же вы не испытаете его, то у вас не будет права ничего говорить по его поводу.

И поскольку я вложил в свою религию все личные свойства человека, то ничего не осталось. Все религии что-то оставляли вне себя. Так что какая-нибудь другая религия имела возможность что-то взять себе. Буддизм не разрешает алкоголя; христианство допускает его.

Я не предложил вам ничего, что не основывалось бы на здравом смысле, логике, эксперименте, переживании.

Поэтому человек может быть против меня только в том случае, если он меня не знает. Если он знает меня, то он не может быть против меня. Я не даю ни одного пункта, по которому можно было бы быть против меня.

И я могу говорить, что это последняя религия, потому что я не провозглашаю непогрешимости, как это делают глупые папы из Ватикана.

Только идиот может говорить, что он непогрешим. А эти папы провозглашали свою непогрешимость две тысячи лет.

И вот странная и красивая история о том, как один папа вынужден был поправлять другого палу, тоже непогрешимого! Один непогрешимый папа сжег заживо Жанну Д'Арк за то, что она была мятежной, была еретичкой, за то, что она не подчинялась приказам папы. Спустя триста лет, когда люди стали более и более понимать Жанну Д'Арк, ее жизнь, ее историю... папа, безжалостно убивший ее, становился все более и более виноватым в глазах людей. Спустя три сотни лет другой папа оказался перед необходимостью объявить Жанну Д'Арк святой. Теперь она святая — Жанна Д'Арк! Ее кости извлечены из могилы и стали предметом поклонения. Когда-нибудь другой папа найдет, что это неправильно, что она была ведьмой, — они снова

вытащат ее кости из могилы и проклянут их, оплюют их, затопчут их в грязь и будут делать все, что захотят. Что же это за глупость? Эти непогрешимые люди! И странно, что даже в этом веке...

Вот почему я говорю, что едва один процент людей подошел к той точке, когда они могут ощутить подлинную религию. Девяносто девять процентов все еще находятся под непогрешимыми папами. Они могут быть индусами, тогда непогрешимым является шанкарачарья.

Вы, может быть, будете удивлены. Я знавал одного шанкарачарью — я знавал многих, но одним из них я интересовался очень сильно, поскольку он был из тех же мест, что и я, и я знал его, а он знал меня с детства. И я интересовался этим человеком потому, что на публике он ничего не принимал от меня, но в частной жизни он был абсолютно согласен со мной. И он говорил: «Вы можете называть меня лицемером — я такой. Но я придерживаюсь такой позиции, чтобы публично не говорить, что вы правы. Вы правы; если дело касается меня, то я следую за вами, я испытываю ваши методы, я читаю ваши книги». Это был непогрешимый шанкарачарья. На публике он не имел мужества признаться, что то, что он делает, неправильно. И то, что он делает в частной жизни, совершенно противоположно и отлично от того, что он делает публично.

Этот человек умер. Он написал два завещания. Может быть, одно из них он писал раньше — на кого-то, кто, как он думал, имел очень большие способности быть шанкарачарьей... и забыл об этом завещании. А когда он умирал, он написал другое завещание на другого человека. Теперь эти двое судятся друг с другом о том, кто из них настоящий шанкарачарья. Эти непогрешимые люди! Сейчас суд закрыл храм, и он не будет открыт, пока суд не решит, кто же настоящий шанкарачарья. А это очень трудно решить, поскольку оба завещания написаны одним человеком, подписаны одним человеком. Так что почти двадцать лет это дело остается в подвешенном состоянии. Сменилось множество судей, но ни один из них не смог завершить это дело. Как решить это дело? Они просто ждут, когда один из двоих умрет, и тогда дело решится. Иначе, на законном основании, решение невозможно. Оба имеют равные права.

Эти непогрешимые шанкарачарьи, непогрешимые папы, имамы, калифы... что это не так, очень легко доказать тысячью и одним способом.

Я не являюсь непогрешимым. Поэтому то, что я даю вам, — это открытая религия. Они же дали вам закрытую систему.

Закрытая система всегда боится любой новой истины, поскольку новая истина колеблет всю систему. Ее нужно будет организовывать заново.

Вы знаете эту историю... Когда Галилей обнаружил, что это не Солнце обращается вокруг Земли, а Земля обращается вокруг Солнца, непогрешимый папа немедленно вызвал его в суд и сказал: «Вам нужно отказаться от этого, поскольку Библия говорит, что Солнце обращается вокруг Земли. А Библия не может отклоняться от истины, поскольку она написана Богом». А если одно утверждение неправильно, то и все остальные утверждения становятся сомнительными.

Галилей был очень интеллигентным человеком; я люблю его. Очень немногие люди хвалили

этого человека - даже такой человек, как Бертран Рассел, обвинял его как труса. Я не думаю, что Рассел понял позицию Галилея, ведь Галилей пришел на суд и преклонил колени перед папой — он был очень стар, ему было семьдесят пять лет, он умирал; со своего смертного ложа он был принужден явиться на суд — и он спросил: «Что вы хотите от меня?»

Папа сказал: «Вы просто скажете в своей книге, что Солнце обращается вокруг Земли, а прежнее утверждение устранили».

Он сказал: «Очень хорошо. Я напишу в своей книге, что Солнце обращается вокруг Земли. Но, дорогой сэр, вы должны запомнить одно: ни Солнце, ни Земля не слушаются меня. Земля все равно продолжает обращаться вокруг Солнца. Я с этим ничего не могу поделать. Я внесу изменение в свою книгу. Книга моя, и я имею все права изменять ее, но вселенная... с ней я ничего не могу поделать». Я думаю, он был человеком огромного юмора и совсем не трус. И он сделал все правильно — зачем без надобности спорить с этими идиотами? Он сказал:

«Хорошо. Но помните, не следует думать, что это изменит факт. Факт останется фактом».

Таким образом. Библия — это закрытая система. То, что я дал вам, — это не закрытая система. Это открытый эксперимент.

Любая истина, которая может возникнуть позже, будет поглощена этой системой без всякого конфликта, потому что, как я снова и снова говорю вам, в жизни нет противоречий; все противоречия дополняют друг друга.

Даже противоречащее любому из моих утверждений может быть поглощено этой религией без страха, поскольку моя позиция такова: всякое противоречие дополняет что-то другое.

Точно так же, как дополняют друг друга ночь и день, жизнь и смерть, дополняют друг друга и все противоречия, поэтому даже очень противоречивая истина, которая когда-либо придет в будущем, может быть поглощена и станет частью моей системы.

Поэтому я говорю, что это первая и последняя религия. Не будет необходимости ни в какой другой религии.

Беседа 2

НЕ СЛЕДУЙТЕ ЗА МНОЙ, ПОТОМУ ЧТО Я ПОТЕРЯЛ СЕБЯ

31 октября 1984 года

Бхагаван,

Иисус говорит: «Приходи, следуй за Мной». Вы против этого заявления. Что бы Вы хотели сказать об этом?

Иисус говорит: «Приходи, следуй за Мной». Это говорит не только Иисус, это говорит и Кришна, это говорит и Будда. Все старые религии мира основываются на этом заявлении. Но это заявление — психологическая эксплуатация человека.

Я не могу сказать: «Приходи и следуй за мной».

Прежде всего те, кто сказал это, искалечили человечество, сделали человечество беспомощным.

Они, конечно, удовлетворили определенную человеческую потребность. Люди не хотят быть самими собой. У них не хватает мужества прокладывать свой собственный путь, идти и прокладывать. Они хотят, чтобы их вели.

Но они не знают, что если человека вести, то медленно, медленно, даже если у него и есть глаза, он будет терять их. Он будет смотреть глазами Иисуса, Кришны, Мухаммеда. Свои глаза будут не нужны ему; на самом деле, глаза будут лишь причинять ему беспокойство.

Ведущий хочет, чтобы вы отдали ему свои глаза и смотрели его глазами; отдали ему свои ноги и шли его ногами; не верили в себя, но верили в него.

С моей точки зрения, это преступление; это калечит, парализует, разрушает вас. И это можно наблюдать по всему миру.

Все человечество разрушается такими заявлениями и такими людьми.

Я говорю вам: «Придите, и я поделюсь с вами», — но я не говорю: «Следуйте за мной». Кто я такой, чтобы вы следовали за мной?

И вам нужно также понимать, что каждый индивидуум настолько уникален, что если вы начнете следовать за кем-нибудь, то вы автоматически будете имитировать. Вы потеряете свою индивидуальность. Вы начнете превращаться в обманщика, лицемера. Вы не будете собой, вы будете кем-то другим. Вы начнете расщепляться.

Вы будете носить маску: христианин, индус, мусульманин, буддист — это будет всего лишь маской, которую создали вы и человек, которому вы следуете. Это не ваше подлинное лицо. Вы идете против себя, и вы будете страдать — и все человечество страдает.

Звучит довольно странно, что подобные утверждения преступны, потому что исходят они от прекрасных людей, таких, как Иисус, Будда, Конфуций... Вы можете понять и мое затруднение. Но я должен говорить обо всем так, как оно есть.

Каждый ребенок старается подражать своим родителям, своим соседям, своим друзьям, своим школьным учителям... а все они, в свою очередь, стараются усилить это подражание.

Я помню свое собственное детство. Это, конечно, очень случайно, что я родился в семье джайнов. Это очень редкая религия в Индии, это, возможно, самая древняя религия в мире. Но мой отец был, конечно, существом человеческим. Он, бывало, брал меня в храм, но при этом говорил, что я не обязан подражать ему. Он унаследовал идеи своих предков, но не нашел в них ничего. Он сказал мне: «Я не могу заставлять тебя следовать моими путями. Я могу лишь познакомить тебя с той дорогой, по которой шел я, с теми богами, которым я поклонялся, с теми молитвами, которые я совершал. Но ничего не случилось со мной. Я не буду настаивать, чтобы ты шел тем же путем. Напротив, я буду настаивать, чтобы ты не делал этого, если, конечно, ты не почувствуешь своего желания к тому».

Я никогда ни за кем не следовал, и это дало мне очень многое.

Великое благословение пришло ко мне в понимании, что для человеческого существа это возможно — не следовать.

Я старался оставаться просто самим собой.

Вам потребуется смелость. Вам потребуется разумность. Вам потребуется поиск истины. Только тогда вы сможете рисковать. Иначе все эти люди вокруг вас, все они — торговцы...

Иисус просто торговец, когда говорит: «Приходи, следуй за мной, поскольку те, кто следует за мной, найдут Бога, найдут небеса и все удовольствия там. А те, кто не следует за мной, навечно попадут во мрак ада».

Этот человек не собирается никому помогать. Он эксплуатирует вашу потребность в наставлении, вашу потребность в поиске пути; главным образом, вашу потребность иметь какой-то смысл в своей жизни. И он обещает это: «Я готов дать его вам. Все, что вам нужно делать, — это верить в меня, без вопросов, без сомнений. Все, что требуется от вас, — это абсолютная вера».

Просить веры — это калечить разумность человека, делать его посредственностью, осуждать его на вечное пребывание идиотом.

Христианин не может спросить: «Что есть Бог? К чему вся эта чепуха вокруг Святого Духа?» И он совсем не представляется святым. Он насильник; он изнасиловал девственницу Марию. А эта троица: Бог, сын и Дух Святой — в нее не допущена ни одна женщина. Без матери рождается сын... В этой троице нет места для женщины.

Никто не спросил: «А где доказательства того, что вы — единственный порожденный сын?» Но и не предполагается, чтобы вы спрашивали. Предполагается, что вы будете верить.

Это торговая сделка. Он даст вам после смерти все удовольствия жизни; будут исполнены все мыслимые фантазии. И вы удивитесь, какого рода фантазии предлагали исполнить эти религиозные люди.

Мухаммед говорит о своем рае — и запомните, слово «рай» (англ. paradise) происходит от арабского «фирдоус», рай, в основном, это мусульманское понятие, — Мухаммед говорит, что в его раю реки вина- «Пейте, сколько хотите, тоните в вине, плавайте в нем». И там полно прекрасных женщин, которые всегда остаются молодыми, шестнадцатилетними. Им все время шестнадцать лет. Когда бы вы ни пришли, им шестнадцать; они не взрослеют. И не только это — поскольку в мусульманских странах гомосексуализм был давней традицией, Мухаммед обещает также молодых, прекрасных мальчиков для великих святых.

Это торговая сделка. Оставайтесь искалеченными, неразумными, посредственными, глупыми, — а после смерти получите все.

И никто не знает, что случится после смерти. Никто не возвращался и не рассказывал, что случается после смерти.

Вот так они делают свой баснословный бизнес. Они продают такой товар, который невидим, неосязаем! А взамен они берут всю вашу человечность, всю вашу целостность. Они полностью разрушают вас.

Я говорю: «Приходите, и я поделюсь с вами». Это совершенно иная точка зрения.

Я познал что-то. Я видел что-то. Я пережил что-то. И я могу поделиться с вами этим.

И помните, я не накладываю на вас обязательств, когда делюсь с вами этим; я обязан вам. Ведь когда туча полна дождя, это она оказывается обязанной земле за то, что та принимает ее воду. Я говорю вам: я полон некоего восхищения, некоего блаженства. И здесь нет вопроса торговли о том, что будет после смерти.

Я не обещаю вам ничего в будущем. И я не прошу у вас ничего взамен, мне не нужно даже «спасибо», поскольку это я благодарен вам, что вы разделили что-то со мной.

Моя религия — это религия тех, с кем можно поделиться, а не тех, кто будет следовать за мной. Это — религия любви.

Сама идея следования делает меня больным. Это болезнь. Вам нужно быть самим собой, и когда вы расцветете, вы не будете таким, как я, или Иисус, или Будда.

Вы будете точно таким, каким вы и являетесь: такого, как вы, никогда не было раньше, такого, как вы, никогда не будет снова. Для вас это единственная возможность. Вы неповторимы.

Если вы начинаете следовать кому-либо, вы упускаете великую возможность, которую существование предусмотрело для вас, вы никогда не будете счастливы. Ни один христианин не счастлив, ни один индус не счастлив, ни один буддист не счастлив, они не могут быть счастливыми. Как можно быть счастливым?

Только представьте себе: если цветок розы пытается стать лотосом, лотос пытается стать розой, оба будут потрясюще страдать, поскольку ни роза не может стать лотосом, ни лотос — розой. Самое большее, они могут притворяться. А притворство — это не исполнение, не удовлетворение.

Цветок розы может быть только цветком розы. И это несчастье, когда цветок розы начинает пытаться стать лотосом, его энергия уходит на это усилие стать лотосом. Он никогда не сможет стать лотосом, для этого у него нет потенциала. Он — не лотос, и ему нет нужды становиться лотосом. Если существование хотело бы, чтобы был лотос, был бы лотос. Существованию нужна роза. Пытаясь быть лотосом, роза потеряет свою энергию в бесполезном, безнадежном усилии и, возможно, никогда не сможет быть даже розой.

Откуда она возьмет энергию быть розой, жизненные силы быть розой?

Это одно из важнейших психологических явлений, которое нужно понять: каждая индивидуальность уникальна. Такой индивидуальности никогда не было раньше, такой индивидуальности никогда не будет снова.

Если вы следуете за кем-то, вы предаете существование, поскольку вы предаете свое

собственное сокровенное бытие. Вы предаете ваше цветение.

И почему люди так легко становятся последователями? Почему весь мир следует то за тем, то за другим? И если иногда кто-то насыщается христианством, то становится индуистом; если индуист пресыщается индуизмом, то становится буддистом... но следование за кем-то продолжается.

Шаблон поведения в целом остается тем же. Меняется священное писание, меняется ведущий, но следование, последователь... и весь процесс в целом остается тем же, все тот же разрушительный, самоубийственный процесс.

Я против следования, потому что оно против основного психологического принципа уникальности индивидуума.

Вам следует уделить немного больше внимания слову «индивидуум». Оно означает «неразделимый», то есть тот, которого нельзя разделить. В тот момент, когда вы следуете, вы разделяетесь. Вы есть нечто, и вы пытаетесь стать чем-то еще; вы есть где-то, и вы пытаетесь достичь чего-то еще. Так вы создаете напряжение в своем существе. Отсюда страдания во всем мире.

Моя религия — это не религия следования. Я могу только делиться с вами всем, что случилось со мной. Я не говорю, что то же случится и с вами.

Я просто говорю, что если могу видеть я, то и вы можете видеть. Если могу чувствовать я, то и вы можете чувствовать.

Конечно, вы будете чувствовать по-своему. Рождающаяся поэзия будет вашей поэзией, не моей.

Так что люди, которых вы видите здесь вокруг меня, -это не мои последователи. Я никого не веду.

Эти глупые слова «ведущий», «лидер» очень хороши в политике, но не в религии. В политике, конечно, нужны идиоты. Большой идиот ведет малых идиотов. Но в религии нужна не идиотия, нужно цветение разума. Поэтому вся моя работа заключается, в основном, в том, чтобы поделиться с вами. Она просто... Я хотел бы рассказать вам старую прекрасную притчу.

Львица рождает малыша в стаде овец. Малыш растет среди овец и, естественно, полагает, что он овца. Что еще может делать львенок? Однажды старый лев проходит мимо стада овец и видит — что за чудо: среди стада овец разгуливает прекрасный львенок. И ни овцы не боятся его, ни он своим поведением никак не отличается от них.

Старому льву становится интересно. Он гонится за львенком. С большим трудом он хватает его, поскольку, как и все остальные овцы, львенок спасается бегством. Но наконец лев хватает его. И львенок начинает кричать и плакать, как овца. Старый лев говорит: «Прекрати всю эту чушь!» Он ведет его к ближайшему водоему, тащит его к водоему, заставляет его посмотреться в воду... и неожиданно львенок рычит, как настоящий лев.

Старый лев ничего не делал. Он просто показал львенку его лицо, его настоящее лицо, и тот

осознал, что он лев — что он не овца. Как раз этого осознания и достаточно. Это преобразование. Старый лев совсем ничего не делал. Он не говорил львенку: «Следуй за мной», — или: «Подражай мне», — или: «Эти заповеди — для тебя», — или: «Вот характер, которого ты должен достичь», — или: «Вот принципы», — или: «Вот вещи, которые ты не должен делать». Он не делал ничего такого.

В этом функция Учителя: просто подвести вас настолько близко к его собственному переживанию, чтобы оно совершило в вас открытие.

Неожиданный рев льва... и преобразование — и вы становитесь собой: ни индуистом, ни мусульманином, ни христианином.

Но мир хочет стада, толпы. Он боится индивидуальностей, поскольку каждый подлинный индивидуум обязан быть мятежным, поскольку он будет настаивать на том, чтобы быть самим собой.

Адольфу Гитлеру не нравились индивидуальности, и Иисусу не нравятся индивидуальности.

И странная вещь — даже Иисус не может понять, что он не нравится евреям. Он родился евреем, он жил, как еврей, он умер, как еврей. Запомните, он в своей жизни никогда не слышал слова «христианин». Он не был христианином, поскольку слова «Христос» нет в арамейском языке, на котором он говорил и который был языком его матери. Не было этого слова и на древне-еврейском, который был языком образованных раввинов.

Триста лет спустя после Иисуса, когда Библию переводили на греческий, древне-еврейское слово «мессия» перевели как «Христос». Спустя триста лет слово «Христос» обрело значение, и в честь Христа его последователи, конечно, стали называться христианами.

Но Иисус не был христианином. Его единственное преступление состояло в том, что он был собой, индивидуальностью, пытающейся жить подлинно своей собственной жизнью, не беспокоящейся особенно о традициях. Вот почему евреи и были на него в таком гневе. Они бы полюбили его, они сделали бы его великим раввином; но он шел своим собственным индивидуальным путем, путем нетрадиционным.

Он должен был умереть на кресте просто потому, что настаивал на том, чтобы быть индивидуальностью.

Я удивляюсь, что такой человек, пострадавший от своей индивидуальности, снова совершает ту же ошибку с другими людьми: просит их следовать за ним. Раввины просили Иисуса об этом: «Следуй за нами. Не пытайся быть сам по себе». Они говорили: «Следуй за Авраамом, следуй за Моисеем, следуй за Иезекиилем». Они спрашивали Иисуса: «Кто дал тебе эту власть?» И Иисус говорит: «Я сам себе власть».

Вот так должна говорить индивидуальность: «Я сам себе власть. И я был раньше Авраама». Авраам был затри тысячи лет до Иисуса, а он говорит: «Я раньше Авраама». Он просто утверждает, что не принадлежит традиции, что он цветет в согласии с самим собой.

Но даже сам Иисус не замечает, что совершает ту же ошибку, что и раввины. И, конечно, папы

повторяли эту ошибку.

Если не замечает Иисус, то как можно надеяться, что заметят папы? Они просто слепые последователи.

И они пытаются обратить весь мир в христианство; они не удовлетворены тем, что христиан уже и так много. И что же получилось из этого? Что человек выиграл от этого?

Христиане пролили крови больше, чем кто-либо еще, христиане развязали войн больше, чем кто-либо еще. Христиане избивали людей, безжалостно убивали, сжигали заживо.

И все они следуют за Иисусом!

На самом деле они следуют за теми евреями, которые распяли Иисуса. Они распинали других людей; они распинали каждого, кто проявлял свою индивидуальность.

Мой путь — это не путь следования за кем-либо. Быть последователем — просто болезнь. Быть ведущим — просто болезнь.

Ведущий не уверен в своей подлинной индивидуальности. Ему нужны последователи, поскольку, если они у него есть, он становится более уверенным в своей правоте. Если за ним следует так много людей, то как он может быть неправ? В одиночестве он начинает сомневаться. Когда он один, возникают сомнения. Кто знает, прав он или нет? Ему нужны последователи. Его потребность заключается в том, чтобы у него были последователи. Чем больше вокруг него последователей, тем больше он удовлетворен и доволен. Он знает, что он прав. Иначе, как это столько людей могут следовать за ним? Такая вот логика.

А почему эти последователи идут за ним? Они видят его согласованные друг с другом, властные утверждения, его определенное усилие, отсутствие колебаний. Когда Иисус властно говорит: «Я единственный порожденный сын Божий», — то, естественно, бедные люди... Кто были люди, следовавшие за ним? Думали ли вы когда-нибудь об этом? Двенадцать апостолов — кто были эти люди? Все необразованные: рыбаки, крестьяне, дровосеки, плотники... Только Иуда был немного образован; так он и предал его. Все другие были абсолютно необразованными людьми, бедными людьми, искавшими того, кто мог бы держать их за руку и дать им определенные силы, которых недоставало у них.

Ведущий и последователь чувствуют свой общий тайный сговор. Может быть, бессознательно. Ведущий не осознает, что ему нужны последователи, чтобы чувствовать себя удобно со своей собственной идеей, со своей собственной фантазией. А последователь не осознает, почему он следует за этим человеком. Он следует, потому что ведущий выглядит таким властным, авторитетным, а сам он, последователь, чувствует себя таким колеблющимся, таким сомневающимся, таким неверящим. Он думает, что лучше быть с известным ему человеком. Оба поддерживают друг друга.

Мне не нужны последователи, потому что все, что я знаю, я знаю; я являюсь тем, кем я являюсь.

Даже если весь мир будет против меня, это совершенно меня не беспокоит, не поднимет во мне ни единого вопроса. Для меня весь мир исчез.

Я абсолютно в покое сам с собой и с существованием.

Мне не нужны никакие последователи, и я настаиваю на том, чтобы, зная то или не зная, вы не попадали в эту ловушку — быть последователем, потому что тогда вы не сможете быть подлинно собой, своим индивидуальным цветением.

Коммунизм породил в мире идею о том, что все люди равны, а это абсолютно абсурдно.

Каждый человек так уникален, что не может быть равным никому другому.

Это не означает, что он выше или ниже. Это просто означает уникальность каждого. И нет вопроса о сравнении, сравнения нет.

Роза совершенно прекрасна как роза; лотос совершенно прекрасен как лотос. Трава совершенно прекрасна как трава.

Если удалить с земли человека, то трава, роза, лотос не изменят своей ценности. Они все будут одинаково уникальными. Ветры не будут шевелить их по-другому, солнце не будет по-другому светить им, облака не будут по-другому поливать их дождем.

Это человек со своей глупостью привносит во все идею сравнения, высокого, низкого, а потом и проблему — нет, все равны. Ни один человек не выше другого, ни один человек не ниже другого, ни один человек не равен другому.

Запомните мое третье положение чрезвычайной важности: каждый уникален. И я уважаю эту уникальность...

Как я могу сказать вам: «Придите и следуйте за мной?» Из уважения я могу сказать только: «Придите и разделяйте со мной нечто. Разделяйте мое изобилие».

И красота в том, что чем больше вы разделяете свое внутреннее богатство, тем больше его у вас. Чем больше вы даете, тем больше вы имеете его. Если вы накапливаете, вы теряете его.

Так что никто, достигший внутреннего блаженства, не накапливает его. Накопление убивает. Нужно разделять свое блаженство, абсолютно необходимо разделять его. Только когда его разделяют, оно остается живым и текучим. И все больше его прибывает к вам. Это просто поразительно.

Обыкновенная экономика здесь не работает. Если у вас есть деньги и вы раздаете их людям, конечно, их у вас будет меньше. Это обыкновенная экономика.

Но если у вас есть безмолвие, покой, любовь, радость, восторг — раздайте их и посмотрите, что случится. Чем больше вы раздаете это, тем больше существование изливает это в вас.

Итак, вы ничем не обязаны мне, это я обязан вам.

Бхагаван, Верите ли вы в Бога?

Я не верю в верование. Прежде всего нужно понять это...

Никто не спрашивает меня: «Верите ли вы в Солнце? Верите ли вы в Луну?» Никто не задает мне такого вопроса. Я встречался с миллионом людей и в течение тридцати лет отвечал на тысячи вопросов.

Никто не спрашивает меня: «Верите ли вы в цветок розы?» В этом нет необходимости. Вы видите; цветок розы или есть, или его нет.

Только фантазии, вымыслы, не факты, нуждаются в веровании.

Бог — это величайшая фантазия, созданная человеком. Следовательно, вы должны верить в Него.

А почему человек вынужден был создать этот вымысел - Бога? Для этого должна быть внутренняя потребность... У меня нет этой потребности, поэтому нет и вопроса. Но позвольте мне объяснить вам, почему люди верят в Бога.

То существенное, что необходимо понять о человеческом уме, заключается в том, что ум человека всегда в поиске какого-нибудь смысла жизни.

Если смысла нет, то внезапно вы задумываетесь: что же вы делаете здесь? Зачем вы живете? Зачем вы дышите? Зачем завтра утром вы снова должны вставать и погружаться в ту же самую рутину? Чай, завтрак, та же жена, те же дети, тот же неискренний поцелуй жене, то же учреждение и та же работа; и наступает вечер, и скука, предельная скука, вы возвращаетесь домой... Зачем постоянно делать все это?

Ум задает вопрос: есть ли смысл во всем этом или вы просто живете, как растение?

Итак, человек все время искал смысл всех явлений. Он создал Бога как вымысел для удовлетворения своей потребности в смысле.

Без Бога мир становится случайным. Он больше не создание мудрого Бога, который создал его для вашего роста, для вашего развития или для чего-нибудь еще. Без Бога... удалите Бога, и мир становится случайным, бессмысленным. А ум внутренне не способен жить без смысла. Поэтому он создает все виды вымыслов: Бог, нирвана, небеса, рай, другая жизнь после смерти — и создает целую систему. Но это — вымысел для удовлетворения определенной психологической потребности.

Я не могу сказать: «Бог есть». Я не могу сказать: «Бога нет». Для меня этот вопрос не относится к делу. Это вымышленное явление. Моя работа совершенно иная.

Моя работа заключается в том, чтобы сделать ваш ум настолько зрелым, чтобы вы могли жить без смысла жизни, и при этом жить прекрасно.

В чем смысл розы или облака, проплывающего в небесах? Смысла нет, но какая потрясающая красота! Смысла нет. Река все время течет, и она дает так много радости, что смысла не нужно.

И если бы человек мог жить, не спрашивая о смысле, жить от мгновения к мгновению, прекрасно, блаженно, без всякого объяснения... Достаточно просто дышать. Зачем вы спрашиваете, для чего жить? Зачем вы делаете жизнь такой деловой?

Разве не достаточно любви? Нужно ли спрашивать, в чем смысл любви?

И если нет смысла в любви, тогда, конечно, ваша жизнь становится безлюбовной. Вы задаете неправильный вопрос. Любовь достаточна сама по себе; ей не нужен никакой другой смысл, чтобы сделать ее прекрасной, радостной. Птицы поют по утрам... в чем тут смысл?

По мне, все существование бессмысленно. И чем больше я становился безмолвным, настроенным на существование, тем яснее становилось, что нет нужды в смысле. Достаточно того, что есть.

Не создавайте фантазий. Когда вы создаете один вымысел, вы обязаны создать для поддержания его еще тысячу и один вымысел, ведь в реальности он не имеет поддержки.

Например, есть религии, которые верят в Бога, и есть религии, которые в Бога не верят. Так что Бог не является необходимостью для религии.

Буддизм не верит в Бога. Джайнизм не верит в Бога. Так что постарайтесь понять, поскольку на Западе это проблема. Вы знаете только три религии, основанные на иудаизме: христианство, иудаизм, ислам. Эти три религии верят в Бога. Поэтому вы не осознаете Будду. Он никогда не верил в Бога.

Я вспоминаю о Г. Дж. Уэллсе, о его утверждении по поводу Гаутамы Будды. Он сказал: «Он — самая безбожная личность и, в то же время, самая божественная». Безбожная личность и божественная? Вы думаете, здесь есть какое-нибудь противоречие? Противоречия нет. Будда никогда не верил в Бога, в этом не было необходимости. Он был так предельно завершен, что вся его завершенность становилась благоуханием вокруг него. Махавира тоже никогда не верил в Бога, а его жизнь была так божественна, как это только возможно.

Поэтому, когда я говорю, что Бог — это вымысел, пожалуйста, не поймите меня неправильно. Бог — это вымысел, но божественность — не вымысел; это качество, свойство. «Бог» — это личность... как личность — это вымысел.

Нет Бога, сидящего на небесах, создающего мир. И вы думаете, это Бог создает всю эту кутерьму, называемую миром? Тогда что же остается для дьявола?

Если кто-то создал этот мир, то это должен был быть дьявол, а не Бог.

Но вымысел — старый вымысел, повторенный миллионы раз, — начинает обретать реальность сам по себе. Он был повторен так много раз, что невозможно даже спросить, что за мир создал Бог, что за человека создал Бог? Это сумасшедшее человечество...

За три тысячи лет человек вел пять тысяч войн. Это творение Бога?

И человек все еще готовится к тотальной, самоубийственной, окончательной войне. «Бог» — за всем этим.

И какие еще глупые вымыслы могут стать реальностью, если вы верите в них! «Бог» создал мир — христиане думают, что это было в точности за четыре тысячи четыре года до Иисуса Христа. Конечно, это должно было быть в понедельник утром, первого января, я полагаю, потому что так

говорит Библия. Теперь имеются свидетельства, тысяча и одно свидетельство, что эта земля насчитывает миллионы лет. Найдены погребенные в земле останки животных возрастом в миллионы лет и даже окаменелые тела людей возрастом в тысячи лет. Но что сказал по этому поводу последний папа? Он сказал: «Мир создан в точности так, как сказано в Библии». Четыре тысячи и четыре года до Иисуса? Это значит шесть тысяч лет назад. Все свидетельства противоречат этому.

В Индии найдены города, имеющие возраст семь тысяч лет. В Индии имеются Веды, которым, по крайней мере, десять тысяч лет согласно самым научным подходам. Согласно индуизму им девяносто тысяч лет, поскольку в Ведах есть упоминание об определенном положении звезд, которое было девяносто тысяч лет назад. Как это могло быть описано в Ведах, если им не девяносто тысяч лет?

Но что сказал последний папа? Он сказал: «Бог создал мир со всеми этими вещами. Для Него все возможно, Он создал мир за четыре тысячи и четыре года до Иисуса вместе с телами животных, которые выглядят на миллионы лет».

Все возможно для «Бога». Один вымысел, затем вы должны поддерживать его другим вымыслом, так можно дойти до абсурда. И зачем? Снова и снова человек задает этот вопрос.

За этим был простой, очень простой аргумент. Вы видите глиняный горшок. Вы знаете, что он не мог быть создан сам по себе; должен был быть горшечник. Это был простой аргумент для всех этих религий: даже если единственный глиняный горшок не может быть создан сам по себе и для его создания нужен горшечник, то и эта огромная вселенная нуждается в создателе. И это удовлетворило простой человеческий ум. Но это не может удовлетворить изощренный, рациональный ум.

Если вы говорите, что вселенная для своего создания нуждается в Боге, то обязан возникнуть вопрос: «Кто создал Бога?» И тогда вы приходите к абсурду. Тогда Бог номер один создается Богом номер два, а Бог номер два создается Богом номер три, а Бог номер три — Богом номер четыре, и так далее без конца. Я не хочу быть таким абсурдным. Лучше остановиться на первом вымысле. Иначе вы будете сеять семена для других вымыслов.

Я говорю, что существование достаточно само по себе, ему не нужен творец. Оно само творит.

Так что вместо того, чтобы спрашивать меня, верю ли я в создателя, вы бы спросили, в чем моя замена Богу-создателю? Моя замена — вездесущая энергия созидания.

И по-моему, быть созидательным — самое важное религиозное качество.

Если вы создаете песню, если вы создаете музыку, если вы создаете сад, вы религиозны.

Ходить в церковь глупо, но создавать сад — потрясающая религия.

Вот почему в моей общине работа называется «поклонением». Иначе мы не молимся. Мы молимся только путем созидания чего-либо.

По-моему, созидание — вот Бог. Но будет лучше, если вы позволите мне заменить слово «Бог»

на «божественность», поскольку я не хочу быть понятым неправильно.

Нет личности Бога, но есть потрясающая энергия - распространяющаяся, никогда не кончающаяся, расширяющаяся. Эта распространяющаяся, никогда не кончающаяся, расширяющаяся энергия, энергия созидания, и есть божественное.

Я знаю это; я не верю в это. Я испытал это; я не верю в это.

Я прикоснулся к этому. Я дышал этим. Я познал это глубочайшей сердцевиной моего существа; и этого так же много в вас, как и во мне.

Просто посмотрите вовнутрь, небольшой поворот на сто восемьдесят градусов — и вы осознаете истину. Тогда вы не спросите о вере.

Только слепые люди верят в свет. Те, у кого есть глаза... они не верят в свет; они просто видят его.

Я не хочу, чтобы вы верили во все, что угодно, я хочу, чтобы у вас были глаза, и если есть глаза, то зачем удовлетворяться верой и оставаться слепым?

И вы не слепые. Может быть, вы лишь держите свои глаза закрытыми. Может быть, никто не сказал вам, что можно открыть глаза. Поэтому вы живете в темноте и из темноты спрашиваете: «Есть ли свет?»

Я вспоминаю небольшую историю из жизни Будды. К Гаутаме Будде привели слепого, но очень логического человека. Он был так логичен, что его деревня и все мудрецы из его деревни полностью пресытились его логикой. Они не могли доказать ему, что свет существует. Вся деревня знала; каждый видел свет, только слепой логик не мог видеть его. Но он был очень логическим человеком. Он сказал: «Всего, что существует, можно коснуться. Принесите свет, я хотел бы коснуться его. Все, что существует, я могу ударить чем-нибудь, и оно издаст звук. Дайте мне послушать звук вашего света, по которому ударили чем-нибудь. Если он имеет какой-нибудь запах, поднесите его к моему носу, я понюхаю его. Если у него есть какой-нибудь вкус, я попробую его. Эти четыре чувства при мне».

Но нельзя испытать вкус света, нельзя извлечь из него звук, нельзя ощутить его запах, нельзя прикоснуться к нему. И слепой логик смеялся, бывало, и говорил: «Вы просто хотите доказать, что я слеп, и поэтому выдумали эту фантазию о свете. Света нет. Все вы слепы, как и я; вы дурачите самих себя».

Рядом с этой деревней проходил Будда, и жители подумали: «Вот прекрасная возможность; приведем этого логика к Гаутаме Будде, может быть, он сможет помочь».

Будда выслушал всю историю и сказал: «Этот слепой человек прав, а вы все неправы, потому что ему не нужна аргументация; ему нужно лекарство, чтобы вылечить глаза. И вы привели его не к тому человеку. Отведите его к врачу».

У Будды был свой собственный личный врач, предоставленный великим царем Бимбисарой для заботы о теле Будды. Поэтому Будда сказал: «Вам не нужно ходить далеко, чтобы найти

великого врача. Такой есть со мной. Можете показать ему этого слепого». И он оставил врача в этой деревне, а сам пошел дальше. Через три месяца глаза слепого открылись. Он не был по-настоящему слепым — лишь небольшое заболевание; небольшая тонкая пелена закрывала ему видение. Пелена была удалена. Человек пустился в пляс. Он упал к ногам Будды и сказал: «Если бы они не привели меня к вам, вся моя жизнь прошла бы в спорах против света. И они не смогли бы доказать его существования».

Божественность — это не то, что могут доказать или опровергнуть документы. Это то, что вы можете пережить.

Вы удивитесь, узнав, что слово «лекарство» (англ. medicine) и слово «медитация» происходят от одного корня. Лекарство вылечивает тело, медитация вылечивает вашу внутреннюю сущность; это внутреннее лекарство.

Я переживал божественность повсюду, поскольку ничего другого не существует. Но Бога нет.

И если вы хотите пережить божественность... просто еще немного медитации, еще немного продвижения в состояние без мыслей, в состояние осознания.

Когда ваша осознанность присутствует, а мысли начинают опадать, как листья в листопад, и когда остается только осознанность и нет ни одной мысли, тогда вы ощутите на языке вкус, самый вкус того, о чем я говорю.

А если вы не ощутили вкус, не верьте мне; не верьте никому, потому что вера может стать нищетой. Вы можете удовлетвориться этой верой и никогда не попробовать самостоятельно.

Как раз вчера я слышал... Шила сказала мне, что президент Рейган хочет ввести минуту молчания в каждой школе, колледже и институте. Идея великая, но я не знаю, понимает ли Рейган, что это означает — одна минута молчания, одна минута безмолвия. Он, должно быть, предполагает просто одну минуту сохранения тишины, отсутствия разговоров. Отсутствие разговоров — это не безмолвие. Вы можете не разговаривать, вы можете не произносить ни звука, но внутри вас бежит тысяча и одна мысль. Это постоянный поток мыслей, изо дня в день.

Я хотел бы посоветовать президенту Рейгану сначала попробовать провести одну минуту безмолвия.

Это означает, что в течение одной минуты ни единая мысль не движется по экрану вашего сознания.

Это не просто. Это одно из самых трудных дел в мире. Но это может случиться, если вы постоянно пытаетесь.

И если это происходит в течение одной минуты, этого достаточно. Если в течение одной минуты вы можете находиться в состоянии, когда ни единая мысль не движется... Это была работа всей моей жизни: научить людей, как быть молчаливыми, безмолвными.

Люди пытались, держа рядом с собой часы: даже двадцати секунд — одна минута слишком много — даже двадцати секунд они не могли оставаться без мыслей. Одна мысль за другой,

бегут... И даже если они могут оставаться без мыслей в течение двадцати секунд, то приходит мысль: «Ага! Двадцать секунд!» Кончено — пришла мысль.

Если вы можете быть в безмолвии одну минуту, вы постигли искусство. Тогда вы сможете быть в безмолвии две минуты, поскольку это одно и то же. Вторая минута не отличается от первой. Вы можете быть в безмолвии три минуты; все минуты одинаковы.

Когда вы знаете путь... а этот путь — не то, о чем можно рассказать; вы должны просто сидеть с закрытыми глазами и начать наблюдать свои мысли. Вначале будет великая суматоха, как в час пик, но постепенно вы отыщете улицу, где толпа будет все меньше и меньше; где будет меньше машин, меньше мыслей, меньше людей, просветы становятся больше.

Если продолжать терпеливо, то через три месяца можно достичь определенной способности к одной минуте безмолвия.

Я не знаю, пытался ли когда-нибудь президент Рейган, поскольку всякий человек, способный вкусить безмолвие, не будет пытаться быть президентом страны, не может быть политиком. Это не для медитирующих, это для посредственностей. Это для дураков и идиотов всех сортов.

Я слышал: до того как Рейган стал президентом, у него была обезьяна... Я просто слышал, я не знаю, так это или нет. В тот день, когда Рональд Рейган был избран президентом, один из моих американских санньясинов принес мне фотографию Рональда Рейгана со своей обезьяной и сказал: «Рейган сегодня объявлен президентом, ваши комментарии?»

Я долго смотрел на фотографию. Санньясин казался озадаченным и спросил: «В чем дело? Что вы рассматриваете на этой фотографии?»

Я сказал ему: «Я не могу сообразить, кто здесь Рейган, а кто обезьяна. Который из этих двух парней избран президентом?»

Он рассмеялся и показал мне Рейгана, а я все еще помню свой комментарий: «Было бы лучше, если бы выбрали обезьяну».

Конечно, тогда Кремль незамедлительно последовал бы этому примеру и выбрал бы обезьяну в качестве премьер-министра. Они не могут допустить, чтобы Америка была впереди них. В одном можно быть уверенным абсолютно: с обезьяной в Белом Доме и с обезьяной в Кремле мир был бы спасен от третьей мировой войны, которая собирается разрушить все человечество и всю жизнь на земле.

Политики — это обезьяны. На самом деле, обезьяны должны извинить меня — политики хуже. Но идея хорошая; иногда даже в обезьяний ум может прийти хорошая идея. Но если Рейган действительно имеет в виду минуту безмолвия, я мог бы предоставить людей, которые учили бы, как быть безмолвным, в каждом университете, в каждом колледже, в каждой школе. Я могу послать моих санньясинов по всей Америке учить безмолвию.

Беседа 3

БОЖЕСТВЕННОСТЬ СУЩЕСТВУЕТ, НО НЕТ НИКАКОГО БОГА

1 ноября 1984 года

Бхагаван, Если никакого Бога нет, то почему вас называют Бхагаван?

Никакого Бога нет, но это не означает, что я атеист. Я, конечно же, не теист: я говорю, что Бога нет, но это не означает прыжка в противоположность, к атеизму.

Атеист тоже говорит, что Бога нет, но когда я говорю, что Бога нет, и атеисты, такие, как Чарвака, Карл Маркс, Ленин, Эпикур... Когда эти люди говорят, что Бога нет, есть огромная разница между моим и их утверждениями — сами утверждения абсолютно одинаковы, — потому что я в тот же момент говорю, что есть божественность.

Чарвака не будет согласен с такой точкой зрения; Эпикур, Маркс и другие атеисты не будут согласны с этим. Для них отрицание Бога означает отрицание сознания. Для них отрицание Бога означает то, что мир просто материален и ничего более, а то, что вы видите как сознание, всего лишь побочный продукт определенной материи, скомпонованной особым образом, просто побочный продукт. Разделите материю на части, и побочный продукт исчезнет.

Это в точности как воловья повозка: снимайте колеса, убирайте другие части и каждый раз, снимая колеса, спрашивайте: «Это воловья повозка?» Конечно, каждый раз ответ будет: «Нет». Никакая часть не является целым. Вы можете мало-помалу снять все части и устранить целое, и ни единая часть не окажется воловьей повозкой. И в конце вас могут спросить: «Где же воловья повозка? Ее ведь не удаляли; ни в один из моментов вы не сказали, что удалена воловья повозка».

«Воловья повозка» была лишь комбинацией. Она не имела своего собственного существования, она была лишь побочным продуктом. Вот что имеет в виду Карл Маркс, когда говорит, что сознание является надстройкой: снимите тело, удалите мозг, снимите все, что составляет тело человека, — и вы не найдете ничего, похожего на сознание. И когда вы сняли все, за всем этим не останется сознания; оно было только комбинацией. Вы разобрали комбинацию на части.

Поэтому, когда я говорю, что Бога нет, я не нахожусь в согласии с Марксом или Эпикуром. Я, конечно, не соглашаюсь и с Иисусом, Кришной, Моисеем, Мухаммедом, когда они говорят, что Бог есть, поскольку они используют Бога как личность. Но думать о Боге, как о личности, — это просто ваше воображение. Бог китайцев имеет китайское лицо. Бог негров — лицо негра. Бог евреев, конечно, имеет еврейский нос; и не может быть иначе. И если лошади думают о Боге, то их Бог будет лошадь. Так что это просто ваша проекция. Придавать Богу черты личности — ваше проецирование.

Когда я говорю, что Бога нет, я отрицаю личность Бога.

Я говорю, что Бога нет, но есть потрясающая божественность.

Это неперсонализированная чистая энергия. Навязывать ей какую-нибудь форму мерзко. Вы навязываете ей себя.

Иисус называет Бога «отцом». У Иисуса, должно быть, была определенная идея, означающая «отца»; он навязывает Богу некоторую идею. В Индии есть религии, которые верят не в Бога-

отца, а в Богиню-мать. Статуя их Бога имеет вид женщины, самой прекрасной женщины, которую они могли себе представить, но это индусская женщина. Столетия прошли, религии рождались, умирали, исчезали. Их Боги, естественно, исчезли.

В Индии есть место, Мохандждодро... оно оказалось самым древним городом в мире. В Мохандждодро есть семь слоев. Похоже, что цивилизация вынуждена была сталкиваться с одним и тем же бедствием семь раз. Когда был обнаружен первый слой, то подумали, что это все: Мохандждодро найден. Было определено, что ему семь тысяч лет. Но еще немного раскопок, и обнаружен другой город, ниже первого, которому, должно быть, было десять тысяч лет. Затем работы продолжались. Люди, работавшие на раскопках, продолжали копать, и город за городом... Семь городов было найдено в Мохандждодро. Седьмому было, по крайней мере, двадцать тысяч лет. У них были храмы, у них были статуи Бога. Те цивилизации исчезли, исчезли их религии, исчезли их Боги.

Христианский Бог исчезнет в тот момент, когда исчезнет христианство. Индуистские Боги исчезнут в тот момент, когда исчезнет индуизм. Вы понимаете, что я имею в виду, говоря это? Это ваша проекция. Если вы проецируете его, Бог есть. Если вы не проецируете, если нет того, кто проецирует. Бог исчезает.

Я не на стороне таких Богов, которые порождаются проецированием крошечного человеческого ума. И конечно же, крошечный человеческий ум ограниченно придает Богу только те свойства, которые являются его свойствами.

Бог евреев в Талмуде говорит: «Я сердитый Бог. Я не хороший; я не ваш дядюшка». И для евреев это имеет совершенно ясное значение. Но для индуса Бог, говорящий: «Я сердитый Бог», — абсолютная чепуха. Гнев и Бог? Они не пересекаются. Еврейский Бог гневлив; это очень по-еврейски, очень по-человечески. И если вы не поклоняетесь ему, если вы против него, он уничтожит вас. Он разрушил два города, потому что сексуальное поведение людей в этих двух городах было извращенным, а он был очень настроен против этого. Содом и Гоморра — эти два города он полностью разрушил.

Для индуса такое действие не может быть привлекательным, для него это невозможно. Это не будет привлекательным для мусульманина, потому что мусульманин каждый день молится: «Боже милосердный...» Милосердие — самое сокровенное свойство, которое он проецирует в Бога. Бог может быть только милосердным, ничего другого. Мусульманин молится, зная, что просто признание греха уже является достаточным, поскольку Бог милосерден. Вы будете прощены.

Омар Хайям, один из великих поэтов персидской литературы, говорит: «Не запрещайте мне пить вино, наслаждаться женщинами, ведь Бог милосерден. Не говорите, что я совершаю грех, дайте мне совершить столько грехов, сколько я смогу. Его милосердие намного больше всех моих грехов, собранных вместе. Прекратить определенное дело из страха быть наказанным Богом — значит не верить в его милосердие». Вот иная позиция, — но все это человеческие позиции.

Поэтому, когда я говорю, что Бога нет, я говорю, что нет личности Бога; вся личностность Бога — это человеческая фантазия.

Я хочу, чтобы вы отбросили личность и позволили Богу быть свободным, свободным от оков личности, которые вы навязываете Ему.

Я не атеист. Для меня вся вселенная наполнена энергией Бога и ничем другим.

Вы должны понять одну очень фундаментальную вещь. Мир состоит из глаголов — не из существительных.

Существительные — это человеческие изобретения, необходимые, но человеческие изобретения. Но существование состоит из глаголов, только из глаголов, а не из существительных и местоимений... Вглядитесь в это. Вы смотрите на цветок, на розу. Назвать ее «цветок» неправильно, поскольку она не прекратила «цветения». Она еще цветет; это глагол, это течение. Назвав ее цветком, вы сделали ее существительным. Вы видите речку. Вы называете ее «речка» — тем самым вы сделали ее существительным. Но это «речкование». Для существования более точно будет называть ее «речкованием», течением. Все в изменении, в течении. Ребенок становится юношей; юноша становится взрослым; жизнь переходит в смерть; смерть переходит в жизнь.

Все находится в непрерывном, постоянном изменении; это непрерывность. Остановка, полная остановка, не наступает никогда. Она происходит только в языке.

В существовании нет полной остановки.

Вы помните, когда перестали быть ребенком? Когда, в какой точке наступила остановка и вы стали юношей? Нет такого места, нет демаркационной линии, нет полной остановки.

Ребенок еще течет в вас.

Если вы закроете глаза и посмотрите внутрь себя, вы обнаружите, что все, что было, еще есть, течет. Вы накапливали больше и больше, но все, что было, еще есть. Река становится большой, в нее вливаются новые ручейки, но исток все еще есть.

Если вы видели Ганг в Индии, одну из самых красивых рек, вы сможете понять это. Место, где она возникает, такое крошечное, что его накрывает лик коровы — конечно, камень, камень, сделанный в виде лика коровы. Через этот коровий лик ниспадает Ганг, начинающий свое путешествие... такой маленький. А когда вы видите его вблизи океана, когда он достигает места встречи с океаном, он сам выглядит, как океан... такой огромный. Но тот маленький поток, падающий в Ганготри, там, далеко, за тысячу миль в Гималаях, из каменного рта коровы, — тот поток еще есть. Так много рек впало в него, сделало его большим, как океан. А поток все еще жив. Даже когда он впадет в океан, он останется жить, он будет продолжать движение. Возможно, он станет облаком; возможно, он снова прольется дождем. Он будет продолжаться и продолжаться. Существование продолжается и продолжается; оно никогда не останавливается. Нет периода покоя. Нет места, где вы могли бы отметить, что что-то подошло к своему концу. Ничто не подходит к своему концу.

Нельзя найти начала, нельзя найти конца. Это всегда продолжающийся процесс.

Когда вы говорите «Бог», вы используете имя существительное, нечто статичное, мертвое.

Когда я говорю «божественность», я обозначаю этим словом нечто живое, текущее, движущееся.

Вот эти позиции должны быть ясны вам. Я не теист, как Иисус, или Мухаммед, или Кришна, поскольку не могу согласиться с мертвым богом.

Мне вспомнилось об одном из моих профессоров. Это очень хороший человек — профессор С.С.Рой. Сейчас он ушел на пенсию с поста декана философского факультета в Алла-хабдском университете. В первый день, когда я пришел к нему на занятия, он объяснял концепцию «абсолюта». Он был крупным специалистом по Брэдли и Шанкаре. Оба они верили в «абсолют» — это было их именем для Бога.

Я спросил его одну вещь, которая очень сблизила меня с ним впоследствии, и он открыл мне целиком свое сердце. Я просто спросил: «Совершенен ли ваш «абсолют»? Дошел ли он до полной остановки? Или он все еще растет? Если он все еще растет, тогда это не абсолют, он несовершенен — и только тогда он может расти. Если что-то еще возможно, еще побольше ветвей, еще побольше цветов — тогда он жив. Если он завершен, полностью завершен — в этом значении слова «абсолют», — тогда нет возможности для роста, тогда он мертв». Поэтому я спросил его: «Поясните, ведь для Брэдли и Шанкары «абсолют» представляет «Бога». Это их философское имя для Бога. Жив или мертв ваш Бог? Вы должны ответить на этот вопрос».

Он был действительно честным человеком. Он сказал:

«Пожалуйста, дайте мне время подумать». Он имел докторскую степень по Брэдли из Оксфорда и докторскую степень по Шанкаре из Бенареса и считался крупнейшим специалистом по этим двум философам, поскольку пытался доказать, что Брэдли с Запада и Шанкара с Востока пришли к одному и тому же заключению. Он сказал: «Пожалуйста, дайте мне время подумать».

Я сказал: «Всю свою жизнь вы писали о Брэдли и Шанкаре и об «абсолюте». Я прочитал ваши книги, я прочитал ваши неопубликованные тезисы. И вы преподавали здесь всю свою жизнь — разве никто не задавал вам такой простой вопрос?»

Он сказал: «Никто не спрашивал меня; и не только это, я сам никогда не думал об этом: ведь точно, если что-то совершенно, то оно должно быть мертво. Все живое должно быть несовершенно. Эта идея никогда не приходила мне в голову. Поэтому, пожалуйста, дайте мне время».

Я сказал: «Вы можете располагать таким временем, каким захотите. Я буду приходить каждый день и задавать тот же вопрос». И так продолжалось пять, шесть дней. Каждый день я упорно приходил на занятия, он кивал, и я поднимался и говорил: «Мой вопрос».

И он сказал: «Пожалуйста, простите меня. Я не могу решить. Оба подхода одинаково трудны. Я не могу сказать, что Бог несовершенен; я не могу сказать, что Бог мертв. Но вы завоевали мое сердце».

Он перенес мои вещи из общежития в свой дом. Он сказал:

«Достаточно, вы не можете жить в общежитии. Вы должны жить с моей семьей, со мной. Я многому могу научиться от вас, поскольку такой простой вопрос никогда не приходил мне в

голову. Вы перечеркнули все мои степени».

Я жил с ним почти шесть месяцев, пока он не перевелся в другой университет. Он хотел перевести с собой и меня, но мой заместитель декана отказал. Он сказал: «Профессор Рой, вы можете ехать. Профессора приходят и уходят, но мы не сможем найти другого такого студента. Поэтому я не собираюсь отдавать ему его документы и не собираюсь разрешать ему покинуть университет. И я напишу в ваш университет, куда вы направляетесь, что моего студента не следует принимать туда».

Но он продолжал любить меня. Это редкое явление: он почти каждый месяц приезжал из своего университета повидаться со мной, почти за две тысячи миль от моего университета. Но он, по крайней мере, раз в месяц упорно приезжал повидаться со мной, просто посидеть со мной. Он сказал мне:

«Сейчас я получаю более высокую плату, и там все более удобно, но я скучаю без вас. Занятия кажутся мертвыми. Никто, как вы, не задает таких вопросов, на которые нельзя ответить».

Я сказал ему: «Это соглашение между вами и мной, что я могу называть вопросом только тот вопрос, на который нельзя ответить. Если на него можно ответить, что же это за вопрос?»

Бог совершенный, абсолютный, всемогущий, вездесущий, всеведущий — эти слова использовались всеми религиями для Бога — мертв, не может жить, не может дышать. Нет, я отвергаю такого Бога, поскольку с таким мертвым богом будет мертва и вся вселенная.

Божественность — это совершенно иное измерение.

Тогда и зелень дерева, и цветение розы, и полет птицы - все является частью ее.

Тогда Бог не отделен от вселенной. Тогда Он — сама душа вселенной.

Тогда вселенная вибрирует, пульсирует, дышит... божественностью.

Поэтому я не атеист, но я и не теист. Имеется также третий термин — «агностик». Сократ, Бертран Рассел, люди, подобные им, — агностики. Агностик — это тот, кто говорит: «Я не знаю, есть Бог или его нет».

Эти агностики, по крайней мере, более честные, чем ваши так называемые теисты в церквях, синагогах, храмах, мечетях — все обманщики и лицемеры, не знающие, что есть Бог, и все же поклоняющиеся ему. Их сердца пусты, их молитвы ложны, они не осознают, что говорят и делают. Они просто подражают своим предкам; они просто куклы в руках традиции.

Они загипнотизированы своим обществом, культурой, цивилизацией; они обусловлены преподавателями, священниками, родителями. То, что они говорят, — не их собственное, оно заимствовано.

Мне вспомнился один из моих друзей. Он был средним человеческим существом, я имею в виду — просто идиотом. Все студенты постоянно говорили о девушках, о том и о другом, они спрашивали и его, — а он был очень трусливым, нервным... Вы не можете понять индийских условий. Даже в университете девушки и юноши сидят отдельно. Они не могут открыто

разговаривать, они не могут открыто встречаться... Но его сердце билось; наступал соответствующий возраст. Однажды он пришел ко мне, поскольку он думал, что я был единственным человеком, который никогда не смеялся над ним, который никогда не шутил по поводу его нервности, по поводу того, что, увидев девушку, он начинает дрожать — на самом деле дрожать, можно было видеть его трясущуюся пижаму — и покрываться потом. Даже зимой в холод он покрывался потом.

Он пришел ко мне, закрыл дверь и сказал: «Только ты можешь помочь мне. Что мне делать? Я хотел бы полюбить девушку, но я не могу сказать девушке даже одного слова. Внезапно я теряю голос, начинаю дрожать и покрываться потом». Поэтому я должен был подготовить его.

Я знал девушку из моего класса и сказал ей: «Ты должна немного помочь этому бедному человеку. Поэтому будь немного доброй и сострадательной и, когда он покрывается потом, не обращай внимания. Лучше ты скажи: «Люди говорят, что ты начинаешь потеть, когда видишь девушку, но сейчас ты не потеешь, а я девушка, ты не забыл, и ты не трясешься...» Он будет трястись, но ты должна говорить: «Ты не трясешься».

Я писал для него любовные письма, а он посылал их. Девушка была подготовлена мной, и поскольку я просил ее, она отвечала ему. Она отвечала на письма, и он бежал ко мне показать ответы. Он был так счастлив этими письмами. И наконец я сказал ему: «Теперь надо начать самому. Как долго буду я писать за тебя эти письма? И знаешь, то ее письмо написал тоже я... потому что девушка говорит: «Я не люблю его, как я могу писать? Поэтому напиши, пожалуйста, и это!» И она показывает мне твое письмо, а ты показываешь мне ее письмо, и я один пишу оба письма!»

Это фальшивое дело, это любовное приключение... но именно это и происходит во всех синагогах, храмах, церквях.

Ваши молитвы написаны кем-то другим, возможно, тысячи лет назад. Они не являются частью вашего существа; они не возникли в вас. Они не несут никакой вашей любви. Они не хранят биения вашего сердца.

Вы не знаете, к кому адресуетесь, существует ли кто-нибудь на другой стороне или нет. В той же самой книге, откуда вы взяли молитву, написано: «Он существует».

Это порочный круг. Одна и та же книга говорит, что Бог есть, одна и та же книга дает вам молитву, одна и та же книга говорит, что если вы совершите эту молитву, то получите ответ.

И если вы по-настоящему загипнотизированы, — а загипнотизированы миллионы, почти все, — вы начнете принимать ответ, один и тот же ответ.

Индус принимает не тот ответ, что христианин. Странно — никогда не возникает ни единой ошибки? Христианин получает христианский ответ. Вопрос заимствуется, ответ заимствуется; молитва — чья-то чужая, ответ — чей-то чужой; и вы участвуете в этом фальшивом любовном приключении. Может ли это удовлетворить вас? Какое удовлетворение здесь возможно?

Агностики, по крайней мере, много честнее вашего так называемого теиста и честнее также вашего так называемого атеиста, поскольку эти атеисты не предпринимают никаких усилий для

поиска и после этого говорят: «Бога нет». Они прочитали это у Эпикура, они прочитали это у Карла Маркса. Но и сам Карл Маркс не предпринял никаких усилий обнаружить, существует ли Бог на самом деле или нет, есть ли в этом что-нибудь или все это вымысел. Нет, он заимствовал у других атеистов, у Эпикура, у Дидро.

Теперь весь коммунистический мир, занимающий почти полмира: Советская Россия, Югославия, Чехословакия, половина Германии, Польша, Китай, Вьетнам, Корея... Теперь почти полмира атеистов. Вы что думаете, эти люди искали Бога? Они все были теистами, как и другие люди. Россия была одним из оплотов христианства, самого ортодоксального христианства в мире. Русская церковь была гораздо более ортодоксальной, чем Ватикан. Что случилось со всеми теми христианами? Они просто исчезли. Они исчезли, как капли росы под ранним утренним солнцем, не оставив даже следов. Они были фальшивыми. И то, что они восприняли сейчас, снова фальшь. Тогда это были церковь и царь, правительство, могущественные люди, которые навязывали свою веру, а они верили. Теперь это коммунистическая партия, коммунистический президиум, которые навязывают идею, что Бога нет. Каждого маленького ребенка учат, что Бога нет.

Один из моих друзей, Рахул Санскритайяна, отправился в Россию преподавать санскрит. Там он влюбился и женился на русской женщине. Но когда срок его пребывания закончился, его жене и двум детям не разрешили поехать с ним в Индию. Он был совершенно разбит, когда вернулся назад. Он говорил:

«Они испортили мне всю жизнь».

Я спросил: «Почему они не разрешили?»

Он сказал: «По простой причине. Мой ребенок учит в школе, что Бога нет, что религия — это опиум для народа, а я религиозный человек».

Он был буддийским монахом, а его жена была атеисткой. И жена, и дети, и все общество, и другие профессора в университете — все они пытались сделать из него атеиста. И правительство не разрешило его жене и детям поехать с ним:

«Поскольку в Индии они испортятся; их умы снова наполнятся тем опиумом, что Бог, якобы, есть. Мы не можем допустить этого».

И он рассказал мне очень странную вещь, которую позднее подтвердили другие друзья, вернувшиеся из России: у них есть много всяких обществ для маленьких детей, школьников. У них есть юношеская коммунистическая лига, которая шпионит за родителями и доносит коммунистической партии, что они делают, поскольку людей из заграницы подозревают, что они теисты, что они молятся. Поэтому его маленькие дети действуют как детективы. Они донесли в учреждение коммунистической партии: «Наш отец молится. У него за книжным шкафом спрятана статуя Будды». И люди коммунистической партии пришли и обнаружили единственное сокровище буддийского монаха, маленькую статую, которую его Учитель подарил ему, точно в том месте, на которое указал ребенок, иначе они не могли бы узнать, что она спрятана за книгами.

Жены шпионят за мужьями, у жен есть своя коммунистическая лига. Мужья шпионят за женами

— каждый детектив, шпионящий за всеми остальными. Теперь за несколько лет вся Россия, Китай, Корея — все стали атеистами: были вынуждены. Теизм стал посмешищем.

Рахул Санскритаияна рассказал мне, что, когда он впервые был в России, он спросил одного школьника: «Веришь ли ты в Бога?»

Мальчик рассмеялся. Он сказал: «Что вы говорите? Это примитивная идея. Когда люди были абсолютно примитивными, темными, когда еще не знали огня, было так много страха, что из страха люди начали верить в Бога. Мы не видим в этом никакой надобности. А вы верите в Бога?»

И Рахул сказал мне: «Я не мог смотреть в глаза этому маленькому ребенку».

Я сказал: «Причина в том, что ваша религия тоже заимствована, как заимствована и его религия. Вас заставили ваши родители, его заставило его правительство. Вы не всмотрелись в веру по-своему, отбросив все, что вам дали другие, полностью очистив свой ум от всякого мусора и хлама. Вы не пошли прямо, без чьего-либо вмешательства, кто бы он ни был: Иисус или Маркс, Кришна или Конфуций, Мухаммед или Махавира, — не беспокоясь о нем, следуя прямо в реальность, наблюдая ее, рассматривая ее, обнаруживая ее».

Если вы не находите Бога, вы говорите: «Бога нет». Если вы все еще ищете, можете сказать: «Я еще ищу, поэтому не могу ответить на этот вопрос ни «да», ни «нет». Тогда вы агностик. Но я не думаю, что Бертран Рассел прав или что он честный агностик. Он просто спорил со всеми доказательствами существования Бога, — а спорить очень просто. Он спорил также со всеми аргументами против существования Бога — и это тоже очень просто. Видя, что и те и другие аргументы неверны, что и теист, и атеист говорят чепуху, он объявляет себя агностиком: «Я не разделяю никакую позицию».

Но я—не агностик. Я, во всяком случае, очень странный, поскольку вы не можете отнести меня к какой-нибудь категории.

Это три категории, четвертой нет, а я принадлежу к четвертой, безымянной категории. Я смотрел, искал. Я не обнаружил Бога, правда, но я нашел нечто гораздо более значительное — божественность.

Я не атеист, я не теист, я не агностик.

Моя позиция абсолютно ясна.

Вы спрашиваете меня, Шила:

Если никакого Бога нет, то почему меня мои люди называют «Бхагаван»?

Этот вопрос представляет небольшую сложность. Нужно войти в лингвистику слова «бхагаван». Это очень странное слово. В индуистских священных книгах бхагаван является почти синонимом Бога. Я говорю почти, поскольку в других языках есть только одно слово — Бог. На санскрите, в индуизме, есть три слова: бхагаван — первое, ишвара — второе, параматма — третье. Индусы используют эти три слова в трех различных случаях.

Параматма означает высшую душу; парам означает «высшая», атма означает «душа»; параматма — высшая душа. Поэтому тот, кто по-настоящему понимает, использует для Богаслова параматма. Второе слово ишвара. Это красивое слово. Буквально оно означает «богатейший» — тот, кто имеет все, кто есть все. Это, конечно, верно.

В тот момент, когда вы переживаете божественность, вы имеете все все, что стоит иметь. Вы можете не иметь совсем ничего, это безразлично, но вы имеете все, что обладает какой-либо значимостью для жизни.

И третье — бхагаван. Бхагаван очень трудно объяснить или понять на другом языке. В индуистских священных книгах... запомните это, поскольку бхагаван используется в Индии двумя группами людей: первая — индусы, вторая - джайны и буддисты. Джайны и буддисты не верят в Бога, хотя и используют слово «бхагаван». Для Будды буддисты используют слово «бхагаван» — Бхагаван Гаутама Будда. И джайны тоже не верят в Бога, но для Махавиры используют это слово — Бхагаван Вардхман Махавира. Так что их значение совершенно иное.

Индусы очень близки к земле. Вы удивитесь, вы будете даже шокированы, но исходный корень в индуизме для слова «бхагаван» — это бхаг, что означает «влагалище». Вы не могли бы и подумать такое. Абхагаван означает «тот, кто использовал влагалище вселенной для создания, создатель». Индусы поклоняются женскому влагалищу и мужскому фаллическому символу, тивалинге: Если вы видели шивалингу, мраморный стоящий символ мужского полового члена, то стоит он во влагалище. Под ним, если вы посмотрите, располагается мраморное влагалище, в котором он стоит. Индусы поклоняются этому символу, и для них представляется значительным, что любое творение обязано быть встречей мужского и женского начал, инь и ян. Поэтому для «создателя» они используют слово «бхагаван». Но происхождение этого слова довольно странное.

Буддисты и джайны не верят в Бога, не верят, что кто-то создал мир, но они используют слово «бхагаван». Для них происхождение этого слова иное. В джайнизме и буддизме бхаг означает «счастье», а бхагаван означает счастливого, благословенного; того, кто достиг своего предназначения, кто созрел. Поэтому, когда тридцать четыре года тому назад я начал говорить, люди начали использовать это слово. Поскольку в Индии, если вы уважаете человека, вы не используете его имени; это представляется неуважительным. Вот почему жена не будет называть своего мужа по имени. При переписи населения это представляет большую проблему в Индии, поскольку если мужа нет дома, он ушел на работу, и приходит чиновник, обеспечивающий перепись, то жена не может произнести имени мужа. Также из уважения и муж не использует имени жены; он может использовать его, традиция позволяет, но он не использует. Он позовет ее — если у него есть мальчик и имя мальчика, скажем, А или Б, любое имя, то он позовет ее так: «Где мать А или мать Б?» Но он не будет называть ее прямо по имени. Это просто традиционное уважение.

Так что, когда я начал говорить и люди начали чувствовать что-то по отношению ко мне, они сами начали называть меня «Ачарья».

Ачарья означает «Учитель», но не просто «Учитель», а нечто большее. На самом деле оно означает человека, который говорит только то, чем живет, чьи дела и мысли находятся в абсолютной гармонии. Так что почти двадцать лет люди называли меня «Ачарья».

Это было до того, как я начал посвящать людей. Со всей Индии люди обращались ко мне с просьбами посвятить их. Но я ожидал нужного момента, и я никогда не позволял никому диктовать мне. Я просто жил в соответствии с моей собственной спонтанностью. Многие годы люди говорили мне, что хотели бы, чтобы я посвятил их в санньясу. И я говорил им:

«Подождите. Пусть наступит момент, когда я почувствую».

День настал. Я принял лагерь медитации глубоко в Гималаях, в Кулу-Манали, одном из красивейших мест в мире. Оно называется «долина богов», оно так прекрасно, просто как из иного мира. Когда вы входите в Кулу-Манали, вы начинаете чувствовать себя входящим в другой мир. В последний день пребывания в лагере пришло ко мне: «Теперь настал момент», — и я объявил: «Кто хочет быть посвященным, я готов». Немедленно встали двадцать один человек. Они приняли санньясу. И тогда для них возник вопрос, как называть меня. Все остальные называли меня «Ачарья»; теперь для них этого было недостаточно. Я стал для них кем-то гораздо более важным, гораздо более значительным, гораздо более близким. Они подошли очень близко к моему бытию, и они решили называть меня «Бхагаван».

Они спросили меня, я сказал: «Это очень хорошо, поскольку для меня это очень значительное слово: тот, кто благословен».

Для меня это слово не означает «Бог», не означает «создатель», оно просто означает «тот, кто благословен»: тот, кто дома, кто добрался; тот, кто нашел; тот, кто повстречал себя.

Тогда нет ничего, кроме благословения, и благословение проливается над ним. День за днем на него изливается благословение.

Поэтому запомните, Бхагаван не имеет ничего общего с Богом.

Это нечто определенно относящееся к божественности, поскольку божественность — это то, в чем заключается достижение дома, возвращение домой.

Это то, что делает вас «тем, кто благословен».

Беседа 4

ОПИУМ, НАЗЫВАЕМЫЙ РЕЛИГИЕЙ

2 ноября 1984 года

Бхагаван,

Вы мессия?

Нет, Шила, абсолютно нет. Сама идея в корне неверна. Не только я не мессия, но никогда не было и никогда не будет никакого мессии.

Вам нужно будет углубиться в эту концепцию. Идея мессии — вторичная идея. Сначала вы должны верить в Бога, как в личность, только после этого вы можете начать думать о Боге, посылающем специальных посланников, мессий.

Для меня совсем нет личностного Бога, который мог бы послать мессию.

Мне вспомнился очень красивый инцидент с одним из самых знаменитых мусульман — Халифом Омаром. Халиф в мусульманстве — аналог папы в христианстве; он одновременно и религиозный, и светский глава. Омар был очень хорошим и добрым человеком. Однажды его солдаты привели на его суд человека, которого провозглашали новым посланником Бога, мусульманское слово для этого — паигамбара.

Мусульмане верят, что последним паигамбарой является Мухаммед, он — последнее слово, посланное Богом. Поэтому теперь нет никакой потребности в другом паигамбаре. Это порочная логика, очень странно, что миллионы людей продолжают верить, не поднимая даже простого вопроса. В книге, в Коране, которая, как говорит Мухаммед, является посланием Бога... она ниспослана ему; он не писатель, он только получатель. И в Коране говорится, что Мухаммед — последний паигамбара и больше не будет необходимости ни в каком другом паигамбаре. Поэтому мусульмане настроены очень резко против всякого, кто говорит, что он паигамбара.

Омар приказал своим солдатам бросить этого человека в темницу: «Дайте ему семь дней подумать, а через семь дней я приду в темницу. Если он все еще будет настаивать, что он паигамбара, то он будет немедленно обезглавлен. Если возьмет свои слова обратно, будет немедленно отпущен». Через семь дней невыносимых мучений — человека привязали к столбу и били день и ночь, почти не давали спать и есть — как раз на седьмой день Омар не смог узнать в нем того человека, так сильно его били и мучили. Он был прикован цепями к столбу, обнаженный, все тело в крови, так сильно его били кнутом. Омар спросил: «Я надеюсь, к тебе вернулся твой здравый смысл».

Человек засмеялся и сказал: «О чем ты говоришь? Это доказало, что я самый последний паигамбара, самый последний посланник. Поскольку, когда я расставался с Богом, Он сказал мне: «Тебя будут мучить, бить», — так и получилось».

Омар не мог поверить этому. И как раз в этот момент другой человек, который был привязан к другому столбу и которого мучили уже месяц, закричал: «Омар! Не верь этому человеку, он все врёт. Я не посылал его своим последним посланником». Месяц назад этот человек был схвачен за то, что объявлял себя Богом.

У этих людей мания величия. Это определенное психическое заболевание. Вы хотите превосходить всех, быть выше всех. Вы хотели бы быть президентом страны, премьер-министром, королем, королевой, но это трудно — такая большая конкуренция. Только один человек во всей стране может быть президентом, а вся страна глубоко внутри себя сгорает, все жаждут быть выше, поверх голов всех остальных, быть чем-то особенным, уникальным. Теперь такие люди могут найти очень простые пути. Объявить себя мессией... для этого нет выборов, на это не нужна ничья санкция. Можно написать книгу, в которой вы объявляете себя мессией. Это порочный круг. Книга истинна, поскольку написана мессией, а вы мессия, поскольку так написано в истинной книге.

Какие еще свидетельства имеет Иисус о том, что он мессия, кроме его собственных утверждений? Что есть у христиан для доказательства того, что Иисус - мессия? Потому что так написано в Новом Завете... А Новый Завет — не что иное, как утверждения этого человека. Видите порочный круг? Они истинны, потому что исходят от мессии, а он мессия, потому что

так написано в истинной книге.

Иисус не был таким плохим человеком, что его надо было распять, — его единственное преступление было в том, что он объявил себя мессией. Но и в этом нет ничего, о чем нужно было бы беспокоиться. Если кто-то думает, что он мессия, он не причиняет вреда другим; пусть себе радуется. Но евреи не могли допустить этого. Поэтому я должен буду углубиться во всю эту концепцию и в историю Иисуса.

За распятие Иисуса несет ответственность Моисей.

Никто так не говорил ранее, поскольку временное расстояние между Моисеем и Иисусом — три тысячи лет. Но я говорю вам, что Моисей несет ответственность за распятие Иисуса — по двум причинам. Во-первых, он объявляет, что собирается прибыть мессия, который разрешит все проблемы, все трудности. Это было чистой политикой.

Евреи были рабами в Египте. Моисей был великим лидером, наделенным божьим даром, одним из величавших лидеров, которого когда-либо знал мир. Он убедил этих рабов, что они могут быть свободными, и не только это, что они народ, избранный Богом. Эти рабы были, во всяком случае, удовлетворены тем, как жили. Ситуация была не очень удобная. Они были бедными, их человеческий образ был почти разрушен. На них смотрели не как на человеческие существа, на них смотрели хуже, чем на животных. И постоянная работа... бессмысленная работа.

Видите эти пирамиды... все эти пирамиды построены евреями. Ученые сейчас удивляются, как перемещались такие огромные камни на расстояния во многие мили, поскольку поблизости нет каменоломен; каменоломни расположены на расстоянии многих миль. Как перемещались эти огромные камни? Не было кранов, не было возможной технологии. Они перемещались просто людьми, евреями. И потом, положить эти камни друг на друга и построить эту огромную пирамиду высотой до неба было почти невозможной задачей. Это было возможно только при наличии огромной массы рабов.

Итак, евреи перемещали эти камни — один камень могли передвигать сорок, пятьдесят человек, — а вокруг них на лошадях разъезжали египтяне, которые постоянно били их, чтобы не было остановки. Люди умирали и немедленно замещались другими рабами. Сколько людей умирало при постройке одной пирамиды — трудно теперь подсчитать. При постройке этих глупых, совершенно бессмысленных пирамид умерли миллионы людей.

Но человеческое эго... Каждый египетский царь и царица хотели, чтобы их могила, — а это все могилы, — чтобы их могила была самой большой, самой высокой, самой изысканной. И каждый царь и царица, поскольку у них не было уверенности, что после смерти их преемники приложат так много усилий — пирамида не строится в один день; Рим может быть построен в один день, но пирамиды не строятся за один день, — итак, каждый царь и царица сооружали их сами. Начиная с момента своего воцарения, они начинали копать себе могилу, готовиться, поскольку постройка пирамиды занимала тридцать, сорок, пятьдесят лет. Умирали миллионы людей.

Моисей был, должно быть, потрясающе сильным лидером, если убеждал этих рабов: «Вы можете сбросить это рабство, вы созданы не для этого. Напротив, вы — раса господ; вы — немногие, избранные Богом». Это был огромный качественный скачок — от рабства к расе господ. Моисей сделал чудо! Но если просто убедить людей, дать им мечты, прекрасные мечты,

дать им надежду, дать им утопию, то исполнить все это не так просто, и Моисей очень скоро понял это. Он вывел рабов из Египта, дав им надежду: «Скоро мы достигнем земли обетованной, Израиля. Там все вы будете блаженны и счастливы и у вас будет все».

Сорок лет они скитались по пустыням Среднего Востока. Израиля не было. За эти сорок лет скитаний они претерпели больше страданий, чем они когда-либо имели в Египте. Вы удивитесь, узнав, что из четырех человек трое умерли. К тому времени Моисей решил остановиться вблизи Иерусалима, он потерял почти всех людей; осталась только четвертая часть. Сорок лет — большой срок. Люди, что были молодыми, состарились и умерли. На самом деле, то были новые дети, родившиеся в пути, и новые молодые люди. У них не было понятия об Египте, они видели только страдания от скитаний по пустыне.

Если вы скитались по пустыне, вы поймете, что значит скитаться сорок лет без пищи, без воды, просто испрашивая подаяния везде, где можно найти людей, какой-нибудь караван, какой-нибудь оазис. Люди умирали от голода, люди умирали от жажды. Люди просто умирали от того, что год за годом они брели по пескам. Сорок лет — большой срок.

И запомните, Моисей остановился не потому, что он нашел Израиль. Он остановился потому, что сам уже пресытился; он должен был остановиться где-нибудь. Теперь он понял, что очень просто спровоцировать людей, дать им прекрасные мечты, ободрить их, дать им надежду, но очень трудно материализовать это. Поэтому он должен был дать им новые надежды снова; это лишь опиум, как-то поддерживающий в людях жизнь. Поэтому он сказал: «Не беспокойтесь, наши усилия не напрасны. Мы достигли земли».

А какой земли он достиг? Иерусалим — ничто, пустыня. А люди думали о реках из меда, о реках из молока. Они думали о рае — вот что нарисовал им Моисей. И когда они остановились в Иерусалиме, почти мертвые, поскольку отказались двигаться куда-нибудь дальше... с них было достаточно. Сорок лет их тащили, подталкивали и говорили: «Мы достигаем, уже близко, еще всего несколько дней».

Несколько людей были настолько разочарованы, что оставили Моисея. Это то, что называют последней трибой, племенем, то, что не потеряно; они просто ускользнули, видя тщетность всего дела. Они ускользнули и по счастью добрались до лучшего места: они добрались до Кашмира в Индии. Сам Моисей устал, его люди устали.

Он снова дал им надежду — так делают все лидеры, лидеры всегда делали только это — опиум, называемый надеждой, надеждой на то, что завтра будет лучше. «Забудьте вчера, с ним покончено, и не слишком беспокойтесь о сегодня, оно увядает. Завтра, пусть наступит завтра, и все будет хорошо», — но завтра никогда не наступает.

Моисей поступил так же. Он сказал: «Не беспокойтесь, мы нашли то место». Глубоко внутри своего сердца он знал, что ошибся, полностью ошибся; зная то или не зная, он обманул этих бедных людей. Они были в нищете, они страдали, но то были не такие нищета и страдания, как теперь. Но Моисей не мог признаться в этом; сказать так было бы по-настоящему фатально. Поэтому он сказал: «Мы нашли то место. Я теперь стар. Мессия придет скоро. Бог обещал мне; Он пошлет мессию, который спасет вас, который будет вашим спасением». И лишь чтобы дипломатично скрыть свое лицо, он сказал:

«Я должен вернуться назад, поискать потерянную трибу».

То была просто стратегия бегства от реальности, вставшей перед ними. Рай не открыл своих дверей, и люди приходили в гнев. Возможно, они убили бы Моисея. Было опасно, поскольку это был человек, из-за которого и возникла вся эта проблема. Иначе они жили бы как-нибудь и были бы удовлетворены, смирились бы со своей судьбой.

Я знаю бедных людей, предельно бедных, у которых ничего нет; им даже трудно добыть себе пищу на один раз в день. Иногда они просто вынуждены пить воду и спать — воду, чтобы наполнить свои пустые желудки и почувствовать, что там что-то есть. Но они по-своему удовлетворены, они смирились со своей судьбой, они не думают, что может быть лучше, чем есть. Можно спровоцировать их. Можно очень легко заронить искру в их умы — просто дайте им надежду. Но рано или поздно они возьмут вас за горло: «Где наши надежды?»

Такой была ситуация, когда после сорока лет Моисей оставлял их. Оправдание было таким: «Я собираюсь искать людей, потерявшихся где-то». Он не вернулся — он умер в Индии. Я был на его могиле. Вы удивитесь, узнав про это великое совпадение: что и Моисей, и Иисус — оба умерли в Индии. И могилы обоих находятся в одном месте, в Кашмире.

Люди, сбежавшие от Моисея, а караван был длиной в мили, нашли лучшее место. Возможно, если бы Моисей повернул к Кашмиру, он мог бы рассказать своим людям, что это рай. Это рай. Он так прекрасен, так потрясающе прекрасен, что сбежавшие люди никогда больше не беспокоились, куда же ушла вся компания, где Моисей. Они просто осели в Кашмире. Кашмир еврейский — позднее их заставили принять ислам и они стали мусульманами, но можно взглянуть на их лица, на их поведение и станет так очевидно, что они не принадлежат к Индии. Они не арии, и они не мусульмане; они евреи. Как раз несколько дней назад была убита Индира Ганди. Она была потомком этих евреев — посмотрите на ее нос.

Только Моисей один несет ответственность за идею грядущего мессии. И тогда многих объявляли мессиями; Иисус не был единственным. Было много других, и все они страдали. Иисус являл собой наиболее возмутительный случай. Он объявил, что он и есть обещанный мессия, в этом было его преступление. Почему евреи думали, что это преступление? Я чувствую, что, возможно, они были правы.

Я не могу сказать, что они были правы, распиная Иисуса, — я не поддерживаю никакого насилия, и это было абсолютно незаконно. Они могли разрешить ему, допустить его... Он разъезжал на своем осле, объявляя себя мессией; можно было бы посмеяться и порадоваться тому, что казалось правдой. И кто следовал за ним? Всего несколько человек, необразованных, некультурных, попавшихся в его сети, поверивших, что он искупит их прегрешения, что он покажет им путь и поведет их к Богу, — совсем немного, даже не сотня. Его можно было терпеть. Он не представлял никакой опасности для иудаизма.

Но я могу понять, почему иудеи не могли терпеть этого человека. Иначе он был бы просто шутком, они могли бы смеяться над всем этим: «Посмотрите на мессию с его ослом и двенадцатью глупыми последователями. Вот мессия, вот обещанный мессия!»

Но есть некоторая психологическая причина, по которой они должны были распять этого человека. Они не хотели, чтобы была разрушена их надежда. Запомните, они никогда и никого

не примут как мессию. После Иисуса пытались и некоторые другие.

Но евреи не примут никого в качестве мессии, потому что принять кого-то означает потерять надежду, а они так много страдали, что надежда — единственное их сокровище. Иисус — хороший парень, но психологически неуравновешенный. Иначе он постарался бы помочь людям стать более целостными, более земными, более центрированными, более медитирующими. Если бы у него что-то было за душой, он должен был бы разделить это с другими. Не было нужды объявлять себя мессией и вызывать ненужное распятие.

В этой ситуации, кажется, был некоторый элемент самоубийства. Он прекрасно все понимал; день его распятия не был неожиданным. Он знал о нем заранее. На последнем вечере со своими учениками он сказал себе: «Завтра придут схватить меня. Завтра я буду распят». И какая была потребность идти в Иерусалим? Если вам уже известно то, что вас ждут, чтобы распять... Не было у него никакой причины идти в Иерусалим. Но его тянуло: как магнит притягивает кусочки металла, его тянуло к своему распятию.

В нем, кажется, была склонность к самоубийству, и я, по крайней мере, не могу простить ему этого. Ему было только тридцать три; после семидесяти все в порядке, можно наслаждаться идеей смерти, но в тридцать три года — это начало жизни. И он учил только три года. Что можно сделать за три года? Скольких людей он убедил? Сколько людей было с ним? За три года он не мог дать философскую систему, целую идеологию, методологию преобразования человека — ничего.

Все, что он дал, — это очень простые сентенции, более или менее усвоенные от вековой мудрости. Они не новые, в них нет ничего нового. Да, он снова и снова говорит: «Старые пророки говорили вам: «Следуйте закону око за око», — или что-то подобное, но я говорю вам, что, если кто ударит тебя в одну щеку, обрати к нему другую. Я говорю вам: «Любите врагов ваших, как любите вы себя»». Это выглядит основательно, но это не слишком оригинально.

До своих тридцати лет он путешествовал в Египет, в Индию, в Ладакх, в Гималаи. Я был в Ладакхе и видел древнюю библиотеку ламаистского монастыря в Ладакхе, в которой есть запись, в которой есть запись всех посетителей, приходивших в монастырь — в буддийский монастырь в Ладакхе. Иисус был одним из посетителей. И все его данные прекрасно описаны: время посещения, его возраст, как он выглядел, каковы особенности его учения — все описано. И ученые просмотрели эти старые страницы — они как листья определенного дерева — и нашли, что им точно две тысячи лет, они не новы.

Так что он собирал все это из внешних источников, поэтому и выглядел очень оригинальным для евреев; но для меня он не может быть оригинальным. До него о любви говорил Будда, о любви говорил Махавира — за пятьсот лет до Иисуса о любви в Китае говорил Лао-цзы. А то, что говорит Иисус, почти то же самое.

Его учение было бы новым, если бы он добавил к нему что-нибудь от своего переживания. Например, я хотел бы сказать вам... Иисус говорит: «Любите врагов ваших, как любите вы себя». Прежде всего, вы не любите себя, запомните, вы — это последний человек в мире, которого вы любите. Поэтому говорить человеку: «Любите врагов своих, как любите вы себя», — странно, поскольку никто не любит себя.

Думали ли вы когда-нибудь над этим? Любите ли вы себя? Имеете ли вы к себе хоть какое-нибудь уважение?

Забудьте о любви, забудьте об уважении; принимаете ли вы себя таким, какой вы есть? Это осуждение себя; вы хотели бы быть кем-то другим, вы не хотите быть собой — совсем не хотите.

Иисус совсем не думал о том, что говорит. Проще любить врагов, чем себя. Не так трудно любить врагов, потому что это дает вам почувствовать себя таким высоким, таким превосходящим все мирское, таким особенным. Но любить себя... так вы не станете превосходящим других.

Вы даже не смотрите на себя. Вы даже не смотрите внутрь себя, не смотрите на то, что вы несете от самого вашего рождения. Что вы есть такое? Пытались ли вы когда-нибудь встать лицом к этому?

И во-вторых, всякий, кто действительно оригинален и думает о любви, должен знать одну вещь: вы можете любить только при условии, что вы можете ненавидеть.

Вы не можете любить, если стали неспособным ненавидеть.

Вы можете любить кого-то, поскольку вы способны ненавидеть кого-то другого.

У вас есть друг, вот почему вы можете иметь врага.

Вы не можете полностью разрушить ненависть и при этом сохранить любовь; они — две стороны одной монеты.

Когда исчезает ненависть, исчезает и любовь. Это мое переживание.

Будда тоже учит любить и не ненавидеть. Иисус тоже учит любить и не ненавидеть; Махавира тоже учит любить и не ненавидеть. Но я говорю вам: «Если вы не ненавидите, вы не можете любить». Все эти люди говорят интеллектуально.

Они не взгляделись в энергию любви и ненависти, в то, что это одна энергия. Любовь, перевернутая вверх дном, становится ненавистью; это она же, стоящая на голове, вот и все. Это не какая-то другая сущность.

Так что, когда исчезает ненависть — я говорю вам, исходя из своего собственного переживания, — когда исчезает ненависть, исчезает и любовь.

А то, что остается, — просто сострадание.

Это нельзя назвать любовью — любовь слишком пылкое слово, слишком горячее слово. Что остается, когда уходят любовь и ненависть, — я буду говорить «любовь-ненависть» и опускать «и», поскольку они едины, -когда любовь-ненависть исчезает, тогда остающаяся энергия есть сострадание. Оно не имеет дополнения; это не любовь и не ненависть. У него нет ни друзей, ни врагов. Этого не поняли ни Будда, ни Махавира, ни Иисус.

Итак, что же он делал в течение трех лет? В возрасте тридцати лет он просто повторял все, что

собрал во «время странствия по известному тогда миру, он просто повторял, как попугай, не имея никакого своего понимания. Но поскольку он говорил так много прекрасных слов, то оказался сам загипнотизированным своими собственными словами и начал думать, что является мессией, которого ждали евреи.

А евреи никогда не собирались никого принимать — даже если снова явится Моисей, они не примут его как мессию по простой психологической причине: принять кого-нибудь как мессию означает отбросить надежду на будущее. Тогда нет завтра. Тогда нет больше утопии. Они должны были распять Иисуса, просто чтобы спасти свою надежду. Надежда имела гораздо большее значение, чем распятие Иисуса, который в любом случае стремился умереть. Ему нельзя было позволить разрушать надежду целого народа.

Поэтому будет не совсем правильно выступать абсолютно против священников великого храма евреев, которые решили распять Иисуса, поскольку этот человек разрушал их надежду, их мир грез. У них не было ничего. Во времена Иисуса они были под правлением Рима, они снова были рабами; они бежали из Египта понапрасну. Все те страдания, все те сорок лет огромных страданий и тяжелой доли — и что же они выиграли? Израиль был под Римским императором. Они снова были рабами, снова платили налоги, теперь римлянам, снова подвергались побоям, теперь со стороны римлян; снова рассматривались как рабы, теперь римлянами... неполноценные люди...

У них была только одна надежда — надежда: «Придет мессия и спасет нас ото всех наших несчастий». И теперь этот человек говорит: «Я — мессия». И они знают: он не может спасти их от их несчастий; они знают его, знают, кто он такой. И когда они распинали его, то говорили: «Теперь спаси самого себя! Попроси своего Бога, попроси Бога, о котором ты постоянно говорил: «Я единственный рожденный сын Божий», — попроси его теперь: «Отец, помоги мне. Вот момент сотворить чудо. Когда еще такой момент наступит снова, когда еще будут распинать твоего единственного рожденного сына?» Но небо молчит; ответа нет, никто не отвечает тебе».

Они говорили Иисусу: «Это была твоя галлюцинация, что ты единственный рожденный сын Божий. Это был твой сон, в который ты начал верить, поскольку несколько людей, несколько глупых людей поверили твоим словам. Они поверили в свою веру в тебя». Это стало ясно на кресте. Они сказали Иисусу: «Небо пусто, и нет ответа на твою молитву». Евреи сказали: «Посмотрите, вот мессия, собиравшийся спасти все человечество — он не может спасти даже себя».

Я не мессия, я не даю вам никакой надежды. И я хотел бы настоятельно напомнить вам, что никто не может спасти вас, — вся эта идея неверна. Вы создали свое рабство, как я могу освободить вас?

Вы сбросите свое рабство и будете свободными. Вы любите ваши цепи и хотите, чтобы я спас вас. Вы говорите абсурдные вещи.

Вы причина своих несчастий и страданий, и вы хотите, чтобы я освободил вас от ваших страданий и несчастий. А вы будете продолжать сеять то же семя, оставаться теми же самыми людьми, лить воду на ту же мельницу.

Кто может спасти вас? И почему кто-то должен спасать вас.

В этом нет моей ответственности — спасти вас. Не я сделал вас такими, какие вы есть; вы сами сделали себя такими, какие вы есть.

Моя функция здесь не такая, как у мессии, который просто говорит: «Верьте в меня, и вы спасены».

Очень простая стратегия: «Вам ничего не надо делать для вашего собственного изменения, преобразования; вам совсем ничего не нужно делать, просто верьте в меня. Не допускайте возникновения никаких сомнений». Вот целая стратегия веры.

Вы не можете избежать сомнения; везде, где существует вера, сомнение просто подавляется. Если нет сомнения, не нужна никакая вера. Из-за сомнения нужна вера, чтобы подавить его, прикрыть его.

И условие таково, что не должно быть сомнения; вы должны верить в меня без всякого сомнения, и я спасу вас.

Вы не можете ни исполнить это условие, ни спросить меня: «Почему я не спасен? « Условие таково, что оно не может быть выполнено. Я могу сказать, что это вы не выполнили основного условия; контракт не был выполнен с вашей стороны, что я могу поделать? Вы согласились верить в меня без сомнения, что абсолютно невозможно. Никто не может так, это не соответствует природе вещей.

Вера всегда существует рука об руку с сомнением. Она существует для сомнения.

У меня совсем нет веры ни во что, поскольку у меня совсем нет сомнения ни в чем. Если нет сомнения, то нет и потребности в вере. Болезни нет; лекарства не требуется.

Вы все время вливаете в себя веру, все больше веры; но вы просто загоняете сомнение все глубже и глубже в ваше подсознание. И чем глубже, тем опаснее, поскольку вы перестаете осознавать его.

Однажды вы будете думать, что верите, что вы верующий, что вы достигли веры, — потому что ваше сомнение ушло так глубоко во тьму вашего подсознания, что вы не можете больше видеть его.

Я хотел бы, чтобы вы ясно видели свое сомнение. Чем подавлять его любой системой верований, лучше вынести его в сознательный ум, встать к нему лицом. И когда вы стоите лицом к лицу с вашим сомнением, оно исчезает. И веры не требуется, сомнение просто испаряется.

Не следует подменять сомнение верой. Если вы подмените его верой, тогда перед вами будет очень странная дилемма: просто поскребите немного вашу веру, и из нее потечет сомнение, полностью живое. Вера — как ваша кожа, под которой течет кровь.

Итак, моя основная точка зрения такова: вы несете ответственность за то, чем вы являетесь.

Если вы страдаете, вы сами ответственны за это. Не перекладывайте ответственность на кого-то другого, иначе никогда не освободитесь от страдания.

Как вы можете быть свободными, если я отвечаю за ваше страдание? Тогда, если я не освобожу вас, вы не сможете быть свободными; это в моих руках. И если это в моих руках, это может быть в руках кого-то еще.

Те, кто со мной, должны понимать это, как бы тяжело и больно ни было: это вы и только вы отвечаете за все, что случается, случилось, будет случаться с вами.

Когда вы примете на себя всю ответственность за себя во всем ее объеме, вы станете зрелыми.

Вы перестанете раздражаться гневом, вы перестанете искать мессию. Тогда не нужен будет никакой Иисус, чтобы спасти вас. И никакой Иисус не спасет вас — он эксплуатировал вашу ситуацию.

Евреи не позволили ему разрушать их надежду, их мечту, их будущее. Евреи страдали больше всех в мире, поэтому надежда им нужна больше, чем кому-либо еще. И они цеплялись за идею: «Мессия придет, и эти несколько дней страданий нечего и сравнивать с тем, что будет, когда придет мессия и спасет вас. И вы будете немногими, избранными Богом, а все остальные, наслаждающиеся сейчас и не страдающие сейчас, будут брошены в ад». Хорошее утешение! Иисус потревожил их утешение, их надежду; естественно, они разгневались. Иначе он не был бы опасным человеком. Но у него, определенно, был ум больного манией величия.

Я просто обыкновенный человек.

В продолжение сказанного я хотел бы рассказать вам о том, о чем меня спрашивают снова и снова. Индусы спрашивают меня: «Бхагаван, являетесь ли вы аватарой Бога, воплощением Бога?» Как евреи верят в мессию, так и индусы верят, что их страдания, их несчастья, их бедность кончатся, когда Бог спустится в форме аватары, как Кришна, как Рама.

Они спрашивали меня, и я говорил им: «Нет, совсем нет. Потому что вы такие идиоты... Рама был здесь, ваши страдания не изменились; Кришна был здесь, ваши страдания не изменились. Вы все еще спрашиваете? И я скажу вам, что ни Кришна не был аватарой, ни Рама не был аватарой».

Это их мания величия и ваша надежда, смешанные вместе, питают такую веру.

Джайны спросили меня: «Являетесь ли вы тиртханкарой?» Это их надежда, их слово для обозначения мессии, и вы удивитесь... это то, что делает меня совершенно больным...

Махавира был двадцать четвертым тиртханкарой джайнов. Они зафиксировали это число — двадцать четыре. Во времена Махавиры была очень большая конкуренция: было восемь человек, современников Махавиры, — Гаутама Будда один из восьми, — каждый из которых настаивал, что это он и есть двадцать четвертый тиртханкара. И все они критиковали остальных семерых.

Их критика не является разумной, их критика скорее оскорбительна. Например, даже Будда... то, что я говорю, заставляет меня испытывать боль. Даже Будда, которого я всячески уважаю, но которому я никак не могу помочь в этом. Я не могу уважать его за то, что он объявил: «Я настоящий тиртханкара, не Махавира». Махавира был старым. Будда был молодым; Махавира почти установился, Будда строил свое основание. Если бы он критиковал Махавиру

рационально, научно, я полюбил бы его. Но он так не делал.

Будда старается выставить Махавиру на посмешище. Ведь джайны говорят, что тиртханкара всеведущий — обладает всеми качествами Бога — и может видеть все, прошлое, настоящее, будущее; вездесущий — может присутствовать повсюду или одновременно везде; всемогущий — имеет абсолютную власть надо всем.

Будда мог бы критиковать его словами: «Заявлять такие свойства кажется эгоизмом, а эго - это первое, что должно быть отброшено с пути. Вместо того, чтобы отбросить эго, вы делаете его больше, и больше, и больше — таким большим, что оно готово взорваться».

Будда выставляет Махавиру на посмешище. Он говорит:

«Что это за всемогущество?» Ведь живот Махавиры в его пожилом возрасте отказал. Ему было восемьдесят два, он непрерывно ходил пешком в течение сорока лет, ел лишь изредка. Один день он ел, а потом семь дней нет. Должно было так случиться, что он расстроит всю свою пищеварительную систему, и так оно и случилось. В возрасте восьмидесяти лет вся его пищеварительная система просто разрушилась. Он умер, возможно, от язвы, от рака, от чего-нибудь еще — никто не знает, но от чего-то, связанного с животом. Живот просто отказался функционировать. Это его вина; никто не несет ответственности за это.

Ночью джайнский монах не может пить воду — и это в такой жаркой стране, как Индия, в самой жаркой ее части, в Бихаре... Жарким летом, когда солнце опускается, ничего даже нельзя положить себе в рот, ни пищи, ни воды, ничего. И он должен есть только один раз, и то не сидя, а стоя, поскольку сидя — это слишком шикарно и удобно. Если он увидит мое кресло, то сойдет с ума, просто покроется пятнами.

Он ест стоя и не может пользоваться ничем, только своими руками — ни кастрюлей, ни посудой, ничем, поскольку это владение, а он не владеет ничем. Так что он должен использовать свои руки, как чашку, пища подается ему в руки, и так он ест. Это неудобно, очень неудобно, поскольку обе руки заполнены, как теперь есть? Я пытался, но безуспешно... нет, действительно, просто перед зеркалом, безо всякой пищи в руках. Но когда обе ваши руки заняты, чтобы держать пищу, тогда вы вынуждены есть, совсем как животное, прямо ртом. Он не может есть много, потому что может наполнить свои руки только один раз. Сколько может он удержать в руках? Так же он должен пить воду. Кроме того, он обнажен. Эти качества предписаны древней традицией джайнов для тиртханкары, и он выполнял эти качества любой ценой.

Тиртханкара не может принимать пищу каждый день, поскольку утром, во время своей медитации, он принимает обязательство: «Сегодня я буду принимать пищу в определенном доме и только при выполнении определенных условий». Он может придумать такое... и он не должен говорить об этом никому, ну, например: рядом с домом должны висеть два банана, только тогда он может принимать пищу, иначе нет. Теперь можно отправляться за бананами и не найти ни одного. Пройдет иногда десять дней, и он будет ходить по всему городу и не находить выполнения своих условий. Эта мысль должна быть, по мнению джайнов, знаком того, что существование не хочет, чтобы он принимал пищу сегодня.

Странно... тогда почему он испытывал голод? Почему он вообще шел куда-то? Если

существование не хочет, чтобы он сегодня принимал пищу, не должно быть никакого голода - зачем он пошел вообще? Если я его встречу где-нибудь, я спрошу его: «Зачем ты идешь? Если само существование не хочет, то не будет голода, и у тебя не будет никакого побуждения ходить вокруг. Ты был голоден, это совершенно точно. Ты ходил по городу, но у тебя было странное условие, и оно было только в твоём уме. А люди не умеют читать в умах; не переключай ответственности на бедных людей». Иногда, по совпадению, случится так, что условие окажется выполненным, тогда он примет пищу.

И вот, вместо того, чтобы спорить о чём-то существенном, Будда выставляет Махавиру на посмешище, говоря, что если он всемогущий, то почему не может вылечить свой живот, зачем тогда звать врача? Он же всемогущий! Он всеведущий — он должен был видеть это до того, как оно случилось, ведь он знает прошлое, настоящее и будущее. И Будда смеется и говорит: «Я видел, как Махавиру просит подаяние перед домом, где никто не живет. Он знает прошлое, настоящее и будущее, но не знает, что этот дом пуст, что внутри никого нет. Он наступил — ранним утром, когда еще было темно, — на хвост собаке; и только когда собака начала прыгать и лаять на него, он узнал об этом. И он всеведущий, знает прошлое, настоящее и будущее — он не знает даже, что перед ним собака!»

Это не аргументы, они ниже Гаутамы Будды. Но такая же ситуация была и с Махавирой. Махавиру никогда не критиковал Будду по той простой причине, что у Будды еще не было установившегося имени. Он был молод, и Махавиру не беспокоило об этом человеке. Но по отношению к остальным, кто мог показаться больше Махавиры, кто появился раньше него, кто был старше, он вел себя таким же образом, даже хуже. Другим претендентом на двадцать четвертого тиртханкару был Маккхали Госал. Поскольку эта линия должна была прекратиться: после двадцать четвертого не должно быть двадцать пятого.

Однажды я разбирался с одним идиотом... он джайнский монах — был монахом, поскольку джайны выгнали его. Я убедил его, что если может быть двадцать четыре тиртханкары, то почему не может быть двадцать пять? День за днем я продолжал спорить о двадцать пятом. Я сказал: «Объявите, что вы двадцать пятый». И он объявил. Его имя Свами Сатьябхакта. Он объявил, и в тот момент, когда он объявил, джайны выбросили его, сказав: «Ты даже не джайн... двадцать пятый!»

Он прибежал ко мне: «Вы убедили меня, что я двадцать пятый!»

Я сказал: «Я не несу никакой ответственности. Я просто обсуждал это с вами. Оказалось, что вы пришли к такому убеждению, что означает, что зерно таких мыслей уже было посеяно в вас; вы хотели, но не имели достаточно смелости, чтобы сказать об этом. Я просто придал вам смелости. Это было вашим желанием, иначе вы сказали бы: «Я удовлетворен. Я не хочу быть двадцать пятым». Я испытывал это и на других людях. Они не попались, так что я не несу никакой ответственности».

С тех пор он очень зол, поскольку теперь джайны не позволяют ему вернуться в их сообщество. Он просил прощения, но такой человек для джайнов... это подобно тому, как евреи были против Иисуса. По крайней мере, джайны не распяли его. Они просто выгнали его, отняли символы джайнского монаха и сказали ему: «Если ты скажешь это еще раз, мы потащим тебя на суд, поскольку в нашей традиции не может быть двадцать пятого».

Но он такой идиот... Я сказал: «Сделайте одну вещь. Скажите, что Махавира не был настоящим двадцать четвертым, это вы двадцать четвертый».

Он сказал: «Прекрасно? Эта мысль никогда не приходила мне в голову».

Я сказал: «Но запомните, я не буду нести ответственности за это, поскольку на этот раз они будут бить вас. За двадцать пятого они просто выгнали вас, поскольку вы сумасшедший. Но если вы скажете, что Махавира не был настоящим двадцать четвертым и было просто ошибкой, что двадцать пять веков джайны верили в это... И за это место состязались восемь человек, так что проблемы нет, вы тоже можете состязаться. Они были его современниками, поэтому, конечно, нет гарантии, что он был двадцать четвертым. Но я не несу ответственности». И он не стал делать этого, побоявшись, что если он скажет, что он двадцать четвертый, то они просто убьют его.

Но сам Махавира вел себя неправильно по отношению к Маккхали Госалу, который был старше его и умер раньше Махавиры. А Махавира рассказал историю, которая так безобразна, что я не могу себе представить, куда подевались его ненасилие, его любовь и все такое.

Он рассказывал историю о том, что Маккхали Госал умер в публичном доме. Это абсолютный вымысел, придуманный им, чтобы опорочить Маккхали Госала: будто бы он умер в публичном доме и перед смертью сказал проститутке: «Я не настоящий тиртханкара, настоящий — Махавира. Но я был эгоистом и ревновал к нему, поэтому я всю свою жизнь боролся за то, чтобы называться тиртханкарой самому. Но теперь, когда я умираю, я хочу объявить истину. И здесь только ты, поэтому я говорю тебе; ты объявишь это другим. И поскольку всю свою жизнь я лгал, что я тиртханкара, но не был им — и знал это — пожалуйста, сделай так, ведь это мое последнее желание, чтобы мое тело протащили обнаженным по улице. Его не должны нести на плечах, — в Индии мертвое тело несут к месту сожжения четыре человека на своих плечах, — мое тело должны тащить по дороге, и каждый должен плюнуть на него, чтобы весь город узнал, что я был преступником».

Это абсолютный вымысел, поскольку Будда не упоминает об этом, когда говорит о жизни Маккхали Госала. Он умер, и поэтому конкуренции с Буддой не было. Он совсем не упоминает об этом, ничего не говорит об этом. И есть другие источники тех времен, которые не упоминают об этом. Маккхали Госал умер среди своих учеников, — а у него были тысячи учеников, и ему было оказано то же уважение, что и Махавире, когда тот умер. Но это описано в других книгах.

То, что говорит Махавира, — вымысел, абсолютный вымысел. И что человек в восемьдесят пять лет будет делать в публичном доме? Только подумайте об абсурдности этого. И кто эта проститутка, имя ее неизвестно, есть ли у кого спрашивать? Есть ли свидетели, видевшие, что его тело тащили? Нет ни одного. А то был величайший город тех дней, Ваисхали в Бихаре, где умер Маккхали Госал. И весь город состоял из его последователей. Даже царь был его последователем; царь был одним из четырех человек, несших его тело на своих плечах.

Так что это абсолютная неправда и абсолютная ложь — и это от такого человека, как Махавира, говорившего об истине, ненасилии, любви!

Вот почему я говорю, что все эти люди, называют ли они себя мессиями, или называют они себя паигамбарами, или называют они себя тиртханкарами, все еще коренятся в эго — очень

изошренно, очень элегантно, очень тонко, так, что если у вас нет рентгеновских глаз, то вы не сможете проникнуть и увидеть их эго.

Мусульмане спрашивали меня: «Являетесь ли вы паигамбарой? « Это их слово для обозначения мессии... Мухаммед был абсолютно неграмотным человеком. И Коран, в котором собраны его высказывания, на девяносто девять процентов вздор. Вы можете просто открыть эту книгу в любом месте и почитать ее, вы тут же убедитесь в том, что я говорю. Я не говорю об определенной странице — в любом месте. Просто откройте книгу случайно и прочтите страницу — вы убедитесь в том, что я говорю.

Где бы ни был разбросан по Корану один процент истины, он не принадлежит Мухаммеду. Это просто обыкновенная древняя мудрость, которую легко собирают необразованные люди, гораздо проще образованных, поскольку образованные люди имеют намного больше источников информации: книги, библиотеки, университеты, ученые.

Необразованный, просто слушая старых людей, собирает несколько слов мудрости то здесь, то там. И эти слова значительны, поскольку они испытывались на протяжении тысяч лет и как-то доказали свою истинность. Так что это - мудрость веков, разбросанная здесь и там. Без нее Коран - самая обыкновенная книга, которая только возможна в мире.

Мусульмане спрашивали меня: «Почему вы не говорите по Корану? Вы говорили по Библии, по Гите, по тому, по другому». Я не мог сказать им, что все это вздор; я просто тянул с ответом. Даже перед тем, как я ушел в безмолвие, один мусульманский ученый прислал мне последнюю английскую версию Корана, умоляя поговорить по ней. Но сейчас я должен сказать, что все это вздор. Вот почему я не говорил по ней, зачем понапрасну тратить время? И это от паигамбары, посланника Бога.

Я не включаюсь ни в какие игры эго: мессия, аватара, паигамбара, тиртханкара; я не имею с этими людьми ничего общего.

Я просто обыкновенный человек, как каждый другой. Если и есть какая-нибудь разница, она не в качестве; она только в познании. Я знаю себя; вы не знаете.

В том, что касается нашего бытия, я принадлежу тому же существованию, я дышу тем же воздухом. Вы принадлежите тому же существованию, вы дышите тем же воздухом. Вы еще не попытались познать себя. В тот момент, когда вы познаете себя, разницы не будет совсем.

Теперь же все в точности так, словно я стою и смотрю на восход солнца, а вы стоите рядом со мной с закрытыми глазами. Солнце восходит для вас точно так же, как оно восходит для меня.

Оно так прекрасно, так красочно не только для меня, но и для вас. Но что может солнце? Вы же стоите с закрытыми глазами. Вот единственная разница. Велика ли эта разница?

Вас нужно лишь встряхнуть и сказать: «Откройте глаза. Уже утро, ночь прошла».

Беседа 5

БЫТЬ МЯТЕЖНЫМ ЗНАЧИТ БЫТЬ РЕЛИГИОЗНЫМ

3 ноября 1984 года

Бхагаван,

Вчера Вы говорили нам о различных людях, спрашивавших Вас, были ли вы аватарой, тиртханкарой, паигамбарой и так далее. Есть ли еще что-нибудь, что Вы хотели бы рассказать нам?

Да, есть несколько вещей. Я не хотел бы, чтобы меня помещали в одну компанию с этими людьми, которых называют мессиями, паигамбарами, аватарами, тиртханкарами. Я просто обыкновенный человек, и мне эта компания отвратительна.

Позвольте мне привести несколько примеров: индусы верят, что Парашурама — одно из воплощений Бога. Парашурама убил свою мать, поскольку его отец подозревал...

На самом деле, почти каждый муж подозревает жену, каждая жена подозревает мужа. Само явление брака существует из-за того, что жена и муж не могут доверять друг другу, и поэтому между ними нужно поставить закон. В противном случае было бы достаточно любви.

Но никто не доверяет любви, и есть причина не доверять ей. Настоящий цветок розы цветет, распространяет аромат и умирает. Лишь пластиковый цветок розы не рождается, никогда не умирает.

Любовь, чтобы быть настоящей... вы должны понять. Однажды она возникает, расцветает, цветет, но нет ничего вечного. Она увядает, исчезает, умирает. Нельзя доверять ей.

Вместо любви между вами нужно внести закон. Закон - пластиковая вещь. Вот что такое брак — любовь становится пластиковой.

Теперь вы можете отдыхать, уверенные, что закон восторжествует. Любовь умрет быстрее, чем она умерла бы без брака. Но вы будете продолжать притворяться, что она есть, и поэтому будете подозревать.

Истинные возлюбленные поймут это — было что-то потрясающе прекрасное, оно наполняло их, оно переносило их в иное измерение, но теперь это уходит.

Истинные возлюбленные будут благодарны друг другу. Они не будут ссориться. Они дали друг другу несколько мгновений бесконечного — они будут помнить эти мгновения, но между ними не будет недоброжелательности. И они расстанутся друзьями, чрезвычайно благодарные друг другу.

Пока есть любовь, все правильно. Когда нет любви, все безобразно. Муж, живущий с женой, которую он не любит, жена, спящая со своим мужем, которого она не любит, что они делают? Это ли не проституция?

Весь институт брака — это не что иное, как узаконенная проституция... Естественно, отец Парашурамы подозревал свою жену, ведь она была чрезвычайно красива. Он приказал Парашураме обезглавить ее. Пока она спала как-то ночью, он сказал ему: «Иди и отруби ей голову». И Парашурама, — чтобы последовать приказу отца, ведь индусы называют покорность

великим религиозным свойством, — отрубил голову своей матери. И его уважают как воплощение Бога.

Вы хотите включить меня в эту компанию?

И это не единственный случай, когда он убил свою мать и доказал свою покорность, которая, по мнению индусов, является одним из самых религиозных качеств...

Все религии верят в то, что вы должны покоряться. Ни одна религия никогда не говорила, что быть мятежным — это быть подлинно религиозным.

Это я говорю вам: быть мятежным, быть бунтовщиком - значит быть религиозным.

Покорность — стратегия священников, политиков, чтобы эксплуатировать вас, держать вас в рабстве, в умственном рабстве. Все религии восхваляют покорность.

... И когда он совершил это убийство, — а убить свою мать это не обыкновенное убийство, причем он даже не спрашивал, почему, поскольку истинная покорность никогда не спрашивает, почему, — тогда его отец сделал его профессиональным убийцей. Его отец был великим священником, и тут был конфликт между священником и воином, священником и политиком.

Итак, его отец сказал: «Ты уничтожишь всех воинов страны, всех политиков страны», — так брамины, священники становятся и светскими руководителями, и духовными лидерами. Так же, как папа в его крошечной империи, Ватикане, в которой всего восемь квадратных миль, — наша коммуна намного больше, сто двадцать шесть квадратных миль, — но на этих восьми квадратных милях Ватикана папа един в двух лицах. Он является светским руководителем и духовным главой.

Вот это и старался сделать Парашурама. Естественно, брамины наградили его титулом аватары, воплощения Бога. Если Парашурама — воплощение Бога, то что же будет воплощением дьявола? История, может быть, преувеличена, как и все религиозные истории, — она говорит, что он тридцать шесть раз уничтожал всех воинов на земле, одной рукой. Возможно, что Чингисхан, Тамерлан, Адольф Гитлер, Иосиф Сталин, Муссолини, Мао Цзе-дун — все вместе не убили столько людей, сколько Парашурама, но он по-прежнему аватара, воплощение Бога.

Я не аватара. Я предпочел бы быть обыкновенным человеком.

И так много прекрасного в том, чтобы быть обыкновенным, так много покоя, так много радости, так много блаженства, что кто же захочет быть мессией? Кто захочет быть паигамбарой?

Мухаммед — паигамбара. Он имел девять жен — это достойно паигамбары, поскольку в те дни престиж человека определялся тем, сколько у него жен, — он имел девять жен, и Бог выбрал его быть своим посланником в мире? Этот человек ведет себя с женщинами так, как будто они скоты. Он не уважает женщин. Он не верит, что они — человеческие существа.

Но это еще ничего. Если вы посмотрите на всю его жизнь, он непрерывно сражался, убивал. Он убивал, чтобы распространить слово Божье, он убивал, чтобы распространить послание о мире. Слово «ислам» означает «мир, покой». Это название его религии. Он обычно носил меч, на

котором были написаны такие слова: «Я проповедую мир». На мече: «Я проповедую мир». При этом есть одно условие: если вы обратитесь в мусульманство, в ислам, вы спасетесь. В противном случае, для вашего же блага лучше, чтобы вы были убиты, поскольку это убийство, по крайней мере, предохранит вас от совершения многих грехов. Он был милосерден, убивая вас для вашего же собственного блага.

Вы хотели бы, чтобы я сидел рядом с Мухаммедом?

Индусы думали, что Парашурама был только ансаватара, что означает частичное воплощение Бога. Вторым самым важным воплощением является Рама, которому поклоняются по всей Индии. Он — воплощение Бога, которому больше всего поклоняются в Индии, но причины, почему ему поклоняются, те же.

У его отца было четыре жены. Рама был его старшим сыном, и когда отец почувствовал, что становится слишком старым и приближается смерть, он захотел возвести Раму на трон, как своего преемника. Но его четвертая жена, самая молодая и самая красивая, которую он выбрал совсем недавно... Ну вот, этот грязный старик, знающий, что скоро умрет, почти на смертном ложе, — зачем ему нужно было жениться в это время?

Она убедила его, что нужно послать Раму в изгнание, в леса за пределами царства, на четырнадцать лет, поскольку ее собственный сын к тому времени стал бы взрослым, а она хотела, чтобы он стал царем. И этот старик, ослепленный любовью к этой молодой женщине, безо всякой причины на четырнадцать лет сослал Раму, не совершившего никакого преступления. И индусы поклоняются ему, поскольку он покорился своему отцу: покорность традиции, своему отцу, своим предкам; покорность прошлому, покорность мертвым.

Сита, жена Рамы, последовала за ним, поскольку в Индии о женщине думают, что она истинная, подлинная, если она становится просто тенью своего мужа, лишаясь своей собственной души. Она последовала за ним, как тень, но была украдена из леса другим царем, Раваной. В течение трех лет Рама вынужден был бороться, собирать друзей, сторонников и сражаться с Раваной, чтобы вернуть свою жену. Он возвратил ее.

Но слова, которые он сказал ей, настолько безобразны, что я не могу представить себе, как человек, обладающий чувством собственного достоинства, мог произнести эти слова. Он сказал: «Послушай, женщина. Выброси из головы мысль о том, что я сражался за тебя. Это был вопрос моего престижа. Я могу получить тысячи таких женщин, как ты, и перед тем, как я приму тебя, ты должна будешь пройти испытание огнем. Ты должна будешь пройти через огонь. Если ты сможешь пройти живой, я буду знать, что ты чиста, что ты не изменила мне, что ты не обманула меня. Если ты не выйдешь живой, там и останешься».

Это странно; это похоже на двойной стандарт. Если Сите следует проходить через испытание огнем, то и он тоже должен подвергнуться этому испытанию. Он в течение трех лет тоже был один, живя среди тысяч других людей. Где гарантия его характера, его морали, его чистоты? Нет, это мир мужчин. Мужчина может спросить женщину о ее характере, но женщина спросить не имеет права.

История такова: Сита прошла испытание, вышла из огня живой. Тем не менее, когда они вернулись домой, в царстве оставалось великое подозрение: три года жена Рамы жила во дворце

Раваны и Рама принял ее назад. Он прекрасно знал: она прошла испытание огнем, которое абсолютно ненаучно...

Можно пытаться что-то узнать таким образом. Дважды два — четыре. Вы говорите, дважды два — четыре; вы говорите истину — тогда кладите руку в огонь. Истинно или ложно ваше утверждение? Это будет решено. Огонь даст решение: верно ли, что дважды два — четыре, или пять, или шесть. И если вы сгорите, то дважды два — не четыре; вы неправы. Любая даже маленькая вещь может доказать, что все это абсолютная глупость. Я спрашиваю вас: «Который час?» Вы смотрите на часы и говорите мне, который час. А я подношу к вашей руке пламя свечи, чтобы узнать, говорите вы правду или нет. Вы думаете, ваша рука не сгорит? А если она сгорит, тогда все, что вы говорили, было неправдой. Это может быть правдой только при условии, что ваша рука не сгорит. Так вот, огонь не имеет ничего общего ни с вашим характером, ни с вашей математикой, ни с вашими часами. Огонь живет по своим законам. Он не имеет ничего общего с моралью.

...Видя, что ситуация повторяется в столице, в Айодхье, Рама снова бросил Ситу в лесу, поскольку люди подозревали ее в неверности, а это подозрение было опасно для его власти. Этот человек — политик, политик третьего разряда, а индусы поклонялись ему, как великому воплощению Бога!

Но он — лишь частичное воплощение. У индусов для вас есть еще больший сюрприз — Кришна. Он — совершенное, полное воплощение Бога — пурнаватара. И вы не сможете найти более извортливого, более политического характера, чем Кришна. Вы удивились, что у Мухаммеда было девять жен; что вы будете делать теперь, когда услышите, что у Кришны было шестнадцать тысяч жен? И не думайте, что это лишь история; нет, это факт.

В Индии незадолго до того, как Индия стала независимой, Низам из Хайдарабада имел пятьсот жен. Если в двадцатом веке человек мог иметь пятьсот жен, то вполне можно представить, что пять тысяч лет назад у человека могло быть шестнадцать тысяч жен; всего в тридцать два раза больше — не так много. И эти шестнадцать тысяч жен не состояли с ним в социальном, законном, общепринятом браке — нет, большинство из них были украдены у других людей. Они были женами других людей, насильно уведёнными прочь. И этому человеку поклоняются как пурнаватаре!

Нет, я совсем не хочу быть в этой компании. Я совершенно счастлив быть просто обыкновенным человеческим существом, как вы.

Не впутывайте меня в трудности. Если я должен быть мессией, я должен ходить по воде. Иисус, должно быть, знал, где находятся камни в Галилейском озере, иначе нет другого способа ходить по воде. Тогда я должен буду творить чудеса, поскольку без чудес кто примет меня за мессию?

У меня есть друг, находящийся теперь в Бангладеш. Перед разделением Индии на Индию и Пакистан он был в Калькутте. Он был известен, как человек чудес, но для меня он был другом, и он, бывало, рассказывал мне, как он творит свои чудеса. Просто, для примера, я расскажу об одном чуде, которое он сотворил и стал известным по всей Бенгалии как величайший живущий волшебник. Что это было за чудо? Очень просто. На станции в Ховрахе он садится в поезд, идущий в Бомбей. Входит билетный контролер. Он спрашивает у всех, он спрашивает и у этого человека, одетого в зеленое одеяние суфиев; этот человек мусульманин...

Билетный контролер с уважением спрашивает его: «Баба, далеко ли вы едете? Будете ли вы так добры показать мне ваш билет?»

Он разгневался. Он сказал: «Никто никогда не требовал от меня предъявлять билеты. Я путешествовал всю свою жизнь — вы первый, кто проявляет такое неуважение ко мне».

Но билетный контролер был несокрушим, он сказал: «Я не разрешу вам путешествовать без билета. Я спрашивал вас уважительно, но теперь вопрос не в уважении -просто покажите свой билет, иначе выходите из поезда».

Баба сказал: «Я не выйду из поезда, если только вы не вытащите меня». Билетный контролер вытащил его из поезда.

Он встал на платформе и сказал: «Теперь я посмотрю, как двинется этот поезд».

Закрыв глаза, он стоит на платформе. Служитель показывает флаг, начальник станции показывает флаг; машинист делает все возможное, но поезд не двигается. Инженер осматривает все, что можно; все в порядке, все правильно, но поезд не двигается. Вокруг бабы собирается толпа. Все пассажиры выходят и начинают говорить, что поезд не движется из-за того, что оскорбили религиозного человека. Один человек кричит, что поезд не поедет, если билетный контролер не коснется ног бабы, не попросит у него прощения, с уважением не проводит его в поезд и не пообещает, что никогда не будет спрашивать билет у других суфиев в зеленом одеянии.

Даже начальник станции говорят билетному контролеру:

«Что делать?»

Билетный контролер отвечает: «Я действовал точно по закону, почему я должен касаться его ног?» А он брамин; для брамина коснуться ног мусульманина... «Не буду я касаться его ног. И почему я должен разрешать ему войти в поезд? Это незаконно, если я разрешу ему путешествовать без билета и пообещаю, что не только он может путешествовать без билета, но и другие, подобные ему, тоже могут путешествовать без билета. Тогда зачем я здесь? Я здесь для того, чтобы хватать людей без билета и выбрасывать их из поезда».

Но подбегает машинист, подбегает инженер, подбегает служитель, и все они говорят: «Ничего нельзя сделать, если баба против. Поезд не сдвинется».

И тысячи людей, путешествующих в поезде, хватают билетного контролера и говорят: «Вы коснетесь его ног; вы оскорбили великого человека».

Толпа так неистова, так сердита, так кровожадна, что билетный контролер, бедный билетный контролер, касается ног бабы, ведет его уважительно в поезд, извиняется и говорит:

«Я никогда не спрошу билет ни у одного суфия, путешествующего в поезде. Пожалуйста, простите меня».

Баба открывает глаза и говорит: «Хорошо, теперь поезд может двигаться». И поезд двигается.

Он рассказывал мне: «Это сделало меня знаменитым по всей Бенгалии. Но чудо было очень простым: билетный контролер, машинист и инженер — эти три человека были подкуплены. Как мог сдвинуться поезд?»

Я не делаю чудес; чудеса не случаются никогда.

Природа никогда не изменяет своих правил. Она безразлична к вам, Иисус ли вы, или Моисей, или Кришна, или Будда. Кто вы, не имеет значения; природа не предвзята, она беспристрастна, она просто следует своему собственному закону. Этот закон я называю дхармой, дао, логосом.

И истинно религиозный человек находится в гармонии с законом природы.

Человек, пытающийся творить чудеса, пытается обмануть природу, обмануть вас. Он не в гармонии с природой; он пытается показать, что он выше природы — он сверхъестественен.

Нет ничего выше природы; природа есть все и вся. Она содержит в себе божественность.

Ничего нельзя сделать против нее. Но можно дурачить дураков, которые хотят быть одураченными, которые жаждут быть одураченными. Поскольку они так пусты, они цепляются за того, кто могущественен, настолько могущественен, что может перешагнуть через естественные законы, настолько могущественен, что может идти против течения природы.

Я не учу вас идти против природы, я учу вас идти вместе с ней. Растворите себя в ней — будьте в состоянии полного восприятия. Пусть верховодит природа.

Не пытайтесь идти против течения, пусть поток несет вас, куда бы он ни направлялся; не боритесь с ним. Я учу вас не борьбе, я учу вас гармонии.

И для меня это величайшее чудо — быть в гармонии с природой, в полной гармонии с природой.

Вы с ней утром и вечером. Вы с ней в радости и в горе.

Вы с ней в жизни и в смерти. Вы не отклоняетесь от нее ни в одной точке, ни на единое мгновение.

Это полное согласие, это абсолютное согласие создает религиозного человека.

Бхагаван, Епископ Дженкинс из Дархама был отлучен от церкви лордом Хейлшемом — лордом-канцлером, главой судебного ведомства Британии. Кроме того, член британского парламента назвал епископа «опасным шутником» за то, что тот охарактеризовал воскресение Христа как просто «фокус с костями» и сказал: «Моя вера в Бога заставляет меня поднимать эти вопросы о непорочном зачатии и воскресении из мертвых». Лорд Хейлшем не мог поддержать такие мысли.

Первое, что нужно понять о воскресении из мертвых, — это то, что его никогда не было и, прежде всего, потому, что Иисус никогда не умирал на кресте — это было подстроено.

Иудея была под римлянами, а Понтий Пилат был верховным правителем, наместником Рима в Иудее. Понтий Пилат не имел ничего против Иисуса. И самое большее, он думал о нем, как о

немного горячем молодом человеке, что весьма естественно; таким и должен быть молодой человек. Но он не совершал никакого преступления, он не побудил никого другого совершить какое-нибудь преступление; и послать его на крест, что является предельным наказанием, даваемым убийцам, представляется абсолютно нелогичным.

И он был культурным человеком. Он старался убедить верховного священника иудеев: «Я не вижу, какое преступление совершил этот человек. Даже если он говорит, что он сын Божий. Его утверждение никому не наносит вреда. Самое большее, он немного не в себе — но быть немного не в себе недостаточно для того, чтобы быть распятым. Если он говорит, что является мессией, которого вы ждете веками... Если вы думаете, что он не мессия, не принимайте его, как мессию; но он имеет полное право говорить о себе, что думает. Он не может заставить вас думать, что он мессия. Он не убивает людей, не говорит тем, кто не принимает его: «Я убью вас»».

И, по-моему, Понтий Пилат был совершенно прав. Итак, он и один богатый последователь Иисуса составили целый заговор. Он хотел, чтобы этот молодой человек был свободен. На самом деле, он по-своему влюбился в этого молодого человека, поскольку переодетым приходил на многие его проповеди, слушал и любил то, что он говорил. И более того, он любил то, как говорил Иисус, внушительность, с которой он говорил. Он слышал многих ораторов; он сам был великим оратором. Иисус не был оратором. Он говорил простые вещи, но они доходили до сердца. Все это воздействовало на Понтия Пилата, впечатляло его.

Его жена тоже ходила слушать Иисуса — конечно, переодетой, поскольку наместники и их жены не могут ходить слушать сына бедного плотника и сидеть рядом с невежественными, обыкновенными людьми. Его жена тоже была очень сильно поражена, поражена самим образом этого человека. В нем была какая-то божья искра, что-то магнетическое, так что даже хотелось верить в его нелогичные утверждения. Он имел своего рода гипнотическое влияние. Не бойтесь слова «гипнотическое». Слово «гипноз» просто означает сон. И когда я говорю, что он имел гипнотическое влияние, это просто означает, что пока люди слушали его, их разум отправлялся спать. Его нельзя было слушать без этого.

Понтий Пилат перед распятием даже вызывал его во дворец наместника, чтобы убедить его: «Не нужно говорить этих слов, не нужно говорить о царстве Божьем, потому что это создает путаницу. Ты говоришь о царстве Божьем, которое наступает после смерти, где-то на небесах. Но политики пугаются — царство Божье! — и говорят, что ты призываешь людей завоевывать царство Божье. Похоже, что вы используете условный язык и стараетесь... Священник пытался убедить меня, — говорил ему наместник, — что: «Он на самом деле революционер и стремится вывести страну из-под власти Рима». Священник сказал это просто для того, чтобы повлиять на наместника и убедить его, что Иисус является также и опасным политиком, что он должен быть распят.

Понтий Пилат сказал Иисусу: «Отбрось эти слова. Говори просто... «Я говорю о духовном измерении. Я не имею ничего общего с политикой и существующим царством». И зачем ты без необходимости говоришь, что ты — сын Божий, единственный рожденный сын Божий? Это вызывает у раввинов, у священников ревность, потому что ты пытаешься поставить себя выше их. Они лишь раввины, а ты единственный рожденный сын Бога! Ты создаешь себе ненужных врагов. Отбрось эти слова; говори просто то, что хочешь сказать людям».

Но Иисус был настолько же фанатиком, насколько был хорошим человеком. Это не

противоречащие друг другу качества; можно быть очень хорошим парнем и, вместе с тем, в определенных вещах очень фанатичным. А Иисус был очень фанатичным. Он не мог слышать возражений тому, что говорил. В конце концов Пилат почувствовал, что этот человек невозможен. В конце концов он сказал: «Я задам только один вопрос: что есть истина, о которой ты постоянно говоришь? Что есть истина?» Вот вопрос, на который никто не может ответить, — никто, кто знает, никто, кто когда-либо пытался, хоть немного, искать истину.

Сократ говорил: «Я не знаю, что есть истина». Не обманывайтесь словами.

Бодхидхарма сказал: «Я не знаю даже себя». Не обманывайтесь словами. Эти люди имели определенный проблеск. Но крайней мере, одно они поняли очень хорошо: есть вещи, которые нельзя высказать, о которых нельзя говорить.

Иисус хранил молчание- Он не ответил, но это был его ответ; молчание было его ответом. Но для Понтия Пилата, человека изощренного, культурного, образованного, человека слов, это не было ответом. Это просто доказывало ему, что Иисус не знает. Он согласился со священником; но за кулисами он также согласился с одним учеником Иисуса, очень богатым человеком — только очень богатый человек мог быть допущен к наместнику.

И все было просто подстроено: что распятие должно состояться в пятницу, что оно должно быть задержано как можно дольше — почти до полудня пятницы... Способ, которым евреи обычно распинали людей, был очень мучительным, мучительным в том смысле, что проходило иногда двадцать четыре часа, прежде чем человек умирал. Ведь это был не электрический стул или газовая камера Адольфа Гитлера, где в течение секунд испарялись тысячи людей. Это был очень грубый метод: пригвоздить человека к столбу. Кровь сочилась капля за каплей, это требует времени.

Итак, это был заговор: вечером, когда солнце садится, он еще не будет мертв; он пробыл на кресте только шесть часов. Никто не умирал на еврейском кресте за шесть часов. Двадцать четыре часа, тридцать шесть часов, сорок восемь часов, даже шестьдесят часов нужно было людям, чтобы умереть. Какая же была стратегия? Из-за праздника субботы евреи прекращают всякую работу; в праздник нельзя делать никакой работы. И тело Иисуса должны были снять с креста через шесть часов, поскольку солнце садится; все работы прекращаются. Поэтому он был еще жив; он просто потерял немного крови. Он никогда не умирал на кресте.

Так что епископ, прежде всего, ничего не знает. Он говорит, что: «Я не верю, что Бог колдует с костями и творит чудо воскресения». Как можно колдовать с костями? Он ничего не знает о реальности, о фактах. Но он, по крайней мере, честный человек. Он рисковал своим епископством. Я уважаю его за честность, хотя он и глуп. Он не знает действительной истории за фасадом воскресения.

Иисуса снимают с креста, кладут в пещеру с большим камнем в качестве двери так, чтобы он не мог убежать, — ведь люди, снявшие его с креста, прекрасно знали, что он жив. Даже в Библии сообщается, что один из солдат ткнул его мечом в бок и потекла кровь. Из мертвого человека кровь не течет; он удостоверился, что Иисус жив. И ночью его унесли оттуда. Теперь дверь пещеры будет открыта только в понедельник утром — и пещера была найдена пустой.

Иисус сбежал из Иерусалима. Наконец-то здравая мысль пришла ему в голову; он очень хорошо

знал, что все это глупо... даже его собственные ученики сбежали, когда его распинали; никого не осталось, кроме одного ученика. Все испугались, что их могут схватить и обвинить в участии в заговоре Иисуса против иудаизма и Римской Империи.

На последней трапезе, когда Иисус расставался со своими учениками... по-моему, они просто глупые люди. Если бы у них было хоть какое-нибудь понимание, они предупредили бы Иисуса: «Что за необходимость идти в Иерусалим, когда ты знаешь, что тебя собираются распять там завтра?» Повсюду было известно, что, если он придет на этот праздник, его не оставят на свободе: «Он нанес достаточный ущерб престижу священников, раввинов, государственной религии. Опасно разрешать ему большее, он будет становиться все более и более могущественным. Лучше будет покончить с ним прямо сейчас. Прямо сейчас он не имеет власти, не имеет последователей, нечего особенно и говорить об этом».

Но эти двенадцать апостолов просто позволили ему уйти. Ни один из учеников не сказал ему: «В этом нет необходимости. И нам нужно, чтобы ты жил. Мы хотели бы, чтобы ты жил как можно дольше, чтобы случилось все, что ты желаешь». Нет, они были просто тупыми парнями. Я сожалею об Иисусе. Будда был более удачлив; его учениками были по-настоящему великие гиганты. Лао-цзы был удачлив. Иисус — самый неудачливый во всей компании мессий, аватар, тиртханкар - самый несчастный. Простые рыбаки... Что они могли сделать и что они могли понять? Знаете, о чем они спрашивали его на последней трапезе? Они приняли тот факт, что он собирается быть распятым. Они задали ему вопрос: «В царстве Божьем ты, конечно, будешь сидеть по правую руку Бога; где будет место для нас, двенадцати, которые следовали за тобой?» На самом деле, очень еврейский вопрос: хотят удостовериться в своем месте, где будет первый, где будет второй, третий, четвертый. Они были очень невежественными людьми.

Иисус сказал: «По крайней мере, сегодня ночью, когда придут схватить меня, не спите. Хотя бы сегодня ночью бодрствуйте!»

И час за часом он молится в Гефсиманском саду, он уходит в угол сада, чтобы молиться. О чем он молится? Он молится:

«Бог, дай мне силу, чтобы я смог пройти то жестокое испытание, что предстоит мне».

В точности так, как я постоянно говорил вам: каждая вера несет под собой сомнение. Он, возможно, знает, что будет распят и никакое чудо не спасет его; возможно, и нет никакого Бога. Но он продолжает молиться, и час за часом он возвращается посмотреть на учеников. Всякий раз, когда он возвращается, они крепко спят, похрапывают. Они не могут даже пободрствовать одну ночь. А на следующий день Учитель должен умереть.

Они не могут пожертвовать даже одной ночью сна — люди жертвуют, сидя перед телевизором, глядя голливудские картины и всякую чепуху, — а они не могут остаться бодрствующими. И зачем он настаивал? Потому что это то, что он говорил им всю жизнь: «Будьте осознающими, будьте осознанными. Очнитесь от этого сна, в котором вы ходите и живете. В последнюю ночь...» Но пытаться в последнюю ночь также кажется неразумным; уже нет времени учить этих людей, как оставаться осознающими.

Все, что он делает, так это приходит снова и будит их, и кричит на них, и говорит им: «Что же вы за ученики? Вы не можете не спать, а меня собираются распять, в любой момент могут

прийти и схватить меня». И когда он приходит через час... Так он ходит всю ночь между Богом, который, как он думает, сотворит чудо, и учениками, которые, как он думает, являются его апостолами, которые будут нести его золотое слово во все концы земли. И то и другое — фикция. Нет ни Бога, слушающего его молитвы, ни учеников, слушающих его поучения оставаться осознающими.

Он сказал им: «Когда меня будут распинать, вас, конечно, не будет там».

Один ученик сказал: «Я буду там, Учитель».

И Иисус сказал: «Нет, петух еще не прокричит в то утро, как ты трижды отречешься от меня».

Так и случилось. Этот ученик был схвачен, люди священников задержали его — он показался им незнакомым. Они спросили его: «Кто ты? Не с тем ли ты безумцем, который думает, что он сын Божий?»

Он сказал: «Нет, я не знаю, кто этот человек. Я впервые в этом городе. И увидел свет, — поскольку все они несли факелы. — Я просто пошел следом, чтобы найти одно место. Я не знаю ни города, ни его окрестностей»-

И Иисус сказал тогда: «Вспомни, петух не прокричал еще». И так случилось трижды. До того, как первый петух своим криком возвестил о наступлении утра, этот ученик трижды отрекся от Иисуса, говоря, что совсем не знает его. Эти трусы, у них не было идеи... Но Иисус, видя с креста происходящие события, провисев шесть часов, должен был понять всю ситуацию. Он сбежал из Иерусалима.

Он дожил до ста двадцати лет в Кашмире. Так что вопрос о воскресении не стоит, поскольку, прежде всего, не состоялось распятие. А в Кашмире, как я говорил вам, есть могила Иисуса — рядом с могилой Моисея. Ни один христианин не беспокоится о том, что эта могила подвергает опасности веру в воскресение. На могиле ясно написано — конечно, не имя Иисус указано там, поскольку Иисус — это греческий перевод имени Йошуа; его настоящее имя было Йошуа, — что «Йошуа пришел сюда, прожил здесь до зрелого возраста в сто двадцать лет, умер здесь». Деревня, где находятся эти могилы, называется Пахалгам; это означает «Деревня пастуха».

Но он хранил молчание. Только один ученик, Фома, последовал за ним туда; он был его самым любимым учеником. Он послал Фому на юг Индии, в противоположную от Кашмира часть страны. И вы будете удивлены, узнав, что индийское христианство — старейшее, христианство в мире.

Ватикан не такой старей. Институт папства начался спустя триста лет после так называемого распятия Иисуса. Но Фома начал работать в Южной Индии и был, должно быть, единственным подлинным учеником из всех.

Тело Фомы еще сохраняется. Это единственное в целом мире так хорошо сохранившееся тело. И наука абсолютно не в состоянии понять, как сохраняется это тело, ведь не использовались никаких химикатов. Тело находится в Гоа. Каждый год оно извлекается из церкви и на один день оставляется открытым для посетителей. Оно не испортилось; кажется, как будто он только уснул. Я видел Фому. Две тысячи лет прошло, а он почти как в глубоком сне. Этот человек,

кажется, единственный из учеников Иисуса, кто имел что-то.

В Индии есть методы йоги — определенные дыхательные упражнения, — предписанные Патанджали пять тысяч лет назад, которые, если практиковать их по крайней мере в течение тридцати лет, могут полностью очистить вас. И эти дыхательные упражнения таковы, что медленно, медленно ваше дыхание прекращается на мгновение. И внезапно нет ни вдоха, ни выдоха. Вы есть, есть более чем всегда, в этом потрясающем безмолвии, где даже дыхание не является более возмущением. Затем эти промежутки становятся больше: минуты, часы, дни. Много людей в Индии и много людей в Египте позаимствовали эту науку из Индии...

В Египте жил один человек, похороненный в земле на сорок лет. Он был похоронен в 1880 году. И он говорил людям, которые жили там, и правителям: «В течение сорока лет меня не следует беспокоить. Моя могила должна быть открыта в 1920 году». За сорок лет почти все люди, жившие там, умерли. Правители сменились — вы знаете, что может случиться в жизни за сорок лет... Все забыли об этом человеке; сорок лет — это большой срок.

Это было просто совпадением, что кто-то, проводивший некоторые исследования, обнаружил одну старую газету, описывающую это событие. Он проинформировал правительство. Могила была вскрыта, человека вытащили. Они думали, что он был мертв, ведь он не дышал. Медицинская наука знает только одно: если вы не дышите, то вы мертвы. Его сердце не билось, дыхания не было, не было пульса. Доктора сказали, что он был мертв. Но через несколько секунд он открыл глаза; он начал дышать, его пульс вернулся, вернулось сердцебиение. Он остановил свое дыхание на сорок лет. Если можно сознательно останавливать дыхание, без усилия, расслабленно — тогда не будет никакой разницы, сорок лет, или четыреста лет, или четыре тысячи лет.

Фома, должно быть, выучился этому в Южной Индии; он был очень заинтересован в обучении. Вы будете удивлены, он жил, как брамин. Он носил одежды, которые в Южной Индии носят брамины, — просто обернутое вокруг тела ланги. Он пользовался индусским поясом. Он убирал свои волосы в индусском стиле, оставляя маленькую часть как раз на седьмой чакре, в виде индусского черепа сикха. Он ходил в сандалиях, сделанных из дерева, — индусские брамины пользуются деревянными сандалиями — это трудно, на них нужно учиться ходить. Он жил абсолютно как индус для того, чтобы понять все возможности, развитые индуизмом, особенно методы йоги. Он, должно быть, практиковал дыхательные упражнения, которые предохраняют тело от какой-либо порчи даже после смерти.

Так что епископ смелый, но невежественный. Он ничего не знает об Иисусе и его распятии. Он говорит, что не может поверить в деву Марию, рождающую Иисуса, — ни один здравый человек не может поверить в это. Христиане думают, что это Дух Святой сделал бедную девушку беременной. Странно... Я бы сказал, что это какой-то несвятой дух, должно быть, сыграл шутку с бедным Иосифом, отцом Иисуса. Иосифа предают. Если это сделал Дух Святой, то этот Дух Святой должен быть наказан, поскольку он сделал Иисуса внебрачным ребенком. Но христианство основывается на всем этом: воскресение из мертвых, рождение от девственницы, хождение по воде, возвращение мертвых к жизни, исцеление больных, слепых.

Епископ говорит, что достаточно веры в Бога. В этом месте он абсолютно неправ. Какие основания вы имеете для веры? Вот они, основания, которые продолжает подчеркивать христианство: рождение было от девственницы; после распятия Иисус был воскрешен чудом

Бога; он ходил по воде; он обращал воду в вино и камни в хлеб.

Все это христианство не может отбросить, поскольку, если вы отбросите эти вещи, — а они должны быть отброшены, ведь все это чепуха и ложь, — то какое основание останется для веры в Бога? Вот где неправ епископ. Как можно иметь какую-нибудь веру? В чем причина веры?

Тогда есть только одна возможность, которой я учил вас, — медитация.

Медитация не требует веры в Бога в качестве необходимого шага — на самом деле здесь вера является помехой.

Для медитации просто нужно, чтобы вы не начинали с какой-либо веры, поскольку любая вера может стать гипнотизирующим фактором.

Если вы веруете слишком сильно и верите во что-то определенное, у вас начнутся галлюцинации по этому поводу.

Христиане видели Христа, индусы видели Кришну, буддисты видели Будду, — но некого было видеть. Это все их фантазии. Их вера создает образ, а потом образ усиливает веру. Так образуется порочный круг. Тогда вы имеете больше веры, потому что видели Иисуса; тогда Иисус становится более живым, тогда ваша вера углубляется; тогда Иисус начинает разговаривать с вами... Ваша вера становится абсолютной. Но это просто игра ума, вы просто играете со своим собственным умом.

Медитация происходит без всякой веры, безо всякого верования, она входит в безмолвие, чтобы увидеть, что там.

Нет необходимости предполагать заранее, что там. Если вы заранее предположили, что там, вы и найдете это. Вот проблема. Если вы думаете, что там Иисус, вы найдете его. Иисус говорит: «Верьте, и я есть». Вера создает явление.

Медитация — самый научный метод. Ей не нужна вера, не нужно верование — только исследование. А исследование, чтобы быть научным, должно быть без веры.

Мне вспомнился индусский профессор, доктор Баннерджи. Он знаменит во всем мире своей научной работой по повторной инкарнации, по повторному воплощению в тело. Он является главой факультета парапсихологии в Раджастанском университете в Джайпуре. Он пришел повидаться со мной, поскольку он разыскивал и исследовал людей, которые могли дать свидетельства существования прошлых жизней. Я задал ему только один вопрос: «До того, как вы исследуете меня, я имею все права познакомиться с вами. И этого вопроса будет достаточно. Я не хочу знать вашего имени, и ваших степеней, все это не является вашей настоящей рекомендацией. Вашей рекомендацией для меня будет мой вопрос, и тогда можете спрашивать все, что захотите». Я спросил его очень простую вещь: «Что вы пытаетесь делать? Для чего все это исследование?»

Он сказал: «Я хочу доказать, что есть цепь рождений, что душа проходит от одного рождения до другого, до другого рождения».

Я сказал: «Теперь стоп. Я не отвечаю ни на один из ваших вопросов. Вы говорите: «Я хочу доказать...» Это означает, что вы уже приняли этот факт, и все, что вам нужно теперь, — это свидетельство. В том, что касается вас, вы уже приняли тот факт, что жизнь продолжает изменять формы, смерть не является действительной смертью; она — только смена одежд, смена тела, смена дома. Ваш индусский ум хочет научно доказать индуистскую веру. Конечно, вы найдете свидетельства — ведь вы ищете их. Христиане не пытаются искать этого, мусульмане не пытаются искать этого, евреи не пытаются искать этого. Почему это касается только индусов? Ваше ли это дело? Есть ли у вас какие-нибудь воспоминания о вашей прошлой жизни?»

Он сказал: «Нет, у меня нет никаких воспоминаний».

Тогда я сказал: «Что же вы пытаетесь доказать? Вы сами не знаете. Вы должны были бы сначала... вы не помните, так что это не базируется ни на каком вашем переживании — это просто вера. Есть только вера, и вы пытаетесь придать ей научность».

Вот что делают люди все время. Они начинают с веры; это неправильное начало.

Начните свежими: очистите грифельную доску вашего сознания от веры, от догмы, от верования. Тогда у вас есть возможность найти истину.

И истина не является ни индуистской, ни мусульманской, ни христианской. И истина не находится ни в Библии, ни в Коране, ни в Гите.

Вы будете удивлены, истина, которую вы найдете, нигде не записана, не может быть записана. Невозможно записать ее. Она никем никогда не произносилась, и она никем не будет произнесена.

Только пальцы указывали на луну, не говоря ничего. И вам не следует касаться пальца, потому что палец — это не луна.

Вы должны полностью забыть о пальце и смотреть на луну. И луна не имеет ничего общего с пальцем.

А епископ говорит, что достаточно его веры в Бога. Нет, этого не будет достаточно. Его вера основана на тех верованиях, которые он теперь критикует. Вскоре его вера уйдет. Он взялся за фундамент дома; дом вскоре упадет.

Но только посмотрите на всех этих религиозных людей. Поскольку он был честен и сказал, что чувствует, он был отрешен от церкви, его выгнали; он больше не епископ. Теперь он стал шутником. Всего день назад он был епископом, теперь он шутник.

Вы только посмотрите, как меняются люди. Они не хотят, чтобы вы были честными. Если бы он продолжал говорить то, что говорил, и держал все, что сказал сейчас, в себе, он остался бы епископом. Может быть, однажды он стал бы папой. Они все несут одну и ту же чепуху. Канцлер, который отлучил его от епископства, будет нести то же самое.

Но люди не честны. Они не открывают своих сердец. А это должно быть основным качеством

религиозного человека.

Беседа 6

ТАК НАЗЫВАЕМЫЕ СВЯТЫЕ КНИГИ - ПРОСТО РЕЛИГИОЗНАЯ ПОРНОГРАФИЯ

4 ноября 1984 года

Бхагаван,

Что вы думаете об отношении мессий, аватар, тиртханкар, паигамбар к женщине?

Оно просто отвратительное. Эти люди, о которых думали, как о посланниках Бога, которые учили милосердию, любви, никогда не смотрели на женщину, как на человека.

Они были рождены женщиной. Тем не менее, они все выказывают отвратительное неуважение к женщине. Причина совершенно ясна. Причина такова: они боятся женщины.

И в этом психологическая истина: вы боитесь и одновременно очаровываетесь. Страх и очарование существуют вместе. На самом деле, страх — побочный продукт очарования.

Они очаровываются, что естественно. В этом нет ничего неправильного, это абсолютно по-человечески. Но они хотят быть мессией, или тиртханкарой, или паигамбарой, или аватарой, тогда они должны удовлетворять условиям, которые предписывает им традиция.

А все традиции созданы людьми. До сих пор мы живем в обществе, которое создано мужчинами и в котором женщина совершенно не принималась в расчет.

Конфуций — и весь Китай находится под влиянием Конфуция — полагает, что у женщины нет души, что она — только тело. Убить женщину — это не считается убийством. Поэтому в течение тысяч лет в Китае, если кто-то убивал свою собственную жену, это не было преступлением. Это все равно, как если бы вы захотели сломать свой стул, свою мебель или что-нибудь принадлежащее вам; вы владеете этим, это ваше - точно так же вашей является ваша женщина. Вы владелец; вы можете убить ее. В Китае нет закона, запрещающего мужу убивать свою жену. И никакого наказания также не было, поскольку женщина была вещью, а не живым существом.

И о Конфуции думают, что он один из мудрейших людей в мире. Что же это за мудрость? Он основатель конфуцианства, но все, что сделал Конфуций, лишь запутывает человеческий ум.

Каждая религия боится женщины, поскольку каждая религия боится секса.

Каждая религия подавляет секс, выступает против секса. Естественно, быть против женщины — побочный продукт каждой религии, женщина должна быть осуждена. Если вы осуждаете секс, вы обязаны осуждать и женщину.

Если вы уважаете женщину — это естественное следствие, — вы будете уважать и секс как естественную вещь.

И почему эти люди были против секса? Они различаются в своих позициях по всем вопросам,

кроме секса.

По поводу секса все религии соглашаются друг с другом; это, кажется, единственное согласие между религиями. Поэтому представляется чрезвычайно важным войти глубоко в это явление: почему они боятся секса.

Они боятся секса, потому что он — величайшая энергия в человеке, самая мощная сила природы и биологии. Нет способа разрушить ее.

Или вы осуждаете и подавляете ее, или вы понимаете и преобразуете ее. Но второе — это длительный и трудный путь, требующий огромной разумности и осознанности, ведь секс - это подсознательная сила в вас.

Каждая клетка вашего тела сделана из него, вибрирует с ним. Ваш сознательный ум невозможно сравнивать с вашей подсознательной сексуальной энергией.

Отсюда страх, что подсознательное может овладеть вами в любой момент.

Но подавить кажется проще. Для подавления, прежде всего, не нужна разумность; любой идиот может сделать это. На самом деле, только идиоты делают это. Я был удивлен, видя тысячи монахов в Индии, принадлежащих различным религиям, — все они подавляют свою сексуальность. Мое удивление было в том, что чем больше они подавляют свою сексуальность, тем более глупыми становятся, точно в тех же пропорциях. Подавление природы — такое идиотское занятие, что оно обязано разрушать вашу разумность.

Джайнский монах подавляет себя больше всех в целом мире. В Индии осталось только двадцать два джайнских монаха, живущих, как Махавира: обнаженные, в точности следующие древнему пути. Я встречал их всех, поскольку я странствовал по всей Индии и было не так трудно повстречаться с этими людьми или любыми другими, с которыми я захотел бы встретиться; рано или поздно, здесь или там это должно было случиться. Странно... Все двадцать два были одинаковыми, глупыми — ни признака разумности. Ни единого луча света нельзя увидеть в их глазах. Они тупы, мертвы. Так и должно быть, поскольку они подавили свою жизненную энергию, свою жизненную силу.

Когда вы подавляете жизненную энергию, вы становитесь тупыми. И методы, которые вы используете для подавления жизненной энергии, обязаны делать вас более и более глупыми. Например, они не могут есть дважды в день. У них тысячи правил — из-за этого они могут есть лишь немного, что не дает им всех витаминов, протеинов, необходимых для функционирования разума. Они голодают.

А интеллект — это роскошь. Когда все потребности вашего тела исполнены, только тогда получает энергию интеллект, потому что он — наивысший уровень вашего бытия. Если на нижних уровнях энергии недостает, то она не может подняться до верхних уровней.

Пища джайнского монаха абсолютно лишена протеинов. Он не ест мяса, и я не предлагал ему есть мясо. Но я предложил им: «Вы можете использовать соевые бобы, которые так же хороши, как и мясо, или даже лучше».

Но эти дураки не используют соевых бобов, поскольку это не написано в их священных книгах — в то время соя еще не была открыта. Я спорил с ними, что это вегетарианская пища. Они говорят: «Это вегетарианская пища, но про нее не написано в священных книгах. И Махавира, всезнающий, должно быть, знал лучше всех, что должно кушать».

Махавира не химик, не врач, не психолог. Он не знает ничего о внутренней работе тела. Он не знает ничего о витаминах и протеинах или о чем-нибудь еще, абсолютно необходимом для питания разума. Они не пьют молоко, поскольку это животная пища. Они не едят ничего, приготовленного из молока, — это животная пища. И их логика такова:

«Вы обездоливаете детенышей животных — это насилие». Естественно, в результате этого они становятся тупее, теряют удовольствие от жизни. На самом деле, они хотят потерять его; они боятся его. Если оно есть, то, кто знает, в момент слабости оно может возобладать над вами. Отсюда страх женщины.

Джайнскому монаху не разрешено касаться женщины. Что говорить о касании... джайнскому монаху не разрешено сидеть в том месте, где до этого сидела женщина, поскольку она оставляет там свои вибрации! Что говорить об этих дураках? Девять месяцев они были в утробе своих матерей, постоянно омываемые женской вибрацией. Затем годы они вскармливались и вспаивались материнским молоком. Все их тело создано женщиной.

Отец — почти недеятельный партнер в этом деле; я говорю «почти», — любая инъекция может сделать ту же работу. Он может быть легко удален из процесса воспроизводства, и он будет удален рано или поздно, потому что мы можем найти лучшие методы, лучшее семя. Прямо сейчас все это совершается случайно. Теперь наука достигает определенной зрелости. Теперь в том, что касается животных, мы не допускаем случайности; породы животных разводятся. Но по отношению к человеку мы не проявляем научности; порода не разводится, поскольку всем и каждому позволено воспроизводить детей. Это не может долго продолжаться. Это не должно продолжаться долго.

Мужское дело кончается. Он только запускает процесс, затем вся ноша падает на женщину. И эти дураки говорят, что нельзя сидеть там, где сидела женщина. Джайнские монахи носят с собой свои маленькие коврики, поскольку, кто знает, по ошибке можно сесть на то место, где до этого сидела женщина. Поэтому они носят с собой две вещи: маленькую щетку, которой они очищают место, — как будто щеткой можно удалить вибрации, — затем они расстилают свой маленький коврик, который носят с собой, носят постоянно — его нельзя касаться вам, — и потом они садятся.

Я спросил этих монахов: «Если вы на самом деле хоть немного бдительны, то, пожалуйста, я покажу вам два места. На одном месте сидел мужчина, а на другом месте сидела женщина. Определите, ощущая вибрацию, где сидел мужчина, а где женщина?..» Даже наука не способна пока создать никакого такого детектора.

И, конечно, они отказались: «Мы не собираемся делать ничего такого».

Но я сказал: «Реальность такова, что вы не можете делать этого. Вы просто выучили какую-то тарабарщину. Вибрации — что вы знаете о вибрациях? И что вам могут сделать эти вибрации?»

Так вот, страх — это очарование. Женщина очаровывает, входит в их сны; они способны отгонять ее от себя в рабочие часы, но ночами...

Джайнские монахи произвели очень большое впечатление на Махатму Ганди. Он был странным парнем — рожденный индусом, но не очень индус, на девяносто процентов христианин, на девять процентов джайн, на один процент индус. Много раз в своей жизни он был близок к тому, чтобы обратиться в христианство; один раз он был готов обратиться в джайнизм. Трех человек он принимал как своих учителей: первый — джайн Шримад Раджчандра, второй — Лев Толстой, который был фанатичным христианином, и третий — Генри Торо, который также был фанатичным христианином.

Я разговаривал с этими джайнскими монахами и рассказывал им историю Махатмы Ганди, рассказывал о том, что случилось с ним. В его ашраме не допускалось любовных дел; даже мужья и жены, если они хотели стать обитателями ашрама, должны были придерживаться брахмачарьи, давать обет безбрачия. Это было основное правило. Так что там были и мужья, и жены, но они были безбрачными. Они не всегда следовали этому правилу, их ловили на этом. А Ганди был мазохистом, так же как был мазохистом Махавира, — он наслаждался тем, что мучил себя.

Есть определенное умственное заболевание, при котором получаешь наслаждение от боли. Вот что делал Махатма Ганди всякий раз, когда обнаруживалась пара, нарушившая обет безбрачия... Не нужно было никакой действительной половой связи. Достаточно было просто держаться за руки — если кто-то видел их, этого было достаточно; или обнимать друг друга — свою собственную жену.

Что Махатма Ганди делал, так это то, что он постился, он мучил себя. Он не наказывал этих людей, но на самом деле это было более сильным наказанием, чем любое другое, которое можно было представить, поскольку весь ашрам обвинял в его голоде эту пару. Пара мучилась сознанием этого: «Это из-за нас он постится». Они кричали, и плакали, и убеждали его:

«Простите нас, мы никогда не будем больше так делать; но прекратите свой пост».

Он говорил: «Я не наказываю вас; я наказываю себя. Это знак для меня, что я недостаточно чист; вот почему вокруг меня происходят такие нечистые вещи. Я просто очищаю себя». Вот, это тоже очень тонкий путь эго: вы сделали что-то, а я решаю принять ответственность за это. На поверхности это выглядит так: «Какая святость!» — но глубоко внутри не может быть ничего более эгоистичного. Кто я? Какое отношение имеет моя чистота или нечистота к вашей жизни? Но он так думал в понятиях старинных священных писаний: если вы настоящий святой, то вокруг вас не может быть ничего нечистого. Но что есть нечистое? Мужчина любит женщину - что здесь нечистого? Это его собственная женщина, это не против ее воли — что здесь нечистого? И если это нечистое, тогда все родились из нечистого. Само ваше рождение является нечистым.

Я спрашивал этих джайнских монахов: «Что случилось с Махатмой Ганди в последние годы его жизни?» Вся его жизнь была подавлением, подавлением и подавлением, но пришел момент, когда этого стало уж слишком много, когда он уже не мог более контролировать подавление. В таком случае люди находят какие-то логические обоснования. Ганди начал спать с обнаженной женщиной, — но у него был хитрый, изворотливый ум, он нашел логическое обоснование своего

поступка. Он сказал, что просто проверял, имеет ли женщина где-нибудь в его подсознании хоть какую-нибудь привлекательность. Чувствовал ли он еще очарование обнаженной молодой девушки? Ему было за семьдесят, а девушке, с которой он спал, было только двадцать.

Это не сообщалось широкой публике, поскольку его ученики боялись, что он потеряет свой образ Махатмы. Люди начнут думать: «Что это такое?» Это было удивительно, это не предавалось огласке; только несколько учеников, близких учеников, державших свои рты на замке, знали об этом. Но в глазах этих близких учеников Ганди уже пал, он уже не был тем Махатмой, которым был.

Я говорил этим джайнским монахам: «Постарайтесь понять Ганди, понять, что случилось с ним. Это случится и с вами. Вы можете так изголодаться, что в вас не останется энергии». Это была ошибка Махатмы Ганди, иначе так не случилось бы. Так было потому, что он хорошо ел, он ел питательную пищу, молоко, все, что нужно для тела. Он очень заботился о теле. В этом была причина случившегося. В нем была энергия, и он не был тупым человеком. Он был чрезвычайно разумным.

Но когда энергия поднимается к разуму, она также идет и глубже к самым основаниям вашей сексуальности. Она проходит к корням.

Если энергия идет к цветам, то она идет и к корням. Нет другого способа достичь цветов; она должна пройти через корни.

Но я нашел этих людей такими тупыми. Я много разговаривал с ними и мог заметить, что они ничего не слышат, их глаза выглядят почти мертвыми, их тела сморщились. Они выглядят безобразно.

Они были против секса и поэтому против женщины. Джайны считают, что никто не может быть освобожден, если его существо пребывает в женском теле. Только мужчина может быть освобожден, может достичь предельного — у них это обозначается словом мокша... мокша может быть достигнута только от мужского тела, не от женского. Что неправильного в женском теле? Нет никакой разницы. Единственная разница в психологии, но и это не такая уж большая разница — не та разница, что создает разницу.

Мужской половой орган подвешен снаружи, а женский половой орган находится внутри — вот единственная разница. Просто выверните свой карман, и пусть он висит наружу; карман становится мужским. Верните его в исходное положение, он становится женским. Вы называете это разницей? Один и тот же карман? Из-за того, что нет большой разницы, наука открыла теперь, что мужчина может стать женщиной путем простой пластической операции. Женщина может стать мужчиной путем пластической операции. Если бы была фундаментальная разница, это вряд ли было бы возможно. Путем пластической операции вы просто выворачиваете карман наружу или вовнутрь, и ничего такого здесь нет.

Джайны говорят, что женщина признается негодной из-за своего женского тела. Сначала она должна стать мужчиной. Так что есть джайнские монахини... Они не прилагают усилия к освобождению, они прилагают усилия к тому, чтобы в следующей жизни родиться мужчиной, тогда они будут работать ради освобождения. Для них путь на шаг длиннее, чем для мужчин. Девиз «дамы первыми» не применяется.

Одна женщина в истории джайнов была, должно быть, женщиной чрезвычайной смелости, разумности и бунтарства; она восстала против этой идеи. Ее имя было Маллибхай. Она просто восстала против этой идеи, она сказала: «Это просто придумано мужчиной». И конечно, она была женщиной с искрой божьей, поскольку стала джайнским монахом. Она не собиралась становиться монахиней, поскольку монахиня имеет целью стать монахом в следующей жизни. Она стала джайнским монахом. Джайнской монахине разрешается иметь одежду, она не обязана быть обнаженной; эта стадия наступит в следующей жизни, если она преуспеет в этой.

Но эта женщина, Маллибхай, на редкость мятежна. Я видел весь мир — я не нахожу другой женщины такого мятежного духа. Она стала монахом. Она сбросила свои одежды и объявила джайнам: «Я монах, и я прилагаю усилия ради освобождения, я ничуть не беспокоюсь о том, что говорят ваши священные книги». В ней, определенно, была искра божья, и она выполняла все требования, предписанные для тиртханкары, и джайны вынуждены были принять ее как тиртханкару.

Но они устроили трюк. Когда она умерла, они изменили ее имя: Маллибхай — бхай обозначает женщину — они сменили на Маллинатх — натх обозначает мужчину. Так что, если вы почитаете историю, вы не найдете среди двадцати четырех тиртханкар женщины, поскольку ее имя они не называют Маллибхай, они говорят Маллинатх. Они обманули весь мир и продолжают эту старую уловку. Одна женщина доказала, и доказательства одной женщины достаточно для всех женщин. Но хитрые священнослужители изменили ее имя после ее смерти. Они не только изменили ее имя, они изменили ее статую. В храме стоит мужская статуя; в джайнском храме есть двадцать четыре статуи тиртханкар — все мужчины.

Я приходил в джайнский храм и спрашивал: «Кто есть Маллибхай?»

И священник начинал трястись и говорил: «Э-э... Маллибхай? А вы — джайн?»

Я говорил: «Нет, я не джайн. Но я не мужской шовинист. Которая из этих двадцати четырех Маллибхай?» И он показывал.

Но я возражал: «Это мужская статуя. Половой орган висит наружу, а я абсолютно уверен, что в то время не было пластических операций».

Вскоре они опомнились, и поэтому, когда бы я ни приходил в джайнские храмы, они говорили: «Храм закрыт. Вам не дозволено входить в храм».

В Индоре, в Индии, есть один из красивейших джайнских храмов, возможно, самый красивый в Индии. Он весь сделан из стекла — весь храм. Когда вы входите в него, вы видите себя отраженным в тысячах зеркал, окружающих вас, поскольку весь храм состоит из маленьких кусочков зеркал. Я люблю это место за его красоту и покой. Но они не позволяют мне входить. Однажды я был там, затем двери для меня закрылись.

Я подошел к человеку, обслуживающему храм, и сказал:

«Это странно. Вы допускаете даже зевак, не являющихся джайнами, вы пускаете посетителей; могут приходить христиане, кто угодно может приходить в часы посещения», — ведь храм был таким уникальным произведением искусства, до двенадцати утра могли входить только джайны

для поклонения, а после двенадцати допускались посетители. «Меня не допускают даже среди посетителей. В тот момент, когда священник, — а он постоянно стоит в дверях, — в тот момент, когда он видит меня, он говорит: «Вам не разрешается»». Я спрашивал человека, который сделал это... и то был драгоценный подарок, который он сделал для страны.

Он сказал мне: «Я знаю, и я сам хотел встретиться с вами. Священник проинформировал меня». И так случилось потому, что я вынужден был оставаться в Индоре в течение шести месяцев, поскольку мой отец был очень болен и не отпускал меня. Так что я вынужден был оставаться, а больница была в пяти минутах ходьбы от храма. Поэтому всякий раз, когда у меня было время, я стучался в дверь, и священник хлопал себя руками по голове и говорил: «Я ведь уже сказал вам, что этот храм закрыт для вас навсегда».

Человек, который сделал это, сказал: «Я хотел встретиться с вами. Я могу сказать священнику, что вам разрешено входить, но, пожалуйста, не задавайте вопросов, на которые мы не можем ответить. Ваш вопрос справедлив; я знаю, что вы правы. Действительно, Маллинатх был женщиной. Но зачем вносить смуту? Двадцать пять веков мы поддерживали то, что она была мужчиной, и теперь никто не спрашивает нас об этом. Все исторические книги приняли это за факт. Вы странный парень. Откуда вы взяли эту идею? Мы абсолютно прояснили этот факт во всех исторических книгах, всеми возможными способами. Во всех храмах эта статуя изображает мужчину».

Я сказал: «Не беспокойтесь о том, откуда я взял эту идею. Вопрос в том... На дверях храма вы написали: «Истина — вот высшая религия». Внутри, где находится спальня двадцати четырех тиртханкар, вы написали сатьямева джайате: «Истина всегда побеждает». Меня это не касается. Кого это касается? Какое мне дело до того, мужчина то был или женщина, и даже до того, существовал этот человек или нет? Я этим не интересуюсь. Но вам следует стереть эти слова - сатьямева джайате. Как раз под ними у вас статуя Маллибхайи в виде Маллинатхи, — а ведь истина — вот наивысшая религия! Сотрите два этих утверждения, и я никогда не войду в храм; если вы не сотрете их, я буду ходить каждый день. Вы будете все время отказывать, я буду все время ходить».

И мало-помалу многие люди стали тоже осознавать это, поскольку в свободные часы я приходил туда — иногда по утрам, когда джайны поклонялись, — и служитель закрывал двери и говорил: «Вам нельзя входить», — и иногда он закрывал двери, когда входили зеваки. В течение шести месяцев у меня не было дел. Мой отец был болен, а храм был всего лишь в пяти минутах ходьбы. Я мог приходить два, три раза, четыре раза, много раз, сколько хотел. Даже по ночам иногда я стучался в двери, и священник просыпался и говорил:

«Что! Даже среди ночи?..»

Я говорил: «Если вы не сотрете эти два утверждения, я не оставлю вас в покое».

Наконец, они были вынуждены стереть эти два утверждения. Я сказал: «Я покончил с этим храмом. Теперь вы можете делать, что хотите. Вы решили, что даже во имя истины возможна ложь. Даже в храме истины вы лгали в течение двадцати пяти веков. Одна мятежная женщина — и вы полностью разрушили ее. И вы повторяли снова одно и то же, что женщина не может достичь спасения; а женщина доказала, что может быть тиртханкарой». Джайны должны были принять Маллибхайи. Она была, должно быть, чрезвычайно сильной женщиной, чтобы сказать,

что собирается непосредственно достичь мокши, а не родиться сначала в мужском теле. Поскольку тела не имеют значения — мужские или женские, они сгорят в погребальном костре, душа — она не мужская и не женская. И эта душа, внутреннее сознание, — вот что преобразуется. «Женщина доказала это абсолютно, и вы приняли ее; а когда она умерла, вы, тем не менее, снова начали лгать».

Это мир мужских шовинистов. Все индусские аватары были мужчинами; не было ни одной женщины. Не то чтобы не было женщин такой силы, энергии, более мощной, чем так называемые аватары, но их не принимали просто потому, что они были женщинами, а это мужской мир.

Мусульманин может состоять в браке с четырьмя женщинами, это разрешает ему Коран. Женщине не разрешается состоять в браке с четырьмя мужчинами. Вот несправедливость. Женщина не может входить в мусульманскую мечеть, она должна молиться снаружи. Она грязная, просто потому что женщина; ей не разрешается молиться внутри мечети.

В синагоге есть отдельное место для женщины, отделенное; женщине не разрешается сидеть с мужчиной. Ее место, главным образом, позади, или ее место на балконе.

Мне вспомнилась одна история. Я не знаю, правда это или нет. Когда Голда Меир была премьер-министром Израиля, Индира Ганди, бывшая тогда премьер-министром Индии, поехала с визитом в Израиль. Она захотела увидеть синагогу и то, как евреи поклоняются Богу, и что они делают. Поэтому Голда Меир пригласила Индиру Ганди в синагогу. Они сели на балконе. Индира Ганди спросила Голду Меир: «В правилах ли это синагоги, что только премьер-министрам разрешено сидеть на балконе?» — поскольку и Голда Меир, и Индира Ганди — обе женщины. Голда Меир не хотела говорить, что в еврейской традиции женщине не разрешается находиться вместе с мужчинами. Но Индира Ганди подумала: «Нам было предоставлено особое место, потому что мы обе — премьер-министры». Да, это было особое место, но не для премьер-министров — для двух женщин. Даже если они премьер-министры — это не имеет значения; женщина есть женщина.

Люди, о которых я с большим уважением говорил в прошлом... Я должен сознаться вам, что вынужден был отбрасывать многие аспекты их жизни, иначе вы не смогли бы вовсе понять меня. Теперь я хочу прояснить все это. Я хочу, чтобы вы знали их во всей их обнаженности — в хорошем, плохом, правильном, неправильном. Многие мои утверждения будут выглядеть противоречащими моим старым утверждениям. Не беспокойтесь. То, что я говорю сейчас, — правильно, а то, что я буду говорить завтра, будет еще более правильным. Последнее предложение, которое я произнесу на смертном ложе, будет предельно правильным — вы не можете основываться на том, что было до этого. Я жив и не нахожусь ни в каком рабстве у прошлого.

Сколько я говорил о Будде! Но он был очень неуважительным по отношению к женщинам. Он не разрешал женщинам становиться монахинями, он не посвящал их. Похоже, что глубоко внутри у него был какой-то страх перед женщинами. И это ясно из его позиции — почти пятнадцать лет он отвергал их: «Я не собираюсь посвящать женщин». Что это за страх? Почему не посвящать женщин, когда женщины просят, чтобы их посвятили? Зачем запрещать им искать истину? Разве это монополия мужчины? И истина, разве она товар и монополия мужчины?

Наконец, с очень большими колебаниями, он согласился, — но совсем без радости. Он вынужден был согласиться, поскольку женщина, пришедшая просить, была той самой женщиной, которая вскормила его. Его собственная мать умерла при рождении Гаутамы Будды. Сестра его матери не вышла замуж, пожертвовала всей своей жизнью, чтобы вырастить Гаутаму Будду. И она дала ему больше любви, чем могла дать любая мать, она пожертвовала, естественно, своей собственной жизнью; она дала ему все, что имела. Когда она пришла — ее имя Махамайя — старая, со слезами на глазах, она сказала: «Я знаю, что четырнадцать лет ты отвергал женщин, но я вскормила тебя. Только вспомни, я пожертвовала всей моей жизнью. Разве нельзя дать мне посвящение? Разве не можешь ты разделить со мной истину, которую нашел?»

Он был вынужден; он не мог отказать Махамайе, это было бы слишком жестоко. Но и то, что он сказал, было все же жестоко. Он принял ее, он дал ей посвящение, без радости, без всякой церемонии, и после посвящения сказал: «Моя религия должна была продолжаться пять тысяч лет, теперь она будет продолжаться пять сотен лет, поскольку я позволил войти в нее женщинам. Они разрушат ее». Как могут женщины разрушить ее? Я не вижу в этом никакого смысла.

В моей коммуне женщин больше, чем мужчин, они работают наравне с мужчинами, может быть, с большей любовью, чем они. В них больше способности к любви, чем в мужчинах. Они не разрушают, они создают коммуну.

Почему Будда так боится? Я знаю, почему он боится. Он боится... его собственный страх, глубоко внутри, заключается в том, что он все еще очарован женщиной. По крайней мере, своим монахам он не может доверять. Он знает, они будут очаровываться, пленяться и вскоре то, чему он учил, безбрачие, будет разрушено. Разрушится безбрачие, при чем же тут религия? Какое отношение религия имеет к безбрачию? На самом деле, когда мужчина и женщина вместе, религия растет. Будут дети, будет много детей, и получится обширное дерево.

Если бы я был на его месте, я сказал бы: «Моя религия должна была продолжаться пять тысяч лет, теперь она будет продолжаться всегда; она теперь полна, поскольку в нее вошла женщина. С одними только мужчинами она не полна. Теперь это настоящее сообщество, живое, поскольку может рождать живые существа».

Но страх... а страх возможен только в том случае, если он находится где-то глубоко в вашем собственном подсознании.

В том, что касается меня, я доверяю каждому, даже тем, кто предал меня. Я все еще доверяю им, поэтому что мое доверие безусловно. Оно не основывается на вас, оно основывается на мне. Если вы выбираете предательство, это ваше дело, но вы не можете разрушить мое доверие к вам.

Понимаете ли вы смысл этого? Поскольку я доверяю безусловно, вы не можете разрушить доверия; но если условия есть, вы его можете разрушить: вы не выполнили условий и разрушили доверие. Но доверие с условиями — это торговая сделка, это не доверие.

Доверие может быть только безусловным, и его источник во мне. Оно не зависит от вас или вашего поведения, не зависит от ваших действий.

Даже если вы убьете меня, мое доверие к вам останется прежним. Вы предали на самом деле себя; вы пали на самом деле в своих собственных глазах. Но для меня вы остались тем же человеком.

Моим телохранителем в течение многих лет был Шива. Затем он бросил санньясу. И он начал выступать против меня. Он писал статьи в немецких журналах — в «Штерне» и других — против меня. Но если он вернется и захочет быть моим телохранителем, он снова будет рядом со мной. Я знаю прекрасно, что он сделал. Это совершенно не имеет значения, это его дело; он сам должен беспокоиться об этом. В том, что касается меня, я остался в точности тем же самым. Он может снова прийти и быть моим телохранителем. Никто другой не примет его в телохранители, поскольку это самое удобное место, чтобы убить человека.

Вот сейчас Индиру Ганди убили ее собственные телохранители. Три телохранителя стреляли в нее — восемь пуль, шестнадцать ран, поскольку все пули прошли через ее грудь, живот, от спины к противоположной стороне. И если телохранители хотят убить, то у них самое удобное и безопасное место, чтобы это сделать.

Но если Шива вернется и захочет быть моим телохранителем, я буду чрезвычайно счастлив. Не имеет значения, что он сделал. Он сам должен нести ответственность за все, что делает, за все, что сделал; он должен нести всю ответственность за это. Но не мое дело вмешиваться в его дела. Если он чувствует, что правильно писать против меня, очень хорошо; если он чувствует себя счастливым, когда пишет против меня, очень хорошо. Но в течение десяти лет он сидел рядом со мной. У него, должно быть, совершенно идиотский ум — десять лет он не замечал ничего неправильного. Десять лет ему потребовалось для того, чтобы теперь, отбросив санньясу, начать внезапно членораздельно выражаться. Что же он делал десять лет — спал?

Нет, не против меня он пишет эти статьи. Эти статьи нужны ему для того, чтобы утешить себя в том, что он был прав, отбросив санньясу. Он должен доказать себе: «Этот человек был неправильный, вот почему я отбросил санньясу». Иначе постоянной раной будет мысль: «Я любил его так сильно, так безусловно доверял ему, и вот что он сделал мне». Я понимаю его трудную ситуацию. Так что, выступая против меня, он просто пытается прикрыть рану, которую нанес сам себе.

Итак, запомните: если Будда боится женщины, то женщина все еще привлекательна для него. Вот почему он выдвигает идею... это простая арифметика. Он знает: «Если даже для меня иногда женщина становится привлекательной, то что же говорить о моих монахах? Они испортятся». Но мысль о том, что они испортятся, возникает только при условии, что вы отвергаете секс, иначе испорченности нет; я не вижу никого испорченным.

Естественный инстинкт не портит вас. Но подавите его - и тогда он извратится, мало-помалу это извращение испортит вас.

Вы удивитесь: есть католические монастыри, куда женщина не входила тысячу лет. Что говорить о женщине — девочке шести месяцев не разрешается входить в монастырь с ее отцом или братом. Шестимесячный ребенок! Что вы думаете, кто живет в монастыре — монахи или монстры, кто боится шестимесячной девочки? Что за люди живут там? Настолько извращенные сексуально...

Все сексуальные извращения пришли через ваши религии.

Девяносто процентов умственных расстройств пришло через ваши религии, из-за сексуального извращения.

Вы спрашиваете о моем отношении ко всем этим мессиям, апостолам, тиртханкарам, аватарам, паигамбарам. Что сказать вам? Я говорю: просто омерзительно, тошнотворно.

Они причинили человечеству так много вреда, что, когда человечество станет осознанным, оно разрушит все эти синагоги, храмы, мечети, гурудвары, церкви. Эти люди — ваши настоящие враги, только спрятанные за фасадом, за маской.

Христианская троица не допустила к себе женщину. Разве это было трудно. Они могли бы сделать вместо Святого Духа... какая нужда в этом Святом Духе? Я не могу представить, какого рода это явление, этот Святой Дух, и в чем его назначение, в чем его необходимость. Женщина была бы намного лучше; отец, мать, сын — так выглядело бы более логично. Этот Святой Дух, кто он, мужчина или женщина? Но нет, хотя миллионы христиан поклоняются Марии, она не допущена в высшую иерархию. Женщина, в конце концов, есть женщина.

У Иисуса среди его двенадцати учеников не было ни одной женщины. И вы будете шокированы, узнав, что, когда его распинали, все эти ученики сбежали. Не сбежали только три женщины. Одна была его мать, Мария; другая была Мария Магдалина, проститутка, питавшая огромную любовь к этому человеку, Иисусу; и третья тоже имела имя Мария, сестра Марфы.

Эти три женщины проявили гораздо большую смелость, не испугались; тысячи врагов вокруг, все против Иисуса; они кричали, радовались его распятию... Все ученики сбежали, испугались, что их тоже могут схватить и распять. Возможно, они иногда говорили Учителю: «Мы будем жить с тобой и умрем с тобой», — говорить это одно, а делать — это совсем другое.

Только эти три женщины были готовы осмелиться, были готовы на распятие — если так случится, ну что же, пусть так будет. Лучше умереть с Учителем, чем жить без него. Но в мужчине очень редко найдешь такое любящее сердце. Когда это случается в мужчине, будет так же. Хотя эти женщины и не были учениками — на самом деле только они должны были быть единственными его учениками, единственными апостолами. Те сбежавшие трусы должны были быть отвергнуты.

Но как раз на днях председатель палаты лордов Великобритании, который выгнал из лона церкви одного из епископов, сказал: «Я в большей степени верю Матфею, Луке, Марку — апостолам, чьи слова приводятся в Новом Завете, — поскольку они все видели своими собственными глазами». Он абсолютно не прав, они не были очевидцами; они бежали. Очевидцами были три женщины, но он не упоминает их. Эти три мужчины написали историю всего этого, но они не были очевидцами. Эти три женщины ничего не написали; они, должно быть, думали: кого интересует то, что они напишут? Кто будет слушать их? Но лорд-канцлер совершенно не прав, делая этих трех мужчин очевидцами; они не были очевидцами. И то, что они написали, отличается одно от другого. Если бы они были свидетелями, они написали бы в точности одно и то же.

Что касается меня, то то, что написано Фомой... то, что не включено в Библию, потому что

Фомы не было там; он отправился в Индию вместе с Иисусом; он написал свое евангелие в Индии; я говорил о нем — его слова кажутся мне истинными, более искренними, более близкими мне — по той простой причине, что он сам, по-видимому, достиг некоторого состояния света. Этот свет просачивается сквозь его слова. Не в Новом Завете нужно искать этот свет.

Беседа 7

ОТ «КРЕСТИАНСТВА» ДО ДЖОНСТАУНА

5 ноября 1984 года

Бхагаван,

Меня снова и снова спрашивают журналисты и политики: «Возможно ли повторение Джонстауна в Вашей коммуне?»

Это абсолютно невозможно. Даже думать об этом абсурдно, поскольку вся моя философия жизни совершенно противоположна философии Джима Джонса.

То, что произошло в Джонстауне, может произойти где угодно в мире, — но не здесь.

Одну вещь совершенно забыли: Джим Джонс был христианским священником. Он был преподобным, священником, и никто не попытался найти корни его философии в христианстве, — а где им еще быть! Если он и связан с кем-то, он связан с Иисусом, а не со мной.

Поскольку вы обусловлены христианством... Для меня христианство — это не христианство, а «крестианство». Его символ — крест, а не Христос. Крест используется при распятии. Если бы не было распятия, не было бы и христианства; никто не запомнил бы даже имени Иисуса. Это было глупостью евреев — то, что они распяли его и создали христианство. Если бы он был просто проигнорирован этими людьми. — и ничего в нем такого не было. То, что он говорил, было очень простыми истинами, известными на протяжении тысяч лет. В этом не было ничего нового, в этом не было ничего опасного.

Распять его было абсолютно бессмысленно. Но похоже на то, что сам Иисус хотел этого, поскольку до распятия он осознавал, что его собираются схватить, если он пойдет на праздник; если он пойдет в Иерусалим, его схватят и предадут распятию. Он полностью осознавал это, это было известно всем. Идти туда не было необходимости. Но его тянуло в Иерусалим, как магнитом, непреодолимо. Он был полон идеей: «Распятие докажет мое мессианство».

Вам нужно понять, на каком фоне происходили те события. У иудеев есть определенные каноны, которым должен следовать мессия; один из них — распятие и воскресение. Но воскресение возможно только в том случае, если произойдет распятие. А Иисус объявил себя мессией, ожидаемым, человеком, которого евреи ждали веками, который спасет их от их страданий и несчастий и который откроет им врата небесные. Они не могли поверить в то, что сын бедного плотника, совершенно необразованный, есть мессия, что «Он спасет нас, он избавит от страданий все человечество».

И вот почему они настаивали на том, что единственным испытанием должен быть крест. Евреи настаивали на кресте, поскольку это доказало бы достоверность или недостоверность мессианства Иисуса. И Иисус страстно желал креста и распятия, поскольку без распятия невозможно воскресение. После распятия воскресение может случиться, может не случиться, но без распятия оно не случится — это совершенно точно. Поэтому, когда он услышал новость о том, что его собираются распять на этом ежегодном празднике, он направился к Иерусалиму. Он был фанатиком.

На самом деле все старые так называемые религии фанатичны, поскольку их вера не основывается на разуме, на науке.

Их вера основывается на абсолютно недоказуемых верованиях.

Вера требует, чтобы вы не спрашивали «почему».

Но вопрос «почему» совершенно естественный. Поэтому, чтобы силой убрать это «почему» в подсознание, чтобы полностью разрушить свой разум, вы должны быть фанатиком - крайне упрямым.

В противном случае эти вопросы будут возникать снова и снова. Если вы нестойки, эти «почему» будут приходить, и они разрушат вашу веру.

Что имел Иисус для доказательства того, что он мессия? У него не было никакого удостоверения от Бога... Из-за того, что он просто утверждал это, евреи хотели привести этого глупого молодого человека в чувство. Если бы у него было побольше разумности и здравого смысла, он не пошел бы туда — в этом не было необходимости. Но тогда не было необходимости и объявлять себя мессией или сыном Божьим — все это глупость.

Вы не можете доказать, что вы сын Божий; никто не может.

Никто не может доказать, что Бог существует, что же говорить о сыне!

Бог — это бездоказательная гипотеза. На одной недоказанной гипотезе строится другая недоказанная гипотеза — сын.

Требуется фанатичный ум, почти безумный. Он по-настоящему верил, что он мессия. Вы можете пойти в любой сумасшедший дом... Когда Уинстон Черчилль был премьер-министром Англии, в сумасшедших домах Англии было восемь Черчиллей — и каждый был абсолютно в этом уверен, невозможно было разубедить их в том, что они не Уинстоны Черчилли. Как разубедить их? Человек говорит: «Я знаю, что я Уинстон Черчилль».

Известен такой странный инцидент, произошедший во время войны. Тогда после шести вечера все должны были быть уже дома; никто не мог оставаться на улице. После шести действовал строгий приказ о комендантском часе. Однажды Черчилль пошел прогуляться и забыл, что должен вернуться точно в шесть. Когда он услышал Биг Бен, он испугался. Дом был еще далеко, он не успевал добраться до него — и если бы его схватили!.. Поэтому он подумал, что лучше постучаться в первый же дом, чем оказаться в полицейском участке. А вы знаете склад британского ума: они потащили бы его в полицейский участок. Если бы даже человек узнал в

нем Уинстона Черчилля, это не помогло бы в Британии. Черчилль должен был бы доказывать, что он Черчилль в полицейском участке, и без доказательства он не был бы освобожден. Он подумал, что лучше постучаться в первую же дверь и попросить: «Могу ли я остаться на ночь?»

Он постучал в дверь. Дверь открыли, и он спросил: «Могу ли я остаться на ночь?»

Человек, открывший дверь, спросил: «Кто вы?»

Он сказал: «Я Уинстон Черчилль, премьер-министр Англии.. Вы, должно быть, слышали обо мне».

Человек просто схватил его и втащил внутрь. Он сказал:

«Входите. Я слышал о вас».

Черчилль не мог понять, почему он так ведет себя. Он сказал: «Что вы делаете? Я на самом деле Уинстон Черчилль».

Тот сказал: «Я знаю. Другие трое уже здесь. Это сумасшедший дом».

Уинстон Черчилль вынужден был оставаться там всю ночь. Он просил снова и снова: «Позвольте мне позвонить и проинформировать ваше начальство, что я настоящий Уинстон Черчилль».

Но человек говорил: «Они все говорят, что они настоящие Уинстоны Черчилли, и все они хотят позвонить начальству. Кого нам слушать? Вы вчетвером обсуждайте, спорьте и решайте».

Всю ночь Уинстон Черчилль вынужден был жить с тремя другими Уинстонами Черчиллями, которые были абсолютно, также абсолютно уверены, как и он. Он начал даже подозревать: «Может быть, я сошел с ума, может быть, эти люди правы».

И это не единичный случай, так случалось много раз. Так произошло в Индии, когда премьер-министром был Джавахарлал Неру. Самый большой сумасшедший дом в Индии находится в Бареилли. Джавахарлал Неру собирался посетить этот сумасшедший дом, и в администрации этого дома решили:

«Будет хорошо, если мы сможем выпустить кого-нибудь, как выздоровевшего. Психолог и психиатр нашли, что один человек совершенно поправился». Поэтому они подумали, что вот так будет хорошо: этот человек выпускается из сумасшедшего дома, здоровым, самим Джавахарлалом. Он будет счастлив - и он определенно был счастлив. Джавахарлал крепко обнял его и сказал: «Я счастлив, что вы поправились».

Он сказал: «Да, я тоже счастлив. И поверьте мне, если вы побудете здесь года три, вы тоже поправитесь. Когда я поступал сюда, я тоже думал, что я Джавахарлал Неру — совсем как вы».

Эти мессии в основном душевно больные люди. Иисус целиком и полностью верил, что распятие послужило бы доказательством того, что он прав. Вот почему я говорю, что было, должно быть, потаенное желание самоубийства, которое никто не удосужился рассмотреть. Он пошел на крест, и на кресте он все еще просил Бога: «Теперь самое время. Неужели ты оставил

меня?» Он просил о чуде, о воскресении, так он мог бы доказать евреям, что был их мессией. Если кто-то и был ответственен за это распятие, то это он сам. Он хотел его.

И ни один еврейский источник не говорит о том, что было воскресение, ни один источник того времени не говорит об этом. Только Новый Завет, четыре ученика Иисуса, говорят, что воскресение было. Это вымысел. Если было воскресение, то что же произошло? Если Иисус воскрес, то когда он умер?

Где он умер? Где лежит его тело? У христиан на это нет ни одного ответа.

Воскресения не было.

Но из-за воскресения и распятия крест стал символом христианства. Поэтому я называю его «христианство». Оно стало ориентированным на смерть. Оно стало антижизненным.

На самом деле, все религии были антижизненными. Они ищут лучшей жизни после смерти.

Вы знаете еврейскую и христианскую историю, вы знаете, почему Адам и Ева были изгнаны из Божьего рая. В чем было их преступление? За что они были наказаны? Бог сказал, что им нельзя есть плодов двух деревьев. Обычно христиане упоминают только одно дерево. Это не так. Бог велел им не есть плодов двух деревьев. Одно дерево, упоминаемое христианами, — это древо познания. А другое дерево, которое христиане не упоминают, боятся упоминать, — это древо жизни, вечной жизни.

И что же это за Бог — он запрещает своему сыну, своей дочери... велит оставаться невежественными, не есть от древа познания и оставаться безжизненными, без сока жизни, вечной жизни? Этот Бог больше похож на врага, чем на отца. И вот почему так легко удалось змию уговорить Еву. И вас бы удалось уговорить, любого удалось бы уговорить.

Аргумент, который предъявил Еве дьявол, был такой:

«Бог хочет, чтобы вы оставались невежественными, и он хочет, чтобы вы оставались неосознающими возможности вечной жизненной энергии. Поскольку, если вы познаете эти две вещи, вы сами станете равными Богу; а он ревнив...» И это имеет смысл, поскольку еврейский Бог действительно очень ревнив. Он не хочет, чтобы Адам и Ева становились равными ему. Они должны оставаться зависимыми. В мудрости, в жизни они должны оставаться зависимыми от него.

Нет, это не любовь. Это не сострадание. Это не похоже на отцовское отношение. Вы видите, он отделяет их от двух вещей: знание — то, что сегодня мы называем наукой, наука означает знание... Все, что вы имеете сегодня, весь ваш комфорт, ваша роскошь, ваше здоровье, ваша долгая жизнь - все это благодаря науке. Удалите все, что дала вам наука, и где вы будете? Чем вы будете? Просто голым животным, намного более слабым, чем любое животное. Вы не сможете выжить.

Познание — это не грех.

И чувствовать жизнь и жить жизнью во всех ее проявлениях, жить ею с таким напряжением и

страстью, что каждое мгновение становится мгновением вечности, — вот что должно быть целью религии.

И это то, чему я учил вас: ешьте от древа познания. Становитесь знающими.

Вся невежественность и темнота должны исчезнуть из вас. Вы должны становиться более сознательными, более знающими, более осознающими; вот чему я всегда учил.

И живите так страстно, так любовно, так полно, чтобы вы смогли ощутить вкус жизни вечной.

И когда вы живете каждым мгновением, забывая прошлое, забывая будущее, это мгновение дает вам вкус вечности.

Я говорю вам совершенно противоположное тому, что сказал Бог Адаму и Еве: вы должны искать эти два дерева и есть их плоды.

Если бы мне пришлось писать Библию, то я не смог бы заставить в ней Бога говорить: «Не ешьте плодов познания, плодов жизни». Тогда что же останется? Жить растительной жизнью, жить, как животные? В чем тогда разница между животными и человеком? Но Бог очень разгневан. Он вывез Адама и Еву из рая. Я не знаю, автомобиль какой марки он использовал — должно быть, «форд», модель Т. Он вывез их прочь!

В чем было их преступление? Непослушание. Но дело стоило того.

Я учу вас этому непослушанию.

Если бы Адам и Ева оставались послушными, не было бы человечества. Вы все еще были бы в джунглях, голыми животными. Вы не могли бы создать мир, который создали.

Преподобный Джим Джонс — христианский священник. Он против познания, он против жизни — как и все христиане, осознают они это или нет. Можете посмотреть на всю традицию папства. Папы боролись с каждым шагом, с любым прогрессом науки. Они пытались изуродовать науку, разрушить ее. Это та же история: нельзя есть плодов познания.

Все папы — преступники, поскольку останавливать познание, останавливать развитие науки гораздо более преступно, чем убить человека... Не может быть ничего преступнее этого. Даже теперь любой прогресс в науке — и предпринимаются все усилия, чтобы остановить его. Потому что он опасен для кровных интересов политиков и священников, он должен быть остановлен. Человек не должен становиться слишком мудрым; иначе невозможно будет заставить человечество пребывать в рабстве.

В малых вещах папы соглашались с большой неохотой... в малых вещах. Библия говорит, что Земля плоская. Конечно, она выглядит плоской, потому что так обширна, что невозможно видеть ее округлость. Просто стоя на Земле, можно видеть, что она плоская. Не верьте своим глазам, они много раз обманут вас. Когда впервые было сказано, что Земля — шар, что она круглая, папы немедленно воспротивились: это идет против Библии. Ну и что?

Если это идет против Библии, выбросите Библию прочь! Это доказывает, что Библия неверна. Это доказывает, что Библия не написана Богом, иначе он должен быть настолько глуп. Бог, сидя

на небесах, по крайней мере мог бы видеть округлость Земли. Человеческие создания не могут видеть ее; они стоят на самой Земле, их видение не так обширно. Но Бог, сидящий на седьмом небе... Можно видеть округлость Луны, округлость других планет — мог ли Бог не видеть округлости Земли? Это планета.

Если бы люди слушали Библию, Америка не была бы открыта. Она открыта вопреки Библии, запомните; она стоит как доказательство против Библии. Этот человек, Колумб, не слушал священников, пап, не слушал разных советчиков, он бросился на риск и рисковал всей своей жизнью. «Поскольку, — спорил он, — если Земля круглая, то не имеет значения, сколько потребуется дней; если я буду все время двигаться в одном направлении, то вернусь в ту же самую точку — если Земля круглая». Он открыл Америку благодаря потрясающей смелости, мятежности, непокорности. Он думал, что это Индия, — отсюда краснолицые индейцы; он думал, что открыл Индию. Только позднее он обнаружил, что это не Индия, что это другое место, новый мир.

Библия говорит, что Солнце ходит вокруг Земли. Да, так кажется, поскольку мы находимся на планете Земля, и Земля движется так неукоснительно, что мы не чувствуем ее движения. Чтобы почувствовать движение, вы должны смотреть на что-то неподвижное; только в сравнении можно почувствовать движение. Когда вы едете в поезде, вы знаете, что едете, поскольку по сторонам стоят деревья, станции, и вы проезжаете мимо них. Но иногда, когда два поезда движутся в одном и том же направлении, с одинаковыми скоростями, вы на мгновение можете засомневаться, едет ваш поезд или стоит, стоит или едет другой поезд, если только не посмотрите на что-то неподвижное для сравнения. Поскольку мы находимся на планете Земля и все вокруг движется вместе с нами — деревья, горы, океаны — все движется вместе с нами с огромной скоростью, мы не чувствуем этого.

Но Галилея заставили изменить свое утверждение. Папа продиктовал ему: «Вы должны написать в ваших открытиях, что Солнце ходит вокруг Земли, а не наоборот», — поскольку если Земля ходит вокруг Солнца, то это доказывает, что Библия не права. Это такой идиотизм. Как будто мы здесь только для того, чтобы доказывать, что в Библии все правильно. До истины никому нет дела; христиане должны доказать, что права Библия, мусульмане должны доказать, что прав Коран, индусы должны доказать, что права Гита. В истине не заинтересован никто.

Весь мой интерес — в истине.

И истина каждый день расширяется, открывает новые измерения. И, конечно, старые книги и старые мессии обязаны уходить, как отжившие, — но они не уходят.

Мертвое продолжает править живым.

Все они учили, что жизнь — это наказание. Индусы говорят, что жизнь — наказание, буддисты говорят, что жизнь - наказание, христиане говорят, что жизнь — наказание. Индусы, джайны, мусульмане — все они говорят, что жизнь - наказание. А если она — наказание, если вы заключены в жизнь, как в тюрьму, то, естественно, самоубийство не должно осуждаться. Это способ выхода из жизненной безысходности.

Я говорю вам, что жизнь — это награда, а не наказание.

Вы награждены жизнью и сознанием. Вы уникальны в этом существовании.

У дерева есть жизнь, но нет сознания. У животных есть мозги, но нет способности к осознанию. Человек — самое высшее во всем существовании.

Как я могу учить вас разрушать себя? Преподобный Джим Джонс может говорить это: жизнь — наказание. Если она - тюремное заключение, выходите из нее — любым путем! Путь не имеет значения. А после жизни есть «настоящий» рай. Все эти религии были антижизненными, они направлены против жизни. Тогда, естественно, так или иначе они учили вас: «Принимайте нищету, принимайте страдание. Скоро придет смерть, и все закончится, и вы будете на небесах».

Вам нужно всмотреться в их противоречия. Иисус говорит: «Блаженны нищие, поскольку они наследуют царство Божье». Вы видите противоречие? Блаженны нищие — по какой причине? Нищета — источник всех преступлений, несчастий, страданий. Но блаженны нищие — хорошее утешение, чтобы удержать нищих в наркотическом состоянии. Это утешение гораздо эффективнее, чем любое ЛСД, поскольку ЛСД истощается за какие-то часы. Этот же наркотик не уходит из системы человека тысячи лет: блаженны нищие.

И по какой же причине они блаженны? Потому что они собираются наследовать царство Божье.

Я хотел бы, чтобы вы увидели противоречие: если царство Божье — причина, делающая их блаженными, то нищета — не благословение.

Она — просто средство попасть в царство Божье, где будут доступны все удовольствия, будут исполняться все ваши фантазии.

Иисус говорит: «Скорее верблюд пройдет через игольное ушко, чем богатый войдет во врата небесные». Девяносто девять процентов людей на земле были бедными. И у Иисуса, или Будды, или Мухаммеда не было понятия о том, как уничтожить эту нищету. Только наука способна уничтожить ее, и только научный ум может справиться с задачей, как сделать землю богатой, как сделать землю благословенной. Но ненаучный религиозный ум продолжает вмешиваться.

Папа вмешивается постоянно. Он не допускает контроля над рождаемостью; это грех — грех против Бога. И что же это за Бог, который не видит, что земля чрезмерно отягощена населением? Люди голодают и умирают, а он продолжает посылать людей. С каждым человеком он должен бы посылать маленький кусочек земли и другие вещи тоже — он же посылает их голыми. Здесь и папа, и шанкарачарья, и джайнские монахи, и мусульманские имамы — все против контроля над рождаемостью, потому что это против Бога.

Эти люди... Если однажды земля погибнет от взрыва народонаселения, эти люди будут отвечать за это. Они против аборт. Сейчас, без контроля над рождаемостью, без абортов, невозможно земле стать богатой. А все эти религии продолжают восхвалять бедность. Если вы восхваляете бедность, как вы собираетесь уничтожить ее? Если вы уважаете и восхваляете бедность, конечно, вы будете защищать ее. Это нечто, достойное уважения. Они не осуждают ее. Они не могут осуждать ее, потому что они живут за ее счет, эксплуатируя ее.

Возьмите Мать Терезу... где бы она была и кто дал бы ей Нобелевскую премию, если бы сироты не умирали на улицах? Эти сироты нужны Матери Терезе. Эти сироты абсолютно необходимы,

иначе Нобелевская премия прошла бы мимо Матери Терезы. Поэтому она против абортот, против контроля над рождаемостью. Пусть появляются сироты; пусть их будет больше и больше — ведь это люди, которые будут обращаться в христианство.

Вы будете удивлены... в Индии я наблюдал это в течение тридцати лет: ни один богатый человек не был обращен в христианство. Я был изумлен. Не обратился в христианство ни один богатый человек, ни один человек даже среднего класса; ни один образованный человек, культурный человек; ни один брамин, ни один джайн. Кто обращается в христианство? Сироты, аборигены, живущие, словно пять тысяч лет назад, -обратить их в христианство так просто.

Мне вспомнился один инцидент, произошедший у меня на глазах. В центральной Индии есть штат Бастар — он полностью населен аборигенами: нет школ, нет больниц, нет образования, нет ничего. Они живут голыми. С большим трудом они добывают себе пищу на один раз в день, и что это за пища? Немного риса и рыбы, вот и все. Эгих людей обращают в христианство. Для них не нужна особая аргументация. Как обращают этих людей? Я пошел посмотреть на одно обращение. Мне пришлось пройти двадцать пять миль, чтобы добраться до места, поскольку дорог там нет, поездов там нет.

Как было организовано обращение? Христианский священник говорил с аборигенами. Я слушал, сидя позади: холодная зимняя ночь, поэтому костер, и в этом свете — то был единственный источник света и единственный источник тепла — эти люди, обнаженные и дрожащие.. И христианский священник достает из своей сумки две статуи, одну — Иисуса, другую — Рамы. Эти аборигены верят в Раму, индусского аватару, воплощение Бога, согласно индуизму.

Рядом со священником ведро с водой, и он говорит:

«Посмотрите, я делаю для вас одну простую вещь. Это Рама, а это Христос». Обе статуи совершенно одинаковые, он опускает обе статуи в ведро с водой. Статуя Рамы, конечно, тонет, поскольку Рама никогда не ходил по воде. Статуя Иисуса остается плавать, и все аборигены аплодируют, они говорят:

«Невероятно!»

И миссионер говорит: «Иисус спасает. Может ли Рама спасти вас? Он не может спасти себя. Вы видите это своими собственными глазами...»

Я вынужден был встать и сказать: «Подождите». Я спросил аборигенов: «Вы слышали когда-нибудь об испытании водой?»

Они сказали: «Нет».

«Вы слышали когда-нибудь об испытании огнем?»

Они сказали: «Да». Испытание огнем — это единственное настоящее испытание. Когда Раме нужно было испытать свою жену, она должна была пройти испытание огнем.

Я сказал: «Хорошо, вот костер, положим в него обе статуи». Священник заколебался. Я сказал: «Постойте и не пытайтесь сбежать отсюда. Испытание огнем должно быть пройдено», — ведь я

видел, что статуя Иисуса деревянная, а статуя Рама стальная. Я бросил обе статуи в огонь. Конечно, Иисус, бедный Иисус, сгорел; Рама вышел из огня живым. И аборигены очень рассердились; они были готовы побить священника. Я сказал: «Нет, не нужно бить его».

Но бедных людей, необразованных людей, людей, не знающих аргументации, обращают. И им говорят производить больше и больше детей, поскольку это политика, основанная на количестве.

Сколько католиков, сколько христиан, сколько мусульман — это решает, кто будет править миром. Они не интересуются человечеством. И все они обещают этим людям, что в будущем, в другой жизни, они получают все, что у богатых есть сейчас. Это странно... все, что богатые люди имеют сейчас, возможно сейчас для каждого. Зачем ждать смерти? И какое у вас есть основание считать, что после смерти вы получите все это? Разве кто-нибудь возвращался и рассказывал?

В Индии есть одно место, Сурат, и в этой области есть мусульманская секта. Здесь живет их высший священник. Это очень богатая секта, бохары. И высшие священники эксплуатировали этих бедных и богатых бохаров веками.

Когда умирает бохара, он должен пожертвовать высшему священнику большую сумму денег. И высший священник дает ему удостоверение и обещает ему — совсем как долговое обязательство — обещает ему: «Вы получите в тысячу раз больше, когда покажете это обязательство Богу». И люди получали эти удостоверения и отдавали за них миллионы рупий. Эти удостоверения кладутся им в карман, и они отправляются в могилу, веря, что когда они покажут их Богу...

Я был в доме у друга-бохара. Как раз за несколько дней до этого умер его отец, и они пожертвовали много денег. Они были по-настоящему богатыми людьми, и он сказал, что им дали подобное удостоверение.

Я сказал: «Сделайте одну вещь. Проводите меня к могиле вашего отца вечером, и я посмотрю, там ли еще удостоверение или нет».

Он сказал: «Но какой в этом смысл?»

Я сказал: «Я расскажу вам о смысле позже. Сначала давайте посмотрим». Конечно, удостоверение было там. Я сказал: «Посмотрите. Ваш отец ушел, это лишь мертвое тело. И он не взял с собой это удостоверение. Что теперь он будет показывать Богу? И вы, образованный человек, кладете в карман мертвого человека удостоверение...!» Но это продолжается, продолжается все время.

Я встречался с высшим священником, он доктор философии, доктор литературы из Оксфорда — очень образованный человек.

Я сказал: «По крайней мере человек вашего образования мог бы не допускать такой эксплуатации». Он не мог смотреть мне в глаза.

Он сказал: «Всякий раз, когда вы приходите ко мне, вы нарушаете мой сон. На несколько дней мне становится трудно спать, вы задаете такие неудобные вопросы».

Я сказал: «Не я создаю эти вопросы, а вы. Выбросите всю эту чепуху. Образованный, культурный человек, нужно выйти, нужно сказать людям: «Вас обманывали!»».

После смерти нет жизни, какой вы ее знаете. А если есть какая-нибудь жизнь, вы должны учиться жить сейчас. И вы должны учиться жить так полно, так интенсивно, что, если и есть какая-нибудь жизнь после смерти, вы сможете жить и там. Если нет, нет вопроса. Вот каким всегда должен быть подход рационального человека.

Я ничего не говорю о небесах и аде, о наказании и вознаграждении. Я просто говорю вам: все время умирайте для прошлого, чтобы оно не было грузом в вашей голове. И не живите будущим, которого еще нет. Концентрируйте всю свою энергию здесь и сейчас. Изливайте ее в это мгновение, полностью, с той интенсивностью, на которую вы способны. И в это мгновение вы будете чувствовать жизнь. Для меня такая жизнь эквивалентна Богу. Кроме этой жизни нет другого Бога.

Конечно, если вы выживете после смерти, вы будете знать искусство жить и вы будете продолжаться. Если не выживете, проблемы нет.

Поэтому, в моей коммуне абсолютно невозможно, чтобы произошло что-либо, подобное Джонстауну.

Но журналисты продолжают выискивать сенсации. Вся их деятельность основывается на сенсациях. Они эксплуатируют низшие инстинкты человечества. Журналистика еще не вошла в возраст. Она еще не стала зрелой. Поэтому для нее изнасилование — новость. Убийство — новость. Самоубийство - новость. Все мерзкое, отвратительное, преступное — новость, а все прекрасное — не новость. Если человека укусила собака, это не новость, это естественное дело; но если человек укусил собаку, тогда это новость. Тогда журналист не интересуется, правда это или нет. Достаточно слухов.

Есть старое определение философа: философ — это слепой человек, который в темном доме, без света, темной ночью, ищет черную кошку, которой там нет. Это старое определение философа. Позвольте мне добавить к нему еще кое-что. Журналист — это человек, который находит ее. Тогда это новость.

Это коммуна, которая знает только любовь, жизнь и смех; это коммуна, которая не верит ни в какие небеса, ни в какой ад; это коммуна, которая не верит в служение, в верование, в веру; какой Джонстаун может быть здесь?

Это единственное место, где это невозможно. Это может быть где угодно, поскольку повсюду поклоняются смерти, прославляют ее, постоянно говорят о загробном мире: вы должны пожертвовать этой жизнью для той жизни, которая придет после смерти.

Я говорю прямо противоположное: жертвуйте той жизнью для этой. Жертвуйте всем для этого мгновения. Наслаждайтесь этим мгновением. И если вы способны наслаждаться этим мгновением, вы сможете полностью стереть из своего сознания инстинкт самоубийства.

Если вы можете полно наслаждаться этой жизнью, вы не будете беспокоиться о том, что случится после смерти — ведь так много случится сейчас, что вы не сможете представить, что

же еще возможно.

И вы говорите, что журналисты и политики спрашивали вас. Журналисты — бедные люди, живущие за счет эксплуатации низких инстинктов человека, низменного любопытства человека. Они не так вредны, они не опасны. Самое большее, они создают забавные вещи, и люди радуются. Они не могут насиловать сами; они получают удовольствие от историй об изнасилованиях. Они хотели бы быть убийцами, но они не могут убивать, это слишком рискованно; они получают удовольствие от историй об убийствах.

Они много раз думали совершить самоубийство. Запомните, трудно найти человека, который ни разу в жизни не думал бросить все и покончить со всем этим. Но они не могли набраться смелости. Чтобы совершить самоубийство, не нужна большая смелость — просто небольшая смелость, не так много. Настоящая смелость нужна, чтобы жить. Чтобы совершить самоубийство, нужна лишь небольшая смелость — мимолетная эмоциональная смелость, на одно мгновение, как вспышка. Но они не могли совершить этого сами. Кто-то другой сделал это; они получают удовольствие от этой истории.

Люди получают удовольствие только от того, что хотели бы совершить сами, но не способны — обстоятельства не позволяют, разные причины, — но, по крайней мере, они могут получать удовольствие. Их можно узнать — в кино, на телевидении, в рассказе, в романе, в газете — их можно узнать в тех людях, которыми они хотели бы стать, но не могут. Их можно осуждать, это их маски; глубоко внутри они получают от этого удовольствие.

Иначе зачем такой большой интерес к Джонстауну? Джонс — сумасшедший. А кто были его последователи? Все необразованные, в большинстве своем чернокожие, люди, не понимающие ничего, — что за конгрегация была у него? Но он смог привлечь внимание целого мира, совершив самоубийство. Иначе никто бы и не знал преподобного Джима Джонса и его людей. Совершив самоубийство, он создал себе хорошую рекламу. И это все, что он хотел: стать известным.

Один университет провел исследование в моей коммуне. Шестьдесят процентов людей получили образование в университетах. Двадцать процентов имеют ученые степени: один магистр гуманитарных наук, два магистра гуманитарных наук, три магистра гуманитарных наук. Десять процентов людей имеют степень доктора философии: один доктор философии, два доктора философии, три доктора философии. Три процента людей имеют степени доктора литературы, бакалавра наук, доктора образования, доктора права. И таких людей сравнивают с Джонстауном?

Людей такого калибра невозможно найти нигде, ни в одной коммуне. Эти разумные люди собрались здесь не для того, чтобы совершать самоубийство — это они могут сделать где угодно. Они собрались здесь, чтобы разделить со мною жизнь, получить что-то от вечного, почувствовать его вкус.

Вот политики — это опасные люди. О журналистах можно не беспокоиться, но политики — опасные люди.

Эта коммуна никогда не сможет стать Джонстауном, но политики могут превратить ее в Дахау, Освенцим, Бухенвальд. Политики могут сделать это, они уже начали делать это. Они объявили

этот город вне закона. Город, в котором живут семь тысяч человек без всяких преступлений, без каких-либо наркотиков, без каких-либо проблем, без вреда кому-либо - этот город вне закона. Не совершено ничего незаконного - город вне закона. А незаконные города, в которых совершаются все виды беззакония, они законны.

Они хотят, чтобы этот город был снесен из-за их законов об использовании земли. И ни один из идиотов не пришел сюда, чтобы увидеть, как мы используем землю. Смогут ли они увидеть более созидательное использование, чем у нас. И в течение пятидесяти лет никто не использовал эту землю; можно только радоваться такому хорошему использованию. Теперь мы создаем все это, мы самодостаточная коммуна. Мы производим свою пищу, свои овощи, свои фрукты; мы предпринимаем все усилия, чтобы сделать ее самообеспечивающейся.

Эта пустыня... представляется, что она является местом назначения таких людей, как я. Моисей стремился в пустыню. Я устремился в пустыню, и мы стараемся сделать ее зеленой. Если вы обойдете вокруг моего дома, то не подумаете, что это в Орегоне; вы подумаете, что это в Кашмире. Когда я прибыл сюда, здесь не было ни единого деревца. Не было зелени. Я был просто шокирован, когда Шила привела меня сюда; дом стоял голым. А я всегда жил в прекрасных садах; где бы я ни жил, я создавал прекрасные сады.

Мы с великими трудами преобразовали это место в изобильное. Наши люди работают двенадцать, четырнадцать часов в день, а они не приходят посмотреть, что происходит здесь. Просто сидя в Капитолии, они решают, что это плохое использование земли, а это против законов об использовании земли. Если это против законов об использовании земли, то эти ваши законы фиктивны и должны быть сожжены. Но сначала придите и посмотрите, докажите, что это против законов об использовании земли. Но они боятся прийти сюда.

Они хотели бы прийти сюда в тот день, ради которого стараются... Округ запросил план города, он зарегистрировал план города — затем давление сверху, и план отклоняется. Он отвергнут. Но на плане их собственного округа есть много мест, где упоминается Раджнишпурам, они забыли про них. Два дня назад они снова стали становиться поперек дороги, потому что не хотят, чтобы существовало такое место.

Семь тысяч человек живут здесь, и чтобы такого места не существовало! Сначала они должны вычеркнуть его из своих книг, из своих карт — поскольку он вошел в их карты — ведь в течение двух лет он был законным городом, и правительство оказывало всяческую поддержку, в которой город нуждался. Но теперь внезапно он стал незаконным. Теперь будут удалять его наименование с карт. Будут удалять его наименование из географических книг. Будут удалять его наименование с дорожных указателей.

Я слышал, что так бывало в Советской России... Сталин удалял наименования, которые ему не нравились. Когда произошла Русская революция, Троцкий был вторым человеком после Ленина, не Сталин. Сталина не было нигде. Но Троцкий был убит, здесь, в Мексике, поскольку он должен был быть устранен. Кроме того, есть большая вероятность того, что Ленин был отравлен... И тогда Сталин начал переписывать всю историю заново. Тогда исчезли портреты Троцкого, второго человека после Ленина, и на их месте начали появляться портреты Сталина — все трюки с фотографией. Были изменены все исторические книги.

Когда к власти пришел Хрущев, он сделал то же со Сталиным — его имя было удалено, его

книги были изъяты, сожжены. Не только это, его могила, которая была устроена рядом с Лениным, около кремлевской стены, была удалена. Его кости были вынуты и отосланы в деревню, где он родился.

Я слышал: Хрущев обращался к президиуму и говорил им, что Сталин совершил величайшее преступление против коммунизма. Он убил миллионы людей. Один человек сзади сказал: «Но вы все это время были со Сталиным, почему вы. ничего не говорили?»

Хрущев сказал: «Пожалуйста, встаньте и назовите свое имя». Никто не встал. Хрущев сказал: «Теперь вы знаете, почему я молчал?»

Я всегда уважал Америку, как страну демократии. Я всегда ценил уважение к личности, к свободе, к свободе выражения. Я всегда любил американскую конституцию. А теперь я чувствую, что лучше было бы не приезжать сюда, поскольку я чувствую себя абсолютно разочарованным. Эта конституция фиктивна. Эти слова: личность, свобода, капитализм, свобода выражения — все это просто слова. За вывеской все тот же политик, все то же безобразное лицо, все тот же посредственный ум — поскольку, по моему мнению, политика притягивает только самых посредственных людей в мире, самых посредственных, самых низких, ведь они знают, что могут сделать что-то, только имея власть. Власть нужна, чтобы делать что-то вредное. В противном случае достаточно любви, достаточно сострадания. И для сострадания не нужно быть президентом страны. Для любви не нужно быть премьер-министром. Так что я говорю вам: эта коммуна сама по себе никогда не станет Джонстауном — это невозможно. Но эти политики могут взорвать ее, могут ее разрушить. Они говорят точно такими словами: нас нужно выбросить из Америки, мы должны быть вырезаны. Это возможно, поскольку для политика возможно все, поскольку политик — это потенциальный Адольф Гитлер, Иосиф Сталин, Бенито Муссолини.

Беседа 8

ЖАЖДА ВЛАСТИ: РАК ДУШИ

6 ноября 1984 года

Бхагаван,

Почему Вы против политиков?

Я не против кого-либо. У меня нет зависти, нет стремления состязаться, нет ревности. Почему я должен быть против политиков? Я не политик. Но мои утверждения можно понять неправильно.

Я против болезни под названием «жажда власти». Это величайшее заболевание в том, что касается сознания человека и его роста. Оно подобно раку; это рак души.

Жажда власти может проявляться по-разному. Простейший путь — это политика, поскольку ей не требуется много разума. Все, что требуется, — это создавать ложные надежды в массах, надежды, которые никогда не будут исполнены, надежды, которые никогда и не предполагалось исполнять; их целью было что-то другое. И массы страдают. Они бедны, они невежественны. Им также нужны все удобства жизни, они также хотят жить по-человечески, с достоинством. Политик дает им надежду и эксплуатирует эту надежду для своих собственных целей, поскольку,

когда он получает власть, когда он становится кем-то — премьер-министром, президентом, — тогда что-то расслабляется в нем. Это было его психологической потребностью.

Эти люди в основе своей, глубоко внутри, импотенты — отсюда тяга к власти.

Они чувствуют свою слабость и немощность; они знают, что они никто. Но если они могут убедить толпу посредственностей, что они могут исполнить их потребности, то это взаимное понимание, торговая сделка. Тогда массы дают им власть. Когда они получают власть, они забывают все свои обещания; на самом деле они никогда не предполагали выполнять их, а когда они имеют власть, они показывают свое настоящее лицо.

Лорд Эктон был абсолютно прав, когда сказал: «Власть портит, а абсолютная власть портит абсолютно».

Но он не осознавал, почему власть портит, как портит власть. Человек несет в себе семена испорченности, но сам по себе он еще не способен их реализовать; нужна власть. Когда же человек получает власть, тогда постепенно его маска начинает спадать и вы начинаете видеть в нем эгоиста во всей его предельной наготе. Политик — это не что иное, как эгоист. Внутри себя он чувствует пустоту — и боится этой пустоты. Он хочет быть кем-то, чтобы забыть о своей собственной пустоте. Власть дает ему шанс. Он может увидеть миллионы людей под своим башмаком. Он может убедить себя, что он не ничто, что он что-то особенное. И он начинает вести себя соответственно. Он начинает злоупотреблять властью. Раз получив власть, он не хочет с ней расставаться. Он хочет всегда оставаться при власти, поскольку теперь прекрасно знает, что без власти он будет осознавать еще лучше, чем раньше, свою пустоту и бессилие.

Я против этой игры эго. Кто играет в нее, каким тонким образом ведется эта игра — это совершенно другое дело.

Политик — наиболее явный игрок в эту игру. Религиозный мессия, аватара, тиртханкара, паигамбара — Иисус, Мухаммед, Кришна, Будда - они на том же пути, тот же номер; но нужен будет великий разум, чтобы распознать игру их власти. Политика нечего и сравнивать с ними. Игра политика очень тривиальна.

Но когда Иисус говорит: «Я сын Божий, единственный порожденный сын», — что это, как не путь власти? Он говорит:

«Я ожидаемый мессия евреев и пришел искупить все человечество от страданий, несчастья. И те, кто последует за мной, войдут в царство Божье, а те, кто не последует за мной, попадут во тьму ада навечно». Это та же жажда власти, но в религиозном наряде. Трудно определить ее; она более тонкая, более рафинированная, более отточенная.

Когда Кришна говорит Арджуне: «Оставь все и припади к моим ногам; я твое избавление», — что он говорит? Чего он просит? Это та же потребность.

Когда Мухаммед говорит: «Я посланник Бога, и последний посланник. После меня посланников больше не будет. Я принес вам окончательное слово. Да, до меня было несколько посланников, но поскольку человечество не было готово, их послания не достигли цели. Я несу вам завершённое послание, абсолютное откровение; все, что вам нужно делать, это верить мне».

Один Бог, один посланник Бога, то есть Мухаммед, одна книга Бога, то есть написанная Мухаммедом книга, Коран, - вот три основания мусульманства: один Бог, один посланник, одна книга. Ничего нельзя добавить. Эти жадные до власти люди всегда боялись, что кто-то после них сможет доказать, что он лучше.

Махавира говорит: «Я последний тиртханкара джайнов. Теперь послание доставлено во всей его завершенности, и больше не будет тиртханкар». Что он говорит? Двадцать пять веков назад он закрыл дверь; еще не случился Дарвин, еще не случился Фрейд, еще не случился Маркс, еще не случился Эйнштейн, — а он закрыл двери. Послание было завершено.

На самом деле вся наука случилась в пределах трех столетий, а последней религией является сикхизм, которому пятьсот лет. После сикхизма не было ни одной великой религии. А эти триста лет перевернули все вверх дном. Триста лет назад отцом логики был Аристотель, а последнее слово в логике говорит, что это больше не так. Его логика оказалась неподходящей для последних открытий в науке. Перед учеными встала большая проблема, когда они открыли явления, идущие против аристотелевой логики. Они никогда не думали, что что-то может пойти вразрез с аристотелевой логикой. Но Аристотель не может диктовать существованию. Эти люди пытались всеми способами как-то подогнать все под аристотелеву систему, но это было невозможно.

И затем, в конце концов, они вынуждены были принять неаристотелеву логику. Они вынуждены были принять простой факт: нужно слушать природу, существование. То, что мы понимаем о ней, может быть истинным для текущего времени; завтра мы можем открыть больше, тогда это окажется неверным. Триста лет назад геометрия Евклида была единственной геометрией и завершенной наукой. Это больше не так. Заняли свое место неевклидовы геометрии. Благодаря великим открытиям в науке стало абсолютно необходимым, чтобы мы думали вопреки Евклиду, вопреки Аристотелю.

Махавира, Кришна, Будда, Иисус, Моисей, Мухаммед - все они случились до того, как наука начала проникать к самым основам вещей. Но они все думали, что с ними эволюция останавливается, с ними останавливается время. Нет, время не останавливается ни с кем. Эволюция не останавливается ни с кем. Все это эгоистические притязания. Эго хотело бы сказать:

«Со мной все останавливается — я предельное, что может случиться. Больше ничего не будет, лучше ничего не будет, выше ничего не будет».

Даже Гаутама Будда полностью забывается. Он объявляет: «Я наивысший осознавший человек, величайший осознавший человек. Никто не был таким осознающим ранее, никто не будет таким осознающим вновь. Никто не выше меня, и никто не будет выше меня».

И, с другой стороны, эти люди все время учат: «Будьте смиренными. Отбросьте эго». Кажется, они хорошо устроились. Людям говорить: «Будьте смиренными», — и называться единственным порожденным сыном Божьим! Людям говорить: «Оставьте эго», — а себя объявлять величайшим осознавшим человеком! И не только то, что он — высочайший из тех, кто были до той поры, он закрывает и будущее: никто не сможет превзойти его.

В Индии есть религия радхасвами. У них существует список: они думают, что есть пятнадцать

стадий эволюции души. Мухаммед находится на третьей стадии — я говорю так для примера, — Иисус находится на четвертой стадии, на одну ступень выше; Кришна находится на пятой стадии, на одну ступень выше; Будда на десятой.

Они распределили все имена по категориям. Их гуру, неизвестный за пределами Индии, неизвестный за пределами города Агры, — это очень маленькая секта — достиг пятнадцатой, последней стадии. Выше стадий нет.

Я посещал их храм — они строят храм точно в соответствии с той же игрой во власть. В Агре есть Тадж-Махал — одно из прекраснейших творений человека; они строят лучший храм — чтобы побить настоящий Тадж-Махал. Они работали над ним почти шестьдесят лет; готов только пол, пол первого этажа. Оставшееся строительство займет еще, по крайней мере, лет двести. Но как они делают это... даже по незавершенному строению видно, что если у них получится, — а это представляется довольно трудным, — если у них получится, то они побьют Тадж-Махал. Можно видеть величественность того, что они делают. То было желание их гуру: его самадхи, его мавзолей, должен быть лучше, чем Тадж-Махал. «В противном случае не делайте его. Если вы сделаете его, то он должен быть лучше, чем Тадж-Махал. Если вы не можете справиться...»

Это было трудно. Тадж-Махал был построен великим императором Шах-Джаханом, который правил Индией. Во времена правления Шах-Джахана Индия была, может быть, в четыре раза больше, чем теперь, поскольку его империя распространялась за пределы, далеко за пределы границ сегодняшней Индии. Ее частью был Афганистан, ее частью была Бирма, ее частью был Цейлон. Империя Шах-Джахана была, конечно, в четыре раза больше современной Индии.

И он построил этот мавзолей для своей жены — здесь снова та же игра. Вы удивитесь: это было сделано не из-за любви. У него было много жен; Мумтадж-Махал была одной из них. Возможно, она встречалась с ним раз в год, поскольку, если у вас есть четыре или пять сотен жен... И я не думаю, что он узнал бы ее, если неожиданно встретил на рынке. За всю свою жизнь он видел-то ее не более полудюжины раз. Но она умерла. Она была первой из всей армии его жен, и поэтому он решил создать мавзолей, который был бы лучшим в мире. Он забыл на время... а что же его мавзолей?

Двадцать тысяч человек в течение двадцати лет работали над созданием Тадж-Махала. В Агре со всего мира были собраны все лучшие художники, работающие по мрамору. И когда Тадж-Махал был завершен... «Тадж-Махал» назван так потому, что имя жены было Мумтадж: отсюда «Тадж-Махал», дворец «Тадж» — он любовно называл ее «Тадж». Затем он начал строить свой собственный мавзолей, не дожидаясь смерти, поскольку он был абсолютно уверен, что его сын не будет в состоянии приложить достаточно энергии и потратить много денег на него.

Перед ним возникла большая проблема — он понял ее только тогда, когда Тадж-Махал был возведен: «Мой мавзолей должен быть лучше Тадж-Махал». Конечно, мавзолей мужа должен быть лучше мавзолея жены, повсюду мужской шовинизм, — но это тот же путь власти. По одну сторону реки Ямуны стоит Тадж-Махал; весь из белого мрамора. Он начал строить другой мавзолей по другую сторону реки, из черного мрамора. И он должен был стать лучше, чем Тадж-Махал. Он завершен только наполовину, но можно видеть, что он был бы лучше, если бы Шах-Джахан дожил до его завершения. Он умер — он был старым, — а его сын просто забросил весь проект, это было слишком дорого.

Так что там находится незавершенный мавзолей, который должен был стать лучше, чем Тадж-Махал. И потом - благодаря этим радхасвами есть еще один, который будет определено лучше, если он получится, что почти невозможно, ведь это очень маленькая секта; очень богатая, очень творческая, но завершить работу, как это сделал Шах-Джахан, невозможно... А знаете ли вы, что сделал Джахангир, сын Шах-Джахана? Он не только прекратил все работы, он отрубил руки лучшим художникам для того, чтобы никто не мог построить ничего сравнимого с завершенным Тадж-Махалом или с незавершенным мавзолеем его отца. Такова награда тем людям, которые работали в течение почти трех поколений. Прodelки эго....

Итак, я был приглашен в этот храм. Они сказали мне:

«Наш Учитель учил нас, что есть пятнадцать стадий. И в этом заключается способ, которым он определил, кто есть где — кто есть кто и кто есть где». «Что вы думаете об этом?» — спросили они меня.

Я сказал: «Ваш учитель прав, поскольку я вижу, как с пятнадцатой он пытается добраться до шестнадцатой, но все время соскальзывает, очень скользко — это последняя. Бедный парень все время падает — я знаю его». Эти глупые люди! Это та же жажда власти, но именем религии.

Вы найдете ее очень тонкой в поэтах, в живописцах, в других художниках, певцах, танцорах, — но это то же самое.

Так что я не против политиков, я против жажды власти, поскольку жажда власти — это не что иное, как проекция эго, а это величайший барьер между вами и существованием.

Чем больше у вас эго, тем дальше вы от существования. Если эго нет... встреча, слияние...

Но я не буду говорить вам отбросить эго. Я полностью осознаю, как хитро эго. Оно может даже сыграть в игру с отбрасыванием себя, и вы можете сказать: «Посмотрите, я самый смиреннейший человек в мире, самый лишенный эго». Оно снова вошло через заднюю дверь; теперь вы самый смиренный, самый лишенный эго, но вы должны быть кем-то особенным и необыкновенным.

Я только говорю вам: если вы пытаетесь отбросить эго, оно войдет через заднюю дверь. Просто постарайтесь понять его игры, этого достаточно. Просто постарайтесь увидеть, как много игр, в которые оно может играть, сколькими многими способами оно может обманывать вас. Просто будьте бдительными. И если вы осознаете все возможные пути эго, оно исчезает, точно так же, как исчезает тьма, когда вы вносите горящую свечу. И вы с горящей свечой начинаете искать, где же тьма. И вы ищете все время... и куда бы вы ни пошли, ее нет... куда бы вы ни пошли, ее нет.

Когда есть свет, тьма исчезает. Не то чтобы тьма сбежала; темноты нет совсем. Темнота — это отсутствие света.

Эго подобно тьме; оно не существует само по себе. Оно - только отсутствие осознания.

Поэтому я не говорю вам отбросить эго. Я говорю вам, что следует наблюдать его. Будьте наблюдательными, рассматривайте его — и вы найдете в нем так много слоев, что будете

удивлены.

Политик — явный эгоист. Святой может быть очень тонким эгоистом. Он более опасен, чем политик, поскольку явное легче схватить. Я знаю обоих. Я знаю самого явного политика, я знаю самого тонкого святого, я знаю все категории между ними. Я встречался со всеми этими людьми.

Работа всей моей жизни заключается в том, чтобы выявить основную проблему человечества.

А когда мы знаем основную проблему человечества, совсем нетрудно разрешить ее. На самом деле она разрешается уже самим ее обнаружением, поскольку ваша осознанность становится для нее светом.

Я не говорю, что я мессия, я не говорю, что я аватара, поскольку знаю эти тонкие игры эго. Я говорю только: я такой же обыкновенный, как и все, или такой же необыкновенный, как и все.

В существовании малейший листик травы имеет ту же значимость и ту же красоту, что и величайшая звезда. Нет никакой иерархии. Нет никого выше, нет никого ниже.

Я не против кого-либо. Но моя основная работа — представить перед вами все заболевания, все виды рабства для того, чтобы вы не попались в них, чтобы вы оставались свободными, чтобы вы могли слиться с существованием безо всяких препятствий. И эго — единственное препятствие. Оно может прийти столь многими путями, что если вы не бдительны по-настоящему, то оно обманет вас. Оно может стать таким тонким — почти как тень, — что будет следовать за вами, а вы не будете осознавать его.

Я хотел бы рассказать вам небольшую историю. Два монаха, буддийских монаха, возвращаются в свои монастыри; они подходят к броду. Течение очень сильное. Местность холмистая. Там ждет молодая красивая девушка, ждет кого-нибудь, кто помог бы ей перебраться. Она боится переходить одна.

Один монах, который, конечно, постарше... так как он постарше, он идет впереди — все игры эго. Если вы старше, вы должны идти впереди; монахи помоложе должны идти немного сзади. Они не могут идти вровень со старшим монахом; конечно, они не могут идти и впереди. И эти люди постоянно говорят о том, что нужно отбросить эго! Даже физический возраст используется для удовлетворения определенного эго.

Монах постарше подходит первым. Молодая девушка просит его: «Бханте», — бханте — это буддийский эквивалент слову «преподобный», — «Бханте, не поможете ли вы мне; просто поддержите меня за руку? Я боюсь, течение такое сильное, и тут может быть глубоко».

Старый человек закрывает глаза — так Будда сказал монахам: если вы видите женщину, особенно если она красивая, закройте свои глаза. Но я удивляюсь. Вы уже увидели ее, затем закрываете глаза. Иначе как вы определите, что это женщина, что она красивая? Вы уже получили воздействие и теперь закрываете глаза. И запомните, с закрытыми глазами красивая женщина станет даже более красивой — она станет девушкой мечты. А Будда сказал: «Не разговаривайте с женщиной, не касайтесь ее», — поскольку, просто разговаривая, вы можете быть захвачены; прикоснувшись, вы можете забыть, что вы монах.

Итак, он закрыл глаза и вошел в брод, не отвечая женщине. Видите безобразность этого. И эти люди говорят: «Помогайте, служите», — а эта бедная девушка просто попросила: «Поддержите меня за руку, всего несколько секунд, чтобы я могла перейти брод». А этот человек закрыл глаза.

Потом подходит второй монах, помоложе. Девушка боится, но нет никого другого, к кому можно было бы обратиться: солнце садится, скоро ночь. Она не может идти назад, город далеко позади. Она должна идти вперед, только так она может Добраться домой до наступления темноты. Но как перейти этот брод? Поэтому она вынуждена просить молодого монаха:

«Бханте, не будете ли вы так добры, поддержите меня за руку? Брод кажется глубоким, и течение сильное... я боюсь».

Монах говорит: «Здесь глубоко, я знаю, ведь мы переходим здесь каждый день. На той стороне наш монастырь, поэтому, чтобы принести пищу, мы каждый день вынуждены переходить на эту сторону в деревню. Здесь глубоко, и это хорошо, что вы не пошли в одиночку, иначе вас унесло бы. И просто поддерживать вас за руку недостаточно; вы садитесь прямо мне на плечи, и я перенесу вас на ту сторону».

Молодая девушка забралась к нему на плечи, он понес ее на другую сторону. Когда они находятся как раз на середине брода, старый монах вспоминает, что молодой идет позади, а он такой молодой, такой новичок, он может попасться в сети дьявола — женщина и есть сети дьявола. Может быть, это сам дьявол стоит в виде молодой красивой девушки. Он открывает глаза и не верит тому, что видит. Молодой монах несет красивую девушку на своих плечах. Он приходит в страшный гнев, просто трясется от гнева.

Молодой монах оставляет девушку на той стороне и следует за старым монахом к монастырю. Когда они добираются до дверей монастыря — он, должно быть, в двух или трех милях от брода, — старый монах останавливается на ступенях и говорит молодому: «Ты, парень, совершил грех, и я собираюсь рассказать Будде, что ты не только касался женщины, не только разговаривал с ней, ты нес ее на своих плечах. Ты должен быть изгнан из общины; ты недостойн быть монахом».

Молодой человек смеется и говорит: «Бханте, похоже, что, хотя я и снял эту девушку три мили назад, вы все еще несете ее на своих плечах. Три мили позади, а вы все еще беспокоитесь об этом?»

Это то, что происходит, когда вы начинаете бороться с чем-нибудь: то может быть секс, то может быть эго, то может быть алчность, то может быть страх, то может быть гнев — все, что угодно, если вы начинаете бороться с ним. И как вы отбросите это? Если не путем борьбы, то как вы собираетесь отбросить это? Вы будете сильно отталкивать все это, но куда отталкивать?

Все, что вы отталкиваете, проходит глубоко внутрь вашего подсознания. А в подсознании все более мощно, чем в сознании, поскольку сознание — это только одна часть; подсознание в девять раз больше. В сознательном уме вы, по крайней мере, осознаете, что находится там. В подсознательном уме так темно, вы не можете знать, что есть там; а там всего в девять раз больше, там все в девять раз мощнее. Подсознательное в любой момент может перехватить ваши сознательные усилия.

Что же происходит со старым монахом? Одновременно многое... Девушка была красива; он упустил шанс. Он в гневе. Он ревнует. Он полон сексуальности. Он сам в том положении, о котором говорит, что в нем находится молодой человек: у него настоящие неприятности. Молодой же полностью чист. Он переправил девушку и оставил ее на другом берегу, вот и все. Все кончилось. Но молодой монах находился, должно быть, на очень высоком уровне осознания.

Это осознание и является предметом моего учения. Никогда не боритесь с алчностью, эго, гневом, ревностью, ненавистью — всеми этими врагами, о которых религии учили вас: «Боритесь с ними, сокрушите их, убейте их». Вы не можете убить их, вы не можете сокрушить их, вы не можете бороться с ними; все, что вы можете делать, — это просто осознавать их.

И в тот момент, когда вы осознаете их, они уходят. На свету темнота просто исчезает.

Бхагаван, Являетесь ли вы, сторонником коммунизма?

И да и нет. Сначала давайте обсудим «нет». Я против коммунизма, существующего в Советском Союзе, в Китае и других коммунистических странах. Я против коммунизма, который породили Карл Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин, Мао — все эти люди. Я против потому, что то, что они породили - это не коммунизм.

То, что они породили, — это диктаторское, нечеловеческое, рабское общество — не демократическое, без уважения к личности и даже без признания личности. Она — всего лишь номер, как в армии. Один человек умер. В списочном составе армии появляется: номер восемь убит или номер восемь пропал без вести.

Видите психологическую разницу? У номера восемь нет жены, нет детей, нет матери, нет престарелого отца, нет старой бабушки. Номер восемь — просто номер восемь, арифметика.

Она ничего общего не имеет с человечностью. Но если вы замените номер реальным именем, то почувствуете себя по-другому. Вы начнете думать о том, что случится с его женой? Кому-то он был другом. Что случится с его матерью, с его престарелым отцом, кто присмотрит за ним. Что будет с его детьми?

Поэтому в армии и не используют имен — имена создают психологическое беспокойство в людях — только номера, а номера можно заменять. Номер восемь пал, пусть уходит; кто-то другой станет номером восемь. Он не станет мужем жены номера восемь, он не станет сыном отца номера восемь. Все это не касается армии.

Номера можно заменять; человеческие существа — нет. Коммунизм, пошедший от Карла Маркса, негуманен, поскольку он совершенно не принимает в расчет вашу индивидуальность, вашу личность.

Маркс говорит, что нет ничего, кроме материи. А если вы — не что иное, как материя, то какое значение имеет, живы вы или умерли? Поэтому так легко было Сталину убивать миллионы людей в России. Это было бы не так просто, если бы Карл Маркс не сказал, что вы — только материя. Нет проблемы;

уничтожая миллионы людей, Сталин не чувствовал угрызений совести: они не люди, у них нет никакой души. Они — только механизмы.

Я не собираюсь поддерживать эту идиотскую идеологию, которая отбирает у человека человеческое. Человеческое должно обогащаться, индивидуальное должно заостряться.

Они же разрушают все индивидуальное. Они хотят, чтобы вы были лишь частью целого коллектива — только частью, винтиком в колесе, деталью, которую всегда можно заменить.

А вы знаете, что ни одно человеческое создание не заменимо, поскольку каждое человеческое существо так уникально, так предельно уникально, что нет способа заменить его.

В марксовом коммунизме нет уважения к личности. Знаете ли вы, что они закрывают? Они закрывают дверь к вашему собственному существу, а если эта дверь закрыта, то вы полностью отделены от существования. Тогда нет и вопроса о поиске истины; нет вопроса о познании себя, о том, чтобы быть самим собой. На самом деле, это опасно — быть собой, познать себя. Лучше быть винтиком в колесе, без себя.

Идея Маркса не основывается на каком-либо внутреннем поиске. Мне жаль этого человека; он был разумным, но он остался лишь интеллектуалом, книжником. Он первым приходил в библиотеку Британского Музея, и каждый вечер перед закрытием его приходилось выводить силой. А иногда его вынуждены были выносить на носилках, поскольку от чтения целыми днями и курения сигарет — вот и все, чем он занимался, — он терял сознание.

В течение сорока лет непрерывно Британский Музей имел дело с этим человеком. Но они осознавали, что: «Мы вынуждены принимать его. Он является первым — до открытия дверей он уже стоит в дверях — и уходит последним. Если вы обнаружите его в сознании, выведите его, если вы обнаружите его без сознания, несите его на носилках в больницу».

Этот человек никогда, ни одного мгновения, не медитировал. Он ничего не знал о внутреннем; он смотрел только в свои книги. То, что он написал в Капитале... коммунисты не читают эту книгу. Я встречал тысячи коммунистов; ни один коммунист не читал этого. Каждый коммунист держит эту книгу в своем доме, совсем как христианин держит Библию. Это Библия коммунизма — и он создан как раз троицей: Маркс, Энгельс, Ленин; и Библией является Капитал, — но никто не читает его. Я прошелся по нему, от первой страницы до последней. Это все слова, нет переживания; цитаты из других книг, но нет подлинного переживания, ни одного его собственного переживания.

Что за человек Карл Маркс? Евреи дают миру людей странного типа. Сначала они дали нам Моисея, который сорок лет водил целое еврейское сообщество... семьдесят пять процентов его людей умерли за эти сорок лет в поисках Израиля. И какое совпадение — он прошел мимо всех тех мест, которые сейчас являются богатейшими: Средний Восток, все нефтяные источники, он прошел мимо всего этого. И это избранный Богом пророк, а сам ничего не знает о нефти! И он остановился в Израиле, где ничего нет — только пустыня. Если бы он остановился где-нибудь раньше, евреи были бы чрезвычайно счастливы; они могли бы создать рай.

Затем приходит Иисус, другой еврей. И благодаря Иисусу евреи дают жизнь христианству. Они несут ответственность за это. Если бы они не распяли Иисуса, не было бы христианства. А

знаете ли вы, что христианство сделало для человечества? За прошедшие двадцать веков сколько миллионов людей было убито христианами, сожжено заживо? Во имя Бога, Святого Духа и сына. Они сжигали людей заживо, потому что были абсолютно уверены, что все, что они делают, правильно. Иисус дал им право загонять всякого в паству. Поэтому против язычников постоянно снаряжались крестовые походы.

Вы удивитесь: язычники гораздо ближе к существованию, чем все остальные. Язычники — это люди, поклоняющиеся природе, деревьям, горам, океанам, рекам, звездам. Язычники — это те, кто все, окружающее нас, воспринимает божественным. Мне они гораздо ближе, чем так называемые религиозные люди.

Они убивали язычников, потому что те не верили в Бога-создателя. Все убивали язычников. Евреи убивали их, потому что они не верили в еврейского Бога, христиане убивали их, потому что они не верили в христианского Бога, мусульмане убивали их, потому что они не верили в мусульманского Бога, — а богов так много. Это хорошо, что индусы никогда не начинали убивать, ведь у индусов тридцать три миллиона Богов! Если бы они начали убивать, то что бы осталось от человечества?

Тридцать три миллиона Богов... идея эта так стара, что в те времена даже на всей земле не было тридцати трех миллионов человек, что же говорить об индусах. На всей земле не было тридцати трех миллионов людей, а у индусов было тридцать три миллиона Богов. Зачем у индусов было тридцать три миллиона Богов?

Потому же, почему у джайнов двадцать четыре тиртханкары. Буддисты тоже не остались позади — все то же эго, изобрели... У них только один Гаутама Будда, но они изобрели... Это вымысел, но они должны были состязаться с джайнами; они были их современниками, их конкурентами. Джайны подлинно имели двадцать четыре тиртханкары; Будда был один. Сначала он пытался говорить, что он двадцать четвертый тиртханкара. Когда он не был принят джайнами, а Махавиру успешно приняли, он выдумал, что было двадцать четыре Будды — перед ним двадцать три. На самом деле - этими двадцатью тремя были его жизни; он раньше был в мире двадцать три раза, как будда, а это его двадцать четвертая жизнь.

Это чистый вымысел; просто чтобы состязаться с джайнами, нужно быть двадцать четвертым. Но индусы в то время имели понятие только о десяти аватарах. Видя, что джайны и буддисты имеют двадцать четыре, они немедленно изменили это число; поэтому любой священный текст, написанный после Гаутамы Будды и Махавиры, гласит: «У нас тоже есть двадцать четыре аватары». Но потом, чтобы выиграть это состязание навсегда, они придумали эту идею о тридцати трех миллионах Богов.

Маркс — еще один подарок евреям миру — и настоящий еврей! Причина, по которой он основал коммунизм, не заключается в каком-либо сострадании к бедным. Нет, совсем нет - это ревность к богатым. Вы должны понять это ясно, поскольку это изменит ваше отношение. Его отец был бедным. Отец его отца был бедным. Он был бедным; он оставался зависимым от поддержки своего друга Фридриха Энгельса, который был богатым человеком и постоянно давал ему деньги.

Фридрих Энгельс не является великим интеллектуалом или чем-то еще, но в благодарность за его финансовую поддержку Маркс все время помещал его имя на каждую написанную им книгу.

Фридрихом Энгельсом не написано ничего, это просто Маркс проявлял свое уважение. На самом деле это, так или иначе, правильно, поскольку без него Маркс не был бы в состоянии писать; он умер бы с голоду.

А быть евреем и бедным — очень трудная ситуация. Я знаю, потому что родился в семье джайнов. Джайны — это евреи Индии. Во всей Индии вы не найдете ни одного нищего джайна; все нищие — индусы, нет ни одного нищего джайна. Я искал по всей Индии и не смог найти ни одного нищего джайна. Они не бедные; каждый достаточно богат, а большинство из них являются богатейшими людьми страны.

И вот, быть евреем и бедным, когда все остальные евреи богаты, это, естественно, порождает ревность. Это не сострадание к бедным. Нигде в Капитале, в Коммунистическом манифесте и других книгах Маркса вы не найдете ни одного утверждения, показывающего сострадание к бедным, — этого нет совсем. Это ревность к богатым.

Так что если я должен дать точное определение, то оно будет... Марксов коммунизм означает: уничтожить богатых, разделить богатство поровну. Это они и сделали в России, в Китае. Бедный все еще беден, но так или иначе удовлетворен, поскольку богатые потревожены. Богатые уничтожены. Сравнение исчезло; теперь нет богатых, которые дадут вам почувствовать, что вы бедный. Вы по-прежнему бедный. Нищета, конечно, распределена равномерно. Каждый одинаково беден, так что никто не может сравнивать, никто не может ревновать. Никто не может думать, что дела могли бы идти и получше.

Я не сторонник распределения на уровне нищеты, я не сторонник уничтожения богатых.

Поэтому я говорю «нет» коммунизму, существующему сегодня, марксову коммунизму. Но я говорю «да» совершенно иной концепции коммунизма. Для меня коммунизм — это наивысшая и последняя стадия капитализма.

То, что может наступить коммунизм, — не против капитализма. То, что коммунизм настанет, — это завершающая стадия капитализма.

Капитализм — первая система в мире, которая создает капитал, изобилие. Раньше был феодализм — он не создавал изобилия; он эксплуатировал людей, он грабил людей. Богатство, которое имели цари прошлого, было преступлением. Оно было силой отнято у людей, у бедных; оно было не ими создано. Капитализм — первая система, которая создает изобилие, богатство. Чтобы создавать изобилие, требуется разум.

А когда мы создаем так много богатства, это изобилие теряет все свое значение, когда мы создаем такой высокий стандарт изобилия, то бедные автоматически начинают становиться богаче... Никто не может съесть изобилие — что вы собираетесь делать с ним? Наступает точка насыщения. И когда капитализм подходит к точке насыщения, только тогда наступает цветение коммунизма. Поэтому я называю мое сообщество коммуной. Коммунизм, слово «коммунизм» произошло от «коммуны».

Я верю в капитализм. Может быть, я единственный человек в мире, который так ясно говорит, что верит в капитализм. Поскольку это произошло впервые в истории человека, что есть система, создающая изобилие и способная создать такое изобилие, что вместе с наукой и

научной технологией устранил возможность нищеты.

Не нужно распределять изобилие, оно распределяется автоматически. Не нужна никакая диктатура пролетариата.

Капитализм находится в полном согласии с демократией, с личностью, со свободой слова. Он ничего не разрушает.

Поэтому мой подход заключается в том, что мы должны проповедовать идею создания богатства, а не распределения его. Что вы собираетесь распределять, если прежде этого у вас нет?

Даже Маркс никогда не говорил, что коммунизм наступит в России или Китае, поскольку эти страны так бедны — что вы собираетесь распределять? Даже по идее Маркса коммунизм наступит прежде в Америке. Но он случился в России. Конечно, это что-то фальшивое. Это что-то, что точно не сделало людей счастливее, богаче, свободнее, а только испортило все, что у них есть, и дало им ложную надежду: «Скоро вы все станете богатыми». Когда наступит это «скоро»? Шестьдесят лет прошло, больше шестидесяти, со времени революции. Все революционеры умерли. Все надеялись, что «скоро» придет. Россия осталась бедной, все еще бедной.

Даже беднейший человек в Америке находится в лучшем положении, чем хорошо оплачиваемый человек в России. А то, что они потеряли, имеет огромную ценность. Они потеряли свободу, они потеряли индивидуальность, они потеряли свободу выражения. Они потеряли все. Они живут в большом концентрационном лагере: нет справедливости, некуда взывать, нет возможности быть услышанным.

Я против коммунизма такого рода; это так разрушительно.

Но у меня есть своя собственная идея коммунизма.

Поэтому я говорю: «И да и нет». «Нет» коммунизму, который вы представляете себе, и «да» коммунизму, о котором я постоянно говорю вам.

Создавайте изобилие, богатство. Теперь наука и технология дали вам все средства для этого, просто глупо думать о распределении. Создавайте его так много, чтобы добраться до точки насыщения. Тогда оттуда оно начнет распространяться к каждому.

Коммунизм — это окончательный расцвет капитализма.

Беседа 9

ПРОСТО РОДИТЬСЯ - НЕДОСТАТОЧНО, ЧТОБЫ БЫТЬ ЖИВЫМ

7 ноября 1984 года

Бхагаван,

люди, посещающие коммуну, снова и снова спрашивают нас, почему мы ведем такую богатую

жизнь?

Я удивляюсь, как это они не спрашивают, почему мы вообще живем? Это был бы правильный вопрос.

Жизнь означает изобилие, богатство во всех возможных измерениях.

Просто посмотрите на существование. Вы думаете, оно бедно? Посмотрите на миллионы цветов, на их благоухание; посмотрите на миллионы звезд.

Человек еще не смог пересчитать их. И я не думаю, что когда-нибудь сможет пересчитать. Невооруженным глазом вы можете видеть, самое большее, три тысячи звезд — и больше ничего. И эти звезды разбегаются. Все равно, как раскрывается цветок и его лепестки начинают расходиться от центра, так и вселенная непрерывно расцветает, открывается, цветет — и с потрясающей скоростью.

Звезды разбегаются от центра. Мы не знаем точно, где находится этот центр; но одно известно точно: вся вселенная быстро расширяется, движется, живет.

Эти люди, прибывающие сюда с визитами, не знают, для чего жизнь. Они никогда не жили. Да, они родились; но просто родиться недостаточно, чтобы быть живым. Они будут жить, как растения, и думать, что они живут. И однажды они умрут, совсем не пожив. Эти чудеса постоянно происходят по всему миру; люди, никогда не жившие, умирают — невероятно. Но так случается каждый день. И многие узнают об этом в момент смерти и говорят: «Это странно; впервые я понял, что пропустил жизнь».

Если вы живете, то для чего? Чтобы любить, чтобы получать удовольствие, чтобы испытывать восторг — иначе вообще зачем жить?

И что такое богатство? Это просто способ делать жизнь более и более радостной, более и более любовной, более и более удобной, более и более роскошной.

Человек, ничего не знающий о великом мире музыки, беден; он упускает величайшую роскошь жизни. Человек, не знающий, как наслаждаться Пикассо, Ван Гогом, ничего не знает о цвете. Если он не может наслаждаться Леонардо да Винчи, как он может наслаждаться рассветом, закатом? Миллионы людей живут, не осознавая рассветов, не останавливая ни на мгновение взгляда на закатах и всех тех красках, которые закат оставляет на небе. Миллионы людей никогда не поднимают глаз к небу, к его великолепию.

«Жить» может означать только одно: жить многомерной жизнью... музыка, поэзия, живопись, скульптура... но все это роскошь.

Я не поклонник нищеты; я поклоняюсь роскоши.

И существование есть роскошь, изобильная роскошь. Где достаточно одного цветка, расцветают миллионы цветов.

Разве вы когда-нибудь чувствовали, что существование является скупым? Какая нужда в столь многих звездах?

Если эти дураки, которые задают вам вопрос, если они встретят создателя, в которого верят, то они спросят у него:

«Какая нужда в столь многих звездах? Зачем эта роскошь? Немного меньше было бы достаточно? Какая нужда в столь многих птицах, животных, человеческих существах?»

А знаете ли вы, что теперь ученые узнали тот факт, что по крайней мере на пяти тысячах планет существует жизнь. Мы не знаем, какие краски приняты там — какие формы, какая красота, какого рода создания развились там, — одно точно: существование переливает через край, все роскошно. Это не бедное существование, нет.

Нищета — создание человека.

И люди, приходящие сюда посмотреть коммуны, имеют, должно быть, в своем уме определенную идею. Возможно, они смотрели фильм Ганди. Они слышали об аскетизме Востока. Я не аскет. Я не так глуп. Я не Махатма Ганди. Я абсолютно против него.

Люди, подобные Ганди, несут ответственность за нищету в мире.

Да, никто не может задать такой вопрос в коммуне Ганди. Если вы пойдете туда, то почувствуете просто печаль и жалость. Еще существует маленький ашрам, в котором жил Ганди. Рамдас, сын Ганди, очень интересовался мной и однажды пригласил меня. Я пришел туда — это было после смерти Ганди. Там было тридцать, тридцать пять человек. Там была целая группа, которая жила еще при Ганди, и я сказал Рамдасу: «Зачем вы мучите этих людей? Это сущий мазохизм и ничего больше. Во имя нищеты, во имя простоты вы совершенно лишили этих людей жизни».

То, что они едят, абсолютно безвкусно, поскольку в Индии для религиозного человека вкус — это то, чего нужно избегать. Махавира дал пять великих принципов; один из них - безвкусность. Великие принципы! Вместе с истиной, ненасилием, невладением, неворовством... безвкусность.

И, конечно, Махатма Ганди внес в это свои усовершенствования. Пища не только безвкусная, она тошнотворная. В Индии есть дерево, которое называется ним. Это самое горькое дерево в мире. Его листья настолько горькие, что, однажды попробовав, вы не забудете их никогда, по крайней мере, в течение нескольких жизней. В ашраме Ганди было правилом подавать каждому соус из нима. Другим правилом аскетизма в Индии является то, что на тарелке ничего не должно оставаться. Вы не должны оставлять ничего, вы должны все съесть. Невозможно, чтобы вы оставили такую вот большую чашку, наполненную нимом.

Один американец, Луис Фишер, посетил Махатму Ганди - его очень привлекала философия Ганди; он написал самую прекрасную книгу о нем — и был у него особым гостем, поэтому Ганди взял его с собой на кухню. Это была большая привилегия — сидеть и кушать рядом с Ганди. И он увидел, что Ганди так счастлив есть это и что все остальные ели счастливо.

Поэтому он подумал: «Об этом лучше помалкивать, не говорить ничего; это будет выглядеть невежливо». И он подумал, — а все люди вокруг макали хлеб в этот соус и ели его, - и он подумал, что, чем портить всю еду, будет лучше покончить с этим соусом одним глотком, а

затем приняться за еду, так будет лучше. И он сделал глоток, с закрытыми глазами, сдерживая дыхание, — просто чтобы покончить с этим, поскольку ничего другого не оставалось. И вы знаете, что сделал Ганди? Он позвал повара и сказал: «Посмотри, как ему нравится это! Принеси еще чашку; он любит этот соус!» И чашка была наполнена снова.

Чтобы жить жизнью бедных, Ганди не разрешал никому пользоваться противомоскитной сеткой; это роскошь. А место, где он жил, Варда, — самое жаркое место, точно посередине Индии, точно в центре — одно из самых жарких мест. И вокруг так много moskitov, что если вы хотите делать какую-нибудь работу, читать, писать или что-нибудь еще, вы даже в дневное время вынуждены пользоваться противомоскитной сеткой и сидеть в ней. Даже в дневное время сотни moskitov садятся на все ваше тело; как же можно спать ночью? Но идея нищеты... разве можно пользоваться противомоскитной сеткой? Это великая роскошь.

И Ганди открыл — он был великим мастером открывать такие вещи, — он открыл, что керосиновое масло, если вы нанесете его на лицо, руки, своим запахом отпугивает moskitov и они даже не приближаются к вам. Конечно, они не приблизятся, они не такие дураки, как вы, — но из-за этого запаха невозможно спать! Я просто отказался оставаться там. Я сказал Рамдасу: «Это место не для меня. Что за чушь творится здесь? Во имя аскетизма вы мучите этих тридцать пять человек. Вы прославляете все это».

Ганди делал все это на протяжении всей своей жизни. Он был абсолютным мазохистом, который наслаждается, мучая себя, и кроме того — садистом. Это редкая комбинация, весьма уникальная. Есть мазохисты, есть садисты, но быть и мазохистом, и садистом — весьма уникальное явление. Есть очень мало людей — но они есть, — которые получают удовольствие и от того и от другого: мучая себя и мучая других. Во имя религии это делается очень просто, поскольку вы даете людям мотивацию: мучая себя, вы добиваетесь большего в другой жизни.

Эта мотивация, эта алчность... они не называют это мотивацией или алчностью, они не называют это мучением, но я называю мучением — они называют это тапасчарья, садхана, «духовная дисциплина». Но, называя безобразную вещь добрым именем, вы не меняете ее природу. Это не духовная дисциплина. Это просто мучение. И под именем духовной Дисциплины можно мучить себя.

На протяжении веков сколькими способами мучили себя религиозные люди? Если вы узнаете всю историю, вы будете просто изумлены. Были христианские аскеты, чья практика состояла — еще состоит, они еще существуют — в избивании самих себя обнаженными рано утром. И о человеке, который умудрялся избивать себя больше всех, думали как о величайшем святом. Кровь сочилась из тела, а они продолжали бичевать себя. Вокруг их монастыря собирались толпы, чтобы посмотреть на эту сцену. И толпа поддерживала их, высоко ценила их, аплодировала им, помогала им избивать себя еще сильнее. И конечно, когда огромная толпа оказывает поддержку, можно перейти все пределы. Много раз человек, избив себя, умирал. После этого папа объявлял его святым. Эти люди еще существуют.

Была христианская секта, которая пользовалась башмаками с гвоздями внутри, входящими в ногу. На ногах появлялись раны, гвозди входили в ноги, а они продолжали ходить в этих башмаках. Гвозди не дают ранам заживать, оставляют их все время кровоточащими. Раны нельзя лечить; невозможно лечить их, ничего не делается, чтобы лечить их. Напротив, гвозди вставляются в башмаки так, что они постоянно создают раны, так что, естественно, их нельзя

вылечить.

Они также носят на поясе ремни с гвоздями, входящими в тело... раны кругом. И этим людям поклонялись. Вы поклонялись сумасшедшим людям; эти люди нуждаются в психиатрическом лечении. Они не были религиозными людьми. Они были просто умственно больными, совершенно больными, самоубийственно больными. А их предводитель был уникальным человеком. Он мучил себя и был их предводителем потому, что мучил себя больше других. Это был единственный критерий для выбора предводителя. И он учил других, как мучить себя всеми возможными способами.

По всему миру нищета уважалась по той простой причине, что люди не имели понятия, как избавиться от нее. И почему еще она уважалась? Если вы родились бедным, то никто не будет уважать вас; если вы родились нищим, никто не будет уважать вас. Но если вы сын царя и отреклись от царства и стали нищим, тогда вся страна будет уважать вас. Знаете ли вы, что все эти двадцать четыре тиртханкары джайнов являются царями, отрекшимися от своих царств? Почему ни один из них не имел до этого какой-нибудь другой профессии? По той простой причине, что если вы уже бедный, то вам не от чего отрекаться. Прежде всего, вам нужно иметь то, отчего отрекаться. А этих царей уважали, ведь они никогда не ходили пешком; их возили в золотой колеснице. Они ни от чего не страдали, и вот теперь они стояли обнаженными на жарком, обжигающем солнце Индии.

Джайнскому тиртханкаре не разрешается принимать ванну; это рассматривается как роскошь. Ванна — роскошь! А в Индии, где потеешь целый день... Обнаженный монах, потеющий целый день, а Индия — страна, полная пыли: он постоянно в грязи. Только раз в год, — но и тогда, не он принимает ванну, — его последователи льют на него воду... ванну принимать нельзя, поскольку это будет грехом, потянет к роскоши. Нет, их цель не в этом; их цель в том, чтобы получить святую воду. Невозможно найти более несвятой воды. Человек принимает душ один раз в год — он был обнажен, потел, собирал все виды пыли, все виды микробов, — теперь его поливают водой и воду собирают. И люди, последователи, пьют эту воду, поскольку это чистейшая вода, вода от тиртханкары!

У этих людей странные способы... В Индии для избежания роскоши эти люди ходят обнаженными, едят раз в день, и то совсем немного; они голодают. Посмотрите на их тела, на их лица, в их глаза — все увяло, потеряло цвет жизни. А какой жизнью они живут? Что они делают? Они ничего не создают. Они не пишут картин, они не сочиняют музыку, они не пишут стихи, они не создают красивые скульптуры. Они не делают ничего. Они не делают открытий — они не ученые. Они ничем не помогают человечеству. Они просто бремя, они эксплуатируют бедных и делают их еще более бедными.

Как вы думаете, сколько сейчас индусских монахов? Пять миллионов. Пять миллионов индусских монахов... постоянно эксплуатируют нищие массы, ведь их надо обеспечивать. Массы сами голодают и должны снабжать этих паразитов. Но эти паразиты уважаемы, уважаемы по той простой причине, что они дают утешение бедным.

Каждая религия нашла какой-то способ для утешения бедных. Джайны, индуисты, буддисты, эти три великие религии Индии говорят бедным: «Вы бедны, потому что в прошлой своей жизни вы совершали грехи. Принимайте свою бедность, как наказание. Если вы попытаетесь избежать нищеты, вы испортите и свою следующую жизнь. Лучше покончить с этим в этой жизни, чтобы

в следующей жизни у вас не было бы такой боли, такого страдания».

«Богатые люди богаты не потому, что они создали изобилие, или эксплуатировали, или сделали что-то; они богаты потому, что в прошлой жизни были добродетельны». А что такое добродетель? Быть бедным, мучить себя, совершать медленное самоубийство — вот добродетель. «Так что вам повезло родиться бедными; вам дается великая возможность проявить добродетель. Не упустите ее; примите ее».

Поэтому в Индии и не было революции. Индия, должно быть, старейшая страна, тысячи лет страдавшая в нищете; но со стороны бедных ни одной революции, нет даже идеи революции. Никто за десять тысяч лет не высказал идеи о том, что бедные должны восстать против такой ситуации. Нет, если вы восстанете против такой ситуации, то упустите возможность.

Вы удивитесь: есть еще живая джайнская секта, и она очень знаменита — название этой секты Терапант. В ней семьсот монахов и один предводитель Ачарья Тулси, который для секты все равно, как папа. Я многие годы сражался с ним по всем пунктам. Их философия представляет собой логическое заключение, вытекающее из теории кармы, и поэтому никто не выступал против них; я был, должно быть, единственным человеком, который бросил вызов Ачарье Тулси.

Он был удивлен. Он сказал: «Но это то, во что верит вся страна, мы лишь привели эту теорию к логическому завершению». Что это за логическое завершение? Вы будете удивлены. Они верят, что если человек тонет в реке и кричит: «Помогите! Спасите!», то вы просто можете идти своей дорогой. Он страдает из-за плохих поступков в своей прошлой жизни. Не мешайте ему, поскольку, если вы его спасете, он будет вынужден страдать дальше. Пусть это кончится раз и навсегда. Если вы спасете его, то в своей следующей жизни он, может быть, снова должен будет упасть в реку и утонуть. Зачем же продолжать его страдания? Пусть он закроет эту главу. Он совершил плохой поступок, теперь пожинает плоды. Где-то в прошлом он посеял семена этого, так кто вы такой, чтобы вмешиваться? Просто идите своей дорогой.

И более того, они говорят: «Если вы спасете его, вы возмутите весь образ его жизни; вы нарушите для него возможность покончить с плохим, со злом. И вы совершите нечто большее. Если спасенный вами человек завтра совершит убийство, вы также будете нести ответственность». Естественно, если бы вы не спасли его, кто совершил бы убийство?

Итак, вы нарушили его жизнь, вы нарушаете свою жизнь, вы нарушаете жизнь кого-то еще, кто может быть убит. Он может изнасиловать женщину. Он может сделать еще что-то, всю свою жизнь он будет делать то одно, то другое. Вы будете отвечать за все, что он делает, вы будете его партнером в этом. Зная то или не зная, вы становитесь пассивным партнером в его жизни, которую вы спасли, так зачем же так рисковать? Вы не помогаете ему, вы не помогаете себе, вы не помогаете никому. Вы просто идете своим путем, а он пусть идет через все то, что является его судьбой.

Джайнизм, индуизм, буддизм — все учили Индию, что нищета — побочный продукт вашей прошлой жизни. То же и богатство. С этой жизнью ничего не поделаешь.

Так что, революция?.. Этот вопрос не возникает. Против кого? Вы не можете уничтожить ваши прошлые поступки, вы должны страдать за них; вы должны исполнять непременный закон кармы. Вы совершили грех, кто теперь должен нести наказание? Вы отвечаете за него. Против

чего собираетесь вы поднимать революцию? Против кого? Прошлого больше нет, вы не можете уничтожить его. Вы должны просто принять то, что сделали, то, что это принесет вам. Поэтому не было революций, не было даже возможностей для этого.

Христиане, мусульмане, евреи — у всех существует некоторое объяснение. Но это не объяснение; это просто способ оправдать ситуацию и дать людям почувствовать, что все, что случается, предопределено. С этим ничего нельзя поделать. В некоторых религиях — это воля Божья. В некоторых религиях — это судьба, написанная до вашего рождения. В некоторых религиях — это ваша прошлая жизнь.

Но все религии сходятся на том, что с настоящим ничего нельзя поделать, поскольку, как только поднимается вопрос, что с настоящим что-то нужно делать, так это тут же может быть сделано. Тогда ситуация изменяется.

И все эти люди проявляли уважение к нищете. Отчего это уважение к нищете? Отчего это уважение к страданию? Оно просто для удовлетворения эго бедного человека, для того, чтобы дать ему почувствовать, что хотя он и беден, но находится в ситуации, которую уважают.

Поэтому осуждайте богатство, уважайте бедность — на этом пути вы удержите бедных бедными и позволите богатым становиться богаче. Богатые понимают очень хорошо: «Продолжайте осуждать, это не имеет значения; на самом деле, это даже нужно». Такое осуждение устраняет возможность революции.

А что за осуждение? Богатые не будут допущены в царство Божье. А богатые намного образованнее бедных, намного изощреннее; они понимают. Большинство богатых людей ничуть не беспокоится о царстве Божьем. Они могут ходить в церковь просто для того, чтобы показать, что они добрые христиане; в синагогу — просто чтобы показать, что они добрые евреи; но они очень хорошо знают, что все это — просто социальное согласие.

Синагоги и церкви — не что иное, как социальные клубы, подобные «Ротари-клубу», клубу светских львов. Они помогают вам. Это прекрасные места для встреч, они придают вам определенную респектабельность. В синагогу приходит богатый человек, и бедный человек чувствует, что хотя тот и богат, но смиренен: склоняется перед крестом в церкви... какое смирение.

А для богатого человека это все лицемерие. Он знает, что это хорошая дипломатия: продолжать притворяться религиозным, продолжать делать пожертвования церквям, храмам, мечетям. Это помогает ему в самых разных аспектах. Это помогает ему в решении проблем с налогами, это помогает ему общаться с внешним миром, это способствует его респектабельности. Бедные люди думают, что он по-настоящему хороший, добрый человек.

Богатый человек также говорит: «Хотя я не такой способный, я слабый человек, но я, по крайней мере, могу уважать святого, который отрекся, святого, который отрекся от вещей, от которых я не могу отречься». Таким образом, он приходит припасть к ногам святого, который отрекся. В Индии приходят цари, приходят богатые люди, чтобы припасть к ногам святого — просто чтобы показать толпе: «Мы пока не можем отречься, мы не настолько сильны, или, может быть, еще не пришло наше время, но глубоко внутри это наша цель. Если не сегодня, то завтра; если не в этой жизни, то в следующей, — но это наша цель».

Шила, те люди, что приходят сюда, приходят с некоторой идеей, определенной идеей. Они думают, что это религиозная коммуна и поэтому она должна быть похожа на католический монастырь или индусский ашрам. И их шокирует то, что они обнаруживают здесь нечто противоположное. Они спрашивают вас: «Почему вы живете такой богатой жизнью?» — а вы просто говорите им: «Потому что мы не можем сделать ее еще более богатой, вот почему. В тот день, когда мы сможем сделать жизнь немного богаче, мы будем жить такой жизнью. На этом простите нас».

Я учу вас жить потрясающе, экстатично — всеми возможными способами. На физическом уровне, на умственном уровне, на духовном уровне — живите на пределе своих возможностей.

Выжимайте из каждого мгновения все возможное удовольствие, все возможное счастье, чтобы вам не пришлось сокрушаться позднее: «То мгновение ушло, и я упустил его».

Не думайте о прошлом. Поскольку, думая о прошлом, вы будете упускать настоящее мгновение, которое является единственным, которое является всем, что существует. И не думайте о будущем: о другой жизни, о царстве Божьем — все это полнейшая чепуха.

Завтра вовсе не существует. Всегда сегодня — всегда и всегда сегодня.

Всегда это мгновение. Поэтому выжимайте все из него. Не оставляйте в нем ни капли сока. Когда вы научитесь выжимать из него весь сок, вы перестанете думать о прошлом. Останется ли о чем думать? Прошлое не оставит в вас и следа.

Непрожитое прошлое — вот единственное, что ложится на вас психологическим грузом.

Позвольте мне повторить: непрожитое прошлое... те мгновения, которые вы могли бы прожить, но не прожили... те любовные приключения, которые могли бы расцвести, но вы упустили их... те песни, которые вы могли бы петь, но увязли в каких-то глупых вещах и упустили песню... это непрожитое прошлое, которое становится вашим психологическим грузом, и этот груз становится тяжелее с каждым днем.

Вот почему старый человек становится таким раздражительным. Это не его вина. Он не знает, почему он такой раздражительный — почему любая и каждая вещь раздражает его, почему он постоянно злится, почему он не может позволить быть кому-нибудь счастливым, почему он не может видеть детей, танцующих, поющих, прыгающих, радующихся, почему он хочет, чтобы все было тихо, — что случилось с ним?

Это простое психологическое явление: это вся его непрожитая жизнь. Когда он видит начинающего танцевать ребенка, его внутреннее детство причиняет ему боль. В его внутреннем детстве танцевать было каким-то образом запрещено - может быть, его родителями, старшими, может быть, им самим и, наверное, потому, что такое поведение пользовалось уважением. Родители приводили его к соседям и представляли его им: «Посмотрите на этого ребенка, какой спокойный, тихий, молчаливый; не беспокоит, не озорничает». Его это наполнялось этим. Так или иначе, но он упустил. Теперь он не переносит этого, он не может терпеть этого ребенка. На самом деле это его непрожитое детство начинает причинять боль. Оно оставило рану.

И сколько ран носите вы в себе? Тысячи ран, ведь сколько же вы оставили непрожитого?

Так что люди, которые приходят сюда, они приходят сюда почти мертвыми, они приносят сюда свои мертвые тела. Когда они видят вас живыми, они оказываются шокированными. Они были бы чрезвычайно счастливы, если бы увидели аскетов, сидящих под можжевельным деревом, обнаженных, голодающих, молящихся несуществующему Богу. Они были бы чрезвычайно счастливы, поскольку вы тогда были бы намного мертвее их; в сравнении с вами они выглядели бы намного лучше. Они уважали бы вас, ведь вы помогли бы им чувствовать себя лучше.

Когда они приходят сюда, когда они видят вас, они чувствуют себя пустыми, истощенными — бессмысленными. Это ранит. Это ранит глубоко, отсюда и вопрос: «Почему вы живете такой богатой жизнью?»

Но богатство — это ваше право по рождению.

Когда вы приходите в жизнь, ничего не написано у вас на лбу. Можете сходить к хирургу и дать ему посмотреть ваш лоб. На нем ничего не написано, ничего не написано и на линиях вашей руки.

Вы приходите в этот мир как абсолютно чистая, не исписанная, открытая книга.

Вы должны писать свою судьбу; нет никого, кто написал бы вашу судьбу за вас. И кому писать ее? И как? И для чего?

Вы приходите в мир, всего лишь как открытая потенциальность, многомерная потенциальность. Вы должны писать свою судьбу. Вы должны реализовывать свое предназначение. Вы должны становиться собой.

Вы не рождаетесь полностью готовыми. Вы рождаетесь только как семя, и вы можете умереть, тоже только как семя. Но вы можете стать цветком, вы можете стать деревом.

И из одного семени могут произойти миллионы семян. Видите ли вы изобилие и богатство существования? Одно семя может сделать зеленой всю землю, может сделать зеленой всю вселенную — что говорить о земле! Всего одно семя... Какой потенциал несет одно маленькое семя! Но вы можете хранить его в своем сейфе, на банковском счете и жить жизнью, которая совсем не является таковой.

Я целиком за богатство всеми возможными способами. И помните, богатство возможно только при условии, что вы допускаете его всеми возможными способами.

Не обманывайтесь старой идеей о том, что вы будете духовно богаты, если истощаете свое тело; если физически мучаете свое тело, вы будете духовно богаты — нет. Это абсолютно ненаучно. Я видел людей, которые мучили свое тело на протяжении всей жизни, но я не видел, чтобы их души обогатились этим. На самом деле их души умерли задолго до того.

Ваши тело и душа — не враги. Они живут в гармонии.

Вы — гармоничное целое. Все связано со всем остальным. Нельзя сделать одну часть богатой, а другую бедной. Целое будет нарушено, оно станет или богатым, или бедным. Вы должны воспринять свою целостность.

Итак, живите, живите интенсивно. Зажгите факел вашей жизни сразу с двух концов. Только такой человек может умереть блаженно, улыбаясь.

Умирал Учитель... то было его последнее мгновение. Собрались ученики. Один ученик спросил: «Учитель, вы оставляете нас. Каково ваше последнее откровение?»

Учитель улыбнулся, открыл глаза и сказал: «Слышали, белка пробежала по крыше?» Потом он закрыл глаза и умер. Ученики растерялись... что это за откровение? «Слышали, белка пробежала по крыше?»

Но то было откровением всей его жизни — того самого мгновения.

В то мгновение он радовался белке. Кто думает о смерти? И кто думает о последнем откровении? Он был в том мгновении, здесь и сейчас. И то было его откровение: не идите куда-нибудь еще, просто оставайтесь здесь и сейчас- Даже в момент смерти... шорох белки на крыше, и он радуется ему.

Такой человек, должно быть, жил безмерно, огромно, неправдоподобно; без сожалений. Настоящая благодарность, улыбка — что еще вы хотите в качестве последнего откровения? Достаточно улыбки. И улыбаться у дверей смерти возможно только при условии, что за вами не стоят непрожитые мгновения, хватающие вас и спрашивающие: «А что же я?» — эти незавершенные мгновения.

Но если нет ничего незавершенного, если каждое мгновение было завершено, то нет ничего; есть просто безмолвие.

И если каждое мгновение завершено, то нет ничего и в будущем, ведь только незавершенные мгновения вопрошают о завтрашнем дне: если вы не смогли исполнить этого вчера, исполните завтра.

Но если нет незавершенного вчера, то нет и представления о завтрашнем дне.

Бхагаван, почему люди пытаются объяснить естественную радость и счастье тех, кто окружает Вас, такими вещами, как промывание мозгов, гипноз или наркотики?

То же самое я уже говорил вам: они не могут поверить в то, что люди могут быть так счастливы. Они не могут поверить в это, они должны найти какое-то объяснение: «Возможно, эти люди пользуются наркотиками? Может быть, они загипнотизированы? Может быть, они просто притворяются? Может быть, они были натренированы так, что, когда приходят посетители, они начинают неожиданно радоваться, танцевать, петь, обниматься, становиться немедленно влюбленными». И в тот момент, когда посетители уходят, вы снова погружаетесь в ад. И только на время, просто чтобы обмануть посетителей, вы выходите из своего ада.

Это то, что делают они. И проецируют это и на вас. Муж и жена ссорятся... сосед стучится в дверь; немедленно что-то меняется. Ссора прекращается, они начинают улыбаться. Сосед не видит, что всего мгновение назад они готовы были убить друг друга; он не может представить себе этого. И он знает, что и сам делает так же, но не может представить себе этого.

Он обманывает своих соседей; каждый обманывает всех остальных. Он целует свою жену, уходя на работу, и он знает, что его поцелуй фальшивый, он ничего не означает. Он вынужден целовать. Если он не поцелует, будут неприятности. Так что лучше поцеловать и покончить с этим — чем раньше, тем лучше. Он рвется на работу, как будто там должно произойти что-то великое. Ничего великого не предполагается там, нужно только убежать из мерзкого дома: жена, дети и постоянные ссоры, придирки, ревность, борьба. Он не идет в свое учреждение, он бежит из дома.

Учреждение — это хорошая, очень хорошая помощь. По крайней мере он может валять дурака с секретаршей, которая выглядит так, как будто она из другого мира: не придирается, не спорит. Но женитесь на ней... а люди так и делают. В Америке, я думаю, три года — это средний срок для того, чтобы человек сменил работу, сменил жену, сменил мужа. На самом деле три года — даже слишком большой срок. Медовый месяц кончается слишком быстро. А после медового месяца — сплошное лицемерие. Люди улыбаются, люди смеются, люди ходят на вечеринки в прекрасных одеждах, скрывающих внутренние раны.

Когда они приходят сюда и видят, что вы счастливы, как они могут поверить в это? И если они остаются здесь на более длительное время, на два дня, три дня, четыре дня, они оказываются еще более озадаченными, поскольку можно притворяться в течение часа — они знают, как притворяться и как быть хорошими, — но два, три дня подряд? И три тысячи людей? Невероятно! За всем этим должен быть какой-то трюк. Эти люди загипнотизированы. Но если гипноз может дать так много счастья, то почему вы не гипнотизируетесь? Это странно, ведь если гипноз дает так много счастья, то что плохого в гипнозе? Это простой процесс. Принимайте гипноз! Кто запрещает вам? Хотите быть счастливыми: гипноз — очень простой метод.

Но видели ли вы загипнотизированных людей? Они ходят, как зомби; их глаза лишены всякого блеска. Они могут улыбаться, но их улыбка — всего лишь как улыбка Джимми Картера — простое упражнение губ. Я не знаю, правда это или нет, но я слышал, что его жена каждую ночь закрывала ему рот, поскольку даже во сне... мускулы привыкают после целого дня тренировки. Видели его последние снимки? Улыбки нет совершенно, он выглядит совсем другим человеком, неожиданно повзрослевшим лет на десять. Куда ушла та улыбка? Она была фальшивой. То была Америка.

Гипноз может сделать вам улыбающееся лицо, он может сделать вам печальное лицо, он может сделать вам гневное лицо, поскольку гипноз — это просто метод усыпить ваш сознательный мозг. Тогда вы находитесь под властью человека, загипнотизировавшего вас. Тогда все, что он приказывает... он говорит: «Улыбайтесь», — и вы улыбаетесь; он говорит: «Плачьте», — и вы плачете. Но кто кого гипнотизирует здесь?

Кто командует кому-либо: «Улыбайтесь, смейтесь, плачьте, делайте то, делайте это?» Они не знают, что такое гипноз.

Наркотики могут сделать вас счастливыми; они также могут сделать вас несчастными, ведь наркотик не гарантирует вам счастье. Наркотик может только усилить ваше расположение духа. Если вы несчастливы, с наркотиком вы будете несчастливы еще более; у вас будут кошмары. Если вы счастливы, вы будете еще более счастливыми, безумно счастливыми. Но вы сможете немедленно определить человека, счастливого под воздействием наркотика, — по той простой

причине, что его состояние счастья будет напряженным. Оно навязано ему химическими веществами. Его лицо будет улыбаться, но так, как если бы кто-то приставил к нему сзади ружье и приказал: «Улыбайся, иначе открываю огонь».

Химические средства могут вынудить вас, но вынужденная улыбка, вынужденное счастье выдадут себя напряжением. И это может продолжаться лишь часы, а затем вы снова упадете в ту же яму, и глубже, чем раньше, поскольку это напряжение утомляет всю вашу систему. Это счастье, ложное, вынужденное, химическое, забирает у вас немного естественного счастья, бывшего в вас. И когда оно уходит, вы впадаете в еще более глубокую тьму. Вы привязываетесь к наркотикам. Вскоре вам потребуется большее количество, затем еще большее, затем еще большее, и наступит момент...

В Индии за эти тысячи лет мы испытали все. В Индии есть монахи, которые могут выпить любое количество алкоголя, и это не подействует на них, любое количество марихуаны, и это не подействует на них совершенно, они остаются, какими и были. Единственное, что они должны попробовать в конце, когда ничто другое не действует на них, — это укусы кобры. Поэтому они держат при себе кобру. Они заставляют кобру кусать их в язык; вас бы это убило, но для них это просто дает небольшой... То, что дают вам наркотики, им может дать только яд кобры — и рано или поздно они привыкают и к яду.

В древней Индии в каждом царстве были маленькие девочки, красивые девушки — их называли витками, отравленными девушками. С самого первого дня их жизни им начинали давать яд — в маленьких дозах, с молоком. К тому времени, когда они вырастали, вся их кровь была отравленной. Змея может убить змею, но не такую девушку. И таких девушек держали в качестве детективов, в качестве убийц. Если царь хочет убить другого царя, он просто посылает ему девушку, а она так красива, что тот царь обязательно заинтересуется ею. Достаточно одного поцелуя такой девушки, и с царем покончено — даже не укусы, просто поцелуй.

Эти люди из вашего вопроса не могут представить себе нашу жизнь по той простой причине, что они никогда не были счастливы, просто счастливы. Они знали счастье, вызванное чем-то: они выигрывают в лотерею — на несколько мгновений они счастливы; они влюбляются в красивую женщину — на несколько дней они счастливы. Но они никогда не видели людей, которые счастливы без всякой причины — без лотереи, без влюбленности... люди просто счастливы.

Да, я понимаю их затруднение. Но вы должны помочь им понять, что счастьем не нужны причины. Для несчастья причины нужны; счастье просто естественно.

Быть радостным — совершенно естественно.

Чтобы быть несчастным, нужны причины; но чтобы просто быть счастливым, никаких причин не требуется. Счастье самодостаточно. Это такое прекрасное переживание, нужно ли что-то большее? Зачем вам нужна для него какая-то причина? Его достаточно для него самого; оно является своей собственной причиной.

Но чтобы понять это, им потребуется время. Не гневайтесь на них, если они не понимают; почувствуйте к ним сострадание, будьте добры с ними. Помогите им быть счастливыми с вами, чтобы они могли немного почувствовать вкус счастья без наркотиков, без гипноза, без какой-либо причины.

И помните, счастье заразительно. Поэтому, если вы счастливы, тяните их в свой круг. Когда вы танцуете, тяните их в свой круг. И может быть, не зная того, они сами начнут танцевать, их самих захватит танец, и они удивятся тому, что происходит. Когда вы поете, тяните их в свой круг. Пусть они стоят; если они стоят по несколько минут, как мертвые столбы, не тревожьтесь. Они не мертвы, жизнь еще есть в них. Вы просто танцуете вокруг них, и свежая жизнь может начать подниматься в них; они могут начать танцевать и петь с вами. Они ничего не смогут понять, если вы не дадите им переживания того, что счастье случается без всякой причины. Логически убедить в этом невозможно, — но через существование вы сможете убедить их. И в этом вся цель нашей коммуны.

Три тысячи людей — это огромная сила. Тяните этих людей в свой круг. Сначала они будут сопротивляться; не беспокойтесь, не обращайтесь внимания на их сопротивление. Они делают это, не ведая, что делают. Не обращайтесь внимания, не замечайте. Они думают, что быть серьезными — это что-то уважительное, респектабельное; пусть думают так.

Вы просто пойте, танцуйте, радуйтесь, и вскоре они будут захвачены этим. Вот так мы собираемся захватить всю Америку!

Беседа 10

ВАШЕ ДЕТСТВО - ОБУЧЕНИЕ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ РАБСТВЕ

8 ноября 1984 года

Бхагаван,

в чем различие между верой в мессию и доверием к Учителю?

Вера слепа. Она не имеет для себя рационального доказательства. Она основывается на вашей психологической потребности, она не имеет объективного доказательства. Вы хотите верить, поскольку без веры вы чувствуете себя пустыми, просто деревяшкой, плывущей неведомо куда.

Без веры вы чувствуете себя пустыми, настолько пустыми, что даже не осмеливаетесь жить. Всмотритесь внутрь себя: эта пустота выглядит, как смерть.

Ваша психологическая потребность заключается в том, что кто-то должен дать вам надежду, веру, своего рода опиум, чтобы вы могли уснуть. По крайней мере на время вы можете отложить все ваши страхи. С вами мессия, сын Бога — чего теперь бояться? Или посланник Бога — что теперь вам нужно для смысла жизни? Он дает вам смысл, он дает вам надежду, и он имеет авторитет. Но все это ваши представления... и все это эксплуатируется им. Это общее явление.

Мессия, тиртханкара, аватара, паигамбара — они знают вашу психологическую потребность, психологическую потребность каждого; они эксплуатируют ее. Они говорят: «Вам не нужно беспокоиться. Вы должны только верить в меня». Они делают это так просто — риска нет. Вам ничего не нужно делать, кроме как верить, — неужели этого вы не сможете? И что вы получаете в этой торговой сделке? Все, что вам всегда нужно: надежду, будущее, осмысленность... иначе вы скучаете, иначе вы начинаете думать: «Зачем жить?»

Мессия показывает вам путь, показывает вам цель, дает вам почувствовать себя значительным, почувствовать, что вы не случайны, что Бог имеет что-то, что должно быть исполнено через вас. Он удовлетворяет вашу психологическую потребность. Он не уничтожает ваш страх, вашу бессмысленность, вашу безнадежность. Он просто дает вам красивую обертку; он укрывает ваш психологический вакуум.

И вы удовлетворяете его психологическую потребность. Чем больше вас собирается вокруг него, чем больше последователей, тем больше он убеждается, что он не душевнобольной. Иначе обязательно будет подозрение: «Какие у вас есть доказательства, что вы сын Божий? Может быть, это просто представление вашего ума». Но теперь у него есть некоторое доказательство — верующие. По мере того, как их число продолжает увеличиваться, по мере того, как последователей становится больше и больше, он получает твердое доказательство: так много людей, миллионы людей не могут ошибаться.

Вы видите порочный круг? Он становится более представительным, более определенным, более фанатичным. И чем более представительным, определенным и фанатичным он становится, тем больше людей должно попасться в его ловушку, поскольку им нужен авторитет. Им нужна фигура отца, кто-то, кто поведет их. Сами по себе они не знают, куда идти, зачем идти, чем быть.

Каждый ребенок воспитывается таким образом, что данная психологическая потребность должна возникнуть, обязана возникнуть. Все говорят ребенку, что он должен делать то, не делать этого. Конечно, родители думают, что они поступают так во благо самого ребенка; но это не так. Это что-то прямо противоположное. Они не это имеют в виду. На самом деле они имеют в виду, что делают ребенку добро, поскольку как сам ребенок может решить, что хорошо и что плохо? Поэтому решать должны они. И, естественно, ребенок так мал, а в его глазах отец, дед такие большие, такие сильные, такие мудрые — он может верить им.

Так с самого начала ребенка не учат быть независимой личностью. Он воспитывается быть последователем. Он воспитывается всю свою жизнь быть умственным рабом.

Его отец воспитывался точно так же. Отец его отца воспитывался точно так же. Он будет поступать так же со своими детьми. Вот так глупость переходит из поколения в поколение: одно поколение передает ее другому поколению - это становится вашим наследием.

Поэтому вы ждете, ждете Бога... кого-нибудь, кто должен прийти и исполнить все ваши психологические потребности.

Он будет отцом, наставником, философом, мудрым человеком; и тогда вы можете расслабиться, вам не нужно тревожиться, Вам не нужно напрягать разум, вам не нужно использовать свою сообразительность. Вы можете отложить в сторону всю вашу разумность, теперь вы можете быть слепым — и идти за мессией. И когда вы видите, что приходит все больше и больше людей, то и для вас это становится доказательством того, что этот человек, должно быть, прав. Оставьте мессию одного, и вы увидите его колеблющимся, весь его авторитет уйдет. Оставьте верующего в одиночестве... вы будете удивлены — за двадцать один день полной изоляции вы сойдете с ума. Чтобы вам сойти с ума, не потребуется больше, как раз двадцать один день полной изоляции — от мира вашей веры, вашей религии, вашего общества, вашего университета, и того и другого - полной изоляции на двадцать один день. И вы увидите, как медленно-медленно

земля уйдет у вас из-под ног; возникает страх, возникает трепет. Через двадцать один день вы будете душевнобольным человеком.

Поэтому люди и боятся оставаться одним. Они делают все, чтобы не оставаться одни. Они пойдут на любое вздорное кино, лишь бы не оставаться одним. Они будут играть в любую глупую игру, они будут смотреть любую идиотскую вещь: футбольный матч... можете вы представить себе что-либо более идиотское? Несколько идиотов бьют мяч на одну сторону, а несколько других идиотов бьют его обратно... и миллионы идиотов смотрят, как будто происходит что-то потрясающе важное. Нет, психологическая причина в том, что они хотят как-то забыться, забыть, что они одни. В толпе они чувствуют себя хорошо, более здоровыми, более здоровыми, поскольку вокруг них люди, такие же, как они. Миллионы людей наблюдают за игрой — это не может быть идиотизмом. Смотрит даже президент страны — это не может быть идиотизмом.

Каждый поддерживает всех остальных в здравом уме. Но двадцать один день абсолютной изоляции: без газет, без телевидения, без радио, полностью отрезанным от своего мира — без жены, без мужа, без детей, без любовных приключений... И вы будете изумлены, наблюдая себя в этом предельном одиночестве: все ваши дела на протяжении всей жизни были не что иное, как прикрытые дыр в вашем бытии, прикрытые ран, но, конечно, прекрасными цветами. Но эти раны не лечатся. Возможно, их можно было бы вылечить, если бы они были не прикрыты. Покрытые, они собирают больше гноя; прикрытые, они становятся более канцерогенными.

Вера — это слепота. Все верования — слепота. Доверие — это совершенно другое.

В словарях доверие имеет тот же смысл, что и вера, но люди, писавшие эти словари, не ощутили вкуса доверия, они не знают, что это такое.

С одной стороны, нет мессии, нет аватары, никто не восклицает: «Я единственный порожденный сын Божий», — или: «Я единственный посланник, истинный посланник».

Когда я говорю, что я обыкновенный человек, я подрубаю самые корни веры.

Я не хочу, чтобы вы верили в меня, поскольку за многие века вера разрушила миллионы людей. Пора уничтожить верование.

Я просто говорю, что я обыкновенный человек. Я ничем не поддерживаю в вас веру в меня. На самом деле я делаю все возможное, чтобы вы не верили в меня.

Посмотрите: Махавира удовлетворяет условиям, которых джайны ждут от тиртханкары — болезненные условия, трудные условия. Но чтобы быть таким особенным, как тиртханкара... слово «тиртханкара» означает того, кто прокладывает свой путь в иной мир или к другому берегу. Он последний из тиртханкар. Теперь миллионы лет люди будут ступать по пути, который прокладывает он. Теперь на миллионы лет он собирается доминировать над миллионами душ — поэтому он готов исполнить любое условие. Если они говорят, что тиртханкара должен жить обнаженным, он живет обнаженным. Если они говорят, что он должен есть раз в день, он ест раз в день. Если они говорят, что он не должен принимать ванну, он не принимает ванну. Если они говорят, что он не должен чистить зубы, он не чистит зубы. Он должен издавать зловоние.

Я знал джайнских монахов... с ними трудно разговаривать. И вы знаете, я человек прямой, я сказал просто: «Вы дурно пахнете. Отсядьте от меня на десять метров. Я не могу разговаривать, сидя к вам так близко». Их дыхание источает запахи, не может не источать; ни разу в жизни они не чистили своих ртов. Их тела воняют. Но они готовы исполнять любое глупое требование, поскольку то, что они получают в награду за это, исполнено огромного психологического смысла. Это все только психология, только удовлетворение эго.

Я говорю вам: я обыкновенный человек, такой, как вы, без какой бы то ни было разницы.

Я подрубаю самые корни вашей веры в меня. И поэтому я настаиваю на обыкновенности.

Я не хочу, чтобы вы хоть как-то цеплялись за меня. Я не враг вам.

Я не хочу, чтобы из-за меня вы оставались искалеченными, ослепшими, по-рабски зависимыми. Я не хочу принимать на себя такую ответственность.

Поэтому со своей стороны я предельно ясен. Я не даю вам никакой поддержки. А с вашей стороны я постоянно стучу по вам, иногда даже причиняю вам боль, потому что все, кажущееся вам значимым, может не быть таким, и я должен разрушать это. Прежде чем я смогу сделать вас совершенно чистыми, я вынужден буду убрать множество камней, лежащих на моем пути к вам и не дающих мне достичь вас.

Доверие — совершенно другая материя. Оно включает два шага. Первый — гипотетическое доверие. «Гипотеза» — это научный термин. Когда вы начинаете эксперимент, вы гипотетически предполагаете, что он будет успешным, — только гипотетически, без гарантии. Это не вера, в нем вы ничем не рискуете. Просто чтобы провести эксперимент, вы гипотетически принимаете, что соответствующее явление имеет место — ну что же, посмотрим на него, углубимся в него, поэкспериментируем с ним. Предположение может оказаться правильным, может оказаться неправильным. Гипотеза не закрывает двери. Гипотеза не является ответом, она — лишь начало поиска. Она — знак вопроса.

Вера начинается с устранения сомнения; гипотеза исполнена сомнения. Человек, лишенный сомнения, не может экспериментировать. Ради чего человек собирается экспериментировать? У него есть сомнение — он хочет найти истину.

Сомнение может быть скрыто верой, или оно может быть устранено поиском истины. Вот два единственных пути.

Если вы верите, нет нужды в эксперименте. Поэтому всякий, кто не хочет рисковать ничем, у кого нет разума для поиска — любая посредственность, — обязан верить. Верят только посредственности. Чем больше их глупость, тем больше их вера. Чем больше их посредственность, тем сильнее их фанатизм.

Другой путь заключается в том, чтобы начать с сомнения, не скрывать его. Но чтобы начать, нужна гипотеза. Если я скажу, что вода состоит из водорода и кислорода, то вы или можете поверить мне, или можете принять это в качестве гипотезы. Если вы принимаете это в качестве гипотезы, то это означает, что веры в меня нет. Мое высказывание вы восприняли только как повод для эксперимента, проверки, так это или нет.

Итак, первая часть доверия — желание экспериментировать.

Функция Учителя не в том, чтобы заставлять вас верить.

Его функция — создать вокруг себя атмосферу, вибрацию, привлекающую человека к эксперименту, притягивающую его к нему, заставляющую не верить, но идти с ним; не следовать, но идти с ним; поскольку он говорит: «Я видел нечто. Я видел дверь, и сквозь дверь я видел огромное небо».

Учитель должен обладать определенной магнетической силой, огромным воздействием.

И это приходит легко. Если я увидел открытое небо, то что-то от этого открытого неба будет в моих глазах. Если я увидел звезды, то что-то от этих звезд обязательно отразится во мне.

Мне не нужно провозглашать это.

На самом деле тот, кто провозглашает, не имеет — именно из-за самого этого провозглашения. Иисус называет себя сыном Бога — зачем это нужно? Если вы сын Божий, разве не будет достаточно одного лишь этого, чтобы люди почувствовали вибрацию? Когда солнце восходит, об этом не нужно объявлять. Даже птицы начинают петь — солнце постучалось в их двери: «Просыпайтесь! Уже утро, и я вернулось». Нет, не нужно. Даже цветы знают, что солнце взошло; они открываются. Ночью они были закрыты; теперь они снова хотели бы исповедовать солнце. Это жизнь! Все сущее понимает, что солнце пришло, и начинает вибрировать его энергией.

Что за необходимость Иисусу постоянно провозглашать:

«Я — сын Божий?» Он должен подозревать себя, он должен сомневаться в себе — и это абсолютно разумно. Он никогда не видел Бога... никто никогда не видел Бога. На каком основании у него может не быть сомнения, что он — сын Божий? Сомнение есть. Он кричит и провозглашает, как раз чтобы развеять сомнение. Чтобы убедить себя, он должен убедить других, что он — сын Божий.

Настоящий Учитель не провозглашает ничего.

Самого его существования, самого его присутствия достаточно, чтобы создать в вас желание исследовать — запомните, не следовать, но исследовать, — чтобы идти с этим человеком, может быть, пройти с ним несколько шагов, чтобы самим посмотреть, есть ли небо или его нет.

Все, что делает Учитель, — это создает в вас желание идти вместе с ним, с открытым умом экспериментировать вместе с ним.

Поскольку он знает — нет необходимости говорить вам, чтобы вы верили. Необходимость говорить кому-либо верить во что-либо возникает только тогда, когда сам человек знает, что без веры истина не будет найдена — ведь вера создает истину в вашем воображении. Именно вера порождает галлюцинацию. Учитель всеми путями пытается заставить вас не верить, поскольку вера — преграда для поиска. Да, вы должны быть восприимчивы, готовы для исследования, доступны новому, неизведанному, тому, что может случиться. Это я называю первой частью, гипотезой.

Я уже говорил, что моя религия научна, а каждая наука основывается на гипотезе. Не обязательно, чтобы каждая гипотеза оправдывалась. Но для исследователя не повод печалиться о том, что одна гипотеза провалилась. На самом деле он радуется, что теперь одной гипотезой меньше: «Мой поиск становится уже, ближе к истине».

Эдисон работал над электричеством. Это заняло у него три года... все его сотрудники разочаровались. Многие оставили его; многие думали: «Он сошел с ума, и мы сойдем с ума вместе с ним». Остались лишь немногие. Но и они колебались, оставаться ли с этим человеком или нет, здоров он или нет, «ведь все гипотезы, которые мы испытывали, провалились».

Но этот человек на следующий день начинает свой поиск с тем же рвением, энтузиазмом, какие они видели в нем в первый день — все так же. Это его качество удерживало их от того, чтобы уйти. Говорят, что они проваливались девятьсот девяносто девять раз. И последний сотрудник — поскольку к тому времени все остальные ушли; с них было достаточно, последний сотрудник сказал: «Что теперь? Мы потерпели неудачу девятьсот девяносто девять раз. На протяжении трех лет не было ничего, кроме неудач, неудач и неудач. Но вы странный человек, вы начинаете на следующий день с тем же рвением».

Эдисон сказал: «Я испытываю больший энтузиазм, чем в первый день, когда мы начали. Вы не правы, это не то же рвение; теперь его гораздо больше, поскольку я понимаю, что девятьсот девяносто девять гипотез отвергнуто. Теперь истина очень близко. Если есть тысяча дверей, то в девятьсот девяносто девять мы уже постучались и обнаружили за ними пустоту. Теперь осталась только одна». Он говорил так просто для примера, но, по случайности, так и вышло. В тот день они добились успеха.

Гипотеза просто означает готовность к эксперименту, то есть половина гипотезы — это готовность со стороны ученика, открытость, восприятие того, что: «Мы не знаем... Возможно, мы сможем открыть, возможно, нет; может быть, мы движемся в правильном направлении, может быть, нет. Но в любом случае, добьемся ли мы успеха или потерпим неудачу, мы не проиграем. Поскольку, даже если мы потерпим неудачу, это просто будет означать, что одно направление не то — испытаем другое направление; один метод не работает — испытаем другой метод. Где-то, когда-то, в какой-то момент дверь откроется».

Со стороны Учителя основное дело — не создавать в ученике веру, но создавать тот энтузиазм, то рвение продолжения поиска несмотря на неудачи.

Учитель — это вдохновитель. Он не является объектом веры.

Он не поддерживает никаких ваших психологических слабостей.

Он просто показывает вам, как он достиг.

Он объясняет вам способ, метод, эксперимент, который стал исполнением для него. Его бытие дает вам ощущение исполнения, удовлетворения, чувство того, что он достиг — что есть в воздухе вокруг него нечто, что вы можете вдыхать. И он дает вам способ, метод того, как это случилось с ним. Он никогда не говорит, что с вами это случится точно таким же способом.

Все, что он говорит, это: «Со мной случилось это, так что весьма вероятно, что это случится и с

вами. Я просто обыкновенный человек, как и вы. Если это могло случиться с таким обыкновенным человеком, то почему этому не случиться и с вами? Может быть, вам нужно двигаться под немного иным углом; может быть, вам нужно использовать немного иной метод. Может быть, вы вынуждены будете идти немного дальше, может быть, с вашей стороны гора немного круче, но — это случится! Это может случиться».

Вторая часть доверия возникает тогда, когда вы переживаете что-то невидимое, что Учитель передал вам через свою вибрацию. Поэтому только те, кто очень чувствителен и очень восприимчив, смогут почувствовать это.

То, что Учитель передал вам, как некоторое сердечное чувство, — это не конец, это только начало путешествия. Теперь вы можете принять некоторую гипотезу. Вторая часть доверия случится в тот день, когда вы ощутите вкус того, о чем Учитель разговаривал с вами, о чем говорил, чем он был. Тот день, когда вы ощутите вкус этого, не будет днем веры, он будет днем доверия. Теперь вы знаете. Теперь вы знаете, что были с человеком, который знал. И это было единственным различием, теперь это различие исчезло.

Доверие полно, когда различие между Учителем и учеником исчезает, когда знание ученика идет тем же путем, что и знание Учителя.

Он увидел свет, он ощутил запах цветка. Это момент благодарности.

Ни один верующий не испытывает настоящей благодарности к этим мессиям, аватарам — ни один, ведь что они дают вам? Просто веру... не имеющую основы, не имеющую фундамента. Как можно испытывать к ним благодарность? Можно молиться, можно восхвалять их, и это просто политика. Может быть, по их благоволению, вняв вашим восхвалениям и молитвам — которые не что иное, как род взятки, — они почувствуют к вам особое сострадание, одарят вас каким-нибудь чудом. Но чудес не бывает никогда. Да, истина бывает, любовь бывает, но чудес не бывает.

По отношению к этим людям нельзя испытывать настоящего чувства благодарности. Напротив, если вы посмотрите в себя, вы почувствуете гнев. Вы удивитесь, когда скажу вам, что все христиане глубоко внутри гневаются на Иисуса. Он обещал спасти их, но не спас. Он обещал и говорил: «Скоро наступит царство Божье, скоро вы будете со мной в царстве Божьем». Прошло две тысячи лет, а это «скоро» еще не наступило. Когда же оно наступит?

В каждом христианине против Иисуса гнев. И из-за этого христианин выказывает так много фанатизма по отношению к Иисусу, чтобы никто не догадался о его гневе, чтобы никто не узнал о том, что он обманут, что ему дали поддельную веру, что две тысячи лет миллионы людей прожили с этой верой и умерли с этой верой — не получив никакого роста, не добравшись никуда, не найдя ничего. Этого гнева, этой ярости боятся... Чтобы подавить его, человек идет в церковь, он молится Иисусу, или Кришне, или Мухаммеду.

Но каждый верующий рано или поздно разочаровывается, поскольку вера не дает ему истины. Она не дает ему живой воды жизни.

Всякий христианин хотел бы сделать то, что сделал Иуда. Другое дело, что он не делает этого; это потому, что у него недостаточно смелости. Никто не попытался понять Иуду, ведь даже

попытка понять Иуду воспринимается, как выпад против христианства. Но этот человек должен быть исследован. Он был единственным образованным, культурным — более, чем Иисус, более, чем любой из его апостолов. И естественно, как образованный, культурный человек, он должен был быть полон сомнений. Я не могу представить Иуду верящим, что Иисус — сын Божий.

Он был с Иисусом. Этот человек обладал определенным обаянием, но это не имеет ничего общего с истиной. Адольф Гитлер обладал огромным обаянием, и вы знаете... в конце жизни он начал верить, что является воплощением старого библейского пророка Илии. Всю свою жизнь он убивал евреев! В его газовых камерах превратились в дым миллионы евреев. И в конце жизни он начал думать, что он Илия, один из самых значительных пророков Ветхого Завета.

Вы подумаете, он сумасшедший, но еще есть на земле люди... Я получил письмо откуда-то отсюда, из Америки, от президента нацистской партии, в котором содержатся угрозы в мой адрес и говорится, что я не должен выступать против Адольфа Гитлера, поскольку: «Это оскорбляет наши религиозные чувства». Я был просто изумлен. Религиозные чувства!.. Но я был также и чрезвычайно заинтересован. Какие религиозные чувства оскорбляются? А человек продолжает: «Может быть, вы не знаете, что Адольф Гитлер — это не обыкновенный человек. Он перевоплощение пророка Илии. Так что, пожалуйста, не выступайте против Адольфа Гитлера, поскольку это оскорбляет наши чувства, а вам нехорошо оскорблять чьи бы то ни было религиозные чувства». Адольф Гитлер, религиозный лидер! Но еще есть люди, верящие в это, — что поделаешь?

И что же случилось с Адольфом Гитлером в конце? Поражение стало абсолютно очевидным. Его держали в неведении; ему постоянно говорили ложь, поскольку он не мог слушать никакой правды. Он не мог слушать, что: «Наши силы уничтожаются, мы терпим поражение». Нет, не мог. Любой, приносивший ему такие известия, расстреливался на месте: это невозможно, этот человек лжет! Он убивал своих собственных генералов, советовавших ему: «Мы должны отступить. Идти вперед — это просто убивать своих людей». Он расстреливал их повсюду. Он говорил: «Мы здесь, чтобы побеждать. Это наш удел, удел арийской расы, нордической расы, — править миром. Ничто не может быть против этого».

Поэтому мало-помалу его люди поняли: пусть живет своим вымыслом. Он жил в подземном убежище. Все было потеряно — русские, американские, британские армии входили в Берлин, а он все еще верил, что его силы в Москве, в Лондоне. Когда он услышал разрывы бомб, падающих поблизости, он не мог поверить в то, что происходит. Он спросил, и они сказали:

«Что мы можем поделать? Если мы говорим вам правду, вы расстреливаете нас. А правда в том, что мы побеждены. Мы потерпели поражение, это вражеские силы; Берлин пал».

В этот момент в нем возникла эта идея, может быть, как раскаяние за то, что он убил так много евреев... как может работать человеческий ум! Может быть, он чувствует раскаяние и жаждет возмещения за это: он становится пророком Илией. Это была его последняя глупость. Он сделал их много за свою жизнь, но это была последняя. Но повсюду, и даже в Америке, есть люди, создающие партии вокруг религиозного пророка Адольфа Гитлера.

Иуда оставался с Иисусом. Иисус определенно обладал некоторым обаянием. Есть люди, рождающиеся лидерами, как есть люди, рождающиеся поэтами, как есть люди, рождающиеся художниками. Каждый рождается с определенными качествами. Их можно знать, их можно не

знать. Чем скорее человек узнает, тем лучше, поскольку тогда он начинает двигаться в правильном направлении к своему исполнению. Если он не найдет правильного направления, ведущего к исполнению его природенных качеств, он не испытает чувства удовлетворения.

Итак, функция Учителя не в том, чтобы сделать вас подобным себе.

Его функция — помочь вам открыть, кто же вы.

Вы не подобны мне. Не нужно быть дубликатом, копией.

Но эти мессии, и паигамбары, и тиртханкары — они все стараются сделать каждого копией. Они изначальны. И посредством веры вы очень легко становитесь копиями.

Иуда оставался с Иисусом, но он был полон сомнений. Снова и снова поднимал он вопросы, исполненные сомнений. И Иисус всегда отметал его сомнения, ведь ни у кого другого сомнений не было. Все были верующими. Они были необразованными людьми, готовыми верить и очень счастливыми тем, что стали учениками, апостолами. Поистине великое достижение... Единственный порожденный сын Божий и они — его апостолы, его посланники. Чего большего можно ожидать? Поэтому они просто верили, ни единого вопроса с сомнением. Но Иуда постоянно сомневался. И Иисус не пытался понять этого человека, его сомнение. Вместо того, чтобы давать ему веру, он должен был показать ему дверь, путь, так, чтобы тот мог доверять.

Мои собственные чувства по отношению к Иуде сильно отличаются от чувств всех остальных людей. Я сожалею об этом человеке. Он был, может быть, одним из самых неподдельных ищущих среди последователей Иисуса. Но Иисус ни разу не дал ему никакого рационального основания. Вина Иисуса, что такой человек разочаровался, насытился всеми этими играми в веру. И в этой игре в веру он был побежден дураками, ведь эти дураки были абсолютными верующими.

Сомнение — вот что заставило его передать Иисуса в руки его врагов, ведь теперь это был единственный способ узнать, действительно ли он сын Божий. Он не дает доказательства, он не дает пути для переживания. Теперь есть только один способ: передать его врагам, и пусть его распнут, и это будет доказательством. Он воскреснет, и тогда не будет вопроса о сомнении.

На Иисусе лежит ответственность за то, что он заставил Иуду сделать такой крутой шаг. Но воскресения не случилось. И Иуда почувствовал глубокую печаль, раскаяние, что без необходимости он совершил грех. Он без необходимости предал Иисуса. Не было нужды; если он не мог верить в него, он мог бы его покинуть — какая нужда была посылать его на крест? Он испытал такое раскаяние, что через двадцать четыре часа повесился, покончил с собой.

Никто не беспокоится о его самоубийстве. А оно так же значительно, как и распятие Иисуса, может быть, даже значительно; в нем гораздо больше таинственного. Почему Иуда покончил с собой? Если бы он был настоящим врагом, не нужно было бы раскаиваться. Он должен был бы быть счастливым и радостным. Но он не был врагом. И убийство Иисуса не было его целью. Он не мог себе этого представить.

Но Иисус ни разу не дал ему рационального основания и сам подтолкнул его к этому крутому шагу — ведь это станет единственным доказательством, является ли он сыном Божьим. Если

произойдет воскресение, он сын Божий, и это докажет все. Тогда все, что он говорил, правда; тогда не нужно сомневаться, тогда не нужно думать об этом, тогда нет вопроса. На самом деле он не думал о том, чтобы помочь врагам покончить с Иисусом; он пытался найти рациональное основание для доверия, которое не смог дать ему Иисус.

Учитель никогда не дает вам веры; он дает вам соучастие в его атмосфере, и в вас возникает гипотеза, желание экспериментировать.

И когда такое желание есть, он дает вам путь, который он знает, которым он прошел. И вы не найдете такого безумного Учителя, как я, по той простой причине, что я прошел почти всеми путями. Это просто безумие, потому что к цели ведет один путь; нет нужды путешествовать по другим.

Были Учителя, путешествовавшие по пути; они достигли цели: они помогли другим людям впитать их дух, и если был кто-то, готовый экспериментировать, все было в порядке.

Я никогда не был ничьим последователем, ни в одной из моих жизней. Но я путешествовал со многими людьми, многими путями.

Чтобы узнать истину, достаточно одного пути, но мой поиск не только ради истины, но и ради того, чтобы узнать, ведет ли к истине один путь или много путей, таких же правильных, как и этот.

Итак, я прошел к цели, вернулся; пошел с другого направления, вернулся; пошел с другого направления, вернулся; и я не оставил в своих путешествиях ни одного неисследованного пути. Поэтому я говорю вам, что это просто безумие. Я не хочу, чтобы вы следовали всеми этими путями, если в вас не возникает подлинно вашего побуждения к этому. Если нет, одного пути достаточно.

Мгновение вы переживаете, и доверие становится полным; тогда оно не является более гипотетическим, тогда оно является экзистенциальным, жизненным.

В это мгновение нет Учителя, нет ученика. Просто два пламени оказались так близки друг к другу, что они стали одним пламенем.

Ученик начинает ощущать тот же аромат, что и Учитель. Его глаза начинают излучать тот же неподдельный свет, что и глаза Учителя. Его вибрация становится такой же, как у Учителя.

И тогда возникает огромная благодарность: благодарность за то, что этот человек не давал мне веры, иначе я потерялся бы.

Этот человек не сделал меня зависящим от него, иначе я потерялся бы.

Этот человек не эксплуатировал меня психологически, ради своего собственного эго, иначе я не смог бы даже понять, что происходит.

Поскольку я был болен и нуждался, он мог бы легко эксплуатировать мои нужды ради своего эго. Он мог бы создать порочный круг удовлетворения эго: вы удовлетворяете эго Учителя, Учитель удовлетворяет эго ученика.

Так случилось, что я был приглашен одним из шанкарачарий в Фаридабате; он проводил большую всемирную религиозную конференцию. Он, должно быть, совсем не знал меня. Я осознал это, он осознал это; когда я начал говорить, через две минуты, стало ясно, что он не знал меня.

Мной заинтересовался его секретарь, он читал мои книги. Он убедил его пригласить меня, ну, конечно, это была всемирная религиозная конференция, было приглашено так много религиозных лидеров — не было вреда. Вся бумажную работу делал, должно быть, секретарь, и шанкарачарья мог и не знать по-настоящему, кто я и что может случиться.

Но когда я прибыл туда — я прибыл ранним утром, шанкарачарья пожелал увидеться со мной, поскольку вечером уже начинались заседания, собралось, по крайней мере, пятьдесят тысяч человек и потом времени бы не было. А он должен председательствовать на конференции. Поэтому из дома для гостей, где я находился, я пошел к нему в храм, где находился он.

Он сидел на деревянной платформе, на метр выше всех остальных сидевших. Рядом с его деревянной платформой была другая платформа, на полметра выше пола, на полметра ниже его платформы. На ней с большим достоинством восседал другой монах. А на полу расположились все гости, прибывшие принять участие в конференции и выступить на ней...индусы, мусульмане, христиане, сикхи, джайны, буддисты - все сидели там.

Я тоже сел там. Шанкарачарья сказал — он начинал разговор: «Знаете ли вы человека, сидящего рядом со мной на платформе пониже, кто он? Он был главным судьей верховного суда. Когда он оставил должность, он отрекся от всего. И он так смиренен... Я просил его сесть рядом со мной на ту же платформу, но он отказался. Он говорит: «Нет, вы мой гуру, мой учитель. Как я могу сидеть рядом с вами?» Вот почему он сидит на платформе пониже».

Я спросил у шанкарачарьи: «Я понял — он, должно быть, очень смиренен в том, что касается вас, ведь он на полметра ниже вас, но что же сказать обо мне и всех людях, сидящих здесь в этой комнате? Он великий эгоист, он на полметра выше нас. Почему он не сидит с нами? Если он так смиренен, то зачем нужна эта средняя ступень? Он может сидеть с нами. Но он не сидит с нами, он сидит выше — меня не обманули эти утверждения о его смирении. Он просто ждет. Когда вы умрете, он будет сидеть там, где сидите вы. Он просто ждет вашей смерти». И я сказал этому человеку: «Если у вас есть какое-нибудь чувство достоинства, сойдите вниз с платформы и сядьте со всеми».

И я сказал также шанкарачарье: «Это не та встреча, на которой вы собираетесь выступать; мы ваши приглашенные гости, и вы сидите выше, а мы ниже. Кто здесь хозяин? И кто гость? Ни он не является смиренным, ведь я настойчиво говорил ему: «Сойдите вниз», — а он не сходит, ни вы не являетесь смиренным. Я говорю вам: «Сойдите вниз, сядьте со всеми». Но вы не сходите. Все это показуха».

«Вы не можете сидеть со всеми этими людьми, мусульманами, христианами. Шанкарачарья — и сидит с мусульманами, христианами, сикхами, джайнами, буддистами... хотя вы и пригласили этих людей. Вы хозяин, вы должны вести себя, как хозяин. Но у вас нет смелости сойти вниз. А ведь это не та встреча, на которой вы собираетесь выступать, — тогда было бы все в порядке, тогда вы можете быть выше. Это должна была быть небольшая беседа, дружеская беседа, но вы разрушили эту дружескую беседу. Спускайтесь вниз, иначе я поднимусь вверх!»

Этот дурак тоже не спустился вниз. Тогда я вынужден был подняться на платформу и сесть рядом с ним. И я попросил других людей: «Все, кто хочет, могут взойти. Поднимайтесь, насколько здесь хватит места, потом на другую платформу, Будьте смиренными, садитесь на вторую платформу. Я не смиренный человек. Я совершенно счастлив здесь, я буду сидеть здесь».

Эти дураки... нельзя уважать ни его, ни человека, которого он назвал. И почему он начал эту беседу с него? Я сказал ему: «Вы хотели сказать нам, что ваш ученик был главным судьей верховного суда Индии, и если уж он ваш ученик, то что говорить о вас! И вы хотели подчеркнуть тот факт, что он очень смиренен, поскольку отказался сидеть с вами. Ни вы, ни он не являетесь смиренными; вы оба играете на психологических потребностях друг друга и эксплуатируете их».

Теперь он испугался, что пригласил, сам не зная того, опасного человека. Он всеми способами старался организовать дело так, чтобы на открытии, где будут присутствовать пятьдесят тысяч или более человек, я не смог выступить. И шаги, которые он предпринял, были следующими: он держал позади меня трех человек с палками в руках, так что все видели их. Секретарь, пригласивший меня и заинтересованный во мне, подошел и сказал: «Это кажется странным, но эти три человека преступники, опасные люди, убийцы, и их поместили позади вас так, чтобы, если вы заговорите, они напали на вас и нарушили всю встречу. Вам не дадут говорить».

Я сказал: «Не беспокойтесь. Я знаю свое дело очень хорошо. Не беспокойтесь». Я посмотрел на этих троих. Я сказал им: «Вы все готовы?» Они переглянулись. Я сказал: «Будьте готовы, я начинаю». И без объявления моего имени шанкарачарьей я подошел к микрофону и сказал публике:

«Видите трех человек, стоящих позади меня с палками. Вы должны знать этих троих, они отсюда, из Фаридабада. Они преступники и убийцы. Они были приведены сюда шанкарачарьей, чтобы я не мог говорить. Если я начну говорить, они нападут на меня. Я хотел бы, чтобы вы подняли свои руки в знак того, хотите ли вы слушать меня или нет?»

Поднялось пятьдесят тысяч рук. Тогда я сказал шанкарачарье: «Вы меня теперь совершенно не беспокоите. Вы больше не председатель этой конференции. Эти руки дали вам отставку». И я сказал этим троим: «Будьте осторожны. Если вы сделаете что-нибудь, то ни вы, ни ваш шанкарачарья - никто не сойдет с этой сцены живым. Здесь эти пятьдесят тысяч человек».

И они закричали: «Да, мы здесь. Если вам причинят какой-нибудь вред, мы сожжем все на этой сцене». Я говорил. Я сказал все, что хотел сказать, а эти трое преступников просто ускользнули прочь. И этот человек говорил о смирении...

Смирение возникает только при условии, благодарность возникает только при условии, что вы пережили то, что Учитель пытался выразить словами, действиями, молчанием, всеми другими способами — ведь это переживание является чем-то невыразимым.

Хорошо, Шила, еще один вопрос.

Бхагаван, Вы говорите, что Вы просто обыкновенный человек. Является ли Ваша коммуна просто обыкновенным собранием людей?

Я обыкновенный человек. Вот почему моя коммуна абсолютно необыкновенна, ведь вокруг обыкновенного человека никогда не бывало коммун. Да, была маленькая коммуна вокруг Иисуса, — но он был сыном Бога. Была большая коммуна вокруг Будды, — но он был величайшим из осознавших людей прошлого, настоящего и будущего... Никто не превзойдет его. Конечно, вокруг него была большая коммуна, но он был необыкновенным человеком. Была коммуна при Махавире, — но он был двадцать четвертым тиртханкарой, это совершенно уникальный статус.

У меня нет статуса совсем, я обыкновенный человек.

Поэтому я говорю, что моя коммуна абсолютно необыкновенна, поскольку разве так бывало, чтобы коммуна функционировала вокруг обыкновенного человека?

Это впервые. И пребывание рядом с обыкновенным человеком вроде меня требует огромной смелости, ведь я не исполняю ваших детских желаний, я не исполняю ваших фантазий, я не даю вам никакой надежды, никаких обещаний.

Пребывание со мной — достаточное доказательство того, что моя коммуна абсолютно необыкновенна, но я — обыкновенный человек.

Беседа 11

ДА, Я УЧУ ВАС СЕБЯЛЮБИЮ

9 ноября 1984 года

Бхагаван,

Вы учите Ваших санньясинов заботиться прежде о себе, чем о других. Это, кажется, идет против многих религий в мире, которые учат служить человечеству, и это должно казаться им очень большим себялюбием. Можете ли Вы поговорить об этом?

Это идет не только против многих религий, это идет против всех религий в мире. Они все учат служить другим, не быть себялюбивыми. Но для меня себялюбие — естественное явление.

Отсутствие себялюбия навязано. Себялюбие — часть вашей естественной природы.

Если вы еще не достигли того состояния, когда ваше эго растворяется во вселенной, вы не можете по-настоящему отбросить себялюбие. Вы можете притворяться. Вы будете лишь лицемерами, а я не хочу, чтобы мои люди были лицемерами. Так что это немного сложно, но это можно понять.

Прежде всего себялюбие — часть вашей природы. Вы должны воспринять это. И если себялюбие — часть вашей природы, то оно должно служить чему-то очень существенному, иначе его не было бы вовсе.

Вы выжили благодаря себялюбью, благодаря эгоизму, благодаря тому, что заботились о себе. В противном случае человечество давным-давно исчезло бы.

Только подумайте о ребенке, который родился без себялюбия, у которого нет себялюбия. Он не сможет выжить, он умрет — ведь даже дыхание себялюбиво, принятие пищи себялюбиво. Когда миллионы людей голодают, вы едите, когда миллионы людей больны, страдают, умирают, вы здоровы.

Если рождается ребенок, лишенный себялюбия, как неотъемлемой части своей природы, он не выживет. Если к нему подползет змея, зачем бежать от нее? Ваше себялюбие - вот что защищает вас, иначе встреча со змеей неизбежна. Если на вас прыгает лев и убивает вас, то пусть убивает. Это отсутствие себялюбия. Лев голоден, вы обеспечиваете ему пропитание — кто вы, чтобы вмешиваться? Вы не должны защищать себя, вы не должны бороться. Вы должны просто предложить себя на обед льву. Это будет отсутствием себялюбия.

Все эти религии учили противоестественному. И себялюбие — только одна часть из этого.

Я учу вас естественному. Я учу вас быть естественными, абсолютно естественными, бесстыдно естественными.

Да, я учу вас себялюбия. Никто не говорил до меня так. У них не было мужества говорить так. А сами они были себялюбивыми; это изумительная часть всей истории.

Почему джайнский монах мучает себя? Тому есть объяснение. Он хочет достичь мокши и всех удовольствий там. Он не жертвует ничем, он просто торгуется. Он бизнесмен, и его священные книги говорят: «Тебе воздается тысячекратно». И эта жизнь действительно очень мала — семьдесят лет совсем немного. Если вы жертвуете удовольствиями в течение семидесяти лет ради вечных удовольствий, то это хорошая сделка. Я не думаю, что это отсутствие себялюбия.

А почему эти религии учили вас служить человечеству? Какое объяснение? В чем цель? Что вы собираетесь выиграть от этого? Вы, может быть, никогда не задавались таким вопросом. Это не служение...

Я очень любил древнюю китайскую историю. Человек упал в колодец. То было время большого праздника и большого стечения народа, и было так много шума, люди радовались, танцевали, пели, вокруг творилось все в этом роде, поэтому никто не услышал, как он упал. А в те времена колодцы в Китае не защищались стенкой, окружавшей их, высотой хотя бы метр или полтора, чтобы никто не падал в них. Они не имели никакой преграды, просто стояли открытыми. В темноте можно было упасть, не подозревая, что здесь колодец. Этот человек начал кричать: «На помощь!»

Мимо проходит буддийский монах. Конечно, буддийский монах не интересуется праздником, не предполагается, что интересуется, я не знаю, что он делал там. То, что он оказался там, означает некоторое подсознательное побуждение посмотреть, что происходит, как люди радуются: «И все эти люди попадут в ад, а я единственный здесь, кто попадет на небеса». Он проходит мимо колодца и слышит этого человека. Он смотрит вниз. Человек говорит: «Хорошо, что вы слышали меня. Все так заняты, и здесь так шумно, что я испугался, что умру здесь».

Буддийский монах сказал: «Вы умираете из-за злых дел в вашей прошлой жизни. Теперь вы получаете наказание. Примите его и покончите с этим! Так хорошо. В новую жизнь вы войдете очищенным, и не нужно будет снова падать в колодец».

Человек сказал: «В этот момент мне не нужна никакая мудрость и никакая философия...» Но монах ушел.

Останавливается старый даос. Он испытывает жажду и смотрит в колодец. Человек все еще зовет на помощь. Даос говорит: «Это не по-мужски. Нужно принимать все, как оно идет, так говорил великий Лао-цзы. Поэтому принимайте это! Радуйтесь! Вы кричите, как женщина. Будьте мужчиной!»

Человек сказал: «Я готов называться женщиной, но сначала, пожалуйста, спасите меня! Я не мужественный. И вы можете сказать мне после все, что хотите сказать, — сначала вытащите меня».

Но даос сказал: «Мы никогда не вмешиваемся в дела других. Мы верим в личность и ее свободу. Это ваша свобода — упасть в колодец, это ваша свобода — умереть в колодце. Все, что я могу сделать, это предложить вам: вы можете умереть, плача и рыдая, — это глупо, — или вы можете умереть, как мудрый человек. Примите это, радуйтесь этому, пойте песню и умирайте. Так или иначе, все умирают, поэтому какой смысл спасать вас? Я умру, все умрут — может быть, завтра, может быть, послезавтра, — поэтому какой смысл беспокоиться о вашем спасении?» И он уходит.

Приходит конфуцианец, и у человека появляется некоторая надежда, поскольку конфуцианец более мирской, более земной человек. Он говорит: «Это моя большая удача, что пришли вы, конфуцианский ученый. Я знаю вас, я слышал о вас. Теперь сделайте что-нибудь для меня, ведь Конфуций говорит: «Помогайте другим»». Помня отклик буддиста и даоса, человек подумал: «Чтобы убедить людей спасти меня, лучше говорить о философии». Он сказал: «Конфуций говорит: «Помогайте другим»».

Конфуцианский монах сказал: «Вы правы. И я помогу. Я пойду из одного города в другой, я буду стараться и протестовать, и я заставлю правительство построить защитные стенки вокруг каждого колодца в стране. Не бойтесь».

Человек сказал: «Но к тому времени, когда эти защитные стенкь будут сделаны и ваша революция победит, я уйду».

Конфуцианец сказал: «Вы не имеете значения, я не имею значения, индивидуумы не имеют значения — значение имеет общество. Упав в колодец, вы подняли очень важный вопрос. Теперь мы будем бороться за это. Вы будьте спокойны. Мы проследим за тем, чтобы каждый колодец имел вокруг себя защитную стенку, чтобы никто не смог упасть в него. Просто спасая вас, что спасешь? По всей стране миллионы колодцев, и миллионы людей могут упасть в них. Поэтому не будьте таким себялюбивым. Поднимитесь выше себялюбия. Я буду служить человечеству».

«Вы послужили, упав в колодец. Я буду служить, заставляя правительство сделать защитные стенки». И он уходит. Но он делает существенное замечание: «Вы очень себялюбивы. Вы просто хотите спастись и напрасно потратить мое время, которое я могу использовать ради всего человечества».

Как вы думаете, существует ли где-нибудь что-то вроде «человечества», существует ли где-

нибудь что-то вроде «общества»? Все это просто слова. Существуют только индивидуумы.

Четвертый человек — христианский священник, миссионер, тащивший с собой мешок. Он немедленно открывает мешок, достает веревку, бросает веревку... до того, как человек сказал что-либо, он бросает веревку в колодец. Человек удивлен.. Он говорит: «Похоже, ваша религия самая истинная».

Тот говорит: «Конечно. Мы готовы ко всяким неожиданностям. Зная, что люди могут падать в колодцы, я ношу с собой эту веревку, чтобы спасти их, поскольку, только спасая их, я могу спасти себя. Но запомните, я слышал, что говорил конфуцианец: не делайте защитных стенок вокруг колодцев, иначе как мы будем служить человечеству? Как мы будем вытягивать людей, упавших в колодец? Сначала они должны упасть, потом мы будем вытаскивать их. Мы существуем ради служения, но должен существовать повод к тому. Без повода как мы можем служить?»

Все эти религии, говоря о служении, определенно заинтересованы, чтобы человечество оставалось бедным, чтобы людям нужно было это служение, чтобы были сироты и вдовы, нищие, чтобы старики нуждались в уходе. Такие люди необходимы, абсолютно необходимы. В противном случае, что же случится с этими великими служителями человечеству? Что случится со всеми этими религиями и их учениями? И как тогда входить в царство Божье? Такие люди должны служить в качестве лестницы.

Вы называете это отсутствием себялюбия? Что, этот миссионер не себялюбив? Он спасает этого человека не ради него; он спасает его ради самого себя. Глубоко внутри все еще есть себялюбие, но теперь оно прикрыто красивыми словами: служение, бескорыстие.

Но откуда эта потребность в каком бы то ни было служении? Почему должна быть какая-то потребность? Разве мы не можем устранить все поводы для служения? Мы можем, но тогда религии очень разгневаются. Будет разрушен весь их фундамент — весь их бизнес, — если не будет бедных, не будет голодных, не будет страдающих, не будет больных. И наука может сделать это. Сегодня это абсолютно в наших руках. Это случилось бы давным-давно, если бы религии не останавливали каждого, кто собирался внести свой вклад в знания, устраняющие все поводы для служения.

Но эти религии были против всякого научного прогресса — и они говорят о служении. Им нужны эти люди.

Их потребность — это не отсутствие себялюбия; это предельное себялюбие. Эта потребность имеет объяснение. Есть цель для достижения.

Поэтому я говорю моим санньясинам: служение — это грязное слово. Никогда не используйте его. Да, вы можете соучаствовать, но никогда не унижайте человека служением ему. Это унижение.

Когда вы служите кому-то и чувствуете великое... вы низводите другого до положения презренного человека, недочеловека. А вы такой превосходный, вы пожертвовали своими собственными интересами и служите бедным. Вы просто унижаете их.

Если у вас есть что-то, что дает вам радость, покой, восторг, делитесь этим.

И помните, когда вы делитесь, нет объяснения, нет мотива. Я не говорю, что благодаря такому делению вы попадете на небеса. Я не ставлю вам никакой цели.

Я говорю вам, благодаря разделению вы будете удовлетворены. В самом этом разделении есть удовлетворение, за ним нет иной цели; оно не ориентировано на какую-либо цель. Оно имеет целью самое себя.

И вы будете чувствовать себя обязанными человеку, готовому разделять с вами. Вы не будете чувствовать, что он обязан вам, — вы ведь не служили ему. И только люди, верящие в разделение, в соучастие, а не в служение, могут разрушить все эти поводы к служению, все эти безобразные поводы, опутывающие землю. Все религии эксплуатировали эти поводы. Но они давали красивые названия... Они стали очень искусными, тысячелетиями давая красивые названия безобразным вещам. А когда вы даете красивые названия безобразным вещам, очень вероятно, что вы сами забудете о том, что это лишь прикрытие. Внутри, в реальности, все остается тем же самым.

Я вспоминаю... Я остановился в Калькутте в доме очень богатой женщины. Она была вдовой, молодой вдовой. У нее был ребенок; ее муж умер несколько лет назад. И она чрезвычайно заинтересовалась образом моих мыслей. Мы завтракали, и я увидел фотографию, висящую на стене. Я узнал человека. Я спросил женщину: «Это фотография Свами Дивьянанда Сарасвати?»

Она сказала: «Да».

Я сказал: «Это странно. Невозможно одновременно интересоваться мной и этим человеком. Я знаю его. Он принадлежит весьма шовинистической индуистской группе Арья Самадж, очень фанатичной». Его религия исходит из того, что она — единственная истинная религия, все остальные не истинные, и что Веды написаны Богом и их существование не может быть исчислено годами... десять тысяч, двадцать тысяч, сто тысяч... нет. Они были созданы одновременно с созданием всего сущего. Как мог Бог создавать мир, не дав этих руководств? Конечно, это представляется логичным. И Вед достаточно. Никакие другие книги не нужны.

Есть четыре Веды — настолько детские, настолько глупые и настолько полные всякого хлама и чепухи, что Бог был, должно быть, не в своем уме, если он создавал такого рода книги.

Ну, я встречался с этим человеком, и мы немедленно стали врагами навсегда, поскольку я сказал: «Все это чепуха — то, что, как вы думаете. Бог создал их. А если это создал Бог, то ваш Бог нуждается в психиатрическом лечении».

В Ведах говорится, что Бог создал женщину. Конечно, он отец, он создал женщину, он отец... и он влюбился до безумия. Он начал гоняться за этой женщиной. Женщина испугалась того, что ее изнасилует ее собственный отец, поэтому она стала прятаться. Так и произошло творение. Она стала коровой, — но Бога не обманешь, он стал быком. Так произошли все животные: женщина постоянно изменялась, так же изменялся и Бог. Вот так начало свое существование все сущее. Бог все еще преследует женщину в миллионах форм. Но сама идея отца, который создал... Он насильник, обыкновенный насильник, вечный насильник — он все еще продолжает преследовать. И вы называете это книгой, созданной Богом?

Поэтому я спросил у женщины: «Если вы интересуетесь мной, то как это может быть, что вы интересуетесь и этим маньяком».

Она сказала: «Я совсем им не интересуюсь. Вы правы... Это мой муж интересовался им. Он повесил эту фотографию здесь, теперь он умер, и из уважения к нему я не снимаю этой фотографии. Но я никогда не смотрю на нее. И я всегда радуюсь тому, что мой сын сделал с ним».

Я спросил: «Что же ваш сын сделал с ним?»

Она сказала: «Он, бывало, приходил сюда и оставался с нами». У них был прекрасный гостиный зал, человек на пятьсот, по крайней мере, так что они иногда проводили лекции в своем доме.

Однажды... в то время ребенку было, должно быть, не более пяти или шести лет. Женщина, конечно, сидела впереди, ребенок сидел впереди, они были хозяевами, муж сидел впереди. И посреди беседы Свами Дивьянанды ребенок сказал громко: «Я хочу писать».

И это прямо перед Свами Дивьянандой, весь зал рассмеялся. На самом деле все хотели того же. Лекция была такая, что она вызывала стремление, желание отправиться в туалет. А поскольку все рассмеялись, Дивьянанда очень разгневался. Этим так называемым религиозным людям присуща такая ярость, такой гнев.

Он подозвал женщину к себе поближе и сказал: «Это нехорошо. Вам следует научить своего сына».

Она спросила: «Как я могу научить его?»

Он сказал: «Вы можете сделать простую вещь. Вы можете сказать ему, что всякий раз, когда он захочет пойти пописать, пусть он просто скажет: «Мама, я хочу пойти попеть. Я хочу петь». Замените слово «писать» на слово «петь». Никто не поймет, только вы будете понимать этот условный язык».

И мать сказала: «Ладно».

Спустя шесть или семь месяцев он снова вернулся в Калькутту, остановился там, а мать вынуждена была уехать, поскольку один из ее очень близких родственников был при смерти и она хотела видеть его и быть с ним. Поэтому она сказала Свами: «Я уезжаю. Моего мужа нет дома, он всегда приходит поздно, а я не хочу брать ребенка с собой. Человек умирает, может быть, еще есть час или два, и я не хочу, чтобы малыш видел агонию смерти. А один он не уснет, он никогда не спит один. Поэтому будьте так добры, позвольте ему спать с вами а вашей кровати?»

Свами сказал: «Нет проблем. Он может спать со мной на моей кровати. А когда вы вернетесь, вы сможете забрать его в свою кровать».

Так и договорились. Посреди ночи ребенок разбудил Свами и сказал: «Свамиджи, я хочу петь».

Свами сказал: «Разве время петь посреди ночи? Ты идиот, спи. Не беспокой меня».

Бедный мальчик от страха закрыл глаза, но он хотел петь. Как долго мог он терпеть? Поэтому он снова потряс Свами; тот снова храпел. Он проснулся: «Ну что теперь?»

Мальчик сказал: «То же. Невозможно, я больше не могу держаться; я должен петь».

Он сказал: «Но что подумают люди по соседству... посреди ночи? И что за песня? Я устал, пробыл в пути целый день, разговаривал с людьми и теперь должен слушать твое пение? Ты не можешь подождать? Я могу послушать утром».

Мальчик сказал: «Нет, я не могу ждать».

Свами сказал: «Будь немного более терпеливым. Можно подождать, нет проблем. Пение не такая вещь, ради которой ты не можешь подождать».

Мальчик вынужден был слушать его, потому что он громко кричал. И он был один — отца не было, матери не было. И этот человек говорит, что такое можно контролировать, что можно потерпеть.

Он сказал: «Хорошо, я постараюсь». Он закрыл глаза, но через несколько минут... Свами снова захрапел. Он разбудил его. Он сказал: «Теперь, останавливаете вы меня или нет, нужно петь, прямо здесь, в кровати».

Свами сказал: «Тогда сделай одно дело — просто шепчи мне на ухо, чтобы никто не слышал. Ты, чертенок, просто шепчи мне на ухо».

Мальчик сказал: «Вы на самом деле имеете это в виду?»

Он сказал: «Да, я имею в виду это. Пошепчи и после засыпай и дай спать мне. И чтобы больше не было этих дел с пением посреди ночи — только утром». Так что мальчик пошептал ему на ухо — было поздно что-либо сделать. Только тогда он вспомнил, что означает «петь» и почему мальчик не мог контролировать себя. Он сделал это своими собственными руками. Он изменил реальность на фальшь, на ложное слово. И сам забыл об этом.

Все эти религии дали хорошие названия, красивые названия безобразным реалиям.

Зачем служить бедным, когда бедность может быть уничтожена?

Ни одна религия не говорит: «Уничтожьте бедность». Они в глубоком заговоре со своими неотъемлемыми интересами. Они не предлагают уничтожить бедность. Они не предлагают никаких мер к тому, как уничтожить бедность, остановить ее. Но служат бедным, служат вдовам.

Они не говорят: «Зачем заставлять женщину оставаться вдовой?» Такое простое явление... В Индии мужчине разрешается жениться столько раз, сколько он хочет. На самом деле, когда жена умирает и ее тело сжигается на погребальном костре, люди уже начинают говорить о женитьбе, как организовать женитьбу этому мужчине. Так мерзко, так негуманно: тело жены еще не сгорело полностью... Но, сидя там, вокруг, чем еще заняться? Они должны о чем-то говорить, а эта тема самая горячая. Теперь этому мужчине нужна женщина, и они предлагают, где будет лучше жениться, какая женщина подойдет ему — и чтобы не вдова.

Никто не хочет жениться на вдове. Она использованная женщина. Женщина — это вещь, использованная кем-то другим, — как можно пользоваться ею? Мужчина не используется, он всегда остается свежим, чистым. Он может жениться повторно. В Индии тысячи лет женщина так сильно страдала оттого, что она должна была оставаться вдовой. Миллионы вдов... Они не могут носить никакой другой цвет, кроме белого. Они должны брить свои головы. Они не могут использовать орнамент. Всеми возможными способами им дается понять, что они должны жить жизнью почти мертвеца.

Они не могут пойти в общество, как другие женщины, особенно это относится к праздникам, — они не могут присутствовать на свадьбах, поскольку само их присутствие, сама их тень — бедствие. И про вдову говорят, что она съела своего мужа. Муж умер из-за ее ненависти. Он бы жил, если бы не женился на ней. Она ответственна за его смерть. Всю жизнь несет она этот груз и вынуждена оставаться во всех отношениях безобразной.

Служите вдовам. В Индии есть институты специально для вдов, поскольку дома они не равны даже слугам. Они делают всю работу, работают целыми днями. Но лишены всякого уважения; без оплаты, без уважения — и постоянное обвинение, что из-за нее умер чей-то сын, чей-то брат... все против этой женщины. И она должна прятаться, как тень. Она не должна появляться, когда приходят гости. Она живет, как приведение.

Поэтому религии открывают институты — в этом видят служение вдовам. Но почему на первом месте вдовы? Простая логика заключается в том, чтобы издать закон, запрещающий мужчине, желающему жениться второй раз, жениться на девственнице, — он должен жениться на вдове, все просто. И проблема исчезает. Вместо того, чтобы способствовать исчезновению проблемы, ей помогают существовать.

То же самое происходит и на Западе, только несколько иным путем, в другом направлении. Медицинская наука там развилась до такой степени, что ученые говорят об отсутствии внутренней необходимости в смерти человеческого тела, по крайней мере, в течение трехсот лет. И это очень осторожная оценка — триста лет. Они говорят, что на протяжении трехсот лет не возникает внутренней необходимости в смерти человеческого тела. В течение трехсот лет каждый может жить полностью... молодым.

Если можно будет жить триста лет, представляете ли вы, какие будут последствия? Только подумайте — Альберт Эйнштейн, живущий триста лет. Какое благословение не удалось ему пролить на человечество! Такой ум! В возрасте двадцати шести лет он был способен представить теорию относительности, преобразовавшую всю науку, ее образ. Только подумайте: если бы он был способен жить триста лет, благодаря ему все, кажущееся невозможным, было бы возможным. И я привел только один пример.

Если Бертран Рассел мог дать так много за сто лет, то за триста... Такой человек, как Бертран Рассел, не может сидеть и ничего не делать. Даже когда ему было сто лет, он был много моложе ваших так называемых молодых людей — своим видением, своим подходом, своей разумностью, своей ясностью во всем. И если бы этот человек мог жить триста лет, я могу сказать с абсолютной уверенностью, он изменил бы многое из того, что говорил, когда ему было пятьдесят, сорок, тридцать.

Он мог бы обратиться внутрь себя. Он мог бы начать медитировать. Он мог бы проявить себя

одним из самых религиозных людей в мире. Он имел к тому все способности и смелость, необходимую для применения этих способностей. Но время коротко. Сто лет для такого человека, как Бертран Рассел, очень мало.

У него такие разносторонние интересы: в образовании - он хочет сделать революцию; в философии — он вызывает к жизни новые концепции; в математике... которая не была его предметом, но он так заинтересовался логикой, что вынужден был погрузиться и в математику, поскольку они близки. Математика — это приложение логики.

Бертран Рассел объединил свои усилия с одним из величайших математиков и философов Америки, Уайтхедом, и вместе они написали книгу «Основания математики». Она намного опередила свое время: она была написана пятьдесят, шестьдесят лет назад, но даже сейчас есть, может быть, лишь дюжина или две людей, которые могут понять, что это такое.

Если бы он жил триста лет, он дал бы нам совершенно новую математику — может быть, более высокую математику, которой интересовались Гурджиев, Успенский и подобные им мистики, высокую математику, имеющую дело не с обыкновенным материальным экспериментом, а с предельными проблемами. А ваша математика, которую вы изучаете в университетах, не может работать с предельными проблемами. Предельные проблемы лежат вне ее. Нужна совершенно новая математика, поскольку, когда вы подходите ближе к предельному, вы обнаруживаете, что все ваши категории, логика, математика, распадаются на части. Существование ведет себя иначе — настолько иначе, что иногда дважды два может быть три, иногда дважды два может быть пять. Одно определено: в предельном дважды два никогда не будет четыре.

Я могу привести вам простой пример. Почему в предельном ядре существования дважды два никогда не будет четыре? Потому что нет двух в точности одинаковых вещей. Два стула не являются в точности одинаковыми. Два других стула тоже не являются в точности одинаковыми. Вы складываете их вместе и называете их четырьмя стульями... а они не одинаковы. Каждый стул отличается от другого. Чтобы быть абсолютно точным, нельзя использовать слово «четыре».

Электроны, протоны, нейтроны — глубоко в предельном своем ядре мир ведет себя совершенно по-другому. Если вы выходите из комнаты, мы знаем, что вы можете выйти, только сделав определенный переход, может быть, шагов десять, и тогда вы окажетесь снаружи. Но на предельном уровне электрон делает прыжок, не проходя промежуточных положений. Он в точке А, затем его обнаруживают в точке Б, далеко отстоящей от А, — но он совсем не обнаруживается между этими двумя точками. Он исчезает в А и появляется в Б, и нет прохода между этими двумя точками. Как здесь может действовать обыкновенная математика, геометрия, обыкновенные измерения? Здесь нужно что-то совершенно иное.

И мы оказались в состоянии открыть науку благодаря увеличению продолжительности жизни. Может быть, вы не задумывались над этим. Наука возникла только триста лет назад — почему? Почему не раньше? Мы не нашли ни одного скелета человека старше сорока лет из числа тех, кто жил три тысячи лет назад, не говоря уж о более отдаленных временах. Человек в возрасте сорока лет умирал. Должно быть, сорок лет было предельным возрастом, поскольку не найдено ни одного скелета, который показал бы, что человек умер в пятьдесят, шестьдесят, семьдесят лет; сорок лет — предельный возраст.

Так что нет ничего странного в том, что Веды говорят — и индусы думают, что это для них какая-то потрясающая слава, — что люди никогда не стареют. Индусы думают, что во времена Вед наука была, должно быть, так продвинута, что никто не старел. Это неправда. Правда в том, что все умирали до сорока. Как же можно постареть?

Когда человек начал жить дольше и возраст в семьдесят лет стал средним возрастом, — а в западных странах, в некоторых странах, средним возрастом стало восемьдесят, девяносто лет, — тогда развилась наука. Но во времена сорокалетней продолжительности жизни что мог сделать человек? Он просто пытался как-то выжить: сам, его жена, поколение детей — и наступала смерть. Наука, религия, философия или что-либо более высокое требуют большего бремени, большей роскоши, большего комфорта.

Теперь человек может жить триста лет. И если человек может жить триста лет, то почему не шестьсот? Почему не тысячу? Когда человек начнет жить триста лет, абсолютно точно, что мы найдем пути к тому, чтобы он жил дольше. Тогда он начнет накапливать мудрость. Тогда он сможет разрабатывать сложные проблемы.

Решать проблемы! Не нужно учить людей служению.

В чем проблемы? Взрыв народонаселения — вот проблема.

Все религии учат: «Служите бедным», — но ни одна религия не готова сказать: «Установите контроль над рождаемостью для уменьшения народонаселения».

Я за абсолютный контроль над рождаемостью.

Только немногим людям должно быть позволено рожать детей, и это должно осуществляться путем искусственного осеменения. Поскольку зачем нужно... Так бывает, что вы влюбляетесь в девушку, девушка влюбляется в вас, но вы можете оказаться неподходящими людьми, чтобы стать родителями, дать жизнь ребенку. Так может случиться, поскольку любовь не принимает в расчет вашу внутреннюю химическую структуру.

Вы не идете к химику, чтобы решить вопрос: «Я влюбился в девушку; соответствуют ли друг другу наши внутренние химические структуры?» Если вы куда-то и идете, то к идиоту-астрологу, хироманту... слепой, ведомый слепым. Это вопрос биохимии, не имеющий ничего общего с хиромантией, не имеющий ничего общего с астрологией. Но человеческому эго необходимо чувствовать, что звезды интересуются вами. Только подумайте о глупости самой идеи: миллионы звезд занимают вас, влияют на вас, их комбинации влияют на вас.

Это повергает меня в печаль о человеке. Что за человечество выросло на земле?

Но все эти религии против контроля над рождаемостью, а без этого контроля теперь нельзя.

Я поддерживаю абсолютный контроль над рождаемостью, запомните, не просто контроль; ведь просто контроль над рождаемостью — если не религиями, то правительствами - вынудит людей принять тот факт, что они должны иметь только двух или трех детей. Нет, этого недостаточно. Даже двух, трех детей недостаточно. Абсолютный контроль над рождаемостью заключается в том, что никому не разрешается рожать детей; всякий, заинтересованный в ребенке, может

пойти, сдать свое семя в научную лабораторию, и лаборатория должна решить, какая из женщин будет матерью его ребенка.

Необязательно это будет ваша жена, здесь нет связи. Вы любите свою жену, ваша жена любит вас, но это не означает, что нужно отягощать землю искалеченным, глупым ребенком. У вас нет такой власти. Существование не дает вам на то своего разрешения. Почему вы принимаете на себя такую безответственную ношу, на себя и на все человечество? Вы даете жизнь ребенку, являющемуся калекой, или слепым, или больным умственно, а он даст жизнь другим детям.

Вот почему идиоты составляют большинство в мире.

Так и должно быть, ведь правильную комбинацию можно найти только в научной лаборатории. Вы не можете... вы не знаете, что несете в своих генах; вы не знаете своего потенциала, что за ребенка вы собираетесь родить. Вы любите женщину, это само по себе не несет вреда. Любовь должна быть доступна вам абсолютно, это ваше право, данное вам от рождения. Вы любите женщину; но необязательно каждая женщина должна быть матерью. Необязательно каждый мужчина должен быть отцом. Вскоре не будет необходимости и в матери. Ребенок может вырасти и в самой научной лаборатории.

Вы хотите ребенка, и, если вы действительно любите ребенка, вы хотели бы, чтобы он получился наилучшим. Поэтому вас не должно касаться то, кто дает семя, кто дает материнскую утробу. Вас касается только то, что вы получаете наилучшего возможного ребенка. Поэтому я — за искусственное осеменение и выращивание малышей в пробирках. И кроме того, я предлагаю эвтаназию (безболезненный добровольный уход из жизни). Когда устанавливается преграда рождению, контроль над рождаемостью, позвольте предложить еще одно условие: контроль над смертью.

После определенного возраста — например, если вы принимаете в качестве среднего семьдесят лет, или восемьдесят, или девяносто, — человек должен иметь возможность свободно обратиться в медицинское учреждение: «Я хочу освободиться от своего тела». Если он не хочет больше жить, он имеет все права на это, ведь он пожил уже достаточно. Он сделал все, что хотел сделать. И теперь он не хочет умирать от рака или туберкулеза; он хочет просто безболезненной смерти.

Каждая больница должна иметь специальное место для таких людей, со специальным штатом, куда люди могут приходить и получать помощь в безболезненной красивой смерти, без заболеваний, при поддержке медицинского персонала.

Если медицинское учреждение понимает, что человек представляет ценность для человечества — например, кто-то, подобный Эйнштейну или Бертрану Расселу, — если медицинское учреждение понимает, что человек имеет огромную важность, то его могут попросить пожить немного еще. Лишь немногих нужно просить пожить немного еще, поскольку они могут так много сделать для человечества, так много помочь другим. Но если такие люди все-таки не захотят жить, то это их природное право. Вы можете молить, просить, требовать. Если они согласятся, хорошо. Но если они скажут: «Нет, мы больше не заинтересованы», — тогда, конечно, у них есть все права умереть.

Почему нужно заставлять человека жить, когда он жить не хочет? И вы делаете из этого

преступление. Вы заставляете человека волноваться без необходимости. Он не хочет жить, но он вынужден жить, потому что самоубийство — это преступление. Он должен принять яд или броситься в море со скалы. Это плохая ситуация. И странно... если он умирает, хорошо; если будет схвачен, то будет приговорен к смерти. Великое общество! Великие умы, создающие законы! Он будет приговорен к смерти за покушение на самоубийство.

Все эти проблемы могут быть разрешены. Поэтому нет нужды во всех этих служителях обществу, миссионерах и им подобных. Просто нужно внести больше разума в эти проблемы и пути их решения.

Поэтому я учу себялюбию.

Я хочу, чтобы вы были прежде всего своим собственным цветением. Да, это будет проявляться, как себялюбие; у меня нет возражения против такого проявления себялюбия. По-моему, это хорошо.

Но является ли себялюбивой роза, когда она цветет? Является ли себялюбивым цветущий лотос? Является ли себялюбивым сияющее солнце? Почему же вы должны волноваться по поводу себялюбия?

Вы родились. Рождение — единственная возможность, только начало, не цель. Вы должны цвести. Не тратьте себя понапрасну на всякого рода глупое служение.

Ваша первая и главная ответственность — цвести, стать полностью сознательными, осознающими, бдительными; и в этой сознательности вы сможете увидеть, чем вы можете делиться, как вы можете решать проблемы.

Девяносто девять процентов мировых проблем могут быть разрешены. Возможно, один процент разрешен быть не может. Тогда вы можете делиться с обездоленными людьми всем, чем можете, — но прежде всего вы должны иметь, чем делиться.

Все эти религии до сих пор не помогли человечеству в решении ни одной проблемы.

Только прислушайтесь к тому, что я говорю: решили ли они хоть одну проблему? А ведь они занимаются этим бизнесом со служением тысячи лет.

Бедные еще бедны, и их число продолжает возрастать. Есть больные, есть старые, есть всевозможные болезни, есть всевозможные преступления — и они продолжают возрастать. Каждый год число преступлений в мире становится больше, чем в год предыдущий. Странно... увеличивается число тюрем, увеличивается число судов — они думают остановить преступность, а вместе с тем преступность продолжает расти.

Здесь что-то принципиально не так. То, что они делают, не связано с самой проблемой. Человек, совершающий преступление, не преступник, он больной. Не надо его бросать в тюрьму и мучить, его нужно поместить в психиатрическую больницу и лечить там, медицинскими средствами, уважительно. Это не его вина.

Вы должны знать, что было время, когда на сумасшедших смотрели, как на преступников, их

бросали в тюрьмы и били там. Лишь несколько сотен лет назад выяснилось, что эти люди не преступники, они страдают от определенных болезней. Побоями нельзя выбить болезнь. От этого можно стать только идиотом. Им нужно лечение, а вы лечите их неправильно. И то же относится ко всем преступникам, поскольку я не видел ни одного преступника, родившегося преступником.

Преступником его делает то, как он воспитывается, преступником его делает общество, в котором он воспитывается. И когда его ум становится преступным, нужно менять весь его ум целиком. Бесплезно связывать его, бросать в тюрьму, морить голодом, бить его — это ничего не даст. Это просто закрепит в нем его наклонности, так что когда он выйдет, то будет законченным преступником, образованным преступником.

Ваши тюрьмы, места заключения — это университеты для преступников, где они получают образование. Поэтому, когда человек отправляется в тюрьму, он выходит из нее, обучившись многому у старых преступников, бывших с ним вместе. И все, чему он выучивается, заключается в том, что совершить преступление — это еще не преступление, преступление — это попасться. Поэтому он изучает способы того, как не попадаться. Нужно менять само направление его ума, движущее его к преступлению. И это можно сделать. Очень сильно может помочь биохимия, очень сильно может помочь медицина, очень сильно может помочь психиатрия. Теперь у нас есть все возможности сделать такого человека достойным человеческим существом.

Служения не нужно, единственное, что нужно, — это делиться своей сознательностью, своими знаниями, своим существом, своим уважением, — но сначала это надо иметь.

Для меня величайшей проблемой человечества является то, что оно ничего не знает о медитации.

Для меня это величайшая проблема. Ни народонаселение, ни атомная бомба, ни голод... нет, это не основные проблемы; они легко могут быть разрешены наукой.

Единственной основной проблемой, которую не может решить наука, является то, что человек не знает, как медитировать.

Своим людям я говорю: сначала будьте себялюбивыми, предельно себялюбивыми — цветите. Расцветите и благоухайте, а потом распространяйте это благоухание. Потом делитесь им с этими несчастными людьми, которые имели те же возможности, что и вы, но которым жизнь не дала шанса пойти внутрь, ощутить вкус своей собственной божественности.

Я против всех религий, потому что, по-моему, то, что они делают, абсолютно бесполезно. Но они делают, сопровождая это прекрасными словами, прячут вещи в прекрасных словах.

Например, Иисус на кресте говорит Богу... и христиане на протяжении столетий цитировали его слова, как самое значительное высказывание; и оно кажется таким, но только кажется. Не обманывайтесь кажущимся, кажущееся — не реальность. Иисус на кресте говорит Богу в своей последней молитве: «Авва, — это арамейское слово, обозначающее отца, — Авва, прости этих людей, ибо они не ведают, что творят».

Такое прекрасное высказывание, такое всепрощение... его распинают, а он просит Бога

простить тех, кто его распинает. Но я глубоко разбирался в жизни Иисуса и в его высказываниях. Он не тот человек, который прощает. Он не мог простить даже фиговому дереву за то, что был не тот сезон. Он проклял его, потому что он и его последователи были голодны, а дерево стояло без плодов — как будто дерево было враждебно по отношению к нему. Он проклял его. А то был не сезон для фиг! И даже если бы был сезон, а фиг не было, что может сделать дерево? И какую ответственность может нести дерево за их пропитание? И это тот человек, о котором думают, что он творит чудеса, превращает камни в хлеб, а воду в вино.

Зачем это нужно? Такой человек, если все эти чудеса - правда, мог бы просто приказать дереву в любое время года:

«Наполнись фигами, спелыми фигами», — на самом деле, не нужнее и дерева; фигами могли бы стать и камни. Но все эти чудеса фиктивны. Этот случай показывает, что все его утверждения фиктивны.

Зачем ему нужно было ходить попрошайничать в город, если он мог обращать камни в хлеб? И если этот человек был способен обращать камни в хлеб, то вообще почему в Иудее оставалась бедность? Я говорю только об Иудее — на самом деле я должен спросить, а почему во всем мире? Превратите целые Гималаи и Альпы в большие хлеба... Если этот человек имеет такие способности, то почему все время обращать в хлеб маленькие камушки? Превратите тогда в хлеб эти горы — люди смогут отрезать, уносить с собой и быть всегда сытыми. И почему обращать в вино небольшие количества воды? Почему не превратить в вино целый океан? Когда вы знаете секрет, когда вы знаете чудо, тогда превратите в вино целые океаны, и пусть люди пьют.

Если чудеса Иисуса — правда, то не должно быть никакой бедности, — но они все ложны.

Иисус говорит: «Те, кто не следует за мной, попадут в седьмой ад навечно. И их будут мучить всеми способами. Этот человек не знает прощения.» И если он не может простить вас только потому, что вы не следуете за ним, то как он может простить тех, кто распинает его? Простая логика — ничего больше не нужно... Кто вы такой, чтобы бросать кого-то в седьмой ад из-за того, что он не следует за вами? Вы не можете простить простое — что за вами не следуют, а просите Бога простить всех тех людей, которые распинают вас? Нет, здесь говорится не о прощении, но о чем-то другом.

Даже на кресте он хочет показать евреям: «Посмотрите, я — мессия, а вы все невежды». Он просит Бога: «Прости этих невежественных людей. Они не ведают, что творят». Здесь подчеркивается не прощение, поскольку этот человек не прощает, — вся его жизнь против этого. Эти слова для того, чтобы показать, что эти люди невежественны.

В последний момент он также настаивает: «Я знающий, я тот, кто знает; а вы, вы невежды. Но я попрошу Бога простить вас». Он все еще пытается быть мессией, потому что так говорится в священных книгах: мессия будет распят и на кресте будет молить Бога: «Прости этих людей, они не ведают, что творят». Он упрямый, совсем как кремень. Даже распятие не меняет ничего: он мессия. И его последние слова объявляют всех остальных невежественными.

Можно использовать красивые слова, красивые фразы, чтобы прятать безобразную правду. Я совершенно не хочу заниматься подобным делом.

Я учу вас быть естественными, я учу вас воспринимать свою естественность.

Я знаю точно одно: когда вы расцветете, вы начнете делиться этим. Избежать этого нельзя.

Когда раскрывается цветок, невозможно удержать его аромат и бросить его в темницу. Аромат сбежит. Он распространится во всех направлениях.

Итак, прежде всего, будьте исполненными, будьте удовлетворенными. Прежде всего, будьте. Тогда из вашего существа будет исходить аромат, который достигнет многих. И это не будет служением, это будет суцая радость разделения. И нет ничего более радостного, чем делиться своей радостью.

Беседа 12

ЖИВИТЕ СЕЙЧАС - МОЛИТЬСЯ БУДЕТЕ ПОТОМ

10 ноября 1984 года

Бхагаван,

Евреи, христиане, индусы, джайны, мусульмане надеются на будущую жизнь, но я не вижу такой же надежды среди людей, окружающих Вас. Почему это так?

Есть три способа жить. Только один из них является подлинным; два остальные ложны.

Прежде всего, позвольте мне объяснить вам ложные способы, тогда проще будет понять правильный способ. Этими двумя ложными путями жили и живут большинство людей: первый лежит во вчера, в прошлом; второй лежит в завтра, в будущем. Оба они — это на самом деле способы обманывать себя.

Вчера больше нет, а завтра еще не наступило.

Прошлым нельзя жить. Да, только в воображении, но не истинно. Оно мертво. Невозможно снова оживить его. Нельзя двигаться назад во времени. То, что ушло, ушло навсегда.

Но миллионы людей, девяносто девять и девять десятых процента людей выбрали способ жить или во вчера, или в завтра.

Завтра нет, и его никогда не будет. Оно никогда не наступает, по самой своей природе. Оно всегда приближается, приближается, приближается... но никогда не приходит. Это всего лишь надежда, которая не собирается исполняться.

Но надежда — самый древний психологический наркотик.

Сначала давайте посмотрим в прошлое, ведь оно, по крайней мере, было. Оно не может настать вновь, но оно было, У индусов наиболее продуманная философия о жизни в прошлом, ведь это самая философская религия из всех религий.

Индусы разделили время на четыре эпохи. Первая называется сатья юга, эпоха истины. Она была

в самом начале времени. О ней нет никаких исторических записей, о ней нет никаких других свидетельств; на самом деле все, что существует, свидетельствует против нее. Поскольку такой человек, как Кришна, которому индусы поклоняются, как потомку Бога во всех его аспектах, во всей его целостности, даже такой человек не является человеком истины. Он лжет.

Он политик. Он очень легко изменяется. Он обещает — и нарушает обещание. И это их идея Бога во всем его превосходстве! Лгать для Кришны так просто... даже ваши политики третьего сорта — конечно, они все третьего сорта; я не должен был даже говорить о третьем сорте, поскольку другого сорта политиков нет, — даже они стыдятся лжи. И когда их схватят, они чувствуют, что поступали нехорошо. Но с Кришной не так, он совершенный политик. Он не является совершенным Богом, но является совершенным политиком. Лгать — его бизнес, жульничать — вся его игра. И эту эпоху индусы называют эпохой истины!

И если такова ситуация с их величайшим человеком, то что говорить об обыкновенных людях? Никогда не было такого времени, как эпоха истины, когда все были подлинными, честными, истинными по отношению к себе и к существованию. Но индуизм — очень старая религия, поэтому вы должны понять это психологическое явление. Ребенок не имеет прошлого, у него есть только будущее. Старик не имеет будущего, но только прошлое.

Поэтому все старые религии ориентированы на прошлое. Они, естественно, живут своим вчера.

Новые религии живут в будущем, позади себя они не имеют прошлого.

Они должны представлять себе будущее. Самая последняя религия, коммунизм... Запомните, я причисляю коммунизм ко всем остальным религиям, поскольку он соответствует всем критериям религии. Он требует от вас веры в догму. Он требует от вас веры в триоцу Карл Маркс, Фридрих Энгельс, Ленин. Он говорит, что вы должны верить в абсолютную истину Капитала, книги, написанной Карлом Марксом. Сомнения не допускаются. Спорить невозможно. С Марксом эта религия пришла к своему завершению. Теперь ничего нельзя больше добавить.

Но так обстоят дела со всеми новыми религиями. Исламу только четырнадцать столетий; сикхизму — пятьсот лет; христианству — две тысячи. Для индийского ума две тысячи лет ничего не значат. Индуизму, по крайней мере, десять тысяч лет. Это очень догматическая, научная позиция. Индусы сами называют свою религию Санатан Дхарма, что означает вечную религию — она не связана со временем, она была всегда. Срок ее нельзя сосчитать ни в годах, ни в световых годах.

Вы удивитесь, когда узнаете, что «Индуизм» — это не имя, данное самими индусами. Они называют свою религию Санатан Дхарма, вечная религия. «Индуизм» — это имя, данное врагами индусов. Но так случается много раз, что вы становитесь известными под именем, данным вам врагами, и постепенно принимаете его. Это имя было дано людьми, пришедшими завоевывать Индию почти три тысячи лет назад. Граница проходила по одной из красивейших и величайших рек мира — Синдху. Первыми завоевателями были хуны, весьма варварское племя, насильственное, почти каннибалы. Я говорю «почти», потому что некоторые из них все еще поедали других человеческих существ.

Когда хуны три тысячи лет назад завоевывали Индию, в их алфавите не было слова, не было

буквы, эквивалентной «с». Ближайшей была «х». Поэтому реку Синдху они называли Хинду. В их алфавите «с» никак нельзя было сказать. Поэтому было использовано ближайшее слово. «Синдху» стало «Хинду». Поэтому люди, жившие за рекой Хинду, стали называться хиндусами.

С тех времен происходят все слова, связанные с Индией. Когда пришли греки, они не имели эквивалента для «х»; ближайшим было «и». Поэтому они «Синдху» называли «Инду», что позднее стало «Индус». А от «Индус» происходит «Индия». Странно, что все эти слова происходят от реки Синдху. Теперь весь Запад знает эту страну, как Индию, под именем, данным западными людьми, или как «Хинду», под именем, данным хунами и мусульманами. Никто не называет ее Арьяварда — это название, которое применяется людьми, живущими в этой стране, что означает «страна ариев». А их религия называлась Санатан Дхарма.

Этой религии точно больше десяти тысяч лет. Но нет доказательства, что когда бы то ни было был век истины, это воображение. Это старый человек, старая страна, старая религия. Она не может представить себе будущего, в будущем только смерть. Будущее темно, прославлять можно только прошлое. Поэтому первый век, наилучший, золотой век, — это сатья юга, век истины.

Вы удивитесь... Чарльз Дарвин не был знаком с этой идеей. Когда он начал работать над теорией эволюции, ему бы очень помогло, если бы он осознавал индусскую концепцию инволюции (закручивания в спираль), а не эволюции (раскручивания по спирали) — падения человека, а не его роста. Нет эволюции, поскольку эволюция означает будущее. Какая может быть эволюция для умирающего, для старика? Конечно, для ребенка эволюция есть, но для старика все съеживается, погружается во тьму. Поэтому задолго до того, как в мир мысли вошло слово эволюция, индусы уже создали другое слово — как раз противоположное ему — очень значительное слово «инволюция». Каждый день все нисходит вниз.

Вторую ступень они называют трета юга. Трета означает просто третий. Это потому, что то, что я назвал первой ступенью, сатья югой, они называют четвертой ступенью - наивысшей. Это потому, что если вы назовете ее первой, то вторая будет эволюцией, третья будет эволюцией, четвертая будет эволюцией. Индусы имеют самый философски настроенный ум. Они назвали первую, самую раннюю, четвертой; вторую — третьей; третью — второй; четвертую — первой, самой низшей.

Сатья юга — наилучший, золотой век, когда все было так, как оно должно быть, ничего нельзя улучшить. Нет преступлений, нет безнравственности, нет смерти, нет болезней, нет нищеты. Нет ничего, что называют плохим. Его также называют четвертым из-за абсолютной уравновешенности, он как стол на четырех ножках. Он полностью уравновешен, с него нельзя упасть. Люди не закрывают дверей. У них нет замков, потому что никто не ворует, — вот что они представляют себе об этом веке. Но это неправда.

Но если вы задеваете чье-то воображение, представление, которым он живет, которое дает ему единственную радость, он начинает гневаться. Когда я говорил им, что замков не было потому, что для замков требуется развитие определенного уровня технологии, а такой технологии для изготовления замков не было... и, кроме того, люди были настолько бедны, что у них нечего было красть.

Мы знаем, что даже жена Рамы украдена, Рамы, который по индусским представлениям является еще одним воплощением Бога. Так что если даже жена воплощения Бога украдена, то

что говорить о женах других людей? И мы знаем о Кришне, который украл у других людей шестнадцать тысяч жен. Они были женами, матерями. Они были оторваны от своих мужей и детей насильственно. И вы называете это сатья югой?

Мы знаем — я говорил вам, — Парашумара убил свою собственную мать, а вы говорите, не было преступлений? И Парашумара был одним из воплощений Бога. И не только то, что он убил свою мать, его отец приказал сделать это. Отец был, должно быть, обыкновенным, посредственным мужем, испытывавшим постоянные подозрения. Возможно, он постарел и стал бессильным, а его жена была молодой и красивой, и он подозревал ее. А для подозрения были все основания, поскольку сами священные книги индусов описывают то, что даже боги — и помните, у индусов не один лишь Бог, но тридцать три миллиона богов — интересовались земными женщинами, поскольку они уставали от искусственной красоты.

На небесах красота искусственная. Девушки там никогда не стареют. Они не потеют. Они остаются всегда одними и теми же. И они чрезвычайно красивы, но что-то нечеловеческое есть в них. Можно иметь искусственную девушку, абсолютно прекрасную. Можно даже так организовать, что она будет дышать. Можно сделать так, что она будет улыбаться, говорить «привет» — по крайней мере, пока не сели батарейки, она будет целовать вас, говорить: «Я люблю тебя». Все может быть записано. Вот так оно и есть, записано. На протяжении семидесяти лет работает батарейка, только это. Но мы можем делать батарейки даже еще лучше, батарейки, которые могут работать сто, двести лет. Только разок вам может потребоваться сходить в мастерскую, заменить батарейку или что-нибудь другое.

Эти девушки на небесах искусственные. Поэтому, естественно, люди могут заскучать. Может быть, вы не думали об этом, от красоты тоже можно заскучать. Как долго можно смотреть на красивое лицо? А те боги живут с такими девушками вечно... одни и те же лица. Они должны предельно устать от них. Если что-то определенное и можно сказать о небесах, то это то, что там скучно, бесконечно скучно.

И это относится не только к одной, но ко всем религиям. Я буду говорить о каждой. Их небеса обязаны быть скучными. Для того, чтобы не давать вам скучать, сохранять вас взволнованными, живыми, нужны изменения. Там же ничего не меняется. Все постоянно. Поэтому боги переодевались и отправлялись на землю насилловать женщин. Конечно, они же боги. Похоже на то, что все боги всех религий — насильники. И если их можно поймать, то они должны быть наказаны, или их нужно исправить.

Поэтому в индусских пуранах — это их древние истории — боги являлись на землю, а там риши, мудрецы, имели, конечно, львиную долю всего. Чем более великим был мудрец, тем более прекрасную женщину он мог получить. Индусские мудрецы прошлого не были холостяками. Они не были католиками, они не были джайнами, они не были буддистами. Эта идея оставаться холостяком, хранить безбрачие — совершенно новое изобретение. Индусские мудрецы — они были очень, очень далеки от этой идеи. Эта идея еще не зародилась тогда. И если кто-то был мудрецом, мудрым, знающим, уважаемым человеком, то, естественно, он получал все лучшее, самую прекрасную женщину. Им предлагали своих дочерей даже цари. Отец Парашурамы был великим мудрецом, он мог обладать самой красивой женщиной. И он ревновал, подозревал ее. А боги приходили, переодевшись, — боги могут творить любые чудеса.

Как раз на днях я получил разгневанное письмо от одной христианки, в котором говорится:

«Понимаете ли вы, что вы здесь — в христианской стране и говорите такие опасные вещи о том, что “Дух Святой был насильником”, а Дух Святой — это часть Бога, и вы делаете Бога насильником. Не было изнасилование Девы Марии, было чудо», — так писала она. Да, обмануть эту бедную девушку было чудом. Это должно было быть чудом. Возможно, Дух Святой предстал перед Марией в образе Иосифа, и она подумала: «Это мой муж».

Вот так поступали и индусские боги. Они приходят, когда мудреца нет дома, ведь мудрец должен рано утром, в три часа, идти к Гангу осуществлять омовение и творить долгую молитву и ритуал и все такое, и все это до восхода солнца. Поэтому в три часа он идет к Гангу, и в три часа, переодевшись ее мужем, приходит бог. И бедная женщина не может даже сказать: «Нет». Она не может сказать: «У меня сегодня болит голова». В индуизме это не допускается. Индусская женщина должна поклоняться своему мужу, как богу. Его приказ — это приказ, он должен быть исполнен — нет вопроса о неподчинении.

Поэтому отец Парашурамы, должно быть, подозревал жену и мог иметь для этого все основания. Он сказал Парашураме: «Пойди и отруби своей матери голову. Принеси мне голову своей матери». И Парашурама пошел и отрубил своей матери голову! Подчинение отцу... Так начинается история его насилия.

Его отец приказал ему: «Сотри всю расу воинов с лица земли», — поскольку был конфликт между браминами и воинами, между браминами и кшатриями, постоянно действующий конфликт: кто должен быть наверху — интеллектуал, ученый, брамин, мудрый человек, мудрец или политик, солдат, генерал — кто? Этот конфликт все еще продолжается. Он должен был быть и тогда...

Парашураме приказали уничтожить всех воинов раз и навсегда. Говорят — эта история, конечно, преувеличение, но чтобы было, что преувеличивать, под этим должна иметься некоторая реальность, — говорят, что тридцать шесть раз стирал он с лица земли всех воинов. Однако было одно затруднение, заключавшееся в том, что его отец не сказал ему уничтожить женщин воинов. Женщины-то оставались. А индуизм разрешает женщине пойти к мудрецу и попросить сделать ее беременной от него, и мудрец не может отказать. Это его религиозный долг.

Поэтому все эти женщины отправлялись к мудрецам. А Индия полна мудрецов — в те времена их было еще больше. Поэтому женщины снова беременели, и снова появлялись воины — и так тридцать шесть раз. Со временем Парашурама стал старым и больше не мог убивать, он совершил столько насилия, сколько только может совершить один человек. И теперь эти люди говорят: «Не было насилия», — а их собственные книги не описывают ничего, кроме насилия.

В Махабхарате, это описание величайшей индийской войны — это смысл слова махабхарата... Эта война, должно быть, произошла где-то пять или семь тысяч лет назад или, может быть, десять тысяч лет назад. Она, определенно, имела место, есть свидетельства, и она навсегда сломала становой хребет страны. Это была, точно, великая мировая война. Почти все известные нации участвовали в ней.

Так или иначе, это была семейная война: за царство сражались двоюродные братья. Они были братьями, и все их родственники вынуждены были разделиться: некоторые родственники на одной стороне, некоторые — на другой, и все они находились в родственных отношениях друг с

другом. И они были такими важными людьми, что все остальные более малые нации участвовали в войне или на той, или на другой стороне.

Были убиты миллионы людей. Представляется, по описанию в махабхарате, что они уже знали что-то подобное ядерному оружию, такими обширными, такими огромными были разрушения. Когда война была окончена и одна из сторон, Пандавы, победила, они увидели, что побеждать не имело смысла, ведь теперь некем было править. Были только трупы и трупы по всей стране.

Они настолько разочаровались, что отrekliсь от мира и отправились в Гималаи. Эта победа не стоила того. Что это была за победа? Они потеряли всех своих людей, как на противоположной стороне — там были их друзья, родственники, — так и на своей стороне — тоже их родственники и друзья, родственники и друзья противоположной стороны. Они уничтожили их всех. Да, они одержали верх, но над кем? Над этими трупами. Так будет, если случится третья мировая война.

Тот, кто победит, будет рыдать и плакать. Тот, кто умрет, скончается, проиграет войну, может быть, будет в лучшем положении. По крайней мере, он не будет видеть мерзости победы.

Вы победили, но нет никого, чтобы даже поаплодировать вашей победе. И тогда Пандавы поняли: «Это было абсолютно бессмысленно, мы не должны были сражаться. Мы должны были отдать царство противоположной стороне; по крайней мере, люди были бы живы. А теперь мы отправляемся в Гималаи. Мы могли бы уйти раньше; теперь мы погружаемся в глубочайшее разочарование, предельное отчаяние и муку. А тогда мы могли бы радоваться».

И это неправда, что в те времена не было насилия, не было войн, не было воровства. Это неправда. Но индусы смотрят на сатья югу, как на золотой век. А потом началось падение. Трета юга имеет только три ножки. Сатья юга имела четыре, она была как стол с четырьмя ножками. Теперь это треножник с тремя ножками, он не так уравновешен. Он может легко перевернуться, он искалечен. Одна существенная часть человечества потеряна.

Если вы хотите понять это психологически, то индусская психология объяснит это. В век сатья юги было собрание бессознательного ума, подсознательного ума, сознательного ума и сверхсознательного ума, и у власти был ум сверхсознательный. Все три ума низших уровней следовали за ним. Это были четыре ножки.

В словах трета юга слово трета означает три. Стало три ума — сверхсознательный ум, лучшая часть человека, исчез. Теперь остались сознательный, подсознательный и бессознательный. Пока еще хорошо... но не так хорошо. До этого времени они были божественными; теперь они стали человеческими, но хорошими, достаточно хорошими.

Однако затем начали происходить некоторые нехорошие вещи. Индусы полагают, что именно в трета югу возникли такие религии, как джайнизм, буддизм, поскольку по их представлениям эти религии являются очень разрушительными. Они разрушали веру в Бога; они разрушали самую основу, они разрушали веру в Веды, как творение Бога. Они начали смеяться и шутить над Ведами, критиковать их, начали требовать доказательств. Они начали сомневаться. Сомнение вошло в человечество, вера исчезла.

А сомнение для того, кто верит, — одна из величайших болезней; она разрушает его верование.

Поэтому индусы называют джайнов и буддистов «атеистами». Они не воспринимаются, как теисты или религиозные люди, нет; они — причина разрушения религии. Но все еще, хотя они и отвергли Бога, отвергли Веды, они очень высоко ценили качества истины, ненасилия, неворовства, несобственности. Так что дела пошли вниз, но все еще было что-то ценное.

Затем этот век тоже прошел. Человек пал еще ниже. Наступает двапара юга. Двапара означает два, второй. Слово имеет тот же корень, что и английское two. Английский язык имеет почти тридцать процентов корней из санскрита. Это язык, произошедший от санскрита, как и немецкий, шведский, французский, итальянский, русский. Все европейские языки имеют от тридцати до семидесяти процентов санскритских корней.

В век двапара юги осталось только две ножки. Человек стал по-настоящему больным. Теперь стол потерял две ножки и остался только на двух ногах, можно ли уравновесить его? Добиться равновесия стало почти невозможно. В век двапара юги человек живет подсознательно. Сознательный ум исчез; теперь человек живет инстинктивно. Он не знает, почему он делает то или другое, почему в нем возникает то или иное желание, почему то или иное делает его счастливым или несчастным, — он идет ощупью в темноте. Но тьма еще не такая густая; еще есть маленький свет, отсюда подсознание... может быть, свеча во тьме ночи.

Но большая часть покрыта тьмой. Есть лишь маленький свет, который вы называете вашим разумом, рациональностью, — но это лишь маленький свет, который может исчезнуть в секунду; лишь подует ветер — и его нет. Кто-то ударит вас, а нет вашего разума, и вы ведете себя, совершенно как животное. Кто-то наступит вам на ногу... и этого достаточно, ваш разум исчез, и вы хватаете этого человека за горло, чтобы убить его. Ваш разум — мерцающий свет, он на милости любого случая; он может исчезнуть.

Затем наступает последний век, кали юга — век тьмы, в котором мы живем сейчас. Согласно индусам, это самая падшая ступень. Человек абсолютно бессознателен, пьян, душевно болен. Будущего нет; будет только темнее и темнее. Все лучшее прошло.

Поэтому старые религии смотрят в сторону вчера. Этого вчера на самом деле не было, оно никогда не случалось. Они своим человеческим умом представляют себе это вчера, как на экране, поскольку человеческий ум не может жить, если он не чувствует что-то прекрасное, восторженное, блаженное. Как он может жить? Он так пуст и находит, что легко наполнить эту пустоту долгим прекрасным прошлым.

Это относится к странам, имеющим долгую историю, и к старым религиям. У джайнов тот же статус: прошлое. Будущее не дает надежды — в этом мире. Будущее дает им надежду в другом мире, после жизни, на небесах и в раю, но не здесь. Здесь все кончено. По этой причине такие страны, как Индия и Китай, старейшие цивилизации в мире, величайшие цивилизации в мире, древнейшие культурные цивилизации в мире, остались в страдании — ведь они приняли идею о том, что ничего хорошего не может быть здесь, только после смерти.

Поэтому прошлое... цепляясь за прошлое... вот сокровище. Сфокусируйте свой взгляд на прошлом и готовьтесь к будущему в другой жизни — не в этой жизни; эта жизнь не дает надежды.

Для новых религий нет прошлого, в котором можно расправить крылья воображения и мечты. У

них есть только будущее, и это будущее в другом мире. Или религия, вроде коммунизма, имеет его здесь, но не сегодня — когда-нибудь завтра, которое всегда маячит на горизонте. Но чем ближе вы подходите к нему, тем дальше оно отходит.

В 1917 году Ленин был абсолютно уверен, что в пределах десяти лет мы достигнем утопии. Прошло более шестидесяти лет; утопия дальше, чем была в 1917 году. Теперь никто не говорит об утопии. Ни один коммунистический лидер в России не говорит о ней, потому что они знают, что она не случится. Это была только надежда, которой отравляли людей, как наркотиком.

Поэтому я называю надежду древнейшим наркотиком, намного более опасным, чем ЛСД, марихуана или что-нибудь еще, что собирается открыть наука, — надежда на будущее.

А будущее вне жизни, невозможно установить, случится оно или нет. Люди умирают все время; никто не дает никаких сигналов с того берега, никаких указаний о том, что то, на что вы надеялись, здесь есть. Хотя бы один человек из миллионов и миллионов людей... а такие прекрасные люди умерли: Будда, Иисус, Мухаммед, Кришна. Неужели они не могут как-то попытаться дать хоть какой-нибудь сигнал? А теперь умерли многие ученые: Эйнштейн... люди потрясающего разума. Они могли бы найти какой-нибудь способ подать нам сигнал, дать нам указание: «Смелее. Мы добрались надежно». По крайней мере, такой телеграммы было бы достаточно.

Но за миллионы лет не пришло ни одного указания с того берега.

Для священника очень удобно, что с того берега нет сигналов, иначе немедленно возникли бы неприятности. Он может продолжать эксплуатировать вас, ведь ничего нельзя сказать о том, что будет после смерти. Поэтому то, что он скажет, основываясь на авторитете других священников, других старых священных книг, будет единственным; вы вынуждены верить этому. И вы вынуждены верить, поскольку в противном случае вы будете чувствовать себя лишенными основания, лишенными корней.

Тогда есть только смерть. Жизни вы не узнали, а смерть с каждым мгновением подходит все ближе. Никто не знает, будет ли он жить завтра или нет. Смерть может случиться в тот день или в другой, она может случиться завтра, со мной, с вами, с кем-нибудь еще... миллионы людей умирают каждый день. Перед смертью они не думают, что умирают. Вы представляете себе будущее, иначе ваша жизнь так тупа, так скучна, так пуста. Ни один цветок не расцветает в вас — нет плодов. Вот причина того, почему все религии продолжают давать надежду, а все так называемые религиозные люди живут на надежде.

Надежда — это опиум... но весьма психологический.

Это естественно, что в моей коммуне вы не найдете никого, кто заботился бы о будущем, заботился бы о том, что случится после смерти, ведь так много случается прямо сейчас... кто беспокоится о смерти!

Так много радости, и так много покоя, и так много тишины доступно прямо сейчас, у кого же есть время думать о завтра? Завтра позаботится само о себе.

Мы так заняты, живя здесь и сейчас, поэтому вы не увидите моих людей, разговаривающих о

прошлом или о будущем.

Они не беспокоятся о прошлом. Если бы его не было, для нас от этого никакого вреда. Если всех этих людей вовсе не было... если все эти исторические книги — просто изобретение и вымысел, ну и что?

Если не было прошлого, не было вчера, ну и что? Это ничего не отнимет у нас; мы не живем этим, мы никак не укоренены в этом, мы свободны от этого. Если все это исчезает — в добрый путь, всего хорошего. Это не имеет для нас смысла.

И почему мы должны беспокоиться о будущем?

Если вы знаете искусство жить.... и это то, что я называю религией — настоящей, подлинной религией — искусство жить.

Если вы знаете искусство жить... а оно состоит из маленьких вещей, без огромных, великих заповедей... очень маленьких вещей... просто радостно, медитативно потягивать свой чай, ощущать каждый маленький глоточек, как последний. Может быть, вы не сможете больше держать чашку в своих руках — гарантии нет.

Когда вы встречаетесь с другом — встречайтесь. Кто знает? Может быть, вы не встретитесь вновь. Тогда вы будете раскаиваться. Тогда неисполненное прошлое будет гнаться за вами, вы хотели сказать что-то, но не смогли сказать. Есть люди, которые хотят сказать кому-то: «Я люблю тебя», — и ждут годы, но не говорят этого. А человек однажды может умереть, и тогда они будут плакать и рыдать и говорить: «Я хотел сказать этому человеку: “Я люблю тебя”, — но не смог сделать этого».

Мои люди живут, живут так полно, что нет места ни для какого завтра, ни для какого вчера.

И только дурак беспокоится о смерти. На самом деле только люди, не знающие, как жить, беспокоятся о смерти.

Они боятся. Они знают, что упустили поезд жизни. Теперь есть только смерть. Что же есть смерть? Что случается после смерти? Они думают успеть на поезд после смерти. Здесь они упустили его! Вы что, думаете, что эти дураки, сумевшие упустить поезд здесь, окажутся в состоянии попасть на него после смерти? Они упустили поезд, пока жили... Когда они умрут, я не думаю, что они смогут попасть на поезд.

Но если вы живете полностью, радостно, вовсе нет причины думать о будущем. Оно совсем не возникает из вашего бытия.

И ваша удовлетворенность от мгновения к мгновению делает вас все более и более наполненными, настолько наполненными, что вы не могли даже представить себе этого, не могли мечтать об этом.

С этой наполненностью вы будете даже переживать момент смерти, если он придет, переживать с радостью и восторгом, ведь вы будете открывать новую дверь, новую возможность. Вы будете взволнованы. Это будет приключение, вызов.

И вы не будете бояться смерти, поскольку что может смерть отнять у вас? Что может разрушить смерть? Что смерть может остановить?

Но человек, который не жил, он боится смерти и дрожит.

Древняя история: Яяти, знаменитый индийский царь, достиг столетнего возраста. Этого было достаточно, больше, чем достаточно. У него были сотни жен, сто сыновей. Его смерть пришла.

Эта история очень значительна. Яяти, видя смерть, сказал: «Что! Так скоро? Так много дел не сделано — я не сделал того, я не сделал этого. Я сделал только половину, часть. Некоторые вещи я только начал, а многие даже не начинал. Что! Разве уже время? Мне нужно хотя бы еще сто лет. Будь так добра...»

Смерть сказала: «Нет никаких проблем. Но сделай одну вещь... я должна забрать кого-то - вот такая бюрократия. Если ты не собираешься, тогда я возьму кого-то другого, заполню ведомость — и покончим с этим, но кого-то я должна забрать. У тебя сто сыновей; попроси любого из них. Отдай одного из своих сыновей, и я готова на такую сделку. Я даю тебе еще сто лет, ты даешь мне одного сына».

И Яяти посмотрел на своих сыновей. Некоторым было семьдесят, некоторым было шестьдесят пять, шестьдесят восемь, шестьдесят, пятьдесят... самому младшему было двадцать. Поднялся старший сын. Все остальные начали переглядываться: «Естественно, если ты не завершил свои жизненные дела в сто лет, как могу я завершить их в семьдесят? И почему я должен умирать вместо тебя? Для меня осталось еще тридцать лет...»

И человек, которому было пятьдесят, сказал: «Я прожил только половину жизни, и если ты не удовлетворен, то что говорить обо мне?» Они все смотрели друг на друга. Они так часто говорили отцу: «Если нужно, мы готовы умереть за тебя». Но когда нужда пришла, это оказалось очень трудно.

Самый младший, самый невинный, не имевший переживаний, поднялся и сказал смерти: «Я готов. Можешь взять меня».

Даже смерть пожалела мальчика, ведь все эти девяносто девять старших сыновей, чья смерть была ближе, они не захотели умирать. А этот мальчик... даже смерть сказала этому сыну: «Это неправильно по отношению к тебе. Ты так молод. Неужели ты не видишь, что ни один из твоих братьев не поднялся? Твой отец не хочет умирать — в возрасте ста лет.»

Мальчик рассмеялся и сказал: «Поэтому я и готов. Если в сто лет он просит, то какой же смысл? Поэтому я готов, ведь я вижу девяносто девять своих братьев: если они не смогли почувствовать вкус жизни за семьдесят лет, за шестьдесят пять лет, за шестьдесят лет, за пятьдесят лет, как смогу сделать это я? Я хоть прожил двадцать лет. И я по-настоящему прожил их. И они были так наполнены, что я не думаю, что нужно еще время».

«Я вкусил от чаши жизни. Может быть, они забыли, как были молодыми. А я молодой; я еще чувствую на языке вкус юности, жизни. Можешь забирать меня, не печалься. Я не печалюсь. На самом деле, я очень взволнован самим этим приключением. Я узнал жизнь, она была прекрасна. Позвольте мне узнать и смерть. И если жизнь прекрасна, как может быть смерть чем-то другим?»

Ведь смерть — это крещендо жизни, самый пик жизни. Это не конец. Это наивысшая, предельная точка. Не трать время понапрасну. Я так желаю узнать смерть, почувствовать смерть, вкусить ее».

Эта история так значительна. Мальчик исчез. Смерть была абсолютно уверена, что это не тот тип человека, который умирает когда-либо. Он не может умереть, смерть для него невозможна. Он готов жить смертью — как он может умереть?

Смерть случается только с трусами, с теми, кто не вкусил жизни, чья чаша пуста. Смерть не случается с теми, чья чаша переполнена.

Да, это потрясающее откровение, но это не смерть. Это дверь, открывающаяся наружу, в неизведанное, неизвестное, непредначертанное.

Снова прошло сто лет, и смерть вернулась. И Яяти сказал: «Что! Сто лет прошли? Но я все там же, где был».

Смерть сказала: «Ты все равно там будешь, но я дам тебе шанс. Пусть это будет для всех примером. Просто дай мне другого твоего сына, и я вернусь через сто лет».

Так происходит тысячу лет подряд. В последний раз приходит смерть, Яяти говорит: «Я все в том же месте, но я готов идти, потому что я понял одну вещь — я не знаю, как жить. И сколько еще можно откладывать? И как долго я могу просить тебя? Я устал, предельно устал — тысячу лет все впустую. Я не ощутил ни единого мгновения, какой же смысл теперь? И как-нибудь, когда-нибудь, когда бы я ни должен буду уйти, дела останутся незавершенными. Многие дела будут сделаны наполовину, многие дела будут только начаты, многие дела не будут даже начаты, будут существовать лишь, как идеи. Я видел это на протяжении этой тысячи лет».

«Я испытываю зависть к тем своим сыновьям, которые имели смелость пойти с тобой. Я завидую. Они доказали... Смелость, разумность — теперь я понимаю — они давали мне пощечину каждый раз, когда ты забирала моего сына. Они говорили: “Ты дурак. Ты не знаешь, как жить, и откладываешь смерть. И пока ты не начнешь жить, ты будешь бояться смерти”. Но я не знаю, как жить, так что лучше умереть. Пусть живут другие».

Смерть сказала Яяти: “Это первый признак разумности в тебе. И не только ты завидуешь своим сыновьям, которых я взяла, даже я завидовала им. Они были редкими, уникальными, по-настоящему живыми людьми. Я не могла уничтожить их. Они перешли от жизни к большей жизни. Они перешли от жизни к изобилующей жизни».

И это то, чему я учу здесь: живите так полно, чтобы даже само явление смерти преобразовать в двери, в новое откровение для более изобилующей жизни.

Та жизнь ждет, но только тех, кто знает, как пережить ее, как жить ею. И это самое время.

Это самое время как раз сегодня. Ни вчера, ни завтра не время жить — только сегодня.

В это мгновение, здесь и сейчас, время вкусить жизнь; тогда смерти нет.

Да, случится что-то вроде смерти. Ваше тело и вы разделитесь, но вы не умрете, вы будете

распространяться. Вы отбросите прочь оковы вашего тела, тюрьму вашего тела, и вы войдете в соприкосновение с беспредельным, неограниченным, вселенским.

Эта всеобщая жизнь, жизнь во вселенной и есть божественность.

Беседа 13

ГОТОВАЯ К УПОТРЕБЛЕНИЮ РЕЛИГИЯ ИЗ МАГАЗИНА ПОДЕРЖАННЫХ ТОВАРОВ

11 ноября 1984 года

Бхагаван,

пытаетесь ли вы разрушить все наши предшествующие идеи относительно религии?

Нет другого способа быть религиозным. Все, что вы слышали о религии, читали о религии, должно быть полностью отброшено.

Если вы не очиститесь, не сотрете все записи из вашего сознания, вы никогда не узнаете, что такое религия. Так называемые религии делают как раз противоположное. И вы можете видеть результат.

Весь мир разделен религиями: кто-то ходит в синагогу, кто-то ходит в храм, кто-то еще ходит в церковь. Но находите ли вы где-нибудь какую-нибудь религиозность?

Каждый ребенок воспитывается, формируется в рамках определенной религии.

Это одно из величайших преступлений против человечества. Нет большего преступления, чем загрязнять ум невинного ребенка идеями, которые могут стать преградами на его пути открытия жизни.

В тот момент, когда вы хотите открыть что-то, вы должны быть абсолютно непредвзятыми. Нельзя открывать религию, будучи мусульманином, или христианином, или индусом - нет. Это способ сделать открытие религии невозможным.

Каждое общество до настоящего времени старалось начинить каждого ребенка своей доктриной. Еще до того, как ребенок будет способен задавать вопросы, ему даются ответы. Разве вы не видите глупость этого.

Ребенок еще не задал вопроса, а вы уже даете ему ответ. Вы на самом деле при этом убиваете всякую возможность возникновения у него его собственного вопроса. Вы заполнили его ум ответом. А если у него нет своего собственного вопроса, то как у него будет его собственный ответ? Вопрос должен быть подлинно его. Он не должен быть заимствован, он не должен быть унаследован.

Но такая чушь продолжается столетиями. Сделать из вас что-то до того, как вы откроете, кто вы, — в этом заинтересованы священник, политик, родители. Они боятся, что если вы откроете, кто вы, то станете мятежным, станете опасным для их коренных интересов. Тогда вы сами по себе станете личностью, живущей незаимствованной жизнью.

Они настолько боятся, что до того, как ребенок станет способным спрашивать, выяснять, они наполняют его ум всякого рода чепухой. Ребенок беспомощен. Естественно, он верит матери, отцу, и, конечно, он верит священнику, которому верят отец и мать. Великое явление сомнения еще не возникло.

А сомневаться — одна из самых драгоценных вещей в жизни, поскольку, если вы не сомневаетесь, вы не открываете.

Вы должны заострить силу своего сомнения так, чтобы отсекал весь вздор и ставить такие вопросы, на которые ни у кого нет ответа. Только ваш собственный вопрос поможет вам прийти к осознанию ответов.

Религиозный вопрос — это не тот вопрос, на который может дать ответ кто-то другой. Никто другой не может любить за вас. Никто другой не может жить за вас.

Вы должны жить своей жизнью, и вы должны искать и отыскивать фундаментальные вопросы жизни.

И если вы не откроете себя, не будет радости, не будет восторга.

Если Бог просто дается вам, готовым к употреблению, то это ничего не стоит, это не имеет ценности. Но именно так и делают.

То, что вы называете религиозными идеями, не является таковыми, они лишь суеверия, пронесенные через века, — на протяжении такого большого времени, что как раз сама их древность сделала их похожими на истину.

Адольф Гитлер в своей автобиографии «Майн Кампф» (Моя борьба) приводит много важных высказываний. Этот человек был сумасшедшим, но иногда сумасшедшие люди говорят такие вещи, которые боятся сказать люди в здравом уме. Одно из самых важных высказываний такое: «Любая ложь может стать правдой, если ее часто повторять, снова и снова подчеркивать, говорить ее всем подряд на каждом углу». Вы идете в школу и слышите о Боге и молитве. Дома вы слышите о Боге и молитве. Вы идете в храм и слышите о Боге и молитве. Так много людей... и всего лишь маленький ребенок против целой толпы.

Сомневаться для него невозможно — неужели все эти люди ошибаются? И это не просто люди. Родители и их родители тысячи лет верили в эти истины. Все они не могут ошибаться:

«И я, маленький ребенок, против всего человечества...» Он не наберется смелости. Он подавляет в себе любую возможность для сомнения. И все остальные помогают ему подавлять сомнение, поскольку: «Сомнение — от дьявола. Сомнение - великий, может быть, величайший грех. Вера — это добродетель. Верьте и найдете; сомневайтесь и на первом же шаге упустите».

Истина как раз в противоположном. Верьте, и вы никогда не найдете, а все, что вы найдете, будет не чем иным, как проекцией вашей собственной веры, — оно не будет истиной.

Что общего имеет истина с вашими верованиями?

Сомневайтесь, сомневайтесь во всем, ведь сомнение - очистительный процесс. Оно удаляет из

вашего ума весь хлам.

Оно снова делает вас невинными, снова делает вас ребенком, которого раньше уничтожили родители, священники, политики, педагоги. Вы снова должны открыть этого ребенка. Начинать нужно с этой позиции.

Поэтому-то все мои усилия здесь и заключаются в том, чтобы разрушить все ваши так называемые религиозные идеи.

Это будет ранить вас, поскольку религиозные идеи стали настолько близкими к вам, что вы забыли, что они не ваши открытия, они не ваши переживания. Вы не жили ими; вы даже не любили их.

Кто-то другой заставил вас поверить в них, и, кто бы ни сделал это, он совершил по отношению к вам негуманный акт.

Я не говорю, что люди делают это сознательно. Они сами жертвы того же процесса. С ними делали то же самое их родители, с ними делали то же самое их учителя. Поэтому я не говорю, что нужно гневаться на них. Они делали так, думая, что это добро для вас... но просто от того, что они так думают, ничто не становится добром — просто потому, что они так думают. Они старались помочь вам, но они не знают, что есть вещи, с которыми человек должен быть оставлен наедине; только тогда он может открыть. Если вы попытаетесь помочь ему, то покалечите его.

Не пытайтесь никому навязывать свою помощь, пока он может справиться сам по себе. Не заставляйте никого смотреть вашими глазами, когда у него есть свои глаза. И по крайней мере, пожалуйста, не закрывайте его глаз своими очками; у вас другие диоптрии. Вы сделаете этого человека слепым. Вы нарушите его зрение. Но не только очки надеваются на вас, поверх ваших глаз люди надевают свои собственные глаза... и все это они делают для вашего блага, для вашего добра. И после двадцати, тридцати лет непрерывного формирования вы начинаете забывать, что сами никогда не задавали вопроса.

Я вспоминаю очень творческого человека, Гертруду Штейн. Она умирала; вокруг нее собрались ее друзья. Внезапно она открыла глаза и спросила: «Какой ответ?» Ее друзья выглядели озадаченными. Неужели перед смертью она сошла с ума? Неужели она потеряла разум? О чем она спрашивает — «Какой ответ?»

Один из них сказал: «Но вы не задали вопроса, мы не можем сказать, какой ответ».

И она сказала: «Ну хорошо, скажите мне, какой вопрос». И она умерла.

Для меня это имеет огромное значение. Это относится почти к каждому человеческому существу. Вы забыли, что не задали вопроса, а ответ уже навязан вам. И, конечно, это просто процесс формирования... Все время говорить человеку, все время говорить человеку одно и то же, снова и снова. Вскоре человек начинает повторять, как граммофонная пластинка. Человек забыл, что он не задал вопроса.

Может быть, при самом конце Штейн открыла свое свежее детство. Так случается со многими

умирающими. Круг замыкается, они возвращаются к той же точке, откуда начали. Поэтому она спрашивает: «Какой ответ?» — ведь давались только ответы. Никто не побеспокоился о вопросах. И когда теперь в этот последний момент кто-то говорит: «Но сначала скажите нам, какой вопрос», — она осознает... но теперь уже слишком поздно.

И ответов было так много, так тяжел их груз, что теперь задать подлинный вопрос стало также невозможно. Поэтому она говорит: «Хорошо, если нужен вопрос, то я спрашиваю вас: “Какой вопрос?”»

Для меня этот маленький инцидент имеет огромное значение. Это жизнь каждого. Вы говорите о Боге, вы говорите о душе, вы говорите о небе, об аде, но задумывались ли вы, вопросы ли это? Интересуетесь ли вы Богом на самом деле? Каков ваш интерес в Боге? На каких основаниях Бог стал вашим вопросом?

Я родился в джайнской семье. В джайнизме нет веры в Бога; нет Бога, как создателя. Поскольку воспитание в джайнизме не навязывает детям идеи Бога, ни один джайнский ребенок или старый человек никогда не спросит: «Кто создал мир?» Ведь они с самого начала сформированы в представлении, что мир существует от бесконечности до бесконечности; нет никакого создателя и нет необходимости в нем. Поэтому этот вопрос и не возникает.

Буддист никогда не задаст вопроса: «Что есть Бог, где есть Бог?» — ведь буддист не верит Бога, — поэтому и ребенок формируется соответствующим образом. Когда вы спрашиваете о Боге, вы думаете, это ваш вопрос — это не так. Вы могли родиться в индусской семье, в христианской семье, в еврейской семье, и они сформировали бы ваш ум в представлении, что Бог есть. У них есть определенный образ Бога, определенная идея о Боге. И они воспитали вас в страхе о том, что сомневаться опасно.

Маленькую крошечную малышку пугают вечным адом, где вас бросят в огонь и где вы будете гореть и не умирать. Естественно, не может быть ничего настолько значительного, ради чего стоило бы так рисковать. И кроме того, вам предоставляется такая мотивация, что если вы верите, просто верите, то все удовольствия, все радости жизни ваши. Верьте, и вы на стороне Бога; сомневайтесь, и вы на стороне дьявола.

Маленький ребенок вынужден брать всякий хлам, который ему дают.

Он боится. Он боится оставаться один дома ночью, а вы говорите о вечном аде: «Ты падаешь и падаешь во тьму и еще более глубокую тьму, и нет ей конца, и ты никогда не выйдешь оттуда». Естественно, ребенок просто сжимается от мысли о сомнении, пугается так, что вряд ли это стоит того. А верить так просто. От вас ничего не требуется — просто верить в Бога, сына и Святого Духа... просто верить, что Иисус — сын Божий и мессия... и пришел спасти все человечество... он искупит и ваши грехи.

Почему же не спастись так задешево? От вас не просят многого. Просто верить, и все сделается к вашей выгоде.

Так почему же вы должны выбирать сомнение? Вы должны выбирать, естественно, веру. И это происходит в таком маленьком возрасте, а потом вы растете, и вера, и воспитание, и идеи, и философия — все это наваливается на вас сверху, так что трудно докопаться и обнаружить, что

был день, когда вы были полны сомнения. Но сомнение было сокрушено, убрано с глаз долой. Был день, когда вы колебались в вере, но вас убедили. Вам были обещаны все возможные вознаграждения.

Маленького ребенка можно убедить, просто дав ему игрушку, — а вы даете ему целый рай.

Если вы преуспели в том, чтобы убедить его верить, то вы не совершили большого чуда. Это очень простая эксплуатация.

Может быть, вы делаете это не сознательно; вы и сами прошли через этот процесс.

И раз закрыв двери сомнения, вы закрыли двери разума, раздумья, вопроса. Вы больше не являетесь настоящим человеческим существом.

Двери сомнения закрыты, теперь вы просто зомби, загипнотизированный, обусловленный, убежденный страхом и алчностью, верящий в то, во что не поверит ни один нормальный ребенок, если не будет всей этой организации.

И раз вы прекратили сомневаться и думать, вы можете поверить во что угодно. Тогда нет вопроса.

Политик хочет этого, ведь если вы верите в какую-то религию, то вы легковерный. Это показывает ваше легковерие. Это достаточное указание. Если вы ходите в церковь, то это достаточный признак того, что вы не тот человек, кто мыслит, кто спрашивает, кто спорит, кто не принимает ничего без логического, рационального, научного доказательства. Вы ходите в синагогу, вы ходите в мечеть — политик счастлив. Он хочет, чтобы все ходили в синагогу, в мечеть, в церковь... не имеет значения, куда вы ходите, лишь бы ходили — они все одинаковы.

Основная структура, стратегия одинакова. Не имеет значения — индусы вы, мусульмане, христиане или евреи, поскольку основная стратегия в точности та же самая: полностью закрыть двери сомнения, не дать ни одного шанса, не оставить в человеке ни одного вопросительного знака, заполнить его ум всеми видами верований. Если вы посмотрите на эти верования, вы удивитесь. Люди верят в любую чушь.

Если вы джайн, вы будете верить во всю джайнскую чепуху — у вас просто не возникнет вопросов. Мой дедушка очень сильно любил меня по той простой причине, что я был озорным. Даже в своем возрасте он сам был озорным, поэтому у нас была хорошая дружба. И он, бывало, брал меня с собой к джайнским монахам, просто чтобы создать у них суматоху. Он наслаждался этим. Сам он не говорил ни слова, ведь он был старым человеком, уважаемым гражданином. Но он знал, что если я там, то этого достаточно. Он сидел, как если бы был монахом, но незаметно давал мне указания... можешь начинать... это было хорошее время.

Джайны не верят в Бога-создателя. Поэтому нельзя задать ни одного вопроса о Боге; нет такого вопроса, нет Бога. Но тогда они должны верить в другие вещи. Они верят в души. Я, бывало, спрашивал их: «Как много душ в мире? Их количество увеличивается, уменьшается или остается тем же?»

Джайнский монах не может сказать, что увеличивается, поскольку возникает вопрос, откуда?

Кто создает их? Создателя-то нет. Никакого творения не происходит. Они не могут и уменьшаться, поскольку — куда они будут уходить? Они не могут уйти из вселенной, ведь, куда бы они ни пошли, все будет вселенная. И, наконец, он не может сказать, что их количество остается тем же самым, хотя такой ответ дан в священных книгах джайнов: «Число душ остается тем же».

Со мной такой ответ так просто не проходил, поскольку тогда следовал вопрос: «А сколько? Если вы знаете, что остается то же самое число, то должны знать это число; иначе на каком основании вы говорите, что число то же самое? Одна душа могла неожиданно появиться, одна могла неожиданно исчезнуть. Вы должны дать мне точное число». А число не дано ни в каких книгах. И они не могут дать числа по той простой причине, что население на земле увеличивается. Людей становится больше и больше, больше и больше. А джайны верят, что у всего есть душа: дерево, птица, рыба — все имеет душу. «Когда вы так много знаете о душах, почему бы вам не знать и их числа? И вы говорите, что Махавира был всеведущим, знал все. Разве не мог он сказать вам точного числа? Проблема была бы разрешена навсегда».

Монах становился беспомощным и хотел бы, чтобы я замолчал. Но я говорил: «Никто не может заставить меня молчать. Или вы ответите, или вы признаете тот факт, что не знаете ответа. Или вы отвечаете на мой вопрос, или просто говорите: “Простите, я не знаю ответа”. Тогда вы будете искренними хотя бы с собой. Вы проповедуете правду. Разве вы не можете сказать: “Я не знаю точного числа?”» Но так говорить они не могут, поскольку это приходит в противоречие со всеведением Махавиры... почему он упустил этот момент, такой значительный?

Джайны верят в вечное путешествие души. Если вы делаете хорошие кармы, вы становитесь лучше — то есть достигаете более высоких ступеней. Поэтому они провели разделение: дерево имеет только одномерную жизнь, паук имеет двумерную жизнь, птица имеет трехмерную жизнь, тигр имеет четырехмерную жизнь, человек имеет пятимерную жизнь. И человек — наивысшая эволюция сознания.

Я, бывало, спрашивал их: «Когда умирает мужчина, то он рождается вновь мужчиной или может родиться и женщиной? Всегда ли он рождается в человеческом мире, или он может родиться деревом, птицей, лошадью или чем-то еще?» Джайны верят, что если ваши кармы плохие, то вы можете соскользнуть назад: стать собакой, рыбой, кошкой, деревом.

Я говорил этим монахам: «Сталкивались ли вы с каким-нибудь фактическим свидетельством того, что кто-нибудь помнил, что в предыдущей жизни был деревом, тигром, собакой? Помните ли вы сами, кем были в прошлой жизни? И будьте искренними, ведь вы сидите в храме Махавиры, в храме правды. Если вы скажете что-то неискренне, помните — вечный ад. Поэтому, если вы не знаете, просто скажите: “Я не знаю”».

А в Индии это самое трудное дело для монаха, Махатмы, которому поклоняются тысячи и тысячи людей, сказать кому-нибудь: «Я не знаю». Я пояснял им: «Если вы лжете, то помните, вы падете вниз. Позади вас статуя Махавиры, как свидетель. И этот храм...» Конечно, эти люди пожертвовали всем, поэтому они полностью закрыли двери сомнения. Они верят, что лгать в храме, перед Махавирой... это опасно. Поэтому они не могут лгать и не могут сказать, что сами пережили что-то или встретили кого-то пережившего. Они просто теряют дар речи.

У джайнов есть теория... ведь они должны были как-то объяснять, сам Махавира должен был

как-то объяснять, откуда приходят новые души, ведь народонаселение постоянно растет. Размножаются животные, разрастается жизнь во всех ее формах, так откуда же берутся все эти души? Поэтому у Махавиры была гипотеза. Он назвал ее нигод. Нигод означает, что имеется темная утроба вселенной, бесконечная, полная бесконечного числа потенциальных душ. Поэтому всякая душа, приходящая в точку, где она может расти, исходит из нигода. Теперь посмотрите на хитрость всего этого дела. Он делает нигод бесконечным, поскольку если сделать его конечным, то вскоре он опустеет. Тогда снова возникнет вопрос, откуда? Теперь утроба пуста — вот он и делает ее бесконечной.

Но он забывает, что всегда есть такие люди, как я. Конечно, меня не было перед ним. Иначе все тогда же и там же разъяснилось бы — ведь в мире не может быть двух бесконечных вещей. Это простая математика. Только одна вещь может быть бесконечной: это вселенная. Если она бесконечна, то никакая другая вещь не может быть бесконечной, поскольку две бесконечности сделают друг друга конечными, их границы встретятся. Где-то они сойдутся вместе, и там будет граница. Эта граница и будет определять их конечность.

Меня не было там, но я мог мучить этих джайнских монахов: «Если нигод бесконечен и вы говорите, что вселенная бесконечна, то вы верите в две бесконечности? Возможно ли это математически? Геометрически?» Это трудно. Две бесконечности невозможны. Любой человек, имеющий хоть какие-то познания в математике, может понять, что две конечных величины возможны, сто конечных величин возможны, но две бесконечности? Невозможно! Только одно может быть бесконечным. Другое обязано стать границей. Где-то на удалении в миллионы световых лет... это не имеет значения. Граница есть граница.

И еще я, бывало, спрашивал этих джайнских монахов:

«Откуда эти души попали в нигод? Они внезапно оказались там, без всякой причины. Почему? Как они умудрились попасть туда?» Каждая религия в основном обязательно сталкивается с такими затруднениями. Когда поднимаются фундаментальные вопросы, каждая религия становится идиотической. Если вы не спрашиваете об основах, то они являются очень ясными в своих ответах на ваши вопросы. Но когда дело доходит до основ, они все начинают изобретать.

Откуда взялся этот нигод, эта вселенная, бесконечная утроба? И откуда попали туда все эти души? И они говорят:

«Они там просто есть». Но это не ответ. Какое злое дело совершили эти души? Они никогда не были вовне, у них не было возможности совершить никакого дела, плохого или хорошего. Почему же они страдают в нигоде? И может ли быть большее страдание, чем пребывание в темной дыре. Они там миллионы и миллионы лет. Почему они страдают?

Они не совершили... они не могут принять, что они совершили что-либо плохое, какое-либо плохое деяние — ведь чтобы «делать», нужно прежде всего находиться во вселенной. Чтобы действовать, нужно «быть». Там они пребывают лишь в виде потенции. Они не находятся там по-настоящему, они лишь семена. И как из семян, которые не были пророщены, могут появиться горькие плоды, сладкие плоды? И вы не объясняете, почему они не были пророщены.

Затем внезапно несколько душ созревают... какова арифметика этого? Кто созревает первым и почему? Должна быть какая-то причина, что эти души. А, Б, В, станут зрелыми сегодня, а завтра

станут зрелыми X, Y, Z — но почему сегодня АБВ, а не ХУЗ. Они все похожи. Или вы признаете какое-то различие между ними? Они не могут признать никакого различия, поскольку для этого вещь должна быть реальной. Только потенция... здесь не может быть никакого различия.

И они покрывались потом и говорили: «Всякий раз, когда ты приходишь... ты странный мальчик. Эти вопросы — их не задает никто. Я путешествовал по всей Индии, но всякий раз, когда я прихожу в вашу деревню, я чувствую страх... что ты обязательно придешь. И я сказал твоему дедушке: “Не приводите этого мальчика”. Но он тоже странный человек; он никогда не приходит один, он всегда приводит тебя».

Потом монах пытался проделать трюк. Он переносил свои беседы на время школьных занятий, когда я был в школе. Но моего дедушку нельзя было провести. Он приходил в школу и просил у директора: «Он мне сегодня срочно нужен». И я снова был там.

И монах спрашивал: «Что, сегодня школа так рано закрылась?»

Я говорил: «Она не закрылась, мой дедушка привел меня сюда — для вашего благословения. Он никогда не оставляет меня. Он так религиозен, что хочет, чтобы вы благословили меня. Можем ли мы начать сейчас?»

Если дать свободу любому ребенку, он может выставить ваших попов, ваших имамов, ваших монахов абсолютными идиотами. Он может поместить их в категорию идиотов. Даже ваши дети... ничего ненужно, только позвольте им сомневаться. Но им не разрешено сомневаться. Когда вы познакомились с верой, тогда медленно-медленно она начинает отравлять все ваше бытие. Тогда, если кто-то нападает на веру, вам кажется, что нападают на вас. Это было моей проблемой. Я нападал всю свою жизнь.

Если я не буду нападать на вашу систему верований, на вашу идеологию, я не смогу никак помочь вам; я не смогу делиться собой с вами.

Есть стена, толстая стена. Я все время могу кричать; вы не услышите меня. Я должен постоянно бить в стену, стучать по ней молотом, чтобы проделать в ней хотя бы отверстие, через которое я мог бы видеть вас, вы могли бы видеть меня - лицом к лицу. И так я смогу оживить то, что было отобрано у вас.

Я могу снова дать вам ваше невинное детство, и только оттуда начнется настоящее вопрошание об истине. Только оттуда возможна религия. В противном случае вы только будете говорить о религии.

Итак, Шила, это правда. Я абсолютно хочу, чтобы вы полностью освободились от всякого жаргона, данного вам другими. Сам же я не даю вам никакого жаргона. Поэтому постарайтесь понять отличие моей позиции.

Поэтому я и говорю, что это первая религия в мире.

Если вы меняете свою религию с индуизма на христианство, с христианства на ислам, с ислама на индуизм, ничего не меняется. Вы измените лишь поверхностные слова, может быть, одежды, самое большее; это не коснется даже вашей кожи. Вы останетесь тем же человеком. Конечно, у

вас будет новый набор верований вместо старого. Должно быть, вы устали от старого набора. Ваши верования не привели вас никуда. Может быть... если христианство не работает, то, может быть, сработает индуизм или мусульманство.

Нет, я не даю вам никакого нового набора догм, верований, символов веры, идеологий — совсем нет. Моя функция совершенно иная.

Моя функция в том, чтобы забрать от вас все, что вы получили, и не дать вам ничего взамен.

Ведь если я возьму один камень и положу взамен другой, то я буду еще более опасен, чем тот человек, который положил первый камень, поскольку первый камень уже старый и вы свыклись с ним, он не давал вам никакой поддержки. Это камень — какую поддержку, какое питание он мог бы давать вам? Вы носили этот груз и постепенно осознали, что этот камень лучше сбросить. Но с новым камнем начинается новый медовый месяц. Вы начинаете думать, что новый камень, может быть, является правильным.

Я не заменяю в вас одну систему верований на другую.

Я просто разрушаю. Вы будете подавлены тем, что я просто разрушаю, — я хочу разрушить все, что было навязано вам. И не нужно никакой замены; созидательность — это ваша неотъемлемая потенция, мне не нужно создавать ее.

Раз препятствия устранены, вы начнете расти и течь. Вы начнете искать себя самого и вскоре приобретете силу и новую энергию, поскольку даже маленькое открытие себя самого дает вам такое огромное счастье, что вы не сможете постичь его.

Лишь маленькое открытие себя самого — и вы другое существо, поскольку в вас родилась истина. Это, возможно, только семя, но начало положено.

Вы почувствуете новое волнение, оно невозможно, если я дам вам новое верование, готовую к употреблению догму, идеологию. Поэтому я не даю вам ничего.

Я лишь забираю прочь все, что у вас есть.

Единственная моя функция — оставить вас наедине с собой. Вас не оставляли ваши родители, ваши учителя, ваши раввины, ваши монахи, ваши священники... вас не оставляли одного. Никто не доверял вам.

Я вам доверяю.

Все они хотели что-то сделать из вас, по своему образу. Я не хочу сделать из вас что-то по своему образу.

Я хочу, чтобы вы просто цвели, подлинно, сами по себе.

Я не знаю, что это будет. Вы не знаете, что это будет. И это хорошо, что мы не знаем, что это будет, ведь тогда это будет очень большой сюрприз, если вам удастся обнаружить бесконечное сокровище.

Я сказал, что я доверяю вам. Поэтому я не даю вам никакой веры, ведь я знаю, что вы обладаете абсолютными способностями к открытию любви, жизни, смеха.

Нужно лишь сбросить все камни, наваленные на вас. Не цепляйтесь за эти камни. Они ваши враги.

Если вы еврей, ваш враг иудаизм. Если вы христианин, ваш враг христианство. Если вы индус, ваш враг индуизм. Кто бы вы ни были, если вы приняли что-то без поиска, без стремления, то это ваш враг.

Скажите: «Прощай». Скажите врагу: «Я покончил с тобой. Теперь я хочу быть один. Я хочу быть абсолютно чистым, неотягощенным».

И вы удивитесь: в тот момент, когда вы сбросили отягощение, вы сможете раскрыть свои крылья в обширный мир, который все ждал и ждал вас.

Но вы не приходите, поскольку вас держит синагога, вас держит храм, вас держит церковь; священник, падре, поп не дают вам идти. Толпа, окружающая вас, виснет у вас на шее. Они не дают вам вырваться из их объятий.

Для них это вопрос политики, политики количества. Они боятся, что если люди начнут ходить сами по себе, то они потеряют свою власть, свои количества. Они хотят вас использовать, как количество, как средство.

И помните: использовать любое человеческое существо как средство для какой бы то ни было цели — это величайший из возможных грехов. Каждое человеческое существо — само по себе цель.

И моя работа здесь — помочь вам открыть присущие вам возможности, потенции, вашу конечную цель — которая не так далеко, которая внутри вас. Все, что вам нужно оставить, — это тот хлам, который навязан вам другими.

Люди думают, что я делаю ту же работу, что и Иисус, что и Будда, или Мухаммед, или Махавира; они абсолютно неправы.

Моя работа, работа, как таковая, только моя. То, что они делали, было в противоположность мне. И то, что я делаю, идет в противоположность им. И для вас должно быть ясно, что я буду стучать молотом по головам всех этих людей.

Будьте бдительны. Не получайте ран без необходимости, ведь я вынужден наносить их; нет другого способа. Это хирургический способ. Я вынужден положить вас на операционный стол и отрезать то, что не принадлежит вам. Но вы восприняли это, как если бы это были ваши конечности, чем они не являются. Они калечат вас. Они убивают вас.

Я хочу отобрать у вас прочь все, что не является подлинно вашим. Все... и тогда взрыв.

Бхагаван, Что такое антихрист? И кто он такой?

Первое, что следует понять: Христа нет. Поэтому как может быть антихрист?

Антихрист может быть только в том случае, если вы принимаете идею Христа. «Христос» — греческий перевод древнееврейского слова «мессия». Давайте использовать слово «мессия», которое делает все более ясным.

Евреи надеялись и ждали, что придет мессия и избавит их от страданий. Евреи страдали больше всех в мире. Но это не причина испытывать по отношению к ним какую-либо жалость. Они сами виноваты. В тот день, когда они объявили себя избранным народом, они создали эту длинную цепь страдания, горя, убийства, концентрационных лагерей, газовых камер.

Я ни разу не встречал того, кто ясно связывал бы эти две вещи: почему евреи так сильно страдали, а они страдали чрезмерно, неисчислимо, но никто, кажется, не связывает это с коренной причиной. Коренная причина заключается в том, что Моисей объявил евреев народом, избранным Богом, главной расой.

Ну вот, и поймите, если вы объявляете себя главной расой, выше и превосходнее всех остальных, то вы создаете себе повсюду врагов.

Если Адольф Гитлер был так непреклонен в уничтожении евреев, то это простое логическое следствие слов Моисея. Моисей говорит, что евреи — народ, избранный Богом, главная раса. А Адольф Гитлер верил, что народ, избранный Богом, это нордические германские арии, что они главная раса. Двух главных рас быть не может... Одна должна быть упразднена, одна должна умереть, одна должна показать превосходство своего характера над другой. Это не было просто политическим делом; глубоко внутри это была религиозная идея, которую несли в себе евреи.

У Адольфа Гитлера была другая главная раса — арии, нордические племена, которые призваны править миром, и поэтому евреи должны были быть полностью устранены. Нельзя обвинять во всем только Адольфа Гитлера. Да, он несет ответственность, но игру начал Моисей, а евреи на протяжении веков поддерживали его учение. Для этого была причина. Поскольку они настроили против себя весь мир, всех, они вынуждены были держаться друг друга и становиться фанатиками, иначе они не выжили бы.

Их единственная надежда состояла в том, что придет мессия... «И то будет конец страдания. Это не долгое страдание, это на самом деле испытание, вызов к вашей целостности, это испытание того, сможете ли вы выжить или нет. В тот момент, когда вы сможете выжить в этом испытании и огне и выйдете из него, придет мессия, чтобы освободить вас. И тогда все остальные будут брошены в ад, а вас будут приветствовать в раю — музыкой, песнями и всеми ангелами, поющими “аллилуйя”».

Они отказались признать Иисуса мессией, Христом. Они должны были так сделать. Они не признают никогда и никого мессией, или Христом. Они не могут. Причины очень простые.

Никто не может спасти человечество от страданий. Пока каждый человеческий индивидуум не решит, что он отвечает за свои собственные страдания, и не отбросит всю ту чепуху, которая эти страдания создает, никто не сможет спасти себя.

И как может кто-то другой спасти вас? Вы, а не мессия, создали это страдание. И даже если он искупает ваше страдание, то где гарантия, что вы не создадите его снова? Если вы искусны в создании его, то я думаю, вы создадите его снова. Прежде всего, оно не может быть устранено;

даже если оно устранено, вы создадите его снова.

И евреи никого не признают мессией, потому что никто не может спасти все человечество от страдания.

Бедный Иисус был просто фанатичным евреем, которому в его маленькую голову пришла большая идея о том, что он мессия.

И обрести эту идею не так трудно, если вы достаточно членораздельно произносите слова. Он не был образован, но он определенно был способен к ясной членораздельной речи. И иногда необразованные люди, если они обладают ясной речью, говорят с силой, мощью, авторитетом, на которые неспособны интеллектуалы, искушенные, хорошо образованные люди. Очень образованный, очень искушенный всегда колеблется. У него так много «если» и «но». В нем так много сомнений, он знает, что не знает миллионов вещей.

Но человеку, подобному Иисусу или Кабиру, абсолютно необразованному, очень легко быть внушительным и мощно и энергично провозглашать что-либо. Нужно просто собрать вокруг себя компанию дураков, что само по себе является самым простым делом в мире. Просто стойте на голове посреди улицы, и дураки сбегутся. Ничего особенного делать не надо, лишь стойте на голове — дураки бросят свою работу и сбегутся... творится что-то великое, а что на самом деле — все равно.

И когда человек, подобный Иисусу, говорит то, что дает им психологическую поддержку: блаженны кроткие, ибо их есть царствие Божье, — то кому он это говорит? Этим бедным евреям, которых унижали непрерывно, столетиями, и которых во времена Иисуса унижали римляне. Этим униженным людям говорится о кротости и смирении? Естественно, для них это становится огромным утешением. Они унижены, но думают, что они смиренные... Маленький трюк ума: они слабы, они в рабстве, но думают, что они смиренны.

Когда Иисус говорит: «Если кто ударит тебя в одну щеку, обрати к нему и другую, ибо это единственный путь к Богу. Возлюби врагов своих», — естественно, эти люди чувствуют свое огромное превосходство. Глубоко внутри исполняется их эго. На самом деле они вообще не могли не подставить другую щеку; что за чушь он говорит: «Обрати другую щеку?» Они уже были биты по обеим! Что вы теперь от них хотите — подставить им свой зад?

Я не могу говорить, чтобы были смиренными те люди, которых столетиями держали в рабстве, били, унижали всеми способами. Но это дает утешение. Эти люди начинают думать:

«Это хорошо, что мы бедные, — отсюда наше благословение; что мы кроткие, — отсюда наше благословение; что мы смиренные, — отсюда наше благословение; что нас били по обеим щекам... царство Божье определенно наше». Они предпочитают верить в Иисуса, в то, что он мессия, поскольку если они верят в это, то его слова становятся авторитетными, несут утешение. Если они не верят ему, как мессии, то он становится просто обыкновенным человеком.

Поэтому многие не могли понять всю психологию того, что он говорил, и того, кому он говорил. Люди, пошедшие за ним, послушавшие его, — это обыкновенная толпа. А раввины разгневались на него по той простой причине, что он становился главным раввином. Раввины же — образованные люди, весьма образованные в своей древней профессии; а этот человек — ведь он

ничего не знает, лишь несколько слов.

Что он говорил? Все эти четыре евангелия — это снова и снова повторение одного и того же, одна и та же история от четырех учеников.

Раввины, священство очень разгневались. Поэтому они сказали: «Если вы думаете, что вы мессия, нужно представить доказательства. И доказательством является распятие. Если вы воскреснете после распятия, мы признаем вас, как мессию. В противном случае вы не мессия, но антимессия, антихрист». И евреи никогда не признавали его, поскольку при распятии не удалось убить Иисуса, он сбежал из Иерусалима. Воскрешения не было вовсе. На самом деле распятие не было завершено, какое же может быть воскрешение? Не было смерти, что же говорить о воскрешении?

И ни один еврейский источник того времени не говорит об Иисусе, или его распятии, или его воскресении, или о его учении — ведь те источники написаны раввинами, образованными людьми, а не толпой. Они не думали, что Иисус достоин даже упоминания. Новый Завет — единственное доказательство того, что Иисус существовал, но и он был написан после исчезновения Иисуса — триста лет спустя. И священники на протяжении веков редактировали его, удаляли из него все, что могло быть опасным для них, ведь теперь они были раввинами.

У Иисуса не было понятия о том, что он создает новую религию.

Он никогда не думал об этом. Все, что он хотел, — это чтобы евреи признали его мессией... а евреи отказали ему.

Поэтому, если вы спросите меня, я отвечу, что явления Христа никогда не было. Я имею в виду то, что не было никогда явления мессии. Иисус был, но евреи никогда не воспринимали его, как мессию, на которого люди надеялись, которого они ждали. Эти люди создали идею о том, что придут многие, кто назовет себя мессией, но они не будут истинными мессиями; они не будут Христом, они будут анти-Христом. Придут многие; вот такая была у евреев идея. В свою очередь эту идею заимствовало христианство.

Странно: Иисус не был признан мессией и был объявлен евреями антихристом — поэтому он и был распят, ведь он объявлял себя тем, кем на самом деле не был. И это было для евреев чрезвычайно важным. Вся их жизнь вращалась вокруг надежды: мессия придет... а этот сын плотника, необразованный, не знающий ничего, провозглашает себя мессией. Он - ложный мессия, и евреи сказали: «Многие приходили раньше, кто объявлял себя мессией, и они оказывались ложными. Этот человек из того же числа».

Но странно — история движется странными путями. Евреи отвергли его, а этот отвергнутый парень стал основателем новой религии. Не занимаясь построением основ, он стал основателем новой религии. Он и не мечтал об этом. Он отказался бы стать зачинателем новой религии; он был евреем, и он хотел быть признанным евреями в том, что он их мессия. В этом было нечто; в этом было исполнение его эго.

Евреи отказали ему и объявили его антихристом.

Кто основал христианство? Очень странный человек — он не имеет ничего общего с Иисусом.

Его имя было Савл, и он был очень сильно настроен против Иисуса и его учения. И жил он очень далеко от Иерусалима. Поэтому, когда до него дошли многочисленные слухи о том, что: «Мессия пришел и он спасет мир», — а сам он был очень ортодоксальным евреем... Поэтому он направился навстречу Иисусу, чтобы убить этого человека, если удастся его найти, и уничтожить всех главных апостолов, как он называл их, и покончить с этим делом в самом его начале. Иначе позднее это будет трудно сделать, все это слишком разрастется. И он все время думал, как уничтожить Иисуса, как уничтожить этих апостолов, Матфея, Луку, Фому и так далее. Его ум был настроен только на одно, был сфокусирован только на одном: как уничтожить этих людей и Иисуса.

И так случается, что когда вы одержимы одной идеей, вы можете прийти до такой предельной одержимости, что она перевернется на сто восемьдесят градусов. Это психологическое явление, случаемоеся каждый день. Савл идет на горячем солнце, в пыли по направлению к Иерусалиму, только одна мысль сверлит его ум... горячее солнце... и одна мысль: как уничтожить, как уничтожить... внезапно он видит Иисуса на небе! Это было лишь представление безумного человека, одержимого определенной идеей. И когда он увидел приближающуюся фигуру Иисуса, он, естественно, онемел. Он пал на землю, попросил прощения, попросил отсечения его от старой жизни и обратился. Теперь он стал обращенным, поскольку Иисус явился ему на небе. Он стал Павлом. С Савла он сменил свое имя на Павла.

Этот человек, Павел, этот маньяк, человек с характером убийцы, — вот кто основатель христианства.

Христианство основал Павел. Он — первый священник, первый папа. Вот почему вы найдете много пап, которые, становясь папами, принимают имя Павла. Это самое прославленное имя, имя первого основателя. Поэтому вы найдете много пап... кто-то Иоанн-Павел, кто-то как-то иначе, но Павел используется, поскольку Павел — самое прославленное имя в их истории. На самом деле они не связаны с Иисусом.

И это был Павел, который собирался убить Иисуса и его друзей и теперь обратился на врагов христианства. Он объявил, что Христос придет снова: хотя сейчас он стал христианином, на самом деле он был лишь старым евреем, всю жизнь ожидавшим мессию, — но вы можете сменить лишь одежды, вы не сможете так просто сменить идеи. Теперь он представляет себе целую философию и говорит, что Христос придет снова и искупит мир. В этот раз он не смог сделать этого, поскольку евреи распяли его, предали его. Но когда он придет, он найдет своих людей, христиан, которые будут всеми способами поддерживать его, помогать ему искупить прегрешения всего мира, помогать ему превратить все мерзкое в прекрасное.

Теперь всякий, кто провозглашает: «Я Христос», — есть антихрист. Видите, история повторяется. И если человек не станет разумным, история будет продолжать повторяться.

Как раз на днях я получил письмо о том, что я антихрист. Странно... Я говорю, что Христа не было вовсе, так как же я могу быть антихристом? И какое я имею отношение к антихристу?

Я могу быть самим собой, и я абсолютно счастлив быть самим собой; зачем мне нужно быть Христом? Я никогда не провозглашал себя Христом.

Но есть люди, начавшие говорить обо мне, как об антихристе, — те же дураки, что распяли Иисуса. Теперь те же дураки принадлежат религии христианства, они имеют тот же тип человеческого ума — ничего не изменилось. И если кто-то скажет, что он Христос, они распнут его, как антихриста. Конечно, они не могут распять меня. Я — не Христос. Я не собираюсь играть в их игры.

Я никогда не играл ни в чьи игры. Я играю свою собственную игру, и я создаю свои собственные правила.

Вы удивитесь, но даже когда я играю в карты, я создаю свои правила. Всякий, кто хочет играть со мной, должен следовать моим правилам. Иначе не нужно играть. В университете многие профессора, многие студенты хотели играть со мной в карты или в шахматы, но они должны были следовать моим правилам — почему я должен следовать чьим-то правилам? Теперь никто не знает, кто был тот парень, придумавший правила шахматной игры, — почему я должен следовать им? Всякий, кто хочет играть, должен следовать моим правилам.

Я не Христос, я не мессия, я не паигамбара, я не тиртханкара, я не аватара.

Мне не нравится быть включенным в этот ряд душевно нездоровых людей. Пожалуйста, простите меня — и исключите меня.

Вся идея Христа фальшива. Поэтому идея антихриста фальшива еще более.

Сначала вы верите в Христа, потом приходит антихрист — почему бы не обрубить самые корни и не покончить с этим.

Я настаиваю на том, что каждый индивидуум отвечает за то, что он есть.

И те, кто хочет быть со мной, должны принять эту ответственность полностью. Это единственный путь спасения, снятия ваших страданий, преобразования вашего бытия.

Я не могу сделать этого, никто другой не может сделать этого. Поэтому всякий, кто обещает вам, — мошенник. Остерегайтесь его — он опасен.

Всякого, кто дает вам надежду и обещает: «Верьте в меня, и я сделаю все», — хватайте немедленно и доставляйте в психиатрическую лечебницу. Он нуждается в немедленном лечении, в транквилизаторах. Он сходит с ума.

Он может стать мессией, или он может стать аватарой; и тогда найдутся люди, которые объявят его антихристом. И так происходило на протяжении тысячелетий. Я хотел бы прекратить это.

И я имею в виду именно это, когда говорю, что это первая религия, поскольку до меня никто не имел смелости сказать:

«Я не мессия». Никто, способный легко собирать толпы, не имел смелости сказать: «Я не особенный, я как и вы».

Это первая религия, основанная человеческим существом.

До настоящего времени это была работа сумасшедших людей... больных всеми видами душевных болезней. Я хочу полностью прекратить это.

Беседа 14

Я — ГНОСТИК

12 ноября 1984 года

Бхагаван,

Несколько дней назад вы говорили нам о трех категориях верующих: о теистах, атеистах и агностиках. Что вы скажете о «гностике» ?

Я не считаю «гностика» верующим. Теист верит в Бога, без знания, без всякого переживания. Его вера — это просто бегство от сомнения.

Чтобы оставаться в сомнении, нужна большая смелость.

Не бежать от сомнения — одно из фундаментальных качеств ищущего, а вера — это бегство. Она скрывает ваше сомнение и дает вам чувство облегчения, ложную уверенность, что вы знаете, хотя глубоко внутри вы по-прежнему знаете, что вы не знаете.

Поэтому верующий разделен на два отдельных слоя. На поверхности лежит вера, которая, как он думает, защищает его. Внизу лежит его реальность, подобная ране, — сомнение, которое он отвергает, но не может полностью устранить. Оно есть, оно часть его реальности.

Поэтому верующий всегда в состоянии конфликта. Он шизофреник. Что-то незначительное пойдет против его веры - и сомнение поднимается.

Как-то раз ко мне пришел человек и сказал: «Я стал твердо верить в Бога». Я сказал: «Что вы имеете в виду под “твердо верить”? Что, есть и не твердо верующие? Само применение слова «твердо» показывает, что внутри вас есть что-то, что удерживается с усилием, «твердо». И я сказал: «Это мы обсудим позже, а сейчас позвольте мне спросить, что сделало вас твердым верующим». Он сказал: «Я иду на поклонение».

В Индии тысячи храмов, посвященных различным богам. Один из наиболее часто встречающихся храмов — очень смешной для постороннего человека — это храм бога-обезьяны Ханумана. Он обезьяна, но является слугой одного из воплощений Бога, Рамы, причем он настолько близок к нему, что он сам стал символом Бога. Теперь полагают, что если удастся убедить Ханумана, то он легко убедит Раму. А убедить обезьяну, конечно, легче. Он такой преданный слуга Рамы, что Рама никогда не скажет ему нет. Убедить непосредственно Раму трудно. Но Хануман, он просто бедная обезьяна. Будет достаточно любого маленького подарка, небольшая взятка -несколько фруктов, сладостей — и можно просить у него: «Помоги мне».

Поэтому этот человек ходил в храм Ханумана и просил его: «Если в течение пятнадцати дней я не найду работу...» Он был безработным; хорошо образованный, но в Индии есть миллионы безработных образованных людей. Для них нет рабочих мест. «...если в течение пятнадцати дней ты сможешь устроить это дело через Раму, то я дам в твоём храме пир одиннадцати

браминам, а для тебя принесу плоды, сладости и цветы. Но запомни, у меня сейчас очень критический момент. Если через пятнадцать дней ты не сумеешь организовать это, моя вера в Бога кончится. Это не только вопрос работы, это вопрос моей веры в Бога. Задумайся над этим».

И он пришел рассказать мне, что в эти пятнадцать дней было так много взлетов и падений... Один день прошел, другой день прошел, нет работы — начало подниматься сомнение, вера поколебалась. «Но на пятнадцатый день я получил заказ — я был принят на работу. Это сделало меня твердым верующим».

Я сказал: «Ваша твердость основывается на чем-то очень поверхностном. Испытайте еще один, два, три раза. Даже ученый перед тем, как объявить о своем результате, экспериментирует многократно, пока не убедится абсолютно, что это действительно верный результат. А вы не испытали даже и двух раз. Испытайте еще один раз».

Он сказал: «Теперь я так твердо верю, а вы предлагаете мне испытать».

Я сказал: «У вас так много проблем, не мне говорить вам. Ваша жена больна», — у нее был туберкулез, — «а вы устали», — он был бедным человеком... не мог со всем справляться... безработный... — «почему бы не устроить Богу еще одно испытание? Просто еще один шанс. Скажите ему, что если в течение пятнадцати дней ваша жена излечится, то вы проделаете снова все то, что собирались сделать в этот раз. А если через пятнадцать дней ваша жена не излечится, то ваша вера в Бога кончится».

Он сказал: «Это представляется стоящим испытанием». И случилось то, что должно было случиться: жена не излечилась. То было просто совпадение. Что могла эта обезьяна — и к тому же не живая, просто каменная обезьяна, — что она могла сделать? Всего лишь совпадение. Он так рассердился — на меня, не на свою веру. Я сказал ему: «Остыньте, взгляните в смысл. Я просто помог вам увидеть, что то было просто совпадение. Если бы это было реально, Хануман помог бы вам снова. Если я не убедил вас, попытайтесь еще раз. Можете испытывать столько раз, сколько захотите».

«Ваша вера основывается на такой глупой идее: Бог устроил вам заказ из бюро по трудоустройству, и в этом его убедила обезьяна. А теперь вы сердитесь на меня — по какой причине? Я для вас ничего не сделал. Я просто дал вам еще один шанс проверить. И теперь вы узнали, что это было простое совпадение. Теперь есть сомнение — вы дурачили себя, ни Рама, ни Хануман не принимали участия в этом. Вы просто дурачили себя».

Вера — это бегство. Я сказал ему: «Вы сердитесь, потому что я показал вам вашу рану. Вам не убежать от этой раны так просто. И даже если вы убежите, рана не исчезнет. Вы можете повернуться к ней спиной, от этого будет только хуже; она может стать раком. Что-то нужно делать, побег — это не выход».

Вера — это бегство. Теист притворяется, будто знает. Атеист притворяется, что он также знает, знает, что Бога нет. Ни теист не пытается взглянуть в существование, ни атеист. И работа атеиста даже намного труднее работы теиста. Ведь теист пытается найти что-то — присутствие, существование Бога; у него хотя бы есть гипотеза, над которой можно работать. У атеиста совсем нет гипотезы; он начинает с идеи: «Бога нет». Тогда что же искать и к чему стремиться? К не-Богу? Трудно иметь идею о том, что есть Бог; еще труднее иметь идею о том, что есть не-

Бог.

Может быть, теист сможет случайно натолкнуться на Бога, но атеист случайно на не-Бога не натолкнется, поскольку не-Бог означает просто что-то отсутствующее. Нельзя натолкнуться на отсутствующее. Теист имеет, по крайней мере, возможность преобразовать свою веру в гипотезу о том, что: «Я не верю, что Бог существует, но гипотетически я предполагаю, что он может существовать, и я попытаюсь поискать Его». Какие гипотезы могут быть у атеиста? Он отрицает. Отрицание не может быть гипотезой. Гипотезой может быть положительность. Атеист находится в гораздо более трудной ситуации.

Но, кроме того, при другом подходе он находится в более удобной ситуации, чем теист.

Теист не может избавиться от сомнения. Оно всегда остается под его верой. Он не может отбросить его прочь. Вера и сомнение — две стороны одной монеты. Вы отбрасываете одну, при этом отбрасывается и другая. Вы сохраняете одну, сохраняется и другая. Но атеист при другом подходе находится в более удобной ситуации: Бога нет — поэтому нет и вопроса о сомнении. Нельзя сомневаться в том, чего нет. Можно сомневаться в том, что есть или может быть. Но если вы решили, что нет ничего похожего на Бога, вы не можете сомневаться. Вы не можете верить; вы не можете сомневаться. Но вы не можете и преуспеть в своем поиске.

Атеист отбросил свое сомнение гораздо более полно, гораздо более основательно, чем теист. У теиста сомнение спрятано как раз под верой. У атеиста нет спрятанного сомнения; он отбросил сомнение очень далеко, очень глубоко в бессознательное. Вы не можете полностью избавиться от него; это возможно только в том случае, когда вы не знаете о нем. Но вы можете обмануть. Атеист может обманывать намного легче, чем теист. Поэтому атеизм разрастается, а теизм сжимается.

По мере того, как человек становится более разумным, более образованным, более культурным, атеизм становится более выпуклым, более рельефным, а теизм становится чем-то не в духе времени. Даже те, кто ходит в церкви, храмы, мечети, синагоги, глубоко внутри себя знают, что все это лишь следование социальным условностям. Это хорошо, респектабельно: эти места используются ими просто как клубы. Они не верят; они даже не беспокоятся об этом.

Я был профессором в двух университетах. Последний из оставленных мною университетов имел почти сто пятьдесят профессоров. И общая профессорская комната все время жила в напряженном обсуждении всякого рода слухов, новостей. Я оставался в этом университете почти девять лет и постоянно наблюдал, слушал... Начнет ли кто-нибудь дискуссию о Боге?

Сто пятьдесят профессоров, среди которых, может быть, семь принадлежали факультету философии, пять — факультету психологии, четыре — факультету теологии, — ну хотя бы эти люди? Но нет. Обсуждались актеры, обсуждались актрисы, обсуждались фильмы, обсуждались романы, обсуждались даже любовные делишки среди студентов — была, конечно, и всевозможная политика.

Вы удивитесь, наблюдая этих сто пятьдесят людей: девять лет я ждал... спросит ли кто-нибудь однажды, есть Бог или нет. Нет, никто. И все они были индусами, мусульманами, христианами, джайнами. Они все ходили в храм, в церковь. Все они отдавали дань уважения Богу, но это было лишь формальностью. Это ничего общего не имело с внутренним поиском.

На самом деле в этой большой общей комнате, рассчитанной на сто пятьдесят человек, мое кресло оставалось зарезервированным для меня, поскольку меня не интересовали их сплетни, их политика, их любовные дела, их злословие и все в этом роде. Меня это не интересовало. Мое кресло сделалось постоянно закрепленным за мной — постоянных кресел не было ни у кого другого. Всякий раз, когда я приходил туда, оно было свободно для меня, никто не сидел на нем. И постепенно они забрали свои кресла подальше от моего, ведь я не интересовался всеми этими вещами, а они не интересовались тем, что интересовало меня.

Всякий раз, когда я проходил через эту комнату, они замолкали, как будто были детьми, которых застали делающими что-то плохое. И я говорил: «Продолжайте. Не беспокойтесь обо мне. Я не понимаю, почему вы внезапно замолчали, когда я вошел в комнату. Я, насколько это возможно, избегаю заходить сюда, чтобы не доставлять вам неприятностей, но иногда нет другой возможности. У меня два занятия, между которыми одно пустое. Куда я пойду на сорок минут? Поэтому я вынужден прийти посидеть здесь. Просто считайте, что меня здесь нет. Мое кресло всегда пусто. Сажу ли я здесь или нет, вам не нужно беспокоиться. Продолжайте все эти невротические разговоры, которые вам нравятся, — продолжайте; не бойтесь меня».

Даже декан моего факультета, старый человек семидесяти лет, уже ушедший в отставку из одного университета... Но поскольку он был таким авторитетом в своей области, то этот университет попросил его поработать немного еще. Он также говорил обо всех этих вещах. Он смолкал, когда видел меня. Я говорил: «Это заставляет меня почувствовать себя праведником, когда человек семидесяти лет вынужден замолкать, когда видит меня. Есть вещи, о которых я должен говорить. Вы тоже говорите о них. По крайней мере, кто-то говорит о них. Продолжайте».

Теисты почти фальшивы; атеисты немного более основательны, поскольку они не закрывают свою рану верой. Если рана есть и она болит, они принимают и эту рану, и эту боль. Они немного смелее, немного ближе к началу поиска — ведь верой и мыслью о том, что вы все знаете, можно обманывать себя всю жизнь, но как долго можно говорить: «Бога нет»?

Один из моих друзей, очень знаменитый приверженец Ганди, был атеистом. Он говорил: «Пока я не пережил сам, Бога нет. По крайней мере, для меня Бога нет».

Однажды его сын, генеральный прокурор штата, прибежал ко мне и сказал: «Отец очень, очень болен, внезапный сердечный приступ. Доктора думают, что он не выживет. Он просит вас».

Я пошел с ним — они жили недалеко, в пяти минутах езды от моего дома. И когда я вошел в комнату, этот старик с закрытыми глазами совершал индусскую джапу — повторял мантру... Рама, Рама, Рама... я удивился. Этот человек всегда говорил, что Бога нет. Что случилось? Я встряхнул его и сказал: «Откройте глаза. До того, как ваше сердце откажет, позвольте задать вам вопрос. Что вы делаете? Вы забыли, что вы атеист? Вы не должны были бы повторять имя Бога».

Он сказал: «Я знаю, но в этот момент, когда доктора думают, что у меня осталось мало времени — может быть, несколько часов или несколько минут — кто знает? И что плохого в том, что я, лежа здесь, повторяю: «Рама, Рама, Рама...» Если Бог есть, я, по крайней мере, вернулся домой. Если я заблудился утром, то вечером вернулся». В Индии есть пословица о том, что если вы вернулись вечером, то вы не заблудились — вы вернулись в конце концов. «А если Бога нет, то что плохого в том, чтобы повторять: “Рама, Рама, Рама...”»

Я сказал ему: «Это то, что я на протяжении многих лет постоянно говорил вам: вы думаете, что избавились от сомнения, — но это невозможно. Вы просто погрузили его глубоко в бессознательное. Теперь смерть вынесла его наверх».

Этот человек выжил; он и сейчас жив. И снова, когда он выжил и стал в полном порядке, он снова начал говорить об атеизме, но, по крайней мере, не передо мной. Передо мной он говорил: «Человек слаб, и то был момент слабости».

Я сказал ему: это был момент, показавший нечто чрезвычайно важное относительно всей вашей личности, показавший, что все, о чем вы говорите, — все фиктивно. Тот момент показал вашу реальность, продемонстрировал вас во всей вашей наготе, и странно... вы снова пытаетесь прикрыть это. И снова случится сердечный приступ, ведь сердечный приступ не та вещь, которая случается только раз. И помните, это был ваш первый приступ. Может случиться, по крайней мере, три приступа».

Он сказал: «Что же вы за друг? Вы говорите, что у меня будет еще два приступа?»

Я сказал: «Конечно. Не обманывайте себя, кого вы пытаетесь обмануть? Себя. В момент смерти вы обманывали себя идеей: “Кто знает, если Бог есть, буду молить его; если его нет, молитва уйдет без пользы, но какой от этого вред?” Вы не заплатили ничем. Вы хитрили даже с Богом. И теперь, когда вы здоровы, вы возвращаетесь на прежние позиции. Передо мной вы не говорите много, но от других я слышал, что вы снова говорите об атеизме. И пусть случится сердечный приступ... а он случится. Он должен случиться с таким человеком, как вы, поскольку вам сердечный приступ помогает». И он случился.

И я пришел к нему и сказал... а он снова совершал свою джапу. Я сказал ему: «Посмотрите! Что вы делаете сейчас?»

Он сказал: «Помолчите. Вам не следует приходить, особенно когда ко мне приходит сердечный приступ. Два приступа подряд — это слишком много».

И я сказал ему: «Помните, я пришел для того, чтобы лишь напомнить вам обо всей той фальшивой философии, о которой вы говорили между двумя сердечными приступами. Вы скоро вернетесь на свои позиции, поскольку третий приступ...»

Он сказал: «Подождите. Я не покончил со вторым, доктора не питают надежды, а вы говорите о третьем».

Я сказал: «Я хочу, чтобы вы знали и глубоко осознавали, что сомнение есть и вы подавляете его. Почему вы прежде всего хотите подавить сомнение? Потому что вы не хотите рисковать, спрашивая».

Спрашивать — это риск. Это движение в неизведанное. Никто не знает, что может случиться.

Тот, кто спрашивает, оставляет все, к чему он привык, с чем ему было удобно, он движется в неизведанное, не будучи совершенно уверенным, есть ли что-то на том берегу и есть ли даже сам тот берег.

Поэтому люди цепляются или за теизм, или — те, кто немного сильнее, интеллектуальнее, интеллигентнее, — они цепляются за атеизм. Но и те и другие бегут от сомнения. А бежать от сомнения — это бежать от вопросов, ведь что такое сомнение? Это лишь знак вопроса. Оно не враг ваш. Это просто знак вопроса внутри вас, знак вопроса, который готовит вас к тому, чтобы спрашивать.

Сомнение — ваш друг.

И я говорил о третьей категории, об агностиках. Теист — самый слабый из трех, менее культурный, менее образованный, менее интеллектуальный — просто посредственность. Вторая категория, атеист, более интеллектуальный, более культурный, и он очень старается, чтобы вопрос его не беспокоил, и говоря, что Бога нет, он откладывает вопрос как можно дальше в той части, которая касается его самого.

В споре теиста и атеиста всегда обязательно побеждает атеист. Теист не может победить. Его аргументы бедны. У него нет достаточных аргументов. Его вера очень проста, а атеист более изощрен. У него также есть вера. Его вера состоит в том, что Бога нет. Можно назвать это неверием, не-верой, но это вера. Он борется за это с тем же фанатизмом, что и теист. Поговорите с любым коммунистом — все коммунисты являются атеистами, — и вы увидите, что они такие же фанатики, как и теисты. Агностик из всех трех занимает высшее положение. Агностик говорит: «У меня нет оснований говорить “да”, у меня нет оснований говорить “нет”. Поэтому в вопросе о Боге я буду держать свой рот закрытым».

Людвиг Виттгенштейн, ученик Бертрانا Рассела... Бертран Рассел — один из значительных агностиков этого века, а Людвиг Виттгенштейн — его лучший ученик. Рассел так хвалил Виттгенштейна, бывшего еще студентом, как редкий учитель хвалит своего ученика. Виттгенштейн был как раз студентом в философской группе Рассела. Рассел преподавал философию в Кембриджском университете, а Виттгенштейн был студентом. У Рассела был пронзительный взгляд, который мог распознать в человеке неординарную личность, если были задатки этого, а Виттгенштейн был чем-то вроде гения.

Виттгенштейн показал ему свои записи. И Рассел сказал:

«Опубликуйте это». Это были просто записи, которые он делал на занятиях, записи всяких идей, которые приходили ему в голову, просто записи, — а Рассел сказал: «Опубликуйте их. Они превосходят любую из моих книг. У меня никогда не будет такого студента, как вы. Я горд и исполнен определенных чувств от того, что вы пришли в мой класс».

Виттгенштейн написал немного, лишь две или три книги, и те состоят из сентенций, небольших высказываний. Одно из высказываний такое: «Не следует говорить о том, чего не знаешь, — ни за ни против. Следует хранить молчание, если нет твердого “да” или твердого “нет” в своем переживании». В другом пассаже он говорит: «Есть вещи, о которых нельзя говорить, поэтому нужно сопротивляться попыткам говорить о них».

Агностик превосходит всех остальных. Он не совершает дел, он остается бездейственным. Лучше оставаться бездейственным, поскольку это сохраняет в вас внимание к тому, что вы еще и не начинали поиска. Теист пришел к заключению, атеист пришел к заключению... а вы даже не начинали поиска. Агностик — лучший из всех троих, он подходит ко мне ближе всех. Теист

дальше всех от меня, атеист немного ближе, агностик самый близкий, — но вы можете там и остаться. Нет необходимости в том, чтобы вы двигались в сторону поиска. Вы можете сказать, что это предельный вопрос. Вот это и говорит агностик. На всякий предельный вопрос вы не можете сказать ни «да», ни «нет». Но его молчание - это не молчание гностика.

Я сознательно не включил гностика в эти три обсуждаемые категории. Слово «агностик» происходит от слова «гностик». «Агностик» означает того, кто заявляет: «Я не уверен в том или этом». А кто такой гностик? Гностик — это тот, кто знает. В этом смысл гностика, знающего.

Агностик молчит, потому что не знает, что правильно, что неправильно; что есть «да», что есть «нет».

Гностик также молчит — ведь он пришел к невыразимому переживанию реальности.

Я — гностик.

И я хотел бы, чтобы вы все были гностиками, пришли бы к такому переживанию, когда случаются вещи, стоящие за пределами слов, когда язык остается далеко позади, на расстоянии в световые годы, когда нет возможности выразить свое переживание в понятиях.

Нельзя сказать: «Бог есть», нельзя сказать: «Бога нет». Нельзя сказать: «Я не могу сказать этого». Можно лишь хранить молчание.

И те, кто может понять молчание, поймут ответ.

Вы можете помочь людям — гностики могут делать это, — вы можете помочь людям достичь безмолвия.

Называйте это медитативностью, осознанностью, это просто названия, но существенное качество — это абсолютное безмолвие, ничего не колеблется в вас, ничего не волнуется в вас.

И в этом состоянии есть божественность.

Это состояние вне места. Оно внутри вас, оно вне вас.

Поэтому я сознательно поставил категорию «гностик» отдельно, ведь гностик не может быть поставлен рядом с тремя другими категориями. Это совершенно другой человек. Он знает — те трое не знают. Один «как будто» знает. Другой «как будто» не знает, то есть знает, что Бога нет. Третий определенно знает, что он не находится в положении, когда может сказать «да» или «нет». Но все они невежественны.

Гностик знает, — но именно потому, что он знает, он находится в затруднении, в котором может быть только знающий. Он не принимает ни одну категорию, поскольку все категории слишком коротки. Даже сказать: «Бог есть», недостаточно. Это не перекроет всего переживания божественности. Сказать: «Бога нет», — этого тоже недостаточно, ведь определенно нет никакой персоны Бога, и поэтому вы можете сказать: «Бога нет», — но какое-то присутствие есть! Персоны нет, но есть какое-то потрясающее присутствие, так что незачем беспокоиться о персоне. И это присутствие бесконечно, вечно.

Если вы хоть раз ощутите его, оно останется с вами навсегда.

Гностик — вот по-настоящему религиозный человек.

Бхагаван, если Бога нет, то что такое молитва?

Молитва — следствие теизма. Вы начинаете с веры в Бога, тогда, естественно, между вами и Богом необходим некоторый род связи. Это молитва.

Вы начинаете молиться ему. Конечно, для этого у вас есть некоторые основания, своей молитвой вы просите о чем-то.

Ваша молитва не является чисто любовным делом, нет - это бизнес.

Как следствие этого, вы молитесь, когда у вас неприятности; когда неприятностей нет, вы не молитесь. Когда вы в каком-то затруднении, не можете справиться с чем-то, вы молитесь, поскольку нуждаетесь в помощи Бога. Когда затруднений нет, вы забываете и Бога, и молитву.

Есть знаменитая суфийская история о том, как корабль возвращается в свою родную страну. Внезапно океан сходит с ума... жуткий ветер, корабль на краю гибели. Все начинают молиться. В такой момент, кто не начнет молиться? Даже атеист молит, даже агностик молит, он говорит в своей молитве: «Прости мне то, что я говорил, это все чепуха. Прости мне и позволь добраться до берега».

Один суфий просто сидел там и не молился. Люди разгневались на него и сказали: «Ты религиозный человек, носишь одеяние, зеленое одеяние суфиев. Что же ты за суфий? Ты должен был бы молиться первым. Мы не религиозные люди, мы просто люди бизнеса, для нас эта молитва, как и все наши дела, не что иное, как бизнес. Мы предлагаем Богу: “Мы дадим тебе то, мы дадим тебе это, только спаси нас”. Почему ты сидишь в молчании? Почему ты не молишься?»

Он сказал: «Вы уже сказали, почему: я не бизнесмен. Если он хочет покончить со всеми нами, хорошо. Если он хочет спасти нас, хорошо. Я с ним в полном согласии. Почему я должен молиться? Для чего? Молитва означает некоторое несогласие, она означает, что происходит что-то, чего вы не хотели бы. Вы хотите, чтобы Бог вступился за вас, вмешался, прекратил это, изменил обстоятельства».

Суфий сказал: «У меня нет своего бизнеса. Это его дело побеспокоиться о том, чтобы спасти или утопить. Если он хочет, чтобы этот суфий был спасен, то это его дело, не мое. И если он хочет, чтобы я умер, это его дело. Я не просил о рождении; я появился здесь неожиданно. Могу ли я просить о смерти? Если рождение не находится под моим контролем, то почему смерть может быть под ним?»

Те люди подумали: «Этот человек сошел с ума». Они сказали: «Мы займемся тобой позднее. Дай нам только как-то добраться до берега, и мы займемся тобой. Ты не суфий, ты не религиозный человек; ты очень опасный человек. Но сейчас не время беспокоиться о тебе и спорить с тобой».

А на борту был самый влиятельный, самый знаменитый человек страны, он поднялся на борт с миллионами бриллиантов и драгоценных камней. Он нажил очень много. У него в городе был прекрасный дворец — самый прекрасный мраморный дворец. Даже царь завидовал ему. Даже царь много раз просил его: «Отдай мне этот дворец — назови любую цену, и я заплачу».

Но этот безумец говорил: «Это невозможно. Этот дворец — моя гордость». Когда корабль почти уже утонул, этот человек закричал, обращаясь к Богу: «Послушай, я отдам тебе этот дворец. Только спаси меня». И так случилось, что ветер стих, океан успокоился, корабль был спасен. Они достигли побережья.

Теперь этот богач оказался в большом затруднении из-за своих слов. Раньше он был в гневе на суфия — теперь гнев прошел. Он сказал: «Может быть, ты был и прав, что хранил молчание. Если бы я следовал твоему примеру, я не потерял бы своего дворца. Но я бизнесмен, я найду выход». И он нашел выход.

На следующий день он выставил дворец на аукцион. Он уведомил все ближайшие царства, всех, кто был заинтересован. Пришло много царей, цариц, богатых людей; заинтересованы были все. Все они были озадачены, увидев, что как раз перед дворцом сидел кот, прикованный цепью к мраморной колонне дворца. Богач вышел и сказал: «Этот дворец и этот кот выставляются на аукцион одновременно. Цена кота — миллион динаров», — это были их доллары, миллион долларов, — «цена кота — один миллион долларов, а цена дворца — один доллар: один миллион и один доллар».

Люди сказали: «За этого кота — один миллион долларов? А за этот дворец — один доллар?»

Бизнесмен сказал: «Не беспокойтесь об этом. Если вы заинтересованы, то знайте, что они продаются вместе. На меньшее я не согласен. Если кто-то заинтересован, то это моя минимальная цена».

Царь этой страны сказал: «Да, я дам вам цену, но скажите мне, пожалуйста, в чем секрет этого кота и дворца?»

И он сказал: «Секрета нет — у меня просто неприятности из-за молитвы; я сказал Богу, что дам ему дворец. А я бизнесмен; если он бизнесмен, то я тоже бизнесмен. Кот — один миллион долларов, — и эту сумму я удержу у себя. А дворец - один доллар, — и эта сумма пойдет в фонд Бога».

Молитва — это просто ваша попытка убедить Бога поступать в соответствии с вами. А это абсолютно ваше воображение. Прежде всего, вы не знаете Бога. Вы не знаете, что ему нравится и что не нравится. Вы не знаете, существует ли он или нет. Но молитесь. Это плохая постановка дела, и так происходит по всему миру.

Я против молитвы, потому что это в основном бизнес.

Это подкуп Бога.

Это надежда на то, что вы можете подкрепить его эго: «Ты великий, ты сострадательный, ты можешь сделать все, что захочешь». И все это говорится потому, что вам что-то нужно. За всем

этим лежит обоснование — иначе бы вы не молились.

Я против молитвы, я за медитацию.

И есть лишь два измерения: молитва, измерение ложное; медитация, измерение истинное.

В молитве вы прежде всего пытаетесь вообразить Бога, а потом представляете молитву. В медитации вы не представляете себе никакого Бога, вам не нужно верить ни в какого Бога, вам не нужно произносить ни единого слова молитвы. Напротив, вы движетесь внутрь себя. В молитве вы движетесь вовне:

Бог там... и вы строите мост молитвы между собой и Богом.

В медитации нет Бога — там. Вы ищете внутри. Вы ищете внутри, что есть здесь. Кто я? Что есть эта жизненная энергия? Что есть это сознание во мне?

Если я смогу узнать лишь это сознание, эту жизнь во мне, я узнаю жизнь вселенной, я — часть ее.

Попробуйте на вкус океан, где угодно — он соленый. Попробуйте на вкус себя — это самое близкое к вам место, внутри вас, — попробуйте на вкус ваше сознание в тишине и покое.

Молитва будет мирской. Снова вы будете произносить слова, распевать, использовать мантру или что-то еще. Нет, в медитации слова должны быть отброшены, вы должны научиться оставаться без слов, даже на краткие мгновения. Но в эти краткие мгновения нисходит так много благословения. В эти маленькие промежутки вся вселенная начинает изливаться на вас.

Я за медитацию и против молитвы.

Медитатор познает, он чувствует в себе биение реальности — пульсацию существования. И тогда без всякого обоснования возникает благодарность, признательность не кому-то конкретно, но просто признательность всем за все это.

По-моему, если вам нужно что-то вроде молитвы... но тогда это любовное дело, подлинное дело, не требующее никакого обоснования. Как благодарность, не адресованная никому конкретно, адресованная целому.

Беседа 15

СВЯЩЕННИК И ПОЛИТИК — МАФИЯ ДУШИ

13 ноября 1984 года

Бхагаван,

Почему мир так болен сегодня? Почему возрастают напряженность и страдание?

Это следствие всех тех идиотических идей, которые владели человечеством в прошлом. Так должно было случиться.

За это несут ответственность все религии. То, что они сделали, сознавая это или нет, является причиной несчастья, страдания, боли всего человечества. Давайте одну за другой обдумаем самые основные причины.

Первая. Все религии навязывали идею о том, что мир был создан Богом и что Бог всеведущий, всемогущий, вездесущий. Он знает все. Он всемогущ. Он везде.

Эта идея отстраняла человека от того, чтобы делать что-нибудь для улучшения, украшения жизни. Когда кто-то всезнающий, всемогущий, вездесущий присматривает за миром, то что можно сделать? Далеко ли можно видеть? Каким может быть ваш вклад? Если Бог — создатель мира, вы не в состоянии исправить его. Если вы что-то сделаете, то только причините вред. Вы не можете указывать миру; вы не можете быть мудрее Бога.

Эта идея — одна из основных причин всей боли, в которой живет человечество и в которой оно может погибнуть. Только подумайте... я так вижу это: нет Бога, создавшего мир и присматривающего за миром. Не перекалывайте эту ответственность на кого-то, кто не существует. Это мы, те, кто находится здесь, со всех точек зрения несем ответственность за появление или исчезновение различных возможностей.

Устраните Бога и поставьте на его место человека, и у вас будет совершенно иной мир.

Страдание абсолютно не нужно. Боль — это наша глупость.

Человек может жить чрезвычайно богатой, блаженной, восторженной жизнью. Но прежде всего он должен принять на себя ответственность.

Все религии учили вас преуменьшать свою ответственность. Переложите ее на Бога... но Бога нет.

Вы ничего не делаете, поскольку думаете, что Бог все сделает, — но нет Бога, который бы все сделал. Чего же еще ждать? То, что происходит, и произошло, и еще произойдет, все это естественное следствие идеи создателя.

Если бы человеку сказали: «Это твое существование. Ты отвечаешь за то, что ты есть, за то, что ты делаешь, за то, что происходит вокруг тебя. Будь зрелым. Не оставайся в детстве...»

Но это Бог не дает вам становиться зрелыми, Его божественность основывается на вашей незрелости, на вашей инфантильности.

Чем более глупыми, более доверчивыми являетесь вы, тем более великим является Бог. Чем вы разумнее, тем Бог ничтожнее.

Если вы разумны по-настоящему. Бога нет.

Тогда есть это существование, есть вы; тогда создавайте. Но этот создатель не дает стать создателями вам.

Весь мой подход заключается в том, что создателями должны стать вы.

Вы должны освободить свою созидательную энергию. И это возможно только в том случае, если этого Бога, который на самом деле есть не что иное, как божок, удалить, абсолютно удалить из поля зрения вашей жизни.

Да, вначале вы будете чувствовать пустоту, поскольку то место для Бога в вас было заполнено... миллионы лет он был там; священный алтарь вашего сердца был полон идеей Бога. Теперь, внезапно отбросив ее, вы почувствуете пустоту, испуг, потерю. Но чувствовать пустоту хорошо. Хорошо чувствовать испуг. Хорошо быть потерявшим — ведь это реальность, а то, что вы чувствовали раньше, — это только вымысел. Вымыслы не могут помочь — они могут дать вам утешение, но утешение — это не доброе дело.

То, что нужно, — преобразование, а не утешение. То, что нужно, — лечение от всех ваших болезней, а не утешение.

Поэтому первое, что нужно, — это удалить Бога. Не ждите никакого Бога. Его нет. И никогда не было.

Фридрих Ницше сказал... Я не согласен с ним, но мое несогласие совершенно отличается от несогласия тех других, кто тоже не согласен. Ницше говорит: «Бог мертв». Конечно, с этим не согласны христиане, с этим не согласны мусульмане, с этим не согласны индусы, с этим не согласны буддисты, все встали против Фридриха Ницше. Я тоже против него, но причина, по которой я против идеи о смерти Бога, заключается в том, что он никогда и не был живым. Даже сказать: «Бог мертв», — означает принять то, что он был, а теперь его нет. Нет, прежде всего его никогда и не было здесь. Человек жил вымыслом.

И эта ситуация, это страдание, эта растущая напряженность... Напряженность так велика, что теперь в наиболее развитых странах вторым важнейшим фактором, вызывающим смерть, является не болезнь, а самоубийство. День за днем человек чувствует себя предельно напряженным, и кажется, что из этого нельзя выйти. И боль нарастает. И невозможно даже увидеть причину, из-за которой мы страдаем. Почему мы должны страдать? Что мы сделали?

Жизнь сама по себе представляется бессмысленной. Смысл появляется в жизни разумного человека, когда он видит, что все тщетно, бесцельно.

Зачем же все время отравлять себя? Почему бы не покончить с этим? Это не причиняло вам ничего, кроме боли. Это не причинит вам ничего, кроме боли. Да, это что-то вроде опиума. Надежда... может быть, завтра все переменится. Может быть, если не сегодня, то завтра вы получите мгновение блаженства..

Но даже тогда... это не представляется стоящим делом. Таким долгим был караван несчастий. Может быть, один раз наступит момент, когда вы улыбнетесь, рассмеетесь. Момент наступит и уйдет. Может быть, он был лишь в вашем воображении. Просто, чтобы поддержать себя, вы начинаете мечтать о вещах, которых на самом деле нет; вы лишь хотели бы, чтобы они были. В действительности это было сновидение.

Знаете ли вы... это странное открытие современной психологии. Столетиями мы думали, что сновидения бесполезны, что это просто ночное беспокойство. Считалось здоровым иметь сон без сновидений. На протяжении десяти тысяч лет йога учила, что сон без сновидений — самое

прекрасное переживание, но то, что было обнаружено недавно, идет прямо вразрез со всем этим. Можно без всякого вреда для себя отбросить моменты, когда сновидений нет, но сновидения отбросить нельзя.

Если вы спите восемь часов, то почти два часа — в сумме — вы спите без снов, а в течение шести часов видите сны. Это было проверено в экспериментах, теперь мы это знаем. Есть приборы, показывающие, спит человек или нет. Даже без приборов, только взглянув на его веки, можно тут же узнать. Если глаза под веками двигаются, то человек видит сны, поскольку он видит предметы, их движение. Если глаза статичны, не двигаются, не видно движения глаз под веками, то это означает, что сновидение прекратилось. Не нужны изошренные приборы. Но теперь изошренные приборы есть, они позволяют вычерчивать записи сновидений человека, когда он спит, когда он не спит, — что-то вроде кардиограммы.

Спящих будили во время сновидения; будили немедленно, поднимали их. Им разрешали спать только те два часа, в течение которых нет сновидений. Под утро эти люди оказывались совершенно истощенными, лишенными свежести, не имевшими даже желания жить. Это странно, поскольку вся старая йога в Индии, на Тибете, в Китае — различные школы и различные люди, совсем не связанные друг с другом, — все они всегда говорили: «Если у вас будет даже два часа сна без сновидений, этого будет достаточно, достаточно для омоложения вас». Выяснилось, что это не так. .

Но если спящих беспокоили в течение тех двух часов, когда они не видели снов, и позволяли им спать в течение шести часов со сновидениями, то по утрам они вставали такими свежими, такими молодыми, такими омоложенными, такими полными жизни и страстного желания жить.

Когда это было открыто впервые, то явилось шоком. Сновидения абсолютно необходимы для людей, — но по какой причине? Найти причину не смогли. Причину никогда не смогут найти, поскольку эта причина может быть найдена только посредством глубокой медитации, другого способа найти ее нет. Психологическими экспериментами невозможно будет найти, в чем причина.

Но в медитации происходит нечто, что находится вне сна, вне сновидения. Нет ни того, ни другого; нет ни сновидения, ни сна.

Вы находитесь в состоянии полного осознания. Тело крепко спит в глубоком покое, но ваше сознание абсолютно безоблачно.

Сна нет. Внутри себя, подобно пламени, вы все осознаете, вы бдительны, вы наблюдаете, — что нет ничего, что можно наблюдать! Тело спит, и нет ничего, что можно наблюдать. Но наблюдатель есть.

Вы можете наблюдать только наблюдателя. Вы можете смотреть только на смотрящего. Вы можете осознавать только свою осознанность. Но сна нет, нет сновидения. И утром вы свежи настолько, насколько это только возможно.

Поэтому психологи не смогут, они не смогли и никогда не смогут ничего узнать, если только не начнут двигаться в сторону медитации. Но не видно ни одного признака такого движения. На самом деле они очень антагонистичны по отношению к медитации. И я могу понять почему.

Они антагонистичны по отношению к медитации потому, что медитация может разрешить все ваши проблемы, может разрешить все ваши психические тревоги, а с ними уходит вся профессия психолога.

Точно так же испуган священник... нельзя сомневаться в Боге; испуган политик: нельзя сомневаться в священнике. Ведь если под сомнением Бог, то священник уходит, уходит вся эта профессия. А в мире миллионы священников: индуисты, католики, иудеи, раввины, миссионеры, брамины, имамы, шанкарачарьи — миллионы священников в мире, зависящих от единственной концепции Бога. Отбросьте эту идею, и всех их не будет. Сейчас у них огромный престиж, власть. Кем будет папа, если Бога нет? Какое у него будет положение? Этот папа, этот поляк, должен будет отправиться обратно в Польшу. А Польша сейчас — коммунистическая страна. Он станет посмешищем.

Бога нет. Вместе с ним исчезает и Дух Святой, исчезает и сын.

Бог — вот главный фокус всего вымысла.

Устраните главную идею, и весь карточный домик просто упадет на землю. Нужен только небольшой кнут.

Психолог боится медитации. Сейчас психолог — огромная профессия. Евреи никогда не делают маленьких вещей. Они создали это глупое христианство и в течение двух тысяч лет выражали недовольство: «Мы упустили шанс. Мы должны были бы создать эту великую профессию, которую создали христиане. Как это мы упустили Иисуса? Это был большой бизнес, а мы упустили его. Мы не сумели разглядеть, что этот человек даст начало такому большому делу». Он основал величайший бизнес в мире. Евреи не могут простить ему этого. Если бы они получили его снова, они снова распяли бы его, на этот раз по другой причине: «Почему ты прежде не сказал нам, что это станет таким большим бизнесом? Мы бы не распяли тебя».

Потом они чуть было не упустили второго, Зигмунда Фрейда. Но на этот раз они были более бдительными, они упустили так немного. Девяносто процентов этой профессии все еще в руках евреев. Все великие психологи, психоаналитики, терапевты, девяносто процентов из них — евреи. Это их монополия. И Фрейд одной рукой создал целую профессию, целую науку. Он очень сильно боялся медитации, потрясаясь боялся.

Юнг, его ближайший ученик и вначале возможный последователь, очень сильно боялся медитации... Когда он прибыл в Индию, то куда бы он ни пошел, — а посещал он и Кхаджурахо, и Тадж-Махал, и Фатепур-Шикри, все древние места, — повсюду ему предлагали: «Вам следует отправиться в Аруначал на юге Индии, на самом юге — глубоком юге. Там есть человек, Шри Рамана, который может дать вам огромное понимание человеческой природы, дать то, над чем вы работали всю свою жизнь». Но он боялся отправиться туда.

А Рамана был определенно тем человеком, который мог бы дать ему, мог бы поделиться с ним чем-то в медитации. Но он не пошел к нему. Он отвергал такие предложения, говоря:

«Вся эта медитация ненаучна». Все его утверждения ненаучны, потому что никто не попытался исследовать медитацию научными методами. На каком основании он говорит, что вся эта медитация ненаучна?

Я знаю пространство, где нет сна, нет сновидения, а я все еще есть. Конечно, сновидения необходимы, но не для меня.

Возможно, девяносто девять и девять десятых процента людей или даже больше нуждаются в сновидениях, шесть часов сновидений за ночь. И вы думаете, что это все?

Разве вы не видите сны и днем?

В любое время закройте глаза и вы увидите, что сновидения есть, они бегут. Сновидение есть всегда. Вы слушаете меня, и сновидение здесь. Вы идете по дороге, и сновидение движется внутри вас. Конечно, когда вы идете, ваше внимание разделяется. Вы должны быть бдительными по отношению к внешнему миру, иначе люди подумают, что вы потеряли ориентацию в пространстве, находитесь вне пространства. Вы не находитесь вне пространства, вы находитесь внутри! Ваше внимание больше не направлено вовне. Вы омрачены сновидениями и забыли об объективном мире. Шесть часов ночью, а сколько часов днем? Еще никто не измерил, сколько часов днем вы имеете сновидения. Я не думаю, что и днем в течение двух часов, как это имеет место ночью, вы обходитесь без сновидений.

Я не думаю, что у вас есть два часа в день без сновидений, поскольку если вы можете иметь два часа без сновидений, полностью осознанных, то эти два часа станут вашей медитацией. Они откроют вам секреты огромной ценности.

Но обыкновенные люди, средний человек, нуждаются в сновидениях — почему? Потому что жизнь, в действительности, так неудовлетворительна, так безобразна, так омерзительно безобразна.

Эти сновидения замещают ее. Они прекрасны. Они приносят в вашу жизнь благоухание, надежду, вымысел, они помогают вам оставаться душевно здоровыми. Реальность выводит вас из душевного равновесия.

И для меня Бог, Дух Святой, и сын, и папа, непогрешимый папа, — конечно, он должен быть непогрешимым; он представляет мессию, единственного порожденного сына Божьего; как он может быть погрешимым? — непогрешимый папа... И в каждой религии есть подобные вещи. Вам нужны эти люди. Они — вымыслы, созданные вашим несчастьем, хитрецы, пользующиеся вашим несчастьем, чтобы эксплуатировать вас и утверждать свою власть.

Политику тоже нужны эти люди. Даже сумасшедший политик, такой, как Адольф Гитлер, нуждается в благословении Божьем. Если Бога нет, то кто благословит Адольфа Гитлера? И главный христианский священник в Германии благословляет его — посмотрите на это чудо. Адольфа Гитлера благословляет Божий священник: «Вам будет сопутствовать успех». Черчилля благословляет в Англии тот же Божий священник: «Вам будет сопутствовать успех». Бенито Муссолини благословляет сам папа: «Вам будет сопутствовать успех». И никто не видит противоречия, что один Бог, один непогрешимый папа... ведь этот германский священник под властью папы!

Но папа вынужден благословлять Бенито Муссолини, иначе Муссолини выгонит его прочь и поставит на его место кого-нибудь другого, кто будет готов благословить его. Когда Бенито Муссолини при власти, он не является фашистом. Даже папа говорит: «Он самый мудрый

человек, самый демократический, самый гуманный», — Бенито Муссолини! И тот же самый папа после свержения Бенито Муссолини объявит его фашистом. И это непогрешимые люди. Теперь есть другой политик, которого надо благословлять, противник Бенито Муссолини; они благословят и его.

Разве вы не видите заговор между священником и политиком? Они дурачат людей. Священник от лица Бога дает санкцию, подтверждает, что этот человек достоин, чтобы быть президентом, этот человек достоин, чтобы быть вице-президентом, премьер-министром. Конечно, политик нуждается в этом, поскольку массы будут слушать священника: священник беспристрастен, он не имеет ничего общего с политикой, он выше политики... Это не так!

Священник в руках политиков.

Далай-лама — это папа на самом деле, он для буддистов даже выше папы, поскольку он не является представителем Иисуса, он является воплощением самого Будды — не представителем, но воплощением самого Будды. Далай-лама убежал из Тибета, поскольку Китай стал коммунистическим и объявил, что Тибет является его частью. Один раз так было - двести, триста лет назад. Было время, когда китайский император завоевал Тибет, и Тибет был частью Китая. И конечно, тибетцы и китайцы принадлежат одной расе.

Далай-лама вынужден был бежать, поскольку был одновременно и религиозным, и политическим руководителем. И он никогда не думал, что кто-нибудь будет нападать на Тибет. Это такая изолированная страна, на вершине мира, настолько удаленная от всех других мест; там нет железных дорог, там нет автомобилей, там нет автодорог: технология не добралась туда. Люди все еще живут так же, как и пять тысяч лет назад.

Он вынужден был бежать, поскольку у него не было большой армии. Он никогда не думал, его предшественники никогда не думали, что кто-то будет нападать на них, — так трудно нападать, так трудно добраться до Тибета. Но Мао решил захватить его. Это было слишком важное место, чтобы оставить его, ведь его могла захватить Россия и тогда для Китая возникла бы огромная опасность. Поэтому до того, как кто-нибудь другой подумал, — Китай прыгнул. Тибет — маленькая страна, у Далай-ламы были незначительные полицейские силы, может быть, сто полицейских — охрана дворца. Это было все, да больше и не нужно было. Армия? Они никогда не думали об армии.

Но воплощение Будды бежал из Тибета, забыв о людях, которых он эксплуатировал, которых на протяжении тысяч лет эксплуатировали его предшественники. Тибет — бедная страна, но Далай-лама — один из богатейших людей мира. Весь дворец в Лхасе был заполнен золотом и ничем другим. Странно даже подумать... что Далай-лама сбежал со всем золотом из дворца в Лхасе, а не со всеми древними священными книгами — ведь был ясный выбор: можно взять то, можно взять это... Священных книг было так много, что потребовались бы тысячи автомобилей, чтобы увезти их в Индию. А у него было так много золота, и золото должно было быть отправлено первым, поскольку без золота что ему делать в Индии? И беженцам, которые последовали за ним из Тибета, что им делать? Поэтому священные книги были оставлены; золото унесли — и это воплощение Будды.

Китай немедленно посадил на трон его младшего брата, Панчен-ламу, в качестве главы страны. Политики не могли без этого, поскольку массы не послушались бы. Теперь массы совершенно

счастливы. Какая разница — Далай-лама или Панчен-лама? Один собирался стать преемником другого, был вторым в очереди. Если Далай-лама умирает или что-нибудь случается с ним, главой становится Панчен-лама. А Далай-лама сбежал. И Китай выставил его на посмешище: «Вы верили ему, а он обманывал вас; и не только это — он украл ваше золото».

Когда Далай-лама прибыл в Индию, там премьер-министром был Джавахарлал Неру. Он приветствовал его. В этом была его политика, поскольку когда-то в Индии буддизм был религией почти всей страны. Но после смерти Будды индусы разрушили все, что только можно. Поэтому все буддийские монахи вынуждены были бежать... так стал буддийским Тибет, стал буддийским Цейлон, стала буддийской Япония, стал буддийским Китай, стала буддийской Корея, стал буддийским Вьетнам, стал буддийским Индокитай, стала буддийской Бирма, вся Азия... за исключением Индии, где родился Будда и где он работал и преобразовывал людей.

В Индии буддизм полностью исчез. Буддийские монахи или вынуждены были покинуть Индию, или были убиты, сожжены заживо, или были низведены до самой низшей индийской касты — до неприкасаемых, шудра. В Индии чамары, башмачники, все они раньше были буддистами — их низвели, заставили делать только башмаки и ничего другого. В такой стране, как Индия, где вегетарианство почитается одной из основ религии, кто будет убивать животных и делать башмаки и другие вещи из кожи? Буддистов заставили... «Если хотите жить, и жить здесь, тогда выбирайте эту профессию». Все были счастливы; индусы и джайны были счастливы, что буддистов поставили на нужное место.

Но что произошло? После обретения независимости один человек, доктор Амбедкар, начал обращать чамаров, башмачников, обратно в буддизм. Он обратил в буддизм тысячи людей. Он создал огромное движение по возвращению обратно в буддизм, и стало очень вероятным, что к буддизму вернуться миллионы людей. Он умер, но оставил после себя большие буддийские силы.

Неру хотел, чтобы эти силы были с ним. Далай-лама был абсолютно подходящим человеком, поскольку все эти буддисты слушались бы его. А Далай-лама вынужден был слушаться Джавахарлала, в противном случае... «Отправляйтесь обратно или отправляйтесь, куда хотите». Джавахарлал предоставил ему свободу действий — это против Китая. Китай поднял вопрос о том, что: «Это приведет к тому, что мы больше не будем друзьями. Выдайте нам Далай-ламу».

Они хотели заполучить Далай-ламу потому, что Панчен-лама не был так влиятелен. Хотя тибетцы и приняли его, но Далай-лама был их признанным лидером. Эта ситуация была навязана китайцами, она была принята неохотно. Если бы Далай-лама был возвращен в Китай, его заставили бы быть в Тибете, стать снова Далай-ламой... но инструкции поступали бы от Мао Цзе-дуна: «Страна будет под нами». Неру отказался выдать им Далай-ламу.

Вы удивитесь, даже такая страна, как Америка... Четыре года назад Далай-лама был приглашен американскими буддистами. Они пригласили Далай-ламу, поскольку в Америке есть несколько дзэнских монастырей и немного американских буддистов. Американское правительство не разрешило ему въезд в страну, так как это привело бы к обострению отношений с Китаем. И для Америки Далай-лама не имеет большого значения, поскольку не имеют большого значения эти немногие буддисты.

Я говорю вам, что эти политики и эти священники постоянно в заговоре между собой, работают вместе, рука об руку. Политик имеет политическую власть, священник имеет религиозную

власть. Политик защищает священника, священник благословляет политика, — а массы эксплуатируются, из них высасываются соки; их кровь сосут и те и другие.

Устраните Бога, и вы устраните политика, устраните политику, устраните священника, устраните заговор между политиком и священником.

И когда эти двое будут устранены, исчезнут пятьдесят процентов ваших несчастий.

Идея Бога дает вам мечту о лучшей жизни... после смерти, может быть, в раю или в ином воплощении. Поэтому не о чем особенно беспокоиться: эта жизнь — лишь небольшая частичка, какое она может иметь значение? Среди миллионов и миллионов световых лет какое значение могут иметь семьдесят лет? Совершенно никакого.

Есть звезды, расположенные так далеко от нас, что их лучи, начавшие свое движение к Земле в день вашего рождения, еще не добрались сюда. Вы умрете, может быть, когда-нибудь — тогда эти лучи доберутся. А лучи движутся с потрясающей скоростью, сто восемьдесят шесть тысяч миль в секунду, триста тысяч километров в секунду. Для такой звезды вы никогда не существовали. От вашего рождения до вашей смерти ни один луч не мог добраться сюда, чтобы посмотреть на вас, коснуться вас. Это то, что касается этой звезды... а там далеко имеются миллионы звезд. Что говорить о вас — есть звезды, лучи которых не достигали Земли с момента ее возникновения. И она может перестать существовать, а те звезды никогда и не узнают, что была такая планета — Земля.

Что же говорить о ваших Александре Великом, Наполеоне Бонапарте, Иване Грозном? Они совершенно не имеют никакого значения во всей этой огромной вселенной. Семьдесят лет... поэтому религии и говорили людям: «Семьдесят лет не имеют значения. Это несчастье пройдет, и если вы дадите ему уйти, не борясь с ним, то в следующей жизни, жизни после смерти, вас ждет великая награда».

Эти люди не дают вам менять ситуацию на Земле.

Конкретно, они воспрепятствовали преобразованию человека, поскольку все страдания, которые вы видите повсюду, коренятся в человеке.

И если человек останется тем же, эта напряженность будет нарастать, будет нарастать эта боль.

И очень вероятно, что к концу этого столетия человечество совершит самоубийство путем глобальной войны.

И не так трудно представить себе такую возможность, поскольку люди, находящиеся у власти, люди, владеющие ядерным оружием, это люди третьесортные. Кажется, что для того, чтобы быть успешным политиком, нужно быть абсолютно неинтеллигентным, фанатичным, лживым, нужно постоянно обещать, хорошо зная, что никакие обещания не будут выполнены, нужно мошенничать, прятать мерзкую действительность за красивыми словами.

Сейчас каждая большая, мощная страна переполнена ядерным оружием. Его так много, что если мы захотим, то можем прямо сейчас уничтожить семьдесят таких планет, как Земля. Ядерного оружия так много, что каждого человека можно уничтожить семьдесят раз, хотя этого совсем не

нужно, одного раза достаточно; но политики не хотят упустить ни одного шанса. Их лица — это все маски. Они говорят одно, а делают другое. И в руках таких людей власть. Любой чокнутый может нажать на кнопку и покончить со всем человечеством, со всей жизнью на Земле.

Но, может быть, глубоко внутри человечество тоже хочет избавиться от всего этого. Может быть, индивидуально у людей нет смелости совершить самоубийство, но в массовом масштабе они готовы на это.

Всегда помните, отдельные люди не совершают великих преступлений. Великие преступления совершаются всегда толпами, поскольку в толпе отдельный человек не чувствует:

«Я отвечаю за то, что происходит». Он думает: «Я просто вместе с другими людьми». Когда вы что-то совершаете индивидуально, вы должны три раза подумать о том, что совершаете. Что делаете? Правильно ли это? Разрешает ли вам это ваше сознание? Но ничего подобного нет в толпе, в толпе вы можете затеряться. Никто никогда не сможет раскрыть, что вы были ее частью.

Даже такая страна, как Германия, о которой говорили, что она самая разумная, культурная, изоцированная, давшая великих поэтов, художников, ученых, философов... во всех измерениях вклад Германии огромен. Но можно только удивляться, что страна Гегеля, Фейербаха, Канта, Маркса, Фрейда, Эйнштейна — эта страна попала под власть Адольфа Гитлера, который был не чем иным, как сумасшедшим.

Что случилось? Даже такой человек, как Мартин Хайдеггер, который был ведущим философом современного мира, поддержал Адольфа Гитлера. Когда думаешь об этом, испытываешь шок... Я всегда высоко ценил этого человека, поскольку его разум был несравненен. Другие философы далеко позади него: Сартр, Марсел Ясперс — далеко позади. Никто не приближается к нему; даже понять его было не просто. Но он поддержал Адольфа Гитлера. И когда Германия проиграла войну и Адольф Гитлер покончил с собой, тогда он как бы проснулся ото сна. Тогда он осознал, что же сделал: «Этот человек был просто сумасшедшим, а я поддержал его».

Это то, о чем я и говорю: вы можете спать даже в том случае, когда ваши глаза полностью открыты. Он спал и воображал в своих снах Адольфа Гитлера, поскольку видел, что у этого человека власть, власть воздействовать на массы, которой не было у Мартина Хайдеггера. Сам же он не мог дать ни одного выступления, поскольку никто не понимал его, все уходило. То, как он говорил, то, о чем он говорил, те сложности, которые он вносил... кто же будет слушать его?

Он был профессором философии в университете, на самом деле, во многих университетах — по той простой причине, что, где бы он ни профессорствовал, студенты прекращали ходить на занятия. Он был намного выше всех; он был у них над головами. Если такой человек собирается экзаменовать вас — с вами все кончено. И после двух-трех лет пребывания в одном университете университет просил его: «Уезжайте; никто не хочет идти к нам». Наконец, решили сделать его вице-президентом университета, чтобы он только не учил.

Он не имел власти над массами — и он видел Адольфа Гитлера: массы были просто очарованы им, были почти в состоянии гипноза. Поэтому он представлял себе, что то, о чем он мечтал, каким должен быть мир, что это сможет сделать этот человек. Но сам он был невиновен. Он не понимал, что у этого человека были свои бредовые идеи относительно устройства мира. Он не

собирался слушать никаких философов. И уж Мартин Хайдеггер был точно вне его понимания. Он не смог бы даже поддержать разумного разговора с ним.

Религии давали человеку вымыслы, которыми он жил. Теперь все эти вымыслы разбиты, и человеку не осталось ничего, чем можно жить, — отсюда и боль.

Боль — это не обыкновенное состояние тревоги. Тревога, беспокойство всегда концентрируется вокруг определенной проблемы. У вас нет денег — вот и тревога; у вас недостаточно одежды, а наступают холода, вот и определенное беспокойство; вы больны, и у вас нет лекарств — тревога. Беспокойство по поводу определенной проблемы.

Страдание не связано с проблемой как таковой. Просто все кажется бесплодным, тщетным. Даже дышать представляется ненужной тяготой, потому что — что случится завтра? Вчера вы тоже думали, что что-то случится завтра... сегодня наступило это вчерашнее завтра — и ничего не произошло. И так продолжается годами. А вы все время воображаете себе завтра.

Приходит-момент, когда вы начинаете осознавать, что ничего и не должно случаться. Тогда наступает состояние страдания. В состоянии страдания есть, кажется, только одно: как бы выйти из этого круга жизни — отсюда самоубийства, возрастание интенсивности самоубийств. Отсюда бессознательное желание человечества, чтобы произошла третья мировая война... «Я не отвечаю за свое самоубийство... это война убила всех — и меня тоже».

Но вся эта ситуация может быть изменена.

Мы просто должны изменить все исходные послышки старого человека: устранить Бога, устранить небеса и ад, устранить идею о будущем вознаграждении — устранить идею о том, что должен прийти какой-то мессия и спасти вас от ваших страданий.

Отбросьте идею о том, что кто-то другой отвечает за ваши несчастья и страдания; отбросьте идею о том, что кто-то другой может дать вам смысл жизни.

Воспримите то, что вы один — рождены один и умрете один.

И вы должны воспринять тот факт, что вы живете один — может быть, в толпе, но вы живете один, может быть, со своей женой, подружкой, другом, но и они одни в своем одиночестве, а вы один в своем, и эти одиночества не касаются друг друга, никогда не касаются друг друга.

Вы можете жить с кем-то на протяжении двадцати, тридцати, пятидесяти лет — не имеет значения — и оставаться незнакомыми.

Вы будете всегда незнакомыми.

Воспримите тот факт, что мы незнакомцы; что мы не знаем, кто вы, что вы не знаете, кто я.

Я сам не знаю, кто я, как же вы можете знать?

Но люди предполагают, что жена должна знать мужа, муж предполагает, что жена знает его. Все действуют так, как будто умеют читать мысли и знают до того, как вы скажете, что вам нужно, в чем ваши проблемы... Он должен знать, она должна знать — и они должны что-то делать. Все

это чепуха.

Никто не знает, даже вы, поэтому не ждите, что кто-то другой должен знать вас; это невозможно по самой природе вещей.

Мы все незнакомцы. Может быть, случайно мы встретились и мы вместе, но мы одиноки. Не забывайте этого, ведь над этим надо работать. Только отсюда придет ваше искупление, ваше спасение.

Но мы делаем прямо противоположное — думаем, как бы забыть о нашем одиночестве? Друг, подруга; пойти в кино, на футбол; затеряться в толпе, потанцевать на дискотеке, забыть себя, пить алкоголь, принимать наркотики, но как-то не дать войти этому одиночеству в свой сознательный ум — здесь и лежит весь секрет.

Вы должны воспринять свое одиночество, которого вам никаким образом не избежать. И нет способа изменить свою природу. Это ваша подлинная реальность. Это вы.

А вы бежите от себя. Тогда возникнет несчастье, тогда будут проблемы. И решая одну проблему, вы создадите в десять раз больше, и так далее, и так далее. Вскоре вас будут окружать только проблемы, и вы будете тонуть в своих проблемах. Тогда вы закричите: «Почему возрастает напряженность? Почему так много страдания? Почему так много несчастья?» — как будто у кого-то на этот счет есть готовый ответ. Да, у кого-то он есть — у вас.

Я ведь нашел ответ в себе, поэтому я говорю вам это обоснованно.

Моя обоснованность не имеет под собой никакого Бога, никакого мессии, никаких Вед, никакого Корана, Библии — нет. Эта обоснованность — следствие моего собственного переживания.

Всю свою жизнь я жил среди миллионов людей, но никогда, ни на единое мгновение, я не забывал, что я один, что моя уединенность недостижима для других, никто не может войти в нее.

Она доступна только для меня, поскольку она — это я.

Поэтому в тот момент, когда вы перестанете бежать от себя, топить себя во всех возможных наркотиках, связях, религиях, служении человечеству... сейчас так поступают многие. Это не что иное, как бегство от себя. Их эго удовлетворено, ведь они служат человечеству-

Я знаю служителей, великих служителей, и когда я говорил с ними, и обнажал им смысл, и ставил их на колени, они буквально заливались слезами и говорили: «Может быть, вы правы, это наше бегство. Мы думали, что служим этим бедным людям, но, кажется, мы не в состоянии разрешить ни одной собственной проблемы». Видимо, это самый предпочтительный способ бегства. Можно отложить в сторону свои проблемы. Как вы можете быть настолько себялюбивым, чтобы беспокоиться о своих проблемах, когда страдает человечество? Когда страдают все, помогите им. Поэтому вы можете в красивых одеждах отложить в сторону свои проблемы — даже думать о них является себялюбием.

Но с этими проблемами кому вы собираетесь помогать и как? Вы сваливаете все свои проблемы на того, кому собираетесь служить. Муж сваливает на жену, жена — на мужа. Родители сваливают на детей, все сваливают свои проблемы на других, не замечая, что другие тоже пытаются поступать так же.

Хватит сваливать свои проблемы на других.

Вы должны сами решать свои проблемы, и каждый должен сам решать свои проблемы.

А проблем не так много. Есть одна проблема, которую вы не разрешили и которая порождает цепь нерешенных проблем.

И эта проблема в следующем: как войти в свое одиночество без страха?

Тот момент, когда вы без страха войдете в свое одиночество, будет таким прекрасным и восторженным переживанием, что ничто не сравнится с ним.

Это вовсе не проблема. Это, наоборот, решение всех ваших проблем. Но вы сделали из нее проблему, потому что слушали других и следовали за ними: слепой, идущий за слепыми лидерами и священниками. А все они ходят по кругу, и все верят, что человек, идущий впереди, видит, куда идет, но то же думает и человек, идущий впереди. Он держится за чье-то пальто или рубашку, веря, что тот человек знает, куда идет, и все они ходят по кругу; никто никуда не идет. Те, кто идет позади, идут за лидером, лидер идет за идущими позади...

Нужно прекратить эту глупую игру в лидеров и последователей.

Нужно быть просто самим собой и помнить, что вы родились один, поэтому одиночество — ваша реальность; вы умрете один, поэтому одиночество — ваша реальность.

И между рождением и смертью, между двумя этими точками вы абсолютно одиноки, может ли быть жизнь какой-то другой? В каждое мгновение вы одиноки.

Поэтому воспринимайте это с радостью; входите в одиночество так сильно, как это только возможно, столько раз, сколько возможно.

Это храм моей религии.

Он не сделан из камней или мрамора; он сделан из вашего сознания.

Входите в него, и чем глубже вы в него входите, тем дальше проблемы. В то мгновение, когда вы коснетесь сердцевины вашего бытия, вы достигнете дома.

И от этой точки вы можете идти вовне и делать все, что хотели бы делать. Это будет помощь, это будет служение, это будет разделение. Вы не будете ничего ни на кого сваливать.

С одной стороны, священник дал вам желание иного мира, стремление к иному миру, стремление в завтра. Политик дает вам этот мир... вы можете стать президентом. Любой в Америке может стать президентом, все граждане равны. Что за чепуха! Нет двух равных граждан, и не все, а только самый хитрый станет президентом. По крайней мере, не тот, кто

помогал кому-либо.

Только амбициозные люди могут достичь наивысшего политического поста в любой стране, поскольку это гонки и нужно быть очень амбициозным, чтобы поставить все на это. И вам не следует беспокоиться о том, что вы делаете, правильно ли это или нет. Вам нужно держать в уме конечную цель и делать все, что вы считаете необходимым для ее достижения; правильно ли это или неправильно, такого вопроса нет. Если вы проиграте, то все было неправильно; если вы выиграете, то все правильно. Успех прав, неудача неправ. Вот чему учат политики.

Отбросьте все, что политики и священники вложили в вас, и когда вы сбросите тяжесть, вы начнете видеть проблески вашего собственного бытия.

Это то, что я называю медитацией.

Раз вкусишь ее, и она преобразует навсегда.

Шила, еще один вопрос.

Бхагаван, Христианская Библия начинается утверждением: «В начале было слово». Вы согласны?

Не было никакого творения. Как может быть «начало»? Творение — непрерывно; оно есть творчество.

Пойдите назад, вы не найдете начала; пойдите вперед, вы не найдете конца. Это энергия творения без начала, без конца.

Так что, прежде всего, не было начала. Бог никогда не творил мир — нет Бога.

И Библия говорит: «Вначале было слово». Это самое смешное, что можно сказать. Если мы лишь в целях поддержания дискуссии предположим, что было начало, то я скажу:

«Вначале было безмолвие».

Как вначале могло быть «слово»? Только взгляните на эту идею. Как вначале могло быть слово? Тогда что было до слова? Конечно, должно было быть безмолвие — до того, как слово нарушило его.

И безмолвие означает нечто гораздо большее, поскольку именно безмолвие я пытаюсь многими способами ввести в вас. И именно оно было в начале, есть в середине и будет в конце, поскольку безмолвие пребывает в самом центре всего этого творчества, этого потрясающего творчества, которое творит существование.

Том 2.

Введение

Сначала мы имели Святую Библию - сказанное нам слово Божье. Теперь у нас есть новое начало, БИБЛИЯ РАДЖНИША - слова Бхагавана Шри Раджниша. Новое начало - и какое новое!

«Бог - величайший вымысел, созданный человеком», - говорит Он, и этим простым предложением Он бросает вызов Святой Библии и тому, что в ней содержится. Некоторые назовут это наглостью, некоторые назовут это смелостью. Одно из исключительных качеств Бхагавана Шри Раджниша, с которым быстро знакомятся Его санньясины, - это смелость; смелость бросать вызов лжи и лицемерию, без уверток, без подслащивания горьких пилюль.

Эти беседы потрясают корни наших «религиозных» основ, нашей обусловленности. Они то, что церковь обычно называла «ересь». Они проникают в самую суть. Большинство из нас цитировали Библию, клялись на Библии, сомневались в Библии, но многие ли из нас по-настоящему задавались вопросом об основной послышке Библии - о том, что Бог существует. Кто Он? Откуда Он пришел? И почему только один сын? И кто такой Дух Святой? И почему так плохо обошлись с женщиной? И кто я во всем этом?

Если мы и задавались этими вопросами, то не ушли слишком далеко. Наши умы настолько запутаны от рождения исподволь внушенными нам идеями о грехе и вине, о вознаграждении и наказании, о ком-то там, кто больше нас, и всем управляет, что нам почти невозможно распутать эту паутину и начать снова со стартовой черты - с чистоты и невинности.

Именно этому и учит нас этот удивительный и совершенно обыкновенный человек. Он называет это хирургией; так оно и есть. Это отмывание дочиста грифельной доски. Это опустошение до дна всего того, что вызывает в нас страх жизни и страх смерти. Только после этого мы можем начать с невинности, с азбуки.

Прямо сейчас эта азбука гравирована в нашем переживании, в нашем опыте, не из заимствованного знания или учения. Прямо сейчас наше переживание настраивает нас в унисон с жизнью и смертью; это дорога к гармонии.

Бхагаван говорит: «Не верьте ничему из того, что я говорю вам, пока не испытаете и не переживете это сами. Каждая индивидуальность уникальна и может цвести только по ее или его собственной правде. Не по правде Иисуса, не по правде Маркса, не по моей правде...»

«То, чем вы нагружены - Кораном или Гитой, - не имеет значения. Я не заинтересован в том, чтобы вы выбросили Библию; я заинтересован в том, чтобы вы выбросили весь хлам, все отбросы, которые несете с собою... поскольку они были навязаны вам другими. Они не ваши».

«Запомните: только то, что вы переживаете сами, - ваше. Вы знаете только то, что знаете вы.

Но прежде всего хирургия... Чтобы получить даже проблеск правды, нужно бросить вызов и устранить всю ложь, весь обман, все страхи, все ограничения.

Эти беседы - и вызов, и хирургия. Они производят эффект сжигания ткани вашей воображаемой индивидуальности. И из этого, подобно птице-феникс, встающей из пепла, Он сотворяет возможность рождения Нового Человека, человека гармоничного.

В Его словах нет догмы. Они идут из Его переживания жизни, из Его правды, которую Он передает как друг, сидящий у камина; полный тепла, юмора и любви. Богатство и цельность человека, внутреннее путешествие которого завершено, который уже просто «дома».

Ма Алима

Беседа 1

ПСЕВДОРЕЛИГИЯ: ПРОКОЛОТАЯ ДУША

29 ноября 1984 года

Бхагаван,

Почему современное человечество становится все более и более несчастным?

Причина очень проста, может быть, даже слишком проста. Она на поверхности, она очевидна, и именно поэтому большинство людей не видят ее. Когда что-то слишком очевидно, вы начинаете воспринимать это как данное. Когда что-то расположено слишком близко к вашим глазам, вы не можете это видеть. Для видения необходимо некоторое расстояние.

Поэтому первое, что я хотел, чтобы вы запомнили, это то, что человечество несчастно не только сегодня. Оно была несчастно всегда.

Страдание, горе, стало почти нашей второй природой. Мы прожили в нем тысячи лет. Такая близость не позволяет нам увидеть его; а ведь оно так очевидно.

Но, чтобы увидеть очевидное, нужно иметь зрение ребенка.

Мы же несем на наших глазах тысячелетия. Наши глаза стары: они не могут взглянуть свежим взглядом. Они уже все восприняли и забыли, что это все и есть сама причина страданий.

Религиозные пророки, политические лидеры, законодатели морали - вы уважали их, не подозревая даже, что они и есть причина вашего страдания. Можно ли было подозревать их? Эти люди служили человечеству, жертвовали собой ради человечества. Вы поклоняетесь им; вы не можете связать свое страдание с ними.

Причины страдания закамouflированы красивыми словами, священными писаниями, духовными проповедями.

Когда я был студентом, случилось так, что в наш город с визитом прибыл первый премьер-министр Индии. В Джбалпуре, как раз посреди города, протекает вся городская грязь. Город очень большой - в десять раз больше Портленда, - и как раз посреди города подобно реке протекает всякая грязь. Через нее перекинут мост, и все знают, что перейти по этому мосту, все равно, что спуститься в ад. Я никогда не видел другого места, настолько зловонного.

В тот день, когда Джавахарлал, премьер-министр, прибыл с визитом в город, величайшие проблемы были связаны именно с этим мостом. Он должен был проезжать по нему, поскольку это был единственный путь проехать в другую часть города. Поэтому мост был покрыт цветами могры. Было лето, и могра - очень пахучий цветок... весь мост с обеих сторон был увешан гирляндами из могры. Можно было пройти по мосту и совершенно не осознать того, что прямо за этими мограми, за стеной из цветов, находилось самое грязное из возможных мест.

Я как раз направлялся в университет. Увидев людей, украшавших мост Наудра - так назывался этот мост; он назывался Наудра, потому что у него было девять столбов, девять проемов, через которые протекала грязь, — увидев людей, поднимавших эти цветы, я остановился. Я начал работать вместе с людьми, украшавшими мост, и никто не воспрепятствовал мне, поскольку там работало много людей, и все должно было делаться очень быстро - Джавахарлал должен был проехать вскоре. Поэтому я смешался с рабочими, с добровольцами.

Когда же процессия Джавахарлала приблизилась, а он стоял в своем открытом джипе, я вышел вперед перед джипом и остановил его. В любом другом месте такое было бы невозможно, поскольку повсюду стояла военная полиция, охрана, агенты безопасности. На мосту Наудра стояли по обеим сторонам только эти добровольцы, и не было никакой толпы, поскольку там стоять никто не хотел. И толпа не понимала, что же случилось - эти цветы могли перекрыли весь запах. Запах на этом месте был как в раю! Люди этого не понимали, потому что никого из них не было рядом.

Я сказал Джавахарлалу: «Пожалуйста, сойдите вниз. Вы должны заглянуть за эти цветы - вот она реальность этого города. Вас дурачат; эти цветы - не украшение для вашей встречи, они повешены здесь, чтобы обмануть вас».

Он сказал: «Что вы имеете в виду?»

Я сказал: «Спуститесь вниз, просто подойдите поближе к цветам и загляните за них». Он был очень чувствительным и разумным человеком. Другие люди - местные руководители - пытались удержать его.

Я сказал: «Не слушайте этих дураков. Они и устроили здесь эти цветы. Видели ли вы где-нибудь в городе такое огромное количество цветов, развешенных для украшения? И, кроме того, здесь вы не найдете никакой толпы. Арифметика очень простая. Просто сойдите вниз».

Он спустился вниз и прошел со мной взглянуть за цветы: он не мог себе такого представить. Он сказал этим людям, местным руководителям, мэру, членам корпорации и президенту конгресса: «Если бы этот молодой человек не был так настойчив, я не увидел бы действительности вашего города. Так вот что вы здесь делаете?»

Он сказал мне: «Если вы как-нибудь приедете в Нью-Дели, посетите меня».

Я сказал: «Не как-нибудь - я просто приеду посетить вас. Но вы скажите тем идиотам, что окружают вас, что мне разрешено войти».

Он сказал своему секретарю: «Вы должны позаботиться о том, чтобы никто не препятствовал ему». Вот так этот секретарь стал одним из моих последователей. И всякий раз, когда я нуждался в этом, он был готов все немедленно устроить: двери дома Джавахарлала были открыты для меня.

Я вспомнил об этом инциденте потому, что именно это и произошло со всем человечеством.

Вы видите страдание, но не видите его причину. Причина скрыта цветами. Вы видите цветы, и поскольку цветы не могут быть причиной страдания, вы отворачиваетесь от них.

Второе, что нужно запомнить, - это то, что человечество не только сейчас несчастно; всегда было так.

Да, случилось лишь одно новое - разница невелика, но она по-настоящему заметна - и заключается это новое в следующем: сейчас определенный процент человечества стал осознавать, что всегда было так.

Страдание было всегда; но вот осознавать страдание - это новый фактор. И это начало преобразования.

Если вы начали осознавать что-то, то тогда возникает возможность как-то это изменить.

Люди жили в страдании, воспринимая его как часть своей жизни, как свою судьбу. Никто не задавался вопросами. Никто не спрашивал почему.

И до того, как кто-нибудь пытался спросить почему, религиозные пророки, мессии и священники уже были тут как тут с готовым ответом.

У христианства ответ готов: Адам и Ева совершили первородный грех; поэтому-то вы и страдаете. Можно ли увидеть здесь какую-нибудь связь?

Даже в соответствии с христианским учением мир был сотворен за четыре тысячи и четыре года до рождества Иисуса — что совершенно неточно, что абсолютно глупо. Мир насчитывает миллионы лет. И под миром я подразумеваю только наш мир, эту землю; я не имею в виду солнце, солнечную систему, они ведь еще более древние. И я не имею в виду мир звезд... они же не так малы, как кажутся вам. Они больше нашего солнца - они все являются солнцами, - и все они имеют свои собственные солнечные системы. И они гораздо древнее нашей солнечной системы.

Действительно, когда вы приступите к вычислениям, касающимся существования, нельзя использовать годы в качестве единицы измерения, годы слишком малы. Миллионы лет ничего не значат. Когда вы начнете думать о том, каков возраст солнечной системы, вы вынуждены будете применять новую единицу измерения, которая обычно не используется, потому что мы не сталкиваемся с такими огромными вещами. И эта новая единица измерения придумана физиками - это световой год.

Вам нужно понять, что такое световой год, поскольку наша галактика имеет возраст миллионы лет. Свет перемещается с потрясающей скоростью, это самая высокая скорость. Все, путешествующее с такой скоростью, превращается в свет. Тепловая энергия этой скорости такова, что на этой скорости все становится светом. Поэтому и не может быть скорости, большей скорости света. Невозможно изобрести ракету, которая двигалась бы быстрее света, ведь тогда она превратилась бы в свет и немедленно достигла бы его скорости.

Скорость света 300 000 километров в секунду - за секунду триста тысяч километров. За одну минуту в шестьдесят раз больше; за один час еще в шестьдесят раз больше; за один день еще в двадцать четыре раза больше; за один месяц еще в тридцать раз больше; за один год еще в двенадцать раз больше - вот что такое один световой год. И наше солнце насчитывает миллионы световых лет.

Даже если христиане правы - Адам и тогда должен был совершить свой первородный грех, по крайней мере пять тысяч лет назад. Кто-то совершил свой грех пять тысяч лет тому назад - сколько поколений прошло с тех пор? - а вы все еще страдаете из-за этого греха? Это кажется абсолютно несправедливым! Если он совершил грех, Бог заставил его страдать. Почему должны страдать вы? Вы же в этом не участвовали. Если кто-то и должен страдать, то это Сам Бог, поскольку, прежде всего, зачем нужно было создавать те два дерева? Если человеку было не разрешено есть от этих деревьев, то все было очень просто - Богу не следовало создавать этих двух деревьев. Это он совершил первородный грех - если уж кто-то и совершал его.

И потом, если даже Он и создал их, зачем нужно было говорить Адаму не есть от этих двух деревьев? - ведь, я думаю, Адам сам по себе и до сих пор не нашел бы этих двух деревьев. Было бы чистой случайностью, если бы Адам нашел эти два дерева среди миллионов других деревьев. Но Бог показал ему эти два дерева и сказал: «Вот эти два дерева, и тебе нельзя есть от них».

Этот Бог - еврей. Зигмунд Фрейд хорошо понимает это - он тоже еврей, рожденный от первородного греха, - он очень хорошо понимает, что это еврейский Бог. Сказать кому-нибудь не делать что-то - это в точности означает спровоцировать его, бросить ему вызов, заморозить человека. На самом деле не змей уговорил Адама и Еву, это Божье «нельзя» так сильно задело их; они стали любопытствовать, почему нельзя.

И эти деревья не ядовиты. Одно дерево - дерево мудрости. Кажется нет логики в том, почему дерево мудрости должно быть запрещено человеку. А другое дерево - дерево вечной жизни. Оба дерева самые лучшие во всем саду Эдемском. Бог должен был бы сказать ему: «Не пропускай эти два дерева! Все остальное можешь пропустить, но эти два дерева не пропускай». А Он, напротив, сказал Адаму и Еве: «Не делай этого».

Это «нельзя» и есть настоящая причина того, что они ослушались приказания; змей — это лишь оправдание.

Но даже если они и совершили грех, с помощью Бога или с помощью змея, абсолютно точно то, что вы в этом не участвовали - никоим образом. Вас там не было, чтобы оказать им поддержку.

Христиане дурачили весь мир, евреи дурачили весь мир, говоря, что это из-за первородного греха страдает и пребывает в несчастье человек. Он должен вернуться обратно, он должен исправить то, что сделали Адам и Ева. Они ослушались приказания; вы должны слушаться Бога. Точно так же, как они не подчинились и были выброшены из рая, так и вы, если вы подчинитесь полностью, без всякого сомнения, без всяких вопросов, то вам будет позволено вернуться в мир блаженства, в рай.

Страдание существует из-за первородного греха, так говорят эти иудейские религии: иудаизм, христианство, ислам. Эти три религии произошли от одного источника; все они верят в тот же первородный грех и в то, что мы страдаем из-за того, что являемся потомками людей, совершивших этот грех. Даже человеческая юстиция не наказывает сына преступника только потому, что он сын преступника. Его отец мог убить кого-то, страшное преступление, но нельзя наказывать за него и сына. Сын не имеет ничего общего с этим.

Адам и Ева не совершили никакого страшного преступления - они были лишь немного любопытными. Я думаю, что всякий, у кого есть чувства, поступил бы точно так же. Так

случилось бы совершенно определенно - ведь в человеке есть глубокая потребность знать. Это присуще ему, это не грех.

Знать - это в самой природе человека. А Бог запрещает ему. Он говорит: «Оставайся невежественным».

И есть точно такое же присущее человеку интенсивное желание вечной жизни. Никто не хочет умирать.

Даже человек, совершающий самоубийство, не против жизни. Он надеется, что, может быть, в следующей жизни будет лучше. Он так устал от всех этих страданий и мук, что думает; «В этой жизни нет шанса, так почему бы не испробовать еще один шанс? Эта жизнь не дала ничего и, похоже, ничего не даст - надо испробовать еще один шанс. Если выжить и войти в другую жизнь, то, может быть...» Это «может быть», это страстное желание все еще присутствует в человеке, совершающем самоубийство. Он, может быть, совершает самоубийство против чего-то, но он не совершает самоубийства против самой жизни.

Это два основных и глубоко укорененных в человеке желания - и ему еще запрещается исполнять свою природу, свое естество, его собственная природа осуждается, как преступная, как природа, укорененная в грехе.

Если человек удовлетворяет свое естество, он чувствует себя виноватым; если он не удовлетворяет его, он страдает.

Эти люди создали основание для вашего страдания.

Позвольте мне подвести итог: если вы естественны, если вы следуете своей природе, вы испытываете чувство вины. Тогда эта вина становится вашим несчастьем, вашей тревогой, вашей болью - какое вы понесете наказание за это! Вы не подчиняетесь Богу из-за того, что все ваши священные писания и их заповеди против вашего естества. И, исполняя свое естество, вы становитесь несчастными.

Если вы не исполняете свое естество, то обязательно будете страдать, ведь тогда вы останетесь пустыми, неисполненными, неудовлетворенными; вы будете чувствовать тщетность, полную бессмысленность своей жизни.

Таким образом, в мире есть два типа несчастных людей: те, кто следует за религиозными пророками, и те, кто не следует за ними.

Очень трудно отыскать людей третьей категории, таких людей, как я, которые совсем ни о чем не заботятся. Я не следую за пророками, и я не против них. Я даже не ненавижу их - нет вопроса и о любви к ним. Для меня они абсолютно абсурдны и бессмысленны, не имеют отношения к нашему существованию. Примите любую из сторон, и у вас будут проблемы. Не принимайте никакой стороны, ни за, ни против; просто скажите этим ребятам: «Отправляйтесь в ад! И захватите с собой свои писания». Только так вы можете освободиться от своего несчастья.

На Востоке есть совсем иное объяснение. Объяснения могут быть разными, но цель одна. На Востоке все три религии - индуизм, джайнизм, буддизм - учат, что ваше страдание имеет место

вследствие ваших плохих дел в прошлых жизнях. И вы прожили миллионы прошлых жизней, в различных формах, в различных телах, в животных, в птицах... Здесь индусы имеют огромную перспективу. Известны восемьсот сорок миллионов форм жизни. Перспектива индусов огромна, по крайней мере, не так мала, как у христиан... всего лишь шесть тысяч лет.

Их перспектива определенно велика: восемьсот сорок миллионов форм жизни, и вы прошли через все эти формы; и тогда только стали человеком. На всем этом долгом пути - в индуизме, джайнизме, буддизме надо бы использовать слова «световые годы» - вы совершили так много дел, хороших и плохих, и все они записаны за вами. Если вы страдаете, то это просто означает, что над вами тяготят плохие дела. Вы должны страдать, это единственный способ освободиться от них. Вы должны расплатиться за свои дела. Кому же еще расплачиваться? Вы кого-то убили в вашей прошлой жизни, кому теперь расплачиваться за это?

Их объяснение представляется более математическим, более логическим, чем Адам, совершающий грех, и вы, страдающие после этого на протяжении шести тысяч лет. Так много поколений прошло, а грех все еще свеж. Так много поколений перестрадало и понесло наказание за него, а вы все еще наказываетесь. Можно ли наказывать столь многих людей за грех одного человека? И так будет продолжаться всегда и всегда.

Восточное видение представляется, по крайней мере, более логичным: в прошлой жизни вы совершили какие-то плохие дела, и, конечно, вы должны страдать за них. Я говорю, что это выглядит более логичным, но это не является истиной существования.

Что я имею в виду, когда говорю, что это не является истиной существования? Я имею в виду, что всякий раз, когда вы действуете, результат действия принадлежит самому действию, он не ждет следующей жизни. Почему он должен ждать? Если вы выпьете яд сейчас, разве вы умрете в следующей жизни? Я спорил с индусскими шанкарачарьями, джайнскими монахами, буддийскими бхикку, я говорил им: «Скажите мне, если кто-то ударит молотком себе по руке, будет ли он страдать в следующей жизни или будет страдать здесь, прямо сейчас?» Действие вызывает реакцию немедленно. Оно не ждет. Почему оно должно ждать, и почему оно должно ждать именно до следующей жизни.

Они дурачили людей, конечно, более логично, чем христиане, евреи и мусульмане. Поэтому-то никакой просвещенный индус не может быть обращен в мусульманство, иудаизм, христианство - это невозможно, потому что все ваши идеи выглядят для него очень детскими. У него есть гораздо более логичные объяснения. Но эти логичные объяснения значительны только на поверхности; в глубине в них ничего нет.

Я спорил со всеми этими людьми. Ни один из них не мог ответить на мой вопрос. Если вы сунете руку в огонь, будет ли у вас ожог в следующей жизни? Действие здесь, и реакция должна быть здесь же. Они связаны, они не могут быть разделены. В тот момент, когда вы любите, вы счастливы. Не так, чтобы в это мгновение вы любите и тут же несчастны, а в следующей жизни независимо от того, любите вы или нет, вы вдруг однажды испытываете счастье - благодаря хорошей карме из вашей предыдущей жизни!

Вы разъединяете вещи, которые неразрывны по самой своей природе. Вы ненавидите кого-то, и в самой этой ненависти вы сгораете в огне. Вы гневаетесь, и в самом этом гневе, не вне него, вы страдаете. Мой подход такой: в каждое мгновение, что бы вы ни делали, вы наблюдаете

немедленную реакцию.

Эти люди дурачили вас, поскольку они не могут говорить вам того, что идет против их коренных интересов. Они не могут сказать вам, что вы бедны потому, что вас эксплуатирует богатый — они же сами наняты богатыми людьми. Вот, например, джайнский монах Ачарья Тулси... В дождливый сезон джайнские монахи не путешествуют. В Индии не так, как здесь, сезоны разделены очень явно: четыре месяца сезон дождей, четыре месяца летний сезон, четыре месяца зима. Позднее они были нарушены из-за ядерных испытаний, проводимых повсюду; а так, точно день в день начинаются дожди и то о день в день дожди прекращаются.

Джайнский монах не путешествует в течение четырех месяцев сезона дождей. Он путешествует восемь месяцев, а на протяжении четырех месяцев он не путешествует, потому что земля мокрая, вырастает трава, и в этой траве много мелких насекомых, муравьев. Он не может ходить по траве, потому что трава живая. И он не может ходить по мокрой земле, потому что есть насекомые, которым влага придает смелости. Он должен ходить только по сухой земле, когда он абсолютно уверен, что своей ходьбой не убьет никакой жизни. Так что сезон дождей без вопросов. Он не может далее носить зонтик: это будет владение чем-то. Таким образом, в дождливый сезон ему труднее всего. У него только три одеяния - и все они мокрые, так что у него нет даже одежды на смену.

Ачарья Тулси располагается в одном дворце. У него семьсот монахов, и на восемь месяцев эти монахи расходятся по стране, а на четыре месяца они приходят жить с учителем в одном дворце. Но это очень трудная задача: только очень богатые люди могут пригласить Ачарью Тулси провести сезон дождей в их городе, ведь с ним придут и эти семьсот монахов. Это еще ничего. Когда здесь эти семьсот монахов вместе со своим главой, -который в этой секте вроде папы, - тогда послушать их придут тысячи последователей. Ведь в сезон дождей в Индии все закрыто, совершенно нечего делать — магазины пусты, — и люди начинают играть в карты, шахматы. В сезон дождей происходят всевозможные фестивали, поскольку все свободны. Люди навещают родственников, для их бизнеса нет никакого риска.

Люди навещают своих религиозных лидеров. И по традиции всякий, приходящий повидаться с главой, является гостем города, тогда как и сам этот глава является гостем этого города. Поэтому пригласить Ачарью Тулси означает потратить миллионы рупий, и только очень богатые люди могут позволить себе это. И если они могут позволить, то это означает, что они должны быть бизнесменами. Бизнесмен же никогда ничего не теряет. Он не карточный игрок. Он все рассчитывает по своему интересу. Если он собирается вложить - вот правильное слово — миллионы рупий в Ачарью Тулси, то тогда он выжмет из Ачарьи Тулси столько сока, сколько это возможно ради своего интереса, и он ничего не потеряет. И обе стороны все это хорошо понимают. Понимают, не говоря ни слова. Ачарья Тулси должен защищать богатого человека, поскольку именно этот богатый человек защищает Ачарью Тулси и его монахов. Все очень просто.

То же касается и других религий в Индии. Это очень дорогостоящее явление. Например, в другой джайнской секте монахи живут совершенно обнаженными и не могут останавливаться ни в каких домах или семьях, поскольку близость к семье может породить привязанность. Может возникнуть некоторая проблема, они могут быть смущены. Они могут располагаться только в храме. А джайнские храмы самые дорогие и самые лучшие храмы в Индии. Сейчас трудно строить такие храмы. В Маунт Абу - некоторые из вас могли видеть их, поскольку я, бывало,

устроив там свои лагеря, - они хранят настоящие шедевры искусства. В эти храмы были вложены такие огромные деньги: они все из мрамора. На постройку одного такого храма могли потребоваться сотни лет. Начиная прадед, и лишь третье, четвертое или пятое поколение торжественно открывало храм, когда он был готов. На постройке работали тысячи рабочих, художников, ремесленников.

Пригласить обнаженного джайнского монаха... Ведь обнаженный джайнский монах считается монахом наивысшего порядка. Ачарья Тулси - это не обнаженный джайнский монах. Он считается монахом более низкой степени. Да, он джайн, но если вы спросите последователей обнаженных монахов, они вам скажут: «Нет большой разницы между нами и Ачарьей Тулси. Может быть, он держит три одеяния, а мы шесть, но в этом и все различие. Вот между нашими монахами и ним настоящая разница». И точно, обнаженный джайнский монах мучит себя больше, чем кто-либо во всем мире. Никто не может состязаться с ним, он самый лучший мазохист, какие только могут быть.

Пригласить обнаженного джайнского монаха означает, что вам нужен храм, соответствующий его престижу, иначе вы оскорбите его. И каждый большой город продолжает тратить деньги на воздвижение храмов, поскольку обнаженный монах может останавливаться только в храме. Вы удивитесь тому, что джайнов не так много, но они имеют множество храмов по всей стране. Даже в местах, где не живет ни одна джайнская семья, можно найти джайнские храмы, поскольку джайнские монахи ходят повсюду и им нужно какое-то место, где они могли бы остановиться.

Вы удивитесь - на все это смешно смотреть, - джайнский монах не может просить ни у кого, кроме как у джайна. А сейчас джайнов очень немного, только триста тысяч по всей Индии - как чайная ложка соли в океане. Есть тысячи городков и деревень, где не встретишь ни одного джайна. Джайнский же монах должен непрерывно ходить на протяжении восьми месяцев; он вынужден проходить через деревни, где не живет ни один джайн.

Что же делают джайны? За монахом следует процессия из двадцати семей - двадцать автобусов, пятьдесят автобусов. Причина в том... Вы удивляетесь, почему пятьдесят автобусов? Если бы нужна была одна джайнская семья, то хватило бы и одного автобуса или автомобиля. Нет, джайнский монах должен ходить, прося подаяние, и ему не разрешается просить у одной семьи. Это против их писаний. Когда создавались писания, все это было совершенно правильно, поскольку было так много монахов, что они становились тяжелой ношей для общества. Если монах приходит в одну семью и находит там хорошую пищу, то начнет являться каждый день и измучит эту семью. А если узнают другие монахи, то и они начнут ходить в эту же семью.

Поэтому был установлен закон о том, чтобы ни один монах не просил подаяния только у одной семьи - хотя бы и на один прием пищи. Даже подаяние на один прием пищи он должен просить от нескольких семей: маленький кусочек отсюда, маленький кусочек оттуда. И на завтра ему не дозволяется просить у тех же самых людей. Никакому другому монаху не дозволяется просить в том же самом месте, где уже просил какой-нибудь монах. И теперь это порождает проблему: монах должен просить в разных семьях.

Итак, пятьдесят, шестьдесят семей с пищей всех видов... и со всем тем, что необходимо им самим - палатки и все остальное.

На самом деле осталось только двадцать два обнаженных джайнских монаха, ведь все это дело настолько утомительно, что когда умирает один обнаженный монах, его не заменяет никто. Это очень трудно. Так что пятьдесят, шестьдесят автобусов... Потом палатки, и на ночь собирается целый городок, а утром монах отправится в путь дальше. И они должны устраивать храмы в таких местах, где, странно сказать, нет ни одного человека, являющегося джайном. Чтобы поклоняться в храме, они вынуждены нанимать брамина.

А брамины и джайны - враги (джайнизм это восстание против брахманизма), но брамины это единственные, кто знает, как поклоняться, и поэтому им платят, чтобы они делали это. На самом деле они не поклоняются; это легко понять: как они могут поклоняться врагу? Этот человек Махавира, статуя которого стоит здесь, непрерывно критиковал браминов. И теперь брамин за плату поклоняется ему. Может быть, в глубине души он проклинает его, но снаружи он восхваляет, осыпает цветами и делает все, что предписывает джайнизм для поклонения.

Поутру весь городок будет готов. Монах приходит и узнает обо всех этих автобусах и о том, что весь этот палаточный городок вырос за ночь. Когда он приходил за день до этого, не было ни одной палатки. И всех этих людей он знает, ведь они непрерывно на протяжении месяцев следовали за ним. И, конечно, все эти люди должны быть достаточно богатыми, чтобы бросить все свои дела, чтобы возить за собой повсюду все свои семьи. А время года действительно трудное. В некоторых местах осадки достигают двухсот дюймов (пяти метров), а в некоторых местах может быть еще хуже - пятисот дюймов - и они должны следовать за монахом даже по горам, ведь джайны устраивают свои священные места в горах.

Индусы устраивают свои священные места по берегам рек. Поскольку индусы почти монополизировали реки, джайны вынуждены были что-то делать, чтобы защитить себя, - все тот же состязавшийся ум повсюду. Так что они придумали, что лучше всего будет выбрать высочайшие вершины гор и показать этим дуракам, что реки - это просто грязь. В Индии люди выбрасывают в реки мертвые тела, полусожженные тела, мертвых животных. Очень священные места! Поэтому-то джайны и устраивают свои священные места в высоких горах.

Эти автобусы следуют за ними в эти горы, и палаточные города возникают за одну ночь, пока монах спит, но не у него на глазах. Я спрашивал у этих обнаженных монахов: «Вы что, на самом деле не знаете, что эти люди следуют за вами - одни и те же лица, одни и те же палатки, одни и те же автобусы - на протяжении четырех месяцев? Они дурачат сами себя, но кого дурачите вы? И зачем весь этот цирк?»

В частном порядке они говорили мне: «Вы правы, но что мы можем сказать на это? Вы всегда бьете в то место, где больнее всего. У вас есть сноровка, - говорили они мне, - бить людей в самое слабое место. Это же ясно, четыре месяца... Я знаю, но не могу говорить об этом публично, ведь как иначе я выживу?» Монах зависит от этих людей. Эти люди бизнесмены, они вкладывают деньги. Они хотят, чтобы он говорил бедным людям: «Вы страдаете из-за вашей прошлой плохой кармы, а эти богатые люди наслаждаются своей хорошей кармой из прошлой жизни. Если вы тоже хотите наслаждаться, то делайте хорошую карму, подчиняйтесь священным писаниям, следуйте принципам, предназначенным великими учителями, и в следующей жизни вы будете богаты».

Я пытался объяснить, почему священники должны все переносить на следующую жизнь: ведь с этой жизнью они ничего не могут сделать. А со следующей жизнью одно хорошо: никто не

знает, что случится - случится что-нибудь или нет, выживет кто-нибудь или нет. Такая стратегия была придумана для того, чтобы объяснение оставалось рациональным. В противном случае все еще есть люди, которые делают все, что говорят священные писания, и все же страдают, бедны, больны. Они спрашивают: «Мы делаем все, что вы говорите, - так почему же мы страдаем?» Оставить их в стороне, даже этих джайнских монахов - один из них умирает от рака, так за что же он страдает? За всю свою жизнь он не сделал ничего, о чем можно было бы сказать, что это плохо. Нужно найти какое-то объяснение в его прошлом.

Человек пребывает в страдании, потому что религии не помогли ему уничтожить причины этого страдания.

Напротив, они утешили его, так что он остается все таким же, как он есть.

Бунт, восстание - это вещи того же порядка, что и неподчинение, непослушание, создание хаоса: вы будете ужасно страдать в предстоящей жизни. Вы страдаете сейчас и готовите почву для еще большего страдания. Вот так они и создали этот провал между этой и предстоящей жизнью, между прошлой и этой жизнью. И это прекрасная стратегия, ведь у вас нет ни одного свидетельства от вашей прошлой жизни - совершали ли вы в ней какие-нибудь плохие или хорошие дела, - нет у вас и никакой возможности узнать, что случится в вашей следующей жизни, в предстоящей жизни.

Они дали красивые объяснения и закамouflировали всю эту вонючую реальность красивыми цветами. Поэтому вы нюхаете цветы и забываете о вонючей реке, протекающей как раз внизу под вами. Выбросите эти цветы, и вы немедленно увидите, почему так страдает человечество.

Вот то новое, что, как я сказал раньше, произошло с человечеством: один его процент подошел к точке, когда люди стали немного сознательными, бдительными, осознающими. И этот один процент человечества, осознавая людское страдание, видя, что все человечество уже в аду, спрашивает: «О каком другом аде вы говорите? Не может быть ничего хуже того, что творится на земле». Такие вопросы поставил этот один процент человечества. Эти вопросы достигли и тех, кто еще не стал бдительным, - эти вопросы так или иначе достигли их. Они тоже слышали и ощутили в себе какое-то легкое шевеление сознания: «Да, есть несчастье, и это несчастье огромно».

Политики всегда обманывали вас. Они говорят: «Если есть демократия, страдания не будет. Если есть независимость, страдания не будет. Если есть социализм, страдания не будет. Если есть коммунизм, страдание исчезнет». Но вот демократия есть, а страдание продолжает нарастать, накапливаться. Страны независимы — нет ни одной страны, пребывающей в рабстве, - но и в независимых странах страдания не меньше. А может быть, даже и больше, ведь они не могут свалить свое несчастье на кого-то другого - они же независимы. У рабской страны есть, по крайней мере, какое-то утешение. Вот мое переживание, мой опыт.

До того как Индия стала независимой, по всей Индии было такое чувство. Мой дом был местом конспиративных встреч. Два моих дяди много раз сидели в тюрьме, и каждую неделю они должны были ходить в полицейский участок с отчетом о том, что они ничего не делают против правительства, что они все еще здесь. Им не разрешалось уезжать из города, но к ним приходили люди - и у всех их была такая большая надежда.

Я был маленьким ребенком, но всегда удивлялся: «Эти люди говорят, что стоит только стать независимыми, как все страдания исчезнут. Как это может случиться? Я не вижу никакой связи». Но была надежда. Земля обетованная была очень близко; еще немного борьбы, и она будет достигнута. Было страдание, но не вы отвечаете за него: ответственность лежит на британцах. Великим утешением была возможность свалить все на британцев.

Действительно, я, бывало, спрашивал у этих революционеров, тайно посещавших наш дом или иногда останавливающихся там на месяцы... Один из них, знаменитый революционер Бхавани Тивари, был национальным лидером социалистической партии. Всякий раз, когда он должен был куда-нибудь отправляться по своим подпольным делам, он приходил в нашу деревню и, спрятавшись, просто жил в нашем доме. Весь день он не выходил из дому - и никто не знал о том, что он в деревне. Но я спорил с ним. Он снова и снова говорил мне: «Ты приходишь с такими неудобными вопросами, что иногда я думаю, было бы лучше сидеть в британской тюрьме, чем находиться в вашем доме! Там, по крайней мере, я получал бы уход по первому классу».

Он был знаменитым лидером, поэтому он получил бы уход по первому классу - специальный класс для политических заключенных - со всеми удобствами, с хорошей пищей, с хорошей библиотекой. И у него была бы некоторая свобода, поскольку заключенных первого класса не заставляют заниматься никакой работой. Они писали свои автобиографии и другие книги: все великие книги, написанные великими индийскими лидерами, написаны в тюрьмах. Они ходили на прогулки - их помещали в прекрасные места, которые даже нельзя считать тюрьмами; они были созданы специально для них.

Например, в Пуне, как раз напротив нас, был дворец, на другой стороне реки - дворец Ага Хана. То был дворец. Ганди содержался там в качестве заключенного, и его жена тоже. Его жена умерла там, ее могила все еще находится во дворце Ага Хана. Вы, должно быть, видели этот дворец в Пуне - когда переходишь через мост, как раз на вершине холма стоит прекрасный дом.

Владелец этого дома жил в Бомбее и, бывало, приходил ко мне. Как-то раз я попросил его: «Можете взять все, что захотите, но отдайте мне этот дом к моему переезду в Пуну. Мне хочется иметь этот дом», - ведь во всей Пуне это было самое высокое место, откуда был виден весь город, и дворец был по-настоящему прекрасен.

Он сказал: «Это трудно, поскольку он принадлежит моей матери. Она владелица этого дома, и она не продаст его, поскольку в нем сидел в заключении Ганди, а она его последовательница. Она хочет устроить национальный музей в память Ганди. Убедить ее невозможно - и в особенности, если речь идет о вас. Даже ваше имя не произносится в моей семье. Когда я иду сюда к вам, я вынужден говорить, что направляюсь куда-то в другое место. Ваше имя произносить нельзя». Последователи Ганди не произносят моего имени, поскольку я постоянно выступаю против Ганди.

Таким образом, эти особенные дворцы были превращены в тюрьмы. Вокруг них гектары зеленых насаждений, прекрасные виды. Поэтому-то Бхавани Прасад Тивари, бывало, говорил мне: «Было бы лучше прекратить заниматься подпольной деятельностью - ведь ты задаешь такие неудобные вопросы».

Я говорил: «Если вы не можете ответить на них, то что тогда произойдет со страной, когда она

станет независимой? Возникнут вопросы, которые вам придется решать. Вы не можете ответить на них даже устно, а тогда вам придется решать их по-настоящему». Я спрашивал у него: «Когда британцы уйдут из страны, - а британцев было не так много - каким образом исчезнет нищета? Или вы хотите, чтобы я поверил, что до прихода британцев Индия не была бедной?»

«Она была такой же бедной, как и сейчас, может быть, еще беднее, поскольку британцы принесли с собой промышленность, технологию, и это помогло стране стать немного лучше. Они принесли с собой образование, школы, колледжи, университеты. До этого не было возможности получать образование - единственными образованными людьми были брамины, поскольку у них отец учил сына. Они держали всех остальных необразованными, ведь это лучший способ держать людей в рабстве. Образование могло стать опасным».

«Как вы уничтожите нищету? Как вы уничтожите сотни видов мук и несчастий, не имеющих никакого отношения к британцам? Вот муж страдает из-за своей жены - как вы поможете ему? Британцы ушли, хорошо; но жена-то все еще здесь, и муж здесь - как это все изменится?»

Он отвечал: «Я знаю, что это трудно, но дайте нам сначала получить независимость».

Я говорил: «Я знаю, после независимости проблемы останутся теми же самыми, может быть, еще хуже».

Они и есть хуже. За триста лет не было совершено ни одного покушения на британских генерал-губернаторов. Сейчас можно покушаться на премьер-министра. Ваша независимость дала вам великий разум! На протяжении трехсот лет пенджабские сикхи не говорили о том, что они хотят отделиться. Теперь, вот, они хотят отделиться. Вот что дала людям независимость.

И я с полной охотой отдал бы им отделение, но вот вопрос об индусском меньшинстве, проживающем в Пенджабе. Ведь их убьют. Или они должны стать сикхами, или они будут вырезаны. Так что это не только вопрос предоставления независимости отдельному штату. С этим-то все в порядке: если хотят быть независимыми, пусть будут. Но проблема в индусском меньшинстве. Куда забрать их? Они ведь будут убиты.

Так случилось в Пакистане. Когда образовался Пакистан, все индусы в Пакистане были вырезаны. И Пакистан от этого не стал богаче. Так богаче не станешь. Пакистан гораздо беднее Индии. Нищета становится больше из-за роста народонаселения. Британцы не несут ответственности за рост народонаселения. Это вы все время производите детей.

Политические лидеры поддерживали в человечестве надежду - постоянно где-то там, далеко, великая надежда...

Россия на протяжении шестидесяти лет страдала ради бесклассового общества: «Скоро настанет бесклассовое общество!» Когда закончатся эти дни ожидания? Это все та же старая стратегия. Иисус говорил как-то своим последователям: «Очень скоро вы будете со мной в царствии Божьем. Очень скоро вы увидите, как те, кто последовал за мной, спасаются, а те, кто не последовал, проваливаются в вечный ад». Этого все еще не случилось, и мы не знаем даже, сам Иисус с Богом или нет.

Он обещал даже вернуться. Я думаю, его оставила смелость - одного распятия достаточно!

Теперь он снова будет распят, на этот раз в Ватикане, поскольку на этот раз он явится как христианин. И папа будет тем человеком, который решит: «Этот человек должен быть распят - он притворщик, антихрист. Он не наш господь, ведь когда приходит наш господь, он является в славе, сидящим на облаке. Вот как должен являться господь. А этот человек родился от женщины, и даже не от девственницы».

Они будут искать облако, на котором явится господь, а господь сбежал!

Но надежда... Политики все время дают надежду, но она не осуществляется.

Одно нужно понять ясно: никакая надежда не поможет, никакое ложное объяснение не поможет.

Вам нужно отложить в сторону весь этот хлам и всмотреться в реальность, такую, как она есть.

Реальность заключается в том, что эта земля не вынесет такого большого народонаселения; население должно быть вполтину меньше того, что есть сейчас. Но то, как оно развивается, показывает, что к концу столетия народонаселение удвоится. Страдание тоже удвоится.

Я хотел бы, чтобы народонаселение стало вдвое меньше того, что есть сейчас, - но для этого вам нужна разумность, понимание.

Вы должны понимать, что дети не посылаются Богом. Нет Бога, посылающего детей. На самом деле, один мужчина имеет достаточно семени, чтобы за сорок, пятьдесят лет своей жизни произвести столько детей, чтобы хватило заселить всю землю — один мужчина! В каждом сексуальном оргазме теряются миллионы потенциальных человеческих существ. Это не то, что делает Бог, в противном случае этот Бог очень глуп. Какой смысл давать так много семени мужчине, когда у женщины обычно оплодотворяется только одно яйцо в год? Это и создало проблему: мужчины начали иметь помногу жен. Женщина же не может иметь много мужей, ведь мужчина может сделать беременными много женщин, а если у женщины будет много мужей, то что они будут делать? Одна женщина, один мужчина делает ее беременной, что же остальным отправляться в Орегон - что же еще?

Это не имеет ничего общего с Богом, это просто биология. Нужно рассказывать людям, чтобы они поняли биологию и использовали все доступные методы для сокращения народонаселения как раз наполовину от того, что есть.

Хватит ходить в синагоги, храмы, церкви - они достаточно дурачили вас.

Хватит спрашивать у этих людей - раввинов, монахов, священников, - ведь все, что они знают, они давали в качестве утешений на протяжении тысяч лет, и все их утешения оказались бессильными.

Вы должны повернуться от политиков, от религиозных людей к ученому.

Если человечество хочет освободиться от страдания, оно должно сфокусироваться на науке.

И свою религию я называю наукой внутренней души. Это не религия; это в точности наука.

Точно так же, как наука действует в объективном мире, эта наука действует в субъективном мире.

Запомните, внешняя наука может очень сильно помочь вам в уменьшении вашего страдания и несчастья, - почти на девяносто процентов. И вы удалите девяносто процентов своих страданий и несчастий - они физические, биологические. Наука может очень легко устранить их - тогда впервые вам станут ясны оставшиеся десять процентов вашего страдания. Прямо сейчас они теряются в беспорядке этих девяноста процентов.

Тогда вы сможете увидеть, что все ваше страдание - ничто в сравнении с этими десятью процентами; эти десять процентов - настоящая мука.

И преобразование возможно только через внутреннее движение: назовите его медитацией, осознанностью, наблюдательностью.

И эти десять процентов имеют потрясающий вес. Девяносто процентов — ничто, это просто голод... вам нужна пища, вам нужен кров, вам нужна работа, и все то, с чем может справиться наука.

Полностью удалите священника. У него нет функции в будущем. Он уже принес достаточный вред.

Сфокусируйтесь на науке, и тогда вы немедленно увидите возникающее в вас новое измерение, которого вы не осознавали раньше.

Оно было, - но голодный человек, как он может думать о том, имеет ли жизнь смысл или нет? Голодный человек не может думать о том, красив цветок или нет: он голоден. С ним невозможно говорить о музыке, поэзии, живописи. Это обидит его; это будет просто оскорблением, явным оскорблением.

Но когда эти проблемы исчезнут, он впервые начнет спрашивать о по-настоящему существенных вопросах, на которые может ответить только субъективная наука.

Поэтому у религии нет будущего.

Будущее есть у объективной науки, чтобы иметь дело с объективной материей, и у субъективной науки, чтобы иметь дело с вашей внутренней материей.

Одна заботится о вашей физиологии, биологии. Другая позаботится о вашей психологии и о вашем основном центре - о душе.

Беседа 2

ДРУГАЯ ЩЕКА - ПРАЗДНИК МАЗОХИСТСКОЙ ПОЩЕЧИНЫ

30 ноября 1984 года

Бхагаван,

Что вы думаете о философии ненасилия и в особенности о христианской догме подставления другой щеки?

Я не философ. Это философы обо всем думают. Их подход умственный.

Мой подход - подход не-ума. Он прямо противоположен философствованию.

Это не думание о вещах, идеях, но смотрение на них с ясностью, которая приходит, когда вы откладываете свой ум в сторону, когда вы смотрите сквозь безмолвие, а не сквозь логику.

Смотрение - это не думание.

Вон там восходит солнце; если вы думаете о нем, вы его упускаете, потому что пока вы о нем думаете, вы отдаляетесь от него. Думая, вы можете отдалиться на многие километры; мысль движется быстрее всего.

Если вы смотрите на восход солнца, то тогда ясно одно: вы о нем не думаете. Только так вы можете его увидеть.

Думание образует вуаль перед вашими глазами. Оно привносит в реальность свой собственный цвет, свои собственные идеи. Оно не позволяет реальности достичь вас, оно навязывает себя реальности; оно становится уклонением от реальности.

Поэтому ни один философ никогда не был способен познать истину.

Все философы думали об истине. Но думать об истине невозможно. Либо вы знаете ее, либо нет. Если вы знаете, думать о ней не нужно. Если не знаете, тогда как вы можете о ней думать?

Философ, думающий об истине, похож на слепого, думающего о свете. Если у вас есть глаза, вы не думаете о свете, вы видите его.

Смотрение - совершенно другой процесс; оно является следствием медитации.

Поэтому я бы не хотел, чтобы мой путь в жизни когда-либо назывался философией, потому что он ничего общего с философией не имеет. Можете называть его филосия. Слово «фило» означает любовь; «софия» означает мудрость, знание - любовь к знанию. В слове филосия «фило» также означает любовь, а «сия» означает смотрение, видение: любовь, но не к знанию, а к бытию, - не к мудрости, а к переживанию.

Это первое, что нужно запомнить. Ненасилие - это философия Махатмы Ганди; для меня это не философия, это филосия. Вот здесь я постоянно сражался с гандийскими философами, мыслителями. Ганди написал свою автобиографию под названием Эксперименты с Истиной. Это совершенный абсурд - с истиной экспериментировать невозможно.

Когда вы молчите, истина присутствует во всей ее полноте, во всей ее абсолютной славе. А когда вы не молчите, истина отсутствует.

Когда вы молчите, истина не предстает перед вами подобно какому-нибудь объекту. Когда вы молчите, вы неожиданно осознаете, что вы и есть истина.

Нет ничего, на что нужно смотреть, что нужно видеть.

Смотрящий и есть то, на что он смотрит, наблюдающий и есть то, что он наблюдает; этой раздвоенности больше не существует.

И нет вопроса о думаний. Нет сомнения, нет веры, нет идеи.

Ганди пытался экспериментировать с истиной. Вот простой контекст: вы знаете что есть истина; иначе как вы собираетесь экспериментировать с ней? А какой смысл экспериментировать с истиной человеку, знающему ее? Он живет ею! Для него нет альтернативы. Для Ганди все - философия, для меня все - философия. Ганди мыслитель, я не мыслитель. Мой подход не ментальный, не умственный, мой подход экзистенциальный, подход существования. Ненасилие - само это слово непривлекательно для меня, оно не в моем вкусе, потому что оно отрицательно. Насилие положительно, ненасилие отрицательно. Никто не обратил внимания на тот простой факт, что насилие оказывается положительным, солидным, - а ненасилие выступает как его отрицание.

Я называю это благоговением перед жизнью, я не использую слово ненасилие. Благоговение перед жизнью - это положительно; когда есть благоговение, ненасилие случается само по себе.

Если вы чувствуете благоговение перед жизнью, то как вы можете быть насильственными? Но все-таки можно быть ненасильственным, и при этом не испытывать никакого благоговения перед жизнью.

Я знаю этих так называемых ненасильственных людей... Вы будете изумлены, узнав, что в Калькутте у джайнов есть одно очень важное место. Во всех больших городах - в Бомбее, в Калькутте - джайны - самые богатые люди. В Калькутте я познакомился с одним странным явлением; когда я увидел его впервые, я не поверил своим глазам. Я обычно останавливался в доме весьма уникального человека, Соханлала Дугара. Он был уникален во многих отношениях. Я любил этого человека - он был очень колоритной фигурой. Был он стар - умер семь лет назад. Когда он впервые встретил меня, в то время ему было семьдесят, но дожил он до девяноста лет.

Он повстречал меня в Джайпуре, это был город, где он жил, и пригласил меня в Калькутту, поскольку там находился его бизнес; оттуда он контролировал весь серебряный рынок, не только в Индии, но и по всей Азии. Его называли Серебряным Королем. Я слышал о нем, но у меня не было ни малейшего представления, что он за человек. Когда он впервые пришел ко мне в Джайпуре, он прикоснулся к моим ногам - старик, одетый в стиле Раджастана, в желтом тюрбане, кажущийся очень древним - достал из карманов своей одежды пачки денежных купюр и хотел вручить их мне.

Я сказал: «Но прямо сейчас они мне не нужны. Оставьте мне свой адрес; когда я буду нуждаться, я обращусь к вам, и, если вы все еще будете богаты и если вы будете в настроении давать, вы дадите. Но прямо сейчас у меня нет никакой потребности, так зачем без необходимости доставлять мне проблемы? Я сейчас собираюсь в тридцатичасовое путешествие и тогда мне придется беспокоиться об этих деньгах. Я не смогу заснуть, всякий может отобрать их у меня. Поэтому, пожалуйста, оставьте их у себя». Он начал плакать, слезы потекли из его глаз. Я сказал: «Я же не сказал ничего такого, что могло вас так сильно задеть».

Он сказал: «Ничто другое не может задеть меня сильнее. Я бедный человек, потому что у меня есть только деньги и ничего другого. Я хотел бы что-нибудь сделать для вас - я испытываю к вам такое сильное чувство, - но я бедный человек; кроме денег у меня ничего нет. И если вы откажете моим деньгам, то вы откажете мне, ведь у меня нет ничего другого, Поэтому возьмите эти деньги. Если хотите сжечь их, сожгите прямо сейчас. Если хотите выбросить их, выбрасывайте прямо сейчас - это ваше дело. Но помните: никогда не отказывайте моим деньгам, это будет означать, что вы отказываете мне. Ничего другого предложить вам у меня нет».

Его слезы были такими искренними и подлинными, и то, что он говорил, было так значительно, что я сказал: «Хорошо. Давайте мне эти деньги, и вынимайте... у вас в карманах есть еще».

Он сказал: «Вот правильно. Вот человек, которого я искал». И он вынул из карманов все. Он вывернул карманы, показал их мне и сказал: «Сейчас, прямо сейчас, у меня больше нет, но вот человек, которого я искал». И он пригласил меня в Калькутту.

Он жил в джайнской колонии. Джайны стремятся жить вместе, поскольку не хотят смешиваться с более низкими человеческими существами. Они наивысшие человеческие существа, самые чистые, самые религиозные. Там он сказал мне: «Я покажу вам нечто, что удивит вас». Он провел меня в одну из своих комнат, открыл окно и сказал: «Посмотрите».

За окном я увидел... Я не могу выразить, что это было. Там была по меньшей мере сотня коек без всяких матрасов на них, и сто человек пытались уснуть на этих голых койках. Я сказал: «В чем дело? Почему у них нет матрасов и почему у них нет подушек? Им же неудобно; видно же, как они крутятся и вертятся».

Он сказал: «Вы на самом деле не понимаете того, что видите. Здесь есть нечто большее; эти люди наняты джайнами».

Я сказал: «Наняты? Для чего?»

Он сказал: «Чтобы спать на этих койках».

Я сказал: «Но какой во всем этом смысл?»

Он сказал: «Смысл в койках...» В Индии, в жарких странах очень легко растут насекомые всех видов. Одно насекомое - я не знаю как оно называется по-английски - кхатмал...?

«Это клоп, Бхагаван».

Клоп - вот этот паразит. Из-за своей философии ненасилия джайны не могут убивать их. Они не могут убивать их, но если на этих койках никто не спит, клопы умрут - вот поэтому они и нанимают людей. Вам платят пять рупий за ночь: вы спите на койке, полной клопов, и они всю ночь пьют вашу кровь. Что же это за бизнес? Они спасают клопов, - но что сказать об этих бедных людях? Они об этом не думают. Люди согласились спать на койках; им платят за это.

Но лишь подумайте об этой идее... вы помещаете человека в такую ситуацию. У человека должны быть настоящие неприятности, иначе, почему бы ему за пять рупий подвергать опасности свою жизнь? Может быть, у него умирает мать, может быть его жена в больнице,

может быть, с его отцом произошел несчастный случай и эти пять рупий очень нужны для лекарства, для еды, для чего-нибудь еще. И каждый день выстраивается очередь; на всех коек не хватает. Есть только сто коек; достается самым удачливым. А те, кто платят, зарабатывают себе добродетельность. Растет их банковский счет в ином мире - так много клопов спасли они от умирания. Странная любовь - к клопам. И они не думают о том человеке, который мучится всю ночь. Нет, ему заплачено, и нет никакого чувства вины.

Я хочу, чтобы вы запомнили: человек, верящий в ненасилие, необязательно испытывает благоговение перед жизнью. Но тот, кто благоговеет перед жизнью, обязательно будет ненасильственным - это необходимое следствие. И его ненасилие будет иметь совершенно иной вкус. Оно не будет ненасилием Махатмы Ганди.

Например, Ганди непрерывно пытается учить ненасилию своих учеников - и следует ему сам. Он не мошенник; все, во что он верит, может быть неверно, но он верит в это целиком и полностью. Его намерения всегда искренни, в его искренности нельзя сомневаться, но его разумность не так бесспорна. А человек с сильными стремлениями, но с разумом невысокого качества более опасен, чем кто-либо другой - ведь его стремления слепы. Ганди думал, что учит ненасилию, но на самом деле он учил людей насилию над собой.

На моем пути в жизни такого случиться не может. Благоговение перед жизнью не покидает меня: я полон благоговения ко всей окружающей жизни, так как же я могу не испытывать его по отношению к своей собственной жизни?

В глубоком безмолвии нет моего и нет твоего.

Жизнь есть просто жизнь; это один поток.

Мы связаны друг с другом невидимыми нитями. Если я раню вас, то я раню и себя. Если я раню себя, то я раню и всех вас.

Я хочу, чтобы это различие было ясным для вас. Оно очень тонко. Человек, верящий в ненасилие, будет очень внимателен к тому, чтобы не проявлять насилие к кому-либо другому - слишком внимателен! Но поскольку он не испытал благоговения перед жизнью - ненасилие это лишь его идеология; он лишь разумом пришел к выводу о том, что это хорошо, что это правильный путь, - он будет насильственным по отношению к самому себе. На самом деле его насилие по отношению к другим обернется на него самого. Пропорция останется той же самой.

Я пережил это в людях, например, в охотниках, убийцах, насильниках. Невдалеке от моего университета, в двухстах милях, был лесной заповедник - один из самых прекрасных лесов в Индии, Канха Кешали. На сотни миль все виды дикой жизни - там можно найти все возможные, все мыслимые формы животных. Охота там запрещена для всех, исключая особых гостей вице-короля, губернатора, а позднее премьер-министра, президента и главного министра. Для особых гостей охота разрешена, для всех остальных строго запрещена.

Когда у меня было время, я, бывало, ездил в Канха Кешали; дом отдыха в Канха Кешали находился в очень красивом месте, на большом озере, окруженном зеленью насколько хватало взора. Целыми днями там можно было не встретить и не увидеть ни единого человека, но можно было увидеть тысячи оленей, пробегающих по ночам. И ночью глаза оленя становятся почти

пламенными. Тысяча или две тысячи оленей, пробегающих в ночи... в лунную ночь можно было видеть тысячи маленьких огоньков, движущихся друг за другом. Олени должны приходиться к озеру по ночам, чтобы напиться воды. Все животные приходят на водопой ночью; вам только нужно сидеть в доме, и можно увидеть львов, тигров...

Как-то раз я повстречался с группой охотников, особых людей. Я удивился, узнав, что эти охотники были очень насильственными людьми, но вместе с тем очень дружескими, очень любящими. Я уже жил с ненасильственными людьми, которые не были дружественными, любящими. Контраст был такой, что я начал глубже присматриваться к этому явлению: в чем дело? Я дружил со многими великими охотниками Индии, с королями, принцами - в Индии так много магараджей, так много принцев, и все они охотники. Если вы войдете во дворец магараджи, то вы найдете там, как много львов было убито им; они все на выставке. Весь дом полон мертвых животных, сохраненных в виде чучел. Это предметы гордости.

Я начал дружить с этими людьми и нашел, что они очень хорошие, очень любящие, очень простые и невинные люди. Человек убил, может быть, сто львов, но сам он совершенно как ребенок. Он не такой высокомерный и эгоистичный, как ненасильственный джайна или ненасильственный последователь Ганди. Он простой человек, простое человеческое существо. Он знает, что он не святой. А эти люди, верящие в ненасилие, автоматически начинают считать себя святыми, высшими существами, выше всех остальных. В их эгоизме больше насилия, чем во всей жизни охотника, убившего множество животных.

Верящий в ненасилие не причинит вам насилия физически, но психологически он очень насильственен. Психологически он всеми возможными способами будет пытаться доказать свое превосходство. И еще одно: если он не дает насилию добраться до другого человека, то этим самым насилие не уничтожается; так оно не исчезает. Насильственный ум располагается внутри. Если вы не даете уму выражать свое насилие по отношению к другим, оно обратится на вас.

Поэтому ненасильственные люди всеми возможными способами мучат себя. Насилие не исчезло, оно лишь сделало поворот в обратную сторону. Ганди был очень насильственным по отношению к самому себе. Он постился по всякому поводу. Пост - это насилие. Если вы заставляете кого-то голодать - это насилие. А если вы сами голодаете, разве это не насилие? У вас что, двойные стандарты?

Заставляю ли я голодать вас или голодаю сам, это одно и то же; должны применяться одинаковые принципы и одинаковые стандарты: я насильственный человек, если не по отношению к вашему телу, то по отношению к своему. И в насилии по отношению к вам была возможность того, что вы могли ответить мне тем же - вы могли прекратить мое насилие по отношению к вам. Но быть насильственным по отношению к собственному телу - самое простое дело в мире. Что может поделаться ваше тело? Оно не может ответить тем же, оно не может запретить вам. У него нет защиты от вас. Поэтому человек, насильственный по отношению к другим, проявляет насилие к тому, кто имеет право защитить себя и сам может проявить насилие. Но человек, насильственный по отношению к самому себе, по-настоящему хитер, очень хитер. Он нашел самую невинную жертву в мире, самую незащищенную. Вы можете делать со своим телом все, что захотите.

Были монахи, которые избивали свои тела каждое утро, пока кровь не начинала сочиться из всего тела. И их считали великими святыми! В Александрии был один христианский святой,

который жил на тридцатиметровом столбе - на вершине его, где едва хватало места, чтобы сесть. Он оставался на этом столбе тридцать лет. Он спал там; люди посылали ему еду, и он подтягивал эту еду на веревке. Он испражнялся и мочился с этого столба... но все это считалось великим аскетизмом. Из мест, удаленных на сотни миль, приходили люди, чтобы уплатить дань уважения этому сумасшедшему. Что он делал? Просто мучил себя.

В Индии я видел так много людей, которые всеми возможными способами мучат себя, что мне стало совершенно ясно: во всех религиях, бывших до настоящего времени, доминировали садомазохисты.

Я встречал человека, который на протяжении многих лет стоял. Вот вы не можете стоять слишком долго; он же стоял годами. Все его тело сжалось. Весь его вес приходился на ноги, и ноги стали, как у слона. Теперь если бы он и захотел бы сесть, это не удалось бы ему. Он вынужден был спать стоя. Как раз перед ним находилась деревянная подставка, свешивавшаяся с потолка. Он клал свои руки на эту подставку и так спал, и так стоял целыми днями. Ему поклонялись тысячи людей.

Я спрашивал у них: «Какое здесь есть такое качество, что вы ему поклоняетесь? Заключается ли оно именно в том, что он стоит? Именно в том, что он идиот? Чего он добился этим стоянием? Посмотрите на его лицо! Сказал ли он хотя бы раз что-нибудь, что имело бы смысл?» Он был очень обыкновенным человеком. Но он умудрился самим этим стоянием стать великим мудрецом. Вот человек, который ненасильственен по отношению ни к кому, кроме себя. Это же чистое насилие. И я не представляю себе, если вы благоговеете перед жизнью, то как вы можете уничтожить таким образом свою собственную жизнь.

Джайнизм - это единственная религия, которая позволяет монаху, если он того захочет, поститься до смерти. Это не называется самоубийством, для этого нашлось очень красивое название: сантхара. Сантхара означает того, кто отбросил стремление к жизни, того, кто прошел дальше стремления жить. Каждый год многие джайнские монахи умирают как сантхары. Правительство ничего не может поделать с этим, поскольку такова религиозная практика джайнов. Не предполагается, чтобы светское правительство вмешивалось в дела какой-либо религии. И они не совершают самоубийства, принимая яд или убивая себя мечом, - нет, у них есть очень мучительный метод. Электрический стул был бы гораздо менее насильственным средством - вы просто садитесь на него, и вот вас нет, вы даже не почувствуете ничего. Или вам могут дать хлороформ, и тогда вы даже не почувствуете, когда вы еще есть и когда вас уже нет.

Но джайнский монах будет поститься на протяжении двух месяцев, трех месяцев. Были случаи, когда это продолжалось до девяноста дней - три месяца без еды. Он превращается в скелет; по мере того, как проходят дни, собираются все большие толпы, а он уже не может даже открыть глаза. Люди поют и распевают в его хвалу, но я не думаю, что он слышит их — он уже постился в течение двух месяцев; от него остались одни кости. Можно сказать, что он живой, потому что он все еще дышит, но за исключением дыхания и пульса нет никаких других признаков жизни. В течение трех месяцев он может оставаться подвешенным в этом состоянии между жизнью и смертью. И это ненасильственные люди!

Ганди выучился своему ненасилию у этих идиотов. Он признавал одним из своих гуру, своих учителей, джайнского монаха Шримада Раджчандру, который мучил себя и учил людей делать то же самое... Чему вы будете учить людей? Вы будете учить их тому, что делаете сами.

Поэтому я называю их садомазохистами; эти люди и садисты, и мазохисты. Обычно в психиатрических больницах можно найти отдельно садистов, отдельно мазохистов; редко найдешь того, у кого оба эти заболевания сразу - садомазохизм.

Садист наслаждается, мучая других. Адольф Гитлер, Иосиф Сталин, Муссолини, Мао Цзе-дун, Тамерлан, Александр, Наполеон — вот люди, бывшие садистами, наслаждавшиеся мучениями других людей. И есть мазохисты, которые наслаждаются, мучая себя. Мазохисты предлагают себя для мучений. Они ищут садиста.

Кто-то спросил меня, какой мужчина и какая женщина образовали бы наилучшую пару. Я ответил: «Один из них должен быть садистом, а другой мазохистом. Это была бы самая лучшая пара в мире. Они не развелись бы никогда. Один наслаждается, мучая; другой наслаждается, когда мучат его. Они полностью удовлетворяют себя». И есть пары, о которых можно подумать, что они идеальные, по той простой причине, что один из пары - садист, а другой - мазохист. Они подходят друг другу.

Мазохист изыскивает странные пути, философии, рационализации.

Здесь находится Вина. Когда она впервые пришла ко мне пятнадцать лет назад, она привела молодого человека; она пришла с этим молодым человеком. Этот молодой человек искал учителя, который мог бы научить его жить только на одной воде. Вина привела этого мазохиста. Но он не считал себя мазохистом. Он думал, что ищет наиболее естественный способ жить. Конечно, он не мог оставаться со мной. Вина привела его; он сбежал. Вина осталась со мной. Человека такого рода можно встретить повсюду. Кто-то становится натуропатом и живет в соответствии с идеалами, которые дает ему натуропатия.

Одна моя тетя предавалась чудачествам натуропатии. Я много раз говорил ей: «Вы просто убьете себя, если будете делать эти глупости». Так и случилось. Она была в полном порядке, но натуропатия все время находила в ней что-то не то. Если вы ищете, то и находите; тело - это сложное явление. Незначительная головная боль, и этого достаточно, чтобы начать пост; вы просто немного устали, и этого достаточно, чтобы поставить клизму. Все... и вы знаете, что делать, поскольку все время читаете. Есть книги с простыми лечебными предписаниями, и их не так много, так что в натуропатии каждый пациент становится для себя и доктором. Можно прочитать даже маленькую книжечку, и этого будет достаточно.

Я говорил ей снова и снова - я жил вместе с нею четыре года и всячески предупреждал ее лечебные процедуры. Я выбрасывал ее клизмы, выбрасывал ее ваннные бачки - у нее было много размеров... бачки для сидячих ванн, и я не знаю, что еще. У нее была такая коллекция странных приборов, я просто выбрасывал их прочь. В тот момент, когда я находил что-нибудь, я тут же это выбрасывал. И она постоянно прикладывала грязевые компрессы к своему животу, к своей голове, к своей спине. Я говорил: «Что происходит? Непрерывно - двадцать четыре часа в сутки? Вокруг ходят миллионы людей, но никто не делает того, что делаете вы». Так что пока я был в доме, я отнимал у нее ее грязевые компрессы, ледяные компрессы, горячие компрессы, но в тот момент, когда я уходил из дома, я ведь должен был ходить в университет, она немедленно возобновляла свои процедуры.

На два года я вынужден был покинуть Джабалпур, чтобы получить свою степень магистра гуманитарных наук. За эти два года она убила себя - даже не за два года, ей хватило и одного. Я

даже не закончил своего курса, как через девять или десять месяцев мне сообщили, что она сошла с ума и что теперь она в больнице. Я пришел повидать ее; она даже не узнала меня. И это было делом ее собственных рук. Я сказал ее мужу: «Теперь вы видите. Вы ведь тоже поддерживали ее. И вы все были против меня, говоря, что я отнимаю у нее все ее приборы и другие вещи, и она пыталась раздобыть их в других местах...» У нее были грязи различных видов из различных источников. Она, бывало, проходила многие мили, чтобы найти особый вид грязи. «Вы говорили мне: “Ты выбрасываешь прочь все ее вещи, это нехорошо”. Меня не было всего лишь девять месяцев, и она сошла с ума. Доктора сказали, что она не выживет; она разрушила всю свою нервную систему».

В Индии натуропатия связывается с йогой, и это естественно, поскольку йога - это традиция. Поэтому, чтобы очистить себя... а что есть нечистота? И если вы действительно собираетесь очистить себя, то это значит вы собираетесь умереть, поскольку все вокруг нечисто. Внутри вас есть кровь, и слизь, и мясо, плоть, и то и другое; все нечисто - так что очистите себя!

Она непрерывно очищала себя. Вы можете очистить нижнюю часть своего кишечника с помощью клизмы, но верхнюю часть с помощью клизмы не очистишь. Йога имеет для этого свой метод: вы глотаете кусок ткани длиной метров в десять, что-то вроде тонкой веревки. Вы постепенно заглатываете ее, чтобы она вошла внутрь - она имеет в длину десять метров, поэтому она проходит прямо вовнутрь - и потом оставляете ее так долго, как можете. Потом вы вытягиваете ее наружу, и она выносит с собой всю слизь и все нечистоты, которые есть внутри. Я предупреждал ее, чтобы она не делала этого, но однажды, когда я ушел, она была совершенно одна, очистила себя... и умерла. Тогда я сказал ее мужу: «Теперь вы можете очистить себя и последовать за нею».

Другие люди находят макробиотики... Вы едите только рис; этот рис единственно правильная вещь. Эти люди находят способ убедить себя в том, что они не мучат себя, но делают для себя что-то хорошее.

Я говорил вам, что люди, подобные Адольфу Гитлеру, садисты. И есть еще мазохисты. Мазохисты не причиняют много вреда, они наносят вред только себе. Садисты причиняют потрясающий вред, поскольку находят радость в том, чтобы мучить других. Но наибольший вред наносят садомазохисты.

Махатма Ганди - садомазохист. Прежде всего, он мучит себя; то, что он мучит себя, дает ему право мучить вас. Он знает путь, он знает способ: он уже все это проделал. Он предавался также чудачествам натуропатии, этим грязевым компрессам, клизмам, и тому, чтобы это есть, а это не есть... И этим чудачествам должны были следовать и другие. Конечно, он шел намного впереди своих учеников, и поэтому у него был авторитет. Ученики знали, что их возможности ограничены, но они старались вовсю. Учитель - это, конечно, учитель.

У меня нет философии ненасилия, но у меня есть путь в жизни, который я могу назвать благоговением перед жизнью. И это совершенно иная перспектива.

Ненасилие просто говорит, что нельзя убивать других. Вы думаете, этого достаточно? Это всего лишь отрицательное утверждение: не убивать других, не причинять другим вреда. Достаточно ли этого?

Благоговение перед жизнью говорит, что нужно отдавать, нужно делиться своей радостью, своей любовью, своим покоем, своим блаженством. Нужно делиться всем, чем можно делиться.

Если вы благоговеете, если вы признательны жизни, тогда благоговение становится поклонением.

Тогда повсюду вы чувствуете живого Бога.

Тогда поклонением становится простое рассматривание дерева. Тогда поклонением становится потчевание гостя.

И вы никого тем самым не обязываете, вы не совершаете никакого служения; вы просто наслаждаетесь собой. Точно так же, как те люди наслаждаются, мучая, вы наслаждаетесь, делаясь всем, чем можно делиться.

Поэтому я хотел бы, чтобы вы раз и навсегда запомнили: благоговение перед жизнью - вот мой подход.

Ненасилие тогда приходит автоматически, нет нужды беспокоиться о нем. И когда оно приходит само по себе, оно не будет безобразным.

Вы спрашиваете меня: что я скажу о христианской философии, о христианской позиции подставления другой щеки? Иисус вынес эту идею из Индии. Ему неоткуда было воспринять ее, потому что в еврейских священных писаниях идей ненасилия не было. Даже Бог евреев не является ненасильственным. Он ясно заявляет: «Я гневливый Бог. И те, кто не со мной, те против меня. Я не добр, - говорит он. - Я вам не добрый дядюшка».

Конечно, он ваш отец, не дядюшка. Это с дядюшкой вы можете завести какие-нибудь добрые, дружеские отношения. Но отец... поэтому он дает ясно понять: «Не пытайтесь сделать из меня дядюшку. Я вам не дядюшка». Он на самом деле объявляет: «Я вам не дядюшка, запомните это, и я не добрый; я очень сердитый и ревнивый Бог...» Когда Адольф Гитлер говорил: «Те, кто не со мной, те против меня», - он, может быть, не осознавал, что был при этом настоящим евреем! Это позиция еврейского Бога.

Иисус откуда-то вынес идею ненасилия. Этой идеи нигде и никогда не было, кроме как в Индии. И в особенности в то время, когда Иисус перебирался из Египта в Индию, эта идея носилась в воздухе, потому что всего за пятьсот лет до этого жил Махавира, всего за пятьсот лет до этого жил Будда. Санджай Вилеттхипутта, очень значительный Учитель, Аджит Кешкамбал, тоже весьма привлекательная фигура, Макхххали Госал - все эти люди повернули всю нравственную атмосферу Индии к ненасилию. Все говорили о ненасилии.

Брамины устыдились своих священных книг, они начали исправлять комментарии в своих книгах. Они начали изменять ритуалы. Вы удивитесь. Сейчас, если вы отправитесь в индусский храм, предполагается, что вы должны предложить им кокосовый орех. Этот кокосовый орех был первоначально не кокосовым орехом, а человеческой головой. Но кокосовый орех имеет сходство с человеческой головой: два глаза, борода, череп. Они начали интерпретировать свои священные книги таким образом, чтобы сказать, что вы должны предлагать не человеческую голову, а всего лишь кокосовый орех. В Индии вы увидите статуи Ханумана, покрытые красной

краской. Когда-то это была кровь, но они были вынуждены заменить ее, иначе выглядели бы очень глупо.

Эти великие учителя произвели глубокое впечатление на всю страну; все они были потрясающе важными, и все они по большей части стояли на твердом логическом основании. Они прекратили все виды жертвоприношений. Но как обойтись без крови? Достаточной будет какая-нибудь замена красного цвета. В немногих, уж очень ортодоксальных местах все продолжалось по-старому. Например, в Калькутте, в храме Кали, каждый год все еще убивают животных, и кровь изливается на Кали. В ортодоксальных местах это осталось; в других местах это исчезло и были подысканы различные замены.

Когда Иисус прибыл в Индию, он прибыл, должно быть, в то время, когда вся страна была охвачена философией ненасилия. Он вынес эту идею из Индии, и это одна из причин того, что евреи не приняли его. Он вынес из Индии, из Египта много идей, и когда он вернулся, ему было уже тридцать лет. От тринадцати до тридцати лет - на протяжении семнадцати лет он совершенно выпадает из всех христианских подсчетов: Эти семнадцать лет он провел в Египте, в Индии, в Кашмире, в Ладакхе и, может быть, в Тибете. И вибрации Будды и Махавиры все еще были живы, так что эти идеи не были его собственным видением.

Но на него потрясающее впечатление произвела идея ненасилия. Эта идея была очень рациональной: причинять кому-нибудь вред - это быть против Бога, поскольку этот кто-то - творение Бога, вы не должны разрушать его. Но был вопрос: что если вам причиняет вред кто-то другой, что тогда...? Вот тогда и появилась идея подставления другой щеки; это было его изобретение. Нигде в индийских священных книгах не говорится о том, что нужно подставлять другую щеку. Похоже, что этот вопрос и не поднимался. Ненасилие проповедовалось настолько рационально, что никто и не спрашивал: «Если кто-нибудь причинит вред вам, то что тогда?»

Махавира и Будда были абсолютно готовы к ответу: «Пусть вредит, он будет наказан своей кармой. Не беспокойтесь об этом; идите своим путем».

Да, однажды у Будды спросили: «Если кто-нибудь ударит меня, - спросил у него один бхикку, монах, - что я должен делать?»

Будда ответил: «Вы идете, и с дерева на вас падает ветка, ударяет вас. Что вы будете делать?»

Человек сказал: «Что я буду делать? Это же простая случайность, простое совпадение, что я оказался под деревом, когда с него упала ветка».

Будда сказал: «Так делайте то же самое. Кто-то был безумен, был в гневе, сошел с ума; он ударил вас. Это все равно, как ветка дерева упала на вас. Пусть это не тревожит вас, пусть это не раздражает вас. Просто идите своим путем, как если бы ничего не случилось».

Но когда Иисус вернулся в Иерусалим и начал говорить это, люди, наверное, снова и снова спрашивали его... ведь это было так ново для еврейской традиции. Это вносило совершенно незнакомую идею, которая никак не подходила к еврейским священным писаниям.

Иисус говорил, что если кто-нибудь ударит вас в одну щеку, обратите к нему другую. Вы спрашиваете меня, что я скажу об этом. Это позиция человека, который верит в идею ненасилия,

в философию ненасилия. Но когда вас бьют по одной щеке, а вы подставляете другую, вы тем самым поощряете насилие в мире. Это не будет ненасилием. Вы предполагаете наличие чего-то, что является всего лишь плодом вашего воображения. Если кто-нибудь ударит меня, то, согласно Иисусу, я должен подставить ему другую свою щеку. Но его вкусы могут быть иными. Он, может быть, получил наслаждение от первого удара, он, может быть, получит еще большее удовольствие от второго; может быть, он садист. Тогда вы поощряете садиста мучить людей; вы поощряете насилие. Даже позволить кому-нибудь мучить ваше собственное тело - и то поощрение насилия.

Нет, эта глупая идеология стала падением для всей Индии.

После Будды и Махавиры Индия уже никогда не стала той золотой птицей, которой была.

После Будды и Махавиры началось падение. Будда и Махавира несут абсолютную ответственность за двадцатипятивековое рабство в Индии, потому что они научили людей ненасилию. Они совершенно забыли, что другие люди, окружающие их страну, не являются ненасильственными. Вы поощряете этих людей, приглашаете их: «Приходите и творите насилие над нами». Вот что на самом деле происходило в индийской истории на протяжении двадцати пяти веков. Всякий, кто хотел богатства, женщин, рабов, вторгался в Индию. Проблем не было, Индия была страной ненасилия. Весьма вероятно, что захватчики проходили через царства и не встречали никакого сопротивления, никакой борьбы.

Если вы посмотрите на ваше ненасилие, которое провоцирует насилие, то что же это за ненасилие? Оно принесло в мир больше насилия, чем там его было раньше. До Будды и Махавиры Индия никогда не подвергалась завоеваниям. Не было никакого насилия, потому что люди знали, что завоевывать Индию все равно, что накликают на себя смерть. Но после учений Будды и Махавиры люди стали как масло - просто режьте их ножом, не будет ни малейшего шума. Миллионы людей были убиты, сожжены без всякого сопротивления, поскольку сопротивление было бы насилием.

Вы все время упускаете из виду то, что вы провоцируете насилие в другом человеке. Кто несет ответственность за это? Обращение другой щеки означает, что вы говорите другому человеку: «Пожалуйста, ударь меня еще, того удара недостаточно; я не удовлетворен. Ударь меня еще разок, чтобы я мог стать еще немного более святым». И у вас есть только две щеки. Что вы будете делать, когда он ударит вас по второй щеке? То, что говорит Иисус, выглядит прекрасно, но это совсем не практично, не прагматично, не научно.

Благоговение перед жизнью подходит ко всей этой проблеме совершенно под другим углом зрения.

Я скажу, уважайте жизнь, в которую вы вовлечены.

На самом деле, прежде всего уважайте себя, только после этого вы можете уважать кого-нибудь еще.

Любите себя, тогда вы сможете любить и других.

Благоговение перед жизнью не допустит никакой провокации насилия. Оно не начнет насилия,

но если насилие начнет кто-нибудь другой, оно немедленно прекратит его.

Иисус говорит: «Если кто-нибудь ударит вас в одну щеку, поверните ему другую». Я говорю: «Хорошо, обратите к себе его другую щеку - и ударьте покрепче. Дайте ему урок! Пусть ему станет ясно, что это не так просто бить кого-нибудь по щеке - удар вернется, и вернется покрепче. И если сможете, ударьте его по обеим щекам сразу. Зачем давать ему шанс обратиться к вам другую щеку и стать святым? Ударьте и одновременно скажите: «Я не верю в насилие, поэтому я должен прекратить его при первой же его попытке. И запомните, всякое ваше насилие будет предотвращено»».

Если вы уважаете жизнь, вы должны предотвращать насилие. И, с другой стороны, уважительно ударить человека, а не подставлять ему другую щеку, поскольку это очень неуважительно. Это может показаться немного трудным для вас: вы ударяете меня, а я не бью вас, но показываю вам другую свою щеку и говорю: «Пожалуйста, будьте так добры, ударьте меня». Я пытаюсь быть сверхчеловеческим существом, а вас низвожу ниже человека.

Я унижаю вас сильнее, чем мог бы унижить, ударив вас. Ударив вас, я просто объявляю, что вы человек, я человек, и я говорю на том же языке, что и вы. Мы оба стоим на одной и той же почве. Это более уважительно, поскольку вы не поднимаете себя выше другого; вы стоите на той же самой почве, на которой стоит другой человек. Вы говорите ему: «Ты мой брат; если ты ударишь меня, то получишь удар еще более сильный. Смотри и будь осторожен, поскольку можешь нарваться на настоящие неприятности».

Мне не нравится, чтобы вы превосходили другого человека. Именно это говорит Иисус: «Будьте покорными, будьте смиренными, обратите другую щеку, ведь тогда вы наследуете царствие Божье».

Я не обещаю вам никакого царствия Божьего.

Вы ничего не наследуете. Вы уже унаследовали его - это ваша жизнь.

Любите и уважайте ее.

Любите и уважайте других. Но не пытайтесь превосходить, быть выше, быть над другими. Но не ставьте человека и ниже себя.

Этого вы не найдете в высказывании Иисуса, но это есть - есть то, что вы унижаете другого человека. Вы создаете в нем чувство вины. Вернувшись домой, он подумает: «Что я сделал? Что это был за человек? Я ударил его, а он подставил мне другую щеку. Как я жесток, какое я животное, что снова ударил его по другой щеке». Он не сможет уснуть всю ночь. Он вернется завтра. Первое, что он захочет, - чтобы его простили. Но простить его - это снова поставить его ниже. Нет, я скажу вам, что если он ударил вас, будьте просто спортсменом. Не пытайтесь быть суперменом, будьте просто спортсменом. Ударьте его по-настоящему сильно и скажите: «Всякий раз, когда вам потребуется хороший удар, положитесь на меня».

Никогда никому не причиняйте вреда, но не позволяйте и никому другому причинять вред вам; только так мы сможем создать человеческий мир.

Мы в Индии испробовали другой путь, и этот эксперимент полностью провалился. Двадцать пять веков рабства, резни, насилия, и никто не поднял и пальца и не сказал, что за все это отвечают Будда и Махавира. Это они породили бессилие целой страны, слабость целой страны. Нет, мне не нравится порождать бессилие, рабство, провоцировать людей к совершению насилия над вами.

Не совершайте насилия сами, но и не позволяйте никому совершать его над вами.

Только так возникнет возможность создания человеческого мира.

Беседа 3

ЯДЕРНАЯ СЕМЬЯ - НЕМИНУЕМОЕ РАСПЛАВЛЕНИЕ

1 декабря 1984 года

Бхагаван,

Сенатор Боб Смит процитировал Вас так, как будто бы вы сказали, что все жители Орегона - идиоты. Пожалуйста, прокомментируйте.

Я не разочарован. Он подтвердил мою точку зрения. Я никогда не говорил того, что он рассказывает людям. То, что я сказал, так ясно, что даже идиот понял бы это, но бедный Боб Смит не смог и этого.

Я сказал: «Я видел идиотов всех возможных видов и думал, что это все, других разновидностей идиотов больше нет. Но после того, как я приехал в Орегон, я понял, что ошибался. Орегонский идиот - сам по себе класс».

Где в этом утверждении я говорю, что все жители Орегона идиоты? Я лишь говорю об орегонском идиоте как об особом классе. Я великодушный человек, но все же не слишком. Я не могу сделать Орегон таким выдающимся. Если все орегонцы идиоты, то Орегон станет уникальным местом. Тогда с ним не сравнится ни одно другое место. Орегон будет местом экстраординарным.

Боб Смит просто подтвердил мою точку зрения. Я ждал... кто-нибудь должен был подтвердить ее. И вот сенатор Боб Смит - первый в этом особом классе идиотов из Орегона. Он должен быть счастлив, что обошел их всех. Теперь всякий, кто сделает что-нибудь подобное, будет лишь вторым. Сенатор Боб Смит завоевал Нобелевскую премию. Он должен сменить свое имя, такое имя не подходит столь великой персоне... Сенатор Боб Смит? Нет, сенатор Дон-Кихот Орегонский, Советский Союз. Вот это подойдет ему.

Он также сказал: «Нельзя позволять раджнишистам оставаться здесь». Мы не совершили никакого преступления. Мы не причинили никому никакого вреда. Но почему так потрясены, так обеспокоены эти политики? И всего лишь полтора года назад тот же человек говорил: «Раджнишисты абсолютно законны, я ничего не имею против них». И вот за полтора года все совершенно изменилось.

Мы те же самые люди; но его политическая ситуация изменилась, и теперь всякий, кто захочет

укрепить свое политическое положение, может сделать это за счет нас. Все политики так и делают. Мы настолько благоприятны для них в этом отношении, что они должны быть нам благодарны. Любой политик, желающий выиграть на выборах, должен сделать лишь одно: он должен говорить против нас всякую чепуху - этого достаточно, он выигрывает. Все политики делают так.

Сейчас его политическая ситуация не тверда - шатка. Мы можем помочь ему, в этом нет проблемы. Он может обвинять нас, он может грозиться выкинуть нас; он может делать все, что угодно, если это будет способствовать укреплению его положения. Мы будем счастливы. Мы поддержали одного тонущего человека, спасли его тонущий статус. Он не поблагодарил нас, но мы и не ждали ничьей благодарности, мы просто делаем все, что кажется нам гуманным.

Вот сейчас мы собирали людей с улицы. Эти сенаторы в любой день могут стать людьми с улицы. Политики - они или на улице, или у власти; середины нет. Даже такой влиятельный политик, как Индира Ганди, послала мне как-то письмо: «Я убеждаю Раджива посетить вас, поскольку он не хочет уйти со своей службы в качестве пилота индийских авиалиний».

И аргументы Раджива весьма основательны. Он говорит: «В тот день, когда ты лишишься власти, как мы будем поддерживать семью? У нас нет своего собственного дома, где жить. Я единственный работающий член семьи - и должен ли я увидеть тебя на улице в твои пожилые годы?» Она не смогла убедить его уйти в отставку. И его аргументы были абсолютно ясными: «Где ты окажешься?» В течение трех лет, когда она была лишена власти и премьер-министром стал Морари, именно Раджив был тем, кто выгнал ее. Ей, по крайней мере, не пришлось просить подаяния.

Политика - странная карьера. Стоит понять несколько вещей, связанных с политикой, поскольку они позволят пролить свет на то, как действует человеческий ум. Прежде всего, политика привлекает только определенный тип людей, точно так же, как определенный тип людей привлекается наукой, поэзией, живописью, музыкой, танцем. Невозможно представить себе Уинстона Черчилля танцующим; это просто невозможно вообразить. Невозможно представить себе и Нижинского в качестве премьер-министра. Нижинский был танцором, и может быть самым лучшим танцором, которого только знал мир; его танец был почти волшебным. Он был рожден для танца.

Это был не какой-то талант, который он выучил, в нем был какой-то инстинкт, врожденное качество. Его волшебство было таким, что ни один другой танцор не мог имитировать его. Танцуя, он время от времени прыгал так высоко, что это, кажется, противоречило законам гравитации. Физики не могут объяснить этого. Невозможно с таким весом прыгать так высоко. И самым замечательным было то, как он опускался вниз: он опускался так медленно, как падает сухой лист во время листопада, медленно, не торопясь достичь земли. Это абсолютно противоречило законам гравитации.

Гравитация обладает тягой, она как магнит. Она тянет вас с такой силой; с ней невозможно справиться, с ней ничего нельзя сделать. Не в вашей власти опускаться медленно или быстро. Все падает на землю абсолютно беспомощно - земная гравитация определяет скорость падения. И земля такая огромная, она обладает огромной силой притяжения, да и мы сами не так легки, как листва. Даже сам Нижинский постоянно удивлялся. Он видел себя со стороны медленно опускающимся, не падающим — как бы соскальзывающим.

Люди снова и снова спрашивали его: «В чем заключается ваша техника, стратегия, метод?»

Он отвечал: «Я удивляюсь так же, как и вы. Я не знаю. Когда я стараюсь сделать это, ничего не получается. Так получается лишь время от времени, когда я забываю совершенно обо всем. Так получается, когда исчезает танцор, когда больше нет Нижинского. Я просто наблюдатель, такой же, как и вы. Я вижу свое тело, опускающееся вниз. Я пытался проделывать это сам с собой, пытался всеми способами. Я не мог ни прыгать так высоко, ни опускаться так медленно. Я пытался делать это перед моими друзьями, моими поклонниками, но когда бы я ни пытался, это просто ускользало из моих рук».

«Поэтому я выучил одну вещь: есть вещи, которые вы не можете пытаться делать. Есть вещи, которые невозможно осуществить никаким методом, никакой техникой, никакой стратегией. Это вещи, которые случаются; вы только должны позволить им случаться. И позволять - это значит не вмешиваться; настолько, что вы даже и не присутствуете, поскольку само ваше присутствие уже будет вмешательством».

Вы знаете это. Сейчас физика пришла к открытию одного странного факта... Он известен нам применительно к человеческим существам. Вы в своей ванной комнате, глядя в зеркало, строите различные рожицы, прекрасно зная, что за вами никто не наблюдает. Но вдруг вы осознаете, что кто-то наблюдает за вами в замочную скважину. Все изменяется. Вы прекращаете заниматься своим лицом, вы начинаете расставлять вещи, начинаете делать что-то уместное, рациональное. Вы схвачены за руку. Вы начинаете выглядеть занятыми, - а ведь как раз за мгновение до этого вы были совсем не заняты.

Современные физики пришли к открытию того, что, прежде всего, очень трудно наблюдать поведение электронов, как они ведут себя. Но сейчас у нас есть приборы, с помощью которых можно наблюдать поведение электрона. Трудность же заключается в том, что в тот момент, когда вы наблюдаете, его поведение меняется - точно так же, как и в этой истории с замочной скважиной. Электрон начинает вести себя по-другому. Прямо сейчас, когда вы не наблюдаете его, он ведет себя по-иному. Физики не пришли ни к какому заключению - какое здесь можно сделать заключение? Но факт состоит в том, что электрон так же сознателен, как и вы. Нет другого объяснения; как иначе может электрон осознать, что вы осознаете его?

Нижинский говорил: «Это случается в то мгновение, когда меня нет - нет никакого присутствия. В тот момент, когда это происходит, я просто наблюдатель. В этот момент, если я даже просто начинаю оглядываться вокруг, чтобы увидеть, что происходит, то все нарушается. Я падаю посередине прыжка так быстро, что могу сломать себе ноги. Как только я вхожу, так сразу то, что случается, исчезает, притяжение гравитации становится настолько сильным, что я со шлепком падаю на землю». В других случаях он, бывало, опускался подобно перу. Приземляясь, он не издавал ни звука.

Есть прирожденные поэты, есть прирожденные танцоры. На самом деле, каждый к чему-то прирожден. Те, кому посчастливилось найти то, к чему они прирождены, - самые счастливые люди на земле. Те, кто начинает двигаться в направлении, к которому они не предназначены, становятся самыми несчастными.

Политики - это определенный тип людей. Это тот же тип, что и преступники. Преступник - это тот, кто не сумел преуспеть в качестве политика. И тот и другой ищут власти, силы, над ними

обоими доминирует жажда власти.

Политик движется к власти легально, конституционно, и как только власть оказывается в его руках, он может манипулировать законом, конституцией и всем остальным тысячею и одним способом. Он может извращать и prostituirовать все, что угодно, раз у него есть власть. Но пока он добирается до власти, он действует очень законно, конституционно, морально.

Преступник тоже стремится к власти, но он не знает, как действовать законно, конституционно, морально. Он более дикий, не такой ручной, как политик. Он менее культурный, не такой культурный, как политик, который использует культуру как переходные мостки через ручей. Преступник не так красноречив, как политик. У политика основное искусство - это красноречие, умение выразить ваши надежды, превратить их в свои обещания. Он настолько красноречив, что все время обнаруживает ваши сознательные и подсознательные мечты и надежды и переводит их на язык обещаний на будущее: если вы дадите ему власть, он все это исполнит... Это торговля: вы даете ему власть, а он даст вам землю обетованную.

Раз вы дали ему власть, кто будет о вас заботиться? Человек, обещавший вам, не имел власти. Теперь это совершенно другой человек: у него есть власть. В своей жизни я постоянно цитирую высказывание лорда Эктона: «Власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно». И лорд Эктон говорит это, исходя из своего собственного опыта; это не просто какое-то философствование. Он познал власть, он узнал, как она развращает, и он оставил ее из-за ее развращающего влияния.

Когда у вас есть власть, тогда все развращающие силы, спрятанные в вашем подсознании, начинают поднимать свои головы. Кто станет заботиться о других? Все эти обещания давались не от честного ума, они давались тем, кто прекрасно знал, что обещания никогда не будут выполнены. Это была просто политика для завоевания власти, и вот власть завоевана. Теперь у вас есть ваши собственные подсознательные желания, которые нужно исполнить.

Политик в любой момент может превратиться в преступника. Мы видим, как это происходит повсюду в истории, и все же не осознаем этого. Иосиф Сталин до того, как он добрался до власти, не был преступником. Он никого не убивал, он не был убийцей. Но что случилось, когда он добрался до власти? Первое, что он сделал, это уничтожил весь комитет из двенадцати членов, коммунистический президиум, который правил всей коммунистической партией, - всех верховных лидеров. Он начал убивать их по одному.

Он убил Каменева, потом убил Зиновьева, потом он убил Троцкого. Он убивал их по одному, и пока он убивал одного, он привлекал на свою сторону поддержку всех остальных. И все они были счастливы, ведь одним становилось меньше; власть переходила во все меньшее и меньшее число рук, и это было лучше. Из двенадцати осталось только девять, потом осталось только шесть. Он отравил Ленина, который был самым главным человеком в революции. Вторым человеком был Троцкий. Потом ему удалось убить Троцкого - Троцкий был убит здесь в Америке, в Мексике, потому что он сбежал из России. Видя, как убивают Зиновьева и Каменева, он сбежал.

Вы не поверите, что когда он бежал, переодевшись... а ведь он был министром, министром обороны Советского Союза. Все военные, все вооруженные силы подчинялись ему, а он вынужден был бежать, переодевшись, и очень спешно, поскольку Сталин уже был готов

покончить с ним. То был вопрос двух или трех дней, не более. Как только он понял это, так в ту же ночь бежал. Он не смог взять с собой даже свою собаку, которую очень любил. Сталин убил и собаку - то была собака Троцкого... такие преступные умы! И он послал наемного убийцу, чтобы убить Троцкого в Мексике.

Троцкий писал биографию Иосифа Сталина, которая была одной из самых полных, поскольку он знал Сталина как никто другой - Троцкий был вторым человеком в революции. Сталин был никто; он был где-то одиннадцатым или двенадцатым. Но Троцкий осознавал, что этот человек опасен... он ведь никогда не говорил, он всегда молчал, все вокруг него было покрыто тайной. Его друзья, кто были его друзья? Его враги, кто были его враги? Ничто никогда не было раскрыто. Троцкого беспокоил этот человек - он выглядел опасным. Поэтому он начал собирать о нем факты.

И когда Сталин начал убивать, он применил прекрасные конспиративные процедуры. Ленину под видом лекарства ежедневно давали яд. Доктор был наемным человеком Сталина. Яд давался такими малыми дозами, что убивал на протяжении долгого периода времени. Пока Ленин был жив, он оставался лидером, потому что массы все еще знали его. Он не должен был умереть прямо сейчас, потому что если бы он умер сразу, управление страной перешло бы к Троцкому. Сталину, пока Ленин еще не умер, нужно было успеть сделать себе твердую базу, удалить всех остальных и самому стать вторым человеком после Ленина. Поэтому Ленина надо было поддерживать живым, но почти в коме. Он был парализован и медленно, медленно умирал. Он был прикован к постели, он не мог сосредоточить своего взгляда, и он подписывал все, что приносил ему Сталин, - он не мог ничего прочесть. Сталин убил всех, кого нужно, и потом убил Ленина, потом Ленину была дана последняя доза.

Время, которое Троцкий оставался в Мексике, он посвятил написанию биографии Сталина. Это редкая книга, поскольку никогда еще враг не писал биографии с таким огромным пониманием, с такой основательностью, без всякой ненависти - только факты, никаких вымыслов. Он был убит в тот самый момент, когда заканчивал последнюю страницу. Она осталась незавершенной - эта последняя страница. Это большая биография, около тысячи двухсот страниц. Он писал последнюю страницу, когда его убили сзади молотком. Его ударили молотком по голове много раз. Его голова упала на книгу, и кровь пролилась на последнюю страницу. Так или иначе, это сделало эту книгу абсолютно авторитетной биографией того, о чем он и говорил в ней, о том, как убивали людей. Он был убит на последней странице; он умер на книге, и первое издание было так и отпечатано с пятнами крови.

До этого Сталин не убил ни одного человека; не совершил ни единого преступления. На самом деле, он получил образование в католическом монастыре - он был христианином, и его воспитывали монахи. Он жил в монастыре, потому что его деревня была далеко на Кавказе и монастырь был единственным местом, где можно было получить образование, потому что отец и оставил его там; отец его был бедным человеком. Монахи из сострадания приняли мальчика, обучили его, дали ему образование - и вот во что он превратился. Добившись власти, он должен был убивать миллионы людей. Невозможно подсчитать их; он просто убивал их все время. Все, кто не был за него, были убиты. Другого наказания не было. Он делал это очень просто: «Или вы за меня, или вас больше нет».

Политик - это в основном преступник. Он пытается обрести власть законными методами, вот и вся разница. Преступник не беспокоится о законности методов, и его хватают. Политика

схватить невозможно - только однажды Никсон был схвачен на Уотергейте. И вы знаете, что сказал Мао Цзе-дун, когда схватили Никсона? «В чем дело? Так много шума из ничего. Все политики так делают!» Действительно, каждый политик так делает. Уотергейт не был чем-то исключительным. По всему миру все политики, находящиеся у власти, делают то же самое; их просто еще не схватили. Никсону не повезло, его схватили, а он не сумел вывернуться...

На самом деле, я испытываю определенное уважение к Никсону. На месте Никсона такой человек, как Сталин или Мао Цзе-дун, Муссолини, Адольф Гитлер, сделал бы что-нибудь такое, что вы себе и представить не можете, - эта мысль приходила, наверное, на ум и Никсону тоже. Вот простой метод: когда все стало уже горячо, лучшим способом было стащить мир к войне. Тогда Уотергейт пошел бы на дно. Кого бы тогда беспокоил Уотергейт? Все, что было нужно, это просто отвлечь внимание людей. Эти вот лидеры так и сделали бы - они немедленно начали бы мировую войну. Никсон остается президентом, становится величайшим президентом Америки. Если бы он прошел через войну и оказался бы победителем, он показал бы себя величайшим человеком во всей истории.

Я испытываю определенное уважение по отношению к этому человеку: он отступился от преступной мысли, которая обязательно должна была прийти ему на ум, - я гарантирую это. Это так просто. Я не очень силен в политике; хотя я студентом изучал политику, я ничего не знаю об активной политике. Но, будучи просто студентом в политике, я знаю с абсолютной уверенностью, что эта мысль обязательно должна была прийти ему на ум: просто втянуть мир в такой хаос, в котором Уотергейт утонул бы в сравнении с хаосом мировой войны. Тогда все забыли бы об Уотергейте.

Но этот человек оказался более моральным, чем люди думали о нем. Вот почему я говорю, что испытываю по отношению к нему определенное уважение. Он предпочел спуститься и стать первым президентом в американской истории, который вышел из Белого Дома с таким обвинением. Но он принял это обвинение, эту всемирную дурную славу, не потащил мир к мировой войне. Он показал себя более человеком, чем политиком, более человечным, чем другие политики.

Преступный ум хочет власти, потому что без власти ничего нельзя сделать. Так же, как художнику нужны краски, поэту нужен богатый словарный запас, язык, чувство слов, их нюансов, тонких подземных токов, протекающих под ними, так и политик в глубине прекрасно знает, почему он стремится к власти. Если вы не собираетесь писать картины и все время собираете краски, то вы безумны. Если вы не собираетесь играть музыку и все время собираете различные музыкальные инструменты, то вы сошли с ума.

Зачем власть?

Как раз вчера я рассказывал вам, как Джавахарлал пригласил меня к себе, и я пришел. Он слушал меня. Я был очень молод, а он был великим государственным деятелем, но он слушал меня так тихо, так внимательно, как если бы я много знал о политике и о том, что нужно делать в стране. И он сказал мне: «Почему вы не идете в политику? Ведь все, что вы говорите, правда, и если вы действительно хотите это сделать, то вам нужно идти в политику. Никто другой не сделает этого для вас, только вы сами. Я понимаю ваши идеи, но кому осуществлять их? Присоединяйтесь!»

Я сказал: «Нет, ведь у меня нет никакого интереса к завоеванию власти. Все, что я сказал вам, -

это просто проявление моего сердца, ведь у вас есть возможность, власть, понимание того, что нужно делать. Я просто выразил то, что у меня на сердце. Я кончил! Я не собираюсь участвовать в погоне за властью. И я не прошу никого другого, я прошу вас. Если вы чувствуете, что я прав, тогда покажите это, сделав что-нибудь».

Он сказал: «Вы правы, но я не могу делать такие вещи, потому что люди, на чью поддержку я опираюсь, не поддержат ни одну из идей, которые вы дали мне. Если они узнают, что я собираюсь воплощать эти идеи, я буду просто выброшен вон. Политика - это пирамида. Она становится все уже и уже - на вершине ее только один человек. Вы видите на вершине этого одного человека, но у этого человека, под ним, три человека; у этих трех - девять человек; у этих девяти - девяносто... И все они опираются на тех, кто ниже их. Они стоят на их плечах. В любой момент их могут сбросить».

И в политике, коль скоро у вас есть власть, которую вы получили за счет поддержки столь многих людей, вы вынуждены исполнять все их желания. Кто-то поддержал вас, чтобы получить лицензии, кто-то поддержал вас, чтобы начать производство, кто-то поддержал вас ради чего-то еще - теперь вы должны исполнять их желания. В противном случае, пока вы стоите на их плечах, они могут и отойти в сторону. Человек, находящийся на самом верху, очень слаб; над ним нет ничего, за что он мог бы держаться. Под ним находятся люди, которые не упустят ни малейшего шанса, чтобы сбросить его, ведь если они сбросят его, тогда один из этих троих, что были под ним, поднимется на вершину. Поэтому он должен исполнять самые разные преступные дела.

Я знаю, потому что именно так пришла к власти Индира: она ведь жила со своим отцом. Она родилась политиком; ее муж - нет. Они полюбили друг друга, когда учились в Англии. Ее муж не был даже индусом, не был брамином. Индира была брамином, брамином очень высокой касты, кашмирским брамином. Человек, которого она полюбила, Фероз Ганди, был фарси. Вся семья была против - никто раньше и не слышал, чтобы девушка из касты браминов выходила замуж за фарси, за человека, который не был даже индусом. Это совершенно другая религия.

Но она была единственной дочерью Джавахарлала, и после смерти жены Джавахарлала - она умерла очень рано - Индира была единственным человеком, близким ему. Он сказал ей: «Не беспокойся о дедушке и бабушке. С ними я все улажу. Выходи замуж. Если будешь ждать их разрешения, то не дождешься; даже я не могу убедить их. Это очень заденет их. Поэтому будет лучше, если ты сначала выйдешь замуж, а когда ты вернешься домой уже замужем, я постараюсь убедить их: «Теперь уже ничего не поделаешь; бракосочетание состоялось». Вот так они поженились.

Но Фероз Ганди не интересовался политикой. Только потому, что был зятем Джавахарлала, он стал членом парламента, но он этим совсем не интересовался; это было не его дело. А для Индиры это было ее единственным делом. Они тут же стали ссориться, ругаться... и вскоре Индира переехала к Джавахарлалу в дом премьер-министра и оставила Фероза Ганди. Они жили отдельно, без развода; годами не видели друг друга. Все эти годы она наблюдала всех политиков и собирала информацию о каждом: о его слабостях, о его преступлениях против общества, о его эксплуатации других людей, о его извращениях... а ведь внешне она все еще сохраняла свое чистое белое гандийское лицо.

Она собирала досье - она мне показывала их - против каждого лидера, и это было ее силой.

Когда Джавахарлал умер, все эти политики боялись Индиры, потому что у нее был ключ. Она могла каждого выставить перед публикой, перед судом. У нее были все свидетельства, у нее были все письма. Они боялись ее по той простой причине, что только она могла спасти их; а так они могли бы быть выставлены в их истинном свете. Это досье было ее властью.

Я заглядывал в это досье. Все эти люди эксплуатировали бедную страну. Все они имели банковские счета в других странах, в Швейцарии, в Америке. Все они имели связи вне Индии, откуда получали взятки, деньги и все остальное за то, что выдавали секреты страны. Все они связаны кто с одной, кто с другой иностранной державой; все они агенты. Они имеют одно лицо перед массами, бедными массами, а их подлинная реальность совершенно иная. И все они боялись, потому что Индира была абсолютно неподкупна. Этому она выучилась у Джавахарлала. Он был неподкупен, потому что он не был политиком; он был скорее поэтом. Он предпочел бы быть художником или скульптором или заниматься каким-нибудь искусством, более близким его природе.

Политика была для него случайностью, она была почти навязана ему - иногда это случается...

Так как он был заинтересован в независимости Индии, он боролся против британского правительства, но без мысли стать премьер-министром, когда страна добьется освобождения. Он никогда не думал об этом. Он был просто солдатом освободительного движения, как и многие тысячи других. Он мог бы быть расстрелян, он мог бы быть убит, он мог бы получить пожизненное тюремное заключение - все могло случиться. Не было вопроса о власти.

Когда борьба за освобождение окончилась, тогда возник вопрос, кто будет у власти? До этого вопроса о власти не возникало совсем. Был лишь вопрос о том, как удалить захватчиков. Его захватил этот вопрос, потому что он был чувствительным человеком и любил идею свободы. Эта идея не имела ничего общего с политикой; он любил идею свободы как поэт. Но когда свобода пришла, началась настоящая борьба за то, кто должен стать премьер-министром. Были такие люди, как Сардар Валлабхбхаи Пател, которые были настоящими политиками, жесткими политиками, готовыми на любое преступление. Он и совершил их, когда стал заместителем премьер-министра. Даже Джавахарлал не смог остановить его.

И были другие, поскольку в освободительной борьбе участвовали тысячи достойных людей. Джавахарлал был единственным, кого не интересовала политика, не интересовала власть. Именно поэтому Ганди и выбрал его, ведь выбрать тех людей, которых по-настоящему интересовала власть... На самом деле их борьба за свободу не была борьбой за свободу, но была лишь шагом к достижению власти. Этот выбор стал шоком для всех политиков, поскольку ни одного из них Ганди не выбрал в качестве премьер-министра; а Ганди обладал полным контролем над индийским умом.

Сардар Пател был шокирован, ведь он был очень близок к Ганди и он тоже был Гуджарати - Ганди был Гуджарати - и он служил Ганди всю свою жизнь с полным доверием. А в последний момент Ганди просто сказал Сардару: «Отступи. Не сражайся с Джавахарлалом. Я сделаю тебя заместителем премьер-министра, но премьер-министром пусть будет Джавахарлал».

«Почему?» - спросил Пател.

И причина, которую высказал Ганди, была правильной. Он сказал: «Джавахарлал единственный,

кого не интересует власть. Вы все будете сражаться друг с другом; он единственный, кто выше всех вас».

Когда Ганди сказал: «Будь премьер-министром», - Джавахарлал ответил согласием. Когда Ганди в 1943 году сказал: «Будь вторым солдатом борьбы за свободу», - первым был Виноба Бхаве - он ответил согласием.

До того момента Виноба Бхаве совсем не был известен в Индии. Он был просто обитателем ашрама Ганди. Он массажировал Ганди, омывал Ганди, читал Ганди священные книги, и поскольку был ученым в области санскрита, объяснял Ганди, что означают эти священные книги. Но в том, что касается страны, он не был известен. В качестве первого борца за свободу Ганди выбрал анонимного человека - он первым бы отправился в тюрьму, вторым был бы Джавахарлал.

Джавахарлал не говорил: «Это выглядит неуважительно по отношению ко мне. Этого человека никто не знает», - и Виноба особенно не нравился Джавахарлалу. Джавахарлал был почти западным человеком, он получил образование на Западе, был воспитан на Западе; он вел западный образ жизни. С самых разных точек зрения он не был индийцем, за исключением того, что родился он в Индии. Он ел мясо; ведь он жил в Англии и вырос в Англии, поэтому для него не было вопроса, чтобы быть вегетарианцем. У него были все основания не любить Винобу, но проблем не было, поскольку Виноба занимался другой работой. Я разговаривал и с Винобой, и с Джавахарлалом, оба они подтверждали, что не любят друг друга.

Например, борода Винобы - Джавахарлалу она не нравилась. Сам он брился два раза в день, и борода для него была чем-то неправильным. Он был очень нетерпимым, нетерпеливым: одежда, которую носил Виноба, не была «правильной»; в двадцатом веке нужно быть человеком двадцатого века. Образование Винобы было образованием ортодоксального брамина. Он учился в Варанаси, в санскритском колледже, и жил как старый санскритский ученый. Он не был образован в западных предметах, в западных языках, так что между ними двумя не было ничего общего - и поставить такого человека первым... Джавахарлал чувствовал себя, наверное, задетым, но его преданность Ганди была беззаветной: если Ганди выбрал Винобу первым, значит так должно и быть.

Если бы Ганди выбрал премьер-министром Сардара Валлабхбхай Патела, то Джавахарлал не стал бы спорить или говорить что-нибудь. Он, на самом деле, предложил Ганди: «Зачем причинять так много горя этим людям? Я могу отказаться; они могут выбрать любого, кого захотят. Я не заинтересован, я никогда об этом не думал. Я сражался за свободу, и свобода наступила, я счастлив». Так что он не был испорчен своим премьерством. Он был для Ганди вторым человеком, а после смерти Ганди он имел полную монополию над индийским умом.

Но Индира была политиком, прирожденным политиком. Она бросила мужа и забыла его: политика для нее была важнее, чем муж. Когда встал вопрос выбора между ними, с любовью было покончено. А Фероз настаивал: «Или ты будешь со мной, или ты будешь со своим отцом, премьер-министром - мне все равно, но так не может продолжаться. Целыми днями ты там и приходишь сюда лишь на несколько минут, просто чтобы сказать привет, и снова убегаешь в дом премьер-министра. Ты путешествуешь с ним, а со мной ты никуда не выходишь». Он дал ясно понять, что нужно сделать выбор.

Индира просто ушла. Она сказала: «Нет вопроса о выборе; я принадлежу политике, и я собираюсь уйти в политику». От своего отца она выучилась одному: ни один политик не сможет стащить тебя вниз, если ты неподкупна. Пусть все они подкупны, но ты смотри в оба и все время собирай данные о них. И это было всей ее силой; они не могли дискредитировать ее, поскольку она никогда не совершала ничего плохого, а сама она могла дискредитировать их всех.

Политики - это легальные конституционные преступники.

И вот этот человек, Дон-Кихот, хочет выбросить меня и мою коммуну отсюда - насовсем. Вот почему я говорю, что Орегон, возможно, должен появиться на карте Советского Союза. Он не должен быть частью Америки - не США, но СССР. То, как говорят эти люди, - а они сенаторы, - это фашизм, коммунизм, нацизм. Они говорят о демократии, они говорят о свободе слова, они говорят об уважении к личности, но я не думаю, что они принадлежат Вашингтону, Джефферсону, Линкольну; они принадлежат Иосифу Сталину, Хрущеву, Брежневу. Эти люди должны перевести себя на соответствующий им путь, они должны постараться переместить Орегон в Советскую Россию; только тогда они смогут выбросить меня и мою коммуну - в противном случае нет никакой возможности.

И кто они такие? Но они наживаются на нас... Теперь, говоря орегонцам, что я всех их назвал идиотами, он пытается нажиться на нас. Я же ничего подобного не говорил. Но теперь я говорю: первого идиота я нашел. Он сам объявил себя. И я подожду второго, ведь в Орегоне два сенатора, так что второй будет как раз... он уже запаздывает. Дон-Кихот пришел в этой гонке первым.

Мое высказывание настолько просто, что даже ребенок поймет его. Я сказал, что орегонский идиот - это особый класс. Как он умудрился понять из этого высказывания, что все орегонцы - идиоты? Тогда, что же я? Тогда, что же вы? Мы все орегонцы. И мы намереваемся оставаться орегонцами.

Эти люди могут сделать, могут сказать все, что угодно. Он говорил как раз перед... наши саньясины были на этих слушаниях, где выступал он. Он созвал слушания, и два или три наших саньясина присутствовали на них, но мы никогда не участвовали в них, поскольку, какой смысл участвовать во всех этих бессмысленных вещах? Это были такие абсурдные слушания - невозможно представить себе, как люди могут допускать такие вещи.

В нашей собственности мы имеем несколько маленьких клочков земли, принадлежащей правительству, федеральному правительству. Они взяты в аренду на сорок лет; и коль скоро мы заплатили за землю, арендованная земля принадлежит нам. Эти слушания касались того, что мы не разрешаем людям приближаться к правительственной земле, - что абсолютно ложно, поскольку даже чиновники, наблюдающие за правительственной землей, сказали, что мы не делали ничего незаконного, мы никогда никому не запрещали - и ни у кого не может быть каких-либо причин разгуливать по пустынной земле или холмам.

Поэтому мы никогда не участвовали и не спорили по той простой причине, что правительственное учреждение само спорило за нас, отстаивало то, что мы не делали ничего незаконного, и все было абсолютно так, как оно и должно быть - так что никакого дела и не было вовсе. Но все фанатики, которые были против нас с тех самых пор, как мы пришли сюда, все они были там, давая свои свидетельские показания против нас. Странные свидетельства...

Один специальный уполномоченный сказал, что, когда шесть месяцев назад он посетил Раджнишпурам, ему дали в воде яд. Одно дело - если мы что-то делаем, то делаем соответствующим образом. Если вы живы через шесть месяцев, то это достаточное доказательство того, что мы не давали вам яда; ведь иначе вы бы уже не жили. Мы ничего не делаем спустя рукава. И где вы были на протяжении этих шести месяцев? В течение шести месяцев вы молчали, а теперь, шесть месяцев спустя, вы выступаете на слушаниях... Ведь на этих выборах он снова был выбран специальным уполномоченным. Может быть, в течение этих шести месяцев он боялся говорить об этом деле; он мог потерять наши голоса. Поэтому и молчал. Теперь выборы закончились - он победил на них, - теперь можно говорить.

Какие он приводит доказательства тому, что мы отравили его? Сенатор спросил его: «С вами был еще один специальный уполномоченный. Что случилось с ним?»

Он сказал: «Он тоже был отравлен. Он еще жив».

И сенатор спросил: «С вами был и третий человек», - полицейский уполномоченный, или кто-то еще, - «что случилось с ним?»

Он сказал: «Он настроен по отношению к Раджнишу немного более дружественно, поэтому, возможно, он не был отравлен».

Вот и все, что могут сказать эти люди, - а ведь они уполномоченные - ни единого свидетельства. Если вы отравлены, вы должны немедленно пойти в больницу, немедленно провериться, и если бы яд был обнаружен, тогда дело было бы абсолютно правильным. Но через шесть месяцев нет возможности узнать, отравила ли вас жена, отравили ли вы себя сами, были ли вы вообще отравлены, или вам все это просто приснилось. По крайней мере, в том, что касается нас, мы ничего не делаем так плохо. Если бы мы отравили вас, вы уже не смогли бы выйти из могилы, чтобы давать свои свидетельские показания. Это достаточное доказательство того, что мы вас не отравляли.

И этот сенатор, Дон-Кихот, он перед нашими санньясинами говорил этим специальным уполномоченным, как им справиться с уничтожением коммуны, нашего города. Он давал этим людям инструкции - на глазах у наших санньясинов - о том, как они могут сделать это, как они могут обойти закон; как они могут отрезать от города средства обеспечения и как они могут сделать нашу жизнь настолько невозможной, что мы вынуждены будем уйти.

Вот демократия! Вот демократические люди! Вот люди, которые стоят на страже человеческих потребностей.

Вот демократия, которая описывалась так, что она «ради людей, ради людей, ради людей».

Я не знаю, кто эти люди - мы, конечно, не люди.

Еще один вопрос...

Бхагаван,

Коль скоро каждый из нас рождается один и умирает один и уединенность - это состояние

нашего бытия, тогда в чем же состоит функция коммуны?

Функция коммуны в точности заключается в следующем: помочь вам осознать свою абсолютную уединенность.

Семья не позволит вам этого. Семья дает вам ошибочное представление о том, что у вас есть мать, что у вас есть отец, что у вас есть муж, что у вас есть брат, что у вас есть сестра — что вы не одиноки.

Общество дает вам представление о том, что вы член ротари-клуба, светского клуба; что вы принадлежите этой церкви, тому храму, этой конгрегации, той конгрегации - что вы не одиноки. Общество предоставляет вам все виды толп, с которыми можно смешаться. Вы республиканец, вы демократ, вы либерал, — но вы не один, с вами все республиканцы.

Функция коммуны заключается в основном в том, чтобы разрушить все эти вымыслы.

Никто не с вами.

Вы одиноки, и вы должны понять, что эта уединенность настолько драгоценна, что вы не должны терять ее.

Это не означает, что вы не должны общаться. Это лишь означает, что вы не верите во взаимоотношение. Постарайтесь понять разницу.

Общение - это текущая река. Вы можете общаться, и вы общаетесь лишь потому, что вы уединены, потому, что вы индивидуальности - с вашей стороны есть кто-то, кто может общаться. Вы можете общаться только с тем человеком, который понимает свою уединенность, иначе общение невозможно.

Если вы знаете вашу уединенность и влюбляетесь в женщину, которая не знает своей уединенности, то такая любовь не пойдет никуда. Она кончится скорее, чем вы можете себе это представить, поскольку эта женщина на самом деле просит взаимоотношения. Одинокий человек нуждается во взаимоотношении: «Заполни провал, я одинок. Будь частью моего бытия».

Но уединенный человек знает, что ни вы не можете заполнить чей-то провал, ни кто-то другой не заполнит вашего провала.

Вы можете встречаться, но вы останетесь двумя уединенностями.

И это прекрасно, что могут встречаться две уединенности, могут встречаться две индивидуальности, но эта встреча не может быть сделана жесткой, твердой. Она не может быть сведена к взаимоотношению, она останется общением. Она навсегда останется изменчивым потоком, движением, потому что другой человек меняется и вы меняетесь. Вы не статичны - хотя люди ожидают именно этого.

Когда сочетаются браком два человека, они сочетаются с человеком определенного образа, и этот образ изменится завтра. Женщина, на которой вы женились, не останется завтра той же самой. Она живая, она растет, она движется - завтра будет завтра. Но если вы ожидаете, что она застрянет на том, что есть на тот момент, когда она ставит свою подпись в книге регистрации,

то вы пытаетесь остановить часы.

Но даже если вы остановите часы... ваши часы не показывают время. Оба будут нести в своих умах застывший образ и захотят, чтобы этот образ исполнялся. Если вы как-то отклоняетесь от этого образа, то это означает, что вы обманываете, мошенничаете. Такой образ не исполнить никому, это невозможно, это против природы.

Функция коммуны заключается в том, чтобы дать вам возможность быть вместе без какого бы то ни было взаимоотношения.

Она дает вам возможность знать других людей, чувствовать других людей, но без всякой торговли, без всякого рабства, без всякой тюрьмы.

Вы остаетесь собой, другие остаются другими.

Хорошо, что мы встречаемся сегодня, радостно быть вместе, но если завтра этого не случится, то нет нужды плакать о сбежавшем молоке. Это бессмысленно. Может быть, эта встреча и была единственной.

Вы остаетесь незнакомцем, другой человек остается незнакомцем, вы не сводите свое отношение друг с другом ни к какому знакомству.

Ваша отчужденность абсолютна, неопишима.

Так что коммуна - это не другое общество. Она не предоставляет вам общества, клуба, конгрегации, партии, нет. Она просто предоставляет вам пространство и понимание того, что все люди одиноки, как и вы сами. Но не пытайтесь заполнить это одиночество, поскольку, пытаясь заполнить его, вы пытаетесь сделать что-то против своей природы, и вы будете страдать. Поэтому лучше не думать об этом вашем состоянии, как об одиночестве; лучше думать о нем, как об уединенности.

И быть уединенным - это так прекрасно; на вас никто не посягает, никто не попирает вас, вы остаетесь сами собой, и других вы оставляете ими самими. Да, время от времени вы встречаете...

Индия произвела на свет в этом столетии несколько великих гениев; одним из них был Рабиндранат Тагор. Мне нравится один из его романов - его название Последняя поэма. Там действуют два человека: один, молодой человек, поэт, философ - он, на самом деле, говорит то, что хотел бы сказать Рабиндранат, он представляет Рабиндраната - и женщина, нуждающаяся во взаимоотношении. Она постоянно изводит его вопросом о женитьбе. В Индии в особенности, если женщину и мужчину увидят гуляющими вместе, то этого достаточно для скандала. Они могут ничего и не делать, только пройтись вместе, и этого достаточно для скандала; весь город будет в возбуждении, откуда ни возмись, появится множество историй. И конечно, женщина страдает больше, поскольку все люди начинают показывать на нее пальцем.

Она была в отчаянии. Она говорила: «Почему ты все время откладываешь? Ты любишь меня, ты хочешь быть со мною. Если ты меня не любишь, я не буду заставлять тебя».

И молодой человек отвечает: «Я люблю тебя, именно поэтому и не женюсь на тебе». Для женщины все это очень трудно. Если бы она была из моей коммуны, она поняла бы. Но какого рода это высказывание? - «Я не женюсь на тебе, потому что люблю тебя». Она же продолжает и продолжает настаивать, поэтому он говорит: «Я женюсь на тебе при одном условии».

Они сидят на берегу озера. Он говорит: «Я построю свой дом на этой стороне озера, а ты построишь свой дом на другой стороне. Время от времени, гуляя, мы, может быть, встретимся. Время от времени я, может быть, постучу в твою дверь, или ты постучишь в мою. Время от времени я, может быть, буду в лодке, и ты будешь в лодке, и мы встретимся на озере. Но всякий раз не должно быть никаких приготовлений. Не нужно назначать свиданий. Я не буду никогда информировать тебя о том, что приду, ты не будешь никогда информировать меня о том, что придешь. Я женюсь на тебе только при этом условии. По несколько дней мы можем не видеться друг с другом. Ты никогда не будешь спрашивать меня: «Где ты был?» Мы никогда не будем вмешиваться в свободу друг друга. Мы останемся такими же чужими, как и сейчас».

Женщина сказала: «Тогда в чем же цель брака?» Естественно, она не может понять в чем цель такого брака.

Цель брака - сидеть на голове друг у друга двадцать четыре часа в сутки. Цель брака - уничтожать друг друга во имя любви; изводить, «пилить», сражаться. Молодой человек предлагает совершенно правильную вещь: «Будет великой радостью неожиданно увидеть тебя на озере... Это будет для меня неожиданностью. Неожиданно я вдруг найду тебя в джунглях на берегу озера...» Только подумайте об этом неожиданном мгновении общения. Взаимоотношения нет.

Он не может послать записку: «Ты должна прийти сегодня вечером, поскольку ты моя жена, иначе я отправляюсь в суд». На самом деле, муж не может сказать своей жене: «Спи в другой комнате». Этого достаточно, чтобы начались неприятности. Жена не может сказать мужу: «Ты не можешь спать в моей постели». Этого достаточно, чтобы начались неприятности, потому что мы совершенно забыли одну простую вещь - нашу уединенность. И мы стараемся забыть ее так, как это только возможно - само представление о ней должно быть отброшено.

Но уединенность - это естественное явление. И в ней нет ничего болезненного.

Когда вы знаете ее, она - величайшее блаженство.

Функция коммуны в том, чтобы дать вам пространство, чтобы дать вам понимание, чтобы дать вам ощущение уединенности и переживание общения без взаимоотношения, без взаимосвязи.

Беседа 4

ОПАСНОСТЬ: ИСТИНА В ДЕЙСТВИИ

2 декабря 1984 года

Бхагаван,

Почему простые массы против Вас, тогда как то, что Вы говорите, нам представляется самой

истиной?

Вот в точности поэтому — потому что это представляется самой истиной.

Истина опасна, опасна всем тем людям, которые всегда жили вымыслом, красивой ложью, прекрасными снами, утопиями.

Все эти люди обязательно будут смотреть на истину, как на врага, поскольку она потрясает все, во что они верили, и все, чем они жили.

Истина - это смерть всяческой лжи, какой бы утешительной она ни была.

Почему простые люди были против Сократа? Почему массы так антагонистичны по отношению к аль-Хилладжу Мансуру? Почему все ортодоксальное, религиозное, уважаемое общество было против Иисуса? Их единственным преступлением было то, что они говорили нечто, что так потрясающе тревожило людской сон. Никто не хочет, чтобы его тревожили, когда он видит прекрасный сон.

А у людей нет ничего, кроме снов.

Повсюду были торговцы сновидениями, которые продавали сны и эксплуатировали людей, - а взамен ничего не давали.

Все религиозные деятели, вплоть до настоящего времени, были торговцами сновидениями, эксплуататорами людских слабостей.

Да, это слабости. Всякий родившийся человек умрет. Спрятать истину о смерти невозможно.

Сколько можно украшать кладбища? Сады, лужайки, цветы, мраморные надгробия... но невозможно спрятать факт смерти.

Вы можете заметить, что в каждой стране кладбища находятся за городом. На самом деле, оно должно быть в точности посреди города, чтобы каждый, проходя мимо, вспоминал о смерти снова и снова - ведь это единственное, что является определенным.

Все остальное лишь вероятно; может случиться, может не случиться. Но смерть - это не вероятность.

Смерть - это единственная определенность во всей вашей жизни.

Что бы ни случилось, смерть настанет. От нее нельзя убежать. От нее никуда не уйти.

Смерть встретит вас повсюду, куда бы вы ни пошли.

Я вспоминаю одну древнюю притчу. Великому царю приснился сон о том, что перед ним в виде темной фигуры стоит смерть. Даже во сне он почувствовал, как испугался. Но он был храбрым человеком; он как-то собрался с духом и спросил эту странную фигуру: «Кто ты? И чего ты хочешь?»

Фигура сказала: «Я твоя смерть, и я пришла, чтобы предупредить тебя. Не забудь правильное место и правильное время, чтобы встретить меня». Лишь это сказала фигура: «Не забудь правильное место и правильное время, чтобы встретить меня завтра». И потрясение от этих слов было таким сильным, что сон прекратился и царь проснулся. Была середина ночи, но он немедленно вызвал своих мудрых советников, астрологов, толкователей снов, предсказателей будущего, людей всех сортов, и рассказал им свой сон.

Все они начали спорить и обсуждать значение этого сна. Старый слуга царя, который был ему почти как отец - он воспитывал его с самого детства... Мать царя умерла рано, а его отец постоянно отправлялся в далекие путешествия, завоевывал страны, захватывал их, расширял пределы империи. Поэтому он оставался с этим доверенным слугой и считал его почти отцом.

Старик стоял с ним рядом. Он прошептал царю на ухо: «Не тратьте понапрасну время! Эти люди могут спорить сотни лет; они уже проспорили сотни лет. Эти философы, эти астрологи, эти пророки - они никогда ни на чем не сойдутся. Наступает утро, завтра вот-вот начнется, времени не так много. Я предлагаю вам следующее: возьмите своего самого быстрого коня и скачите прочь от этого места». Совет казался основательным: «И пусть эти люди спорят. Они никогда не придут ни к какому заключению. Вечер наступит очень скоро - им же потребуются столетия, - а решения все еще не будет. Если вы будете полагаться на них, то раскаетесь; пусть они себе спорят, а я слушаю их доводы».

Царь потихоньку выскользнул прочь, взял своего самого быстрого коня и ринулся так быстро, как это было только возможно, прочь из дворца, в котором случился такой сон. К вечеру он проскакал сотни миль и был очень счастлив, что оказался так далеко: «Теперь смерти будет трудно найти меня в том месте, в назначенное время».

Солнце садилось. Он добрался до предместий города Дамаска. Чтобы отдохнуть... ведь он не ел целый день, он не выпил и глотка воды. Время было так дорого! Жажда не убьет вас за один день, голод не убьет вас за один день. Он собирался отдохнуть в саду на окраине города. Он вошел в сад, привязал коня к дереву и поблагодарил его, ведь этот конь был, наверное, лучшим конем во всем мире. Он благодарил коня словами: «Сегодня ты по-настоящему проявил свой пыл. Даже я не знал, что ты можешь скакать так быстро. Теперь отдыхай, а я побеспокоюсь о корме и воде для тебя».

И тут он почувствовал руку на своем плече. Он оглянулся. Та же темная фигура стояла перед ним и смеялась. Царь был потрясен; он спросил: «Почему ты смеешься?»

Смерть сказала: «Это то самое место и то самое время. Я беспокоилась, сумеешь ли ты справиться или нет, но твой конь — точно самый лучший конь в мире. Я тоже благодарю его!»

Куда вы убежите? Может быть, то, куда вы отправитесь, и есть то самое место, то самое время. На самом деле, всякое место то самое для смерти, всякое время то самое.

Итак, факты, такие, как смерть... Религии пытались утешить вас, дать вам идеи, которые позволили бы вам построить между вами и страхом смерти буфер - поглотитель удара, - чтобы этот страх не потрясал вас непрерывно; в противном случае жизнь стала бы невозможной. Поэтому в мифологии, в теологии были вплетены всевозможные вымыслы. Всякий, говорящий истину, должен прорываться сквозь всю эту паутину, сквозь эти мифы, эти вымыслы.

И когда вы внезапно видите обнаженную истину, вы будете против человека, который преподнес вам такой шокирующий дар.

Вам хотелось бы верить, что это не истина, но вы знаете, что это она. Отсюда гнев; в противном случае нет необходимости убивать Сократа.

Если вы правы и знаете, что правы, тогда пусть этот человек дурачит сам себя своей «истиной» - это вас не касается. Люди в Афинах верили в загробную жизнь, как и люди по всей земле. Все, исключая атеистов, верили в некоторого рода загробную жизнь. Греческая мифология была богатой, но Сократ говорил: «Ничего нельзя сказать о смерти, потому что оттуда еще никто не возвращался. Поэтому мы должны держать свои умы открытыми. Мы не можем принимать каких-либо вымыслов о смерти и жизни после смерти, потому что этому не было ни единого очевидца. Пока я не умру, я не могу сказать, есть ли жизнь после смерти или нет. Если же я умру, то тогда не будет и вопроса, не возникнет никакой проблемы - меня просто не будет».

«В чем проблема, когда вы и не родились?»

Его доводы были основательными. Какие у вас неприятности, когда вы и не родились? Какие тревоги, какие муки, какое страдание? Вы знаете, что нет вопроса ни о каком страдании, ни о какой муке, когда вы и не родились еще. Кто страдал бы, кто испытывал тревогу и боль? Вас же нет!

Сократ посмотрел на смерть тем же самым взором. Если вы просто кончаетесь, как говорят атеисты, если вы полностью исчезаете, если от вас ничего не остается, тогда нет проблемы - вас ведь нет. Вместе с вами исчезают все проблемы, все тревоги. Это одна возможность.

Другая возможность заключается в том, что правы могут быть теисты, которые говорят, что вы живете после смерти. Но и тогда, говорит Сократ: «Я не вижу никакой проблемы. Вот сейчас вы живете и как-то справляетесь со своим страданием, со своими тревогами, со своими проблемами; как-то вы справляетесь. И пока вы здесь, вы накопите опыт, вы станете более опытными; вы сможете справиться и там».

Поэтому он говорит: «Я не вижу никакой проблемы, о которой стоило бы беспокоиться. Или я умру, и тогда нет вопроса; или я буду, но более опытный, более мудрый. И я доверяю себе: если я сумел пройти через жизнь, то сумею пройти и через смерть. Но пока я не испытаю этого, я ничего не могу сказать. И я не обещаю вам, что когда я испытаю это, то смогу вернуться назад и рассказать вам, ведь до сих пор никто не возвращался. Может быть, нет способа вернуться назад. Может быть, сам мост падает после того, как вы прошли по нему, и всякое общение становится невозможным. Ничего не может быть сказано об этом?»

Он не говорил ничего определенного, и это порождало в умах людей проблему. Он порождал тревогу. Это стало одним из пунктов, выдвинутых против его пребывания в Афинах: «Его нужно изгнать или пожизненно заключить в тюрьму, ведь он возбуждает в умах людей тревогу и боль. Люди, которые были совершенно счастливы, занимаясь своим делом, которые чувствовали себя комфортно... Этот человек встречается с ними, и стоит ему встретиться, как они навсегда теряют покой».

А это было обычным делом для Сократа: ходить по городу, хватать кого угодно и задавать ему

вопросы. Даже если этот человек хотел сбежать, Сократ не позволял ему: «Ты должен ответить!» И потом, если на вопрос отвечали, он разбивал этот ответ с самых различных точек зрения, и вскоре от ответа ничего не оставалось. Потом он говорил тому, кого спрашивал: «Вы можете приходить в мою школу, - у него была школа, - если хотите выучиться, поскольку ваш ответ абсолютно ложный. Какой-то идиот продал вам этот ответ и обманул вас. Вы живете во лжи».

Да, ложь может быть комфортабельной, может быть очень удобной.

Истина, в начале, весьма неудобна, весьма некомфортабельна, но в конце она - полное благо.

Мы можем подвести итог: в самом начале ложь всегда сладка, но горька в конце; истина горька в начале и сладка в конце.

Но ради этого конца нужно потерпеть. Если вы нетерпеливы, то это значит, что вы покупаете какую-то ложь.

Простые массы не имеют своего собственного ума. Их формировали, обуславливали, гипнотизировали, им промывали мозги на протяжении столетий непрерывно.

Поэтому, когда что-то говорит такой человек, как я, прежде всего, чтобы слушать это, нужна решимость. Чтобы воспринять это, нужна будет потрясающая смелость, поскольку то, что говорится, горько, то, что говорится, идет против всей вашей обусловленности.

Поэтому лишь очень немногие люди, лишь настоящие искатели истины будут готовы пройти сквозь всю эту суету.

Все будет поставлено с ног на голову: их Бог, их небеса, их ад, их дьявол, их мессии, их пророки.

Между вами и истиной - толстая стена. И все эти люди стоят между вами и истиной. Вы должны будете сказать им: «Пропадите! Отправляйтесь в Орегон!» Это мой перевод слов «Отправляйтесь в ад», которые слишком устарели. Пословицы надо освежать.

Христианам придется отставить в сторону Христа; это очень трудно. И евреям было трудно отставить в сторону Моисея, когда Иисус говорил им нечто гораздо более истинное; им было трудно отставить Моисея. Теперь та же проблема возникает перед христианами; им трудно отстранить Иисуса. И притязание Иисуса идет гораздо дальше любого из притязаний Моисея. Моисей никогда не притязал на то, чтобы быть единственным порожденным сыном Божиим.

Иисус притязает на то, чтобы быть единственным рожденным сыном Бога. Можете ли вы отставить его в сторону и сказать: «Отправляйся в Орегон»? Это будет трудно. Чем сделать такое, вы скорее предпочтете, чтобы оставил Орегон я. Именно это и пытаются делать ваши политики; они говорят мне: «Оставьте Орегон». Это кажется проще, ведь со мной у них нет связей. Я не продаю им никаких сладких снов. Я ничего не обещал им, и я ничего не обещаю им сейчас.

Вся моя работа заключается в том, чтобы разрушить всю ложь, которая окружает вас, и не заменять ее чем-нибудь другим, но оставить вас предельно обнаженными в вашей уединенности.

Как я считаю, только в этой уединенности вы сможете познать истину - поскольку эта истина - вы.

Вам никуда не нужно отправляться, чтобы найти истину. Ее не даст вам ни Иисус, ни Кришна, ни Будда, ни я. Это не предмет потребления, который вам может кто-то дать.

Только подумайте: если истина - предмет потребления, который может быть вам дан, тогда он может быть у вас и украден, он может быть возвращен, он может быть потерян - с ним может случиться все, что угодно.

Но с истиной ничего не случается. Она случается вам, но ей ничто не случается. Она не может быть украдена, она не может быть куплена.

Есть история из жизни Махавиры... Один из самых знаменитых царей, Бимбисара, завоевал всю Индию и соседние с ней страны. Он создал обширную империю. Он был таким человеком, который если что-то хотел, то имел это. Он никогда не сталкивался ни с чем таким, чего он хотел бы, но не мог получить. Он много раз слышал о Махавире, который как раз в то время отдыхал в пору сезона дождей рядом с городом, его столицей.

Царь спросил: «Что есть у этого человека? Я ведь вижу, как тысячи людей идут к нему».

Кто-то ответил: «У него есть истина».

Бимбисара сказал: «Ну, тогда проблем нет. Сколько он просит за нее? Я готов заплатить. Не надо торговаться, просто спросите, сколько он хочет за нее».

Тот человек не мог сказать царю: «Вы говорите, как дурак». Он сказал: «Лучше бы, ваше величество, вам самому пойти к нему и переговорить с ним. Я бедный человек, не впутывайте меня в это дело. Вы великий царь; он великий тиртханкара, великая душа, какая редко случается. Только двадцать четыре человека достигли такой высоты за один цикл существования». Он говорит, что за миллионы и миллионы световых лет, только двадцать четыре... и Махавира последний в этом цикле. В этом цикле существования больше не будет человека его масштаба. Когда все это существование сгорит, когда все эти звезды, галактики, солнечные системы исчезнут и с чистого места начнется создание новых звезд, - тогда появится первый тиртханкара. «Этот человек очень редок, потому что за миллионы лет не появится другой такой, сравнимый с ним. Поэтому лучше пойти вам».

Бимбисара пошел вместе со всеми своими придворными, и он отнесся к Махавире очень уважительно - простая формальность. В Индии даже если к мудрецу приходит царь, он должен коснуться ног мудреца; это просто формальность. И он сказал: «Я пришел ради простого дела. Дай мне твою истину, и что бы ты ни захотел - даже если ты попросишь всю мою империю, - я дам тебе это. В этом заключается вся моя жизненная позиция: все, что я хочу, я должен иметь. Какая будет цена, значения не имеет».

Махавира рассмеялся и сказал: «Вы без нужды пришли в такую даль. В самой вашей столице живет один из моих учеников. У него есть истина; и он очень бедный человек - может быть, он продаст ее вам. Я не готов продавать. И вы должны знать, что я тоже сын царя. Я должен был наследовать царство моего отца; я отрекся от него, чтобы получить истину. Как я теперь стану

продавать ее за царство? Даже если вы будете давать мне все царство, стану ли я продавать ее? Я уже отрекся от целого царства, чтобы получить эту истину, и после сорока лет борьбы я нашел ее. Я не могу ее продать».

У Махавиры было, наверное, чувство юмора, полностью отсутствующее у джайнов. Он послал царя к бедному человеку из столицы. Царь никогда не ходил в тот квартал столицы, поскольку там жили самые бедные, очень бедные, фактически отверженные люди. Его золотая карета остановилась перед хижиной бедняка. Бедняк выбежал, и Бимбисара сказал: «Радуйся! Я готов дать тебе все, что захочешь, только отдай мне истину. Твой Учитель Махавира послал меня; я иду от Махавиры».

Бедняк сказал: «Мой учитель, должно быть, подшутил над вами. Возможно, он не хотел задевать вас перед столь многими людьми, вы ведь пришли вместе со всем своим двором, со всеми своими советниками, министрами, генералами. Он не хотел вас обидеть и сказать вам «нет». Вот почему он послал вас ко мне. Если хотите, я могу отдать свою жизнь. Я всего лишь ваш бедный слуга; я убираю ваши улицы. Вы можете потребовать моей жизни, и вот она, готова - отрубите мне голову! Но истина?.. Да, она есть у меня, но само качество истины таково, что она не может быть отдана. Не то чтобы я не хотел бы отдать ее вам; я абсолютно готов к этому».

«Если вы можете взять ее, возьмите. Можете убить меня; если найдете ее у меня внутри, хорошо - я готов. Я буду счастлив, что у меня был шанс послужить вам так интимно, так близко. Но я предупреждаю вас, вы не найдете ее там, потому что истина должна быть подлинно вашей, только тогда она истина. Если она чья-то еще, она уже не истина. Моя истина не может быть вашей. В тот момент, когда я говорю что-то об истине, вы слышите лишь слова - истина остается позади. Истина не может быть втиснута в слова; нет такой возможности».

Слова достигают простых людей, и они верят в то, что эти слова и есть истина, - кто-то верит в слова Иисуса, кто-то верит в слова Будды, кто-то верит в слова Мухаммеда, - но они не истина.

Ни одна книга не содержит в себе истины, ни одно слово не содержит ее.

Но вы испытываете удовлетворение, а когда кто-нибудь тревожит ваше удовлетворенное состояние, вы гневаетесь. И, конечно, большинство людей с вами. Это потрясающе помогает вам - так много людей не могут быть не правы.

Истина же никогда не случается толпам, она случается только индивидуальностям.

Всякий раз, когда является истина, она приходит в вибрации индивидуальности, так что индивидуальность всегда противостоит всей толпе.

В противном случае вы вместе с целой толпой, они ведь все набиты тем же, что и вы. Католики: сколько их - может быть шестьсот миллионов? Ну и вот, у каждого католика есть великое утешение: с ним шестьсот миллионов человек. Шестьсот миллионов человек не могут быть не правы. А против одного человека... естественно, они чувствуют, что этот человек вносит возмущение. Лучше покончить с ним и отправиться спать, вернуться к своим сновидениям.

Это не ново для меня. С самого моего детства я находился в этом самом положении. Мой отец постоянно брал меня с собой, когда отправлялся на какую-нибудь церемонию, на какую-нибудь

свадьбу, на какой-нибудь день рождения, повсюду. Он ставил мне условием, чтобы я абсолютно молчал: «В противном случае, пожалуйста, оставайся дома».

Я, бывало, говорил ему: «Но почему? Всем разрешается разговаривать, кроме меня!»

Он говорил: «Ты знаешь, я знаю и все знают, почему тебе не разрешается разговаривать - ты ведь вносишь возмущение».

«Но, - говорил я, - ты обещал мне, что не будешь вмешиваться в то, что касается меня, а я обещал тебе, что буду молчать».

И много раз случалось так, что он был вынужден вмешиваться. Например, если был кто-то из старших - дальний родственник, но в Индии это не имеет значения, - мой отец касался его ног и говорил: «Коснись его ног и ты».

Я говорил: «Ты вмешиваешься в мои дела, поэтому наше соглашение прекращается. Почему я должен касаться ног этого старика? Если ты хочешь касаться их, касайся их и дважды, и трижды; я не буду в это вмешиваться, но почему я должен касаться его ног? Почему не его головы?»

Это и было достаточным возмущением. Каждый настойчиво объяснял мне, что он старший. Я говорил: «Я видел много пожилых. Как раз перед моим домом живет пожилой слон; я никогда не касаюсь его ног. Этот слон принадлежит священнику; это очень старый слон. Я никогда не касался его ног, а он очень мудрый - я думаю более мудрый, чем этот старик. Просто старые годы не придают ему никаких особенных качеств. Дурак остается дураком - может быть со старостью еще глупее. Идиот, пока стареет, становится еще большим идиотом, ведь вы не можете оставаться теми же самыми, вы должны расти. И идиот, когда он становится дряхлым... тогда его идиотия умножается. И это то самое время, когда он становится очень уважаемым. Я не собираюсь касаться ног этого старика, если мне не будет показано, почему я должен сделать это».

Однажды я пошел на похороны; умер один из моих учителей. Он был учителем по санскриту - очень толстый, смешной на вид, по-смешному одевавшийся на манер старых браминов, древних браминов, с большим тюрбаном на голове. Он был посмешищем всей школы, но сам при этом был очень невинным человеком. На хинди невинность обозначается словом бхале, поэтому мы часто называли его Бхале. Когда он входил в класс, весь класс громко скандировал: «Джай Бхале», — да здравствует Бхале. И, конечно, он не мог наказать всех учащихся, ведь кого тогда он стал бы учить, как он стал бы учить?

Он умер. Полагая, что это мой учитель, и думая, что поэтому я буду вести себя хорошо, мой отец не потребовал от меня заключения соглашения. Но я не смог вести себя хорошо, поскольку не мог ожидать того, что там произошло, - никто не ожидал этого. Когда мы прибыли, его мертвое тело лежало там. Подбежала его жена, упала на тело и сказала: «О мой Бхале!» Все промолчали, но я не мог удержаться. Я очень старался, но чем сильнее старался, тем труднее это было. Я рассмеялся и сказал: «Великолепно!»

Мой отец сказал: «Я не заключил с тобой соглашения, полагая, что если это твой учитель, то ты будешь проявлять уважение».

Я сказал: «Я не проявляю неуважения, но я удивляюсь совпадению. Бхоле было его кличкой, и он, бывало, злился на нее. Теперь этот бедный малый мертв, его жена называет его Бхоле, а он ничего не может поделать. Я просто чувствую к нему жалость!»

Куда бы я ни пошел с отцом, он заключал со мной соглашение; но он был первым, кто нарушал его, поскольку случалось то одно, то другое, и он вынужден был говорить что-то. Этого и было достаточно, поскольку таким было условие - он не должен вмешиваться.

В городе находился один джайнский монах. Джайнские монахи сидят на очень высоком пьедестале, поэтому даже стоя, вы можете коснуться их ног своей головой... пьедестал высотой по крайней мере метр пятьдесят, метр восемьдесят - и они сидят на нем. Джайнские монахи ходят группами, им не разрешается ходить поодиночке, вместе должны идти пять джайнских монахов. Это стратегия, направленная на то, чтобы четверо из них следили за пятым, чтобы никто из них не попытался взять кока-колу - если, конечно, они все не сговорились. Я видел, как они сговариваются и принимают кока-колу, вот почему я запомнил это.

Им не разрешается пить даже ночью, а я видел, как они пьют кока-колу по ночам. Действительно, днем пить кока-колу опасно - вдруг кто-нибудь увидит! - поэтому только ночью... Я сам передавал им ее, с этим не было проблем. Кто другой стал бы передавать им ее? Ни один джайн не стал бы этого делать, но они знали меня, и они знали, что я готов сделать всякое дело, преступающее закон.

Там было пять пьедесталов. Но один монах заболел, поэтому, когда мы пришли туда с отцом, я подошел к пятому пьедесталу и сел на него. Я все еще помню моего отца и то, как он посмотрел на меня... он не смог найти даже слов: «Что ты делаешь?» И он не мог вмешиваться в мои действия, поскольку я никому не сделал ничего плохого. Просто сидя на пьедестале, на деревянном пьедестале, я не задевал никого и ничего. Он подошел ко мне поближе и сказал: «Похоже на то, что, есть соглашение или нет соглашения, ты собираешься делать все, что захочешь; поэтому на будущее мы не будем заключать соглашения, поскольку это абсолютно не нужно».

Эти четыре монаха чувствовали себя очень неловко, но и они не могли ничего сказать - что сказать? Один из них, в конце концов, сказал: «Это неправильно. Никто, кроме монахов, не должен сидеть с нами на равном уровне». Поэтому они сказали отцу: «Снимите его вниз».

Я сказал: «Дважды подумайте. Вспомните о бутылке!» - это ведь им я передавал кока-колу.

Они сказали: «Да, это правильно, мы помним о бутылке. Сиди на пьедестале сколько угодно».

Мой отец спросил: «Какая бутылка?»

Я сказал: «Спроси этих людей. У меня двойное соглашение: одно с тобой и одно с ними, и никто из вас не может помешать мне. Вы все четверо согласились, что я могу сидеть здесь, или я скажу название бутылки».

Они сказали: «Мы совершенно удовлетворены. Можешь сидеть здесь, никакого вреда нет, - но, пожалуйста, молчи о бутылке».

Ну вот, там было много людей, и все они заинтересовались... какая бутылка? Когда я вышел из храма, все собрались вокруг меня; все они спрашивали: «Что это за бутылка?»

Я сказал: «Это секрет. И это моя власть над теми четырьмя дураками, ног которых вы все время касаетесь. Если захочу, я могу приказать им касаться моих ног, иначе - бутылка...» Эти дураки!

Мой отец по пути домой просил меня: «Расскажи мне. Я никому не скажу. Что это за бутылка? Они что, пили вино?»

Я сказал: «Нет. Дело так далеко еще не зашло, но если они останутся здесь еще дней на пять, я справлюсь и с этим. Я могу заставить их выпить вина... в противном случае я скажу название бутылки».

Весь город обсуждал эту бутылку, что это была за бутылка, и почему они так испугались: «Мы всегда думали, что они такие одухотворенные мудрецы, а этот мальчик заставил их испугаться. И все они согласились, что он может там сидеть, что идет вразрез со священными книгами». Все ходили за мной. Они готовы были подкупить меня: «Проси, что хочешь, - только расскажи нам, в чем секрет этой бутылки».

Я отвечал: «Это великий секрет, и я не собираюсь рассказывать вам ничего о нем. Почему бы вам не пойти и спросить у этих монахов, что это за бутылка? Я могу пойти с вами, чтобы они не смогли солгать, - и тогда вы узнаете, что за люди, которым вы поклоняетесь. И эти люди формируют ваш ум!»

В университете был профессор, который хотел из-за меня уйти в отставку. Он был очень старым и очень заслуженным. Может быть, он все еще жив. Его имя было доктор С.Н.Л. Шривастава; он был доктором философии и доктором литературы. В философии его имя было хорошо известно — и вот он грозился подать из-за меня в отставку. Он поставил перед университетом условие, что если я не буду изгнан, то он уйдет в отставку: в университете может оставаться только один - или я, или он. А я был всего лишь студентом, студентом первого года. Я только что выбрался из своей деревни и переехал в город побольше. И через три месяца он пришел в такое состояние, что когда видел меня, то выходил из класса!

Я выбегал за ним и спрашивал: «Что случилось? Почему вы уходите? Я плачу за обучение. Вам полагается учить, мне полагается учиться, и все, что я делаю, это учусь. Если я задаю вопрос, то это я учусь».

«Но, - отвечал он, - вы задаете вопросы, которые постоянно ставят меня перед дилеммой. Если я скажу «да», я буду схвачен за руку; если я скажу «нет», я буду схвачен за руку. Каждый ваш вопрос лишь провоцирует другие вопросы, и им нет конца. Прошло три месяца; вы не позволили мне продвинуться ни на чуть дальше по сравнению с первым днем. Мы застряли там, где и были; и я знаю, не произойдет ничего другого за те два года, которые вы собираетесь провести здесь со мной. Вы не позволите тому первому дню закончиться. Так что лучше...»

«Но, - говорил я, - вы так образованны, у вас так много степеней, почетных степеней, и тридцатилетний опыт преподавания, через вас прошло так много студентов - почему вы так беспокоитесь? Если вы не знаете, вы можете просто сказать: «Я не знаю». Единственная ваша проблема заключается в том, что вы не можете сказать: «Я не знаю». Не я ваша проблема. Вы

хотите сохранить вид, что все знаете, а на самом деле никто не знает всего, и даже вы не знаете всего».

Он преподавал нам аристотелеву логику; он был профессором логики и философии. В Индии два первых года нужно учить логику, поэтому два этих года, начальных года, посвящены Аристотелю и его логике. И я сказал ему, что даже Аристотель не был всезнающим, он был таким же невежественным, как и всякий другой. Он пишет в своей книге, что у женщины на один зуб меньше, чем у мужчины.

Вот посмотрите на дурака. У него было две жены; он мог бы сказать миссис Аристотель Один или миссис Аристотель Два: «Открой-ка ротик». А на самом деле женщины всегда держат свои рты открытыми; не нужно говорить им об этом. Если он боялся, то мог бы пересчитать зубы ночью, когда они спали. Но нет, в Греции верили, верили по традиции, что женщина во всем должна быть меньше мужчины, ниже мужчины. Как она может иметь в точности такое же число зубов, как и мужчина? Но он ни разу не побеспокоился проверить это.

Поэтому я сказал Шриваставе: «Вы говорите, что этот человек логик, отец логики? Это такая простая вещь, что даже самый посредственный человек подумал бы об этом: первым делом пересчитать зубы. И что вообще он делал с этими двумя женами? Только после подсчета следовало бы писать об этом. Без подсчета их зубов он всего лишь доверился общественному мнению. На протяжении тысяч лет таковым было общественное мнение в Греции - никто не побеспокоился подсчитать. Но это просто странно, что ни один мужчина, и ни одна женщина не побеспокоились об этом. По крайней мере, несколько женщин могли бы пересчитать их и сказать, что все это абсолютный абсурд и чепуха».

Но он сказал: «Довольно, я не хочу больше слушать. Я пойду к вице-канцлеру, чтобы подать в отставку; или вы будете изгнаны, или я подаю в отставку».

Он не приходил три дня, поэтому вице-канцлер вызвал меня. Я спросил его: «В чем моя вина? Выгоняйте меня - в этом нет никакой проблемы, - но, пожалуйста, скажите мне, в чем моя вина? Задал ли я хотя бы один вопрос, который не относился бы к логике? И если я пришел изучать логику, я должен задавать вопросы, поскольку мои сомнения должны быть развеяны. В противном случае человек должен сказать, что он не знает, я это допускаю. Коль скоро он скажет: “Я не знаю”, - я не стану поднимать этого вопроса вновь. У него же не хватает смелости сказать: “Я не знаю”. И теперь эта угроза отставки».

«Он знает, что он ценный профессор. Если он уйдет в отставку в середине года, где вы возьмете человека такого масштаба? Он знает, что в конфликте со студентом, который в университете всего лишь три месяца, будет принято решение в его пользу. Но, - сказал я, -это не будет так просто. Тогда борьба, которую я веду с С.Н.Л.Шриваставой, начнется и с вами. Я каждый день буду являться в вашем кабинете. Вы должны будете изложить мне в письменной форме причины, по которым я изгнан».

Он был по-настоящему добрым и разумным человеком. Он сказал: «Я не вижу никакой причины, по которой вы должны бы были быть выброшены, и я буду последним человеком, кто станет изгонять вас. Но, пожалуйста, поймите и мою ситуацию: мы не можем потерять этого профессора. Поэтому сделайте одно... Я не выгоню вас; я все устрою в другом колледже. Вам ничего не нужно делать, предоставьте все мне: я все устрою в другом колледже, и вы перейдете

туда. В университете Джабалпура есть по крайней мере двадцать колледжей, поэтому можете выбрать любой колледж, какой захотите».

Я сказал: «Нет вопроса о выборе мною любого колледжа. Позвоните всем этим руководителям, чтобы посмотреть, готовы ли они принять меня, ведь теперь каждый знает о деле этого С.Н.Л.Шриваставы, знает о том, что лучший профессор философии в университете готов подать в отставку. Кто же тогда примет меня? Попробуйте; я готов». Из двадцати колледжей, только один руководитель был готов принять меня, - на том условии, что я никогда не приду в класс. Он даст мне необходимый процент, но я не должен никогда появляться в классе.

Я сказал: «Прекрасно. Я сам не люблю ходить в университет и находить здесь идиотов, которые не знают, что они делают, чему они учат. Так что это прекрасно; так можно устроить. Но помните, я не буду вносить плату за обучение. Я сделаю, как вы хотите, а вы устройте все с оплатой за эти два года. Я никогда не приду в этот колледж; вы все устройте с оплатой и позаботитесь обо всем. После двух лет я приду к вам. Если что-то будет не так, отвечать будете вы».

Он сказал: «Я приму всю ответственность на себя», - и он принял всю ответственность.

Через два года я пришел к нему и сказал: «Дайте мне мою карточку допуска, чтобы я пошел на экзамены. Я не пойду в этот колледж; я даже не видел его».

Вот путь общих масс - даже образованные люди принадлежат к этим общим массам - в них нет целостности, разума или даже смелости сказать: «Я не знаю». То условие, я знаю, исходило от одного профессора. Руководитель колледжа спросил этого профессора: «Можем ли мы принять этого студента? Есть проблема...»

И профессор сказал: «Я не хочу никаких проблем в моем классе. Я могу принять его только при условии, что он никогда не появится в классе».

И вот как раз перед тем, как я покинул Индию, я прочитал статью, подписанную тем же профессором, его имя Солери, в которой он с гордостью сообщает, что я был его студентом. Я не видел его лица, он не видел моего; я никогда не был в его классе, или в его колледже, или где-нибудь поблизости. А теперь он гордится, что я был его студентом и что он всегда знал, что я стану кем-нибудь особенным. Эти дураки! Они так легко лгут. Но и все их жизни полны лжи.

Простые массы, между прочим, невинны. Но школьные учителя, священники, политики - эти люди постоянно отравляют простые массы и держат их на уровне толпы.

То, что мы называем демократией, еще не пришло к той точке, когда оно становится демократией. Оно еще, и повсюду, всего лишь толпократия, потому что избирающая масса является толпой; она еще не стала осознющей и бдительной.

Как раз несколько дней назад здесь были президентские выборы. Я слышал, что перед выборами шестого ноября, в ночь на пятое ноября, перед судом округа Васко собрались все христианские конгрегации. Все священники - все враги друг другу, постоянно сражающиеся друг с другом, спорящие о том, кто прав, кто не прав, и кто ближе к Христу и Богу, а кто не ближе, кто действительно православен, а кто блуждает в потемках, - все они собрались вместе. Все

священники, со всеми их конгрегациями, перед зданием окружного суда... для чего? Чтобы помолиться против Антихриста, чтобы спасти округ Васко.

Так кто же Антихрист в округе Васко? И почему нужно спасать округ Васко от Антихриста? Я по-настоящему наслаждался этим, все они молились по поводу меня - поскольку я не думаю, что есть кто-либо другой, кого объявили бы Антихристом. Но это я немного сумасшедший. Говорят, что я анти-Христос, анти-Будда, анти-Махавира, анти-Кришна, антисемит... Все, что угодно, - только поставьте перед этим приставку «анти», и это подойдет ко мне. А в действительности я просто за себя и не против никого. Меня нисколько не беспокоит Христос, поэтому, почему я должен быть анти-Христом? Меня не беспокоит никто! Они никогда не заботились обо мне, почему я должен беспокоиться о них?

Эти люди продолжают... Журналисты спросили священников: «Кто Антихрист?» - и они даже не осмелились произнести мое имя. Отвечая, они все ходили вокруг да около: «Мы вот молимся, чтобы округ был спасен от злых сил». Но почему только округ Васко? Что, все злые силы собрались здесь в округе Васко? Они должны были бы отправиться в Белый Дом в Вашингтоне и молиться там, ведь если злые силы и собрались где-нибудь, так только в двух местах - в Кремле и в Белом Доме. И если мир будет страдать, источником страдания будут эти два места: Кремль - и Белый Дом.

Но странное дело с этими священниками: во время второй мировой войны в Англии они молились Богу, христианскому Богу, за победу Англии, за безопасность Уинстона Черчилля; а христиане в Риме, где пребывает папа в Ватикане, молились за безопасность Муссолини и его победу - тому же самому христианскому Богу. Не только это, Адольф Гитлер был благословлен христианскими епископами, они молились за его победу - именем того же христианского Бога. Так что же случилось с этим Богом? Он, наверное, покончил с собой! Как Ему решать? Все они Его люди, молятся ведь Его агенты. В чью пользу будет Его решение?

И христиане не улавливают проблемы в том, что когда Адольф Гитлер у власти, тогда христианский священник молится за Адольфа Гитлера. Он просто трус. Он не может сказать: «Я не буду молиться за вас и за вашу идеологию, которую вы отстаиваете. Я буду молиться за то, чтобы вы были побеждены». Но нет, смелые люди не становятся священниками; у них есть другие, лучшие дела для занятий. Священники же трусы. И эти трусы продолжают отравлять умы других людей; они делают других людей трусами. Они уничтожили все человечество и поместили его в сумасшедший дом.

Поэтому если массы против меня, то этого можно было ожидать. Не могло быть иначе, это естественно.

Что неожиданно, так это то, что по всему миру есть немного людей, которые способны встать рядом со мной, которые достаточно смелы для того, чтобы отложить в сторону свои предубеждения и выслушать меня, которые настолько разумны, чтобы узнать истину, когда они встречаются с нею, - какова бы ни была цена, и каковы бы ни были последствия.

На самом деле, никто до меня не имел таких разумных людей, каких я имею по всему миру, людей такого масштаба, таких восприимчивых, таких желающих пройти через испытание огнем.

Да, когда вы направляетесь к истине, это хождение в огонь.

Вы сгорите, вы сгорите полностью. И тогда то, что останется несгоревшим, живым, и есть ваша реальность. Все остальное, что сгорело, было хламом, излитым на вас другими.

Никто не может сжечь истину, но чтобы достигнуть истины, вам нужно отбросить слишком многое, очень много лишнего.

Но я счастлив тем, что, по крайней мере, один процент человечества почти готов прыгнуть и создать первую религию мира - религию истины, сознания - без лжи о Боге, небесах, аде, дьяволе - только чистейшую истину достоинством в двадцать четыре карата.

Даже один процент по всему миру - это потрясающая сила. Вы не должны думать, что это всего лишь один процент против девяносто девяти. Нет, те девяносто девять процентов - это ничто, поскольку в них нет их собственного огня. Они мертвы раньше смерти; они лишь ходячие трупы.

Этот один процент потрясающе силен, потому что эти люди живы.

Их огонь преобразует весь мир. А эти девяносто девять процентов вовсе не считаются.

Поэтому меня не беспокоит, что эти массы думают обо мне. Я озабочен только этим одним процентом разумных людей - тем, что они думают обо мне.

Беседа 5

ЭКСТАЗ СЕЙЧАС -ЗАЧЕМ ЖДАТЬ?

3 декабря 1984 года

Бхагаван,

Что такое самоотречение? Каково его место в Вашей религии?

Идея самоотречения является одной из самых фундаментальных во всех псевдорелигиях. Суть этого явления должна быть понята очень глубоко.

Все религии проповедуют разделение между этим миром и миром, лежащим по ту сторону смерти, - между душой и телом. Тело принадлежит этому миру, душа принадлежит тому миру; поэтому, если вы хотите достичь мира, лежащего по ту сторону смерти, вечного мира... счастье там бесконечно, счастье здесь не стоит того, чтобы называться счастьем; оно мимолетно, оно соткано из сновидений. Оно приходит и до того, как вы сможете ухватить его, уходит. Оно иллюзорно, оно как мираж в пустыне.

Далеко от себя вы видите озеро, наполненное водой. Вы испытываете жажду, и великая надежда возникает в вас. Озеро, как вы его видите, абсолютно реально, ведь, как доказательство его реальности, вот вода, вот деревья, отражающиеся в этой воде. Если рядом есть гора, то и гора отражается в озере, отражается солнце. Какое еще доказательство вам нужно? Без воды такие отражения невозможны. Вы кидаетесь с великой надеждой, но когда вы подходите ближе, то обнаруживаете, что озеро отступает; расстояние между вами и озером остается тем же самым.

Это просто иллюзия, созданная отражением солнечных лучей от горячего песка пустыни. Когда

солнечные лучи отражаются, они движутся подобно волнам, и их движение издалека создает иллюзию воды. И этим волнообразным движением солнечные лучи достигают эффекта отражения; они становятся подобными зеркалу. Это одна половина явления миража.

Другая половина - ваша жажда. Если бы вы не испытывали жажды, то, возможно, вы не смогли бы и обнаружить, что был какой-то мираж. Вы видели миражи раньше, вы знаете, что миражи могут казаться почти реальными, - но у вас жажда.

Физическое явление отражения солнечных лучей дает половину реальности явлению миража. Другую, и гораздо более важную половину, вносите вы и ваша жажда. Вы хотите поверить, что мираж - это правда. Даже если бы был кто-нибудь, кто попытался бы доказать вам, что это не реальность, вы рассердились бы на этого человека: у вас жажда, и вот она вода, а он пытается доказать, что эта вода - иллюзия. Он не знает, что такое жажда! Может быть, сам он не испытывает жажды. Нет никакой возможности убедить испытывающего жажду в том, что то, что он видит, - нереально. Все, что вы видите, обязательно является реальным. Внешнее проявление не означает реальности.

Миллионы лет религии говорили людям, что счастье в этом мире имеет ту же природу, что и мираж в пустыне. Вот почему вам никогда не удастся ухватить его. Вам не удастся удержать счастье в своем кулаке; оно приходит и уходит. Вы можете почувствовать его как легкий ветерок, но в то мгновение, когда вы осознаете, что вот оно, оно уже исчезает. Может быть, оно еще более нереально, чем мираж. Мираж, по крайней мере, имеет какую-то реальность: отраженные солнечные лучи вносят половину, а ваша жажда - другую половину. Но в вашем так называемом счастье этого мира вы сами вносите все сто процентов. Нет ничего, что давало бы еще какой-нибудь вклад.

И вы знаете это. Сегодня одна женщина кажется вам столь прекрасной, что вы скажете, что Клеопатра - ничто по сравнению с ней. Она кажется вам самой прекрасной женщиной в мире. Не только сейчас - вы не можете представить себе, что когда-либо была или когда-либо будет женщина, красивее ее. Это ваше представление, поскольку для других та же женщина ничего не значит; и та же женщина завтра ничего не будет значить для вас. И вы будете удивляться, поражаться - что же случилось? Что случилось с этой женщиной? Ничего с ней не случилось - она та же самая - что-то случилось с вами.

Вчера вы испытывали жажду - вы воображали, что у вас страсть. Сегодня эта страсть удовлетворена; больше нет биологического основания для воображения. Эта женщина - самая обыкновенная женщина, и счастье, которое вы обрели, было всего лишь вашим воображением - вы сами создали всю эту игру. Эта женщина, самое большее, играла роль бездействующего участника; она позволила вам представлять себя в ней. Может быть, она тоже представляла себя в вас - так что это было воображением с обеих сторон. Рано или поздно оно исчезнет, поскольку воображаемое не может длиться долго, коль скоро его основная причина упущена.

Основная же причина лежит в вашей биологии; а биологию не тревожит любовь, поэзия, романтика или что-нибудь в этом роде - биология означает бизнес!

Биология не интересуется игрой предварительной и игрой завершающей; все это пустая трата времени. Биологию интересует воспроизведение потомства.

Когда биология завершила свою работу, она отступает; воображаемое исчезает. Тогда вот стоите вы, стоит та же самая женщина, - но ничто не осталось уже тем же самым. Куда исчезло ваше счастье?

Вы чувствовали себя, словно на вершине Эвереста, и вот вы пали в глубины Тихого океана. Эта женщина обманула вас, а женщина думает, что это вы обманули ее; вы оба пытаетесь все свалить друг на друга. Никто никого не обманывал, обоих обманула биология. Но биология - это не нечто вне вас, она присуща вашему телу. Вы являетесь представлением двух других биологии, биологии вашего отца и матери; и они были представлением двух других биологии - вот она неразрывность, поток, подобный реке.

Религии старались эксплуатировать эту фундаментальную истину. Это истина, что романтика и поэзия... и так называемые любовные дела - все просто тень биологии. Так что все не очень трудно: определенная инъекция определенных гормонов прямо сейчас создаст всю поэзию, всю романтику... Другая инъекция - и вы падаете в Тихий океан! Теперь мы знаем, что мужчина может стать женщиной, женщина может стать мужчиной; лишь незначительное изменение гормонов, лишь незначительное изменение химии тела.

Религии эксплуатировали эту простую истину. Это истина, но вместо того, чтобы объяснить ее вам, они эксплуатировали ее.

Они говорили: «Это мимолетное счастье. Не гоняйтесь за ним; вы напрасно потратите время. Настоящий мир начинается после смерти». Почему после смерти? Ведь смерть уничтожит всю вашу биологию, физиологию, химию; смерть отнимает прочь все материальное. После нее остается только духовное, и это духовное познает вечность. Материальное, физическое знает только мимолетность.

Все это кажется очень логичным; первая часть верна, но вторая часть - вымысел. Да, верно, что моменты счастья в этой жизни очень быстротечны, но это не означает, что есть другая жизнь после смерти, в которой эти моменты становятся вечностью. Тому нет свидетельств. Такие моменты хотя бы есть здесь, их переживает каждый. Хотя и малые и быстротечные, но они существуют. Никто не может отрицать их существования. Вы можете сказать, что они сделаны из того же вещества, что и сны, - но они все же есть. Даже сны имеют свою собственную реальность. Они есть, они влияют на вас; а когда что-то воздействует на вас, оно становится реальностью.

Например, вы голодны. За целый день вам не удалось ничего съесть; вы устали, засыпаете. Сейчас тело голодно и хочет пищи. Ум сотворяет красивое сновидение, что вы гость на богатом пиршестве. Ум обслуживает вас, ведь если ум не создаст такого сновидения, ваш сон будет беспокойным - голод даст о себе знать. Каким-то образом вас нужно убедить, что вы едите, что вы не голодны. Ваш сон остается не потревоженным. Сновидение делает что-то реальное. Как нечто нереальное может делать что-то реальное? Это невозможно, - но у сновидения есть его собственное существование. Да, оно отличается от скалы, но и цветок розы отличается от скалы. Сновидение отличается еще сильнее; но оно воздействует на вас, оно влияет на вашу жизнь, влияет на стиль вашей жизни - и эти изменения реальны.

Поэтому нужно запомнить одну вещь: в этой жизни есть мгновения удовольствия, быстротечные переживания счастья, внезапные взрывы радости, - но за них невозможно ухватиться.

Вы не можете хранить их в своем безопасном хранилище. Вы не можете сделать их постоянными. Религии эксплуатировали вас именно потому, что вы не можете сделать их постоянными. Это была очень хитрая стратегия. Вы хотите сделать мгновения счастья постоянными; ваше глубочайшее желание — оставаться счастливыми всегда, не знать боли, печали, муки -всегда. Постоянно пребывать в раю - вот ваше желание.

Религии эксплуатировали это желание. Они говорили: «Есть такое место, но вы ничего не получите, не заплатив за это». Выглядит совершенно математически, экономически. Религии начали учить вас тому, что вы должны пожертвовать этой жизнью, если хотите достичь постоянного райского мира, что после смерти. И это очень недорого, поскольку то, чем вы жертвуете, всего лишь мимолетное быстротечное переживание, которое случается лишь иногда.

Если собрать все ваши мгновения счастья за всю вашу семидесятилетнюю жизнь, то, может быть, не найдется и семи мгновений, относительно которых можно быть совершенно уверенными, что они имели природу экстаза.

За семьдесят лет жизни не будет и семи мгновений? Тогда что же вы делали здесь? Мучили себя и других? Да, вы не найдете и семи мгновений счастья, поскольку природа этих мгновений такова, что когда они есть, они целиком завладевают вами, они владеют вами - да, вот правильное слово - они полностью владеют вами. Но когда они проходят, они оставляют вас так же полно, как полно они владели вами, остается только память. А как долго вы сможете жить воспоминаниями, оказавшимися столь обманчивыми?

Через несколько дней вы начнете сомневаться, было ли это, или это просто ваше воображение? Ведь то мгновение так сильно противоречит всему вашему жизненному переживанию: проходят годы, и лишь одно мгновение, может быть... И оно не в вашей власти; когда и где случится это мгновение, не вам решать. Поэтому годами вы влачите свое существование, и лишь одно мгновение остается в памяти... Медленно, медленно даже дымка памяти начинает исчезать.

Поэтому, если спросить человека даже семидесяти лет, он не назовет и семи мгновений. И когда вы становитесь старше, для таких мгновений все меньше и меньше возможностей. Все больше и больше разочарований, больше и больше развеянных иллюзий. В будущем только смерть и тьма, а в прошлом ничего кроме обмана.

Религии нашли прекрасное поле, на котором эксплуатировать вас, - и все они по всему миру хорошо делают это.

За тысячи лет они открыли колоссальный бизнес - больше, чем всякий другой: они продают вам рай; и почти даром.

Все, что они просят: «Отрекитесь от этой мимолетной жизни, и вечный мир восторга ваш».

Поэтому самоотречение становится фундаментальным верованием: чем от большего вы отрекаетесь, тем более достойными вы становитесь и тем более вы можете быть уверенными, что подходите ближе. Поэтому люди пытались отречься от всего.

Махавира собирался стать царем. Его отец был стар, и он постоянно спрашивал Махавиру: «Позволь мне уйти сейчас, я устал; а ты готов, ты молод, хорошо образован - я совершенно

удовлетворен тобой. Где я найду сына лучшего, чем ты? Будь готов заменить меня».

Но у Махавиры были другие идеи. Пока его обучали священники, монахи, они отравили его ум. Они сказали ему, что если он сможет отречься от царства, то: «Тогда царство Божье твое». Чем больше отречение, тем больше, естественно, и награда. Вот почему все двадцать четыре великих Учителя джайнов были царями.

Я спрашивал джайнских монахов: «В чем здесь секрет? Разве не было никого другого в этой стране, кто мог бы достичь, стать великим Учителем - воин, брамин, ученый, кто-нибудь - почему только цари?» Они не давали никакого ответа. Я, бывало, говорил им: «Я не спрашиваю у вас ответа, поскольку ответ у меня есть. Я задаю вам этот вопрос только для того, чтобы вы начали думать об этом».

Ответ прост: поскольку они отрекались от царств, то и награда им полагалась самая большая. Бедный человек может отречься от всего, что имеет, - но что он имеет? Он не может стать тиртханкарой, верховным Учителем. Даже в раю он будет жить где-то там, за городом. Его не допустят в город, поскольку у него спросят: «От чего ты отрекся? Прежде всего, что ты имел такого, от чего отречься?»

Поэтому, конечно, цари очень близки к дворцу Божьему; потом идут самые богатые, сверхбогатые люди; потом люди среднего класса; потом нижние слои, и потом пойдут те, кому не от чего отречься - у них уже ничего нет. На самом деле, именно они должны были бы быть рядом с Богом вследствие того, что у них ничего нет. Но они будут за пограничной линией рая; они не смогут показать, каков их банковский счет в другом мире.

Все аватары индусов - цари: Рама, Кришна... Будда - царь. Странно, что эти люди происходят только из царей, но если вы понимаете структуру, стратегию священника, то все становится ясным: они отреклись от самого большего, естественно, им и обещалось большее. Никто не знает, получили ли они что-нибудь после смерти, или нет, но идея так укоренилась по той простой причине, что в ней есть зерно истины: в этой жизни все мимолетно.

Для меня, если что-то мимолетно, оно не является неверным. На самом деле, именно благодаря своей мимолетности оно так волнует, оно так восторгает. Сделайте его постоянным, и оно умрет.

Утром открывается цветок розы, такой свежий, со свежими каплями росы на лепестках, такой ароматный. Невозможно представить себе, что уже вечером эти лепестки упадут в пыль и роза исчезнет.

Вам хотелось бы, чтобы цветок оставался постоянным, но тогда вам нужен искусственный, пластиковый цветок; настоящий цветок не подойдет.

Настоящий цветок должен быть мимолетным. Он должен быть мимолетным, чтобы быть настоящим; только пластиковые вещи могут быть постоянными.

Пластик - вот новое открытие. Он не был известен Будде, Махавире, Мухаммеду, Иисусу, но я могу сказать вам, что рай сделан, должно быть, из пластика.

Если и есть какой-либо рай, он может быть только пластиковым, поскольку пластик имеет качество неумирания, он бессмертен.

Ученые сейчас обеспокоены - особенно беспокоятся специалисты по охране окружающей среды - ведь пластик так дешев, что вы все время разбрасываетесь им. Стекло не так дешево; вы сохраняете бутылки или сдаете их, чтобы получить обратно их залоговую стоимость. Пластик же так дешев, что все сделанное из него, разбрасывается: используется один раз и выбрасывается. Но вы не знаете, куда денется эта вещь. Она попадет в океан, в реку, осядет на дне озера, и у природы нет средств растворить ее, поскольку природа не готова к таким вещам, не предназначена для поглощения пластика.

Если этот мир создал Бог, то он точно не всезнающий. Он не знал, по крайней мере, одной вещи: однажды появится пластик. Он не создал ничего в природе, никакого химического вещества, которое могло бы растворить пластик, поэтому пластик продолжает накапливаться. Скоро его накопится так много, что он нарушит плодородие земли, отравит воду. Ничто не может разрушить его, а он может разрушить все.

В раю индусов есть апсары - как перевести слово апсара? Это девушки по вызову для тех великих мудрецов, что живут в раю. Конечно, им нужны девушки по вызову. Эти девушки, эти апсары, самые красивые; так и должно быть. Они всегда остаются юными - и это дает мне основание заключить, что они пластиковые. Они застряли на возрасте в шестнадцать лет; на протяжении миллионов лет им все время остается по шестнадцати лет. Они остаются шестнадцатилетними, потому что для индийского ума шестнадцать - самый зрелый возраст для женщины.

Апсары не потеют; ни у Махавиры, ни у Будды, ни у Иисуса, ни у Мухаммеда не было никакого понятия о дезодорантах, поэтому единственное, что они могли представить себе, это то, что девушки, прислуживающие мудрецам, не потеют. Но вы не будете потеть только в том случае, если ваше тело сделано из пластика; в противном случае выделение пота абсолютно необходимо. И те девушки не стареют, не умирают.

Ничто не умирает в раю, ничто не стареет, ничто не меняется; это, должно быть, совершенно скучное место. Представляете себе скуку - все остается тем же самым изо дня в день? Там не нужны никакие газеты. Я слышал, что лишь однажды была выпущена одна газета - одно издание, на один день - и оно лопнуло, поскольку после этого ничего нового не случилось! Все было описано в первом издании; оно же стало и последним.

Это желание постоянства - какая-то болезнь; но оно было, поэтому религиозные фирмы - да, я называю их фирмами — христианство, индуизм, ислам, они на протяжении столетий вели свой огромный бизнес. Они все еще занимаются им... и их бизнес никогда не кончится по той простой причине, что они продают невидимые предметы потребления, невидимый товар. Они берут от вас видимые вещи, а вам дают невидимые, в которые вы должны верить.

Мне вспоминается одна история. Один царь завоевал весь мир и весьма обеспокоился - что теперь делать? Он думал, что, завоевав весь мир, он наконец-то отдохнет. Он никогда не думал, что он настолько потеряет покой, он никогда не был так обеспокоен. Пока шли сражения, непрерывные завоевания, продвижения вперед и вперед - поскольку было место, куда продвигаться, был враг, которого надо уничтожить, была страна, которую надо завоевать, - не

было ни места, ни времени для беспокойства; он был очень занят. Но теперь он завоевал весь мир, он стал чрезвычайно беспокойным - что теперь делать?

Один жулик прослышал о его ситуации. Он пришел во дворец, попросил об аудиенции у царя и сказал: «У меня есть средство от беспокойства». Немедленно его провели во дворец, ведь все врачи потерпели крах. Царь не мог спать, не мог сидеть, ходил взад и вперед и постоянно волновался. Он спрашивал: «Что теперь делать? Нет ли другого мира? Найти его! Мы его завоюем».

Этот жулик предстал перед царем и сказал: «Не волнуйтесь. Вы первый человек, который завоевал весь мир. Вы достойны того, чтобы получить одежды самого Бога - я могу это устроить».

Это была великая идея. Царь тут же заинтересовался ею. Он сказал: «Начинай работать. Одежды самого Бога!.. Были они на земле когда-либо раньше?»

Тот человек сказал: «Никогда, поскольку никто не был их достоин. Вы первый человек. Поэтому впервые я принесу из рая эти одежды для вас».

Царь сказал: «Должны быть сделаны все необходимые приготовления... а какова будет цена?»

Человек сказал: «Они бесценны; хотя, понадобятся миллионы рупий, - но это ничто».

Царь сказал: «Не беспокойся, деньги - это не проблема. Но не пытайся обмануть меня».

Человек сказал: «Никакого обмана. Я останусь в вашем дворце, а вы можете расставить вокруг дворца всю вашу армию. Я буду работать здесь; конечно, моя комната не должна открываться до тех пор, пока я не постучу изнутри. Вы можете запереть ее снаружи, так чтобы быть полностью уверенными, что я не сбегу. Но сколько бы денег я не попросил, вы должны посылать их человеку, имя которого я назову. Все дело займет не более трех недель». И за три недели он вытянул миллионы рупий. Он посылал деньги на названное имя каждый день - утром, днем, ночью — немедленно! Срочно!

Царь знал, что работа была такая... и этот человек не мог обмануть его. Куда он мог бы пойти - ведь он был заперт? И конечно, он не сбежал. Через три недели он постучал в дверь, дверь открыли. Он вышел за огромной красивой коробкой. Он вошел в комнату с этой коробкой и сказал: «Я должен буду взять с собой эту коробку для одежд, которые я принесу вам». Чтобы не быть обманутым царь открыл коробку посмотреть, не несет ли он в ней каких-нибудь одежд. Коробка была пуста, обмана не было; коробка была возвращена ему.

И вот жулик вышел и сказал: «Коробка будет открыта перед двором, перед всеми мудрецами, учеными, генералами, перед царицей, царем, царевичем, царевной - все должны присутствовать, поскольку это уникальный случай».

Этот человек был, наверное, настоящим смельчаком - жулики всегда такие. Он подозвал царя: «Подойдите ближе, сюда. Я открою коробку. Дайте мне ваш тюрбан. Я положу его в коробку, меня так проинструктировали: сначала я кладу в коробку ваш тюрбан, потом вынимаю тюрбан, данный Богом, и отдаю его вам. Вы одеваете его на себя. И еще одна вещь, - объявил он двору, -

эти одежды божественные, поэтому их смогут увидеть только те, кто родились действительно от своих отцов. Родившиеся вне брака, незаконнорожденные, ничего не увидят. Я ничего не могу поделать. Таково условие».

Все собравшиеся сказали: «С этим нет проблем. Мы родились от своих отцов».

Царский тюрбан отправился в коробку, из коробки появились пустые руки жулика, и он сказал царю: «Посмотрите, какой красивый тюрбан!» Его руки были пустыми, но весь двор начал аплодировать, и все старались превзойти друг друга, все кричали, что такой красивой вещи еще никто не видел.

Тогда царь подумал: «Если я скажу, что его руки пусты, тогда я окажусь единственным незаконнорожденным, а все эти убудки, оказывается, родились от своих отцов. Поэтому лучше промолчать». На самом деле, это относилось к каждому. Они все видели, что руки пусты, но кто стал бы подвергать себя осуждению, когда все остальные что-то там видели? Они начали подозревать: «Возможно я и незаконнорожденный, так что лучше помолчать. Зачем без нужды подвергать себя осуждению всеми людьми?» Поэтому они стали кричать еще громче, восхваляя красоту тюрбана.

Царь одел тюрбан, которого не было, себе на голову. Но там был не только тюрбан; мало-помалу начали исчезать и другие одежды. Наконец осталось только исподнее. Царь задумался на мгновение: «Что теперь делать?» Но возвращаться было слишком поздно. «Если я увидел тюрбан, если я увидел верхнее платье, если я увидел рубашку, то почему тогда я не могу увидеть исподнее? Лучше все-таки увидеть его. Пути назад нет. Этот человек!..»

Человек держал невидимое исподнее в своих руках и показывал его: «Посмотрите, как много алмазов на этом исподнем!»

Весь двор аплодировал и говорил: «Такого переживания не случалось еще во всей человеческой истории».

Исподнее царя тоже отправилось в коробку. Но этот жулик был кое-что! Он сказал: «Когда я приходил к Богу, Он сказал мне: “Эти одежды впервые отправляются в мир, поэтому скажи царю от меня, что когда он оденет их, он должен с процессией обойти всю столицу, чтобы все люди могли видеть эти одежды. Иначе эти бедные люди никогда не увидят их”. Карета готова - пожалуйста, поедем».

С каждым шагом возвращаться становилось все труднее. Царь начал думать: «Было бы лучше прекратить все это на тюрбане, - но теперь слишком поздно. Если я скажу, что я голый... Но весь двор аплодирует».

И они начали говорить: «Да, сэр, это правильно; если попросил Бог, так нужно сделать. Это подходящий способ приветствовать одежды».

Улицы были переполнены людьми, поскольку слух о том, что прибыли одежды Бога, распространился повсюду. И царь согласился. Обнаженный, он встал на свою карету, и перед ним человек объявлял: «Эти одежды увидят только те, кто рожден от своих отцов».

Поэтому все увидели одежды, за исключением маленького ребенка, который пришел со своим отцом. Сидя на плечах отца, он сказал: «Па, - па означает папа, - царь-то кажется голый».

Его отец сказал: «Ты, идиот, молчи! Когда подрастешь, тогда сможешь увидеть эти одежды. Нужна некоторая зрелость; просто ребенок, такой, как ты, не может их увидеть. Молчи, если хочешь увидеть. Я с самого начала не хотел вести тебя сюда».

Но ребенок не мог успокоиться; снова и снова он говорил: «Но я ясно вижу его, он же голый». Отец вынужден был сбежать из толпы со своим ребенком, поскольку если бы его услышали другие люди, то это означало бы для них, что этот ребенок не его, а кого-то другого.

С невидимым товаром легко эксплуатировать людей, заставляя их делать что-то против себя - таким является и самоотречение.

Это жульничество, которое совершает священник именем Бога, истины, мокши, нирваны.

Имена могут быть разными, но священник - вот величайший жулик в мире. Другие жулики - просто мелкие преступники. На чем они могут обмануть вас? Но священник, пророк, мессия, аватара, тиртханкара - это сверхжулики.

Они продают то, что никто не видел, что никто и никогда не увидит. Нет ни одного свидетельства.

Никто не вернулся после смерти и не сказал: «Да, есть вечная красота, вечная радость, вечное безмолвие, вечный покой».

Этот бизнес продолжается, поскольку некому возразить ему. Если вы станете возражать, то окажетесь неправыми, поскольку в это верит весь мир.

Но была определенная истина, которую они постарались внедрить в свою стратегию эксплуатации: в жизни все мимолетно. И в этом нет ничего неправильного; так и должно быть. Если бы было иначе, жизнь стала бы невыносимой.

Вещи меняются, и хорошо, что меняются, иначе они стали бы мертвыми. Изменение сохраняет их живыми.

Вы непрерывно меняетесь. Помните ли вы тот день когда кончилось детство и вы стали молодым человеком, или когда из молодого вы превратились в пожилого? Вам не удастся провести линии между тем, когда вы были ребенком, когда вы были подростком, когда вы были молодым человеком, когда вы стали человеком среднего возраста, когда вы стали старым. Можете ли вы провести такую линию? Нет, вы изменяетесь каждое мгновение. Это непрерывный процесс.

Вы изменялись с самого момента зачатия. За девять месяцев во чреве матери вы изменились так сильно; вы так сильно не изменитесь за девяносто лет вашей жизни. Если вам показать фотографии вашей девятимесячной жизни во чреве матери, вы не узнаете, что это ваши фотографии. Или вы думаете, что узнаете их? Вы совершенно изменились, и вы изменяетесь каждое мгновение - и не только вы, меняется все вокруг вас. Двигутся и изменяются все звезды.

Каждый день какая-то звезда умирает и исчезает - она могла просуществовать миллионы лет - другая звезда рождается. Так продолжается изо дня в день.

Жизнь - это поток, движение, неразрывность.

В этом нет ничего неправильного. Наслаждайтесь каждым приходящим и уходящим мгновением.

Пейте из него столько, сколько можете, ведь оно так быстротечно - поэтому не тратьте зря времени на раздумья. Не думайте, что оно быстротечно! Не беспокойтесь о том, что будет завтра, случится что-нибудь или нет; и не думайте о вчера.

Пока длится это мгновение, вытягивайте из него все соки, выпивайте его до конца.

Тогда кто станет беспокоиться, уходит оно или остается? Если оно остается, вы будете пить из него. Если оно уходит, хорошо, мы будем пить из какого-то другого мгновения.

Почему вы настаиваете на том, чтобы это мгновение оставалось постоянным? Почему вы думаете, что не придут мгновения, лучше этого? Мгновение назад вы бы и не подумали об этом мгновении. И кто знает - когда это мгновение уходит, может быть, на подходе что-то лучшее. Действительно, лучшее уже на подходе, ведь если вы полностью погрузили себя в это мгновение, то тем самым вы познали что-то потрясающе важное. Вы используете это в приближающемся мгновении. С каждым мгновением ваша зрелость возрастает.

С каждым мгновением вы становитесь все более и более центрированными, более и более погруженными в мгновение, более и более осознающими, более и более бдительными, более и более способными жить.

Тогда кто станет беспокоиться о смерти? Умирая, мы будем наслаждаться ею. Смерть тоже станет мгновением жизни.

Смерть - это не конец жизни, но лишь мгновение превращения, ведь не умирает ничто. Ничего нельзя уничтожить, можно лишь изменять формы, объемы.

Теперь наука оказалась в состоянии разрушить Хиросиму, Нагасаки, весь мир... но не по-настоящему. Она не может разрушить и кусочка камня. Она не может уничтожить его полностью, аннигилировать его; он все еще будет оставаться. Можно разбить его на кусочки, но кусочки все еще будут. Можно нагреть его так сильно, как если бы вы подвели под него само солнце; он расплавится, но все еще будет. Да, вы измените форму, но невозможно выбросить его из существования.

Ничто не умирает, ничто не рождается.

Рождение просто означает, что форма, которой вы были, не была этой формой, но какой-то другой, и поэтому вы не узнаете ее.

Вы не можете узнать даже свои фотографии, сделанные во чреве матери. Если я покажу вам фотографию из вашей прошлой жизни, узнаете ли вы ее? Забудьте о чреве матери, вы не сможете узнать свою фотографию, на которой изображены вы, когда вам было три месяца,

шесть месяцев, девять месяцев.

Все меняется непрерывно.

Смерть - это великое превращение.

Вы спрашиваете, какое место в моей религии занимает самоотречение. Перед тем как я отвечу вам, нужно заметить еще одно обстоятельство: эта идея отречения так глубоко укоренилась во всем человечестве, что даже люди, отрицающие существование жизни после смерти, использовали ту же самую логику. Эта логика стала почти универсальной.

Например, в Индии была школа атеистов, называвшаяся чарваки. Слово «чарвака» стоит того, чтобы его понять. Их враги - а для чарваков все религии враги - сожгли все их книги, так что ни одной книги чарваков не осталось. Все, что мы знаем о них, исходит из книг индусов, джайнов, буддистов, критикующих чарваков. Поэтому мы и можем догадаться, о чем говорили эти люди, но мы не можем быть абсолютно уверенными. Все они религиозные люди, и вот - уничтожили священные книги чарваков. Может быть, они многих из них и убили, поскольку сегодня ни одного из чарваков в Индии не осталось. И все священные книги так резко выступают против чарваков, что кажется, они обладали когда-то огромной силой. Иначе, зачем критиковать их, когда нет последователей у этой философии.

Все три религии непрерывно громили и протестовали против чарваков. То была, наверное, очень популярная философия во всем мире. И действительно, она все еще является мощной философией по всему миру, но так как люди - лицемеры, они не признают ее. Только послушайте эту философию и вы поймете, что из ста человек девяносто девять и девять десятых процента - чарваки. Они могут быть христианами, они могут быть индусами, они могут быть мусульманами, не имеет значения; все это лишь их маски.

Вот как враждебные священные книги описывают значение слово чарвака: есть, пить и веселиться. Во враждебных священных книгах чарвака означает того, кто верит только в поглощение — посредством всех органов чувств. Я не могу сказать, что какой-либо чарвака сказал именно это, но это возможно. Враждебные священные книги цитируют чарваков так: «Даже если вы вынуждены занимать денег, не беспокойтесь, но пейте, ешьте и веселитесь. Продолжайте занимать деньги, ведь после смерти ни вас не будет, чтобы расплатиться, ни их не будет, чтобы спросить с вас: “Как насчет моих денег?” Все кончается со смертью, поэтому не волнуйтесь, когда священники говорят вам, что вы будете страдать из-за своей кармы. Наслаждайтесь всеми возможными способами. Не упускайте наслаждения. Этот мир единственный».

Такой смысл придан чарвакам их врагами, в одной враждебной священной книге - ее писал, наверное, очень либеральный человек — говорится, что такой смысл им придан их врагами, нами. Но сами чарваки придавали своему названию другой смысл. Оно означает того, кто обладает сладкой философией - и такое значение вытекает из того же самого слова — того, кто говорит медовые слова. И точно, они говорили медовые слова. Но они тоже следовали той же самой логике.

Религиозные люди говорят: «Отрекитесь от этого мира, если хотите наслаждаться в том мире». А чарваки говорят: «Отрекитесь от того мира, если хотите радоваться в этом». Но логика та же

самая. Они принимают ее под различными углами зрения, но и те и другие предлагают вам отречься от одного ради другого. Чарваки говорят вам отречься от того мира: нет Бога, нет нирваны, нет рая - отрекитесь от всего этого. Все это есть здесь - так что наслаждайтесь.

У эпикурейцев в Греции была та же самая философия и та же самая логика. Даже Карл Маркс захвачен той же логикой: нет другого мира. Прежде всего, нужно попытаться отвергнуть другой мир, только тогда вы сможете наслаждаться этим миром.

Так что сначала разрушите другой мир: нет Бога, нет рая, нет неба, ничего нет. Нет бессмертной души; все умирает вместе с вашим телом. Вы - не что иное, как ваше тело, ваша химия, ваша биология, ваша физиология, все вместе - вы следствие всего этого. Это все равно, как часы, которые идут, - это ведь не значит, что какая-то душа движет ими. Разберите их на части и вы не найдете никакой души, всего-навсего определенное сочетание частей. Соберите их снова, и часы опять начнут тикать.

Карл Маркс говорит: «Сознание вторично, оно не существует независимо от тела. Поэтому, когда тело умирает, сознание исчезает. Отчего эта настойчивость в отрицании другого мира? По той простой причине, что если вы не отвергнете другой мир, вы не сможете наслаждаться этим.

Но, пожалуйста, поймите мою точку зрения, которая полностью отличается от точки зрения этих людей - религиозных, антирелигиозных, теистов, атеистов. Я не принадлежу ни к кому из них.

Я говорю вам, что жизнь продолжает существовать, но нет необходимости называть это другим миром. Это тот же самый мир, та же неразрывность.

Река Ганг начинается в Гималаях; там она всего лишь маленький ручеек. По мере того, как она спускается, к ней присоединяются другие водопады, другие ручейки; она становится больше, больше и больше. Когда она покидает Гималаи, она становится огромной рекой. Невозможно представить себе, что это та же самая река. Можно увидеть, откуда она возникает. Поскольку индусы любят корову как свою мать, они поставили в истоке Ганга камень в виде морды коровы. Ганг стекает водопадом сквозь этот камень; он так мал, так тонок.

К тому моменту, когда Ганг достигает Бенареса, уже невозможно поверить в его размеры. А когда он достигает Калькутты, чтобы встретиться с океаном, он сам становится почти океаном. Стоя там, вы не решите, где же океан; так он обширен. Он впадает в океан и остается океаном. Куда ему деть себя? Да, это уже больше не река - возможно, какая-то часть воды испаряется в облака, какая-то часть воды превращается в лед и движется в арктических широтах, - но он остается, от него не убывает.

Таким образом, я не говорю, что вы должны отречься от чего-либо; этот мир для того, тот мир для этого. Вам совсем не нужно отречься. Вы должны жить!

Вы должны жить интенсивно и полно, где бы вы ни были, чем бы вы ни были.

И если вы наслаждаетесь этим временем, этим местом, этой доступной вам возможностью, то вы определенно будете двигаться к более высокому сознанию. Вы начнете приобретать, изучать, понимать, становиться более осознанными. Жизнь будет продолжаться. Она будет зависеть от

вашего осознания, от того, какие формы оно принимает, высшие или низшие; движется ли оно к большему страданию или к большему восторгу, - но будет зависеть в этот самый момент. Поэтому я и говорю, что не нужно отрекаться от мира.

Итак, я - странный человек, я ведь против религий. Религиозные люди в Индии написали против меня книги и статьи - против меня написали книги и статьи и коммунисты.

Однажды я путешествовал, и президент индийской коммунистической партии С.А.Дандж ехал вместе со мной в одном купе. Его племянник написал против меня книгу. Он спросил меня: «Вы видели книгу, которую мой племянник написал против вас?»

Я сказал: «Я настолько сильно вовлечен в жизнь, что меня не тревожит, кто и что обо мне пишет. И всякий, кто пишет обо мне, должен быть дураком, поскольку тем самым он попусту тратит свое время. Он должен жить! Если же он хочет писать, то написал бы что-нибудь о себе. И почему я должен читать его хлам? Он, может быть, ваш племянник, так вам и читать его - меня это не интересует». Он был готов дать мне эту книгу. Я сказал: «Выбросьте ее в окно, против меня ведь написано так много книг, я не могу тратить попусту своего времени». Я также сказал ему: «Для вашего сведения, странно, но религиозные люди пишут против меня, антирелигиозные люди, коммунисты, тоже пишут против меня. Такого еще не случалось».

Причина же заключается в том, что я пытаюсь дать вам совершенно новую точку зрения, которая идет вразрез со всей старой логикой. Все они партнеры в одной и той же игре, а я пытаюсь уничтожить всю их игру - всю их логику.

И те и другие полагают, что от одного из миров нужно отречься; от какого из них - это другой вопрос. В одном лишь они согласны: от одного мира нужно отречься. Религии говорят: от этого ради того; коммунисты говорят: от того ради этого - вот единственное несогласие между ними. Но основная логика одна и та же: у вас может быть только один мир. А я говорю: «Почему бы вам не иметь оба?» Я не вижу никакого конфликта; я имею и тот и другой! И мое переживание заключается в том, что чем больше вы имеете этого, тем больше вы будете иметь того, потому что вы становитесь более опытными, больше пережившими.

Если есть рай, то одно определенно: ваши монахи не смогут наслаждаться там. Чем они будут наслаждаться? всю свою жизнь они поносили женщин, осуждали женщин, а там они найдут прекрасных девушек по вызову. Они будут так нервничать, что у большинства случится сердечный приступ. Здесь они отрекаются: нельзя есть вкусной еды, вкус придает пище привлекательность, - а там им будут подавать самые вкусные блюда. Их будет рвать! Все их жизненные переживания будут против этого.

Только мои люди смогут полностью насладиться раем.

Ни религиозные люди не насладятся им - ведь они уничтожили и искалечили себя, свою способность наслаждаться - ни коммунисты, поскольку они не смогут открыть своих глаз. Они отвергли существование после смерти. Они будут держать свои глаза закрытыми, чтобы остаться в убеждении, что ничего нет; иначе вся философия их жизни окажется неверной. Уж лучше закрыть глаза. Это люди и делают: если что-нибудь идет против вас, любой факт, вы попытаетесь уклониться от этого факта - он вносит возмущение. Коммунисты будут ходить слепыми, потому что для них невозможно принять идею о том, что Карл Маркс не прав и

Капитал не прав.

А религиозные люди будут самыми обеспокоенными в раю; они повсюду будут находить трудности. Может быть, в раю есть подразделения, как кажется... похоже, что мусульманский рай отличается от индусского, от христианского, от джайнского - возможно, различным людям предназначены различные зоны.

В мусульманском раю текут реки вина. Можно пить, сколько захочешь - плавать, прыгать, нырять, делать все что угодно. Но здесь к вину прикасаться нельзя. Это кажется очень нелогичным. Здесь люди должны бы подготовиться к такому великому переживанию, иначе они просто умрут! Сидя на берегу реки, в которой течет шампанское, они из-за своих старых привычек, из-за всей своей жизненной подготовки и дисциплины не смогут выпить и капли. И нет ни одного описания реки, в которой текла бы вода; в мусульманском раю все реки полны вина. Почему? Когда можно пить вино, зачем вода? Поэтому или они умрут от жажды, или начнут пить против своей воли. Они по-настоящему будут в смятении. Многие из них сойдут с ума: что же это за награда? Это же наказание!

Только мои люди будут способны плавать в любой зоне. В мусульманской зоне они не будут чувствовать беспокойства, они будут наслаждаться. Они приспособятся везде, поскольку у них нет никакого фиксированного шаблона жизни, фиксированного стиля жизни.

Все, чему я учу их, - это оставаться гибкими, свободными, открытыми, доступными новым переживаниям, новым открытиям.

Поэтому мои люди не останутся в одной зоне. Они постараются использовать все зоны и наслаждаться всеми видами рая; никто не сможет помешать им.

Можно иметь оба мира — так зачем же калечить людей?

Сделайте эту жизнь переживанием, школой, обучением, ученичеством, поскольку после смерти откроется что-то неизвестное и нужно быть к этому всячески готовыми.

Поэтому не упускайте ни одной возможности жить. Кто знает, какого рода жизнь вы будете иметь после смерти?

Я не даю вам никаких фиксированных идей, если же я сделаю это, то я ваш враг; я сделал вас фиксированными, негибкими, жесткими, мертвыми.

Будьте гибкими, и тогда вы сможете двигаться в любом доступном измерении.

В моей религии нет места для отречения.

На санскрите отречение обозначается словом санньяса, само это слово санньяса было использовано для понятия «самоотречение», поскольку отречение стало таким важным. Но я придал этому слову новое значение. Люди, которые называют самоотречение санньясой, под санньясой подразумевают «правильный путь отречения от жизни». Я под санньясой подразумеваю «правильный путь проживания жизни».

Слово санньяса может означать и то и другое. Когда оно может означать правильный способ

проживания, зачем калечить людей, разрубать их жизни, уничтожать их естественность, их спонтанность? Почему бы не помочь им иметь в их жизнях столько аспектов, сколько возможно, открыть им столько измерений, сколько возможно?

Мои санньясины многомерны.

Вся жизнь - ваша. Любите ее, живите ею во всей ее полноте. Это единственный способ подготовиться к смерти.

Тогда вы сможете жить и смертью тоже, во всей ее полноте; и это одно из самых прекрасных переживаний. Ничто в жизни не сравнимо с переживанием смерти, за исключением глубокой медитации.

Поэтому те, кто знают медитацию, знают что-то и о смерти - это единственный способ узнать о ней до умирания.

Если я говорю, что в жизни есть более значительное переживание, чем смерть, я говорю это не потому, что я умер и вернулся обратно, чтобы рассказать вам, но потому, что знаю, что в медитации вы движетесь в том же пространстве, что и смерть, - ведь в медитации вы больше не пребываете в своей физиологии, в своей биологии, в своей химии, в своей психологии. Все это остается далеко позади.

Вы подходите к своему сокровенному центру, где есть только чистая осознанность. Эта чистая осознанность будет с вами, когда вы умрете, поскольку ее не отнять у вас. Все остальные вещи, которые могут быть отняты, мы отнимаем в медитации своими собственными руками.

Поэтому медитация - это переживание смерти в жизни.

И это так прекрасно, так неопишимо прекрасно, что только одно может быть сказано о смерти: она должна быть тем же переживанием, но умноженным на миллионы.

Переживание медитации, умноженное на миллионы, и есть переживание смерти.

И когда вы переходите, вы просто оставляете свою форму позади. Вы абсолютно целы, нетронуты, и впервые вы вне тюрьмы физиологии, биологии, психологии.

Все стены сломаны, и вы свободны.

Впервые вы можете расправить свои крылья навстречу существованию.

Беседа 6

САМООТРЕЧЕНИЕ: ОТДАВАТЬ В ЗАКЛАД СЕГОДНЯ РАДИ ТОГО ЗАВТРА, КОТОРОЕ НИКОГДА НЕ НАСТУПИТ

4 декабря 1984 года

Бхагаван,

Действительно ли в Вашей религии нет места самоотречению? Этот вопрос возникает потому, что с тех пор, как я повстречался с Вами, многие вещи в моей жизни оказались отброшенными. Я не могу даже установить связь со своей старой самостью.

В моей религии действительно абсолютно нет места для отречения, для самоотречения.

Я понимаю вопрос и затруднение того, кто спрашивает. Он не в состоянии провести различие между тем, когда вещи отбрасывают, и тем, когда вещи отбрасываются сами.

Отречение - это когда отбрасывание навязывается.

А когда вы что-то делаете насильно, то на самом деле ничего не отбрасывается.

То, что должно было бы отброситься, на самом деле погружается в ваше подсознание. И становится большей проблемой, чем это было раньше. Теперь оно постарается выйти наружу другими путями, в других нарядах, под другими масками, и вы не сможете даже узнать его. Но оно будет навязывать себя, и навязывать насильно. Это вы сами придали ему силу, насильно погрузив его в подсознание.

Когда вы делаете что-то насильно, то придаете этому силу.

Вы делаете его сильнее, и тем самым прячете в темноте внутри себя врага, прячете его там, где вы более всего уязвимы. Когда это было в сознании, оно было на свету; там вы менее уязвимы.

Отречение - это подавление.

Вот подходящее психологическое слово: подавление. Как вы можете отречься от секса, если не подавите его?

А подавленный секс становится извращением.

Проще понять секс и относиться к нему более осознанно, проще позволить ему отпасть самому, чем понимать его потом, когда он станет извращением, - ведь тогда он примет неестественную форму.

Прежде всего, трудно будет распознать его - трудно распознать, что это секс. Человек слишком жаждет до денег — можно ли представить себе, что эта жажда денег имеет что-то общее с подавленным сексом? Они так далеки друг от друга, что нужен был Зигмунд Фрейд, чтобы разглядеть эту связь. Обыкновенный человек совершенно не в состоянии связать их. Как? Деньги и секс кажутся такими далекими друг от друга. Но они не так далеки друг от друга.

Если вы подавляете секс, он становится амбицией.

Он может стать политикой. Политик может полностью забыть о сексе, поскольку вся его сексуальность, вся его сексуальная энергия теперь превратилась в политическую амбицию. Он будет получать своего рода наслаждение, поднимаясь все выше и выше по ступеням иерархии. Чем выше он поднимается, тем больше будет он испытывать своего рода сексуальное наслаждение, которого вам не понять.

Я как-то жил с одним очень богатым человеком. Он был холостяком и совершенно не интересовался женщинами. Единственным его интересом были деньги - изо дня в день он работал ради денег, - но поскольку я жил в его доме, он как-то заинтересовался и моими идеями. У него был большой дом, и он жил в нем один; его отец и мать умерли. Он не был женат, и у него не было детей — только слуги. Мне нравилось это место, потому что там ничто не мешало, в доме не было детей, не было стариков, и никто не ссорился, у него ведь не было жены. Там было по-настоящему тихо, слуги на ночь уходили, и дом был такой большой, что мы вдвоем чувствовали себя в нем почти одинокими.

Он ничем не интересовался, кроме денег. Он обычно запирал двери своей комнаты - в доме никого не было, кроме меня, но он обычно запирал двери своей комнаты изнутри и начинал работать - подсчитывать, много ли он выиграл, много ли проиграл; сколько принесло ему это дело, сколько принесло ему то дело. Прежде чем отправиться спать, он полностью уяснял себе свое финансовое положение. Только после этого он ложился - иногда в два часа, иногда в три. Когда я просыпался в три часа, он отправлялся спать, а я шел на прогулку.

Однажды я спросил его: «Вы когда-нибудь задумывались над тем, что будете делать с этими деньгами? Вы не экстравагантный человек, вы скупой. У вас нет детей, которым вы могли бы оставить эти деньги. Вы не настолько великодушны, чтобы отдать их друзьям или тем, кто нуждается. Вы не расстанетесь ни с одним пай. Что вы собираетесь делать? Хотите забрать их с собой, когда умрете? Какова цель этих денег?»

Деньги ведь бессмысленны, если вы не используете их; весь смысл в их использовании. У вас может быть столько же денег, сколько у меня, но вы можете использовать их так, что станете богаче меня. Ценность денег в их использовании. Конечно, те, кто знает, как использовать деньги, использует их в тысячу раз лучше, чем те, кто не знает. У них те же деньги, но они бедны.

И этот человек был бедным. Деньги лежали в сейфе, деньги находились в банках, в акциях, - но он был бедным человеком.

Я спросил его: «Похоже, нет причин, по которым вам нужно продолжать зарабатывать; вы имеете достаточно. Вам хватит, даже если вы проживете еще двести лет. Если будете жить так же скупко, то хватит и на две тысячи лет... про двести лет я говорю, если вы будете жить так, как я; иначе две тысячи лет, и то всех денег потратить не удастся. Вы можете все время жить только на проценты. Почему вы так беспокоитесь? Вы не можете спокойно спать, у вас нет свободного времени - и думали ли вы когда-нибудь о том, как с вами приключилось это заболевание, где вы подхватили этот рак?»

Он сказал: «Я никогда об этом не думал, но вы правы. У меня достаточно денег, и я могу жить... Конечно, я не проживу две тысячи лет - и семидесяти, восьмидесяти будет достаточно. Мой отец умер в семьдесят лет, его отец умер в семьдесят лет, поэтому я не проживу больше семидесяти или, может быть, восьмидесяти лет. Да, - сказал он, - в этом есть смысл. Но можете ли вы сказать мне, почему я делаю это?»

Я сказал: «По одной простой причине: вы в своей жизни избежали женщин».

Он сказал: «Но что общего имеют между собой женщины и деньги?»

Я ответил ему: «Это мы обсудим позже, прежде расскажите мне, почему вы избегаете женщин».

Причина была очень простой. Он видел, как его бабушка непрерывно изводила, «пилила», мучила его дедушку. Он видел своего отца точно в таком же положении, он видел своего дядю точно в таком же положении. Все они были несчастны, и он думал, что причиной их горя были женщины. Он стал женоненавистником с самого раннего детства. А потом он попал под влияние джайнских монахов, поскольку его отец был очень религиозным человеком.

Люди, которых мучат их жены, становятся религиозными. Для них нет иного крова, кроме религии. Лишь религия дает им некоторое утешение: «Не беспокойтесь, это вопрос всего лишь нескольких лет. В следующей жизни не совершайте подобной ошибки; и начинайте извлекать уроки уже в этой жизни. Женщина имеет над вами власть из-за вашего сексуального интереса к ней. Она эксплуатирует вашу слабость». И все это он услышал от джайнских монахов. В джайнизме секс - это первое дело, от которого надо отречься, поскольку вместе с ним многие другие вещи отрицаются автоматически; над ними не нужно работать отдельно: секс представляется основной проблемой.

Видя ситуацию своего дедушки, дяди, отца, соседей и потом слушая джайнских монахов, он пришел к заключению, что никогда не навлечет на себя эту головную боль. Я сказал ему: «Вот откуда возникает ваш интерес к деньгам. Энергия нуждается в каком-то объекте, в некоторой страсти». И я сказал ему: «Вы можете почувствовать себя задетыми, но я должен сказать: я видел, как вы пересчитываете банкноты, и то, как вы прикасаетесь к ним, выглядит так, как если бы вы прикасались к своей возлюбленной».

Он посмотрел на меня, потрясенный. На мгновение стало тихо, потом он сказал: «Может быть, вы и правы. Я действительно наслаждаюсь, когда прикасаюсь к деньгам. Я пересчитываю их снова и снова. Хотя я уже пересчитал их, я ночью снова считаю. Простое прикосновение доставляет мне странное удовлетворение - даже если это деньги других людей».

Например, он иногда приходил в мою комнату, и если на столе были деньги - для меня это было единственное место, где я держал их, - он первым делом принимался пересчитывать их, а я говорил ему: «Это просто глупо. Это не ваши деньги, зачем вы их пересчитываете?»

Он отвечал: «Я просто наслаждаюсь этим... неважно, кому они принадлежат».

Можно ли увидеть в этом смысл? Если вы заинтересуетесь чьей-то женой, станете ли вы думать, кому она принадлежит? Неважно, кому она принадлежит, - она выглядит такой красивой, вот и все, поэтому вы и заинтересовались ею. Кому она принадлежит, не ваше дело. Именно это происходило и с ним: деньги есть деньги, они на самом деле ничьи. И просто прикасаться к ним, пересчитывать их, играть ими...

Я говорил ему: «Если вы хотите избавиться от этой страсти к деньгам, которая абсолютно идиотская...» Я не против денег, я против болезненной страсти. Человек, питающий страсть к деньгам, не может использовать их. Он, на самом деле, уничтожает деньги, само их предназначение. В каждом языке, на всех языках мира другим названием для денег является обращение, оборотные средства - и это значительно. Деньгам нужно обращение, течение, подобие реке, быстрое движение. Чем быстрее они движутся, тем богаче общество.

Если у меня есть банкнота достоинством в сто долларов и я просто держу ее в кармане, не использую ее, то есть она у меня или ее нет, имеет ли это какое-нибудь значение? Я мог бы держать в кармане любой клочок бумаги, он послужил бы мне точно так же. Но если я использую эту стодолларовую банкноту, и она циркулирует здесь, и каждый, кто получает ее, немедленно ее использует, - так что она проходит через сто рук, - тогда эти сто долларов умножаются на сто; вот сколько будет денег в этой комнате.

Скупой на самом деле - против денег. Он уничтожает их полезность, поскольку останавливает их обращение.

Я сказал ему: «Сделайте одну вещь: заинтересуйтесь женщиной».

Он сказал: «Что!»

Я сказал: «Просто попробуйте. Я могу устроить так, что несколько женщин будут представлены вам», - из университета ко мне ведь приходило довольно много женщин. Меня посещали многие женщины-профессора из колледжей с целью расспросить о медитации и других вещах. Я сказал: «Нет проблем. Вы только покажите, кем вы заинтересовались, и я представлю вас; а вами заинтересуется любая женщина».

Он сказал: «Почему?»

Я сказал: «Да все из-за денег! Вы ее не будете интересоваться, она заинтересуется вашими деньгами. И как только женщина заинтересует вас, вы тут же начнете тратить деньги; вы расслабитесь. Энергия, ставшая извращенной, начнет двигаться естественным путем. И чтобы покончить с деньгами, вряд ли найдешь что-нибудь лучше женщины. Вам не придется жить две тысячи лет; деньги кончатся задолго до того. И как только вас заинтересует женщина, ваша болезненная страсть к деньгам опустится до ее естественного состояния».

Он сказал: «Мне нужно подумать над этим».

Я ответил: «Можете подумать, но не тратьте на это слишком много времени, потому что сейчас вам почти сорок пять. Когда вам будет за шестьдесят, то и мне будет трудно все устроить. Поэтому не растрайте зря эти пятнадцать лет. Подумайте об этом сегодня вечером, а завтра утром, когда мы встретимся, скажите мне ответ».

Он не мог спать всю ночь. Он снова и снова думал об этом, и постепенно ему стало ясно: «Да, в глубине все это из-за женщин, я постоянно занимался деньгами для того, чтобы избегать женщин, ведь если не остается ни места, ни времени, откуда взяться женщине? И теперь понятно, откуда у меня такая болезненная страсть. Это замена женщине».

Поэтому жажда денег, жажда власти, жажда славы... секс может принимать любые формы, это зависит от человека. Вы поймите тот факт, что, хотя поэты непрерывно пишут стихи о женщинах, большинство из них остались в стороне от женщин. Большинство великих писателей не интересовались женщинами. Большинство великих художников боялись женщин по той простой причине, что можно или писать картины, или жениться: невозможно иметь две жены - живопись и жена вместе убьют вас.

В Индии есть древняя притча. Одного человека как вора поймали в одном доме. Его привели на суд, и судья сказал: «Признаешь ли ты себя виновным?»

Он ответил: «Признаю свою вину абсолютно, но хотел бы сказать одну вещь. Вы можете назначить мне любое наказание, но не заставляйте меня жениться на двух женщинах сразу».

Судья сказал: «Я никогда не слышал о подобном наказании. Всю свою жизнь я назначал людям наказания, но никогда не слышал, чтобы наказывали подобным образом».

Человек сказал: «Тогда вы действительно добрый человек. Вы можете приговорить меня к пожизненному заключению, но не...»

Судья сказал: «Но я хотел бы узнать, откуда такое условие?»

Человек сказал: «В этом причина, почему меня поймали. Я забрался в дом, где живет человек с двумя женами. Одна жена живет на первом этаже, другая жена живет этажом выше. И они обе тянули этого человека - одна тянула его на верхний этаж, другая тянула на первый этаж. Меня так это заинтересовало, что я забыл, зачем оказался в этом доме. Меня интересовало, что же получится в конечном итоге, кто победит. Конечно, у мужчины не было шансов победить - его били с обеих сторон».

«Вот почему меня поймали - иначе, видели бы вы меня в суде? Я родился вором; вором был мой отец, вором был отец моего отца - это наша наследственная профессия. И это первый случай, когда в моей семье кого-то поймали. Мне стыдно. Душа моего отца, душа моего деда — им всем стыдно за меня. И ведь не было проблем, я мог бы все украсть и скрыться, но эта история с двумя женщинами и одним мужчиной... Собралась толпа, вот почему меня поймали. Они сказали: “Кто этот человек? И что он здесь делает? Не похоже, что он здешний”. Так что можете приговорить меня к смерти или к пожизненному заключению, все, что хотите, но, пожалуйста, не приказывайте мне жениться на двух женщинах».

Такова ситуация и с поэтом, художником, музыкантом, танцором - каждый творческий человек понимает, что проще не связываться с женщинами или связываться с ними лишь от случая к случаю, может быть, с незнакомыми женщинами. Путешествуя в поезде, он, быть может, заинтересуется женщиной, ведь тогда не страшно - на следующей станции он сойдет. Творческие люди говорили мне, что они питают интерес только к незнакомкам; они не знают их имен, они не хотят знать их имен. И незнакомки не знают имен этих людей - они остаются чужими.

Страх укоренился очень глубоко, он обладает своей собственной реальностью. И, может быть, это одна из причин того, что женщины никогда не бывают творцами: они не могут позволить себе жить в одиночестве в этом обществе, построенном мужчинами. Жизнь женщины в одиночестве находится в постоянной опасности. Лишь недавно немногие женщины начали свои карьеры - в качестве писателей, поэтов, художников. И это потому, что впервые, лишь за последние несколько лет - и то лишь в очень немногих прогрессивных, передовых, авангардных местах, - женщина получила возможность жить независимо, совсем как мужчина. Тогда они начинают писать картины, начинают сочинять музыку, стихи.

Женщины обладают всеми талантами, но на протяжении миллионов лет единственным их

творчеством был их пол, а когда вся сексуальная энергия вовлечена в производство детей... Невозможно представить себе женщину с дюжиной детей, которая сочиняла бы музыку, - или вы можете представить себе такое? Эти двенадцать музыкальных инструментов вокруг, делающие все не так... может ли эта женщина сочинять музыку или стихи, может ли она писать картины? Вы думаете, эти двенадцать художников будут сидеть тихо? Они нарисуют все до того, как она возьмется за дело!

Кажется странным, что поэты обладают хоть каким-то опытом в том, что касается женщин. Может быть, вот почему они пишут о женщинах - это извращение. Иначе, почему поэты должны писать о женщинах? У них нет большого опыта, они почти монахи. Почему художники рисуют обнаженных женщин? Почему скульпторы создают мраморные статуи обнаженных женщин? Для чего? Все это извращение! Это лучше, чем копить деньги или заниматься политикой, но все же это извращение. Они удовлетворяют свой естественный инстинкт неестественным путем. Поэтому, с одной стороны, они продолжают создавать свои картины, музыку, стихи, а с другой стороны, они чувствуют, что жизнь бессмысленна.

Творческие люди больше всех чувствуют бессмысленность жизни. Это странно: они пишут такие прекрасные стихи, они пишут такие прекрасные картины, а жизнь все-таки лишена смысла. Жизнь не лишена смысла для клерка, она бессмысленна для Жана-Поля Сартра, получившего Нобелевскую премию! Она не бессмысленна для школьного учителя, который, должно быть, самый несчастный человек в мире - против одного бедного человека тридцать детей, - но он не ощущает жизнь как лишенную смысла.

На самом деле люди, чувствующие бессмысленность жизни, - это люди, которые не идут естественным путем; их естественные энергии пошли по искусственному, произвольному маршруту. Они никогда не почувствуют осмысленность жизни. Они отошли от источника жизни.

Точно так же странным представляется то, что больше всех выступают против женщин монахи, которые сами совсем не обладают опытом в том, что касается женщин. Я спрашивал у индусских монахов, буддийских монахов, джайнских монахов, христианских монахов: «Какой у вас есть опыт в том, что касается женщин? Вы выступаете против них, но для этого нужно иметь побольше опыта. Какой у вас есть опыт?» И ни один из них не мог сказать, что у него есть хоть какой-то опыт. Я говорил им: «Тогда почему вы выступаете против них?»

Да, у монахов есть одно переживание: женщина в их подсознании постоянно стаскивает их вниз со святого пьедестала. Они проецируют свой антагонизм к женщине - не зная о нем, потому что он находится в глубокой тьме, - на любую женщину, которую они обнаруживают рядом с собой: все женщины - зло, агенты зла.

У этих людей совсем нет опыта. На самом деле, если они прекратят осуждение женщин, то возникнет страх того, что может вернуться болезненная страсть к женщинам - женщина ведь постоянно стучится в двери. Им нужно постоянно занимать себя чем-нибудь, как можно громче осуждать женщин, чтобы не слышать этого стука - того, что женщина здесь. Если они прекратят осуждение, они услышат этот стук, без сопротивления откроют двери. И это будет их падением.

Я сказал этому моему другу: «Только попробуйте - вреда не будет. Женщины, которые приходят ко мне, не бедные, они не попросят у вас денег или какого-нибудь дорогого подарка. Я

представлю вас лишь как друга, только лишь для того, чтобы вы могли немного познакомиться с женщинами».

На следующее утро он сказал: «Я готов. И, может быть, вы правы, я потеряю интерес к деньгам. Я всю ночь думал об этом, взвешивал: что мне делать? Но, в конце концов, подумал, что, может быть, и правильно, что то, что я собираю, - все это хлам».

Я познакомил его с женщиной, на которой он женился через шесть месяцев, - и я покончил с его карьерой! О нем думали, что он станет самым богатым человеком в городе... но потом эта женщина начала пользоваться его деньгами. Каждый день он виделся со мной и говорил: «Вы сввергли меня в неприятности, ее требованиям нет конца. И я потерял интерес деньгам, я не стремлюсь к ним так безумно, как бывало. Если они есть - хорошо, если их нет, я не беспокоюсь; но она постоянно их тратит. Теперь, двести лет или восемьдесят лет... Я думаю, она покончит со мной где-нибудь к шестидесяти. Но вы правы».

Я сказал: «Теперь возможность есть; раньше ее не было. Если вы отреклись от денег, то вы отреклись бы и от того, что совсем вам не присуще. Вы отреклись только от одного пути извращения, не зная, что это было извращение, а оно могло бы выбрать и другой путь. Вы могли бы не увлечься деньгами, вы могли бы быть вовлеченным в политику - проблемой тогда стала бы власть. Но теперь вы находитесь на естественной почве».

«Всякое преобразование возможно только в том случае, когда вы естественное человеческое существо».

Философия отречения заключается в том, что вы отрекаетесь от денег... Поскольку деньги - искусственная вещь, вещь, сделанная человеком, я знаю, что даже отречение от них не приведет вас никуда. Эти люди скажут: «Отрекитесь от дома», — но какое это имеет значение? Вы будете жить в храме, вы станете грузом для общества. Эти люди скажут вам: «Отрекитесь от того, чтобы зарабатывать себе на жизнь», - тогда вы станете просить милостыню.

В Индии можно увидеть так много нищих, но вы не найдете нищего, который испытывал бы чувство вины за то, что он побирается. Я не встречал таких. На протяжении сорока лет путешествуя по стране, я ни разу не столкнулся ни с одним нищим, который думал бы, что он делает что-то неправильное. Если вы не подаете ему, то это вы виноваты.

Как-то раз на станции Кхандва, узловой станции, случилось... Я возвращался из Индоры и на станции Кхандва должен был сесть на поезд, идущий в Бомбей. Я был один в купе, и поезд должен был отойти от Кхандвы через час. Поэтому я просто сидел в купе и смотрел в окно. Подошел нищий и сказал мне, что его мать только что умерла и ему нужны деньги на похоронные ритуалы, поэтому я дал ему одну рупию.

Он не мог этому поверить, ведь он, наверное, побирался всю свою жизнь и никто не давал ему рупию. Он посмотрел на меня.

Я сказал: «Я дал ее вам сознательно. Ваша мать умерла. Идите домой и сделайте что-нибудь».

Тот человек подумал: «Этот человек кажется или сумасшедшим, или простаком». На нем было надето верхнее платье, но через пятнадцать минут он вернулся без верхнего платья и,

притворившись, что он кто-то другой, сказал мне: «Мой отец очень болен».

Я сказал: «Так и должно быть». Я дал ему одну рупию и сказал: «Пойдите и помогите своему отцу. Всего лишь за несколько минут до этого умерла чья-то мать. И ваш отец может умереть; пойдите и помогите ему».

Теперь этому человеку было трудно пойти и оставить меня одного. Через пятнадцать минут он снял свой головной убор и снова подошел ко мне.

Я сказал: «Какие-нибудь семейные неприятности?»

Он сказал: «Как вы догадались? Моя жена беременна; каждое мгновение она может родить, а у меня нет ни единого паи».

Я сказал: «Возьмите одну рупию и бегите скорее. Сегодня случилось так много вещей. У одного человека умерла жена - на нем было верхнее платье и головной убор. У другого человека почти умер отец - на нем не было верхнего платья, но головной убор был. У вас нет ни верхнего платья, ни головного убора, и ваша жена в опасности. Бегите скорее!»

Через пятнадцать минут он вернулся. Я сказал: «Какие-нибудь семейные неприятности?»

Он сказал: «Нет. Я думал, что обманул вас, но теперь чувствую себя виноватым».

Я сказал: «За что? Вы другой человек - те люди были другими».

Он сказал: «Я тот же самый человек».

Тогда я сказал: «Не волнуйтесь; тогда я, должно быть, другой человек».

Он сказал: «Как это может быть?»

Я сказал: «Не волнуйтесь, - должно быть, я другой человек. До этого, наверное, кто-то другой сидел на этом месте; ведь такой невинный человек, как вы, не может сделать этого».

Он сказал: «Ну, это уже слишком. Пожалуйста, заберите ваши четыре рупии, которые вы дали мне».

Я сказал: «Нет, возьмите еще одну, чтобы вам не пришлось приходиться в следующий раз голым, ведь если вы избавитесь еще от какой-нибудь одежды... И откуда вы возьмете еще родственников? Вся ваша семья умрет, с ней будет покончено!»

И то, что сказал он, я не могу забыть. Он сказал: «Вы первый человек, который заставил меня почувствовать себя виноватым; ведь раньше, когда люди подавали нам, мы чувствовали, что они дураки. Если они не подают нам, мы говорим, что они грешники; о себе мы никогда не думали». И ни один нищий не думает. Он просто дает вам возможность быть добродетельными, вы должны быть ему обязаны. Он ставит перед вами лестницу: можете отправляться в рай. Ни один нищий, хотя он и побирается, не чувствует себя ниже вас.

Ум очень изворотлив, он может увести вас в любом направлении и испортить ваше простое,

естественное бытие.

Никому, естественно, не нравится побираться, никто не рождается для нищенства. Но сексуальный инстинкт может принимать любую форму - он может стать жадностью богача, он может стать жадностью нищего.

Когда я был профессором, один мой студент, учившийся в аспирантуре философского факультета, всегда приходил в дорогих одеждах и выглядел богатым человеком. Однажды так случилось, что я выходил со станции, - я ведь постоянно разъезжал из Джабалпура по всей Индии... Двадцать дней в месяц меня не было в городе. После трех дней отсутствия я возвращался на несколько часов, просто чтобы показаться в университете, что я там — ведь ни они не могли дать мне столько свободного времени, ни я не мог взять его; иначе, откуда я брал бы деньги?

Поэтому все было устроено таким образом: один из моих студентов брал мой автомобиль и парковал его в том месте, где я обычно делал это. Автомобиль был там постоянно припаркован; как знак того, что я в университете. Я говорил ему: «Поставь там автомобиль в два часа, а в четыре забирай — оставляй ровно на два часа. Все должны знать, что автомобиль на месте, ведь это самые напряженные часы, когда все в университете, и, кроме того, все знают, что я никогда не прихожу раньше двух; с двенадцати до двух я сплю. Так что нет проблем».

Итак, каждый третий или четвертый день я появлялся: приезжал утром и уезжал вечером. И был этот нищий, который регулярно получал от меня одну рупию ровно - приезжал ли я, или уезжал, он обязательно получал ее. Однажды по случайному совпадению я увидел того моего студента с этим стариком как раз в тени того дерева, под которым был припаркован мой автомобиль. Я подошел ближе: что делает этот сын богатого человека вместе с нищим? А нищий давал ему рупии.

Тогда я вышел к ним и позвал их обоих. Они задрожали. Старик сказал: «Не говорите никому - это мой сын».

Я сказал: «Сколько вам удастся заработать? Ведь этот мальчик живет лучше всех в университете, так что вы должны зарабатывать около тридцати, сорока или пятидесяти рупий».

Он сказал: «Вы правы».

Я сказал: «Сколько у вас лежит в банке?»

Он сказал: «От вас ничего не скроешь». В банке у него лежало пятьдесят тысяч рупий. Я сказал ему: «Так зачем же вы побираетесь? Вы ведь можете заняться каким-нибудь бизнесом».

Он сказал: «Это мой бизнес. И в каком бизнесе, без всяких вложений, вы можете заработать пятьдесят рупий в день в Индии?»

Я сказал: «Это верно».

Он сказал: «И я достаточно оставляю сыну; он может жить богатой жизнью. Еще несколько лет я умирать не собираюсь, поэтому я оставляю ему достаточно; и теперь он получил хорошее

образование. Но, пожалуйста, не говорите никому, иначе это может повлиять на его карьеру». Вот вам нищий человек, но он не считает, что нищенство - это что-то плохое. Это его бизнес, без вложений капитала и с хорошим доходом. Все, что нужно делать, - это просто дурачить людей.

Сексуальный инстинкт может пойти многими путями. Он может стать жадностью. Он может стать жаждой власти. Он может стать тонкой уловкой эго: я святее всех святых.

Именно это и делают монахи; другого наслаждения у них нет. Они мучат себя, они отреклись от всего того, что вы считаете удовольствием, радостью. Тогда что же удерживает их тиканье - почему они продолжают делать тик-так? Почему они продолжают тикать? Откуда они берут энергию? Их энергия черпается из позиции «святее всех святых»: вы грешники, мы же единственные люди, кто не грешники, а праведники. Они будут смотреть вниз с небес и находить вас там внизу, горящих в адском огне.

Отречение может помочь вам отбросить секс, отбросить вкусную пищу, отбросить одежды, быть обнаженными, отбросить все, чем вы владеете, - но странным образом вы останетесь привязанными к этим вещам.

Когда я был в Бомбее, повидаться со мной пришел один индусский монах; с ним был его ученик, и он хотел знать, какого рода медитация подойдет ему.

Я сказал: «Завтра утром мы встречаемся на пляже и будем заниматься медитацией. Вам лучше прийти туда, поскольку это вопрос практического переживания».

Он сказал: «Мне будет очень трудно прийти завтра. Послезавтра я могу прийти».

Я сказал: «А что за проблема завтра?»

Он сказал: «Проблема в том, что на завтрашнее утро у моего ученика есть некоторая работа, он не сможет прийти».

Но я сказал: «Пусть он делает свою работу - ему не нужно приходить».

Он сказал: «Вы не понимаете - я отрекся от денег».

Я сказал: «Вы делаете все это дело все более и более загадочным! Вы отреклись от денег, очень хорошо, но что общего между этим человеком и тем, что завтра утром он занят, и вашим приходом в мою медитационную группу?»

Он сказал: «Вы не понимаете простой вещи: я не могу прикасаться к деньгам, и поэтому он держит деньги для меня. Ведь в Бомбее приходится ездить на такси - кто же будет платить? Я не могу прикасаться к деньгам, я отрекся от них. Он держит деньги: расплачивается деньгами, а если кто-нибудь дает деньги мне, он принимает их. Я совершенно вне денег; я не имею с деньгами ничего общего».

Я сказал: «Хорошо устроились! Вы не имеете с деньгами ничего общего, тогда, что общего вы имеете с этим человеком? Вы отправитесь на небеса, а этот человек отправится в ад, а ведь он, бедняга, непрерывно прислуживает вам, следует за вами повсюду -и, тем не менее, он отправится в ад! Если вы отреклись от денег, тогда и живите без денег, страдайте без денег.

Зачем посылать этого человека в ад? Вы будете отвечать за то, что послали его в ад. Вы попадете в ад, еще более глубокий, чем этот человек».

Люди находят странные пути, поскольку не понимают, что делают; они просто следуют старому кредо, старой догме. Поскольку на протяжении столетий деньги осуждались религиозными людьми, они отрекаются от них. Я сказал: «Но все становится еще сложнее. Было бы просто положить свою руку в свой собственный карман; теперь вы должны положить ее в карман кого-то другого. Это карманная кража. Я сказал: «Вы еще и вор. Что вы делаете? И вы больший карманный вор, чем другие, потому что они, по крайней мере, используют свою руку - вы же используете его руку, вытаскивая деньги из его кармана. Его карман, его рука, а вы совершенно вне этого - вы выше этого».

Я сказал ученику: «Бегите прямо сейчас, оставьте этого человека здесь. Я не позволю ему пойти с вами. Просто бегите как можно дальше, туда, где он не найдет вас, ведь он все устроил так, чтобы вы отправились в ад. И все деньги, которые у вас есть, - ваши, он ведь отрекся от денег. Он не может потребовать их».

Он сказал: «Правда - все деньги?»

Я сказал: «Что вы имеете в виду под словами «все деньги»?»

Он сказал: «Сейчас, когда мы отправляемся куда-нибудь, я держу в кармане двести или триста рупий, - но у нас в храме есть тысячи рупий».

Я сказал: «Все эти деньги ваши. Вы просто идите. Я задержу этого человека здесь, чтобы вы взяли деньги и скрылись. А если этот человек уйдет отсюда, я сдам его в полицию, он ведь отрекся от денег. Он не сможет даже рассказать в полиции, что его деньги украдены».

Монах сказал: «Что! Я пришел сюда учиться медитации».

Я сказал: «Я учу вас тому, что означает отречение. И тому, что вы делаете, обманывая себя, обманывая этого бедного человека, обманывая Бога - обманывая всех».

Отрекитесь от чего угодно, и вы привяжетесь к этому еще сильнее.

Ваш ум будет ходить и ходить вокруг этого.

Одна древняя притча... Один человек очень хотел выучить тайны чудес. Он так много узнал об этом - о том, что на Тибете, в высоких горах Гималаев есть мудрецы, которые могут научить чудесам, которые знают все виды чудес. И поэтому он постоянно прислуживал всяким мудрецам. В Индии так много мудрецов - точно так же, как здесь много мудрых голов. Когда я впервые пришел сюда и узнал, что здесь тоже много мудрецов, я сказал: «Эти люди не собираются оставить меня одного!»

Он нашел очень старого, древнего мудреца, постоянно массировал ему ноги, приносил ему пищу и делал все, что полагается делать бедному человеку. Старый мудрец знал, весь город знал, почему он служил этим людям. Старый мудрец говорил снова и снова: «Я простой человек, и я не знаю никаких чудес».

Тот человек говорил: «Вот верный признак мудреца. Тот, кто заявляет о себе, - тот ничего не стоит. Вы - тот человек, который знает тайну».

Он сказал: «Это очень трудно. Если я скажу, что знаю, тогда возникнет затруднение - ты скажешь: “Научите меня”. А я говорю правду, я не знаю ни одного чуда, и я не думаю, что кто-нибудь знает, за исключением таких людей, как ты, которые все время создают вокруг кого-нибудь мифы; для всех же остальных чудес не бывает».

Но этот человек не уходил; день и ночь он прислуживал мудрецу. Однажды ночью старик хотел спать, но этот человек продолжал массировать его. Поэтому старик сказал: «Прекрати!»

Человек сказал: «Я не прекращу, пока вы не скажете мне - если хотите спать сегодня ночью, скажите мне простую тайну, чтобы я мог творить чудеса».

Мудрец сказал: «Хорошо, я расскажу тебе. Тайна очень проста. Отправляйся домой, прими душ, сядь в позу лотоса... и вот мантра: Ом мани падме хум, - тибетская мантра. Лишь произнеси это пять раз и утром сможешь сотворить любое чудо, какое захочешь».

Услышав такое, человек просто подпрыгнул и выпрыгнул из комнаты. Старик сказал: «Подожди! Ты не услышал условия».

Он сказал: «Утром я приду снова».

- Старик сказал: «Нет, условие нужно выполнить, иначе мантра не работает».

Человек сказал: «Что за условие?»

Мудрец сказал: «Условие таково: пока ты будешь пять раз повторять эту мантру, ты не должен думать об обезьяне».

Человек сказал: «Не беспокойтесь. За всю свою жизнь я ни разу не подумал об обезьяне. Я всегда думаю о мудрецах и праведниках, так что это условие - ничто».

Но когда он спускался по ступенькам храма, куда бы он ни посмотрел, он начал находить обезьян в деревьях, в кустах, где они прятались...

Он сказал: «Мой Бог! Как много обезьян сегодня вечером!» Они всегда были там, но тогда он не отрекался от них; сегодня он от них отрекся. К тому времени, когда он добрался до своего дома, он уже не мог поверить, правда это или нет: вокруг него стояла толпа обезьян и корчила рожи. Но он сказал: «Прежде всего, позвольте мне принять ванну - может быть, это поможет».

Ничто не помогало. Пока он принимал ванну, обезьяны проникли в ванную комнату. Он сел в позу падмасана, закрыл глаза, и вот... обезьяна - не одна, целая толпа! Он не смог повторить «Ом мани падме хум» - очень маленькую мантру - даже и раза. Обезьяны были вокруг непрерывно. Он старался всю ночь: снова ванна, снова поза, но эти обезьяны...

Под утро он ринулся в храм. Мудрец рассмеялся, но этот человек был по-настоящему зол; он сказал: «Не время смеяться. Разве это смешно?»

Старик сказал: «Я всегда говорил тебе, что не знаю никаких чудес, секретов, мантр или чего-нибудь такого. Но ты не слушал меня, поэтому я вынужден был солгать».

Человек сказал: «Если вы вынуждены были солгать, то могли бы, по крайней мере, не говорить об обезьянах».

Старик сказал: «Но без обезьян мантра не полна. Обезьяны беспокоили тебя?»

Человек сказал: «Беспокоили меня! Вы старый мудрец, и я принял вас как своего Учителя, если бы не это, я убил бы вас!»

Когда вы отреклись от чего-либо насильно - и само слово отречение означает, что вы принудили себя к чему-то против своей воли, - тогда вы разделили себя на части. Всякое отречение создает внутри вас шизофреническое состояние: одна часть отрекается, другая часть становится более пристрастной — вы раскалываетесь.

Все эти религии преступны, поскольку они создали весь скол человечества.

Вы можете быть цельными только в том случае, когда вы естественны.

И я понимаю затруднение того, кто спрашивает. Но трудность его заключается в том, что он не понял самого ясно очерченного различия. Да, мои санньясины находят, что многие вещи, многие привычки, которые они долгое время пытались отбросить, просто исчезли сами по себе. Они не сделали над ними ни единого усилия. На самом деле, если они захотят оживить эти старые привычки, то им это не удастся. Но это не отречение, это преобразование.

По мере того, как вы становитесь более осознающими, более естественными, более безмолвными, более легкими с собой, не сражающимися, в глубоком состоянии всеприятия, вы начинаете смотреть на привычки, как на лишённые смысла; становится просто невозможно следовать им. Это не означает, что вы прекращаете делать их, как раз напротив: вы просто однажды обнаруживаете... Что случилось? Какая-то привычка, которая была с вами двадцать четыре часа в сутки, отсутствует уже много дней, вы даже не вспоминали о ней.

Был один профессор, мой коллега по университету, он был заядлым курильщиком. Доктора были против этого, его жена, дети, все его коллеги были против этого, потому что он сжигал свои легкие, разрушал свое здоровье. Доктора говорили: «Если так будет продолжаться, никакое лекарство вам не поможет. Первое дело, когда вы просыпаетесь, - сигарета, последнее, что вы делаете перед сном, - сигарета - непрерывно». Его невозможно было застать без сигареты. Когда одна сигарета кончалась, от нее зажигалась другая. С собой он никогда не носил зажигалок, в этом не было необходимости; он носил только сигареты - во всех своих карманах.

Однажды я сидел в общей комнате. Одно из кресел стало, без всяких усилий, моим креслом. Как-то... было чистой случайностью, что, когда я вошел в эту комнату в первый свой день, это кресло было пустым, и я сел в него. Постепенно стало известно, что это мое кресло. В общей комнате ни у кого не было персональных кресел. Это была общая комната, и все профессора могли пользоваться любым креслом, каким хотели, кресла использовались ими всеми.

А вот это кресло было моим, потому что люди как-то боялись меня, поскольку меня не

интересовала их болтовня. Меня не интересовало кино, меня не интересовала политика, не интересовало, кто выиграет на выборах декана, или кто выиграет на выборах вице-канцлера, и все такое. Им было совершенно ясно, что я считаю все это хламом. Поэтому не только мое кресло, но и два кресла справа и два кресла слева - у меня было пять резервных кресел. Лишь изредка кто-нибудь подходил и испуганно спрашивал: «Можно мне сесть?» А я отвечал: «Нет проблем».

Однажды подошел этот человек, почти трясущийся, с дрожащей сигаретой в руке. Я все еще вижу его... его пальцы были обожжены, губы тоже. Я сказал: «Да, садитесь. Могу ли я чем-нибудь помочь вам? Ведь никто не подойдет ко мне, если не чувствует, что я могу быть чем-нибудь полезен».

Он сказал: «Только одна вещь: я хочу бросить курить. Мои доктора беспокоятся обо мне, моя семья беспокоится обо мне, мои друзья беспокоятся обо мне - все очень сердятся. Не то чтобы я не хотел бросить, - я пытался всеми возможными способами, но я не могу существовать без сигарет. И это точно, что я умру от них. Можете ли вы помочь мне?»

Я сказал: «Да, я могу помочь вам. Прежде всего, скажите всем своим друзьям, докторам, вашей жене, вашим родителям, вашим детям: “Я собираюсь курить и дальше, а вы должны прекратить говорить мне об этом. Я уже достаточно слышал об этом, и если вы не прекратите, я уйду из дома”. И, - сказал я, - вы можете перейти в мой дом, этого будет достаточно; этой угрозы будет достаточно. Скажите им: “Я никогда не вернусь в этот дом, если кто-нибудь упомянет о сигаретах”». И еще я сказал ему: «Скажите им: “Если это возможно, теперь я собираюсь курить даже во сне”, - но сделайте это все для них абсолютно ясным».

«Но, - сказал он, - как это я буду курить во сне?»

Я сказал: «Вы не должны прекращать, вы просто делаете, как я вам говорю. Оставьте саму мысль о том, чтобы бросить курить, это первый шаг. Второй шаг такой: курите, но будьте сознательным».

Я сказал: «Когда берете пачку, вынимайте ее из кармана сознательно». Я сказал ему: «Покажите мне, как вы это делаете».

Он просто вытащил пачку... Я сказал: «Это бессознательно. Вы не осознаете, что совершаете определенное действие; ваша рука, ваша пачка, вес пачки, ощущение пачки, ее шероховатость - вы не бдительны ко всему этому. Попробуйте сделать это еще раз».

Он попытался. Он сказал: «Так выглядит все по-другому».

Я сказал: «Вот так хорошо. Теперь берите сигарету не так, как вы обычно делаете это. Будьте бдительными. Не постукивайте сигаретой так, как вы это обычно делаете, делайте это сознательно. Если вы обычно постукиваете три раза, постукайте шесть раз, вреда нет, - но вы будете сознательными. Вставьте сигарету в рот... подождите немного, нет никакой спешки. И начните носить с собой зажигалку. Подождите, будьте бдительным, потом сделайте то же самое с зажигалкой. Зажгите сигарету, но продолжайте быть бдительным, осознающим».

«Начните курить, затянитесь, но будьте бдительным, когда стягиваетесь, потом выпустите дым -

будьте бдительным. Именно это делал Будда, только без сигареты, - сказал я ему. Он проделывал это с чистым воздухом. Вы современный человек, вы делаете это с нечистым воздухом, вот и все - вреда нет, - но сознательность должна быть той же самой. Делаете ли вы это с чистым утренним свежим воздухом или с грязным сигаретным дымом - не имеет значения».

«И умрете ли вы двумя годами раньше или двумя годами позже, какое это имеет значение? Что вы будете делать, если проживете на два года больше? Вы будете больше курить! Так что, не беспокойтесь. И эти люди будут больше мучить вас, поэтому забудьте об этом. Не надо отрекаться от курения, нужно осознанно понять, что происходит».

Он был по-настоящему разумным человеком, поскольку уже через двадцать четыре часа сообщил мне: «Я чувствую себя совершенно по-другому. Я могу делать то же самое просто дыханием».

Я сказал: «Вреда нет. Пытайтесь делать это просто дыханием. Не пользуйтесь сигаретами, но держите сигареты при себе. В любой момент, когда почувствуете себя нехорошо, вынимайте сигарету, но по-новому, в новом стиле».

В течение семи дней этот человек делал випассану со своим дыханием. Я спросил его: «Бросили ли вы сигареты?»

Он сказал: «Нет, они отпали сами по себе. И эта осознанность не только помогла мне бросить сигареты, она помогла во многих других вещах, которые я не осознавал».

Санньясин обнаружит, что многие привычки отпадают от него, но это не он бросает их.

Поэтому я повторяю категорически, что в моей религии нет места отречению. Но это не означает, что вы останетесь теми же самими.

Я даю вам потенциальную методологию преобразования, которая отнимет от вас все бессмысленное, все ненужное, все глупое, все, что вы делаете просто по привычке, все, что вы делаете потому, что другие сказали вам не делать этого, а вы в отместку делаете это.

Да, из вас родится новый человек, которому трудно будет найти связь со старой самостью - естественно, очевидно, поскольку старая самость - это не что иное, как пучок старых привычек, который вы забыли где-то в пути. Где вы оставили его, вы не знаете.

А новая самость заострена вашей осознанностью, очищена вашей осознанностью, постоянно обновляется вашей осознанностью.

Я хочу, чтобы мои санньясины выучили только одно действие, и это действие - осознание. Оно позаботится обо всех ваших проблемах.

Без осознания, что бы вы ни делали, будет создаваться все больше и больше проблем; они будут отходить все дальше и дальше от вашей природы, и вам будет очень трудно разрешить их, поскольку они ложны.

Если даже вы преуспеете в разрешении их, вы ничего не решите: ваше извращение начнет двигаться в другом направлении, примет иную форму. Оно не может войти в ту же дверь; оно

найдет другую дверь - в вашем доме дверей много, о многих из них вы и не знаете.

Но со светом, с пламенем осознанности внутри, вы впервые узнаете свой дом со всеми его дверями, со всеми его окнами.

И когда дом освещен, тогда я не скажу: «Делайте это, не делайте того», - в этом нет необходимости - вы будете делать только то, что правильно.

Люди постоянно спрашивают меня: «Что правильно, что неправильно?»

Мой ответ таков: правильно то, что исходит из осознанности. То, что исходит из неосознанности, неправильно. Действия не являются правильными или неправильными, таким является источник, из которого они исходят.

Беседа 7

СТЫД - ВОТ ИМЯ ИХ ИГРЫ

5 декабря 1984 года

Бхагаван,

Почему все религии использовали в качестве основной своей стратегии подавление?

Религия прошла через многие фазы. Первой фазой религии была магия; она еще не умерла. Краснокожие индейцы в Америке все еще живут в условиях этой первой фазы религии. В Южной Африке, среди аборигенов Индии религия - это магический ритуал принесения жертвы Богу.

Это взятка, которую вы даете Ему, чтобы Он защищал вас, помогал вам; вы даете Богу все, что считаете ценным в еде, одежде, украшениях.

Конечно, нет Бога, который принимал бы все это, принимает священник - он посредник, он получает от этого доход. И самое странное заключается в том, что за последние десять тысяч лет эта магическая, ритуальная религия крепко захватила человеческий ум.

Неудач множество, девяносто девять процентов неудач. Например, дожди не проливаются в положенное время. Тогда магическая религия совершает ритуальную жертву и полагает, что теперь-то Бог счастлив: дожди придут. Время от времени они и приходят, - но они приходят также и тем людям, которые не молили Бога, не совершали ритуалов. Они приходят даже к врагам тех людей, которые молили Бога. Эти дожди не имеют никакого отношения к их ритуалу, но это становится доказательством того, что ритуал был успешным.

Девяносто девять процентов ритуалов терпят неудачу, они обязаны терпеть ее, поскольку ритуал не имеет никакого отношения к погоде. Нет никакой научной причинно-следственной связи между ритуалом, вашей церемонией огня, вашими мантрами и облаками с дождем. Священник, конечно, более хитер, чем люди, которых он эксплуатирует: он прекрасно знает, что же на самом деле происходит.

Священники никогда не верили в Бога, запомните это, - они не могут верить, но они лучше всех притворяются, что верят. Они должны так делать, это их профессия. Чем сильнее их вера, тем большие толпы они смогут привлечь, поэтому они и притворяются. Но я ни разу не встречал священника, который верил бы в Бога. Как он может верить? Он изо дня в день видит, что лишь крайне редко, по случайному совпадению, ритуал приводит к успеху. В девяноста девяти случаях из ста - неудача. Но для бедных людей у него есть объяснение - ваш ритуал не сделал то, что нужно, потому что, совершая его, вы не были полностью чисты в своих мыслях. Ну, а кто полностью чист в своих мыслях и что такое чистая мысль?

Это весьма естественно... Например, согласно джайнскому ритуалу люди должны поститься. И пока они совершают ритуал, они думают о еде: вот и нечистая мысль. Голодный человек думает о еде - я не вижу, что здесь нечистого. Это совершенно правильная мысль. На самом деле, при совершении ритуала он и делает неправильное действие: ему надо бы бежать в ресторан!

Но у священника есть очень простое объяснение, почему ваш ритуал не удался: «У Бога неудач не бывает, Он всегда готов защитить вас. Он кормилец, создатель, вседержитель; Он никогда не оставит вас. Но вы подводите Его, произнося молитву или совершая ритуал: вы полны нечистых мыслей». И люди знают, что священник прав - они думали о еде... или вот прошла красивая женщина, и возникла мысль о ее красоте и желание обладать ею... Они отбрасывают эти мысли, но уже слишком поздно; это уже случилось.

Поэтому все знают, что их мысли нечисты. Я же не вижу, есть ли здесь хоть что-то нечистое. Если красивая женщина проходит мимо зеркала, оно ведь тоже отразит ее. Разве зеркало нечисто? Ваш ум - это зеркало, он просто отражает. И ваш ум осознает все, что происходит вокруг него. Он комментирует, он постоянно составляет комментарий. Если вы понаблюдаете, вы удивитесь - вы не найдете лучшего комментатора.

Ум говорит, что эта женщина красива, - и если вы испытываете желание по отношению к красоте, я не вижу, что в этом неправильного. Если вы испытываете желание по отношению к мерзости, тогда это неправильно, тогда вы больны. Красота должна высоко оцениваться. Когда вы видите красивую картину, вам хочется стать ее обладателем. Когда вы видите что-то красивое, как тень приходит мысль: «Эта красивая вещь могла бы быть моей...» Все это естественные мысли.

Но священник скажет: «Дожди не приходят, потому что ваши мысли нечисты», - и вы абсолютно беззащитны. Вы знаете это, вам стыдно за себя. Бог всегда прав. Но когда дожди приходят, тогда эти же мысли проносятся в вашей голове; вы ведь были точно тем же самым человеком. Если вы были голодны, вы думали о пище; если вы испытывали жажду, вы думали о воде.

Эти мысли приходят и тогда, когда наступают дожди; но в этом случае никого не беспокоят плохие мысли. Священник начинает восхвалять вас, вашу самоотверженность, вашу глубокую молитву: «Бог услышал вас». И ваше эго чувствует себя настолько удовлетворенным, что вы не скажете: «Но как же насчет нечистых мыслей?» Кто захочет говорить о нечистых мыслях, когда вы преуспели и Бог услышал вас? Но девяноста девять раз вас никто не услышит, небеса пусты, ни единого ответа... Но магическая религия все продолжается и продолжается.

Магическая религия - это самая примитивная религия, но фрагменты ее остаются и во второй фазе; нет четко очерченной демаркационной линии. Вторая фаза - это псевдорелигия: индуизм,

христианство, мусульманство, иудаизм, джайнизм, буддизм, сикхизм - и вообще три сотни разных «измов». Все это псевдорелигии. Они прошли лишь немного дальше магической религии.

Магическая религия попросту является ритуальной.

Это попытка убедить Бога помогать вам. Вашу страну собирается захватить враг; нет дождя, или дождей слишком много и реки переполнены, уничтожается урожай... Всякий раз, когда вы обнаруживаете подобные трудности, вы просите помощи у Бога. Но магическая религия не является для вас наказанием. Магические религии не репрессивны: они еще не занимаются вашим преобразованием, вашим изменением.

Вот псевдорелигии смещают центр внимания с Бога на вас.

Бог остается в центре, но увядает вдали. Для человека магической религии Бог очень близок; он может разговаривать с Ним, он может убеждать Его. Псевдорелигии все еще несут идею Бога, но теперь Бог далеко, очень далеко. Теперь единственный способ достичь Его лежит не через ритуалы, но через существенное изменение вашего стиля жизни. Они начинают формировать и изменять вас.

Магические религии оставляют людей так, как они есть, поэтому люди, верящие в магические религии, более естественны, менее фальшивы, но более примитивны, менее изощренны, менее культурны. Люди, верящие в псевдорелигии, более изощрены, более культурны, более образованны. Религия для них не просто ритуал, это вся их жизненная философия.

Ваш вопрос имеет отношение к этому, ко второй фазе религии. Вы спрашиваете, почему все религии использовали подавление как основную стратегию, для чего? Очень важно понять само это явление подавления, потому что все религии во всем остальном отличаются друг от друга, каждая из них во всех остальных аспектах противостоит всем другим религиям.

Никакие две религии не соглашаются ни в чем - только в подавлении.

Поэтому подавление представляется величайшим инструментом в их руках. Что они делают с ним?

Подавление - это механизм порабощения человека, введения человечества в психологическое и духовное рабство.

Задолго до того, как Зигмунд Фрейд открыл явление подавления, религии уже использовали его на протяжении пяти тысяч лет, и использовали успешно.

Методология проста - методология заключается в том, чтобы обратить вас против самих себя, - но она творит чудеса. Как только вы обращены против самих себя, обязательно случатся многие вещи.

Прежде всего, вы будете ослаблены. Вы никогда уже не будете тем сильным человеком, каким были раньше. Раньше вы были один; теперь вас не только двое, вас много. Раньше вы были единым целостным существом, теперь вы - толпа. Из одного вашего фрагмента говорит голос

вашего отца, из другого фрагмента говорит голос вашей матери; и внутри вас все они сражаются друг с другом - хотя, может быть, их обоих уже и нет в мире. Все ваши учителя, все они имеют свои апартаменты в вас; и все священники, с которыми вы сталкивались, все монахи, все доброжелатели, моралисты - у всех у них есть в вас места, их собственные твердыни.

Всякий, кто произвел на вас впечатление, становится внутри вас фрагментом. Теперь вы - множество людей: мертвых, живых, воображаемых... из прочитанных вами книг, из святых книг - которые всего-навсего религиозный вымысел, наподобие научной фантастики. Если вы посмотрите внутрь себя, вы найдете, что сами вы потерялись в этой огромной толпе. Вы не в состоянии распознать среди всей этой толпы, кто же вы, каково ваше изначальное лицо. Все они притворяются вами, у всех у них лица, похожие на ваше, они говорят языком, похожим на ваш, и все они бранятся друг с другом. Вы становитесь полем битвы.

Сила единой индивидуальности теряется. Ваш дом разделен против себя, вы не можете ничего сделать, оставаясь цельными: какая-то часть внутри вас будет против, какая-то часть будет за, а какая-то часть будет абсолютно индифферентной. Если вы начнете что-то делать, части, которые были против, будут говорить вам, что вы поступаете неправильно; они заставят вас испытывать чувство вины. Части, остающиеся индифферентными, будут притворяться святыми, говоря вам, что вы просто человек третьего сорта, потому что слушаете этих людей, которые ничего не понимают.

Так что, делаете ли вы что-нибудь или не делаете, в любом случае осуждают вас. Вы всегда стоите перед дилеммой. Куда бы вы ни двинулись, вы будете побеждены, и основная порция вашего бытия будет всегда против вас. Вы будете что-нибудь делать при поддержке лишь меньшинства. Это определенно означает, что большинство будет брать реванш, - и оно возьмет реванш. Оно скажет вам: «Если не сделали этого, то не сможете сделать и того. Если не выбрали это, не сможете выбрать то. Но ты дурак, ты ведь не слушаешься. Так страдай. Так раскаивайся». Но проблема заключается в том, что вы не можете ничего сделать, оставаясь цельными, так, чтобы никто потом не смог осуждать вас, сказать вам, что вы глупы, неразумны.

Поэтому, прежде всего: псевдорелигии разрушили целостность, нетронутость человека, его силу.

Это совершенно необходимо, если вы хотите поработить людей, - сильных людей поработить невозможно. И это очень тонкое рабство, рабство психологическое и духовное. Не нужны наручники, цепи, тюремные камеры, нет; псевдорелигии создали гораздо более совершенные приспособления. И начинают они работать с самого момента вашего рождения; они не упускают ни единого мгновения.

В индуизме ребенка, в момент его рождения, принимает брамин, и первое, что он делает, это составляет карту его рождения; и этот брамин будет следовать за ребенком всю его жизнь. По всякому важному случаю он будет рядом, чтобы наставить его: он будет принимать решение о браке, он будет принимать решение в случае смерти. После смерти он будет первым гостем семьи... ведь в индуизме после смерти три дня продолжается застолье. Поэтому все брамины и все родственники и все друзья приходят на поминки, чтобы утешить душу, расстающуюся с телом.

Священник держит вас за горло и не отпускает даже тогда, когда вы умираете.

В индуизме каждый год после смерти устраивается некоторый праздник и церемония, когда вы молитесь за умершего: вашего отца, вашего деда, всех людей, которых вы так или иначе представляете, - всю длинную цепь поколений. В самых ортодоксальных индусских домах вы найдете фамильное дерево, план поколений. Такой план был и в моей семье, но я сжег его. Мой отец очень рассердился. Я сказал: «Вы полностью сожгли этих людей, и никто не рассердился, а я сжег всего лишь план. И какой смысл в том, чтобы держать его висющим на стене?»

Но он сказал: «Каким образом они затрагивали тебя?»

Я сказал: «Они затрагивали меня - каждый день думать о всех этих мертвых людях... Я вынужден проходить через эту комнату два или три раза в день... поколения!» Теперь уже ничего нельзя было поделывать, поэтому он начал писать снова все то, что запомнил. Когда он приехал жить ко мне в Пуну, он сказал: «Я многого не помню - ты уничтожил все дерево, - я только помню отца своего отца и его отца, только четыре поколения».

Я сказал: «Этого достаточно, даже и этого не нужно. Что вы собираетесь делать со всеми этими людьми и их именами? И если хотите, я сделаю дерево и напишу на нем какие-нибудь имена - это будет столь же точно».

Но он говорил мне: «Пожалуйста, не уничтожай эту бумагу - здесь есть, по крайней мере, четыре поколения. Ты - пятое поколение, и потом здесь мои братья и их дети, и их дети; здесь мои сестры и их дети...» Он воссоздавал дерево заново.

Я сказал: «Вы понапрасну тратите свое время, поскольку раз уж я взялся за это, я буду сжигать его. Какой во всем этом смысл?»

Но брамины пользовались этим. Если вы поедете в Аллахабад или Бенарес... есть браминские семьи, вы можете пойти в ту же семью, в которую ходил ваш отец. Они записали в своих книгах, что ваш отец приходил к ним в такой-то и такой-то день и в качестве пожертвования дал столько-то, совершил такой-то и такой-то ритуал, и что отец вашего отца приходил сюда... Они хранят все эти записи на многие поколения, поскольку из поколения в поколение люди вашей семьи приходили к ним. И теперь вы записываете свое имя и становитесь частью всего этого. Они покажут вам записи тысячелетней давности, поскольку их семья всегда занималась этой работой. И вы будете по-настоящему взволнованы, когда узнаете, как много людей вашей семьи приходило сюда - вы не одни.

Целый поток ваших предков приходил сюда, и эта семья браминов служила им в качестве священника. Они все записывали и все преувеличивали - ведь именно так они собираются эксплуатировать вас: отец вашего отца внес пожертвование в десять тысяч рупий - это пожертвование отходит их семье, - а его отец дал двадцать тысяч... А вот у вас нет ни одной записи, у вас нет никакого понятия... и вы чувствуете себя очень бедным, если не можете дать столько же. Вы должны быть в состоянии дать хотя бы десять тысяч; столько дал отец вашего отца, и будет очень стыдно, если вы не сможете поддержать честь семьи. Но сколько бы вы ни дали, не беспокойтесь; для ваших детей это будет записано в тысячах - ведь они тоже придут сюда... У этих людей вы можете получить все ваше семейное дерево. Моему отцу было трудно получить его, поскольку джайны не ходят к браминам в Аллахабаде или Бенаресе. В соответствии с определенными ритуалами по смерти вашего отца вы должны отвезти его прах к Гангу. Вы идете в семью, которая выполняет эту работу из поколения в поколение, которая из

поколения в поколение, на протяжении тысяч лет заботилась о прахах всех тех, кто предшествовал вам. Эта семья позаботится и о вас, она вывезет вас на лодке на Ганг, и на середине Ганга они совершат целый ритуал; они утопят этот прах.

Но поскольку джайны не верят в Ганг и в этот ритуал, мой отец был в затруднении, он не мог найти подобного способа. Джайны вынуждены сами составлять свои деревья или идти к брамину, ведь в определенных вещах они вынуждены полагаться на браминов. Хотя джайнизм - это религия мятежа против индуизма и в основном она направлена против брахманизма, в конце концов, они вынуждены были пойти на компромисс, поскольку есть тысяча и одна вещь, которую они не могут выразить без браминов.

Ну, например, кто будет составлять карту рождения ребенка? У джайнов нет знаний астрономии, астрологии, хиромантии, поэтому они, в конечном итоге, вынуждены покупать все это. При вступлении в брак, кто будет совершать ритуалы? Вот брамины и совершают их. И нужно цитировать мантры - это должен делать брамин. В случае смерти, кто будет цитировать мантры, когда тело придается огню? Это должен делать брамин.

Поэтому, в конце концов, вся мятежность исчезла, и джайнизм стал просто подкасткой, подрелигией, ветвью индуизма, - но с философской точки зрения они враги. В глубине души джайны думают, что они выше и что они просто нанимают этих браминов на определенные работы, как они нанимают других слуг. Брамины же думают, что они выше — «ведь без нас вы не можете ни родиться, ни умереть».

Эти псевдорелигии создали в вас хаос - это для них совершенно необходимо.

Я слышал... Один политик, один адвокат и один священник - три старых друга - все перешагнули за семьдесят, но, тем не менее, каждое утро выходили на прогулку и садились на скамейку в парке поболтать о тех вещах, о которых знали только они... о старых добрых временах. И много раз между ними начинались споры и дискуссии. Однажды утром они начали дискутировать на тему, чья профессия была первой.

Адвокат сказал: «Здесь нет никакой проблемы: моя профессия была первой в мире, поскольку люди ссорились между собой и нужен был кто-то, чтобы посредничать, чтобы вести переговоры, чтобы блюсти справедливость, чтобы с обеих сторон игра была честной. Поэтому, конечно, моя профессия была первой».

Священник сказал: «Но знаете ли вы, кто начал ссориться? Без священника, зачем им нужно было ссориться? Это священник дает основные идеи и создает антагонизм в умах людей. И коль скоро они приобщились, пристрастились к какой-то идее, они действительно готовы ссориться, сражаться; в противном случае, зачем им ссориться?»

Политик рассмеялся и сказал: «Вы оба по-своему правы, но не осознаете реальной ситуации. Почему, прежде всего, восприняли люди ваши идеи, ваши философии, ваши теологии? Из-за нас. Мы создали жажду власти. Конечно, правильная идея преуспееет, но мы создали саму эту идею успеха, власти, достижения чего-то, победоносности».

Только тогда, когда есть жажда власти, вы начинаете интересоваться «правильной» философией, «правильной» теологией, «правильной» религией, чтобы суметь добиться цели. И

всегда есть много других людей, которые говорят: «Мы правы - куда же вы направляетесь?» Все религии говорят: «Кроме нас, все остальные неправильные».

Псевдорелигии нарушают человека, нарушают его внутреннюю целостность. Они нарушают общество, создавая так много фиктивных идеологий.

Вы удивитесь, если посмотрите на их идеологии и их теологии. Вы будете смеяться. Как стало возможным, что великие мыслители думали о таких вещах? В средневековье люди, подобные Фоме Аквинскому, великому теологу, - может быть самому великому теологу из всех христианских теологов, - были очень озабочены проблемой, сколько ангелов поместится на кончике иглы. Ангелы лишены веса и не имеют никаких физических тел, но все же должен быть предел - как много их может поместиться там?

Фома Аквинский потратил много страниц, обсуждая, сколько ангелов может поместиться на кончике иглы, - и он был не один. Все средневековье было озабочено этим вопросом. Это была великая религиозная проблема - настоящая необходимость. Я не знаю, в чем была здесь настоящая необходимость. Может быть, они думали, что после смерти они станут ангелами и им придется стоять на кончике иглы. В чем тут проблема? Но такова ситуация со всеми религиями.

Махавира верил в семь адов и семь небес. Он был уже старым в то время, когда Гаутама Будда начал ходить, поучая людей, производя на них впечатление. Они все уже слышали Махавиру и поэтому спрашивали у Будды: «Махавира говорит так-то, а вы что скажете?» Кто-то спросил: «Махавира говорит, что есть семь адов и семь небес. А вы что скажете?»

Будда сказал: «Он ничего не знает. Есть семьдесят семь адов и семьдесят семь небес». Но нет ничего, чтобы доказать или опровергнуть это. Это вам выбирать, кому верить.

Тот же самый вопрос задавался и Аджиту Кешкамбалу, который был моложе Будды и только еще выходил на поле дискуссии. Он сказал: «Эти люди совершенно правы. До седьмого прав Махавира, до семьдесят седьмого прав Будда, но на самом деле есть семьсот семьдесят семь адов и семьсот семьдесят семь небес - я ведь исследовал их все. Эти бедные люди - в тех пределах, которые исследованы ими, они правы, но если они настаивают на том, что это конец и что они добрались до самого конца, то тогда они не правы. Если же они скажут: “Вот та точка, до которой мы дошли”, - то тогда проблемы нет».

Этот Аджит Кешкамбал был действительно человеком с потрясающим чувством юмора; он же шутит. Но что делает Будда? - он очень серьезен; но для меня и это кажется шуткой. Что делает Махавира? — он еще более серьезен. Но быть серьезным в таких вещах... Вы не можете дать никакого доказательства, но вы можете породить между людьми конфликт. Теперь некоторые стали джайнами, некоторые буддистами, некоторые последовали за Аджитом Кешкамбалом, правда, поскольку он был человеком с большим чувством юмора, его религия исчезла; люди хотят чего-то серьезного, и вскоре они поняли, что этот человек был несерьезным.

Как можно верить человеку, который несерьезен? И на самом деле, мое собственное понимание заключается в том, что Аджит Кешкамбал был более искренним, чем те двое. Он просто сделал из этого теологического бизнеса смешную историю. Он говорил: «Оставьте всю эту чепуху! Какое отношение к вам имеет это дело, чтобы о нем беспокоиться?»

Таким образом, псевдорелигии создали хаос в индивидуумах, создали хаос в обществе и эксплуатировали и то и другое.

Если существуют мусульмане, то остаются объединенными индусы, остаются объединенными христиане. Это все равно, как Советский Союз и Америка: никто не в состоянии прекратить создание ядерного оружия, хотя и те и другие продолжают говорить о мире. Никто не хочет третьей мировой войны, потому что каждый понимает, что это будет конец всем. Это будет абсолютно идиотская война, если она когда-либо случится, потому что война имеет хоть какой-то смысл только в том случае, когда кто-то выигрывает, а кто-то проигрывает. Но в третьей мировой войне никто не проиграет и никто не будет победителем - все будут убиты. Не останется никого, кто мог бы провозгласить, объявить: «Мы победили».

Но и те и другие продолжают непрерывно вкладывать все свои ресурсы в ядерное оружие из страха перед тем, что другая сторона тоже делает это. А другой человек - такой же, как и вы, - вы делаете это, поэтому и другой тоже должен делать. Когда же это прекратится?

То же самое происходит и с религиями. Все они бессознательно помогали друг другу. Индусы объединились против мусульман, христиане объединились против евреев, евреи объединились против христиан. И весь мир превратился в поле битвы.

Человек внутри себя стал полем битвы, а мир стал полем битвы снаружи.

И стратегия, использованная при этом, была подавлением.

Как может подавление сделать все эти вещи и еще много больше? Подавление просто означает: запомните, что ваше естество - ваш враг, вы должны сражаться с ним, вы должны убивать его, вы должны уничтожать его, вы должны идти выше него; только тогда вы святы.

Ну, а вот это и невозможно.

Никто и никогда не был в состоянии пойти выше естества.

Где бы вы ни были, вы в пределах естества. Да, вы можете искалечить себя, вы можете отрубить свои конечности до размера, предписываемого вашим святым писанием, вы можете страдать, вы можете мучить себя столько, сколько хотите, - но вам не удастся выйти за пределы естества.

Естество — это все, что есть, и нет ничего вне его.

То, что вне, - на самом деле в пределах естества, не снаружи от него.

Так что те, кто сражается с естеством, никогда не выйдут за его пределы. И их непрерывная неудача делает их несчастными, делает их умственно неуравновешенными, делает их психологически нездоровыми. И все эти вещи хороши для священника: он эксплуатирует вас.

Вся его профессия - помогать вам, но перед тем, как он сможет помочь вам, вас нужно поместить в такую ситуацию, когда вы нуждаетесь в помощи.

В Индии я сталкивался со многими психологами, психиатрами, которые обучались на Западе и которые принадлежат школе Фрейда, или школе Юнга, или школе Адлера, или школе

Ассаджиоли. Они имеют одно общее: все они против меня. А я говорил им: «Можете ли вы увидеть то, что вас объединяет? Вы все друг против друга, но соглашаетесь в одном: вы все против меня. Почему? — потому что я просто уничтожаю вашу профессию». А если уничтожается профессия, то последователь Фрейда будет страдать точно так же, как и последователь Адлера, как и последователь Юнга.

Я могу снова сделать человека цельным.

Я могу восстановить его в его целостном, центрированном, основательном существе.

Я не психолог, я не решаю никаких психологических проблем, поскольку для меня эти проблемы - это созданные проблемы. Эти люди создали эти проблемы, а потом приходят к вам с их решением.

А создать проблему так легко - вы удивитесь, насколько легко создать проблему...

Один из моих профессоров - я был студентом психологии, а он был знаменитым психологом... Однажды я сказал ему: «Все проблемы, с которыми имеют дело психологи, созданы ими самими».

Он сказал: «Вы должны доказать это».

Я сказал: «Вызов принят».

И на следующий день я доказал это. Я пришел к его жене, которая с большой любовью относилась ко мне - он сам относился ко мне с большой любовью — и сказал ей: «Вы должны сделать одну вещь, просто ради меня, всего один раз».

Она сказала: «Что это? Расскажи мне. Если я смогу, я сделаю».

Я сказал: «Сделайте одну вещь: когда ваш муж встанет утром, просто скажите ему: “Что случилось? Твое лицо бледно. Спал ли ты ночью? Глаза кажутся красными”. Положите руку на его голову и скажите: «Нет ли у тебя температуры?» Он, конечно, что-нибудь скажет. Что бы он ни сказал, запишите это на клочке бумаги - в точности его слова — потом это понадобится мне».

Она сказала: «Но о чем все это дело?»

Я сказал: «Я скажу вам об этом вечером, а сейчас просто запомните и сделайте это для меня завтра утром».

Она сказала: «Я сделаю, верь мне».

На той же стороне улицы жил начальник почтового отделения университета. Это был очень старый и очень добрый человек; я приходил к нему поболтать о его саде. Он очень интересовался цветами, но никто не приходил похвалить его сад, только я, поэтому он был очень счастлив со мной. Я сказал: «Сегодня вы должны кое-что сделать для меня».

Он сказал: «Что? Все что угодно».

Я сказал: «Когда профессор Мехта пойдет в университет, когда он выйдет из дома, вы стойте у забора и скажите ему: «Что случилось? Вы похожи на призрака! Ваши ноги дрожат».

Он спросил: «С ним что-то не в порядке?»

Я ответил: «Нет, все в порядке. Но вы должны сказать именно так, и своим лицом вы должны показать, что действительно так думаете, как говорите. Он что-то скажет; запишите в точности его слова, я потом возьму у вас эту запись».

Профессор Мехта обычно приходил на факультет из своего дома пешком - путь был длиной почти в одну милю... дорога красивая, и, поэтому, обычно он ходил пешком. По обеим сторонам были сады и профессорские дома - профессорская колония. Поэтому я подготовил несколько человек, особенно их жен, несколько маленьких детей — всех, кого я считал надежными. И все они были рады, все сказали: «Так мы и сделаем».

И наконец, перед тем входом, которым обычно пользовался профессор Мехта, сидел посыльный. Я сказал ему: «Дхьянанда, я ни о чем не просил вас...»

Он сказал: «Это верно. Каждый мучит меня: “Дхьянанда, принеси это, Дхьянанда, принеси то”. Профессора мучат меня, студенты мучат меня. Это верно, вы единственный человек... За все эти два года вы даже не попросили у меня и стакана воды. Я удивлялся... это редкость. Поэтому я сделаю для вас все, что вам нужно».

Я сказал: «Вы должны сделать следующее. Когда профессор Мехта придет сюда, вы просто встаньте, поддержите его и скажите: «Вы упадете. Вы же дрожите! Что случилось?»

Он сказал: «Так ли это?»

Я сказал: «Нет, это не так, но вы должны притвориться, что это так».

Он сказал: «Хорошо. Вы ни о чем меня не просили — я постараюсь сделать все, как надо».

На следующий день я собрал все записки, я ведь шел прямо за профессором. Он шел впереди, а я шел за ним, собирая записки. А Дхьянанда нанес по-настоящему завершающий удар. Он по-настоящему потряс его, да так сильно, что тот упал! Я вынужден был поддержать его; мы оба внесли его в помещение. Он сказал: «Я не могу даже сидеть, положите меня на скамейку». Поэтому мы положили его на скамейку. Я побежал и принес подушку и одеяло, он дрожал и покрылся холодным потом.

Я сказал: «Что случилось?»

Он сказал: «Похоже, что у меня какая-то странная лихорадка. Вчера вечером, когда я отправился спать, все было в порядке. Но теперь у меня такая головная боль, которой никогда не было, и я чувствую, как все мое тело дрожит. Позовите доктора. Если бы не Дхьянанда, я упал бы и сломал себе ногу».

И действительно, это было из-за Дхьянанды, что он чуть-чуть не упал - ведь Дхьянанда был необразованным человеком и все сделал по-настоящему! Я позвал доктора и объяснил ему: «Вы должны быть очень серьезны. Ничего не произошло, это имеет лишь отношение к вызову,

который я принял; поэтому будьте так добры - будьте очень серьезны».

Он был очень серьезен; он проверил и то и это и сказал: «Господин Мехта, вам нужно по крайней мере три месяца полного отдыха».

Он сказал: «Три месяца полного отдыха! Но что случилось?»

Доктор сказал: «Я не могу сказать вам. Я поговорю с вашей женой».

И профессор Мехта сказал: «Но сделайте, пожалуйста, одну вещь. Отвезите меня домой в своем автомобиле, поскольку мне пешком не дойти. Одна миля!..»

Он каждый день ходил пешком, приходил, уходил, он ведь любил ходить пешком, наслаждался пешей ходьбой, но теперь вот сказал: «Я не могу идти». Мне он сказал: «Пойди к вице-канцлеру и скажи ему, что я в ужасном беспорядке; доктор говорит про три месяца отдыха... Я не знаю, что случится, поэтому скажи ему, что если через несколько дней я не приду, пусть он не возражает, а подыщет мне какую-нибудь замену».

Я отвел его к машине вместе с доктором, и мы ввели его в дом. Жена всячески старалась сдерживаться, иначе бы она рассмеялась и расхохоталась. И действительно, ее муж полностью переменялся! Доктор держал его за одну руку, я за другую, он не мог даже идти. Мы положили его на кровать, и он сказал доктору: «Можете сказать моей жене».

Доктор сказал: «Я приду тогда, когда будет нужно. А сейчас позвольте мне пойти и приготовить для вас некоторые лекарства. Это срочно».

Поэтому он ушел. Профессор Мехта спросил меня: «А тебе доктор ничего не сказал?»

Я сказал: «Прежде всего, загляните в эти записки».

Он сказал: «Какие записки? Это он дал их тебе?»

Я сказал: «Нет, просто прочтите их. Вот первая, это то, что вы сказали своей жене: «Я в полном порядке, что за чушь ты говоришь?» Это было в шесть часов утра. А в семь тридцать вы сказали начальнику почтового отделения: «Да, ночь была немного беспокойной». А потом профессору Нанду Дулару Ваджпейелу вы сказали: «У меня была ужасная ночь». Все это ваши высказывания. Ничего с вами не случилось - можете подниматься. Вам не нужно отдыхать три месяца, не нужно и трех минут: вы в полном порядке».

«Но, - сказал он, - я покрылся холодным потом и почти упал».

Я сказал: «Ничего не было. Это Дхьянанда прыгнул на вас и заставил вас упасть, а вы подумали, что это вы упали сами. Он сделал это слишком хорошо; я не просил его делать все это с такой силой, у меня не было понятия, что он выполнит все с таким совершенством! Так что поднимайтесь».

Он немедленно встал и сказал: «На самом деле? Это правда: я был в полном порядке ночью, и утром был в полном порядке. Когда жена говорила со мной, я просто ответил: «Я в полном порядке. Что с тобой случилось?» Но когда каждый начал спрашивать... странным образом я

начал чувствовать, что что-то не так. Маленький мальчик сказал: «Дядя ваши ноги вихляют», - и я определенно почувствовал, что мои ноги вихляют, иначе, почему этот ребенок?..»

Я сказал: «Вот записка от этого ребенка. Все это были мои мужчины, женщины, дети. Дхьянанда, доктор... Я организовал все это множество людей, поскольку принял ваш вызов. Я сотворил эту болезнь. Я мог бы управлять этим на протяжении трех месяцев, и тогда бы вы умерли».

Он сказал: «Я не могу этого отрицать. Я вижу, что случилось со мной, и, поэтому, если бы я пролежал в постели три месяца, а ты продолжал бы свою пропаганду, ты убил бы меня».

Я сказал: «Именно так и действует вся ваша религия: создает в умах людей проблемы, а потом, куда пойти этим людям? Им придется пойти к священнику. Тогда священник дает свое решение проблемы - и принимает за это плату. Психологи делают то же самое. Из сотни случаев девяносто создаются вами».

Я не говорю, что психологи делают это преднамеренно - и священники не делают этого преднамеренно, - они делают это искренне; они так и думают. Они верят в то, что делают, и их вера заразительна, поэтому и другие люди начинают верить. Вот тогда и появляются их решения, их предписания.

Если вы пойдете к последователям Фрейда, потом к последователям Юнга, потом к последователям Адлера, потом к последователям Ассаджиоли, то вы узнаете, что я имею в виду: все четверо дадут вашему заболеванию разные диагнозы, поскольку их священные книги различны. Все они скажут вам, что вот в этом ваша настоящая проблема, и никто из них не согласится ни с кем из остальных. А поскольку проблема разная, то и решение будет различным. Проблема должна быть разной; иначе, какова цель существования Юнга в этом мире? - всю работу сделал Фрейд.

Это было причиной, по которой Юнг отделился от Фрейда. Он видел, что вместе с Фрейдом он станет самое большое великим фрейдистом, но никогда не станет личностью сам по себе. И он мог делать то, что делал Фрейд. И Юнг начал делать это, и имел полный успех. Адлер сбежал тем же путем. Если Фрейд все свел к сексу, то Адлер все свел к эго.

Естественно, их решения различны, потому что они по-разному поставили проблему. И если, следуя их решениям, вы случайно преуспеете, то этот успех будет отнесен на долю их терапии, не на вашу долю. Если же вы потерпите неудачу, то это вы потерпели неудачу; вы не следовали их предписаниям соответствующим образом. А следовать соответствующим образом предписаниям психоанализа или любой другой школы - это такое долгое дело.

Вам может потребоваться психоанализ продолжительностью три года, и к тому времени, когда психоанализ закончится, вы окажетесь еще более озадаченными, еще более запутанными, чем были раньше. Теперь вам понадобится еще чья-нибудь помощь. Теперь всю свою жизнь вы будете нуждаться в помощи. Есть люди, которые всю свою жизнь проходили психоанализ - переходя от одного психоаналитика к другому.

То же самое справедливо и по отношению к религии.

Подавлением религии создают проблему.

На самом деле психология использовала то, что посеяла религия - псевдорелигия: психологи собирают урожай. Психолог - на самом деле, современный священник, и он эксплуатирует ту же землю, с той же стратегией. За тысячи лет эту землю подготовил священник, но люди пресытились священником, поэтому они были счастливы, когда появилась новая наука. Это совсем не наука - это научный жаргон.

Люди, которые обычно шли к священнику, - если они образованны, культурны, начитанны, - теперь идут к психоаналитику... к тем же самым людям. Если они не образованы, тогда они по-прежнему ходят к священнику. Священник дешевле и менее вреден, потому что он не так умен на слова: сознание, сверхсознание, подсознание, несознание, коллективное несознание, космическое несознание... Бедному священнику не справиться со всем этим.

Вас загипнотизирует психоаналитик и его жаргон. У него есть аргументы в свою поддержку, и то, что он говорит, в каком-то смысле верно: вы подавлены, - но это работа религии.

Религия осуждала секс, осуждала вашу любовь к пище - осуждала все, чем вы можете наслаждаться, - осуждала музыку, осуждала искусство, осуждала пение, танец.

Если вы оглянетесь по миру и соберете все осуждения от всех религий, то вы увидите: они осудили всего человека. Они не оставили ни одного дюйма без осуждения.

Да, каждая религия внесла свою маленькую долю - ведь если осуждать всего человека целиком, он может просто свихнуться. Нужно делать это пропорционально, так осудить его, чтобы он почувствовал свою вину, захотел освободиться от этой вины и был готов принять вашу помощь. Не нужно осуждать его слишком сильно, иначе он просто сбежит от вас или прыгнет в океан и покончит с собой. Это не будет хороший бизнес.

Все очень похоже на рабов в старые времена. Им давали пищу - недостаточно обильную для того, чтобы стать сильными и поднять мятеж, но и не слишком скудную, чтобы умереть; иначе можно понести убытки. Вы даете им определенный процент, так, чтобы они висели как раз посередине между жизнью и смертью, и они продолжают жить и работать на вас. Дается лишь столько пищи, не более того; иначе у них после работы будет оставаться энергия, и эта энергия может привести к революции. Они начнут поднимать мятежи, они начнут объединяться, ведь тогда они увидят, что с ними делают.

То же самое делали и религии. Каждая религия взяла свой сегмент человека и осудила его, и через это осуждение заставила его почувствовать свою вину.

Как только в вас создано чувство вины, вы в когтях священника.

Теперь вам не сбежать, ведь он - единственный, кто может отчистить все ваши постыдные части, кто может сделать вас способными предстать перед Богом без стыда.

Он создает фикцию Бога.

Он создает фикцию вины.

Он создает фикцию того, что однажды вы предстанете перед Богом: поэтому надо быть чистыми и ясными, быть в таком состоянии, чтобы предстать перед Ним без всякого страха, без всякого стыда.

Все это вымысел, фикция. Но вот что нужно запомнить: все это относится к псевдорелигиям. И когда я говорю обо всех религиях, я имею в виду псевдорелигии; множественное число указывает на псевдо.

Когда религия становится научной, она не будет во множественном числе: тогда это будет просто религия, и ее функция будет прямо противоположна функции псевдорелигий.

Ее функция будет заключаться в том, чтобы освободить вас от Бога...

Освободить вас от небес и ада...

Освободить вас от концепции первородного греха...

Освободить вас от самой идеи, что вы и природа разделены...

Освободить вас от всякого рода подавления.

Со всей этой свободой вы сможете познать выражение вашего естественного бытия, каким бы оно ни было.

Нет никакой нужды испытывать чувство стыда. Вселенная хочет, чтобы вы были такими, вот почему вы такие.

Вселенная нуждается в вас таких, какие вы есть, иначе она создала бы кого-то другого, не вас.

Таким образом, для меня единственная нерелигиозная вещь - это не быть собой.

Будьте собой без всяких условий, без всяких ограничений, просто будьте собой, и тогда вы религиозные люди, поскольку вы здоровы, вы цельны.

Вам не нужен священник, вам не нужен психоаналитик, вам не нужна ничья помощь, поскольку вы не больны, вы не изуродованы, не парализованы. С обретением свободы все эти уродства и параличи исчезнут.

Религия может быть сконденсирована в одной фразе: полная свобода быть собой.

Выражайте себя без страха столькими путями, сколько это возможно для вас; нечего бояться, нет никого, кто наказал бы или вознаградил бы вас. Если вы выражаете свое бытие в его истинной форме, в его истинном течении, вы будете вознаграждены немедленно - не завтра, но сегодня, здесь и сейчас.

Вы подвергаетесь наказанию только в том случае, когда идете против своей природы, против своего естества. Но такое наказание - это помощь, это просто указание на то, что вы отходите от своего естества, что вы немного заблудились, сбились с пути - возвращайтесь назад.

Наказание - это не мщение, нет. Наказание - это всего лишь попытка разбудить вас: что же вы делаете? Что-то не так, что-то идет против вас самих. Вот почему боль, вот почему тревога, вот почему страдание.

А когда вы естественны, вы выражаете себя точно так же, как деревья или птицы, - которые счастливее вас, ведь ни одна птица не пыталась быть священником, и ни у одного дерева не появлялось мысли стать психоаналитиком, - совсем как деревья, и птицы, и облака, вы будете чувствовать себя дома во всем этом существовании.

А быть дома - вот о чем вся эта религия.

Беседа 8

БОГ - ЭТО НЕ РЕШЕНИЕ, А ПРОБЛЕМА

6 декабря 1984 года

Бхагаван,

Вы на самом деле верите, что Бога нет?

Я не верю, что Бога нет, я точно знаю, что Его нет. И слава Богу, что он не существует - ведь существование Бога создало бы столько проблем, трудностей, что жизнь стала бы почти невозможной.

Вы, может быть, не смотрели на это с той точки зрения, с которой я собираюсь посмотреть на это, - возможно, никто не пытался смотреть с этой точки зрения.

Христиане говорят, что Бог создал мир. Действительно, гипотеза Бога нужна для объяснения творения мира. Мир есть; кто-то должен был создать его. Кто бы он ни был, этот создатель — Бог. Но видите ли вы, что здесь подразумевается?

Если мир создается, то тогда нет места эволюции, развитию. Эволюция означает, что творение продолжается.

Вдумайтесь в христианскую историю. Бог создал мир в шесть дней, а на седьмой день Он отдыхал; с тех пор и отдыхает. Все творение было закончено в шесть дней. Откуда же здесь появиться эволюции? Творение означает, что все кончено! - достигнута полная остановка. На шестой день полная остановка; и после этого нет никакой возможности для эволюции.

Эволюция предполагает, что творение не завершено, отсюда и возможность для эволюции. Но Бог не может создать незавершенный мир; это было бы против природы Бога. Он совершенен, и совершенно все, что Он делает, ни Он не развивается, ни мир не развивается; все застыло, все мертво. В этом заключается причина, почему папы были против Чарльза Дарвина, ведь этот человек внес идею, которая рано или поздно убьет Бога. Эти папы кое-что понимали: они смогли разглядеть отдаленные последствия идеи эволюции, идеи развития.

Обыкновенно вы не связываете творение и эволюцию.

Какая связь между Богом и Чарльзом Дарвином? Связь есть. Чарльз Дарвин говорит, что творение - это продолжающийся процесс, данное существование всегда несовершенно, оно никогда не станет совершенным; только в этом случае оно и может продолжать развиваться, достигать новых вершин, новых измерений, открывать новые двери, новые возможности.

Бог закончил свою работу в шесть дней, и это было не так давно: четыре тысячи и четыре года до рождения Иисуса Христа. Это было, наверное, первого января в понедельник, поскольку мы умудрились сделать Бога соответствующим всему, что создали сами. Он должен следовать нашему календарю. Если же вы спросите меня, я скажу, что это должно было состояться в понедельник первого апреля, в апрельский день дураков, потому что этот день кажется абсолютно подходящим для осуществления такого акта творения существования, полностью готового к применению.

Если эволюция становится невозможной, жизнь теряет всякий смысл, жизнь теряет все будущее; тогда у нее есть только прошлое.

Это неестественно, когда религиозные люди все время ориентированы на прошлое, - у них есть только прошлое. Все уже сделано; в будущем нечего делать, будущее пусто, и вы вынуждены жить в этом будущем. Все, что должно было случиться, уже случилось за четыре тысячи и четыре года до рождения Иисуса. После этого не было добавлений, не было эволюции, не было развития.

Бог создал мир точно так же, как горшечник создает горшок, мертвую вещь из глины. Но вам следует помнить, что горшечник может в любой момент разбить горшок. Если вы даете Богу силу для творения, то одновременно вы даете Ему и силу для разрушения. Это неочевидное следствие. Бог может и разрушать. Апрельский день дураков наступает каждый год; в любой год первого апреля Он может разрушить мир. И, самое большее, это займет у него шесть дней.

Сама идея того, что вы были сотворены, делает вас вещью, отнимает ваше существо, вашу сущность.

Вы можете быть живым существом только в том случае, если нет Бога.

Бог и вы как существа не могут существовать совместно.

Вот почему я говорю, что уверен в несуществовании Бога, я ведь вижу существ повсюду.

Присутствие существ - достаточное доказательство того, что Бога не существует, не может существовать. Может существовать или Бог, или вы; оба вместе вы существовать не можете. Человек, начинающий верить в Бога, не зная того, теряет свое существо; он становится вещью. Так что есть христианские вещи, индусские вещи, мусульманские вещи, но не живые существа. Они все по своей собственной воле выбросили свое существо; они отдали свое существо Богу.

Фикция ожила, а живое стало вымыслом. Я же просто снова ставлю вещи с головы на ноги.

Когда я говорю, что Бога не существует, я не выражаю недобрых чувств по отношению к Богу. Бог меня нисколько не беспокоит: существует Он или нет — это не мое дело.

Когда я говорю, что Бога не существует, моя цель - вернуть вам ваше потерянное существо; показать вам, что вы не вещи, созданные кем-то по его произволу.

Почему это Он решил в определенный день, четыре тысячи и четыре года до рождения Иисуса, создать мир? Что вызвало идею этого творения? Было ли что-то другое, что заставило Его сотворить мир? Был ли какой-нибудь змей, соблаздивший Его на творение? Почему в определенный день, а не раньше? Я хочу, чтобы вы поняли смысл. Это произвол, причуда. Если эта история верна, то Бог душевно болен. Чем он занимался целую вечность? Идея творения пришла к Нему слишком поздно.

Сама идея творения делает нас созданными по произволу, по причуде, тогда как эволюция не следует произволу, причуде.

Эволюция вечна; она продолжалась всегда. Не было такого времени, когда не было существования, никогда не будет такого времени, когда существования не будет.

Существование означает вечность.

Бог делает все глупым, маленьким, произвольным, бессмысленным, причудливым. Просто этот старик... а Он, наверное, был очень стар, по-настоящему очень стар, и потом эта идея творения пришла к Нему... и в шесть дней Он завершил творение. Вот почему папы против Чарльза Дарвина: «Вы говорите, что ничего еще не завершено, все еще развивается. Вы против Библии, святого писания. Вы против Бога, против идеи творения».

Чарльз Дарвин просто говорил: «Я не против никакого Бога, я не знаю никакого Бога». Он был исполненным страха человеком, он был христианином. Он, бывало, молился; на самом деле, он начал молиться после того, как написал свою теорию эволюции. Он исполнился великого страха: кто знает, может быть, он делает что-то против Бога. Он верил, что Бог сотворил мир, но факты природы рассказывали другую историю - все развивается, эволюционирует, жизнь не остается той же самой.

Итак, если кто-либо верит в Бога, он не может верить в то, что вы - существа.

Сотворятся только вещи; у них есть начало и конец — существа являются вечными.

Вследствие этого факта две религии в Индии, джайнизм и буддизм, отбросили идею Бога - ведь держаться за эту идею означает отбрасывать идею существования, которая гораздо более значительна. Они хотели бы держаться за обе эти идеи, но логически это невозможно.

Как только принята идея о том, что вы были сотворены, так сразу принимается и другая часть этой идеи, что тот же самый чудак может однажды разрушить вас. Какое же вы имеете значение? - просто игрушка в руках какого-то старика-волшебника? Когда захочет, Он играет с игрушками, а когда захочет, ломает их?

То был по-настоящему великий и смелый шаг со стороны Махавиры и Будды - выбрать существование и отбросить идею Бога - и это двадцать пять веков назад. Они смогли увидеть, что с двумя идеями не справиться; эти идеи противоречат друг другу. Но они не осознавали эволюции, развития; это было более поздним достижением. Теперь мы знаем, что творение идет

и против идеи эволюции тоже.

Творение и эволюция абсолютно противостоят друг другу.

Творение означает завершение; эволюция означает непрерывный рост.

Рост возможен только в том случае, если вещи несовершенны и остаются несовершенными. Какими бы они ни выросли, всегда существует возможность дальнейшего роста.

Есть еще несколько вещей, которые нужно рассмотреть.

Если вы сотворяетесь, то у вас не может быть свободы.

Видели ли вы механизм, который имел бы свободу? Любую «вещь», которая имела бы свободу? Все, что создается, что сотворяется, находится в руках создателя, как марионетка. Ниточки в его руках, он тянет за одну ниточку... вы должно быть видели это в театре кукол. Тянут за ниточку - человек за экраном, вы не видите его, вы видите только куклу - и куклы танцуют, сражаются... все это ложно: реален лишь кукловод.

Эти куклы не могут иметь свободы, чтобы сражаться, любить, жениться, - все это происходит в кукольном театре, - танцевать, или не танцевать... или, когда они не хотят танцевать, сказать: «Нет! Я не буду танцевать». Кукла не может сказать нет.

И все религии учили вас не говорить «нет»: не говорить «нет» Богу, Его мессии, Его святой книге - никогда, никогда не думать о том, чтобы говорить «нет». Почему? Если вы не можете сказать «нет», то какой смысл говорить «да»? Это естественное следствие: «да» имеет смысл только тогда, когда вы в состоянии говорить «нет». Если вы вынуждены говорить «да», и кроме «да» нет никакой другой альтернативы...

Я слышал о том, что, когда Форд впервые начал производить автомобили, он сам обычно ходил в демонстрационный зал и интересовался заказчиками, разговаривал с заказчиками. Он говорил им: «Вы можете выбирать любой цвет при условии, что он черный», - ведь в то время были только черные автомобили. Но он говорил: «Вы можете выбирать при условии, что он черный».

Вы свободны при условии, что ответ - «да». Что же это за свобода?

У кукол не может быть свободы.

И если вас сделал Бог, то вы кукла.

Лучше восстать против Бога и быть существом, чем подчиниться и стать участником кукольного представления - ведь в тот момент, когда вы принимаете себя как куклу, вы совершаете самоубийство.

Вы видите кукол по всему миру, различных цветов, различных имен, различных ритуалов. Индусы говорят, что без Божьей воли даже лист не упадет с дерева - что же говорить о вас? Все происходит по воле Бога. Действительно, Он все уже предопределил в момент творения; все уже предначертано. Странно, что и разумные люди продолжают верить в такую чушь.

Только посмотрите, какая чушь: с одной стороны, вас создал Бог; с другой стороны, когда вы совершаете что-то неправильное, вас наказывают.

Если Бог создал вас и предопределил вашу природу и если вы не можете идти против нее, то у вас нет никакой свободы.

Когда есть Бог и нет никакой возможности для свободы, как тогда вы можете совершить преступление, как вы можете тогда быть грешником? И как вы можете быть праведником?

Все предопределено Им. Он несет ответственность; вы - нет. Но люди продолжают верить в обе эти вещи вместе: в Бога, создающего мир, в Бога, создающего мужчину, женщину, все - и потом перебрасывающего всю ответственность на вас. Если есть в вас что-то неправильное, то за это отвечает Бог, и Он должен быть наказан. Если вы убийца, это означает, что Бог создает убийц; тогда Он должен нести ответственность за Адольфа Гитлера, и Иосифа Сталина, и Мао Цзедуна. Он создал этих людей.

Но нет, религиозный ум теряет разум, покрывается ржавчиной, полностью забывает, что эти вещи несовместны; Бог и свобода несовместны.

Если вы свободны, тогда нет Бога.

Я снова напоминаю вам высказывание Фридриха Ницше. Этот человек определенно безумен, но иногда так называемые здравые люди так тупы и так глухи, такие идиоты, что безумные люди достигают великих проникновений; и Ницше обладает этим гением. Он иногда достигает такого великого проникновения, что вы не можете поверить, как это люди не видели этого раньше; а жил Ницше как раз сто лет тому назад.

Ницше говорит: «Бог умер, поэтому я декларирую, что отныне человек свободен». Это высказывание впервые за всю историю человека сопоставляет свободу и Бога. Нужно было дождаться этого безумца Фридриха Ницше, чтобы поставить их рядом: Бог мертв, и поэтому вы свободны, в противном случае вы не свободны.

Может быть, вы не думали об этом. Как вы можете быть свободными, когда есть создатель, непрерывно наблюдающий за вами, непрерывно поддерживающий и направляющий вас? Прежде всего, Он все вложил в вас в виде жесткой программы. И вы будете следовать этой программе; вы не можете делать иначе. Что вы завели в компьютер, то он и ответит вам. Если вы начнете спрашивать о том, чего не завели в компьютер заранее, он не сможет вам ответить. Компьютер - это механизм: прежде всего нужно заложить в него всю информацию, а потом, когда она потребуется, вы можете спросить у компьютера, и информация будет получена.

Вы компьютер - если есть создатель.

Он вложил в вас информацию, он запрограммировал вас, и вы все делаете в соответствии с этим. Если вы праведник, вас не похвалят за это - это же была программа. Если вы грешник, вам не нужно чувствовать себя порицаемым или плохим — это же была программа.

В Индии на протяжении десяти тысяч лет каждый год разыгрывается жизнь Рамы. Почти по всей стране, даже в самой маленькой деревне, есть театральная труппа. Раз в году за месяц

вперед эта труппа начинает готовиться к представлению, а в больших городах, где могут позволить себе это, приглашают профессиональные труппы. Есть много профессиональных трупп, особенно в Айодхье, которая была столицей Рамы, и в других религиозных местах. Поэтому в больших городах, где могут позволить себе это, приглашают профессиональные труппы. Маленькие деревни, городки, которые не могут позволить себе этого, создают свои собственные труппы.

Это случилось в одной из деревень... Представление начинается с замужества Ситы. В те дни, особенно принцы, следовали определенной церемонии, которая называлась сваямвара. Все подходящие женихи, - конечно, молодые принцы, поскольку никто другой и не допускался во дворец, - собирались со всей страны вместе, и девушка, принцесса, брала в руки гирлянду цветов и шла к кому-нибудь из них: это был ее выбор того, кого она хотела. Или если она была обеспокоена критерием выбора... ведь это была трудная работа: перед ней стояло сто принцев, и все они были красивы, все из королевских семей, молодые, сильные. Выбор не был таким простым, и это не такой выбор, который назавтра можно отменить.

В Индии этот выбор - не только дело одной жизни, это продолжится на многие жизни. Такой выбор - тяжелая нагрузка для ума девушки... как выбирать? Поэтому определенным образом она могла прибегнуть к помощи Бога. Можно было использовать такой прием: тот, кто решит некоторую задачу, и будет избран ею. Она оставляет все это дело на усмотрение Бога - это проще, тогда дело в более мудрых руках.

На сваямваре Ситы таким приемом был лук господина Шивы, который предоставил отец Ситы - верный последователь Шивы. Лук был настолько тяжел, - конечно, это же был лук бога, - что чтобы лишь поднять его, уже нужно было быть сверхчеловеком. Обыкновенный человек не мог даже сдвинуть его с места; а чтобы пользоваться им, - это было что-то невозможное.

Была рыба, искусственная рыба, подвешенная к потолку, и на земле был маленький пруд, в котором отражалась рыба.

Нужно было, глядя в пруд на отражение, с помощью лука Шивы и стрелы попасть в рыбу над головой - для этого нужен был великий воин. Прежде всего, проблемой было поднять этот лук. Даже если удавалось поднять, то было проблемой, как пользоваться им; это был необыкновенный лук. И, наконец, загадка состояла в том, что нужно было смотреть на отражение в воде и стрелять в рыбу, которая, как и отражение, тоже двигалась - она находилась на колесе.

Вся страна была в возбуждении. Все великие воины и цари - все они собрались вместе. Одним из величайших воинов тех дней был Равана. Он был царем Шри Ланки, и были все шансы за то, что он выиграет соревнование, поскольку он тоже был верным последователем Шивы, может быть даже еще более верным, чем отец Ситы. Его преданность Шиве была такова, что, как говорит история, когда Шива не стал его слушать, Равана сказал: «Если ты не слушаешь меня, я отрублю себе голову и сложу ее к твоим ногам. Какой большей жертвы ты еще хочешь?» И он отрубил себе голову и сложил ее к ногам Шивы. Конечно, большая жертва невозможна.

Вот странная история - как это можно отрубить себе голову и потом сложить ее к ногам Шивы? Как можно справиться с тем, чтобы отыскать ноги Шивы? Голова ведь отрезана, глаз нет! Но вот такая история - он смог справиться с этим. Шива был очень этому рад и сказал: «Так как ты

сделал то, что не делал никто, я дам тебе то, чего не давал никому: у тебя будет десять голов. Ты пожертвовал мне одну, я дам тебе десять. И всякий враг, который отрубит тебе одну голову, не сможет убить тебя - немедленно вырастет другая голова. У тебя все время будет оставаться десять голов».

Этот человек с десятью головами явился на сваямвару. Были все опасения в том, что... а сам он был, по-видимому, премерзким человеком; даже одной головы достаточно, - а тут целых десять! Все боялись, что он явится, и тогда будут все шансы к тому, что он поднимет его; казалось, ничто не может помешать ему. Рама тоже принимал участие в сваямваре как принц Айодхьи. Он был молодым человеком, очень юным, и еще не было известно, что он великий воин или что-то в этом роде. Не было ни единой возможности для него выиграть в этом состязании.

Поэтому мудрецы, которые хотели, чтобы победил Рама и чтобы он женился на Сите, устроили заговор; они решили, что когда Равана соберется поднять лук, к нему подбежит человек и скажет: «Ваша столица, — которая была сделана из чистого золота, - в огне, и вы нужны там немедленно. Без вас все пропадет». Поэтому бедный Равана вынужден был оставить лук и кинуться в Шри Ланку. Тем временем Рама выиграл состязание и женился.

Эта история - начало. В той конкретной деревне все актеры были запрограммированы и сзади им подсказывали. Но когда вошел человек со словами: «Шри Ланка горит», человек, игравший роль Раваны, сказал: «Ну и пусть! Я женюсь на Сите. Хватит, сейчас не время отправляться куда-либо».

Суфлер старался изо всех сил: «Это же не то, что мы тебе говорили».

Актер сказал: «Прекратите ваши подсказки - я сам знаю, что делаю». На самом деле он был влюблен в девушку, которая играла роль Ситы, а отец этой девушки не хотел, чтобы они поженились. Это был для него единственный шанс объявить перед всем городом... И не успел никто ничего сделать, как Сита повесила на него гирлянду.

Весь город был в шоке. История закончилась, даже не начавшись, ведь это было самое ее начало, лишь вступление: настоящие события еще только должны были произойти. Актеры так спешили, что забыли даже задернуть занавес. Вся масса зрителей кричала, вопила и хлопала в ладоши, они говорили: «Многое мы видели, но ничего подобного этому. Это самое лучшее представление, которое мы только видели!»

В представлении можно пойти против программы, поскольку это игра, в ней участвуют не ваши существа; ваши существа остаются свободными при этом. Вы можете играть роль Раваны или Рамы, но все это роли; ваше существо остается свободным. Вы можете решать, «за» вы или «против».

Но если создается ваше существо, у вас не будет возможности двигаться иначе, чем вам предписывает программа, делать что-либо иное, отличное от того, что заложено в программу.

Если есть Бог, создающий мир, тогда никто, кроме Него, не несет ответственности. А Ему перед кем нести ответственность? Выше него никого нет. Вы не отвечаете, поскольку вас создал Он. Он не отвечает, поскольку нет никого, перед кем отвечать Ему.

Бог означает, что мир теряет всякую ответственность, а ответственность — это ведь самый центр вашей жизни.

Потом вы можете играть какую-нибудь роль, но вас-то нет, одни только подсказки; даются ли они снаружи, из-за занавеси, или даются изнутри, через гормоны, через биологию, физиологию, психологию, не имеет значения. Вы лишь собрание подсказок, вы лишь следуете им.

Это отнимает у человека все его достоинство.

Это сводит его к марионетке.

Принимать Бога не означает быть религиозным, как без ответственности вы можете быть религиозными?

Как вы можете быть религиозными без свободы?

Как вы можете быть религиозными без вашего собственного независимого существа?

Бог - это величайшая антирелигиозная идея.

Если посмотреть на этот вопрос под любым аспектом, то, безусловно, придешь к выводу, что каждый, кто верит в Бога, - не религиозный человек, не может быть религиозным.

Поэтому, когда я говорю, что Бога нет, я пытаюсь спасти религию.

Нет опасности от дьявола, настоящая опасность исходит от Бога. Дьявол лишь тень Его.

Если исчезнет Бог, его тень исчезнет автоматически.

Бог - вот настоящая проблема.

И вы поймете, о чем я говорю, если бросите взгляд на историю. Церкви прекращали каждый шаг эволюции из страха, что он докажет, что творение не завершено. Человек добрался до луны, но в Индии я встречал индусских шанкарачарий, джайнских ачарий, - они эквивалентны папе, - которые не верят этому, поскольку их священные книги говорят, что луна - это богиня. Солнце - это бог, так что и луна - не планета. Вы удивитесь, узнав, что один джайнский монах собрал миллионы рупий в виде пожертвований, так как основал лабораторию для доказательства того, что человек не достиг луны, а высадился на какой-то другой планете.

Теперь эти идиоты... и люди верят им, поскольку священные книги пользуются у них доверием. Они собрали все цитаты из всех священных книг, где говорится о всеведущих, всемогущих, вездесущих людях: об аватарах, о тиртханкарах, об особых божественных посланниках. И если они говорят так, то что остается делать бедным ученым?

Они обманывают вас, дурачат вас, дурачат себя. Факт, который никто не может отрицать, факт, который приняли все ученые мира, включая Индию, не воспринимается религиозным умом, поскольку он разрушает веру в их священные книги. Их больше волнует вера, чем реальность.

Когда я говорю, что Бог - величайший враг религии, это потрясает так называемых религиозных

людей, потому что они думают, что молиться Богу, поклоняться Богу, отдаваться Богу - это и есть религия.

Они никогда не думали об ответственности, свободе, росте, сознании, существовании, бытии; они никогда не беспокоились этими вопросами, - а ведь это настоящие религиозные вопросы.

Ваши молитвы глупы. Вы просто восхваляете Бога тем же самым способом, каким восхваляете царей и цариц; в том же самом тоне, теми же самыми словами. Вы восхваляете Бога и думаете, что как на ваших царей с царицами воздействуют ваши молитвы и ваши увещания проявить к вам благосклонность, так и на Бога воздействуют ваши увещания.

Утверждение Библии о том, что Бог создал человека по Своему образу и подобию, абсолютно неверно. Верно прямо противоположное: человек создал Бога по своему образу; Бог - это творение человека!

Поэтому индусский Бог один, мусульманский Бог другой, еврейский Бог третий, ведь пытались выразить, как выглядит Бог, на каком языке Он разговаривает, различные люди. И вот евреи не верят, что Он говорит на каком-нибудь другом языке, кроме древнееврейского, а индусы не могут поверить этому - Бог, говорящий на древнееврейском! - вы что, сошли сума? Вы что, думаете, что Бог - еврей? Он говорит на чистом санскрите!

Я слышал, что после второй мировой войны разговорились между собой, лежа на пляже и принимая солнечные ванны, два генерала, один германский, а другой британский. Германский генерал сказал: «Я просто озадачен одной вещью: мы молились христианскому Богу и вы молились тому же христианскому Богу, но мы потерпели поражение, а вы победили. Разве это не пристрастность?»

Британский генерал рассмеялся и сказал: «Это не пристрастность. Скажите мне одну вещь: на каком языке вы молились - на немецком? Вот в этом-то вся ошибка. Бог понимает только по-английски - никакого другого языка, - и мы молились по-английски. Никакой загадки здесь нет, все просто».

Человек, обманывающий себя этим творением Бога по своему образу, не осознает, что он теряет.

Он теряет все ценное, все прекрасное, все, что может стать для него блаженством.

Так называемые религиозные люди фокусируют себя на вымысле и забывают свою собственную реальность, забывают себя и думают о ком-то там, наверху, на небе. Эта персона наверху в небе не существует, но вы можете фокусироваться на любой несуществующей вещи, можете забывать себя в этом фокусировании.

А истинная религия случается вот где - внутри вас.

Поэтому молитва не имеет никакого отношения к религии.

В моей религии нет места молитве.

Ни в одной истинной религии не может быть ничего похожего на молитву, которая есть абсолютная фальшь.

Что вы делаете в молитве? Прежде всего, вы создаете образ своего воображения, отдаете себя этому воображению, потом разговариваете с этим образом. Вы просто делаете что-то нездоровое.

Во всех церквях, во всех синагогах, во всех храмах и во всех мечетях мира эти люди делают что-то нездоровое; но этими душевно нездоровыми людьми полна вся земля.

Из-за того, что они делали это на протяжении столетий, и вы уже восприняли их как религиозных людей, многих потрясает, когда я говорю, что они совсем не религиозные люди. Они даже не нормальные люди - быть религиозным это очень далеко от нормальности. Они ниже нормы. Они делают что-то настолько глупое, что если они продолжают делать это, то какая бы малая доля разума не оставалась в них, мало-помалу она утечет в песок. Может быть уже утекла.

Для меня религия - это потрясающее явление.

Это не вымысел, не фикция. Это вхождение в самое сердце реальности. Это познание реальности из самого ее центра. Но вам нужно отбросить вымыслы. Эти вымыслы никогда не позволят вам войти в себя, поскольку они проецируются вовне, и вы полностью отождествили себя с ними.

Вы знаете это. Вы смотрите кино или телевизионное шоу и прекрасно знаете, что много раз на ваших глазах навернутся слезы, хотя вы и знаете также, что это всего лишь телевизионный экран и там никого нет. Но вы полностью забываете, что вы всего лишь наблюдатель. Вы отождествляете себя с кем-то; настолько сильно, что если персонаж испытывает великие страдания, то на ваших глазах наворачиваются слезы.

В Калькутте был один знаменитый ученый в области индийской литературы, теологии, истории... всего, что вы только можете себе представить. Он был человеком редкого ума, этот Ишварчандра Видьясагар. Видьясагар означает океан мудрости. Этот титул был присвоен ему на всеиндийской конференции индусских ученых. Этот титул не присваивался никому больше, ни раньше, ни позже. Он действительно был тем, что они называют мудростью. Я не стану называть это мудростью...

Я покажу вам, каким мудрым он был. Поскольку он был таким знаменитым ученым и носил все виды званий доктора литературы от различных организаций, то один санскритский университет вместо доктора литературы присвоил ему титул Видья Варидхи; это тоже означает океан мудрости. Другой университет присвоил ему титул Видья Вачаспати, мастер мудрости, а индусский университет в Бенаресе присвоил ему титул Махамахопадхьяя - величайший учитель всего.

Он имел все эти степени, и его так уважали по всей стране, особенно в Бенгалии, что не было никого, кто мог бы даже приблизиться к нему. Его пригласили на одно театральное представление, на его торжественное открытие, и все это устраивалось такими великими людьми, что он не мог отказаться. Даже вице-король Индии собирался присутствовать, поскольку Калькутта в те дни была столицей Индии. Поэтому и он прибыл на торжественное открытие.

Он провел торжественное открытие и сидел рядом с вице-королем, как раз перед сценой. В представлении участвует один очень плохой, хитрый персонаж, злодей, который постоянно преследует невинную женщину. История становится очень напряженной: в одном месте он находит женщину одну - далеко от деревни. Она пришла к реке, чтобы набрать воды. Никого вокруг, деревня далеко, и он хватается ее...

В зале мертвая тишина, поскольку дело идет к изнасилованию; именно это собирается делать этот мужчина. И вдруг - аудитория не могла поверить своим глазам - Ишвар Видьясагар вспрыгнул на сцену и начал бить этого мужчину своим ботинком!

На мгновение никто не мог придумать, что делать и чего не делать с Видьясагаром. Актер же взял ботинок в свою руку и сказал Видьясагару: «Этого я не верну вам; это величайший приз в моей жизни. Я играл эту роль всю свою жизнь, но если такой человек, как Ишварчандра Видьясагар, настолько увлекся представлением, что забыл себя, забыл, что это всего лишь представление... и я не собираюсь насилловать эту женщину. Прежде всего, это не женщина - вы знаете это, все знают это. Этот парень - молодой человек из вашего же города».

Ишварчандра почувствовал себя весьма пристыженным и сказал: «Я сожалею, что нарушил все представление. Но это правда, я полностью забыл, что это представление. Я полностью забыл, кто я. Я полностью забыл, что эта женщина - не женщина и что вы просто играете роль; вы не собираетесь насилловать ее. Вы не собираетесь насилловать ее перед тысячами людей и перед вице-королем Индии. Я просто забыл!»

Но и вы тоже забываете, когда вас захватывают эмоции фильма или романа. И это именно то, что делали ваши так называемые религиозные люди. Они увлечены воображаемыми богами и богинями всех родов и типов, которые только можно себе представить. И они полностью забыли себя. Они поклонялись чему-то, чего нет, но они поклонялись так усиленно, что создали галлюцинацию этого.

Христианин с открытыми глазами может увидеть Иисуса; индус с открытыми глазами может видеть Кришну. Но Иисусу будет очень трудно предстать перед индусом. Перед индусом Иисус никогда не предстанет - никогда, даже по ошибке, — и Кришна никогда не предстанет перед христианином. Один разок вреда бы не было, но они никогда не совершат такой ошибки. Христианин не допустит такой ошибки; его галлюцинация об Иисусе, он не может галлюцинировать о Кришне. На экране появляется только то, что вы проецируете на него.

Если вы проецируете один фильм, только этот фильм появится на экране; если вы проецируете другой фильм, тогда на экране появится другой фильм. Невозможно проецировать один фильм, а на экране видеть другой. Вот почему невозможно Кришне предстать перед христианином, или перед мусульманином, или перед иудеем. Иисус не может предстать ни перед кем, кроме христианина.

И все же мы продолжаем и продолжаем усиливать, укреплять наше воображение и нашу галлюцинацию. И что вы получаете из всего этого? Что вы получили от тысяч лет галлюцинации? Это человечество, которое вы видите повсюду в мире, эту суету? Вот результат тысяч лет религиозной практики, поучений, ритуалов, молитв.

Миллионы церквей, синагог, храмов по всей земле - и это результат? Человек, которого вы

видите, действительный человек, этот человек произошел ото всех этих усилий?

Так и должно быть, поскольку мы потратили все эти годы на чистую глупость, называемую религией.

Мы потратили так много времени, за которое человек мог бы вырасти до неведомых высот, до невообразимых глубин; до свободы духа, сострадания души, целостности, индивидуальности. Если бы все эти тысячелетия не были бы потрачены напрасно ради фальшивого Бога, ради просто фокуса - не стоящего и единого пенни... И вы спрашиваете меня: «Действительно ли вы не верите?»

Это не вопрос веры или неверия - нет никого, в кого можно было бы верить или не верить! Бога нет.

Поэтому, пожалуйста, запомните: не говорите, что я неверующий. Я ни верующий, ни неверующий. Я просто говорю, что все это дело - лишь проекция человеческого ума, и настало время нам прекратить эту игру против самих себя.

Настало время сказать Богу: прощай навсегда.

Беседа 9

Я УЧУ БЕЗРЕЛИГИОЗНОЙ РЕЛИГИИ

7 декабря 1984 года

Бхагаван,

Я был потрясен, когда услышал, как Вы говорите, что Бога не существует. Тогда во мне возник вопрос: как может религия обходиться без Бога? Разве не Бог — центр, а религия — Его окружение?

Это удача, что вы были потрясены. Чтобы быть потрясенным, нужно иметь разум.

Миллионы людей на земле потеряли это качество - быть потрясенными. На протяжении столетий их гипнотизировали, обуславливали таким образом, чтобы никакое потрясение не могло достичь их.

Все религии, так называемые религии, псевдорелигии, делали только одно дело: создавали в вас поглотители ударов, потрясений.

Моя функция - уничтожить все ваши поглотители ударов и сделать вас уязвимыми, с тем, чтобы вы сомневались, задавали вопросы, искали.

Тот, кто сомневается, в конечном итоге найдет ответ.

Тот, кто спрашивает, в конечном итоге познает.

Те, кто продолжают верить, не сомневаясь, не спрашивая, остаются тупыми, мертвыми,

остаются идиотами.

Поэтому я поздравляю вас с тем, что вы потрясены. Глупый человек будет разозлен, но не потрясен. Он немедленно станет врагом; но потрясен он не будет. Быть потрясенным означает, что в вас что-то еще живо, что священники, политики, педагоги не имели с вами полного успеха. Может быть, было оставлено открытым окно; вот почему вы потрясены. И вот в чем чудо потрясения - в вас немедленно возникает вопрос потрясающей важности.

Ваш вопрос исходит не из гнева, злости, раздражения. Это основательный, разумный, потрясающе значимый вопрос: как может религия обходиться без Бога? Вот это самое вам и говорили на протяжении столетий, что Бог — это центр, а религия — его окружение.

Это абсолютная ложь.

Религия вовсе не имеет никакого отношения к Богу.

Да, она имеет очень большое отношение к вам, к вашему сознанию, к вашему существованию, к вашему бытию.

Вы спрашиваете, как может религия обходиться без Бога? Однажды, если вы продолжите поиск, вы спросите меня, как может религия обходиться с Богом?

И я хотел бы, чтобы вы поразмышляли о том, как может быть религия без Бога. Бог - это не что иное, как наша идея всеобщего диктатора, всеобщего Адольфа Гитлера.

Он создает мир по своей прихоти; нет никакой причины для его создания. Ни одна религия не смогла ответить на вопрос, прежде всего, почему Он создал мир, - и создал именно этот мир: мерзкий, отвратительный, тошнотворный; это человечество, которое религии продолжают объявлять наивысшим пиком Божьего творения.

Бог создал человека по Своему собственному образу - что может быть выше этого? И что же делал этот человек? За три тысячи лет - пять тысяч войн! Вся история - это история убийства, насилия, преступления - и убийства, насилия, преступления именем Бога.

Миллионы людей были убиты, сожжены заживо во имя Бога.

И Бог создал человека по Своему собственному образу и подобию!

Поэтому вы можете подумать кое-что и о Боге, сделать совсем небольшой вывод - если это образ, тогда какова же реальность? Если Адольф Гитлер, и Иосиф Сталин, и Бенито Муссолини, и Мао Цзе-дун всего лишь копии, то каков же оригинал? Это будет ужасно!

Если Бог создал этот мир, человека и все остальное, то все это должно нести признаки божественности, признаки подписи Бога, но их нет совершенно. Если Он не умеет писать и читать, то мог бы оставить, по крайней мере, отпечатки пальцев. Кажется, что ни одной подписи нет. Больше похоже на то, что мир создан дьяволом, а не Богом, потому что девяносто девять процентов доказательств складываются в пользу дьявола, но не Бога.

С Богом невозможно создать религию по той простой причине, что Бог уже создал Библию для

христиан, Тору для евреев, Веды для индусов... Он уже создал их; Он дал вам религии, готовые для употребления. Он не позволил вам искать, исследовать и находить.

А по поводу истины есть нечто потрясающе важное: если не найдете ее вы, она никогда не станет истиной для вас.

Если это истина кого-то другого и вы заимствуете ее, в самом этом заимствовании она перестает быть истиной - она становится ложью.

Это одна из причин, почему великие мистики мира говорили снова и снова, что истина невыразима, ведь в тот момент, когда вы выражаете ее, в самом этом процессе выражения, она становится ложью.

Все ваши священные писания полны лжи.

Бог не дал вам шанса открыть религию, но дал вам религию, готовую для употребления; и Он не позволяет вам даже спрашивать, сомневаться - это великий грех. В ваших религиозных писаниях собраны все виды глупости, но вы должны полностью им верить.

Человек, подобный Бертранию Расселу, оказывался весьма озадаченным по той простой причине, что есть вещи, в которые никто, наделенный хотя бы небольшим разумом, не может верить, - но сомнение делает вас грешником; вы начинаете испытывать чувство вины. В конце концов он написал книгу "Почему я не христианин", где собрал все пункты, которые отвергают его от христианства. Например, рождение Иисуса Христа от девственницы. Это настолько ненаучно, что верить в это означает разрушать весь свой разум. Иметь веру в такую идею - самоубийство; вы уничтожаете себя. И что вы выигрываете? Глупую идею... рождение от девственницы!

Если Бертран Рассел не поверил в это, мы не можем обвинять его. Это Библия стала препятствием для человека, который мог бы быть религиозным... Рассел спрашивал: «Почему в троицу не включена женщина? Бог отец, Бог сын и Дух Святой - что же это за семья? Это святое семейство представляется весьма идиотским. Почему они не могли ввести в нее женщину? Потому что все религии против женщин. Ввести женщину в троицу, на наивысшую позицию власти, было для них невозможно; поэтому и ввели Святого Духа.

Никто не знает о Святом Духе, мужчина это, или женщина, или он нейтрален. И этот Дух Святой - персона, ответственная за то, что Мария забеременела, - и он все еще святой! Он насильник, ведь Мария не осознавала происходящего; она не была в этом деле партнером, действующим по доброй воле, и она уже была замужем. Но Святой Дух сделал свое дело; может быть, он и сейчас еще в мире - и это одна треть Бога!

Из-за вашей идеи Бога такой человек, как Бертран Рассел, не стал религиозным человеком. Но и любая идея Бога создает проблемы. Индусский Бог... вместо троицы у индусов есть триплет - один бог с тремя лицами; эти три персоны соединились вместе в одной. Но все трое постоянно ссорятся друг с другом, их поведение такое детское. Хорошо, что Зигмунд Фрейд знал только традиции христианства и иудаизма. Если бы он знал и индусскую традицию, он нашел бы в ней потрясающую поддержку своим гипотезам.

В индуизме мир создал Бог. Первым Он создал естественно женщину, поскольку без женщины

ничто остальное расти не может - женщина должна появиться первой. Но, создавая красивую женщину, Он сам попал под влияние страсти. Теперь отец испытывает страсть к своей собственной дочери - это то, что искал Фрейд, но никто не мог проинформировать его о том, что так и было. Всю свою жизнь Фрейд пытался доказать, что каждый отец испытывает страсть по отношению к своей дочери, а каждая мать испытывает страсть по отношению к своему сыну. И в этом есть некоторая истина, - но Бог, испытывающий страсть к Своей собственной дочери!..

Эта женщина пугается и пытается убежать, и единственный способ убежать - это изменять свои формы, объемы, одеяния. Она становится коровой, но можно ли обмануть Бога? Он становится быком. Она превращается в других животных, Бог следует за ней. Вот так и произошло все творение - женщина бежит, отец гонится за ней и пытается насиловать ее. Он все еще делает это дело.

С таким Богом, как вы думаете, какая религия возможна? Этот Бог - сексуальный маньяк; Он нуждается в психотерапии. Он не может быть центром религии; Он не может быть даже ее периферией - его нужно поместить в лечебницу для душевнобольных. Если вы почитаете индусские священные книги, то будете очень сильно возмущены тем, что является таким существенным для миллионов людей этой старейшей религии.

Имеются три фазы существования индусского Бога: Брахма - фаза творения, он создает мир; Вишну - вторая фаза, он поддерживает мир; и Шива - он разрушает мир, когда приходит время разрушить его. Между прочим, все превосходно сбалансировано; есть все три функции, в которых нуждается существование: создание, поддержание и, однажды, уничтожение. Но если вы всмотритесь во внутреннюю жизнь этих трех персон, вы не поверите себе.

Однажды Вишну и Брахма заспорили между собой о чем-то. Прежде всего, сама идея о споре между двумя частями Бога делает Его шизофреником. Если две ваших руки начнут сражаться между собой... а именно это и происходит в вашем уме — одна часть сражается против другой части. Иногда вы становитесь расколотыми настолько, что вы уже два человека, а иногда и много человек. Бог - это уже три персоны, Он не является одним целым, одним куском, и все эти трое постоянно ссорятся друг с другом.

Те двое заспорили друг другом и не смогли прийти ни к какому согласию, поэтому они решили, что будет лучше поискать Шиву; может быть, он сможет помочь. Поэтому они отправились искать Шиву. Шива был, по-видимому, американцем - было утро, а он занимался любовью со своей женой Парвати. Индийцы так не делают; это абсолютно неслыханное дело. Я думаю, что Шива - это первый американец... занимающийся любовью со своей женой утром, при открытых дверях. Может быть, было бы лучше назвать его калифорнийцем - двери открыты! - просто американцем недостаточно.

Брахма и Вишну вошли вдвоем, не зная, что происходит внутри, а Шива был настолько глубоко погружен в свой акт любви, что даже не посмотрел на них. Они очень разгневались. Прежде всего, не годится богу заниматься любовью утром; кроме того, при открытых дверях, всякий может войти. И, наконец, он даже не предложил им сесть; он даже не взглянул на них. Оба бога очень разгневались, настолько разгневались, что прокляли Шиву, говоря: «Ты будешь известен в мире своим фаллическим символом». Вот почему в Индии вы не найдете ни одной статуи Шивы, только фаллические символы. Это проклятие тех двух богов: «Ты будешь известен и узнаваем по фаллическому символу».

Вы, может быть, не знаете того, что шивалинга, фаллический символ Шивы, не один; он помещен во влагалище. И то и другое сделано из мрамора, и тысячами индусы поклонялись этому. И Шива все еще одна третья часть Бога!

Можно взять любую другую концепцию Бога, и вы найдете, что и вокруг нее невозможно создание никакой религии. Но до настоящего времени так было. Фикция Бога находится в центре, и вокруг этой фикции созданы все остальные фикции, вымыслы - небеса и ад, грех и наказание, раскаяние, прощение. И весь этот цирк - не что иное, как эксплуатация, которую осуществляют хитрые священники всех религий.

Да, без Бога не может быть священника. Без Бога не может быть концепции греха. Без Бога не может быть небес и ада. Без Бога не может быть храма, синагоги, церкви.

Если вы думаете, что есть вещи, которые создают религию, то вам, конечно, будет трудно понять, как может быть религия без Бога? Но все эти вещи не имеют никакого отношения к религии. На самом деле, по моему мнению, эти вещи — препятствия в поиске религиозности.

И пусть это будет еще одним потрясением для вас: подлинная религия будет безбожной и, кроме того, безрелигиозной.

Я учу вас безрелигиозной религии.

Я пройду немного глубже в этот вопрос, поскольку эти слова кажутся противоречащими друг другу: безрелигиозная религия. Когда я говорю безрелигиозная религия, я имею в виду, что священник, синагога, раввин, брамин, папа, церковь, молитва, священные книги, святой и несвятой дух - все это должно быть отброшено, поскольку это и есть то, что вы знаете как религию.

Священные книги - это не что иное, как религиозная фантастика, наподобие научной фантастики. Прекрасно писать научную фантастику, это искусство. Эти же религиозные фантастики не являются даже художественными - они на девяносто девять процентов хлам, мусор. Никто не читает их, за исключением немногих людей, которые в чтении их находят некоторый насущный интерес.

Я слышал... человек, продававший словари, переходя от дома к дому, позвонил как-то в один из них. Хозяйка дома вышла и спросила: «Что вы хотите?»

Он сказал: «У меня есть прекрасные словари. У вас, наверное, есть дети; им нужны словари, а у меня есть все типы для всех возрастов».

Женщина захотела избавиться от него и поэтому сказала: «Но у нас уже есть словарь». И действительно, далеко в углу, на столе, лежала толстая книга, похожая на словарь.

Продавец рассмеялся и сказал: «Это же Библия».

Женщина не могла поверить, поскольку с такого расстояния невозможно было разглядеть, что это Библия. Она сказала: «Вы удивляете меня. Да, это Библия. Я просто пыталась избавиться от вас, сказав, что у нас уже есть словарь. Но как вам это удалось? Расскажите мне, и я куплю у вас».

один словарь, -но расскажите мне, в чем здесь трюк».

Он сказал: «Никакого трюка нет. Я просто увидел, как много пыли собралось на ней».

Только на Библии, на святых книгах, собирается пыль. На журнале Плейбой пыли не собирается. Кому захочется открывать святую книгу? Она не открывалась годами, может быть, она не открывалась вовсе никогда.

Религиозную фантастику нужно отбросить, поскольку она ложится препятствием на вашем пути, делает невозможным для вас достижение реальности.

Вы должны избавиться от всей этой чепухи, которую рассказывали вам ваши родители, ваше общество, ваши учителя, ваши религиозные старейшины.

Если вы не очистите себя полностью, вы не сможете предпринять и первого шага к тому, чтобы быть религиозными.

Религиозность - это качество вашего существования; оно не имеет ничего общего ни с какими ритуалами, происходящими вокруг вас, это качество вашего существования.

Немногие вещи являются качествами вашего существования, но они пребывают в состоянии спячки, поскольку вы никогда не задумывались о том, что их следует развивать. Пытались ли вы развивать ваше сознание? Пытались ли вы развивать ваше сострадание? Пытались ли вы развивать вашу разумность?

Ученые говорят, что даже гении используют лишь пятнадцать процентов своей разумности, восемьдесят пять процентов остаются неиспользованными. И это о таких людях, как Альберт Эйнштейн, или Карл Маркс, или Резерфорд, лауреаты Нобелевских премий... Что же говорить о простом человеке, сколько использует он? Не более пяти процентов. И эти пять процентов он использует постольку, поскольку это необходимо для его повседневной работы: его бизнеса, его семьи, его так называемой религии, его политической партии, его клуба. Пяти процентов достаточно. Не нужно быть великим гением, чтобы стать членом ротари-клуба. Я не думаю, что гений захотел бы стать членом клуба светских львов. Человек, старающийся стать светским львом, кажется скорее падает, чем поднимается вверх.

Если сам гений использует только пятнадцать процентов, то это означает, что никто не пытается заострить свой разум. Вы используете лишь только то, к чему вынудила вас жизнь, ее ситуации и обстоятельства. Если бы не эти вынуждающие обстоятельства, вы не использовали бы и пяти процентов. Вот почему не найдешь сыновей и дочерей богатых родителей, которые получали бы в университетах золотые медали и возглавляли бы списки лучших выпускников. Нет, им не нужно использовать свой разум; это могут делать их слуги. А теперь есть еще и компьютеры. Скоро вы не будете использовать и пяти процентов; люди будут ходить с маленькими компьютерами. Они уже ходят с ними. Разве вы не видели этого?..

В моем детстве, в моей семье, отец был очень придирчив к письму. Он не разрешал держать дома авторучек, поскольку авторучкой нельзя добиться того качества письма, которого можно добиться обыкновенной старой ручкой; авторучка портит почерк.

И в этом можно убедиться. Оглянитесь назад: до того, как был изобретен пресс, все книги писались от руки - такое красивое, художественное письмо. Что содержится в книге - это уже другое дело; но письмо само по себе - произведение искусства. Но с появлением авторучки это искусство исчезло. А когда людям стала доступна пишущая машинка, тогда даже то немногое, что было доступно авторучке, полностью исчезло — люди печатают. Если теперь их попросить написать что-нибудь, то их письмо будет выглядеть так, как будто они необразованные. Теперь люди носят с собой маленькие компьютеры для вычислений, калькуляторы - они забывают те простые вычисления, которые можете проделывать вы.

В Индии все еще живет женщина по имени Шакунтала, которая разъезжала по всему миру и демонстрировала величайшие математические способности. Она лишь сдала вступительные экзамены в университет и ничего не знала о высшей математике, но даже Альберт Эйнштейн был озадачен ее способностями. Вы пишете число, сколь угодно длинное, говорите ей умножить его на число столь же длинное - и до того, как вы закончите писать второе число, у нее готов ответ. Эйнштейн сказал: «Если бы я занялся этим, у меня ушло бы по крайней мере три часа».

Но что происходит с этой женщиной? Она об этом ничего не знает. Она говорит: «Просто смотрю на числа, которые нужно перемножить...» Все, что происходит с ней, - это некоторого рода молчание; в этом молчании начинает возникать число, и она говорит: «Напишите это число... Я не знаю, как оно возникает». Похоже, что от рождения у нее очень острый разум, и поэтому в мгновение ока что-то происходит в ее уме. И это не единственный случай, были и другие.

Маленький мальчик Шанкаран был настолько беден, что работал рикшей. Это мерзкая вещь, ее не должно быть нигде: человек тянет повозку, в которой сидите вы! А он был всего лишь мальчиком, — но его отец стал стар, — поэтому он и работал рикшей в Мадрасе. Математический факультет университета случайно заинтересовался им. Однажды профессор, руководитель факультета, ехал на его повозке и разговорился с ним. Он сказал: «Ты такой молодой, тебе бы нужно читать и учиться».

Мальчик рассказал ему о своей семье. «Но, — сказал мальчик, - даже без чтения и учебы я знаю, что вы преподаете математику, - и я могу делать математику. Я каким-то образом знаю ее». Профессор проверил его и был изумлен: мальчик был чудом. Он послал мальчика в Оксфорд, за собственный счет, чтобы показать его способности, и, куда бы он ни пришел, он повсюду изумлял великих математиков. Резерфорд сказал, что этот мальчик в течение нескольких секунд решил один вопрос, который беспокоил его на протяжении многих лет. И когда мальчик разрешил этот вопрос, Резерфорд увидел, что он был таким простым, - как же он сам упускал это решение? Он все ходил вокруг да около, упуская нужную точку, а этот мальчик просто вспрыгнул в эту точку. И у него не было образования.

Интеллект может быть заострен; есть способы заострить его. Современная психология пытается измерять интеллект. Я же говорю, не будьте глупыми, не тратьте зря время на измерение интеллекта - что тут измерять? Средний человек остается в умственном отношении в возрасте тринадцатилетнего; ему может быть семьдесят лет, но его умственный возраст остается равным тринадцати, и он использует только пять или семь процентов своего разума... Так зачем же зря тратить время на поиски более точных методов измерения интеллекта? Почему бы не воспользоваться методами заострения интеллекта? Именно этому я учу вас.

Если вы сомневаетесь, ваш интеллект заостряется.

Если вы верите, ваш интеллект ржавеет, на нем начинает собираться пыль: вы не используете его.

Сомнение обязано острить интеллект по одной фундаментальной причине: когда вы сомневаетесь, вы не успокаиваетесь. Вы должны что-то делать со своим сомнением; вы должны искать ответ. Пока вы ищете ответ, сомнение будет тревожить, изводить вас - именно так сомнение острит ваш интеллект.

Но все религии учат вас, что сомнение есть грех, а верить - это значит быть религиозным.

Я же говорю вам: сомневаться - вот что значит быть религиозным, а верить - это быть нерелигиозным.

Эти же псевдорелигии были по-настоящему умны и хитры. То, что психологи не нашли еще и сейчас, они обнаружили уже пять тысяч лет назад: сомнение опасно, оно заостряет интеллект. Вера удобна, привычна: она оглушает. Она как наркотик; она делает из вас зомби. Зомби может быть христианином, индусом, мусульманином, - но все они зомби, различаются лишь ярлыки. И иногда они пресыщаются одним ярлыком, и тогда меняют его: индус становится христианином, христианин становится индусом - новый ярлык, свежая этикетка, но за ней все та же система веры.

Уничтожьте свои верования.

Это, конечно, будет неудобно, непривычно, но без неудобства ничто ценное не достигается.

На протяжении трехсот лет наука использовала сомнение как свой метод и за эти триста лет так много дала миру — за десять тысяч лет религии не смогли дать и одной тысячной доли этого.

Религии не дали ничего. Напротив, они всему помешали. Они старались мешать и науке, и старались очень усердно — они стараются и сейчас.

Вот католический папа поучает католиков, что нельзя применять методы контроля над рождаемостью; они противоречат Богу. Странно, ведь даже Дух Святой должен был применять методы контроля над рождаемостью, поскольку Иисус говорит: «Я единственный рожденный сын Божий». Что случилось с Богом? Он прекратил порождать сыновей, дочерей? Или Он стал брахмачарьей, безбрачным, что маловероятно, или Он использует методы контроля над рождаемостью. Но папа постоянно выступает против контроля над рождаемостью - это ведь против Бога; это ведь Бог посылает детей.

Земля уже перенаселена; она уже в таком состоянии, что если мы не сократим ее население наполовину, оно умрет. Не нужно будет третьей мировой войны: самого населения будет достаточно, чтобы убить всех, умерить всех голодом.

Бог же непрерывно посылает детей... или у Него нет понятия... посылал бы, по крайней мере, с каждым ребенком и маленький кусочек земли или попробовал бы найти какой-нибудь новый способ того, чтобы никто не голодал. Вместо настоящих детей, делал бы пластиковых, которые

бежали бы на батарейках; это было бы проще. Время от времени вы идете и получаете своего с заряженными батарейками... ведь для Бога все возможно. Он ведь совершал всевозможные чудеса, Его сын совершал всевозможные чудеса; создание ребенка, бегающего на батарейках, не будет слишком большим чудом.

Но Он продолжает давать нам животы и чувство голода и не давать земли, - а старая земля с каждым днем теряет свое плодородие. Католический папа, тем не менее, продолжает говорить о недопустимости контроля над рождаемостью, о недопустимости аборт. Почему недопустимы аборты? Потому что это убийство. Очень странно, что это исходит от папы, ведь именно папы организовывали в прошлом все эти крестовые походы и убивали тысячи людей. Это было у них целым делом: сжигать людей, сжигать женщин по каким-то фантастическим идеям...

Всякий мог написать папе: «В нашей деревне есть женщина, которая ведьма». Этого было достаточно, чтобы начать расследование; и существовал специальный суд для расследования, ведьма эта женщина или нет. Они так мучили женщину, что для нее было проще признаться, что она ведьма, чем продолжать эти мучения. Они мучили ее до тех пор, пока она не признавалась, что она ведьма; и как только она признавалась, ее сжигали заживо. Заживо были сожжены тысячи женщин!

Теперь вдруг их интерес сосредоточился на ненасилии; аборт - это насилие. Те же папы-предшественники благословили Бенито Муссолини на вторую мировую войну. Это что, не было насилие? Архиепископ Кентерберийский благословил британские силы - и это не было насилие? Это было совершенно правильно? Интересно, в какой момент аборт становится насилием?

В какой момент?.. Вот ребенок зачат - он жив в этот момент или нет? Он жив, но откуда пришла эта жизнь? Он был жив в клетках семени еще до того, как он был зачат во чреве матери; клетки семени - они все живые. Они имеют небольшой запас жизни, всего два часа, поэтому если за два часа они смогут найти женское яйцо, смогут проникнуть в него, ребенок будет зачат. Яйцо живое: половина вашей жизни, женская половина, находится в яйце, а половина вашей жизни исходит из семени вашего отца. И за одно соитие миллионы клеток устремляются вперед...

Вы удивитесь, узнав, что именно здесь начинается политика. Каждая клетка стремится к яйцу, ведь та, которая прибежит первой, станет президентом Рейганом. Те, которые останутся позади, совсем немного позади... с ними покончено! Войдет только одна клетка спермы, и женское яйцо становится твердым, никакая другая войти не сможет. Это естественный процесс; яйцо уязвимо только для одной клетки. Лишь иногда случается так, что точно одновременно две мужские клетки достигают яйца и входят в него. Поэтому иногда появляются близнецы, а иногда и трое, четверо, пятеро, шестеро - известно даже до девяти детей. Но это очень редкое событие.

Миллионы клеток спермы... и они по-настоящему спешат. Это почти как автомобильные гонки. Они все гонятся, они должны торопиться: если в течение двух часов они не доберутся до цели, с ними будет покончено. За одно соитие вы становитесь виноватыми в гибели миллионов существ. А что же аборт? Только одно существо. Поэтому один миллион или один миллион плюс один - есть ли здесь разница?

Но католический папа готов, точно так же готов мусульманский имам, готов и индусский

шанкарачарья разрешить рост населения, поскольку количество людей важно политически. Это политика количества - сколько всего католиков. Папа не интересуется человечеством, будущим, глобальным самоубийством, нет. Весь его интерес заключается в том, сколько всего католиков: чем больше католиков, тем больше власти он имеет. Шанкарачарья заинтересован в большем количестве индугов, тогда у него больше власти.

Каждый заинтересован во власти.

Именем Бога они просто стараются приобрести больше и больше власти.

Бог - это лишь полезный инструмент в руках священника. Чего бы ни захотел священник, он заставляет Бога говорить: он пишет священные писания, он пишет в них всевозможную чепуху... И вот странный факт, касающийся человеческих существ: на людей эта чепуха производит большое впечатление, потому что кажется мистической.

Например, Библия говорит: «В начале было слово...» Ну как это слово может быть в начале? Проводите ли вы какое-нибудь различие между звуком и словом или нет? Слово - это осмысленный звук. Может быть, нужно сказать, что в начале был звук, - но не слово.

Слово предполагает, что был кто-то, кто сделал этот звук осмысленным, кто использовал слово. «В начале было слово...» Я говорю лишь гипотетически, что звук было бы лучше, более логично; на самом деле, звук тоже невозможен. С научной точки зрения звук возможен только в том случае, если есть кто-то, кто услышит его, в противном случае звука нет.

Я говорю вот здесь. Если здесь никого нет, не будет и звука, поскольку для звука нужны две вещи: я, создающий звук, и вы, принимающие его. Между этими двумя вещами и происходит звук. Когда рядом с водопадом никого нет, вы можете подумать, что звука будет больше. Вы неправы; звука не будет вовсе, поскольку нет уха.

Таким образом, даже звук невозможен - что же говорить о слове! Но они говорят: «В начале было слово», - только посмотрите как бессмыслица становится мистической... «В начале было слово. Слово было у Бога». Вы уже испортили первое высказывание. «В начале было слово. Слово было у Бога», - так что уже было двое - вы тут же противоречите сами себе. И третье высказывание: «И слово было Бог».

И такой мусор производит на людей впечатление: в этом должно быть что-то очень мудрое, поэтому мы и не в состоянии ничего понять. Нет в этом ничего мудрого — просто какая-то идиотская писанина. Но христианские теологи на протяжении столетий объясняли, что все это означает. Что такое «слово»? Что значит: «Слово было Бог»? Всего лишь три высказывания - и каждое противоречит остальным.

Если вы проанализируете любое священное писание, вы найдете высказывания такого рода. И они говорят: «Не сомневайтесь, верьте, имейте веру, и велика будет вам награда; сомневайтесь, и вы сбились с пути». Но в этой тьме, кроме как для сомнения, нет света.

Сомневайтесь, и не наполовину.

Сомневайтесь со всем вашим напряжением, чтобы сомнение в ваших руках стало подобным

мечу, и оно отсечет весь хлам, собравшийся вокруг вас.

Сомнение отсечет хлам, медитация разбудит вас.

Это две стороны одной монеты, ведь отягощенные всем этим хламом, вы не сможете пробудиться. Этот хлам создает в вас сон; это его функция. Он предназначен для того, чтобы сохранять вас спящими.

Имейте веру и отправляйтесь спать, и вы не беспокоите политиков, священников; вы не беспокоите их насущные интересы; вы не побеспокоите никого. Сами вы становитесь человеком без души, механизмом, рабом.

Итак, сомневайтесь и медитируйте.

А под медитацией я понимаю очень простую вещь: просто будьте безмолвными и начинайте погружаться в свое безмолвие.

Вначале это создает страх, потому что безмолвие подобно пропасти; возможно, у нее нет дна, и хочется уцепиться за что-нибудь доступное.

Для безмолвия нужна смелость, как и для сомнения нужна смелость.

Сомнение отбросит все, что другие вложили в вас.

А медитация означает, отбросив все, войти в свою самость - в самость, которую не вложил ни Бог, ни кто другой.

Она была вашим бытием вечно, и она вечно будет вашим бытием.

Утопите себя в безмолвии.

Наслаждайтесь, пейте его, вкушайте его!

В самом начале есть страх. Когда же вы испытали немного вкуса, всего лишь немного вкуса на кончике языка, тогда весь страх исчезает, потому что этот вкус так сладок, так питателен, так потрясающе центрирует и заземляет. Он впервые дает вам ощущение, что вас одного достаточно, что не нужно Бога, не нужно молитвы, что храм не снаружи, а внутри вас. И по мере роста этого ощущения, по мере вашего вхождения в него, вы испытаете удивление.

В начале было безмолвие, а не звук.

В середине есть безмолвие.

В конце есть безмолвие.

Оно вечно, непрерывно, и оно - само ваше бытие: такое исполненное, так потрясающе исполненное, дающее вам такое содержание, что вы впервые начинаете чувствовать, что ничего другого не нужно. Все, что нужно, уже обеспечено внутри вас.

Существование очень щедро.

Бог очень скуп - конечно, ведь скряги создали этот вымысел по своему собственному образу.

Бог очень скуп, очень жесток, очень ревнив, очень мстителен. За самую малую вещь... кто-то курит сигареты - что за грех он совершает? Я не могу представить себе, что он совершает какой-то грех. Может быть, он совершает какую-то ошибку, но это дело медицины, это не имеет никакого отношения к религии. Может быть, он не ухаживает соответствующим образом за своим телом, но это его дело. Может быть, он умрет на два или три года раньше, но если он подумает, что ему придется делать ради этих двух или трех лет, он станет курить еще больше, так какой же смысл?

Но есть религии, подобные буддизму и джайнизму, курите, и вы в аду. Странно... вот человек, который курит, и вы снова бросаете его в огонь. Здесь он сам бросил себя в огонь; там бросаете его в огонь вы! Какого же рода такое отмщение? В вас-то он ничего не бросил — все, что он делает, он делает сам себе. И страдает за это: он может получить туберкулез, он может получить рак. Он может страдать от этого - он уже страдает; какая же теперь необходимость в аде? Маленькие вещи, естественные вещи, а религии так сильно раздули их, и все из-за крошечного ума Бога.

Существование очень щедро, великодушно, оно всегда прощает, оно никогда не наказывает.

Но единственный путь к достижению существования лежит через ваше собственное сокровенное безмолвие. Это безмолвие между звездами - то же самое безмолвие; различия нет.

У безмолвия нет типов, запомните это. Не может быть двух родов безмолвия. Безмолвие одно.

Испытайте его вкус, и вы испытали то безмолвие, которое распространяется на миллионы световых лет, окружая всю вселенную.

Ощувив свое внутреннее безмолвие, вы почувствуете биение пульса вселенной.

Я говорю вам, с Богом нет возможности для религии.

И я также говорю вам, что и с так называемыми религиями, существующими до сих пор, нет возможности для религии.

Я учу вас безбожной, безрелигиозной религии.

Конечно, тогда мое понимание религии будет «безрелигиозным». Вы не христианин, вы не индус, вы не мусульманин. Вы просто человек безмолвия, человек истины, человек сострадания, человек, который не ищет больше, - тот, кто достиг. И ощущение достижения... тогда нет вопросов, нет сомнений, нет верований, нет и ответов.

Когда умирал Бодхидхарма, ученики спросили его: «Учитель, ваше последнее послание?»

Он открыл глаза и сказал: «Я совсем ничего не знаю - я достиг. Знание осталось далеко позади; кому беспокоиться о нем? Нет никого, кто спрашивает, нет никого, кто задает вопросы, нет никого, кто отвечает; все стало безмолвием. Поэтому, - говорит он, - все, что я могу сказать, это

то, что я не знаю».

Это же было высказыванием и Сократа в конце его жизни. Он сказал: «Когда я был молод, я думал: “Я знаю многое, и скоро буду знать все”. Но по мере того, как я продолжал поиск, сомнение...» - и он был не человеком веры, но человеком сомнения. Он намного превосходит любого из ваших пророков, мессий, аватар, тиртханкар - намного превосходит. В конце своем он сказал: «Чем больше я познавал, тем больше я чувствовал, что не знаю ничего».

Его высказывания потрясающе прекрасны, поскольку на поверхности они выглядят противоречивыми. Он говорит: «Чем больше я познавал, тем меньше я знал. В тот момент, когда я познал все, все было потеряно; осталось только неведение». Поэтому-то он и сказал: «Есть знание, которое не ведает, и есть неведение, которое знает».

С верой вы придете к знанию, которое не ведает.

С сомнением, медитацией вы придете к состоянию неведения, которое знает.

Нет необходимости, чтобы вас пометили ярлыками. Нет необходимости, чтобы вы были частью конгрегации.

Моя коммуна, между прочим, странная, противоречивая.

Моя функция заключается в том, чтобы освободить вас от всех конгрегации, дать вам полную свободу быть собою.

Но может быть, в одиночку вы не сможете противостоять целому миру. Вам нужны попугайчики. Вам нужны люди, идущие тем же путем, чтобы придать вам смелости, поддержать ваше воодушевление; иначе я не дал бы вам этот определенный цвет, красный. Те, кто со мной, прекрасно знают, что это всего лишь игра. Подойдет любой цвет, поскольку какое отношение имеет красный цвет к истине? Он не имеет к истине никакого отношения. Так же хорош был бы зеленый, так же хорош был бы голубой, - даже если бы вы были обнажены, то и это подошло бы. Я же дал вам красный цвет просто ради игры, чтобы дать вам определенную тождественность, объединенность - поскольку нас окружает огромная масса.

Эти люди отравили Сократа.

Эти люди убили Иисуса.

Эти люди убили аль-Хилладжа Мансура и еще так много других. Я не хотел бы, чтобы подобное случилось с кем-нибудь из вас.

Поэтому я пошел на противоречие: создал коммуны. Но вы должны помнить, что это лишь ради игры; не нужно относиться к этому серьезно.

Я дал вам малу с моим изображением на медальоне; это не превращает вас в моих последователей. Это просто означает, что вы доступны для меня, восприимчивы; что вы можете слушать меня, отложив в сторону все свои предубеждения.

И я не даю вам никаких доктрин. У меня нет их.

Я отниму у вас все доктрины. Я хочу, чтобы вы стали просто пустотой. И в этом заключается предельное качество религиозного человека: познать внутреннюю пустоту. Она не ограничена. Она так же обширна, как и вселенная. Она содержит в себе всю вселенную.

Не нужен Бог.

Это абсолютно бесполезная гипотеза.

Не нужны и религии.

Но религиозное сознание абсолютно необходимо - и сегодня больше, чем когда-либо.

Если мы не сможем создать великого движения за религиозное сознание, то у человечества нет будущего - человек обречен.

Священники, политики и все другие, насущно заинтересованные, приготовили вам могилу; в любое мгновение они столкнут вас туда. Многие из вас по своему собственному согласию ложатся в эту могилу.

Мир до сих пор еще не переживал такого критического момента. Если не сделать доступным великое освобождение религиозного сознания, человек обречен.

Но я надеюсь, что религиозное сознание возобладает, что человек пройдет через этот опасный момент и выйдет из него гораздо более высоким, гораздо более превосходным, гораздо более человечным.

Беседа 10

БОГ - ЭТО НИКТО, ИЗВЕСТНЫЙ КАЖДОМУ

8 декабря 1984 года

Бхагаван,

Бог не создавал по Своему образу таких людей, как Адольф Гитлер. Он создавал таких людей, как Иисус Христос, Хазрат Мухаммед, Кришна и Будда.

Это не вопрос, это утверждение, ответ, но не вопрос, заданный мне. Этот человек, похоже, знает даже, кого Бог создавал по Своему образу и подобию. Похоже, что этот человек был очевидцем. Что он делал там? Может быть, и его Бог создал по Своему образу и подобию? Тогда что он делает здесь? Но я получаю наслаждение, даже отвечая на ответ.

Он говорит, что Бог не создавал таких людей, как Адольф Гитлер, по своему образу. Что плохого в Адольфе Гитлере? Последователи Адольфа Гитлера верят, что он был воплощением великого еврейского пророка Илии. Это такая же истина, как и христианская вера в то, что Иисус — единственный рожденный сын Божий, и мусульманская вера в то, что Мухаммед - единственный посланник Бога. Никто другой в это не верит, но смысл не в этом. Верят христиане, верят и последователи Адольфа Гитлера.

И Адольф Гитлер был очень религиозным человеком. Позвольте мне пролить для вас немного света на жизнь Адольфа Гитлера. Он жил как монах, в подземном бункере. Он не интересовался так называемыми мирскими вещами, которыми интересуется каждый. Он был вегетарианцем, он за всю свою жизнь никогда не ел никакой невегетарианской пищи. Он не женился почти всю свою жизнь - за исключением трех часов, трех последних часов. Почти вся жизнь; что считать эти три часа? И что можно сделать за эти три часа?

Свадьба была устроена после того, как он решил покончить с собой, поскольку эта женщина постоянно изводила его: «Почему ты не женишься на мне?» — а он все время отказывался. Он жил как монах, абсолютно один в своем бункере, его волновало то, что когда он женится, ему будет трудно жить одному, ведь эта женщина силой внедрится в его комнату. Поэтому он все время откладывал свое решение.

Когда он, наконец, решился, Берлин уже лежал в руинах, бомбы падали на улицах рядом с домом; из своего бункера он мог слышать разрывы бомб. Он немедленно вызвал священника, чтобы организовать бракосочетание. Бракосочетание для чего? Чтобы совершить самоубийство вместе.

Может быть, то же самое совершает и большинство людей, не осознавая того. Может быть, их три часа длятся слишком долго; и чем длиннее они, тем утомительнее.

Священник каким-то образом был доставлен. Он быстро провел брачную церемонию, и когда церемония была завершена, они выпили яд и убили себя. Он приказал, чтобы тела их облили бензином и полностью сожгли; чтобы нельзя было найти и следа — так и было сделано.

Адольф Гитлер каждое утро обычно вставал до рассвета. Монахи не такие религиозные. Я знаю, что монахам полагается вставать до рассвета, - но человеческие существа есть человеческие существа. Адольф Гитлер был все же другого склада. Даже зимой он вставал до рассвета, и круглый год после подъема принимал холодный душ - первое дело, холодный душ. Очень дисциплинированный монах... он обычно отправлялся спать ровно в девять вечера. Он не интересовался ничем, что можно назвать плохим. Он не играл в карты и не курил сигарет. Его пища была очень простой, очень умеренной, и он никогда не пил вина - никаких алкогольных напитков.

Когда Германия захватила Францию, все его генералы хотели, чтобы он приехал в самый красивый город мира, но это его не интересовало. Красота совсем не затрагивала его ум; однако, поскольку все просили и для завоевания Франции была проделана огромная работа, он отправился туда. Но он остановился в своем гостиничном номере только на двадцать четыре часа и не поехал осматривать Париж.

Вы говорите, что Бог не создал Адольфа Гитлера по Своему образу. Почему? Потому что он убил так много людей? Но каждый день Бог убивает миллионы людей - кто же еще убивает их? Адольф Гитлер лишь немного разделил с Ним эту работу. Людей нужно убивать, каждый должен умереть; так что же плохого в том, что Адольф Гитлер возьмет на себя немного этой работы, немного разгрузит Бога?

Он все сделал очень хорошо, намного лучше самого Бога. Иногда так случается, что копия оказывается лучше оригинала. Он изобрел газовые камеры, самый ненасильственный метод

убийства человека; его нельзя даже назвать убийством; убийство - это слишком жестоко. В газовой камере человек не знает, когда он еще есть, а когда его уже нет. Все так быстро: только включается переключатель, и только дымок - его можно назвать святым дымом! Он проделал свою работу в совершенстве.

Гитлер, на самом деле, нес в себе веру, эту фанатичную идею о том, что он послан Богом уничтожить все неправильное, все, что препятствует росту сверхчеловека на земле. Он делал все, исходя из этой доброй веры.

Невозможно сомневаться в этой его вере, в его намерении, поскольку если есть хотя бы доля сомнения, то невозможно было бы сделать то, что сделал он, убивая миллионы людей. Для этого нужна потрясающая вера, фанатичная, слепая вера в то, что поступаешь правильно. Не было сомнения в его уме, не было сомнения в том, что он делает Божье дело, — очищая мир от всего того, что не согласуется с эволюцией сверхчеловека.

Вы говорите, что Бог не создавал Адольфа Гитлера по Своему образу. Тогда возникает вопрос: кто же создал Адольфа Гитлера? Есть еще несколько других богов? Тогда это означает возможность выбора; вы можете пойти в магазин и выбрать, в какой форме вы хотели бы быть созданными. Вы можете отправиться в Деватиртх Малл и выбрать своего собственного бога: «Я хочу быть созданным по образу этого бога».

Это старая стратегия так называемых псевдорелигиозных людей - все хорошее принадлежит Богу, а все плохое принадлежит дьяволу.

Тогда кто же создал дьявола?

В тот или иной момент Бог должен принять на себя ответственность. Я не могу оставить Его без ответственности. Если Он говорит, что Адольф Гитлер создан Его врагом, дьяволом, - хорошо, но тогда кто создал дьявола? Богу не удастся сократить Свою ответственность, сбросить ее со Своих плеч. Он должен был создать дьявола, иначе, откуда же появился дьявол? А если дьявол может появиться откуда-нибудь, тогда откуда-нибудь еще может появиться кто угодно. Тогда зачем создает только Бог? Творение осуществляется и где-нибудь еще. Нужно сказать Богу: «Ты не монополист, есть и другие горшечники, и, может быть, лучшие горшечники, потому что мир, созданный тобою, не кажется совершенным миром. А ты сам представляешься абсолютно бессильным: если дьявол продолжает проводить контрабандой в твой мир своих людей, то чем ты занимаешься? Тебе нужно хотя бы прекратить эту контрабанду. А она все продолжается и продолжается в потрясающих масштабах.

Твоих людей, кажется, совсем немного, их можно пересчитать по пальцам, — людей же дьявола миллионы».

Странно, Бог сидит на своем троне, болтает со Святым Духом, играет с единственным Своим рожденным сыном Иисусом; а дьявол бегаёт по миру - создает Адольфа Гитлера, Иосифа Сталина, Бенито Муссолини, Мао Цзе-дуна... Кажется, что вся история на девяносто девять и девять десятых процента - порождение дьявола.

Тогда зачем продолжать верить в Бога, как в создателя? Может быть, он горшечник-любитель - изготавливает горшки от случая к случаю, - а дьявол представляется профессионалом. Чингиз-

хан, Тамерлан, Надир-шах, Александр Великий, Наполеон Бонапарт и Иван Грозный - только пройдитесь по истории - разве все эти люди не созданы Богом? Они созданы им, но вы боитесь признать этот факт, поскольку тогда Бог становится почти дьяволом.

Вы говорите, что Бог создал такого человека, как Иисус Христос или Хазрат Мухаммед, Кришна и Гаутама Будда. Давайте посмотрим на этих людей, о которых вы думаете, что их создал Бог. Иисус еврей - родился евреем, жил евреем, умер евреем. Он никогда не слышал слова «христианин», и я не думаю, что у него была какая-нибудь идея о создании религии под названием христианство. Нигде нет ни одного указания на то, что он задумывал создание новой религии, нет. Всю свою жизнь он пытался делать только одно - чтобы евреи восприняли его как мессию.

Ну вот, Бог евреев - еврей, Иисус - еврей, верховный священник евреев - еврей. Раввины, занимающие наивысшие посты в великом храме евреев, - все религиозные люди, очень образованные, очень знающие. Трудно найти более ученых людей, чем раввины; всю свою жизнь они посвятили учебе, учению. А верховный священник был, наверное, великим раввином, поэтому его и избрали.

Они решили распять Иисуса. Еврейский Бог создает Иисуса по Своему образу, но еврейские раввины, их верховный священник и еврейское сообщество совершенно не признают этого человека, не признают, что он образ Божий. Они смотрят на него как на вредителя, обманщика и лгуна.

И если Бог посылает Своего собственного сына, то не может ли он послать вместе с ним одно маленькое послание верховному священнику: «Пожалуйста, позаботьтесь о моем сыне, моем единственном сыне», - и они все евреи, поэтому все они понимают один и тот же язык. Не было бы никаких затруднений, - но Он хранит молчание. Иисуса распинают, а Бог молчит; уничтожают Его образ, а Он остается абсолютно индифферентным.

В действительности Иисус не такой дисциплинированный человек, как Адольф Гитлер. Иисус пьет вино и даже превращает в вино воду, что несет в себе состав преступления. Попробуйте превратить что-нибудь в наркотик ЛСД! Прделайте это чудо, и вы окажетесь в тюрьме. Превратите обыкновенную траву в настоящую травку, и вы поймете, что значит творить чудеса!

Этот человек превращал воду в вино и пил вино, не испытывая никакого чувства вины. Ни один индус, ни один мусульманин, ни один джайн, ни один буддист не примет этого человека как образ Божий. Образ Божий, пьющий алкогольные напитки! Образ Божий должен быть остроконечным пиком сознания, а пить алкогольные напитки - это прямо противоположно сознанию; это значит тащить себя в бессознательное. Это одно из самых антирелигиозных действий, какие только возможны.

Этот человек Иисус, хотя и учит смирению, послушанию, сам очень высокомерен. Будда не принял бы его как образ Божий. Его заявление: «Я единственный сын Божий» - величайшее по эгоизму заявление, сделанное когда-либо. Заявление Адольфа Гитлера не так велико: Илия... кто знает этого Илию? Он, должно быть, заглянул в Ветхий Завет и нашел там имя, понравившееся ему по какой-то причине, ведь с Адольфом Гитлером никогда нельзя быть уверенным ни в какой причине... Может быть, он подсчитал числа, которые каждой букве алфавита приписывает нумерология, и нашел, что Илия - хорошее имя с точки зрения этой

нумерологии; вот вещи, в которые верил Адольф Гитлер, - нумерология, астрология, хиромантия.

Вы удивитесь, узнав, что даже его нападения на другие страны решались не генералами, а астрологами. На самом деле, в этом и заключалась причина его непрерывных побед в первые четыре года - это не значит, что астрология права, просто его враги не могли рассчитать, где же он будет нападать в следующий раз. Если бы он слушал своих генералов, тогда, конечно, любая страна могла бы рассчитать его планы, ведь все генералы думают одинаково. Есть военная наука, основанная на простой арифметике: не надо нападать на врага там, где он сильнее; очевидно, надо нападать там, где он слабее.

Но Адольф Гитлер нападал там, где враг был сильнее. А враг думал: «Здесь мы сильнее; Адольф Гитлер здесь не нападет», - и поэтому они передвигали свои армии к своей слабейшей точке.

Но там он и не собирался атаковать, ведь он полагался на астрологию; звезды благоприятствовали в другой точке, поэтому и нападать следовало там.

Если бы обе стороны принимали решения с помощью своих генералов, тогда для обеих сторон было бы совершенно ясно, где произойдет нападение, поскольку и те и другие действовали исходя из одной и той же логики, - но здесь вопрос заключался не в логике. И слово Адольфа Гитлера было законом. Не было вопроса «по какой причине» - такого вопроса нельзя было задать Адольфу Гитлеру. Нельзя было спросить: «Почему вы решились на эту процедуру?..»

Никому не позволялось спрашивать; даже ближайšie люди не были достаточно близкими. Ни один человек не был настолько близок к нему, чтобы положить руку на плечо Адольфа Гитлера. Никто не был ему другом; Адольф Гитлер никогда не допускал дружеских отношений. Он был много выше этого... воплощение пророка Илии, а вы обыкновенные человеческие существа, ползающие по земле, - и еще спрашиваете, почему?

Поэтому на протяжении четырех лет он одерживал непрерывные победы, пока Уинстон Черчилль не прибег к тем же самым правилам, против своей воли. Это было глупо, но что делать? Если вы сражаетесь с идиотом, вы вынуждены сами стать идиотом, иначе проиграете. Он вынужден был вызвать астрологов из Индии, потому что именно там можно найти самых лучших астрологов. И индийские астрологи почувствовали себя потрясюще великими из-за того, что наконец-то Уинстон Черчилль понял, что: «Астрология - это наука, и мы продвинулись в ней гораздо дальше вас».

И, конечно, с приходом астрологии Уинстон Черчилль начал побеждать, ведь теперь и он тоже стал безумным. Он был великим генералом, но теперь делал вещи в противоречие самому себе, в противоречие всему своему разуму и опыту, - но что было делать? «Этот парень слушается астрологов - придется слушаться астрологов. Это вопрос победы, поэтому сейчас не время спорить об астрологии; время для спора об этом мы найдем позже. Сначала нужно покончить с этим человеком и с этой сумасшедшей ситуацией».

Когда Уинстон Черчилль начал слушаться астрологов, он начал побеждать, потому что он тоже начал нападать как безумный, без всякой логики. И, конечно, у него были более непредсказуемые астрологи, чем у Адольфа Гитлера, ведь у Адольфа Гитлера были западные астрологи - в Лондоне можно найти астрологов, которые будут говорить то же самое, что и

астрологи в Германии. Но эти индийские астрологи владеют совершенно иной астрологией.

Адольф Гитлер не имел возможности обнаружить, что предлагали эти астрологи, поскольку методы их работы были совершенно другими. Даже в хиромантии... в западной хиромантии какая-нибудь линия на ладони показывает что-то одно; в индийской хиромантии та же линия показывает что-то совершенно другое - на линии ведь ничего не написано. Все зависит от вас, от того, что вы хотите получить от своей хиромантии.

Иисус умер на кресте — не очень подходящее место для сына Божьего. И если вы спросите у джайнов, буддистов и индусов, то в их словах вы найдете ответ. Вас удивит их ответ, но он будет более разумным. Они говорят: «Он совершил, должно быть, какой-то великий грех в своей прошлой жизни, и это следствие того греха, - простой закон кармы, - иначе, почему он должен быть распят?»

«Не распят ни один индусский аватара, ни один джайнский тиртханкара, ни один Будда - это невозможно! На самом деле, когда Махавира, тиртханкара джайнов, идет по дороге, - а в те дни не было асфальтовых и бетонных дорог, - тогда если на дороге лежит терн, то он немедленно переворачивается колючками вниз, чтобы не повредить и не поранить ноги Махавиры».

«Ведь этот человек покончил со всеми своими кармами, даже терн может поранить его - что же говорить о кресте! Даже терн вынужден считаться с тем, что вот идет человек, покончивший со всеми своими кармами. Нельзя беспокоить его; лучше повернуться так, чтобы не поранить его». А эти люди - как могут они принимать Христа за Сына Божьего, за мессию?

В буддийских священных книгах описано очень много происшествий. На Будду выпустили обезумевшего слона, чтобы убить его. Этот безумный слон убил много людей; он кончал с каждым, кто попадался на его пути. Царь держал его на цепях именно для того, чтобы убивать преступников.

Вся королевская семья, советники и министры садились на балконе дворца и наслаждались игрой. Внизу на земле стоял преступник; приводили слона и снимали с него цепи. Слоны немедленно устремлялись на человека, который бежал от него и вопил; а все эти люди наверху наслаждались зрелищем точно так же, как вы наслаждаетесь боем быков или боксом Мухаммеда Али. Все это игры одного типа, разница невелика: вы наслаждаетесь насилием. И слон обязательно убивал этого человека - куда бы он мог скрыться?

Этот слон был послан убить Будду, но даже безумный слон, когда увидел Будду, осознал, что этот человек покончил со всеми своими кармами; нельзя ранить его - вместо этого была возможность коснуться его ног и заслужить хорошую карму для своей будущей жизни. Поэтому он коснулся ног Будды и сел. Царь не мог поверить своим глазам. Они все следили за тем, что произошло, и поэтому спросили у Будды: «Только вы можете сказать, что же случилось».

Он сказал: «Ничего особенного. Слоны мудрее вас. Он видит, что все мои кармы окончены и у меня больше нет ничего, за что страдать, мои счета закрыты, расчетный лист заполнен, - что бы я ни делал, я уже перестрадал за это, и теперь я полностью чист. Увидев это, слон подумал: "Зачем упускать такую возможность? Где я еще найду такого человека?" Поэтому он коснулся моих ног, чтобы получить благословение. На самом деле, он уже благословлен; он уже достиг достаточной добродетели - в будущей жизни он родится великим буддой. Он сам станет

просветленным, ведь если он распознал Будду даже в безумии, то он не тождественен своему безумию. Он все-таки осознает, что он иной».

Как вы думаете, примут ли буддисты, что Иисус - сын Божий - распят? Даже слон может разглядеть Будду; там же были тысячи евреев, и никто, ни один человек, не смог увидеть, что этот человек был образом Бога и нельзя уничтожать его. Это всего лишь ваша обусловленность... никакая другая религия никаким образом не принимает Иисуса.

Он общается с людьми - Махавира не позволит общаться своим монахам, что же говорить о нем самом. Иисус вращается среди картежников, проституток, воров - среди самого нижнего слоя общества. Махавира не позволит себе этого, Будда не позволит себе этого. А почему же он общается с такими людьми? Потому что никто другой не хочет общаться с ним. Высшие классы, богатые классы, образованные и культурные люди, не хотели общаться с этим сыном плотника, - необразованным деревенским дурачком, - который объявил себя сыном Божьим.

Только раз к нему пришел один профессор, и то посреди ночи. Он был раввином, известным профессором, звали его Никодим. Он пришел посреди ночи, когда вокруг никого не было, и все его ученики спали. Иисус совершал свою последнюю молитву перед отходом ко сну. Во тьме подошел к нему этот уважаемый богатый раввин, профессор университета, и представился. Иисус сказал: «Почему вы не пришли днем? Сейчас полночь; я собираюсь ложиться спать. Я только что завершил свою последнюю молитву».

Никодим сказал: «Днем я не могу приходить, потому что люди увидят, что я общаюсь с таким человеком, как вы. Я так много слышал о вас, что любопытство привело меня сюда, но днем я не могу допустить того, чтобы приходить к вам». Люди высшего класса не общаются - что говорить об общении, - они не хотят даже разговаривать с таким человеком.

Этот сын Божий, созданный по Его образу, - но никто в Иудее не распознал его, за исключением тех немногих дурачков, которые не имели ни религиозного образования, ни религиозного понимания. Они были рыболовами, дровосеками, крестьянами - и их радовала идея о том, что они общаются с единственным сыном Божьим, потому что эта идея давала им надежду: «Когда мы достигнем царства Божьего, мы будем там вместе с сыном, близко к Богу. Тогда все эти богачи, эти цари, эти вице-короли и эти раввины увидят, кто мы такие. Прямо сейчас мы всего лишь рыбаки, дровосеки, крестьяне...» Вот такая была у них надежда. Вот почему войти в царство Божье вместе с Иисусом было так недорого. Эту возможность не следовало упускать. Но он во всей Иудее смог найти только этих двенадцать.

Ни одна великая религия Востока не примет его, потому что человека узнают по его компании, а его компания была точно не очень хорошей. И эта компания стала его апостолами, эта компания создала христианство; так что не стоит удивляться тому, что христианство - религия третьего сорта, - она произошла от самого третьесортного источника. В ней нет глубины джайнизма, или буддизма, или индуизма; нет и сравнения.

Но вы говорите о Хазрате Мухаммеде. Что вы видите в нем такого, из-за чего он мог бы быть объявлен образом Божьим? Всю свою жизнь он был убийцей. Его рука всегда лежала на мече, даже когда он спал: вся его жизнь была непрерывной войной. Конечно, на своем мече он написал: «Мир - моя миссия». Странный мир, когда вы должны писать на своем мече: «Мир - моя миссия».

И этим мечом Мухаммед хотел принести мир на землю. Или вы принимаете, что он посланник Бога, или с вами покончено, - вот какой это был мир. Мир будет в обоих случаях: или вы становитесь мусульманином, и будет мир, или вас больше не будет, и будет мир. Определенно его послание на мече имело настоящий смысл. Можно было выбирать: он допускал для вас две разновидности мира.

В ислам под страхом смерти были обращены миллионы: жажда жизни у человека настолько сильна, что он готов на все. А что у него просили взамен? Ничего такого, о чем стоит волноваться попусту. Религия Мухаммеда проста, почти религия простаков: повторяйте пять раз имя Аллаха и один месяц в году - месяц рамадан - держите днем пост. Ночью можно есть; ночью идет пир, так что весь день — пост, а ночью — пир.

Странный вид поста - в Индии пост прямо противоположный. Ночью совсем нельзя есть - пост или не пост, не имеет значения; но когда вы поститесь, то уж ночью есть абсолютно невозможно. Солнце село, жизнь отправилась спать - не время для еды.

И представляется рациональным и разумным, что когда солнце в небе, пищеварение идет легче. Вы работаете, вы покрываетесь потом, вы что-то делаете; пищеварение идет легче. Если вы поели на ночь, когда солнце село, и отправляетесь спать, то пищеварение не будет хорошим. Это простой факт.

Но почему Мухаммед выбрал другой путь? Причина была в том, что весь день он сражался. Ночью из-за темноты сражение нужно было прекращать, невозможно сражаться в пустыне в темноте, поэтому ночью можно с наслаждением поесть. Месяц рамадан - это месяц, когда днем постятся и сражаются.

И это хорошо поститься, когда вы сражаетесь, потому что не нужно думать о пище. В противном случае вам потребуется перерыв на завтрак, перерыв на чай, перерыв на кофе, а на войне нельзя делать всех этих перерывов; на войне нужно быть полностью на войне, без перерывов. В пустыне, когда солнце садится, война заканчивается; ночью невозможно сражаться. Тогда вы свободны, тогда вы можете с удобством, с комфортом поесть, потанцевать и порадоваться себе среди ночи, а потом отправиться спать, - и поутру снова быть готовым нести мир на землю.

Мухаммед убил несчетное число людей, и его последователи за прошедшие пятнадцать веков убивали людей непрерывно. Я не думаю, что есть кто-либо - христианин, индус, буддист, еврей или джайн, - кто мог бы убить так же легко, как мусульманин. Джайн не может убить и муравья - этого достаточно для того, чтобы отправиться в ад. Убийство человека - неслыханное дело.

За всю историю ни один джайн не был приговорен к смертной казни как убийца; это невозможно. Он может быть убит, но сам убивать не может. Даже если дать ему меч, он тут же выпадет из его рук; он не удержит его - он даже не знает, как держать его. За исключением маленького ножа, которым пользуются на кухне, он ничего не знает ни о каком оружии. Он найдет, что лучше быть убитым, чем убивать... потому что, если вы убиты, вы не попадете в ад, а если вы убиты без сопротивления, тогда небеса ваши: прямо противоположно мусульманству.

Если вы убиваете кого-то в религиозной войне, в джихаде - христиане называли это крестовым походом... и все войны есть джихад. Они ведутся ради религии: для обращения других людей. И ислам использовал методологию самого низкого рода для извращения - да, я предпочитаю

говорить «извращения» - человека в мусульманство. Я не хочу использовать слово обращение...

Какое же это обращение? Перед этим не проводится даже небольшого разговора, человеку не дается никакой возможности. Ему просто говорят: «Или ты веришь в одного Бога; в одного пророка, то есть Мухаммеда; в одну святую книгу, то есть Коран... Ты должен верить в эти три вещи, вот и все, тогда ты мусульманин, - иначе, прими смерть».

Мухаммед говорит, что чем больше людей ввести в ислам, тем большая добродетель достигается. И если вы вынуждены убить при этом много людей, не бойтесь: это тоже будет зачтено как добродетель, потому что вы спасли этих людей от того, чтобы они всю свою жизнь оставались еретиками. А человек ведь мог бы прожить еще сорок лет, так что вы спасли его от сорока лет жизни в ереси. Вы проявили к этому человеку такое сострадание! Странная логика! Но все эти псевдорелигии впадают в странную логику.

Хазрат Мухаммед имел девять жен - у Бога нет ни одной! И Бог создал Мухаммеда по Своему образу? Что же это за образ?.. Он должен был оставаться безбрачным, но женился на девяти женщинах и разрешил всем мусульманам жениться на четырех. Причина была в том, что Мухаммеду нужно было больше и больше солдат. Откуда взять этих солдат? Одна женщина может выйти замуж за четверых мужчин, но тогда в течение одного года она будет рожать одного ребенка, что абсолютно неэкономично. Но если четыре женщины выйдут замуж за одного мужчину, тогда в течение года они могут родить четверых детей. Ему нужно было больше и больше мусульман, больше и больше детей, больше и больше солдат - и это был способ получить их. Но откуда же взять столько женщин?

Для этого тоже есть хорошая стратегия: можно украсть чью-то женщину и обратить ее в ислам. Сейчас в Индии женщину, обращенную в ислам, - даже если она провела в мусульманском доме всего одну ночь, - не примут обратно в семью джайнов, или семью браминов, или в семью буддистов. Это невозможно, потому что мусульман считают худшими людьми в мире, - эта женщина оставалась с ними всю ночь, и они даже обратили ее, - а их метод обращения - это нечто, что вызывает отвращение у джайнов, у буддистов, у браминов, у всех в Индии.

Метод обращения состоит в том, что вы должны есть с мусульманами из одной тарелки. Итак, четыре, пять, шесть, сколько есть мусульман, все они садятся вокруг стола - их братство теперь гарантировано. Новый человек, которого обращают, тоже будет есть из той же тарелки вместе с ними, а потом все они будут пить из одной чашки; новый человек тоже должен пить из той же чашки. Для любой другой индийской религии это совершенно неприемлемо. Я знаю, потому что у меня были мусульманские друзья, и это было так трудно.

Один из моих друзей по университету, который почти не был мусульманином, он лишь родился мусульманином - ведь фанатичный мусульманин совсем не может питать ко мне дружеских чувств... Слушая меня, он оставался моим другом; это было достаточным доказательством того, что у него был открытый ум. Его имя было профессор Фарид, много раз он приезжал со мной в мою деревню, которая была в восьми милях от университета. Время от времени я приезжал в деревню, чтобы повидаться с отцом, ведь он был так привязан ко мне, что если я не появлялся восемь или десять дней, то он приезжал ко мне; не повидав меня, он не чувствовал, что все в порядке. Он всегда боялся, что что-нибудь пошло не так.

Поэтому, чтобы не беспокоить его, я, бывало, приезжал туда, и Фарид много раз приезжал

вместе со мной. Я должен был объяснить ему: «Послушай, мы собираемся в джайнскую семью, поэтому не чувствуй себя обиженным - если даже меня не пускают на кухню, то что говорить о тебе! Они подозревают, что я ем с мусульманами, с христианами...»

Вы удивитесь тому, что индусским словом для христианина является кристан. Вначале слово «кристан» использовалось для обозначения христианина, но мало-помалу оно стало связываться с чем-то плохим, с чем-то нехорошим. Поэтому, если вы делаете что-то нехорошее, вам скажут: «Не веди себя как кристан». Сначала я был озадачен, почему на хинди кристан - слово, обозначающее христианина, но потом я понял почему: потому что для них христианин и мусульманин принадлежат антирелигии - их религии ничего не стоят.

Так что я сказал Фариду: «Во время еды мы будем сидеть снаружи, и тебе дадут особую тарелку, которую хранят отдельно, потому что они знают, что время от времени я привожу в дом христианина или мусульманина. Поэтому они и хранят отдельно целый набор посуды, и никто из дома не прикасается к этому набору». Я должен был приносить эту тарелку и ставить ее перед своим другом; потом я должен был мыть ее, поскольку никто другой не собирался этого делать. Я сказал: «Не чувствуй себя каким-либо образом оскорбленным; вот так здесь обстоят дела. И не тревожь этих людей, поскольку и этого для них слишком много - рядом с их кухней сидит мусульманин; и это уже слишком ».

Так что в Индии было очень просто захватить чью-то женщину и лишь задержать ее на день или два в своем доме; тогда она уже не могла вернуться назад. Даже если бы она захотела, даже если бы вы были готовы отправить ее обратно, она не могла вернуться; она вынуждена была выходить за вас замуж - другого пути не было. Они обратили этим способом миллионы женщин; и вместе с этими женщинами пришел рост населения. Но это мерзко.

Если вы убеждаете кого-то в своей истине и в нем возникает желание прийти и принадлежать вашей пастве, то это выглядит по-человечески. Но грозить ему: «Ты будешь убит, если не станешь мусульманином », - чтобы под этой угрозой он согласился жить мусульманином, а не умирать индусом, - это совсем не религиозно. Но именно это Мухаммед принес в мир - и он был единственным посланником. Он такой необразованный, такой невежественный, то, что он говорит, не похоже на философию, не похоже на такие великие книги, как Упанишады, Дао де цзин, или Дхаммапада - ничего похожего. В Коране он говорит лишь такие вещи, что мусульманин может жениться на четырех женщинах, это его религиозное право. И это упорно продолжается...

Сейчас в Индии конституция дает право жениться только на одной женщине, но мусульмане все еще продолжают жениться на четверых; и вы не можете вмешиваться, потому что, если вы вмешиваетесь, немедленно по всей Индии возникают мятежи и бунты. Немедленно будут убиты тысячи людей, и ничего не изменится. Тысячи людей будут убиты, тысячи домов сожжены, будут сожжены храмы - так что лучше смириться с этим. Есть конституция, есть закон, но кого это волнует?

Мусульмане продолжают делать это, потому что это их религиозный принцип, и вы не должны вмешиваться в их религию. Странно, какая-нибудь религия может сделать своим принципом каннибализм, тогда можно начать поедать человеческие существа, и правительство ничего не сможет сделать, поскольку это ваша религия, и нельзя вмешиваться в религию.

Мухаммед не очень сильно отличается от Тамерлана, Надир-шаха, Чингиз-хана или Адольфа Гитлера. Нет, совсем не отличается, он просто родился в другом веке и поэтому говорит другим языком, который ближе к религиозному жаргону; в остальном же он человек того же типа - преступный ум.

Вы спрашиваете меня о Кришне. Вы, должно быть, подумали, что я, по крайней мере, Кришну и Будду принимаю как образы Бога - нет. Прежде всего, нет Бога, так как же может быть какой-то его образ? И кого бы вы ни представили мне в качестве такого образа, я разобью его вдребезги. Это борьба с вымышленным Богом; это не борьба с Иисусом, Мухаммедом, Кришной или Буддой. Если с вымышленным Богом будет покончено, большая часть славы этих людей тоже будет разбита.

Если нет Бога, тогда нельзя сказать: «Я единственный рожденный сын Божий». Тогда нельзя сказать: «Я принес послание от Бога, и только мое послание истинно, потому что оно исходит от Бога». Поэтому я стараюсь разрушить фикцию Бога. Конечно, я буду бить и по образам тоже просто потому, что, будучи образами Бога, они продолжают давать жизнь фикции, вымыслу.

Кришна один из самых хитрых политиков, которых когда-либо знал мир; возможно, и в будущем не будет таких хитрых политиков. Он не человек своего слова: вот почему я называю его политиком. Он скажет одно, а будет делать прямо противоположное. Он даст вам обещание и нарушит его в любой момент, когда найдет, что так ему выгоднее. На него совсем нельзя полагаться. Вся его жизнь полна случаев, когда он использовал доверие людей, получал от этого выгоду, обманывал... но индусы говорят: «Это игра Бога».

Для всего можно найти хорошие слова. Молодые девушки из городка купались в реке, а он собирал их одежды и садился на ближайшее дерево. Они спрашивали о своих одеждах, стояли обнаженными в воде... Любой другой, кто проделал бы такое, был бы немедленно доставлен в полицейский участок. Но во многих индусских семьях можно найти висящие на стенах картинки с этим сюжетом - правда, не в тех домах, где останавливался я...

Однажды я остановился в одной индусской семье, которая в своем доме держала такую картинку. Я сказал: «Вам должно быть стыдно - держать эту картинку здесь, как раз в вашей гостиной. Вы думаете, что выставляете здесь что-то очень религиозное - религиозное ли это? Если бы я проделал то же самое с вашей женой и дочерью, тогда...?»

Этот человек сказал: «Что вы имеете в виду?»

Я сказал: «Да, если я действительно сделаю то, что делал Кришна, это будет игрою Бога. Почему он должен быть исключением?» Шестнадцать тысяч жен были украдены Кришной, насильно отняты у людей, у мужей и детей. Он создал, наверное, огромный концентрационный лагерь для этих жен. И я думаю, что он и не различал, кто была его жена, а кто нет. И я не думаю, что это какое-то преувеличение.

В Индии так случалось: цари, бывало, имели сотни жен. Даже сейчас Низрам Хайдерабадский, умерший всего несколько лет назад, оставил пятьсот жен - пятьсот вдов... одного мужчины. Так что шестнадцать тысяч не представляется слишком большим числом, - всего лишь в тридцать два раза больше, чем у Низрама Хайдерабадского. И Кришна, конечно, имеет в тридцать два раза больше могущества, чем Низрам Хайдерабадский.

Богатство человека подсчитывалось по тому, сколько у него жен. Бедный человек не мог позволить себе даже одну жену; бедному человеку было трудно иметь одну жену, всего лишь одну жену, — он и себе не мог найти пропитания на два раза в день. Поэтому в древней Индии количество жен было способом показать свое могущество - и Кришна побил здесь всех, шестнадцать тысяч жен, и шестнадцать тысяч семей было разрушено. Их дети стали, наверное, сиротами или нищими, - никто не знает, что случилось, - но об этом человеке думают, как об образе Божьем!

Разве вы не видите его жестокость? И это не ради любви; он даже не знает этих женщин. Как он может знать шестнадцать тысяч женщин? Какую любовь можно дать шестнадцати тысячам женщин? Какие взаимоотношения возможны со всеми этими женщинами? Они просто захвачены, чтобы показать его величие.

Та же эгоистическая позиция, возможно даже более сильная... Кришна говорит своему ученику Арджуне: «Отдай себя у моих ног. Оставь все - свои сомнения, свои мысли, - оставь все, отдай себя у моих ног. Я твое спасение, я твое прибежище».

Всякий, кто говорит так, выглядит безобразно. Если бы это было истиной, то даже Арджуна мог бы распознать это сам. Это не нужно объявлять, не нужно настойчиво говорить ему: «Отдай себя у моих ног». Конечно, он не отдает себя, отсюда и эта настойчивость. Он постоянно спорит, сомневается, спрашивает; и он не убежден - я не думаю, что он был убежден когда-либо.

Я очень упорно старался взглянуть в весь разговор между Арджуной и Кришной - этот разговор составляет целую Шримад Бхагавадгиту. То, как спорит Арджуна, представляется совершенно правильным, а сомнения его выглядят совершенно обоснованными; но то, что говорит Кришна, - его ответы, - представляются неоправданными. Они не могут развеять сомнений, они не могут развеять смущение Арджуны; поэтому, устав спорить с Арджуной, Кришна говорит: «Оставь все и просто отдай себя у моих ног, поскольку я совершенное воплощение Бога».

Но если вы вынуждены говорить так, то я скажу, что вы никакое не воплощение! Если другой человек признает это, а вы сами это отрицаете, вот тогда в этом что-то есть. Если вы отрицаете, что вы воплощение, а другие продолжают видеть в вас что-то, что не может быть понято умом, что не может быть охвачено разумом... Если другой человек продолжает чувствовать это, чувствовать присутствие, чувствовать запах этого, — и, несмотря на то, что вы отрицаете, говорит: «Вы можете отрицать, меня это не волнует; я слушаю свое сердце, и мое сердце что-то говорит мне», - вот тогда это что-то совсем иное. Но ничего подобного нет во всем этом разговоре в Гите.

Кришна просто принуждает Арджуну; и видя ситуацию, нелепость ситуации, поскольку стоят они на поле битвы... Кришна действует как его возница, и две армии стоят друг перед другом, готовые начать войну, к которой они готовились многие годы и которая должна стать решающей для всей Индии. Она и стала решающей: в ней был сломан самый становой хребет страны.

Я нахожу трех человек, ответственных за падение Индии. Первый Кришна, потому что он уничтожил вкус Индии к сражению, к борьбе. Он вверг Индию в своего рода третью мировую войну, в которой была уничтожена и разрушена почти вся страна. Все оставшиеся в живых были так потрясены и так боялись войны, что были готовы делать все, что угодно, только бы не идти на войну.

И тогда пришли Будда и Махавира, которые начали говорить о ненасилии. Это очень подходило людям, которые так устали от войны. И они видели такую великую войну, что уже не хотели иметь с войной ничего общего. Лучше быть рабами, чем иметь такую войну и такие разрушения.

Война эта называлась Махабхарата, великая индийская война; после нее были только битвы, ничего похожего на великую индийскую войну больше не было. Ее размах был почти вселенским: все, что было известно в то время в мире, каждая часть мира присоединилась к войне с той или с другой стороны. С обеих сторон сражались друг с другом двоюродные братья, а проблема заключалась в том, кто должен унаследовать царство?

С одной стороны выступали сто Кауравов, сто братьев. Ну вот посмотрите, их отец был слепым и имел, должно быть, тысячу жен, - слепой парень умудрился произвести сто сыновей, - а у его брата было пять сыновей, Пандавов. Конфликт заключался в следующем: кто унаследует царство? Они никак не могли договориться, поэтому для решения оставался только один путь: война. А поскольку это была одна семья, все родственники разделились - кто-то сражался на одной стороне, кто-то сражался на другой стороне; один брат на той стороне, другой брат на этой стороне, - и с ними были их друзья со всего мира.

Вы удивитесь, когда узнаете, что у Арджуны была одна жена из Мексики - мексиканские цари прибыли со своими армиями, чтобы сражаться на стороне Арджуны. На санскрите названием Мексики является Макшика; Мексика — это искаженное Макшика. Теперь собрано много исторических свидетельств, и точно известно, что Макшика - это Мексика. В Мексике найдены индусские храмы, найдены индусские боги и богини и их статуи. И последним открытием является то, что вода между Азией и Америкой, океанская вода, была настолько мелкой, что можно было просто пешком перейти из Америки в Азию. Можно было просто ходить по океану; глубина была самое большее тридцать сантиметров.

Так что весь известный в то время мир собрался на эту решающую битву и все ждали сигнала к началу. Они все ждали, потому что Кришна все еще убеждал Арджуну. Арджуна хотел уйти; он сказал: «Я хочу отказаться от войны, потому что не вижу в ней смысла. Все эти люди - мои люди: на этой стороне мои люди, на той стороне мои люди. На той стороне я вижу своих друзей, которых я вынужден буду убивать, и я вижу друзей на этой стороне. Эти люди, эти сто Кауравов, мои братья, и я должен убивать этих людей ради какого-то царства? На этой войне будут убиты миллионы людей - и даже если мы победим, останется ли кто-нибудь, чтобы праздновать победу?»

И он был абсолютно прав. «Кто будет радоваться победе над трупами миллионов родственников и друзей? Все это люди, ради которых мы стали бы сражаться, ради которых мы одерживали бы победы, чтобы они могли порадоваться вместе с нами, отпраздновать вместе с нами, - но все эти люди будут мертвы. Нет уверенности, что победим мы, нет уверенности, что победит другая сторона, поскольку силы сторон равны. Но одно известно точно: кто бы ни победил, почти каждый умрет». Вот что случится.

Под конец Кришна начинает говорить: «Ты трус, ты бессильный человек, бегущий с поля боя; ты же воин, а религией война является битва. Ты боишься убивать? Но эти люди так или иначе однажды умрут. Нет ничего аморального, и если ты убиваешь этих людей, ты не делаешь ничего, о чем стоит беспокоиться. Может быть, ты отнимешь несколько лет жизни у этого человека, но и в этом случае неправильно думать, что что-то делаешь ты: Бог делает; что бы ни случилось,

случается только по Его воле, - мы лишь инструменты в Его руках».

Именно это я и говорю вам - эти религии низвели человечество до положения марионеток. Вся Гита Кришны может быть сконденсирована в одном предложении: «Человек - это марионетка, кукла; Бог - кукловод». Поэтому вы делаете все, что захочет кукловод: если Он заставляет вас танцевать, вы танцуете, если Он заставляет вас подпрыгивать, вы подпрыгиваете; чтобы ни заставлял Он вас делать, вы все оставляете на Бога. Вы просто действуете и не задумываетесь о последствиях и результатах. В этом заключается все послание Гиты, на котором стоит весь индуизм: вы отдаете все Богу и не беспокоитесь о результате - результат в Его руках.

Вот это самый ловкий аргумент. Если бы я был на месте Арджуны, я бы отшлепал Кришну, приказал бы ему сойти с колесницы и сказал: «Я уйду - такова воля Божья. Кто я такой, чтобы думать? Сейчас все мое существо говорит о том, чтобы отречься от войны; я уйду. Это голос моего Бога. Кто ты такой? И я не собираюсь думать о последствиях, о том, что эти люди сочтут меня трусом. Пусть себе думают так - это их дело».

Аргументы, которые предъявлял Кришна Арджуне, были, на самом деле, настолько фальшивыми, что если бы Арджуна немного вдумался в аргументацию, он мог бы повернуть все полностью наоборот. Кришна говорит: «Только делай, не думай о результате».

Арджуна должен был бы сказать: «Великолепно! Я буду делать только это и не буду беспокоиться о результате», - и ему нужно было поворачивать свою колесницу в джунгли.

Но его одурачили, может быть, обстоятельства или давление. Он собрал всех этих людей, он пригласил всех этих людей, и теперь в последний момент бежать... «Что скажет мир? И Кришна - воплощение Бога, - как люди говорят, - если он приказывает: “Сражайся и оставь последствия в руках Божьих”, - то я должен сражаться. Поэтому он вступил в сражение, и они победили. Но то, чего он опасался, случилось. Вся страна перестала быть такой живой, какой она была раньше. Она потеряла свой становой хребет, она потеряла свои человеческие качества.

Я не могу сказать, что Кришна - это образ Бога. Он гораздо ближе к Адольфу Гитлеру, Иосифу Сталину, Мао Цзе-дуну, чем к Богу. Это то, что делал Адольф Гитлер, бедный Адольф Гитлер - за что его осуждать? Он исполнял Божью волю и не беспокоился о последствиях. То же самое было и с Кришной: он заставил Арджуну делать то, что хотел он, - и уничтожил страну по крайней мере на пять тысяч лет. Она так и не освободилась от тени Махабхараты: та великая война все еще падает тенью на Индию.

И, наконец, задающий вопрос спрашивает о Гаутаме Будде. Он, наверное, думал, что хотя бы относительно Гаутамы Будды я соглашусь, - но он ошибается. Прежде всего, Будда не верит в Бога, в то, что Бог существует, поэтому он сам не согласится с тем, что он образ Божий. Он сам не согласился бы с этим утверждением. Он не верит в Бога. Он сам не может сказать, что он - образ Божий, и он никогда не говорил так.

Сама идея «образа Бога» неприменима к Гаутаме Будде - Кришна рождается как воплощение Бога, Иисус рождается как единственный сын Бога, Мухаммед рождается как единственный посланник Бога, но это не касается Будды. Он рождается как человеческое существо и отправляется на поиски истины. Если бы он был сделан по образу Бога, он уже знал бы истину, но он отправляется в поиск, в долгий поиск.

Будда в поисках истины принимает на каждом из возможных путей огромные муки. Он делает все, что ему говорят. Он ходит ко всем учителям, известным в стране, до тех пор, пока каждый из них не говорит: «Теперь я не могу ничему больше научить тебя, потому что я передал тебе все, что знал. Отправляйся, иди куда-нибудь еще; ты знаешь больше, чем знаю я». Но это знание не удовлетворяло его. Он делал все, и это было его основной ошибкой: все учителя пресыщались им.

Учителя не пресытятся человеком, который продолжает совершать ошибки. Тогда учитель счастлив: «Вы совершили эту ошибку, вот почему у вас ничего не получается; вы совершили ту ошибку, вот почему у вас ничего не получается». Но этот человек был так четок, что делал больше того, о чем просили учителя. Ни один учитель - а он был у дюжины учителей - не смог сказать ему, что он терпит неудачу, потому что не сделал что-то, что-то упустил. Нет, каждый учитель понимал: он сделал все, - но ничего не произошло.

Он стоит и спрашивает: «Вы сказали, что нужно делать все эти вещи; я думаю, они сделаны полностью. Если нет, скажите мне, где ошибка, и я исправлю ее. Но ничего не происходит». Учителя вскоре понимали, что они не могут обманывать и эксплуатировать этого человека, - он был готов пройти любое расстояние.

Но приходит момент, когда учитель начинает бояться, поскольку сам не знает. Он всего лишь ученый, может быть, великий ученый; он может научить всем методам, но сам он никогда не проделывал их. Он не знает истины; он не осознал самого себя, и вот этот человек становится перед ним как знак вопроса, он делает все, что ему говорят, но ничего не происходит.

Наконец, последний учитель, с которым он был, сказал ему: «Не трать понапрасну время с учителями. Я величайший из всех учителей; многие из них были моими студентами. Видя в твоих глазах твою искренность, твою подлинность, я хотел бы сказать тебе, что ты должен идти своим путем. Никто не приведет тебя туда, никто не сможет повести тебя туда; ты должен отправиться туда своим путем. Поэтому забудь об учителях, забудь об учениях и двигайся своим путем. Ты проделал уже достаточно всех этих умерщвлений плоти, йог, мантр, тантр - все что известно». А Индия - это великий базар, полный суматохи вокруг всех вещей, которые только можно себе представить; он будет сопровождать вас на протяжении многих жизней. И этим методам нет конца; они есть всегда, есть среди них и новые.

Будда понял это, ведь он сам потратил двадцать лет жизни и оказался ни с чем. На самом деле, он достиг кое-чего, не осознавая этого: он покончил с тем, чтобы быть последователем. И это великое достижение. Покончить с тем, чтобы быть последователем, - это одно из великих достижений, нужных, чтобы стать религиозным.

Он пошел один. Он сам собрал в те годы пять последователей. Он сказал и им: «Простите меня, но все эти учителя понапрасну растратили мое время, а я не хочу растрачивать вашего, - отправляйтесь своим собственным путем. Оставьте меня одного, и я оставлю вас одних. Я не лидер вам, и вы не последователи мне. Отныне я один. Я рискую всем, но если есть хоть какая-то истина, я найду ее; если ее нет, я пойму это».

Этот человек никогда не объявлял, что он рожденный бог, божество, посланник, пророк или чье-то воплощение - нет. И то, что он нашел, не было Богом. Он нашел абсолютное безмолвие: ни слова, ни идеи, ни образа. Он нашел потрясающую содержательность, но не Бога; нет никого,

кого можно было бы просто поблагодарить. Была целая вселенная, и он был благодарен вселенной, но она была нераздельна, так что не было вопроса о произнесении слов благодарности; он сам был ее частью.

Будда не объявлял себя Богом или Его образом. Вот почему я любил его больше всех, ведь он самый человеческий из всех этих людей.

Конечно, буддисты испортили все его учение, изготовили его статуи, начали поклоняться ему и делать из него Бога. Но за это он не может нести ответственность.

Вы не задали мне вопрос, вы высказали утверждение. Но я все же ответил вам по той простой причине, что всякий, кто живет рядом со мной и несет такие высказывания в своем уме, упустит меня, обязательно упустит меня.

Вы должны отбросить свои ответы. С вашими вопросами я могу бороться; с вашими ответами боритесь сами.

Отбросьте их, и я убью ваши вопросы.

В тот день, когда в вас не будет ни вопроса, ни ответа и вы будете просто сидеть здесь пустыми, - в тот день вы придете к дому.

Беседа 11

ИСТИНА: НЕ ДОГМА, НО ТАНЕЦ

9 декабря 1984 года

Бхагаван,

Действительно ли Вы против всех религий? В чем их самая основная ошибка?

Да, я против всех так называемых религий, потому что они совсем не религии. Я за религию, но не за религии.

Истинная религия может быть только одна, в точности, как и наука. Нет мусульманской физики, индусской физики, христианской физики; это была бы чушь. Но именно так и сделали религии - они всю землю превратили в сумасшедший дом.

Если наука одна, то почему не должна быть также одна и наука о внутреннем?

Наука изучает объективный мир, а религия изучает субъективный мир. Их работа одинакова, различны лишь направления и измерения.

В более просвещенном веке не будет такой вещи, как религия, будут только две науки: объективная наука и субъективная наука. Объективная наука имеет дело с вещами, субъективная наука имеет дело с существованием.

Вот почему я говорю, что я против религий, но не против религии. Но эта религия еще

пребывает в родовых муках. Старые религии будут делать все от них зависящее, чтобы убить ее, уничтожить ее - ведь рождение науки о сознании будет смертью для всех так называемых религий, эксплуатирующих человечество на протяжении тысяч лет.

Что случится с их церквями, синагогами, храмами? Что случится с их священством, с их папами, с их имамами, с их шанкарачарьями, с их раввинами? Это ведь большой бизнес. Эти люди не позволят так легко родиться истинной религии.

Но в человеческой истории настало время, когда хватка старых религий ослабевает.

Человек лишь формально платит дань уважения христианству, джайнизму, индуизму, мусульманству, но всякий, у кого есть разум, не интересуется больше всей этой чепухой. Человек может ходить в синагогу, и в церковь, и в мечеть по другим причинам, и эти причины не религиозные; эти причины социальные. Бывать в синагоге - это респектабельность, это выгода, и в этом нет никакого вреда. Это все равно как посещение ротари-клуба или клуба светских львов. Эти религии - старые клубы, вокруг которых накопился религиозный жаргон, но стоит всмотреться немного глубже и можно увидеть, что все это лишь ловкий фокус, за которым ничего нет.

Я за религию, но эта религия не будет повторением ни одной из религий, к которым вы привыкли.

Новая религия будет восстанием против всех этих религий. Она не будет продолжать их работу; она полностью прекратит их работу и начнет новую — работу по настоящему преобразованию человека.

Вы спрашиваете меня: «В чем самая основная ошибка всех этих религий?» Ошибок много, и все они фундаментальные, но, прежде всего, я хотел бы поговорить о самой фундаментальной. Самая фундаментальная ошибка всех религий заключается в том, что ни одна из них не имела достаточно смелости, чтобы признать тот факт, что существуют вещи, которые мы не знаем. Все они притворяются, что знают все, что они всеведущие.

Почему это случилось? Потому что если вы признаете свое неведение в чем-либо, тогда в умах ваших последователей возникает сомнение. Если вы невежественны в чем-то, то кто знает - может быть, вы невежественны и в другом? Где гарантия? Чтобы защититься от дураков, они все без исключения притворились всеведущими.

Самое прекрасное в науке то, что она не притворяется всеведущей. Наука не притворяется всеведущей; она признает свои человеческие пределы. Она знает, как много она знает, и она знает, что гораздо больше предстоит узнать. А величайшие ученые знают и нечто гораздо более глубокое. Познанное - границы его известны; познаваемое - оно рано или поздно будет познано, - ученые на пути к нему.

Но лишь величайшие ученые, такие, как Альберт Эйнштейн, способны осознать третью категорию, непознаваемое, то, что никогда не будет познано. С этим ничего нельзя сделать, поскольку окончательная тайна не может быть сведена к знанию.

Мы есть часть существования - как можем мы понять окончательную тайну существования?

Мы пришли слишком поздно; никто не присутствовал в качестве очевидца. И нет способа нам полностью отделить себя от существования и стать лишь наблюдателями. Мы живем, мы дышим, мы существуем вместе с существованием - мы не можем отделить себя от него. Когда мы отделяемся, в тот же момент мы умираем. А если мы не отделены, если мы не являемся просто свидетелями, без вовлечения, без привязанности, то мы не в состоянии познать окончательную тайну; таким образом, полное познание невозможно. Всегда останется что-то непознаваемое. Да, его можно почувствовать, но нельзя познать. Может быть, оно доступно иным переживаниям - отличным от знания.

Вы влюбляетесь - можете ли вы сказать, что знаете любовь? Она представляется совершенно иным явлением. Вы чувствуете ее. Если вы попытаетесь познать ее, она, скорее всего, испарится из ваших рук. Ее нельзя свести к познанию. Ее нельзя сделать объектом познания, потому что любовь - это не явление ума. Она имеет какое-то отношение к вашему сердцу. Да, ваше сердцебиение знает ее, но это знание совершенно иного рода: интеллект не способен приблизиться к биению сердца.

Но в вас есть нечто большее, чем сердце, - в вас есть ваше существо, ваш жизненный источник. Как вы познаете через свой ум, являющийся самой поверхностной частью вашей индивидуальности, так вы познаете и сердцем, - которое глубже ума. Ум не может пройти в сердце, оно слишком глубоко для него. Но за сердцем, еще глубже, находится ваше существо, самый ваш жизненный источник. Этот жизненный источник тоже имеет свой способ познания.

Когда знает ум, мы называем это знанием.

Когда знает сердце, мы называем это любовью. А когда знает существо, мы называем это медитацией.

Но все они говорят на разных языках, и эти языки не переводятся друг на друга. И чем глубже вы проходите, тем труднее становится переводить, потому что самый центр вашего существа - не что иное, как безмолвие. Как перевести безмолвие в звук? В тот момент, когда вы переводите безмолвие в звук, вы разрушаете это безмолвие. Даже музыка не может перевести безмолвие. Музыка, наверное, подходит ближе всего к безмолвию, но все-таки она - звук.

Поэзия не подходит так близко, как музыка, поскольку слова, какими бы красивыми они ни были, - все же слова. Они не несут в себе жизни, они мертвы. Как перевести жизнь во что-то мертвое? Да, может быть, между словами, здесь и там, можно найти проблеск чего-то, но это между слов, между строк, не в словах, не в строках.

Вот она самая фундаментальная ошибка всех религий: они обманули человечество тем, что крикливо заявляли, что знают все.

Но каждый день они вынуждены выставляться напоказ, выставлять напоказ свои знания; поэтому-то они и боролись с любым прогрессом знания.

Если Галилео находит, что Земля движется вокруг Солнца, то папа гневается. Папа непогрешим, он единственный представитель Иисуса, и он непогрешим. Что же говорить об Иисусе - он единственный рожденный сын Божий, а что же говорить о Боге... Но согласно Библии - книге,

сошедшей с небес, написанной Богом, - Солнце вращается вокруг Земли.

Галилео создает проблему. Если Галилео прав, тогда не прав Бог; не прав единственный рожденный сын Божий, не правы в течение всех этих двух тысяч лет представители единственного рожденного Божьего сына - непогрешимые папы. Всего лишь один человек, Галилео, разрушает все их притворство. Он выставляет напоказ все их лицемерие. Ему нужно заткнуть рот. Галилео был стар, почти умирал, находился на смертном одре, но его заставили, почти притащили на суд папы, чтобы он попросил прощения.

И папа потребовал: «Измените что нужно в своей книге, поскольку святая книга не может быть неправой. Вы просто человеческое существо: вы можете ошибаться; но Иисус Христос ошибаться не может. Не может ошибаться и Сам Бог, не могут ошибаться и сотни непогрешимых пап... Вы выступаете против Бога, Его сына и Его представителей. Просто измените в своей книге все, что нужно!»

Галилео был, наверное, человеком с огромным чувством юмора, - которое я считаю одним из величайших качеств религиозного человека. Серьезны только идиоты; они обязаны быть серьезными. Чтобы иметь способность смеяться, нужно быть немного разумными.

Говорят, что англичанин смеется дважды, когда слышит шутку: один раз просто из вежливости по отношению к тому парню, который рассказывает шутку, из этикета, из хороших манер; а второй раз среди ночи, когда до него доходит смысл шутки. Немец смеется только один раз: для того чтобы показать, что он понял шутку. Еврей никогда не смеется; он просто говорит: «Прежде всего, вы рассказываете ее совершенно неправильно...»

Нужно немного разума, и Галилео был, по-видимому, разумным человеком. Он был одним из величайших ученых мира, но его также считали и одним из самых религиозных людей. Он сказал: «Конечно, Бог не может ошибаться, Иисус не может ошибаться, все непогрешимые папы не могут ошибаться, а бедный Галилео может ошибиться всегда. Здесь нет никакой проблемы - я изменю все что нужно в своей книге. Но следует помнить одну вещь: Земля все-таки вертится вокруг Солнца. С этим я ничего не могу поделать; она не подчиняется моим приказам. В том, что касается моей книги, я изменю ее, но в примечании я вынужден буду написать: “Земля не подчиняется моим приказам, она все-таки вертится вокруг Солнца”».

На каждый шаг науки религия делала шаг против. Согласно Библии Земля плоская, не круглая. Когда Колумб начал задумывать свое путешествие, полагая, что Земля круглая, он применил простую арифметику: «Если я непрерывно двигаюсь в одном направлении, то однажды я обязательно вернусь в ту же точку, откуда начал... полный круг». Но все были против этой идеи.

Папа вызвал Колумба к себе и сказал: «Не будьте дураком. Библия ясно говорит: она плоская. Вскоре вы достигнете края этой плоской Земли и упадете с нее. И знаете ли вы, куда упадете? Небеса наверху, и вы не сможете падать вверх - или вы можете? Вы упадете вниз, в ад. Поэтому не надо отправляться в это путешествие и не надо уговаривать людей на это путешествие».

Колумб же настаивал на том, чтобы отправиться; он отправился и открыл двери в новый мир. Мы столь многим обязаны Колумбу, что не осознаем этого. Мир, который мы знаем, был вынесен на свет Колумбом. Если бы мы слушали папу, непогрешимого папу, который наговорил столько чепухи, — но его чепуха была очень святой, очень религиозной...

Все религии мира обязаны притворяться, что они знают все. И они знают все в точности, как оно есть; по-другому быть не может.

Джайны называют своего тиртханкару, своего пророка, своего мессию, всеведущим. Он знает все - прошлое, настоящее, будущее, и все, что он говорит, - абсолютная истина. Будда шутил по поводу Махавиры, мессии джайнов. Они были современниками двадцать пять веков назад. Махавира постарел, но Будда был молод и еще был способен шутить и смеяться. Он был еще молодым и живым - он еще не установился.

Когда религия устанавливается, она приобретает свои насущные интересы. Махавира имел установившуюся религию возрастом в тысячи лет, может быть, самую старую религию мира, — ведь индусы говорят, и говорят правильно, что их книга, Риг Веда, - самая старая в мире. Сейчас точно, научными методами доказано, что Риг Веда - старейшее сохранившееся священное писание. Но в Риг Веде упоминается первый мессия джайнов; это достаточное доказательство того, что первый мессия джайнов предшествовал Риг Веде. Он упоминается там, его имя Ришабхадева.

Он упоминается с уважением, которое невозможно испытывать по отношению к современнику. Такова человеческая слабость, но очень трудно испытывать уважение по отношению к тому, кто живет одновременно с вами. Легко уважать того, кто давно умер. То, как Риг Веда вспоминает Ришабхадеву, настолько уважительно, что кажется, он был мертв тогда уже тысячу лет, никак не меньше, поэтому джайнизм - давно установившаяся религия.

Буддизм же только начинался с Будды. Будда мог позволить себе смеяться и шутить, поэтому он смеется над Махавирой, над его всемогуществом, всезнанием, вездесущностью. Он говорит: «Я видел Махавиру, стоящим перед домом, просящим подаяние», - ведь Махавира жил обнаженным и просил подаяние своими собственными руками. Будда говорит: «Я видел его стоящим перед пустым домом. В этом доме никого не было - и, тем не менее, джайны говорят, что этот человек знает не только настоящее, но прошлое и будущее».

Будда говорит: «Я видел, как Махавира шел прямо передо мною и наступил на хвост собаки. Это было ранним утром, и еще не было светло. Только тогда, когда собака вскочила и залаяла, Махавира узнал, что наступил ей на хвост. И это всеведущий человек, а вот не знает, что прямо на его пути спит собака, и наступает ей на хвост».

Но то же самое случилось и с Буддой, когда он установился. Через триста лет, когда его высказывания и речи были впервые собраны, ученики дали абсолютно ясно понять, что «все написанное здесь — абсолютная истина, и останется истиной навсегда».

Ну, а в тех высказываниях есть столько идиотских вещей, которые, может быть, и имели смысл двадцать пять веков назад, но сегодня бессмысленны, потому что столь многое произошло за эти двадцать пять столетий. Будда не имел понятия о Карле Марксе, он не имел понятия о Зигмунде Фрейде... все, что он написал или высказал, основывается только на том знании, которое было доступно в то время.

«Человек беден, потому что в прошлой жизни он совершал плохие деяния». Сейчас, после Карла Маркса, так не скажешь. «Человек богат, потому что в своей прошлой жизни он совершал добрые деяния». Сейчас, после Карла Маркса, так не скажешь. И я не думаю, что у Будды были

хоть какие-то понятия о том, что появится Карл Маркс, хотя его ученики и говорят, что все сказанное им останется истинным навечно - другими словами, он всеведущий.

Великим утешением для бедных было то, что если они делают добрые дела, то в будущих своих жизнях они тоже будут богатыми. Была радость и для богатых: «Мы богаты, потому что совершали добрые дела в своей прошлой жизни». И они прекрасно знают, какие добрые дела они совершают прямо сейчас... а их богатство возрастает с каждым днем; прошлая-то жизнь давным-давно завершилась, а богатство, вот, продолжает расти. Бедные люди становятся беднее, а богатые - богаче.

Но в Индии никогда не думали о революции; об этом не может быть и речи, - а жила Индия в такой нищете, в какой не жила ни одна страна. Индия прожила в рабстве больше любой другой страны мира. Но рабство, нищета, страдание - все это нужно принимать, потому что это ваши же дела. Против этого не восстанешь. Против кого вы собираетесь восставать? Единственный способ - уравновесить плохие дела хорошими делами. Сама идея революции никогда не являлась индийскому уму. Если наступает рабство, нужно принять его.

Индусы знают все ответы. Они говорят: «Ничего не случается без Божьей воли. Так что, если вы раб...» И на протяжении двух тысяч лет Индия была в рабстве. Это чудо, что такая большая страна оставалась в рабстве две тысячи лет. А люди, захватывавшие Индию, были маленькими варварскими племенами; их нельзя было и сравнивать с Индией. Индийцы могли бы сокрушать лишь толпой, им не нужно было даже брать меча в руки.

Но любой- гунны, монголы, тюрки, мусульмане, британцы - любой, у кого была амбиция и желание захватить Индию, всегда находил радушный прием. Индия была готова - благодарна за то, что вы пришли так издалека и перенесли так много трудностей! Простая причина этого заключалась в том, что индусы знали ответ: это Божья воля; ничего не случается без Божьей воли, и рабство это - Божья воля. И такой человек, как махатма Ганди, - можно было бы подумать, что такой человек, как махатма Ганди, мог бы выказать немного больше разума, но нет. Если вы индус, вы не можете выказать больше разума, чем от вас ждут.

В Бихаре, одной из провинций Индии - беднейшей провинции, произошло великое землетрясение. Провинция эта уже была бедна; каждый год она страдала от наводнений. И теперь это землетрясение... погибли тысячи. И что же сказал Ганди? Ганди сказал: «Бихар страдает из-за своих плохих дел». В двадцатом веке? Землетрясение? И все население Бихара?

Это было бы понятно, если объяснять отдельному индивидууму, что он страдает из-за своей плохой кармы, но весь штат, страдающий из-за своей плохой кармы!.. Как будто все эти люди в своей прошлой жизни были в том же состоянии и все они заработали такие плохие кармы, что случилось землетрясение. А вся остальная Индия не пострадала от землетрясения, потому что люди там заработали в своей прошлой жизни хорошие кармы. Странно!

Это тем более странно, что Бихар - место рождения Махавиры, Гаутамы Будды, Макххали Госала, Аджиты Кешкамбала - великих учителей и великих пророков - и Бихар страдает из-за того, что заработал плохие кармы! В Индии ни один штат не дал жизнь такому количеству пророков, философов, мыслителей. Что плохого мог совершить Бихар? Но индуизм все знает.

Я хочу, чтобы вы запомнили: основная ошибка, которую совершили все религии, заключается в

том, что у них не хватало смелости признать, что есть пределы их знанию.

Ни в один из моментов они не сумели сказать: «Мы не знаем».

Они были настолько самонадеянны, что и до сих пор продолжают говорить, что знают, и продолжают создавать новые фикции знания.

Вот в чем истинная религия будет иной, фундаментально иной.

Да, время от времени появлялись отдельные личности, обладавшие качеством истинной религии; например, Бодхидхарма. Одно из самых способных к любви человеческих созданий, он пришел в Китай четырнадцать веков назад. Он оставался в Китае на протяжении девяти лет и вокруг него собрались приверженцы. Но он не был человеком, приверженным глупости так называемых религий.

Формально он был буддийским монахом, а Китай к тому времени уже был обращен в буддизм. Тысячи буддийских монахов уже добрались до Китая раньше Бодхидхармы, и когда они слышали, что идет Бодхидхарма, они обрадовались, потому что Бодхидхарма был почти равен Будде. Его имя достигло их ушей задолго до того, как он пришел. Даже царь Китая, великий император Ву, вышел, чтобы встретить Бодхидхарму на границе Китая и Индии.

Ву стал средством обращения всего Китая в буддизм, обращения его от Конфуция к Гаутаме Будде. Он все свои силы и все свои сокровища вложил в руки буддийских монахов, и был он великим императором. Когда он встретил Бодхидхарму, он спросил: «Я ждал случая повидаться с вами. Я стар, и я счастлив, что вы, в конце концов, пришли; мы ждали вас все эти годы. Я хотел бы задать несколько вопросов».

Первый вопрос, который он задал, был такой: «Я все свои сокровища, все свои армии, все свое чиновничество - все что я имею - посвятил тому, чтобы обратить эту огромную землю в буддизм, и я построил тысячи храмов Будды». Он построил один храм Будды, в котором находилось десять тысяч статуй Будды; была изрезана целая гора, было покончено с целой горой - она была изрезана на статуи Будды, так что целая гора стала храмом. Он спросил: «Какова будет моя награда в ином мире?»

Другие монахи говорили ему вот что: «Вы совершили так много в услужение Гаутаме Будде, что когда вы достигнете иного мира, он сам, возможно, будет стоять там и приветствовать вас. И вы достигли такой добродетели, что вечность удовольствий — ваша».

Бодхидхарма же сказал: «Все, что вы сделали, абсолютно бессмысленно. Вы даже не начали своего пути, вы не сделали и первого шага. Вы падете в седьмой ад - вот вам мое слово».

Император Ву не мог поверить услышанному: «Я сделал так много, а этот человек говорит: “Вы падете в седьмой ад”!»

Бодхидхарма рассмеялся и сказал: «Все, что вы сделали, исходило из жадности, а все исходящее из жадности не может сделать вас религиозным. Вы отреклись от столь многих богатств, но вы не отреклись от них безусловно. Вы торгуетесь, это все бизнес. Вы покупаете иной мир. Вы вкладываете ваш банковский счет из этого мира в другой мир, переводите его. Вы хитрите,

потому что этот мир мимолетен, - вы завтра же можете умереть, - а эти другие монахи говорили вам, что иной мир вечен... Так что же вы делаете? Вы отдаете мимолетные сокровища, чтобы получить за них сокровища вечные? Это хорошее дело! Кого вы пытаетесь обмануть?»

Ву разгневался, услышав, что Бодхидхарма говорит с ним подобным образом перед всеми этими монахами, и генералами, и младшими царями, которые пришли вместе с Ву, и перед всем его двором. Никто раньше не говорил с ним подобным образом. Он сказал Бодхидхарме: «Разве может так говорить религиозный человек?»

Бодхидхарма сказал: «Да, это единственный способ, которым может разговаривать религиозный человек; все остальные способы для людей, которые хотят обмануть вас. Эти монахи обманывали вас; они давали вам обещания. Вы ничего не знаете о том, что случится после смерти; и они этого не знают, но они притворяются, что знают».

Ву спросил: «Кто вы такой, чтобы говорить так?»

И вы знаете, что ответил Бодхидхарма? Он сказал: «Я не знаю. Это один момент, которого я не знаю. Я был в себе, я прошел до самого центра моего существа и вышел оттуда таким же невежественным, каким был раньше. Я не знаю». Вот это то, что я называю смелостью.

Ни одна религия не была достаточно смелой для того, чтобы сказать: «Вот это мы знаем, а вот этого мы не знаем; может быть, в будущем сможем узнать. А за этим лежит пространство, которое навсегда останется непознанным».

Если бы эти религии были смиренными, то мир был бы совершенно иным. Человечество не пребывало бы в таком беспорядке; не было бы такой муки. Что говорить об аде — мы уже живем здесь в аду. Какие еще большие страдания могут быть в аду?

И люди, ответственные за это, - это ваши так называемые религиозные люди. Они все еще притворяются, все еще играют в эти игры. После трехсот лет, на протяжении которых наука непрерывно разрушала их территорию, непрерывно уничтожала их так называемое знание, открывала новые факты, новые реальности, - папа все еще непогрешим, шанкарачарья все еще непогрешим!

В Джайпуре проходила индусская конференция и один шанкарачарья... В Индии четыре шанкарачарьи, и они эквивалентны папе; каждый из них правит одним направлением - четыре шанкарачарьи для четырех направлений. Один из шанкарачарьев относился к Джайпуру, он родился в Джайпуре. Он был прежде астрологом, великим ученым, а когда умер один шанкарачарья, его избрали быть шанкарачарьей в Джаганатх Пури.

Я знал его до того, как он стал шанкарачарьей, и на этой конференции мы впервые встретились после того, как его избрали шанкарачарьей. Я спросил его: «Теперь вы стали, должно быть, непогрешимым. Я же прекрасно знаю, что до этого вы не были таким. Можете ли вы сказать мне, в какой день, в какое время вы стали непогрешимым?»

Он сказал: «Не задавайте мне перед другими людьми неудобных вопросов. Теперь я шанкарачарья, и мне полагается быть непогрешимым».

Я сказал: «Полагается быть?»

Он сказал: «Это только для вас. Если вы спросите меня на публике, то я непогрешим».

Сейчас папой стал поляк. Слышали ли вы о том, чтобы хоть один поляк стал непогрешимым? Но вот один поляк, папа, стал непогрешимым. Как далеко собирается падать этот мир? Падать дальше некуда. После того как поляк умрет, - ведь папы умирают очень быстро по той простой причине, что к тому времени, когда они становятся папами, они уже почти мертвы. Достичь Ватикана требует так много времени, что если они проживают потом несколько лет, то и этого достаточно. После этого папы кого выбирать? Можно ли найти кого-нибудь другого? Я думаю Орегон подойдет. После Польши Орегон будет самым подходящим местом. Здесь можно найти гораздо больших идиотов, но и они станут непогрешимыми после принятия папства.

Истинная религия будет обладать смирением, чтобы признать, что известны лишь немногие вещи, гораздо больше неизвестно, а кое-что навсегда останется непознанным.

Это кое-что - цель всего религиозного поиска.

Его нельзя сделать объектом знания, но можно пережить, можно пить, можно испытать его вкус - оно существует.

Ученый остается отделенным от изучаемого им объекта. Он всегда отделен от объекта; отсюда и возможность самого знания, коль скоро познающий отделен от познаваемого. Религиозный же человек движется в свою субъективность, где познающий познаваемое объединены.

Когда познающий и познаваемое объединены, нет возможности для знания. Да, вы можете танцевать этим, но вы не можете высказать этого.

Оно может проявляться в походке, в том, как вы ходите; оно может, проявляться в ваших глазах, в том, как вы видите; оно может проявляться в вашем прикосновении, в том, как вы прикасаетесь, - но это не может быть переложено на слова.

Слова абсолютно бессильны в том, что касается религии. А эти так называемые религии полны слов. Я называю все это хламом!

Вот она основная ошибка. Но есть и другие ошибки, достойные упоминания. Например: каждая религия эгоистична. Хотя каждая религия учит своих последователей отбросить эго, быть без эго, быть смиренными, сама религия смиренной не является, она очень высокомерна.

Иисус говорит: «Будьте смиренными, будьте покорными», - но задумывались ли вы когда-нибудь над тем, что сам Иисус вовсе не является смиренным и покорным. Может ли быть большее высокомерие, может ли быть больший эгоизм? Он объявляет себя единственным рожденным сыном Божьим! Вы не можете объявить себя еще одним сыном Божьим - не можете объявить себя даже двоюродным братом, поскольку у Бога нет братьев. У вас не может быть с Богом никаких родственных отношений, Иисус закрыл эту дверь.

Он мессия, и он явился спасти мир. Похоже, никто не спасен, а прошло уже две тысячи лет. Он сам умер в страданиях на кресте - кого он собирается спасти? Но идея о том, что: «Я спасу вас,

приходите, следуйте за мною»... Это было одним из важнейших факторов в уничтожении человечества - ведь все религии заявляли, что они единственные правильные религии, а все остальные религии ложны. Они непрерывно сражались, убивали друг друга, уничтожали друг друга.

Как раз на днях я смотрел по телевидению публичный диспут. Один раввин, один протестантский священник и один католический священник обсуждали меня. И они пришли к заключению... раввин предложил: «Теперь пора - мы должны предпринять попытку вступить в диалог с этим человеком». Я не мог этому поверить - раввин разговаривает с католическим священником, говорит, что необходим диалог. Почему? Во времена Иисуса было так много раввинов, почему не нужен был диалог с самим Иисусом? Или диалогом было распятие?

И этот идиот католик соглашается. Он не скажет даже: «Вы, будучи раввином, вы верите в диалог? Тогда что же произошло с Иисусом? Диалогом было распятие?» Нет, он не спрашивает этого. И раввин не удивляется тому, что сам говорит. Иисус был евреем - раввину было бы совершенно правильно вступить в диалог с евреем. Если он заблудился, верните еврея обратно на истинный путь; или, может быть, он прав, тогда вы вступайте на его путь. Но было ли диалогом распятие? Оно не было даже монологом!

Теперь же все они установились. Католик, протестант и раввин не имеют проблем, поскольку теперь они стали частью насущного бизнеса. И все они знают, что делают одно и то же дело, они в одном и том же бизнесе. Иисус был источником проблемы; диалог с ним не был возможен. Диалог невозможен и со мной, но причины для этого другие.

С Иисусом диалог был невозможен, потому что он был мессией, а вы кто? Диалог возможен только между равными. Он сын Божий. А вы кто? Приемный сын? Вы должны быть кем-то, иначе какой диалог? Нет, диалог был невозможен, ведь Иисус был настолько эгоистичен, что раввины прекрасно знали: никакой диалог невозможен. Один или два раза они подступали к нему.

Один раввин спросил Иисуса: «Какой властью говоришь ты?»

Он сказал: «Своею собственной властью - и помните, раньше был Авраам, теперь я». Авраам был древнейшим предком, а Иисус говорит: «Раньше был Авраам, теперь я. Какой еще власти вы хотите?» И вот этот человек говорит: «Блаженны покорные», - но сам он не покорен; «Блаженны нищие, блаженны смиренные...» Но в чем причина? Почему они блаженны? «...ибо их есть царствие небесное».

Странный аргумент! Здесь вы теряете; там приобретаете в тысячу крат. Что вы приобретаете? Те же самые вещи. Здесь вы бедны, там будете богаты. Здесь вы нищий, там вы будете царем. Но в чем качественная разница? Всего лишь в «здесь и там» - лишь в двух разных пространствах. Эти люди стараются быть смиренными, покорными, бедными по одной простой причине: чтобы наследовать царствие Божье. Этот человек провоцирует и эксплуатирует вашу жадность. Все религии делают это.

Диалог со мной тоже невозможен, но по другим причинам.

Прежде всего, я не знаю самого себя - об этом обсуждения быть не может, - а это самая

фундаментальная вещь, которую следует обсуждать. Какое здесь может быть обсуждение? Или вы были внутри себя, или нет.

Если вы были внутри себя, тогда достаточно просто заглянуть вам в глаза - и вот он диалог. Если вы не были внутри, то и тогда достаточно заглянуть вам в глаза. Диалог заканчивается, не начавшись.

Со мной диалог невозможен, потому что я не ученый. Я не могу цитировать священные писания, я всегда неправильно цитирую их. Но кого это волнует? Я ведь не испытываю никакого уважения к этим писаниям. Я не верю в то, что они святые. Это всего лишь религиозные вымыслы, поэтому неправильное цитирование из религиозных вымыслов совсем не вызывает никаких проблем. На самом деле, я никогда и не читал их внимательно. Я просмотрел их здесь и там - и даже так я нашел в них столько хлама.

Так какой же диалог со мной возможен и по каким пунктам? Нужны какие-то аргументы, но никакие аргументы невозможны, поскольку я говорю, что Бога нет. Какой же может быть диалог? Вы должны будете доказать существование Бога; тогда диалог может начаться. Или приведите Бога в комнату для свидетелей; тогда мы сможем обсудить, является ли Он истинным Богом или всего лишь поддельным американцем.

Я не верю в то, что существуют какие-то небеса и ад. Какой же диалог возможен? Да, в других религиях можно вести диалог, потому что есть пункты для соглашения. Мусульмане, христиане, индусы, евреи - они могут обсуждать Бога. По одному пункту согласие уже есть: Бог существует. Теперь вопрос только в Его форме, атрибутах, качествах, - но основной вопрос уже согласован. Они все согласны с существованием небес и рая. Может быть, кто-нибудь верит в семь адв, кто-нибудь - в пять, кто-нибудь - в три. Это лишь вопрос количества, он не такой важный. А со мной, какой может быть диалог?

Когда я слушал эту публичную дискуссию, меня заинтересовало, что если бы этот диалог состоялся, то как бы он начался? С какого места? Нет ни одного пункта для согласия, ведь все эти религии лишь псевдо, они не истинные религии; в противном случае была бы хоть какая-нибудь возможность.

С Бодхидхармой я могу вести диалог. Он говорит: «Я не знаю, кто я». Вот оно достаточное согласие. Теперь мы можем взяться за руки и отправиться на утреннюю прогулку. Теперь не нужно ничего говорить, все сказано.

Через девять лет, когда Бодхидхарма возвращался в Индию, он собрал четырех своих главных учеников и спросил их: «Сконденсируйте религию в одно высказывание, чтобы я мог узнать, поняли вы меня или нет».

Первый ученик сказал: «Сострадание - вот религия. Основное послание Будды - сострадание».

Бодхидхарма сказал: «Ты имеешь мои кости, не больше».

Второй ученик сказал: «Медитация. Быть безмолвным, быть предельно безмолвным, чтобы внутри не двигалась ни единая мысль - вот суть религии».

Бодхидхарма сказал: «Ты имеешь мою плоть, но ничего больше; поскольку в том, что ты говоришь, ты только повторяешь мои слова. В твоих глазах я не вижу безмолвия; на твоём лице я не вижу глубины, которую приносит безмолвие».

Третий сказал: «Это не может быть высказано. Это невыразимо».

Бодхидхарма сказал: «Ты имеешь мозг моих костей. Но если это не может быть высказано, то почему ты использовал все-таки эти слова? Ты тем самым высказал. Говоря: “Это не может быть высказано, это не может быть выражено”, - ты как-то высказываешься; поэтому я и говорю, что ты лишь мозг моих костей».

Он повернулся к четвертому. На глазах ученика стояли слезы, и он пал к ногам Бодхидхармы. Бодхидхарма потряс его и снова и снова спрашивал: «Что есть религия?» Но только слезы радости... его руки в благодарности охватывали ноги Бодхидхармы. Ученик не произнес ни единого слова, не сказал даже то, что это не может быть высказано, что это невыразимо.

Бодхидхарма крепко обнял его и сказал: «Ты имеешь меня. Теперь я уйду в покое, поскольку после меня что-то остается здесь».

Ну, а какой диалог возможен с этими раввинами, католическими священниками, протестантскими священниками? Прошло две тысячи лет, а раввины еще не принесли извинения за распятие Иисуса. Он, быть может, был эгоистом, быть может, он был не прав, быть может, он учил чему-то ложному, но никому не дано права распинать человека, - он никому не причинил вреда. Все, что было нужно, - это джентльменский спор, но они не были достаточно компетентными, чтобы спорить с ним.

Распятие - это не аргумент. Можете отрубить мне голову - это не аргумент. Это не означает, что я не прав, а вы правы. На самом деле, отрубание моей головы просто доказывает, что вы не в состоянии отстаивать свою точку зрения в споре. Тот, кто злится, всегда слаб. Всегда слаб тот, кто хочет мечом обратить вас в свою веру. Спустя две тысячи лет все еще... Я удивляюсь тому, что не извинился ни один раввин. Почему они должны это делать? Они думают, что были правы тогда, что правы и сейчас.

Я удивляюсь, что же это за католический монах и что же это за протестантский священник, которые сидят с раввином и обсуждают меня. Им следовало бы сначала поговорить о себе, о том, почему это они сидят вместе.

Все эти люди были эгоистами. Теперь раввины учат людей быть смиренными, а сами не могут принести извинения. Это невозможно. Они даже не упомянули имени Иисуса в своих писаниях, в своих книгах. Вы не найдете ни одного упоминания об Иисусе, его распятии или о рождении христианства из еврейского источника, нет: «Это не стоит даже и упоминания». Но та же ситуация и с другими религиями. Мухаммед говорит: «Я единственный посланник Бога. Один Бог, один посланник и одна святая книга, Коран - если вы верите в эти три вещи, то этого достаточно, вы спасены».

Это подводит меня ко второму пункту, который заключается в том, что все эти религии против сомнения. Они по-настоящему боялись сомнения.

Только бессильный интеллект может бояться сомнения; в ином случае сомнение - это вызов, возможность поиска.

Все они убили сомнение и навязали каждому уму идею о том, что если сомневаться, то попадешь в ад и будешь вечно страдать там. Никогда не сомневайтесь. Вера, полная вера - никакой частичной веры недостаточно, только полная вера. Чего вы требуете от человеческих существ? Чего-то абсолютно нечеловеческого. Человек - как он может верить полностью? Даже если он и пытается верить полностью, это значит, что есть сомнение; иначе, против чего он борется? Против чего он пытается верить полностью?

Есть сомнение, и сомнение не уничтожается верованием.

Сомнение уничтожается переживанием.

Они говорят, верьте!

Я говорю, исследуйте.

Они говорят, не сомневайтесь!

Я говорю, сомневайтесь до самого конца, пока не дойдете, и познайте, и почувствуйте, и переживите.

Тогда нет необходимости подавлять сомнение, оно испарится само по себе. Тогда вам не нужно верить. Вы не верите в солнце, вы не верите в луну - почему же вы верите в Бога? Вам не нужно верить в обыкновенные факты, потому что они просто есть. Но они не являются окончательной истиной.

Цветок розы цветет утром, вечером его нет. Вы все еще «верите» в него, но вам это не нужно; вы знаете его, здесь нет вопроса о сомнении. Эта «вера» в цветок розы - простая вера, она не вызывает сомнения. Точно так же вы не запутаетесь между простой верой и сложной верой, у меня есть для этого другое слово: доверие.

Вы доверяете цветку розы. Он цветет, распространяет свой аромат, и он увядает. К вечеру вы не находите его; его лепестки опали, и ветер унес их прочь. Но то не была вечная истина; вы знаете это как факт. И вы знаете, что розы расцветут снова, снова будет их аромат. Вам не нужно верить; вы просто знаете из опыта, из переживания, ведь и вчера были розы и они исчезли. Сегодня снова они исчезли - и завтра природа проследует своим курсом.

Зачем верить в Бога? Ни вчера вы не имели никакого переживания Бога, ни сегодня - и есть ли уверенность в этом на завтра? Откуда вам почерпнуть уверенность относительно завтра? - ведь вчера было пусто, сегодня пусто, и на завтра есть только пустая надежда. Но именно этому и учили все эти религии: уничтожьте сомнение.

В тот момент, когда вы уничтожаете сомнение, вы уничтожаете в человеке нечто, имеющее потрясающую ценность, поскольку именно сомнение позволяет человеку искать и находить. Вы отсекаете самые корни поиска; теперь поиска не будет. Вот почему очень редко, лишь время от времени, в целом мире встретишь человека, который обладает чувством вечности, который

дышал вечностью, который нашел пульс вечного, — но это очень редко. И кто отвечает за это? Все ваши раввины, и все ваши папы, и все ваши шанкарачарьи, и все ваши имамы - они отвечают, потому что это они отсекали самые корни поиска.

В Японии выращивают странные деревья. Существуют деревья высотой всего пятнадцать сантиметров, имеющие возраст триста, четыреста лет. Четыреста лет! Дерево древнее, но как пигмей среди деревьев, - всего пятнадцати сантиметров. Японцы полагают, что это искусство! То, что они делают, заключается в постоянном отсечении корней. Глиняный горшок, в котором растет дерево, не имеет дна, и они время от времени поднимают горшок и отсекают корни. Когда отсекаются корни, дерево не может расти вверх. Оно стареет, но не вырастает вверх. Оно становится все старше и старше, но его уже уничтожили. Оно могло бы стать большим деревом, поскольку большинство таких деревьев принадлежат породе бо.

Япония - буддийская страна, а Гаутама Будда стал просветленным под деревом бо. Дерево бо так называется и на других языках, потому что под ним Гаутама Сиддхартха стал Буддой, достиг состояния бодхи, просветления. Бодхи - полное название этого дерева, но в обычной речи достаточно называть его деревом бо. Так что все эти деревья - деревья бо. Ни один Будда не сможет сесть под таким деревом. Обрезая эти деревья, они не дали стать Буддами неизвестно какому количеству Будд.

Дерево, под которым Будда стал просветленным, было таким большим, что под ним могла расположиться на отдых тысяча воловьих повозок. Вот таким оно было большим. Оно все еще живо - не то самое дерево, конечно, но ветвь того самого дерева. Дерево уничтожили мусульмане. Они не могли допустить, чтобы существовало дерево, под которым кто-то стал более великим, чем их Мухаммед. Они сожгли это дерево, они полностью уничтожили это дерево.

Но один из императоров Индии, Ашока, послал ветку этого дерева в подарок на Цейлон вместе со своей дочерью Сангхамитрой, которая стала санньясином. Сангхамитра отнесла ветвь дерева бо на Цейлон, а потом ветка этого дерева бо была возвращена обратно и посажена на том месте, где Будда стал просветленным. Это часть того же дерева, но в третьем поколении.

То, что делают эти люди в Японии, показывает нечто значительное: именно это проделали религии с человеком. Они отсекали ваши корни, чтобы вы не выросли вверх - вы только постарели.

И первый отсеченный ими корень - это сомнение; тогда прекращается поиск.

Второй отсеченный ими корень обращает вас против вашей природы, осуждает вашу природу. Очевидно, если ваша природа осуждается, то как можете вы помочь вашей природе течь, расти и прокладывать свой собственный путь, подобно реке? Нет, они не дают вам быть подобными реке, не дают вам двигаться свободно.

Все религии превратили вас в железнодорожный состав, бегающий по рельсам, бегающий от одной станции к другой - маневрирующий только по стрелкам,двигающийся только по рельсам. Эти рельсы они называют дисциплиной, контролем, самоконтролем.

Религии причинили так много вреда, что он почти неисчислим - их горшок с грехами полон,

переполнен. Его нужно сбросить в Тихий океан на глубину десять километров, так глубоко, чтобы никто не смог найти его снова и снова начать тот же идиотский процесс.

Немногие разумные люди в мире должны освободиться от всего того, что причинили им религии без их ведома. Они должны полностью очиститься от иудейства, индуизма, христианства, джайнизма, буддизма. Они должны полностью очиститься - достаточно быть просто человеческими.

Примите самих себя.

Уважайте себя. Позвольте вашей природе проложить ее собственный путь. Не насилуйте, не подавляйте.

Сомневайтесь - сомнение не грех, это признак вашей разумности. Сомневайтесь и продолжайте искать, пока не найдете.

Одно я могу сказать вам: тот, кто ищет, находит. Это абсолютно точно; никогда не было по-другому.

Из подлинного поиска никто еще не возвращался с пустыми руками.

Беседа 12

ВЕРА: САМОУБИЙСТВО РАЗУМА

10 декабря 1984 года

Бхагаван,

Какой величайший вред причинили человечеству так называемые религии?

Самый большой вред, который причинили так называемые религии человечеству, заключается в том, что они не дали ему найти истинную религию.

Они сами притворялись, что являются истинными религиями. Все религии мира с самого детства так формировали человеческий ум, чтобы он верил в их истинность - в истинность религии, в которой родился человек.

Индус верит, что его религия - единственная истинная религия в мире, все другие религии ложны. То же самое относится и к иудеям, христианам, буддистам, мусульманам. Они все соглашались в одном - в том, что не нужно искать истинную религию; истинная религия уже доступна - вы родились в ней.

Я называю это их величайшим вредом, потому что человек без подлинной религии может расти лишь как растение, не может жить по-настоящему.

Он остается поверхностным существом; он не может постичь ничего основательного, подлинного. Он ничего не знает о своих собственных глубинах. Он знает что-то о себе только от других, из того, что говорят они. Точно так же, как вы узнаете свое лицо с помощью зеркала, так

же вы знакомитесь с собой посредством мнения других людей; вы не знаете себя напрямую. А эти мнения, на которых вы основываетесь, исходят от людей, которые находятся в точно таком же положении: они не знают себя.

Эти религии создали общество слепых людей и продолжают говорить вам, что глаза не нужны. Глаза были у Иисуса; зачем нужны глаза христианам? Все, что вам нужно, - это верить в Иисуса; он укажет вам путь к раю, вы же просто следуйте за ним. Вам не полагается думать, поскольку, думая, вы можете заблудиться. Думание обязательно уведет вас на другие пути, не на те, на которые хотелось бы им, ведь думание заостряет ваше сомнение, ваш интеллект. А это очень опасно для так называемых религий.

Так называемые религии хотят, чтобы вы были тупыми, мертвыми, тащились себе как-нибудь; они хотят, чтобы у вас не было разума. Но они умеют давать хорошие названия: они называют это верой. Это не что иное, как самоубийство вашего разума.

Истинная религия не будет требовать от вас веры. Истинная религия будет требовать переживания.

Она не попросит у вас отбросить сомнение, она поможет вам заострить ваше сомнение, чтобы вы могли вести поиск до самого конца.

Истинная религия поможет вам найти вашу истину.

И помните, моя истина никогда не будет вашей истиной, потому что нет способа передать истину от одного человека к другому.

Истина Мухаммеда - это истина Мухаммеда; она не может стать вашей просто из-за того, что вы стали мусульманином. Для вас она останется только верованием. И как знать, знает ли Мухаммед или не знает? Как знать, может быть, Иисус просто фанатик, невротик. Современные психиатры, психологи и психоаналитики соглашаются на том, что Иисус - это случай умственной болезни.

Объявлять себя единственным рожденным сыном Божьим, объявлять: «Я мессия, пришедший спасти весь мир от страдания и греха», - как вы думаете, это нормально? И много ли людей были спасены? Я не думаю, что он был способен спасти от страдания и греха даже одного человека. У него определенно была мания величия.

Как можно верить? Даже если Гаутама Будда знает истину, у вас нет способа узнать, знает он или нет. Да, вы можете распознать, что кто-то знает истину, если сами знаете ее; тогда у вас есть способность ощутить ее запах. В противном случае вы просто доверяетесь общественному мнению: вы полагаетесь на психологию масс, которая является самой низкой.

Истина является наивысшему разуму.

Но если с самого начала вас выучили верить, тогда вы искалечены, вы уничтожены.

Если с самого начала вы формируетесь в вере, вы теряете вашу душу.

Тогда вы будете как растение, вы не будете жить. Именно это и делают люди по всему миру:

живут как растения.

Какая у вас может быть жизнь?

Вы не знаете даже себя.

Вы не знаете, откуда исходите, куда стремитесь, в чем цель всего этого. Кто не дал вам знать всего этого? Не дьявол, но палы, священники, раввины, шанкарачарьи - вот настоящие дьяволы.

Насколько я могу понять, все эти синагоги, храмы, мечети, церкви - все они посвящены дьяволу, а не Богу, потому что сделанное ими не является божественным, это чистое убийство: избиение всего человеческого ума.

Но они сделали и многое другое. Этот фундаментальный вред не мог быть один, ему для поддержки нужны многие другие виды вреда. Например: религии устранили тайну вселенной. Я рассматриваю это, как одно из величайших преступлений. Позвольте мне повторить, они устранили тайну вселенной, и я рассматриваю это как одно из величайших преступлений, - и они сделали это так хитро, так умно, что вы даже не осознаете, что же произошло.

Что я имею в виду, когда говорю о том, что они устранили тайну вселенной? Я имею в виду то, что они предоставили вам готовые к применению ответы.

Все религии имеют определенный катехизис. Ко мне подходили христиане: «Почему бы вам не опубликовать небольшой буклет, который содержал бы ваш катехизис? У вас ведь так много книг, что все их трудно прочесть, трудно найти и сформулировать, в чем же состоит ваше откровение. Так было бы проще; как это сделали христиане, опубликуйте на почтовой открытке ваш катехизис».

Я вынужден был сказать им: «Это невозможно для меня, потому что у меня совсем нет катехизиса. Вам нужно будет заглянуть в мои книги. Вам нужно будет войти в эти джунгли и вам нужно будет найти мое откровение. Я не знаю, сможете ли вы найти его, или вы потеряетесь сами. Второе более вероятно».

Но все религии заготовили для себя катехизис. Что такое катехизис? Они дают в нем ответы на вопросы, на которые нет ответа, и дают их до того даже, как вы спросите. Ребенок не спрашивает, кто создал мир; ребенок недостаточно зрел, чтобы задавать такой вопрос, но религии хватают его до того, как он созреет и этот вопрос возникнет сам собою. Когда вопрос возникнет, их ответ уже не поможет.

Когда ребенок спросит, кто создал мир, ответ, что мир создал Бог, не поможет, потому что ребенок обязательно спросит: «Кто создал Бога?» Их ответ - не ответ, поскольку тот же самый вопрос остается; он просто задерживается ненадолго - на один шаг. А под конец религии говорят: «Бог не был создан никем». Очень странно - ведь логика, стоящая за их Богом, заключается в том, что всему существующему нужен создатель.

Я спросил одного из моих религиозных учителей - я вынужден был каждую неделю ходить и слушать его вздор - «Вы дали мне такую логику: всему существующему нужен создатель».

Он сказал: «Конечно».

Я спросил его: «Бог существует или нет?»

Он насторожился. Если он скажет: «Бог существует», — то тогда согласно его собственной логике Богу потребуется создатель. И где завершится это сведение к абсурду? Можно продолжать... А создало Б, Б создало В, В создало Г — можно продолжать и пройти до конца алфавита - и перед вами встанет Я под тем же самым знаком вопроса. Ничего не изменилось. Ложным был сам вопрос, на него нет ответа.

Но ни одна религия не оказалась достаточно смелой, чтобы сказать: «Есть вещи, о которых можно спрашивать, но не ждите на них ответа. Жизнь - это тайна».

А жизнь может быть тайной только в том случае, если есть вопросы без ответа.

Но тогда религия ослабляет свою хватку на вашем горле. Если есть вопросы, на которые нет ответа, тогда что делают все ваши мессии, и посланники Бога, и воплощения Бога - что делают все эти дураки? Они отвечают на вопросы, на которые в принципе нет ответа и которые должны быть оставлены без ответа. Честный человек, искренний ум признает тот факт, что: «Да, вопрос есть, но ответа нет».

Отсюда я и говорю, что поэзия гораздо более религиозна, чем ваши так называемые святыи книги. Музыка гораздо более религиозна, чем ваши так называемые проповеди великих апостолов. Живопись гораздо более религиозна, потому что картины - это не ответы, картины - скорее отражение той тайны, которой является существование. Поэзия не дает вам никаких ответов, она просто отражает: восход, закат, облако, странствующее по небу, птица в полете, радуга... Она не дает никаких ответов.

Одно дзэнское хокку говорит: Дикае гуси летят через озеро. Озеро, конечно, отражает их. Ни они не просят: «Пожалуйста, отрази нас», - ни озеро не говорит: «Спасибо, что вы прилетели отразиться во мне». Озеро молчит, молчат дикие гуси; отражение возникает, - но ни с одной стороны не доносится ни звука. Не только это, - дикие гуси и не ждут того, что они должны отразиться; если они не отразятся, они не почувствуют обиды. Если дикие гуси никогда не пролетят над озером, озеро не почувствует обиды, унижения. Оно никогда не попросит, не позовет их.

Вещи происходят, но нет для них вопроса «почему». В поэзии и живописи, в музыке... спрашиваете ли вы у великой музыки: «В чем здесь смысл?» Слушая Бетховена или Моцарта, спрашиваете ли вы: «В чем смысл этого?» Или, рассматривая картину Пикассо?..

Случилось однажды так, что сверхбогатый американский миллионер попросил Пикассо: «Я хочу немного ваших картин».

Пикассо сказал: «Но мои картины очень дорогие».

Этот человек сказал: «Деньги не имеют никакого значения. Дайте мне две картины, и какова бы ни была цена, - я не спрашиваю о цене, - я просто дам вам наличными».

Пикассо был в затруднении, потому что в тот самый момент у него была готова только одна картина. Он вошел внутрь, разрезал картину надвое, вынес две картины и продал их.

Один из его друзей, сидевший тут же и наблюдавший всю эту сцену, сказал: « Сама картина и прежде была бессмысленной; я никогда не был в состоянии понять ее. Действительно, очень трудно понять, как ты умудряешься находить, где верх, где низ, и как ты умудряешься правильно вешать ее. Я пробовал по-всякому, и как бы ни подвешивать ее, она остается красивой, - но это и означает, что она лишена смысла. А сейчас ты сотворил великое чудо. Ты разрезал картину надвое, и тот человек остался с двумя картинами, которые не могут иметь смысла, потому что каждая из них - лишь половина картины без другой половины ».

«Но ведь никто не узнает, - сказал Пикассо, - что это не две картины. Я мог бы сделать и четыре. Я и сам не знаю, что она означает, но рисовать ее было такой радостью». В его глазах стояли слезы из-за того, что он вынужден был продать ее.

Эти художники, поэты, музыканты обогащают человеческий ум тем, что не уничтожают тайну существования.

Вначале и наука двигалась по тем же направлениям, что и так называемые религии. В восемнадцатом веке наука занималась теми же глупостями, может быть, потому, что был только один прецедент - религии. Она пыталась устранить тайну существования, но вскоре поняла, что чем глубже входишь в существование, тем дальше проникаешь в тайну.

Вскоре наука поняла великое высказывание Сократа: «Человек, который знает меньше, думает, что он знает больше; а человек, который знает больше, знает, что он знает меньше. Человек, который просто идиот, думает, что он знает все, а человек, который по-настоящему мудр, знает только одно: что он совсем ничего не знает».

По мере того, как ваш разум становится все более и более зрелым и вы входите в существование с различных направлений и начинаете чувствовать, жить и любить его, оно становится все более поэзией, живописью, музыкой, танцем, любовью, - но не теологией. Оно мало-помалу становится настолько более таинственным, что вы никогда раньше и не представляли себе, на каком богатстве тайны вы сидите. Религии же дают вам ответы, готовые для употребления.

Существование есть, и естественно возникает вопрос: «Кто создал его?» Оставайтесь с этим вопросом. Не принимайте ничего ответа... ведь вокруг так много коробейников - христиане, мусульмане, индусы, буддисты, джайны, иудеи - коробейники всех видов ищут себе клиентов, пытаются продать вам что-то такое, что есть просто яд и ничто иное.

Они скажут: «Бог создал это» или «Аллах создал это». Да, они дали ответ, но знаете ли вы, какой вред они причинили при этом? Если вы принимаете их ответ, ваш вопрос умирает - теперь вы никогда не будете в поиске. Если вы искали, я могу сказать со всем моим авторитетом... а мой авторитет не основывается на Ведах, или Библии, или Коране, он основывается лишь на моем переживании, на моем поиске.

Я говорю со всем моим авторитетом, что если вы продолжаете спрашивать, не принимая ничьи ответы, включая и мои, то мало-помалу вы найдете, что ответ не обнаруживается, но вопрос исчезает.

И это то самое мгновение, когда ощущается тайна.

Видите ли вы разницу? Так называемые религии подавляют ваш вопрос; они сверху накладывают свой ответ, чтобы полностью закрыть его, - они дают ответ так, как если бы Сам Бог дал его. Индусы говорят, что Веды написаны Богом... Чистый бред! Ведь в Ведах так много вещей, оказавшихся абсолютным абсурдом. Если весь этот абсурд написан Богом, то Его надо сбросить с трона.

Они сделают свой ответ важным, значительным, непогрешимым, как бы исходящим от Самого Бога, или от сына Божьего, или от Его посланника.

Все эти стратегии используются для того, чтобы внедрить их ответ в ваше бытие и обусловить вас так глубоко, чтобы ваш ответ исчез в вашем подсознании.

Функция истинной религии - выбросить все эти ответы, выбросить все эти авторитеты и вынести на поверхность ваши подлинные вопросы, ваши сомнения, ваш поиск, помочь вам отправиться в поиск в неизвестное, в непреднамеренное. Это опасное путешествие.

Религии дали вам комфортабельную жизнь, удобные пути для жизни. Но нет иного пути жить, если только не решить жить в опасности, если не быть готовым идти во тьме, искать и находить себя.

И я говорю вам, вы не найдете ответа.

Никто еще не нашел ответа.

Все ответы ложны.

Да, вы найдете реальность, но реальность — это не ответ на ваш вопрос. Реальность будет смертью для вашего вопроса.

А когда ваш вопрос исчезает и нет ответа, то это пространство есть тайна.

Истинная религия - это таинственность.

Вначале наука пыталась следовать по хорошо протоптанному пути старых религий. Но наука не могла идти долго этими путями, потому что наука вынуждена соприкоснуться с реальностью, а религия, так называемая религия, есть вымысел. Поэтому религия может продолжать жить в своих вымыслах, но наука вынуждена рано или поздно столкнуться с реальностью. И одного столетия не смогла она продержаться с идеей: «Скоро мы устраним тайну всей вселенной, скоро мы придем к тому, что будем знать все».

Теперь же спросите Альберта Эйнштейна и лорда Резерфорда, спросите тех людей, которые проникли в глубочайшую тайну материи, - и их высказывания будут выглядеть как высказывания мистиков. Теперь они стали очень смиренными; старый эгоизм восемнадцатого столетия, ученый девятнадцатого столетия исчезли из мира. Теперь ученый - самый смиренный человек в мире, потому что знает, что знать невозможно.

Мы можем сделать так, чтобы жить лучше, мы можем сделать так, чтобы жить дольше, мы

можем сделать так, чтобы жить комфортнее, - но мы не можем знать, что есть жизнь. Этот вопрос останется вопросом до самого конца.

Все мои усилия здесь направлены на то, чтобы помочь вам снова стать невежественными.

Религии сделали вас знающими, осведомленными, и в этом их вред, который они причинили вам. Они легко и просто протянули вам христианский катехизис, который можно выучить наизусть за час и потом повторять как попугай. Но так вы не познаете истину, реальность, то, что окружает вас и внутри и вовне. Тот катехизис не даст вам этого.

Но отбросить знание - одна из величайших проблем, поскольку знание дает питательную среду для эго.

Эго хочет обладать всем знанием, которое находится в пределах его власти. И когда я говорю вам, что вы должны отбросить свое стремление к знанию и снова стать детьми, я имею в виду, что вы должны начать с той точки, на которой раввин и священник отвлекли вас. Вам нужно вернуться обратно к этой точке.

Вы снова должны стать невинными, невежественными, не знающими ничего, чтобы снова могли начать возникать вопросы. Снова поиск становится живым, а когда поиск становится живым, вы уже не можете жить как растение.

Тогда жизнь становится разведкой, приключением.

Тогда все приобретает аромат таинственности.

Тогда вы не сможете пройти мимо, когда цветок розы зовет вас. Что такое его благоухание, как не призыв? Это его язык: «Пожалуйста, хотя бы на мгновение побудь со мною. Здесь так холодно, так одиноко». Вы не сможете пройти мимо, ни один ребенок не сможет пройти мимо.

Но раввин, брамин, маулви, ученый муж так нагружены книгами, их ум так загроможден всяким хламом, — все эти люди собирают антиквариат, мертвые скелеты, - что розу они и не услышат. И почему-то они знают все. Знают даже, кто создал Бога, знают, кто создал мир, знают, кто создал душу. Причем здесь эта несчастная роза?

Но спросите поэта, и поэт скажет: «Роза есть роза, которая есть роза». Разве это ответ? Разве это вопрос? Это и не вопрос, и не ответ. Это просто описание, рефлексия, отражение; он просто говорит о том, что видит. Он не цитирует священных писаний. Но есть люди, которые продолжают...

Когда я был в Калькутте около десяти лет назад, ко мне пришел человек - знаменитый ученый, профессор философии доктор Бхаттачарья, хорошо известное имя в философских кругах мира. Он спросил меня: «Можете ли вы сказать что-нибудь, - а этот вопрос очень сильно беспокоит меня: есть ли такая вещь, как святой язык, отличный от обыкновенного языка?»

Я сказал: «Странный вопрос - у меня он никогда не возникал. Язык есть язык; какое отношение язык может иметь к святому или не святому? Но я понимаю ваш вопрос, потому что индусы говорят, что санскрит - святой язык, божественный язык». Брамины, священники поэтому

держат на него монополию.

Большинство в индийском обществе отлучено от знания санскрита. Изучать санскрит не позволено ни одной женщине. Для женщин созданы другие священные писания, которые представляют собой лишь истории, религиозные истории, не имеющие никакого значения. Их не стали изводить настоящими священными писаниями, но что-то все-таки должно быть дано и женщинам.

Эти настоящие священные писания не хотят публиковать, не хотят печатать, потому что, когда они будут напечатаны, очень трудно будет удержать на них монополию. Поэтому прошли столетия с тех пор, как стала доступна печать, а Веды еще не были опубликованы. Они были опубликованы с большим трудом. Потом начали говорить, что их не следует переводить на другие языки, потому что тогда уйдет вся их святость. Поэтому столетия ушли на борьбу за их перевод, но брамины все еще верят, что в переводах теряется качество святости. Как могут быть Веды написаны по-английски, или по-немецки, или по-французски? Эти языки для индусов не являются божественными.

Но то же самое относится и ко всем остальным дуракам — они не отличаются по своей дурости. Для евреев языком Бога является древнееврейский. Когда Он говорит с Моисеем, Он говорит на древнееврейском. Одним из грехов Иисуса было то, что он использовал арамейский язык, а не древнееврейский. Арамейский был языком людей низшего класса, так что этот человек - сын плотника, а не единственный рожденный сын Божий; иначе он знал бы древнееврейский. Даже с Богом он говорил на арамейском, и это нарушение святости - разговаривать на языке обыкновенных людей.

Поэтому я сказал доктору Бхаттачарье: «Я понимаю ваш вопрос; это глупость, но это и ученость».

Он сказал: «Глупость и ученость одновременно?»

Я сказал: «Здесь нет противоречия. Это те же самые люди. Некоторые люди называют их глупыми, некоторые называют их учеными, ведь если не глупец, то кто пойдет в ученые? Для чего?»

«Когда доступно существование, когда повсюду вибрирует жизнь, вы размышляете над книгой!»

Мне вспоминается... но об этом немного позже. Сначала позвольте закончить с профессором Бхаттачарьей. Я сказал ему: «Да, вы можете провести различие между святым языком и не святым языком». Вас не должно вводить в заблуждение имя профессора Бхаттачарьи. Бхаттачарья - это фамилия браминов высокого класса в Бенгалии, но его отец был нищим, поэтому он принял христианство. И с помощью христианства этот человек получил воспитание в монастырских школах, был послан в лучшие колледжи, послан на Запад. Он был христианином, поэтому я сказал ему: «Просто похоже вот на что: обыкновенные люди говорят: “Вы сукин сын”».

Он сказал: «Это вы меня так называете?»

Я сказал: «Нет, я вас так не называю, я просто привожу вам пример. Люди говорят: “Вы сукин

сын”. Это может быть переведено на святой язык: “Вы сын Святого Духа”, — вот и вся разница. Но я думаю, что первое хотя бы по-человечески, истинно, возможно. Второе не по-человечески, неистинно, невозможно».

Теперь позвольте мне рассказать вам, о чем мне вспомнилось... Одним из величайших поэтов в Индии был Рабиндранат Тагор. Он единственный индийский поэт, которому была присуждена Нобелевская премия. Причина заключается не в том, что нет других поэтов; на самом деле есть много таких, которые являются гораздо более великими, чем Рабиндранат Тагор, но они писали на своих собственных языках.

В Индии имеются тридцать основных языков настолько красивых, что с переводом с них на английский язык справиться невозможно. Рабиндранат получил Нобелевскую премию по той простой причине, что он писал по-английски. В самом начале он писал на бенгали, а потом начал писать на английском - вот и вся причина.

А так, в Индии прямо сейчас можно найти сотню поэтов, которые заслуживают Нобелевской премии, но их имен никто и не слышал, а причина этого заключается в том, что Нобелевская премия недоступна тем языкам, на которых они пишут.

Рабиндранат же был сыном очень богатого человека, воспитывался в Англии, получил образование в Англии - для него это было просто. Хотя сам он никогда не чувствовал, что написанное им на бенгали может быть по-настоящему выражено на английском, он все же получил Нобелевскую премию за одну из своих книг Гитанджали: подношение песен. Когда он писал Гитанджали, он жил на реке в маленьком плавучем домике, плавал по реке в одиночестве и останавливал лодку там, где ему нравилось. То были дни, когда он сочинял свои стихи.

Однажды в полнолуние он писал о полной луне, о красоте полной луны... сидя в маленькой комнатке своего плавучего домика, не осознавая, что полная луна как раз светила снаружи. Он находился в одном из самых прекрасных мест реки - на мили вокруг не было ничего, кроме безмолвия. Лишь изредка речной поток нарушал тишину, но после его всплеска безмолвие становилось еще глубже.

Он ничего этого не осознавал; при свете свечи он писал о полной луне, о ее красоте. Посреди ночи, почувствовав усталость, он задул свечу, и когда он задул свечу, — он пишет об этом в своем дневнике, — «случилось чудо. Я был потрясен, потому что, когда свечи не стало, из каждого уголка, из каждого закоулка...» Хижина его плавучего домика была построена из бамбука, как это делается в Бенгалии. Поэтому из каждой щели между бамбуками начала изливаться внутрь луна.

На мгновение он онемел. Никогда он не видел так много безмолвия. Он вышел, увидел луну и заплакал. Он вернулся в хижину и изорвал свои стихи, написанные о луне, о ее свете и ее красоте, и записал в своем дневнике: «Я был очень несправедлив по отношению к луне, к безмолвию ночи. Моя поэзия была просто хламом; она не могла выразить и тысячной доли. Луна была снаружи, прямо стучалась в мою дверь, а я был так увлечен своей книгой, что не услышал этого стука. В своих стихах я говорил о тишине, а тишина снаружи была так глубока, - я никогда раньше не сталкивался с таким безмолвием, и потом тоже. Я упустил бы все это, если улегся бы спать, не загасив свечи. Этой маленькой свечи было достаточно, чтобы воспрепятствовать луне войти внутрь».

Эти люди полны книг и слов, которые не являются их переживаниями. А если что-то не является вашим переживанием, не обманывайте себя. Осведомленность может быть очень обманчивой; религии эти отвечают за то, что сделали людей осведомленными, знающими.

Религии должны помогать людям становиться невинными, они должны помогать им становиться невежественными; они должны помогать им искать, находить.

Но, вместо этого, они всем вам дали, предложили вам на тарелочке все ответы, которые вы должны были найти сами. И вы даже не осознаете того, что потеряли, принимая их подарок.

Вы потеряли все.

Ваша жизнь - это заимствованная жизнь, потому что это они сказали вам, как жить. Они сказали вам, как упорядочить свою жизнь. Они сказали вам, как контролировать свое поведение, свое естество, и вы слепо следуете за ними, не понимая простого принципа: Гаутама Будда рождается лишь однажды. На протяжении двадцати пяти веков миллионы людей старались стать Гаутамой Буддой - ни один не преуспел.

Простой факт... и я говорю, что это удача, что ни один не преуспел; было бы несчастьем, если бы кому-нибудь это удалось. Преуспеть не удастся никому, поскольку каждое существо имеет в себе нечто уникальное: Гаутама Будда имеет свою уникальность, у вас своя уникальность. Ни он не следует за вами, ни вам не нужно следовать за ним. Следование создает имитаторов.

В тот момент, когда вы становитесь имитатором, вы теряете контакт с вашей жизнью. Вот что я имею в виду, когда говорю, что вы начинаете жить как растения. Вы играете чью-то роль, вы полностью забыли свою настоящую жизнь.

В моей деревне каждый год разыгрывается представление из жизни Рамы. Однажды в моем присутствии произошло вот что - это было так весело, и вместе с тем так значительно... Согласно рассказу Ситу, жену Рамы, крадет Равана. Рама и его брат Лакшмана собирают армии и идут сражаться. Они начинают сражение спустя три года после того, как Сита была увезена на Шри Ланку. Равана был великим воином. Рама и его брат Лакшмана тоже были великими воинами; но они были молодыми. Равана был очень опытным; его первая же стрела попала в Лакшману... а было известно, что всякий, в кого попадет его первая стрела, выжить не сможет.

Немедленно был вызван великий врач, чтобы сделать что-нибудь. Он сказал: «Есть только одна возможность. На юге Индии есть гора Аруначал. На этой горе растет маленькое растение сандживани, растение, дающее жизнь. Если можно будет доставить это растение сюда за двадцать четыре часа, тогда шанс есть; иначе, через двадцать четыре часа ничего уже нельзя будет сделать, яд распространится повсюду», - он уже был в коме.

Один из учеников Рамы, Хануман, который сам был великим воином, сказал: «Я отправлюсь немедленно и найду это растение, но дайте мне какое-нибудь указание, ведь к тому времени, как я доберусь туда, наступит ночь, - как я найду это сандживани, растение, дающее жизнь?»

Врач сказал: «Это очень просто, особенно ночью. Днем его найти трудно, но ночью это растение дает свет, поэтому его легко найти везде, где оно есть. Вы найдете его окруженным лучами, как будто оно в огне».

Хануман, согласно истории, был царем обезьян и сам был обезьяной - все индусы говорят, что это реальный факт. Хануман полетел - обезьяны умеют это, может быть, понемногу прыгая с ветки на ветку. Я не знаю, как это у него получилось, но он полетел. Как это делается на представлении, я знаю; к Хануману привязывают веревку; веревку тянут, и так он показывается перед публикой, летящим.

Когда он добрался до горы, возникла одна проблема. Проблема состояла в том, что гора, вся гора, пылала светом. Теперь Хануман растерялся: что же делать? Какое из этих растений сандживани? Ведь вокруг было так много растений, подобных пламени, - неужели все они сандживани? Он попробовал разглядеть их; растения были разными... что теперь делать? Но он был предан до безумия - он взял с собой всю гору!

В религиозных историях все возможно. Иисус ходит по воде, обращает воду в вино, обращает камни в хлеб - все возможно. Так что он вернулся обратно вместе с горой... А как это происходит на представлении?

Он появляется вместе с горой - гора сделана из картона, -и он несет гору, сам будучи подвешенным на веревке. Как-то раз веревка застряла, и он остался висеть в воздухе! Люди, - по меньшей мере пятьдесят тысяч человек, они ведь пришли на представление издалека, - все они вопят и кричат. Здесь стоит Рама, Лакшмана лежит в коме, с ним сидит врач. Суфлер продолжает подсказывать Рама, что ему следует по роли, поэтому Рама продолжает говорить: «О, Хануман, где ты? - а он как раз у него над головой. - Куда ты ушел? Возвращайся скорее; иначе, если ты не вернешься до восхода солнца, мой брат умрет!»

Режиссер представления не имел, что делать. Он выбежал на сцену, попытался как-нибудь освободить веревку, но ничего не работало. Он был в таком нервном состоянии, что взял и обрезал веревку! Хануман, вместе со своей горой, упал сверху на Лакшману! Лакшмана вскочил, но Рама все еще продолжал говорить то, что ему подсказывали: «О, Хануман, ты прибыл вовремя...»

Хануман сказал: «Заткнись! Идите к черту вы со своим братом! Сначала скажите мне, кто обрезал веревку. Я сначала займусь им, представление продолжим потом». А он был известен как борец города, поэтому режиссер попросту сбежал, испугался, что ему что-нибудь переломают!

Я наблюдал за всем этим и увидел одну вещь: хотя этот человек и играл Ханумана, когда он упал с веревки, как раз в этот самый момент, он забыл все о представлении. Он сказал: «Иди к черту, - он говорил “иди к черту” своему Богу! - и иди к черту вместе со своим братом! Сначала скажите мне, где этот режиссер! Кто обрезал веревку? Сначала это дело - представление подождет немного». Конечно, все его слышали, и все пятьдесят тысяч человек смеялись над ним.

Гора развалилась на кусочки, и Лакшмана уже поправился, так что уже не нужно было... Врач попросту выскользнул через заднюю дверь. Больше не нужно было никакого сандживани - Лакшмана уже стоял и смотрел на то, что произошло. Пришлось немедленно опускать занавес и удалять всех этих людей со сцены. Сменили Ханумана, и когда занавес поднялся, это был уже другой человек, потому что тот Хануман настолько рассердился, что сказал: «Если я не увижу этого режиссера, я не буду играть. Я найду его, где бы он ни был».

Всего один удар, и что же, - вы можете играть роль Будды, Христа, Кришны, - все это исчезает, просто от одного удара по голове. Имитация не может пройти до вашего бытия, она останется лишь на поверхности. Вы можете упражняться в ней тридцать лет, сорок лет...

Есть монахи, которые упражнялись на протяжении пятидесяти лет. Есть монастыри, католические монастыри, в которые монахи, раз войдя, никогда не выходит оттуда; в таких монастырях живут тысячи людей. Что они делают? Непрерывно пытаются, предпринимают все усилия к тому, чтобы стать как-нибудь немного похожими на Христа; если не на всего Христа, то и части Христа будет достаточно. Но эта имитация не поможет. Она даст вам фальшивую маску, псевдо, но поскребите ее немного, и вы найдете, что ваша настоящая личность все еще здесь. С помощью имитации вам не удастся обмануть существование; вы можете обмануть только себя.

Эти религии, давая вам идеалы, - что делать, как думать, кем быть, - предоставили вам все. Они ничего не оставили вам самим, вы просто должны слепо следовать за ними. И если все человечество действует так слепо, то нечему удивляться.

Но кто отвечает за это?

Отвечают за это все эти религии, которые сделали вас фальшивыми, пластмассовыми.

Они детально рассказали вам, что есть, чего не есть; когда отправляться спать, когда вставать, - вы абсолютно под контролем. Вас превратили в роботов, и чем больше вы робот, тем большим праведником вы являетесь. Тогда вам надо поклоняться, тогда вы пользуетесь уважением своей религии. Чем более вы ненастоящие, тем больше вас уважают. А если в какой-то момент вы показываете свою настоящую реальность, то тут же все уважение исчезает.

Когда я был в Хайдерабаде, случилось так, что один джайнский монах, слушая меня, настолько заинтересовался, что отбросил свое монашество. Он пришел в то место, где я остановился, и я сказал моему хозяину: «Этот человек предпринял великий шаг, будьте осторожны; теперь джайны будут стремиться убить его. Этому самому человека - они годами припадали к его ногам, но сейчас хотят убить его, поэтому будьте осторожны. Через три дня я уезжаю и возьму его с собой, пошлю его куда-нибудь, где он сможет прожить несколько месяцев так, чтобы его не беспокоили джайны».

Но в тот самый день я собирался проводить беседу в зале Корпораций города Хайдерабада, и этот джайнский монах настаивал: «Я хотел бы пойти с вами». Я не видел проблем и поэтому сказал: «Хорошо, можешь пойти».

Но когда я прибыл в городской зал, я понял, что там находится вся джайнская коммуна. Услышав, что я собираюсь выступать с речью в городском зале, они догадались, что тот монах тоже придет сюда - «и это будет наш шанс».

Видя ситуацию, я сказал монаху: «Пойдем со мной на сцену, садись на сцене позади меня. Тогда посмотрим, что случится».

Мэр представил меня, но не успел он закончить, как сотни людей встали и начали говорить: «Мы хотим, чтобы того джайнского монаха убрали со сцены».

Мэр был в затруднении. Я был его гостем, и монах пришел со мной; он был моим гостем. Поэтому я сказал мэру: «Садитесь и позвольте мне самому справиться с проблемой».

Я спросил у этих людей: «Вы хотите снова припасть к его ногам?»

Они сказали: «К ногам! Мыотрежем ему голову!»

Я сказал: «Посмотрите сюда. Сколько лет он был монахом? Двадцать лет. Он стал монахом, когда ему было всего лишь двадцать, теперь ему сорок. На протяжении двадцати лет вы припадали к его ногам, вы спрашивали его советов, - а теперь всего через несколько часов вы хотите отрезать ему голову. Что произошло? Человек-то тот же самый. Вы не позволяли себе даже сидеть рядом с ним на одном полу, а теперь говорите, что его нужно сбросить со сцены и заставить сидеть на полу, где сидит каждый. Какое изменение вы увидели? Можете вы мне сказать, что изменилось?»

Они сказали: «Все изменилось - он больше не джайнский монах».

Я сказал: «Это верно; он больше не носит одежды джайнского монаха, но разве вы поклонялись одеждам? Я принес их с собой».

Я принес его одежды в мешке; даже он не знал об этом. Я вынул одежды, положил их на платформу и сказал: «Вы можете припасть к ногам этих одежд - вот ваш монах. Этот человек не имеет к вам никакого отношения, потому что вы никогда не припадали к его ногам. Вам не нужно так злиться и хотеть отрезать ему голову. Вы никогда не припадали к его ногам, вам не нужно отрезать ему голову. Этот человек вам абсолютно незнаком, но его одежды и его кувшин для сбора подаяний, вот они здесь. Вы можете делать все, что хотите: если хотите, можете припасть к его ногам. Если хотите отрезать голову, отрежьте голову».

Я сказал им: «Видите ли вы простую вещь: те двадцать лет следования порядку жизни...» Джайнов обмануть невозможно, ведь пять монахов должны жить вместе. Ни одному монаху не дозволяется жить в одиночку, потому что одному монаху доверять нельзя; он может найти какой-нибудь способ делать что-нибудь, не соответствующее правилам. Четверо шпионят за пятым - они все шпионят друг за другом.

Им не полагается останавливаться ни в чьем доме, они могут останавливаться только в храме, поскольку в доме может быть всякое. Там будут женщины, там будет пища - а эти люди изголодались по пище, по женщинам, по всему. Они совершенно голодны.

Они должны есть только один раз в день, и им нельзя прикасаться к женщине. Что говорить о прикосновении, им не разрешается даже смотреть на женщину. На тот случай, чтобы не посмотреть, есть инструкция, согласно которой они должны ходить, глядя в землю на два шага перед собой, в точности на два шага; их глаза постепенно фиксируются на этом расстоянии. Вот так они должны ходить, поэтому если им и случится увидеть женщину, то они увидят только ее ноги, ничего больше.

Им не разрешается останавливаться в доме с какой-нибудь семьей, потому что - кто знает? - ночью они могут залезть в холодильник. Голодные люди - это голодные люди. В храме нет холодильника, нет пищи, нет воды. Ночью им не разрешается пить воду.

Я сказал: «Вы поклонялись этому человеку как богу на протяжении двадцати лет. Из-за того, что сегодня он сбросил свои одежды, переменял их, вы хотите его убить. Вы ненасильственные люди, но говорите о том, чтобы отрезать ему голову!»

А монаху я сказал: «Видишь этих людей - все они припадали к твоим ногам. Это было взаимное понимание: они оказывали тебе уважение, ты оставался их рабом. Становись их рабом больше и больше, и они будут оказывать тебе все большее и большее уважение. Полностью оставь свою индивидуальность, стань фальшивым, и они будут носить тебя на руках. Но единственное мгновение реальности - и вы враги».

Нет, никто не может дать вам порядка жизни.

Вам нужно будет найти его через свою собственную осознанность.

Когда санньясины спрашивают меня, как следует жить, что следует делать, что делать не следует, я просто говорю им: «Вы не понимаете меня. Единственное мое откровение состоит в том, чтобы вы были больше и больше самими собой».

Прежде всего, следует быть собой.

Знать, кто вы, - это второе дело.

Поэтому оставайтесь собой. Оставайтесь естественными.

Старайтесь больше и больше осознавать тот поток жизни, который бежит в вас.

Кто бьется в вашем сердце?

Кто находится за вашим дыханием?

Просто становитесь более и более бдительными - относительно того, что вы делаете, что вы думаете, что вы чувствуете, - просто оставайтесь бдительными, оставайтесь осознающими, как сторонний наблюдатель, сидящий на холме. И это наблюдение поможет вам найти тот порядок жизни, который будет вашим порядком.

Это наблюдение поможет вам найти, что есть, а чего не есть, что делать, а чего не делать. Непрерывное наблюдение даст вам понять, что нужно отбросить многие вещи, которые вы несете на себе без нужды, которые легли на вас грузом; оно поможет вам выбрать только то, что находится в гармонии с вами - не как груз, но как облегчение.

Если вы живете осознанно, вы живете правильно.

Если вы живете в имитации, вы живете неправильно.

С моей точки зрения, есть только один грех, и он заключается в том, чтобы не быть самим собой.

И для меня есть только одна добродетель, и она заключается в том, чтобы познать себя.

Все эти религии воспрепятствовали тому, чтобы так случилось. Настало время избавиться от всей этой чепухи, которую оставило в ваших головах прошлое.

Если вы снова можете стать Адамом и Евой - не Моисеем, не Махавирой, не Мухаммедом, не Иисусом, не Конфуцием, не Лао-цзы... Если вы Адам и Ева, только что родившиеся, только что выдворенные из сада Эдемского - не у кого спросить, что делать, не у кого спросить, какой порядок жизни правильный, нет священника, нет раввина, нет папы, - тогда что вы будете делать?

Вот это и делайте!

Беседа 13

ЭКСТАЗ - ЭТО ПОНИМАНИЕ ТОГО, ЧТО НИКТО НЕ ДЕРЖИТ ВАС ЗА РУКУ

12 декабря 1984 года

Бхагаван,

Что более важно в Вашей религии - быть самим собой или познать самого себя?

Вы думаете, что это разные вещи? Как вы можете знать себя, если вы не являетесь самим собой? И наоборот - как вы можете быть собой, если не знаете, кто вы? Быть собой и знать себя - это не две отдельные вещи, поэтому и не возникает вопроса о выборе. Это два аспекта единого процесса.

Вы должны работать над тем и другим одновременно; не следует пренебрегать ни одной частью. Но проще начать с того, чтобы быть собой; проще, потому что это другие отвлекли вас от того, чтобы вам быть собой. Маски, которые вы носите, - не ваше собственное наложение. Против вашей воли, вопреки вашим колебаниям, вам навязали необходимость быть кем-то другим; поэтому и легче отбросить это.

Легче избавиться от рабства любого рода, потому что, кто от природы хочет быть рабом? Это не в природе любого существа, человеческого или нечеловеческого. Рабство противоречит существованию; поэтому его легче отбросить. Оно всегда остается грузом, и глубоко внутри вы постоянно боретесь с ним, если даже на поверхности вы и подчиняетесь ему; глубоко внутри никто не может принять его. Оно остается навсегда отвергнутым в самой сокровенной сердцевине вашего существа; поэтому его легче отбросить.

Сам процесс прост. Что бы вы ни делали, о чем бы вы ни думали, что бы вы ни решали, помните об одном: исходит ли это от вас, или это говорит кто-то другой? Вы удивитесь, как трудно найти свой настоящий голос; может быть, это голос вашей матери - вы снова слышите, как говорит она. Может быть, это голос вашего отца; определить это совсем не трудно. Голос остается записанным внутри вас точно в том виде, в каком он был дан вам впервые, - совет, приказание, поучение, заповедь.

Вы можете найти в себе многих людей: священники, учителя, друзья, соседи, родственники. Нет необходимости бороться с ними. Просто зная, что это не ваш голос, а голос какого-то другого

человека, - кем бы он ни был, - вы знаете, что вам не следует идти за ним. Каковы бы ни были последствия, хорошие или плохие, теперь вы решаете двигаться своим путем, вы решаете быть зрелыми. Вы достаточно долго оставались детьми. Вы достаточно долго оставались зависимыми. Вы достаточно долго прислушивались ко всем этим голосам и следовали за ними. И куда же они завели вас? В беду.

Поэтому, коль скоро вы сформулировали, чей же это голос, вы говорите ему прощай... ведь человек, давший вам этот голос, не был вам врагом. Его устремление не было плохим, но это не вопрос о его устремлении. Вопрос в том, что он навязал вам что-то, что не исходит из вашего собственного внутреннего источника; а все, что исходит извне, делает вас психологическим рабом.

Шила, выключи этот свет; он делает из меня орегонца!

Только ваш собственный голос поведет вас к цветению, к свободе.

Да, путь вначале будет казаться опасным, потому что вы всегда держались за руку вашего отца, вашего священника, вашего раввина, вашей матери; а когда ребенок держится за руку отца, нет страха, нет опасности. На отца можно положиться. Но теперь вы держитесь за его руку только в воображении; нет отца, это чистое воображение. И лучше знать, что вы одиноки и нет руки, поддерживающей вас, потому что тогда вы попытаетесь найти свой собственный путь, защитить себя от опасностей.

Опасно продолжать верить, что вы все еще защищены, когда, на самом деле, вы не защищены. Именно это произошло с миллионами людей в мире. Они чувствуют себя защищенными - они защищены Богом, защищены всем.

Бога нет.

Нет никого, чтобы защитить вас.

Вы одиноки, и вы должны принимать свою уединенность с радостью. На самом деле, то, что никто не держит вас за руку, - потрясающий экстаз.

Мой дедушка очень любил меня, как раз за мое озорство. Даже в свои преклонные года он сам был озорным человеком. Ему никогда не нравился мой отец и не нравились мои дяди, потому что все они были против озорства этого старого человека. Все они говорили ему: «Вам теперь семьдесят лет, и вы должны вести себя соответствующим образом. Вашим сыновьям уже пятьдесят, пятьдесят пять, вашим дочерям уже под пятьдесят, их дети переженились, появились дети их детей, - а вы продолжаете делать вещи, за которые нам стыдно».

Я был единственным, с кем он был близок, я ведь любил этого старика по той простой причине, что даже в возрасте семидесяти лет он не растерял своего детства, он был озорным, как любой ребенок. И он разыгрывал свои проказы даже со своими собственными сыновьями, дочерьми и племянниками. Все они были просто шокированы.

Я был его единственным доверенным лицом, ведь мы готовили заговоры вместе. Конечно, многие вещи он сам не мог делать - их должен был делать я. Например, его племянник спал в

комнате, и мой дедушка не мог подняться на крышу, я же мог. Так что мы сочиняли заговоры вместе; он помогал мне, он становился для меня лестницей, чтобы подняться на крышу и снять черепицу. И с помощью бамбуковой палки и привязанной к ней кисти, ночью, касаясь лица племянника... Тот вопил, сбегался весь дом... «Что случилось?» Но к тому времени мы исчезали, а он все еще рассказывал: «Был какой-то призрак или что-то еще, и он трогал меня за лицо. Я пытался схватить его, но мне это не удалось; было темно».

Мой дедушка оставался предельно невинным, и я видел ту великую свободу, которой он обладал. Во всей моей семье он был самым старшим. Он должен был бы быть самым серьезным, самым отягощенным столь многими заботами, столь многими проблемами, но на него ничего не действовало. Все были серьезными и беспокоились, когда возникали проблемы; только он один не беспокоился. Но одна вещь мне никогда не нравилась — вот почему я запомнил его в этот момент, - мне не нравилось спать с ним вместе. Он имел привычку спать с покрытым лицом, и я тоже вынужден был спать с покрытым лицом, это душило меня.

Я ясно сказал ему: «Я согласен со всем, но этого я не могу терпеть. Вы не можете спать с непокрытым лицом; я не могу спать, когда мое лицо покрыто, - я задыхаюсь. Вы делаете это любя, - он держал меня поближе к своему сердцу и полностью покрывал меня, - это очень хорошо, но утром мое сердце перестанет биться. Ваши намерения добрые, но вы утром будете жить, а я уйду. Поэтому наша дружба везде, только не в постели».

Он же хотел, чтобы я спал с ним, потому что любил меня, поэтому он говорил: «Почему ты не приходишь спать со мной?»

Я отвечал: «Вы прекрасно знаете, что я не хочу, чтобы меня задушил кто-нибудь, даже если его намерения добры. Вы любите меня и хотели бы держать меня поближе к своему сердцу даже ночью». Мы, кроме того, отправлялись обычно на длительные прогулки по утрам, а иногда, когда светила луна, и ночью. Но я никогда не разрешал ему держать меня за руку. Он говорил, бывало: «Но почему? Ты можешь упасть, ты можешь споткнуться о камень или что-нибудь другое».

Я отвечал: «Так будет лучше. Позвольте мне споткнуться, это не убьет меня. Это научит меня, как не спотыкаться, как быть бдительным, как помнить, где лежат камни. Но вы держите меня за руку - как долго вы сможете держать меня за руку? Как долго вы собираетесь быть со мной? Если вы гарантируете, что всегда будете со мной, тогда, конечно, я согласен».

Он был очень искренним человеком; он сказал: «Этого я не могу гарантировать, я не могу ничего сказать даже по поводу завтра. Одно верно, ты будешь жить долго, а я умру, так что я не буду все время держать тебя за руку».

«Тогда, - говорил я, - для меня лучше будет научиться прямо сейчас, потому что однажды вы оставите меня посередине, беспомощным. И если вы приучите меня держаться за вашу руку, тогда будет только два пути: или я начну жить вымыслом — Бог отец...»

Почему вы называете Бога «отцом»? Да, в мире есть два рода религий. Некоторые религии называют Бога «матерью», некоторые религии называют Бога «отцом». Большинство религий называют Бога «отцом» по той простой причине, что большинство обществ исповедует патриархат, мужской шовинизм. Очень немногие - лишь малые племена - живут еще при

матриархате, где женщина выше мужчины. Естественно в таком обществе Бог не может быть мужчиной; в этих обществах Бог - мать.

Но ни одно общество не называет Бога «дядей». Это странно, очень странно, потому что дядя более старое слово, чем отец. Слово «отец» не такое старое, это очень недавнее добавление к языку. Чем дальше назад отправляться, тем больше по всему миру можно найти обществ, — как и среди других животных и птиц, - где мать заботится обо всем. Функция отца заканчивается после того, как женщина забеременела.

Действительно, в старые дни было трудно узнать, кто же отец. Поэтому всех мужчин в возрасте вероятного отца - кто-то ведь был отцом, - всех мужчин в возрасте вероятного отца называли «дядя». Поэтому «дядя» - более старое слово, более престижное. «Отец» пришло позже, когда мужчины стали обладать женщинами.

Это пришло вместе с частной собственностью. Слово «отец» связано с частной собственностью. Когда люди стали владеть частной собственностью—своей землей, своим домом, - тогда они захотели быть уверенными в том, кто их сыновья, ведь те должны были наследовать их собственность. Тогда основной системой стал брак: нужно было жениться на одной женщине, и женщина должна была оставаться в полном подчинении, чтобы у нее не было возможности зачать сына от кого-нибудь другого, кто стал бы тогда владельцем вашей собственности.

Все это дело с браком - это вопрос экономики, а не психологии.

Себя же мужчина держит свободным. Он создал проституток и все возможные способы к тому, чтобы выходить из брака, не беспокоя женщину. Женщина же должна оставаться абсолютно преданной мужчине - не только в жизни, но даже и в смерти.

В Индии женщина должна умереть вместе со своим мужем; она должна прыгнуть, живая, в погребальный костер, на котором сжигают ее мужа, ведь муж был так ревнив: «Где гарантия, что после моей смерти моя жена не вступит в какие-нибудь связи с кем-нибудь другим?» И основная проблема заключалась при этом в том, чтобы накопленная им собственность - он заработал ее, ради нее он подвергался эксплуатации, ради нее он терпел лишения - не перешла к кому-нибудь другому; она должна отойти к его собственной крови.

Таким образом, если однажды вы обнаруживаете, что отцовской руки больше нет, вы начинаете создавать вымысел: Бог отец - конечно, невидимый - держит вас за руку и ведет вас.

Я сказал моему дедушке: «Я не хочу остаться в ситуации, когда вынужден буду создавать вымысел, чтобы жить в нем. Я хочу жить реальной жизнью, не вымышленной жизнью. Я не травинка в стоге сена. Поэтому оставьте меня одного, позвольте мне падать. Я постараюсь подняться. Вы подождите; вы только наблюдайте, и это будет большим состраданием по отношению ко мне, чем держать меня за руку».

И он понял; он сказал: « Ты прав - однажды меня не станет».

Хорошо несколько раз упасть, удариться, подняться снова, - несколько раз заблудиться. Вреда не будет. В тот момент, когда вы обнаружите, что заблудились, возвращайтесь обратно. Жизнь нужно учить пробую и ошибаясь.

В тот момент, когда вы прислушаетесь к голосам, - а они записаны точно в таком же виде, как были даны вам, - вы удивитесь: кто же это разговаривает с вами? Вы попросту рассмеетесь: «О, это моя мать. Я не видел ее двадцать лет, а она все еще пытается управлять мною». Может быть, она умерла, но из своей могилы она все еще держит руку на вашей шее. Ее намерения не являются плохими, но она калечит вас.

Я говорил своему отцу: «Не давайте мне никаких советов, даже если я попрошу вас об этом. Вам нужно быть очень строгим в этом вопросе. Вы должны просто сказать: “Найди свой собственный путь”. Не давайте мне советов, - ведь когда доступен какой-нибудь дешевый совет, кто станет думать о поиске своего собственного пути?»

Я настойчиво говорил своим учителям: «Пожалуйста, запомните одну вещь: я не нуждаюсь в вашей мудрости - просто учите меня вашему предмету. Вы учитель географии, а пытаетесь учить меня морали? Какая связь между моралью и географией?»

Я помню того бедного человека, который был моим учителем географии. Он был озабочен, поскольку я взял что-то из кармана учащегося, который сидел рядом со мною. Я вынул у него из кармана деньги, а этот учитель говорил мне: «Не делай этого».

Я сказал: «Это не ваше дело. Вы учитель географии, а это вопрос морали. Если хотите, я готов пойти к директору; пойдём вместе. Нигде в географических учебниках... Я прочитал их, и нигде в них не сказано, что нельзя брать чьи-то деньги. А деньги - это просто деньги; они принадлежат тому, кто их имеет. Вот сейчас они мои. Несколько мгновений до этого они могли быть его, но он потерял их. Он должен быть более внимательным. Если вы хотите давать советы, дайте совет ему».

«Прежде всего, что за необходимость приносить так много денег на урок географии? Здесь нечего покупать, нечего приобретать; здесь нет и не будет никакой торговли. Зачем он принес сюда свои деньги? Потом, если он принес деньги, то он должен быть внимательным. Это не моя вина, это его вина, я лишь воспользовался своим преимуществом, это мое право».

Я помню того бедного человека. Он всегда был в затруднении, и всегда в затруднении со мной. Он встречал меня после уроков и говорил: «Ты можешь делать все, что захочешь, но не вноси так много философии в бедную географию. Я ничего не понимаю в философии - я знаю географию. А ты поворачиваешь вопрос таким образом, что я даже ночью продолжаю думать, был ли он географическим, или религиозным, или философским».

Как раз перед моей школой росли два красивых дерева кадамбары. Кадамбара - очень пахучий цветок, и когда мне удавалось сбежать с уроков, я обычно отсиживался на этих деревьях. Это было наилучшее место, потому что внизу проходили учителя и директор, но никто не мог подумать, что я стану прятаться на дереве; а деревья были очень густыми. Но когда под деревом проходил этот учитель географии, я не мог удержаться от того, чтобы не сбросить ему на голову камешек, другой. Он смотрел вверх и говорил: «Что ты делаешь там?»

Однажды я сказал: «Это не урок географии. Вы нарушаете мою медитацию».

Он же сказал: «А что об этих двух камешках, которые упали мне на голову?»

Я сказал: «Это просто случайность. Я уронил эти камешки; странно, как это вы оказались внизу точно в подходящий момент. Это удивительно. Вы тоже удивляетесь тому, как точно все это совпало».

Он приходил поговорить к моему отцу: «Дела зашли слишком далеко». Он был лысым; а на хинди лысина переводится словом мунде. Звали его Чотелал, но был он известен под именем Чотелал Мунде. Чотелал использовалось редко, достаточно было Мунде, потому что он был единственным совершенно лысым человеком в школе. Когда я оказывался перед его домом, я обычно стучал в дверь, ее открывала жена или кто-то другой, и они спрашивали: «Зачем ты мучаешь его? Ты мучаешь его в школе, ты мучаешь его на рынке, ты мучаешь его на реке, когда он идет купаться».

Однажды его жена открыла дверь и сказала: «Ты прекратишь мучить Мунде или нет?» - а он был здесь же, стоял позади нее.

Он схватил свою жену и сказал: «Ты тоже называешь меня Мунде! Этот мальчишка по всему городу разнес мысль, что мое имя Чотелал Мунде, - а теперь им обращена и моя собственная жена. Я убью тебя, если ты назовешь меня Мунде. Я могу простить каждого, но моя собственная жена в моем собственном доме...»

Я был настойчив со своими учителями: «Пожалуйста, держитесь своей дороги и не давайте мне советов, не относящихся к вашему предмету, чтобы я мог сам распоряжаться своей жизнью. Да, я совершу много ошибок, много неточностей. Я хочу совершить эти ошибки, потому что это единственный способ научиться ».

Другого способа научиться нет. Если сделать обучение полностью рассчитанным на дурака, чтобы не было возможности для совершения ни одной ошибки, то вы превратитесь в попугаев. Вы начнете повторять слова, предложения, но вы не будете понимать точного смысла того, что говорите.

Поэтому сначала найдите голоса внутри вас - и это просто. Когда бы вам ни случилось принимать какое-нибудь решение, просто сядьте и прислушайтесь к голосу, который говорит вам делать это или не делать этого. И попытайтесь найти, чей это голос. Когда вы нашли, что это ваш отец, ваша мать, ваш дядя, ваш учитель, ваша тетя, ваш брат, тогда все упрощается; тогда поблагодарите вашего брата и скажите ему: «Ты так добр; хотя ты уже умер, ты все же продолжаешь заботиться обо мне. Но, пожалуйста, сейчас оставь меня».

Когда вы ясно сказали определенному голосу: «Оставь меня», - ваша связь с ним, ваше отождествление с ним разрывается. Он был способен контролировать вас, потому что вы думали, что это ваш голос. Вся стратегия заключалась в отождествлении. Вы думали: «Это мой голос, это моя мысль», - и вы делали, что говорил вам этот голос. Теперь вы знаете, что это не ваша мысль, не ваш голос; это что-то инородное вашей природе. Достаточно признания этого. Просто поблагодарите своего отца: «Ты все еще заботишься обо мне, но мне забота больше не нужна. Ты сделал меня достаточно зрелым, и теперь я могу сам начать заботиться о себе».

Избавьтесь от всех голосов, что внутри вас, и вскоре вы с удивлением услышите слабый еще голосок, которого не слышали никогда раньше; вы не сможете решить, чей же это голос. Нет, это не голос вашей матери, не голос вашего отца, не голос вашего священника, не голос вашего

учителя... тогда вы внезапно поймете, что это ваш голос. Вот почему вы не могли ни с кем отождествить его, не могли найти, кому он принадлежит.

Он всегда был с вами, но это пока еще такой слабенький голосок, ведь он был подавлен с самого вашего раннего детства, и голосок был очень слабенький - как росток, а его завалили сверху всяким хламом. И теперь вы носите этот хлам и забыли про растение, которое есть ваша жизнь, которое все еще живо, ждет, когда вы раскроете его.

Раскройте свой голос.

И тогда следуйте за ним без страха.

Куда бы он ни повел вас, это есть цель вашей жизни, там ваше предназначение. Только там вы найдете свое исполнение, свое содержание, свое удовлетворение.

Только там вы расцветете - и в этом цветении приходит познание.

Как можете вы знать себя? Вы даже не выросли еще. Может быть, вы все еще семя, может быть, не дано еще развиться и ростку. Каждая религия проявляет заботу: ребенка немедленно крестить... сделать ребенку обрезание... ввести ребенка в какую-нибудь индуистскую церемонию... а ребенок ничего не знает о том, что вы с ним делаете.

Ну подождите немного - даже для того, чтобы получить право участвовать в выборах, нужно дождаться двадцати одного года; для участия в выборах каких-то третьеразрядных политиков нужно достичь возраста в двадцать один год. А что, для религии никакой зрелости не требуется? Может быть, сорок два года - самый подходящий возраст для человека, чтобы принимать решения в вопросах религии. Но когда ребенок только родился, время явно неподходящее. И вот вы начинаете решать за него.

Да, вы можете подвести его к избирательной кабине. Вы можете дать ему избирательный бюллетень, вы можете держать его за руку, чтобы опустить бюллетень в урну, вы можете сделать так, что он будет выбирать президента, премьер-министра, - но ребенок совершенно не осознает того, что происходит; зачем эта урна и о чем вся эта карточка?..

Но вы так не поступаете. Вы понимаете, что для политики человеку должно быть, по меньшей мере, двадцать один год, - по меньшей мере, - чтобы он хоть что-то понимал. Религии же вы не даете никакого времени. Вы боитесь, ведь если дать ребенку время и не запутать его ум заблаговременно, он начнет думать по-своему, начнет слышать свой собственный голос, и тогда у вас не будет шансов. Вы никогда не сможете сделать его иудеем, или христианином, или индусом, или мусульманином.

Он может стать когда-нибудь религиозным человеком, но это будет его собственный выбор. Он может найти однажды пути, ведущие к молчанию, способы продвижения к сокровенной сердцевине существования, но это будет его собственное открытие.

И запомните одну вещь: все, что вы находите сами, вводит вас в экстаз.

Если вам даже дать готового Бога, вы не найдете экстаза в нем.

А бегая по берегу моря и собирая морские раковины, не имеющие никакой ценности, вы поймете детский экстаз.

Когда я был очень маленьким, я, бывало, возвращался с реки. Все мои карманы... У меня было много карманов, я настаивал на том, чтобы у меня было много карманов. Мой отец говорил: «Это выглядит безумием. Люди спрашивают меня... Ты постоянный источник неприятностей, и без всякой причины. Зачем тебе четыре кармана спереди и два кармана сбоку?»

Я отвечал: «Они нужны мне. Мои потребности и ваши потребности различны. Я никогда не говорю вам, что вам нужно иметь так много карманов или не нужно иметь их; это ваше дело». Мне нужны были карманы, потому что когда я ходил на реку, то находил там такие сокровища - так много красивых камешков, таких разноцветных, что по четыре часа ходил, собирая их. И я возвращался домой наполненным - почти вдвое тяжелее.

Мой отец, когда видел меня входящим в дом, говорил: «Вот применение твоим карманам? Ты сошел с ума? Зачем ты все время приносишь в дом эти камни? А мы каждый день вынуждены выбрасывать их».

Я говорил: «Вы не понимаете. Вы можете выбрасывать их, но если вы хоть что-то понимаете в простых вещах, - я испытываю такой восторг, такую радость, когда смотрю на эти камешки. Меня не интересуют ваши деньги, меня не интересует ничто другое - я просто собираю камешки». Радость была в том, чтобы разыскивать их, отправляться в дальний поиск по берегу реки, чтобы найти один красивый камешек.

Однажды моему отцу это все так надоело, что он привел четырех рабочих и сказал им: «Идите на берег реки и принесите столько камней, сколько сможете, он ведь там проводит каждый день помногу часов». Поэтому они принесли носилки полные камней. Они знали точно, откуда брать их, - у меня не было понятия о том, что там была шахта, - и они вывалили их в мою маленькую комнату, где у меня был мой собственный мир и куда никому не разрешалось входить. Мой отец сказал: «Держи все это. Теперь туда ходить больше не нужно, потому что там больше ничего не найдешь. Мы собрали для тебя камни всех цветов и всех видов... ты тратишь там слишком много времени».

Я сказал: «Вы уничтожили мою радость. Не в камнях дело, я искал их. Теперь я вижу - здесь тысячи камней, я не чувствую никакой радости. Выбросите их прочь. Вы что-то уничтожили».

«Но, - сказал он, - я думал, что ты любишь камни».

Я сказал: «Нет, это не любовь к камням, это был поиск. Камни были лишь предлогом. Иногда отыскиваешь камни, иногда отыскиваешь бабочек, иногда отыскиваешь цветы, иногда отыскиваешь истину, - но запомните, красота всегда заключается в поиске, а не в том, что находишь. Это лишь предлог».

Он сказал: «Как ни старайся, похоже, трудно сделать тебя счастливым».

Я сказал: «Это правда. Никогда не старайтесь никого сделать счастливым. Никто не может этого сделать. Вы можете сделать меня несчастным - это возможно, — но счастливым? Это просто мое абсолютное право быть или не быть счастливым. Вы не можете заставить меня быть

счастливым. Вываливая все эти камни передо мною, вы пытаетесь сделать меня счастливым?» И такое происходило непрерывно. Постепенно они начали понимать, что этот мальчик, кажется, эксцентричный, поэтому лучше оставить его одного.

Когда я был очень маленьким, у меня были длинные, как у девочки, волосы. В Индии мальчики не носят длинных волос - по крайней мере, в то время это не допускалось. У меня же были очень длинные волосы, и когда я входил, а вход был со стороны магазина... Дом располагался позади магазина, поэтому, чтобы войти в дом, я должен был пройти через магазин. Там был мой отец, там были его клиенты, и они говорили: «Чья это девочка?»

Мой отец смотрел на меня и говорил: «Что делать? Он не слушается». И он чувствовал себя обиженным.

Я говорил: «Не нужно обижаться. Я не вижу никаких проблем. Если кто-то назовет меня девочкой или мальчиком, это его дело; какое это имеет значение для меня?»

Но он обижался на то, что его мальчика называют девочкой. Сама идея мальчика и девочки... В Индии, когда рождается мальчик, по всей округе звучат гонги, барабаны, песни, раздаются сладости. А когда рождается девочка, ничего не происходит - ничего. Вы немедленно узнаете, что родилась девочка, потому что никаких гонгов, никаких колокольчиков, никаких барабанов, никакого пения, - ничего не происходит, никаких раздач сладостей, - это и означает, что родилась девочка. Никто не придет спросить вас, потому что это будет для вас оскорблением: вам придется отвечать, что родилась девочка. Отец сидит опустив голову... девочка родилась.

Поэтому он говорил: «Странно. У меня мальчик, а я страдаю от того, что у меня девочка». Однажды он по-настоящему разозлился, поскольку человек, который спросил его, был очень важным человеком; он был сборщиком налогов в округе. Он сидел в магазине и спросил: «Чья это девочка? Странно, одежда, кажется, мальчиковая - и на ней так много карманов, полных камней?»

Мой отец сказал: «Что же делать? Он мальчик, не девочка. Но сегодня я обрежу ему волосы - хватит!» Он пришел со своими ножницами и обрезал мне волосы. Я ничего не сказал ему. Я пошел в парикмахерскую, которая находилась как раз перед нашим домом и сказал парикмахеру... Тот имел привычку к опиуму, очень красивый человек, но иногда мог отрезать вам один ус и забыть про другой. Вы сидите в его кресле, вокруг вашей шеи его полотенце, а сам он ушел, и вам нужно разыскивать его - куда же он ушел? Это было трудно; никто не знал, куда он ушел. И с одним усом, как вы пойдете искать его? Но он был единственным, кто мне нравился, ведь стрижка у него занимала часы.

Он рассказывал тысячу и одну историю, не связанную ни с чем в мире. Я наслаждался этим. Именно от этого человека, Натхура, - Натхур было его имя, - я научился тому, как действует человеческий ум. Мое первое знакомство с человеческим умом состоялось благодаря ему, ведь он не был лицемером. Он говорил все, что ему приходило на ум; на самом деле, между его умом и его ртом не было разницы! Он просто говорил все, что приходило ему на ум. Если он в уме сражался с кем-нибудь, он начинал сражаться вслух - хотя рядом никого и не было. Я был единственным, кто не спрашивал: «С кем это вы сражаетесь?» Поэтому со мной он был счастлив, настолько счастлив, что никогда не брал с меня платы за стрижку ногтей или чего-нибудь другого.

В тот день я пришел к нему и сказал - мы обычно называли его «Кака», кака означает дядя - «Кака, если вы в себе, то побрейте мне сейчас всю голову».

Он сказал: «Великолепно». Он не был в себе. Если бы он был в себе, он отказался бы, потому что в Индии бреют голову только в том случае, когда умирает отец; иначе не бреют. Так что он принял добрую дозу опиума и обрил мне всю голову.

Я сказал: «Вот и хорошо».

Я вернулся обратно. Мой отец посмотрел на меня и сказал: «Что случилось?»

Я сказал: «А в чем дело? Вы обрезали мне волосы ножницами; они вырастут снова. Я же кончаю с ними. И Кака согласен. Я попросил его. Он сказал, что согласен: «Всякий раз, когда не будет клиентов, ты можешь приходить, и я буду полностью обривать тебе голову, и нет разговора о деньгах». Поэтому вам не нужно волноваться. Я у него свободный от оплаты клиент, потому что никто другой не слушает его; я единственный человек, который слушает его рассказы».

Мой отец сказал: «Но ты же прекрасно знаешь, что теперь это создаст еще большие проблемы».

И тут же вошел один человек и спросил: «Что случилось? У этого мальчика умер отец?» Без этого никто...

Тогда мой отец сказал: «Посмотрите! Было бы лучше, если бы ты был девочкой. Теперь я умер! Отращивай свои волосы как можно скорее. Отправляйся к своему Каке, к этому наркоману, и спроси его, может ли он помочь как-нибудь; иначе у меня будет много неприятностей. Будет приходить весь город. Ты будешь ходить по всему городу, и каждый подумает, что твой отец умер. Они начнут приходить».

И они начали приходить. Это был последний раз, когда он что-то сделал мне. После этого он сказал: «Я не буду ничего делать, потому что от этого получается только больше неприятностей».

Я сказал: «Я и не просил - я просто продолжаю делать по-своему. Вы зря вмешивались».

Я никогда не позволял ему давать мне советы. И вскоре все в моей семье поняли, что я весьма не расположен к советам, поскольку, что бы они ни говорили, я делал прямо противоположное, как раз для того, чтобы они прекратили давать мне советы. Я сказал им: «Если вы будете советовать мне, я буду делать все наоборот, поэтому не давайте мне никаких советов. Я не хочу всю свою жизнь нести в себе все эти голоса - пожалуйста, оставьте мой ум чистым. Я хочу слушать мой собственный голос, если есть такой. Я счастлив со своей собственной подлинностью».

Затем постепенно они поняли, что не нужно вмешиваться в мои дела, в этом нет никакого смысла, это создает только дополнительные проблемы: я находил способы, которые приносили им большие неприятности. Тогда настало время, когда я сидел, бывало, в своей комнате, а моя мать оглядывалась вокруг и говорила: «Никого нет. Я хотела бы, чтобы кто-нибудь сходил на рынок и принес немного овощей».

Я говорил: «Я тоже никого не вижу. Никого нет: только я сижу здесь, никого нет».

Меня ни за кого не считали - просто никто. Она видела меня перед собой и говорила: «Я не вижу никого». И она соглашалась со мной: «И я никого не вижу, комната пуста», - и она уходила обратно поискать кого-нибудь в другом месте, чтобы послать его на рынок.

В тот момент, когда они признали, что я никто... Для себя я понимаю, что с того момента я не слышу никаких голосов. И они признали это, когда мне было девять или десять лет, - они вынуждены были признать, - они признали, что я никто; никаким образом не учитывать меня, не полагаться на меня ни в какой работе. Маленькие дела...

Моя мать говорила, бывало: «Пойди и принеси дюжину бананов», - и я отправлялся. Рынок был недалеко, метров четыреста; места было немного. Но на протяжении этих четырехсот метров я встречал так много людей и возникало так много дискуссий, что к тому времени, как я добирался до рынка, я забывал, за чем пришел. И более того, время истекало. Я должен был хватать что-нибудь побыстрее, потому что солнце садилось или уже давно село.

Я возвращался домой, чтобы спросить: «А что же вы хотели?»

И моя мать говорила: «Ты хороший, когда ничего не делаешь. Я просила тебя о простой вещи, о дюжине бананов, а ты потратил пять часов лишь для того, чтобы вернуться с пустыми руками и еще спрашивать!»

Я говорил: «Что же делать? По дороге встретилось так много людей, так много проблем, вопросов, споров. К тому времени, когда я добрался до рынка, я все забыл и поэтому вынужден был вернуться, чтобы спросить». Они расстались с идеей о том, что от меня может быть какая-нибудь польза; но мне это помогло чрезвычайно. Постепенно я стал отсутствующим в своем собственном доме. Люди проходили мимо меня, но проходили так, как будто никого не было. Мне не нужно было говорить привет. Обо мне не нужно было спрашивать.

Я помню, что с той поры не нахожу в себе никаких голосов. Но до десятилетнего возраста они одолевали меня, и когда я начал работать над собой, я вынужден был пройти через все эти голоса и отбрасывать их сознательно. И это не трудный процесс, нужно просто признать, что это не ваш голос, это голос вашего отца, это голос вашей матери, это голос вашего раввина, и вы должны поблагодарить их: «Великолепно, что вы следуете за мной до сих пор, но дальше не надо. Здесь мы расстанемся».

И когда вы пусты от всех этих голосов, только тогда... ведь в этой толпе, на той рыночной площади, которая возникла внутри вас, почти невозможно услышать свой собственный голос. Это начало того, чтобы быть собой. Тогда само собой случается много большее, и это естественно; вам ничего не нужно с этим делать.

Все, что нужно, - это отвергнуть голоса, перекрывающие ваш голос. Коль скоро это случилось, вы начинаете расти в понимании самого себя. Постепенно вы начинаете осознавать проблемы, которые раньше никогда не осознавали, потому что на них у вас были готовые ответы. Впервые вы начинаете слышать вопросы потрясающей важности, о которых вы даже не догадывались, что они у вас есть.

И ваш вопрос, просто потому, что он ваш, значителен, ведь в самом вопросе и спрятан ответ.

Но это должен быть ваш вопрос, только тогда он несет в себе свой ответ.

А эти так называемые доброжелатели продолжают давать вам свои вопросы, свои ответы. Никого не беспокоит, является ли этот вопросили этот ответ вашим. На самом деле, они боятся, что однажды вы найдете свой собственный вопрос. В тот день, когда вы найдете свой вопрос, все их ответы станут неверными, все их священные писания станут хламом. И они боятся, что, отыскав свое собственное существо, вы станете индивидуальностью.

Общество не хочет, чтобы вы становились индивидуальностями, оно хочет, чтобы вы были христианами, добрыми христианами, добрыми иудеями, добрыми индусами - уважаемыми людьми. Но они не хотят, чтобы вы были индивидуальностями, потому что индивидуальности движутся, действуют, живут в свободе. Индивидуальности счастливы умереть, но их нельзя превратить в психологических рабов.

А коль скоро вы индивидуальность, познать себя становится так легко, ведь теперь вы являетесь собой.

Теперь единственное, что нужно, это закрыть глаза и посмотреть, кто же вы.

Таким образом, не разделяйте этот вопрос на два. Не спрашивайте меня, что более важно, быть собой или познать себя. Я понимаю, почему возник такой вопрос, он возник из знаменитой максимы Сократа: «Познай самого себя», - а одно из величайших открытий современной психологии гласит: «Будь собой». Отсюда и вопрос: что более важно?

Сократ - это не тот человек, которого можно оставить в прошлом. Есть немногие люди, которые навсегда останутся современниками. Сократ - один из тех людей, которые навсегда останутся современниками. Когда он говорит: «Познай самого себя», - он подразумевает, что если не быть собой, то как можно познать себя? Так что, если вы хотите познать себя, вы должны быть собой. Это две стороны одной монеты.

Но начинайте с того, чтобы быть собой, потому что в вас так много возмущено, так много отвлечено от вас, так много от вас отнято. Ваше бытие покрыто столь многими слоями вашей личности, что вы должны будете делать в точности то же самое, что вы делаете с луком: вы чистите его. Когда вы чистите лук и снимаете один слой, под ним появляется слой более свежий. Вы удаляете его, а там другой, еще более свежий, еще более живой... Вот вы такие и есть - вы покрыты слоями личности, персональности.

Слово «персональность» стоит того, чтобы его запомнить. Оно происходит от корня персона. В греческой драме актеры пользовались масками, и говорили они сквозь маски. Сона означает звук. Персона означает звук, исходящий от маски. Вы не знаете, кто эта персона, вы только слышите звук, и он исходит от маски. От этого слова «персона» и происходит слово «персональность», личность. Это верно в буквальном смысле: ваша персональность — это не что иное, как многие и многие маски. И все, что вы говорите, вы говорите сквозь эти маски; сказанное никогда не является истинно вашим, на нем не стоит ваша подпись.

Поэтому сначала отбросьте все персональности, все личности.

Люди обыкновенно думают, что у них одна личность — это абсолютно неправильно.

У вас много личностей. У вас целый склад личностей, и всякий раз, когда вам требуется другая личность, вы немедленно меняете маску. Вы мгновенно становитесь другим человеком; не теряется ни единого мгновения. Смена одной личности на другую стала почти автоматической. И их так много, что вам даже не подсчитать, сколько у вас личностей.

Чем больше у вас личностей, тем более утонченным, респектабельным гражданином общества вы являетесь. Очевидно, ваши личности дают вам больше возможностей. Они дают вам возможность действовать многими путями, которыми другие действовать не могут.

Гурджиев обычно играл со своими учениками в одну игру. Он сидел посередине, один ученик с одной стороны, другой ученик - с другой. А он потрясающе работал над личностями. Он работал настолько сознательно, что стал способен, как способны и многие актеры, показывать... С этой стороны его рта один ученик видел, что он пребывает в очень счастливом настроении духа, а с другой стороны другой ученик видел, что он в большом гневе, и не время говорить ему что-нибудь; он может ударить или сделать что-нибудь еще. Он был способен одной половиной рта улыбаться, тогда как другая половина оставалась печальной и серьезной. Этому трудно научиться, но можно. Это не такая большая проблема - актеры, великие актеры, постоянно так делают.

Вы смотрите кино целиком; вы не видите, что в один момент актер должен смеяться, а в другой момент плакать. Пока снимается кино, он постоянно меняет свои личности. Вы видите лишь рассказ, который представляют вам, но что же происходит с актером? Он влюбляется в женщину - которую ненавидит! - и показывает такое, на что не способен даже возлюбленный: своими глазами, своим лицом, своими словами, своими объятьями, всем. На это мгновение он становится возлюбленным. Он надевает на себя личность возлюбленного той женщины, которая перед ним.

Во второй сцене ему, может быть, нужно плакать - и актеры начинают плакать, на их глазах выступают слезы. Вначале, чтобы вызвать слезы, они вынуждены прибегать к химическим средствам, но так только у актеров-любителей. Когда актер обретает настоящее мастерство, тогда в этом нет необходимости; он просто меняет свою личность. Он надевает лицо печали, грусти, и начинают течь слезы. Он обманывает не только вас, он может обмануть свою собственную химию.

Все эти личности, персональности, постоянно с вами. Вы — толпа, много людей вместе, все разные: многие враждуют друг с другом, непрерывно конфликтуют, сражаются, борются. Вот почему вы видите людей в таком страдании. Иначе, нет причины для страданий, если в вас нет столь многих голосов, сражающихся, конфликтующих, пытающихся контролировать все остальные - один голос старается стать монополистом над всеми остальными.

Гурджиев называет их «самости»; это то же самое. Самость или эго можно называть и личностью, вы можете начать искать ее - следить за ней - такая потрясающе очаровательная игра. Вот вечером вы решаете, что завтра утром вы встанете в пять часов. Вы принимали такое решение на протяжении многих лет, и вы знаете, что каждый вечер вы принимаете такое решение... Но эта ночь другая! - и это вы тоже знаете. Каждую ночь вы говорили себе: «Эта ночь другая; завтра я встану в пять. Есть же всему предел!»

Но то же самое вы говорили каждую ночь. Вы не говорите ничего нового, но не осознаете этого.

И в пять часов, когда звенит будильник, вы просто нажимаете на его кнопку; вы сердитесь на часы. Вы выбрасываете часы, поворачиваетесь на другой бок и говорите себе: «Такое холодное утро, и этот глупый будильник», - и снова засыпаете. Вы собираетесь ухватить для сна еще несколько минут... и так продолжается годами.

Каждое утро вы засыпаете «еще на несколько минут». Когда вы просыпаетесь, уже девять, и вы снова раскаиваетесь, вы думаете: «Как это могло случиться? Я ведь решил встать». И снова вы будете делать так, но вы никогда не поймете, что личность, которая принимала решение вечером, была определенной личностью, а та личность, которая выбросила будильник, была другой личностью.

Личность, которая говорила: «Завтра я встану в пять», - больше не находится сверху, она больше не стоит на дежурстве. Сверху кто-то другой, и он говорит: «Забудь все про эту чепуху», - и выбрасывает часы и говорит: «Поспи еще. Так холодно - ты разве глупый?» А повернуться на другой бок так хорошо и уютно, а после будильника спится даже еще лучше. А в девять часов, когда вы просыпаетесь, вы печальны. Это другая личность. Она не выбрасывала будильник; она не была той личностью, которая сказала: «Еще несколько минут...» Эта личность решает: «Теперь, что бы ни случилось, завтра утром я встану в пять».

Вы будете делать это всю свою жизнь, и вы никогда не сможете понять такой простой факт: у вас много личностей, и каждый раз говорит другая личность, говорит по-другому, имеет другие идеи.

Только понаблюдайте за этим; само такое наблюдение дает такую великую радость, такой великий спектакль, что не нужно ходить ни в какое кино. Можно просто закрыть глаза и смотреть кино, которое продолжается там со многими действующими лицами, со многими актерами, актрисами, и всем, что необходимо, — сырой материал, неотредактированный...

Но перед тем, как вы сможете познать себя, вы должны быть собой.

Вы должны сбросить все эти личности, как одежды, вы должны прийти к своей полной обнаженности.

Вот отсюда идет начало.

А тогда вторая вещь является уже простой. Вся проблема в первой вещи; вторая вещь очень проста. Когда личности уходят, толпа покидает вас, вы остаетесь одни. Закройте глаза, и вы увидите, кто вы есть, - ведь никого другого не осталось. Есть только осознание потрясающего безмолвия, отсутствия объекта.

Там вы не встретите никакого Бога, никакой души, никаких ангелов - все это вымысел. Если вы встретите кого-то, то вспомните, что вы снова галлюцинируете. Если вы встретите Иисуса, выбросьте его! Если вы встретите Кришну, скажите ему: «Убирайся. Это место не для людей. Оставь меня одного». Только Будда имел смелость сказать: «Если вы встретите меня в пути, немедленно отсекайте мне голову».

Вы должны отсечь голову Будде; иначе вы не будете одни, — а если вы не будете одни, то как вы сможете познать себя?

В уединении, неожиданно, из ниоткуда, приходит аромат, называемый просветлением. Вы становитесь светящимися; вы впервые полны света, вся тьма исчезла.

Ночь прошла, солнце взошло - и восход никогда не станет закатом.

Беседа 14

ОБЩЕСТВО ВЫТЕСНЯЕТ ВАС ИЗ СЕБЯ; РЕЛИГИЯ ВЫГОНЯЕТ ИЗ ВАС ТОЛПУ

13 декабря 1984 года

Бхагаван,

Почему, прежде всего, люди оказались отвлеченными от своей изначальной самости, от самого себя?

Человек рождается как неизвестное, как непознанная потенциальная возможность.

Когда он приходит в мир, его изначальное лицо недоступно. Он должен еще найти его. Это станет для него открытием, и в этом вся красота. И в этом различие между человеческим существом и вещью.

Вещь лишена потенциала, она есть то, что есть. Стол - это стол, стул - это стул. Стул никогда не станет чем-то другим, у него нет потенциальной возможности; у него есть только актуальность. Он не является семенем чего-то другого.

Человек - не вещь.

Отсюда все проблемы и вся радость, все вызовы и все неприятности.

Ребенок приходит пустым, на нем ничего не записано, нет никаких указаний на то, кем он станет, - все измерения открыты.

Это первая основная вещь, которую нужно понять: ребенок - это не вещь, ребенок - существо.

Он еще не готов, он лишь только собирается быть. Он - процесс, и нет возможности предсказать, где его цель; каким будет окончательный исход его жизненных переживаний, мук, тревог, восторгов; каким будет конечный итог? В начале суммарный итог всей его жизни не доступен.

Он не приносит вместе с собой план своей жизни. Вас дурачили все астрологи, хироманты, и они могут дурачить вас, потому что для этого был шанс. Родителей заботит, кем станет их ребенок. Их забота исходит из любви, поэтому их могут эксплуатировать любые жулики. Эти жулики предсказывают: «Из него получится это или то», - но они не причиняют много вреда; они просто немного наживаются. Их предсказания никогда не сбываются.

Большого масштаба проблема возникает со священником, с политиком, с педагогами. Политик не интересуется, в чем состоит настоящий потенциал ребенка. Он заинтересован в том, чтобы этот ребенок стал частью его пути к власти. Он вносит свой вклад в каждого ребенка, потому что каждый ребенок - потенциальный друг или враг. Хорошо начать собирать голоса как можно

раньше. Поэтому до того, как ребенок начнет двигаться своим путем, его отвлекают на тот путь, на котором исполняются желания политика, но который убьет семя в самом ребенке.

И священник заинтересован - он сделал свой вклад. Папа тем больше папа, чем больше у него католиков в мире. Если католики исчезнут, какой будет ценность папы? Кто позаботится о нем? Каждый рождающийся ребенок имеет некоторую силу, которую могут эксплуатировать священники, политики...

Вскоре ребенок станет полноправным гражданином мира - его надо схватить поскорее. Он должен стать католиком, если родился у католических родителей, или если по счастью он сирота, то мать Тереза присмотрит за ним и обратит его в католичество. Они чрезвычайно счастливы: чем больше в мире сирот, тем больше Нобелевских премий может получить мать Тереза, - и чем больше сирот, тем, значит, больше католиков. Чем больше в мире бедных людей... их очень легко можно обратить в христианство.

Иисус говорит, что не хлебом единым жив человек. Это истина подлинного человека, но это не истина, когда речь идет о массах. Когда вопрос касается масс, я говорю вам, человек живет хлебом и только хлебом. И есть только массы — где же он, подлинный человек?

Эти политики, эти священники, эти школьные учителя никого не предоставляют самому себе, чтобы человек мог стать подлинным, чтобы он мог получить свое изначальное лицо, чтобы он смог найти себя. Повсюду есть люди, имеющие свои насущные интересы в каждом ребенке. А ребенок - это просто табула раза, чистая доска, ничего не написано на нем; написать на нем что-нибудь - великое искушение для каждого. Родители, конечно, хотели бы написать свою религию, свою касту, свою философию, свою политику, ведь ребенок должен принадлежать им. Ребенок должен нести их наследие.

Если они на протяжении столетий были индусами, ребенок должен быть индусом, нести наследие индуизма следующим поколениям. Их не интересует собственный потенциал ребенка — никого он не интересует, - они заинтересованы в своем собственном вкладе и, конечно, вкладывают все...

Родители так много вкладывают в ребенка, дают ему жизнь, воспитывают его, дают ему образование; и все с условием -говорится об этом или нет, не важно. Однажды они спросят: «Мы так много сделали для тебя, теперь настало время тебе сделать что-нибудь для нас». Скорее всего, они и сами не осознают, что они делают, потому что именно так они воспитывались своими родителями, - из поколения в поколение все тот же процесс.

Учитель заинтересован в том, чтобы учащийся достойно представлял его. Религиозный учитель заинтересован в том, чтобы ученик был моделью его учения...

Я хочу, чтобы вы запомнили, что каждый заинтересован в ребенке ради чего-то такого, в чем у ребенка совершенно нет интереса.

Сам же ребенок совершенно беспомощен, он не может сражаться со всеми этими людьми. Они сильны. Он зависит от них; если они захотят что-нибудь сделать из него, он станет этим. Ребенку абсолютно ясно, что, если он пойдет против родителей, он поступит неправильно, он изменит им. Эти идеи прививаются ему теми же родителями, священниками, учителями. Он

чувствует свою вину.

Любое утверждение своей собственной самости, своего «я», становится его виной, а всякое притязание родителей, религиозных священников, работников образования, политиков, - которое есть лишь притязание, - оплачивается очень хорошо. Ребенок с самого начала выучивается политике: выучивается, как быть лицемером, как быть подлым. Будьте подлинными, и вы понесете наказание. Теперь у ребенка есть простая арифметика, и вы не можете осуждать его за нее.

В моем детстве, - поскольку об этом я могу говорить более авторитетно; я не знаю вашего детства, я знаю лишь свое детство, - это было вопросом каждого дня. Меня постоянно просили быть правдивым. И я сказал отцу: «Всякий раз, когда вы говорите мне быть правдивым, вспомните одну вещь: правда должна вознаграждаться; иначе вы принуждаете меня не быть правдивым. А я хочу быть правдивым».

Так очень просто я выразил то, что истина не оплачивается: вас наказывают за нее. Ложь оплачивается: вас награждают за нее. Этот вопрос был решающим, очень важным. Поэтому я дал ясно понять родителям, что: «Если вы хотите, чтобы я был правдивым, то тогда правда должна вознаграждаться, и не в будущей жизни, а здесь и сейчас, потому что я буду правдивым здесь и сейчас. А если правда не вознаграждается, если меня за нее будут наказывать, то тем самым вы заставите меня лгать. Так что поймите это ясно; тогда для меня не будет проблем, я всегда буду правдивым».

Я не думаю, что каждый ребенок пытается выразить все это и заключает об этом с родителями такой ясно сформулированный договор. Но с моим отцом такой договор был заключен. Как бы эта правда ни шла против него, его морали, его семьи, его общества, его уважения, не важно; важно, чтобы я был правдивым. И за это мне следовала немедленная награда: «Иначе в следующий раз, знайте, я буду говорить то, что вы хотите услышать, - но помните, это будет ложь».

В тот день, когда я впервые высказал это моему отцу, он сказал: «Позволь мне подумать об этом, поскольку мне кажется, что ты разыгрываешь здесь какой-то трюк. Ты раскидываешь передо мною какую-то тонкую сеть. Ты совершаешь какой-нибудь вред и говоришь правду, и я должен буду наградить тебя за этот вред».

Я сказал: «Ваше дело решать, хотите ли вы, чтобы я был правдивым или нет. В любом случае я буду делать то, что захочу. Так или иначе вред уже причинен. Он произошел от самого вопроса: быть правдивым или не быть правдивым? Так что зачем вносить в это дело вред? Он уже случился. Теперь с этим уже ничего не сделаешь. Этого не исправить».

«Можно сделать следующее: вы заставляете меня лгать, и я лгу. А я могу лгать с таким лицом, что вы будете в совершенной уверенности, что я говорю правду. Я выучусь этому. Если это способ, то пусть так будет, но помните, на вас лежит ответственность за то, что вы отвлекли меня от истины, потому что вы вознаграждали ложь и наказывали правду. Можете подумать над этим. Я не спешу. Вы меня спрашиваете».

А произошло следующее: в двух или трех кварталах от нас жила семья браминов, очень ортодоксальных браминов. Брамины состригают все свои волосы и оставляют только маленькую

часть на седьмой чакре на голове, так что эта часть у них растет. Они подвязывают ее и держат под своим головным убором или тюрбаном. И я сделал следующее: я отстриг волосы отца этого семейства. В летнее время в Индии люди спят вне дома, на улице. Они выносят свои постели, кровати на улицы. Ночью на улицах спит весь город, внутри жарко.

Так что этот брамин спал - и не моя вина... у него было такое длинное чоти; этот кустик волос назывался чоти. Я никогда не видел его, потому что он был постоянно спрятан под его тюрбаном. Когда он спал, этот кустик свешивался до земли. Он так далеко свешивался с его лежанки, что я был в искушении, я не мог устоять; я ринулся домой, взял ножницы, отрезал его полностью, взял с собой и спрятал в своей комнате.

Утром он, должно быть, обнаружил, что чоти нет. Он не мог в это поверить, поскольку в нем заключалась вся его чистота, вся его религия, - была уничтожена вся его духовность. И, все в округе знали, что если что-то не так... прежде всего, они ринулись ко мне. И я немедленно вышел к ним. Я сидел снаружи дома, хорошо зная, что утром он придет. Он посмотрел на меня. Я посмотрел на него. Он сказал мне: «На что ты смотришь?»

Я сказал: «На что вы смотрите? На то же самое».

Он сказал: «То же самое?»

Я сказал: «Да. То же самое. Назовите, о чем вы».

Он спросил: «Где твой отец? С тобой я совсем не хочу разговаривать».

Он вошел в дом. Он вывел моего отца, и мой отец сказал: «Ты что-то сделал этому человеку?»

Я сказал: «Я не делал ничего этому человеку, но я отстриг чоти, которое точно не может принадлежать этому человеку, поскольку когда я отрезал, что он делал? Он мог бы все это предотвратить».

Человек сказал: «Я спал».

Я сказал: «Если бы я отрезал вам палец во время сна, смогли бы вы спать дальше?»

Он сказал: «Как можно спать, если кто-то отрезает тебе палец?»

Я сказал: «Это точно показывает, что волосы мертвы. Можно отстричь их, а человек не почувствует никакой боли, не будет никакой крови. Так о чем же беспокоиться? Там свисала мертвая вещь... и я подумал, что вы зря всю свою жизнь носите эту мертвую вещь под своим тюрбаном - почему бы не освободить вас? Это моя комната. И со своим отцом я заключил договор о том, чтобы быть правдивым».

Я вынул его чоти и сказал: «Если у вас к этому такой интерес, можете забирать обратно. Если это ваша духовность, ваш брахманизм, привяжите его и храните под тюрбаном. Так или иначе, это мертвая вещь; она была мертва, когда была при вас, она была мертва, когда я отрезал ее. Можете хранить ее под своим тюрбаном».

И я в присутствии этого человека спросил своего отца: «Моя награда?»

Этот человек сказал: «О какой награде он спрашивает?»

Мой отец сказал: «Это проблема. Вчера он предложил мне договор о том, что если он говорит правду... и искренне; он не только говорит правду, но и представляет доказательства. Он рассказал всю историю - и даже продемонстрировал ее логику - что это была мертвая вещь, поэтому, что о ней беспокоиться? И он ведь ничего не прятал».

Он наградил меня пятью рупиями. В те дни в нашей маленькой деревне пять рупий было большой наградой. Этот человек от моего отца сошел с ума. Он сказал: «Вы испортите этого ребенка. Вам нужно выпороть его, а не давать ему пять рупий. Теперь он будет отрезать чоти у других людей. Если за чоти он получает пять рупий, то со всеми браминами города покончено, потому что все они спят ночью вне дома; а когда спишь, не можешь держать чоти в руках. Что же вы делаете? -это же станет прецедентом».

Мой отец сказал: «Но это мой договор. Если хотите наказать его, это ваше дело; меня это не касается. Я награждаю его не за его вред. Я награждаю его за правду - и я собираюсь награждать его за правду всю свою жизнь. Что касается вреда, то вы можете делать с ним что угодно».

Этот человек сказал моему отцу: «Вы вводите меня в еще большие проблемы. Если я сделаю что-нибудь этому мальчику, вы думаете, на этом все кончится? Я семейный человек: у меня есть жена, дети, дом - завтра сожгут мой дом». Он был очень зол и сказал: «Особенно сейчас это проблема, потому что завтра я собираюсь проводить церемонию в соседней деревне, и люди, увидев меня без чоти...»

Я сказал: «Не нужно волноваться - чоти я вам возвращаю. Вы можете тоже наградить меня чем-нибудь за то, что я возвращаю вам чоти. Просто не снимайте свой тюрбан в этой соседней деревне; даже ночью оставайтесь в тюрбане. Вот и все. Это не такая большая проблема, всего лишь одна ночь. А ночью кто станет смотреть на ваше чоти? Все будут спать».

Он сказал: «Не давай мне советов. Я бы поколотил тебя, но я хорошо знаю, что за этим последует целая цепочка всяких дел».

Я сказал: «Она уже началась. Вы пришли жаловаться; вы не наградили меня за то, что я был с вами абсолютно честным и искренним и рассказал вам, что не смог устоять против искушения. И я никому не причинил никакого вреда; не было никакого насилия - из вашего чоти не упало ни одной капли крови. Тем, что вы пожаловались моему отцу, вы уже породили цепочку реакций».

Он сказал моему отцу: «Вы только посмотрите!...»

Мой отец сказал: «Это не мое дело».

И я сказал отцу: «Это как раз то, чему учит весь брахманизм, - цепочка реакций».

Мой отец сказал: «Подержи свою философию при себе. И прекрати ходить на эти лекции садхов, монахов и махатм, потому что из того, что ты получаешь там, ты умудряешься делать такие странные выводы».

Я сказал: «Но это то, что я говорю, и это не странно. Это в точности то, в чем состоит теория

кармы: вы совершаете действие, за ним следует реакция. Он совершил действие, пожаловавшись на меня, теперь последует реакция».

И реакция последовала, ведь он сказал же, что собирается в соседнюю деревню... Он был очень зол на меня, а когда вы злитесь, вы злитесь, - он даже весь покрылся пятнами. Он разозлился на свою жену, на своих детей... Я следил за ним, он собрал свои вещи и выехал на коляске, запряженной лошастью.

В тот момент, когда он уехал, я сказал его жене: «Вы понимаете, куда он собрался? Он уехал навсегда, - а вы этого не знаете! Он приходил рассказать моему отцу о том, что уходит навсегда и никогда не вернется».

Жена тут же начала плакать и вопить: «Остановите его!» Люди побежали и остановили его коляску.

Он сказал: «Почему вы останавливаете меня? Я должен успеть на поезд!»

Они сказали: «Не сегодня. Ваша жена плачет и бьет себя -она умрет!»

Он сказал: «Это странно. Почему это она бьет себя и почему плачет?» Но люди не дали ему уехать, они тащили на себя его мешок и чемодан.

Человек, управлявший коляской, сказал: «Я не возьму вас. Если такое дело, что вы оставляете навсегда свою жену и маленьких детей, то я вам не помощник».

Брамин сказал: «Я не оставляю, я вернусь, но у меня нет времени объясняться с вами. Я опоздаю на поезд - станция в двух милях от моего дома».

Но никто его не слушал, а я провоцировал людей: «Остановите его, иначе его жена, его дети... за ними нужно присматривать, кто будет давать им пропитание?»

Они втащили его обратно вместе с чемоданами, он, конечно, был в гневе и бросил своим мешком в жену. Жена спросила: «Что мы сделали тебе? Почему ты?..» Я стоял тут же в толпе.

Он сказал: «Никто ничего не делал. Этот мальчишка сказал мне, что будет реакция. Причина в том, что три дня назад в храме я учил философии действия и реакции, и этот мальчишка был там. Теперь он учит меня». Он сказал мне: «Прости меня, я никогда не скажу ни единого слова о действии и реакции. И ты можешь отстригать чьи угодно чоти, если захочешь, я не буду жаловаться. Ты можешь отрезать мне голову, я не буду жаловаться - потому что хочу прекратить эту цепочку. Мой поезд уходит».

Тогда все спросили: «В чем дело? Мы не понимаем. Кто отрезал ваше чоти?»

Я сказал: «Посмотрите! Цепочку невозможно остановить. Эти люди спрашивают: “Чье чоти? Кто отрезал его? Где чоти?”» Я сказал: «Только загляните под его тюрбан, посмотрите на его голову!» И человек, который считался в городе борцом, подошел к нему и снял с него тюрбан, оттуда выпало чоти.

Мой отец тоже был там и видел все это. Когда мы возвращались домой, он сказал мне: «Я

награжу тебя, но не пользуйся преимуществами нашего договора».

Я сказал: «Я не пользуюсь. Этот договор не между мной и вами. Мой договор заключается в том, что я всегда буду говорить вам правду, а вы будете награждать меня за это». И он выполнял его твердо. Что бы я ни совершил, каким бы неправильным это ни казалось ему, он постоянно награждал меня. Трудно найти другого такого отца - отец должен силой навязывать вам свои идеалы.

Весь наш город осуждал моего отца: «Вы портите ребенка».

Он говорил: «Если это его судьба быть испорченным, пусть будет испорченным. Я не буду вмешиваться в его судьбу; он никогда не сможет сказать: “Мой отец испортил меня”. И если он счастлив быть испорченным, то что тогда плохого в том, чтобы быть испорченным? Что бы ни случилось в его жизни, я не хочу вмешиваться. Мой отец вмешивался в мою жизнь, и я знаю, что был бы другим человеком, если бы не это».

«Я знаю, что мой сын прав, что каждый отец превращает своего ребенка в лицемера, вот и меня превратили в лицемера. Когда я хочу смеяться, я серьезен. Когда я хочу быть серьезным, я вынужден смеяться. Пусть хотя бы один человек смеется в то время, когда хочет смеяться. И пусть он будет серьезным, когда хочет быть серьезным». Он сказал: «У меня одиннадцать детей, но про себя я буду думать, что их только десять». Меня он никогда не числил среди своих детей, потому что, как он сказал: «Я дал ему полную свободу быть собой. Почему он должен нести на себе какой-либо мой образ?»

В лучшем обществе - и когда я говорю «в лучшем обществе», я имею в виду общество, которое понимает целостность каждого человека, уважает даже малого ребенка и ничего не навязывает ему. Но до этого общества далеко, очень далеко, потому что у всех людей появились их насущные интересы, и они не могут остановиться; они должны использовать и эксплуатировать других людей.

Кто-то становится президентом; вы никогда не думаете, что он становится президентом за ваш счет, что в вас что-то убивается для того, чтобы этот человек стал президентом страны. Если бы каждый оставался уникальным, изначальным, то этим президентам и премьер-министрам, людям, которые правят всем миром и которые на протяжении тысяч лет уничтожали мир и уничтожают его сейчас, было бы невозможно продолжать делать это.

Когда будут индивидуальности, общества будут совершенно иного рода; будут коммуны, а не общества. Не будет наций, поскольку это будет не нужно.

Зачем нужны нации?

Вся земля едина.

Только на картах проводятся линии, и через эти линии идут сражения и убийства. Это такая глупая игра, что если бы все человечество не было безумным, невозможно было бы представить себе, зачем все это еще продолжается. Зачем нужны нации? Зачем нужны паспорта и границы? Вся эта земля принадлежит нам; человек имеет право быть там, где он хочет.

Солнце не является ничьей собственностью, земля не является ничьей собственностью, луна не является ничьей собственностью; ветер, облака, дождь - ничто не является собственностью. Зачем проводить эти линии?

Вы легко поймете это... скоро вы увидите линии на Луне. Прямо сейчас их еще нет, но скоро вы увидите советскую зону, американскую зону, китайскую зону. Там никто не живет, никто и не будет жить там. Нет никакой возможности развития жизни на Луне. Луна - мертвая планета, там нет ни капли воды. Да, там можно пробыть несколько часов со всеми вашими противогазами, кислородными баллонами и всем остальным, но жить там люди не могут. Но они уже расставили там свои флаги....

Некому смотреть на флаг, некому салютовать флагу - нет даже птички, чтобы нагадить на этот флаг! Первое, что сделали американцы, это поставили штгерь и повесили на него флаг. Какой идиотизм! И для кого? Но скоро за ними последуют другие дураки. Они отправятся на Марс, они отправятся на другие планеты, они повсюду сделают то же самое.

Нации не нужны никому

- кроме политиков, потому что без наций не будет политики,
- кроме генералов, потому что без наций не будет войн,
- кроме заводов, производящих оружие.

Что произойдет с вашими заводами по производству ядерного оружия и всей той энергией, которая связана с ними? Ведь если нет наций, то нет и необходимости создавать ядерное оружие. Для кого?

Простейшим решением по спасению человечества является удаление с карты всех линий - и только с карты - на земле линий-то нет.

Просто удалить с карты все линии, и третьей мировой войны не будет, не нужны будут такие многочисленные армии по всему миру.

Миллионы людей ничего не делают, только поворачиваются налево, направо. Если кто-нибудь посмотрит сверху, он удивится. Почему люди все время делают сначала направо, потом налево, потом кругом, потом маршируют, потом возвращаются обратно, потом выполняют команду «разойдись» - каждый день миллионы людей по всему миру? Он определенно подумает, что что-то не так - нужно подкрутить какой-нибудь винтик, какую-нибудь гайку.

Эти нации могут существовать только в том случае, если ваша личность ложна.

Эти церкви и религии могут существовать только в том случае, если у вас нет вашего изначального лица, ведь человек, имеющий свое изначальное лицо, - каким делом он должен заниматься, чтобы иметь потребность отправиться к папе? Для чего? Нет никакой причины, по которой ему нужно было бы отправиться к любому религиозному учителю, в любой храм, в любую синагогу. И почему он должен становиться мусульманином, христианином, индусом? Почему?

Со своим изначальным лицом вы будете чувствовать себя такими содержательными, такими исполненными, такими удовлетворенными, настолько у себя дома, что никакого поиска не останется; вы уже нашли свой дом.

Но эти люди не дают вам найти его. Они сбивают вас с толку; простая причина этого заключается в том, что у них есть некоторые намерения, у них есть их собственные идеи, и ради этих идей надо пожертвовать вами. Политики жертвуют вами ради своей политики. Религии жертвуют вами ради своего рода политики.

Ребенок никого не интересуется, и причина этого ясна: ребенок должен быть отформован по определенному образцу, который подходит обществу, нации, конкретной идеологии.

В России ребенка с самого начала учат коммунизму. Он должен знать имена Карла Маркса, Фридриха Энгельса, Ленина; это их боги.

В некоммунистических странах все то же самое, только имена другие. Каждый приносится в жертву какой-нибудь глупой идеологии, теологии, политики, религии. Вот почему люди сбиваются с толку.

Ребенок позволяет проделывать с собой все это, поскольку он не знает, кем он станет. Естественно, он зависит от своих родителей, от старших - от тех, кто больше знает. И он не осознает, что они не знают больше; они сидят в той же лодке, они так же невежественны, как и ребенок. Они хитры, но невежественны, и как раз за счет своей хитрости они прячут свое невежество в заимствованном знании.

Мой дедушка обычно брал меня ко всякому махатме, ко всякому святому, и говорил мне: «Если ты не пойдешь, то и я не пойду, ведь тогда все будет так скучно. Ты оживляешь все это дело». А я всего-навсего задавал очень простые вопросы. Что еще может делать ребенок?

Один индусский монах, Свами Видьянанда, обычно приходил в город в каждый дождливый сезон. На протяжении четырех месяцев он читал в городе лекции - он был хорошо известным учителем. В первый день, когда я пришел со своим дедушкой, я просто стоял; и благодаря моему дедушке никто не выгнал меня и не сказал, чтобы я сел. Все знали о том, что он опасный человек в этом вопросе. Если бы кто-нибудь сказал: «Мальчик, садись, ты не поймешь таких великих вещей», - мой дедушка сказал бы: «И я не понимаю, а ведь мне семьдесят лет. Так что помолчите, сами вы понимаете?» И он сказал мне: «Спрашивай».

Было ясно, что они не могут выгнать меня, не могут меня остановить, поэтому я просто спросил Видьянанду: «Я хочу узнать одну вещь относительно того, что вы говорите: это заимствовано или пережито вами? И помните, что вы сидите в храме Божьем». Это был Рама Мандир, лучшее место в городе, самый драгоценный храм города с прекрасным мраморным залом — поэтому там устраивались все самые лучшие беседы.

Так что я сказал ему: «Смотрите на статую Рамы; и помните о том, что вы находитесь в святом месте, помните о своем одеянии, о том, что вы монах. Не бесчестите свое одеяние, не бесчестите вашего Бога; скажите правду: вы пережили все то, о чем говорите? Вы знаете Бога? Вы видели Бога точно так же, как и меня? Вы говорили с Богом точно так же, как говорите со мной? Или вы только выучили это из книг?» Наступила глубокая тишина. Этот человек колебался.

Я сказал: «Ваше колебание говорит обо всем. Вам лучше сказать правду, потому что, если вы видели Бога, зачем вам колебаться? Вы чувствуете небольшой испуг - я вижу пот, выступивший на вашем лбу, а здесь ведь прохладно».

Этот человек сказал: «Я никогда об этом не думал. Но будучи санньясином и находясь в храме Божьем, я не могу говорить неискренне. Я не пережил этого. То, что я говорю, я услышал, прочитал, выучил».

Тогда я сказал ему: «Уходите! Уходите отсюда немедленно. Найдите человека, который познал сам, и приведите его сюда. Вы бросаете на головы этих бедных людей заимствованный хлам, даете им представление о том, что они тоже знают... я ведь знаю этих дураков, они все из моего города, и они говорят так, как будто знают».

И я сказал людям: «Слушайте своего гуру!» Он для всего города был почти гуру, поскольку на протяжении многих лет — в то время ему было, наверное, шестьдесят лет, — на протяжении многих лет он каждый год на четыре месяца посещал этот город. Но этот раз стал последним. С тех пор я не слышал о нем в этом городе.

Когда я путешествовал по Индии, я постоянно спрашивал о том, что случилось с Видьянандой, умер он или еще жив; что с ним случилось? Наконец я встретил его в одном месте, в котором никогда не ожидал встретить, недалеко от Мадраса, в Адьяре. Адьяр - это штаб-квартира теософского движения. Я отправился провести несколько бесед в Мадрасе, и мой хозяин захотел, чтобы мы поехали посмотреть Адьяр. Адьяр прекрасен, теософы провели там по-настоящему хорошую работу. Они обустроили красивое место, но сейчас оно пустует, никто не приходит туда. Они построили прекрасные дома, коттеджи, зеленый сад - целую колонию.

В Адьяре растет, наверное, самое большое дерево бо. Когда теософское движение было живо, под этим деревом обычно проводились их встречи; тысячи людей могли поместиться в его тени. И Адьяр имеет, по-видимому, самые драгоценные библиотеки в мире. Теософы собрали манускрипты из Китая, Тибета, Ладакха, Монголии, Кореи - незнакомые места, незнакомые языки, - и у них есть огромная подземная библиотека древних рукописей. Я нашел этого человека там в библиотеке; он работал библиотекарем, он не был больше монахом.

Я спросил у него: «Что случилось?»

Он сказал: «В тот день вы изменили всю мою жизнь. После этого я не мог говорить с той же авторитетностью, с которой говорил раньше; я потерял свою смелость. Я пытался, но каждый раз во мне возникал вопрос о том, что я не знаю, так зачем же я говорю об этом людям? Может быть, это правильно, может быть, нет - кто знает? Я совершаю грех, потому что эти люди начнут думать, что они будто бы знают. Тот день в вашем городе...» Он не узнал меня. Я вынужден был напомнить ему, поскольку в последний раз он видел меня ребенком. Я же узнал его, хотя в то время ему было уже около девяноста лет; но от шестидесяти до девяноста больших изменений не происходит... Да, постареешь, но существенных изменений не будет. Он был старым, хрупким, но как-то более молодым и более живым.

Я сказал ему: «Сейчас вы на тридцать лет старше, но я вижу, что ваши глаза более молодые, более живые».

Он сказал: «Да, и это потому, что я отбросил эту фальшивую жизнь. Теперь я есть просто то, что я есть. Я не знаю — я ищущу, но я не знаю, возможно ли познать что-нибудь в этой жизни, ведь так много упущено».

Я сказал: «Никогда не будьте пессимистом. Это может случиться в любой день — это может случиться сегодня. Если ничего не случается, то это означает, что вы все еще где-то несете заимствованное. Могу ли я снова, тридцать лет спустя, задать еще один вопрос?»

Он сказал: «Я буду очень признателен, ведь первый вопрос сослужил мне великую службу. Он отнял у меня мое монашество, мое пребывание в Махатмах, отнял у меня моих последователей - все».

Я сказал: «Почему вы начали работать библиотекарем в библиотеке? Ведь это снова занятие того же рода. Теперь вы ищете в древних рукописях, найденных на Тибете, найденных в Ладакхе, найденных в Непале. Вы все еще не смотрите в себя. Раньше вы искали истину в напечатанных книгах, теперь ищете ее в сделанных от руки древних рукописях, думая, что те люди, наверное, знали. Вы снова совершаете ту же глупость. Ни один печатный пресс не знает... Продолжают печатать одну Библию за другой - миллионы Библий, - но печатный пресс остается печатным прессом; он не станет даже христианином».

«И вы думаете, что в рукописях вы что-нибудь найдете? Эти люди просто работали как писари. Они просто копировали, и им за это платили. Они не были знающими, они были копирующими, они выполняли печать таким примитивным методом. В те дни печать еще не была известна, поэтому люди писали, копировали из одного манускрипта в другой, а оттуда еще в один, и потом продавали их. Вы думаете, что эти люди знали?»

Он сказал: «Снова вы правы. Я пробыл здесь двадцать лет, просматривал все виды неизвестных методов, идеологий, - очень впечатляющих, очень логичных, - но я точно делаю то же самое. Теперь вы не найдете меня нигде».

Он бросил свою работу в тот же день. Он ушел, пока я был еще в Адьяре. Когда я вернулся после прогулки по окрестностям... Это большое место, и когда-то оно было пульсирующей коммуной; когда была жива Анни Безант, там жили тысячи людей. Когда я вернулся в главную контору и справился о Видьянанде, мне сказали: «Он ушел. Что вы сказали ему? Ведь это после вашей встречи с ним в библиотеке он пришел в контору и сказал: “Я ухожу, и ухожу навсегда. Я покончил с книгами. Хотя я слишком стар... Но может быть, хватит и нескольких дней, по крайней мере, перед смертью я должен начать правильную жизнь. Может быть, в следующей жизни я смогу завершить свой поиск, но я должен хотя бы начать”».

Никто не спрашивает: «То, что вы знаете, является ли это знание вашим?» Если это не ваше знание, отложите его в сторону; оно не представляет собой ценности. «То, что вы делаете, является ли это вашим стремлением? Вы на самом деле чувствуете, что колокольчик звенит в вашем сердце?» Если это не так, то не тратьте больше ни единого мгновения.

Люди все время делают вещи, которые навязали им другие люди, - и те продолжают навязывать свое. Очень маловероятно, что родители прекратят навязывать детям образ своих собственных идей, что учителя прекратят навязывать им все, что они «знают», как будто они на самом деле что-то знают. Они будут продолжать притворяться, что знают.

Мой ректор в высшей школе был математиком. Я не был студентом математики, но я, бывало, заходил к нему в кабинет, когда видел, что он один, и разговаривал с ним о высшей математике - теперь старая математика не применима больше к физике, биологии, химии, биохимии. Эти науки вышли за ее пределы. Так что он сказал мне: «Почему вы начали посещать мои занятия?»

Я сказал: «У меня нет проблем. Я не являюсь студентом математики, но когда я свободен и у вас есть занятия, я хотел бы приходить на них, если вы позволите. Но не волнуйтесь по моему поводу, потому что я не буду там мертвым, я буду живым».

Он сказал: «Что вы имеете в виду под этим “буду живым”?»

Я сказал: «Точно то, что это означает: буду живым. Дайте мне шанс, и вы увидите».

Я всегда интересовался многими вещами, старался понять, действительно ли они основываются на знании или являются лишь гипотетическими, - ведь если вещи являются гипотетическими, то они не являются по-настоящему истинными, а являются лишь прагматическими, удобными, полезными. Например, евклидова геометрия - ей было посвящено то занятие, когда он в первый раз разрешил мне... Вот определения Евклида - даже ребенок увидит, что они неверны. Евклид говорит: «Линия имеет длину, но не имеет ширины». Как может быть линия без ширины? Это так просто, не нужно быть математиком; я не математик, и не был им и в то время. Я спросил его: «Глупо то, что вы говорите, что линия имеет длину, но не имеет ширины, - она имеет ширину. Прочертите на доске линию без ширины, одну только длину, тогда я приму вашу гипотезу».

Он сказал: «Теперь я знаю, что вы имеете в виду под словами быть живым. Я окончил аспирантуру по математике, но этот вопрос никогда не приходил ко мне на ум. Это говорит Евклид; этому учит каждая школа, каждый колледж, каждый университет, так что я никогда не думал... но может быть, вы и правы. Я понимаю, есть...»

И я сказал: «Линия измерима. Вы проводите на доске линию мелом и продолжаете говорить, что она не имеет ширины. А «точка», как говорит Евклид, «не имеет ни ширины, ни длины». Как это может быть? Она может иметь очень, очень маленькую длину, очень, очень маленькую ширину, но это не означает, что их нет совсем. Нужно просто взять увеличительное стекло. Вы подождите, я сбегаю в химическую лабораторию, принесу увеличительное стекло и покажу вам».

Он сказал: «Не нужно никуда ходить - я и так понимаю. Но тогда, чему мне учить? С Евклидом покончено, ведь это основные определения».

Я сказал: «Это гипотезы. Вам нужно принять только одну вещь, что эти гипотезы практичны, но не истинны». Так что, относительно всего, что бы знаете, вы должны понять, является ли это просто гипотетическим, полезным для жизни или по-настоящему истинным, настоящей истиной, которую вы знаете, которую вы чувствуете, которую вы пережили. Если это всего лишь гипотеза, отложите ее в сторону, и вы почувствуете такое облегчение. Отложите в сторону все гипотезы, все заимствованное знание, которое собралось в вас и которое вы несете в себе, - вы тянете на себе целые горы, вы раздавлены ими.

Будьте невежественными, примите это: «Я не ведаю». И от этой точки начинайте поиск.

Нагружают каждого ребенка. Я надеюсь, что когда-нибудь так не будет. Действительно, это все не нужно, потому что когда вы преподаете Евклида, вы можете очень просто сказать, что это не истина, а всего лишь гипотеза. С этой гипотезой проще понять треугольник, круг и все остальное. Но помните, что в основании лежит гипотеза, и весь дворец, построенный на ней, является лишь гипотетическим.

Точно так же и ваш Бог является гипотезой, и вся пирамида теологии основывается не на чем ином, как на гипотезе. Если вы всмотритесь в вещи, то вам не потребуется великий разум, чтобы увидеть, нужна лишь простая невинность.

Ректор позвал меня в свой кабинет и сказал: «Больше не приходите на мои занятия, потому что теперь мне будет трудно иметь дело с детьми. Они увидели, что я не знаю. До сих пор я был для них авторитетом - вы уничтожили его». Так или иначе, он был искренним человеком. Он сказал: «Я понимаю вас, но не делайте этого с другими преподавателями, потому что они могут и не понять. Теперь я понимаю, почему на вас приходит так много жалоб, на то, что вы создаете помехи. Но это не помехи. Вы открыли мне глаза, я уже не смогу быть прежним. Но что озадачивает меня, так это то, что я никогда не задумывался над этим, я это просто принимал».

И это именно тот момент, который я хотел бы, чтобы вы заметили. До сих пор вы все принимали; вы принимали все, что вам говорили. Вы должны начать спрашивать, сомневаться. Не бойтесь авторитетов - авторитетов нет. Кришна или Христос, Мухаммед или Махавира - никто не авторитет. Если они и авторитеты, то лишь для себя, не для вас.

Вы будете авторитетом только для себя, если однажды узнаете истину вашего собственного изначального лица.

Тогда вы не будете авторитетом для кого-то другого. Никто не может быть авторитетом для кого-то еще.

Вся эта идея авторитета должна исчезнуть из мира.

Да, люди могут разделить ваше переживание, но это не авторитет.

Я не хочу ничего навязывать вам - ни единого слова, ни единой концепции.

Все мое усилие заключается в том, чтобы сделать вас как-нибудь бдительными и осторожными ко всяким авторитетам. И в тот момент, когда вы видите, что на ваше бытие навешивается какой-нибудь авторитет, тут же отбросьте его.

Кончайте со всем тем, что было дано вам, что было навязано вам, - тогда покажется ваше изначальное лицо.

Вы не знаете, вы не можете даже представить себе, каким будет ваше изначальное лицо, каким будет ваше истинное бытие.

Вы узнаете только тогда, когда узнаете; когда вы встанете лицом к лицу с собой, когда не будет никаких препятствий и вы останетесь полностью одни.

В этой уединенности расцвели все существа, которые расцвели.

Не многие расцвели. Лишь время от времени... Это странная трагедия, что рождаются миллионы людей, а расцветает человек лишь время от времени. Вот почему я говорю, что нет садовника, нет Бога, присматривающего за всем вокруг, наблюдающего, заботящегося, иначе, миллионы деревьев и лишь одно дерево расцветает?.. Весна приходит и уходит, а расцветает только одно дерево; миллионы деревьев остаются бесплодными, непродуктивными. Что же это за садовник, который так ухаживает за садом?

Это достаточное доказательство того, что нет садовника, нет Бога; но это не означает, что вы должны становиться пессимистами. На самом деле, это дает вам новое измерение - вы должны стать садовником для самих себя. Это хорошо, что нет Бога, потому что вы можете быть садовником для самих себя. Но тогда вся ответственность ложится на вас, вы не сможете никого винить.

Я отнимаю Бога, поэтому вам не удастся винить этого старика. Достаточно уже Его винили во всем: Он создал мир. Он создал это, Он создал то... Я снимаю с Него все эти обвинения — Он не существует.

Вы создали Его только для того, чтобы на Него переложит свою ответственность. Заберите свою ответственность обратно.

Примите свою уединенность.

Примите свое неведение.

Примите свою ответственность, тогда увидите, что случится чудо.

Однажды вы внезапно увидите себя совершенно в новом свете, такими, какими вы себя еще не видели. В тот день вы родитесь по-настоящему. До этого был лишь некоторый предродовый процесс.

Есть причины, почему люди отвлечены от своей изначальности. Во-первых, вы не знаете, в чем заключается ваша изначальность. Во-вторых, есть люди, которые спешат навязать вам свою собственную идею, поскольку, когда эта идея навязана, вы становитесь психологическими рабами.

Христианин не может найти истину, индус не может найти истину, поскольку христианство - это тюрьма, индуизм - это тюрьма. Кто-то отягощен Кораном, кто-то другой отягощен Торой.

Так что нет вопроса о том, что выбрасывать - что бы то ни было... Вот почему и иудей, и христианин, и индус, и мусульманин, и джайн, и буддист, и парси, и сикх - все могут найти у меня что-то, относящееся к ним, ведь то, что я говорю, применимо ко всем.

Отягощены вы Библией или Кораном, не имеет значения. Меня не интересует, чтобы вы выбросили именно Библию, меня интересует, чтобы вы выбросили любой хлам, который несете с собой. И я называю это хламом, потому что он дан вам другими; он не ваш.

Запомните: ваше только то, что вы пережили.

То, что вы знаете, - только это вы и знаете.

Пусть это очень мало, не волнуйтесь; семена являются малыми, но в семени есть потенциал. Оно - не вещь, оно — существо, готовое взорваться ростом, - ему нужно только дать возможность.

И именно в этом для меня заключается функция Учителя: создать возможность,

- не дать вам знание,

- не дать вам порядок жизни,

- не дать вам доктрину или догму,

но создать возможность, в которой все эти вещи постепенно, постепенно исчезают. Не они цепляются за вас, это вы крепко держитесь за них.

Поэтому, когда я говорю, что они исчезают, я имею в виду, что это вы медленно, медленно разжимаете свой кулак. Конечно, вам потребуется время, ведь вы так долго думали, что держите в руках что-то ценное, но даже если вы поняли меня, снова и снова будет приходить мысль о том, что если вы отбросите это, то потеряете что-то ценное. Но нет ничего ценного.

Запомните один критерий: ценно только то, что вы знаете, и то, что вы знаете, потерять невозможно.

Все, что может быть потеряно и за что вы вынуждены цепляться, не может быть ценным именно потому, что может быть потеряно. Это показывает, что это не ваше переживание.

Так что мы должны принять, что общество будет продолжать свой путь, но мы можем найти разумных людей и отнять их у общества.

Вот что я понимаю под санньясой.

Люди не понимают этого, потому что они думают, что, давая вам определенную одежду, определенный облик, я пытаюсь создать определенную религию.

Нет, я не создаю никакой религии.

Это абсолютно безрелигиозная религия.

Эта одежда, которую я даю вам, нужна лишь для того, чтобы вы имели дистанцию от толпы, чтобы толпа выталкивала вас и не давала вам смешаться с ней. Иначе вы предпочли бы спрятаться в ней. Кто хочет быть вне толпы? Там так уютно, так тепло.

Я даю эту одежду просто как стратегию, как инструмент, чтобы люди избегали вас: куда бы вы ни пошли, люди будут сторониться вас. Это единственный способ спасти вас; вы не можете смешаться с толпой. Иначе, было бы проще мне и моим санньясинам, если бы я не сделал вас такими отличающимися от других людей. Сюда пришло бы гораздо больше людей, им было бы проще. Но я не заинтересован в большом количестве людей. Я не политик, я не папа; что мне делать с этими многими людьми?

Я заинтересован только в немногих избранных - разумных, смелых, способных выйти на холод и отбросить удобство толпы. В самом начале будет холодно; вскоре у вашего тела появится своя собственная система создания тепла. Ваше существо вскоре начнет сотворять свой собственный аромат.

Мы должны продолжать вытаскивать людей из толпы, продолжать уничтожать все, что дала им толпа - ведь когда вы вытаскиваете человека из толпы, этот человек приносит толпу с собой, в своем уме. Человека из толпы можно вытащить очень просто, - это не так трудно, - но человек приносит в своем уме толпу. Эта вторая часть работы более трудна: вытолкнуть толпу из ума человека.

Должно быть сделано две вещи: вытащить человека из толпы, а потом вытолкнуть толпу из человека, и он остается просто один.

А для меня нет ничего более великого, чем остаться полностью одному, в своей чистоте, в своем существенном бытии.

Беседа 15

ОНИ ПРИЗЫВАЮТ ВЕРИТЬ; Я ПРИЗЫВАЮ ИССЛЕДОВАТЬ

14 декабря 1984 года

Бхагаван,

Возможно ли политику быть религиозным человеком или религиозному человеку - политиком?

Политику быть религиозным абсолютно невозможно, потому что у политики и религии пути диаметрально противоположны.

Вы должны понять, что речь не идет о добавлении чего-то к вашей индивидуальности, к вашей личности - религия же не может быть каким-то добавком. Если вы политический человек, вы можете быть художником, вы можете быть поэтом, вы можете быть музыкантом; все это добавки.

Политика и музыка не являются диаметрально противоположными; напротив, музыка может помочь политику быть лучше. Она будет расслаблять, она поможет снять нагрузку целого дня и те тревоги, через которые вынужден проходить политик. Но религия - это не добавление, это диаметрально противоположное измерение. Прежде всего вам нужно понять человека политики, что это в точности такое.

Человек политики - это больной человек, психологически больной, духовно больной.

Физически он может быть в полном порядке. Обычно политики физически находятся в полном порядке, вся нагрузка ложится на их душу, на их дух. Это можно понять. Когда политик теряет свою власть, он начинает терять и свое физическое здоровье. Странно... когда он был при власти, был перегружен столь многими тревогами и стрессами, физически он был в полном порядке.

В тот момент, когда власть уходит, уходят и все тревоги; теперь они будут касаться кого-то другого. Его дух облегчается, но в этом облегчении все его болезни падают на тело.

Политик страдает в том, что касается его физиологии, только тогда, когда теряет власть; в противном случае политики живут долго, в полном физическом здоровье. Странно, но причина этого заключается в том, что всю их болезненность принимает на себя их дух, а когда всю болезненность принимает дух, тело может жить неотягощенным. Если же дух освобождается от этой болезненности, то куда ей деться? Ниже психического лежит ваше физическое существование - вся болезненность падает на тело. Политики без власти умирают очень быстро. Политики во власти живут очень долго. Это известный факт, но причина этого известна не так хорошо.

Поэтому первое, что нужно понять, это то, что политический человек болен психологически, а психологическая болезненность стремится стать душевной болезнью, когда ее становится слишком много, когда дух не может больше сдерживать ее. Теперь будьте осторожны: если политик у власти, тогда его психическая болезненность обязана распространиться на его душевное бытие, потому что он сдерживает свою психическую болезненность, чтобы она не падала вниз. Вот его власть; он думает, что она - сокровище; он не позволяет ей упасть.

Я называю это болезненностью. Для него в этом все его эго. Он живет ради власти; для него нет другой цели. Когда он у власти, он крепко держит свою болезненность, но он ничего не знает о царстве духа, поэтому эти двери открыты. Он не может закрыть эти двери; у него нет понятия о том, что есть нечто большее, чем его ум. Когда он у власти, его психологическая болезненность, если ее слишком много, после определенной точки переполняет его дух и достигает его души. Если он вне власти, тогда он не стремится сдерживать всю эту глупость. Теперь он знает, что это было, теперь он осознает, что не было ничего ценного, за что стоило бы держаться. И действительно, не за что держаться; власть ушла, он никто.

Вне этого безумства власти он расслабляется - может быть, следует сказать, расслабление приходит к нему автоматически. Теперь он может спать, может совершать утренние прогулки. Он может поболтать, может поиграть в шахматы, может чем-нибудь заняться. Он чувствует себя психически потерянным. Двери между своим духом и телом, которые он держал закрытыми, начинают открываться, и его тело обязано теперь страдать: с ним может случиться сердечный приступ, с ним может случиться любая болезнь; все возможно. Его психическая болезненность будет перетекать к слабой части тела. Когда же он во власти, она течет наверх, по направлению к его бытию, которого он не осознает.

И что есть эта болезненность?

Эта болезненность есть комплекс неполноценности.

Всякий, кто заинтересован во власти, страдает от комплекса неполноценности; в глубине он чувствует себя никчемным, человеком ниже других.

И определенно, каждый из людей в том или ином смысле ниже других. Вы не Иегуди Менухин, но нет необходимости чувствовать свою неполноценность по этому поводу, ведь вы никогда и не пытались им быть, это не ваше дело. И Иегуди Менухин - не вы; так в чем же проблема? Где здесь конфликт?

Политический же ум страдает от раны неполноценности, и политик все время тревожит эту рану. Интеллектуально он не Альберт Эйнштейн - он сравнивает себя с гигантами, - психологически он не Зигмунд Фрейд... Если вы сравниваете себя с гигантами человечества, то обязательно почувствуете себя никчемными.

Эта никчемность может быть устранена двумя путями: один путь - религия, другой путь - политика.

На самом деле, политика не устраняет, она лишь прикрывает ее. В президентах сидит тот же самый больной человек, тот же самый человек, который чувствовал свою неполноценность. Простое сидение в кресле президента, изменит ли оно хоть что-нибудь в вашей внутренней ситуации?

Мой первый конфликт с Морари Десаи случился точно в такой ситуации. Один из великих джайнских монахов... великих для джайнов, не для меня - для меня он был самым фальшивым человеком, каких только можно встретить. На самом деле, мне очень трудно сравнивать его с любым другим фальшивым человеком, он побьет всякого. Он созвал религиозную конференцию; это было празднование их годовщины, день рождения их основателя. Был приглашен Морари Десаи. Я тоже был приглашен. Было, по меньшей мере, двадцать гостей со всей Индии, представители всех религий, представители всех направлений мысли и идеологии, и, по меньшей мере, пятьдесят тысяч последователей ачарьи Тулси.

Перед встречей ачарья Тулси приветствовал гостей, этих двадцать особых гостей. Это было, наверное, в 1960 году, в маленьком красивом местечке в Раджастане, в Раджсамунде. Там было очень красивое озеро, такое большое и широкое, отсюда и название Раджсамунд. Самунд в Раджастане означает океан, а Радж означает королевский. Оно такое красивое, что это название в точности ему подходит. Это королевский океан, озеро-император. Волны на нем почти такие же, как в океане. Это всего лишь озеро, но противоположного берега увидеть невозможно.

Он позвал нас на встречу, - перед тем как мы все пошли говорить с этими пятьюдесятью тысячами людей, собравшихся там, - чтобы познакомить нас друг с другом, ведь он был хозяином, который пригласил всех нас. Но неприятности начались с самого начала.

Неприятность заключалась в том, что он сидел на высоком пьедестале, а все гости сидели на земле. Ни для кого это не было проблемой, кроме Морари Десаи, политика. Он был единственным политиком среди этих двадцати человек. Кто-то был ученым, доктором наук. Котхари был председателем комиссии по атомной энергии Индии - кто-то был вице-канцлером... Эти люди собрались с самых разных направлений, но проблемы не возникло ни у кого.

Морари сказал: «Я хотел бы начать разговор». Он сидел как раз рядом со мной. Ни он не знал, ни я, что тогда начиналась дружба на всю жизнь. Он сказал: «Мой первый вопрос заключается в том, что вы хозяин, а мы гости. Гости сидят на полу, а хозяин восседает на высоком пьедестале. Что же это за учтивость? Если вы выступаете на митинге, то понятно, вы должны сидеть выше, чтобы люди могли вас видеть и слышать. Но здесь только двадцать человек - вы не выступаете на митинге, вы просто знакомите, представляете людей друг другу перед началом настоящей конференции».

Ачарья Тулси растерялся. Настоящему религиозному человеку было бы так просто сойти вниз и извиниться: «Это действительно самая идиотская ошибка с моей стороны». Но он не сдвинулся со своего места. Вместо этого он попросил одного из своих главных учеников, который теперь стал его преемником, Муни Натхмала: «Ответь на вопрос».

Муни Натхмал был растерян еще больше, нервничал - что сказать? Морари Десаи был в то время министром финансов Индии, именно поэтому его и пригласили. Они предпринимали усилия к тому, чтобы создать институт джайнизма, и он был человеком, от которого это зависело. Если бы он захотел, с финансами не было бы проблем. Муни Натхмал сказал: «Это никакая не неучтивость по отношению к гостям, это наша традиция, согласно которой глава секты сидит выше других. Это просто обычай, которому у нас принято следовать, ничего другого. Это никого не оскорбляет».

Морари не был человеком, который промолчал бы на такой ответ. Он сказал: «Мы не являемся вашими учениками, вы не наш руководитель. Никто из присутствующих здесь двадцати человек не признает вас как своего учителя или руководителя. Вы можете сидеть на каком хотите пьедестале среди своих учеников, среди своей секты, среди своих людей, - но мы ваши гости. Кроме того, вы провозглашаете себя революционным святым, так почему же вы цепляетесь за традицию, за обычай, такой нецивилизованный, такой некультурный?» Одним из провозглашений ачарьи Тулси было то, что он революционный святой.

Теперь Натхмал молчал, ачарья Тулси молчал, и все гости начали чувствовать себя неловко: начало было не очень хорошим.

Я спросил Морари Десаи: «Хотя это и не мое дело, меня это совсем не касается, но, видя ситуацию, не хотели бы вы, чтобы я ответил на ваш вопрос? Просто, чтобы начать разговор, чтобы эта встреча не закончилась такой неловкостью».

Он сказал: «Ответ меня интересует. Да, вы можете ответить».

Я сказал ему: «Несколько вещей: первое, здесь есть девятнадцать других человек, вы не один здесь. Никто другой не поднимал этого вопроса - почему только вы спрашиваете об этом? У меня такой вопрос не возник». И я спросил у людей: «Возник ли этот вопрос у вас? Если вопрос не возник, пожалуйста, поднимите руки». Все восемнадцать человек подняли руки в знак того, что такой вопрос у них не возник.

Тогда я сказал Морари: «Вы единственный человек, который почувствовал себя задетым. Должно быть, в вас есть какая-то рана, должно быть, вы страдаете некоторой неполноценностью - это психологический случай. Посмотрите: вы прекрасно знаете доктора наук Котхари, поскольку он председатель атомной комиссии Индии; вы знаете остальных этих выдающихся людей - никого это не обеспокоило. Так в чем же дело?»

«Вы видите паука, который идет по потолку? Он выше ачарьи Тулси... Оттого что вы выше, разве станете вы более великим? Но это как-то вас задело. В вас есть какая-то рана, которая не излечена даже тем, что вы стали министром финансов Индии. Вы хотели бы однажды стать премьер-министром Индии».

Он очень рассердился. Он сказал: «Вы назвали меня психически больным?»

Я сказал: «Конечно. Эти восемнадцать рук были подняты ради чего? Они поддерживают меня, они говорят: “Этот человек кажется очень уязвимым в том, что касается его эго”, — всего лишь монах сидит немного выше, и это беспокоит вас».

Я сказал: «Давайте предположим, например, что ачарья Тулси пригласит вас сесть с ним на высокий пьедестал», - и позвольте мне заметить вам, что даже тогда ачарья Тулси не пригласил его. Я сказал: «Например, если он пригласит вас и вы будете на пьедестале, то зададите ли вы тот же самый вопрос ради этих восемнадцати бедных душ, которые сидят на полу? Возникнет ли этот вопрос?»

Он сказал: «Об этом я никогда не думал. Может быть, вопрос не возникнет, поскольку на сотнях митингов и конференций я сидел на высоких пьедесталах, но такой вопрос никогда не возникал».

Я сказал: «Таким образом, становится ясно, что это не вопрос о том, почему ачарья Тулси сидит выше вас. Вопрос в том, почему вы сидите ниже ачарьи Тулси. Смените вопрос на то, почему вы сидите ниже ачарьи Тулси, - вот что вы должны были спросить. Такой вопрос был бы подлинным. Вы проецируете свою болезнь на кого-то другого».

«Но, может быть, этот кто-то другой так же болен, как и вы, поскольку если бы я был на его месте... но, прежде всего, я не захотел бы сидеть там, - если бы хозяином был я, а вы были бы моими гостями. Кроме того, если бы случайно, по какой-то случайности, я сидел там, в тот же момент, когда вы задали свой вопрос, я сошел бы вниз. Это было бы достаточным ответом: “Нет проблем; это просто наш обычай, а я забыл, что вы мои гости, поскольку лишь раз в году я встречаю гостей, но каждый день встречаюсь со своими учениками. Так что простите меня и позвольте начать разговор, ради которого мы собрались здесь”».

«Но он не сошел вниз. У него не хватило духу. Он сидит там почти как мертвый, он не может даже дышать, он испугался. И у него нет ответа - он попросил ответить вам своего секретаря. И еще один вопрос, который вы подняли и на который он тоже промолчал, заключается в том, что он провозглашает себя революционным святым. Он и не революционный, и не святой, так какой ответ вы хотите, чтобы он дал вам? Но моя основная проблема не в нем, а в вас. Вот он политический ум, который постоянно думает в понятиях выше и ниже, в понятиях власти».

Конечно, он рассердился, и он все еще сердится, он оставался сердитым на протяжении всех этих двадцати четырех, двадцати пяти лет. И он находился в таком положении, что мог бы причинить мне вред, но и у него не хватило духу. Он был заместителем премьер-министра, потом премьер-министром. Перед тем как стать премьер-министром, он даже обращался ко мне за помощью. Он позвонил мне, не отдавая себе отчета, позднее он узнал, что звонить мне было абсолютным абсурдом. Он был заместителем премьер-министра у Индиры Ганди; неконституционный пост сам по себе.

Первый премьер-министр Индии Джавахарлал Неру имел конфликт с другим учеником Ганди Сардаром Валлабхбахи Пателом. Конфликт был таким, что если бы были допущены выборы, то победил бы Валлабхбахи Пател. Он был настоящим политиком. Он был чем-то вроде Иосифа Сталина.

Когда произошла революция, Иосиф Сталин был секретарем коммунистической партии. Он не

был великим лидером или чем-то в этом роде. Его функция заключалась в организации — он был главным клерком коммунистической партии, если выразиться точно. Но как раз из-за того, что он был секретарем, он знал все, все проходило через его руки. Ему был знаком каждый человек, и у него была потрясающая хватка на людей.

Такая же ситуация была и с Сардаром Валлабхбхаи Пателом. Он был человек, очень сильный, говорю я вам, почти как Иосиф Сталин. Сталин - это не настоящее имя, ему дали его, потому что по-русски это означает «человек из стали». Странно, но в Индии Сардара Валлабхбхаи Патела звали лауха пуруш, что также означает «человек из стали». Это точный перевод слова «Сталин».

Сардар Валлабхбхаи Пател имел хватку к организации, внутреннюю хватку. Он не производил на публику такого впечатления, как Джавахарлал. Если бы пошла голосовать вся Индия, то на выборах победил бы Джавахарлал, никто не стал бы выступать против него. Но если бы голосование проводилось внутри партии конгресса, правящей партии, тогда Валлабхбхаи мог победить любого.

Чтобы избежать такого голосования, ведь тогда это было бы решением партии, Ганди сказал: «Будет хорошо создать один пост заместителя премьер-министра, поэтому Сардар Валлабхбхаи Пател будет рад тому, что если он и не первый, то второй человек». И второму человеку есть все шансы в любой момент стать первым, если первого человека выбрасывают, или он умирает, или происходит что-нибудь еще.

И Сардар Валлабхбхаи Пател был достаточно умен, чтобы сбросить того, кто был перед ним. Джавахарлал же был невинным человеком. Он совершенно не был политиком. Таким образом, без всякого конституционного основания немедленно было сделано добавление о введении поста заместителя премьер-министра. Это было сделано для Сардара Валлабхбхаи Патела.

Когда Неру и Пател умерли, этот пост был устранен, потому что он был неконституционным, но он был снова возобновлен при Индире Ганди и Морари Десаи. Тот же самый конфликт: Индира была дочерью Джавахарлала, а Морари Десаи - почти приемный сын, политически, Сардра Валлабхбхаи Патела. Он был его учеником в политике, главным учеником.

Позднее Морари понял, что это было мое предложение Индире выбросить его прочь. А я предложил это так, между прочим. Я говорил с ней почти час. Она слушала, а в конце сказала только: «Все, что вы говорите, правильно и должно быть сделано, но вы не знаете моей ситуации: мой кабинет не мой, мой заместитель премьер-министра не мой. В кабинете постоянно так много конфликтов и борьбы; он старается выбросить меня всеми правдами и неправдами, любым способом, чтобы самому стать премьер-министром».

«Если я скажу то, о чем вы говорите, все будут с ним, никто не останется со мной - ведь вещи, которые вы предлагаете, настолько противоречат индийскому уму, индийской традиции, индийскому образу мысли, что никто не поддержит меня. Если хотите, я могу предложить это перед кабинетом, но на следующий день вы услышите, что Индира уже не премьер-министр».

Тогда, просто так, между прочим, я сказал: «Тогда почему бы вам не выбросить Морари Десаи первой, ведь это он манипулирует всеми остальными. Все остальные - пигмеи. У них нет национального характера, они все провинциальные люди. В своих штатах, в Бенгалии, или в Андре, или в Махараштре они важны, но провинциальный человек не может бороться с вами, у

него нет почвы под ногами».

Только один человек может манипулировать всеми этими пигмеями, и это Морари Десаи; поэтому сначала покончите с ним. И если вы покончите с ним, все они будут с вами; поскольку никто из них не может стать вторым человеком. Создайте ситуацию, когда этот человек будет мешать всем, выбросите его, и никто его не поддержит».

Точно так и случилось: в течение восьми дней Морари Десаи был выброшен, и никто не поддержал его. Они все были счастливы, потому что теперь все стали равными; не осталось ни одного человека, который имел бы национальное значение, за исключением Индиры. Если бы и Индира ушла, умерла, или с ней что-нибудь случилось, эти пигмеи приобрели бы власть; другим способом они не могли иметь ее. Итак, с устранением Морари для них была пройдена лишь половина пути; теперь единственную проблему составляла Индира.

Морари не понимал этого, но позднее он понял. Ему рассказал секретарь Индиры, который подслушивал из соседней комнаты. Морари Десаи попросил меня помочь ему. Он сказал, что его выбросили, и это было несправедливо, нечестно; ему не высказали ни одной причины, просто сказали подать в отставку.

И он сказал: «Странное дело, поскольку всего восемь дней назад не было и разговора об отставке, между мной и ею не было никакого конфликта. И еще одна странность заключается в том, что я всегда думал, что остальные поддерживают меня против Индиры. Когда же меня выбрасывали, ни один министр кабинета не был против этого. Они радовались! У них была вечеринка, праздник!» Он сказал мне: «Мне нужна помощь».

Я сказал: «Вы обратились не к тому человеку. Я буду последним в этом мире, кто поможет вам. Если бы вы тонули в реке, а я проходил мимо, и вы кричали бы: “На помощь! На помощь! Я тону!”, - я сказал бы: “Делайте это потише. Не нарушайте мою утреннюю прогулку”».

Он сказал: «Что! Вы шутите?»

Я сказал: «Нет. С политиками я никогда не шучу; я очень серьезен».

Позднее он обнаружил, что это было в основном мое предложение, запавшее Индире на ум; это была простая математика, что если выбросить этого человека, то не о чем больше будет беспокоиться: все остальные были провинциалами. Тогда она уже могла делать все, что хотела, и никто не мог пойти против нее, потому что никто не представлял Индию как таковую. А Индия - это такая большая страна, - тридцать штатов, - что если вы представляете один штат, то какое это имеет значение? Это и запало ей на ум. И Морари стал ей еще более враждебным.

Точно так же, как он обратился ко мне за помощью, он обращался за помощью ко всем, о ком думал, что они обладают хоть какой-то властью над людьми, - он просил каждого. Он был попрошайкой. И он нашел одного человека, обладавшего национальным характером, Джаипракаша Нараяна. Тот, правда, никогда не занимался политикой. Он отрекся от политики и был искренним человеком, но, как я все время объясняю вам, даже самый искренний человек...

Он был великим служителем общества, он послужил Индии многими путями, но и он подтвердил мою точку зрения. Всю свою жизнь он посвятил борьбе за свободу, и после

освобождения Джавахарлал хотел, чтобы он стал его преемником, - он отказался. Естественно, всякий подумал бы, что он смиренный человек, - какое еще большее смирение, какую еще большую покорность можно себе представить? Он решил остаться никем, когда Джавахарлал предлагал ему: «Просто будьте членом моего кабинета, и я сделаю вас своим преемником. Я готов объявить об этом». И у него были способности стать хорошим преемником Джавахарлала.

Морари пошел и к нему, и Джаипракаш Нараян согласился помочь ему по одной странной причине - именно для того я и рассказываю эту историю, чтобы вы поняли, что даже человек, отрекшийся от поста премьер-министра Индии, был все-таки глубоким эгоистом. Это отречение исходило не из смирения, отречение исходило из эго, из того, что: «Мне все равно». Может быть, сама идея о преемственности, которую предложил ему Джавахарлал, была неприемлема для его эго. Он мог стать премьер-министром сам. Кто вы такой, чтобы объявлять о том, что я ваш преемник?

У него был его собственный авторитет, он был очень влиятельным человеком - может быть, следующим за Джавахарлалом в Индии, он был самым любимым людьми. И эта любовь становилась все сильнее и сильнее по мере того, как Джавахарлал все больше и больше погружался в политику и все дальше и дальше отдалялся от людей. Джаипракаш становился все ближе и ближе к людям, и люди начали любить его, потому что: «Вот человек, который смог отречься». А в Индии отречение - это последнее слово, дальше его пойти нельзя. Это наивысшая точка. Но одна маленькая вещь переключила его, и все смирение, вся покорность, все исчезло.

Я рассказывал вам о том, что богатейший человек Индии, Джугал Кисоре Бирла, предложил мне чистую чековую книжку, если я соглашусь распространять индуизм по всему миру и создать в Индии движение за то, чтобы заставить правительство запретить убийство коров. Когда я отказался, он сказал: «Молодой человек, дважды подумайте, ведь от меня получает деньги Джавахарлал, от меня получает деньги Джаипракаш Нараян, от меня получает деньги Рам Манохар Лохиа, от меня получает деньги Ашок Мехта». Все это были верховные лидеры.

Он сказал: «Каждый месяц я даю им деньги, столько, сколько им нужно. Даже Ашоку Мехте, президенту социалистической партии Индии, который против богатых людей, - даже он мой человек». Он сказал: «Я даю президентам всех партий, всем важным людям; кто бы ни пришел к власти, это будет мой человек. Пусть себе говорят, о чем хотят, разговоры не имеют значения - я купил их».

Я рассказал Индире о Джаипракаше как раз в том самом разговоре, в котором говорил о Морари, - о том, чтобы выбросить его. Она была потрясена! Она не могла поверить этому, ведь она называла его дядей; он был Джавахарлалу как брат. Он многие годы был секретарем Джавахарлала и их отношения были очень тесными. Индира воспитывалась на его глазах. Когда она была совсем маленьким ребенком, она называла его «Кака» - дядя.

И когда я сказал: «Джугал Кисоре сам сказал мне, и я не думаю, что этот старый человек стал бы лгать. На самом деле, как Джаипракаш поддерживает себя? Ведь он не принадлежит ни одной из партий. У него нет ни одной группы поддержки; он отрекся от политики. Он не зарабатывает ни единого пай. Как ему удастся держать двух секретарей, одну машинистку? Как ему удастся постоянно путешествовать на самолетах? Должно быть, откуда-то ему поступают деньги, у него есть невидимый источник. Мне кажется, что Джугал Кисоре не солгал».

Индира упомянула об этом Джаипракашу: «Вы получаете ежемесячное жалование из дома Бирлы?» И это очень сильно ударило его; именно тогда он решил, что Индиру больше нельзя терпеть. Он охотно стал партнером Морари Десаи и всех его людей, - так всегда случается, что, когда вы у власти, вы создаете себе врагов, - объединились все враги. Но Джаипракаш был ключевой фигурой. Морари не был способен собрать никого, - он просто отстал в своем развитии, - но Джаипракаш был разумным человеком.

Он сумел опрокинуть правительство и продемонстрировать еще одно отречение: хотя он и опрокинул правительство, он не собирается быть премьер-министром. Он хотел доказать, что он выше Джавахарлала. Это было его единственным, его глубочайшим стремлением - быть выше Джавахарлала. Поэтому он поставил премьер-министром Морари Десаи, именно для того, чтобы показать истории: «Кто-то пытался поставить меня премьером, но меня не волнует это премьерство - я сам могу делать своих собственных премьеров». Но все это было это.

Я, бывало, проводил беседы в Патне - Майтрея поймет, о чем речь, - и поскольку Джаипракаш был из Патны, его жена посещала мои встречи. Я был озадачен. Я справился у моего хозяина: «Жена приходит, но я никогда не вижу Джаипракаша».

Тот рассмеялся и сказал: «Я задавал тот же вопрос Пракашвари, жене Джаипракаша. Она сказала: “Он приходит, но сидит в автомобиле и слушает оттуда. Он не может набраться смелости и допустить, чтобы люди видели, как он приходит кого-то слушать».

Это так тонко и так скользко. И политик болен из-за своего это.

Теперь есть два пути: или он сможет прикрыть свою рану, став президентом, премьер-министром... Он может прикрыть рану, но рана остается. Можно обмануть весь мир, но как вы обманете себя? Вы знаете это. Рана осталась, вы лишь прикрыли ее.

Мне вспоминается одна странная история. Это случилось в Праяге, очень святом для индусов месте, где встречаются три реки. Вы знаете, что в Индии вся страна воспринимается как туалет; нет разграничений, где есть туалет, а где его нет. Где найдете место - там и туалет.

Один брамин рано утром отправился, должно быть, принять свое омовение, а перед омовением пошел испражниться. Может быть, он спешил, может быть, у него было что-нибудь с животом или что-нибудь еще, но он как раз вышел на гхат. «Гхат» означает замощенное место, где люди снимают свои одежды и отправляются принимать омовения. Это не допускается; никто не запретит вам, но обычно не допускается испражняться в том месте, где люди снимают свои одежды.

Но у этого человека были, наверное, большие проблемы. Я понимаю, я не сомневаюсь в его намерениях - я никогда не сомневаюсь ни в чьих намерениях. Он сделал там свое дело и, когда уже заканчивал его, увидел приближающихся людей. Поэтому он просто прикрыл свое говно цветами, которые принес для поклонения. Что еще оставалось делать?

Подшли люди и спросили: «Что это такое?»

И он сказал: «Шивалинга - я поклоняюсь».

И начал совершать свои поклонения, а поскольку поклонялся брамин, то и другие люди стали класть свои цветы на это - шивалинга появилась! Это считается величайшим чудом в Индии - когда появляется какая-нибудь статуя, или вы хотите сотворить чудо, это самый простой способ. Другие люди начали распевать мантры, а что же сказать об этом человеке... он чувствовал себя так плохо. Он не только испачкал место, он еще и солгал. Одна ложь влечет за собой другую ложь и тогда... что же он теперь делал? Он поклонялся этому, и другие поклонялись этому!

Но разве можно забыть это? Может ли этот человек забыть, что там под этими цветами?

Такова же ситуация и с политиком - лишь гной, раны, неполноценность, ощущение никчемности.

Да, он забрался высоко, и на каждой ступеньке лестницы была надежда, что на следующей ступеньке рана будет излечена.

Неполноценность создает амбиции, ведь амбиция просто означает попытку доказать свое превосходство.

У амбиции нет другого смысла, кроме как в попытке доказать свое превосходство.

Но зачем пытаться доказать свое превосходство, если не страдаешь от неполноценности?

В своей жизни я ни разу не голосовал. Мои дяди, мои два дяди, - у меня было два дяди, которые оба были борцами за свободу, - оба были в тюрьме. Ни один из них не смог закончить свое образование, поскольку они были схвачены и брошены в тюрьму. Один дядя был здесь на фестивале. Он был лишь на подготовительном отделении, когда его схватили за участие в заговоре по уничтожению поезда, по взрыву моста. Они делали бомбы, - а он был студентом химии и поэтому приносил из химической лаборатории вещи, необходимые для создания бомбы. Он был схвачен как раз тогда, когда готовился к экзаменам, за десять дней. На этом его образование закончилось, потому что через три года, когда он вернулся, начинать было уже поздно.

Поэтому он пошел в бизнес. Мой старший дядя готовился стать бакалавром гуманитарных наук, когда его схватили, поскольку он тоже участвовал в заговоре против правительства. Вся моя семья была политической, за исключением отца. Поэтому они все спрашивали меня: «Почему ты не регистрируешься, почему не голосуешь? И зачем ты напрасно тратишь свою энергию? Если ты пойдешь в политику, ты можешь стать президентом страны, ты можешь стать премьером страны».

Я отвечал им: «Вы совершенно забыли, с кем разговариваете. Я не страдаю никаким комплексом неполноценности, так зачем мне проявлять интерес к тому, чтобы становиться президентом страны? Зачем мне растрачивать свою жизнь, становясь президентом страны? Это почти похоже на то, что у меня нет рака, а вы хотите меня оперировать по поводу рака, - это странно. Зачем меня оперировать без необходимости?»

«Вы страдаете от своего комплекса неполноценности и проецируете этот комплекс на меня. Я, такой, как есть, в полном порядке. Где бы я ни был, я абсолютно благодарен существованию. Что бы ни происходило сегодня, все хорошо. Я никогда не попрошу больше того, что есть, так

что нет способа разочаровать меня».

Они говорили: «Ты говоришь странные вещи. Что это за комплекс неполноценности и какое отношение имеет этот комплекс неполноценности к политике?»

Я отвечал: «Вы не понимаете простой психологии, и ни один из ваших великих политиков не понимает простой психологии». Все эти политики, стоящие на вершине мира, больные люди, они лишь прикрывают свои раны. Да, они могут обмануть других. Когда улыбается Джимми Картер, вы обманываетесь, но может ли Джимми Картер обмануть самого себя? Он-то знает, что это всего-навсего упражнение для губ. Внутри ничего нет, нет ни одной улыбки.

Люди достигают наивысшей ступени лестницы, и тогда они осознают, что вся их жизнь была напрасной. Они прибыли, но куда? Они прибыли на то место, за которое сражались, - и это было не малое сражение; сражение не на жизнь, а на смерть, - они уничтожили так много людей, использовали людей как средство, шли по их головам.

Вы добрались до последней ступеньки лестницы, но чего вы достигли? Вы просто напрасно потратили жизнь. Теперь даже для признания этого потребуется потрясающая смелость. Лучше продолжать улыбаться, поддерживать иллюзию: по крайней мере, другие думают, что вы великий человек.

Вы знаете, кто вы. Вы точно такой же, каким и были, может быть хуже, потому что вся эта борьба, все это насилие сделали вас хуже.

Вы потеряли всю свою человечность.

Вы больше не человеческое существо.

Оно так далеко от вас, что Гурджиев говорил, бывало, что не у каждого человека есть душа по той простой причине... это не является буквальной истиной, но он говорил, бывало: «Не у каждого есть душа, она есть лишь у очень немногих людей, которые открыли свое существо. Другие же просто живут в иллюзии, потому что все священные писания, все религиозные наставления говорят, что вы родились с душой».

Гурджиев был очень радикален. Он говорил: «Все это чепуха. Вы не рождаетесь с душой. Вы должны заработать ее, вы должны заслужить ее». И я понимаю, что он имеет в виду, хотя сам я не говорю, что вы рождаетесь без души.

Вы рождаетесь с душой, но эта душа есть лишь потенциал, и Гурджиев говорит все в точности то же самое.

Вы должны актуализировать этот потенциал. Вы должны заработать его. Вы должны заслужить его.

Политик понимает это, когда вся его жизнь вылетает в трубу. Теперь он должен или признаться... что кажется очень глупым, потому что тогда он признается, что вся его жизнь была жизнью идиота.

Прикрывая, не излечишь раны.

Религия - вот лечение.

Слово медитация и слово медицина происходят от одного корня. Медицина для тела; то что значит медицина для тела, то медитация значит для души. Она лечит.

Вы спрашиваете меня, может ли быть политик религиозным? Если оставаться политиком, это невозможно. Да, если человек отбросит политику, если он перестанет быть политиком, - вот тогда он может стать религиозным человеком. Поэтому я не разделяю... Я не запрещаю политику становиться религиозным человеком. Я лишь говорю: как политик он не может быть религиозным, потому что это два разных измерения.

Или вы прикрываете свою рану, или вы лечите ее. Нельзя делать и то и другое. Чтобы лечить, вы должны раскрыть рану - не закрывать ее. Раскройте рану, углубитесь в нее, страдайте от нее.

Вот в чем для меня смысл аскетизма, а не в стоянии на солнце - такой идиотизм. Особенно в Орегоне не следует этим заниматься. Стойте на солнце, орегонское солнце и орегонская атмосфера, и вы немедленно становитесь Генеральным Идиотом Орегона. Избегайте этого! Или голодайте, стойте на холоде, в реке, днями напролет; это не способ излечиться. Так вы просто дурачите себя. Каждый, кто ничего не знает, будет давать вам советы: «Делай так, и излечишься», - но излечение - это не вопрос делания чего-то.

То, что нужно, это исследование всего своего существа, непредвзято, без осуждения, поскольку вы найдете, что многое сказанное вам, есть зло. Не отшатывайтесь, позвольте ему быть. Вам не нужно осуждать это.

Вы начали исследование. Просто заметьте, что что-то есть, и продолжайте. Не осуждайте замеченное, не называйте его. Не вносите никакого предубеждения ни за, ни против, поскольку это воспрепятствует вашему исследованию. Ваш внутренний мир немедленно закроется, в вас возникнет напряжение: какое-то зло? Вы идете внутрь, видите что-то, боитесь, что это зло: жадность, похоть, гнев, ревность... Боже мой, все эти вещи во мне! Лучше не идти внутрь.

Вот почему миллионы людей не идут внутрь.

Они просто сидят на ступеньках своего дома. Всю свою жизнь они проживают на крыльце. Это жизнь на крыльце! Они никогда не открывают дверей своего дома. А в доме так много палат, это дворец. Если войти внутрь, то встретишь так много вещей, о которых другие говорили вам, что они неправильные. Вы не знаете, вы просто говорите: «Я невежественный человек. Я не знаю, кто вы здесь внутри. Я пришел обследовать, осмотреться». И тот, кто осматривает, не должен беспокоиться о том, что хорошо, что плохо, он просто осматривает, наблюдает, исследует.

Вы удивитесь одному самому странному переживанию: за тем, что вы до сих пор называли любовью, прячется ненависть. Только заметьте...

За тем, что вы до сих пор называли смирением, прячется ваше эго. Только заметьте...

Если кто-нибудь спрашивает меня: «Вы смиренный человек?», я не могу сказать: «Да», - поскольку я знаю только такое смирение, впереди которого стоит эго. Я не эгоист, как я могу быть смиренным? Вы понимаете меня? Невозможно быть смиренным без того, чтобы иметь эго.

И когда вы увидите их вместе, случится самая странная вещь, о которой я говорил вам.

В тот момент, когда вы увидите, что ваша любовь и ваша ненависть, ваше смирение и ваше эго есть одно, они испаряются.

Вы ничего с ними не делаете. Вы увидели их секрет. Этот секрет помогал им оставаться в вас. Вы увидели секрет, теперь ему негде прятаться. Идите внутрь снова и снова, и вы будете находить там все меньше и меньше вещей. Собравшееся внутри вас увядает, толпы уходят прочь. И недалек тот день, когда вы останетесь одни, и нет никого: в ваших руках пустота. И внезапно вы излечиваетесь.

Совсем не сравнивайте - ведь вы есть вы, а кто-то другой есть кто-то другой. Почему я должен сравнивать себя с Иегуди Менухиным или с Пабло Пикассо? Я не вижу в этом никакого смысла. Они делают свое, я делаю свое. Они наслаждаются, делая свое... может быть - потому что о них я ничего не могу сказать определенного. Но у меня есть определенность относительно самого себя в том, что я наслаждаюсь всем, что делаю и чего не делаю.

Я сказал, что не уверен относительно них, потому что Пабло Пикассо не был счастливым человеком, на самом деле он был очень несчастным. Его картины многими путями показывают внутреннее страдание этого человека, он перенес это страдание на холст.

И почему Пикассо стал величайшим художником этого века? Причина такая: этот век лучше всего знает о внутреннем страдании.

Пятьсот лет назад никто не посчитал бы его художником. Над ним смеялись бы, его поместили бы в заведение для душевнобольных. А пятьсот лет назад находиться в таком заведении было не так просто. Над обитателями проделывались самые разные вещи, в частности, их били, потому что считалось, что побоями можно изгнать безумие. Ведь безумие рассматривалось как то, что в человека вселился злой дух. Хорошие ежедневные побои, и, как считалось, безумие пройдет.

Всего лишь триста лет назад у сумасшедшего человека отворяли кровь, чтобы он ослабел. Считалось, что его энергией завладел злой дух; если отнять энергию, то злой дух оставит это место, так как там ему не будет пропитания, - он питался кровью. Хорошая логика - в соответствии с ней они и поступали.

Никто и не подумал бы тогда, что это картины. Только это столетие могло поверить в то, что Пикассо - великий художник, потому что это столетие страдает, проявляет хоть какое-то внимание к страданию, внутреннему горю, - этот человек выразил его в цвете.

То, что не выразить и словами, Пикассо сумел выразить в цвете. Вы не понимаете, что это такое, но каким-то образом вы чувствуете глубокое согласие. Картина несет в себе какой-то призыв, что-то щелкает в вас. Это не связано с разумом, потому что вы не можете сформулировать, что это такое, но вы застываете перед картиной, рассматривая ее, вглядываясь в нее, как будто она - зеркало того, что есть у вас внутри. Картины Пикассо стали великими в этом веке, потому что они послужили почти рентгеновскими лучами. Они вынесли наружу ваше страдание. Вот почему я говорю «может быть». И о любом другом я могу сказать только «может быть».

Лишь относительно себя я могу быть уверен.

Я знаю, что если вы будете исследовать свой внутренний мир без осуждения, без одобрения, совсем без размышления, лишь наблюдая факты, то тогда они начнут исчезать.

Приходит день, вы остаетесь одни, вся толпа уходит прочь; и в этот момент вы впервые чувствуете, что такое психическое выздоровление.

А от психического выздоровления открываются двери к духовному выздоровлению.

Вам не нужно открывать их, они откроются сами. Вы лишь достигаете психического центра, и двери открываются. Они ждали вас, может быть, на протяжении многих жизней. Когда вы приходите, двери немедленно открываются, и из этих дверей вы не только видите себя, вы видите все существование, все звезды, весь космос.

Поэтому я могу сказать абсолютно точно: ни один политик не может стать религиозным человеком, если не бросит политику. Тогда он уже не политик, и то, что я говорю, не относится к нему.

Вы также спрашивали, может ли религиозный человек стать политиком? Это еще более невозможно, чем первое, потому что у него совсем нет причин становиться политиком. Если к амбиции ведет чувство неполноценности, то как может религиозный человек стать политиком? Для этого нет движущей силы. Но время от времени так случалось в прошлом, так может случиться в будущем, поэтому позвольте мне сказать вам об этом.

В прошлом было возможно такое, потому что в мире доминировала монархия. Время от времени царский сын мог оказаться поэтом. Очень трудно поэту стать президентом Америки; кто станет его слушать? Он будет выглядеть счастливым, а люди будут думать, что он сошел с ума. Он не может придать форму себе, а пытается придать форму миру?

Но в прошлом это было возможно из-за монархии. Последний император Индии, от которого приняли страну британцы, был поэтом, - вот почему британцы смогли забрать у него Индию, - Бахадуршах Зафар, один из величайших поэтов урду. Сейчас поэту невозможно стать императором; то была простая случайность, что он родился сыном императора.

Вражеские силы входили в столицу, а он писал свои стихи. Когда его премьер-министр постучал в дверь и сказал: «Очень срочно... враг входит в столицу», - Бахадуршах сказал: «Не беспокойте меня. Я как раз пишу последние четыре строки. Я думаю, что успею закончить эти четыре строки до того, как они придут сюда. Не беспокойте меня». И он начал писать, он закончил свои стихи; это было для него более важно.

И был он очень простым и добрым человеком; он вышел и сказал: «Что за глупость убивать людей? Если вы хотите страну, берите, зачем вся эта суета? Меня отягощали все тревоги, теперь вы будете отягощены тревогами. Оставьте меня одного».

Но они не оставляли его одного, потому что были политиками и генералами. Оставлять этого человека в Нью-Дели было опасно... он мог собрать свои силы, у него могли быть ресурсы - никто не знал. Они перевели его из Индии в Бирму; он умер в Рангуне. В своем последнем стихотворении, которое он написал на смертном одре, он сказал: «Как беден я. Я не могу получить даже шести футов на моей любимой улице». Он, говорит о своем Нью-Дели, городе,

который он любил, который он построил; и он был поэтом, поэтому и построил город такой красивый, как это было только возможно. Он сказал: «Я не могу получить даже шести футов, чтобы быть похороненным на моей любимой улице. Как несчастен Зафар, - Зафар было его поэтическим именем, - как несчастен ты, Зафар».

Он был похоронен в Рангуне; даже его мертвое тело не отвезли в Нью-Дели. Он настаивал: «Хотя бы тогда, когда я умру, отвезите мое тело в мой город, в мою страну. Мертвое тело не опасно». Но политики и генералы думают по-другому. Бахадур-шах был императором, которого любили люди. Увидев его мертвым... Может быть какой-нибудь бунт, могут быть неприятности, зачем они нам? Похороним его в Рангуне. Никто и не узнает, что он умер».

Поэтому-то в старые монархические дни и могло так случиться, что в западном полушарии появился такой человек, как Марк Аврелий. Он был религиозным человеком, но это было случайностью. Сегодня Марк Аврелий не смог бы стать президентом или премьер-министром, ведь он не отправился бы за голосами; он не стал бы побираться - для чего?

В Индии так случалось несколько раз. Ашока, один из великих императоров Индии, был религиозным человеком. Он был настолько религиозным, что когда его сын попросился — единственный сын, его будущий преемник - стать монахом, он пустился в пляс! Он сказал: «Я ждал, что ты однажды поймешь». Потом его дочь, его единственная дочь - у него было только два ребенка, один сын и одна дочь. Когда его дочь, Сангхамитра, попросила его, - она тоже хотела отправиться в мир медитации, - он сказал: «Иди. Это мое единственное счастье». Но сегодня такое невозможно.

В Индии был один великий царь Порас; он сражался против Александра Великого. И вы удивитесь, насколько западные книги были несправедливы по отношению к этому человеку. Александр Великий становится пигмеем в сравнении с Порасом. Когда они достигли Индии, Александр разыграл трюк - он был политиком...

В особый день Александр послал свою жену на встречу с Порасом. В Индии есть день, день сестер, когда сестра повязывает вокруг вашего запястья нить. Вы можете быть ее настоящим братом, вы можете не быть ее настоящим братом, но в тот момент, когда она повязывает нить на вашем запястье, вы становитесь ей братом. И это двойной обет: брат говорит: «Я буду защищать тебя», - а сестра говорит: «Я буду молиться о твоей защите».

В тот особый день Александр послал свою жену к Порасу. Он стоял на границе царства Пораса. Он стоял на берегу реки, по которой проходила граница царства Пораса, и он послал свою жену. И когда при дворе Пораса было объявлено: «Жена Александра Великого желает встретиться с вами», - он вышел приветствовать ее, поскольку в Индии это было традицией. Даже если в ваш дом входит враг, он - гость, гость - это бог.

Он ввел ее в свой двор, дал трон и спросил: «Вы могли бы вызвать меня. Вам не нужно было совершать столь долгий путь».

Она сказала: «Я пришла сделать вас своим братом. У меня нет брата, а сегодня день сестры, я слышала; я не могла устоять». А это была всего лишь политическая игра. И Порас понимал, что Александр и его жена поняли, что такое день сестры, и почему Александр дождался именно этого дня, чтобы послать свою жену... но он сказал: «Это очень правильно. Если у вас нет брата,

я ваш брат». Она принесла с собой нить; она повязала ее, и Порас коснулся ее ног. Брат касается ног сестры; моложе она или старше, не имеет значения.

Вместе с потрясающим пренебрежением к женщинам существовало и потрясающее уважение к женственности. Может быть, пренебрежение было создано монахами и священниками, а уважение создано религиозными людьми. Незамедлительно жена Александра спросила: «Теперь вы мой брат, и я надеюсь, что вы сбережете меня, но единственный способ сберечь меня - это не убивать Александра. Хотите ли вы, чтобы ваша сестра осталась вдовой на всю жизнь?»

Порас сказал: «Об этом нет и речи. Вам не нужно об этом говорить - это дело решенное. Александра не тронут. Теперь мы связаны родством».

Так и случилось... На следующий день Александр перешел в наступление. И в сражении наступил момент, когда Порас убил лошадь Александра; Александр упал с лошади, а Порас был на своем слоне - ведь в Индии настоящим бойцовым животным был слон, а не лошадь. Слон уже собирался поставить свою ногу на Александра - и с Александром было бы покончено. И просто по привычке Порас собирался уже метнуть свое копье и убить Александра, когда он увидел на своем запястье нить. Он отложил свое копье, сказал махауту, человеку, который управляет слоном: «Уходим отсюда... и скажи Александру, что я не буду убивать его».

Это был момент, когда Александр был бы убит, и тогда его стремление завоевать весь мир завершилось бы; вся история пошла бы по-другому. Но Порас был религиозным человеком, сделанным из иного теста: он был готов потерпеть поражение, но не мог пойти против морали. И он потерпел поражение - он упустил свой шанс.

И Порас был приведен к Александру на его двор, временный двор, с цепями на руках и ногах. Но то, как он шел... даже Александр сказал ему: «Вы все еще идете как император, даже с цепями на ногах и цепями на руках».

Порас сказал: «Я так и хожу. Не имеет никакого значения, император я или узник; я вот так хожу. Я вот такой».

Александр спросил его: «Как бы вы хотели, чтобы обращались с вами?»

Порас сказал: «Что за вопрос! С императором нужно обращаться как с императором. Что за глупый вопрос».

Александр говорит в своих записках: «Я никогда не встречал такого человека, как Порас. Он был в цепях, он был узником, - но то, как он шел, то, как он говорил...» Александр был по-настоящему потрясен. Он сказал: «Снимите с него цепи; он повсюду останется императором. Верните ему его царство. Но, - сказал он Порасу, - перед тем, как мы расстанемся, я хотел бы задать вам один вопрос. Когда у вас был шанс и вы могли убить меня, почему вы опустили свое копье? Еще одна секунда, и со мной было бы кончено, - или ваш слон мог раздавить меня, но вы не сделали этого. Почему?»

Порас сказал: «Не спрашивайте об этом. Вы знаете; вы же политик, а я нет. Эта нить - вы узнаете ее. Вы послали эту нить со своей женой; теперь она моя сестра, я не могу убивать своего двоюродного брата. Я не могу делать ее вдовой. Я выбираю поражение, но не убийство вас. Но у

вас нет никакой необходимости чувствовать себя каким-то образом обязанным по отношению ко мне; просто именно так и должен себя вести по-настоящему сцентрированный человек».

Так что в прошлом благодаря монархии такое было возможно. Но при монархии царями становились также и идиоты, становились царями также и сумасшедшие, все было возможно. Поэтому я не поддерживаю монархию, я просто говорю, что при монархии было возможно религиозному человеку случайно стать императором.

Демократия не продолжится надолго в будущее, потому что политик уже невежда перед ученым; он уже в руках у ученого.

Будущее принадлежит ученому, не политику.

Это означает, что мы должны будем изменить слово «демократия». У меня есть для этого слово «меритократия» (система, при которой положение человека в обществе определяется его способностями).

Мерит, достоинство, вот что будет решающим фактором. Не то, как вы способны собирать голоса, раздавая всевозможные обещания, решать будет ваше достоинство, ваши качества, ваша реальная сила в научном мире. И когда правительство переходит в руки ученых, тогда все становится возможным, ведь я назвал науку объективной религией; а религию субъективной наукой.

Когда правление перейдет в руки науки, карта мира изменится, потому что, что такое борьба между советскими учеными и американскими учеными? Они работают над одними и теми же проектами; дело пойдет быстрее, если они будут вместе. Это чистая глупость, что по всему миру каждая нация повторяет одни и те же эксперименты; это невероятно. Все эти люди вместе могут творить чудеса. Когда они разделены, их работа становится дороже.

Например, если бы Альберт Эйнштейн не убежал из Германии, то кто тогда выиграл бы вторую мировую войну? Вы думаете Америка, Великобритания и Россия выиграли бы войну? Нет. Побег из Германии одного человека, бегство Альберта Эйнштейна из Германии сформировало историю. Все это фальшивые имена: Рузвельт, Черчилль, Сталин, Гитлер - они ничего не значат. Все сделал этот человек, потому что он создал атомную бомбу. Он написал письмо Рузвельту: «Атомная бомба при моем участии готова, и если вы не используете ее, то не будет иного способа прекратить войну».

Он сожалел об этом письме всю свою жизнь, но это уже другая история. Атомная бомба была использована, - президент Трумен распорядился этим, - и в тот момент, когда ее применили, уже не стоял вопрос о том, что Япония может сражаться. Война была выиграна: разрушение Хиросимы и Нагасаки закончило вторую мировую войну. Альберт Эйнштейн работал в Германии над тем же самым проектом. Он мог бы работать на два различных адреса, - вместо Рузвельта он мог бы работать на Адольфа Гитлера, - и тогда вся история была бы другой, совершенно другой.

Будущее будет в руках ученых. Это уже недалеко. Теперь есть ядерное оружие, политики не справятся с тем, чтобы быть наверху. Они ничего не знают об этом оружии, они не знают даже азбуки.

Говорят, что когда был жив Эйнштейн, только двадцать человек в мире понимали его теорию относительности. Одним из этих двадцати был Бертран Рассел, который написал маленькую книжечку для тех, кто не мог понять: Азбука относительности. Он думал, что они смогут понять хотя бы азбуку, - но даже это невозможно, поскольку если вы понимаете азбуку, то и весь алфавит становится простым. Это не вопрос понимания только азбуки; тогда недалеко и до понимания всего остального. Настоящая проблема - понять азбуку.

Теперь все эти политики не понимают совершенно ничего. Рано или поздно мир будет в руках людей, обладающих достоинствами. Прежде всего, он перейдет в руки ученых.

Можете принять почти как предсказание, что мир движется в руки ученых. И тогда откроются новые измерения.

Рано или поздно ученый изобретет мудреца, святого, потому что одному ему не справиться.

Ученый не может справиться с собой. Он может справиться со всем, но не может справиться с собой. Альберт Эйнштейн может знать все о звездах вселенной, но он ничего не знает о своем собственном внутреннем центре.

Так будет в будущем: от политиков к ученым, от ученых к религиозному человеку, - но это будет мир уже совершенно иного рода. Религиозные люди не могут ходить спрашивая... вы должны будете спрашивать их. Вы должны обращаться к ним с вопросами. И если они почувствуют, что ваш вопрос искренний и в нем есть потребность, они будут действовать в мире. Но помните, это совсем не будет политикой.

Поэтому позвольте мне повторить: политик может стать религиозным человеком, если отбросит политику; иначе это невозможно.

Религиозный человек может стать частью политики, если политика изменит весь свой характер, иначе религиозному человеку невозможно быть в политике. Он не может быть политиком.

Но то, как идут дела, с абсолютной уверенностью показывает, что прежде всего мир перейдет в руки ученых, и, наконец, от ученого он перейдет к мистикам. И только в руках мистиков вы сможете спасти себя.

Мир может быть по-настоящему раем.

На самом деле, нет никакого другого рая, если мы не сделаем его здесь.

Том 3.

Введение

Бхагаван Шри Раджниш - замечательный рассказчик, глаза его сверкают, руки его грациозны, его рассказы сплетают вас с самой его жизнью и вовлекают вас в путешествие, населенное такими персонажами, как напыщенный профессор, скелет, стоящий вместо Святого Духа, и всеиндийский чемпион по борьбе. Он рисует картины своей жизни, одна необыкновеннее другой.

Эти истории, хотя мы и смеялись много, - это больше, чем развлечение. Они выражают саму природу его существа. Они исходят от человека, живущего истиной, человека, не принимающего ничего, что не пережил он сам. Они открывают Подлинного Человека.

Эти беседы раскрывают еще и другую историю. Они раскрывают величайший заговор, продолжающийся на протяжении тысяч лет. Этот заговор ограничил нас, навязав нам сравнения и обуславливания. Эти беседы описывают тюремщиков - священников и политиков, - привязавших нас к верованиям и обещаниям.

«Когда мы рождаемся, все наши измерения открыты. В этом красота и достоинство человека. Вы забыли, что существование - вот ваша свобода».

Пришло время, говорит он, вывести на свет этот величайший заговор.

«Наша уникальность абсолютна».

Мы - индивидуальности, и их преступление состоит в том, что они украли у нас самые наши жизни. Он провозглашает, что жизнь со всеми ее тайнами и вызовами принадлежит нам. Нет ограничений или условий. Это потенциал, который, дожив до своего предельного воплощения, становится невыразимым. Просто безмолвие, вот оно переживание.

Перед нами Человек Существования, чистый и естественный человек. Эти слова - его празднование. Эта книга - приглашение к тому, чтобы еще раз выразить наш восторг, нашу забытую истину. Будьте осторожны - это не библия для вашей библиотеки, это редкое пламя, которое может обжечь вас. Это пламя, которое может заставить танцевать весь мир.

Свами Прем Сиддхена

Беседа 1

ЧЕЛОВЕК РОЖДАЕТСЯ СО ЗНАКОМ ВОПРОСА В СЕРДЦЕ

30 декабря 1984 года

Бхагаван,

Какое место занимает, мистицизм в Вашей религии?

Моя религия - это чистый мистицизм.

И ничего, кроме мистицизма.

В других религиях нет места для мистицизма. Да они и не могут его иметь по весьма простой причине: у них есть ответы на все вопросы - фальшивые ответы, ответы без доказательств, без аргументов. Они лишают существование мистики.

Всякое знание лишает существование мистики.

Я же не учу вас способности приобретать знания.

С другой стороны, все остальные религии учат именно этому - способности приобретать знания. В них действует Бог как создатель. В них действуют посланники Бога, дающие несомненные, непогрешимые ответы на все вопросы из достоверного источника.

Эти религии эксплуатировали человечество по той простой причине, что человек чувствует некоторого рода неудобство, сталкиваясь с вопросами, на которые невозможно ответить. Эти вопросы существуют - человек рождается с этими вопросами, с большим знаком вопроса в сердце - и это прекрасно.

Это счастье, что человек рождается со знаком вопроса, иначе он был бы всего лишь видом животных. Буйволы не задают вопросов - они воспринимают все, как есть, что бы ни случилось, без всяких вопросов, - они поистине исполнены веры и религиозны. Деревья тоже не задают вопросов, птицы не задают вопросов; только человек имеет право задавать вопросы, это его привилегия. Во всем мире это единственное существо, способное задать вопрос.

Старые религии пытались отнять у вас это право. Они принижали вас до уровня животного. И именно это они и называют верой, «верой без сомнения». Они хотят, чтобы вы стали буйволом, ослом, но не человеком, потому что единственное, что выделяет человека из животного мира, - это знак вопроса. Да, это означает беспокойство. Конечно, жить без вопросов спокойней, но это спокойствие подобно смерти, в нем нет жизни. Эта тишина похожа на тишину крематория, кладбища.

Я предпочитаю видеть человека беспокойного, но живого. Я бы не хотел, чтобы он становился кладбищем. Этот покой и тишина - огромная цена за потерю жизни, разума и возможности открыть для себя прекрасное в жизни. Вопросительный знак не существует без значения. И это не заслуга дьявола, что каждый ребенок рождается с сомнением, а не с верой. Сомнение — это естественно.

Каждый ребенок задает тысячи вопросов. Чем больше ребенок задает вопросов, тем больше показывает он способностей открыть кое-что. Есть и немые дети - не физически немые, а психологически. Родители очень любят таких детей, потому что они не причиняют никаких беспокойств, они не задают вопросов, — а ведь даже маленький ребенок может разрушить все ваши познания.

Обратитесь к своему детству, в нем столь многое может помочь вам понять красоту вопросительного знака. И пока вы не осознаете этот вопросительный знак как нечто неотъемлемо присущее человечеству, вашему достоинству, вы не поймете, что означает мистицизм.

Мистицизм это не мистика. Мистика - это обычное занятие священников. Они отняли у вас знак вопроса.

Они разрушили ваши возможности открыть тайну существования. Но взамен они должны дать вам хотя бы что-нибудь, какой-нибудь сладкий леденец, называемый мистикой. Именно это и делали все священные писания, во всяком случае методология у них одна.

Например, в индуизме священные писания написаны на очень трудном языке - санскрите. Ни один индеец не говорит на этом языке - это мертвый язык. В том, что касается меня, я проделал

мучительные попытки выяснить, был ли когда-нибудь этот язык живым, и я не нашел тому ни одного доказательства. Он был мертвым языком с самого начала; он был рожден мертвым. Он был придуман священниками. Люди никогда не пользовались им, они не могли его использовать. Он настолько сложен, полон грамматики, математики, фонетики, что люди не могут пользоваться им.

Когда люди говорят на каком-либо языке, язык начинает терять большинство грамматических структур, но становится более живым; менее математическим, но более значимым. Он становится грубым, не отшлифованным и изощренным, — и он начинает расти. Санскрит никогда не рос. Мертвое не может расти. Вот уже пять тысяч лет - и никакого роста. Воистину, мертвое не растет.

Живой язык, используемый при общении, постоянно растет. Его слова становятся все более и более округлыми, так же, как и камни в реке становятся все более округлыми. Постоянное течение реки, удары о скалы и камни придают им округлые формы. Это настолько очевидно, что можно немедленно определить, какой язык мертвый, а какой - живой.

Живые языки никогда не бывают совершенными, - мертвые совершенны всегда, - так как живые языки используются несовершенными, грешными людьми, меняющимися из месяца в месяц. Такие языки используются все шире и шире.

Например, в Индии английский - привнесенный язык. Несколько слов слились с разговорной речью, - например слово «станция». До сих пор ничего подобного станции в Индии не было, и это слово пришло после появления английского языка и железнодорожных станций.

Но если вы посетите большинство индийских деревень, вы не сможете найти ни одного индийца, - я имею в виду девяносто процентов индийцев, не говорящих на английском языке, - использующих слово «станция». Это слишком трудно и изощренно. Взамен этого они используют, - только в разговорной речи, - слово «тесан». Все очень просто. «Станция» кажется им слишком трудным, требующим напряжения, именно поэтому и появилось «тесан».

«Рапорт»... слово, пришедшее вместе с английским языком, полицейскими участками и необходимостью отчитываться. Но отправляйтесь по деревням, и вы будете крайне удивлены: никто не говорит рапорт, все употребляют слово «рапат». Слово стало округлым, «рапат» - это искажение слова рапорт, с которым исчезает трудность произношения «рапорта». «Рапат» - так кажется более по-человечески. И так со многими словами... и они нам рассказывают удивительные истории: когда слова входят в разговорную речь, они сами принимают свою форму. Они изменяются от простого их использования.

Санскрит остается статичным. Древнееврейский, арабский, греческий, латинский языки — все они остаются статичными вдали от людских умов и рук. Санскрит никогда не был языком людей, и это загадка, - вся страна зависела от священников, и на санскрите они несли чистую чушь. Если вы узнаете, о чем они говорят, вы удивитесь, - что священного во всем этом? Но песнопения на санскрите, когда вы не знаете, о чем там поется, завораживают.

Чтобы сохранить писания священными, нужно держать их в тайне. Они не должны достигать людей, люди не должны читать их. А если они понадобятся, то для этого есть священники, которые прочтут вам их. Когда появилась возможность печатать, индусы очень противились

публикации писаний: что тогда произойдет с мистификацией, господствующей тысячи лет?

Индусы мистифицировали всю страну той идеей, что они все тайны хранят в своих священных книгах, - а ведь девяносто процентов из этих книг полнейшая чушь. Для индусов они, может быть, и священные, но ни для кого больше. Когда большинство этих священных книг было переведено на другие языки, процесс мистификации остановился, индуизм потерял свою высоту и славу, потому что теперь их можно прочесть на любом языке - все писания доступны.

Махавира никогда не говорил на санскрите, Гаутама Будда никогда не говорил на санскрите, - и по очень простой причине: они пытались разрушить культ священников. Они говорили языком народа. И они осуждались священниками: «Это неправильный путь. Вы должны проповедовать на санскрите. Вы оба прекрасно образованные люди, - оба они были сыновьями великих князей. - Вы знаете санскрит, так почему же вы говорите на языке простых людей?»

И они отвечали: «По очень простой причине: мы хотим, чтобы люди знали, что мистификация должна быть разоблачена. Нет ничего в ваших священных писаниях, но только потому, что они написаны на языке, который никто не понимает, они оставляют что-то на долю людского воображения.»

Даже священники могут не понимать то, что они декламируют, потому что санскрит изучается запоминанием, а не пониманием. А между запоминанием и пониманием - большая разница. Санскрит должен заучиваться, запоминаться, вы должны запомнить его. Он весь сосредоточен в памяти, а не в понимании. Вам не нужно беспокоиться о значениях, все, о чем вы должны думать, - это как пропеть.

И несомненно санскрит очень красивый язык, он напевный. Вы сможете запомнить песню намного легче, чем прозу той же длины. Стихотворение проще запоминается; поэтому все языки, которые изучаются запоминанием, столь поэтичны, они походят на песню и превосходно звучат. Значение? Вы и не спрашиваете о нем, потому что значение может быть так же глупо, как большинство сегодняшних газет, а может быть и хуже, ведь этой газете более пяти тысяч лет.

Когда поет брамин, вы будете заморожены его песнопением, он создает определенную атмосферу песни. Но в чем же смысл его пения? Может быть, строфа, которую он поет, - это молитва, возносимая к Богу: «Пожалуйста, спали урожай моего врага, а мой урожай пусть будет нетронутым во все времена. Пусть исчезнет молоко у коров моего соседа, и все молоко пусть окажется у моих коров». Когда вы поймете смысл, вы воскликнете: «Да это же чушь! Где же святость? Где религия? Это и есть религия?» — но нужно ли беспокоиться о значении.

Мулла, если вы слушаете его проповеди с башни его мечети... вы будете взволнованы его пением. Арабский язык поразительно захватывает, он обращается прямо к вашему сердцу. Он предназначен проникать именно туда, он не предназначается для вашего разума, вашего интеллекта. Он предназначен затрагивать ваши чувства, и он несомненно достигает своей цели.

Итак, когда вы слушаете арабский язык, вы будете взволнованы тем, что в нем есть что-то чрезвычайно красивое. Ну что ж, если звук приводит вас в волнение и восторг, что же говорить о смысле? Но пожалуйста, не спрашивайте о значении, потому что оно может оказаться настолько третьесортным и безобразным, что вы даже не поверите, как подобная чушь может произноситься на таком красивом языке.

Так что, знать священный язык людям не позволяется. Он только для священников - это их монополия.

Это и есть мистификация. Это создано для того, чтобы удовлетворить вас, ведь у вас забрали нечто чрезвычайно важное, — знак вопроса, — что сделало бы все существование тайной.

Они дают нечто взамен, игрушку для того, чтобы вы играли с ней. И у них готовы все ответы. Еще до того, как спросит ребенок, они уже начинают снабжать его ответами. Давайте посмотрим, как это делается. Если вопрос не задан, ответ не существует.

И это именно то, что я собирался сказать вам. С самого моего детства мне начали давать ответы... ведь в джайнском храме всегда был специальный класс джайнизма, и каждый ребенок должен был посещать его, один час каждый вечер. Я отказался.

Я сказал своему отцу: «Во-первых, я не задавался такими вопросами, на которые они дают ответы. Это глупо. Когда у меня есть вопросы, я пойду и изучу их ответы, и попробую понять, правильны они или нет. В данный момент мне вообще не интересен вопрос. Кто создал мир? Боже мой! Мне это не интересно. Я знаю точно одно - я его не создавал».

Мой отец ответил: «Ты странный ребенок. Все дети в семье ходят, все дети соседей ходят, все ходят.»

Джайны старались жить по соседству, непосредственно рядом друг с другом. Меньшинство боится большинства, поэтому они старались быть поближе друг к другу, так безопаснее. Вот почему все дети ходили в храм, который был центром этого сообщества. И он тоже был защитой, иначе он в любой день был бы сожжен, если бы он стоял по соседству с индусами или мусульманами.

Становилось небезопасно: вы не можете ходить в свой собственный храм во время бунта. А были такие люди, которые не могли есть без посещения храма. Сначала они должны были пойти в храм и очиститься, а только затем поесть. Так что, джайны живут в маленькой части города или деревни со своим храмом посередине и окружают его всем своим сообществом.

«Все же ходят», - сказал мой отец.

Я сказал: «Они, может быть, имеют вопросы, или они идиоты. Я не идиот, и мне не о чем спрашивать, поэтому я просто отказываюсь туда ходить. И я знаю, что то, чему учит преподаватель детей, - абсолютная чушь.»

Тогда мой отец сказал: «Как ты это можешь доказать? Ты всегда меня просишь доказывать; теперь прошу я, как ты докажешь, что учитель говорит чушь?»

Я сказал: «Пойдем со мной».

Он вынужден был ходить во многие места по многу раз; и это был всего лишь аргумент, чтобы его привести. Когда мы пришли в школу, учитель говорил, что Махавира обладал тремя качествами: всемогуществом, всезнанием, вездесущностью. Я сказал: «Ты прослушал, теперь пойдем в храм». Класс находился рядом с храмом, помещение примыкало к храму. И я сказал:

«Войдем в храм».

Он спросил: «Но зачем?»

Я сказал: «Идем, я тебе докажу.»

Вот что я сделал: я подошел к статуе Махавиры, взял ладду, - это индийская сладость, круглая сладость, почти как шарик, - и положил его на голову статуе, вскоре там уже сидели две крысы и поедали ладду. «Где же твой всемогущий Махавира. Я вот вижу крыс, бегающих по его голове».

Мой отец сказал: «Да ты просто невозможен. Ты это сделал только для того, чтобы доказать!»

Я сказал: «Что же еще делать? Как еще доказать? Ведь я не могу найти, где Махавира. Это его статуя. Это единственный Махавира, которого знаю я, знаете вы и знает учитель. Но он же вездесущ, значит он и сейчас находится здесь и видит крыс и то, что они с ним делают. Он мог бы убрать этих крыс и сбросить мое ладдо. Меня здесь не было. Я пришел, чтобы забрать тебя. Я сделал все приготовления. Теперь докажи мне, что этот человек вездесущ. Я же об этом не беспокоюсь - может быть, он и есть такой. Почему это меня должно беспокоить?»

Но до того, как ребенок начнет задавать вопросы, вы фаршируете его голову всевозможными ответами.

Это и есть основное и самое главное преступление всех религий.

Это и есть программирование, обуславливание.

Эти религии осуждают меня за то, что я обуславливаю людей, а я просто снимаю эту обусловленность.

Своею обусловленностью они просто наполнили ваш ум различными ответами. Я же просто устраняю эти ответы, чтобы вы могли найти свой вопрос. Они полностью скрыли вопрос, настолько полно, что вы забыли, что у вас вообще был какой-то вопрос.

На самом деле вы и не спрашивали. Вам не дается ни одного шанса познакомиться с вашим вопросом, с вашим вопрошающим разумом. Религии так боятся, что в один прекрасный день вы начнете задавать вопросы, - может быть лишь однажды, - и будет так сложно противостоять ответами вашему желанию, потому что вопрошающий разум вызовет сомнения; на их ответы он будет поднимать еще больше вопросов, да так, что вы даже и представить себе не можете.

Так что, самое лучшее - это совершить главное преступление: схватить ребенка, - и чем раньше, тем лучше, - и накормить его теологией, догмами, доктринами, катехизисами. Еще до того, как он даже осознает вопрос, он уже знает все ответы.

Если вы христианин, то откуда вы знаете, что существует троица? Что Бог-отец, Святой Дух и сын, все эти трое, обладают наивысшей монополией власти, что они доминируют в мире, что они являются настоящими диктаторами, — откуда вы это знаете? Это вам сказали. Может быть, вы забыли, кто вам это сказал? Это было вам сказано так рано, что если вы не пройдете глубже и дальше назад, то вы никогда не узнаете, кто был тот парень, который испортил ваш ум.

Дева родила... если вы не христианин, вы немедленно возразите: как могла дева дать жизнь ребенку? Но если вы христианин, вы просто не спросите об этом, только потому, что еще до того, как появилась ваша способность задавать вопросы, ответ был уже заложен в вас. Вас программируют так, как будто вы компьютер, — вас просто постоянно кормят ответами.

И если кто-нибудь скажет что-нибудь против христианства, вы готовы убить или быть убитыми за всю эту чушь, которую вы даже не в состоянии открыть в себе сами. А человек, который навязывает вам это, и сам не знает, что делает, ведь то же было проделано с ним.

И так на протяжении веков. Каждое поколение передает все глупости и предрассудки последующему, думая, что они помогают становиться вам умнее.

Как только вы становитесь знающими, двери мистицизма закрываются для вас.

Мистицизм означает взгляд на реальность без всякого предубеждения.

Поэтому-то я и говорю, что так называемые религии не могут быть по-настоящему мистическими; мистифицирующими - да, но не мистическими, потому что они не в состоянии выполнить самого главного условия для того, чтобы быть мистическими.

Нужно отбросить все ваше знание, все, что вы приняли на веру, должно быть выброшено в канаву.

Ничто не имеет цены в этой вере, так что не волнуйтесь; это не сокровище, это трагедия. Если вы сможете избавиться от этого, вы почувствуете облегчение, вы внезапно освободитесь от бремени, ваши глаза станут глазами ребенка.

Все это - слои знания: индуизм, христианство, ислам... Все это слои знания - и не имеет значения, кто совершил преступление против вас; все религии замешаны в этом, совершая одно и то же преступление. И потому что все они совершают одно преступление, никто не протестует.

Все человечество в их руках.

А если найдется такой человек, как я, протестующий, очевидно, что он будет осужден всеми, раскритикован всеми, - но останется без ответа. Никто никогда не дал мне ответа. С самого моего детства я все время спрашивал. Никто не ответил ни на один мой вопрос, — просто не было ответов. Когда вы поймете, что все ответы произвольны и придуманы людьми только для того, чтобы хорошо себя чувствовать...

Это похоже на мать, говорящую своему ребенку, который боится спать один: «Не волнуйся, Иисус с тобой. Ты можешь спать. Ты не один». Как может ребенок подумать, что мать обманывает его — его собственная мать? И мать не думает, что она обманывает; она верит в это. Ее мать отравила ее, и она проделывает то же самое со своим ребенком. Естественно, что же еще она может сделать?

Ребенок боится оставаться один, но он должен научиться оставаться один, спать один. Скоро он пойдет в школу, он должен научиться стоять самостоятельно. Да и как долго он будет цепляться

за мамин фартук? Она нашла прекрасное оправдание для слов: «Если он начнет чувствовать присутствие Иисуса или Бога и пойдет спать...»

Ребенок действительно почувствует себя лучше и будет меньше бояться. Ничего не изменилось, - комната осталась та же, он один, в темноте, - но теперь появилось чувство удобства, теперь Иисус смотрит за ним, Бог смотрит на него, и Бог везде. Ведь его собственная мать так сказала, и отец, и священник, и учитель; не могут ведь все ошибаться. И Бог невидим, Его нельзя увидеть, но уверенность в облегчении приходит к ребенку.

Это именно то, что знание делает с вами. Оно освобождает вас от задавания вопросов, а ведь вопросы вызывают проблемы.

В этом мире вы не добьетесь ничего, если не будете рисковать чем-то ради этого. А Бога вы получаете так дешево, даже без вопросов. Ну и какую ценность может иметь этот Бог? Религия, которую вы приобрели, такая дешевая... Эта религия, этот Бог — всего лишь способы мистифицировать реальность, да так, что ваш вопрос остается подавленным.

Моя задача состоит в демистификации.

Может быть, поэтому и возник этот вопрос: «Какое место занимает мистицизм в моей религии?» Ведь я постоянно занят демистификацией. Задающий этот вопрос не различает разницы между мистицизмом и мистификацией. Он полагает, что это синонимы, в действительности они противоположны друг другу.

Именно мистификация ограничивает мистицизм в росте. И нет другого пути исключить это влияние, кроме полного разрушения и полного искоренения мистификации.

Теперь мне нет необходимости давать ответ на ваш вопрос. Есть ваш вопрос, и есть существование.

Кто я такой, чтобы вставать между вами и существованием?

Встаньте лицом к лицу с существованием.

Смотрите на восход солнца, на закат солнца.

И тогда у вас не будет никаких ответов, - вы будете только видеть, что происходит: грандиозно красивый закат солнца.

Вы будете ошеломлены. Вы будете петь, или танцевать, или рисовать, или просто лежать на траве и ничего не делать, только смотреть. И возникнет определенное общение между вами и закатом солнца.

Что-то становится совершенно ясным — это и есть мистицизм.

Вы ничего не знаете - и все же вы знаете все.

Есть такое знание, которое совсем не знает.

И есть неведение, которое знает все, потому что неведение невинно.

Я могу сказать вам, блаженны неведующие; но во второй части моего предложения я не скажу, что они унаследуют царствие Божье. Нет, иначе это будет мистификация. Я скажу: «Блаженны неведующие, поскольку им уже принадлежит царствие Божье, сейчас, здесь». Это не вопрос, унаследуют ли они когда-нибудь, где-нибудь, в какой-то жизни после смерти - это мистификация.

Мистицизм — это как наличные деньги.

Мистификация — это долговая расписка.

Никто не знает, сможете ли вы выплатить по этой расписке. Правительство может пасть, банк может обанкротиться. Только ли банки могут обанкротиться? И расплата по этой расписке будет только после смерти, таково условие. «В Бога мы верим... Богу доверяем». И папа обещает вам, что многое воздастся вам после смерти, — всегда после смерти. Они эксплуатируют людей таким простым способом, что каждый, имеющий хоть каплю разума, без труда заметит это.

Жизнь - это тайна.

Священные писания - мистификация. Писания мертвы.

А священники живут этими мертвыми писаниями.

По-настоящему подлинный человек живет своею жизнью, а не писаниями.

И благодаря лишь своей только жизни, интенсивной, полной, он окружен повсюду тайной. Каждое мгновение - тайна.

Вы можете попробовать ее на вкус, но невозможно свести ее к объективному знанию.

В этом и есть смысл тайны: и у вас есть определенный путь познания ее, понимания ее, но нет способа свести ее к знанию. Она никогда не становится знанием, она всегда остается пониманием.

У вас есть чувство понимания, но если кто-нибудь станет настаивать: «Ты знаешь, так дай мне ответ», - а вы честный, правдивый человек, то вы ответите: «У меня есть чувство понимания, осознания, но у меня есть еще и то чувство, что его нельзя свести к знанию».

Вот почему Лао-цзы на протяжении всей своей жизни отказывался писать что-либо... по той очень простой причине, что в тот момент, когда вы пишете, получается что-то другое. Но почувствовать это может только тот, кто знаком с тайной.

И это не вопрос учености, ученый не может найти ничего неправильного у Лао-цзы. Конфуций был великим ученым во времена Лао-цзы, его современником. Мир знает Конфуция лучше, чем Лао-цзы, и это естественно: он был великим ученым и известным мудрецом. Великие императоры считали своим долгом просить у него совета. Император Китая, который был, наверное, величайшим императором тех дней, - ведь Китай всегда был сам по себе континентом, - назначил Конфуция премьер-министром, так чтобы он всегда был под рукой для советов.

Но когда Конфуций пришел к Лао-цзы, как вы думаете, что произошло? Он возвратился в полном упадке нервных сил. Лао-цзы был известен по крайней мере среди тех, кто искал. И когда ученики Конфуция узнали, что он пошел к Лао-цзы, они ждали снаружи, - Лао-цзы жил в пещере, в горах.

Конфуций не хотел никого брать с собой, так как знал странность и непредсказуемость этого человека. Как он поведет себя, что сделает, что скажет, никто не знал. И на глазах ваших учеников... он мог разрубить вас на кусочки. Поэтому сначала нужно пойти одному.

Итак, он сказал своим ученикам: «Вы ждите меня снаружи, а я пойду». Когда же он вернулся, он дрожал.

Ученики спросили: «Что случилось?»

Он ответил: «Отведите меня домой. Я не в себе. Этот человек - просто дракон, никогда не ходите к нему».

Что же произошло внутри пещеры? Ученики Лао-цзы были там, именно поэтому мы знаем, что случилось, иначе эта великая встреча была бы пропущена. Ученики Лао-цзы были тоже весьма потрясены, даже его ученики, потому что Конфуций был намного старше Лао-цзы, он был намного более известным и уважаемым. Кто знал Лао-цзы? Несколько человек.

И то, как Лао-цзы повел себя с Конфуцием, было просто оскорбительным. Но только не для Лао-цзы. Он был простым человеком, не высокомерным, не смиренным, просто чистым человеческим существом. И если это больно ранило, - его чистота, его невинность, его обыкновенность, - если это задело Конфуция, то что он мог поделать?

Если вы подойдете к зеркалу и зеркало покажет вам, что ваше лицо безобразно, то виновато ли в этом зеркало? Вы можете сделать одну вещь, вы можете избегать зеркал - никогда не смотреться в зеркало. Или вы можете создать зеркало, которое сделает вас красивым. Это возможно. Есть сотни типов зеркал — и вогнутые, и выпуклые, и еще Бог знает какие... Вы можете выглядеть длинными, вы можете выглядеть толстыми; вы можете выглядеть маленькими, вы можете выглядеть красивыми.

Может быть, те зеркала, которые имеете вы, обманывают вас. Может быть, те зеркала, которые выпускаются, созданы для того, чтобы утешить вас, — что вы выглядите красиво. В самом деле, женщина, стоящая у зеркала, забывает практически все. Очень трудно увести женщину от зеркала. Она все время смотрится в зеркало. Ведь должно же быть что-то в зеркале, иначе люди просто оказались бы невзрачными.

Ученики Лао-цзы спросили: «Что вы делали?»

Он ответил: «Я ничего не делал. Я просто отражал; это был мой отклик. Этот идиот думает, что он знает, а он всего лишь ученый. Ну, а что же я мог сделать, я всего лишь открыл ему, что знания - это чушь, и я сказал ему: “Вы вообще ничего не знаете”». И когда вы встречаетесь с таким человеком, как Лао-цзы, вы не можете быть нечестными - по крайней мере, перед ним.

Конфуций застыл, как статуя, как замороженный, потому что то, что сказал Лао-цзы, было

правдой. «Ученость - это еще не знание. Ты цитируешь других, есть ли у тебя сказать что-нибудь свое?» И у Конфуция не оказалось сказать ничего своего. Он был великим ученым — мог цитировать все древние писания, - но свои ли? Он никогда не задумывался о том, что кто-нибудь спросит его: «Можете ли вы сказать что-нибудь свое?»

И когда Лао-цзы посмотрел на Конфуция, тот понял, что этого человека невозможно обмануть. Конфуций спросил его о чем-то, но Лао-цзы ответил:» Я ничего не знаю».

Тогда Конфуций спросил: «Что случается после смерти?»

И Лао-цзы вспыхнул: «Опять! Да избавишься ли ты от своей глупости или нет? Ты живешь - можешь ли ты сказать, что такое жизнь? Ты живешь - можешь ли ты свести опыт своей жизни к точным знаниям и дать определение того, что такое жизнь? И помни, что ты жив, и поэтому должен знать».

«Ты не знаешь жизни, пока ты жив, а беспокоишься о смерти! У тебя будет достаточно времени в могиле. В данный момент ты только можешь рассуждать о том, что такое смерть. А сейчас, живи! И не будь равнодушным».

Многие люди живут как тусклые светильники. Они становятся все тусклее и тусклее. Они не умирают, они просто тускнеют, просто увядают. Смерть наступает только для немногих, которые действительно жили и жили по-настоящему. Они знают различие между жизнью и смертью, потому что они знают вкус жизни, и опыт этой жизни дает им право вкушать и смерть тоже. И только потому, что они знают жизнь, они знают смерть. Если, живя, вы упускаете жизнь, то, умирая, вы пропустите и смерть.

«И ты теряешь зря время, просто уходи и живи! - сказал Лао-цзы Конфуцию. - И однажды, ты умрешь. Не беспокойся: я никогда не слышал ни о ком, кто бы жил вечно. Смерть не различает, великий ли ты ученый или премьер-министр. Ты умрешь, и это самое большое, что я могу предсказать. Все остальное непредсказуемо, только это можно предсказать с точностью - ты умрешь. И в своей могиле тихо думай о том, что есть смерть».

Конфуций дрожал. Император тоже спросил его: «Ты был у Лао-цзы - что же случилось?»

Конфуций ответил: « Именно то, чего я больше всего боялся. Он выставил меня таким глупым, что даже спустя сорок восемь часов я все еще дрожу. Я все еще боюсь лица этого человека, — вот уже две ночи мне снятся кошмары! Этот человек преследует меня, и, кажется, будет преследовать меня повсюду. У него такие глаза, что пронзают вас насквозь». Он сказал: «Одно я могу вам посоветовать: и не думайте встречаться с этим человеком. Он дракон, он не человек».

Мистицизм — это осознание жизни без знания, стоящего между вами и жизнью.

Но вы все время живете, как бы беря жизнь взаймы, как будто живет кто-то другой. Вы ходите на зомби, лунатика, сомнамбулу. И все это создано религиями.

Беда состоит в том, что люди думают, что религии были великим благословением для мира; а все как раз наоборот - они самое большое пятно на человечестве. Они уничтожили все, что было живо в вас, и заменили это чем-то мертвым.

Ваш вопрос - это жизненное явление.

Ваше сомнение было вашим дыханием, биением вашего сердца.

Но вам сказали: «Не сомневайтесь - иначе вы будете страдать».

Мой отец иногда говорил мне: «Я беспокоюсь за тебя. Ты говоришь такие вещи против религии, Бога, царствия небесного и других доктрин, что я беспокоюсь, ты можешь пострадать за это».

Я отвечал ему: «Я готов, но пока этих страданий нет, позволь мне жить своей жизнью, у меня не будет недовольства, я не буду жаловаться. На самом деле, мне следует беспокоиться за тебя, потому что все эти знания - это фокус-покус; и ты думаешь, что этот кораблик, сделанный из бумаги, способен перевезти тебя к дальнему берегу. Я говорю тебе, ты утонешь».

«Я сначала попытаюсь плыть, - я не завишу ни от какого бумажного кораблика. Если я утону, очень хорошо. Никто за это больше не отвечает, и я не жалуясь. Я люблю жизнь. Мне нравится отрицать все поддельное и заимствованное. Мне нравится быть самим собой. И если это награда, которую реальность дает подлинному человеку, я с благодарностью приму ее».

«Но что же будет с тобой, когда твой кораблик, -сделанный из бумаги, из чистой бумаги, из святых писаний, - начнет тонуть? Ты упустил свою жизнь. Ты не можешь чувствовать благодарности, потому что за что тебе быть благодарным? Жизнь, единственное, что могло заставить тебя быть благодарными, утекла у тебя между пальцев, и сейчас ты тонешь и ты не знаешь, как плавать, потому что ты никогда не сомневался в своем кораблике. Я же имею все шансы доплыть до другого берега, если я умею плавать».

Мой отец сам по себе был хорошим пловцом. И сам я так любил плавать, что в случае, если моей семье нужно было найти меня, им следовало пойти на берег реки и поискать меня там. Я пропадал там по четыре-пять часов в день. Иногда, время от времени, мы ходили на реку вдвоем. Я, бывало, приглашал его, особенно в сезон дождей.

А он говорил: «Не делай этого», — потому что в сезон дождей вода в реке поднимается. Она неожиданно становилась такой широкой, такой большой, несмотря на то, что в другое время это была очень маленькая река.

Летом невозможно было представить себе, насколько большой она становилась - она становилась шире по крайней мере в сотни раз, - шириной в мили. И течение было настолько сильным, что если бы я захотел пересечь реку, - а мне приходилось пересекать ее много раз в сезон дождей, - она уносила меня на две или три мили вниз по течению. Только тогда я мог достичь другого берега. Напрямую было просто невозможно. Течение было настолько сильным, что меня сносило по меньшей мере мили на три».

Но я говорил: «Я сумею, а ты намного сильнее меня и лучше меня плаваешь. Я же еще ребенок. Ты сильный человек, и ты тоже можешь справиться». Только один раз он пошел со мной, да и то потому, что я создал ситуацию, когда ему пришлось пойти.

Моя сестра вышла замуж, и ее муж пришел навестить нас. Он был борцом, чемпионом университета по борьбе. Все смеялись в университете, так как, когда я поступил в университет, -

это был его последний год, год получения звания магистра гуманитарных наук, - я поселился в его комнате. Шутка состояла в том, что мы были двумя чемпионами... Я был чемпионом по диспутам, а он по борьбе.

Всех же беспокоило, как мы уживаемся, ведь я постоянно спорил, а он знал только один аргумент: борьбу. Он был принят в университет и сдал все экзамены, но это совсем не означало, что он их сдал... Университету было выгодно оставить его учиться, потому что он был чемпионом всей Индии. Чемпионы ценятся; они поднимают популярность университета.

Он даже не знал, по каким предметам он сдавал экзамены. С утра до вечера он занимался борьбой; он постоянно боролся с людьми и со своим учителем. Он действительно был превосходным борцом, я видел, как он борется. Он, в конце концов, стал нашим санньясином, но, к сожалению, умер очень рано. Он не дожил до пятидесяти пяти лет.

Мы вернулись вместе из университета, и я спросил отца: «Сегодня мы оба идем купаться. Он так же хорошо плавает, как дерется. Ты должен пойти вместе с нами». Он не мог отказать своему зятю, это бы выглядело так, как будто он испугался. И зять ничего не мог сказать, ведь тесть идет, человек намного старше его. Я был очень молод, а он был чемпионом Индии; как он мог показать, что испугался.

Когда он увидел реку, он спросил: «Мы действительно собираемся ее переплыть?»

Я сказал: «Конечно».

Моя мама пыталась помешать нам; моя сестра пыталась помешать своему мужу, но я был всей душой «за». Я сказал: «Такого шанса нам не выпадет никогда; давайте посмотрим, что произойдет. Самое страшное, что может произойти, нас может унести течением на три-четыре мили вниз, и нам предстоит пройти эти четыре мили вверх, чтобы вернуться». Так что, когда я прыгнул, они вынуждены были прыгать за мной. Было страшно - течение было настолько сильным, что мой шурин сказал: «Было бы намного лучше, если бы я заранее сказал, что боюсь; теперь вернуть назад невозможно. Мы как раз на середине, и у меня нет никакой надежды достичь другого берега».

Мой отец сказал: «Я всегда знал, что этот мальчишка однажды создаст неприятности для всех».

Но я сказал: «Когда мы проплывем половину, это будет достаточным доказательством: мы можем проплыть оставшуюся половину, поскольку первую половину уже прошли». Много раз они пытались повернуть назад, но я говорил: «Вы, должно быть, сошли с ума, ведь чтобы вернуться, нужно проплыть то же расстояние. И всю оставшуюся жизнь вас будут звать трусами. Что за причина поворачивать прямо сейчас? За то же время, с той же энергией мы доплывем до другого берега. Даже если вы повернете, я доплыву».

Это отбило у них охоту; они почувствовали: «Если он так будет продолжать и достигнет другого берега, — а он это явно сделает, потому что он равномерно продвигается, - а мы повернем назад, он по всему городу распространит слух: «Вот, посмотрите, это чемпион всей Индии по борьбе и мой отец, плавающий всю жизнь. Они оба повернули с середины реки, оставив маленького ребенка одного на другой стороне».

«Ну что, — сказали они, - что бы ни случилось, даже если мы и погибнем, нам ничего другого не осталось, как плыть за ним. Он не повернет назад». Мой отец сказал своему зятю: «Ты его еще не знаешь, он не из тех, что возвращаются. Он скорее умрет, - и мы умрем вместе с ним! Мы навлекли на себя ненужные неприятности. Я опасался этого много лет, и только из-за тебя я согласился».

Мой шурин сказал: «И я согласился из-за вас. Он сыграл с нами шутку».

Но в конце концов мы добрались до другого берега, и я сказал: «Ну, что вы теперь скажете? Всего-то нужно лишь немного смелости, немного готовности к риску и неизвестности... А вы еще пытались повернуть назад, по той же самой дистанции, - но уже известной. Этот берег вам хорошо знаком, и вы подумали, что, может быть, вам будет легче, а ту сторону вы не знаете. Неизвестность вас пугает, иначе чем же она отличается?»

Мы достигли другого берега. Мы прошли три или четыре мили вверх, они не выразили желания переплыть назад, потому что им тогда пришлось бы пройти еще четыре мили. Они сказали: «Идти еще четыре мили? Это нас убьет. Мы пойдем и поищем лодку, чтобы переправиться на другой берег!» - так как именно там было место, от которого отправлялась лодка, перевозившая пассажиров с одного берега на другой».

Они сказали: «Теперь все, что ты хочешь делать, можешь делать. Если ты хочешь, можешь пройти четыре мили; мы не пойдем. Мы решили, - мы оба решили, - пусть люди назовут нас трусами, что бы ни случилось, пусть».

Я сказал: «Нет, я не пойду рассказывать о вас, и я не пройду эти четыре мили только для того, чтобы доказать, что вы трусы. Я так обычно делаю: я раздеваюсь, иду вверх по течению четыре мили, а затем плыву до того места, где я оставил одежду. Но сейчас я не буду так делать, это было бы слишком».

«Я уже сделал значительно больше, чем положено для сына; я больше не буду этого делать. Но запомните одну вещь: лучше быть готовым плыть, чем ждать лодку, которая ненадежна; лучше довериться своим собственным рукам, чем полагаться на чьи-либо знания, которые могут быть всего лишь придуманными умными людьми».

Мистицизм не нуждается в специальной квалификации, кроме обыкновенного открытого ума.

Вы не индус, вы не мусульманин, вы не джайна, вы не буддист - вы просто являетесь самими собой.

А теперь посмотрите - в жизни нет ни одного ответа.

Все ответы - мистификация.

Жизнь можно прожить, можно полюбить, можно протанцевать, можно пропить, можно попробовать на вкус.

Вы можете сделать со своей жизнью так много.

Просто перестаньте угасать.

Жить нужно не понемногу, а по-настоящему горячо!

И жизнь немедленно станет тайной.

Моя религия - это чистый мистицизм.

Бхагаван,

Многое из того, что когда-то давало человеку чувство принадлежности, исчезает: племя, семья, брак, даже дружба. Что же происходит? Что же произойдет дальше?

То, что происходит, обычно имеет свойство действительно прекрасного и по-настоящему великого.

Да, действительно род исчезает. Исчезает семья, исчезает брак, исчезает дружба... и очень хорошо - потому что это оставляет вас наедине с собой.

Человек племени, рода, - это всего лишь единица племени. Этот человек самый примитивный, самый неразвитый, походящий более на животное, чем на человека. Он живет только как единица племени. Это хорошо, что племена исчезли. Исчезновение племени создало семью.

На том этапе создание семьи было большим достижением; племя было большим образованием; семья была маленькой единицей. В семье у вас больше, чем в племени. Племя было очень диктаторским и очень сильным образованием. Глава, вождь племени был всемогущ, он даже мог вас убить. До сих пор сохранились несколько племен в очень малоразвитых странах. В Индии есть несколько племен аборигенов.

Я сам был в таких племенах. Я устроился работать профессором в Райпуре именно потому, что недалеко от Райпура было самое ближайшее и самое примитивное племя в Индии - в Бастаре. Люди там до сих пор ходят голыми и едят сырое мясо. Возможно, эти люди находятся на рубеже того времени, когда огонь еще не был известен, и поэтому они едят сырое мясо.

Они очень примитивны, невинны; но в том, что касается племени, его правил и традиций, они абсолютно ортодоксальны. Ни у кого не возникает даже мысли о бунте против племени. Такой человек будет немедленно убит, принесен в жертву богу, потому что любой, кто выступает против племени, сердит бога, ~ а племя не может допустить, чтобы бог сердился.

Племя живет по традициям, созданным богом. Они не имеют священных писаний, они не знают письма; так что священник, который является так же и вождем племени, имеет всю власть. Невозможно в племени бунтовать и одновременно остаться в живых.

Невозможно убежать, так как за пределами племени вас и подавно никто не примет. Они не знают никакого языка, на котором говорят за пределами их племени, они не одеты... Они обертываются небольшим клочком одежды только раз в году на двадцать шестое января, когда небольшой группой отправляются в Дели, чтобы принять участие в праздновании Дня Республики, дня, когда Индия стала республикой.

Эта небольшая группа обучается говорить немного на хинди и носить одежду: «И не будьте раздетыми в Дели, особенно, когда вы проходите перед президентом и премьер-министром и

всеми послами и гостями со всего мира. По крайней мере, в это время вы должны быть как следует одетыми». И только маленькая группа специально обучается. Каждый год ездит одна и та же группа, потому что никто не хочет связываться с этим.

Они жили так близко от Райпура, что я часто посещал их - только для того, чтобы понаблюдать, как племя содержит этих людей. И держало оно их очень крепко, так как не оставляло шансов на мятеж. Вы можете покинуть племя, но вы не можете жить за его пределами. Все, что вы знаете, - это как жить в племени. Если вы будете пойманы за съедением сырого мяса, - а они просто убивают животное и начинают его есть, - вас сразу же заберут в полицию. Без одежды вы никуда не уйдете, - вы будете немедленно пойманы.

Они не знают никакого языка и никаких ремесел. Все, что они знают, полезно только в пределах племени. Ну, например, определенный танец, или игра на барабанах; но эти навыки нигде больше не используются, кроме как в племени. Так что никто не может самостоятельно покинуть племя, передвижение просто невозможно.

А жизнь внутри племени и против племени и его законов просто невозможна. В тот момент, когда вождь находит это нужным, он приносит жертву богу. И все племя собирается вместе, танцует, производит невероятный шум, - разводит жертвенный огонь. И человека кидают в огонь, как жертву богу.

Племя было коллективным умом.

Оно все еще существует в вашем коллективном бессознательном.

Создание семьи было шагом вперед в то время, потому что она делала вас частью маленькой единицы и предоставляла вам немного свободы. И ваша семья стала вашей защитой. В наше время и семья исчезает, потому что то, что защищает вас с одной стороны, становится ограничением с другой.

Это похоже на тот случай, когда вы посадили маленькое растение и поставили вокруг него забор для защиты. Но не забудьте убрать его, когда дерево вырастет, иначе забор не позволит дереву расти дальше. Когда вы ставите забор, дерево с палец толщиной; и поэтому вы ставите маленький забор, чтобы защитить его от зверей и от детей. Но когда дерево начинает разрастаться в ширину, тогда забор, который защищал его, теперь мешает, вам нужно убрать его.

Это время пришло.

Семья больше не защищает.

Она мешает.

Она была большим шагом от племени.

Теперь надо сделать еще один шаг:

От семьи к коммуне.

Коммуна может дать ту свободу, которая вам нужна, а также и необходимую защиту - без всяких

ограничений.

Поэтому я говорю, что хорошо, что исчезло племя и исчезает семья.

Да, нам будет не хватать ее, потому что мы к ней привыкли; все это привычки. Нам будет не хватать и папы, и мамы, но только на период адаптации. Когда коммуны установятся по всему миру, вы будете несомненно удивлены, что нашли столько родственников, а потеряли вы всего лишь маму и папу. Какой же выигрыш!

Иметь отца и мать становится психологически опасно, ведь если ребенок рождается мальчиком, он начинает повторять поведение отца, а если девочкой, то копирует поведение матери, - и возникает огромная психологическая проблема.

Девочка повторяет поведение матери, но одновременно она ее ненавидит, ведь она женщина и любит отца. И это абсолютно, биологически обоснованный, научно доказанный факт: девочка любит отца и ненавидит мать. Ведь девочка не может подражать отцу, она девочка и стремится подражать матери.

Мальчик любит мать, потому что он мужчина, а она женщина, и первая женщина в его жизни. Он любит мать и ненавидит отца. Он ревнует мать к отцу, потому что они любят друг друга, он не может их разлучить. Маленькие дети демонстрируют это во многих своих поступках. Если мама и папа спят в кровати, ребенок придет и ляжет спать между ними. Это не потому, что он любит их обоих. Нет он разъединяет их: «Уходи!»

Девочка так же ревнует отца к матери. Она бы хотела занять мамино место и быть возлюбленной отца. И это касается не только детей. Если отец уделяет слишком много любви и внимания дочери, мать немедленно начинает препятствовать этому. Если мать слишком любит своего сына, отец начинает чувствовать себя заброшенным.

Но отец и мать не вечны, скоро они уйдут. Но они оставят целую психологическую проблему в человеке.

Теперь девочка будет ненавидеть свою мать всю жизнь, и если встретится на ее пути кто-нибудь, похожий на мать, она будет ненавидеть и ее. И что самое странное, она будет вести себя точь-в-точь как ее мать, и будет ненавидеть и себя тоже. Она будет видеть свое лицо в зеркале и будет вспоминать о своей матери. Она будет смотреть на свое поведение и будет вспоминать свою мать. То же самое происходит и с мальчиком. Этот комплекс порождает почти пятьдесят процентов психических заболеваний у мужчин и женщин по всему миру. Коммуна будет состоять из полностью психически здоровых людей. И это возможно только в коммуне, потому что ребенок, конечно же, будет иметь и отца, и мать, но не будет под опекой родителей. Он будет ходить по всей коммуне, и все взрослые мужчины, по возрасту годящиеся ему в отцы, будут его дядями, и замечательными дядями. Отец всегда немного неприятен, только потому, что он отец. Он человек сильный и может показать свою силу; он должен воспитывать ребенка. То же самое справедливо и для матери; она должна воспитывать девочку. Она беспокоится о том, на кого будет походиться девочка, если ее не подгонять под определенный идеал, устраивающий общество, - из любви, с добрыми намерениями... Но дядя ничего не станет навязывать.

И когда вокруг столько много разных людей, происходит одна удивительная вещь: вы не несете в своем сознании образ одного человека.

Мальчик несет в своем сознании образ матери: он предпочтет себе в жены женщину, похожую на мать. Ну а где же вы найдете свою мать? Он влюбится в женщину, похожую на мать, но сходство не сработает. Людей привлекают странные вещи: цвет волос, походка женщины, цвет ее глаз, длина ее носа, тип лица. Если есть сходство... но только что-нибудь одно будет похоже, а как же все остальное?

Так вы влюбились в сходство. Но ведь вы же влюбились в целого человека, а не в то, как она ходит. Она будет и готовить, но это будет не та еда, которую готовила мать. Затем вы узнаете, что походка вам не поможет. Она и визжит, она и кричит. И ведет себя она не так, как мать. Она ваша жена, почему она не ведет себя так, как мать? Она не приходит посидеть над своим ребенком.

Она тоже выбрала себе мужа потому, что вы похожи на ее отца, - длина вашего носа, длина ваших ушей, - она в вас влюбилась. Что же теперь делать с вашими ушами? Как долго она будет забавляться вашими ушами? А вам это будет не нравиться: «Что такое? Я же не только уши, я целый человек!» Но этого целого человека она не хотела.

Эта проблема существует, потому что мальчик имеет идеал женщины, и эта женщина - его мать, а девочка имеет идеал мужчины, и этот мужчина - ее отец.

Вот почему все любовные романы заканчиваются неудачами.

Ни один роман не удался, потому что основная психология против такого успеха.

Так что единственный успешный любовный роман - это только тот, что существует лишь в воображении и никогда не претворяется в жизнь. Великие влюбленные всего мира: Лейла и Меджнун, Ромео и Джульетта, Фархад и Ширин, Сони и Махивал - это великие влюбленные, истории любви которых запомнил весь мир. Но если бы они поженились, все кончено; их любовную историю никто никогда не услышал бы. Ведь они не могут воплотить свои отношения в реальность, они существуют только в их воображении. Общество и родители или что-то другое встало бы между ними, и они вынуждены были бы расстаться, разделиться. Любовь разгорается, потому что она существует только в воображении.

В фантазиях не бывает проблем. Вы создаете себе возлюбленного, такого, какого хотите. И теперь, в фантазии, ваш возлюбленный не сможет сказать: «Нет! Я буду курить». Если вы хотите, чтобы он курил, он будет курить; если не хотите, он не будет.

Но настоящий муж будет курить, даже если вы скажете, что он не должен курить, что дым плохо пахнет, и что вы не ляжете с ним в постель, если он будет курить. И чем больше вы будете настаивать, тем больше он будет сопротивляться: «Пошла ты к черту, спи где хочешь!»

Его сигарета намного важнее, чем вы. Она многое для него значит, так как дает ему поддержку, помощь, дружбу, компанию - тысячи вещей в одной сигарете. И что может сделать женщина? Так что, если бы ему пришлось выбирать, он бы предпочел сигарету, а не женщину. В вашем воображении вы можете устроить все так, как вам хочется.

Так же и мужчина придумывает себе женщину: в его фантазиях она не потеет, ей не нужен дезодорант. В его воображении у нее не может болеть горло, его фантазии не опускаются до горла, фантазии витают в голове. И это только ваша окраска, так что в какой цвет вы выберете, в такой и раскрасите. И нет никаких проблем. Нет никакого сопротивления, какой цвет предпочесть: «Я не желаю брать этот цвет» или «Я не хочу надевать это сари».

Так что все хорошо известные в мире любовные романы никогда не существовали. Все другие романы... что же происходит с ними? Никого это не беспокоит. В каждой любовной истории, когда влюбленные женятся, последняя строчка звучит так: «А затем они жили в мире и счастье». Это даже странно, каждые влюбленные в каждой истории живут долго и счастливо? На самом деле после этого и начинается настоящая жизнь! До этого была история полета фантазии.

И очень хорошо, что семья исчезает.

А с ней исчезнут и нации, потому что семья - это единица нации.

Я невероятно счастлив, когда вижу, как исчезает семья, потому что я знаю: за ней уйдет и нация. С ней уйдут так называемые религии, ведь это семья навязывает вам религию, национальность и все остальное. Если уйдет семья, кто будет вам навязывать христианство, индуизм, кто будет настаивать, что вы американец, что вы орегонец?

С исчезновением семьи исчезнут большинство психических заболеваний и большинство политических безумий. Вы будете счастливы тем, что это все исчезло.

Брак — это изобретение против природы.

Он достаточно помучил человека, но было время, когда так было нужно. Брак был нужен, потому что были власть имущие люди и были более слабые, подчиненные люди. Власть имущие забирали всех красивых женщин себе, а подчиненные оставались без жен. Их биологические потребности оставались неудовлетворенными. Так что брак был изобретен слабыми людьми. Слабые люди собрались вместе, должны были собраться вместе и решить, потому что когда слабых много, сильный перестает быть сильным. Он силен против одного человека, он слаб против массы слабых людей.

Слабые люди собрались вместе и провозгласили: «Один человек, одна жена», - потому что в такой пропорции и рождаются дети. Это было насилие слабых над сильными, с другой стороны, это было ограничение, потому что сильные забирали всех красивых женщин в гарем, оставляя ни с чем слабых. Положение было не из легких. Помогла семья, и появились моногамные семьи. Это было очень важно, так что слабые теперь не были обделены в сексуальном смысле.

Но теперь семья больше не нужна, теперь это подделка. Теперь есть возможность выбора у мужчины и у женщины, им не нужно больше зависеть друг от друга. Женщина может не иметь детей. Женщина может нанять другую женщину, чтобы та выращивала ее ребенка в своем чреве, или она может завести ребенка в пробирке.

Секс и дети не связаны больше друг с другом.

Можно заниматься сексом, но это не означает, что придется из-за этого страдать еще и от детей.

Теперь семья абсолютно не в духе времени.

Будущее за коммуной.

Коммуна - это много независимых индивидуальностей, не принадлежащих друг другу так, как это было в старых семье, племени, религии, нации, расе - нет. Они связаны друг с другом только одним способом: они все независимы. Они уважают вашу независимость, того же они ожидают и от вас: уважения их независимости.

Это единственная связь, единственная дружба, единственная цементирующая сила в коммуне: мы уважаем независимость, индивидуальность друг друга. Абсолютно принимается, уважается образ жизни, стиль жизни другого человека.

Единственное условие заключается в том, что никому не дозволяется ни под каким видом вмешиваться в жизнь кого-либо другого.

Поэтому это хорошо, что все это мертвое прошлое исчезает и освобождает нас для создания нового человека, нового человечества, нового мира.

Беседа 2

ОПРЕДЕЛИТЬ ОЗНАЧАЕТ ОГРАНИЧИТЬ - СУЩЕСТВОВАНИЕ НЕ ИМЕЕТ ОГРАНИЧЕНИЙ

31 декабря 1984 года

Бхагаван,

Почему я ощущаю, что моя жизнь бессмысленна и пуста? Мне кажется, что я смертельно боюсь одиночества. Как мне суметь наслаждаться одиночеством, а не бояться его?

Слово «смысл» не имеет никакого отношения к жизни. Жизнь - это нечто полное смысла и, в то же время, лишенное смысла. Но столетиями человеческий мозг заставляли верить в то, что жизнь имеет смысл. И весь этот смысл для каждого свой. И только в нашем веке впервые за всю историю существования человека, задающего вопросы, вопрос; «В чём смысл жизни?» становится одним из самых важных, потому что вся прежняя ложь уже разоблачена.

Жизнь с Богом была полна смысла. Жизнь после смерти была полна смысла. Жизнь была полна смысла, потому что церкви, синагоги, храмы, мечети непрерывно вбивали эту мысль в головы людей.

Зрелость пришла к людям, но не ко всем, а только к очень малой их части.

Я хочу, чтобы вы запомнили пять выдающихся имен. Прежде всего Сёрен Кьеркегор. Он был первым, кто поднял этот вопрос, и был за это всенародно осужден, так как даже одно только упоминание об этом вызывало у людей подозрение. Никто не дерзнул даже спросить - в чем же смысл жизни?

Даже атеисты, отвергающие Бога, отвергающие загробную жизнь, отвергающие существование души, - даже они никогда не задавали себе подобных вопросов. Они говорят: «Есть, пить,

веселиться - в этом и есть смысл жизни». Они прочно уяснили себе, что этими наслаждениями исчерпывается вся наша жизнь. Но Сёрен Кьеркегор гораздо глубже проник в этот вопрос. Он основал новое движение - экзистенциализм. Далее следуют четыре других имени: Мартин Хайдеггер, Карл Ясперс, Габриэль Марсель и последний, но наиболее значительный - Жан Поль Сартр. Эти пятеро начали проповедовать человечеству, что жизнь лишена смысла.

Теперь же каждый, имеющий хоть немного здравого смысла, готов к восприятию этого вопроса и должен прийти к этому своим путем.

Я не согласен с этой пятеркой великих философов, но я отношусь к ним с должным уважением. Они были достаточно дерзки и мужественны, потому что с отделением смысла от жизни пропадает необходимость в религии. Религия с древних времен и по наше время всегда была не чем иным, как попыткой придать жизни смысл: наполнить ее, чтобы вы не чувствовали пустоты, окружить вас Богом и ангелами, чтобы вы не чувствовали себя одинокими... Ваши посещения церкви, синагоги не были беспричинными.

Человек не без причины тысячелетиями склонялся перед священниками. У него на это были свои соображения. Конечно же, священники угнетали его, но даже в этом человек находил утешение. Он не был один, о нем заботились. Жизнь не была пустой, она имела огромный смысл, она была возвышенной, мудрой... такой высокой и такой глубокой, что ваш мозг не мог этого постигнуть.

До сих пор большинство людей, девяносто девять процентов, не озабочены этим вопросом. И каким образом они могли быть озабочены? Они легко находили утешение в мертвом прошлом. Для них это не мертвое прошлое.

Я говорил вам о епископе Дженкинсе из Англии, который говорил, что воскресение - это миф, что не бывает непорочного зачатия - это чистейшая ложь, и нет никакой нужды верить во все это, чтобы стать христианином. Конечно, здесь он не совсем прав, потому что он говорит: «Мне не нужно все это, я и без этого могу верить в Бога». Я не вижу причин, которые заставляли бы его верить в Бога.

Христиане не глупцы, чтобы два тысячелетия продолжать верить в абсурд. Причина в том, что без этой абсурдности вы и не сможете превозносить Бога, наивысшего из абсурдов. Это равносильно тому, чтобы, отняв у вас ноги, руки, голову, продолжать в вас верить. А от вас-то ничего не осталось!

Все теологи, начиная с Томаса Аквинаса и до наших современных проповедников, очень хорошо понимают, что их Бог нуждается в поддержке.

Каждая ложь нуждается в поддержке.

Только правда может стоять на своих собственных ногах.

Ложь не может стоять на своих собственных ногах. Ей нужны чьи-то ноги, чья-то голова, чье-то сердце... А вы будете продолжать отнимать часть за частью, пока ничего не останется и скажете, что все это не нужно для вашей веры в Бога, что вы в него и так верите... Таким образом, согласно Дженкинсу, для христианина все это не является неотъемлемой частью

христианства. Я не знаю, кого он хочет обмануть. Прежде всего, он обманывает самого себя, так как все то, о чем я говорил, поддерживает веру в Бога, является подпорками, а если убрать все подпорки, дом рухнет. Дженкинс не дает ни одной причины для веры в Бога.

Но я вспомнил о нем сегодня в связи с тем, что несколько дней назад в один из красивейших соборов Англии, Йоркский, ударила молния, и большинство людей посчитало это не простой случайностью. Это Бог наказал церковь за назначение на пост епископа такого человека, как Дженкинс. Он был четвертым в иерархии, и двое перед ним имели больше прав стать архиепископом Англии. И было бы не так трудно дождаться своего часа. Ведь жизнь полна неожиданностей. Они могли умереть или что-либо еще... Человек всегда должен иметь надежду. А он был не так и далек от того, чтобы получить этот пост, совсем рядом.

Однако сейчас вся Англия уверовала в то, что это Бог наказал церковь. Но этот Бог странный, и наказание это странное, потому что Дженкинс не был епископом в этом соборе. Странно. Он находился в это время за две сотни миль от него. Баш Бог такой великий стрелок - он промахнулся на две сотни миль!

Чем виноват Йоркский собор в назначении Дженкинса? Молния должна была поразить Дженкинса или собор или церковь, где он был епископом, или епископа Кантерберийского, потому что он назначил Дженкинса. Но с собором в Йорке это никак не связано.

Но люди нашли взаимосвязь этих двух событий, для них это не было совпадением. Так жизнь становится взаимосвязанной с глубокой реальностью посредством ваших маленьких глупостей. Неужели вы думаете, что если даже Бог есть, он стал бы проявлять негодование по поводу Дженкинса? А если бы и стал, то в какую форму он облек бы его? Ему не помешало бы научиться метко стрелять. И он мог практиковаться в этом миллионы лет; такая практика...

Я вспоминаю одну историю. Один царь, большой любитель стрельбы из лука и, кстати, сам очень меткий стрелок, всегда хотел встретить стрелка еще более искусного, чем он. Но на протяжении всей своей жизни он так и не смог встретить такого человека. Но однажды, когда он проезжал через маленькую деревушку, он увидел на каждом дереве следы стрельбы высочайшей меткости. Было очевидно, что мастерство стрелка намного выше. На каждом дереве, на каждой деревянной изгороди, везде, где было можно, царь видел нарисованный круг, а в его центре стрелу.

Он остановил свою колесницу и спросил: «Где этот великий стрелок? Я хочу выразить ему свое восхищение. Я возьму его во дворец, он должен быть моим учителем. Я всю свою жизнь искал стрелка искуснее меня, но так и не нашел. Но тот, кто поразил все эти мишени, имеет абсолютную меткость. Он не промахнулся ни на Дюльма, все стрелы — точно в центр».

Он подходил к деревьям и измерял - все стрелы были точно в середине круга. Он спросил жителей деревни, потому что собрались люди; здесь был царь, здесь была золотая колесница - им было интересно, что же делал король? И он спросил их: «Где этот искуснейший стрелок?»

Жители засмеялись, они сказали: «Он не стрелок, он ненормальный». Они сказали: «Вы ничего не поняли».

«Вы все ненормальные, — сказал король. — Такого великого стрелка вы называете

ненормальным?»

Они сказали: «Попытайся понять. Он не стрелок, он просто дурак. Сначала он выпускает стрелу, а потом рисует круг. И конечно же стрела оказывается точно в центре круга. Куда бы ни попала его стрела, везде вокруг нее он рисует мишень. Не стоит волноваться о нем, ступайте своей дорогой».

«Мы говорили ему, что так стрелять нельзя. Сначала надо нарисовать круг, а потом стрелять, но он продолжал делать по-своему: сначала стрелял, а потом рисовал круг. Он говорил: “Какая разница, что делать сначала, а что потом? К тому же мой путь всегда приводит к тому, что стрела находится точно в центре круга. А ваш способ совсем неудачен, я пробовал”».

И что же? Бог миллионы лет пугал людей молнией, убивал людей молнией... Индуизм верит, что молния - не что иное, как стрела Шивы. Поэтому, как только люди увидят молнию, они начинают молиться, приносить жертвы Шиве, совершать различные ритуалы, так как они верят, что молния - это верный признак того, что Шива разгневан и что они должны найти того, кто разгневал Шиву.

Но в двадцатом столетии, в последней его части, в одной из самых передовых и образованных стран, в Англии, люди верят, что это Бог послал наказание епископу Дженкинсу! Если это стрельба Бога, то я думаю, что любой человек на земле стреляет не хуже. Вы бы не промахнулись на двести миль! Даже тот глупец, открывший свой способ меткой стрельбы, был намного умнее этого Бога.

Но почему люди продолжают верить в такое? На это есть причина. И эта причина в том, что подобные вещи придают их жизни смысл. Бог там, наверху, позволяет вам чувствовать себя в безопасности. Если нет Бога, то все небо пусто, и вы чувствуете себя одиноко. Вы так ничтожно малы, а пустота так необъятна. В вас вселяется ужас, что небеса пусты, небеса, которые безграничны, потому что в них не может быть границ.

Древние религии учили, что границы существуют, однако это абсолютно нелогично. Граница предполагает, что за ней непременно что-то есть, а иначе, как можно ее провести? Да, вы можете провести границу вокруг своего дома, потому что есть соседний дом. Вы можете поставить вокруг своего дома забор, потому что земля будет продолжаться и за забором.

Но если вы будете возводить забор там, где кончается земля, за вашим забором не будет ничего, ваш забор провалится в пустоту. Как он будет держаться, чем он будет поддерживаться с другой стороны? Для того, чтобы провести границу, необходимы две вещи; одна с одной стороны забора, другая с другой.

Очевидно, существование не может иметь границ.

Это страшно - постичь безграничность, пустоту, которая всегда и везде. Вы никогда не достигнете точки, о которой вы могли бы сказать: «Здесь я достиг конца».

Конца не существует, равно как не существует и начала.

А теперь поразмыслите об одной истории, которая не имеет ни начала ни конца. Это - одно из

моих развлечений... Я никогда особо не интересовался романами, но так случилось однажды, что мне было нечего читать и я попробовал свой собственный способ чтения романов — с середины, потому что это придавало какой-то интерес и реальность. Не зная начала, вы должны сами домыслить, какие события имели место до того, как вы начали читать. И я никогда не добираюсь до конца. Опять я останавлиюсь на середине, на середине следующей половины. Прежде всего я попытаюсь представить себе, каким может быть начало и каким может быть конец, и только потом я начну читать с начала.

Я был сам удивлен, что мне всегда удавалось домыслить и начало, и конец. Я никогда не ошибался, ни в деталях, ни в глобальных событиях, потому что этот роман написан человеком, а его мозг работает вполне определенным образом. Это было не сложным занятием. Если я начинаю с середины романа, созданного разумом человека, и если я понимаю разум человека, я смогу легко представить себе, каким может быть начало и каким - конец.

Конечно, если книга написана сумасшедшим, я не смогу ее домыслить. Но сумасшедшие не пишут книг. Это вызывает у нас сострадание к ним. Хотя, если бы они взялись писать книги, их книги были бы намного интересней книг, написанных интеллектуалами, поскольку интеллект предсказуем.

Я не являюсь поклонником этих пяти «экзистенциалистов», потому что я не готов даже назвать их так. Кьеркегор никогда не жил, это нельзя назвать жизнью. Эта жизнь хуже смерти. Он выходил из дома только раз в месяц, а его дом был не больше маленькой каморки. Его отец, видя, что сын немного не в себе - непрерывно что то пишет и читает, — попытался читать его книги, но отбросил их, потому что не смог понять, что же Кьеркегор хотел сказать. А он все продолжал и продолжал писать ни о чем... много шума из ничего.

Кьеркегор никогда не был женат. Одна глупая женщина была влюблена в него... она должна была быть глупой, потому что он был безобразным, странным и весьма эксцентричным типом, жившим в темноте своей комнаты. Раз в месяц он должен был выходить из дома, потому что его отец перед смертью положил деньги в банк, а в завещании написал, что его сын должен каждый месяц получать определенную сумму. Он знал, что Кьеркегор неспособен сам зарабатывать деньги, он бы просто умер в своей каморке, поэтому его отец продал все, что можно, и положил деньги в банк. Вот почему Кьеркегор был вынужден раз в месяц выходить из дома, первого числа каждого месяца.

Он жил в Копенгагене, и весь город ждал его, потому что это была редкая возможность увидеть Кьеркегора выходящим из дома. Обычно дети бежали за ним до банка. Это была настоящая процессия. И он написал книгу Или-или, которая была опубликована, а ее название стало его прозвищем. Поэтому дети кричали ему «Или-или», что для них было его настоящим именем. «Или-или направляется в банк!»

И это прозвище очень подходило ему, потому что он и был «или-или». Поэтому он никогда и не женился, ведь он все время раздумывал: или-или. Взвешивал все «за» и все «против» женитьбы. Но так и не смог решить. Женщина ждала три года, но он сказал: «Прости, но я не могу решить, жениться мне или нет.»

Таким образом, это человек, который никогда не любил, у которого не было ни одного друга, кто никоим образом не был связан с природой, кто не имел ничего общего с

действительностью... Если он считал, что жизнь не имеет смысла, то в этом нет ничего удивительного — его жизнь и должна была быть таковой. Однако же он перенес бессмысленность своей жизни на жизнь всех людей.

Далее идут эти четверо так называемых экзистенциалистов. Я говорю о них «так называемые», потому что они не имеют никакой связи с существованием. Единственный путь обрести связь с существованием - это молчание, а им неведом язык молчания, так каким же образом они могут быть связаны с существованием? Что же они делали? Они разоблачали ложь, которую религия навязывала людям. И это было ложью.

Сам смысл, который религия придала человеческой жизни, был произвольным. И эти четверо разоблачали эту произвольность трактовки религиозного смысла, - но это вовсе не означает, что жизнь не имеет смысла. Это означает, что смысл, приданный нашей жизни, — ошибочен.

Бог не является смыслом жизни.

Жизнь после смерти не является смыслом жизни.

Иисус Христос не является смыслом жизни. Но это не значит, что жизнь не имеет смысла.

Вы всегда думали, что именно в этом заключается смысл жизни. И вдруг это оказалось не так. Тогда вы начинаете склоняться к противоположной мысли, вы начинаете думать, что жизнь не имеет смысла.

Я хочу, чтобы вы запомнили мою точку зрения.

Я - экзистенциалист. И я говорю вам, что жизнь ни полна смысла, и одновременно ни лишена смысла. Этот вопрос сам по себе бессмыслен.

Жизнь — это возможность, это вход.

Все зависит от того, что вы сами сможете сделать из нее.

Все зависит от того, какой смысл, какой цвет, какую песню, какую поэзию, какой танец придаете ей вы.

Жизнь - это творческий вызов.

И это хорошо, что она не имеет какого-либо определенного смысла, иначе не могло бы быть вызова. Тогда бы был готовый рецепт жизни: вы родились, и смысл жизни дается вам, и вы несете его через всю вашу жизнь; в этом смысл вашей жизни. Нет, существование намного глубже любого смысла.

Существование как раз и есть вызов, вызов к созиданию.

Оно дает вам именно то пространство, которое вам необходимо, - вы думаете, что оно пустое? Попробуйте найти верные слова, ведь слова имеют определенный смысл. «Пустой» - это печальное слово, начинает казаться, что что-то потеряно, что-то, что должно быть, отсутствует. Но почему мы называем это пустым? Почему вы изначально полагаете, что что-то непременно

должно ждать вас там? Кто вы? Дайте этому верное название.

Это одна из основ искусства жизни — называть вещи своими именами, говорить правильные слова, делать правильные жесты... потому что далее слегка искаженное слово может в корне изменить смысл. Теперь «пустой»... само звучание этого слова ассоциируется у вас с чем-то бесполезным, бессмысленным. Но это не так. Я трактую это иначе: это нечто очень мелкое, узкое, лишенное объема, не контактирующее ни с чем.

Существование настолько всеобъемлюще, что оно позволяет вам абсолютно свободно быть тем, кем вы хотите быть, кем вы имеете возможность быть.

Это позволяет вам без каких-либо помех расти и процветать. И ничего вам не навязывает.

А Бог навязывает вам что-то свое. Он хочет, чтобы вы были человеком определенного типа, имеющим определенный тип мышления, поведения, морали, этики. Он хочет поместить вас в клетку. И вы думаете, что быть посаженным в клетку означает найти смысл жизни? Быть посаженным в клетку значит умереть.

Ницше был намного ближе к истине, когда он заявил: «Бог мертв, и я заявляю человечеству, что отныне человек свободен». Он отметил две вещи: «Бог мертв», — что привело в бешенство всех религиозных людей, и «Теперь человек свободен», - что является наиболее важным. Давайте немного поразмышляем об этом.

Бог является эквивалентом рабства.

Отсутствие Бога эквивалентно свободе.

А свобода стремится быть необъятной - не называйте ее пустой. Хотя да, она пуста, пуста в том смысле, что свободна от каких-либо препон, свободна от каких-либо структур. Она свободна от любого управления. Она не заставляет вас двигаться в каком-либо определенном направлении, быть кем-то определенным.

Нет, жизнь дает вам столько пространства, сколько вам требуется, возможно даже больше. Не потерять это жизненное пространство гораздо важнее, чем беспокоиться о том, почему жизнь пуста. И это прекрасно — необъятное пространство без границ, без разделов, без каких-либо карт. Вы можете двигаться, как облако в небе: свободное, никем не управляемое. Куда бы ни погнал вас ветер, чего бы вы ни достигли, это и будет вашей целью.

Нас всегда учили, что сначала надо поставить перед собой цель и только потом начинать движение к ней. И если вы достигните поставленной цели, то вас ждет успех. Но, в действительности, действуя таким образом, вы теряете большие возможности. В стремлении достичь какой-то определенной цели вы теряете всю полноту и богатство жизни.

Почему кто-то считает, что жизнь лишена смысла? Потому что вы заранее считаете, что в ней должен быть смысл. А кто сказал вам, что в ней должен быть какой-либо смысл?

Это я считаю тем большим вредом, который религия нанесла человеку. Вам говорили, что смысл есть; вы приняли это, - и когда вы не находите этот смысл, вы чувствуете растерянность, вы

ощущаете себя потерянными.

Поэтому так много разумных людей совершают самоубийства. Наибольшее число самоубийств совершается в среде философов. Их больше, чем у людей других профессий. Это странно! Профессора очень умные люди, философы тоже. Но что же не так? Их надежда во всем найти смысл. Они очень стараются найти его, но его нет. И никогда не было.

Другие люди не стремятся искать смысл жизни, поэтому у них нет стремления покончить с собой: они никогда не чувствуют себя потерянными. Они знают, что не должны пытаться найти его, поэтому они чувствуют себя грешниками, чувствуют, что с ними что-то не так; но они никогда не помышляют о самоубийстве из-за того, что в их жизни нет смысла. Они никогда не искали его, он был с ними всегда. Они не старались. Они не слушали священников и выскочек, которых полно вокруг и которые бесплатно раздавали советы.

Советы - единственная вещь в мире, которую все охотно дают и никто не хочет принимать. И все об этом знают.

Эти люди - Ясперс, Марсель, Хайдеггер, Сартр - они тяготели к противоположной точке зрения. Религиозные деятели учили, что жизнь имеет смысл только потому, что Бог не мог бы создать жизнь без смысла, и это очень значимый смысл, очень существенный и величественный. Вы должны своею жизнью исполнить его, и за это вы будете вознаграждены. Религия дает эту надежду, однако люди вдруг обнаруживают, что Бога нет, что некому создавать жизнь, полную смысла, что нет судьбы, - человек просто плывет по течению в никуда. Поэтому они пришли к противоположной полярности: жизнь не имеет смысла.

Давайте рассмотрим ситуацию: религии утверждают, что смысл жизни существует, а эти так называемые экзистенциалисты влияют на умы людей, заявляя, что жизнь не имеет смысла. Но я считаю, что и те и другие совершают одну и ту же ошибку.

Я утверждаю, что смысл никоим образом не относится к жизни. Позвольте мне объяснить. Как пахнет красный цвет? Вы можете сказать, что запах не имеет ничего общего с цветом. А если вы все-таки начнете искать запах красного цвета, - потому что священное писание говорит, что красный цвет имеет запах, священники говорят, религия, тысячелетние традиции, - вы обнаружите, что красный цвет не имеет запаха. Цвет и запах - совершенно не связанные между собой субстанции, они никогда не объединятся. Ни запах не имеет цвета, ни цвет не имеет запаха. Но это вовсе не означает, что цвет абсолютно бесполезная субстанция и что можно им пренебрегать.

Жизнь и смысл совершенно не связаны между собой.

Смысл - это логическая концепция, а жизнь не имеет ничего общего с логикой.

Люди, которые хотят жить, должны отбросить в сторону логику, иначе они не смогут жить, логика будет вмешиваться во все и будет мешать вам жить... «или-или». Вы будете много думать, но не будете много жить.

И чем больше вы будете думать, тем меньше у вас будет возможности жить.

Процесс жизни предполагает некое отрешение от процесса мышления.

Грек Зорба говорит своему боссу: «Босс, у вас только один недостаток - вы слишком много думаете». И он был прав. Даже босс в конце концов понял, что он был прав. Весь день Зорба тяжело работал, а потом танцевал и играл на каком-то музыкальном инструменте. Как это будет по-итальянски... сантури? Или по-гречески... сантури? Я думаю, как бы он ни назывался, сантури хорошее название! В конце концов названия всех вещей придумали люди. Давайте называть этот инструмент сантури.

Он играл на сантури, он танцевал и буквально сходил с ума, танцуя, в то время как босс просто сидел. Однажды Зорба сказал: «Что же вы сидите? Вы посмотрите, какая луна, какая река! Пески зовут, а ветры так освежающи и прохладны! Пойдемте со мной». И босс пошел с ним, неохотно, нерешительно, но пошел, потому что Зорба буквально тащил его, он был очень сильный человек.

А босс был просто боссом, таким, какими и должны быть боссы: богатым, умным, но не сильным. Зорба силой притащил его с собой и начал играть на сантури и танцевать. И босс стал вторить ему сначала нехотя, но потом все больше воодушевляясь, потому что все вокруг было необыкновенным: и ветер, и луна, и река, и песок, и то, как Зорба играл на сантури, и то, как танцевал... Мало-помалу он стал забывать, что он босс, и начал танцевать. На какое-то мгновение ему показалось, что он тоже сходит с ума, и хотя это длилось всего лишь мгновение, но теперь и он тоже узнал, что у жизни другой вкус.

Жизнь невозможно осмыслить.

Она доступна для песен и танцев.

Одно бесспорно - размышления делают жизнь сухой. Это как пустыня без оазиса.

Если вы чувствуете, что ваша жизнь лишена смысла, это означает, что вы просто не знаете, как надо жить. Вы не знаете, что смысл не имеет ничего общего с жизнью.

Это должно быть основополагающим принципом: жизнь не имеет ничего общего со смыслом.

Это не арифметика.

Это не логика.

Это не философия.

Жизнь сама по себе - это такой восторг, - стоит ли беспокоиться о смысле? Вы можете представить себе некое событие, настолько радостное и счастливое, что спросить о его смысле было бы в высшей степени глупо? Никто не спрашивает, в чем смысл любви? Но те люди, которые задаются вопросом: «В чем смысл жизни?», - могут спросить и в чем смысл любви.

Есть одна такая русская притча, очень небольшая. В одной деревне жил молодой парень, и все называли его дураком. С раннего своего детства он слышал, что он дурак. А когда столько людей - и его отец, и мать, и родня, и соседи, и все-все - говорили, что он дурак, он и сам поверил в это. Ведь не могут же все эти люди ошибаться? Они все - очень умные и важные люди. Но вот он

становится старше, и все это продолжается, он в глазах людей становится абсолютно законченным идиотом; выбраться из этого было невозможно. Он очень старался, но, что бы он ни сделал, все считали, что это поступок дурака.

И это очень свойственно человеку. Однажды человек сходит с ума, затем он может вылечиться и стать опять нормальным, но люди все равно не будут воспринимать его как нормального. Он может делать нормальные вещи, но вы будете полагать, что в его поведении есть что-то ненормальное. Ваши подозрения придадут ему нерешительность, а эта нерешительность будет только укреплять ваши подозрения. И это будет замкнутый круг. Человек будет стараться совершать умные поступки, выглядеть умным, но, как бы он ни старался, люди все равно будут считать это поступками сумасшедшего.

Однажды мимо этой деревни проходил святой. Дурак пришел к нему ночью, когда вокруг никого не было и попросил: «Помоги мне выбраться из этого круга, я так больше не могу. Они не выпускают меня; они не оставили открытыми ни одного окна или двери, чтобы я смог выбраться наружу. И что бы я ни делал, даже если это то же самое, что делают они, для них я по-прежнему остаюсь идиотом. Что же мне делать?»

Святой сказал: «Тебе надо делать следующее: как только кто-нибудь скажет: «Посмотрите, как прекрасен закат», ты говори: «Ты идиот, а ну-ка докажи! Что здесь прекрасного? Лично я не вижу здесь никакой прелести. Докажи!» Если кто-нибудь скажет: «Посмотрите на эту прекрасную розу», - тут же подойди к нему и скажи: «Докажи! Какие у тебя основания называть этот обыкновенный цветок прекрасным? Существуют миллионы разных роз, они существовали раньше, они будут и в будущем. Так что же особенного ты увидел в этом цветке? И каковы твои основания для логического доказательства особой прелести этого цветка?»

Если кто-то скажет: «Эта книга Льва Толстого прекрасна», - тут же подойди к нему и спроси: «Что же в ней прекрасного? Докажи, что она прекрасна. Это обычная история, подобные истории рассказывали миллионы раз. Все тот же треугольник. Либо двое мужчин и одна женщина, либо две женщины и один мужчина, но суть та же. Так что же здесь нового?»

Дурак сказал: «Это так».

Святой сказал: «Не упускай ни одного случая, потому что никто не сможет доказать такие вещи, они недоказуемы. А коль скоро они не смогут этого доказать, они будут сами выглядеть дураками и перестанут называть дураком тебя. Когда я буду проходить здесь в следующий раз, расскажешь мне, как пойдут твои дела.»

И в следующий раз, когда святой возвращался обратно, то еще до того, как он смог повстречаться со старым идиотом, к нему пришли люди из деревни и сказали: «Свершилось чудо. В нашей деревне жил дурак; а теперь он стал мудрейшим человеком. Мы хотим, чтобы вы встретились с ним.»

Святой сразу догадался, о ком шла речь. Он сказал: «Я с радостью повидаюсь с ним. Я очень надеялся, что встречу его.»

Святого привели к бывшему дураку, и тот сказал: «Ты удивительный странник и удивительный человек. То, чему ты учил меня, сработало! Я просто начал называть всех глупцами и тупицами.

Кто-то говорил о любви, кто-то о красоте или искусстве, живописи, скульптуре. Но моя позиция была неизменной: “Докажите!” А поскольку они не могли доказать, то выглядели глупцами».

«И странная вещь. Я не ждал от этого чего-то очень большого. Моя цель была скромной: вырваться из замкнутого круга, в который загнали меня, считая идиотом. А странно то, что теперь я не только больше не идиот, но и самый мудрый человек в деревне. Хотя я знаю, что остался тем же, каким и был, — и вы тоже об этом знаете».

На что святой сказал: «Никогда и никому не говори об этом. Держи эту тайну в себе. Ты думаешь, я святой? Да мы оба знаем эту тайну. И именно так я стал святым. Именно так ты стал мудрецом.» Именно так свершается все в этом мире.

Спросив «в чем смысл жизни?», вы зададите некорректный вопрос. И, очевидно, кто-нибудь скажет: «Вот смысл жизни», -и это нельзя будет доказать. Только одно утверждение не требует доказательства: в жизни смысла нет. Но и это заблуждение. Вот почему я говорю, что эти пятеро экзистенциалистов, - безусловно они великие люди, потому что они смогли создать единственную за последние десятилетия философскую школу, - нанесли поражение другим философским школам, используя тот же трюк, что и дурак из русской притчи. О любой картине они могут сказать: «Нет смысла!» О любом поэтическом произведении они могут сказать: «Нет смысла». Совершенно невозможно доказать существование красоты, вы либо видите ее, либо нет. Невозможно доказать любовь. Если же вы сможете ее доказать, то она исчезнет, перестанет быть любовью. Вы можете доказать свою любовь?

Это хорошо, что люди дарят свою любовь, по крайней мере, вначале они любят друг друга, не спрашивая: «А ты правда любишь меня? В чем заключается твоя любовь? Докажи ее». Тогда любовь исчезла бы из нашего мира, потому что никто не сможет ее доказать. Как вы сможете ее доказать? Самое большее, что вы сможете сделать, это сказать: «Прислушайтесь к биению моего сердца».

Другой человек послушает, как бьется ваше сердце, и скажет: «Я слышу биение твоего сердца, но я не слышу никакой любви. Я не слышу ни песен, ни танцев, ни звона колоколов. Это просто биение сердца». Вы можете взять стетоскоп и услышать стук сердца более громко, более отчетливо, но вы не найдете там никакой любви. Любовь - это вовсе не стук сердца.

Что же тогда любовь?

Сможет ли кто-нибудь дать ей определение?

Нет, ее нельзя определить. .

Существует ряд вещей, которым нельзя дать определение. Я называю мою религию чистым мистицизмом, потому что я принимаю вещи, которые не могут быть объяснены, которые могут только существовать, которые могут быть познаны только переживанием. Если вы начнете размышлять о них, вы их упустите.

Все эти пятеро великих философов упустили свою жизнь, потому что задавали неверные вопросы, принимали неверные ответы, отстаивали эти неверные ответы и двигались к полярно противоположной точке зрения. Но запомните: если вы движетесь от одной ошибочной точки

зрения к полной ее противоположности, вы достигаете в конечном счете другой ошибочной точки, потому что неправильному положению вещей может быть противоположно только неправильное, и никак иначе.

Жизнь - это просто переживание.

Ваше появление на свет — это только начало.

Вы не рождаетесь полностью готовыми.

Вы как чистый лист бумаги, вы открыты миру.

В этом вся красота и достоинство человека.

Собака рождается собакой, она и останется собакой. Она приходит в этот мир с определенной линией поведения, моралью, религией, философией. Она приносит с собой в этот мир все готовое, это природа снабдила ее всем необходимым для жизни. Она никогда не ощущает отсутствия смысла. Она никогда не беспокоится относительно смысла, это может делать только человек. Поэтому человек считает, что ему необходимо всеобъемлющее философское понимание. Собака входит в мир полностью готовой для жизни.

Человек же рождается чистым, открытым. И от него зависит, кем он станет, что он собирается извлечь из своей жизни.

Это создает проблемы, которых не удастся избежать и которые надо решать.

Вы должны постоянно совершенствоваться, расти. Конечно, многие попытки могут уводить вас в неверном направлении, но не стоит переживать, мы учимся на своих ошибках.

Мой отец постоянно останавливал меня, говоря: «Не делай так, это неправильно».

Я говорил: «Между нами раз и навсегда должно быть решено: позвольте мне самому находить, что правильно, а что неправильно. Вы не будете удерживать меня от ошибок и позвольте мне самому находить верный путь».

Он ответил: «Что! Позволять тебе совершать ошибки?»

Я сказал: «Да, потому что, не совершая ошибок, я никогда ничему не смогу научиться. И как долго вы сможете оставаться со мной? Или хотите посвятить мне жизнь, жить только для меня? Я хочу жить самостоятельно. Поэтому будьте добры, оставьте меня, позвольте мне совершать ошибки, поступать неправильно, предоставьте мне право самому понять, что правильно, а что неправильно. Да, это называется идти ощупью, но только так я смогу найти истину. И то, что я найду, будет только моим».

Иисус смог найти истину, Будда смог найти истину, но их истина не имеет ценности для вас. Вы должны сами отправиться в путь, исходить много дорог, многие из которых уведут вас не в ту сторону, но вы должны будете вернуться и искать верный путь. И если вы будете продолжать искать, то непременно найдете, потому что, поняв, что эта дорога неправильная, вы поймете, какая дорога должна быть правильной. Может быть, это будет не совсем очевидно для вас, но,

поняв, что такое неправильно, вы шаг за шагом, постепенно, где-то внутри себя начнете приближаться к истине.

Знать о том, что представляет собой ложь, значит иметь представление о том, что такое истина. Поэтому двигаться в неверном направлении не значит быть неправым, потому что через это движение вы мало-помалу постигаете истину. А поняв однажды, что есть истина, вы выпрыгнете из своей ванны и побежите обнаженными по улице, крича «Эврика! Эврика! Эврика!» .

Это как раз то, что случилось с Архимедом. Он вбежал голым во дворец царя, где собрался весь двор, выкрикивая только одно слово: «Эврика! Нашел!»

Но царь сказал: «Умерь свой восторг - сначала накинь что-нибудь на себя. Ты собрал толпы людей на улице, и весь двор смотрит на тебя ».

Архимед только сейчас увидел, что он голый. Он сказал: «Да, действительно. Я был в ванне, там-то я и нашел». Царю была принесена в дар некая золотая вещь, и он велел Архимеду найти способ проверить, действительно ли она сделана из чистого золота или же в ней были иные примеси.

Царь сказал: «Я не хочу, чтобы ты портил ее, не хочу, чтобы ты разрезал ее. Я не хочу, чтобы ты протыкал ее, чтобы понять, какая она внутри. Изобрети способ, чтобы, не причиняя вреда вещи, выяснить, из чего она сделана». И именно это открыл Архимед, сидя в ванне.

Его ванна была заполнена водой до предела. Когда он стал погружаться в воду, он увидел, что часть воды выплеснулась на пол. Когда он полностью погрузился в ванну, выплеснулось еще больше воды. И - мгновенная вспышка в мозгу! Он выпрыгнул из ванны, проверил, сколько воды вытолкнуло из ванны его тело и сколько осталось в ванне. И он обнаружил, что количество воды, выплеснутое на пол, равнялось весу его тела. Он нашел способ!

Теперь возьмите кусочек чистого золота и погрузите его в ванну, полную воды. Ванна должна быть обязательно полной, тогда вода будет выталкиваться погружаемым в нее предметом. В нашем случае это кусочек золота. Теперь взвесьте выплеснувшуюся воду. Вы узнаете, сколько воды было вытеснено из ванны при погружении кусочка чистого золота известной массы. А теперь берите подаренную царю золотую вещь и погрузите ее в ванну. Если из ванны вытеснится столько же воды, сколько выплескивается при погружении куска чистого золота такого же веса, то этот подарок из чистого золота. В противном случае в его состав примешаны другие металлы.

Сделав это открытие, он был в таком возбуждении, что забыл про все на свете и выбежал на улицу. И царь понял его. Он сказал: «Я могу понять человека, сделавшего открытие. Это действительно может ввести в экстаз». Архимед не нашел ни Бога, ни нирвану, ни озарения, нет. Он просто открыл возможность определить: чистое ли это золото или нет. Но если это так, то сам момент открытия позволяет вам ощутить свой собственный интеллект. И чем грандиознее открытие, тем сильнее вы ощущаете свой интеллект. Когда вы осознаете, что смысл жизни состоит в самой жизни, тогда вы уже не можете быть окружены пустотой, вокруг вас будет пространство, чистое пространство, которое позволяет вам расти в любом направлении.

Существование — это свобода.

Да, я согласен с Ницше: человек свободен.

Вплоть до сегодняшних дней религия старалась сделать человека рабом. Духовно, психологически, но все равно рабом.

Ницше не прав в том, что Бог умер, потому что его никогда не было. Это было иносказание. Я знаю, что Ницше был человеком очень проницательным и не смог бы совершить подобную ошибку. Когда он говорит, что Бог умер, он не имеет в виду, что Бог жил, а потом умер. Он таким образом хочет подчеркнуть, что Бога нет, что надо забыть о Боге и обо всех мифах, с ним связанных, с которыми вы жили до сих пор.

Отныне и навсегда вы свободны. Живите свободными и совершенствуйтесь.

Почему считается, что все создано Богом? Бог никоим образом не мог создать вас. Давайте посмотрим. Он создал Еву из ребра Адама - великий создатель! Он что - дипломированный хирург? Я не думаю, что он является членом ассоциации хирургов, хотя и делал операцию без какой-либо анестезии. Адам заснул, а Бог просто взял и вынул у него ребро. Но когда вы сами глупы, вы готовы поверить в любую глупость. А каким образом можно создать женщину из ребра?

Я не вижу ни малейшей возможности создать женщину из ребра. Это чистейшая ерунда и вдобавок настолько оскорбительная для женщин, что они должны, по крайней мере, прекратить посещать все церкви и синагоги. Ведь Бог нанес им такое оскорбление, которое невозможно простить. Пусть он извинится. А что же должны делать женщины? Они должны устроить демонстрацию протеста перед любой церковью или синагогой и требовать изъятия этого утверждения из Библии, иначе ни одна женщина никогда больше не переступит их порога.

Женщина создана из ребра Адама? Почему же Бог не создал женщину таким же образом, что и Адама? Слово Адам означает «земля, грязь». Сначала он создал Адама из земли, а затем вдохнул в него жизнь. А когда он создавал женщину, куда пропала земля? Неужели вся грязь закончилась на Адаме? Было бы гораздо проще и женщину создать из земли. Зачем же он отобрал ребро у этого бедняги?

А после этого знаете, что обычно случается? Я где-то слышал об этом, не знаю, правда это или нет. Так вот, каждую ночь, когда Адам приходил домой и ложился спать, Ева немедленно начинала пересчитывать его ребра, потому что опасалась, что Бог мог создать еще одну женщину. И так каждую ночь... И это был неподдельный страх, потому что если бы пропало еще одно ребро, тогда Адам попал бы в настоящую беду. Но Бог никогда больше не проводил подобных операций.

Прошлое человечества полно мифов, а миф — это просто придуманная история, и придумана она для того, чтобы дать людям поддельное ощущение смысла.

У меня есть один знакомый профессор, мой коллега по университету, большой поклонник этих экзистенциалистов, начиная с Сёрена Кьеркегора и кончая Сартром. Он и себя считал экзистенциалистом. Я спросил его: «Вы и в самом деле считаете, что Бога нет?»

Он ответил: «Да, нет ни Бога, ни Святого Духа, ни Иисуса Христа». А он был христианином.

Я сказал: «Если бы я смог устроить встречу с кем-нибудь из этой троицы...»

Он сказал: «Что? Встречу! Каким образом вы думаете сделать это? Ведь никто никогда не видел никого из них. Это всего лишь предрассудки».

Я сказал: «Отлично. Приходите ко мне сегодня вечером».

Он немного испугался: «Но что вы собираетесь делать?»

Я ответил: «Не спрашивайте об этом. Пусть сначала состоится встреча.»

Он спросил: «С кем?»

Я сказал: «Не беспокойтесь, с кем-нибудь да увидимся. Я не знаю заранее, с кем у нас будет встреча. Проведите со мной сегодняшней вечер. Поужинайте со мною, переночуйте в моем доме, а я сделаю все от меня зависящее».

Он сказал: «Я занят сегодня».

Я сказал: «Ничего, перенесем наше мероприятие на завтра. Это рано или поздно должно будет случиться, и ваша занятость без занятости не поможет. Вы ведь не заняты вовсе».

Он сказал: «Это верно, я не занят. Я просто хотел всего этого избежать».

Я сказал: «Но почему? Я собираюсь устроить для вас встречу, а вы пытаетесь избежать ее. Ведь вы отвергаете существование Бога, Святого Духа, Христа, тем самым отвергая существование смысла жизни. Я же сегодня хочу наполнить вашу жизнь смыслом ».

Он сказал: «Мой Бог! Ладно».

Но, сидя со мной в машине, он снова и снова бросал на меня взгляд и спрашивал: «С кем...?»

Я отвечал: «Не волнуйтесь, это мое дело. Я делал это много раз, так что не стоит переживать!»

Но как бедняга мог перестать волноваться? Проходила одна-две минуты, и он снова начинал: «Вы должны мне сказать. Может быть, вы шутите, обманываете?»

Я отвечал: «Я - серьезный человек, и это вовсе не шутка - Устроить свидание с кем-нибудь из святой троицы.»

За ужином он был не в себе, он боялся. И я сказал ему:

« Сейчас я собираюсь подготовиться к встрече. Вот ваша комната, где вы будете спать. Отдыхайте или читайте, что хотите. Я вернусь около десяти».

Он спросил: «Куда вы собираетесь?»

Я ответил: «У меня есть место, где я могу подготовить контакт ».

Он сказал: «Место! Вы сумасшедший или что?»

Я сказал: «Вы должны подождать. Это дело одной ночи, и все будет позади».

У меня был друг в медицинском колледже, профессор. Я направился к нему и попросил одолжить мне на одну ночь скелет. Он спросил: «Что ты задумал?»

Я сказал: «Не волнуйся, никто не пострадает, у тебя не будет никаких проблем».

Он сказал: «Я не могу на это пойти. Я отвечаю за эти скелеты. У меня ключ. И если хотя бы один скелет пропадет, я буду наказан».

Я сказал: «Еще до наступления утра скелет будет на месте. Я обещаю тебе. Он мне необходим для встречи с одним человеком».

Он спросил: «Какой встречи?»

Я ответил: «Не волнуйся. Дай мне все спокойно завершить, не задерживай меня. Просто одолжи мне один скелет».

Он сказал: «Если ты так настаиваешь, бери, но к утру он должен быть на месте».

Я сказал: «Не волнуйся. Скелет будет на месте к утру. Я еще сам не знаю, что будет. Свидание свиданием, а что будет потом, никто не знает. А свидание будет со Святым Духом».

Профессор медицины сказал: «Я пойду с тобой. Мне кажется, твоя затея рискованна».

Я сказал: «Конечно ты можешь пойти. В этой встрече не будет никакого риска, а только развлечение и удовольствие. Пойдем». И он пошел.

Я жил тогда в большом коттедже, поэтому я мог предоставить профессору философии отдельную комнату с ванной и небольшим встроенным туалетом. Мы прибыли домой. Я оставил скелет в гараже и направился в комнату к профессору. Я постучал в дверь, он открыл. Выглядел он испуганным. «Ну как насчет свидания?»

Я сказал: «Все будет, как договорились, свидание состоится. Отдыхайте, а когда услышите три удара, идите в ванную комнату».

Он спросил: «В ванную комнату?»

Я ответил: «А что я могу поделаться? Я старался объяснить ему, что есть очень удобная гостиная, но Святой Дух есть Святой Дух».

Он сказал: «Хорошо, я встречу с ним в ванной комнате, если вы настаиваете».

Я сказал: «У меня нет возражений, и думаю, у вас их тоже нет».

Он сказал: «Святой Дух - и в ванной комнате?»

Это можно было устроить только в ванной комнате, потому что из нее дверь вела на черный ход и я мог незаметно пронести через нее скелет из гаража. А если не через ванную комнату, то как еще я мог принести скелет в дом? Задняя дверь в ванной комнате - это специфика индийских домов. Люди, убирающие ванные комнаты, по законам, принятым в Индии, должны входить в дом с заднего входа. Итак, я оставил заднюю дверь открытой.

Профессор улегся, укрылся одеялом. Я выключил свет. Он сказал: «Нет, оставьте свет включенным.»

Я сказал: «Не волнуйтесь. Когда появится Святой Дух, вместе с ним появится и свет. Он весь светится».

Он сказал: «Все же лучше не выключайте свет. А где будете вы сами?»

Я сказал: «Я буду в соседней комнате. Если что-то случится или Святой Дух причинит вам какой-нибудь вред, вы сможете запереться в туалете, и он ничего не сможет сделать. Или, если будете в состоянии кричать, зовите меня. По своему опыту я знаю, что в подобных ситуациях, а их было в моей практике предостаточно, люди часто теряют голос. Они хотят что-то сказать, закричать, но не могут. Они находятся в шоке от присутствия Святого Духа».

Он сказал: «Я был большим глупцом, когда говорил, что в жизни нет смысла. Конечно же смысл есть».

Я сказал: «Нет необходимости так скоро менять свои убеждения. Сначала пусть состоится встреча».

И встреча состоялась. Но сначала я убедил его выключить свет, говоря, что иначе Святой Дух не появится. Итак, я выключил свет. Я принес скелет в ванную комнату через заднюю дверь и водрузил на предназначенное ему место. Профессор медицины был со мной. Где-то около двенадцати мы постучали в дверь нашего философа. Еще раньше я сказал ему: «Когда Святой Дух постучит в вашу дверь, откройте дверь в ванную комнату и войдите в нее. Там и произойдет встреча со Святым Духом. Какой бы вопрос вы ни захотели бы задать ему - задавайте. Все остальное зависит от вас. Моя миссия заканчивается организацией свидания».

Итак, мы постучали в дверь. Он выпрыгнул из постели и упал на пол. В полной темноте он не смог сориентироваться и вместо того, чтобы выйти из комнаты, как он хотел, он вошел в ванную комнату, где я предусмотрительно включил свет. Скелет был там. Он увидел его, упал на пол и потерял сознание. Я позвал профессора медицины и сказал: «Требуется твоя помощь. Вот второй скелет. Я отнесу первый скелет в свою машину, а ты позаботься о втором. Поэтому я и привез тебя с собой. Ты думал, для каких-то других целей, однако медики всегда должны быть рядом, когда предполагаются такого рода потрясения. Осмотри его».

Он сказал: «Несчастный! Сейчас я должен осмотреть его, а если с ним что-нибудь случится, он умрет или еще что-нибудь, я должен буду отвечать, потому что как врач был рядом с ним».

Но он не умер. Он открыл глаза, посмотрел на профессора, на меня, опять закрыл глаза и спросил: «Он ушел?» Первое, что он спросил, было: «Он ушел?»

Я спросил: «Кто?»»

Он сказал: «Святой Дух... и я теперь верю в Бога-отца, Святого Духа и Иисуса Христа и никогда более не скажу иное». Я сказал: «Хорошо! Я обратил вас в христианство».

Он сказал: «Мой Бог! Что за испытание. Моя жена ни за что не поверит, и никто не поверит. Даже я никогда бы не поверил, если бы сам не видел. Он ушел?»»

Я сказал: «Можете сами убедиться — загляните в ванную комнату.»

Он приоткрыл дверь, взглянул и сказал: «Да, он ушел». И этот человек стал с этих пор очень религиозным, стал регулярно посещать церковь. Весь университет был в недоумении, что с ним произошло. Я объяснил: «Это результат серьезного потрясения».

«Какого потрясения?» - спросили меня, и я придумал им целую историю.

А ему я сказал: «Не будьте глупцом! Пойдем со мной к моему знакомому профессору медицины, и он скажет вам, что это был не Святой Дух, а скелет, который я у него одолжил. Не было никакого Святого Духа, не было свидания. Вы обычный трус».

Он сказал: «Больше вам не удастся меня одурачить, я все видел собственными глазами. И чему я должен верить? Своим глазам или вам и вашему профессору? Мне все равно, что обо мне говорят. Отныне и навсегда я буду оставаться христианином. И вам не разрушить мою веру».

Он и сейчас остается христианином, очень набожным, он помогает другим обратиться в христианство. А все, что он видел, - всего лишь скелет! Я говорил ему, и профессор медицины говорил ему: «Мы можем показать вам этот скелет, и вы узнаете его».

Он отвечал: «И не собираюсь. Я вам не доверяю. Если вы смогли устроить такое потрясение для меня, — встречу с самим Святым Духом, — вы сможете подстроить что угодно. А что, если там, куда вы меня зовете, опять появится Святой Дух? Я вовсе не собираюсь встречаться с ним еще раз, никогда, до самой смерти». Он перекрестился. И каждый раз, когда он упоминал Святого Духа, он осенял себя крестным знаменем. Вот такое превращение!

Люди жили и живут под гнетом всевозможных предрассудков, которые могли быть основаны на вполне реальных фактах где-то в далеком прошлом, но люди не смогли должным образом осознать эти факты. Это правда, что Иисус не умер на кресте, но неправда и то, что он воскрес. Он был снят с креста и исчез из Иудеи. Совершая побег, он не мог не встретить на своем пути людей, знающих его, в том числе и кого-нибудь из своих учеников. И все они подумали, что он вернулся к ним, воскреснув.

Но он должен был покинуть Иудею, потому что кое-что знал... Это было предложение Понтия Пилата, который позволил ему бежать. Этому римскому прокуратору Иудеи было оказано большое доверие. Странное совпадение, что Рим стал цитаделью христианства, ведь именно Рим распял Христа, и именно римский прокуратор помог ему бежать. И Иисус понимал, что ему нельзя находиться в Иудее или где-то поблизости, иначе он может подвести Понтия Пилата, поэтому он постарался удалиться от Иудеи настолько, насколько это было возможно.

Иисус отправился действительно очень далеко: он умер в Кашмире в Индии. Он прожил долгую жизнь - сто двенадцать лет. Но тех шести часов на кресте ему было достаточно, чтобы никогда более не пытаться доказывать, что он - мессия. А в Индии мало кто обращал на него внимание: там мессия ничего не значит. Там в любое время — и днем и ночью — можно найти сотни живых воплощений Бога.

Однажды мне случилось быть в Аллахабаде. Я был приглашен на всемирную конференцию по индуизму. Кто-то по ошибке пригласил меня, считая, что я проповедник индуизма. Они, конечно, обнаружили свою ошибку, но слишком поздно. К этому времени я успел расстроить то, что они так тщательно планировали: обратить весь мир в индуистскую религию.

Я находился с другими гостями в палатках на берегу Ганга. Организаторы конференции выбрали красивейшее место для ее проведения. И там присутствовало по крайней мере пять воплощений Бога. В Индии с этим просто. Никто не требует у них всенародного объявления себя воплощением Бога. В этом плане Индия для подобных людей очень подходящая страна. Кто обращает внимание? Кто беспокоится? Это только ваше дело. Если вы считаете себя воплощением Бога - пожалуйста, будьте воплощением Бога. Этим вы никому не причините вреда.

Но для Иисуса его мессианство обернулось таким тяжелым испытанием, таким ужасным, что он навсегда оставил эту идею, идею решения всех проблем всего человечества. Он на себе испробовал, что бывает, когда кто-нибудь вознамерится искупить грехи всех людей - вас распнут на кресте!

Но его побег помог зародиться религии. Сейчас у христианской религии нет фактов, что случилось с Иисусом после его счастливого избавления. Он воскрес? Хорошо. А что было потом? Где он умер? Когда он умер? Где его могила? Почему не сохранили его могилу? Это было бы, наверное, самое святое место. Все, что сохранилось, - Шила рассказывала мне, - это крайняя плоть Иисуса Христа... ведь он подвергся обрезанию.

Бедные христиане... и даже это было вчера украдено из Ватикана! Теперь и вовсе ничего нет. Что можно делать с крайней плотью? И я не думаю, что это была его крайняя плоть; подошла бы любая, потому что крайняя плоть — это всего лишь крайняя плоть. На ней не написано: «Иисус Христос», - но кто-то совершил поистине великое дело, украв ее!

Теперь весь христианский мир трясется, ведь утеряно их величайшее сокровище.

Беседа 3

БЕРЕГИТЕСЬ! Я ЗДЕСЬ, ЧТОБЫ РАЗРУШИТЬ ВАШИ СНОВИДЕНИЯ

1 января 1985 года

Бхагаван,

Я слышал, как Вы говорили, что только христиане видят сны об Иисусе, а последователи Кришны видят сны только о Кришне. Санньясины видят сны о Вас, Бхагаван. Прокомментируете ли Вы это?

Сновидения - это подделка реального.

Это инструмент ума, предназначенный для того, чтобы утешить вас.

Если вы поститесь, то по ночам будете видеть сны о пиршестве, потому что голодному нужна пища, а спать без еды трудно. Ум вынужден давать вам какую-то замену, вот что такое сновидение. Оно дает вам ощущение того, что вы больше не голодны; вы едите, и едите хорошую пищу, деликатесы, пищу, которая вам нравится. Теперь вы можете спать без всяких проблем. Ум протащил тело сквозь сновидение.

Но сновидение - не реальность. Вы можете грезить о еде, но это не насытит вас. Ум может одурачить тело на время, но тело все же будет страдать. Реальность есть реальность, и вам нужна реальная пища.

Христианин, грезящий о Христе, индус, которому снится Кришна, или санньясин, грезящий обо мне, - все они делают одно и то же. Не имеет значения, о ком вы грезите; это несущественно. Кришна, Христос, Махавира или Будда, Зара-густра... вы можете видеть сны о ком угодно. Объект сновидения не имеет значения, существенно то, что вы грезите, видите сон.

Так что первое, что нужно запомнить, это то, что за всем этим стоит какой-то голод, который ум старается восполнить. Прочтите это послание отчетливо: вы не то, к чему предназначает вас природа; вы упускаете что-то потрясающе важное в себе; вы еще не стали подлинно собой. Сновидение о Христе, Кришне или обо мне - это признак. Он показывает, что вы блуждаете в потемках. Кто вы? Кришна? Христос? Я? Вы ни один из этих людей.

Так что запомните: сновидения, грезы указывают на определенный голод, который сидит в вас. Это первое, что нужно запомнить. Это очень значительно, ведь не все люди мечтают о Кришне, Христе или обо мне. Миллионам людей снятся деньги, миллионы людей грезят о власти, престиже. Мужчинам снятся женщины, женщинам снятся мужчины. И этот рынок обширен, вы можете выбирать любой товар для мечтания о нем. Кто-то мечтает о том, чтобы стать президентом страны; кому-то снится то, что он стал президентом страны.

У Чжуан-цзы есть красивая история об этом. А ведь он был человеком, который не рассказывает истории, а действует в них. Чжуан-цзы - одно из редких созданий, случившихся на земле, - уникальное во всех отношениях. Однажды утром он проснулся и сел в своей постели очень печальный. Никто до этого никогда не видел его печальным. Он был человеком смеха, очень несерьезным человеком. Не только несерьезным, он был известен как самый абсурдный человек - разыгрывающий шутки над самим собой, над своими людьми, над своим Учителем, над своими учениками. То была тоже шутка, но все были озадачены, потому что печальным он никогда не был; его спросили: «Почему вы печальны?»

Он сказал: «Я в большом беспокойстве, но я не думаю, что кто-то из вас может помочь мне, так что, какой смысл рассказывать вам об этом?»

Это озадачило людей еще больше. Они сказали ему: «Пожалуйста, расскажите нам! Кто знает; может быть, мы сможем сделать что-нибудь. Все вместе мы, может быть, сможем найти какой-нибудь способ. Если есть проблема, должно быть и какое-то решение. Если есть вопрос, где-то должен быть и ответ на него».

Чжуан-цзы сказал: «Если вы настаиваете, я расскажу вам, в чем проблема. Проблема - это не вопрос, на который вы можете найти ответ. Это загадка, не имеющая ответа, и эта загадка захватила меня; вот почему я печален. Прошлой ночью мне снилось, что я стал бабочкой, перелетающей с одного растения на другое, с одного цветка на другой. И я совершенно забыл, что я Чжуан-цзы, знаменитый, великий Учитель. Я по-настоящему был бабочкой, Чжуан-цзы не осталось ни капельки».

Ученики сказали: «Это не проблема - сны снятся всем. Мы не видим здесь загадки».

Чжуан-цзы сказал: «Подождите немного, я еще не все рассказал вам. Теперь, когда я проснулся, и возникла проблема: может быть, теперь уснула бабочка, и ей снится, что она стала Чжуан-цзы. И меня захватило это: что есть что? Снилось ли бабочка Чжуан-цзы или Чжуан-цзы снится бабочке?»

Все молчали, потом они сказали: «Может быть, вы и правы в том, что мы не можем помочь вам. Никто не может помочь вам».

А он ведь поднял потрясающе важный вопрос. Его вопрос остался без ответа, потому что меня не было там! Естественно, двадцать пять столетий этот вопрос ждал именно меня. Все же так просто! Если бы я был там, я бы ударил его по-настоящему крепко и разбудил бы его.

У бабочки не было проблем; ее не волновало, что там случилось с Чжуан-цзы. Она совсем не связана с Чжуан-цзы - Чжуан-цзы связан с ней. Бабочка была одна, но вы не одни. Вот вы сидите в своей постели, озабоченные тем, что есть правильное, что есть реальное; вы Чжуан-цзы или же вы бабочка... Все это доказывает, что вы — не сновидение, вы — реальность.

Бабочка была просто сном. Вы спите в сновидении. Нет вопросов, нет проблем. Вы даже не думаете, что это сновидение: это и есть вы, вы полностью отождествляете себя с ним. Сейчас же вы не отождествляете себя с этим сновидением. Вы не можете быть бабочкой, это совершенно точно, ведь бабочку не волнуют такие великие философские проблемы. Быть озадаченным, быть озабоченным - это прерогатива только человека.

Вы мечтаете об Иисусе, Кришне, Заратустре, Мухаммеде -почему? В вас должен быть какой-то голод, который, как вы чувствуете, восполняется Иисусом. Это то, что говорили христианам: Христос достиг, а вы еще не достигли. Каким-то образом должны достичь и вы. Но вы никогда не сможете быть еще одним Христом; существование никогда не повторяет себя. История повторяется, потому что история принадлежит идиотскому человечеству, поэтому-то она и ходит все время по кругу, совершает снова, снова и снова те же самые глупости. Она никогда не научится.

Но существование никогда не повторяет себя. Оно производит только уникальные вещи, одну в своем роде, и этого достаточно. Какой смысл повторяться? Это ведь не сборочная линия на автомобильном заводе, где каждую минуту выходит автомобиль, подобный другому автомобилю, и все они сходят со сборочной линии совершенно одинаковыми.

Природа не производит людей, вещи, птиц, цветы... Нет сборочной линии, нет модели; она все время исследует новые измерения. Так что совершенно точно, что вы испытываете голод: вашей пищей является Христос, пищей кого-то еще является Кришна. Это просто разновидности

одного заболевания.

Индус привык к определенному блюду. Конечно, когда он голоден, он не может мечтать о блюде, о котором он ничего не знает. Можно грезить только о том, что известно. Может ли вам сниться то, чего вы не знаете? Это невозможно, ведь сновидение - это всего лишь повторение.

Сновидение не является созидательным; да, сновидение может быть синтетическим, но никогда не созидательным. Поймите разницу между этими двумя словами: синтетический и созидательный. Сновидение может соединить что-то. Например, оно может взять голову Иисуса и тело Кришны и составить что-то, что есть и Кришна, и Иисус...

Именно это и делали всю свою жизнь люди, подобные Махатме Ганди: составляли, синтезировали — брали что-то от Корана, что-то от Библии, что-то от Гиты, что-то от Махавиры, что-то от Будды, и пытались сделать что-то, что в Индии называется хичари. Ближайшим термином к хичари будет «сборная солянка», но и это не сравнится с «хичари».

С ногами от одного человека, с руками от другого человека, с волосами от кого-то еще, глазами от кого-то еще, вы и становитесь хичари. Можно сделать составного человека, имеющего все, - глаза, нос, уши, голову, ноги, все, - но все же это будет мертвое тело. Составляя, невозможно создать жизнь, невозможно создать сознание. Сновидение может быть составным. Можно увидеть летающую лошадь - ни одна лошадь не летает, но есть вещи, которые летают: летающие тарелки, летающие самолеты и летающие птицы, так что не очень сложно составить летающую лошадь.

Что есть сновидение для человека, то есть мифология для общества.

Мусульмане говорят, что Мухаммед никогда не умирал; но тогда возникает проблема: куда же он делся? Самое время, теперь, когда у него миллионы последователей - шестьсот миллионов последователей - самое время ему выйти. Где он прячется и что он делает? Нет, у мусульман есть миф. Миф - это сон, увиденный целой расой, коллективный сон, - но он составной.

Мухаммед обычно переезжал с одного места на другое на красивой лошади; а арабские лошади — самые знаменитые лошади в мире. Иисус выглядел бы там очень бедным человеком, ведь он ездил всего лишь на осле. И хорошо, что христиане не создали мифа, такого, который создали мусульмане: Мухаммед никогда не умирал, однажды он просто улетел вместе со своей лошадью к Богу. Лошадь также поднялась вместе с ним на небеса! Более счастливая судьба быть лошадью при Мухаммеде, чем быть мусульманином и человеком.

И я говорю, что это хорошо, что христиане не увидели такой же сон, иначе Иисус поднялся бы на небеса вместе со своим ослом. И что бы делали на небесах эти лошади и ослы? Ведь с древних времен там накопилось уже много ослов. Все ваши праведники и все ваши святые... что они такое? Вот она мифология.

Пророки умирают, но мусульмане вынуждены делать исключение для Мухаммеда - он никогда не умирает, он жив! Всякий другой пророк восходит на небеса после смерти, Мухаммед единственный, кто поднялся туда живым, и с ним его лошадь. Естественно, лошадь должна была летать.

Так что в священные дни мусульман можно увидеть лошадь с крыльями. У лошадей не растут крылья, но одной лошади удалось вырастить их. Мусульмане не могут создавать изображений Мухаммеда, поскольку Мухаммед против изображений; поэтому они просто рисуют лошадь с крыльями, и на ней вы должны вообразить Мухаммеда. Вы видите только лошадь, сделанную из бумаги; вы должны вообразить на ней Мухаммеда, - и есть мусульмане, которые на самом деле видят его.

В моей деревне было много мусульман, и в моем детстве еще не было того, что случилось позже, когда индусы и мусульмане начали убивать друг друга. Это произошло из-за того человека, о котором я уже говорил вам, - Мирза Аллама Икбал. Он великий поэт, в этом нет сомнения. Я упомянул перед вами его имя, потому что он написал стихотворение «Моя страна самая лучшая во всем мире». Хиндостан хамара саре джехан се ачча.

Для обозначения Индии он использует слово Хиндостан, но позднее этот же самый человек создал идею Пакистана. Он был зачинателем той идеи, что индусы и мусульмане должны разделиться, что они не могут жить вместе, потому что их религии различны, различны их культуры, различны их языки, и поэтому им не нужно жить вместе, они должны разделиться. Все смеялись: вся эта идея казалась донкихотством, чем-то абсолютно абсурдным, ведь индусы и мусульмане жили вместе на протяжении столетий, и не было никаких проблем.

Но вскоре великий политик Мухаммед Али Джиннах подхватил идею Алламы Икбала. На протяжении тридцати лет он постоянно подчеркивал: «Нам нужен Пакистан, мы не можем жить с индусами», — и он создал Пакистан. Индия была разделена надвое - одна и та же Индия, Хиндостан, которая была «самая лучшая во всем мире». И этот самый человек создал идею и философию Пакистана. Слово Пакистан означает «святая земля».

Естественно, он должен был создать что-то получше Хин-достана. Хиндостан, в конце концов, был просто страной, а вот Пакистан был святой землей. И миллионы мусульман и индусов были разрезаны на куски, убиты и замучены. Но в моем детстве такого еще не было. Индусы ходили к мусульманским святым без всяких затруднений; мусульмане принимали советы от индусских святых без всяких проблем.

В Мухаррам, ежегодный мусульманский священный праздник, делаются эти сувениры... по прошлым воспоминаниям, возраст которых четырнадцать веков. Делать изображения Мухаммеда нельзя, это запрещено. Мы не знаем, как он выглядел. У нас есть некоторые представления об Иисусе; возможно они не очень верные, ведь фотографии тогда еще не было. Возможно, такие представления скорее воображение, чем реальность, ведь люди, создававшие эти представления, старались сделать как можно лучше, и они должны были создавать картину, чтобы все было похоже на пророка. Вопрос стоял так: выглядит ли этот человек пророком или нет.

Из еврейских источников я знаю, что Иисус был всего лишь метр тридцать пять ростом. Не только это, он был очень безобразен; не только это, он был горбун. Может быть, это просто враждебность, а может быть, в этом есть какая-то правда. Может быть, и то, и другое — это воображение, — одно от врагов, другое от друзей, - и между ними двумя совершенно потерялась реальность.

Я абсолютно уверен в том, что Будда никогда не выглядел так, как выглядят его статуи,

поскольку эти статуи были сделаны пять столетий спустя после него, — когда Будда был мертв уже пять столетий. Спустя эти пять столетий Индию посетил Александр Великий. Образ Будды ближе к лицу Александра Великого, чем сам Будда, потому что это лицо греческое - греческий нос, греческие глаза. Статуя Будды не похожа на статую индуса.

Когда индусские скульпторы увидели Александра, у них возникла идея: вот хорошая модель. Александр на самом деле был красивым человеком. Сделать Будду по образу Александра было очень просто; и не было доказательств, что он выглядел как-то иначе.

Если вы посмотрите буддийские монастыри и храмы в Китае, вы увидите там совершенно другого Будду, поскольку у китайцев свое собственное представление о красоте. Оно может не подойти вам, но это уже ваша проблема; оно нравится им. Например, нос не должен быть таким торчащим и таким длинным, он должен быть плоским. Никому в целом мире не нравится плоский нос, но что делать? У китайцев плоские носы, а они составляют четвертую часть всего мира: из любых четверых людей один китаец.

Я слышал о человеке, у которого было три сына, и он сказал: «Теперь мы должны остановиться».

Его жена сказала: «Почему?»

Он сказал: «Четвертый будет китайцем. Я читал об этом: из любых четверых людей четвертый китаец. Я прочел это в очень надежном источнике. Я не собираюсь больше иметь детей. Трое и довольно - нам в нашем доме не нужны никакие китайцы».

Если вы отправитесь в Японию, то увидите там совершенно другого Будду. Если поставить японского Будду и индийского Будду рядом, то вы не поверите, что это статуи одного и того же человека. Можно напрячь свое воображение, насколько это возможно, но и тогда, кажется, нельзя представить себе, что это статуи одного и того же человека. Живот у индийского Будды втянут внутрь, грудь наружу. Японский Будда - прямая противоположность: плечи втянуты, живот торчит наружу.

И ни один индеец не признает это красивым. Александр был атлетической личностью, хорошо тренированный, хорошо отшлифованный, - атлеты всегда любили, чтобы живот был подтянут, грудь выдавалась вперед, как у льва. А этот японский Будда выглядит странным парнем вот с таким животом: посмешище. И голова его тоже японская, и лицо его тоже японское.

Как раз несколько дней назад Шила принесла мне фотографию. Эта фотография была послана одним санньясином из Калифорнии. В этом смысле Калифорния совсем рядом с Орегоном... У этого санньясина на лбу выросла шишка. Это, должно быть, какой-то нарост, может быть раковый или что-то еще. Но люди любят... Даже если у вас рак, кто-нибудь может сказать: «Это не рак, это знак просветления», - и вы будете осчастливлены. У Рамдаса такой же нарост. Поэтому Рамдас распространил в Америке историю о том, что когда человек становится Буддой, пробудившись, на лбу вырастает такая шишка. И он откуда-то взял фотографию статуи Будды с такой шишкой на лбу.

Я никогда не видел ни одной статуи Будды с шишкой на лбу. Такую фотографию я увидел впервые. И никто не знает, чья же это статуя. Это мнение лишь Рамдаса, что это статуя Будды. В ней нет сходства с Буддой - ни с индийским, ни с японским, ни с китайским или тибетским, или

из какой-либо другой буддийской страны. Ни в одной из этих стран нет статуй с шишкой на лбу.

Так что или это фотографический трюк, или, может быть, кто-нибудь прилепил пластырем шишку к парижской статуе Гаутамы Будды. Тогда и была сделана эта фотография, а Рамдас носит с ней, рассказывая людям: «Посмотрите, то же случилось и с Буддой». А в Калифорнии могут поверить во что угодно. Это самая религиозная земля в мире: все праведники родились в Калифорнии.

И вот, этот санньясин посылает мне фотографию, потому что у него на лбу выросла такая же шишка, и он говорит: «Бхагаван, означает ли это, что я стал просветленным? Рамдас говорит, что да». Фотография послана Рамдасом. У санньясина точно такая же шишка. Он посылает свои фотографии с разных сторон, чтобы показать свою шишку во всех подробностях: сверху, с этой стороны, с той стороны, так чтобы не было сомнений в его шишке. И он по-настоящему радуется.

Я попросил Шилу сказать этому бедному парню, чтобы он пошел к доктору и чтобы его обследовали там. Не дай Бог, это что-нибудь связанное с раком. Надо торопиться и не давать дурачить себя таким людям, как Рамдас. А если и Рамдаса удастся доставить к доктору... В том, что касается меня, если я встречу этого Будду, я отведу его в наш медицинский центр. Его шишку нужно удалить даже ценой его просветления. Если она исчезнет, пусть исчезает, но о раке нужно подумать в первую очередь. Просветление может случиться и еще раз. Но дураки есть дураки. Этот санньясин будет задет моим ответом. Ему больше понравилось бы, если бы я сказал: «Да, вы стали просветленным».

Это странный мир!

Люди в нем хотят утешающей лжи.

Никто не готов для правды.

У нас есть некоторое представление о лице Иисуса, что-то близкое... может быть что-нибудь близкое о Будде. Но о Мухаммеде у нас совсем нет никакого понятия, потому что на протяжении пятнадцати столетий мусульмане настойчиво разрушали все возможные следы личности Мухаммеда.

Один из моих друзей, индусский святой, создал храм, храм всех религий. Это было делом всей его жизни. Он построил красивый храм, и для него было большим трудом собрать на него так много денег. Он весь был сделан из чистого мрамора, и он сделал в нем статуи всех религиозных людей, забыв при этом, что невозможно сделать статую Мухаммеда. Он полагал, что делает великое дело.

Он сделал Будду, Махавиру, Лао-цзы, Иисуса, Моисея, Заратустру. С ними не было проблем. Даже если нет настоящего портрета, все равно имеются какие-то описания. Нужен всего лишь творческий художник, имеющий достаточно воображения, чтобы выразить образ. И если у художника на самом деле достаточно воображения и способностей, он может подойти близко к фотографии.

Художники есть во всех больших полицейских управлениях... Вам нужно описать лицо вора,

которого вы видели ночью, исчезающим во тьме. Вы не уверены, что за человек он был, но вы просто описываете его, и художник оказывается способным выразить, исходя из вашего описания, портрет вора; и вот он рисует портрет. Я видел эти портреты, и когда воров ловят, они оказываются настолько похожими на свои портреты, что художник кажется обладающим подлинной интуицией: он ухватил идею из очень скудного описания.

Даже очевидец не был уверен в том, были ли у мужчины усы или нет, ведь ночью, когда вы были в опасности, - у мужчины пистолет, ваш сейф взломан, - кто стал бы думать, есть у мужчины усы или нет? Длинные? Короткие? Подстриженные на манер Адольфа Гитлера?.. Вы не в состоянии думать о всех таких вещах, как цвет его глаз, тем более ночью... Но вы даете какое-то описание, все, что приходит вам в голову, и художник выражает это. И я видел по-настоящему невозможные вещи. Художник как-то умудряется, и по его портрету, опубликованному в газетах, вора ловят.

Так что есть возможность... а этот человек имел большое влияние на многих людей. Ему удалось получить какое-то тело для создания статуи Мухаммеда, но он не осознавал того, что он вступает в большие неприятности. Его храм был полностью сожжен, разрушен, разрушена каждая статуя, потому что он совершил самый нечестивый акт, какие только могут быть по мнению мусульман. В часы была разрушена работа всей его жизни. Не осталось никакого храма.

Я видел этот храм, я приходил также на то место после того, как храм был полностью уничтожен. Там были просто руины: статуи разрушены, столбы сохранились наполовину, крыша сгорела. Человеку, сделавшему храм, как-то удалось убежать, иначе убили бы и его, ведь то, что он сделал, — величайшее преступление против ислама, - он создал изображение Мухаммеда.

Но человек в конце концов человек, ему нужна какая-то замена. Поэтому, когда мусульмане видят во сне лошадь, летящую на крыльях, они, конечно, должны видеть и кого-то, сидящего на ней, но они никому не говорят об этом. Это опасно. Мусульмане знают только одно наказание: вам просто отрубает голову. Отсечение головы — для них самое простое дело.

У вас голод. Сновидение указывает на этот голод, но сновидение не восполнит его. Оно лишь указывает. Примите это указание и потом начинайте избавляться от сна; его работа выполнена. Не следуйте за сновидением, за грезой, не пытайтесь стать Христом, Буддой или Заратустрой, нет. Не в этом значение сна.

Если вы попытаетесь стать Иисусом или Буддой, - это самое несчастное дело, которому вы можете последовать. Если вы потерпите неудачу, вреда нет, - весьма вероятно, что вы потерпите неудачу. Две тысячи лет прошли, и никто не смог снова стать Христом; вот оно достаточное доказательство. Но это не означает, что люди не предпринимали попыток.

Стать копией пытались миллионы людей, но, к счастью, они потерпели неудачу. К сожалению, все-таки есть вероятность, что вы можете преуспеть. Тогда это означает, что вы стали душевно больным. Ничего другого это не означает; это просто означает, что вы стали душевно больным, вы начали верить в то, что вы Христос. Ваше сновидение завладело вами настолько, что перестало быть сном, оно стало для вас реальностью.

Стать душевно больным - это значит уйти от себя.

В этом для меня смысл душевной болезни.

Здравомыслие, нормальность означает быть ближе к себе, все ближе и ближе. Наступает день, когда вы приходите в самый центр своего существа; тогда вы становитесь самым нормальным человеком в мире... когда вы как раз и есть вы сами, а не кто-то другой, чистые, подлинные, и ничья тень не падает на вас.

Быть душевно нормальным - это быть в центре своего существа.

А быть душевно больным - это уйти далеко от себя.

И вот, если вы становитесь Христом, то это означает, что вы достигаете самой удаленной от себя точки; или если вы становитесь Буддой или мною, то и тогда вы достигаете самой удаленной от себя точки. Это может весьма удовлетворить вас: увидеть разочарованного сумасшедшего невозможно, невозможно увидеть, чтобы сумасшедшие люди совершали самоубийства. Слышали ли вы о таком деле? Невозможно увидеть сумасшедшего человека несчастным. Нет, ведь его мечта стала реальностью. Он так счастлив, как только может быть счастлив человек.

Один из моих санньясинов, вы знаете его, это Нарендра, - у его отца сменялись фазы: шесть месяцев он душевно нормальный, шесть месяцев он душевно больной. Такой был четкий период. Самым странным для его семьи, докторов, всего города был о то, что, когда он был душевно болен, он был счастливейшим человеком во всем мире и самым здоровым. А когда он был душевно нормальным, он становился несчастным, больным, со всеми видами болячек; все шло не так, он становился сварливым и брюзгливым. Его семья постоянно молилась: «Если он останется сумасшедшим на целый год, это будет величайшим блаженством », - для него и для семьи.

Но у него была собственная программа: шесть месяцев. Когда он был душевно нездоров, в семье восстанавливалось равновесие, потому что он никого больше не беспокоил, и он всеми возможными способами радовался себе. Я видел, как он это все проделывал, - Нарендра был еще очень маленьким, но когда его отец был душевно больным, даже маленький ребенок в доме использовался для того, чтобы смотреть за магазином.

У них был ювелирный магазин, где были дорогие вещи - золото, серебро, алмазы. И когда он был сумасшедшим, он постоянно воровал все это. А ведь магазин был его собственным! Нарендра был таким маленьким, но и он следил в магазине и бывало кричал матери: «Сюда... скорее сюда! Ка-Ка открыл сейф!» Мать прибегала бегом, и все дети тоже. У него было много детей, я думаю дюжина, и все они прибегали; даже самые маленькие дети следили за ним.

Скажем, он отправлялся на рынок и самый маленький, пятилетний ребенок шел за ним. Если я наталкивался на них, я говорил ребенку: «Куда это ты собрался?» Он отвечал: «Вслед за Ка-Ка... ведь он постоянно берет отовсюду вещи взаймы, а мы потом вынуждены платить». Он заходил в кондитерский магазин и ел там столько, сколько хотел, и приглашал всех прохожих, незнакомых людей присоединиться к нему: «Заходите!» А ребенок заставлял его: «Ка-Ка, тебе нужно идти домой, иначе прямо сейчас я приведу маму».

Единственным человеком, которого он боялся даже в своем безумии, была его жена. Это

подтвердило для меня еще одну сентенцию: даже душевная болезнь не может изменить отношений между мужем и женой. Он также раздавал всем свои вещи. За ним должен был ходить кто-нибудь, что и делали все его дети; никого другого не было, только эти двенадцать детей и жена. Он был счастлив на протяжении этих шести месяцев, и все в городе были счастливы, потому что быть с ним было радостно и всегда весело. Он немедленно начинал толстеть, здороветь, становиться сильнее. А в тот момент, когда эти шесть месяцев заканчивались, он становился слабым, больным. Он сидел в магазине - больше не нужно было следить за ним, - но он был несчастен.

Душевнобольные люди не могут страдать. Так что если вы страдаете, будьте счастливы, - но, как минимум, вы не больны душевно. В вас, как минимум, еще осталось какое-то здравомыслие, отсюда и страдание.

Что такое страдание?

Страдание — это ощущение того, что вы не являетесь самими собой.

Есть провал между вами, какие вы есть, и вами, какими вы должны быть по вашим ощущениям.

Этот провал и есть страдание. Чем больше провал, тем более вы страдаете. Идиоты не страдают по той простой причине, что у них нет разума увидеть этот провал.

Самые разумные люди в мире - они и самые страдающие, потому что так ясно видят этот провал, что не могут забыть его, не могут отодвинуть его в сторону. Он всегда здесь, чем бы они ни занимались, провал всегда перед ними. И этот провал ранит: «Почему я не могу быть просто самим собой?»

Вот почему я говорю, что если вы, к сожалению, преуспеете в том, чтобы стать Христом, или Кришной, или мною, то это будет означать, что вы больше не принадлежите здравому миру, вы стали полностью безумными. Теперь вы не в состоянии провести различие между реальностью и сном, грезой, - а забыть разницу между сном и реальностью - это великая потеря: это духовное самоубийство.

Я бы сказал Чжуан-цзы: «В этом нет проблемы, просто поднимитесь со своей постели». Я бы собрал его учеников и сказал им принести ледяной воды и полить ею на этого человека, чтобы он узнал, что он не бабочка. И я прекрасно знаю, что еще до того, как они начнут лить воду, он вскочит с постели и скажет: «Подождите! Я Чжуан-цзы. Я просто шучу».

Только Чжуан-цзы может видеть разницу между реальным и нереальным. Бабочка на это не способна, бабочка - это лишь сон.

Сон не имеет своего собственного разума. Сон - это просто облако, окружающее вас; вы отождествляете себя с ним только потому, что спите. И ваше пробуждение не приводит вас в настоящее бодрствование. Вот почему вы отождествляете себя со столь многими вещами.

Вы становитесь индусом; вот оно отождествление. Вы становитесь христианином, иудеем; вот оно отождествление, - и оно показывает, что вашего бодрствования нет. Вы пробудились только по названию. Это такой тонкий слой бодрствования, что все, что угодно, нарушает его, и вы

немедленно засыпаете. Мимо проходит красивая женщина, и вы засыпаете. Вы вступаете в сновидение, в мечту о том, как бы получить ее, как овладеть ею. Вы совершенно забыли, что вы же не спите.

Один из романов Достоевского, Преступление и наказание, описывает одно происшествие. Главное действующее лицо романа — Раскольников; он студент университета. Он живет в маленькой комнате перед весьма парадным домом, в котором живет одна старуха, - может быть восьмидесяти, восьмидесяти пяти или даже девяноста лет. В России это не трудно. В России можно найти людей ста пятидесяти лет и даже больше, иногда ста восьмидесяти, и они все еще работают. И не один-два, а тысячи, особенно на Кавказе, откуда родом Гурджиев. Человек ста пятидесяти, шестидесяти, семидесяти лет все еще работает в поле, совсем как молодой человек.

У Раскольникова весьма философский склад ума, и он постоянно видит через окно эту старуху. У нее очень много денег, она владеет почти половиной домов в городе. И у нее никого нет, она одинокая, и живет в таком огромном дворце. Все ее дело заключается в том, чтобы давать людям займы деньги под высокие проценты.

Раскольников, сидя перед окном, видит бедных людей, которые приносят ей свои вещи, ведь она не даст денег, если не оставить ей что-нибудь в залог. Он видит этих бедных людей, приносящих ей свои вещи и получающих какие-то деньги под процент. Они прекрасно знают, и Раскольников знает, что они никогда не смогут вернуть даже проценты, что же говорить о самих деньгах! И что же они оставляют? Они, например, могут оставить часы, какие-нибудь драгоценности, что-нибудь, чем они владели, и вот теперь это уходит от них. А старуха дает за них всего лишь половину цены.

Раскольников злится все сильнее и сильнее, целыми днями видя этот обман. И он начинает думать, в чем цель этой женщины? У нее нет ничего, ради чего стоит жить. Она достаточно пожила, и все же продолжает эксплуатировать людей. Почему никто не убьет ее? Он начинает думать, что в убийстве ее нет преступления; поэтому Достоевский и назвал свою книгу Преступление и наказание. Он философствует об этом долго, месяц за месяцем, год за годом, ведь он постоянно наблюдает за ней, и мало-помалу он начинает думать: «Никто не собирается убивать ее, я должен сделать это».

И, наконец, однажды он решается: все, достаточно, я не могу больше терпеть этого. И, кроме того, у него возникает необходимость пойти к ней, поскольку он должен заполнить экзаменационные формы и внести плату за продолжение обучения, - а денег у него нет. Поэтому вечером он отправляется к ней. Он берет с собой свои часы и ждет, пока все уйдут и станет темно.

Дама настолько скупа, что не пользуется даже свечами. Когда темнеет, она закрывает двери, запирает их изнутри и исчезает на всю ночь. Поэтому он входит к ней до того, как она закрылась. Она спускается по лестнице, чтобы запереть дверь, и тогда он входит и говорит: «Я в большом затруднении. Вы знаете меня, я живу в доме напротив вашего. Вот возьмите мои часы, но вы должны дать мне денег прямо сейчас. Завтра утром мне нужно заполнять экзаменационные формы. Если я не успею завтра, два моих года окажутся потраченными напрасно».

Она говорит: «Хорошо, пойдемте со мной».

Он идет позади нее, готовый ее убить. Он так много раз представлял себе, как он убьет ее, ведь на это не потребуется много сил, она такая старая: нужно просто зажать ей горло и этого будет достаточно. Он воображал себе это, видел это во сне, философствовал об этом: это же не преступление, это не грех. На самом деле, это устранение великого преступника, который каждый день совершает такое множество преступлений против всего города. Он же спаситель! Бог не может быть таким непонятливым, и когда он узнает всю эту историю, он вознаградит его. Раскольников убедил себя в том, что убийство этой женщины - не преступление. И в любом случае она во всякий День может умереть. Зачем давать ей возможность продолжать эксплуатировать людей?

Он отдает ей свои часы. Становится темнее, поэтому она подходит ближе к окну, чтобы рассмотреть часы и понять, сколько они стоят, - ведь она не зажигает свечей. И тут случайно у нее происходит сердечный приступ, она падает и умирает. А Раскольников думает, - ведь он так много раз переживал эту идею убийства ее, так много раз мечтал об этом, — он верит, что это он сделал это.

Он бежит, возвращается в свою комнату, но он знает, что вскоре придет полиция; оставаться здесь нельзя. Он отправляется в дальний конец города, чтобы остановиться у своего друга. Но друг не понимает: «Почему ты так нервничаешь? Что случилось?»

Он говорит: «Ничего не случилось, я ничего не сделал. Не смотри так подозрительно».

И естественно, друг говорит: «Я и не подозреваю ничего, я не говорю, что ты что-то сделал».

Но Раскольников говорит: «Да, ты ничего не говоришь, но твои глаза выдают тебя. Ты что, думаешь, я такой глупец, что не могу понять, что происходит в твоём уме? Ты думаешь, что я убийца?»

Тот человек говорит: «Ты сошел с ума! Почему ты должен быть убийцей?»

Раскольников не может спать. Он снова и снова просыпается и говорит своему другу: «Ты ничего не слышал? Мне послышался полицейский свисток».

Друг говорит: «Никого здесь нет, никакой полиции. Ради чего им являться сюда и свистеть?»

Раскольников говорит: «Нет, возможно, мне это приснилось». И снова: «Ты не слышал стука? Я слышал шаги, шаги полиции, направляющейся к дому».

Тот человек говорит: «Тебя преследует полиция?»

Раскольников говорит: «Кого преследует? Это тебя, должно быть, преследует. Это твой дом, не мой. Прежде всего, я ничего не сделал... и люди умирают сами по себе. Это вовсе не означает, что кто-то убивал их».

Под утро он доводит друга до сумасшествия и, наконец, сам просит его: «Отведи меня в полицейский участок, потому что они кругом, повсюду, они собираются схватить меня. Они, наверное, уже нашли, что старуха была убита, задушена. И они, наверное, нашли мои часы в ее руках, а это достаточная улика, ведь как попали эти часы туда? И кто-нибудь видел, наверное,

как я вхожу в ее дом или выхожу из ее дома. Нет смысла... Лучше сдаться».

Он идет в полицейский участок. Он пытается убедить полицию. Полиция говорит: «Вы просто сумасшедший. Женщина умерла от сердечного приступа - вот отчет доктора».

Раскольников говорит: «Я... вы пытаетесь убедить меня? Я человек, убивший ее, - я признаюсь вам».

Вот в чем смысл преступления и наказания: возникает чувство вины; он начинает наказывать себя сам. И сон, который он видел так много раз, — теперь он не может выразить, сон ли это, или он сделал это на самом деле. Он не делал этого, но продолжает мучить полицию своими признаниями. Он отправляется к доктору и говорит: «Ваш отчет неправильный. Я прекрасно знаю, что это я убил ее, часы - вот улика».

Доктор говорит: «Часы — это не улика. Мы все обследовали, она умерла от сердечного приступа». Но этому человеку нужно наказание. Наконец, полиция решает посадить его, чтобы он удовлетворился. Что еще делать? И его сажают в тюрьму, он успокаивается.

Вот оно, душевное нездоровье: когда сновидение становится реальностью, когда вы не можете сделать различие между сном и реальностью.

И миллионы людей ходят, разговаривают, работают, и не способны установить различие между реальным и нереальным.

Сколько суеверий вы постоянно носите в себе? Что есть Бог, как не суеверие? Вы даже не грезили о нем; это сон, с которым вы отождествляете себя, даже не ваш сон. Может быть, Иисус и видел его, но он уже достаточно пострадал за этот сон. Почему же вы теперь мучите себя?

Но есть люди... Я слышал о человеке, который верил в то, что он воскресший Иисус Христос. Его семья пыталась убедить его: «Никому не говори ничего такого - люди подумают, что ты сошел с ума».

Он сказал: «Пусть себе думают так, но я есть то, что я есть; и скажу я об этом или нет, они откроют это, так что лучше самому объявить об этом. И это не стыд, это слава, - и вы все должны быть счастливы тем, что я Иисус Христос».

Его отвели к психиатру, сказав: «Этот бедный парень решил, что он Иисус Христос. Нужно что-то делать».

Психиатр испробовал множество способов, все уловки, которые он знал. Ничто не сработало. Как они могли сработать на человеке, который Божий мессия? Психиатр - это всего лишь бедный психиатр, что он может? Может ли он перепрограммировать Иисуса Христа? Невозможно! Иначе не было бы нужды распинать его - просто перепрограммировать. Просто на субботу с воскресением отвести его к перепрограмматору, и с Иисусом

Христом покончено, - нет мессии, нет сына Божьего. Он возвращается обратно на землю: он знает, что он сын Иосифа, а не Святого Духа, что он плотник, что он должен вернуться к своей работе, - что делает он здесь?

Ему не полагалось читать проповедей на горе. Ему нужно возвращаться в мастерскую отца, где этот бедняга все еще продолжает изготавливать мебель: «Руби свои чурбаки и делай все, что требуется. Помогай старику. Что ты делаешь здесь?» Нужно лишь только перепрограммирование, но трудно перепрограммировать такого человека, как Иисус Христос. Этот человек, хотя он и не Иисус Христос, верит в это. В конце концов психиатр поставил его перед зеркалом. Он сказал: «Посмотри на себя в зеркало. Похож ли ты на Иисуса Христа?»

Он посмотрел в зеркало. Он сказал: «Конечно. Вы думаете, что вы похожи на Иисуса Христа? Вы идиот! Это видно любому. Зеркало не может лгать».

Тогда психиатр пробует свой последний способ. Он берет свой перочинный ножик, режет им палец у Иисуса Христа, течет кровь. Он говорит ему: «Со времени распятия прошло две тысячи лет и ничего не было слышно об Иисусе Христе. Он должен быть мертв; это простая арифметика. Он не может жить на протяжении двух тысяч лет, никто не жил так долго. Единственное, что возможно, это то, что ты - мертвое тело Иисуса Христа. Но кровь не течет из мертвых тел, а из твоего тела кровь течет. Это доказывает, что ты живой».

И Иисус Христос, этот так называемый Иисус Христос, рассмеялся и сказал: «Это просто доказывает, что и мертвые тела кровоточат, а вы, прежде всего, не расслышали, что я сказал: “Я воскресший Иисус Христос”. Я оставил смерть далеко позади, две тысячи лет назад». Невозможно убедить сумасшедшего, разрезая его руку и доказывая, что мертвые тела не кровоточат. У душевно больного человека своя логика. Он говорит: «Это просто доказывает, что и из мертвого человека течет кровь».

С сумасшедшим невозможно спорить. Можно ли спорить с христианином? С возрожденным христианином? Можно ли спорить со свидетелями Иеговы? Невозможно! Можно ли спорить с людьми Харе Кришны? Я пытался спорить со всеми этими людьми. Это невозможно.

Прежде всего, они не слушают, что вы им говорите. Они продолжают говорить то, что сами хотят сказать, — начинают читать из Библии. Можно видеть пленку, покрывающую их глаза. Можно увидеть, что их уши закрыты. Можно почувствовать, что этот человек спит, он не проснулся.

Все эти религиозные люди спят и во сне видят тысячу и одну вещь. Эти сны навеяли им их священные писания.

Я здесь не для того, чтобы навеять вам сны, как раз наоборот.

Я здесь для того, чтобы уничтожить все ваши сны.

Даже если вы во сне встретите меня, отрубите мне голову немедленно, там же и тогда же. И не спрашивайте, откуда взять меч. Если вы смогли взять меня в свой сон, из того же места возьмите и меч. Если вы можете видеть меня во сне, то сможете увидеть и меч.

Вот что случилось. Человек искал работу. Он услышал, что есть место на корабле, который был как раз готов к тому, чтобы выйти из порта. Он кинулся туда. Капитан спросил его: «Если ветры очень сильны, и течения очень сильны, и вы почувствуете, что корабль тонет, что вы будете делать?»

Он сказал: «Я брошу в воду якорь».

Капитан сказал: «Это правильно». И снова он сказал: «Волны становятся все выше, а ветер становится еще сильнее. Что вы будете делать?»

Он сказал: «Я брошу еще один якорь».

И наконец, капитан сказал: «Теперь почти невозможно спасти судно. Волны становятся выше судна, а ветер достигает наивысшей скорости. Что тогда вы будете делать?»

Он сказал: «Я брошу самый большой якорь».

Капитан сказал: «Но откуда вы возьмете все эти якоря?»

Он сказал: «Из того же места, откуда вы взяли все эти волны и ветер, — из того же самого места».

Так что запомните: никогда не спрашивайте меня, откуда взять меч - из того же самого места. Вы прекрасно знаете, что если вы можете создать меня в своем сне, то не трудно будет найти и меч и отрубить мне голову. И не волнуйтесь, если из мертвого человека потечет кровь, из меня ведь кровь течь будет! Но это всего лишь сон. Меч, я, кровь, все лишь сон. Утром на ваших простынях не будет рек крови, и тело не будет лежать в вашей комнате. Не покрывайтесь пятнами! Просто промойте свои глаза холодной водой, и все будет в порядке.

Сновидения указывают на что-то. Ваша сокровенная самость говорит вам, что вы еще не то, чем предполагаете быть, что ваше предназначение еще не исполнено, что ваше бытие еще испытывает голод. Но это и все, на что указывает сновидение. Оно не говорит: «Приходи, следуй за мною. Стань Христом, стань Буддой, стань Кришной». Нет, так вы пойдете против себя.

Нужно просто быть собой, предельно самим собой. И не беспокойтесь о том, в какой цветок вы превратитесь.

Не имеет значения, роза вы, или лотос, или бархотки. Это не имеет значения.

Что имеет значение, так это цветение.

Позвольте мне повторить: цветок не имеет значения, имеет значение цветение, а цветение одинаково, бархотки ли это... Бархотки - бедный цветок. Я не знаю, как здесь, но в Индии бархотки - самый бедный цветок. Может быть, просто чтобы утешить этот цветок, мы называем их бархотками. Розы - это богатые люди, лотосы - сверхбогатые! Но это не имеет значения.

Когда раскрываются бархотки, их окружает тот же восторг, что и раскрывающиеся розы.

В этом восторге различия нет, потому что восторг исходит не от цвета, не от запаха, не от размера.

Нет, восторг исходит от явления, от чуда цветения, раскрывания.

Бархотки становятся бархотками, это их судьба. Розы становятся розами, это их судьба. Но и те и

другие реализуются. Эта реализация в точности одинакова для всех.

В тот момент, когда вы становитесь собой, вы не будете мною, вы не будете Христом, вы не будете Кришной - вы будете собою. Но восторг, окружающий меня, будет окружать и вас. Я не могу с уверенностью говорить об Иисусе, я могу говорить с уверенностью только о себе. Я не знаю, был ли он по-настоящему исполненным или он был просто сумасшедшим. Мне невозможно решить, как это было. Не могу я сказать этого и о Будде - может быть, он пробудившийся, или, может быть, он великий философ, философствующий о пробуждении, великий мечтатель, мечтающий о пробуждении.

Снилось ли вам когда-нибудь, что вы просыпаетесь? Я полагаю, что каждому когда-то снилось, что он проснулся, и лишь когда он просыпается по-настоящему, он обнаруживает: «Боже мой, это же был сон! Я думал, что проснулся». Можно видеть сон внутри сна, внутри сна...

Например, во сне можно видеть, как в совершенно бодрствующем состоянии вы отправляетесь в свою спальню. Вы идете в спальню - во сне, - ложитесь на кровать, натягиваете на себя одеяло, засыпаете и видите во сне, что отправились в кино. Вы смотрите это кино. В кино вы можете увидеть человека, который спит и видит сон - так может продолжаться до бесконечности. Вы можете и дальше распространять эту идею: сон внутри сна внутри сна внутри сна - это просто.

Вам может присниться, что вы проснулись - и есть много людей, которые думают, что они просветленные... они думают! Я встречал таких людей. Когда я был в Райпуре, повидаться со мной пришел один человек. Этот человек был весьма знаменитый индусский мудрец Джагатгуру Крипалудасджи Махарадж. Джагатгуру означает учитель мира; крипалудас - слуга сострадания; а махарадж - царь! У него было много, много последователей. Он был самым знаменитым учителем, особенно в Райпуре, и люди верили, что он был просветленным.

Кто-то сказал мне: «В город приезжает Крипалудас. Не хотите ли прийти?»

Я сказал: «Конечно, я ведь никогда не упускаю ни одной возможности».

Я поднялся на сцену, подошел близко к Крипалудасу и дал ему понять, что хотел бы сказать ему кое-что на ухо. Он подставил мне свое ухо, и я сказал: «Я думаю, что вы просветленный».

Он сказал: «На самом деле?»

Я сказал: «На самом деле».

Это было все. Он навел обо мне справки и на следующий день пришел ко мне с визитом. Он сказал: «Как это вы поняли? Ведь я тоже думаю, что я просветленный».

Я сказал: «Это очень просто - вы выглядите просветленным».

Он сказал: «Абсолютно правильно. Многие люди уже говорили мне: “Вы выглядите просветленным”».

Тогда я сказал ему: «Пожалуйста, просветление не имеет никакого определенного образа. И вы не просветленный, иначе вы не пришли бы ко мне. Зачем? Просто потому что я сказал: “Я думаю, что вы просветленный”, я поддержал ваше сновидение. Вы грезите, ведь вы и сами

говорите, что думаете, что вы просветленный. Никто из просветленных не думает, что он просветленный: он просто просветленный. Какое отношение думанье имеет к просветлению? Думанье может создать всего лишь представление. Думанье - это часть процесса воображения».

«Думанье - это сновидения, выраженные в словах, а сновидения - это думанье в картинках. Вот единственное между ними различие».

Сновидения - примитивный вид думанья. Ведь у примитивного человека нет слов, он думает картинками.

То же относится и к ребенку, ведь ребенок - это примитивный человек. Загляните в любую детскую книжку: большие картинки, яркие, привлекательные цвета и немного слов. «Большое яблоко», - это ребенок понимает немедленно. И через это яблоко, - ведь он знает яблоко, он знает вкус яблока, он знает запах яблока, - видя яблоко на картинке, он вспоминает вкус, запах; и через эту ассоциацию, лежащее за ней слово, яблоко, входит в его ум.

Потом, по мере того, как книги становятся сложнее, яблоко становится все меньше, а слов становится все больше, увеличивается число описаний яблока: что это за фрукт яблоко, какого рода его вкус, где оно растет. И само яблоко постепенно исчезает, становится все меньше и меньше. И вот однажды в книге уже нет ни одной картинки.

Теперь вы научились новому виду сновидений: сновидениям через слова. И этот сдвиг от яблока к слову «яблоко» -огромный прыжок.

Но когда вы бессознательны, крепко спите, вы снова впадаете в ваш примитивный язык. Тогда вы забываете язык, который выучили.

Один из моих друзей был в Германии. Он переехал в Германию, когда ему было только семь или восемь лет. Его отец переехал туда, поэтому и он с ним, и прожил он в Германии тридцать лет. Он получил образование на немецком языке, но родился он в Махараштре; он знал маратхи, язык своей матери, но совершенно забыл его. Семилетний ребенок - он совершенно не был способен понимать маратхи, он никогда не учился читать на маратхи. И вот он попал в аварию, автомобильную аварию, и потерял сознание, и в этом бессознательном состоянии он говорил только на маратхи.

Вызвали его брата из Индии, потому что отец уже умер. Люди говорили: «Мы не понимаем, что он говорит, а ведь он никогда не пользовался никаким другим языком, кроме немецкого». Язык, который он выучил с самого своего рождения, был только в его бессознательном уме. Там, в глубине, находился этот семилетний слой; немецкий был поверх него. Но теперь верхний слой переместился в бессознательное. И тогда начал разговаривать более глубокий слой.

Всякий раз, когда он приходил в сознание, он забывал, что говорил на маратхи, он разговаривал по-немецки; тогда он не понимал маратхи. Его брат говорил на маратхи, а он не понимал его. И он постоянно то терял сознание, то возвращался в него. Он терял сознание и тогда снова говорил на маратхи; возвращался в сознание и говорил по-немецки.

В своем подсознании вы все еще примитивны, и именно поэтому Зигмунд Фрейд уделил так много внимания вашему подсознанию, - ведь ваше подсознание более невинное, детское,

примитивное. Оно не умеет лгать, оно не умеет обманывать; оно просто говорит всю правду. А вот сознательный ум лукав. Он стал лукавым за счет образования, культуры и всего такого.

Как-то однажды я играл; мне было, должно быть, четыре или пять лет, не больше. Мой отец брился, когда кто-то постучал в дверь; отец сказал мне: «Подойди и скажи ему: “Отца нет дома”».

Я подошел и сказал: «Мой отец бреется и говорит, чтобы я сказал вам: “Отца нет дома”».

Человек сказал: «Что? Он дома?»

Я сказал: «Да, но вот так он и сказал мне. Я рассказал вам всю правду».

Тот человек вошел, и мой отец посмотрел на меня: что случилось? А тот человек был очень сердит, он сказал: «Это кое-что! Вы попросили меня прийти в это время, а с этим мальчиком передали сообщение, что вас нет».

Мой отец спросил его: «Но как же вы поняли, что я дома?»

Он сказал: «Этот мальчик все и рассказал. Он сказал: “Мой отец дома. Он бреется и сказал мне сказать вам, что его нет”».

Отец посмотрел на меня. Я понимал его; он как бы говорил: «Ну, погоди! Пусть только этот человек уйдет, я покажу тебе».

И я сказал ему: «Я собираюсь уйти до того, как этот человек оставит наш дом».

Он сказал: «Но я же ничего тебе не сказал».

Я сказал: «Я все понял!»

Я сказал этому человеку: «Оставайтесь здесь. Позвольте мне уйти первому, потому что у меня возникают неприятности». Уходя, я все-таки сказал отцу: «Вы твердите мне: “Будь правдивым...” Поэтому, — сказал я, — вот он шанс быть правдивым, а также проверить, действительно ли вы имеете в виду, чтобы я был правдивым, или вы просто пытаетесь учить меня изворотливости?»

Конечно, он понял, что лучше промолчать, не ссориться со мною тут же, ведь после ухода этого человека, я все равно вынужден был бы возвратиться домой. Я вернулся спустя два или три часа, когда он уже остыл, или в доме были другие люди, так что проблема не возникла. Он был один. Я вошел, он сказал: «Не волнуйся - я никогда не скажу тебе ничего подобного. Ты Должен простить меня». Он был в общем-то справедливым человеком, иначе стал бы кто-нибудь другой беспокоиться о четырех-, пятилетнем ребенке и просить, - будучи отцом, - «Прости меня»? И с тех пор он за всю свою жизнь не сказал мне ничего подобного. Он знал, что со мной ему следует вести себя не так, как с другими детьми.

Когда вы растете, общество все время учит вас быть такими, вести себя подобным образом, и вы становитесь лицемерами, отождествляете себя со своим лицемерием.

Моя функция здесь - уничтожить в вас все лицемерие.

Для меня честность - это не политика.

Как раз за ужином я рассказывал Вивек, что человек, придумавший эту сентенцию: «Честность - лучшая политика», был, должно быть, очень хитрым человеком. Честность - не политика; а если это политика, то это не честность; вы честны, потому что за это платят, тогда вы будете бесчестны, если за это платят. Честность - лучшая политика, если за нее платят, но если иногда не платят, тогда, конечно, лучшая политика - бесчестность. Вопрос в том, за что будут платить?

И Вивек напомнила мне, что как раз сегодня она видела в книге, в одном предложении, два слова, которые открывают очень многое. Она никогда не соединяла эти слова вместе: политичность и политика, учтивость и политика. Что такое вежливость? Это род политики. Оба слова выводятся из одного корня. Все три слова - политичность (policy), учтивость, вежливость (politeness), политика (politics) - имеют один и тот же корень, все они означают одно и то же. Но под учтивостью вы понимаете хорошее качество. Вы никогда не думаете об учтивости, как о политике, но это политика. Быть учтивым, вежливым — это средство обороны.

В Европе обмениваются рукопожатиями. Почему пожимают правую руку? Почему не левую? Это на самом деле часть политики. В рукопожатии нет ничего дружественного. Это просто жест, означающий: «Моя правая рука пуста, поэтому не беспокойся. И позволь также и мне посмотреть твою правую руку, пуста ли она, нет ли в ней ножа или чего-нибудь еще». И когда вы обмениваетесь рукопожатием, вы не можете вытащить свой меч, потому что левой рукой... если, конечно, вы не левша. Это просто способ дать другому человеку некоторую уверенность в том, что вы не собираетесь причинять ему вреда, он же в свою очередь дает вам уверенность в том, что он не собирается вредить вам. Мало-помалу рукопожатие стало символом приветствия.

В Индии приветствуют друг друга двумя руками, но это тоже просто способ показать, что обе руки пусты. Это гораздо лучше, чем европейское рукопожатие, потому что кто знает, что у вас в левой руке? Иногда даже правая рука не ведает, что творит левая, поэтому лучше показывать, что пусты обе руки; это гораздо лучше и гораздо учтивее. Но вы говорите: «Я совершенно незащищен. Вам не нужно осторожничать со мною или беспокоиться обо мне. Можете расслабиться». Все это символы, которым выучились люди.

В Индии, если вы пойдете к так называемому гуру, вы должны приветствовать его жестом, который встречается только в Индии. Он называется сатсанг дандават. Вы должны лечь на пол так, чтобы все четыре ваших конечности касались пола, поскольку это самая незащищенная позиция. Если какой-нибудь человек захочет вас убить, он может сделать это немедленно. Вот почему этот жест стал символом самоотдачи.

В военное время, когда захватывают пленных, им приказывают лечь ничком и вытянуть руки. Почему? В этом положении они ничего не могут сделать, а вы можете обыскать их и забрать все, что у них есть. Или, вы говорите им стоять с вытянутыми руками, с руками, поднятыми вдоль стены, - вертикальное или горизонтальное положение, все равно.

На войне это представляется совершенно правильным, но каким-то образом эта самая война продолжается непрерывно между индивидуальностью и обществом. Поэтому определенная культура развила этот жест как символ величайшего уважения. Это не жест уважения, это жест

унижения, который говорит: «Я совершенно унижен. Я в вашем распоряжении. Если хотите отрубить мне голову, отрубайте. В этом положении я сделать ничего не смогу». И, конечно, тот другой человек чувствует себя при этом великим, его это удовлетворено.

Наша культура, наше образование, наша религия — все они учат нас быть лицемерами, причем настолько тонко, что если вы не предпримете глубокий поиск, вы никогда не обнаружите, что же вы делаете.

Почему вы улыбаетесь, встречаясь с другом? Зачем это нужно? Зачем вы улыбаетесь, если не чувствуете к этому охоты? Вы вынуждены так делать. Это политичность, которая оплачивается, ведь однажды вам может потребоваться помощь этого человека, и если вы всегда улыбались ему, он не сможет отказаться. Если вы никогда не улыбались ему и никогда не говорили ему: «Привет», - тогда вам не стоит даже беспокоиться приближаться к нему; он выбросит вас из своего дома со словами: «Катитесь к черту!»

Нужно понимать все эти слои и отделять себя от всех их.

Становитесь наблюдателем, чтобы вы не смогли отождествить себя ни с каким сновидением.

В этом моя работа; и если вы начинаете видеть меня во сне, вы разрушаете всю мою работу. Примите это указание, потом отбросьте сновидение, а потом найдите настоящую пищу. Это нехорошо - видеть сон о пиршестве. Когда возможно настоящее пиршество, зачем удовлетворяться сновидением о нем? Когда доступна настоящая радость, зачем улыбаться фальшиво? Когда подлинный восторг так близок к вашим рукам, может быть даже еще ближе, зачем удовлетворяться тем, чтобы чувствовать себя страдающими, рыдать и плакать, чувствовать себя пустыми, никчемными? Ваше сокровище внутри вас, а вы становитесь нищими.

Мое усилие - разбудить вас. Может быть, вам будет тяжело вначале, ведь вы так долго были нищими, что станете думать, что я отнимаю у вас ваше царствие. Вот почему трудна санньяса.

На поверхности я сделал ее такой простой, потому что я знаю: внутри она трудна; сделать ее трудной и снаружи было бы бесчеловечно.

Так что на поверхности я сделал ее абсолютно простой -проще быть не может, - ведь внутри настоящая тяжелая работа.

Но она должна быть сделана. Не проделав ее, вы проживете жизнь, не узнав, что это такое. Вы существовали на том пути, который не может быть назван жизнью, он может быть назван только растительным существованием.

Не будьте растениями, овощами, капустой, цветной капустой. Да, есть два класса людей: капуста - необразованные люди, и цветная капуста - капуста, получившая образование в колледже; но разница не велика.

Только одно создает разницу, и это - пробуждение!

Беседа 4

ЗАВИСТЬ: ИНСТРУМЕНТ ОБЩЕСТВА, ПРЕДНАЗНАЧЕННЫЙ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ

РАЗДЕЛЯТЬ И ВЛАСТВОВАТЬ

2 января 1985 года

Бхагаван,

Что такое зависть? Показывает ли наша зависть, что мы очень далеки от одиночества?

Общество эксплуатирует индивидуальность такими различными способами, что даже трудно себе представить.

Оно столь умно и ловко создает различные приспособления для этого, что невозможно определить, что это есть приспособление, инструмент. Эти инструменты созданы для эксплуатации индивидуальности, для разрушения ее целостности, для того, чтобы отнять у нее все, что ей необходимо, не вызывая в ней и тени сомнения или беспокойства по поводу того, что с ней сделали.

Зависть - один из этих потрясающе сильных инструментов.

С самого детства каждое общество, каждая культура, каждая религия учит всех вас сравнивать.

И ребенок обязан выучиваться этому. Он всего лишь *tabula rasa*, чистая страница, и любые родители, учителя, священники пишут на этой странице, и вот ребенок начинает верить, что все написанное и есть его судьба, его предназначение.

Человек приходит в мир, и все двери для него открыты, все направления возможны; любое направление можно выбрать. Но до того, как он может сделать свой выбор, до того, как он станет самостоятельным, до того, как он почувствует свое существование, его портят. И портят его те, кто думают, что любят его - давят, калечат, обуславливают всеми добрыми намерениями, какие только есть в мире.

Но что ожидать от добрых намерений?

Добрые намерения лишь отравляют людей.

Я знаю, что вы и не осознаете, что отравляете, потому что и вы в свою очередь были отравлены, и так происходит со времен Адама и Евы.

Что сделал Бог-отец Адаму и Еве? Он заслужил, чтобы его называли отцом, и неважно, существует он или нет, - он заслужил, чтобы его называли отцом, потому что он выполнил все требования, чтобы быть им. Его наказ был для детей, для Адама и Евы, его созданий: «Вы не должны пробовать плоды двух деревьев — дерева познания и дерева вечной жизни». И этого человека вы называете отцом?

Он предохраняет вас от двух наиболее важных в жизни вещей! Ничего не может быть важнее открытия вашей жизни и ее вечности. И без огромного влечения к знаниям, к мудрости, вы никогда не узнаете, что такое жизнь и где она проходит.

Бог оградил Адама и Еву от наиболее важных вещей, которые делают вас индивидуальностью,

наделяют вас самоуважением, составляют вашу целостность, вашу подлинность, вашу сущность. Он хочет, чтобы вы остались невинными навсегда. Он хочет, чтобы вы не знали о вашем источнике жизни. Несомненно, этот человек - ваш отец.

И по примеру великого отца все остальные отцы поступают точно так же.

Я не могу простить Бога. Я могу простить остальных маленьких отцов; они бедные люди. Они проделывают с вами то же, что сделали с ними, они просто передают вам свое наследие. Что же еще они могут поделать? Но я не могу простить Бога. У него не было отца. Он не может найти оправдания: «Ведь это сделали со мной, поэтому я делаю это с ними. Я не знаю другого способа». Нет, это его нововведение.

Так как Бога не существует, вся нагрузка ложится на плечи священников.

Они нашли способы увести вас от самих себя. И если вы далеки от себя, столь многое становится абсолютно определенным. Вы будете страдать всегда; от одного страдания к другому, это и становится вашей жизнью.

Да, вы будете надеяться, что завтра мир изменится, но завтра не наступает никогда, и все становится только хуже. Да, все меняется, но не становится лучше. Вы начинаете истощаться день за днем. Но надежда поддерживает вас, иначе нет ничего, что поддерживало бы вас, поддерживало бы хоть на единое мгновение даже ваше дыхание. Все упущено, потому что упущены вы сами. Даже если все доступно, то какое это имеет значение, раз вас самих нет?

Зависть - одно из величайших приспособлений.

Посмотрите внимательно: что оно означает?

Зависть - это значит жить, постоянно сравнивая.

Кто-то выше вас, кто-то ниже вас. Вы всегда находитесь на средней ступени лестницы. А может быть, лестница - это круг, потому что никто не находит конца этой лестницы. Все застряли на середине, все находятся посередине. Лестница представляется круглым колесом.

Кто-то стоит выше вас - это угнетает. Это поддерживает вас в состоянии войны, борьбы, движения по всем возможным направлениям, ведь если вы добьетесь успеха, никого не будет волновать, правильными ли путями вы шли. Успех — доказательство вашей правоты; неудача — доказательство ошибки. Все, что имеет значение, — это успех, так что подойдут любые средства. Цель доказывает правильность средств. Так что вам не надо беспокоиться о средствах, - да никто и не беспокоится. Вся проблема в том, как подняться повыше по этой лестнице. Но дойти до конца ее невозможно. И все, кто выше вас, создают в вас чувство зависти, вот ведь они преуспели, а вы потерпели неудачу.

Подумайте, что, проводя всю свою жизнь в переходах от одной лестницы к другой, вы всегда обнаруживаете, что кто-то стоит выше вас, — не можете ли вы просто спрыгнуть с лестницы? Нет, вы не можете. Ведь общество очень хитрое, очень умное. Оно за тысячелетия отточило свои методы. Почему вы не можете выйти из круга? Потому что есть те, кто ниже вас, и это дает вам огромное удовлетворение.

Понимаете стратегию? Кто-то выше вас; это порождает зависть, несчастье, разъединенность, унижение, чувство ненужности, чувство, что вы не в состоянии показать ваш характер, что вы совсем не человек. Пока все остальные постоянно движутся, вы где-то застряли. Это наделяет вас чувством опустошенности, незначительности, ненужности, как будто вы напрасное бремя на земле и ничего более.

Если бы только в этом была проблема, вы бы спрыгнули с лестницы и сказали бы всем тем, кто на лестнице, идти туда, куда они хотят. Но вы никогда не спрыгнете, потому, что есть люди, стоящие ниже вас; насколько хватает взгляда вы видите ступени ниже вас и ниже их. Это дает вам огромное удовлетворение, огромное чувство того, что вы обошли многих людей, что вы не до конца бесполезны. Вы доказали, что имеете силу воли, что вы не неудачник, и всех этих людей, стоящих ниже вас, хватает, чтобы доказать это.

Перед вами встала дилемма:

Когда вы смотрите вверх, вас постигает чувство разочарования; когда вы смотрите вниз - чувство удовлетворения.

Теперь, как же вы можете спрыгнуть с лестницы? Ведь прыгая, вы лишитесь обоих чувств, и никого не будет ниже вас. Конечно, никого не будет и выше вас, но никого и ниже; вы останетесь одни, если спрыгнете.

Здесь, на лестнице, вы вместе со всеми, с обществом, с культурой, цивилизацией — и для этого требуется лишь еще немного усилий. А люди все время говорят вам: «Браво, давай! Не впадай в депрессию, не будь пессимистом, оставайся оптимистом. Ночь не будет длиться вечно». Они начинают вам говорить: «Чем ночь темнее, тем утро ближе, так что не пугайся темноты и поражения». Они приведут вам тысячи примеров.

В средней школе я впервые услышал о мусульманском завоевателе Индии Махмуде Газнави. Он атаковал Индию девятнадцать раз и в восемнадцати случаях потерпел поражение. Когда он потерпел поражение в восемнадцатый раз, он укрылся в пещере и там увидел паука, пытающегося плести свою паутину напротив пещеры. Махмуд всего лишь прятался здесь и от нечего делать стал наблюдать за действиями паука. Шел дождь, и стены были мокрыми. Паук все время падал, он падал ровно восемнадцать раз, а на девятнадцатый добился успеха.

Махмуд неожиданно воспрял духом. Он было уже подумывал о том, чтобы прекратить бесплодные попытки. Восемнадцать раз... вся его жизнь была потрачена напрасно, тысячи людей погибли напрасно. Он снова и снова терпел поражение от одного единственного человека, Притхвирджая Чаухана, который стоял на границе Индии; он был правителем пограничной области Индии. Махмуд не мог войти в страну, потому что как раз на границе он терпел поражение, и всего от одного и того же человека. Это было уже слишком, он даже думал покончить жизнь самоубийством, потому что: «Я не могу больше показать свое лицо людям».

Махмуд был царем в своей стране, у него не было повода вторгаться в Индию. Но никогда не достигаешь полного удовлетворения, всегда чего-то не хватает, всегда получаешь меньше, чем хочешь, всегда нужно больше, чем имеешь. У него было небольшое государство, а рядом находилась огромная страна Индия. Тогда Индия была чрезвычайно богата, ее называли Золотой Птицей, потому что население составляло всего двенадцать миллионов человек. Теперь ее

население составляет более семисот миллионов. Это было при последней переписи; сейчас численность населения превышает восемьсот миллионов.

Установлено, что к концу нашего века численность населения Индии будет превышать миллиард человек; и это будет крупнейшая страна мира. Китай будет оставлен позади, потому что сейчас там тщательно следят за рождаемостью в стране. Сейчас численность населения Китая превышает численность в Индии, но к концу столетия он уступит позиции Индии. По крайней мере, в одном этом Индия будет олимпийским чемпионом.

Когда население этой страны составляло лишь двенадцать миллионов человек, страна, естественно, была богатой. Ни у кого не было причины быть бедным. Столько земли, столько золота - даже больше, чем необходимо. Несомненно, она привлекала завоевателей. На протяжении трех тысяч лет Индия была привлекательна для завоевателей. Сейчас никто не пытается завоевать Индию; на самом деле, последние завоеватели, британцы, истощили Индию до конца, не оставив ничего.

Затем Индия стала скорее бременем, чем империей. Нужно было заботиться о стольких бедных людях, иначе вас станут обвинять; нужно было заботиться о многочисленных преступниках, иначе вас станут обвинять. Империю станут обвинять во всем, что идет плохо, потому что все эти проблемы вызваны вашим принудительным рабством.

Это не основательный аргумент. Махатма Ганди очень старался быть правдивым, но в том, что касается основ, это ему не удалось. Было неправдой утверждать, что все проблемы Индии вызваны Британской империей. Ведь сейчас с 1947 по 1984 год не существует рабства и страна свободна, но она еще больше погрузилась в нищету и страдание.

Вы удивитесь, когда узнаете, что со времени освобождения от британского господства цены выросли в семьсот раз. Сегодня семьсот рупий равняются одной рупии 1947 года. Так что, получая довольно высокую для Индии зарплату в семьсот рупий, вы получаете все равно, как одну рупию в 1947 году. Не только Британская империя несет ответственность за индийские проблемы; за три тысячи лет столько людей высасывали Индию досуха.

Махмуд обрел уверенность. Он сказал: «Если такое маленькое создание, как паук, имеет столько оптимизма... неужели я хуже паука? Я попытаюсь еще раз». И какое совпадение! На девятнадцатый раз он добился успеха. На самом деле, он победил потому, что Притхвирджай Чаухан просто оставил мысль о том, что этот человек попытается напасть снова. Восемнадцать раз потерпеть поражение... с каким лицом он попробует напасть еще раз?

Так что Притхвирджай Чаухан попросту не предполагал, что будет еще одно нашествие. Все приготовления, которые были предприняты в восемнадцати случаях, не были предприняты на девятнадцатый. Ведь не было больше опасности. Махмуд был единственным врагом на границе земель Притхвирджая Чаухана, да и тот был сокрушен. Притхвирджай Чаухан также думал: «Да в таком положении я бы покончил с собой. Любой человек с хотя бы маленьким самоуважением скорее бы умер, чем проиграл восемнадцать раз». Так что он просто оставил эту идею. Армия была распущена, отправлена назад к своим занятиям, и Махмуд напал как раз в то время, когда никто не предполагал. Он победил.

Эту историю рассказывал мне учитель истории. Он сказал: «Этому должен следовать каждый.

Никогда не будьте пессимистами. Никто не знает заранее, проиграете ли вы на этот раз, так что не волнуйтесь; может быть, завтра вы добьетесь успеха, или послезавтра. Но никогда не теряйте голову; бейтесь до последнего дыхания».

Я поднялся и сказал моему учителю: «Пожалуйста, простите меня. Я думаю, что этот Махмуд был идиотом. В первую очередь потому, что нападал без причины...» Эти люди не совершили никакого преступления, и, в действительности, они были достаточно сильны, - они отражали нападение восемнадцать раз, - чтобы самим напасть на него. Но Притхвирджай Чаухан никогда не покидал пределы своей страны. Он мог разгромить Махмуда, свергнуть его и вернуться назад. Но он не нападал, хотя ему это было сделать проще всего.

Если враг разгромлен, зачем оставлять ему его царство. Он мог бы покончить с этим Махмудом при первом же нападении. Он мог бы завоевать его страну, и у Махмуда не осталось бы шанса напасть снова. Притхвирджай Чаухан был человеком великой гуманности; он никогда не нападал на Махмуда. Ему говорили снова и снова не только его премьер-министр, но и слуги: «Самое лучшее - это разгромить этого человека и захватить его страну. Если вы оставите его, то через два-три года он опять соберет силы и вернется. Даже странно, почему вы не покончите с этим человеком?»

Но Притхвирджай Чаухан сказал: «Люди, живущие в его государстве, ничего плохого не сделали нам, не причинили нам никакого вреда. Как же я могу на них нападать? Мое войско не для того, чтобы завоевывать страны, оно для тех редких случаев, когда какой-то дурак на нас нападет. Это сила для защиты». Он был человеком глубокого ума, человеком, способным увидеть, что все это глупо. Он сказал: «Не беспокойтесь. Этот человек рано или поздно бросит это занятие».

Я сказал своему учителю: «Не смейте хвалить Махмуда при мне и не говорите: “Он был великим оптимистом, вы должны брать с него пример”. Я могу понять паука, паук неразумен, и я могу с уверенностью сказать, что паук не считал своих падений. И он мог и не осознавать, что происходит».

Пауки, муравьи и прочие, похожие на них люди, - только вы прогоняете их, они по своеобразной логике сразу же бегут обратно к вам. У них есть возможность бежать в разные стороны, по всей комнате, но как только их гонят, они возвращаются назад по той же самой дороге. Что за упрямство! Если бы они обладали хоть каким-нибудь разумом, по крайней мере этого направления они стали бы избегать. У них есть возможность убежать куда захочешь... но, странно, вы бьете паука, а он снова возвращается к вам.

«Этот паук не считал и не был оптимистом. Это было просто старое эго Махмуда, снова находящее оправдание и способ пойти к своим людям и сказать: “Не волнуйтесь - может быть, на этот раз мы победим. Ведь никто не знает, что будет завтра, так давайте попробуем еще раз”. И не говорите мне, что этот Махмуд был прекрасным человеком. Для меня этот человек отвратителен, как паук. Я не могу его назвать даже человеком. И если это преподается в классе истории, то значит это не для меня. Вы учите нас достаточно хитрым способом бороться, разрушать, убивать, относиться к другим хуже, чем к самим себе».

Родители постоянно учат с самого детства: «Посмотри на соседского мальчика - он первый ученик в школе. А ты, что ты делал целый год? Ты что, совсем глупый?» В классе вам будут говорить то же самое. Будут давать золотые медали тем, кто успевает лучше всех, тем, кто

первый в школе, колледже, университете. Мои родители и учителя всегда говорили: «Ты можешь с легкостью быть первым, но ты не беспокоись об экзаменах, тебя это не волнует».

У меня была привычка приходить на экзамен на пятнадцать минут позже. Этого я придерживался всю жизнь, в школе, в колледже и в университете; я опаздывал на пятнадцать минут. И все это знали. Экзаменатор знал, что мое место будет пусто; я приду, но через пятнадцать минут. И я покину экзаменационный класс на пятнадцать минут раньше всех остальных, до конца экзамена. На экзамен выделялось три часа, а я знал, что экзамен можно написать за два с половиной часа, так что не стоило терять целых полчаса в классе.

Учитель, который присматривал за студентами, чтобы те не списывали, не переговаривались, не подсматривали в книгу, говорил: «Еще не время, осталось пятнадцать минут. Почему вы закончили?»

Я отвечал: «Я уже закончил. Я начал на пятнадцать минут позже, а заканчиваю на пятнадцать минут раньше. И так было всегда, я не вижу, для чего нужны целых три часа, по-моему двух с половиной вполне достаточно. У меня еще много дел».

Все говорили: «Почему тебя не волнуют экзамены?»

Я отвечал: «По очень простой причине - я не хочу быть частью круга зависти. Я не хочу соревноваться. Для меня не имеет значения, сдам я экзамен или нет; для меня нет разницы. Если я буду первым - хорошо, если нет - еще лучше, потому что быть первым мне кажется чем-то насильственным, как будто отнимаешь у кого-то его удовольствие. А для меня это совсем не удовольствие, я зря займу чье-то место; кто-то другой мог бы быть на моем месте, кто сейчас второй, и он мог бы чрезвычайно наслаждаться этим. Может быть, под конец жизни ему больше нечем будет наслаждаться кроме этого, и именно этот шанс я у него отбираю и не получаю от него ни капли удовольствия!»

« Так что лучше, если я буду последним. По крайней мере, у меня есть утешение, что я не испортил чью-то карьеру, я никому не причинил вреда и ни на кого не давил; я не пытался занять чужое место - нет никого позади меня. И потому что нет никого позади меня, я не могу чувствовать свое превосходство».

И это всего лишь логика, простая логика: если не чувствуешь превосходства, то не чувствуешь и унижения. Они приходят вместе и уходят вместе. Если вы освободились от одного, то вам не удастся сохранить другое. Если вы не чувствуете превосходства над кем-либо, как вы почувствуете унижение? Вы просто чувствуете самого себя.

Но самое странное то, что я всегда выходил первым. Мои учителя поражались, мои родители поражались: «Это странно. Ты не заботился об экзаменах. Ты постоянно пропускаешь занятия, а когда приходишь в школу, то покидаешь класс и слоняешься целый день. Ты исчезаешь из школы в любой момент и в любое время. Ты не спрашиваешь разрешения учителей или директора, ты даже не ставишь их в известность».

На это я просто отвечал им: «Я хочу жить своей жизнью - почему я должен спрашивать кого-то? Они делают, что захотят. Они могут меня наказать, похвалить, записать в дневник. Я принесу этот дневник вам, но все это будет между вами и ними; меня это не касается. Я просто делаю то,

что хочу».

Когда мне очень хочется пойти к реке, я не пойду слушать глупые рассказы о каком-то Махмуде, который победил с девятнадцатой попытки, а в восемнадцати проиграл. Он был ужасным человеком. Он не вел себя с Притхвирджаем так, как Притхвирджай поступал с ним, - Притхвирджай никогда не захватывал его. Восемнадцать раз Притхвирджай отражал нападение, но никогда не захватывал его, потому что сказал: «Оставьте его с его страной. Почему мы должны беспокоиться о том, чтобы захватить его? С него достаточно поражения и уничтожения его армии. Этого наказания достаточно».

Но Махмуд не был человеком, он был просто животным. Он схватил Притхвирджая Чаухана; и не остановился на этом, он вырвал у него оба глаза. Притхвирджай был очень красивым человеком, и то была месть за поражения: он ослепил его.

Но Притхвирджай Чаухан был великим стрелком. Его придворный поэт, друг, пошел в тюрьму вместе с ним, зная, что ему нужна помощь. Когда Чаухан и его поэт были доставлены на суд, Махмуд восседал высоко на балконе. Он все еще боялся этого человека, несмотря на то, что тот был слеп и закован в цепи. Что за страх! Но ведь именно этот человек побеждал его восемнадцать раз и прогонял из страны, даже не беспокоясь о том, чтобы захватить его. Он должно быть лев!

И поэт сказал Махмуду: «Вы не знаете Притхвирджая. Я бы хотел вам сказать, что во всем мире не найдется лучшего мастера по стрельбе из лука, чем он. До того, как вы его убьете, дайте ему возможность показать свое искусство».

Но Махмуд ответил: «Теперь он слеп, как он может быть великим мастером? Может быть, он и был им».

Поэт ответил: «Не беспокойтесь. Он до того прекрасный стрелок, что и слуха достаточно, чтобы попасть в мишень». И разговор продолжался, так что Притхвирджай мог по голосу определить, где сидит Махмуд. И он убил Махмуда. Махмуд думал, что он просто покажет свое искусство стрельбы, но Притхвирджай просто убил его по слуху, стрелой прямо в сердце.

Я всегда раздумывал над такими людьми, как Александр Великий, Тамерлан, Чингисхан, Наполеон Бонапарт. Почему рассказывают невинным детям об этих людях? Чтобы возбудить в них желание быть завоевателями, быть богатыми, быть президентами, быть премьер-министрами, - но только не самими собой. Никто не учит быть самим собой. В вас порождают лишь зависть. Александр Великий - что было великого в этом человеке? И почему мы храним в памяти имена Надиршаха, Тамерлана, Чингисхана? Всего лишь убийцы, величайшие преступники, каких только знает мир.

Маленьких преступников вы предаете смерти, а больших предаете истории.

Я сказал своему учителю истории: «Ваша история - это история преступлений, а вы пытаетесь всех превратить в преступников. Вы не можете найти невинных людей и поговорить о них, сказать нам, что они были действительно замечательными людьми?» Но нет, в истории есть слишком много других людей. Всю историю мира надо просто спустить в сортир, так чтобы мы могли начать со стартовой черты. Тогда мы сможем стать сами собой, - потому что не будет

никакого соперничества.

В университете, когда я сдавал выпускной экзамен, мой профессор, который больше всех меня любил, был очень огорчен тем, что я приходил на пятнадцать минут позже и уходил на пятнадцать минут раньше, - это значило, что я мог упустить то, чем мог бы обладать по праву. Я ему сказал: «У меня нет права становиться первым, быть лучшим в университете, получить золотую медаль. Если я получу золотую медаль, я ее выброшу сразу же после собрания, так что все - и вице-канцлер, и весь деканат, и все профессора, и все учащиеся - смогут посмотреть, как я буду выбрасывать золотую медаль. Мне просто не нравится сама идея разбивать людей на категории: высших и низших, незаурядных и бездарных... Если бы все зависело только от меня, люди бы были просто образованными».

Нет необходимости в экзаменах. Да и что за необходимость в них? Что вы сделали за два года - проболтались? Что сделал учитель за два года? Два года учитель вас учил, два года вы учились; и этого достаточно. И нет необходимости в экзаменах, и нет необходимости помещать кого-то ниже, кого-то выше. Это уже начало соперничества; люди приходят из университета и знают, на какой ступени лестницы они стоят.

Итак, мой учитель, доктор С.К.Саксена, приходил в общежитие, чтобы забрать меня. Всего две минуты ходьбы от общежития до университета, но мой учитель приезжал на машине и забирал меня, чтобы я приходил на экзамен ровно в семь. Он ждал за дверью по три часа, так что я не мог уйти на пятнадцать минут раньше. Но я все равно нашел способ. Во-первых, я медитировал первые пятнадцать минут, и в конце медитировал пятнадцать минут. Экзаменатор заметил: «Несчастный человек, твой профессор, ждет за дверью три часа, а ты все продолжаешь...»

Я сказал: «Не говорите ему, потому что ему будет больно. Не надо ему говорить. Я делаю свое дело. Он делает то, что хочет. Я не отказываюсь, я прихожу... он говорит в семь, я говорю хорошо. Но как я могу изменить стиль моей жизни? Пятнадцать минут я медитирую, потому что не трачу на работу три часа, а трачу два с половиной. У меня есть дела поважнее. Так как я не могу выйти, медитация - это лучшее, что я могу сделать, я это и делаю».

Конечно же экзаменатор рассказал профессору Саксене: «Ты напрасно пытаешься принудить его. Он не будет делать того, что не хочет».

Саксена спросил: «И что же он там делает?»

Человек ответил: «Он пятнадцать минут медитирует. Он даже не прикасается к бумаге эти пятнадцать минут. Он принимает удобную позу и медитирует пятнадцать минут. Затем берет бумагу и начинает работать, и ровно за пятнадцать минут до конца он закрывает тетрадь и отдает ее мне. При этом он говорит: “Теперь пришло время для медитации”».

Саксена сказал мне: «Ты просто невозможен. Потерять целых полчаса? Ты не получишь золотую медаль».

Я ответил: «Кого заботит моя золотая медаль? Ну если вы так в этом заинтересованы, то дайте мне золотую медаль. Вы хотите, чтобы у меня на груди была золотая медаль? Так повесьте ее мне. Вы можете это сделать, у вас достаточно денег».

Он сказал: «Ты не так понял; вопрос не только в золотой медали, вопрос в лучшем окончании университета. Это послужит твоей карьере».

Я сказал: «Неужели моя карьера будет построена на золотых медалях? Неужели вы думаете, что ваш экзамен способен обеспечить мне карьеру?» Он ответил: «Да, конечно, потому что если ты лучшим окончишь университет, ты сможешь получить... Я все устрою, - ты будешь получать стипендию. Если ты не будешь первым, стипендии тебе не видать».

Я сказал: «Ну хватит. Пускай я не буду получать стипендию и не получу степени доктора философии. Кого волнует ваша степень доктора философии? Что вы достигли? У вас две степени доктора философии и одна степень доктора литературы. Что же вы в действительности получили? Вам не удастся меня обмануть, - ваша жизнь полна крушений, вы дважды потерпели поражение. Вы хотели быть выбранным деканом факультета искусств, но вас не выбрали. И я знаю, что вы плакали, вы проливали слезы».

«Вы боролись на выборах за место вице-канцлера, но вы получили только двенадцать голосов. Из тысячи профессоров вы получили только двенадцать голосов. Кто же будет голосовать за профессора философии, если есть кандидатура опытного политика? Он занимал пост главного министра по провинциям. И вы думали, что сможете победить этого преступника? Невероятно! Люди настолько напуганы им, потому что, если он вновь станет главным министром и если они не отдадут за него свои голоса, он будет им мстить».

И все в точности так и было. Этот человек, Дварика Прасад Мишра, был главным министром моего штата Мадхья Прадеш. Но так как он выступал против Джавахарлала Неру... Это был заговор. Морари Десаи был главным министром штата Бомбей, Дварика Прасад был главным министром Мадхья Прадеш, еще несколько главных министров из других штатов присоединились к ним, чтобы выступить против диктаторского режима Джавахарлала Неру. Дварика Прасад был достаточно глуп, чтобы выступить первым.

Джавахарлал Неру был настолько разгневан, что сразу же снял его с поста. Это случилось настолько неожиданно, что Морари и другие имели всего секунду на размышление: либо встать во главе заговора, либо отступить. И они все отступили, так что задержали только этого одного человека. Но он был одного поля ягода с Морари Десаи, всего лишь третьесортным политиком. Он устроил так, чтобы по крайней мере на время быть вице-канцлером университета... и ждать подходящего момента.

А он был хитер. Он немедленно устроил так, что стал вице-канцлером, устроил так, что стал очень близок к Индире. Индира в то время не занимала пост премьер-министра, но она была президентом партии Конгресса, которая была правящей партией. Он стал настолько близок к Индире, что она стала доверять ему и называть его дядей. Она упростила своего отца, Джавахарлала Неру, премьер-министра, простить его и вернуть ему пост. Он был прощен и стал секретарем комитета всеиндийского Конгресса и вновь занял пост главного министра Мадхья Прадеш.

Он отомстил всем, кто голосовал за С.К.Саксену. Он уволил их всех из университета, потому что главный министр является канцлером университета; всякий, кто становится главным министром, становится и канцлером университета. Так что, став главным министром, он автоматически стал канцлером и тут же уволил всех этих людей.

Я спросил доктора Саксену: «Что вы получили, пытаясь забраться выше? И вы советуете мне вступить на тот же путь, на котором вы так страдали? Если вы действительно любите меня, так помогите мне не вступать на этот путь».

Он сказал: «Мой Бог! Ты хочешь, чтобы даже я пошел с тобой? Нет — я буду бороться с ним. Я буду бороться опять, и в один прекрасный день ты увидишь, что я стану вице-канцлером».

Я сказал: «Даже если вы и станете вице-канцлером, что это будет значить? Я знаю вас: вы будете столь же несчастны, как и сейчас. Сначала вы слушали лекции, и вы были несчастны. Вы стали читать, и были несчастны. Вы стали профессором, и были несчастны. Теперь вы глава факультета философии, и вы несчастны. Я вас знаю. Вы думаете, что когда вы станете деканом факультета искусств, ваши страдания исчезнут?»

«Я также знаю декана факультета искусств. Он намного несчастнее, чем вы теперь, потому что его отделяет один шаг от должности вице-канцлера. Его страдание больше, потому что он так близок к цели. И каждый раз, когда кто-нибудь приходит со стороны, он начинает грустить, и его несчастье увеличивается. Вы не удивитесь, если он получит инфаркт».

Но странно, так как я не интересовался экзаменами, не интересовался книгами, но интересовался целиком миром философии, - мой интерес был универсален, - то, конечно, мои ответы были намного разностороннее, чем чьи-либо другие. Они могли лишь повторять то, что было в книгах; я мог же сказать то, что даже экзаменатор читал впервые. С другой стороны... Я знаю экзаменаторов, я сам был экзаменатором почти девять лет. Я ни разу не прочел ни одной работы ни одного экзаменуемого.

Одному умному студенту, который был достоин доверия, который не сказал бы никому ничего, я просто сказал: «Ты получишь половину денег. Просто проверь все эти тетради и помни: все сдали экзамен, каждый получил выше тридцати трех баллов. Но и никто не должен получить выше шестидесяти, потому что я думаю, что никто на это не способен. Так что у тебя есть пределы от тридцати трех до шестидесяти. Так что ты теперь можешь идти и проверять работы так, как ты хочешь». Я знал, что, когда я был студентом, мой профессор заставлял своих учеников проверять работы.

Я сказал доктору Саксене: «Иногда все складывается по-моему. Просто надо подождать». И конечно же, все складывалось по-моему, потому что я отвечал настолько разносторонне и оригинально, ведь я никогда не беспокоился об учебниках. Учебники я отрицал, потому что они застревают в вашем уме. Учебники я никогда не покупал.

Но я собираю книги со времен старших классов. Вы удивитесь тому, что с тех пор, как я был принят в университет, я прочел тысячи книг, - и собрал сотни, - и великих писателей. Я покончил с Халилем Джебраном, Достоевским, Толстым, Чеховым, Горьким, Тургеневым, - лучшими со времен изобретения письменности. Когда я заканчивал среднее образование, я покончил с Сократом, Платоном, Аристотелем, Берtrandом Расселом, - всеми философами, которых я смог достать в библиотеке, книжной лавке или занять у кого-то.

В Джабалпуре было одно замечательное место, которое я посещал каждый день; я бы бродил там, по крайней мере, по два или три часа. Оно называется Рынок Воров. Там продаются украденные вещи, я был возле украденных книг, потому что столько людей воруют книги и

продают их, и я приобрел там столько прекрасных произведений. Я приобрел первую книгу Гурджиева именно на Рынке Воров, и Успенского «В поисках чудесного».

Книги стоили пятьдесят рупий; здесь же я покупал их за полцены, потому что на Рынке Воров книги продавались на вес. Эти люди, их не волновало, Успенский ли это, или Платон, или Рассел. Все было едино; покупаешь ли ты старые газеты или Сократа, все стоило одинаково. Я приобрел для моей библиотеки тысячи книг с Рынка Воров. Все постоянно спрашивали: «Вы, вероятно, сумасшедший? Почему вы постоянно ходите на Рынок Воров? Ведь так люди не ходят. Быть связанным с Рынком Воров нехорошо».

Я отвечал: «Меня это не волнует. Даже если они думают, что я вор, ничего страшного».

Для меня Рынок Воров - лучший источник, - я находил на Рынке Воров книги, которых не было даже в университетской библиотеке. Все эти продавцы торговали украденными книгами и прочими вещами. В Индии в каждом большом городе есть Рынок Воров. В Бомбее есть Рынок Воров, где можно найти все, что угодно, по смехотворным ценам. Но при этом есть определенный риск, потому что это украденная собственность.

Я однажды попал в неприятную ситуацию, потому что приобрел триста книг в одном магазине, одновременно, в один день, потому что была украдена чья-то целая библиотека. Всего за сто пятьдесят рупий, триста книг! Я не мог оставить ни одной из них. Я должен был занять денег и немедленно мчаться обратно, и я сказал продавцу: «Ни одна из этих книг не должна уйти».

На книгах была печать с одним именем и адресом, и в конце концов пришла полиция. Я сказал: «Да, есть такие книги, и я приобрел их на Рынке Воров. Во-первых, этому человеку почти девяносто лет, - он скоро умрет».

Инспектор полиции сказал мне: «О чем вы говорите?»

Я сказал: «Я просто пытаюсь вам объяснить. Этот человек умрет рано или поздно; эти книги испортятся. Я могу отдать вам эти книги, но вы должны отдать сто пятьдесят рупий кому-то, потому что я занял деньги. И, в действительности, вы не можете схватить меня, потому что вот он, продавец; он будет моим свидетелем, что книги были проданы ему. Он же не может помнить, кто продает ему старые газеты и старые книги; он не знает, кто приносил их».

«Так что, во-первых, вы должны пойти к этому человеку и найти вора. Когда вы найдете вора, получите сто пятьдесят рупий с него, или с кого хотите. Эти книги находятся здесь, и они не могут быть в лучших руках, чем сейчас. А этот девяностолетний старик не сможет прочитать их снова, так в чем же дело?»

Инспектор сказал: «Вы говорите вполне разумно, логично, но есть украденные книги... И я не могу идти против закона».

Я сказал: «Вы следуйте закону. Идите на то место, где я приобрел книги, - а я их приобрел, я их не украл. Этот продавец тоже их приобрел, он их не украл. Итак, ищите вора».

Он сказал: «Так ведь на книгах есть печать с указанием имени».

Я сказал: «Не волнуйтесь - в следующий раз, когда вы придете, не будет ни печати, ни имени. Сначала найдите вора, а затем я всегда здесь у вас в руках».

И как только он ушел, я вырвал из книг одну первую страницу, первая пустая страница ничего не значит; а потом я просто подписал книги своим именем. С этого дня я стал подписывать мои книги, потому что они могут попасть в другие руки, они могут быть украдены, - по крайней мере, теперь там есть моя подпись и дата. А так как сам я вырвал первые страницы, я начал подписывать свои книги на двух или трех страницах внутри - на случай, если они будут украдены, но их пока никто не украл.

Мой профессор часто спрашивал меня: «Ты читаешь днем и ночью, почему же ты питаешь отвращение к учебникам?»

Я сказал: «По очень простой причине: я не хочу, чтобы экзаменатор увидел, что я попугай». И, к счастью, это мне помогало. Я был первым в университете и завоевал золотую медаль. Но как я и обещал, я выбросил медаль перед всеми; целый университет собрался там, и я выбросил золотую медаль. Я сказал им: «С этим я выбрасываю мысль о том, что я первый в университете, так что никто не будет ниже меня. Я просто никто». Вице-канцлер был при этом. В тот вечер он позвал меня и сказал: «Это неправильно. Золотая медаль - это вещь престижная; ты впереди всего университета. И ты навлек на меня неприятности, потому что я должен предоставить тебе стипендию для получения степени доктора философии. Ты же перед всеми выбросил медаль, и они скажут: «Этот человек странный - почему вы даете ему стипендию на три года?»

Я сказал: «Так не давайте ее мне».

Но он сказал: «Только потому, что ты сделал это... Ты выбросил золотую медаль и сказал там людям: «Сейчас я просто никто, не принимайте меня за первого в университете. Пожалуйста, не завидуйте мне, я не превосхожу вас. Это просто случайность. Кто-то был обязан стать первым; это просто совпадение, что я стал первым. Но это никого не унижает». То, что ты сказал, проникло в мое сердце, и я рискну и дам тебе стипендию».

Он, конечно, дал мне стипендию, но ни один профессор не стал моим руководителем, потому что я хотел заниматься религией, и каждый из них говорил: «От тебя одни неприятности, и между нами будет постоянная борьба. Мы знаем твои идеи, может быть, ты и прав, но принять тебя и подписать все бумаги с согласием на то, что я буду твоим руководителем, будет означать также, что я каким-то образом с тобой согласен, - а твои идеи возмутительны! В душе я могу согласиться с тобой, но не на людях».

«А что касается двух других профессоров из других университетов, присутствующих при этом, то они были просто шокированы, потому что ты критиковал Кришну, критиковал Раму, критиковал Будду, критиковал Иисуса. Есть ли кто-нибудь, кого ты не критикуешь?»

Я сказал: «Если я с кем-нибудь повстречаюсь, я скажу его имя, но если я никого не встречаю, что же мне делать? Конечно, когда Галилей открыл, что Земля движется вокруг Солнца, он должен был критиковать всех без исключения, - все священные писания мира, - потому что никто этому и не учил. Все религии, все священные писания, все книги говорили, что Солнце вращается вокруг Земли, как это кажется нам. Но кажущееся - это еще не есть реальное, так как же вы можете быть уверены?»

«Может быть, в том, что касается религии, я первый человек, который прав, вот ведь Галилей мог быть первым человеком, всего лишь триста лет назад... До Галилея прошли тысячи лет. Если он смог стать первым человеком, который был прав, а все остальные до него были не правы, то почему вы думаете, что я не могу быть первым человеком, который прав?»

Один из профессоров сказал: «Это проблема! Ты найдешь кого-нибудь еще. Я посоветую несколько имен - отправляйся к этим профессорам».

Профессора философии не были готовы принять меня. Они советовали: «Было бы хорошо, если исследование подходило под психологию. Ты просто измени предмет на психологию религии. Делай то, что тебе нравится, но просто измени название».

Я сказал: «Я попробую».

Психологи сказали: «Если твои профессора, твои профессора философии, не готовы принять тебя, почему мы должны брать на себя эти ненужные нам проблемы? Ты критикуешь Зигмунда Фрейда, ты критикуешь Юнга, ты критикуешь Адлера, - а весь наш факультет держится на этих трех личностях, мы их преподаем».

Я сказал: «Так мне надо поменять предмет снова - политика религии, экономика религии? Я готов подделаться под любой предмет».

Я сказал вице-канцлеру: «Найдите мне руководителя. Там должна быть религия. Рядом с ней он может поместить все что угодно: математика религии, экономика религии, география религии, - любой предмет меня устроит». Но никто не был готов принять меня, так что я не мог получить ученую степень. Но я был несказанно рад: это были наши профессора, наши лучшие профессора, которые в душе были готовы принять очевидные вещи, но на людях они боялись. Стоит ли им завидовать? Лучшие ли они люди?

И я не желал никого унижать. Да, такое возможно, что в определенной области вы можете знать больше, а кто-то может знать меньше. В одном направлении вы можете быть талантливы, в другом направлении кто-то другой талантливее вас. Это просто показывает, что люди не равны, они имеют разные способности. Но каждая личность обладает своей сущностью, несравненной ни с чем. Я никогда не думал ни о ком свысока, я никогда не думал, что кто-то лучше.

Я есть я, вы есть вы.

Не возникают сопоставления.

Но каждого ребенка заставляют соревноваться, сравнивать, и, естественно, возникает зависть, потому что кто-то преуспевает лучше вас. Кто-то получает то, что не получаете вы.

Я слышал: баптистский священник и раввин жили напротив друг друга через дорогу, и у них постоянно возникало соревнование. Естественно, этот конфликт длится на протяжении двух тысяч лет; он начался с Иисуса, и я не знаю, на ком он прекратится, я надеюсь, что он закончится на папе-поляке. Но это только надежда, нельзя быть уверенным на этот счет. Две тысячи лет они конфликтуют и все более и более переходят на личности.

Если священник приносит розы и растения для своего сада, раввин делает то же самое. Однажды, так случилось, что баптистский священник приобрел Линкольн Континенталь. Это было уже слишком для раввина. Когда тот стоял на крыльце, священник вышел и облил водой Линкольн Континенталь.

Раввин спросил: «Что вы делаете?»

Тот ответил: «Я посвящаю его в баптисты, делаю его христианином».

Он сказал: «Ну, хорошо».

На следующий день раввин приобрел лимузин Кадиллак - дорогостоящий, шестидверный. Стоя на своем крыльце, он поджидал, когда выйдет священник. Священник вышел, тогда раввин вошел вовнутрь, взял инструменты и начал что-то делать. Священник спросил: «Что вы делаете?»

Раввин ответил: «Обрезание». Он обрезал выхлопную трубу!

Зависть, соревнование, это может вас свести с ума. Если вы можете посвящать в баптисты, то он может обрезать. Он делает Кадиллак евреем. И я думаю, что в Америке Кадиллак действительно еврей, потому что, когда я посоветовал Шиле приобрести Кадиллак для Фонда и президента Фонда, она ответила: «Нет, я не знаю: Кадиллак - это еврей».

Я сказал: «Бог мой! Машины тоже еврей?»

Она ответила: «Да, Кадиллак - это еврей, и я не могу приобрести Кадиллак».

Возможно, машины можно обращать в другую веру.

Эти люди, даже если они священники и раввины, просто глупцы и никто больше; и это справедливо применительно к их Богу. И нет ничего больше в их Боге, потому что они его отражение, а отражение всегда менее значимо, чем отражающий.

Я припоминаю другую историю: раввин и христианский священник играют в гольф и каждый раз, когда раввин промахивается, он говорит: «Черт!»

Священник сказал: «Это нехорошо для религиозного человека, как для раввина, так и для священника! Это не хорошо. Бог рассердится».

«Что поделаешь с привычкой?» - и снова раввин промахнулся и сказал: «Черт!»

Священник был очень зол. Он сказал: «Если вы скажете это в третий раз, я вас уверяю, Бог вас накажет».

И после того, как раввин промахнулся в третий раз и сказал: «Черт», Бог действительно покарал. Ударил молния, и с небес раздалось: «Черт!» - потому что молния ударила в священника! Это был еврейский Бог - что же вы еще ожидали?

Раввин, еврейский Бог, они не могут быть слишком разными: одно отражение, одно мышление.

Зависть не видит простого факта - это вас научили представлять себя ниже кого-то, выше кого-то. И вы стали настолько уверены в этом, что вы постоянно судите людей, кто ниже, кто выше, кто хороший, кто плохой, правильный, неправильный.

Не судите.

Все просто такие, какие они есть.

Принимайте человека таким, как он есть.

Но это возможно только в том случае, если вы принимаете себя за самого себя без стыда, без чувства ненужности.

Был задан вопрос, означает ли зависть отдаление от самих себя. Да. В соперничестве вы разбегаетесь в двух направлениях. В одном направлении нескончаемая очередь людей, стоящих выше; в другом направлении поток людей, стоящих ниже вас, а вы посередине.

У вас не хватает времени обратить на себя внимание. Вы постоянно боретесь за место выше вашего и одновременно подавляете человека, стоящего ниже вас, потому что он пытается занять ваше место. Он наступает вам на ноги, точно так же, как и вы наступайте на ноги кому-то еще. Это странная цепочка, где каждый наступает кому-то на ноги — и у всех проблемы, всем наступают.

Когда в Индии у меня начала болеть поясница, мне прописали растяжение. Я сказал, — Дэварадж присутствовал при этом: «Вы знаете, откуда пошло это растяжение, и то, что вы мне делаете?»

Он сказал: «Нет. Растяжение - замечательное медицинское средство, оно применяется повсюду».

Я сказал: «Его изобрели христиане в средневековье, чтобы мучить людей. То было христианское устройство для мучения людей. Кладете ноги на один конец, руки на другой, и, естественно, если вам нужно признание, они признаются во всем. Если вы хотите, чтобы женщина призналась, что она ведьма, она признается на растяжении, потому что в этом случае она подумает: «Сейчас мои руки оторвутся, и мои ноги оторвутся. Лучше сказать: “Да, я ведьма», и поскорей закончить с этим растяжением”. Но как только она признается, что она ведьма, ее заживо сожгут».

Это было приспособлением для пыток. Как метод он был открыт по чистой случайности... Одного человека, про которого думали, что он еретик, подвергли растяжению. У него болела спина, а когда его подвергли пытке, он воскликнул: «Мой Бог! Боль в спине исчезла». Только по случайности было открыто, что растяжение помогает при боли в спине. С тех пор это перешло в раздел медицины; до этого это была прерогатива церкви.

Но свою жизнь вы понимаете, как психологическое растяжение; следовательно, у вас нет времени, сил, места для себя. Вы всегда оглядываетесь на кого-то, чтобы чувствовать себя лучше.

Один христианский священник, Стенли Джонс, знаменитый в свое время, - сейчас он уже умер,

— был всемирно знаменитым христианским учителем и, конечно, замечательным оратором, не таким идиотом, как Билли Грэм. Он был действительно великим оратором, глубоким оратором, - Билли Грэм всего лишь орегонец. Вы только взгляните; он должен был родиться в Орегоне. Его лицо точно это отражает...

Нет, Стенли Джонс был замечательной личностью, и всемирно известной. Он скитался по всему свету, произнося проповеди, но его основное жилище находилось в Индии: в Гималаях он создал христианский ашрам. Он часто приходил в Джабал-пур, где я был профессором.

На одной из его проповедей, где я присутствовал, он рассказал замечательный анекдот. Не зная того, как раз напротив него сидел странный человек, он сказал: «Есть два сорта людей. Первые всегда смотрят на других, как на небоскребы, чувствуют унижение, ведь и газон у соседа кажется всегда зеленее».

Всегда зеленее. Издалека вещи всегда выглядят другими, ваша лужайка не выглядит столь зеленой. Ваш дом выглядит грязно, дом другого всегда прекрасен. Когда вы входите, ваша жена постоянно недовольна. Когда вы приходите к соседям, они оба улыбаются, но вы забываете одну вещь: когда к вам приходят ваши соседи, вы тоже оба улыбаетесь. Люди начинают смотреть на то, что имеют другие, и тогда появляется чувство, что вы потеряли — потеряли все.

Стенли Джонс продолжал рассказывать. Он сказал: «У меня есть старый друг, всегда надеющийся и оптимистичный. Он на самом деле видит серебро, окаймляющее черные тучи. Сначала я думал, что это только философия, но вторая мировая война окончательно показала, что он имеет в виду то, что говорит. Это была не просто философия, это было самим его христианским бытием».

«После второй мировой войны я пришел повидать его, потому что он потерял глаз, руку и ногу на войне. По дороге я думал, что он уже не оставляет положительного впечатления, но, к моему удивлению, он был жизнерадостен, как никогда. Я попросил его поделиться секретом».

«Он сказал: “Это просто. Это самая основа христианства. Я благодарю Бога за то, что у меня есть по крайней мере один глаз, одна рука и одна нога - потому что многие потеряли два глаза, две руки и две ноги, а миллионы потеряли свои жизни вообще. Я думаю о них и чувствую себя счастливым и благословенным”».

Стенли Джонс в этом рассказе делал ударение на то, что такая философия жизни должна быть истинно христианской; эта позитивная философия - величайший вклад Иисуса Христа.

Я встал и сказал ему: «Невозможно ощущать себя счастливым, сравнивая себя с теми, кто стоит ниже, — и тут же не ощущать себя униженным, потому что, несомненно, есть люди, которые стоят выше. Невозможно разделить унижение и превосходство и просто выбрать что-то одно из них; это две стороны одной медали».

Самое интересное состояло в том, что великий оратор и проповедник очень быстро разозлился, выбросил свои бумаги и ушел внутрь дома. Пока он уходил, я ему говорил: «Кажется, это и называется настоящей христианской философией. Но сердиться и убегать - это еще не аргумент; и когда бы вы ни пришли в этот город, помните, что я буду спрашивать у вас ответ — ведь вы оставили вопрос открытым». После этого он никогда больше не появлялся в Джабалпуре.

Я буду очень удивлен, если соперничество не будет касаться денег или власти, а будет относиться к чему-нибудь еще. Во времена моего детства, как и девочкам в Индии, - теперь эта болезнь распространилась и на Западе, - мальчикам богатых родителей полагалось носить сережки. Мои уши до сих пор хранят следы старых дырок. Я очень сопротивлялся, но был слишком мал, так что мои родители сказали: «Это выглядит нехорошо, все мальчишки по соседству носят серьги, а ты бегаешь без них. И все соседи говорят про нашу семью: “Что же это такое, неужели вы не можете приобрести две ‘золотые серьги?’” Это оскорбительно!»

И что должны показать серьги?.. Я сказал: «Может быть, для вас это и оскорбительно, а для меня это означает, что вы просто испортите мне мои уши. Вы проделаете в моих ушах дырки, и мне будет больно. Если Бог намеревался... Если он может делать так много, всего две дырки в ушах не такое уж большое мастерство. Даже Святой Дух мог бы сделать это».

Но они бы даже и не послушали, потому что это был бы постоянный источник неприятностей: пришли бы родственники и сказали: «Как! Ваш мальчик не носит серьги?» Так серьги стали необходимостью - это тоже часть соревнующегося общества. Так что меня заставили; просто четыре человека уложили меня на кровать и прокололи оба моих уха.

Я сказал: «Ну что ж, я мал и беспомощен — вы можете делать любую глупость, какую захотите, но помните, я вам этого не прощу. Это делается против моей воли, и я не собираюсь носить ваши серьги. Вы что, собираетесь ходить за мной двадцать четыре часа в сутки? Ну что ж, посмотрим...» Много раз они надевали мне серьги, и каждый раз я их снимал. Наконец они устали, и это было дорого, потому что серьги были золотые, а я их выкидывал. Как только мне представлялась возможность, я их выкидывал.

В конце концов они сказали: «Оставим его в покое».

Я сказал: «Если бы вы оставили меня в покое раньше, мои УШИ были бы спасены. Я не имею ни малейшей надежды быть спасенным в жизни, но мои уши были бы спасены».

Соперничество во всем, странное дело... Если вы живете в коммуне или сообществе хиппи, то чем вы грязнее, тем сильнее. Я вам хочу объяснить, что все это не имеет ничего общего с деньгами или властью или с чем-то похожим. Это соперничество может быть в чем угодно, и это «что угодно» можно использовать, чтобы почувствовать свое превосходство или унижение. Вот хиппи, который никогда не моется, несомненно, выше других хиппи, у которых нет такой выдержки и которые время от времени нуждаются в стирке. Несомненно, он намного выше их; он никогда не моется, никогда не чистит зубы, никогда не пользуется мылом или всякими такими принадлежностями.

Он остается полностью естественным. Потая, он остается естественным; воняя, он остается естественным. О нем будут думать, как о ком-то высшем, - вы ведь не настолько сильны. Однажды вы проявите слабость, начнете мечтать о принятии ванны. Но если хиппи вымоется, он пытается это скрыть.

В Индии есть такие монахи. Один индусский монах останавливался в моем доме; он был другом моего отца, другом детства. У моего отца был магазин одежды, так что, когда бы ни приходил монах, мой отец приготавливал для него хорошую одежду; зимой зимнюю, шерстяную одежду. И что делал этот монах? Сначала он ее грязнил; он возил ее по земле, делал ее старой и грязной,

потому что монахам не полагается носить красивые одежды и быть современным.

Мой отец пытался использовать лучшее, что было у него в магазине, и я сказал ему: «Вы понапрасну тратите вещи. Этот человек даже делает в них дыры, протирает их, делает так, чтобы они выглядели старыми», - потому что тогда он находится на высшей монашеской ступени. Те, кто не может позволить себе такие грязные одежды, старые одежды, тряпье... они все еще интересуются вещами. Они все еще принадлежат материальному миру. В этом тоже состоит состязание: кто носит более разодранную одежду, чем вы!

Есть такие индусские монахи, которые не будут просто есть пищу, которую вы им предлагаете. Сначала они погрузят ее в реку, чтобы испортить ее окончательно, затем смешивают все вместе в чаше для подношений, так что смешивается соленое и сладкое; и только затем они ее съедят. Это считается аскетизмом. И все, кто этого не делает, считаются намного несовершенней, считаются людьми, живущими только для еды, - они должны расстаться с ощущением вкуса.

Конечно, если вы идете по этому пути - завидуете, соревнуетесь со всеми, кто окружает вас, - как же вы сможете прийти к себе? Мир настолько велик, и в нем так много людей, а вы соревнуетесь со всеми... и вы есть! У кого-то красивое лицо, у кого-то красивые волосы, у кого-то красивое, пропорциональное тело, у кого-то огромный интеллект, кто-то художник, кто-то поэт... Как же вы собираетесь управиться? Все это, а вы одни, чтобы соревноваться? Вы создаете себе неприятности - и этим занимается все человечество!

Бросьте соревноваться, бросьте завидовать.

Это абсолютно бессмысленно.

Это очень хитрое приспособление, придуманное священниками, чтобы вы никогда не стали сами собой, — ведь это единственное, чего боится каждая религия.

Если вы нашли себя, вы нашли довольство, удовлетворение, экстаз.

Кто заботится о Боге - вы сами Бог.

Вы почувствовали божественность - и внутри самих себя.

Теперь вас не заденет даже император; вы не думаете, что он выше вас. Как он может быть выше вас? Вы познали нечто совершенно невероятное, так что этот бедняга... Вы можете пожалеть его, но не унижить. Даже по отношению к нищему... вы не почувствуете превосходства, потому что вы знаете, что то, что вы нашли, сосредоточено и в нем.

Нет определенной разницы между вами, нищим и императором. Единственное отличие только во внешности: в одежде, в титулах, в слонах, на которых ездит царь, - и в лохмотьях нищего. Но нет никаких действительных отличий, ни одно отличие не составляет разницы.

Внутри себя вы найдете спокойствие, ясность, тишину, несметные богатства.

И, найдя это, вы узнаете, что все обладают этим, знают они о том или нет - не имеет значения.

Знание и незнание - в этом и состоит отличие.

Но в том, что касается существования, во всех сосредоточена красота мира, вселенной; вся радость и танец вселенной. Да, по-разному она выражает себя.

Нет надобности думать, что кто-то, кто выражает эту красоту через танец, лучше того, кто выражает ее через песню, или того, кто молчит.

То, что выражается, - это та же самая радость.

И вы найдете это только тогда, когда вы войдете в ваш мир уединенности, где никого, кроме вас, нет.

Здесь вы в стороне от общества... потому что общество вас предохраняет. Вы далеко от всех священников, всех религий, всех политических партий.

Вы теперь почти никто.

Я сказал «почти», потому что на самом деле вы есть, впервые есть, - но в совершенно другом плане. Вы даже не думали о том, что это может быть вашей сущностью, такой глубокой, такой вечной.

И что вы теряете, отбрасывая зависть, соревнование и сравнение?

Ничего.

Вы ничего не теряете, кроме своих цепей, а обретаете царство Божье, которое внутри вас.

Беседа 5

САННЬЯСА: ОДИССЕЯ УЕДИНЕННОСТИ - ПУТЕШЕСТВИЕ К ЦЕНТРУ СВОЕГО СУЩЕСТВА

3 января 1985 года

Бхагаван,

Наша коммуна не похожа на традиционные ашрамы или монастыри. Не поговорите ли вы с нами еще о функциях Вашей коммуны?

Прежде всего необходимо понять традиционную структуру ашрама и монастыря. Это даст вам основание для понимания значения моей коммуны.

Ашрам - это восточная концепция, основанная на отречении от общества, от его удобств, его комфорта. Ашрам — это группа людей, живущих вместе в аскетизме, в навязанной самим себе нищете, в голодании во имя поста; мучающих свое тело для того, чтобы посредством духовного обрести контроль над физическим; проделывающих всевозможные упражнения для того, чтобы быть в состоянии сконцентрироваться на идее Бога, если они индуисты, или на идее предельного роста человеческого сознания, если они буддисты или джайны.

Но для всех этих троих цель очень далека - можно называть ее Богом, можно называть ее

Буддой, можно называть ее Джинной. Все эти разные слова не обозначают ничего другого, кроме указания на дальний берег, настолько далекий, что невозможно даже и представить себе. Берег этот остается лишь смутной идеей, туманной идеей вашего ума.

Ради этой туманной идеи вы должны жертвовать всем реальным, осязаемым, всем, что можно видеть, что можно чувствовать, чем можно жить. Нужно пожертвовать всем, что живо, ради чего-то, что есть всего лишь утопия.

Знаете ли вы точное значение слова утопия? Оно буквально означает то, что никогда не случается; на что надеются... но что никогда не случается. Можно заниматься утопией столетиями, и на протяжении столетий утопия действительно занимала миллионы людей. И люди все еще заняты тем же самым усилием: потерять существующее ради того, чему они не имеют ни свидетельства, ни доказательства, ни даже аргумента.

Слово «ашрам» красивое, но используется оно в совершенно неверном контексте. Ашрам означает место для расслабления. Да, в самом начале, пять тысяч лет назад, во времена Вед, ашрам был действительно местом расслабления, отдыха; но не аскетизма. Вы удивитесь, узнав об этом, ведь на протяжении пяти тысяч лет аскетизм настолько сильно превалировал, что люди совершенно забыли, как это слово использовалось в начале. Оно означало нечто, прямо противоположное его современному значению.

Риши, муни - нужно понять эти два слова. «Риши» означает поэта сознания. Только на Востоке мы имеем два слова для обозначения поэта: кави и риши. Кави буквально означает поэт, но для риши нет точного эквивалента.

Риши — это пробудившийся поэт. Он все еще поет, но эти песни сложены не им; они проходят через него, исходят же они из существования. Стихотворения расцветают точно так же, как расцветают цветы. Поэт - составитель: он играет со словами, с их ритмом, с их звучанием, и он способен создавать осмысленные ритмические песни.

Но хорошо бы вам никогда не встречаться с поэтом. Примите это как основной образ действий: никогда не встречаться с поэтом, потому что вас ждет разочарование. Его поэзия прекрасна, сам же поэт экстраординарен. Я понимаю это слово не как одно: экстраординарен. Я использую слово экстра, чтобы подчеркнуть слово ординарен: он экстра ординарен.

Я не знаю, кто отчеканил слово «экстраординарность», ведь оно просто означает последнюю, самую последнюю - не просто ординарность, но экстра — ординарность. Люди, использовавшие это слово первыми, думали об «экстраординарности» в смысле того, чтобы быть выше ординарности; но экстраординарность может означать и то и другое. Одно определенно: поэт не ординарен, он может быть и выше ординарности, он может быть и ниже ординарности.

Есть много слов, обладающих такой же многозначностью. Например, психологи используют слово «ненормальный». Ненормальный может означать душевно больного, чокнутого, психа - все в этом роде. Но ненормальный может также означать того, кто выше нормальности: Будду, Иисуса, Моисея, Заратустра. И те и другие ненормальны в том смысле, что и те и другие не являются нормальными, но есть две стороны ненормальности. Точно так же и слово экстраординарность всегда использовалось для обозначения тех, кто выше ординарности. Я не знаю, я пытался найти, почему, почему оно не использовалось для тех идиотов, которые ниже

ординарности. Они ведь тоже экстраординарны. Почему такая несправедливость?

Изначальный ашрам, само слово ашрам, означает время для расслабления, место для расслабления. Шрам означает труд, работу. Ашрам означает то, что вы уже сделали то, что должны были сделать, — теперь время пребывать в состоянии недеяния. Всю свою жизнь вы действовали. Теперь вы узнаете этот странный и экстраординарный мир недеяния - настолько молчаливый, что ничто не движется там? Это прекрасное слово, и люди, придумавшие его, на самом деле занимались именно этим. Но все это история пяти тысячелетней давности, которую эти пять тысяч лет непрерывно разрушали.

Вы будете потрясены, когда услышите, что риши, — что может быть переведено как провидец... Обыкновенный, ординарный поэт слеп, он бредет ощупью в потемках; риши же — это тот, у кого есть глаза. Слепой человек тоже может петь песни о прекрасных рассветах, закатах, цветах, красках, радугах, - да, слепой может петь...

На самом деле слепые люди — хорошие певцы по той простой причине, что восемьдесят процентов энергии нашего тела используется глазами, а когда человек слеп, эти восемьдесят процентов его энергии начинают распределяться ушам, носу, рту — другим четырем чувствам, которые обычно пользуются лишь двадцатью процентами энергии. При отсутствии глаз они пользуются всеми ста процентами энергии. Поэтому слепой человек имеет очень тонкий слух. Вам не услышать того, что слышит он. Он запоминает с помощью слуха.

Как-то раз я сидел в поезде в полночь и вошел в купе, бронированное для меня. Это было маленькое двухместное купе. Одна койка, та, что наверху, была уже занята, нижняя оставалась для меня. Когда я сидел на нижней полке и давал денег портье, а также давал указания слуге относительно того, когда утром я хотел бы выпить чаю и когда хотел бы получить мой завтрак, у меня не было и понятия о том, кто находится на верхней полке. Но тот человек сказал: «Это не вы ли здесь, Бхагаван?»

Я посмотрел наверх и не смог узнать этого человека. Я сказал: «Да, но кто вы?»

Он сказал: «Разве вы забыли меня? Я Шарнананда». Он был весьма знаменитым индусским мудрецом; и он был слепым. Я встречал его двенадцать лет назад. За эти двенадцать лет я повстречался, наверное, с миллионом разных людей; запомнить его было для меня невозможно. А как умудрился он запомнить меня, ведь он был слепым, слепым от рождения?

Я сказал: «Шарнананда, вы творите чудеса! Вы не можете меня видеть, и все же узнаете меня. А я вижу, но узнать вас не смог».

Он сказал: «Это из-за ваших глаз. Я не вижу - я запоминаю посредством моих ушей. Ваш звук, ваш способ говорить: эти маленькие вещи становятся частью моей памяти. И встреча с вами была столь памятной, и то, как вы говорили... Я услышал тот же знакомый звук, когда вы разговаривали со слугой, с портье. Я немедленно узнал вас. Никто не разговаривает так, как вы».

«Когда вы сказали слуге: “Не будите меня, потому что мое утро начинается тогда, когда я просыпаюсь, так что пусть чай подождет. Когда я проснусь, я позвоню в колокольчик, вот тогда и принесите мне чаю”. В тот момент, когда вы сказали: “Мое утро начинается тогда, когда я просыпаюсь”, - я сказал себе, что это не может быть никто другой. Я не знаю никого другого в

целом мире, чье утро бы начиналось тогда, когда он просыпается, - утро начинается тогда, когда оно начинается, - но вы так можете сказать, только вы так можете сказать!»

Провидец - это тот, кто не пробирается ощупью во тьме, и лишь воображает себе вещи. Да, у слепого человека воображение становится более мощным, потому что он не видит; вся его энергия направлена внутрь. В противном случае, энергия от глаз движется наружу, глаза - это двери, открытые вовне. Когда глаза закрыты, энергия движется внутрь.

Вот почему медитирующие закрывают глаза. Это простая стратегия: закройте глаза и замкните двери; энергия не сможет выходить наружу, она движется внутрь. Поэтому у слепого человека и становится таким сильным воображение. Слепые могут говорить о цвете, хотя никогда и не видели его. Они могут говорить о свете, хотя никогда и не видели его. Но каким бы прекрасным ни было их воображение, оно неверно, это не реальность.

В Индии мы называем таких людей кави, поэты. Но не отправляйтесь, чтобы повидаться с ними, потому что поэт окажется очень обыкновенным человеком. Как раз на днях, - это случилось так много раз, что я чувствую, что это уже правило, которому приходится следовать... Как раз на днях я впервые увидел фильм одного певца на урду, Гулама Али. Он один из величайших певцов на урду на Востоке, у него есть его собственный стиль. Есть очень много певцов, но Гулам Али стоит выше любого из них. Я всегда слышал Гулама Али только в записях, я никогда не видел его; не пришлось.

Мы оба, перемещались по одной и той же стране, но случайно так получилось, что мы ни разу не были в одном и том же городе. Он хотел встретиться со мною. Его ученики... В Индии великий музыкант, великий певец, называется уstad, маэстро. У него есть ученики, точно так же, как есть ученики у духовных учителей, потому что восточная музыка нуждается в очень долгой подготовке. Это не джазовая музыка, где любой идиот может начать прыгать и кричать, и это становится музыкой; это не музыка «битлз». Подготовка занимает лет двадцать или тридцать, восемь или десять часов работы каждый день. Это работа всей жизни.

Гулам Али упорно работал и продолжает упорно работать. Говорят, что если прекратить упражняться в восточной музыке на три дня, то люди увидят, что что-то упущено. Если вы не упражняетесь два дня, увидят, что что-то упущено, только ваши ученики. А если не упражняться один день, то только вы почувствуете, что что-то не так. Нельзя пропускать ни одного дня.

Но как раз на днях кто-то из Пакистана прислал мне видеофильм о Гуламе Али. И случилось то, чего я ожидал. Его облик настолько беден, что соединить этот прекрасный голос с этим человеком, который выглядит как клерк из какого-нибудь почтового отделения, или билетер на какой-нибудь железной дороге, или кондуктор автобуса, человек такого типа...

Я вынужден был закрыть свои глаза, потому что его лицо, его глаза, его руки, его жесты - все раздражало. Я подумал, что следует послать ему предложение: «Вам нужно петь за занавесом. Вы не стоите того, чтобы представляться перед публикой, вы разрушаете вашу музыку. Музыка почти божественна, и вот вы видите осла, стоящего за всем этим, - соединить их невозможно».

То же случилось и несколькими днями раньше. Я никогда не видел Мехди Хасана — другого великого певца, гораздо более современного, чем Гулам Али. Гулам Али очень ортодоксален, его подготовка ортодоксальна. А вот Мехди Хасан обладает очень современным даром. Он

проходил подготовку в стиле ортодоксальной музыки, но никогда не привязывал себя к ней. Он импровизирует в новых стилях, и он по-настоящему творческий человек. Гулам Али не творческий человек; он поет только те песни, которые пелись на протяжении уже тысяч лет. Слушая его, вы слушаете тысячелетия, за ним стоит целая традиция.

У всех этих певцов есть то, что называется гхараны - гхарана означает семью. Они не принадлежат семьям своих отцов и матерей, они принадлежат семье учителя, у которого они учились. Это их гхарана. Они известны по именам их учителей, а учителя известны по именам их учителей. Их гхаранам тысячи лет, и каждое поколение обучает следующее поколение точно такой же длине волны, точно такому же тону.

А вот Мехди Хасан ультрасовременен, и у него есть творческий дар, что гораздо более значительно. Я полюбил его, потому что он принес новый свет, новые способы петь те же старые песни. Он настолько творческий человек, что песня в целом кажется почти новой, возрожденной, свежей, как только что открывшийся цветок с каплями росы, еще лежащими на нем.

Но какое горе было увидеть его. Он еще хуже, чем Гулам Али! Гулам Али похож, по крайней мере, на кондуктора в автобусе, а Мехди Хасан не тянет даже на кондуктора. Если Гулам Али не подходит к своему пению, то Мехди Хасан прямо противоположен ему. Странно, что этих двоих я видел только на экране, я не встречался с ними. Это было моей общей практикой за всю мою жизнь в Индии. Я читал поэтов, слушал поэтов по радио, но не встречался с ними, потому что мои ранние переживания от встреч с поэтами были как кораблекрушение.

Майтреяджи сидит вон там - он знает одного из великих индийских поэтов Рамдхарисингха Динкара. Они оба из одного места, из Патны, и они друзья. Он написал несколько популярных песен. Он внес очень большой вклад в индийскую поэзию. Он известен как великий поэт, махакави; не просто кави, поэт, но великий поэт. Он был единственным, кого называли великим поэтом.

К сожалению, он приходил, бывало, повидаться со мной. Он любил меня, я любил его, но он не мог мне нравиться. Любовь - это духовное, любить можно любого, но нравиться гораздо труднее. Когда бы он ни приходил, он начинал говорить о таких глупых вещах, что я сказал ему: «Динкар, от вас ожидаешь чего-нибудь поэтического».

Он сказал: «Но я не могу быть поэтом все двадцать четыре часа в сутки».

Я сказал: «Это правильно! Но приходите ко мне тогда, когда вы поэт - иначе не приходите, ведь я знаком с поэтом Дункаром, а не с вами». Когда бы он ни пришел, начинался разговор о политике — он был назначенным членом парламента — или же он непрерывно говорил о своих болезнях; он делал больным меня! Я сказал ему: «Хватит говорить мне о своих болезнях, ведь люди приходят ко мне спросить о чем-нибудь ценном, а вы описываете мне ваши болезни».

Если я запрещал ему говорить о политике, он говорил о болезнях. Если я запрещал ему говорить о болезнях, то тогда он рассказывал о своих сыновьях: «Они разрушают мою жизнь. Никто не слушает меня. Я собираюсь послать их к вам».

Я говорил ему: «Вы невыносимы. Вы портите мою радость от выхода вашей книги: я не могу

читать ее, не вспоминая вас. Между строк стоите вы, рассказывающий о ваших диабетах, вашей политике...»

Он постоянно говорил о диабетах и постоянно просил сладости! «Эти ограничения, - говорил он. — Я не могу так жить». Он умер от того, что продолжал есть то, что доктора запрещали ему. И он знал об этом; он рассказывал мне обо всем, что запрещали ему доктора, и просил меня: «Бхагаван, можете ли вы рассказать мне какой-нибудь способ, благодаря которому я мог бы есть все эти вещи и все же, чтобы эти диабеты?..» Майтреяджи знал его очень хорошо.

В Джабалпуре была одна знаменитая поэтесса Шубхадра Кумари Чаухан. Я читал ее стихи с самого детства; ее песни стали такими популярными благодаря борьбе за освобождение - она непрерывно сражалась за освобождение и за революцию - даже малые дети цитировали ее. Еще не начав читать, я уже знал ее песни. Когда я пошел в университет, я обнаружил, что она тоже переехала в Джабалпур. Это место не было ее родиной: ее родиной оказалась деревня, находившаяся рядом с моей. Это я открыл позднее, что она была из деревни, находившейся в двадцати милях от моей деревни, и что она переехала в Джабалпур за два года до того, как я переехал туда.

Увидев эту женщину, я сказал: «Боже мой! Такая прекрасная поэзия и такая предельная безыскусственность - нет, я имею в виду невзрачность... Я был так разочарован ею, что даже забыл слово невзрачность! Она была даже еще хуже, но я не знаю никакого другого слова, которое было бы хуже этого. Слово «безобразный» не кажется мне подходящим, чтобы использовать его применительно к кому-либо; оно несет в себе какое-то осуждение, а я хочу только описать, не обвинять, отсюда и это слово «невзрачность». Невзрачность означает, что не нужно обращать никакого внимания; пусть себе проходит, пусть идет.

Потом был еще один поэт, слава всей Индии, Бхавани Прасад Тивари, который чрезвычайно любил меня. Я был еще очень молодым человеком, когда начал выступать с публичными лекциями; мне было наверное двадцать лет, когда я дал мою первую публичную лекцию в 1950 году. Он же был ведущим на ней.

Он не мог себе этого представить, он был настолько ошеломлен, что вместо того, чтобы огласить свое слово, он сказал: «Я не хочу разрушать того, что сказал этот мальчик. Я хотел бы, чтобы вы пошли домой с тем, что он сказал, помедитировали бы над этим. Я не хочу выступать сам - на самом деле, он должен был бы быть ведущим, а выступать следовало мне». И он закрыл собрание.

Все были потрясены, потому что он был старым человеком и очень знаменитым человеком. Он взял меня к себе в машину и спросил, где ему можно высадить меня. Я познакомился с ним в этот день. Я сказал: «Это для меня потрясение. Вы очень добрый человек и очень понимающий человек. Я читал ваши стихи и всегда любил их. Они просты, но обладают качеством необработанных, неограниченных алмазов. Нужен глаз ювелира, чтобы увидеть красоту неограниченного, неотполированного алмаза, только что добытого из шахты - новорожденного».

«И еще я могу сказать, что я всегда чувствовал, читая ваши стихи, как будто вот начинается в Индии сезон дождей, и тучи начинают изливаться, и земля начинает издавать сладкий запах свежей, жаждущей земли; и запах этой увлажняющейся земли дает вам ощущение удовлетворенного чувства жажды».

«Вот что я чувствовал, каждый раз читая ваши стихи. Но когда я увидел вас, иллюзия исчезла», — ведь этот человек держал по обеим сторонам, внутри своего рта, две лепешки, листья бетеля, и красный, похожий на кровь сок бетеля стекал по обоим уголкам его рта на одежду.

Этим он занимался непрерывно целыми днями. Все, что он делал, это готовил новые лепешки. Он носил с собой маленький мешочек со всем необходимым. И когда бы я ни видел его, он всегда был занят этим: в руке у него табак, он растирает его, готовит его, жует лепешку, и повсюду красный сок.

Я сказал: «Вы разрушили все мое представление о поэте». С тех пор я избегал поэтов, потому что понял, что они слепые люди; лишь изредка у них наступает полет воображения. Но пять тысяч лет назад на Востоке, по-видимому, понимали, что нужно проводить различие между поэтом, который слеп, и поэтом, у которого есть глаза.

Риши - это тот, кто говорит, потому что видит. Его поэзия также называется другим именем; она называется рича, потому что она исходит от риши. Рича означает поэзию, исходящую от пробудившегося сознания человеческого существа.

Эти люди не были аскетами. У них были жены, они имели детей, они имели прекрасные ашрамы - настолько красивые, что даже цари бывали там, чтобы отдохнуть. Цари посылали, бывало, туда своих детей, чтобы они жили в семье риши, в ашраме, потому что не было ничего красивее ашрама.

Ашрамы стояли глубоко в лесах, в горах, вблизи великих рек Индии. У риши была жена, были дети. Он был таким же простым и обыкновенным, как и вы, - он не искал никакой власти. И он не беспокоился о Боге, о рае; он просто наслаждался здешней жизнью.

Даже цари завидовали риши, и часто они приходили к ним за советом, потому что эти люди были не просто духовными наставниками, они обладали пронизательным взглядом, который могли использовать в самых разных целях. Они не были против богатства. Все ашрамы были вначале потрясающе богатыми, потому что цари непрерывно изливали на них столько денег, сколько было возможно. И не было так, что один царь приходил к одному риши, ведь риши и их ашрамы не входили в состав ни одного царства.

Вот самое большое уважение, которое знает Восток; нельзя объявить ашрам риши частью вашего царства. Поэтому риши был независимым. Другие цари тоже приходили к нему. Ни один царь не владел им и не мог сказать: «Ты можешь советовать только мне. Я дал тебе землю, я дал тебе так много денег, так много роскоши, так много удобства и защиты, поэтому ты должен быть только моим советчиком». Нет, такое нельзя было себе представить.

Если риши принимал все, что ему предлагали, он обязывал вас. Он мог и отказаться. Вы должны были быть благодарными ему за то, что он не отказал вам. Вы были обязаны ему за то, что он оказал вам честь служить ему. Он не был ни в чьем владении. Его территория была независимой. И на его территории любой мог найти убежище, даже преступник. И тогда преступник оказывался вне пределов власти правителей, от которых он бежал. Его нельзя было схватить, или ввести в лагерь риши полицию или армию. Этот лагерь был священным.

Так оно буквально и было: не было никакого сравнения между древним восточным ашрамом и

чем-либо еще, даже дворцом царя. В каждом особом случае царь приходил в ашрам за благословением. Он прикасался к ногам риши, потому что знал, что сам он слеп, и что хорошо получить благословение от того, кто видит, и так получить наставление. И не раз так случалось, что войн удавалось избежать, потому что оба царя приходили к одному риши с вопросом: «Наши армии стоят друг перед другом - что делать?»

Риши отвечал: «Вы спрашиваете меня, что делать? Просто отведите свои армии назад по домам! Не будет никакого сражения. Пока я жив, ваши армии никогда не будут стоять друг против друга». И так и было. Война откладывалась до его смерти; до этого никакой войны не было и в помине. Не было и разговора о том, чтобы не подчиниться ему. Он не обладал политической властью, у него не было армии, но оба царя знали, что у него есть глаза, и если он видит, что это будет полезным для них обоих, то пусть так и будет. «Мы слепы. Мы отступим».

Но рождение буддизма и джайнизма, еще двух индийских религий, создало проблему. Эти религии изменили весь характер ашрама. У буддистов и джайнов не было ашрамов — это первое, на что нужно обратить внимание. Чтобы уничтожить ашрам, -ведь ашрам был оплотом брахманизма, индуизма, - и все же не допустить никакого папы, никого избранного, выбранного...

Нет, выбрать Будду невозможно! Как можно даже подумать о выборах Будды? Какие основания, какие критерии использовать? Только подумайте, слепые люди выбирают кого-то, у кого есть глаза. Ну как они определяют, что у него есть глаза? У них самих нет глаз, они не могут видеть. Вот два человека выступают в качестве кандидатов и говорят: «У нас есть глаза, голосуйте за нас». Видите абсурдность этого? Слепые люди скажут: «Как мы можем решить? У нас нет никаких глаз, поэтому мы не видим, есть ли у них обоих глаза, или оба слепы, или у одного есть глаза, а другой слеп. Нам этого никак не определить».

Будда, пробудившееся человеческое существо, должен объявить себя сам. Нет и разговора о его назначении или выборах. Кто может выбрать его? Кто может назначить?

Есть стихотворение, которое поет этот человек, Мехди Насан, и в котором есть такие слова: «Я зрячий человек, продающий очки в городе слепых». Когда я услышал эту строчку: «Я зрячий человек, продающий очки в городе слепых», - я сказал: «Вы не можете быть зрячим; ясно одно: глаз у вас нет. В противном случае, человек, имеющий глаза и продающий очки в городе слепых, показывает, что он еще более слеп по сравнению с людьми, которым он продает очки! Слепые люди не могут рассказать, у кого есть глаза, а у кого их нет».

Так что эти риши не были папами. Папа - выбранная персона; его избирают две сотни кардиналов. Все эти две сотни кардиналов секретно совещаются между собой по поводу выбора. Это большой секрет. На протяжении двадцати четырех часов Двери определенного помещения в Ватикане остаются закрытыми. Все эти две сотни человек на протяжении двадцати четырех часов остаются внутри этого помещения, для того чтобы мир не узнал, как же происходит отбор, как выбирается папа.

И каждый ведет кампанию в свою пользу, каждый ведет кампанию за себя или за кого-то, кто будет помогать ему. На отыскание одного человека уходит двадцать четыре часа. И конечно, это не единодушный выбор. Иногда имеется два кандидата, и тогда приходится прибегать к голосованию; иногда имеется три кандидата, и ни один из них не собирается снимать свою

кандидатуру. Голосованием двухсот «погрешимых» кардиналов - голосованием - избирается один непогрешимый папа! Этот мир поистине странен.

С риши такого не было. Но джайнизм и буддизм преобразовали весь характер восточной жизни. Прежде всего, для того, чтобы уничтожить ашрамы, они решили, что у них не будет никаких ашрамов. Поэтому буддийские монахи, джайнские монахи - это странствующие монахи; у них нет никаких ашрамов, - ведь если у вас есть ашрам, то есть и вероятность того, что вы начнете накапливать всяческие удобства, комфорт, роскошь. Это очень естественно.

Люди будут любить, уважать вас, они будут все время приносить вам разные вещи. И вы будете хранить вещи для определенных сезонов: придут дожди, и вам понадобится зонтик, и вот вы храните зонтики, хотя зимой они и не нужны. Так вы становитесь владельцем вещей. В сезон дождей трудно будет выходить из дому, поэтому вы накапливаете пищу, запас еды. Зимой вам понадобится одежда, шерстяная одежда, поэтому вы накапливаете шерстяные одежды.

Избежать того, чтобы владеть чем-нибудь, невозможно, - и поэтому вот что определили джайнизм и буддизм: монах не должен владеть ничем, а джайнский монах абсолютно ничем. Он был обнаженным, даже без кувшина для подаяний, который вообще-то всегда допускался. Никто и не задавался вопросом, входит ли кувшин для сбора подаяний в состав вещей, которыми владеют.

Джайнизм же не разрешал даже и этих кувшинов; есть нужно прямо с рук. Если все животные умеют обходиться без кувшинов для сбора подаяний, - а вы человек, гораздо более разумное существо, - то и вы можете делать это. Поэтому они пьют с рук, они едят с рук; вот их кувшин для подаяний. Им не разрешается иметь ашрамы, потому что ашрамы станут собственностью, владением. Они должны непрерывно двигаться. Джайнский монах не может останавливаться в одном месте более чем на три дня.

Конечно, в этом есть какая-то идея, ведь я наблюдал: если вы останавливаетесь в одном месте, на это требуется некоторое время... Например, в первую ночь вы вообще не сможете спать - новое место, новый дом... Все неудобно, все ново. Может быть, вы привыкли спать на круглой кровати, а здесь кровать квадратная, и этого достаточно! Вы привыкли спать в квадратной комнате, а эта комната круглая; вы чувствуете себя так, как будто вас бросили в колодец или что-нибудь такое. Вы много раз будете просыпаться среди ночи.

В первую ночь будет очень трудно, вторую ночь полегче, а в третью ночь вам будет уже комфортно. Это мое переживание, ведь я путешествовал на протяжении тридцати лет, останавливался в странных местах, странных домах. Вы не поверите этому — даже из самого гадкого места в мире можно вообразить себе прекрасный дворец, гостем которого я был.

То была настоящая проблема, потому что я переезжал с места на место непрерывно, не останавливался на одном месте даже на три дня. Я ведь не джайнский монах; мне не доставалось и трех дней. Утром я был в Калькутте, вечером - в Бомбее; ночью я ехал по направлению к Дели. Я пребывал главным образом в поездах, самолетах, автомобилях и лишь изредка - в домах. На самом деле, я должен признаться вам, что настолько привык спать в поездах с кондиционированным воздухом, что в домах чувствовал себя некомфортно. Я чувствовал себя комфортно только в поездах, со всеми их шумами, тряской, свистками и толчками на каждой станции и пассажирами, сходящими с поезда и садящимися в него. Все это стало частью моего

комфорта.

Когда я, бывало, спал в комнате, я просыпался по несколько раз - и никакой станции?.. Ведь индийские станции такие шумные: здесь продается все, что угодно, даже посреди ночи. Вся станция оживлена, полна людей, и все классы, за исключением класса с кондиционированным воздухом, набиты битком. Третий класс, который является классом для всех, всегда переполнен. Вы можете видеть, как на вагоне написано, что он предназначается только для тридцати человек, - а размещается там и Шестьдесят, и девяносто. Как это им удается...

Раз или два, просто чтобы обрести опыт, я путешествовал третьим классом. Путешествовать третьим классом по Индии -это действительно великое переживание. Вагон рассчитан на тридцать человек, а в нем размещается девяносто... Вы не Можете сдвинуться ни на дюйм. Вы не можете отправиться в туалет - на самом деле, в туалете тоже люди. Но прежде всего, туда невозможно добраться. Даже если вы добрались каким-то образом, расталкивая людей, места там тоже нет; там уже полно людей. Люди свисают из дверей, из окон.

Однажды я ехал третьим классом из Гвалиора в Дели, чтобы просто понаслаждаться этим. Поскольку я поспал, теперь не было необходимости в этом, - была ночь, ночь полнолуния, - я сказал себе: «Радуйся, поезжай третьим классом».

У меня был билет в класс с кондиционированием воздуха. Когда билетный контролер посмотрел на мой билет в класс с кондиционированием воздуха, а потом посмотрел на меня, он подумал, что я сошел с ума. Я сказал: «Вы правы!» Он протянул билет мне обратно.

Он сказал: «Странно. Что вы делаете здесь? Место ваше забронировано и пустует».

Я сказал: «Пусть себе пустует. Если я пресыщусь этим переживанием, я пройду туда».

Он сказал: «Каким переживанием?»

Я сказал: «Вы не знаете, что происходит здесь. Если хотите, можете остаться со мной хотя бы на одну станцию».

Он остался и сказал: «На самом деле это переживание».

Все происходило на станции, огни в вагоне зажигались, а когда мы отъезжали от станции, огни погасали. И девяносто человек на этом маленьком пространстве... и кто за чью ногу тянет? Это была такая радость! Я наслаждался ею как ничем в моей жизни.

Рядом со мною сидел индусский монах. Я задевал его голову, и он говорил мне: «Бхагаван, кто-то бьет меня».

Я сказал: «В темноте все так трудно. Будьте терпеливыми, и если хотите ударить, ударьте кого-нибудь! Какая разница, кто кого бьет».

Женщина, сидевшая на верхней полке... кто-то потянул ее за ногу, и она упала. Она сказала: «Странно - кто же так поступает с женщиной. Кто же этот мерзавец?»

В темноте невозможно найти мерзавца, а на следующей станции оказывается, что все сидят

совершенно правильно. На станции огни зажигаются. Если бы устроено было по-другому, все было бы проще. Если бы огни в вагоне выключались на станции, проблем бы не было, потому что есть же станционные огни.

Поезд по-настоящему сошел с ума, и люди кричали в темноте: «Кто-то тянет меня за ногу». И: «Кто этот парень?» И: «Я попробую найти, но это будет трудно». «Пожалуйста, не тяните меня за ногу», - но никакого ответа. В третьем классе вы встретитесь с настоящей Индией. В кондиционированном воздухе, — это не Индия.

Говоря о трех днях, индийские джайнские монахи приняли психологически верное решение, ведь это и мое переживание, - после третьего дня вы чувствуете облегчение. Чтобы не позволять вам почувствовать облегчение, они и остановились на трех днях. Между ними был, наверное, кто-то, кто пережил все это. Это в точности так, потому что я говорил некоторым моим друзьям попробовать, и все они сказали: «Это верно: после третьего дня начинаешь чувствовать расслабление. Новое место перестает быть новым. Именно столько времени требуется, чтобы познакомиться с ним, чтобы прийти в определенное согласие с ним».

Да, согласие необходимо — даже со стенами, с мебелью, с людьми, с пищей... определенного рода знакомство, и на это не требуется много времени. То, что они решили, было совершенно правильным, - они измерили совершенно точно, - джайнский монах не должен оставаться на одном месте более чем на три дня, чтобы не возникло привязанности. Ведь коль скоро вам начинает нравиться какое-то место, то это и есть начало привязанности, начало желания. Потом вам захочется остаться там немного подольше, потом...

Мне вспоминается одна история. Умирал Великий Учитель. Он позвал своего главного ученика и прошептал ему на ухо: «Запомните одну вещь, никогда, никогда не держите кошку в доме», - и умер!

«Что же это за послание?.. И для этого вы позвали меня: “Никогда не держите кошку в доме”?» Главный ученик справился у нескольких стариков, ведь, может быть, в этом был какой-то смысл. «Может быть, это какое-то кодовое слово, иначе, зачем он сказал его? И он умер, не дав никакого объяснения. Я как раз собирался спросить: “Почему вы против кошек? Вся ваша жизнь... и это ваш окончательный вывод из всех ваших учений, упражнений, писаний: не держите кошку в доме!”».

Один из стариков сказал: «Я знаю, в чем дело. Это послание было дано ему и его учителем, потому что его учитель имел неприятности из-за кошки». Старый учитель жил вне деревни. У него было только два... это очень трудно перевести, потому что ничего подобного на Западе не существует. У вас есть нижнее белье, в Индии носят ланготы - просто полоски ткани. Надевать их легко. Это просто длинная полоса ткани, которую вы оборачиваете вокруг себя, и она действует, как нижняя одежда или как единственная одежда. Для монахов это единственная одежда.

У него было только две этих единственных одежды — так я перевожу слово ланготы, - но проблема была в том, что там водились крысы, и они портили его единственную одежду. Он спросил кого-то из деревни: «Что делать с этими крысами? Они такие хитрые?»

Человек сказал: «Все очень просто. У себя в деревне мы держим кошек. Вам нужно завести

кошку! Я принесу ее вам. Она покончит со всеми этими крысами, и ваша единственная одежда будет спасена».

Старый учитель сказал: «Такое простое решение». Кошку принесли. Она действительно сделала свое дело, она покончила с крысами, но осталась проблема, которая заключалась в том, что кошка была голодна и требовала молока. Она постоянно сидела голодная перед монахом. Кошки, когда они голодные, выглядят очень несчастными. Она сделала свое дело и, не умея говорить, как бы говорила: «Я выполнила все твои задания, покончила со всеми крысами, но теперь я голодна».

Поэтому старый учитель снова спросил: «Что же делать теперь? Кошка сидит передо мною, смотрит на меня голодными глазами: “Дай мне еды, иначе я уйду, и тогда крысы снова вернуться”. Она не говорит всего этого, но я вижу по ее глазам, что она угрожает мне. Мне нужно немного молока».

Человек сказал: «Вам каждый день придется ходить за молоком, поэтому я дам вам мою корову. У меня много коров, я могу дать вам одну».

Он привел корову, но проблемы продолжали нарастать: теперь корове нужна была трава. Он снова пошел в город, и городские сказали: «Вы странный парень - проблемы за проблемами, проблемы за проблемами. Почему бы вам не начать выращивать что-нибудь рядом с вашей хижиной? Так много земли лежит невозделанной. Мы дадим вам семена; возьмите семена и начните выращивать что-нибудь. Это и вам поможет; вы будете есть что-нибудь, корова будет есть что-нибудь».

Поэтому он, бедняга, начал сеять какие-то семена. Но опять возникла огромная проблема: урожаем нужно собирать. А он ведь был монахом; ему не полагалось заниматься всякими такими делами. Но одно дело тянуло за собой другое. Он пошел в деревню и сказал: «Это трудно. Теперь вот нужно убирать урожай; у меня нет никаких инструментов, мне понадобятся помощники».

Люди сказали: «Послушайте, мы устали от вас. Вы совершенно никчемный человек; вы не можете найти решения ни одной проблемы. Что же, мы должны решать все за вас? Это просто: одна женщина у нас овдовела и она вполне способна позаботиться о вас, вашей корове, вашем урожае, вашей кухне, обо всем - о кошках, о крысах... Она вполне опытная женщина».

«Но, - сказал он, - я монах».

Ему сказали: «Забудьте все об этом монашестве. Какой же вы монах! У вас есть кошка, у вас есть корова, у вас есть поле, урожай - и вы думаете, что вы монах! Забудьте об этом. И в любом случае этот брак просто фиктивный; вам не нужно поддерживать с этой женщиной никаких отношений. Она бедная и испытывает затруднения, вы испытываете затруднения; вдвоем вам будет хорошо».

Человек сказал: «Это правильно. Если это законное дело, то в нем нет никакого вреда, ведь мой учитель никогда не говорил ничего против этого. Он сказал: “Не женитесь”, - но я и не собираюсь жениться; это только для показа, для деревни, поэтому ни у кого не возникнет возражений, что я живу с этой женщиной. Я могу сказать, что она моя жена, но я не обязан быть ее мужем на самом деле, и она не обязана быть моей женой на самом деле».

Он поговорил с этой женщиной. Женщина сказала: «Я не заинтересована в муже - одного было достаточно, - но я в затруднении, вы в затруднении; и хорошо, мы можем помочь друг другу».

Итак, они поженились. Теперь дела пошли дальше... Иногда он болел, и женщина массировала ему ноги. Медленно, медленно она начала нравиться ему. Мужчина - это в конце концов мужчина; женщина - в конце концов женщина. И женщине начал нравиться этот мужчина. Они оба чувствовали себя одинокими. Холодными зимними ночами они оба ждали, что кто-нибудь скажет: «Слишком холодно — почему бы нам не быть поближе?»

Наконец женщина сказала: «Здесь слишком холодно».

Монах сказал: «Да, здесь холодно».

Женщина сказала: «Похоже, что у тебя не хватает духу».

Он сказал: «Это верно. Подойди сюда - у меня не хватает духу. Я бедный монах, а ты опытная женщина: ты подойди сюда. Вместе будет теплее».

Конечно, было теплее! Так все его монашество пошло прахом. И когда он умирал, он сказал своим ученикам: «Не держите при себе никаких кошек».

И старик сказал главному ученику: «С тех пор это стало традицией, что каждый учитель говорит ученику: “Остерегайся кошек”». Остерегаться кошек очень трудно - так или иначе кошка приходит. Жизнь такая странная.

Но джайны и буддисты постарались избежать кошек, кошек всех видов: «Не оставайтесь в одном месте больше, чем на три дня. Не останавливайтесь ни в какой семье, потому что тепло, уют семьи, может привести вас в смятение. Всегда останавливайтесь в храме, в котором всегда холодно, никогда нет тепла. Джайнским монахам не разрешается жечь дрова, разводить по ночам костры, как это позволено индусским монахам, поскольку любое переживание тепла опасно. И, кроме того, это насилие, ведь вы убиваете деревья, срубаєте деревья, жжете дерево; а вместе с деревом можно сжечь и каких-нибудь насекомых, каких-нибудь мух - все возможно. Поэтому у них не может быть костров, они не могут иметь в храме даже лампы.

Я иногда посещал джайнских монахов, потому что они приглашали меня, и я говорил: «Днем у меня совсем нет времени, я могу прийти только ночью». И ночью я понимал, что у них нет никаких ламп или свечей - никакого света. Я вынужден был сидеть и разговаривать с ними в темноте. Это такое странное чувство. Я сказал им: «Но ведь включить свет может кто-то другой; я могу включить его, вам ничего не придется делать».

Прежде всего они начинали отказываться, говоря мне: «Нет, это неправильно. Будет свет, а это запрещено».

Но я непрерывно вколачивал им эту идею: «Если вы не делаете этого, то нет никакого вреда». И один джайнский монах, глава большой секты, наконец согласился на основании того простого соображения, что днем я выступал и он выступал, но он не мог пользоваться микрофоном - электричество! Во времена Махавиры электричества действительно не было. Конечно, электричество Махавиры не запрещал, но он и не сказал, что им можно пользоваться.

И Махавира был достаточно умен. Он сказал: «Неупомянутые вещи использовать не полагается. Подлежат использованию только упомянутые вещи». Конечно, у него не было понятия и об электричестве, но он был достаточно умен, чтобы сказать: «Позднее появится много вещей, которые я не смогу запретить вам, поскольку я не знаю о них».

Я рассказал об этом монаху, но он сказал: «Махавира запретил это».

На моих выступлениях присутствовало по крайней мере двадцать тысяч человек, и каждый мог слышать меня. Люди аплодировали, смеялись и радовались. Но когда выступал он, кто мог слышать его? Не более двух-трех первых рядов. Двадцать тысяч человек просто зевали. Я сказал: «Ну вот посмотрите: вот что для вас сделал Махавира. Теперь позвольте мне». Я взял микрофон, положил его перед ним и сказал: «Просто говорите. Это не ваше дело, если перед вами кто-то положит что-нибудь, - кто вы такой, чтобы запрещать мне? Так начинайте!»

Он воспринял эту идею - он подумал, что это хорошая идея, - и дурак начал говорить. Я осудил его позднее, я сказал ему: «Вы попались в ловушку. Вы же видели, как я клал перед вами микрофон, вы знали, что он был, и вы знали, что вас могли слышать все. Вы не можете больше дурачить. Вы думаете, что можете одурачить Махавиру - всеведущего, всемогущего, вездесущего? Он же присутствовал там и наблюдал, как вы делали это. Вы пали».

Джайны полностью разрушили ашрамы и создали странствующих монахов. И из-за этих странствующих монахов... Это странное свойство человеческого ума, что на него такое сильное впечатление производит тот, кто занимается аскетизмом. Это садистская, мазохистская психология. Почему вы должны испытывать уважение к человеку, который мучит сам себя? Но странное дело, по всему миру мученики пользуются почетом. Если мученик страдает, постится по великому поводу, то вы уважаете его. Вы не будете уважать человека, который пирует по великому поводу.

Повод вас не касается, запомните, иначе вам следует уважать также и пиршество, ведь этот человек пирует по великому поводу. Повод вас не касается; повод - вот единственное объяснение. Вас интересует пост: человек способен управлять своим телом.

Махатма Ганди был некоронованным королем Индии по той простой причине, что он был способен мучить себя больше, чем других. По любой ничтожной причине он начинал поститься «до смерти». Каждый его пост был «до смерти», но через три, четыре дня пост прекращался, - были методы для прерывания поста, - и вскоре начинался пир; все было подстроено.

Людей можно обмануть очень легко... Он начинает поститься, а вся страна молится Богу, чтобы он не умер..Все великие лидеры кидаются к его ашраму и молят его остановиться, но он не слушает их, пока его условия не будут выполнены, любые условия — недемократические, диктаторские, идиотские -любые условия.

Например, он постился против доктора Амбедкара, который был главой неприкасаемых. Амбедкар хотел, чтобы неприкасаемые имели свои собственные конституционные институты и своих собственных кандидатов, иначе бы они не были представлены никогда ни в каком парламенте. Кто отдаст свой голос за сапожника? В Индии сапожник является неприкасаемым - кто же отдаст за него свой голос?

Амбедкар был абсолютно прав. Одна четвертая страны была неприкасаемой. Этим людям не допускали в школы, потому что никакие другие ученики не стали бы сидеть рядом с ними, ни один учитель не стал бы учить их. Правительство говорит, что школы открыты, но на самом деле ни один ученик не хочет... Если входит один неприкасаемый, тридцать учеников покидают класс, учитель покидает класс. Ну и как же представлять этих бедных людей — одну четвертую часть страны? Им должны быть предоставлены отдельные конституционные институты, в которых могли бы состоять только они, и только они могли бы голосовать.

Амбедкар был совершенно логичен и совершенно человечен. Но Ганди начал пост, сказав: «Он пытается создать разделение внутри индийского общества». А разделение это уже существует на протяжении десяти тысяч лет. Этот бедный Амбедкар не создавал никакого разделения, он просто говорил, что одна четвертая часть населения страны подвергается мучениям на протяжении тысячелетий. Дайте им хотя бы шанс для развития. Но Ганди сказал: «Пока я жив, я не позволю это го. Они - часть индийского общества, поэтому они не должны иметь отдельной избирательной системы», - и начал пост.

На протяжении двадцати одного дня колебался Амбедкар, но каждый день... давление целой страны. И он начал чувствовать, что если этот старик умрет, то начнется великое кровопролитие. Было ясно - сам он будет убит немедленно, и повсюду, по всей стране, будут убиты миллионы неприкасаемых: «Это из-за тебя умер Ганди». Когда всю эту арифметику, как все это сработает, объяснили ему - «Вы скоро поймете все это, потому что времени осталось немного, он не проживет и трех дней», - Амбедкар заколебался.

Он был совершенно прав; Ганди был совершенно не прав. Но что делать? Должен ли он был рисковать? Он не беспокоился о своей жизни, - если бы убили его одного, все было бы в порядке, - но его волновали те миллионы бедняков, которые ничего не знали о том, что происходит. Их дома были бы сожжены, их женщины были бы изнасилованы, их дети были бы зарезаны. И случилось бы что-то такое, чего не бывало раньше.

Наконец, он был вынужден принять условия. Он отправился к Махатме Ганди, неся в своих руках ему пищу: «Я принимаю ваши условия. Мы не будем просить отдельной избирательной системы и отдельных кандидатов. Пожалуйста, примите этот апельсиновый сок». И Ганди принял апельсиновый сок. Но этот апельсиновый сок, этот один стакан апельсинового сока содержал в себе кровь миллионов людей.

Я встретился с доктором Амбедкаром. Он был одним из самых разумных людей, которых я встречал когда-либо. Но я сказал: «Вы показали свою слабость».

Он сказал: «Вы не понимаете; ситуация была такова, что я знал, что прав, а он не прав, но что поделаешь с этим упрямым стариком? Он собирался умереть, и если бы он умер, ответственность за его смерть пала бы на меня и неприкасаемые пострадали бы».

Я сказал: «Смысл не в этом. Даже идиот мог бы предложить вам такую простую вещь. Вам следовало бы начать смертельный пост. Тем более у вас такой излишний вес!» Он был толстым человеком, раза в четыре или пять толще Ганди. «Если бы вы спросили меня... Простое решение: поставьте еще одну койку рядом с Махатмой Ганди, ложитесь на нее и поститесь до смерти. Пусть тогда посмотрят! Я обещаю вам, что через три дня Ганди примет ваши условия».

Амбедкар сказал: «А вот эта идея никогда не приходила мне на ум».

Я сказал: «Вы дурак, если эта идея не приходила вам на ум! С этой идеей тот человек контролировал целую страну, - а вам она ни разу не пришла на ум. Единственная трудность состояла в том, чтобы начать пост, - особенно для такого человека, как вы: толстого, питающегося по четыре раза в день. Естественно, что вы не могли справиться с этим. Ганди же практиковался в постах на протяжении всей своей жизни, он был опытным в этом деле, а вы не в состоянии пропустить ни одного завтрака».

Он сказал: «Это верно».

Я сказал: «Если бы это касалось меня и он был бы так же нелогичен, то я лег бы, и пусть я умру, ответственность падет на него. Он не допустил бы этого, потому что моя смерть смела бы прочь все его махатмство, всю его ауру, все его лидерство над людьми. Он не позволил бы мне умереть; он принял бы мои условия».

«Но, к сожалению, я не являюсь неприкасаемым, и в любом случае почему я должен волноваться по поводу вас, двоих идиотов? По мне вы оба идиоты. Вы имеете в своих руках четвертую часть страны и не можете ничего; а этот человек не имеет в своих руках ничего, - но лишь постысь... Он выучил женский трюк. Да, я всю его философию называю женской».

Именно это каждый день делают женщины. Ганди выучился этому, должно быть, от своей жены. В Индии женщины делают это каждый день. Жена будет поститься, не будет ничего есть, она будет лежать. И тогда муж начинает трястись. Может быть, он и прав, но это не имеет значения.

Теперь не имеет значения, прав он или нет; теперь имеет значение убедить ее кушать. Ведь она не ест, дети не едят - и кто, в конце концов, будет готовить? Ему что же, тоже поститься? А дети плачут, они хотят кушать, а жена вот постится, - поэтому вы соглашаетесь на ее условия. Ей нужно новое сари, вы приносите его ей. Сначала вы приносите сари, потом она отправляется на кухню. Это старая индийская стратегия всех женщин в Индии. Ганди выучился этому, наверное, от своей жены и пользовался этим по-настоящему очень умно.

Но человеческий ум обладает одной странностью, которая подчеркивается всяким, кто способен мучить себя.

По какой-то странной причине... Я знаю, в чем состоит эта причина. Причина - ваш собственный страх, - вы не можете делать этого. Вы идете в цирк посмотреть на человека, прыгающего с высоты двадцати метров, обливающего себя спиртом, поджигającego этот спирт. Горящий, он прыгает с высоты в двадцать метров; он падает в маленький бассейн с водой, и вы следите за ним с остановившимся дыханием. В этот момент не дышит никто.

Я наблюдал это, - люди следили за бедным циркачом; я следил за людьми, - мигал ли кто-нибудь, дышал ли кто-нибудь? Нет, никто не мигнул и глазом, все забыли обо всем. Даже бессознательный процесс, идущий автоматически, - вам не нужно мигать, глаз мигает сам; вам не нужно дышать, грудь дышит сама. Но даже автоматические процессы мигания и дыхания попросту останавливаются, вы в благоговейном страхе. Но в этом ничего нет! Все эти двадцать метров рассчитаны. Этот человек постоянно упражняется: рассчитано, что за время этого падения с высоты двадцати метров он не сторит. И ведь это не керосин, это не бензин, это же

чистый спирт. После падения в воду, через секунды огонь исчезает, и человек поднимается наверх. И вот он герой только потому, что вы не можете сделать то же самое. Нужна всего лишь небольшая практика и расчет, сколько времени нужно, чтобы спирт сжег вас: предел времени должен быть меньше этого расчета. И вы должны быть в состоянии прыгнуть.

Я, бывало, любил нырять в реку с пригорков, с железнодорожного моста, ведь железнодорожный мост, пересекающий нашу реку, был самым высоким местом, с которого можно было прыгать. Я работал медленно, начиная с маленьких пригорков и переходя ко все более и более высоким, пока наконец не начал прыгать с моста. Мост постоянно охранялся военными, потому что было это во времена Британской империи, и какие-нибудь революционеры могли взорвать мост. Они хватили меня, а я говорил: «Я не собираюсь взрывать мост. Вы только посмотрите - у меня ничего нет. Вам не о чем беспокоиться. Я хочу, чтобы этот мост стоял здесь, и я очень счастлив оттого, что вы охраняете его, потому что он мне нужен каждый день».

Иногда они спрашивали: «Для чего он тебе нужен?»

Я говорил: «Вы только посмотрите», - и прыгал! А они стояли тут же в благоговейном страхе. Когда они знали, что этот мальчик пришел просто прыгать, они не беспокоились. Я сказал революционерам из моего города: «Если в какой-то момент времени вам понадобится... Я лучший человек, потому что стража теперь на меня уже и не смотрит». Они сказали: «Этот мальчик просто сумасшедший. Однажды он убьется. Но кажется, что он все больше и больше привыкает к этим прыжкам. Умереть ему будет трудно; этот мост очень маленький. Ему нужен мост по крайней мере в четыре раза выше - может быть тогда».

Я сказал революционерам, которых знал, - они обычно посещали наш дом; мой дядя участвовал в их заговоре, - я сказал: «В любой момент, когда вам потребуется взорвать мост, я буду лучшим человеком. Никто не заподозрит меня, никто не помешает мне. Я могу взять туда вашу бомбу, оставить ее там, где вы хотите, и потом прыгнуть в реку и уплыть по течению. Тогда вы можете делать то, что хотите».

Они сказали: «Ты ненадежный. Ты можешь пойти и отдать бомбу охране; ты покажешь им, где мы спрячемся, и ты точно прыгнешь и уплывешь по течению». Они не давали мне никаких бомб. Я же снова и снова просил их. Они говорили: «Мы не верим тебе. Мы знаем, что ты лучший человек для того, чтобы добраться до моста, потому что никто другой не может сделать этого; мост постоянно охраняется».

Один стражник постоянно ходил вверх и вниз, а с обеих сторон моста стояли домики для охраны. Это был очень важный мост; по нему проходили все главные поезда. Если взорвать его, то одна часть страны будет отрезана от другой. Но они никогда так и не доверились мне.

Я говорил: «Вы можете положиться на меня, даже эти стражники доверяют мне».

Они говорили: «Страшно. Они доверяют тебе, мы доверяем тебе, — а что ты будешь делать на самом деле, знаешь только ты». Для любого аскетизма нужна лишь небольшая практика. Поститься - это очень просто, - трудно только первые пять дней. Я сам постился. Первые пять дней самые трудные, хуже всех пятый день; вы почти готовы прекратить весь этот пост. Но если пройти пятый день, то самое опасное пройдено, пройден самый уязвимый период. Начиная с шестого дня, ваше тело действует в новом режиме. Оно начинает поедать само себя. С шестого

дня все становится гораздо проще. На пятнадцатый день еда вас абсолютно не беспокоит; вы не испытываете никакого голода. Тело поглощает свой собственный жир, поэтому и не возникает чувства голода.

Здоровый человек может поститься, не умирая, на протяжении девяноста дней. Конечно, он превратится в скелет, но на протяжении девяноста дней он может оставаться живым, потому что совершенно здоровое тело накапливает жир на случай всяких чрезвычайных ситуаций. Это чрезвычайное положение, и тело имеет систему для преодоления чрезвычайностей. Если пища не поступает извне, тело начинает питаться изнутри. Вот почему вы с каждым днем будете терять в весе.

Вначале вы будете терять по килограмму в день. Потом тело поймет, что чрезвычайная ситуация продлится, возможно, долго: тогда вы будете терять по полкилограмма в день. Странно, но у тела есть своя собственная мудрость. Потом вы будете терять по четверти килограмма в день, потом по одной восьмой, потому что тело будет стараться сохранить столько, сколько возможно, прожить еще столько, сколько возможно; поддержать в вас жизнь настолько долго, насколько это в руках человеческих.

Так что это никакое не чудо, но на людей это производит впечатление, потому что глубоко внутри они чувствуют: «Мы не можем так». Если кто-то наслаждается пиром, то у вас такого же чувства не появится, потому что вы тоже можете наслаждаться пиром. Вас просто не пригласили, вот почему вы чувствуете гнев, - против того человека, который наслаждается, - он ведь просто обжора; он верит лишь в философию еды, питья и веселья; он бездуховный человек. Это зависть, гнев на то, что вас не пригласили. Вы бы тоже могли наслаждаться пиром, но постом? Вы никогда и не пытались.

И в начале поста никакой радости нет. Пять дней кажутся пятью месяцами. Кажется, что часы остановились и голод все время нарастает. Он ранит в живот; кишки чувствуют, что они как будто сжимаются. Все ваше тело в беспокойстве, потому что оно не получает своего дневного рациона. Все части тела оказываются в странной ситуации; они не могут выразить, что происходит, почему прекратился этот рацион. Вы не проинформировали их; вы и не могли, потому что не знаете их языка; они не знают вашего языка.

В теле хаос, - но только на пять дней. После пятого дня тело автоматически переключает себя на систему чрезвычайных ситуаций; тогда проблемы исчезают. И все эти махатмы выучились только этому: стратегии пяти дней. Раз вы выучили эту стратегию, протянуть эти пять дней не так уж сложно.

Джайнские и буддийские монахи произвели такое большое впечатление на весь Восток, что индусский ашрам, который был по-настоящему красивым местом, был осужден. Эти мудрецы, эти провидцы были осуждены людьми: «Они такие же материалисты, как и мы. Настоящие махатмы и мудрецы - это джайны и буддисты. Этим людей нельзя и сравнивать с ними». Естественно, индуизм должен был изменить всю свою структуру.

Это мир конкуренции: чтобы остаться существовать, индуизм изменил весь стиль ашрама. Ашрам стал аскетичным, но старое имя сохранилось, имя изменить забыли. Место это перестало быть ашрамом, потому что там нет расслабления, нет отдыха, нет радости, нет блаженства.

Отправляйтесь в сегодняшний ашрам, и вы найдете там людей, которые мучат самих себя, психически больных, мазохистов, самоубийц, - но и эгоистов, потому что все эти мучения приносят им только одно: великое уважение людей. Вся страна питает к ним потрясающее уважение за то, что они делают. Но красота ашрама исчезла.

Монастырь Запада эквивалентен современному индусскому ашраму, ведь в то время, когда существовали настоящие индусские ашрамы, Запад был еще абсолютно варварским: у него не было религии, не было культуры, не было цивилизации. Ваш величайший человек родился всего лишь две тысячи лет назад. В Индии трудно понять, когда это случилось, потому что Махавира, родившийся двадцать пять веков назад, был последним и величайшим джайнским тиртханкарой, двадцать четвертым. До него прошло двадцать три тиртханкары; и на это ушло по крайней мере десять тысяч лет, если на одного тиртханкару ушло лишь двадцать пять столетий. Найдены останки городов в Моханджодро и в Харрапуре, где обнаружены статуи джайнов.

Джайнская статуя может быть опознана немедленно, обнаженная статуя, потому что джайны - это единственные люди... Римляне тоже делали обнаженные статуи, но их статуи чувственные, сексуальные, провоцирующие. Это картинки из журналов для плейбоев в мраморе. Можно видеть только то, что эта статуя чувственная, сексуальная: все римские статуи такие. Статуя джайнского тиртханкары обнажена, но и не обнажена. Да, на ней нет одежды, но она не дает вам никакой идеи, никакой даже смутной идеи сексуальности, чувственности. Нет, как раз наоборот.

Вся структура джайнской статуи нечувствительна, несексуальна. Глаза закрыты, руки висят свободно по обе стороны тела. Тело стоит. В ушах птицы свили маленькие гнезда, потому что не меняя позы этот человек простоял шесть месяцев, он не шевелил своей головой. И он не собирался пугать людей и птиц словами: «Что же вы делаете? Вы вьете свое гнездо в моем ухе». Ползучие растения начали подниматься по его телу. Здесь есть своя красота. Ползучие растения, зеленые ползучие растения достигли его шеи и его головы. Они расцвели, настало их время.

Эта статуя совсем не римского стиля. Она не имеет параллелей в мире. Статуя этого типа была найдена в Моханджодро, и строгими научными методами было найдено, что она существовала по крайней мере за семь тысяч лет до рождения Иисуса Христа. Так что от сегодняшнего дня объявить десять тысяч лет будет не слишком.

Монастырь на Западе - это копия ашрама, КОТОРЫЙ существует на Востоке сейчас. Он был перенесен на Запад западными путешественниками, западными философами. Сам Иисус отправился в буддийские университеты, тибетские училища ламаизма, ладакхские монастыри; Пифагор много путешествовал по Востоку - и эти люди принесли все эти идеи на Запад. Монастырь на Западе - это не что иное, как копия восточного ашрама. Он не внес ничего уникального.

Моя коммуна - совершенно иное явление. Она и не ашрам, современный или древний, и не монастырь, христианский или мусульманский.

Моя коммуна, прежде всего, не является аскетической. Она главным образом пытается уничтожить в вас все психологические болезни, - в которые включаются и идеи садомазохизма. Она учит вас быть здоровыми и не испытывать чувства вины за то, что вы здоровы. Она учит вас быть человечными, потому что мое переживание состоит в том, что люди, которые пытались

стать божественными, не стали божествами, а пали даже много ниже человечности. Они пытались выйти за пределы человечности - да, они и вышли за пределы человечности, но оказались ниже ее.

В монастырях люди становятся почти животными, потому что, чем больше вы мучите себя, тем больше вы теряете свой разум; разум нуждается в комфорте.

Разум - очень нежный цветок.

Не пытайтесь выращивать розы в пустыне. Разум — очень нежный цветок.

Он растет в роскоши. Ему нужна роскошная почва, плодородная, созидательная, полная соков; только тогда он расцветает.

А без разума, кто вы?

Мое усилие заключается прежде всего в том, чтобы помочь вашему разуму стать пламенем, помочь этому пламени поглотить все, что не является подлинно вашим. Вы становитесь огнем и сжигаете все, что было хламом, заброшенным в вас другими.

Поэтому, во-первых, разумность, во-вторых, медитация.

Медитация исходит из разумности - она выжигает весь мусор из вашего существа. Тогда вы становитесь чистыми, уединенными, именно такими, какими хочет вас существование.

Коммуна - это просто то место, где живут рядом друг с другом те люди, которые заинтересованы в таком путешествии, в такой одиссее внутрь себя, - и помогают друг другу стать собой, дают друг другу достаточно пространства, не вмешиваются в жизнь друг друга, не навязывают ничего. Если люди могут поддержать вас, хорошо: если поддержка становится препятствием, тогда они не будут поддерживать вас, они отойдут сами. Они уважают вашу целостность, вашу индивидуальность, вашу свободу.

Я выбрал слово коммуна, потому что это духовная общность.

Общность религиозного духа.

Это не еще одно общество, это не монастырь, не ашрам. Это индивидуальности, остающиеся индивидуальностями, будучи все же рядом друг с другом; остающиеся уединенными и все же общающиеся друг с другом, откликающиеся друг на друга; дающие и другому быть уединенным.

Для меня уединенность - величайшее религиозное качество.

Поэтому мы все вместе, но никоим образом не закрепощены, мы очень свободны.

Никакие связи не запрещены в моей коммуне.

Никакая связь не является, на самом деле, связью, это просто отношение, процесс. Когда она проходит, хорошо, и когда пути отклоняются, изменяют свой курс, это тоже очень хорошо, потому что именно так, по-видимому, и растет ваше существо. Никто не знает.

Мы можем пройти вместе несколько шагов, несколько миль, а потом расстаться с благодарностью - так радостно было вместе.

Так давайте отпразднуем расставание.

Вы помогли мне, я помогал вам.

Так поможем теперь друг другу двигаться в направлениях, которые хотят принять наши существа.

Коммуна - совершенно новое явление.

Она не имеет ничего общего с тем, что предшествовало ей. Старинные, древние ашрамы были прекрасны, но они были частью общества. Они лишь размножали ту же структуру, которой обладало и общество: систему четырех каст. Неприкасаемый оставался неприкасаемым. Неприкасаемый не мог войти в древний индусский ашрам. Провидцами могли быть только брамины. Странно, что только у брамина могли быть глаза. Такова была стратегия браминов, чтобы оставаться у власти, и они были у власти. Они были добрыми людьми, хотя и не революционерами... хорошими, но не мятежными.

Бунтарь - это и то и другое.

Он и меч, и песня. Все зависит от ситуации. Он может стать песней, он может стать мечом.

Это коммуна бунтарей.

Мы не поддерживаем никакого общества, никакой политики, никакой нации, никакой расы, никакой религии. Мы оставили все это далеко позади.

Мы пришли уединенными, чтобы быть вместе с теми, кто пришел по той же самой причине - быть уединенным.

Поэтому помните: уединенность - это нечто священное.

Вы не должны вмешиваться ни в чью уединенность, свободу, индивидуальность.

Любите, общайтесь, будьте вместе, радуйтесь, но всегда помните о своей уединенности.

Вы родились уединенными, вы умрете уединенно, вы должны жить уединенно.

И все те, кто здесь, все они уединенные индивидуальности. Они не следуют никакой доктрине, никакой догме; они просто следуют своему внутреннему голосу. Постарайтесь услышать его и следуйте за ним.

Да, это очень тихий голос, но, однажды услышав его, вы не сможете делать ничего другого, кроме того, что он скажет вам.

Беседа 6

БЕСПОКОЙСТВО: КТО ЕСТЬ ВЫ? СТРАДАНИЕ: КТО ЕСТЬ Я?

4 января 1985 года

Бхагаван,

Что такое страдание? Может быть, это всего лишь другое название беспокойства?

В страдании есть что-то похожее на беспокойство, тревогу, но оно не беспокойство как таковое. Что-то намного большее, намного более глубокое.

Беспокойство означает вашу озабоченность практическими вещами, вы пребываете в нерешительности. Вы не можете решить, заниматься ли этим делом или нет. Как правильно поступить? Что выбрать? Ведь есть столько путей. Вы всегда находитесь на перекрестке. Все дороги так похожи одна на другую; несомненно куда-то ведут, но приведут ли к той цели, что нужно...

Беспокойство - это условие того, чтобы делать или не делать, выбрать то или это. Но объект беспокойства всегда ясен: вы в нерешительности насчет путей, не можете выбрать между двумя людьми, между двумя работами.

Страдание не имеет объекта как такового.

Страдают только исключительные люди. Беспокойство ощущают все, это всеобщее ощущение. Страдают люди гениальные, находящиеся на вершине интеллектуального развития. У страдания нет осязаемого объекта; нет того, из чего бы вы могли выбрать, нет ни «того», ни «этого». Даже не встает вопрос о выборе. Так в чем же суть страдания?

Вы должны будете понять простую вещь. В мире есть существа - животные, птицы, люди... беспокойство проявляется у всех... у деревьев, у животных, у птиц, у людей. С тех пор как появилось беспокойство, оно принадлежит всем.

Но страдание могут ощущать только немногие исключительные люди. Это самые сливки, люди наивысшего сознания.

Я попытаюсь объяснить вам это. Понять это сложно, но не невозможно. Рождается скала, рождается дерево, рождается лев, рождается орел, но все они отличаются от человека. Отличие состоит в том, что их бытие предшествует их существованию.

Например, вот скала; она живая, она растет. Гималаи и сейчас продолжают расти - по тридцать сантиметров в год. Надо бы сказать им: «Теперь это уже не имеет значения, вы и так уже достаточно высоки. Не стоит предпринимать таких усилий». А ведь усилия, наверное, большие: тысячи миль, тысячи вершин, должно быть, это очень тяжелая работа. Даже для Гималаев расти на тридцать сантиметров в год это не такая уж маленькая работа. «Сейчас в этом уже нет надобности. До каких же пор вы собираетесь расти, вас будут называть всего лишь самыми высокими горами в мире. Вы перегнали уже все горные массивы в мире, вы оставили их далеко позади».

Но Гималаи все продолжают расти, они живое существо. Горы не понимают. Человек не

понимает, что говорить о горах!

Скала, дерево, лев, орел - их сущность предшествует их существованию. Они уже запрограммированы на то, что они будут из себя представлять в будущем. Это их сущность. Роза становится розой. Еще до появления цветов, вы уже знаете, что это будут не маргаритки. Это розовый куст; сущность розы уже присутствует - только само существование должно настать. Основная программа уже заложена природой, осталось только ее выполнить.

Было бы хорошо здесь привести некоторое открытие, сделанное в Советском Союзе. Всего лишь фотограф-любитель, но невероятно творческий человек, используя фотоаппарат, фотостудию, химические препараты и фотографии, пытался придумать нечто новое в фотографировании. И по случайности ему довелось сделать величайшее открытие в истории человечества: фотографию Кирлиана.

Он фотографирует бутон розы. Он так усовершенствовал свою аппаратуру, что, помещая фотоаппарат напротив бутона, может сфотографировать расцветание розы. Он улавливает сущность, которая еще не проявила себя, но все же каким-то образом проявляет, потому что камера засняла ее. Наш глаз не может уловить ее. И когда расцветает роза, странно, но получается Цветок, в точности похожий на сделанную фотографию.

Почему-то энергия розы, которая позднее становится заметной для глаз, движется по той же самой схеме, что и цветок. Это была энергия цветка, только чистые лучи света и цвета, но в точности в той же форме, подготавливая почву к проявлению. Его камера ловит эти лучи и показывает проект будущего цветка. Может быть, завтра или послезавтра это станет доступно для нашего зрения. Значит роза, до ее существования, уже присутствует в сущности. Отсюда высказывание: сущность предшествует существованию.

Во время второй мировой войны фотография Кирлиана очень пригодилась. Она несомненно во многом поможет медицине в будущем. К несчастью, ученые все еще подчиняются политической линии государства. Все, что происходит в Советском Союзе, держится в секрете; все, что происходит в Америке, держится в секрете. Это огромная потеря гения, энергии, времени, — а время летит быстро.

До того, как опустится занавес и драма окончится, было бы лучше, чтобы ученые всего мира сказали: «Мы принадлежим всему миру». А мы, наша коммуна, выдали бы им интернациональные паспорта, не принадлежащие ни одной нации. Но если у ученых есть хотя бы немного смелости, они могут открыть совершенно новое направление и добиться паспорта - ни российского, ни американского, ни британского, ни индийского -международного паспорта. Несомненно, многие будут пойманы и арестованы, но не стоит беспокоиться, - долго ли это будет продолжаться?

Если все ученые мира решатся, потом присоединятся все нобелевские лауреаты; затем все поэты, инженеры, вся интеллигенция мира... Как можно посадить такое количество людей за решетку? Что вы будете тогда делать? Что будут тогда делать ваши идиотские политики? Без таких людей они ничего не значат,

И Раджнишпурам должен стать штаб-квартирой. Мы готовы предоставить международные паспорта. Это создаст революцию. Не стоит волноваться за национальные границы. По крайней

мере, кто-то же должен начать. Пусть встретятся поэты всего мира, пусть встретятся ученые всего мира и направят свою энергию в одном направлении.

Сейчас фотография Кирлиана нигде больше не применяется, кроме Советского Союза. В Советском Союзе она творит чудеса. Она была открыта во время второй мировой войны, и Кирлиан был озадачен вопросом - если она применима к розовому цветку, как она будет работать на человеческих существах?

Руки человека были отрезаны, потому что он ранен на войне. Кирлиан снимает фотографию, и удивительно: фотография показывает слабую энергетику руки со всеми нетронутыми пятью пальцами, - а ведь рука отделена от тела. Она показывает энергию намного слабее, чем целое тело. Рука уже не существует, но энергия, привыкшая циркулировать в руке, продолжает свое движение. Невозможно увидеть это, но чувствительная камера улавливает.

Это наводит на мысль, что если энергия все еще движется, то должна быть возможность воссоздания руки, через которую энергия сможет продолжить движение; и это будет настоящая рука. Это будет не деревянная рука, не пластиковая рука, не рука из чего-нибудь еще, это будет самая настоящая рука... ведь что такое реальность руки? Почему она жива? Ею движет внутренняя энергия.

И когда вас парализует, что же происходит? Ваша рука не парализуется, это внутренняя энергия прекращает циркулировать. Есть рука, есть кости, есть кровь - все на месте. Чего же не хватает? Что же парализуется? Больше не движется энергия, она почему-то остановилась. Если бы мы могли заставить энергию опять двигаться...

Этим и занималось иглоукальвание в Китае более пяти тысяч лет, заставляя энергию снова двигаться. И иглоукальвание преуспело в таких вещах: парализованный человек вылечивался. То, что они делают, выглядит совершенно по-детски; для стороннего наблюдателя это не покажется великим делом. Они всего лишь вставляют иглы в определенные точки тела. Парализована рука, но они даже не прикасаются к ней. Они, может быть, вставят иглы куда-то в другое место, потому что они знают, какая часть отвечает за течение энергии в руке. Если игла снимет препятствие, энергия потечет снова: рука возродится, оживет.

Еще одно открытие фотографии Кирлиана заключается в том, что можно сфотографировать цветок до того, как он расцветет, когда он еще в бутоне... Кирлиан открыл, фотографируя здоровых людей, что некоторые части их тела выглядели не так, как остальные, и он предсказал приближение опасности.

Один из них сказал: «Нет проблем, я совершенно здоров». Но опасность пришла через шесть месяцев, в той самой точке. Энергия уже подготовила почву, возможно, росла раковая опухоль.

Фотография Кирлиана — сейчас это единственная возможность. Если можно предсказать раковую опухоль до ее появления, то можно избавиться от нее. Не будет надобности в хирургии; все, что нужно будет сделать, - это остановить процесс энергии, изменить процесс, изменить программу - и рак никогда не разовьется.

На Востоке в это многие верят, - и я это видел собственными глазами, так что для меня это не вопрос веры, я не верю в то, чего не видел собственными глазами, - еще до того, как человек

умирает, за шесть месяцев до этого, он перестает видеть кончик собственного носа. Его глаза просто не будут опускаться до этого уровня; он не может увидеть кончик своего носа. Не пройдет и шести месяцев, как он умрет. Это древнее открытие аюрведы, насчитывающее более десяти тысяч лет. Когда врачи аюрведы приходят осматривать тяжелых пациентов, первое, что они хотят знать: «Пожалуйста, можете ли вы увидеть кончик своего носа?»

Сегодня любой доктор-аллопат, увидя это, подумает, что это глупо: «Какая связь между наблюдением кончика носа и смертью? Человек умирает, а вы шутите, насмехаетесь? Что же вы делаете?» Доктор не знает об этом странном свойстве: глаза постепенно прекращают двигаться вниз. Когда человек умирает, они постепенно смещаются вверх. Если вы когда-нибудь увидите мертвого человека, то увидите, что его глаза полностью вывернуты; вы увидите только белки глаз. Вот почему во всех традициях, по всему миру, мертвому человеку немедленно закрывают глаза, — потому что это может напугать многих людей, увидевших глаза. Видны только белки; зрачки повернуты назад.

Должно быть, именно такой случай десять тысяч лет назад навел на мысль о том, что, если глаза, в конце концов, умирая, полностью выворачиваются, они, должно быть, начинают это движение незадолго до этого, — потому что жизнь — это всегда процесс; ничего не происходит неожиданно. Нет ничего похожего на неожиданность в жизни. Так что, постоянно наблюдая, люди открыли, что за шесть месяцев глаза начинают становиться все менее и менее подвижными, более и более закостеневают; более и более поворачиваются вверх, менее и менее поворачиваются вниз. И если человек не может увидеть кончик своего носа, врач советует семье: «Не тратьте зря времени. Подготовьте его к смерти. Помогите ему умереть в мире, тихо, спокойно, с благодарностью».

Только на Востоке стало возможным подготовить человека даже для смерти. Люди не готовы и для жизни. Они узнают, какими они были в жизни, когда умирают или готовятся к смерти. Тогда неожиданно к ним приходит мысль: «Боже мой! Что происходит? Я был жив, а теперь меня больше нет. Эти восемьдесят лет, эти девяносто лет прошли, и я не сделал ничего, нет ничего, от чего бы я чувствовал удовлетворение. Ни про один момент я не могу сказать: «Я благословен».

Все, за исключением человека, все — каждая птица, каждое животное - в своем существовании идет по этому пути: сначала сущность, затем проявление. Они запрограммированы природой; вся их жизнь не эволюция, не развитие, но лишь раскрытие написанной книги. Все, что им нужно для существования, уже заложено в их основной программе, они не могут отступить от нее ни на дюйм. Не в их власти решать, быть розой или маргариткой. Значит и нет беспокойства на этот счет. Они никогда не спрашивали о том, чтобы решать о своей сущности. Они никогда не стояли на перепутье, они всегда шли одним путем. Им не нужно выбирать своего «бытия»

Буйволы, лошади, ослы, слоны - они не ощущают беспокойства в пределах своей программы. Да, они чувствуют ярость, если вы их разозлите. Они могут быть разрушительными и жестокими, если вы с ними плохо обращаетесь. У всех у них есть определенные условия. Если вы просто постараетесь держаться подальше от их территорий... Например, каждый слон имеет свою территорию. Если вы вторгнетесь в его владения, вы подвергнетесь опасности. Если вы будете держаться подальше от его территории, а этой территории вы не знаете, - но ее знает слон... как только вы вторгнетесь в его владения, вы в опасности, вы посягнули на его владения.

Они могут чувствовать злость. Они могут чувствовать превосходство, унижение. Просто подойдите к дереву, на котором расположилось множество мартышек, и вы будете удивлены: вожак сидит на самой высокой ветке, а на нижних ветках расположились слуги. У вожака самые красивые самки. Он может быть уже старым, он может быть больше неспособен к воспроизводству, но вожак всегда остается вожаком.

Молодое поколение, иногда, убивает старую обезьяну по той простой причине, что он не дает им возможности добраться до самок, и пока он жив, он не даст никому приблизиться к ним. У него гарем; способен ли он производить потомство или нет -это его не волнует. Его королевство, его главенство зависит от того, сколько у него самок.

Именно мартышки навели Зигмунда Фрейда на мысль, что иногда молодое поколение должно убивать некоторых стариков, которые забрали себе всех красивых дам. Молодые люди конечно злятся: «Ему пора умереть!» А он все не умирает и не позволяет им...

Идея Зигмунда Фрейда о Боге основывается на том, что молодые люди убили отца, и вот они чувствуют вину... Он был их отцом, их главарем, а они убили его из-за женщин. Сейчас существует два вывода - Зигмунд Фрейд описал только один вывод... Я удивлен, как он пропустил второй, который больше подходил его натуре, но даже гении ошибаются.

Зигмунд Фрейд сделал один вывод: так как они убили отца, они испытывают чувство вины, и для того чтобы компенсировать эту вину, - просто чтобы освободиться от нее, - они стали поклоняться останкам отца, может быть, его костям, его мертвому телу, которое они сожгли. Они сделали маленький мемориал и начали поклоняться, иначе его дух может отомстить, его привидение может отомстить. И они знали, что он был строгим человеком, очень завистливым, и так глупо получилось с его женщинами... Его привидение может доставить неприятности. Так что принеси что-нибудь в жертву, поклоняйся ему, проси его о прощении и признайся в своем грехе. Зигмунд Фрейд вывел все христианство, фактически всю религию, из той идеи, что Бог-отец является на самом деле отцом-Богом.

Сначала был убит отец и только в утешение его духа они сделали его Богом-отцом. Они сказали: «Ты все еще над нами главный; даже здесь ты выше нас, мы твои слуги, твои почитатели. И прости нас, мы были глупы, но все молодые люди глупы. Ты хозяин, ты все знаешь; мы надеемся, что ты простишь нас». Таким образом началась религия — вот вывод Фрейда. Нет исторических фактов, подтверждающих это, но возможно, что он прав.

Второй вывод - я всегда удивляюсь, как он пропустил его - тот, что они убили отца из-за молодых женщин. Второй вывод так прост: для того чтобы утешить отца, все религии настроены против женщин. Ведь это из-за женщин они убили отца! Связь настолько ясна, а Зигмунд Фрейд полностью пропустил ее. Даже слепой не пропустил бы. Это настолько ясно, что они убили не по какой другой причине кроме той, чтобы быть поближе к молодым женщинам, которых грязная старая мартышка держит в своей свите. Но все произошло из-за женщин...

Так что, конечно, религия имеет две стороны: первая -поклонение, молитва, хвала Богу; вторая - осуждение женщины. Когда я впервые читал Фрейда, я просмотрел все его работы в поисках второго вывода, - который более на него похож, - но я его не нашел. Первый представляет из себя общеизвестную философскую идею, но второй более подходит к концепции Фрейда. Но теперь Фрейд нет в живых, так что все, что мы можем, - это добавить.

Я делаю ударение на том факте, что так как убийство было совершено из-за женщин, то все религии выступают против женщин. Если бы не из-за женщин, они не стали бы убивать отца. История Адама и Евы рассказывает то же самое: ведь из-за женщины произошло падение человечества.

Религии никогда не смогут простить женщине.

Они осуждают ее много веков.

Фрейд четко видел две вещи: люди, верующие в Бога и поклоняющиеся Богу, не верят в женщину и думают, что она посланница змея, дьявола, что она изначальная причина падения, и осуждают ее за это.

Аналогичную иерархию, что и у мартышек, можно увидеть у всех животных. Но все это запрограммировано, здесь нет места вопросу о беспокойстве. Вы когда-нибудь видели двух собак, рычащих друг на друга, пытающихся схватиться, но до того, как начать драться, они мирятся? Их драка не доходит до логического завершения. Так что же означает все это рычание, прыганье, показывание зубов и все остальное? Это просто они хотят показать друг другу: «Посмотри, какой я сильный». Они очень умный народ. Зачем же драться? Они показывают друг другу силу и решают, кто из них сильнее.

Как только решится, кто из них сильнее, они приходят к соглашению: тот, кто понял, что он слабее, поворачивается и уходит с поджатым хвостом. Это означает «ты сильнее», - но в этом совсем нет трусости; только простой факт - «Что же я могу с этим поделать? Я слабее, ты сильнее; ты рычишь громче, ты прыгаешь выше, ты выглядишь больше: так зачем же драться? Зачем напрасно проливать кровь?» Он просто дает сигнал, опускает свой хвост между ног, и сразу противник больше не является врагом. Борьба окончена, так и не начавшись.

Наблюдая собак... ведь с самого своего детства я ко всему проявлял любопытство, а в Индии так много собак. Муниципальные комитеты не могут убивать их, потому что это будет насилие и немедленно возникнут неприятности со стороны жителей: «Вы убиваете собак», поэтому их численность начала расти. Просто с ростом населения растет и численность собак. Сидя напротив моего дома зимой, я привык смотреть на собак, и это было очень поучительно. Снова и снова я видел это, я видел необыкновенную разумность собак. Они намного разумнее человека.

Даже если вы понимаете, что вы слабее, чем соперник, вы все равно продолжаете драться, потому что вы не можете принять, что вы слабее. Вы попытаетесь; может быть, вам повезет... по крайней мере, никто не скажет, что вы даже не пытались. Вы будете пытаться, и вас побьют. Это абсолютно бесполезно; с вашей стороны и со стороны соперника все это абсолютно глупо. Но вы не запрограммированы, в этом и проблема.

Вы не можете решить наверняка. Соперник может выгля-деть больше, и тогда все решается наверняка, но человек поменьше может быть хитрее, может быть умнее, более ловким, может знать айкидо, дзю-до, джиу-джицу и Бог еще знает что. Сильный человек может этого и не знать, быть тяжеловесом, но не чемпионом, и маленький человек может победить его.

Мы не запрограммированы. Собаки запрограммированы, и они могут легко прочитать

программу друг у друга. Они показывают знаки, заложенные в программу: «Вот то, что я могу. Вот, посмотри мои зубы. Вот как я рычу, вот как я прыгаю, а вот так я делаю выпад. А ты покажи себя». Они оба кладут свои карты на стол. И когда видно, что у одного из соперников хорошие карты, в чем же смысл спора?.. Спор окончен. Но человек не идет этой дорогой; в этом и состоит отличие между человеком и всем существованием.

В человеке существование предшествует сущности.

Сначала он рождается, а затем лишь начинает открывать, кем он может быть. В этом и состоит страдание.

У него нет ни программы, ни определенного руководства к действию, данного ему от природы, ни карты следования. Он оставлен, как чистое существование. Он должен работать над всем самостоятельно. Жизнь представляет из себя моменты вызова, так что каждую секунду приходится выбирать. Что бы он ни выбрал, возникает беспокойство, - но это беспокойство конкретное.

Страдание является основой человеческого существа. Он страдает от рождения до смерти, потому что ему не дано познать собственную судьбу, познать, где он остановится. Несомненно, только некоторые люди испытывают страдание, потому что только некоторые осознают себя, свое существование, где они живут, кем они становятся, что произойдет. Они так же реагируют на мелочи.

Так что все человеческие существа переживают беспокойство.

Мелочи создают беспокойство.

На данной работе можно получать хорошую зарплату, но она не престижна. На другой работе, достаточно респектабельной, зарплата меньше в той же пропорции. Вот и появилось беспокойство - что же делать? Вы бы предпочли оба варианта -и престиж, и хорошую зарплату, - но вы не можете получить их вместе.

Общество строится на основе насущных интересов.

И они умны.

Быть профессором университета престижно, но зарплата не велика. Вы можете зарабатывать больше, будучи сутенером, чем будучи профессором. Но сутенер - это в конце концов сутенер. Вы не можете совмещать так, чтобы быть профессором-сутенером. Но, на самом деле, лингвистически это будет правильно, ведь это ваша профессия. Вы можете сами себя называть профессор-сутенер! Есть такие люди, которые называют себя профессорами, особенно маги, которые не делают ничего похожего на профессоров в университетах. Маги называют себя профессорами; они подразумевают под профессором профессионального мага.

В Индии есть один великий, всемирно известный маг, профессор Саркар, проживающий в Бенгалии, может быть, самый известный в мире. Я спросил его: «У меня нет вопросов по поводу вашей магии, но у меня вопрос о вашем профессорстве. Что означает «профессор»? Где вы преподаете, в каком университете? Я никогда не слышал об университете, специально

посвященном магии, или о колледже, специально посвященном магии. Я даже никогда не слышал о факультете магии в университете - так где же вы преподаете?»

Он сказал: «Это никакого отношения к преподаванию не имеет, просто традиционно маги используют эту степень. Такова наша профессия, и “профессор” означает профессионал».

Я сказал: «Что ж, великолепная идея. В таком случае все могут назвать себя профессорами, какая бы профессия ни была, все равно профессор». Но одно я могу сказать с точностью: работая сутенером, вы будете получать намного больше, чем работая профессором. Несомненно, в качестве профессора вы будете уважаемы, но останетесь бедными, принадлежащими среднему классу. Вот вам и выбор.

А как только появляется выбор, тут же появляется беспокойство.

Так что каждый, в каждый момент, на каждом шагу своей жизни сталкивается с беспокойством. Беспокойство - всеобщее и каждодневное событие.

Страдание лежит намного глубже.

Оба слова имеют один и тот же корень, отсюда и вопрос (в английском языке anguish - страдание, anxiety - беспокойство). В страдании есть некоторая доля беспокойства, потому что вы волнуетесь, вы обеспокоены. Но ваше огорчение ничего не имеет общего с работой, с вещами, с чем-нибудь конкретным; нет, это в основном неопределенное чувство: «Кто я такой?»

Гурджиев довел вопрос до логического завершения. Мне Гурджиев нравится, несмотря на то, что я с ним не во всем согласен. Он обладает внутренним взглядом на вещи, но он жертва особой логической болезни; доведения всего до логического конца. Несчастье в том, что, что бы ни доводить до логического конца, все равно придешь к неправильному решению. Если будешь искать с одной стороны, придешь к неверному выводу, если обратишься к противоположной стороне, то все равно придешь к неправильному выводу.

Точные выводы всегда неправильны.

Не принимайте точных выводов.

Намного вероятнее вы найдете правду где-то посередине, между двумя противоположными выводами.

Гурджиев довел идею о страдании до крайности: он сказал, что у человека нет души. Очень простой вывод. Если существование приходит первым, а сущность должна быть найдена позднее, значит человек просто рождается без души. Душа и есть твое существо, твоя сущность. Так что человек рождается пустым ящиком, ничего в себе не содержащим. И действительно ощущается страдание, ведь вы пусты: в вас ничего нет. Даже цветок розы намного богаче вас, даже собака намного богаче вас. По крайней мере, он имеет программу, уверенность в том, что он будет из себя представлять. Он предсказуем.

Я всегда представлял, что среди собак должны быть астрологи, хироманты, физиономисты, телепаты и всевозможные эзотерические натуры, потому что все можно узнать, будущее может

быть предсказано в подробностях. И странно, что все эти астрологи, хироманты, физиономисты, телепаты, предсказатели, - можно описать так много вариантов, - все они существуют в мире человека. Да и не удивительно - что бы они делали в мире собак, слонов, верблюдов?

Ни один верблюд не страдает. Он просто следует установленной природой программе. Его не беспокоит завтрашний день. Он знает, что завтра он будет верблюдом и послезавтра он будет также верблюдом. Как его праотцы были верблюдами, так и он будет верблюдом. У него нет никаких шансов стать слоном или беспокоиться, выбирать: «Кем бы мне стать?» Нет вопроса быть или не быть. Нет ни одной альтернативы, он есть тот, кто есть. Дело астрологов и хиромантов не будет процветать; они все обанкротятся, если уйдут из мира людей.

Но почему в мире людей астрологи и хироманты так процветают? Я видел их так много раз, но они все делают одно и то же. Однажды в Кашмире, в Шринагаре, один брамин - очень старый и ученый человек, известный в Кашмире своими предсказаниями, - был приведен ко мне, так как я в то время был со своим лагерем в Шринагаре. Кто-то, посещавший мой лагерь, знал старика и сказал ему: «Приди, посети этого человека, может быть, ты что-нибудь ему предскажешь».

Я думал, что он станет смотреть на мои руки, так что я сказал: «Ну, хорошо, можете посмотреть».

Он сказал: «Нет, я никогда не смотрю на руки, я смотрю на ступню, на линии подошвы». Это был переворот! Я никогда раньше об этом не слышал. Он сказал: «Это нечто исключительно кашмирское. Линии ступни намного точнее линий руки». И он привел точное обоснование.

Он сказал: «Линии руки изменяются с течением времени, а линии ступни всегда остаются неизменными, потому что кожа на ступнях жесткая». Ну, конечно, она жесткая, вы ходите ногами, вы опираетесь на нее всем весом. У рук нет столь жесткой кожи, она им не нужна. На мягкой коже рук линии легче изменяются; на жесткой коже они напоминают линии на камне. Он сказал: «У нас, в Кашмире, есть обычай - читать линии по ногам».

Я сказал: «Ну хорошо, прочтите линии по моим ногам; но вот еще что, запомните, что бы вы ни произнесли, ничего не сбудется. Все произойдет наоборот».

Он сказал: «Впервые я слышу подобное заявление. Люди хотят знать то, что произойдет, а вы говорите мне, что все, что я скажу, вы постараетесь сделать наоборот».

Я сказал: «Конечно, потому что я хочу доказать, что вы не правы».

Все хироманты, все астрологи всего лишь пользуются человеческим страданием. Человек страдает, ему хочется, чтобы как-нибудь, каким-нибудь способом, кто-нибудь рассказал о том, кто он такой, кем он будет, каково его будущее.

Все эти науки выросли благодаря страданию. Они эксплуатируют человека на протяжении тысяч лет, потому что человек обязан иногда волноваться по поводу того, что из себя представляет его жизнь: что он делает здесь? Действительно ли его жизнь имеет смысл или нет? И если она куда-нибудь ведет, на правильном ли пути он стоит или нет?

Один из моих профессоров, доктор С.Н.Л.Шривастава, учил меня логически мыслить, он был

моим учителем логики. И он очень на меня злился, потому что не мог запретить мне аргументировать, потому что в классе логики... Я сразу дал всем понять, что на уроке логики меня нельзя заставить отказаться от споров. «Я действительно пришел учиться доказывать, чем же еще тогда занимается логика?» - так что он не мог запретить мне спорить. И на каждом пункте возникала проблема. Он был сыт по горло; студенты на меня молились: «Из-за тебя, создается такое впечатление, что не будет никакого преподавания по учебнику. Мы сидим на каждом параграфе по неделе; нужна вся жизнь, чтобы закончить эту книгу!»

После двух месяцев Шривастава попросил месячный отпуск - он был стариком. Он хотел уехать за город просто, чтобы отдохнуть от логики и доказательств. Случайно произошло так... Я и не знал, что он уезжает за город. Была суббота, и я отправился на ферму друга. У него на ферме росли красивые манговые деревья, но я сказал: «Ну и что. Если ты приедешь ко мне в деревню, ты впервые увидишь, какими должны быть манговые деревья. Эти же всего лишь дикие манго, маленькие и не такие сочные».

Тогда он сказал: «А почему бы нам не поехать сегодня?» Я сказал: «Я всегда за сегодня», - и мы побросали все и ринулись на вокзал, который был не так далеко. Но поезд ушел у нас из-под носа, так что я прыгнул, а мой друг, который захватил с собой свой чемодан, и еще один, и еще, - он остался позади. И компаньоном оказался С.Н.Л.Шривастава. Он сказал: «Как! И ты тоже едешь в предгорье?» Я ехал в мою деревню, которая находилась по дороге. Предгорье находилось в ста пятидесяти милях дальше моей деревни. Но только ради шутки я сказал: «Но ведь этот поезд не идет в предгорье; он идет в другом направлении. Что вы в нем делаете?»

Он воскликнул: «Караул!» — он ведь уже приготовил постель и все необходимое в своем купе первого класса. Он быстро все собрал, и получилось так, что я нечаянно вытолкнул его с сумками. Когда он вышел, подбежал мой друг, и так как поезд отъезжал, он спросил Шриваставу: «Почему вы сходите? Я опоздал на поезд потому, что не смог догнать моего друга; я нес весь мой багаж, и он убежал вперед — у него с собой ничего не было. Мы едем к нему домой, так что у него там все есть, а мне нужна одежда и вещи. Но почему вы сошли?»

С.Н.Л.Шривастава сказал: «Этот поезд не идет в предгорье».

Приятель сказал: «Что вы говорите? Этот поезд идет в предгорье».

Когда потом, после двух дней я приехал, то как на меня смотрел С.Н.Л.Шривастава - невозможно забыть; каждый раз, когда я закрываю глаза... Он так на меня и смотрит. Я сказал: «Вы что, так и собираетесь на меня смотреть, или что-нибудь скажете?»

Он сказал: «А что мне говорить? Я взял месячный отпуск, забронировал отель и с большим трудом уговорил поехать мою жену, - а затем ты появился в купе. Я не ожидал тебя там встретить. И ты нехорошо со мной поступил».

Я сказал: «А что я сделал?»

Он сказал: «Ты сказал, что поезд идет в другом направлении».

Я сказал: «Я и сам так думал, поэтому я и должен был сойти на следующей станции. Я тоже хотел попасть в предгорье, а этот поезд действительно шел в другом направлении».

Он сказал: «Не делай из меня дурака, потому что я узнавал у станционного смотрителя, и твой друг сам мне сказал, что этот поезд шел в предгорье».

Я сказал: «Кажется, что-то не так. Или я говорю что-то не то... потому что я спросил другого пассажира и он сказал: “Этот поезд не идет туда, куда тебе нужно, так что сойди на следующей станции и пересядь на другой поезд, он скоро подойдет”. Может быть, вы правы, может быть, этот человек прав; но сейчас уже не время решать».

Он сказал: «Ты как боль в шее! Раньше у меня были неприятности; сейчас у меня только страдание. И все из-за тебя - мои неприятности исчезли, и я испытываю только одно страдание, днем и ночью. Даже по ночам ты мне снишься, ты приводишь доводы, а я с трудом на них отвечаю».

В тот день он употребил слово «страдание», поэтому я его и запомнил. Он сказал: «Ты мое страдание».

Я сказал: «Это совершенно неверно. Вот доказательство тому. Страдание - это нечто внутреннее, оно не может быть внешним; если оно внешнее, то это беспокойство. Если я ваше страдание, тогда вы употребили неправильное слово; я ваше беспокойство. Страдание - это то, профессор Шривастава, с чем вы должны справиться самостоятельно. Кто вы такой? Вы действительно думаете, что вы доктор Шривастава? Вы действительно думаете, что вы индус? Действительно думаете, что вы Человек?»

Он сказал: «Если я не человек, если я не индус, если я не Доктор Шривастава, то кто же я?»

Я сказал: «Вот это и есть страдание! Медитируйте над этим, и если вы найдете ответ, ваше страдание исчезнет».

Но до того, как его страдание исчезло, он угрожал отказаться от должности в колледже. Он сказал: «Отпуск не помогает; в конце концов я должен вернуться. И даже в предгорье я думал об этой проблеме, которую я не знаю как решить». Он был старым человеком, воспитанным на аристотелевой логике, а я изучал вещи, которые были в противоречии с ней, вещи, о которых он даже не слышал; так что он был в большой беде. Он бы не сказал: «Я этого не знаю», - ведь сказанное перед людьми «Я не знаю» показалось бы унижительным.

Он вынужден был притворяться, что знает, и поэтому он попал в большую неприятность, поскольку он даже не знал, во что ввязался, - он был в моих руках. Я сказал директору колледжа: «Этот Шривастава, известный и уважаемый профессор, написал множество книг, имеет большие степени, почетные степени, но он не является человеком истины».

Директор сказал: «Как ты можешь такое говорить? Я никогда не замечал в нем лжи или чего-то в этом роде. Он действительно религиозный человек - не только профессор философии, но и религии».

Я сказал: «Я проверял его много раз: он лжет». Он сказал: «Ты должен привести доказательства». Я сказал: «Я всегда готов, но в том то и проблема: я обратился за доказательствами к нему... Я совершенно счастлив - я приведу вам доказательства. Дайте мне вымышленное название книги, которая никогда не существовала». Он сказал: «Что это даст?»

Я сказал: «Просто напишите». Итак он написал «Принципы логики». Да, были книги под названием Принципы математики, Принципы, этики, но не было ничего похожего на «Принципы логики». Но звучало это достаточно правильно, в ряду таких знаменитых книг - Принципы 'математики и Принципы этики - должна быть книга под названием «Принципы логики». Я сказал: «Это сработает. Я скоро приду».

Я пришел в класс Шриваставы и сказал ему: «Я вычитал это утверждение в “Принципах логики”; что вы на это скажете?»

Он сказал: «Принципы логики? Да, я точно не помню, потому что я читал эту книгу двадцать или тридцать лет назад» • Я сказал: « Пойдемте со мной в кабинет директора». Он сказал: «Это еще зачем».

Я сказал: «Просто пройдите. Он просил привести вас к нему в кабинет». Я привел его в кабинет и сказал: «Профессор Шривастава утверждает, что прочел книгу “Принципы логики” тридцать лет назад. Он точно помнит название книги, но не припоминает цитату, что я ему привел».

Директор спросил: «Шривастава, вы прочли эту книгу?»

Он сказал: «Да, конечно».

Директор сказал мне: «Прости меня - ты был прав.»

Шривастава не мог понять, что происходит между мной и директором. Он сказал: «В чем прав? Что происходит?»

Директор сказал: «Ничего. Этот мальчик просто доказал, что вы лжец, и вы действительно им оказались. Это было выдуманно мной, это название. Такой книги не существует, и никогда не существовало - как же вы могли прочитать ее тридцать лет назад? У вас хватило наглости сказать такое - и это студенту, который пришел учиться у вас. Вы наглый лжец».

Шривастава подал в отставку, потому что он окончательно потерял лицо. Я пришел к нему домой, чтобы утешить его; он сказал: «Пожалуйста, мне не нужно твое утешение».

Я сказал: «Я буду приходить изредка, хотите вы этого или нет. Я знаю, что вам это нужно».

Он сказал: «Закончится это когда-нибудь или мне придется покончить с собой? Я ведь говорю, что не хочу, а ты говоришь: “Вы, может быть, и не хотите, но вам это нужно”. Ты поднимаешь проблему: есть ли разница между желанием и необходимостью».

Я сказал ему: «Да, необходимость - это нечто совершенно иное. Вы можете и не осознавать своих надобностей. Вы можете знать ваши желания, но ваши желания не обязательно должны быть вашими потребностями. Глядя на чью-либо красивую шляпу, вы можете ее хотеть. Это может быть не ваша потребность; вашей потребностью могут являться новые ботинки. Желание и потребность совершенно различны».

Он сказал: «Да, они совершенно различны, но, пожалуйста, не приходи».

Но по странной случайности... Когда я стал профессором, я был принят в университет, где он

был главой факультета философии! Как только я вошел на факультет философии, он сказал: «Что! А ты зачем здесь?» Я сказал: «Меня назначили вашим ассистентом». Он сказал: «Ты оставишь меня в покое или нет? Было достаточно тогда, когда ты был студентом. Теперь ты профессор - и мой ассистент!» И снова он сказал: «Кажется, ты Пришел, чтобы наставить меня страдать».

Я сказал: «Шривастава, прошло уже шесть лет, а вы так ничему и не научились. Снова страдание? Называйте это беспокойством. Беспокойство имеет объект, конкретную ситуацию; страдание внутри вас, вы должны посмотреть внутрь себя.»

Он сказал: «Ну, конечно, сейчас, сидя в комнате для преподавателей, я должен смотреть внутрь себя; другими словами я должен смотреть на тебя, и просто, глядя на тебя, я теряю все мое здравомыслие. Ты выгнал меня из колледжа. Теперь ты пришел сюда, и я знаю, что мы с тобой не уживемся в одной этой комнате для преподавателей. И ты не тот человек, чтобы уходить, так что я думаю, что мне придется попросить правительство перевести меня куда-нибудь еще».

«И ты испортил мою жену, потому что она говорит, что я просто боюсьтебя и убегаю из того места, где ты находишься. Она говорит мне: «Как долго ты будешь бегать от этого человека? Если он решился следовать за тобой, он будет следовать».

А у меня были все возможности для того, чтобы следовать за ним повсюду, в любой университет, куда бы он ни пошел. Я сказал: «Если я решился, я могу следовать, но я не хочу причинять вам беспокойства, я хочу, чтобы вы чувствовали страдание. Смерть ваша близка, вы слишком стары; так что теперь не время для беспокойства. Беспокойство для молодых людей, у которых есть выбор между тем или этим. Но для вас... перед смертью решите свою основную проблему». Короче говоря, страдание — это поиск себя. Один из великих индийских пророков этой эпохи, Рамана Махариши, всем предсказывал только одно. Он был простым человеком, не ученым. Он покинул свой дом, когда ему было семнадцать лет - он даже не очень образованный. Это было простое учение. Всем, кто бы к нему ни пришел, - а к нему приходили люди со всего мира, - он говорил всего лишь: «Сядьте в угол, где-нибудь...»

Он жил в предгорье Аруначал, и он сказал всем свои ученикам вырыть пещеры; много пещер. «Идите и сидите в пещерах и просто медитируйте над вопросом о том, кто вы такие. Все остальное - это объяснения, переживания, попытки перевести эти переживания на язык человека. Единственная реальная вещь - это вопрос “кто я такой?”»

Я говорил со многими людьми, но никогда не говорил с Раманой Махариши; он умер, когда я был слишком молод. Я хотел пойти к нему, и я бы дошел, но он был слишком далеко от того места, где я жил, примерно тысяча пятьсот миль. Я просил много раз моего отца: «Тот человек становится старым, а я так молод. Он не знает хинди, мой родной язык, а я не знаю его язык, тамил. Даже если я туда как-нибудь приеду - что сложно...»

Дорога от моего дома до Аруначала занимала почти три дня... со сменой многих поездов. И с каждым поездом менялся язык. Как только выезжаешь с территории индусов, самой большой в Индии, попадаешь на территорию языка маратхи. Из Маратхи попадаешь в штат Низам, в город Хайдерабад, где говорят на языке урду. Если отправиться дальше, то попадаешь в области, где говорят на языках телугу и малайлам, и, в конце концов, достигаешь Рамана Махариши, который говорит на тамиле.

Я сказал: «Для меня путешествие будет... и вы ведь даже не снабдите меня билетами. Придется ехать без билетов. Сотню миль я еще могу проехать и проеду. Когда вы не даете мне билет, я просто иду к контролеру и говорю: “Вот в чем проблема: мой отец не дал мне билета, но я хочу поехать, так что я поеду без билета. Но я не хочу путешествовать как вор, поэтому я ставлю вас в известность”».

И всегда срабатывало, ведь человек думает: «Ни один человек, который едет без билета, не подойдет к контролеру, чтобы информировать его об этом». Но контролер говорил мне: «Хорошо. Ты посиди, я позабочусь. Через сотню миль я буду тебя ждать у входа, так что ты сможешь уйти со станции; иначе тебя могут поймать на станции - если, конечно, тебя не поймают в поезде. Я контролер поезда на следующие сто миль; но на станции тебя могут поймать, так что посиди здесь».

Я много путешествовал в детстве без билета, потому что мой отец думал, что если мне не дать билета, как я смогу путешествовать? Но вскоре он узнал, что у меня есть свои пути. Он спросил меня: «Скажи мне, пожалуйста, как у тебя получается не быть пойманным?»

Я сказал: «Я не могу сказать, это секрет. Но я рассказал его моему дедушке; спроси у него».

Все люди во всем мире живут в беспокойстве.

Далее, если говорят вам - именно это и говорил Рамана людям - «Уйдите в страдание...»

Я не мог повидаться с Раманой, но я встречал многих людей, которые были у него учениками, позднее, когда я путешествовал. Когда я приехал в Аруначал, я повстречал его самых близких учеников, очень старых людей, и я не нашел ни одного, кто бы понимал слова этого человека.

То не был вопрос языка, потому что все они говорили на тамиле; то был вопрос полностью различных перспектив и понимания. Рамана говорил: «Посмотрите внутрь себя и найдите, кто вы такие». И чем же занимались эти люди, когда я приехал? Они превратили это в пение! Они сидели и пели: «Кто я такой? Кто я такой?» - как и все остальные.

Есть такие люди, которые делают свою джапу: «Рама, Рама, Рама», или «Хари Кришна, Хари Кришна, Хари Кришна...» В Аруначале они пользуются той же техникой для достижения абсолютно не той цели, которую подразумевал Рамана. И я сказал его ученикам: «Что вы делаете, он совсем не то подразумевал. Неужели вы думаете найти ответ повторением: “Кто я такой”? Вы будете повторять это всю свою жизнь, но не найдете ответа».

Они сказали: «С одной стороны, мы делаем то, как мы поняли его мысли. С другой стороны, мы не можем сказать, что вы не правы, потому что мы провели всю свою жизнь в пении: «Кто я такой? Кто я такой? Кто я такой? - по-тамильски, разумеется, на их языке, - но ничего не случилось».

Я сказал: «Вы можете так пропеть все свои жизни; ничего не произойдет. Это не вопрос для пения: “Кто я такой?” Вы созданы не для того, чтобы произносить единственное слово, вы должны уметь быть безмолвными и уметь слушать. Сначала вы почувствуете, что тысячи мыслей, желаний, мечтаний, как мухи кружат вокруг вас - невысказанных, неуместных, бессмысленных. Вы в гудящей толпе. Просто храните молчание и сидите в этом базаре ваших

мыслей».

Базар - красивое слово. Англичане позаимствовали его на Востоке, но, возможно, они не знают, что оно произошло от слова «жужжать»: базар - это место, где постоянно жужжат. И ваш мозг - величайший базар. В каждой голове, в маленьком черепе вы храните такой огромный базар. Вы будете удивлены количеству народа, проживающего в вас — столько идей, столько мыслей, столько желаний, столько мечтаний. Просто смотрите и сидите тихо в центре этого базара.

Если вы начали говорить: «Кто я такой?» - вы стали частью базара, вы начали жужжать. Не жужжите, не будьте сиреной; просто будьте тишиной. Пусть весь базар продолжается; вы остаетесь центром циклона.

Да, это требует некоторого терпения. Невозможно предсказать, когда базар остановится в вас, но одно можно сказать с уверенностью: когда-нибудь он остановится. Это зависит от того, какой величины у вас базар, сколько лет вы его хранили, сколько жизней там содержится, какую поддержку вы ему оказываете, сколько терпения у вас хватит на то, чтобы сидеть тихо в сумасшедшей толпе, - сводящей вас с ума, дергающей вас со всех сторон.

Вы когда-нибудь были в сумасшедшем доме? Просто посидите там, и вы почувствуете, что творится в вашей голове. Один сумасшедший может начать дергать вас за руку, другой сумасшедший может начать брить вашу бороду, кто-то начнет отнимать у вас одежду; все они станут чем-то заниматься вокруг вас. Вы просто сидите тихо. Сколько вы можете так просидеть?

Один мой санньясин, отец Нарендры, впадал в сумасшествие шесть месяцев в году. И когда он сходил с ума, он был настолько одержим, что делал странные вещи. Однажды он сошел с ума и убежал из Дома. Люди искали его, они не могли найти его. Его искали везде, где возможно. А он сел на скорый поезд, шедший до Агры. Может быть, он поехал, чтобы увидеть Тадж-Махал или что-нибудь еще; никто не понимает сумасшедших. И когда он добрался до Агры, он очень проголодался; у него не было денег, и он направился в кондитерскую.

В Индии есть очень вкусный мягкий пирог - и у него было такое название, которое навлекло неприятности на бедного отца Нарендры, он называется кхаджа. Слово «кхаджа» имеет два значения: одно - «мягкий». Пирог очень мягкий; как только вы на него надавите немного, он опадает во многих местах. Но у кхаджы есть и еще одно значение: «ешь это».

Итак, отец Нарендры спросил: «Что это?»

Продавец ответил: «Кхаджа», — поэтому он стал есть.

Продавец сказал: «Что ты делаешь?»

Отец ответил: «Ем. Ты же сказал».

Собрался народ, а он продолжал есть. И он был сильным человеком; он сказал: «Если он сказал: “Ешь”, -я закончу-всю кучу, что у него в магазине».

Продавец сказал: «Этот человек, должно быть, сумасшедший! Я продаю кхаджу всю мою жизнь, но впервые вижу человека, который понимает “кхаджу”, как “ешь”. Я никогда и не думал об

этой возможности».

И отец Нарендры сказал: «Ты сказал: “Ешь”, вот я просто и ем». Он был отведен в полицейский участок, и они признали его сумасшедшим, так что его засадили в сумасшедший дом в Лахоре на шесть месяцев. Лахор находится так далеко - теперь он на территории Пакистана, даже не в Индии - это был самый дальний уголок страны. Семья Нарендры очень беспокоилась. Мы даже не могли представить, куда он исчез, потому что суд приказал отправить его в Лахор. В Лахоре находился один из больших сумасшедших домов в Индии.

Отец Нарендры был очень расположен ко мне, потому что я, может быть, один во всем городе, принимал его сумасшествие. Мы обычно говорили, - Нарендра постепенно и познакомился со мною благодаря своему отцу, - и мы обычно ходили купаться вместе, ходили на рынок вместе. С ним было весело, потому что мне не нужно было с ним озорничать, он делал столько проказ, что только одного пребывания с ним хватало для веселья.

Он рассказал мне, что спустя четыре месяца... В течение четырех месяцев дела шли прекрасно в сумасшедшем доме в Лахоре, где содержалось по крайней мере три тысячи сумасшедших. «Эти четыре месяца, - говорил он, - я не помню - они пролетели, как будто я был в раю. Но через четыре месяца произошел случай, повлекший за собой неприятные последствия».

Он пошел в ванную комнату и нашел там коробку, содержащую некую мыльную субстанцию для чистки туалетов и ванн. Он был сумасшедшим, а она была похожа на молоко, так что он выпил всю коробку. Это вызвало у него такое расстройство желудка, что в течение пятнадцати дней доктора не могли это остановить. Ничего бы и не помогло - это вещество не для человеческого тела! А он выпил целую коробку жидкости -немалое количество, — которая предназначалась для мытья ванн и туалетов во всем сумасшедшем доме. Но эта жидкость вымыла все его сумасшествие полностью: после пятнадцати дней расстройства желудка он стал нормальным. Произошла своеобразная чистка.

Но затем наступила трагическая часть: два месяца. Он ходил снова и снова к заведующему и говорил: «Я больше не сумасшедший, и теперь это для меня пытка. В течение четырех месяцев все было нормально: они меня били, я бил их; это не имело значения. Мы дрались, мы дергали друг друга и стреляли, и визжали, и били. Все шло нормально - это была свобода для всех. Но теперь я не сумасшедший».

«Это сложно: я не могу причинять им боль - мне их жаль, потому что они сумасшедшие, - но они постоянно делают мне больно, бьют меня, сталкивают меня с кровати. Кто-то приходит и сидит на моей груди... один человек побрил мне полголовы, а четыре других меня держали, так что я не смог убежать. Я просил их снова и снова: “По крайней мере закончите работу”, но это было именно то, что они хотели сделать; затем они отправились к другому - брить его. А этот сумасшедший, должно быть, браздобрей, так что он просто практикуется, он все еще занимается своей старой работой, это его старая привычка. Эти два месяца...»

Но заведующий сказал: «Я не могу ничего сделать. Распоряжение суда - есть распоряжение, оно указывает шесть месяцев. И более того, все говорят: “Я не сумасшедший”. Кому я должен верить? Как ты докажешь, что ты не сумасшедший?»

Как ты докажешь? Если когда-нибудь вас поймают, посадят в сумасшедший дом и спросят: «Как

ты докажешь, что ты не сумасшедший?» - просто будет невозможно доказать, что вы не сумасшедший. И если они определяют, что вы сумасшедший, если они так решат, какое бы вы ни приводили доказательство, оно будет доказывать, что вы сумасшедший.

«За эти два месяца, - рассказывал отец Нарендры, - я впервые почувствовал вопрос: кто я такой? Иногда я сумасшедший, иногда нет, но это всего лишь оболочка вокруг меня. Так кто же я такой? Кто становится сумасшедшим, кто вылечивается от сумасшествия?»

Я сказал ему: «Эти два месяца дали вам почувствовать вкус страдания. Не забывайте эти два месяца. Сейчас, когда вы выздоровели, используйте это страдание как медитацию, попытайтесь найти... Потому что вы снова можете сойти с ума, и до того, как это случится, по крайней мере, уточните хоть что-нибудь: кто вы такой». Но это было слишком для одного несчастного человека, потому что не прошло и месяца, как он опять сошел с ума.

Но что же говорить обо всем человечестве?

Вы осознаете беспокойство.

Но вы еще не осознаете страдание.

Сначала, когда вы ощутите страдание, вы почувствуете страшную суматоху, вы окажетесь в очень глубокой депрессии... бездонная пропасть откроется перед вами, и вы упадете туда. Это ужасно сначала, но только сначала.

Если вы можете быть терпеливым, немного терпеливым, и принимать все, что бы ни случилось, то вскоре вы осознаете новое качество своего бытия: все, что происходит, происходит вокруг вас, это не происходит внутри вас. Это что-то внешнее, не внутреннее. Даже ваш собственный ум - что-то внешнее.

А в самом центре, только одно: свидетельство, наблюдение, осознание.

Это я и называю медитацией.

Без страдания вы не можете медитировать.

Вы должны пройти через огонь страдания. Он сожжет много мусора и оставит вас чистыми и свежими.

И ваша сущность не так далеко. Она здесь, очень близко, но просто гул мыслей не позволяет услышать ее, увидеть ее, почувствовать ее.

Страдание - это вопрос внутри себя, постановка знака вопроса внутри себя.

Вы спрашивали: «Кто такой Бог?» и «Кто создал мир?»

Такие вопросы только для недоразвитых умов.

У зрелых умов только один вопрос.

Даже не два, а один единственный вопрос: «Кто я такой?»

И его тоже вы не должны спрашивать устно, вы должны просто находиться в состоянии спрашивания.

Не стоит повторять: «Кто я такой?» Вам просто следует находиться в состоянии вопрошания, всматриваясь, наблюдая; не просто устно спрашивать, а экзистенциально спрашивать.

И этот экзистенциальный вопрос ужасен сначала, болезнен сначала, но приносит все блага в конце.

Гаутама Будда сказал: «Мой путь в начале тяжел, но в конце очень сладок».

Какой путь? Он говорил о буддийской религии; по крайней мере, так будут говорить буддийские монахи. Он говорит о том пути, о котором я вам говорю - путь, который ведет вас внутрь.

Да, он тяжел в начале, но сладок в конце. Он похож на смерть в начале и на вечную жизнь - в конце.

И все благо существования принадлежит вам.

Вы настолько благословенны, что можете благословить все существование.

Это и есть значение слова Бхагаван: благословенный.

Благословенная личность рождается при родовых муках страдания.

Беседа 7

ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ: САНКЦИОНИРОВАННОЕ ОБЩЕСТВОМ ИЗДЕВАТЕЛЬСТВО НАД ЛЮДЬМИ

5 января 1985 года

Бхагаван,

Является ли Кришнамурти просветленным?

Да, он просветленный, но что-то упущено в его просветлении. Похоже на то, как вы после долгого путешествия прибываете в аэропорт. Вы прибыли, но вдруг обнаруживаете, что багаж потерялся. С Кришнамурти произошло нечто более серьезное: прибыл багаж, а потерялся он!

Это немного сложно, но не представляет собой ничего необычного. Так случалось много раз и раньше, но по разным причинам. Причина, связанная с Кришнамурти, является определенно новой, но сама ситуация не нова. Были просветленные люди, но, тем не менее, они оставались христианами, индусами, джайнами, буддистами. Мне это трудно представить. Если вы уж стали просветленным, то вы должны покончить со всеми обусловленностями ума. Как же вы можете оставаться христианином?

Что такое это ваше христианство? Это ведь случайность, что вы родились в определенной семье и что эти люди обусловили ваш ум определенным образом. Они дали вам определенную идеологию, дали вам образ определенной религии, дали вам определенный теологический жаргон; и обучили вас, как попугая.

Я знаю, ребенок ничего не может сделать против, он беспомощен; он вынужден выучивать все то, чему его учат. Даже и без обучения он подбирает все вокруг от своих родителей, друзей, соседей. Он ходит со своими родителями в церковь, в синагогу, в храм, он постоянно поглощает внешние воздействия. Учите вы его непосредственно или нет, не имеет значения, - он формируется косвенно.

Родители и учителя не упускают ни одного шанса; они не оставляют ничего даже косвенным влияниям. Они предпринимают все усилия, прямые, непосредственные, к тому, чтобы обратить в свою веру невинное дитя, пришедшее в этот мир абсолютно ничем не обусловленным, - чистое зеркало, способное отразить все, что угодно. Но общество, культура, религия - они начинают рисовать на этом зеркале.

Они могут нарисовать Кришну, они могут нарисовать Христа, они могут нарисовать Моисея, они могут нарисовать все, что угодно. Они могут нарисовать Карла Маркса, они могут нарисовать христианство, коммунизм, фашизм - все. И ребенок так беспомощно зависим, что ничего не может сказать. У него действительно нет и понятия о слове «нет».

Ребенок верит и доверяет людям, которые дают ему все, помогают ему, поддерживают его: матери, отцу, семье... теплоте, уюту. Они предоставляют ему все возможности для его роста; им нельзя не доверять. Этот вопрос даже и не возникает в уме ребенка, и это естественно, что не возникает.

Но из-за этой естественной ситуации все религии мира совершили величайшее преступление в человеческой истории; то есть без готовности ребенка, без восприятия ребенка, без его желания они делают его христианином, мусульманином, евреем, индусом, коммунистом. Конечно, ребенок не говорит «нет», но он и не говорит «да». Если люди способны чувствовать, они подождут, когда ребенок скажет «да».

Если они по-настоящему любят, они подождут, пока ребенок спросит их: «О чем вся эта церковь?» Они должны предпринять все усилия к тому, чтобы предотвратить все косвенные влияния на него; вопрос же о прямом влиянии не должен даже и возникать. Ребенок должен оставаться чистым, ясным, таким, каким он родился, до тех пор, пока он не наберется немного разума.

Для роста не требуется много времени.

Нужно лишь немного терпения.

Он будет задавать вопросы, ведь каждый рождается с потенциалом к поиску внутри себя. Он подойдет к вам с вопросами; но и тогда, если вы бдительны, любовны, сострадательны по отношению к этому юному попугайчику... Он не является вашим владением, он лишь вышел на свет через вас. Вы были всего лишь переходом - никогда не забывайте об этом. Он не принадлежит вам, он принадлежит всему существованию. Вы были для него лишь путем,

которым он вошел в это тело.

Не разрушайте естественного потенциала ребенка.

Не извращайте ребенка согласно вашим насущным интересам.

Не будьте политиками, по крайней мере, по отношению к вашему собственному ребенку.

Но все в мире, все родители, все учителя, не имеют и понятия о том, что они творят.

Именем религии они совершают грех.

Обыкновенно я не использую это слово. С моей точки зрения, в жизни могут быть ошибки, погрешности, - но не грехи, - потому что человек «погрешим». Человек не рождается всеведущим, знающим все. Он не рождается папой - непогрешимым. Он много раз упадет и поднимется снова. Так человек учится ходить; так человек учится смотреть, спрашивать.

Да, много раз он пойдет по неверному пути. В этом нет ничего неправильного. Пойдя по неверному пути, вы поймете, что он неправильный, потому что, когда вы движетесь в неверном направлении, вы не можете чувствовать себя комфортно: вот оно естественное указание. Вы будете чувствовать себя беспокойно, ваш живот будет сводить судорога; вы будете чувствовать напряженность, — ведь то, куда вы идете, — не ваш естественный путь. Все это указывает на то, что нужно изменить маршрут и навсегда понять, что этот путь не ваш.

Но в отношении религии я не могу использовать обыкновенные слова, такие, как ошибка, погрешность, - нет. Нужно что-то по-настоящему весомое.

Поэтому я говорю, что так называемая религия — это единственный грех на свете, потому что она совершает преступление против того, кто совершенно беспомощен и находится в ваших руках. И это преступление огромных размеров.

Если вы становитесь индусом, если вы становитесь христианином, если вы становитесь буддистом, это можно понять. Но когда человек становится просветленным, что это означает? Это означает по-настоящему разделаться со всем, что сделали общество, культура, религия, государство, система образования, родители, - все вместе они состоят в заговоре против маленького ребенка. Разделаться со всем этим - вот что значит быть просветленным: вернуться к детству, вернуться к свежести, к тому зеркальному свойству просто отражать без предварительного суждения, без предубеждения.

Зеркало просто отражает. Когда вы стоите перед зеркалом, зеркало не выносит о вас ни единого суждения, - хорошо, плохо, красиво, безобразно, - ни единого суждения совершенно. Зеркало просто отражает. Оно никоим образом не вовлекается.

Я помню свое собственное детство. В тот момент, когда я начал осознавать то, что происходило, — мне было, наверное, около четырех или пяти лет, - что меня двигали в определенном направлении, которое я не выбирал, я спросил своего отца: «Как вы думаете, родившись вашим сыном, я должен буду следовать вашей религии, вашей политике; я должен буду стать членом светского клуба, я должен буду заниматься вашим бизнесом? Означает ли это, что, к несчастью

родившись вашим сыном, я должен буду заниматься всеми этими вещами?»

Он сказал: «Кто сказал, что ты должен становиться членом светского клуба или что ты должен становиться членом политической партии, в которой я состою? Кто тебе это сказал?»

Я сказал: «Никому не нужно говорить это, вы на протяжении пяти лет постоянно делали это. Зачем вы брали меня вместе с собой в джайнский храм? Кто вы, чтобы решать такие вопросы? Почему вы говорили мне, чтобы я поклонялся статуе Махавиры, каким-то писаниям, о которых я ничего не знаю?» В то время я не умел еще и читать. Писания были просто книгами, как любые другие, но все поклонялись им».

Я сказал: «Вы поклонялись, вы поощряли меня к поклонению, а для меня выглядело неуклюжим стоять там, когда все остальные оказывали такое большое уважение книгам. Но вы не спрашивали меня; вы брали меня в храм без моего согласия. Как раз рядом стоит мечеть - моего друга водили туда. Почему меня туда не водили? Почему родители моего друга не водили его в джайнский храм?»

«Что же тогда политика, если не это? Вы навязываете мне определенные идеи, наполняете меня определенными точками зрения. И вы начали это так рано, что я и не осознавал еще, что же происходит». Я сказал: «Ну, а теперь прекращайте это; оставьте меня в покое. Теперь я в состоянии сказать “нет”. И запомните, если я не могу сказать “нет”, то как я смогу сказать “да”? Способность сказать одно означает также способность сказать и другое; они неразрывны».

«Поэтому пусть вас не оскорбляет мое “нет”. Я скажу “да”, но вам придется подождать. Может быть, я не смогу сказать “да” этому храму, но какому-нибудь другому; не этой книге, но какой-нибудь другой. Прямо сейчас ничего нельзя предсказать; я не вещь, которая предсказуема. Стул завтра останется стулом, стол останется столом; они предсказуемы. Что же сказать о человеческом ребенке? Я не предсказуем».

Один пьяница, совершенно пьяный, зашел в кондитерский магазин. Он дал хозяину магазина одну рупию, на половину купил конфет, а остальное попросил сдать мелочью. Хозяин магазина сказал: «Прямо сейчас у меня нет мелочи. Завтра утром, когда будете проходить мимо, возьмете ее. Или можете забрать свою рупию, а завтра утром отдадите половину, — как вам угодно».

Пьяница сказал: «Хорошо, завтра утром я заберу мелочь». Но потом он подумал: а что если хозяин магазина, поменяет свой адрес? Мир такой хитрый... Мне следует предпринять что-нибудь, чтобы он не смог сменить своего адреса так, чтобы я не узнал об этом. И, оглядевшись вокруг, он увидел быка, сидевшего напротив магазина. Он сказал: «Вот и хорошо. Хозяин магазина может быть даже и не знает, что перед его магазином сидит бык».

На следующее утро все, что пьяница мог вспомнить, было то, что перед магазином сидел бык и что в этом магазине ему нужно забрать половину своей рупии. Он отправился искать быка, и понятно, ведь это было у него единственным доказательством. Но бык — это не статическая вещь: теперь бык сидел перед парикмахерской.

Пьяница вошел внутрь, схватил хозяина за горло и сказал: «Ах ты, сукин сын! Из-за какой-то полрупии ты сменил свою профессию, ты сменил касту; всего за одну ночь кондитерская исчезла, и ты стал парикмахером!»

Тот человек сказал: «О чем это вы? Вчера моя парикмахерская была закрыта».

Пьяница сказал: «Великолепно! Тебе не удастся обмануть меня. Вот, посмотри на быка. Даже если я и пьян, но я не дурак. Я знал, что возможны неприятности, поэтому я специально запомнил этого быка; мне пришлось вспоминать о нем снова и снова всю ночь. И бык по-прежнему сидит все в той же позе, перед твоим заведением».

Парикмахер сказал: «Теперь я понимаю, в чем проблема, ведь я тоже видел вчера вечером этого быка, но только перед кондитерским магазином. Так что, пожалуйста, отправляйтесь туда. Бык ведь не остается на одном и том же месте, он передвигается; он передвинулся! Что я могу здесь поделать?»

Но люди продолжают думать, что ребенок останется тем же самым, каким они сделали его. Да, большинство людей остаются теми же самыми, потому что это удобно, комфортабельно. Зачем беспокоиться? Зачем быть скептиком, когда все ответы уже даны вам?

Все религии осуждают скептицизм.

На самом же деле, скептицизм - начало по-настоящему религиозного человека.

Скептицизм означает спрашивать.

Скептицизм означает: что бы вы ни сказали мне, я не приму этого, пока не испытаю этого сам.

Но это неудобно. Вам придется долго путешествовать, и вы не будете знать, доберетесь ли вы до точки, где сами найдете ответ.

Большинство людей, огромные массы, хотят удобств, комфорта, уже готовых вещей, уже готовых ответов. Это можно понять. Это безобразный факт, касающийся человеческих существ, что даже ради истины они не хотят даже малейших неприятностей.

Даже истину люди хотят задаром.

И из-за того, что вы хотите получить истину задаром, существуют коробейники, дешево продающие ее.

Не только дешево - они продают ее, ничего не требуя с вас. Не только это, они еще и вознаграждают вас: если вы купите их истину, они вознаградят вас. Христиане назовут вас святым, индуисты назовут вас Махатмой, мудрецом. Без всяких усилий, не платя ничего, вы завоевываете такое большое уважение. Все, что вам нужно, это притвориться, стать лицемером.

Притворяется все человеческое общество.

Что вы знаете о переживании Христа?

Вы становитесь христианами, даже не ощутив вкуса того, что это такое.

Если это не лицемерие, то тогда что же такое лицемерие?

Вы верите в Бога, ничего не зная о Боге.

Если это не нечестность...

Какой же еще тогда должна быть нечестность?

Вы не честны даже по отношению к Богу.

Честный, искренний человек начнет со скептицизма. Он будет спрашивать. Он поставит знак вопроса на каждом аспекте той обусловленности, которую наваливают на него родители и общество.

Общие массы можно понять, им можно простить. Но как простить человеку, который достиг просветления? Его просветление означает, что он разделался со всеми условиями, обусловленностями, со всеми программами. Он распрограммированный человек, он разгипнотизированный человек. Но непростительно, если просветленный человек продолжает говорить, что он христианин, хотя именно так и происходило на протяжении всей истории.

Лишь изредка встречались немногие люди, которые просто объявляли о своей уединенности.

Они вставали на свою собственную пешую тропу и оставляли широкие автострады, по которым движутся все, - конечно, это удобно. И когда вы оставляете автостраду, то будете прокладывать свою тропу просто потому, что идете. Нет готовых троп, доступных вам.

Вот почему я говорю, что истина чего-то стоит.

Вам придется платить за нее.

Когда вы идете там, где нет троп, ваши ноги будут кровоточить. Ваш ум будет стараться убедить вас вернуться назад на автостраду, где движутся все остальные, он скажет: «Не будь дураком! Здесь ты потеряешься. Там ты будешь в толпе; там теплее. И когда вокруг так много людей, есть уверенность, что мы движемся в правильном направлении, - так много людей не могут ошибаться».

«Одинокий, где гарантия, что идешь ты в верном направлении? - у тебя нет ни одного указания. На автостраде миллионы людей впереди, миллионы людей позади, миллионы вместе с тобой. Какие же еще нужны доказательства?»

Я понимаю, что обычный человек предпочтет автостраду. Христианская она, или индусская, джайнская, мусульманская, не имеет значения, - он будет среди большой толпы. Насколько хватает взгляда одна только толпа и толпа, и это дает вам глубокую уверенность в том, что вы должны быть на правильном пути.

Я могу простить вам. Но как я могу простить Святому Франциску? Он просветленный, и все же он христианин, он идет в Ватикан, к папе, припасть к его ногам! Это же отвратительно: папа! Непросветленный, просто выбранный... Всякий достаточно изворотливый, достаточно умный, чтобы организовать кампанию в свою пользу, может стать папой.

Но почему Святой Франциск отправился туда? Потому что по всей стране люди начали уважать

Франциска, любить его, принимать то, о чем он говорил, - и известия об этом, непрерывно достигавшие папы, шокировали его. Человек, который не был посвящен папой в святые, уже принимает людей как святой! Д папу обошли - терпеть этого было нельзя. Этот человек саботировал всю католическую систему, а ни одна бюрократия не может допустить саботажа.

А согласно церкви, если он стал просветленным, то первое, что он должен был сделать, это явиться к папе, и если папа даст ему сертификат, говорящий «да», то вот тогда он просветленный, - если папа даст санкцию на просветление... В этом христианский смысл святости - санкционировано папой.

Становитесь кем угодно, - но никогда не становитесь христианскими святыми. Христианский святой просто означает «санкционировано папой». Особенно теперь не становитесь христианскими святыми, какую бы цену за это не пришлось платить. Санкционировано папой-поляком! Что за святыми вы будете?

Но Святой Франциск, видя, что папа гневается и что приходят послания, говорящие: «Тебе прежде всего следует пойти к папе», — отправился к нему, коснулся его ног и молил его с простертыми руками: «Благослови меня, скажи мне, как могу я служить Христу, его церкви, христианству и тебе». И папа был, конечно, совершенно счастлив: Франциска санкционировали в качестве святого.

Я понимаю папу и его глупость, потому что никто ничего другого от папы и не ожидает. Но что делал Святой Франциск? Что-то упущено в его просветлении. Он просветлен, но все еще заключен в своей старой обусловленности, как в тюрьме.

Хотя теперь он и знает: «Я не обусловлен», - у него не хватает смелости выпрыгнуть из своего тюремного заключения. Напротив, он решает пользоваться самой тюрьмой, самой обусловленностью, языком, данным этой обусловленностью, нести его послание к людям. Это трусость. Вот почему так много святых прошлого из всех религий потеряли мое уважение.

Я знаю, что они поняли, но их понимание не было достаточно пылким, оно было чуть теплым. Оно не было революционным, оно было ортодоксальным. Может быть, они были обыкновенными людьми, и страх обыкновенного человека все еще тянет его куда-то обратно в тень и влияет на его действия. Их язык, их поведение, их действия, дают указания на то, что они были просветленными людьми, но они также показывают, что не сумели перейти через всю свою обусловленность. Может быть, они думали, что если они перейдут через нее, то им невозможно будет общаться с людьми, ведь людьми владеет та же обусловленность.

Думать подобным образом совершенно правильно для бизнесмена, но совершенно неправильно для просветленного человека. Кого волнует, понимают люди или нет? Если они понимают, им же лучше; если они не понимают: «Отправляйтесь к черту!» - это их дело. Но почему ради вас я должен нести ненужный груз, причем я знаю, что это чистый хлам?

На этом пути многие просветленные люди прошлого потеряли мое уважение. Я не могу отрицать, что они были в том пространстве, где я хочу, чтобы были вы все: они были в этом пространстве, но они остались бутонами, они так и не раскрылись цветами. Они так боялись, что остались бутонами. Они побоялись раскрыться.

Раскрытие всегда рискованно.

Кто знает, что произойдет, когда вы раскроетесь?

Одно известно - распространится ваш аромат.

И это может создать для вас неприятности.

Аромат просветленного человека — это революция, это восстание...

Может быть, лучше оставаться нераскрывшимся бутонем, как те люди, которые не были достаточно смелы, - просветление было не в тех руках.

С Дж.Кришнамурти ситуация является совершенно новой. Он просветленный, и он не ортодоксальный, - но он впал в другую крайность: он анти-ортодоксальный. Анти должно быть подчеркнуто.

Когда я был студентом в мой последний год, в нашей группе было две девушки. Мы трое были единственными студентами на отделении религии. Вы понимаете, что человек, который был профессором и вел этот курс, был религиозным человеком; и как следует ожидать от религиозного человека, он был очень увлечен одной из девушек. Он был безбрачным. Он по-настоящему следовал индусской традиции, потому что хотел однажды стать монахом, и вот он готовился: упражнялся в йоге, в упражнениях по концентрации и визуализации, и непрерывно повторял, распевал мантры. Но все эти вещи с одной стороны, а биология — с другой стороны, и она весомее.

Положите все ваши писания на одну чашу весов — все писания всех религий, - и биологию на другую чашу. Биологическая сторона опустится до земли, а ваши писания поднимутся к небесам. Они не имеют никакого веса.

И вот теперь этот человек был в большом затруднении. Одна девушка была дурнушкой; о ней не стоит и говорить. На самом деле она была немного больше, чем дурнушкой. У нее были небольшие усики, которые она вынуждена была сбривать, — а что ей оставалось делать? Она была пенджабкой, и так случается в Пенджабе... Пенджабские женщины сильные, упорные работницы, и они работают на полях наравне с мужчинами. Я полагаю, что такая большая работа и напряжение и приводят к тому, что начинают расти усы и борода, — ведь то же самое я видел в Ашраме Шри Ауробиндо.

В ашраме Ауробиндо каждый должен выполнять определенные, и очень тяжелые, упражнения. Большую часть его ашрама составляли молодые девушки, посланные туда своими родителями, - последователями Ауробиндо, — чтобы обучаться там духовной жизни. И я был удивлен тому, что почти у всех их росли маленькие усики. Странно! Я сказал: «Если такое происходит в ашраме, то все ашрамы должны быть уничтожены». Я спросил об этом у одного служившего там человека.

Он сказал: «Я чувствую себя неловко, потому что об этом спрашивает каждый, а я не знаю, как это происходит».

Я сказал: «Трехчасовые упражнения утром, трехчасовые упражнения вечером - вот эти упражнения все и делают». А упражнения были почти как в армии! С этим что-то нужно делать. Слишком большое напряжение и слишком большой объем упражнений что-то меняет, по-видимому, в гормонах тела, и у девушек начинают расти борода и усы, - ведь я знал эту девушку, и она было немного больше, чем дурнушкой. На самом деле, вы бы просто прошли мимо нее, вы бы даже не взглянули на нее, и я не думаю, что кто-нибудь когда-нибудь смотрел на нее.

Но другая девушка была редкой красоты. Она была из Кашмира, а в Кашмире рождаются, по-видимому, самые красивые женщины на свете. Мой безбрачный профессор волновался и кипел. И величайшей его неприятностью было то, что эта девушка интересовалась мною, а не им. Поэтому он очень злился на меня, ведь он всеми силами старался, чтобы эта девушка заинтересовалась им, а она просто не обращала на него внимания.

Меня эта девушка не интересовала, но она определенно интересовалась мною. Она подходила, бывало, спросить это, спросить то, взять эту книгу... И когда она подходила ко мне, естественно, я все делал, что она хотела. А тот человек пылал!

И однажды все это дошло до крайнего предела, потому что девушка пригласила меня к себе домой - она жила в городе - на ужин, и этот безбрачный религиозный профессор услышал, что я был приглашен девушкой к ней домой. Она была дочерью главы налоговой инспекции города и хотела представить меня своим родителям, отцу и матери. Только она знала об этой цели, я не знал совершенно ничего.

Я сказал ей: «Мне не интересны какие-либо отношения, ты должна понять это прежде всего; не нужно без необходимости зря устраивать ужин. И если ты устраиваешь со своими родителями какой-то заговор, то я ничего не знаю об этом и не участвую в нем. Я могу прийти на ужин, - ты приглашаешь меня, я не отказываюсь, - но это все».

Она была шокирована. Я сказал: «Можешь забрать свое приглашение назад, нет проблем, - меня это не заденет. На самом деле, это я задеваю тебя». Но не это я хотел подчеркнуть. Когда профессор услышал об ужине и о том, что девушка собирается представить меня своим родителям, он поймал меня в углу в библиотеке.

У меня был там собственный угол. То была маленькая комнатка, которую я выбрал в библиотеке и которая была отведена мне по специальному разрешению вице-канцлера с тем, чтобы мне можно было не сидеть вместе со многими людьми, входящими и выходящими, но иметь свое собственное место. Я хотел быть в уединении, поэтому закрывался изнутри. Мой интерес к книгам был потрясающим. Я прочел, может быть, больше, чем кто-либо другой в мире, потому что не занимался ничем другим, кроме чтения. Я спал обычно по три или четыре часа, и все; все остальное время я непрерывно читал.

Кто-то постучал в мою дверь. Такого обычно не случалось, потому что я сказал всем моим профессорам, что даже если университет загорится, меня это не касается: они не должны беспокоить меня. Я сказал библиотекаря: «Если захотите закрывать библиотеку, пожалуйста, - я останусь здесь на всю ночь, -но никогда не стучите в мою дверь. Такая фамильярность мне не нравится, совсем не нравится».

Кто-то постучал; такое случилось впервые. Я подумал: «Кто это может быть?» Я открыл дверь.

Этот безбрачный, весь красный от гнева, закрыл за собой дверь и спросил меня: «Вы любите эту девушку?»

Я сказал: «Я даже не ненавижу ее».

Он сказал: «Что вы имеете в виду?»

Я сказал: «В точности то, что я сказал: я даже не ненавижу ее; вопрос же о любви и не возникает. Между мной и ею нет даже отношений ненависти - вы совершенно понапрасну краснеете и горячитесь. Выйдите-ка из моей комнаты. В том же, что касается ужина, я отказался от него, так что не беспокойтесь. Но если вы хотите отужинать в ее доме, я могу устроить это».

Он сказал: «Нет, нет, я не хочу никакого ужина, особенно если он устроен вами». И снова он спросил: «Но что вы имеете в виду под этим: “Я даже не ненавижу ее”?»

Я сказал: «Это же так просто - вы же профессор религии: почему же вы не понимаете таких простых вещей? Ведь любовь — это отношение, ненависть - это отношение. В любой день любовь может стать ненавистью, так и происходит, - не то, что в любой день, каждый день. Наоборот тоже верно: ненависть становится любовью. Такое немного реже, но тоже случается, потому что любовь и ненависть — это одна и та же энергия, но организованная различными способами. Вы имеете один и тот же диван, один и тот же стул, один и тот же стол, но вы можете организовать их тысячею разных способов. Люди делают так постоянно. Поэтому я просто сказал, чтобы обрубить проблему в самом ее корне: “Я даже не ненавижу ее”, - так что можете полностью успокоиться».

Почему я вспомнил об этом? Я вспомнил об этом из-за Дж.Кришнамурти. Он ненавидит ортодоксальность, он ненавидит все, что пришло во имя религии. Вспомните разницу: я критикую ее, но я не ненавижу ее. Я даже не ненавижу ее! У Кришнамурти же с ней есть отношение, - я же к ней не имею никакого отношения, - и именно здесь он что-то упустил.

Он воспитывался в очень странной ситуации - его воспитывали теософы, чтобы объявить его учителем мира. Создать же учителя мира невозможно. Учителями мира рождаются, а не делаются. И учителям мира вовсе не нужно объявлять себя учителями мира: они являются ими. Это не вопрос объявления, это вопрос признания со стороны остального мира; не его дело объявлять себя.

Когда бы ни появился человек, обладающий способностью притягивать людей со всего мира, - разумных людей, людей ищущих, спрашивающих, людей готовых к риску и азарту, - ему не нужно объявлять: «Я учитель мира». Весь мир будет смеяться над таким человеком. Учитель мира не имеет ничего общего с таким человеком; решать здесь должен мир.

Но то, что делали теософы, было чем-то прямо противоположным: они пытались создать учителя мира. Поэтому они натаскивали Кришнамурти с девятилетнего возраста, - сейчас ему девяносто. Теософы выбрали его, когда он голым купался в реке, которая течет через город Адьяр в Индии, - где была штаб-квартира теософского движения. В то время это было великое движение: тысячи людей интересовались им. Не хватало лишь одного - учителя мира.

То были очень умные люди, такие, как Лидбитер, Анни Безант, полковник Олкотт, но ни один

из них не обладал харизмой. Чтобы быть Учителем, абсолютно необходима одна вещь: личность должна обладать некоторым магнетическим свойством, некоторой харизмой. Не только его слова, но само его существо должно обладать способностью притягивать вас как магнит. Этого-то и не было.

Анни Безант была хорошей дамой, но что делать с этим? - есть миллионы хороших дам. Лидбитер был хорошим писателем, но ни один учитель мира не был даже писателем. Ни один учитель мира, достойный упоминания, никогда не писал, потому что сказанное слово несет в себе таинство, которым не обладает слово написанное. Написанное слово может быть написано любым.

Как вы думаете, будет ли какая-нибудь разница, вы написали его или Иисус Христос? Может быть, написанное вами будет лучше? Но вы не испытаете харизматического воздействия только потому, что Иисус написал это. Но в том, что касается слова сказанного... слово, сказанное Иисусом, имеет определенное воздействие. Вы тоже можете сказать то же самое слово, но оно не окажет того же воздействия.

Все христианские миссионеры постоянно повторяют одни и те же слова. Иисус оставил не так уж и много; на самом деле всего лишь одну проповедь, Нагорную Проповедь, содержащую все его учение. И он был необразованным человеком, потому не мог пользоваться изощренным языком: его язык простой, грубый, необработанный. Чего еще ожидать от сына плотника? Но его воздействие было потрясающим. Ни за что люди не распинают.

Если иудеи и римляне согласились распять этого человека, то можете принять как данное: в этом человеке было что-то такое, что заставило дрожать на троне царя Ирода. Первосвященник иудеев, державший в своих руках всю религиозную власть, слушая Иисуса, немедленно понял, что ни один ученый муж не может победить этого человека.

И дело не в том, что говорит этот человек, а в том, как он говорит это, — или даже лучше, — само его присутствие, пространство, из которого он говорит, несет определенный аромат, определенное качество проникновения, которое достигает вашего сердца. И нет пути избежать этого. Позднее вы, может быть, найдете тысячу и один аргумент против, но в присутствии этого человека - прав он или нет - его воздействие абсолютно. В его присутствии вы не можете сомневаться в нем.

Ну и, конечно, невозможно создать такого человека, давая ему уроки в ораторском искусстве, обучая его лучшим приемам языка, речи, делая его искусным во всех отношениях. Но теософы упорно работали над Дж.Кришнамурти до тех пор, пока ему не стало двадцать пять, и тогда они подумали: «Настало время обнародовать нашу декларацию — он готов». И они взяли на обучение действительно великого человека.

Вместе с ним они взяли на обучение несколько других мальчиков, потому что заранее не было известно, кто из них окажется подходящим. Поэтому они обучали по крайней мере полдюжины мальчиков, но Кришнамурти оказался им наилучшим. И конечно, он был наилучшим, - но не для их целей. Для их целей из оставшихся пяти подошел бы любой.

Один из них, Радж Гопал, все еще жив. Он на протяжении всей своей жизни был личным секретарем Дж.Кришнамурти, но несколько лет назад он предал его, по-настоящему предал. Все

- все права адвокатов, все авторские гонорары, все авторские права на книги - все было оформлено на имя Раджа Гопала, чтобы Кришнамурти не надо было ни о чем беспокоиться.

Когда Кришнамурти было восемьдесят лет - десять лет тому назад, - Радж Гопал просто завладел всем этим: всеми будущими гонорарами, книгами и всеми пожертвованиями, которые поступили за этот пятидесятилетний период. Он просто оттолкнул Кришнамурти, сказав: «Я больше вам не секретарь. И забудьте обо всех этих вещах, - а если хотите пойти в суд, идите».

Этот человек, Радж Гопал, оказался лучше всех подходящим теософскому движению и его целям. Он оказался предельно ловким, хитрым, обладающим огромным терпением, действительно человеком сильной воли. Он долго ждал, чтобы предать Кришнамурти: он вынашивал эту идею лет пятьдесят, но никто не мог обнаружить ее в нем. Даже Кришнамурти не мог ничего заподозрить. Как это можно представить себе, что человек, который служил вам на протяжении пятидесяти лет, однажды возьмет и отрубит вам голову? Тот, кто не поднимал ни единого вопроса, ни единого сомнения в вас. Радж Гопал подошел бы гораздо лучше для целей теософов.

Дж.Кришнамурти определенно был лучшим, но не для их целей. И это было доказано незамедлительно, потому что в тот день, когда он собирался декларировать себя учителем мира... Они подготовили каждое слово его речи, прослушивали его снова и снова с тем, чтобы он мог в точности повторить свою речь, потому что она должна была стать документом исторического значения; никто не делал такого раньше.

Шесть тысяч представителей со всего мира собрались в Голландии. Одна старая леди из королевской семьи пожертвовала свой замок и пять тысяч акров земли, чтобы там могла разместиться всемирная штаб-квартира Кришнамурти. Все было Подготовлено в величественном масштабе.

Кришнамурти поднялся и сказал: «Я ничей не Учитель, и никто не мой ученик. Единственной декларацией, которую я должен сделать, является то, что я покидаю движение, которое было сотворено вокруг меня. Я распускаю организацию, названную “Звезда Востока”, которая была создана специально для моей работы, и я возвращаю замок, деньги, пожертвования и землю их владельцам».

Анни Безант плакала; она не могла поверить своим глазам. Это был такой удар: «Что случилось? Мы пришли сюда со всего мира, а этот человек просто говорит, что он ничей не Учитель, и не нужен такой». Но для всякого, кто понимает, как действует человеческая психология, это не было неожиданностью.

Теософы совершали над ним насилие, и для него в тот момент впервые появился шанс встать и выступить перед публикой - и он не хотел упустить его. До того момента он содержался в секретном месте, а по всему миру распускались слухи о том, что он входит во все более высокие и высокие степени духовности. «Вот он прошел трехзвездную степень, вот он прошел пятизвездную, семизвездную степень; вот он достиг всех девяти звезд и время пришло». Вот почему организация, созданная специально для учителя мира, называлась «Звезда Востока», ведь он был первым человеком, который достиг высочайшей вершины сознания: девяти звезд.

Похоже на пятизвездный отель - девятизвездный отель!

И конечно, когда вы выпадаете из девятизвездного отеля... Все движение было разрушено. Была распущена не только организация «Звезда Востока», удар был так силен, что все теософское движение начало распадаться на части и увядать. Теперь это всего лишь история.

Проблема с Кришнамурти заключается в том, что теперь с тех пор прошло уже шестьдесят пять лет, а он продолжает говорить людям: «Умрите для прошлого; живите этим мгновением», - непрерывно. Это наваждение. Мое понимание таково, что сам он не смог умереть для своего прошлого - его прошлое: те годы учения, подготовки и лицемерия. Те люди, которые почти мучили его всем этим учением йоги, - пробуждением в три часа утра, обливанием холодной водой, выполнением всех этих упражнений, повторением всех этих мантр, - они оставили в нем шрамы.

Он говорит вам: «Умрите для прошлого», - а сам он не смог простить тех людей, которые все уже умерли. И он не смог забыть те ранние годы мучений во имя подготовки, учения.

Вот странное совпадение, что как раз сегодня я впервые увидел Кришнамурти на телевизионном экране. Раз так случилось, что я был в Бомбее, он был Бомбее, и он хотел встретиться со мною. Один из его главных учеников в Индии пришел ко мне и попросил меня, - он знал меня и бывало слушал мои беседы: «Дж. Кришнамурти хочет видеться с вами».

Я сказал: «Нет проблем - приводите его».

Но он сказал: «Так не по-индийски».

Я сказал: «Кришнамурти не верит ни в индийское, ни в европейское, ни в американское».

Он сказал: «Может быть, он и не верит, но все остальные-то верят».

Я сказал: «Я не собираюсь встречаться со всеми остальными. Вы говорите, что Дж.Кришнамурти хочет встретиться со мною: приводите его. Если бы я хотел встретиться с ним, я бы пришел к нему, но я не вижу необходимости в этом».

Тот же снова и снова подчеркивал: «Он старше, вы моложе», - в то время мне было только сорок лет, а Кришнамурти был вдвое старше меня.

Я сказал: «Это совершенно верно, но я не вижу никакой необходимости встречаться с ним. Что я скажу ему? У меня нет к нему вопросов, у меня есть только ответы. Будет выглядеть очень неловко, если я начну отвечать ему, когда он ни о чем и не спрашивает. Он будет ожидать от меня вопросов. Это невозможно - я никогда не спрашиваю. У меня есть только ответы, так что же мне делать?»

«Конечно, он просветленный, так в чем же необходимость? Самое большее, мы можем посидеть рядом в молчании. Так зачем без необходимости отвозить меня за десять или двенадцать миль?» А в Бомбее десять или двенадцать миль означают иногда два, иногда три часа в пути. Дороги постоянно заблокированы всеми видами экипажей, Бомбей, по-видимому, единственный город, по которому ездят все модели автомобилей. Самый древний автомобиль, на котором Бог вывозил из рая Адама и Еву, - и тот тоже будет в Бомбее. Нет другой возможности; он не может быть ни в каком другом месте.

Я сказал: «Я не заинтересован в том, чтобы тратить три часа, беспокоиться без необходимости... И у меня раньше уже было такое переживание: это абсолютно бесполезно. Вы пойдите и спросите его; если он захочет спросить меня о чем-то, я, может быть, подумаю о том, чтобы прийти к нему из-за его старых лет. Но самому мне не о чем спрашивать. Если он хочет повидаться со мною, тогда он должен принять на себя хлопоты по прибытию сюда». Конечно, Кришнамурти услышал об этом, он был очень разгневан. Он очень легко гневался. Этот гнев от его прошлого; он гневается вместе со своим прошлым.

Как раз сегодня по каналу Би-Би-Си я видел интервью с Кришнамурти, - это было мое первое знакомство с тем, как он выглядит, - и я был просто расстроен! Снова та же история, которую я рассказывал вам вчера, - та же история. В нем совсем нет харизмы, нет впечатления. Мне было жаль смотреть на это интервью. Я знаю, что он просветленный, но было бы лучше, если бы я не видел его лица, его жестов, его глаз, потому что во всем этом нельзя найти и тени просветления. Багаж добрался до места назначения - пассажир потерялся где-то по дороге.

Я продолжаю говорить, что он просветленный, потому что я прочел тысячи слов просветленных людей, - слова Кришнамурти гораздо более точны в описании этого переживания. И путь его переворота совершенно в духе просветления. Но есть различие между переворотом и восстанием, очень тонкое различие.

Переворот - это реакция, реагирование. Восстание - это не реакция, это акция, действие. Пожалуйста, постарайтесь понять это различие: реакция обязана оставаться связанной с ситуацией, в связи с которой она возникла. Именно это тянет его назад. Он не может отбросить эти тени, - которые не что иное, как тени, - он окружен ими, и он все еще реагирует на них. Пока он говорит с вами, он говорит не с вами: вы - просто предлог для обвинения тех мертвых людей, которые сделали ему что-то плохое.

Я думаю, что он стал бы просветленным в любом случае, если не в этой, то в другой жизни. Но если бы он был предоставлен самому себе, тогда все было бы совершенно по-другому. Тогда была бы акция, действие, а не реакция. Тогда-то и было бы восстание.

Я не реагирую ни на что. Все, что я говорю, я говорю не в качестве реакции на что-либо, а в качестве моего переживания. Если сказанное идет против чего-либо, это другой вопрос; это побочный эффект. Для Кришнамурти же побочным эффектом является то, что он говорит; его исходной мыслью остается стремление уничтожить тех людей и то, что они сделали с ним. Ему девяносто лет, но те тени все еще носятся вокруг него; и из-за этих теней он не смог расцвести и стать харизматическим существом. Именно это я и увидел сегодня: в нем вовсе нет харизмы, очарования.

Девяносто лет - это долгая жизнь. И начал он свою карьеру в девять лет — с девятилетнего возраста он пребывал в духовном мире на протяжении восьмидесяти одного года непрерывно. Может быть, до него никто не пребывал в духовном мире так долго. Но восемьдесят один год... а магнит все еще упущен.

Он выступал повсюду в мире; он, должно быть, самый выдающийся оратор за всю историю человечества. Иисус ограничивался Иудеей, Будда ограничивался Бихаром, но Кришнамурти на протяжении всех этих лет скитался по всему миру. У него есть несколько особых мест, где он выступает, например в Индии: Нью-Дели, Бомбей, Варанаси и Адьяр.

Я знаю о его встречах в Бомбее, потому что жил в Бомбее четыре года, и мои санньясины ходили на эти встречи и рассказывали мне. Одно дело: в Бомбее его слушают не более трех тысяч человек. В Бомбее он выступал всю свою жизнь, и приезжает он туда один раз в году на две или три недели. В неделю он выступает два, самое большее три раза; и при этом слушают его всего лишь три тысячи человек. И самое странное в том, что приходят туда почти одни и те же люди, причем большинство из них очень старые, потому что они слушают его на протяжении сорока лет, - те же старомодные люди.

Странно: они слушали этого человека на протяжении сорока лет, и, похоже, ни он не добрался никуда, ни они не добрались никуда. Это стало просто привычкой: похоже, что он вынужден приезжать в Бомбей, а они вынуждены ходить слушать его каждый год. Мало-помалу старики умирают, заменяют их немногочисленные новые люди, но общее число никогда не превышает трех тысяч. Та же ситуация в Нью-Дели; та же ситуация в Варанаси... ведь я же выступал в его школе в Варанаси.

Там в его школе я спросил: «Сколько людей приходят сюда? »

Мне ответили: «Самое большее полторы тысячи, но это всегда одни и те же люди».

Какое влияние! А ведь этот человек предпринимал тяжелейшие усилия. Иисус в три года создал целое христианство — без малого величайшую религию мира, хорошо это или плохо. Но в тот день, когда Кришнамурти умрет, вскоре после того, -исключая, конечно, ваше Кришнамурти-Лейк, - его имя исчезнет. Я не вижу причины, почему бы этому не случиться и сегодня.

Он не тот человек, который проникает в вас, обходит ваш интеллект, ведь ваш интеллект, конечно, может вступить в борьбу, но он-то уже захватил ваше сердце, - и вот вы попались. Интеллект может попытаться немного побороться, посомневаться в этом или том, но если захвачено сердце, интеллект вынужден сдаваться.

Интеллект принужден следовать за сердцем. Да, если до того, как что-то достигнет вашего сердца, интеллект перехватит это, то он может все и испортить.

Харизматическая личность - это человек, который напрямую достигает вашего сердца, да так, чтобы интеллект и не осознавал, что же такое происходит, что же такое просачивается в вас.

К тому моменту, когда интеллект узнает, что сердце пульсирует какой-то новой радостью, становится уже слишком поздно.

Интеллект ничего не может переделать в сердце, это невозможно.

Интеллект не может двигаться назад. Как и вы не можете двигаться назад во времени, так и интеллект не может двигаться назад к сердцу: он может лишь стоять при воротах.

Харизматическая личность каким-то образом входит в эти ворота, пока стражник или отлучился, или спит, или задумался о чем-то.

В тот момент, когда слышатся колокольчики, зазвучавшие в сердце, стражник просыпается; но уже слишком поздно, кто-то вошел внутрь.

А стражнику нельзя войти внутрь, пути нет, - движение назад не в природе вещей интеллекта. Да, если интеллект схватит вас в воротах, тогда сердце ничего и не узнает.

А преобразует-то вас сердце, оно соединяет вас, строит золотой мост.

Интеллект - это нечто очень поверхностное.

Сегодня, видя интервью Кришнамурти, я мог лишь опечалиться за этого человека. Он работал всю свою жизнь, претерпевал огромные трудности, но результат ноль. Причину найти не сложно: в нем нет харизматической вибрации, нет ауры. Он окружен тенями прошлого, они заслонили его. Он анти-ортодокс-сален, анти-традиционен; но вся его энергия оказалась завязанной в этой ненависти.

Это отношение ненависти к прошлому, но все равно это отношение. Он не смог полностью отсечь себя от прошлого. Возможно, это высвободило бы его энергию; открыло бы его харизматические качества, но так не случилось.

Люди, которые становятся заинтересованными в нем, - это чистые интеллектуалы, - запомните, я говорю чистые интеллектуалы, - которые не знают ничего о том, что у них есть еще и сердце. Эти интеллектуалы интересуются им, но эти интеллектуалы - не те люди, которые смогут преобразоваться. Это просто софисты, спорщики; и Кришнамурти напрасно тратит время с этими интеллектуальными людьми мира.

Запомните, я не сказал разумными людьми мира, — это совсем другая категория. Я говорю о чистых интеллектуалах, которые любят играть словами, логикой... это своего рода гимнастика. И Кришнамурти всего лишь питает их интеллект.

Он думает, что разрушает их ортодоксальность, что он разрушает их традицию, что он разрушает их личность и помогает им раскрыть свою индивидуальность. Он не прав, он не разрушает ничего. Он просто исполняет их сомнения, поддерживает их скептицизм, делает их более ясно выражающими свои мысли — они могут спорить о чем угодно. Вы можете быть способными спорить против чего угодно на свете, но может ли ваше сердце быть за хотя бы что-нибудь?

Вы можете быть против всего — это не изменит вас.

Выступаете ли вы и за что-нибудь?

Это что-нибудь и не исходит от него.

Он просто спорит все время.

И проблема в том, - именно поэтому я испытываю по отношению к нему чувство жалости, - что то, что он делает, могло бы оказать потрясающую помощь, но не помогает никому. Я не встречал ни одного человека, — а я сталкивался с тысячами последователей Кришнамурти, но ни один из них не преобразовался. Да, они говорят очень ярко. Невозможно спорить с ними, невозможно победить их в том, что касается спора. На протяжении лет Кришнамурти отточил свой интеллект, и теперь они, как попугаи, повторяют Кришнамурти.

Это парадокс всей жизни Кришнамурти. Он хотел, чтобы они были индивидуальностями сами

по себе, а что же он делает? Они просто попугаи, интеллектуальные попугаи.

Этот человек, Раосахеб Патвардхан, который хотел, чтобы я повидался с Кришнамурти, был его старым коллегой. Он узнал обо мне в 1965 году, когда я выступал в Пуне; он сам жил в Пуне. Его уже нет среди живых. Я спросил Раосахеба Патвардхана, -он был очень уважаемым человеком: «На протяжении всей своей жизни вы были так близки к Кришнамурти, но в чем же достижение? Я не хочу слушать о том, что традиция - это плохо, обусловленность - это плохо, и должна быть отброшена, — я знаю все это. Отложите это все в сторону и скажите мне: чего вы достигли?»

И этот старый человек, который после этого месяцев через шесть или семь умер, сказал мне: «В том, что касается достижений, я никогда не думал об этом и никто об этом меня не спрашивал».

Но я сказал: «Тогда какой же смысл? За традицию вы или против традиции, в любом случае вы привязаны к традиции. Когда же вы раскроете свои крылья и полетите? Кто-то сидит на дереве, потому что любит деревья; кто-то другой сидит на том же дереве, потому что ненавидит деревья, и он не оставит дерева, пока не уничтожит его. Один все время поливает дерево, другой все время ломает его, но оба привязаны, прикованы к дереву».

Я спросил его: «Когда вы раскроете свои крылья и полетите? Вот оно небо. Вы оба забыли небо. И какое вообще отношение имеет дерево к небу?»

Вот почему я вспомнил тот инцидент с моим безбрачным профессором и моими словами: «Я даже не ненавижу ее».

Я не ненавижу ни одну религию.

Я просто устанавливаю факт:

Религии - это не что иное, как преступления против человечества.

Но я говорю это без всякой ненависти во мне. У меня нет любви к ним, у меня нет и ненависти к ним: я просто устанавливаю то, что есть факт.

Поэтому вы найдете много похожего между тем, что говорю я, и тем, что говорит Кришнамурти, но есть и огромное различие. И различие это заключается в том, что пока я обращаюсь к вашему интеллекту, я работаю над чем-то еще... отсюда и такие паузы. Отсюда и такие длинные беседы! Любой идиот может повторить мою беседу в течение часа, - но не я, потому что я должен делать и еще что-то.

Поэтому, пока вы ждете моих слов, - вот оно самое подходящее время: вы ждете, вы заняты своими головами.

А я краду ваши сердца.

Я вор!

Беседа 8

РАДЖНИШИЗМ: ЧРЕВО ДЛЯ ТРАНСФОРМАЦИИ

6 января 1985 года

Бхагаван,

Охарактеризуйте, пожалуйста, ортодоксального раджнишиста.

Эти два понятия противоречат друг другу, но я не хотел бы рассматривать вопрос так узко. Я постараюсь выжать из него столько сока, сколько возможно.

Да, существует некий путь определения ортодоксального раджнишиста. Это будет странное определение, потому что здесь используются вместе два противоречивых понятия. Но все же я чувствую, что это важно.

Первым качеством ортодоксального раджнишиста будет:

Он не будет ортодоксальным - ни в каком смысле, ни в каком направлении.

Он будет полностью во власти бунтарского духа.

Он будет сражаться против всего, что плохо, что продолжает лежать тяжелым грузом на человеческом сознании; от чего надо было бы давным-давно избавиться.

Но в силу странной привычки человеческого разума, над вами продолжают властвовать ненужные вещи; и чем древнее они, тем глубже и сильнее их власть. Надо понять причину этого.

Прежде чем что-либо вроде образования вошло в нашу жизнь, существовал лишь один способ обучения, и это было обучение у людей с большим опытом. Естественно, более старшее поколение будет учить более молодое поколение. Старшее поколение имеет опыт, а опыт был единственной школой; этому не было альтернативы. Молодое поколение должно было принимать все, о чем бы ни говорило старшее поколение; и не было никаких путей обойти это старшее поколение.

Старшее поколение было единственным источником знаний, поэтому старых людей стали уважать. И чем старше они были, тем больше их уважали, потому что их опыт был больше, их опыт был продолжительнее, - и он давал им истинный авторитет.

Этот авторитет было невозможно сравнить ни с каким другим, у старшего поколения была абсолютная монополия. Из-за этого, - а это должно было превалировать тысячелетиями, - ум выработал привычку, а привычки умирают действительно с большим трудом. И привычки, которые накапливаются тысячелетиями, укореняются. Они становятся своего рода программой внутри вас.

Я критиковал Махатму Ганди всю свою жизнь, но ни один из его последователей не ответил на мои аргументы. Я не упрекаю их, потому что у них не было своих аргументов: что бы они ни собирались сказать, все выглядело бы глупо, - и они знали это. В частных разговорах они соглашались со мной: «То, что ты говоришь, - правильно, но то, что ты говоришь, - неправильно. Говорить что-то против человека, которого боготворят миллионы людей, неправильно; ты

ранишь их чувства».

Я сказал: «Вы имеете в виду, что я должен врать, чтобы не ранить их чувства? Вы имеете в виду, что я должен прекратить говорить правду и описать всю жизнь Ганди как глубокий поиск правды? Он озаглавил свою автобиографию История моих опытов с истиной... человек, который думает, что вся его жизнь является опытом с истиной. А вы являетесь его верными последователями, вы жили с ним: и вы имеете наглость говорить мне, что я не должен это говорить, даже если это и правда».

Принародно ни один из последователей Ганди не нашел мужества признать то, о чем я говорил, но они также не были способны привести какие-либо аргументы против меня; но они нашли-таки один момент, который в Индии имеет огромную значимость. Все последователи Ганди по всей стране начали говорить, что я слишком молод, неопытен; что когда я стану старше, я не буду говорить подобные вещи. Даже Морарджи Десаи...

Он считал себя единственным ныне живущим преемником Махатмы Ганди, и ему очень нравилась одна вещь... По всей Индии Ганди звали Бапу. Бапу означает отец, но гораздо более ласково чем отец, ближе к папе или даже к папочке. Чтобы перевести это более точно, я воспользуюсь словом, которым Иисус называл отца, авва. Это по-арамейски, и оно имеет то же самое значение, что и бапу. Бапу - это термин Гуджарати. Морарджи Десаи тоже Гуджарати; и сейчас он уже достаточно стар, ему девяносто, так что пора уже его называть Бапу - потому что именно так вся страна называла Ганди.

Морарджи Десаи был заместителем премьер-министра, когда он критиковал меня, и единственным его доводом было то, что я слишком молод. Несколько лет спустя, когда он уже не был в правительстве, он захотел встретиться со мной. Он хотел, чтобы я помог ему свергнуть Индиру Ганди с ее поста, он хотел получить мой совет, что он должен для этого сделать. Когда я пришел к нему, - это было не в его правилах, но тогда он был в трудном положении, - он вышел встретить меня к воротам. Это было не в его правилах, - я видел его раньше, когда он был у власти.

Он провел меня за руку в дом и проследил, чтобы я удобно расположился. Мои волосы начали седеть, поэтому он сказал: «В прошлый раз твои волосы не были седыми».

Я сказал: «Что делать? Для доказательства своей правоты я делал колоссальные усилия, чтобы заставить мои волосы поседеть. Пока мои волосы не будут седыми, я буду не прав».

Он не мог понять. Я сказал: «Позвольте мне напомнить. Вы критиковали меня, будучи заместителем премьер-министра, вы говорили, что я слишком молод. С тех пор я старался стать старше. Но и сейчас я придерживаюсь тех же аргументов - причем гораздо тверже, потому что стал более опытным. И насколько я могу видеть, чем старше я становлюсь, тем острее будут мои аргументы. Я не вижу никакой надежды на то, что когда-либо смогу согласиться с глупцами, - неважно, кто они, - Махатма Ганди или сам Бог».

Морарджи Десаи был очень смущен, и я сказал ему: «Если возраст является доказательством, тогда вы слышали мои слова о том, что Морарджи Десаи становится дряхлым? Если бы он был немного помоложе, он понял бы, что я говорю. Необходим разум, а он дряхл. И чем дряхлее он становится, тем более глупыми и идиотскими будут идеи, которые имеют власть над его

разумом».

Однако довольно странно, что Кака Калелкар, Морарджи Десаи, Виноба Бхаве, Шанкаррао Дэо - все великие последователи Ганди в Индии - использовали один и тот же аргумент, что я был молод. Если быть молодым преступление, если для того, чтобы быть неправым, достаточно быть молодым, то больше ничего и не нужно.

Я сказал Шанкаррао Дэо: «Сколько лет было Иисусу Христу, когда его распяли? Я старше его - ему было только тридцать три. Согласно Вашим аргументам, все что он сказал, должно быть отброшено, все это не имеет смысла. Какой смысл может это иметь? Человек, которому всего тридцать три .какой у него может быть авторитет... он так неопытен?»

«Но, - сказал я, - вы можете захотеть отбросить Иисуса Христа, ведь вы не христианин, так что позвольте мне напомнить вам, сколько лет было Шанкаре, великому философу Индии. Ему было тоже тридцать три, когда он умер. Если возраст является определяющим фактором, тогда Шанкара никогда не должен более упоминаться, - а Шанкара имеет огромное влияние на умы индусов».

Нет, когда это вам выгодно, - когда молодые должны просто следовать за старыми без каких-либо сомнений, - тогда молодежь не должна даже упоминаться. Вашу молодежь начинают спрашивать только тогда, когда она скептически, когда начинает сомневаться в старых людях.

В древности это было невозможно... потому что молодые не могли придать тому, что они говорили, должного веса; их опыт был слишком мал. Сейчас все изменилось, и настолько сильно, что я могу сказать: повернулось на сто восемьдесят градусов. С появлением систем образования, личный опыт уже не является единственным путем к знанию; действительно, это очень длинный путь к знанию. С помощью образования вы можете получить знания гораздо быстрее. То, что человек мог узнать за девяносто лет своей жизни, вы можете узнать за один год.

Все, что Бертран Расселл написал за свою долгую, почти столетнюю, жизнь, вы можете прочесть за полгода. Это действительно случилось... У Бертрана Расселла был студент, Людвиг Виттгенштейн, немец, который прочел все книги Бертрана Расселла, - что не трудно. Бертран Расселл писал обо всем, что приходило ему в голову, - он был одним из величайших умов всех времен, - ему пришлось записывать все это в течение всей своей долгой жизни.

Людвиг Виттгенштейн был молодым человеком. Он прочел все книги Бертрана Расселла, потому что собирался стать его учеником и хотел познакомиться абсолютно со всем, что приходило в голову этому человеку. В тот день, когда он пришел в класс к Расселлу, его знания были много больше, чем у самого Расселла. Бертран Расселл был очень стар; Виттгенштейн был очень молод, но он знал больше, потому что прочел все, что написал за свою жизнь Расселл, и многое из того, что написали другие; многое из того, что написали враги Бертрана Расселла. И он нашел много ошибок и уверток в трудах Расселла.

Бертран Расселл был просто в шоке, но он был человеком истины, он был честным человеком. Он принял это: «Людвиг Виттгенштейн, хоть и является моим студентом, знает гораздо больше меня, потому что приобрел знания коротким путем, а я вынужден был идти к этому долгим путем. Он шел коротким путем, он познакомился со всем, что я написал, и начал спорить со мной в такой манере, в которой может спорить только очень опытный человек».

Бертран Расселл был настолько потрясен недолгим контактом с Людвигом Виттгенштейном, что сказал ему: «Не теряйте времени, вы ничему не научитесь у меня. Вы уже знаете больше».

В классе Виттгенштейн обычно делал кое-какие заметки. Бертран Расселл попросил его: «Мне бы хотелось взглянуть на ваши записи». А когда он увидел эти заметки, он сказал: «Эти заметки настолько значительны, что должны быть опубликованы».

Но Виттгенштейн сказал: «Я писал это не для публикации, я просто заносил на бумагу свои мысли. Эта книга очень сырая, это не книга для публикации».

Бертран Расселл сказал: «Опубликуйте все как есть, а я напишу предисловие к книге».

Эти заметки были опубликованы и оказались революционными. Это были просто фрагменты, потому что они были написаны не в виде эссе или очерка - просто произвольные мысли, которые приходили ему в голову. Но из-за того, что книга, Трактат по логико-философии, стала такой знаменитой, - это были всего лишь наброски, но она стала такой знаменитой, как никакая другая книга по философии в этом столетии, - и была настолько мудрой, что это дало Виттгенштейну идею. Он никогда уже не писал книги в другой манере, это стало его стилем - просто писать заметки, фрагменты.

Успех этой книги доказал, что когда вы пишете статью, ваша мысль распределяется по всей статье и теряет свою глубину и остроту. Она становится более понятной, но менее пронзительной. Когда эта мысль — голое, как афоризм, утверждение без каких-либо прикрас, то она проникает глубже, несмотря на то, что она может быть понята не всеми людьми, - людьми, которые могут за семенем увидеть целое дерево, которое еще не существует, но является лишь возможностью к существованию.

Человек может увидеть в семени целое дерево.

Высказывания Виттгенштейна аналогичны семенам. Вы должны осмыслить, какой они несут потенциал. Он не дает вам никакого ключа, он просто кладет семена перед вами и идет вперед, продолжая класть другие семена. Он никогда не пытается соединить их; вы должны соединить их.

Читать Виттгенштейна - это действительно переживание. Читать кого-либо другого - все равно что есть пережеванную пищу. Когда читаешь Виттгенштейна, кажется, что он просто кладет пищу перед вами: вы должны сами разжевать ее, должны переварить ее. Вы должны осознать, что это значит.

Обычно философ пытается довести до вашего сознания то, что он имел в виду. Он пытается предохранить вас от неверного шага, чтобы вы не сбились с правильного понимания его мысли, и он раскладывает перед вами свою мысль со всеми подробностями. Но он ничего не оставляет для вас. Он не помогает вашему разуму; он, в действительности, портит вас. Когда вы переходите на жидкую пищу, вы в скором времени потеряете способность переваривать твердую пищу. Жидкая пища разрушит вашу способность переваривать твердую пищу. Но Бертран Расселл не говорил Виттгенштейну: «Вы слишком молоды», - нет. Вот оно отношение истинного мыслителя.

Образование привнесло новую методологию. За несколько дней вы можете прочитать, сидя в библиотеке, в университете, то, что Пифагор собирал всю свою жизнь; все это доступно вам. Поэтому, когда мальчик приходит домой из университета... свершается что-то страшное. В прошлом именно отец был прав, дед был еще более прав. Теперь это не так; теперь именно молодой человек прав, потому что если отец и посещал университет, то это было около тридцати лет назад, а за тридцать лет произошло так много изменений.

Когда я поступил в университет, чтобы изучать психологию, моим преподавателем был старый человек, хорошо знающий предмет, но всему, что он знал и изучал, было уже не меньше полувека. Те имена, на которые он ссылался, были полностью забыты в мире психологии. Кого сейчас интересует Вудворт? А когда я сказал ему: «Вудворт? Вы что, сумасшедший? Все это было хорошо до первой мировой войны. Но вот уже две мировых войны миновало. Вы спали все это время?

Вудворт больше не авторитет». Но когда мой профессор учился в университете, Вудворт был авторитетом. Я сказал ему: «Вы должны прочесть Ассаджиоли».

Он сказал: «Ассаджиоли? А кто он?» Я сказал: «Если вы не знаете Ассаджиоли, подайте в отставку — потому что психология прошла путь от Фрейда до Адлера, до Юнга, до Райха; и она пришла к Ассаджиоли. Ассаджиоли проповедует психосинтез; Фрейд обучал психоанализу, а это прямо противоположные вещи». И я сказал ему: «Если я пришел изучать психологию, это не значит, что я собираюсь изучать старый, гнилой хлам, который сейчас не имеет никакого значения. Вы умерли вместе с Вудвортом! Что вы здесь делаете? Вы не знаете имени Ассаджиоли? Если вы не имеете понятия о психосинтезе, вы безнадежно устарели».

Я сказал ему: «Вы напоминаете мне одного сумасшедшего, который живет напротив. Он каждый день приходит ко мне рано утром, когда я пью чай, за газетой. Я даю ему любую попавшуюся газету - месячной давности, двухмесячной - и он радостно берет ее и читает, полный счастья. Его совершенно не волнует число». «Я спросил этого сумасшедшего: “Ты так интересуешься газетами, но вот что странно: тебя совершенно не волнует число”. Сумасшедший сказал: “Меня интересуют сами новости - когда они происходят, какая разница? И какое это имеет значение, что произошло это в прошлом году или два года назад? Это произошло, и достаточно, — я наслаждаюсь этим ‘».

Я сказал пожилому профессору: «Я приду к Вам домой и выброшу все старье, которое Вы читаете».

Он сказал: «Нет, вы не должны приходите ко мне, потому что вы выбросите все. То, о чем вы говорите... Я действительно беспокоюсь о моей библиотеке, потому что вы выбросите все мои книги; они все ровесники моих студенческих дней».

Я сказал ему: «Тогда вы должны стать более современным, иначе вам придется сидеть за партой, а я буду вам преподавать. Если вы не готовы подняться до современного уровня, тогда о чем беспокоиться? Вы слушаете - может в конце концов вы чему-нибудь и научитесь. Я не вижу, чему я могу научиться у вас. Если Вудворт для вас является концом психологии, тогда...»

Он сказал: «Я постараюсь». Он был славным человеком поэтому признал, что я прав - что многим профессорам принесет пользу признание того факта, что после окончания университета

они ничего нового не прочли, ни разу не посетили библиотеку. Я действительно пошел в библиотеку и проверил: «Сколько профессоров посещает библиотеку?» И я был удивлен ответом библиотекаря: «Профессора? Библиотека предназначена для студентов, а не для профессоров».

Я сказал: «Это что-то непонятное. Профессора должны ежедневно знакомиться с тем, что происходит нового, потому что все меняется так быстро, а они остались на уровне тридцатилетней, сорокалетней давности». За это время в науке произошло столько нового, что невозможно сравнить эти три десятка лет с прошедшими тремя веками. Что не произошло за прошедшие триста лет, произошло за недавние тридцать; а то, что произошло за последние три года, не могло произойти за все тридцать лет.

Вы можете заметить, что сейчас научные открытия не печатаются в виде книг, они публикуются в виде статей в периодических изданиях, по той простой причине, что пока вы закончите книгу, она уже успеет устареть. Книга требует времени, возможно год для написания рукописи, - со всеми примечаниями, сносками, приложениями, - а также еще год для завершения. А за это самое время кто-то успеет опубликовать статью, которая может оказаться более глубокой, чем ваша книга. Поэтому сегодня ученый стремится как можно скорее опубликовать все, что он открыл, даже в виде самой маленькой статьи в периодическом издании. Никто не знает, что может случиться завтра.

Поэтому сегодня молодой человек знает больше, чем старый. Чем свежее ваши знания, тем лучше. В прошлом же все было не так. Все не так и в странах с низким уровнем образования, - например в Индии, где только два процента населения имеют действительно хорошее образование. Говорят, что восемь процентов населения имеют образование; но шесть процентов считаются имеющими «образование» только потому, что они могут поставить свою подпись, и ничего другого. Но даже если считать и их, то все равно девяносто два процента жителей страны неграмотны.

В деревнях жизнь идет по заведенному порядку: отец знает; сын должен принимать это, - а дед знает еще больше. Чем старше человек, тем он более уважаем, потому что он более мудрый. Нет ничего странного в том, что все религии изображают Бога как очень старого, древнего человека. Вы когда-нибудь видели Бога, изображенного в виде молодого человека в синих джинсах? Это будет невежливо по отношению к нему, будет выглядеть оскорбительно, однако, в действительности, это отразит сегодняшний день.

Манера, в которой изображали Бога в прошлом, была правильной; в те времена быть старше означало быть мудрее - объективно нельзя изобразить Бога в виде молодого человека. Но сейчас старый означает просто «не современный»; чем моложе, тем современной, правильной, ближе к истине.

Если вы хотите видеть Бога ближе к истине, облачите его в синие джинсы. Это будет выглядеть несколько эксцентрично, потому что он никогда не носил джинсы. Он может ощущать некоторые трудности, но что делать - все изменилось. Но ум, где-то глубоко внутри, продолжает держаться за старую программу.

Мой санньясин должен быть абсолютно неортодоксальным. Я не скажу антиортодоксальным по той причине, что если вы являетесь антиортодоксальными... Может быть, в Америке мне не следует говорить «anti-orthodox» (анти-ортодоксальный); здесь говорят «ant-eye-orthodox»

(ортодоксальный с муравьиными глазами)! Я не могу так говорить, это нелепо. «Sem-eye-automatic weapons»... (автоматическое оружие с глазами Сэма - искаженное от semi-automatic weapons - полуавтоматическое оружие). Эти янки творят странные вещи таким красивым языком. Нет, я буду продолжать в своей манере.

Я не хочу называть своих людей антиортодоксальными, потому что если вы анти, то каким-то образом вы уже к чему-то причастны. Как враг, не как друг, однако уже есть взаимосвязь. Взаимосвязь не от любви, а от ненависти, но ненависть является гораздо более привязывающим отношением, чем любовь.

Доводилось ли вам наблюдать, что любовь очень недолговечна? Она приходит и уходит, как легкий ветерок. Она есть, и вы чувствуете, что переполнены любовью к кому-то, вы не можете себе представить, что эта любовь когда-нибудь исчезнет. В такие моменты люди становятся романтиками, начинают говорить так, как говорят только поэты или сумасшедшие. Этот момент их жизни настолько всепоглощающий, что они начинают говорить: «Я буду любить тебя всегда!» И это правда - на данный момент. Они не лгут, это то, что они чувствуют в данный момент: «Если бы могли существовать другие жизни, то и в них я любил бы только тебя».

И человек не лжет, он абсолютно честен. Он настолько переполнен любовью, что чувствует, что так и должно быть, что жизнь слишком коротка, чтобы осуществить эту любовь, чтобы разделить эту любовь. И он не осознает, что это всего лишь легкий ветерок, который налетает с одной стороны, через одну дверь, и улетает в другую сторону, в другую дверь, оставляя вас в том состоянии, в котором вы были до этого, возвращая вас снова на землю.

Те крылья, которые внезапно выросли и поднимали вас ввысь - «выше выше, Бхагаван, выше и выше». Те крылья... потом вы оглядываетесь вокруг, а их нет. Внезапно вы начинаете падать ниже и ниже, ниже и ниже. И вы уже не на ровной земле, вы падаете в канаву!

Любовь сиюминутна - она увядает.

Ненависть же оказывается намного сильнее.

Вы влюбились, вы разлюбили.

Но вот однажды вами овладевает ненависть...

Это большая редкость, чтобы человек перестал ненавидеть. Он связан ненавистью, он с нею неразлучен. Ненависть обладает некоей силой, которая удерживает вас. Враги остаются врагами на протяжении многих поколений.

По соседству со мной - а соседи самые заклятые враги; где еще вы сможете найти врагов, хуже ваших соседей? Конечно, эта мысль пришла Иисусу Христу позже... Сначала он сказал: «Возлюби врага своего, как самого себя». А позже он сказал: «Возлюби соседа своего, как самого себя». Это была вторая мысль, потому что соседи действительно враги. Вам не надо далеко искать себе врагов, вы найдете их по соседству.

Итак, семья, жившая с нами по соседству, была врагом нашей семьи на протяжении многих поколений. Мне запрещалось заходить за ограду их дома, входить в их сад, играть с их детьми,

потому что «они наши враги».

Я просто сказал: «Они могут быть вашими врагами. Я никогда не был с ними дружен, поэтому как я могу быть им врагом? Для начала позвольте мне с ними познакомиться».

Мой отец сказал: «Ты не должен спорить. Наши семьи воевали в судах, воевали физически... и это продолжается. Эта вражда стала уже чем-то священным».

Я сказал: «Я больше в этом не участвую. Я собираюсь играть с их детьми, я хожу в их сад, потому что там растут красивые манговые деревья, гораздо красивее, чем у нас. У них такой прекрасный...»

В Индии существует очень специфический вид колодца. Не знаю, строят ли что-либо подобное в других странах. Это очень старый вид. С одной стороны колодца можно доставать воду при помощи ведра и веревки, а с другой стороны сделаны ступени. Такой колодец называется баоди. Поэтому, если у вас не окажется ведра и веревки, вы можете спуститься по ступенькам и напиться воды прямо из водоема.

По сторонам дороги, в джунглях обязательно построят баоди, а не обычный колодец, потому что не всегда путнику, томимому жаждой, удастся добраться до большой воды, поэтому оба способа, предусмотренных в баоди, будут к его услугам. Если у него есть возможность, он наберет воды в сосуд при помощи веревки, и это более предпочтительно. Второй способ допустим обычно только в экстренных случаях, потому что, находясь близко к воде, люди могут занести туда грязь, могут опускать в нее руки. Поэтому спускаться вниз к воде нежелательно. Но я обожал это занятие, потому что я мог принять хорошую ванну в колодце наших соседей.

Я сказал отцу: «Ваш колодец - просто колодец, а у них - баоди. Ваша вражда, которая беспокоит вас, которая беспокоила ваших предков, - меня она не интересует. У них замечательные дети, они сами хорошие люди, почему я должен относиться к ним враждебно? Мы не знаем, при каких обстоятельствах ваши и их предки стали врагами. А что касается нас, то мы никогда не воевали. И когда бы я ни пришел к ним, они всегда встречают меня приветливо - по той простой причине, что никак не могут представить себе: «Такого между нашими семьями не случилось на протяжении столетий». Я был первым, кто сломал этот барьер.

Соседи были очень счастливы, они говорили: «Мы всегда хотели разрушить барьер, но кто бы взял на себя инициативу? Он проявил бы слабость».

Я сказал: «Я пришел к вам не из-за слабости. Я не могу понять, что за разум у вас и у моей семьи. Вы даже не знаете имен тех людей, которые начали вражду, - ни мой отец не знал, ни они, кто был первым, - а вы продолжаете враждовать. Это стало для вас своего рода религией».

«Я пришел не из-за слабости, а от силы. Я пришел сказать вам, что это полнейшая глупость - столько времени продолжать эту ненависть. Никто не может продолжать любить столько времени, зачем же тогда ненавидеть? И, кроме того, вы меня не интересуете, меня интересуют манговые деревья, ваш баоди; и я должен попасть за ограду. Друзья вы или враги - это ваше дело».

Я сказал своему отцу: «Никто не сможет запретить мне ходить туда. А они принимают меня,

приветливо встречают и говорят: “Мы всегда хотели прекратить все это, но кто бы взял на себя инициативу?” Я думаю, тот, кто умнее, мог бы взять на себя инициативу, глупец остался бы позади».

И медленно, медленно, потому что моя семья не могла давить на меня, - они знали, что чем сильнее они будут давить на меня, тем чаще я там буду бывать. Я сказал своему отцу: «Если вы будете слишком настаивать, я буду там спать, я буду там есть; и они действительно приглашали меня».

Он сказал: «Хорошо, я ни на чем не буду настаивать, но не ешь ничего, что они будут предлагать тебе. Они враги - они могут отравить тебя».

Я сказал: «Забудьте об этом. Они славные люди. Я знаю их лучше, чем вы, чем ваши предки. Я бываю там каждый день, они такие милые. Они даже не запрещают мне прыгать в их колодец — по той простой причине, что “это первый человек из той семьи, кто зашел за нашу ограду; пусть он купается в баоди. Не запрещайте ему - это невежливо. После стольких поколений, вошел первый человек, осмелился”».

«И не стоит беспокоиться, что меня отравят, потому что я уже пробовал их угощение. Я не сказал вам об этом, потому что знал, что именно это вы и скажете. Поэтому я сначала должен был попробовать и удостовериться, что там нет яда и что никто не собирается никого отравлять. Они не запрещали мне брать их манго и другие фрукты - по той простой причине, что я был первым из моей семьи, кто пересек границу их участка. Я собираюсь пригласить их детей к нам на участок, к нам в сад, и я полагаю, что вы будете вежливы с ними».

И когда я стал приводить их детей, конечно же, моя семья была мила с ними. Как можно относиться враждебно к маленьким детям, которые ничего не сделали, которые только что пришли в этот мир?

Итак, у ненависти очень долгая жизнь.

У любви жизнь очень короткая.

Видимо, так и должно быть.

Как много роз бывает утром, но к вечеру их лепестки начинают опадать, розы исчезают. А скала? Она была утром, она будет и вечером, она будет и на следующее утро. Много роз расцветет и увянет, а скала останется.

В ненависти есть что-то от скалы.

В любви есть что-то от цветка.

Итак, я не хочу говорить, что мои люди антиортодоксальны, антитрадиционны, антиобщеприняты. Нет, они должны быть неортодоксальными, нетрадиционными, необщепринятыми.

Неортодоксальный означает, что вы никоим образом не принадлежите к ортодоксальности, негативной или позитивной.

Вы равнодушны, вас ничто не волнует. Вы ни «за», ни «против», вам просто неинтересно - потому что «за» и «против» просто разные стороны вашего интереса.

Итак, ортодоксальный раджнишист в любом возможном случае будет неортодоксальным.

Его жизнь будет непрерывным сопротивлением.

Позвольте мне повторить: непрерывным сопротивлением.

Сопротивление есть непрерывность.

Это нечто вроде реки, которая течет постоянно.

Это вовсе не резервуар с водой.

В этом разница между революцией и сопротивлением.

Революция подобна резервуару с водой - Французская революция, Русская революция, Китайская революция...

Посмотрите, что произошло. Русская революция свершилась, но она не является непрерывностью. Она свершилась в 1917 году, что потом с ней произошло? Она и скончалась в 1917 году. После этого в России больше не было революций.

После этого революция стала их ортодоксальностью, после этого революция стала их традицией, после этого революция стала их статус-кво. Она не течет, она не движется: она застыла в 1917 году. Ежегодно они отдают дань уважения этой дате. Они отдают дань уважения великой революции, которая произошла в 1917 году. Что за революционеры они, те, которые смотрят назад?

Даже Бог не настолько реакционен, как сегодняшние русские коммунисты.

Можете убедиться: Бог не дал вам глаз на затылке. Правильный Бог — правильный согласно всем ортодоксальностям -действительно должен был дать вам глаза сзади, а не спереди, потому что какой прок вам от глаз спереди? Вы ведь смотрите назад, а не вперед.

Это случилось в Индии: один человек со своим другом ехали из Джабалпура в Наджпур, - это не так далеко, почти как отсюда до Портленда, - на мотоцикле. Было очень холодно ехать на мотоцикле, сильный ветер дул им в лицо. Поэтому у человека, который вел мотоцикл, возникла идея; он передел свое пальто задом наперед, потому что ветер был очень холодный, а так было намного теплее. Но они попали в аварию и как раз из-за этого пальто, кроме того на голове у него был шлем..;

Кто-то ехал в противоположном направлении - сардарджи сикхский водитель. Девяносто процентов водителей в Индии -сикхские водители-сардары; я не знаю, почему они выбрали эту профессию. Увидев ночью человека, сидящего на Мотоцикле задом наперед, сардар получил шок. Он не смог справиться с нервами и удержать руль, произошло столкновение. Но это был еще не конец, а нечто большее — это начало!

Сардар вышел посмотреть, что случилось. Он обнаружил мотоциклиста и подумал: «Боже мой! В результате несчастного случая его голова развернулась неправильно». Сардар есть сардар: он с усилием повернул голову мотоциклиста в сторону, соответствующую пальто. Мотоциклист до этого был еще жив, но после уже не был. Он пытался как-то освободиться из рук сардара, но освободиться из рук сардара невозможно, — они очень сильные люди и абсолютные идиоты, — он и не стал слушать мотоциклиста. Он сказал ему: «Молчи!» Сардар повернул голову человека, и тот замолк навеки.

Я оказался в этом месте - я ехал из Наджпура - и увидел, что случилось. Я спросил сардара: «Что случилось, сардарджи?»

Он сказал: «Нечто странное! Сначала этот человек ехал на мотоцикле задом наперед. Это привело к несчастному случаю, потому что я совершенно лишился чувств. Все случилось в одно мгновение. А потом, когда я вышел из машины, чтобы помочь этим людям, я увидел одного из них лежащим без сознания, а этого... его голова должна была бы быть повернута в другую сторону».

Я подошел посмотреть. Я сказал: «Сардарджи, ты убил человека! Ведь это не голова, а пальто его должно было быть перевернуто на другую сторону. Все просто: сегодня ветрено, и ветер дует в этом направлении. Этот бедняга, должно быть, надел пальто задом наперед».

Сардар сказал: «Неужели это так? Тогда я должен был перевернуть его пальто, а не голову... он ведь был жив, а я велел ему замолчать! А потом я пытался сказать ему: “Теперь ты можешь открыть рот, ты можешь говорить. Говори, что хочешь, куда мне отвезти тебя на своем грузовике; я могу отвезти тебя. Прости меня, что я велел тебе заткнуться”, - но он ничего не говорил».

Я сказал: «Теперь он мертв. Не беспокой его больше! И никому не рассказывай, что здесь случилось; иначе тебя схватят, потому что ты совершил две вещи - аварию и гораздо более худшее: ты свернул ему голову».

Бог дал вам глаза, чтобы смотреть вперед.

А люди, которые за традиции, и те, которые против традиций, всегда смотрят назад.

Дж.Кришнамурти антиортодоксален, антитрадиционен, антиобщепринят. Вот в чем мое отличие от него: я неортодоксален, нетрадиционен, необщепринят. Таким образом, ортодоксальный раджнишист, — и помните, когда вы пишете «ортодоксальный раджнишист», ставьте кавычки, потому что эти термины противоречат друг другу, - будет непрерывным восстанием. Не революцией, которая свершается однажды и заканчивается - и тогда становится традицией.

Иисус был революционером, а христианство - нет. Будда был революционером, а буддизм - нет, потому что революция произошла двадцать пять веков назад. Мы оставили ее далеко позади.

Сейчас христианин гораздо более ортодоксален, чем иудеи, распявшие Христа. Если Иисус придет снова, теперь он будет распят Ватиканом. Теперь это, конечно, произойдет в другом месте, не в Иерусалиме, а в Ватикане, но казнь будет обязательно.

Однажды случилось следующее: я находился в одной христианской семье в Хайдарабаде. Целыми днями я был занят встречами и интервью. Уже вечером, когда я собирался ложиться спать, мой приятель, который был намного старше меня, сказал мне: «Я целый день не мог тебя найти, да и не хотел мешать твоим встречам, но у меня проблема. Уже очень поздно, ты собираешься отдыхать, — прости меня, - я должен рассказать тебе».

«Мой юный сын помешался на Иисусе. Никто не принимал это всерьез, и в этом не было ничего плохого, не было ничего плохого в том, что он постоянно читал Библию и цитировал Библию. Мы думали, что это ненадолго, что это пройдет, но, к несчастью, поклонник Иисуса перестал быть поклонником, он стал Иисусом Христом!»

«Вот уже два месяца, как мы не на шутку обеспокоены. Пока он был фанатиком Иисуса, все было нормально: ты читаешь слова Иисуса - мы христиане - ты поклоняешься Иисусу... Это тоже нормально, хотя и выглядит несколько странно, потому что двадцать четыре часа в сутки только и слышно: “Иисус, Иисус...” Мы тоже христиане; по воскресеньям мы час проводим в церкви, и этого достаточно. Иисус удовлетворен этим часом по воскресеньям. Нет нужды посвящать ему всю свою жизнь; есть и другие вещи, достойные внимания. И мы не можем творить чудеса - превращать камни в хлеб, воду в вино, мы должны зарабатывать себе на хлеб и делать многое другое. Одного часа достаточно, это все, что мы можем посвятить ему».

«Но пока мы терпели все это, мы думали, что этот этап скоро пройдет, - просто дурь молодого человека, который стал одержим идеей, - но сейчас это уже не этап: он стал Иисусом Христом. Сейчас он уже не цитирует Иисуса Христа, он просто говорит лично от себя. Теперь он стал посмешищем».

«Он стоит на перекрестках, заявляя, что он есть Иисус Христос, а люди смеются над ним, и мальчишки бросают в него камни. И теперь мы серьезно обеспокоены и опечалены. Его карьера закончена, ведь невозможно сделать карьеру из того, чтобы называть себя Иисусом Христом. Все знают, что случилось с Христом - даже ему не удалось сделать карьеру на своем имени, а как это сможет сделать мой сын?»

«Кто даст работу такому человеку? Он выпускник университета, один из лучших выпускников, - он мог бы получить хорошее место, - но для Иисуса Христа, пусть даже он лучший выпускник, никто... В ту же секунду, как люди услышат, что он считает себя Иисусом Христом, они скажут: “Будет очень непросто, ведь нам нужен помощник менеджера, а Иисус Христос в роли помощника менеджера? Это место не для него!” Что же делать?»

Я сказал: «Завтра утром я поговорю с Иисусом Христом — что еще остается делать? Позвольте мне встретиться с ним».

Я знал этого молодого человека — я и раньше бывал в этой семье. И я знал, что он слегка помешанный, но он никогда не беспокоил меня, хотя я и жил в его семье. Он знал, что если он помешанный, то я - помешанный вдвойне! Таким образом, я раз и навсегда решил наши отношения: «Запомни - с этой Библией и с этим Иисусом Христом я не хочу иметь дела; обрабатывай лучше других. Более того, я гость в твоём доме, поэтому будь добр, веди себя как хозяин». Он все прекрасно понял, но тогда он был только помешанным на Иисусе - теперь он был самим Иисусом Христом.

Я сказал его отцу: «Сначала позвольте мне ознакомиться... в чем суть?» Итак, следующим утром, не дожидаясь, пока отец Приведет его ко мне, я вошел в его комнату и сказал: «Привет, Иисус Христос».

Он сказал: «Вы сказали “Иисус Христос”!»

Я сказал: «Да».

Он сказал: «Но никто не верит мне - ни мой отец, ни моя мать, даже мои друзья покинули меня. С тех пор, как я стал Иисусом Христом, у меня больше нет друзей». Я сказал: «Ты можешь не заблуждаться на мой счет. Я не люблю фанатиков, но Иисус Христос... Это великая идея! Ты пошел со мной. Теперь мы можем говорить, теперь мы в одной лодке».

Он сказал: «Что вы имеете в виду?»

Я сказал: «Просто пошли вместе. Мы находимся в одной лодке; ты поймешь, что я имею в виду». Я пытался и так и эдак, но он ушел в глухую защиту, был очень насторожен, может быть, от того, что видел во мне своего отца, который будто стоял за моей спиной, проступал сквозь меня и пытался убедить его спуститься вниз и снова стать просто поклонником Иисуса: «Это слишком. Сегодня двадцатый век, и будет очень трудно... Даже во времена Иисуса было очень трудно, а в наше время будет еще труднее».

Но он ничего не слушал. Потом пришел его отец, и я сказал ему: «Я думаю, что он действительно Иисус Христос. И что ему сейчас необходимо - это распятие».

Молодой человек сказал: «Что?»

Я сказал: «Без распятия ты не придешь в чувство».

Он сказал: «Распятие!»

Отец тоже был шокирован, когда я сказал, что его сын должен быть распят, но я сказал: «Сделайте необходимые приготовления».

И молодой человек сказал: «Вы серьезно?» Я сказал: «Я всегда серьезен; и я говорю тебе, что если ты поклонник Иисуса, то я сомневаюсь в этом. Если ты Иисус Христос, то я сомневаюсь и в этом. Я хочу увидеть, как ты будешь распят; и я буду оставаться здесь до самого твоего воскресения».

Он подошел к своему отцу и сказал: «Прости меня, я просто поклонник Иисуса. Я не хочу быть распятым, потому что я не думаю, что смогу воскреснуть. Это слишком».

Две тысячи лет христиане смотрели назад; две с половиной тысячи лет буддисты смотрели назад. Если окинуть взглядом весь мир, то можно увидеть, что у всех глаза повернуты назад, а ведь известно, что мы-то движемся вперед. Наши ноги движутся вперед, а вот глаза всегда смотрят назад.

Даже для такого человека, как Дж.Кришнамурти, не существует никакой разницы: ваши глаза по-прежнему смотрят назад. И теперь вы уже враг, а прежде были другом. Но для меня нет

никакой разницы, потому что ваши глаза по-прежнему смотрят назад.

Поэтому я предпочитаю слово бунт - потому что революции хоть и свершаются, но они всегда становятся неподвижными, они слишком быстро застывают. Появляется новая ортодоксальность, создается новая условность: новые боги, новые небеса, новый ад — все новое, но очень скоро все это начинает стареть.

Шестьдесят лет прошло с момента свершения Русской революции; больше, чем шестьдесят лет, и теперь это шестидесятилетняя традиция. Маркс, Энгельс и Ленин являются их троицей; Капитал является их Библией, их Кораном, их Гитой.

И странно, сходство так велико, что в это трудно поверить. Ни один мусульманин не читает Коран... он чтит его, но не читает. У кого есть время читать Коран? И это хорошо, что не читает его, потому что если бы стал читать, то перестал бы чтить его, потому что в нем нет ничего, стоящего поклонения.

Вы можете либо чтить его, либо понимать его. Когда однажды вы его поймете, все кончится; в нем мало что можно понять. Поэтому духовенство не заинтересовано в том, чтобы вы понимали Коран, Библию, Гиту, нет: они заинтересованы в том, чтобы вы продолжали почитать их.

Это окаменелая религия.

Да, в словах, которые говорил Иисус, был огонь.

Это были огненные слова.

Но вы думаете, вы найдете огонь в Библии?

Они сожгли бы Библию много лет назад.

В Библии вы найдете прядь волос, которую ваша мать хранит с тех пор, когда ваш отец любил ее, и она отрезала прядь его волос. Они в Библии - где же еще их хранить? Библия самое надежное место; даже вор не станет красть ее.

В Библии вы найдете странные предметы. Ваша дочь или ваша сестра могут хранить в ней любовные письма, потому что это самое лучшее место. Ни отец не откроет ее, ни мать не откроет ее; никто не откроет ее. Если вы не хотите, чтобы кто-нибудь узнал очень важные и секретные номера телефонов - храните их в Библии. Библия - это великое безопасное хранилище без всяких замков. Она только собирает пыль. На любой Библии можно пальцем написать ваше имя, потому что на ней будет Достаточно пыли - нет надобности в каких-либо чернилах или краске.

Таковы революции.

Однажды был огонь.

Но сейчас остался только пепел.

Мой санньясин не должен смотреть назад.

Он не должен думать о революции, которая произошла в прошлом. Нет, он должен переживать революцию каждый день.

И его революция никогда не увидит конца. Вот почему я называю это бунтом, восстанием, чтобы показать различие.

Его восстание - это что-то живое.

Это не инцидент в истории.

Это взрыв в его существе.

Оно не имеет ничего общего со временем.

Оно имеет что-то общее с внутренним миром.

И тогда оно является непрерывностью.

Это - биение его сердца.

Мой санньясин никогда не сможет стать ортодоксом: каким образом постоянное сопротивление сможет превратиться в ортодоксальное? Вот почему вы можете считать мои высказывания противоречивыми.

Суть в том, что я никогда не читал ни одной из своих книг, поэтому я не знаю, о чем они. Это безмерно мне помогает, потому что в этом случае я могу не беспокоиться о том, не противоречу ли я себе, не изменяюсь ли, говоря что-то иное. Это позволяет мне быть свободным. Если вы меня спросите, то все, о чем я говорю в данный момент, является правдой. Завтра позаботится о себе само. И я не гарантирую, что сегодняшняя правда окажется правдой на завтра, потому что завтра... Вся вселенная находится в непрерывном движении.

Я даю вам не мертвые камни.

Я предлагаю вам живые цветы.

И на что это будет похоже завтра, ни я, ни кто-либо другой вам не сможет сказать.

Только завтра принесет с собой откровение.

Я всегда был непоследователен, поэтому вы не сможете сделать из меня догму. Вы просто тронетесь умом, если попытаетесь. Я оставляю после себя действительно нечто ужасное для ученых. Они будут не способны найти в этом какой-либо смысл. Они тронутся умом; и они заслуживают этого, так им и надо. Но никто не сможет сделать из меня ортодокса, это невозможно.

Если возможно христианство, то тогда, конечно, вся ответственность ложится на Иисуса. Его слова, возможно, были зажигательными, но они были слишком последовательными; и было слишком легко сделать из них догму. Он был недостаточно осмотрителен. Его высказывания были настолько просты, что любой мог сделать из них катехизис.

От моих слов вы можете загореться, но вы никогда не сможете найти в них какой-либо теологии, догматизма.

Вы сможете найти путь, которым надо следовать в жизни, а вовсе не догму, которую нужно безоговорочно принять.

Вы сможете найти в этом мятежный дух, который нужно впитать, но вы не найдете здесь призыва к революции.

Мои слова не только зажигают.

Я рассыпаю здесь и там порох, который будет продолжать взрываться на протяжении тысячелетий. И рассыпаю его больше, чем надо - я никогда не рискую.

Почти каждое мое изречение готово озадачить тех, кто пытается создать из меня религию.

Да, у вас может быть свободное общество, коммуна. Запомните слово «свободный»: каждый независим, каждый волен жить так, как он хочет, толковать меня на свой манер, искать то, что он сам хочет искать. Он может искать свой путь в жизни - и каждый за себя.

Вовсе не обязательно определять, что есть моя религия. Я оставляю ее открытой. Вы можете сами создать определение для себя, но только для себя; но и его вы должны будете постоянно изменять. По мере того, как вы будете все больше и больше меня понимать, вы должны будете изменять его. Вы не сможете продолжать держать это определение в своих руках как мертвый груз. Вы должны изменить его, а оно, в свою очередь, будет параллельно изменять вас.

Один великий Учитель, Нан-ин, был на смертном одре. Он один из тех, кого я могу назвать религиозным, действительно религиозным человеком. Его жизнь полна инцидентов, анекдотов, историй, которые дают ясное представление о нем, как о человеке необычайной пронизательности.

Он умирал. Он сказал своим ученикам: «Я не хочу, чтобы мою смерть оплакивали, потому что это не смерть, и вы будете бесполезно тратить ваши слезы и плакать и кричать. А я буду смеяться с другого берега, потому что буду все это видеть: «Эти дураки! Всю свою жизнь я изнурял себя, а они так и не поняли этой простой вещи».

«Я хочу, чтобы вы танцевали, и пели, и смеялись, потому что смерть - это не смерть. Я уйду, оставляя этот дом, потому что он более не нужен мне. Это тело стало сейчас источником беспокойства, а не комфорта; и вот я меняю его. Поэтому нет никакой необходимости оплакивать меня. Вы должны быть счастливы, что ваш Учитель уходит в новую жизнь».

Они слушали все, что он говорил, но их лица говорили о том, что они готовы разрыдаться. Они были печальны, - а кто не будет печален, когда такой человек, как Нан-ин, покидает этот мир? Но Нан-ин сделал кое-какие приготовления... Он сказал: «Запомните кое-что... это моя воля».

На Востоке есть традиция, возможно и на Западе тоже: перед похоронами или кремацией тело обмывают и одевают в новую одежду. Я знаю, что на Востоке это делают потому, что человек отправляется в далекое путешествие; может быть, у него будет возможность потом принять

ванну, а может быть и нет. И конечно, ему необходима новая одежда, поэтому тело обмывают и облачают в новую одежду. Это как раз и есть возможность попрощаться с ним с этого берега: «Отныне и навсегда мы не сможем больше тебе помогать, ты должен сам заботиться о себе».

Нан-ин сказал: «Не обмывайте мое тело, потому что я уже принял ванну. К тому же, я не люблю принимать ванну такой холодной зимой; даже если я умру, я не хочу еще одной ванны. Я уже принял одну, которая была необходима. Я сделал это сам, потому что был обеспокоен тем, что если вы приготовите мне ванну, я не буду знать, сколько вы нальете воды, насколько она будет холодна, что еще вы захотите сделать. Я принял ванну, поэтому ритуал можно не совершать».

«И не меняйте мне одежду. Вы видите, я уже сменил ее сам, потому что я не люблю непригнанной одежды, которая слишком свободна или слишком узка. Вы знаете, что это нервирует меня, поэтому я сам подготовил себе одежду, — вы можете увидеть, что она новая». И они увидели, что он действительно принял ванну и надел новое одеяние.

Нан-ин сказал: «Итак, вы не должны делать того, что я сказал, — это моя воля, — но все остальное, если вы хотите делать, делайте. Не плачьте, не рыдайте, не кричите. Это будет не то прощание со мной, которого бы я хотел», - и он умер.

И хотя он сказал «не плачьте», - но что делать? Вы не можете приказать слезам прекратиться или... Потерять такого человека, такого потрясающе живого человека, уходящего, кто знает куда. «А сколько он дал нам! Теперь на кого же нам смотреть? Нас будут мучить вопросы, будут подниматься сомнения, и кто нам скажет: «Не стоит отчаиваться, продолжайте: вы на верном пути и цель уже близка». И одного его голоса было достаточно, чтобы вернуть мужество, вернуть силы. А теперь кто нам будет помогать?»

Они плакали и кричали, но им не пришлось делать это долго. Такие люди, как Нан-ин, действительно создающие гении. Когда его тело положили на погребальный костер, все стали смеяться помимо воли, хотя слезы были у них на глазах. Вот была странная ситуация: этот человек спрятал в своих одеждах много разных штучек - огненных хлопушек и маленьких бомбочек!

Вот почему он предостерег их от смены одежды, вот почему он сам принял ванну. Ведь внутри его одежды было сделано множество карманов, в которых он спрятал столько разных штучек, которых хватило бы на три часа. Люди плакали и смеялись, и бомбочки взрывались, и хлопушки лопались - красочно, красиво, потому что в Японии их делают лучше всех. Ничто не может сравниться с японскими бомбочками, там делают их так артистично.

То, что Нан-ин постоянно говорил этим людям, появилось на небесах, в письменном виде: «Остерегайтесь».

Его ученики уставились в небо и совершенно забыли о похоронах; все это стало прекрасным фейерверком! Они поняли все только тогда, когда огонь погас и все тело было поглощено огнем... только тогда они поняли, что этот человек именно этим и занимался всю свою жизнь. Он даже перед смертью проделал все приготовления, чтобы и после смерти его работа продолжалась бы в том же духе, без перерыва. Смерть не произвела никакого различия: Нан-ин продолжал свое дело.

Точно так же, в каждом моем слове... я несую достаточно огня, достаточно взрыва, чтобы продолжать взрываться на протяжении столетий!

Никто не может быть «ортодоксальным раджнишистом», если только вы не измените самое понимание «ортодоксального раджнишиста» в соответствии со мною, в соответствии с тем, что я говорю вам.

Если под «ортодоксальным раджнишистом» вы имеете в виду того, кто нетрадиционен, необщепринят, неортодоксален; непрерывно мятежен, с восстанием как жизнью... без стеснений, без режима, без бюрократии, без иерархической организации, но просто с открытой коммуной друзей, которые соглашаются лишь в одном, - в том, что они любят этого сумасшедшего человека...

Во всем остальном они могут расходиться. Вся их ортодоксальность сосредоточена лишь в одном: они любят этого сумасшедшего человека.

Беседа 9

ЗАКОН КАРМЫ: ЗАГОВОР СВЯЩЕННИКОВ С ЦЕЛЬЮ МАНИПУЛИРОВАТЬ ВАШИМ УМОМ

7 января 1985 года

Бхагаван,

Что Вы можете сказать о законе кармы?

Я могу сказать об этом совсем немного, — но и это все же займет два с половиной часа!

Прежде всего, закон кармы - это не закон. Само это слово дает аромат чего-то научного, как закон всемирного тяготения. Это же всего лишь надежда, а вовсе не закон.

На протяжении столетий существовала надежда, что если вы поступаете хорошо, то добьетесь хороших результатов. Это человеческая надежда на существование, которое само по себе абсолютно нейтрально. Если посмотреть на природу, то можно увидеть, что в ней есть законы, - вся наука занимается не чем иным, как раскрытием таких законов, — но наука даже близко не подходит к обнаружению чего-либо, похожего на закон кармы. Да, это верно, что всякое действие, акция, приводит к определенной реакции, но закон кармы выражает надежду на нечто большее.

Если вы просто скажете, что каждое действие, каждая акция, обязана произвести некоторую реакцию, то в этом можно надеяться на поддержку науки. Но человек надеется на нечто намного большее. Он просит о том, чтобы доброе действие с неизбежностью приносило бы за собой добрые последствия, то же касается и плохого действия. Отсюда вытекает множество вещей.

Первое: что есть добро?

Каждое общество определяет добро по-своему.

То, что добро для иудеев, не является добром для джайнов; то, что добро для христиан, не является добром для конфуцианцев. И не только это; то, что добро в одной культуре, является злом в другой.

Закон должен носить универсальный характер. Например, если нагреть воду до температуры в сто градусов по Цельсию, она испарится, - в Тибете, в России, в Америке, даже в Орегоне. Хотя в Орегоне это будет несколько озадачивать, но все равно, при температуре сто градусов вода начнет испаряться.

Закон, если он научный, должен быть универсальным. Если же закон создан самими людьми, точно так же, как они создают конституции, законодательные системы, то это не имеет ничего общего с наукой, ничего общего с существованием. Такой закон применим только в обществе, создавшем его. Он является произвольным, искусственным. Его можно изменить - и такие законы изменяются постоянно. То, что было законным вчера, становится вне закона сегодня; то, что незаконно сегодня, завтра станет законным. Таковы законы, созданные человеком.

Закон же кармы, конечно, не является ни научным законом, ни частью системы законодательства. Что же это за закон? Это надежда. Человек блуждает в кромешной тьме, ощупью находит свой путь, цепляется за все, что дает хотя бы малейшую надежду, малейший свет, - ведь то, что вы наблюдаете в самой жизни, совершенно отличается от закона кармы. Человек, хорошо известный как преступник, может преуспеть и стать президентом, премьер-министром; и наоборот: он не был преступником, но когда он становится президентом или премьер-министром страны, он становится преступником.

Я под самыми различными углами обдумывал высказывание лорда Эктона и нашел, что оно каждый раз дает некоторое новое видение. Эктон говорит: «Власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно». Я так не думаю, потому что я не вижу, чтобы происходило так, как говорит лорд Эктон. Правда, лорд Эктон говорил так на основании опыта всей своей жизни; он сам был политиком, и то, что он говорил, не было лишено основания.

Тем не менее, я все же осмеливаюсь не согласиться с ним, потому что мое понимание заключается в том, что власть, конечно, портит, но портит только того человека, который потенциально подвержен этому.

Может быть, он не был испорчен раньше потому, что у него не было такой возможности, у него не было власти. Но власть сама по себе не может испортить человека, который не несет в себе потенциала испорченности. Так что это не власть портит человека; на самом деле власть просто раскрывает перед вами этого человека. Власть делает актуальным то, что было лишь потенциальным; это выявление человека перед вами и перед ним самим.

Если посмотреть в зеркало и увидеть в нем безобразное лицо, то разве скажете вы, что это зеркало искажает? Бедное зеркало просто отражает. Если ваше лицо безобразно, что может поделаться с этим зеркалом?

Я слышал об одной сумасшедшей женщине, которая каждый раз, когда ей попадалось зеркало, разбивала его. Она была безобразна, но полагала, что причина этому в зеркалах. Если бы не было зеркал, она не была бы безобразной. Прекрасная логика!

В определенном смысле она не была абсолютно нелогичной. Если бы она была одна на земле, - без зеркал, без глаз, ведь глаза - это тоже зеркало, - как вы думаете, была бы она безобразной? Одинокая на земле, без зеркал, без чьих-либо глаз, отражающих ее, она была бы просто собой, ни красивой, ни безобразной. Но при этом она оставалась бы той же самой. Изменение состояло бы лишь в том, что теперь она не может видеть своего отражения. Ничего не изменилось, устранены лишь отражения.

То же самое относится и к знаменитому высказыванию лорда Эктона: «Власть портит», - так кажется.

Я хотел бы сказать, что власть отражает как зеркало.

Если вы потенциально готовы к тому, чтобы быть испорченными, власть дает вам шанс. А если вы имеете к этому абсолютный потенциал, - как Адольф Гитлер, Иосиф Сталин, Муссолини, - тогда что остается делать власти?

Власть просто в вашем распоряжении.

Вы можете делать с ней что угодно.

Если вы человек испорченный, то будете делать то, что всегда хотели делать, но не имели для этого возможности. Если же вы человек потенциально не испорченный, то власть не может вас испортить. Вы будете пользоваться властью, но это будет не испорченность, это будет созидание.

Ваша власть не будет деструктивной.

Она будет благословением для людей.

И если в вас есть потенциал быть благословением для людей, тогда абсолютная власть будет абсолютным благословением в мире.

Но в человеческой жизни много странного. Только потенциально испорченный человек может двигаться к власти. Потенциально добрый человек не испытывает желания власти. Жажда власти нужна испорченному человеку, потому что он знает, что без власти он не сможет делать то, что ему хочется.

Адольф Гитлер сначала хотел быть архитектором, но все архитектурные школы отказались от него, потому что у него не было потенциала к архитектуре. Он не мог прочертить даже прямой линии. Он хотел стать художником, - если не архитектором, тогда уж художником, - но его не приняли ни в одну из школ. Если его не приняли ни в одну из школ архитектуры, тогда... Искусство, особенно живопись, требует большого калибра, а у него не было даже и таланта. Разочарованный, везде отвергнутый, он направился на завоевание власти.

Жажда власти у Адольфа Гитлера была на самом деле очень сильна. Человек, оказавшийся неспособным стать архитектором или художником, добился такой власти, что держал в своих руках судьбы всего человечества. Но вы удивитесь, узнав, что первое, что он сделал, добившись власти, абсолютной власти, было то, что он начал проектировать дома, создавать архитектурные

проекты. Он выполнил проекты многих безобразных строений. И правительство вынуждено было строить их, потому что, хотя и ни один архитектор не признавал эти проекты достойными, но так как исходили они от Адольфа Гитлера, отказать им было невозможно. Отклонение проекта означало смерть, ведь он знал всего лишь один язык: или вы со мной, или вас больше нет.

Одним из благодеяний Второй мировой войны было то, что все великие строения Адольфа Гитлера были разрушены; без этого эти безобразные здания так и стояли бы до сих пор. Но его проекты были найдены, они достаточно ясно показывают, что этот человек просто не имел способностей к архитектуре.

В тот момент, когда Адольф Гитлер пришел к власти, в свободное время он писал картины; и конечно, все должны были принимать его картины. А ведь ни одна из его картин недостойна даже называться картиной; это была просто пустая трата холста и красок, без всякого смысла. И не только это, они были омерзительны, вызывали тошноту. И нужно было держать эти картины в спальней, а по ночам страдать из-за них от кошмаров.

Власть выявляет то, что было спрятано в вас.

Но странно, добрый человек не нуждается во власти, потому что добро может объявлять о себе и без власти.

Добру не нужно обладать властью.

Добро имеет свою собственную, присущую ему власть.

Зло же для поддержания себя нуждается во внешней власти.

Халиль Джебран написал один красивый рассказ. Этот человек написал так много красивых рассказов, что, как кажется, с ним не сравнится никто в человеческой истории. Этот рассказ очень короткий, и в этом красота Халиля Джеб-рана. Он не пишет больших рассказов, по которым можно снимать фильмы; его рассказы занимают всего лишь несколько строк, но они так проникновенны, — до самых глубин человеческих.

История такова: Бог создавал мир и все, что необходимо. Он огляделся вокруг и почувствовал, что упустил две вещи: красоту и безобразность. Так что последними вещами, которые он создал, были красота и безобразность. Естественно, он дал красоте красивые одежды, а безобразности - безобразные; и он отпустил их с небес на землю.

То было долгое путешествие, и к тому времени, когда они достигли земли, они устали и запылились, поэтому прежде всего они решили искупаться. Было раннее утро, солнце только что встало, и они отправились к озеру, сбросили свои одежды и прыгнули в воду. Вода была освежающей и прохладной, они наслаждались ею.

Красота заплывла далеко от берега, а когда оглянулась, была удивлена: безобразность исчезла. Она вернулась и увидела, что исчезла и ее одежда. Тогда красота поняла, что случилось: безобразность забрала ее одежды и убежала. Рассказ заканчивается: с тех пор безобразность прячется в одеждах красоты, а красота вынуждена носить одежды безобразности. Красота бежит

за безобразностью, ищет ее, но не может найти.

Красивый рассказ. Безобразности нужно что-то, в чем она может спрятать себя, чем она может притвориться, - прикрыть себя маской. Красота же совсем не думает об этом; ей и в голову не могло прийти, что безобразность стащит ее одежды и убежит.

Человек, сердце которого пульсирует добротой, благословением, не чувствует необходимости быть президентом или премьер-министром. У него нет времени, чтобы тратить его на эту мерзкую игру в политику власти. У него достаточно энергии. Доброта несет эту энергию с собой. Такой человек будет творить музыку, он будет слагать стихи, он извлекает красоту в мраморе; он сделает что-то, для чего власть не нужна. Все, что нужно, уже предоставлено ему. Это красота добра, власть присуща ей самой.

Поймите это совершенно ясно: вы можете быть совершенно уверены в том, что все, чему требуется внешняя власть, не является добром. Оно лишено внутренней потенции; оно живет заимствованной жизнью.

Так что в жизни случаются странные ситуации: плохие люди достигают хорошего положения, становятся уважаемыми, и не только в свое время, но и в истории. История полна таких имен.

В истории Гаутаму Будду, Махавиру, Канада, Лао-цзы, Чжуан-цзы, Ле-цзы и людей, подобных этим, вы не найдете даже в ее примечаниях. А Александр Великий, Чингисхан, Тамерлан, Надир-шах, Наполеон Бонапарт, Адольф Гитлер, - они создали основную часть истории. На самом деле, мы должны переписать всю историю заново, потому что все эти люди должны быть стерты с ее страниц. Даже память о них должна исчезнуть, потому что даже память о них плохо влияет на людей.

Лучше, если человечество не будет помещать эти имена даже в примечаниях, в этом нет нужды. Они были кошмаром; лучше совершенно забыть о них, чтобы они не следовали за вами как тени. И мы должны найти людей, живших на этой земле и сделавших ее красивой; делившихся своей радостью, своим танцем, своей музыкой, делившихся своим экстазом, — но оставшихся неизвестными. Люди совершенно забыли их имена.

Люди не имеют никакого представления о том, сколько религиозных людей жило на земле и осталось в неизвестности. Причина того, что вы знаете эти несколько имен, что их имена известны, заключается не только лишь в том, что они были религиозными, — есть какие-то дополнительные причины. Только подумайте: если бы Иисус не был распят, услышали бы мы его имя? Так что дело не в Иисусе, — ни в его качествах, ни в его доброте, - но в распятии, которое делает из него историческую фигуру.

Вы знаете Гаутаму Будду не потому, что он просветленный человек, но потому, что он был сыном великого царя. А когда сын такого великого царя отрекается от царства, тогда, конечно, вся страна вдаль и вширь разносит его имя. Не потому, что он религиозный человек, но потому, что он отрекся от такого большого царства, - такого царства, которого вы домогались и о котором мечтали на протяжении многих жизней. А у этого человека нашлась воля, - он просто взял и выбросил все это царство и не оглянулся.

Вот почему вы помните Гаутаму Будду. Где-то люди вынуждены были упомянуть его имя,

потому что он был царем, отрекшимся от своего царства. Если бы он был сыном бедного человека, никто не услышал бы о нем. И были многие, чьи имена совершенно не известны. Даже при их жизни лишь немногие люди смогли почувствовать то, что в них есть присутствие иного рода.

Доброта обладает своей внутренней силой, в ней есть ее собственная выгода, свое благословение. И не где-нибудь еще, не в какой-то другой жизни, - вы творите добро сейчас, а воздастся вам за него в другой вашей жизни. Станный все-таки закон, -это и есть закон кармы.

Если вы живете бедной, жалкой жизнью, жизнью страдания, то закон кармы скажет, что ваша жизнь такова, потому что в прошлой своей жизни вы совершали недобрые дела, - и вот их результат. Если же кто-нибудь наслаждается добрым здоровьем, деньгами, властью, всеми радостями жизни, то вам не нужно завидовать ему: он творил добрые деяния в прошлой жизни, а теперь пожинает урожай. Он посеял семена в прошлой жизни.

Но почему такая большая дистанция между сеянием семян и жатвой урожая? Что, всегда так, что в одной жизни вы творите добрые или плохие дела, а результат наступает лишь в иной жизни? Мне кажется, что во всем этом есть какой-то заговор. Это не закон, это заговор, связанный с тем, что священник не может объяснить, почему какой-нибудь человек богат, тогда как каждый знает, что он творит зло, - и становится тем не менее еще богаче. А другой человек известен добрыми делами, но страдает. Так является ли добро добром?

Так что священство просто затрудняется объяснить такую ситуацию, которая встречается повсюду. Добрых людей можно найти в каждом уголке земли, - бедных, голодающих, страдающих. Плохим же людям сопутствует успех. Пройдохи, - готовые каждому перерезать горло, уже перерезавшие горло многим, идущие по головам людей к власти и богатству, использующие людей как вещи, - они обладают всем, что по праву должно принадлежать добрым людям.

Как объяснит священник все это? И вот он нашел способ: закон кармы. Он не может объяснить все это здесь и сейчас, поэтому он перемещает всю сцену действия. Он делает так, что между вашими действиями и их результатами встает смерть; результаты наступят после смерти, в следующей жизни. Но почему? Вы кладете руку в огонь, а обожжетесь в следующей жизни? Если вы положите руку в огонь сейчас, то и обожжетесь тоже сейчас.

Так что любой священник, любой монах, любой человек, проходящий с Востока и говорящий о законе кармы, — отведите его к костру. Скажите ему: «Положите руку в огонь, чтобы мы могли посмотреть, сработает ли закон кармы здесь и сейчас. И нужно ли ждать так долго, чтобы наступила смерть, и лишь после нее наступил результат? Действие - смерть - результат? Смерть должна вмещаться абсолютно?» Я знаю, что он не согласится положить руку в огонь.

Вот почему я сказал: «Я могу сказать совсем немного о законе кармы, совсем немного, всего лишь два слова: фу, фу».

Вот что мне нужно будет объяснить вам - это орегонская история. Если я не ошибаюсь, сенатор Фатфилд явился с визитом в свой избирательный округ. Конкретно, он приехал в резервацию индейцев. Он приезжал сюда лишь раз в пять лет, как раз при приближении выборов. Индейцы прекрасно понимали, что он приезжает лишь раз в пять лет, обещает великие дела, а потом

исчезает; а все эти дела так никогда и не наступают.

Он снова появился пять лет спустя, и снова та же игра. Индейцы — простые люди... Их вождь собрал всех своих людей в одно место, которое обычно и использовалось для общих собраний. Сенатор Фатфилд начал свои обычные обещания: «Простите меня в последний раз. Было так много трудностей, так много проблем, финансовая депрессия и так много войн, что я не смог организовать постройку моста через реку, дороги к вашей резервации и хороших домов для вас». И каждый раз, когда он что-то говорил, - «мост», - они улюлюкали: «Фу, фу!», - и радовались, почти начинали плясать. Фатфилд чувствовал себя очень хорошо, видя, как они приветствуют его. Они хлопали в ладоши, кричали и визжали: «Фу, фу!» — это являлось для него еще большим стимулом, придавало ему убежденности.

Он дал волю своему воображению: «Я построю больницу, Колледж, университет...» Когда вы просто обещаете то, что не собираетесь выполнять, то не имеет значения, что вы обещаете; можете обещать даже рай, можете обещать все, что угодно. Он так и делал: «Через пять лет увидите: это место будет раем на земле», - а они все кричали: «Фу, фу!»

Сенатор Фатфилд был чрезвычайно счастлив, настолько счастлив, что сказал вождю: «Я хотел бы пройти по резервации, чтобы посмотреть, в чем они еще нуждаются».

Вождь сказал: «Пожалуйста; вот только одно дело. Мы, индейцы, абсолютно как дети: мы целое поле используем как туалет под открытым небом. Поэтому, когда будете проходить по резервации, - я не возражаю, - не вляпайтесь в фу-фу». Тогда-то Фатфилд понял, что значит фу-фу, но было слишком поздно.

Закон кармы - это не что иное, как фу-фу. И теперь вы понимаете, что это значит, так что нет проблем.

Для меня является ясным, что каждое действие имеет свой результат, но не где-то там далеко в будущей жизни. Действие и результат неразрывны, они части одного процесса. Как вы думаете, посев и жатва разрывны? Это один процесс. То, что начинается с посева семян, потом растет и однажды становится тысячею новых семян. И это то, что мы называем урожаем. Это то же зерно, разросшееся в тысячу зерен. Сюда не вмешивается никакая смерть, не нужна никакая жизнь после смерти; все это неразрывность, континуум.

Так что нужно запомнить одно: мое видение таково, что, да, каждое действие обязано иметь какие-то последствия, но они проявятся не где-то еще, вы почувствуете их здесь и сейчас. Весьма вероятно, они настигнут вас почти мгновенно.

Когда вы добры к кому-нибудь, разве вы не чувствуете какую-то радость? Какой-то покой? Какую-то значительность? Разве вы не чувствуете удовольствие от того, что делаете? Возникает своего рода глубокое удовлетворение. Испытывали ли вы такое же чувство удовольствия, когда гневались, когда кипели от злости, когда ранили кого-нибудь, когда сходили с ума от ярости? Испытывали ли вы удовольствие или что-нибудь в этом роде? Чувствовали ли вы покой, тишину, нисходящую на вас? Нет, это невозможно.

Вы, конечно, будете чувствовать что-то, но это будет чувство печали от того, что вы действовали как дурак, что снова вы совершили те же глупости, которые не раз уже решали не делать. Вы

будете чувствовать свою совершенную никчемность. Вы будете чувствовать, что вы не человек, а машина, потому что вы не откликаетесь, но лишь реагируете. Какой-то человек сделал что-то, а вы реагируете. У этого человека ключ к вам, а вы просто танцуете под его дудку; он имеет над вами власть.

Когда кто-то обижает вас и вы начинаете сражаться с ним, то что это значит? Это значит, что в вас нет никакой возможности не реагировать.

Умирал отец Гурджиева. Его последние слова, обращенные к Гурджиеву, имеют чрезвычайное значение; может быть, еще никогда отец не сообщал сыну такого великого откровения. А Гурджиеву было тогда всего лишь девять лет, и вот его отец сказал: «Я знаю, что прямо сейчас ты можешь еще и не понять то, что я скажу, но у меня больше нет времени, я скажу это сейчас. У тебя же есть время - просто запомни мои слова. Когда ты будешь достаточно зрелым, чтобы понять значение этих слов, тогда действуй в соответствии с ними. Но не забывай их! Запомни, это простое предложение».

Он велел Гурджиеву трижды повторить это предложение, чтобы умереть спокойно. Он сказал: «Прости меня за то, что я не оставляю тебе никакого наследства, кроме этого предложения». И что же это было за предложение? - очень простое предложение. Он сказал: «Запомни, если кто-то вызывает в тебе гнев, скажи ему, что ты вернешься через двадцать четыре часа и тогда ответишь ему. Подожди двадцать четыре часа; и через двадцать четыре часа, что бы ты ни решил, иди и делай это».

Станный совет, но не такой уж странный, если вы понимаете. И этот простой совет изменил всю жизнь Гурджиева. Это единственное предложение сделало такого человека, как Гурджиев, — а такие люди появляются не каждое столетие. Тот старик был, должно быть, человеком огромной пронизательности. Он не оставил после себя ничего другого; он сказал своему сыну: «Теперь ты сам должен заботиться о себе. Твоя мать умерла, я умираю. Тебе придется самому зарабатывать на хлеб. Ты сам должен учиться всему». Девятилетний ребенок... Но это стало великой возможностью для Гурджиева, ведь после этого он начал путешествовать вместе с кочевниками.

Гурджиев родился в России, вблизи Кавказа - там все еще есть кочевники, странствующие племена. Даже шестьдесят лет коммунистических мучений не смогли остановить этих кочевников, потому что они считают странствие прирожденным правом человека, и, может быть, они правы.

Кочевники по всему миру полагают, что дом создается женщиной. Его строит мужчина, но тащит мужчину в дом именно женщина; без этого мужчина прежде всего странник, скиталец, он предпочитает движение. Ему достаточно палатки; палатка, лошадь, воловья повозка, - и достаточно. Кому это нужно - год за годом жить на одном и том же месте? Кочевники все время в движении - несколько дней здесь, несколько дней там.

Этот девятилетний ребенок, которому ничего другого не оставалось, присоединился к группе кочевников. Потом он переходил от одной группы к другой. Он выучился у кочевников множеству их языков, он выучился у кочевников множеству их искусств. Он выучился множеству упражнений, недоступных уже цивилизованным людям, но кочевники нуждаются в них.

Например, может быть очень холодно, может идти снег, и чтобы лежать в палатке... Кочевники знают определенные дыхательные упражнения, которые изменяют ритм дыхания, и тогда температура тела повышается. А если слишком жарко, если приходится идти через пустыню, тогда они снова переходят на другой ритм... в вашем теле есть автоматическая, встроенная система кондиционирования воздуха.

Гурджиев свои первые уроки по гипнозу получил у этих кочевников. Если жена и муж идут вместе на рынок купить что-нибудь, то что делать с детьми, с маленькими детьми? Эти кочевники на протяжении столетий применяли гипноз. Они просто рисуют вокруг ребенка круг и говорят ему: «Пока мы не вернемся, не выходи из этого круга».

Так говорилось каждому ребенку на протяжении столетий. Ребенок слышал это с того момента, как начинал понимать. Круг гипнотизировал его. В тот момент, когда это происходило, в тот момент, когда он видел, как вокруг него прочерчивают линию, он расслаблялся внутри: выйти отсюда невозможно, он не может выйти.

Гурджиев был чрезвычайно озадачен, ведь тогда ему было уже десять или двенадцать лет: что все это за чушь? Каждый ребенок в каждой семье кочевников окружен просто линией и это все. Отец и мать на целый день уходят работать в город. Вечером, когда они возвращаются, ребенок по-прежнему сидит внутри круга.

Гурджиев удивлялся, как это происходит, почему так происходит, и вскоре он смог понять, что это был лишь вопрос подсознания, воспринимающего некоторую идею. Раз подсознание приняло какую-то идею, то ваше тело и ваш сознательный ум не властны пойти против этой идеи.

Позднее, когда он стал Учителем, Гурджиев в своих собственных упражнениях использовал все эти приемы кочевников, которым выучился от этих странных людей, - нецивилизованных, не знающих языка, не знающих письменности, но знающих очень примитивные методы. И Гурджиев был очень удивлен, увидев, что гипноз действует не только на детей, но и на взрослых, потому что эти дети подрастали; и тогда гипноз продолжал работать. Потом они становились старыми, но и тогда гипноз продолжал работать. Он не изменялся с годами.

Гурджиев играл, бывало, со стариками, рисуя вокруг них круг, и старик начинал кричать: «Не делай этого, не делай этого», - и выпрыгивал из круга до того, как он был закончен. Если круг завершен, выскочить невозможно, вы пойманы. А этот мальчик, - кто знает, вернется ли он? Пока круг нарисован лишь наполовину, кое-что еще открыто: можно сбежать. Тогда можно спастись, иначе вы оказываетесь просто пойманными. Гурджи-еву много раз удавалось завершить круг. Тогда даже старый человек просто садился, совсем как маленький ребенок, и молил его: «Разорви свой круг».

Гурджиев использовал этот прием множеством способов — использовал он и многие другие приемы, которым выучился от этих людей. Он использовал упражнение, которое называлось «останови упражнение», он демонстрировал его по всему миру, особенно в Америке и Европе. Он учил танцам, странным танцам, потому что никто не знал, что то были танцы кавказских кочевников... странные инструменты и странные танцы...

У них была странная пища, и Гурджиев выучился готовить ее. Его ашрам вблизи Парижа был

чем-то совершенно не от мира сего. Его кухня была полна странных вещей, странных специй, о которых никто никогда не слышал, и он сам готовил диковинные блюда. Всему этому он выучился у кочевников. И эти блюда давали определенный эффект. Определенная пища дает определенные эффекты; определенные танцы дают определенные эффекты; определенные барабаны, инструменты дают определенные эффекты.

Гурджиев увидел, что если играть определенную музыку и танцевать определенные танцы, то тогда люди оказываются способными танцевать на раскаленных углях и не обжигаться. Танец создает в людях определенную энергию, и они оказываются в состоянии обойти закон огня - закон низкого уровня. Конечно, если сознание знает что-то более высокое, оно может обходить более низкие законы.

Все истории о чудесах - не что иное, как истории о людях, познавших более высокие законы; естественно, тогда низшие законы не действуют. Гурджиев сам видел все это, он пережил это, когда был ребенком, а ведь дети очень любознательны. Не было ни отца, ни матери, чтобы запретить ему делать, что он хотел, поэтому он мог экспериментировать всеми способами. И когда он заканчивал с одной группой кочевников, он просто переходил к другой, потому что у другой группы можно было выучиться чему-то другому. Все его упражнения были разработаны на основе опыта этих кочевников.

Остановленное упражнение имело огромное значение, оно было, по-видимому, величайшим вкладом в современный мир, - а мир даже не понял этого.

Гурджиев говорил своим ученикам, чтобы они занимались всеми видами деятельности: кто-то копает в саду, кто-то рубит дрова, кто-то готовит пищу, кто-то моет полы. Выполняются все виды деятельности, но при одном условии: когда он говорит: «Остановись!» - тогда, где бы вы ни были, в какой бы позе вы ни оказались, вы должны замереть. И не следует хитрить, ведь тогда потеряется весь смысл упражнения.

Например, если ваш рот открыт, и вы видите, что Гурджи-ева нет рядом, и вы закрываете рот, чтобы отдохнуть, то вы упускаете весь смысл упражнения. Одна ваша нога поднята, -вы шли, - а другая опущена; внезапно раздается призыв: «Остановись!» Вы должны остановиться, прекрасно осознавая, что вскоре упадете; вы не можете долго стоять на одной ноге. Но в этом весь смысл упражнения: какими бы ни были последствия, вы просто останавливаетесь, как вы есть, становитесь статуей.

Вы удивитесь, насколько такое простое упражнение освобождает вашу осознанность. Ни Будда, ни Патанджали, ни Махавира не знали, что есть такое простое упражнение... оно совсем не сложное.

Когда вы замираете подобно статуе, вы даже не моргаете; вы стоите точно так же, как стояли в тот момент, когда услышали слово «Остановись!» Это просто остановка и ничего более. Вы удивитесь тому, что внезапно становитесь замерзшей статуей, -и в этом состоянии вы можете видеть себя насквозь.

Вы постоянно занимались какой-то деятельностью, - а с деятельностью тела ассоциируется и деятельность ума. Невозможно разделить их, поэтому, когда тело полностью останавливается, немедленно там же и тогда же останавливается и ум. Вы можете видеть свое замершее тело, как

будто это не ваше тело; вы можете видеть ум, неожиданно неподвижный, ведь он потерял свою ассоциацию с телом в движении.

Этот психологический закон ассоциации был открыт еще одним русским, Павловым. Гурджиев знал его задолго до Павлова, но он не интересовался психологией, поэтому и не разработал его в таком виде. Идея этого закона пришла к Павлову от тех же кочевников, но он двигался в ином направлении, — он был психологом. Он начал разрабатывать «закон ассоциации».

Павлов давал пищу своей собаке и во время подачи пищи звонил в колокольчик. Колокольчик и хлеб не имеют ничего общего друг с другом, но для собаки они вступают в ассоциацию. Всякий раз, давая собаке хлеб, Павлов звонил в колокольчик. Через пятнадцать дней он просто звонил в колокольчик, и у собаки вываливался язык, готовый к приему хлеба. Где-то в мозгу собаки колокольчик и хлеб перестали быть двумя разными вещами.

Гурджиев выполнял работу гораздо более высокого уровня. Он нашел простой способ остановки ума. Люди на Востоке на протяжении столетий старались концентрировать ум, увидеть его, остановить его, - а Гурджиев нашел для этого способ, основанный на физиологии. Но это было не его открытием, он просто нашел то, что делали кочевники.

Гурджиев кричал: «Остановись!» — и все замирали. А когда тело неожиданно замирает, ум чувствует себя немного странно: что случилось? Ведь ум не имеет ассоциации с замершим телом, он просто шокирован. Они находятся в сотрудничестве, в глубокой гармонии, движутся вместе. И вот тело полностью замерло, что делать уму? Куда ему деться?

На мгновение наступает полная тишина; и даже этого единственного мгновения тишины достаточно, чтобы дать вам почувствовать вкус медитации.

Гурджиев разрабатывал танцы, и во время таких танцев внезапно кричал: «Остановись!» В танце вы не знаете, в какой позе окажетесь. Люди просто падали на пол. Но даже если вы падаете, упражнение продолжается. Если ваша рука находится в неудобном положении, прижата телом, вы не должны устраивать ее поудобнее, потому что это означает, что вы не даете уму шанса остановиться. Вы все еще слушаетесь ума. Ум говорит: «Неудобно, устройся поудобнее». Вы же не должны ничего делать.

В Нью-Йорке, когда он демонстрировал свой танец, Гурджиев выбрал очень странную ситуацию. Все танцоры стояли в ряд, и на определенной стадии танца, когда они, танцуя, двигались вперед и стояли вслед за первым танцором на краю сцены, Гурджиев сказал: «Остановись!». Первый человек упал, упал второй, упал третий, - весь ряд упал друг на друга. Но стояла мертвая тишина, никто не двинулся.

Один из зрителей, видя все это, впервые испытал переживание медитации. Он не делал этого упражнения, он просто видел его. Но видя, как такое множество людей внезапно остановились и упали, упали как мертвые, без малейшего усилия изменить позу или что-нибудь еще... Похоже было на то, что всех их парализовало.

Этот человек сидел в первом ряду, и, не зная того, он остановился, замер в позе, в которой находился: его глаза перестали мигать, дыхание прекратилось. Видя эту сцену, - он пришел, чтобы посмотреть на танец, но что же за танец это был? - внезапно он почувствовал, как энергия

нового вида поднимается в нем. И это было так тихо, он настолько наполнился осознанностью, что стал учеником. В ту же ночь он пришел к Гурджиеву и сказал: «Я не могу ждать».

Быть учеником Гурджиева было очень трудно; он делал почти невозможное. Он был изобретателем тяжелых задач. Можно допустить какие-то вещи, если виден хотя бы какой-то их смысл, но с Гурджиевым была та проблема, что не было очевидного смысла.

Имя этого человека было Николл. Гурджиев сказал: «Не так-то просто стать моим учеником».

Николл сказал: «Так же не просто отказать мне. Я пришел, чтобы стать учеником, и я стану им. Вы можете быть трудным Учителем, я знаю; я трудный ученик!» Оба человека посмотрели в глаза друг другу и поняли, что они из одного племени. Этого человека нельзя было упустить.

Николл сказал: «Я не уйду. Я буду просто сидеть здесь всю жизнь, пока вы не примете меня как ученика», - и этот случай с Николл ом был единственным случаем, в котором Гурджиев принял ученика, не напакотив ему; в других случаях он был очень тяжелым человеком. Даже с таким человеком, как П.Д.Успенский, который сделал Гурджиева всемирно известным, - даже с ним Гурджиев был тяжелым.

Успенский вспоминает, как они путешествовали из Нью-Йорка в Сан-Франциско на поезде и Гурджиев посреди ночи начал делать нечто отвратительное. Он не был пьян, он не пил даже воды, но вел себя как пьяный, - ходил от одного купе к другому, будил людей, разбрасывал их вещи. Успенский, следуя за ним, сказал: «Что вы делаете?» - но Гурджиев не слушал его.

Кто-то остановил поезд стоп-краном: «Похоже, этот человек сошел с ума!» Потом пришел кондуктор и полицейский. Успенский извинился и сказал: «Он не сошел с ума и не пьян, но что делать? Мне очень трудно объяснить вам, что он делает, потому что я и сам не знаю». И вот прямо перед кондуктором и полицейским Гурджиев выбросил чей-то чемодан в окно!

Полицейский и кондуктор сказали: «Ну это уже слишком».

Держите его в своем купе, мы дадим вам ключ. Закройтесь изнутри, иначе мы вас обоих выбросим на следующей станции».

Естественно, Успенский, с одной стороны, чувствовал смущение, и, с другой стороны, он был взбешен, - почему этот человек ведет себя так отвратительно. Он подумал: «Я же знаю, что он не сумасшедший, я знаю, что он не пьяный, но...» Гурджиев вел себя дико, кричал что-то по-русски, вопил по-русски, по-кавказски, — он знал много языков, — но в тот момент, когда дверь закрылась, он тихо сел и улыбнулся. Он сказал Успенскому: «Ты как?»

Успенский сказал: «Это вы меня спрашиваете: “Ты как?”! Вас могли бы посадить в тюрьму, и меня тоже, - ведь я не мог бы оставить вас в таком положении. В чем цель всего этого?»

Гурджиев сказал: «Тебе нужно понять это. Все это я делал для тебя, а ты спрашиваешь меня, в чем цель? Цель в том, что не нужно реагировать, не надо смущаться, не надо беситься. Какой смысл испытывать смущение? Что из него получишь? Ты теряешь хладнокровие, не выигрывая ничего».

«Но, - сказал Успенский, - вы выбросили тот чемодан в окно. Как быть с тем человеком, чей чемодан вы выбросили?»

Гурджиев сказал: «Не беспокойся - это твой чемодан!»

Успенский посмотрел вниз и увидел, что его чемодана нет. Что делать с таким Учителем! Успенский пишет: «Я почувствовал желание сойти на следующей станции и вернуться назад в Европу... что еще будет вытворять этот Гурджиев?»

А Гурджиев сказал: «Я знаю, о чем ты думаешь, - ты думаешь о том, чтобы сойти на следующей станции. Храни хладнокровие!»

«Но, - сказал Успенский, - как я могу оставаться хладнокровным теперь, когда мой чемодан выброшен, а вместе с ним и вся моя одежда?»

Гурджиев сказал: «Не волнуйся, - твой чемодан был пустым. Твою одежду я переложил в свой чемодан. Ну, теперь-то остынь».

В другой раз, когда он был на Кавказе, а Успенский был в Лондоне, Гурджиев послал Успенскому телеграмму: «Приезжай немедленно!» А когда Гурджиев говорит «Немедленно», это означает немедленно/

Успенский был занят какой-то работой, но тут же оставил ее, собрался немедленно, покончил со всеми делами и отправился на Кавказ. В те дни в России была революция, и поездка на Кавказ была опасным делом, абсолютно опасным. Люди бежали из России, чтобы спасти свои жизни, так что въезд в Россию такому известному человеку, как Успенский, хорошо известному математику, всемирно известному... Он был также хорошо известен как антикоммунист, он не был за революцию. Так что вызывать его в Россию и, кроме того, так далеко, на Кавказ...

Чтобы добраться до Гурджиева, нужно было проехать через всю Россию, а тот находился в маленьком местечке; в Тифлисе, но если Гурджиев звал... Успенский отправился. Когда он приехал, он по-настоящему кипел, ведь ему пришлось проезжать мимо горящих поездов, станций, зарезанных людей и трупов на платформах. И как это ему удалось - он сам не мог поверить тому, что ему удалось добраться до Гурджиева. И что же сказал ему Гурджиев? Он сказал: «Ты приехал, теперь можешь уезжать: цель была в исполнении. Увидимся позже в Лондоне».

Вот такой человек... У него есть цель - в этом нет сомнения, - но странные у него способы работы. Он не считался даже с Успенским. Успенский так рассердился, что после этого инцидента прекратил все отношения с Гурджиевым, ведь этот человек втянул его в самую пасть смерти без всякого смысла! Но Успенский упустил смысл. Если бы он уехал так же тихо, как приехал, он стал бы просветленным ко времени прибытия в Лондон, - но он упустил смысл.

Такой человек, как Гурджиев, может иногда совершать поступки очевидно лишённые смысла, но они всегда осмысленны.

Николл стал его учеником и был вынужден пройти через многие странные задания, странные во всех отношениях. Ни один Учитель до Гурджиева не пробовал такие странные способы.

Например, он заставлял учеников есть; есть все время; он постоянно заставлял: «Ешьте!» Учителю нельзя сказать нет. До слез на ваших глазах он повторял: «Ешьте!»... и эти специи, кавказские специи — индийские специи ничто по сравнению с ними! Все ваше горло горит, вы чувствуете, что ваш живот, ваши кишки в огне, а он говорит: «Ешьте! Все время ешьте, пока я не скажу остановиться».

Он имел во всем этом некоторый скрытый смысл. Есть некоторая точка для вашего тела... Как раз на днях я говорил вам, что для тела наступает некоторый момент, когда, если вы поститесь, через пять дней тело изменяет свою систему. А именно, тело начинает поглощать свой собственный жир и больше не испытывает чувства голода. Это один из использованных им методов. Есть еще один подобный метод, но в противоположном направлении.

Есть состояние, при котором вы уже не можете есть, но учитель говорит: «Продолжайте». Он пытается подвести вас к пределу возможностей всей вашей физиологии, которых вы сами никогда и не касались. Мы всегда где-то посередине. Мы и не постимся, и не пируем, как Гурджиев; мы всегда где-то посередине. Тело пребывает в установившейся рутине; отсюда и ум тоже устанавливается в своем способе движения. Пост разрушает это движение.

Вот почему пост оказывается таким важным во всех религиях. Через пятнадцать дней он подводит вас к тому моменту, когда вы просто начинаете забывать мысли. Начинают появляться все большие провалы; на протяжении часов не возникает ни одной мысли, а спустя двадцать один день ваш ум совершенно пуст. Странно, что когда живот совершенно пуст, то он вызывает синхронную реакцию и в уме - и ум становится совершенно пустым.

Пост не является сам по себе целью. Только идиоты следуют посту как цели в себе. Пост — всего лишь метод приведения вас к той ступени, когда вы можете испытать состояние не-ума. Когда такое состояние испытано, вы можете вернуться обратно к пище. Тогда больше нет проблем, вы узнали путь. И потом, нормально питаясь, вы можете снова возвращаться в это состояние в любое желаемое для вас время.

Гурджиев делал прямо противоположное, ведь именно этому он выучился у кочевников. То были люди совершенно иного рода. У них не было никаких священных писаний. У них не было никаких людей, подобных Будде, Махавире или любым другим, но они передавали из поколения в поколение, устно, определенные методы, которые отец передавал сыну. Гурджиев выучился этим методам у кочевников. Они едят очень много, и едят, и едят, и едят. Наступает момент, когда больше есть невозможно, - и это та точка, когда Гурджиев заставляет вас есть!

Если даже тогда вы говорите «да», то внезапно наступает состояние не-ума, потому что в вас разрывается весь ритм тела и ума. Теперь для ума оказывается невозможным ухватить, что же происходит. В этой ситуации ум не может больше работать. Он не знал этого раньше, потому что — всегда помните это — ум в точности подобен компьютеру. Это биокомпьютер, он действует в соответствии со своей программой. Вы можете осознавать это, вы можете не осознавать этого, но ум действует в соответствии со своей программой. Прервите где-нибудь программу... А прервать программу можно только на концах, только на границе, когда вы останавливаетесь перед пропастью.

Гурджиев заставлял людей выпивать так много алкоголя, - все виды алкогольных напитков, - что люди почти сходили с ума; они были настолько пьяны, что полностью забывали, кто они. А он

продолжал давать им алкоголь. Если они падали, он тряс их, сажал их и вливал им еще, ведь есть момент, когда человек подходит к такой точке, когда все его тело, все его сознание полностью повержено интоксикацией. В этот момент начинает говорить подсознание.

Чтобы проделать это, Фрейду требовалось три, четыре, пять лет. Гурджиев же проделывал это за одну ночь! Начинает говорит ваше бессознательное, оно дает все ключи к вам, такие ключи, которых вы даже и не осознаете. А вы и не узнаете, что сами отдали эти ключи Гурджиеву, - но он-то знает. И он будет работать в соответствии с этими ключами: какие упражнения подойдут вам, какие танцы окажутся подходящими для вас, какая вам нужна музыка.

Все эти ключи были даны вашим подсознанием. Вы не осознавали этого, потому что вы были полностью в интоксикации. Вас не было, когда он работал над вашим подсознанием и убеждал его отдать ему все ваши ключи. Они были вашими секретами, - и эти ключи попали ему в руки. Поэтому, если кто-нибудь отказывался: «Я не могу больше пить», — он выбрасывал его. Он говорил: «Тебе здесь не место».

Закон кармы - это нечто психологическое: не законное, не социальное, не моральное, но что-то психологическое. Он не работал подобным образом до настоящего времени.

Что бы вы ни делали, все несет в себе свое следствие.

Не имеет значения, называете вы это хорошим или плохим, ведь то, как вы называете это, - хорошим или плохим, - будет зависеть от вашей обусловленности.

Если вы едите мясо и являетесь мусульманином, христианином или евреем, то нет вопроса о том, что это «плохо». Другие могут совершать то же самое действие, но их моральная интерпретация будет совершенно иной. Если вы джайн, буддист или брамин, - то, прежде всего, вы не можете есть мяса, а если вы едите его, то совершаете то же самое действие, но ваша интерпретация заключается в том, что вы совершаете плохое действие, плохой акт.

Вот джайн ест мясо, и христианин ест мясо - действия одинаковые, но для христианского сознания это хорошее действие, для джайнского сознания - плохое. Действие в точности одно и то же, но сознание разное, потому что это вопрос психологии, а не вопрос природы. В противном случае последствия были бы теми же самыми.

Их психологии различны; у них разные умы, разные обусловленности. Джайн будет испытывать чувство вины, будет испытывать великий страх. Он впадет в самообвинение, будет чувствовать себя совершенно недостойным, выпавшим из благодати. Вот оно следствие, но это не следствие действия: это всего лишь следствие действия, преломленного в его психологии.

Христианин не почувствует в этом ничего плохого, фактически он будет весьма счастлив, - то была хорошая еда, и он наслаждался ею. И вот теперь он сидит в своем кресле для отдыха с сигарой в руках, наслаждаясь собой, получая удовольствие от того, какая вкусная была пища. Вы думаете, это было последствием его действия? Нет, это не так. Это просто другая психология.

Если вы действительно хотите знать, что приносит действие, то вы должны отбросить вашу психологию; тогда вы познаете закон кармы - не раньше. До этого вы будете знать только то, что этот закон работает посредством вашего ума, а ваша психология полностью изменяет его.

Для джайна это грех, и он отправится в ад; для христианина же нет никаких проблем. Иисус ел мясо, Моисей ел мясо, я полагаю, что Бог тоже должен есть мясо, особенно еврейский, христианский и мусульманский Бог. Нельзя лишать Его такого питания, такой изысканной пищи. Или вы полагаете, что можно все время держать его вегетарианцем?

Однажды передо мною жил доктор, бенгальский доктор, доктор Датта. Бенгальцы не являются вегетарианцами. Время от времени, когда я был болен или что-нибудь такое, - он был очень по-дружески расположен ко мне и приходил навестить меня. Моя тетка, которая жила вместе со мною, спрашивала его: «Доктор Датта, что-нибудь о еде, — что он должен есть, чего есть не должен?»

И Датта отвечал: «Не нужно беспокоиться. Вы же едите траву. Что еще выкинуть из вашей диеты? Вы и так постоянно на диете. Так что я не могу дать вам никаких предложений. Мы можем садиться на диету; мы можем начать есть траву, совсем как вы, — вот это для нас будет диетой. Для вас же это будет... Если вы сядете на диету, то с вами будет покончено; ничего не останется для еды, - так что не надо беспокоиться по этому поводу».

Джайнам совершенно невозможно представить себе, что Иисус мог быть просветленным человеком: он же ест мясо, пьет вино. И самое удивительное, он не только пьет вино, он обращает в вино воду. Для джайна настоящим чудом будет, если кто-нибудь превратит в воду все вино, имеющееся в мире. Вот это будет настоящим чудом, религиозным чудом. Вы называете это чудом - превращение воды в вино? Это преступление!

Ваша психология, если вы не отбросите ее... Например, для меня, человека, лишённого психологии, - между мною и моею жизнью нет ума: я нахожусь в непосредственном и прямом контакте с моею жизнью. Если я ем мясо, то это не отправит меня в ад. Нет, это же глупость.

Прежде всего, нет ада. Во-вторых, нет такого закона природы, что если вы будете есть мясо, то отправитесь в ад, ведь если это так, то все животные и почти все люди должны отправляться в ад; небеса же будут совершенно пустыми. И из-за того, что все животные едят мясо, для них закрыта возможность роста к высшему сознанию.

Я, бывало, говорил джайнским монахам: «Вы проповедуете глупости. Вы говорите, что животные продолжают расти, двигаться выше; они, в конце концов, станут людьми. Как же они могут стать людьми? Если поедание мяса отбрасывает людей в ад, то как могут поедающие мясо животные расти в своем сознании и становиться людьми? А если животные, поедая мясо, растут и становятся людьми, то человек, поедая мясо, будет тоже расти и станет Богом. Нет проблем, ничто не мешает росту».

И эти джайны говорили мне: «С вами спорить невозможно. Откуда вы берете эти идеи? Мы всю свою жизнь читали священные писания, мы читали в них, что животные растут и становятся людьми, но эта идея никогда не приходила к нам. Да, это верно: если они едят мясо и при этом растут в своем сознании, то что же плохого в поедании мяса?»

«И, кроме того, - говорил им я, - поедание мяса растущих животных, растущих вверх, окажет огромную помощь для эволюции». Действительно, это именно то, что говорят мусульмане. У них есть одна очень странная идея - именно та, о которой я рассказываю вам. Они говорят, что нужно есть животных, потому что, только поедая их, вы преобразуете их и даете им

возможность роста вверх. Ведь вы поглощаете их тело и их душу, и душа идет вверх: так вы освобождаете столько животных, сколько можете. И в Коране Бог совершенно ясно разъясняет, что он создал животных для того, чтобы человек ел их. Что еще, какой еще авторитет нужен?

Я не джайн, не еврей, не мусульманин, потому что у меня нет никакой психологии. Все это психологии, созданные различными религиями ради их собственных целей.

Я отбросил всякую психологию.

Я не ем мяса, потому что сам этот акт для меня безобразен.

И дело не в том, что в будущей жизни я буду страдать. Нет, сам этот акт, сама идея о том, что нужно уничтожать жизнь ради удовлетворения ваших вкусовых клеток, которых не так много, — где-то на обратной стороне вашего языка, может быть два дюйма... Если ваш язык немного почистить бритвой, весь ваш вкус исчезнет.

Так случилось во время Второй мировой войны, что один человек был ранен выстрелом в шею. Медицинская наука спасла его, но трубку, по которой проходит пища в желудок, пришлось закрыть. Так возникла проблема, и поэтому ему в животе сделали небольшое отверстие, к которому подвели трубку. Он клал в эту трубку пищу, и она работала совершенно прекрасно, но он был очень несчастен, потому что не испытывал никакого вкуса. В трубку можно было положить что угодно, никаких проблем, но он очень злился: «Это не решение; нет же никакого вкуса. Жизнь бессмысленна - без пищи половины жизни как не бывало ».

Поэтому в конце концов доктор решил: «Делайте вот что: сначала пожуйте пищу, а потом кладите ее в трубку, так вы почувствуете вкус», - ведь язык у него был в полном порядке; только пищевод был закрыт, и он не мог глотать непосредственно. И идея сработала. После этого случая этот человек прожил еще лет двадцать, жуя пищу. И он наслаждался едой даже больше, чем вы, потому что жевал дольше вас. Это была его единственная радость, так зачем же прожевать и сразу же глотать?

Вы никогда не пережевываете пищу полностью, потому что ваше глотание очень близко расположено к жеванию. Если хотите пережевывать полностью, то нужно жевать сорок два раза. Я пытался, но двадцать, двадцать один, двадцать два... Это становится таким скучным делом, - забудьте этот научный закон, - я просто проглатываю. Но если пережевывать ровно сорок два раза, вот тогда пища будет пережевываться полностью.

Этот же человек жевал даже и по восемьдесят четыре раза - с этим у него не было проблем, - а потом клал пищу в свою трубку. Мы делаем так же, но наша трубка подсоединена; у него трубка была отдельно. Он прожил двадцать лет и наслаждался всеми видами изысканных блюд.

Но ради этих маленьких клеток вашего языка убивать, отнимать чью-то жизнь, - это просто не эстетично. Речь не идет о морали, о религии, это вопрос эстетики: вашего чувства прекрасного, вашего уважения к жизни. И если не есть мяса, это не приведет вас прямо на небеса, - ведь и небес тоже нет.

В том, что касается меня, просто достичь такого эстетического чувства — это и значит быть на небесах. Человек, лишенный такого эстетического чувства, ниже человечности. Он все еще

животное - ходит, конечно, на двух ногах, но то, что ходит он на двух ногах, а не на четырех, не создает большой разницы. Или, может быть, вы думаете, что это создает какую-то разницу? Если в этом единственное различие между человеческими существами и животными, - что одни ходят на четырех ногах, а другие на двух, что одни ходят горизонтально, а другие вертикально... Вы полагаете, что разница между вами и животными заключается в геометрии?

А когда-то ведь вы были точно такими же горизонтальными, как и остальные животные. Вот почему, когда вы спите, вы чувствуете, что отдыхаете, ведь тогда вы возвращаетесь в первобытное состояние, горизонтальное состояние; и ум ваш возвращается к коллективному бессознательному, далеко назад, к тем временам, когда вы двигались на четырех ногах.

Животные, если всмотреться в их лица, изящны. Видели ли вы какое-нибудь животное в тех же состояниях, которые отражаются на меняющихся человеческих лицах? Нет, потому что у них нет эмоций, нет чувства, их лица остаются одними и теми же. Ваше же лицо непрерывно меняется - в вас есть чувство. Ваше чувство — вот основное качество, отличающее вас от животных.

По моему мнению, если ваше эстетическое чувство допускает для вас какое-то действие, вы немедленно почувствуете его полностью исполненным.

Я не беру с вас никаких долговых расписок с обещаниями. Все религии делали это. Я работаю только за наличные! Я не верю в долговые расписки, я верю в наличность. Моя религия - это религия наличности.

Вы действуете, и согласно вашим действиям вы получаете результат немедленно, неразрывно; нет разрыва между действием и результатом. Вот он мой закон кармы.

Это совершенно отличается от всех философий закона кармы, которые проповедовались в прошлом, особенно на Востоке. Но мой закон кармы имеет и иное измерение: он эстетический. Чем больше оживает ваше эстетическое чувство, тем больше вы испытываете благодарности к жизни, - так обязательно случится. Приобретая чувство, вы становитесь настолько уважительными к жизни, что даже сорвать цветок с растения будет для вас безобразным актом.

Один великий художник, не очень известный на Западе, хотя сам он и был западным человеком, жил в Гималаях. Он был русским, Николай Рерих, и принадлежал он царской фамилии. Когда произошла революция и девятнадцать членов царской семьи были вырезаны, включая даже шестимесячного ребенка, - иногда эти революции так омерзительны, - Николай Рерих бежал; в то время он был еще совсем мальчиком.

Он жил в Гималаях. Он был художником, но не тем художником, который работает на галереи и на продажу. Он никогда не продавал свои картины, - и не потому, что люди не хотели покупать их, но потому что он сам не хотел их продавать. Он говорил: «Это не товар, это я на этих холстах. Как можно их продавать?» Он умер, и все его картины оставались в его доме.

Я бывал в его доме, - в то время он был уже очень старым человеком, - и видя, что он вегетарианец, я спросил: «Вы русский, почему же вы вегетарианец?»

Он ответил: «Из-за моих картин. Я не могу уничтожить даже картину, не живую. Как я могу уничтожить живое существо ради своей пищи? А если я могу уничтожить льва или тигра, то

почему бы не уничтожить и человека?»

Ведь человеческое мясо будет более питательным, более подходящим вам, так что же плохого в каннибализме? Почему все настроены против каннибализма? Только потому, что они поедают человеческие существа? Но каннибалы говорят, что человеческое мясо намного нежнее. Они говорят, что нет на земле ничего более вкусного, чем человеческое мясо, особенно мясо маленьких детей. Если решающим является вкус и изысканность... И, может быть, они правы, потому что они едят и другую пищу, так что если они говорят так, - и все каннибалы соглашаются на этом... Но вы не можете и помыслить о том, чтобы есть человека. Так как же вы можете думать о том, чтобы есть тигра? Как же вы можете думать о том, чтобы есть оленя?

Если в вас нет ума, данного вам вашим прошлым или если вы можете отложить его в сторону и посмотреть прямо, то вы просто удивитесь тому, что же творят люди.

Вегетарианство не должно связываться ни с моральным, ни с религиозным. Это вопрос эстетики: вашего чувства, вашего уважения, вашей благодарности перед жизнью.

Вот что означает для меня закон кармы. Все другие интерпретации его абсолютно неправильны, просто фу-фу.

Беседа 10

ХРИСТИАНСТВО: ПРОСТО ПОВЕСИЛИ МИЛОГО ЕВРЕЙСКОГО ПАРНЯ

8 января 1985 года

Бхагаван,

Вы говорите, что Христос был последним христианином. Являетесь ли Вы единственным раджнишистом? Пожалуйста, поясните.

Не я сказал, что Христос был последним христианином. Я просто цитировал Фридриха Ницше, который это изрек. В определенном смысле Ницше абсолютно прав, потому что в этом мире каждый человек неповторим.

Уникальность личности абсолютна.

Не только в настоящем нет никого, кто бы был похож на вас, но и во всей вечности не будет такого существа, как вы. Не было такого существа и раньше. Вы — это просто вы, несравненный.

Итак, я привел высказывание Ницше в том смысле, что последний христианин был распят две тысячи лет назад. Но мне бы хотелось кое-что добавить.

Первое: Иисус был не только последним христианином, он был еще и первым христианином - первым и последним.

Но это только одна сторона высказывания. С другой стороны, я с этим не согласен, во всяком случае в том, что касается слова «христианство», - Иисус даже никогда не слышал о нем.

Он родился иудеем, жил как иудей и пытался всю свою жизнь показать себя настоящим иудеем. Действительно, он и был-то распят потому, что пытался показать себя иудейским мессией. Он никогда не слышал о словах «Христос» или «христианин», потому что он не знал ни греческого, ни латыни; он знал только арамейский и немного древнееврейский. И в обоих языках есть слово мессия, а слово «христос» - это перевод слова «мессия» на греческий.

Слово «христос» вошло в обращение после Иисуса, по прошествии трехсот лет; а от слова «христос» произошло слово христианство. Постепенно люди забыли, что несчастный Христос и понятия не имел, что его назовут Христом, а его последователей - христианами.

Вы удивитесь, узнав, что в Индии индусское слово мессия звучит масиха, а слово для обозначения христиан - масихи. Масихи намного ближе к арамейскому и древнееврейскому, чем то, как называют себя христиане во всем мире.

Может быть, индусские слова масиха и масихи произошли потому, что Иисус после бегства с креста - это не было воскресением, это было бегство - жил в Индии очень долго, до ста двенадцати лет. Его самый любимый ученик, Фома, сопровождал его.

Индийское христианство - старейшее в мире. Ватикан появился позднее. Иисус остановился в Кашмире полностью уставшим, возможно покончившим с заботами о человеке и надеждой о лучшем для него будущем, поскольку, если вот таков был результат - распятие человека, который работал ради вас и ради вашего освобождения, вашего спасения... Конечно, он был не идиот: он выучил урок.

Все остававшееся ему время Иисус молчал. Да, немногие люди приходили к нему сами. Но здесь не было проблемы, ведь в Индии столько воплощений Бога, и это никого не касается: если кто-то считает себя воплощением Бога, пусть будет так.

А что в этом такого? Где-нибудь в другом месте такой человек будет распят, будет посажен в тюрьму; он будет подвергнут психоанализу, депрограммирован. Все глупости будут предприняты по отношению к человеку только потому, что он думает, что он воплощение Бога, но в Индии ему будут поклоняться.

Никто не обратит внимание. Даже и не будет поставлен вопрос о внимании, потому что установлено: невозможно судить, воплощение он или нет; нет никакого критерия, нет метода определения. И Индия видела столько таких людей, как Иисус, что как-то само собой было установлено, что каждый из них столь уникален, что не может быть никакого критерия, который от одного может быть приложен к другому.

Будда был просто самим собой. Ничего общего между Буддой и Кришной найти нельзя; все в них противоречит друг другу. Но Индия пережила тысячи лет религиозных философствований, учений, споров. Добилась своеобразной либеральности ума в том, что касается религии.

Индия знает, что Кришна может быть воплощением Бога, несмотря на то, что он живет во дворце со всеми удобствами;

Будда может быть воплощением Бога, несмотря на то, что он отказался от королевства, удобств и комфорта; Махавира может быть воплощением Бога, несмотря на то, что он сбросил одежды и

живет голым.

Индия видела многих людей, таких, как Иисус, так что она пришла к идее: оставить человека в покое. Если можно чему-нибудь научиться у него, хорошо; с другой стороны, не повредит отдать ему дань уважения. Может быть, он и прав; а если он не прав, что ты теряешь? Почитать человека, даже если он не прав, не так уж плохо.

Так что в Кашмире никто не причинял Иисусу беспокойства. Он там не был новостью. В Индии такие люди не новость. Фому он послал на юг Индии по специальному делу. Северная Индия - очень изощренная, и все великие учителя, Будда, Кришна, Махавира, Патанджали, Горакх, Кабир - бесконечный ряд - все родились и жили в северной Индии, по той простой причине, что северная Индия - арийский район.

Южная Индия - не арийский район, там есть негроидная кровь. Некогда южная Индия была частью Южной Африки; Южная Африка отдрейфовала от нее. Последним открытием в географии является то, что материки дрейфуют, они все еще движутся. Скорость дрейфа очень мала, примерно один фут в год, так что нельзя и почувствовать. Но материки постоянно дрейфуют, они не стоят на месте: так что за тысячи лет многое изменилось.

Было очень проницательно со стороны Иисуса послать Фому на юг Индии, где была возможность проповедовать и распространять слово Иисуса. В северной части Индии никого это не беспокоило. Северная Индия была настолько переполнена философствованием и аргументированием; была настолько изощренной, что Фома, несчастный, необразованный человек, — кто будет слушать его?

Но, возможно, Южная Индия будет восприимчивей; и так действительно было. Целый штат Керала насчитывает восемьдесят процентов христиан; и это неудивительно - это работа Фомы. Гоа - место полностью христианское - тело Фомы до сих пор находится в Гоа.

Это напомнило мне одну вещь, о которой мне бы хотелось вам рассказать: тело Фомы - единственное тело, за исключением тел на Тибете, которое осталось таким же, каким оно было, когда человек умер. Его не бальзамировали никакими химическими веществами или научными методами. Это одно из редчайших явлений на земле. Раз в году тело вынимают из внутренних помещений храма для показа публике.

И я видел его; можно убедиться, что оно выглядит так, как будто человек только что уснул и вовсе не умер. Конечно, он не дышит, но за две тысячи лет его тело не подверглось распаду. Ученые пытались найти метод бальзамирования. Искать было нечего, потому что не было никакого бальзамирования никакими консервантами; с помощью длительных упражнений по йоге и специальных дыхательных упражнений достигается возможность изменения работы внутренних химических процессов.

Тридцать лет Фома практиковал йогу. Фома жил как индусский брамин. Увидев изображения Фомы, можно удивиться. Какой же это христианский монах? Его голова выбрита как у индусского брамина, небольшая часть волос на макушке головы оставлена невыбритой, так называемое чоти. Он даже носил нить, ягьяопавит, которая надевается только прирожденными браминами. Он носил только небольшой кусочек одежды, прикрывавший низ его тела, так называемая поясничная одежда.

Если вы видели портрет Махатмы Ганди, вы узнаете одежду, которая прикрывает его от пояса до колен — этого достаточно. А на юге она используется как набедренная повязка; Фома носил набедренную повязку ланги, только до колен. Он носил деревянные сандалии. Он выглядел как настоящий индус.

Он стал вегетарианцем за время своего пребывания в Индии. Он старался как можно лучше изучить йогу, и он действительно творил чудеса. Он сказал: «После моей смерти не хороните меня и не ройте для меня могилы. Я сделал так, что изменил работу внутренностей». Так было предсказано Фомой — и это предсказание, может быть, стало правдой - его тело сохранится до конца света. Прошло две тысячи лет, и тело сохранилось. Только в прошлом году, впервые, был обнаружен маленький след разложения. Возможно, близок конец света.

Если он был прав насчет своего тела, прося не разрушать его, оно останется нетленным до самого конца света, и - согласно многим источникам конец света приближается, — может быть, его предсказание тоже окажется правдой.

Только в прошлом году, в 1984 году, впервые появилось маленькое разложение. Возможно, до конца этого столетия тело разложится полностью. Предсказание Фомы было таково: в тот день, когда мое тело полностью разложится, будет конец света.

Фома и Иисус вместе принесли слово «мессия» в Индию, которое потом стало масиха. Так случается, что когда слово переходит из одного языка в другой, оно должно было адаптироваться к особенностям другого языка. «Мессия» не подходит к хинди; «масиха» подходит. «Мессия» осталось бы чем-то иностранным, но «масиха» - трансформированное слово, слово не иностранное больше; и христиан уже две тысячи лет называют масихи.

Так вот что я хотел сказать: Иисус вовсе понятия не имел, что такое христианство, что такое «христос». Он никогда не слышал этих слов. В этом смысле Ницше не прав. По этому поводу я хочу вам сказать вот что: несмотря на то, что я слышу слово раджнишист, я не первый и не последний.

Я не принадлежу ни к какой группе, ни к какой религии, ни к какой организации. Даже в вашей коммуне я посторонний, просто гость - гость раджнишистов.

Я не раджнишист.

Христианин сравним с индусом, иудеем, буддистом, джай-ном, даже с коммунистом, потому что они все верят в сплоченные организации. Все они верят в одного лидера, одного пророка, одного мессию, одного Бога, одну святую книгу. Утверждение Ницше не может быть применено ко мне, потому что коль скоро речь идет о раджнишизме, то нет Бога, нет святой книги, нет мессии.

Я не мессия.

Чтобы быть мессией, сначала нужен Бог.

Я посвятил себя тому, чтобы декларировать, что Бога нет. Теперь я не могу называть себя мессией; эта возможность для меня закрыта. Бог — вот кто посылает мессий и посланников -и

его нет.

Нет никого выше меня, и нет никого ниже меня.

Есть только два способа стать высшим. Либо ты послан кем-то свыше, от великого господина, как послали Иисуса, как послали Мухаммеда. Они пришли от большого босса, со всей силой, данной им. Это один способ назвать себя высшим перед другими. Все остальные - не порожденные сыны Бога, только Иисус порожденный. Все - не мессии, только Иисус.

Иисус декларирует свое превосходство: вы - всего лишь овцы, он - пастух. Он - единственный пастух; среди миллионов овец - единственный пастух. Мне не нравится эта затея. Миллионы овец, а я один пастух? Куда это годится? И ты осужден своей же компанией. Даже если ты пастух, то нечего хвастаться, но все это — способ доказать себя высшим.

Другой способ - последовать буддийской религии и джайнизму потому, что ни в одной из них нет веры в Бога, так что эта возможность отпадает. Нашлась другая возможность, и это - тиртханкара - джайнский эквивалент мессии, - который не посылается Богом, потому что его нет, но который достигает того же статуса космического сознания усилиями миллионов жизней. Вы стоите на миллионы жизней позади него, ниже него. Вам потребуются миллионы жизней, чтобы достигнуть этого статуса.

Таков другой путь провозглашения превосходства - и, возможно, намного лучший путь, потому что он такой трудный. Чтобы стать мессией, все, что надо, - это умственная отсталость, глупость, упрямство, - и можно смело провозглашать себя высшим.

А чтобы провозгласить себя порожденным сыном Бога, что нужно? Просто никакого чувства стыда, вот и все; а то такие глупости... Любой интеллигентный человек, даже если он и есть порожденный сын Бога, попытался бы скрыть это; вдруг кто-нибудь услышит, что подумают люди?

Даже если он знает, что он посланник Бога, он никому не скажет об этом. Он доставит послание и скроется, потому что выглядит довольно глупо, что ты - сын плотника, необразованный, и был выбран посланником Бога.

Бог не мог найти образованного, изощренного раввина? А таких тысячи! На самом деле раввины - самые ученые люди в мире. Бог, кажется, сошел с ума: он должен был выбрать кого-нибудь чистого, культурного, знающего все писания, а Иисус даже не умел читать. А были люди, посвятившие всю свою жизнь учению, размышлению, созерцанию — такова была традиция.

Иудаизм и индуизм — единственные две основные религии мира. Другие религии - ответвления или индуизма, или иудаизма, но иудаизм и индуизм остаются отделенными друг от друга. Между ними нет соприкосновения, не было общения между ними; но обе они отличаются потрясающей ученостью.

Если Бог выбирает Кришну в качестве своего воплощения, то это может быть понято. У Кришны есть то понимание, та мудрость, те знания - лучшее из того, что было, было доступно ему; самые знаменитые учителя были его учителями. Его учили быть мудрым, и он был мудрым.

А сколько было раввинов, комментировавших Тору, и столь мудрые комментарии, что если даже сегодня просматривать их, вы найдете их очень современными. Возможно, их возраст составляет три тысячи лет, но они все еще прекрасны и глубоки.

Небольшие утверждения в Торе или Талмуде были пересказаны в комментариях раввинов столь значительно, что если посмотреть на само высказывание, вы подумаете, что смысла в нем не так много.

Если же посмотреть комментарии и комментарии на комментарии, то вы осознаете огромные измерения, открывающиеся за избытыми утверждениями. В них ничего не было — нельзя ничего найти в них — но эти комментаторы обладают чем-то вроде третьего глаза. Они начинают смотреть - нечто похожее на рентгеновские лучи - и доходят до самой глубины. Возможно, они создают глубину: они настолько творческие люди, что выуживают нечто значительное из абсолютно незначительного утверждения. Бог должен был выбрать таких людей, а не сына плотника.

Но Иисус провозгласил себя посланником Бога. Он, должно быть, выглядел как шут. Я не могу этого передать. Он путешествовал на осле и декларировал себя единственным порожденным сыном Бога. Мессия, которого столько веков ждали, приезжает на осле.

Люди, должно быть, смеялись. Сначала он был просто посмешищем, - да, было смешно, - но этот человек пошел дальше. Вскоре люди начали понимать, что это уже не так смешно, это становилось серьезным делом, потому что Иисус собрал нескольких идиотов вокруг себя, которые говорили, что он - мессия.

И это был, как и всегда, класс людей, отвергнутых обществом: воры, проститутки, аферисты, сборщики налогов. Эти люди были отверженными; и это были именно те люди, которых собрал Иисус. Собрать их было легко, поскольку они были отвергнуты обществом и Иисус был отвергнут обществом. Они нашли великого мессию - «так давайте присоединимся к нему» Ни один раввин не последовал за Иисусом. Это странно; такого нигде больше не случилось.

Будда выступал против браминов, против индусов, но все его великие ученики были браминами. Это представляется значительным, ведь он взывал к лучшим слоям общества. Несмотря на то, что он был против браминов, брамины были высшими членами общества, и большинство интеллигенции вышло из браминов.

Сарипутта был брамином, Моггальяна был брамином Махакашьяпа был брамином. Все они пришли к Будде не потому, что они были полными идиотами, отверженными - аферистами, проститутками, сборщиками налогов, ворами -нет, но потому, что они были великими учеными и они смогли понять, что то, что говорил Будда, правильно. И они не были никем.

Когда Сарипутта пришел к Будде, у него самого было пятьсот учеников, пришедших с ним - все великие ученые. Сначала он пришел, чтобы поговорить, и Будда был рад его визиту - что могло быть более приятным? Но Будда спросил: «Вы познали истину или вы просто ученый? Я слышал о вас».

Глядя на Будду некоторое время в тишине, как смотрится в зеркало полностью обнаженный, Сарипутта сказал: «Я — большой ученый, но в том, что касается истины, я не знаю ее».

Будда сказал: «Тогда будет очень трудно спорить. Спор возможен между людьми, не знающими истины. Они могут спорить до бесконечности, потому что никто из них не знает истины, оба они невежественны, так что они могут играть словами и логикой, и высказываниями, и писаниями, но так как они не знают, для них нет возможности прийти к соглашению. В конце концов может произойти то, что тот, кто более сообразителен и хитер, и ловок, может победить другого, и другой станет учеником более хитрого и изощренного. Но что общего имеет их решение с истиной?»

«Или есть вариант разговора двух людей, которые оба знают истину, но нет причины спорить. О чем будет их спор? Они будут сидеть тихо, возможно улыбнутся друг другу или пожмут друг другу руки, но что им говорить? Глядя друг другу в глаза, они поймут, что им не о чем говорить, - мы оба знаем одно и то же, Мы находимся в одном месте - так что будет только тишина».

«Или есть еще третья возможность, когда один знает, а другой нет. Тогда все становится очень проблематично, потому что тот, кто знает, не может перевести то, что он знает, на язык невежды. А тот, кто не знает, будет напрасно терять свое время, свой ум, потому что он не сможет постичь того, кто знает. Целый мир не может постичь человека, который знает, потому что он знает, а вы не знаете. Вы можете быть все вместе...»

Будда сказал: «Вы пришли со своими пятьюстами учениками. Вы не знаете истины, и абсолютно точно, что из этих пятисот учеников тоже никто не знает ее; иначе такой человек не был бы вашим учеником, он был бы вашим учителем. Вы больше ученый, они менее ученые. Вы старше, они моложе. Они ваши ученики».

«Но как вы собираетесь что-то обсуждать? Я готов, но я знаю. Одно ясно: вы не можете обратиться ко мне. Так что единственная возможность заключается в том, что обращены будете вы, так что дважды подумайте». Но Сарипутта уже был обращен. Видя такого человека... И он был достаточно разумен, он победил многих великих ученых.

Была в то время в Индии такая традиция, что ученые путешествовали по всей стране, побеждая других ученых. Когда человек побеждал всех ученых, только тогда он признавался сообществом ученых как мудрый человек. Но стоять перед Буддой, перед человеком, который знает... Здесь нет вопроса об учености или о том, сколько ученых вы победили.

А Будда просто сказал: «Я готов. Если вы хотите спорить, я готов, но возможен ли спор? У меня есть глаза, у вас их нет: я не смогу объяснить вам, что такое свет. У вас не может быть никакого представления о том, что такое свет. Вы лишь услышите слово свет, но слово это не будет иметь для вас никакого значения. Оно будет бессодержательно - услышано, но не понято».

«Так что, если вы действительно заинтересованы в истине, а не в победе, или в том, чтобы быть победителем... ведь меня это не интересует. Я прибыл. Кому нужно кого-то побеждать? Зачем? Если вы действительно заинтересованы в истине, то просто будьте здесь и делайте то, что я говорю. Вы можете поспорить потом, когда узнаете нечто существенное, основное. Вот тогда можете поспорить».

Сарипутта же был потрясающе разумным человеком. Он сказал: «Я знаю, что ни теперь не стану спорить, ни потом не стану спорить. Вы закончили с моими аргументами. Сейчас я не спорю, потому что у меня нет глаз; потом я не смогу спорить, потому что они у меня будут. Но я

остаюсь».

Он остался со своими пятьюстами учениками. Он сказал ученикам: «Теперь я больше вам не учитель. Здесь есть человек; я буду сидеть у него как его ученик. Пожалуйста, забудьте меня как своего учителя. Если вы хотите остаться здесь, он - ваш Учитель».

Если бы такой человек, как Будда, сказал: «Я - посланник Бога», — то над ним даже не посмеялись бы. Но он этого не сказал, потому что он и Махавира были современниками и оба имели абсолютное доверие к своему переживанию о том, что никакого Бога нет. Они нашли другой путь.

Для меня это одно и то же. Спускаетесь ли вы свыше; тогда вы необыкновенный... Они восходят снизу и возвышаются над вами, так высоко. Вам придется работать миллионы жизней, и только тогда вы сможете достичь того же состояния - это почти невозможно.

Я не могу объявить себя мессией, потому что Бога нет.

Я не могу объявить себя тиртханкарой или аватарой, потому что, по моему мнению, истина не добывается путем трудных усилий на протяжении миллионов жизней.

Истина постигается непосредственно, немедленно, здесь и сейчас, потому что она уже есть у вас. Так что это не вопрос достижения ее; вам не нужно куда-либо отправляться, чтобы найти ее.

Вы несете истину с собой все время.

Просто вы не осознаете ее.

Но для пробуждения не требуется миллионов жизней.

Только хороший удар по вашей голове, и вы проснетесь - больше чем проснетесь.

Так что я не считаю себя выше вас. Я не считаю кого-то ниже меня; я не считаю кого-то выше себя - ни Иисуса, ни Будду, ни Махавиру. Я не считаю их выше себя, потому что это такое простое человеческое переживание. Зачем делать много шума из ничего? В некотором смысле даже в Махавире и Будде какая-то тень эго все еще проявляется. Они достигли, но не целиком. Возможно, отсутствует нога, отсутствует рука; что-то отсутствует, что-то оставлено позади.

Пакхтунистан - маленькое государство, расположенное между Пакистаном и Афганистаном, почти часть Афганистана. Некогда это была часть Индии; теперь официально это часть Пакистана. Но Пакхтунистан не хочет быть частью Пакистана, он хочет быть частью Индии; и если это невозможно, они хотят... Ведь теперь Пакистан находится между. Они мусульмане, но другой расы.

Пакхтуни по-настоящему красивые люди, возможно самые высокие в мире, самые сильные в мире, самые долгоживущие в мире. Нельзя найти ни одного толстого пакхтуни - настолько они хорошо сложены и настолько они высоки и настолько они красивы, как скульптуры Леонардо да Винчи. Они не хотят смешиваться с Пакистаном, они предпочли бы скорее Афганистан.

У этого племени есть странная идея. Я вспомнил об этом, потому что сказал, что Будда как

будто оставил что-то позади, Махавира как будто оставил что-то позади. Пакхтуни верят, что когда человек умирает, он умирает полностью вместе со своим телом. Ни одна часть не должна пропасть, потому что Бог спросит: «Где твоя рука? — ведь когда я посылал тебя в мир, я посылал тебя целиком». Так что они не принимают никаких операций, никаких ампутаций. Они лучше умрут, чем позволят забрать у себя почку, потому что они простые люди, примитивные, и их логика проста: когда Бог спрашивает: «Где твоя почка?..»

Случилась вот такая красивая история. В Лахоре один пакхтуни во время первой мировой войны получил ранение в руку. Ситуация была такова, что если бы рука не была отрезана, то все тело было бы отравлено. Решение должно было быть принято немедленно, потому что даже при небольшом промедлении было бы слишком поздно. Сам этот пакхтуни находился без сознания, в состоянии комы. Его семья была где-то в Пакхтунистане, и их было трудно найти, потому что в Пакхтунистане до сих пор нет почтовой связи, нет телеграфа, нет телефона, нет дорог.

Только одна дорога идет из Пакистана в Афганистан, но даже проехать по этой дороге очень трудно, потому что дети пакхтуни все время практикуются в стрельбе - стреляя в водителей, стреляя в пассажиров автобусов! Они очень примитивный и простой народ. Где им учиться? Они не задумываются над тем, чтобы сделать мишени, - да и зачем, когда есть столько мишеней?

Когда я путешествовал по Пакхтунистану, мой водитель сказал: «Я не позволю вам здесь водить».

Я сказал: «Почему? Такая красивая страна».

Он сказал: «Вы не знаете: водители здесь - всего лишь мишени! Я вам не позволю. Садитесь на другое сиденье, на пассажирское сиденье; я буду вести. Я ездил по этим дорогам, так что я знаю, где опасность, как ее избегать и что делать. Они постоянно стреляют - совсем как дети. С самого детства все, что они хотят, - это оружие».

Так что как же найти его семью, чтобы получить их согласие на ампутацию руки? А он пакхтуни: когда он придет в себя и обнаружит, что потерял руку, он причинит много неприятностей. Но другого пути не было. Врач, англичанин, сказал: «Я беру на себя ответственность. Я знаю людей, я договорюсь с ним как-нибудь. Режьте руку».

Когда человек очнулся, он был по-настоящему взбешен. Доктор выслушал его ругательства, а потом объяснил ему, что это произошло так: «Я взял всю ответственность на себя, и смотри, я сохранил твою руку». Он сохранил руку в большой банке, наполненной спиртом. Он сказал: «Я сохранил ее, так что когда ты умрешь, ты заберешь руку с собой».

Они простые люди; он понял рассуждения. Он сказал: «Вот это правильно. Что вы еще могли сделать? Это просто великолепно. И вы храните ее, потому что мы, пакхтуни, постоянно в пути».

Они постоянно путешествуют по всей Индии, потому что они обычно везут в нее сухие фрукты, - лучшие фрукты растут в Пакхтунистане, - и шерстяные вещи: одеяла, свитера. Эти два товара они везут на продажу из Пакхтунистана в Индию.

На самом деле, с тех пор, как Пакистан был отделен, увидеть пакхтуни в Индии невозможно. Вам не попробовать таких качественных сухих фруктов, которые они привозили. Они были самыми лучшими, такие не достанешь нигде.

Так что он сказал: «Я постоянно в дороге. Носить с собой эту руку будет выглядеть странно. Кроме того, я могу ее забыть. Она может где-нибудь упасть. Ведь она в стеклянной банке - она может разбиться. Храните ее, а я скажу моей семье, чтобы, когда я умру, они забрали руку у вас».

Доктор сказал: «Ну, хорошо».

Но произошел несчастный случай: сгорела больница, а с ней и рука этого пакхтуни. Доктор не очень огорчился на этот счет, потому что он уволился и вернулся назад в Англию, очень далеко от Пакхтунистана, так что эти люди не могли его побеспокоить никаким образом. Кто был этот доктор и куда он уехал? Куда они поедут, чтобы его найти? И они не смогут поехать в Англию, они ведь очень бедные люди.

Но он боялся, что они найдут его даже в Англии, кто знает? Эти люди опасны. Они могут найти какой-нибудь способ... так что лучше держать руку наготове, на всякий случай. Но он забыл, что отрезал левую руку. Он взял из больницы правую руку и хранил ее в своей спальне на тот случай, если однажды кто-нибудь придет...

Так случилось, что однажды кто-то постучал в дверь. Врач открыл дверь, перед ним стоял взбешенный пакхтуни. Врач не мог поверить своим глазам. Пакхтуни не сказал ни слова, он просто показал свою левую руку и спросил: «Где моя рука?» - не словами; он просто показал ему руку: «Отдай мою руку».

С доктором чуть не случился нервный припадок. Он схватил банку и принес. И в этот момент он осознал свою ошибку - это была правая рука. А пакхтуни, видя это, швырнул флакон, взял руку и кинул ее в комнату. Он сказал: «Завтра ночью я приду опять. Найди мою руку!»

Возможно, вторая часть этой истории более психологическая. Для доктора это превратилось в ночной кошмар. Каждую ночь... У доктора появилась навязчивая идея, что пакхтуни умер. Возможно, кто-то из Лахора - его коллега, тоже доктор - сказал ему, что пакхтуни умер, наверняка. А может быть, это было лишь его воображение, но он думал, что увидел привидение этого пакхтуни. Как бы то ни было - я не верю в призраков, но вы можете вообразить себе...

Если возможно вообразить себе Бога, то почему нельзя вообразить привидение? Такое маленькое создание. Если можно увидеть Иисуса, и Кришну, и Будду, то нет никаких проблем: можно галлюцинировать и бедного пакхтуни. И ведь причина была достаточной - доктор нарушил свое слово.

Пакхтуни - невероятно честные люди. Если они обещают, они выполняют свое обещание любой ценой. Даже ради мелочи они будут рисковать своей жизнью; если они обещали, они выполняют. Так что он был так напуган, возможно, из-за этого. Доктор жил среди пакхтуни в Лахоре, так что он знал, что это за народ: даже после смерти... А особенно в Англии привидения появляются чаще, чем везде.

Англия почему-то очень привлекательна для призраков. Соотношение домов в Англии, где появляются призраки, намного больше, чем в любой другой стране. Британия обладает своего рода притяжением для призраков. Возможно, поэтому англичане выглядят такими серьезными и напуганными.

Не начинайте разговора с приличным человеком, если вас не представили. Возможно, существует также страх вступать в разговор с духом: вы не знаете, кто он такой. Если кто-то, кто вас знает, представит вас, тогда - порядок; иначе кто знает, кто есть кто? Этот доктор был, должно быть, приличным человеком.

В этой истории доктор умер от постоянных ночных кошмаров. Однажды утром его нашли мертвым. Он, должно быть, подумал, что пакхтуни схватил его за горло и душит, но, на самом деле, он сам сдавливал свое собственное горло; и под утро, когда нашли его, он уже убил себя. Он, должно быть, придумал, галлюцинировал, выдумал себе навязчивую идею и убил себя. Он, должно быть, умер, думая, что пакхтуни убивает его! Но идея этих пакхтуни о том, что вы должны быть целыми, когда возвращаетесь обратно, очень значительна.

И Будда оставил что-то позади: он все еще продолжает как-то говорить, что он выше вас. Он провозгласил, что достиг высшего космического сознания, которого еще никто не достигал.

Сейчас - та же самая игра играется более изоциренно. Но то, чего он пытается достигнуть, - то же самое, что пытается сделать Иисус, говоря: «Я единственный рожденный сын Божий. Никого не было до меня, никто не придет после меня; я - единственный сын». Он делает свое место высшим навсегда. Будда делает то же самое: конечно, он говорит, что прошел через миллионы жизней.

В одной жизни он был слоном, - но там, он тоже был высшим. Он рассказывает, что когда он был слоном, джунгли охватил пожар. Огонь распространялся так быстро, а ветер был настолько сильным, что все звери бежали из джунглей. Он тоже бежал, но нашел большое тенистое дерево и остановился только для того, чтобы немного отдохнуть в прохладе тени.

Как только он собрался идти дальше и уже поднял свою ногу, маленький зайчик, бежавший в страхе от пожара, также остановился в тени дерева и устроился отдыхать как раз там, куда слон собирался опустить свою ногу. Теперь, опуская свою ногу вниз, он мог бы убить зайчика, но не опускать свою ногу... сколько он сможет простоять на трех ногах? И надо понимать: слону стоять на трех ногах очень сложно, достаточно поднять одну ногу!

Но Будда сказал: «Я буду держать ногу поднятой, чтобы сохранить зайчику жизнь, несмотря на то, что, балансируя с такой тяжестью, я упаду и умру. И вот потому, что я сделал доброе дело, я был рожден человеком».

Даже несмотря на то, что он был слоном, он был высшим слоном, не простым слоном; другими словами, я не думаю, что какой-нибудь другой слон будет беспокоиться о зайчике. Во-первых, он и не увидит, есть ли там зайчик. Слоны большие, а глазки у них очень маленькие. Вы понимаете странность ситуации? Такие маленькие глазки у такого большого животного. Кто создал такое? Нужна небольшая корректировка. Или вы думаете, что слон может увидеть зайчика, который сидит как раз у него под ногой? Я думаю, что для слона потребуется долгая практика йоги, чтобы научиться смотреть вниз; для слона сложно смотреть далеко вниз.

Просто нарисуйте слона - я нарисовал и попытался всеми доступными способами представить себя слоном, но я не смог увидеть зайчика. Вот нога, а как раз под ней зайчик, — но такие маленькие глазки с таким большим телом... это просто невозможно.

Даже в слоновой жизни Будда был таким ненасильственным, миролюбивым, что он предпочел собственную смерть убийству зайчика. Он рассказывает много историй из своих предыдущих жизней, и в каждой жизни он высший. Это превосходство продолжается даже в его последней жизни: теперь он самый высший просветленный человек.

Вам потребуются миллионы жизней - и вы можете не достигнуть стадии слона. Будете ли вы готовы умереть ради зайчика? Вы даже не будете готовы спасти свою жену - особенно свою жену, потому что замужняя жизнь такова, что люди говорят друг другу...

Один любовник говорил своей возлюбленной: «Без тебя я умру, я не могу дышать. Без тебя я не вижу смысл а в жизни. Если я не вижу тебя, мой день становится мрачным и унылым, но когда я вижу тебя, я переполнен счастьем, я вижу звезды даже днем».

Женщины более практичны; они не слушают весь этот хлам. Она знала, что он, должно быть, выучил этот диалог в каком-нибудь фильме или где-нибудь еще. Она сказала: «А как насчет завтра? Завтра ты придешь?»

Он сказал: «Если не будет дождя - ведь я не получил еще свой зонт из ремонта». Поэзия - одно, но когда все происходит в реальности, получается совсем другой мир.

Будда пытается доказать самому себе, что он не только выше вас... Он рассказывает: «Когда я стал просветленным, все три индусские Бога...» Совсем как и христианская троица, индуизм имеет тримурти, три лица Бога - одно тело, но три лица. Это выглядит намного логичней христианской троицы - Бог Отец, Святой Дух и Иисус Христос - сын.

Троица похожа на неполноценную семью: нет ни матери, ни братьев, ни сестер. А история такая старая, что семья должна была бы соединиться. В те дни такая семья, содержащая лишь ядро - только один сын, да и то без жены! Величайший контроль рождаемости - даже жена пропущена. Это не похоже на действительность.

За индусским Богом, кажется, стоит больше логики: одно тело, три лица. Брахма - лицо созидающее, создающее мир; Вишну — поддерживающий, тот, кто поддерживает мир; Шива - разрушительная часть, тот, кто разрушает мир. Выглядит более логично, возможно, и более научно.

Странно: наука все время разделяет и разделяет - молекулы состоят из атомов, да и сами атомы были разделены, - и самое последнее разделение, которое открыла наука, - это деление на три. Одно - положительное, которое может служить созидающей частью; другое - нейтральное, которое может служить поддерживающей частью; третье - деструктивное, отрицательное, которое может быть третьим лицом индусского Бога.

Рано или поздно индусы начнут хвастаться тем, что то, что означают лица Бога - это электрон, нейтрон, протон, - это то же самое, но сказанное по-другому; но одно тело, одно электричество, одна сила. Что будет делать с этим Будда? Он говорит: «Когда я стал просветленным, все три

индусские Бога: Брахма, Вишну, Махеш - все трое пришли прикоснуться к моим ногам».

Таким образом, он даже лучше, чем Иисус. Иисус, в конце концов, всего лишь сын. Будда устраивает так, что все три Бога прикасаются к его ногам, ведь эти три Бога говорят: «Просветленное существо намного выше Бога. Мы тоже желаем, в одной из жизней, достигнуть такой же стадии существования».

В индуизме боги не являются постоянными существами. У них есть какое-то количество времени в раю, которое они заработали, делая хорошие дела на земле, некий банковский счет добродетели. Они будут жить в раю, пока этот банковский счет не кончится. Однажды он кончится, и они вернутся снова на землю, снова на дорогу — в колесо жизни и смерти. Просветленное существо не идет в рай, оно идет в мокшу.

Мокша выше рая, оттуда невозможно упасть, потому что ее не заслуживают через добродетель и хорошие поступки, она происходит из сознательности, из полной осознанности. Если вы полностью сознательны, как же вы можете упасть? Так что Будда пользуется гораздо более умной стратегией для доказательства своего превосходства. Махавира пользуется тем же способом. Тиртханкара остается тиртханкарой и через миллионы тяжелых и суровых жизней; и существует только двадцать четыре тиртханкары в круге мироздания.

Только недавно западная физика начала осознавать огромный период времени, но индуизм, джайнизм и буддизм осознавали его уже очень давно. В английском языке нельзя найти эквивалент многим числам, которые существуют в индийском языке. Один цикл - не такая уж маленькая вещь, а миллионы и миллионы лет. Создание мира происходит не так, как это утверждают христиане, — что выглядит очень по-детски, — четыре тысячи и четыре года до рождества Христова.

Восточные люди будут смеяться и говорить: «Кого вы хотите обмануть? Создание мира произошло четыре тысячи и четыре года до рождества Христова? Китай существует по крайней мере десять тысяч лет. Индия существует, по утверждению индийских ученых, по крайней мере девяносто тысяч лет».

Если вы не верите им, то труднее будет поспорить с их фактами, потому что в Риг Веде есть описание звезд в том расположении, которое было — по научной астрономии — девяносто тысяч лет назад. Если это специфическое расположение звезд было известно людям, написавшим Риг Веду, то этого достаточно, чтобы доказать, что Риг Веда много старше, чем девяносто тысяч лет.

Даже если Риг Веда была написана позже, то, по крайней мере, в памяти людей это специфическое расположение звезд было сохранено, - а Риг Веда говорит, что это произошло точно девяносто тысяч лет назад. Их книга имеет возраст в девяносто тысяч лет; а ваше создание мира насчитывает только шесть тысяч лет — считая от сегодняшнего момента. Будет очень трудно спорить, что это не так. Индусы будут смеяться и говорить: «О чем это вы рассказываете?»

Джайнизм еще более математичен. В Риг Веде упоминается имя их первого тиртханкары. Проблема становится даже еще более сложной, потому что их первый тиртханкара, Ришбадэва, упоминается по имени с большим уважением.

Очень логично: оказывать столько уважения персоне, выступающей против вашей религии, означает только одно - он не может быть современником. Это простые, логические способы мыслить. Во-первых, если кто-то - ваш современник, вы полны презрения к человеку, - может быть, это и есть понимание современника, - невозможно поверить в него.

Вот почему не поверили в Иисуса Христа. Нельзя было поверить в него. Когда Будда был современником, индусы не признавали его. Но по прошествии пятисот лет после его смерти его признали как индусское воплощение Бога, потому что его влияние сильно возросло. Теперь отвергать его означало отвергать всех буддистов. Это бы стало огромной потерей для индусских священников. Было бы лучше признать их, держать их под покровительством индусов, так, чтобы можно было использовать их; иначе они бы ушли в сторону.

Так что на протяжении пятисот лет индусы постоянно критиковали Будду, но по прошествии пятисот лет они изменили свою тактику, свою стратегию. До этого у них было только десять воплощений Бога, так что для Будды не хватило места, но буддисты бы не согласились с меньшим званием, чем это. Так что им пришлось увеличить квоту! По прошествии пятисот лет после Будды индусы изменились и стали говорить: «Если бы у нас было двадцать четыре аватары... так же, как у джайнов есть двадцать четыре тиртханкары и у буддистов двадцать четыре Будды, у нас есть двадцать четыре аватары».

Гаутама Будда родился в индусской семье, точно так же, как Иисус родился в иудейской семье, - так что он был индусом и умер индусом. Его переименовали и объявили одним из воплощений индусского Бога. Но для современников Будда не означал ничего, кроме неуважения.

Обычная практика, применяемая по всему миру, - можно уважать умершего человека, и чем дольше он мертв, тем лучше. Если он не входит в твою историю, значит его можно уважать очень легко, тогда вовсе нет никаких проблем. Он настолько далек, что не может причинить вреда.

Но кто-то, находящийся рядом, провозглашающий себя единственным порожденным сыном Бога! Невозможно поверить этому парню - потный, зловонный - и это единственный порожденный сын Божий. Вам хочется пристукнуть его! Единственного сына Бога? Вы злитесь на него, на Бога, на все, что связано с этим человеком... Но по прошествии двух тысяч лет никто не волнуется; кажется, никто не беспокоится, действительно ли Иисус - сын Божий.

Христиане приняли это, а евреи и не говорили о нем. Мусульмане приняли его, потому что с ним не было проблем. Индусы, джайны, буддисты не имели проблем с Иисусом. Вы не убедите ни одного джайна стать христианином или ни одного буддиста стать христианином, потому что христианство - более примитивная религия. Эти люди гораздо более высоки в своих спорах и своей логике.

Многие христиане стали буддистами; ни один буддист не стал христианином. Для них в христианстве нет ничего привлекательного. Неужели вы думаете, что буддист будет восхищен тем, что Иисус - сын девы Марии? Он просто рассмеется; он скажет: «Вы шутите!» Чего достигло христианство?

Один христианский миссионер пришел со своей Библией к Учителю дзэна. Он начал читать Нагорную проповедь, несомненно, это наилучшая часть. На самом деле в этом и состоит все

христианство. Он прочитал только одно или два предложения, когда дзэнский монах сказал: «Остановись. Кем бы ни был этот парень, он был бодхисаттвой», — бодхисаттва означает, что в будущей жизни он станет буддой. «Остановись! Эти предложения достаточно доказывают, что в какой-нибудь из будущих жизней этот человек станет буддой. Но не волнуйтесь за него, сейчас он еще не будда - только бодхисаттва».

Бодхисаттва означает по существу будду, но по существу каждый является бодхисаттвой. Могут потребоваться жизни, чтобы это существенное стало реальным; это зависит от вас, но вы и есть будда. И не только вы, деревья, птицы, даже собаки - по существу бодхисаттвы. Может быть, им потребуется немного больше время, или, может быть, какая-нибудь умная собака вырвется вперед и оставит вас позади. Это происходит: все умные собаки пришли в Орегон. Они устраивают праздник - 1000 Друзей Орегона. Их называют сторожевыми собаками.

Я удивляюсь, почему их называют сторожевыми. В конце концов я нашел ответ, потому что они собаки, но очень умные. Большинство из них имеют профессию; они превратили себя в сторожевых собак. Даже собаки, даже сторожевые собаки из Орегона - бодхисаттвы. Так что Учитель дзэна сказал немного, но миссионер очень обрадовался. И эту историю рассказывали повсеместно, в христианских церквях, что дзэнский Учитель признал Иисуса; но миссионер не понял значения слова бодхисаттва.

Бодхисаттва не значит будда. Саттва - означает «по существу», «потенциально»; но потенциальность всегда остается потенциальностью, - не обязательно, что семя станет деревом. Семя может остаться просто семенем навсегда — существует несколько разновидностей семян. Некоторые семена могут быть посажены на скале. Можно медитировать, сидя на скале, но не стать буддой. На скале семя может остаться семенем.

Чтобы стать деревом, семя должно умереть в земле, полностью растворить себя; в его смерти - его рождение как дерева. Эта смерть абсолютно необходима. Вот семя умирает, но, с другой стороны, рождается дерево, маленький росток, но живой. Семя почти умерло. Я сказал «почти», потому что у него был потенциал жизни. Но семя может остаться семенем - миллионы семян так и остаются семенами.

Здесь нет ничего особенного; этот Учитель дзэна на самом деле подшутил над миссионером. Он сказал: «Хватит, достаточно! Этих двух строк достаточно. Кто бы это ни сказал...» Он даже не побеспокоился о том, чтобы спросить, кто это сказал. Он сказал: «Кто бы это ни сказал, он - бодхисаттва. Закройте книгу — теперь поговорим о деле».

Я не первый раджнишист и не последний раджнишист.

Я вообще не раджнишист.

Я всего лишь посторонний.

Вы можете быть раджнишистами, но не тащите меня в ваше ранчо «Большая Грязь». Вам нравится ранчо «Большая Грязь» - оставьте меня снаружи.

Я просто гость, потому что, во-первых, я не хочу быть распятым - совсем не хочу. Я не хочу быть обожествлен - совсем не хочу.

Чем бы я ни был, я настолько исполнен, настолько удовлетворен, что я не вижу необходимости быть кем-то другим. Я не вижу никого, кто был бы выше меня, и я не вижу никого, кто был бы ниже меня.

На самом деле обе эти вещи существуют вместе. Любой, кто предполагает, что кто-то выше его, должен думать, что кто-то другой ниже его, и наоборот: если вы думаете, что кто-то ниже, вы обязаны думать, что кто-то и выше. Это все тот же ум; и эти два измерения - не два измерения, но лишь две полярности одного и того же.

Я просто вне этого. Я просто не играю в эту игру высших и низших.

Если вам действительно интересно то, что я делаю и говорю и кто я такой, то пусть никогда «раджнишист» не станет чем-то похожим на христианина, индуса, мусульманина, нет. Никогда не относитесь к этому серьезно. Это просто слово для разграничения.

Это не кредо, не культ, не догма, чтобы за него бороться, чтобы ходить в крестовый поход. Нет, вам незачем становиться Дон-Кихотом — вам не надо никого обращать в свою веру.

Раджнишист - просто имя.

Некоторое имя необходимо - x, y, z — подойдет что угодно, лишь бы было разграничение. Вы не индусы, не мусульмане, не христиане. Люди спросят вас: «Тогда кто же вы?»

Я никогда не голосовал. Моего имени нет даже в переписи населения в Индии, потому что, когда пришли делать перепись, там был пункт, который надо было заполнить: «Какую религию вы исповедуете?» Я сказал: «Сложно ответить - я не исповедую никакой религии». Но они настаивали на полном заполнении формы, только тогда все будет как надо. Я сказал: «Забудьте. Не принимайте это всерьез - меня это не беспокоит. Форма - это ваше дело. Просто пропустите! Я не заполню этот пункт, поскольку заполнение пункта было бы ложью: я не исповедую ни одну религию мира».

Но эти несчастные люди настаивали: «Вы должны исповедовать что-то. Если вы атеист, вы можете сказать: «Я атеист». Но я не атеист. Я не придерживаюсь идеи, что Бога нет, и я не за него. Если Бога нет, то почему я должен быть за него? И почему я должен называть себя атеистом, когда нет Бога? Теизм - это вера в Бога. Атеизм — это неверие в Бога. Боже мой - безверие в Бога?»

Я говорил этим людям: «Я не верю, я не не верю: мне просто нечего делать с Богом».

Тогда они сказали: «Но вы же должны молиться». Я сказал: «Никогда. Я никогда не молился. Почему я должен молиться?» И они очень рассердились. Так что, как они пришли в мой дом, так они и ушли рассерженными. Потом они приходили в университет, но они не узнали меня, потому что дома я сидел просто в исподнем, полуобнаженном, а в колледже на мне шикарная одежда. Так что они не могли догадаться, что я тот же самый человек: и снова они достали форму.

Я сказал: «Послушайте, если вы мне покажете эту форму еще раз, я просто вас сильно побью».

Они сказали: «Опять - но мы никогда раньше не встречались».

Я сказал: «Вы забыли. Тот парень, который...» Тогда они снова посмотрели и сказали: «Да, правда. Теперь мы будем узнавать по бородам. Мы можем с вами еще пересечься где-нибудь».

В то время я был сильным - девяносто килограммов, - я пробегал восемь миль каждый день, днем и вечером, когда мог найти время. Так что когда я говорил кому-нибудь: «Я сильно тебя побью», - они понимали, что это будет действительно сильно.

Мне очень нравилось прыгать, бегать, плавать, так что моя семья даже беспокоилась: «Будешь ли ты делать хоть что-нибудь в жизни или нет? Ты доставляешь столько беспокойства другим людям».

Я говорил: «Я просто делаю то, что мне нравится. Я не иду дорогой других». Но у них был камень за спиной — поступило заявление. Так что они сказали: «Это неправда. Утром, в четыре часа утра, зачем ты бегал задом наперед? Понятно, когда люди бегают, но задом наперед?»

Место, где я жил, было очень красивое — с большими высокими деревьями и длинными рядами бамбука, так что под бамбуками всегда была тень. Было полнолуние, и я занимался своими упражнениями под этими бамбуками. Намного интереснее бегать задом наперед, потому что так вы движетесь в неизвестность; вы не можете видеть, что произойдет. А в четыре часа утра улица была почти пуста. Но по индийским поверьям привидения ходят задом наперед...

Был человек, который жил на краю дороги и у которого был маленький чайный магазин. Он очень боялся, но только поначалу. Тогда я пришел к нему и сказал: «Вам не надо бояться: я - человек, я не привидение, и вы видите меня каждое утро; так что раз и навсегда успокойтесь и идите спать - не беспокойтесь».

Но то, что случилось в тот день, произошло с молочником... Они появлялись рано утром, потому что приносили молоко из соседних деревень, с двумя бидонами молока на велосипедах. Молочник проезжал один по дороге, когда он неожиданно увидел меня. Он потерял равновесие и упал. Так как бидоны упали и произвели много шума, я обернулся в удивлении. Что случилось? Я увидел велосипед, бидоны и молоко по всей дороге. И человек, бегущий вдалеке!

Я совсем забыл, что нехорошо следовать за ним. Я просто хотел помочь ему и рассказать ему, что я не привидение, так что я погнался за ним. А так как я всегда бегал, он не мог убежать от меня. Когда он увидел меня сзади, он просто упал без сознания. А я пытался ему сказать...

В это время человек, который жил у дороги, подошел и сказал: «Посмотри, вот что происходит со мною. И если он упал с велосипеда, то зачем ты преследовал его?»

Я сказал: «Я просто пытался помочь - чтобы он убедился, что я человек».

Он сказал: «Теперь ты убедился? Теперь он стал почти привидением!»

Это известие достигло моей семьи, и поэтому они сказали: «Это неправильно. Тебе не следует становиться на пути у людей ».

Эти служащие по переписи населения сказали: «Сэр», - они ведь уважали профессора

университета. У себя дома я был в саду, рыл яму. Там они очень разозлились, принимая меня за садовника или кого-то еще, кто просто несет чепуху, говоря, что он не может заполнить строку. В университете они сказали: «Сэр, запомните, пожалуйста, одно: если мы вас встретим еще, вы просто напомните нам и мы просто уйдем. Мы ничего не скажем».

Так что мое имя не фигурирует в списке избирателей Индии. За вся свою жизнь я ни разу не принимал участия в выборах, потому что мое имя никогда не появлялось в избирательных списках. Его и не было в избирательном списке по той простой причине, что я не мог назвать, какая же религия была моей.

Вы удачливее меня, вы можете сказать, какова ваша религия. Но не следует принимать это всерьез.

Вам не следует сражаться за нее.

Вам не следует умирать за нее.

Вам нужно жить ею, наслаждаться ею, получать от нее удовольствие.

И пожалуйста, оставьте меня вне ее!

Беседа 11

БОГ - ФЮРЕР ПРИЗРАКОВ

9 января 1985 года

Бхагаван,

Алан Уотс однажды описал вселенную словами: «Это все равно, как если бы Бог играл в какую-то игру». Если нет Бога, то кто же играет и что это за игра?

Алан Уотс был хорошим парнем, но это предложение он украл из индусской мифологии. Этим он и занимался всю свою жизнь, хотя для Запада и казалось, что он дает какие-то оригинальные откровения.

В основном он обучался как христианский священник и как всякий христианский священник получил определенные познания во всех религиях, для того чтобы иметь возможность доказывать, что христианство - наилучшая, наивысшая, самая истинная религия.

Но Алан Уотс, - вот почему я говорю, что он был хорошим парнем, - познакомившись с индусской религией, не смог уже говорить, что христианская религия - наивысшая из всех, случавшихся на земле. Он был честным человеком.

Он отрекся от своего сана и всю свою жизнь оставался почти нищим. Восточные религии произвели на него потрясающее впечатление - особенно индусская идея Бога, играющего в игру. В индуизме эта игра называется лила. Это один из вкладов индуизма в мировую мысль.

Все остальные религии верят в то, что Бог создает мир; это дело серьезное. Только индуизм

делает это дело несерьезным. Индуизм говорит, что все это просто игра, игра в прятки. Тот, кто прячется, - Бог; тот, кто ищет, - Бог; Бог в мужчинах, Бог в женщинах. Для индуизма существование сделано из материала, называемого Богом, и это не творение. Концепция творения влечет за собой такие следствия, которых не в состоянии прояснить ни христианство, ни иудаизм, ни ислам.

Первое: почему, прежде всего, Бог должен творить? В чем для него необходимость творения? Создают что-либо потому, что имеют в этом какую-то потребность. Вы создаете дом, потому что нуждаетесь в крове. Вы создаете, потому что есть какое-то желание, которое должно быть исполнено. Полон ли Бог желаний? Тогда в чем разница между человеком и Богом? Нуждается ли Бог в чем-либо? Если даже Бог нуждается, то невозможным является такое состояние, в котором вы не будете нуждаться: нужда будет следовать за вами подобно тени, куда бы вы ни последовали, вам никогда не освободиться от нее, - а если вы не свободны от нужды, желания, хотения, то вы раб и останетесь рабом.

Бог, имеющий определенную потребность творить, - это раб.

Эти следствия очень значительны. Творить - для него это принудительная необходимость, или он может выбирать? Если это принудительная необходимость, то Бог не является всемогущим. Кто-то выше него приказывает ему творить, и у него нет выбора, Он принужден творить. Или если вы скажете, что он может выбирать, то тогда возникает вопрос: почему он выбирает творить, а не наоборот, не творить? Для такого выбора должна быть какая-то причина.

Какая причина может быть у Бога, чтобы он выбрал творение? Тогда эта причина становится важнее самого Бога. Даже если сам Бог вынужден следовать рациональному, то почему вы должны беспокоиться о Боге? Вам следует думать о том, чтобы быть разумными, следовать разуму, который даже Бог не может отбросить.

Почему Бог творит в определенное время, в определенное мгновение?

Что он делал до этого?

Вечность он был безработным. Чем этот парень занимался все это время?

Спал? Пребывал в коме? Пил?

И неожиданно, в один прекрасный день он начинает творить. Нет ни одной причины, которую христианская теология, мусульманская религия или иудаизм могли бы выдвинуть в оправдание того, почему в определенный момент возникло это побуждение творить.

На самом деле, побуждение творить - это нечто биологическое, сексуальное.

Сексуальная энергия — вот ваша энергия творения.

Женщины не становились великими художниками, поэтами, скульпторами по той простой причине, что их желание творить полностью исполняется тем, что они рожают детей.

Дать жизнь ребенку, живому, излучающему, - что еще может сравниться с этим? Вы создаете живопись; как бы она ни была прекрасна, это, в конце концов, мертвая вещь.

Вы можете создавать музыку, вы можете создавать песню.

Но разве сравнятся они с прекрасным ребенком?

Только посмотрите в глаза ребенка, и вся ваша живопись превращается в ничто.

Ребенок улыбается, и все ваши песни приземлены этим.

Ребенок пытается ходить, и что за радость, когда ребенок чувствует: «Я могу ходить».

Вся ваша наука, все ваше искусство ничто в сравнении с этой радостью.

А когда ребенок впервые начинает говорить, видели ли вы его восторг?

Мать наблюдает за ним с первых его мгновений в ее чреве, когда он только начинает шевелиться. Опытная мать, родившая одного или двух детей, может сказать, будет ли ребенок мальчиком или девочкой, потому что девочка остается тихой, а мальчик начинает стучать ножками очень рано: он торопится выйти наружу. Девочка остается тихой. И это различие продолжается в детстве, в юности, в пожилом возрасте.

Женщина обладает определенной стабильностью, центрированностью, заземленностью, которой нет у мужчины, рн всегда в движении. Даже в выходные дни он не может сидеть спокойно. Он начнет чинить часы, которые и так хорошо работают. Он разберет их на части.

С часами-то все в порядке - что-то не так с женщиной! Он не может сидеть спокойно. Он откроет капот своего автомобиля, начнет там что-то чинить и создаст суматоху. И после выходных он устает даже больше, чем когда возвращается из своего офиса, ведь целый день он не мог посидеть спокойно.

Я слышал: одна женщина наняла няню присматривать за своими детьми — у нее была почти дюжина детей. Она сказала няне: «Сегодня я вернусь домой немного позднее. Эти дети доставляют вам неприятности, но что поделаешь, я должна идти. Умер один человек, а они наши близкие родственники. Я могу вернуться поздно, так что простите меня и будьте терпеливыми. И как-нибудь уложите всех их спать».

Когда женщина вернулась в полночь, она спросила: «Все дети улеглись спать?» Няня ответила: «Все они отправились спать; только один из них создавал так много шума, что мне пришлось поколотить его».

Жена спросила: «Который?» - и няня показала ей.

Она сказала: «Бог мой! Это же мой муж!»

«Но, - сказала няня, - он был самым шумным. Весь день он делал то одно, то другое. Остальных я как-то удерживала, а этот прежде всего оказался очень большим. Но потом я подумала, что если он не понимает никакого другого языка... поэтому я отшлепала его. Я силой бросила его на кровать, но он снова сел и пытался убежать».

Мужчина беспокоен.

И очень рано, пока ребенок еще в утробе, мать может почувствовать, мальчик это или девочка. Она чувствует такое удовлетворение от того, что дает жизнь ребенку, помогает ему расти; вот почему ей не нужны никакие иные виды творчества. Ее побуждение творить исполняется.

Но мужчина беспокоится: он не может родить ребенка, не может ребенок находиться в его чреве. Он вынужден искать какую-нибудь замену, иначе он постоянно будет чувствовать себя ниже женщины. И глубоко внутри он на самом деле чувствует, что ниже.

В силу этого ощущения униженности мужчина и стремится создавать картины, статуи, пьесы, он пишет стихи, романы, исследует весь научный мир творчества.

Все это не что иное, как попытка мужчины сказать женщине: «Я творец. Ты лишь инструмент в руках биологии — ребенок не твоё творение. Любая женщина может произвести на свет ребенка, но только мужчина может стать Пикассо, или Нижинским, или Ницше, или Достоевским. Вот это творчество».

Вот так мужчина компенсирует и скрывает свою униженность перед женщиной. И этому пути он следует тысячи и тысячи лет; мало-помалу он убедил себя, и женщину тоже, что он выше ее. И он не разрешает женщине той же свободы творения, потому что прекрасно знает, что женщина может быть столь же творческой личностью, как и он сам.

Женщина может творить подобно Пикассо и Достоевскому, подобно Бернарду Шоу и Расселу; в этом нет проблемы. Все, что она должна сделать для этого, — это отбросить идею о том, что она мать, ведь трудность-то и заключается в том, чтобы быть и матерью, и Бертраном Расселом. Здесь-то возникает конфликт интересов. Трудно быть женщиной, матерью, и одновременно с этим быть Пикассо, потому что живопись Пикассо требует, — как и женщина, — всего его бытия. Живопись монополизирует его. Женщина же не может допустить такой монополии.

Действительно, когда рождается первый ребенок, между мужем и женой возникает трещина, и простой причиной этого является то, что теперь женщина монополизирована ребенком; отец отходит на второй план. С этого момента он уже не может быть первым, не может пользоваться приоритетом. Природа, очевидно, поддерживает ребенка, потому что у него есть будущее, а отец умрет скорее раньше, чем позже.

Природа всегда стоит на стороне нового, растущего.

Природа всегда стоит на стороне восхода солнца и никогда на стороне заката. И это совершенно логично. Какой смысл оставаться на стороне заката?

Почему Бог принужден творить? Может быть, Бог это не он, а она... Тогда Бог — женщина, и вся эта вселенная — ее чрево. Но тогда Бог низводится на тот же биологический уровень, на котором находятся человек, животные и все остальное...

Или Бог — мужчина, но чувствующий какую-то униженность по отношению к некоторой женщине, о которой мы ничего не знаем. По отношению к какой женщине он испытывает чувство соперничества? В его жизни должна быть женщина, и он чувствует себя по отношению к ней неспособным, униженным. Сотворяя всю эту вселенную, он хочет доказать этой женщине: «Посмотри, вот это творение». Но тогда Бог — больше не Бог: он такое же человеческое существо,

такое же животное, как и мы.

«Творение» - это не оправдание.

И какого рода творения создает он? Если он серьезен, - а творение должно быть серьезным, - тогда вся эта жизнь со всем ее огромным горем, с огромным страданием, оканчивающаяся смертью и тьмой, вовсе лишена смысла. Если он хотел творить, не нужно было создавать такое горестное существование, исполненное боли, страдания, агонии: такое существование, которое скорее проклятье, чем благословение.

Один из героев Достоевского в его величайшей работе Братья Карамазовы... Наверное, это величайший роман во всем мире, для всех языков. Один из Карамазовых... их три брата, и один из них говорит: «Если я встречу Бога, то все, что я хочу, это вернуть мой билет и чтобы он сказал мне, где здесь выход? И кто он такой, что, не спрашивая меня, он произвел меня, сотворил меня? По какому праву? Меня даже не спросили, хочу ли я, чтобы меня сотворили; мне не предоставили никакого выбора».

Это тоталитаризм, абсолютный диктат. Бог представляется каким-то увеличенным Адольфом Гитлером или Иосифом Сталиным. Вас не спросили, но вы же и вынуждены страдать. Вас не спросили, но вам вручены инстинкты, из-за которых вы будете страдать сейчас, а возможно и потом.

Те же теологи, те же священники постоянно говорят вам, чтобы вы уничтожили полностью вашу инстинктивную жизнь. Бог снабжает вас инстинктами: он несет ответственность за них. Если кто-то и должен страдать в аду, то это только он один; никто другой ни в чем не виноват.

Убийца приходит с инстинктом убивать. Насильник приходит с инстинктом насиловать. Кто несет ответственность за все это? Все религии говорят, что это вы несете ответственность. Бог - творец, а отвечаете вы? А вас даже и не спрашивали: «Каких инстинктов вы желаете?»

Если бы вы сами выбрали быть насильником, убийцей, то тогда, конечно, ответственность лежала бы на вас и вы страдали бы от последствий своего выбора. Но вы появляетесь с уже встроенной в вас программой, и кто бы вас ни программировал, он и никто иной несет ответственность за это.

Алан Уотс очень ясно понимал, что сам он не мог ответить на этот вопрос, который на Востоке поднимался неоднократно. Индуизм нашел ответ; по крайней мере, это кажется ответом. Конечно, такой ответ лучше идеи творения, но в нем заключаются и свои собственные проблемы, - которые не осознавал Алан Уотс, поскольку он был не очень хорошо знаком с корнями восточных религий. Эта идея показалась ему привлекательной - идея лилы, игры, показалась ему намного лучше. Жизнь - это ничего серьезного; это просто игра, пьеса, спектакль.

В пьесе вы можете стать вором; это не означает, что вы действительно стали вором - вы лишь играете роль вора. В пьесе вы можете стать воплощением Бога, Рамой, Кришной; это не означает, что вы действительно стали воплощением Бога, но на сцене перед публикой это воспринимается без вопросов. Спрашивать об этом было абсолютно глупо: каждый ведь знает, что каждый играет какую-то роль.

Индуизм говорит, что все существование - всего лишь спектакль, и Бог просто играет в игру. Слово лила, игривость, устраняет всяческую серьезность и ее последствия. Но оно приводит к новым последствиям: почему Бог не может сидеть спокойно? Ведь люди, которые учат, что Бог играет в игру, учат также: «Сидите тихо в медитации». Почему он не может сидеть тихо в медитации и прекратить всю эту чепуху?

Но Алан Уотс не мог задать этого вопроса; он не мог прийти к нему, но я могу прийти к нему: какой смысл во всей этой чепухе? Все индусские мудрецы учат: сиди тихо, без движения, без всяких мыслей, предельно молчаливым, только так ты вкусишь то, что есть религия. Похоже на то, что сам Бог так никогда и не вкусил, что есть религия, — он же все время играет.

В творении была по крайней мере одна вещь; на шестой день Бог закончил свою работу. На седьмой день, в воскресенье, он отдыхал, и мы не знаем, что произошло потом. Индусский же Бог принужден непрерывно играть. И вот, есть время играть и есть время изучать, - не так ли говорят каждому ребенку, - и есть время спать.

Но этот сумасшедший индусский Бог... ему нет времени спать, нет времени изучать что-либо, нет времени ни на что другое: только играть, играть, играть. Кажется, его преследует навязчивая идея. И что это за большая игра — бесконечная, вечная. И почему он должен все время играть? Устает ли он? Одна и та же игра...

В моей деревне у меня был друг, отец которого, бывало, ходил каждый день в кино. Каждый фильм показывался обычно по меньшей мере шесть или семь дней; это не имело значения, он должен был ходить туда каждый день. Я спросил его: «Немного странно, что вы ходите смотреть один и тот же фильм семь дней».

Он сказал: «А кто смотрит этот фильм? Я на самом деле сплю! Так, время от времени, я за семь дней просмотрю весь фильм. Иногда я вижу начало, иногда середину, иногда конец. И если когда-нибудь я почувствую, что все хорошо, я соединяю все части вместе и вижу весь фильм».

«Но, - сказал я, - вы можете сделать то же самое за один день».

Он сказал: «Я не хочу делать все это за один день. А что я буду делать в оставшиеся шесть дней?» — ведь в этом маленьком местечке кинотеатр был единственным развлечением. Куда еще пойти? Я понимал затруднение этого старого человека.

Но в чем затруднение Бога? Почему одна и та же игра продолжается им и продолжается?. И он все еще развлекается ею? Он, наверное, идиот. Если это развлечение, то даже идиоту со временем оно наскучит: рождаются непрерывно одни и те же люди, все те же любовные дела, те же дети, и все снова и снова, - продолжает крутиться все то же самое колесо. Те же спицы поднимаются вверх и опускаются вниз; и снова поднимаются вверх, и снова опускаются вниз. Все то же колесо, все те же спицы.

Меня не волнует колесо, меня волнует человек, который все время крутит его, - с какой целью? Конечно, спросить у индусов об этой цели невозможно, можно спросить у христиан, - только с иным ударением, ведь это же игра. И я все же спрашиваю: игра - это хорошо, если он играет лишь время от времени, это понятно, нотакая непрерывная игра, эта повторяющаяся игра?.. Кажется, что мы находимся в руках у сумасшедшего Бога.

И потом те же самые индусские мудрецы говорят вам все время, что вы будете страдать вследствие своих действий. Странно: Бог игрив, а мы тем не менее будем страдать от наших действий, - которые есть игра Бога! Если он хочет, чтобы я играл роль вора, очень хорошо, но почему я должен страдать от последствий? С другой стороны, те же самые люди говорят: «Это игривость Бога». Великолепно! Принято, - но что же игроки? Они должны быть полностью освобождены от последствий - это же игра Бога. Вы играете в карты: вы проигрываете, или вы выигрываете, - вас побеждают, или побеждаете вы, - но не думаете же вы, что то же самое происходит с королем, или дамой, или с джокером из карточной колоды? Кто бы ни победил, кто бы ни проиграл, для них это не имеет значения; они ведь просто игральные карты.

Мы просто короли, дамы, джокеры, - в основном джокеры.

Почему мы должны страдать?

В индуизме не может быть вместе этих двух вещей. В этом заключался мой постоянный конфликт с индусскими мудрецами-ми, шанкарачарьями, индусскими браминами: если существование лишено игривости, то это будет уж слишком говорить, что нас нужно бросать в адский огонь. Если это чья-то игра и его, этого игрока, никогда не бросают в адский огонь, то почему же должны бросать нас? Обе эти концепции, поставленные рядом, абсолютно противоречат друг другу. Их невозможно сделать дополняющими друг друга. Я старался изо все сил, - их нельзя сделать дополняющими друг друга.

Если играет Бог, то все последствия должны быть за ним: мы лишь марионетки в Его руках.

Тогда закон кармы - всего лишь хлам.

Если Бог играет, то какой смысл в поклонении ему?

Вы не можете быть серьезными...

Если играет сам Бог, то и вы должны играть.

Рамакришна был прав... В Калькутте была одна женщина низкой касты, неприкасаемая, но она была королевой, - Рани Расмани. Она построила прекрасный храм Дакшинешвар в Калькутте, на берегу Ганга; это одно из самых прекрасных святых мест.

У нее было достаточно денег и достаточно всего остального, но ни один брамин не хотел служить в ее храме, потому что этот храм был построен неприкасаемыми. Поэтому и сам этот храм стал неприкасаемым, и бог этого храма, он тоже стал неприкасаемым, - и вот они эти брамины, которые говорят, что все лишь игра. Даже Бог становится неприкасаемым из-за того, что храмовая статуя была куплена на деньги неприкасаемых.

Рани Расмани никогда не входила в храм, прекрасно зная, что если она войдет в храм, то тогда не будет никакой возможности найти священника брамина. Она никогда не прикасалась ни к чему из храма. Обычно она подходила лишь к границе храма и поклонялась оттуда. А ведь это был ее храм - она вложила в него миллионы рупий. Но входить в него не хотел ни один брамин.

Рамакришна был бедным брамином, тоже неприкасаемым. Его имя в то время было Гадавар.

Имя «Рамакришна» присвоили ему позднее, когда вокруг него собрались ученики и они почувствовали, что он в своем существе является своего рода синтезом Рамы и Кришны. Поэтому они и начали называть его Рамакришна. Но тогда его имя было Гадавар. Он был необразованным человеком: он получил образование лишь в пределах двух классов бенгальской школы. Где бы он нашел себе работу? Отец его умер, а сам он должен был заботиться о своей матери и своей семье. Он был в таком трудном положении, что принял предложение стать священником в храме Дакшинешвар.

Все брамины сказали: «Раз ты стал священником у Рани Расмани, мы объявляем тебе бойкот; ты больше не брамин».

Он сказал: «Неважно, это не имеет значения, - я буду совершать служение Богу. Кто купил статую, кто построил храм — меня это не касается».

Он стал священником, но вскоре на него стали приходить жалобы. Рани Расмани была озадачена. Что она могла сделать? Если выбросить его, то трудно будет найти другого брамина. И после ее многолетних ожиданий это был единственный молодой человек, который пришел; теперь же против него так много жалоб от людей...

И то были странные жалобы, касающиеся таких вещей, допустить которые было невозможно никаким образом: например, когда Рамакришна приносил пищу Богу, то сначала съедал какую-то ее часть сам, перед лицом Бога. Он пробовал ее на вкус, а потом лишь предлагал Богу. Это было совершенно неслыханное дело.

На Западе такое поведение не имело бы большого значения. Каждый день я вижу людей, которые кладут свои розы на капот автомобиля, как это могут делать только люди Запада, - а прежде они нюхают их; на Востоке такое невозможно. Это вне любви; то, что они делают абсолютно вне любви и уважения, об этом нет и речи. Они нюхают розы, они целуют их, а потом кладут их на автомобиль.

Это именно то, что Рамакришна делал в Индии. Но в Индии, коль скоро вы понюхали цветок, вы уже не можете предложить его Богу. Поцеловать цветок, и предложить его Богу! А он делал нечто еще более худшее: он ел пищу Бога. Половину сладостей он съедал, а половину предлагал Богу.

Расмани вынуждена была вызвать Рамакришну и спросила у него: «Знаете ли вы такую простую вещь - сначала ведь нужно предложить пищу Богу? Вы испортили пищу, а потом предлагаете ее Богу. Такую пищу мы не предлагаем даже гостю, а вы предлагаете ее Богу?»

Рамакришна сказал: «Моя мать так и делала. Она никогда ничего не давала мне, не попробовав. “Потому что, - говорила она, - если вкус не тот, то я тебе этого не дам”. Если моя мать делала такое для меня, то я подумал, что с моей стороны будет правильно сначала попробовать, подходит это Богу или нет. Иногда не стоит и предлагать, - иногда слишком много сахара, иногда сахара маловато; иногда вкус совершенно непонятный».

«Вы хотите, чтобы я все эти вещи давал Богу? Я не могу делать этого. Я откажусь от поста, но не могу совершать такой бесчеловечный акт, предлагать вещи, которые сам не попробовал. Может быть, что-то отравлено, - пища-то поступает с рынка, - кто знает? Я должен быть абсолютно

уверен, что ничего плохого Богу не достанется».

Расмани была женщиной великого понимания. Она сказала: «Я понимаю. Я женщина, и я могу почувствовать состояние ума вашей матери, могу почувствовать вас. Продолжайте. Это мой храм; в любом случае, ни один брамин не хочет быть священником в нем. А ваши аргументы основательны. Это мой храм, вы мой священник. С этого дня ваше жалование удваивается».

Но потом возникла другая проблема. Несколько дней он не открывал дверей храма, держал их запертыми. Целый день не было никаких поклонений; никто не мог войти в храм, - храм был закрыт. В другие времена поклонения длились целыми днями. Он танцевал, - приходили и уходили люди, он же с утра до вечера танцевал и пел, танцевал и пел. А тут на несколько дней он просто взял и закрыл храм.

Расмани спросила у Рамакришны: «Теперь вот новая проблема. Что это вы делаете? Поклонения должны быть каждый день; но вам не нужно проводить их целый день. Вы пытаетесь торговать ими оптом? Вы проводили их целыми днями на протяжении трех или четырех дней. В этом нет необходимости».

Он сказал: «Нет, смысл не в этом. Иногда я гневаюсь на Бога. Тогда я говорю: “Хорошо, увидимся завтра. Пока же посиди взаперти!” И я запираю Его. За три-четыре дня он приходит в себя; тогда я, конечно, иду и говорю ему: “Ну, как дела? Понял? Так веди себя хорошо”».

Расмани сказала: «Вы наказываете Бога?» Он сказал: «Конечно, если он ведет себя неправильно. Например, если я молю его часами, а от него не поступает ни единого ответа, такого я не могу допустить. Если я молюсь часами, целый день, а он стоит там, как мертвый, я вынужден преподать ему урок: на три-четыре дня никакой пищи, никаких поклонений, он остается запертым. После этого он приходит в себя. Когда на пятый день я открываю двери, он немедленно начинает улыбаться и приветствовать меня, Он готов отвечать мне немедленно».

Расмани сказала: «Ну, с вами трудно спорить, но вы в точности тот самый человек, потому что если Бог играет с целым миром, вы имеете все права играть с ним. Возвращайтесь в храм: ваше жалование вновь удваивается».

Мало-помалу начала распространяться слава Рамакришны, стало распространяться, что он странный священник, но никто не мог остановить его, потому что храм принадлежал Расмани; это была ее частная собственность, брамины не могли даже войти в храм, чтобы посмотреть, что же там происходит. Они умирали от любопытства! А жалование этого человека продолжало увеличиваться; оно возросло уже в четыре раза. Он начал с двадцати рупий в месяц; теперь он в месяц получал восемьдесят рупий.

В те дни одна рупия была более чем в семьсот раз ценнее, чем рупия сегодня. Восьмидесяти рупий хватало на целый год... а он получал восемьдесят в месяц! Среди браминов это вызвало огромную зависть, ведь в самых лучших храмах они получали две рупии; самое большее пять. И занимался этот Рамакришна странными вещами.

Наконец они послали к Расмани своего представителя, не брамина, чтобы тот сказал: «Этого человека нужно выбросить, - он недостаточно серьезный».

Но Расмани сказала: «Но в этом же и состоит вся индусская философия - все существование играет. Почему он должен быть серьезным? Я тоже не очень серьезная. Вот почему, чем больше жалоб на него доходит до меня, тем больше я повышаю его жалование. Это остановило жалобы, и теперь никто больше не приходит жаловаться, потому что они поняли, что жалобы означают дальнейшее удвоение его жалования».

«Я как-то должна была прекратить жалобы, и я сделала это; теперь никто не жалуется. Я сама спрашивала; я хожу вокруг храма и спрашиваю у людей: “У вас есть какие-нибудь жалобы на Рамакришну?” Они говорят: “Нет, он самый подходящий человек”, - а они ведь знают, что невозможно найти в качестве священника человека, худшего, чем Рамакришна!»

«Он ничего не знает из санскрита; он говорит на бенгали, - а слыханное ли это дело, чтобы Бог разговаривал на бенгали? А он настаивает перед Богом: “Ты должен отвечать на бенгали, потому что я не понимаю другого языка”».

То была абсолютная игра. Но индусы, с одной стороны, говорят, что Бог играет, а с другой стороны, они сами очень серьезные люди. В любом маленьком деле все должно быть рассчитано, рассмотрены все «за» и «против». С одной стороны, Бог играет, но индусы не позволяют играть человеку. С кем же он играет? Если он играет, ему нужна и другая сторона, которая тоже играет; или он играет в футбол в одиночку, за обе стороны? Тогда он забил, наверное, миллионы голов... и нет никаких проблем, потому что он один на поле. Правда, тогда все выглядит глупо.

Нет, для меня нет Бога.

Я отсекаю эту проблему в самом ее корне, так что и не возникает вопроса о творении, не возникает вопроса об игривости.

Алан Уотс просто позаимствовал эту идею у индуизма. Он шокировал христиан, но для меня это ничто: это всего лишь еще один вид теологии. Для него это было новостью, великим откровением, а для меня в этом нет никакого откровения: я знаю все теологии. Они могут давать различные объяснения, но ко всем объяснениям могут быть отнесены в основном одни и те же вопросы. Если вы спросите, почему Бог создал мир, вы можете спросить, почему ему нужно играть? Не может ли он расслабиться? Просто принять горячую ванну и расслабиться?

И из-за его игры страдает так много людей. Это ли игра Бога - газовые камеры Адольфа Гитлера?.. Должно быть, ведь говорят же индусы: «Без него не шелохнется даже лист на дереве». Как же мог Адольф Гитлер бросить в газовые камеры миллионы евреев? Нет, без его поддержки... может быть, это его игривость.

И так вот игривость становится серьезнее творения.

За прошедшие шестьдесят лет попросту исчезли миллионы русских. Невозможно даже спросить, куда они подевались, потому что Сталин никогда не церемонился с людьми, которые подозревались в том, что они против коммунизма. Одного подозрения было достаточно, и человек исчезал. Посреди ночи приходят агенты; человек исчезает, и ничего о нем больше не слышно.

Сталин никогда не полагался на то, чтобы сажать людей в тюрьму, ведь если посадить человека в тюрьму, то рано или поздно его нужно будет выпустить. Да и сколько людей можно держать в тюрьме? Сколько тюрем можно построить? Экономически это бессмысленно, потому что этих людей нужно кормить, их нужно одевать, им нужно обеспечивать медицинское обслуживание. Ради чего? И если когда-нибудь их отпустить, то они выйдут еще более убежденными врагами, чем были раньше. Так что лучше не сажать их.

Может быть, раньше было только подозрение, — на самом же деле человек не был против коммунизма, - но теперь он точно будет против. Поэтому Сталин полагался на отсечение их голов, на то, чтобы немедленно покончить с человеком. Это был кратчайший способ, экономичный, и никаких проблем в будущем.

Это ли игра Бога? Сами индусы умирали от голода, недоедания, наводнений, землетрясений, - всего того, что случается в Индии; я полагаю, это не сравнится ни с какой другой страной. Каждый год то одно, то другое... а страна опускается все ниже и ниже. Это ли игра Бога - землетрясение?

Вот теперь взорвался в Бхопале газовый завод. И это игра Бога? Три тысячи человек умерли тут же; и то не было легкой смертью. Я видел об этом фильм - все было так ужасно. Эти люди были все равно, как рыбы, выброшенные на песок. Они не находили себе покоя: газ заставлял их корчиться, биться в конвульсиях. Они умирали самой ужасной смертью, какую только можно себе представить; а сто тысяч человек еще ждали в больницах своей смерти.

Это игра Бога? Нет.

Если это игра, то что же тогда преступление?

Что же такое грех?

Я полностью отвергаю Бога, потому что Бог — это просто проблема, которую изобрели идиоты, полагая, что он разрешит все их проблемы.

Бог стал единственной проблемой, которая не имеет решения. Что бы вы ни делали с ним, он остается знаком вопроса - совершенно ненужным.

Я попросту хочу отсечь самый корень:

Нет Бога.

Нет творения.

Нет продолжающейся игры.

Существование достаточно само по себе; ему не нужно никакое внешнее агентство. Оно обладает своей собственной энергией, оно обладает своим собственным разумом, оно обладает своей собственной жизнью.

Существование не нуждается в гипотетическом Боге.

И Бог ничему не помогает.

Запомните один фундаментальный принцип всякого здравого размышления: не вносить гипотез, которые не помогают решить ничего. Напротив, из-за этих гипотез возникают тысячи других проблем. Гипотеза вносится для решения проблем, а не для разрастания их.

Бог - самая бесполезная гипотеза, когда-либо предложенная человеком. Из-за него было так много неприятностей, так много крестовых походов, так много резни, было истреблено так много людей, было изнасиловано так много женщин, - все во имя Бога. Пожалуйста, спустите его просто в сортир.

Забудьте о Боге.

Существование достаточно само по себе.

Вот чему я учу.

И тогда нам не удастся сбросить ответственность на кого-то другого: нет Бога, тогда вся ответственность падает на нас. Вот мое скрытое желание.

Почему я спускаю Бога в сортир?

Потому что я хочу, чтобы человек понял, что на нем лежит ответственность. Ведь человек обладает наивысшим сознанием во всем существовании, и вы должны брать на себя наивысшую ответственность. Звезды, деревья, животные, птицы много ниже вас; вы не можете на них перекладывать ответственность.

Быть сознательным означает, что вы достаточно зрелы теперь, чтобы принять всю ответственность за себя и за существование, окружающее вас.

Тогда получается, что взрыв на заводе в Бхопале - это наша ответственность. Были какие-то глупые люди, которые не были достаточно осторожными; это была беспечность. И я бы не хотел, чтобы эти люди наказывались в аду, - нет, ада нет, - они должны быть наказаны здесь и сейчас, чтобы таких происшествий больше не было. По всему миру находятся тысячи таких заводов: если такое могло случиться на одном заводе, то же самое может случиться и на любом другом. А ведь то был всего лишь отравляющий газ. Есть и ядерные заводы: небрежность одного человека, - и покончено со всем миром!

Вы создали опасные вещи, но не создали сопоставимого сознания, которое могло бы осторожно обращаться с такими вещами.

Если вы создаете ядерное вооружение... Я не против него, потому что ядерное вооружение может оказаться созидательным, потрясающе созидательным. Все разрушительное всегда может быть и созидательным - все зависит от вас. Меч в ваших руках может убить кого-то, но может и спасти кого-то. Меч нейтрален; от вас зависит, от того, как использовать его.

Я не против атомного, ядерного и других видов оружия. Хотя они и представляют огромную опасность в руках человека, но тем не менее я говорю, что мы не можем вернуться назад: мы не можем убрать ядерное оружие. Это невозможно, потому что невозможно движение назад, мы

можем двигаться только вперед. Что же тогда делать?

По всему миру большой заботой политиков, интеллигенции, всех гуманитариев является то, что ядерное оружие должно быть остановлено: хватит накапливать вооружения. Никто не может остановить его, это невозможно, и то, что они говорят, не является правильным решением. Я не согласен с ними.

Я говорю: повышайте сознательность человека в той же пропорции, в какой он увеличивает свои опасные силы, и тогда не будет проблем.

Не вкладывайте меч в руки ребенка, — это верно, — но позвольте ребенку поучиться обращаться с деревянным мечом.

Дайте ему повзрослеть, позвольте ему стать более сознательным. Я не за то, чтобы убрать меч. Этого нельзя сделать по самой природе вещей.

Есть ли во всей человеческой истории хотя бы один пример, когда делался шаг назад? Идти назад - это против закона существования.

Так что не бейтесь головой о стену, займитесь чем-нибудь другим: повышайте сознательность человека, его осознанность.

Одного принца послали к Учителю дзэна учиться фехтованию на мечах. Это странно, но в Японии так оказалось, что Учитель сознательности, Учитель, который учит медитации, также учит и фехтованию на мечах. Для меня это очень значительно. Это то, что нужно.

Принц пришел к Учителю и сказал: «Меня послал мой отец. Он стар и не проживет долго, - может быть год, самое большее два. Он послал меня к вам со срочной просьбой подготовить меня, пока он не умер. Он хотел бы увидеть меня с вашими рекомендациями, говорящими о том, что я готов, ведь пока я не готов, он не может умереть спокойно».

«Во всем остальном я готов: я выучился стрельбе из лука, фехтованию на мечах и всему, что нужно на войне; я мастер во всем. И я вернулся из университета к своему отцу сказать, что получил все эти медали, награды и удостоверения; я был готов».

«Он сказал: “Нет, ты еще не готов, потому что упущена основная вещь. Все, что ты принес, хорошо, может быть, это пригодится когда-нибудь, но прежде всего походи к этому Учителю поучиться медитации и соединению всей твоей подготовки как воина с медитацией. Без того, чтобы медитация поддерживала в тебе воина, ты будешь просто воином, опасным человеком: я не могу вложить в твои руки свое царство. Мне придется поискать кого-то другого. Отправляйся поскорее и поскорее выучись”».

Поэтому принц сказал: «Я готов. Я буду делать все, что вы мне скажете, но торопитесь».

Учитель сказал: «Мое первое требование заключается в том, чтобы меня не связывали временем. Я не могу сказать, сколько времени потребуется, - один год, два года, десять лет, пятьдесят лет, - ничего нельзя сказать об этом. Все зависит от вас, как быстро вы выучитесь. Я буду стараться как можно лучше, ведь я стар, я тоже спешу. Я не собирался принимать учеников, но если вас

посылает царь, - он мой старый друг, мы вместе учились медитации у одного Учителя, - я не могу отказать ему. Ваше обучение начнется прямо сейчас».

Принц спросил: «Что мне нужно делать?»

Старый Учитель сказал: «Вам не нужно ничего делать, кроме самых обыкновенных вещей: убираться, готовить еду, носить воду из колодца, рубить дрова. Но помните одну вещь: я могу в любой момент ударить вас сзади, так что оставайтесь бдительным. Делайте все, но не теряйте бдительности».

Принц сказал: «Что же это за обучение? Но если мой отец послал меня к вам, то значит все правильно». И его непрерывно били. Старик был по-настоящему великим, опытным человеком. Он подходил бесшумно; от его шагов не было слышно ни звука, а вдруг он выпрыгивал из ниоткуда и больно бил!

Через пятнадцать дней все тело принца болело. На одном боку было трудно спать, потому что он был весь изранен, и на другом боку тоже было трудно спать, потому что он тоже был изранен, но принц был счастлив, потому что теперь он начал слышать шаги своего Учителя. Его осознанность возросла.

До этого он не был таким сознательным, ведь эти шаги производили определенный шум, но этот звук был таким тихим, таким тонким, что он не мог ухватить его. Теперь, в таких условиях, его осознанность обязана была возрасти. Он вынужден был оставаться бдительным, постоянно бдительным: занимаясь делами, он знал, что может подойти Учитель. Он рубил дрова, но в нем не было никакой другой мысли, кроме как о старике: откуда он появится и как принцу защищать себя?

Старик старался ударить его, а принц лишь перехватывал его бамбуковую палку. Через три месяца старик уже не мог ни разу за целый день ударить принца. Принц был очень счастлив; он подумал: «Вот великий день!» И его тело больше не было изранено: за три месяца непрерывного битья его тело стало стальным. Теперь он понимал, что обрел некоторую силу, какой у него не было никогда раньше.

Теперь, когда его рука держала меч, то была не человеческая рука, но рука из стали. Он радовался своему телу, тому, как оно окрепло под ударами Учителя. Он радовался тому, что стал настолько бдительным, что даже когда старик был далеко в другой комнате, он был способен обнаружить его. Он кричал из своей комнаты: «И не пытайтесь - я бдителен!»

Учитель обычно входил из своей комнаты. Однажды принц прислушивался к шумам из другой комнаты все двадцать четыре часа; Учитель не смог ударить его ни разу. Учитель позвал принца к себе. Принц был очень счастлив, старик тоже был очень счастлив; он сказал: «Теперь начинается вторая часть. До этого я бил тебя бамбуком, - начиная с завтрашнего дня это будет настоящий меч».

Принц подумал: «Настоящий меч! Бамбук - это одно, - я как-то справлялся и терпел, - но теперь настоящий меч! Если я промахнусь хотя бы раз, со мной покончено. И этот старик, если он мог так больно бить меня бамбуком, что все мое тело стало как из стали, что же он будет делать настоящим мечом?»

Старик вынул свой меч и сказал: «Вот мой меч, посмотри на него. Следи за ним! Теперь он будет следовать за тобой постоянно».

Осознанность принца выросла как столб света. Он мог чувствовать ее, ведь теперь была настоящая опасность, и это была не шутка: это был вопрос жизни и смерти.

Итак, старик начал пытаться ударить его, но не смог этого сделать на протяжении трех месяцев; он не ударил его ни разу. Осознанность принца с каждым днем становилась все выше: он мог спасти себя в любой момент. Учитель старался ударить его со спины... И принц выполнял все виды работ. Он сидел в медитации с закрытыми глазами: Учитель подходил, чтобы ударить его, а он отпрыгивал в сторону и спасал себя.

Учитель позвал его и сказал: «Я счастлив. Вторая часть обучения закончена». Принц сказал: «Я потрясюще благодарен и счастлив. Я никогда не думал, что во мне есть такая возможность быть настолько бдительным. Даже малейший ветерок не может пронестись мимо меня, чтобы я его не заметил. Ни одна мысль не может двигаться во мне, чтобы я ее не знал. И я счастлив тем, что есть еще чему учиться».

«Сначала я очень колебался, не хотел: я пришел сюда, потому что меня послал отец. Но теперь я здесь, потому что сам хочу, и я не думаю ни о своем отце, ни о царстве, ни о чем другом. Все, о чем я думаю, это как подвести мое сознание к его высочайшей вершине, и это из-за той радости, которую я познал и о которой даже не подозревал, о которой не мог и мечтать. Так что давайте начнем третий шаг».

Учитель сказал: «Третий шаг такой: я буду бить тебя настоящим мечом, пока ты спишь».

Молодой человек сказал: «Очень хорошо - я готов. Раньше я боялся даже бамбука; теперь я не боюсь вашего настоящего меча даже и во сне. В последнее время я наблюдал себя спящего. Поворачиваясь, я знал, что поворачиваюсь. Когда в мое тело входит сон, я знаю, что сон нисходит... нисходит... нисходит, что он овладевает всем моим телом. Но внутри себя я подобен пламени, сна нет».

Учитель начал пытаться ударить принца, но в тот момент, когда он входил в комнату принца, тот просыпался. Три месяца он пытался ударить, но не смог этого сделать ни разу. Потом Учитель дал принцу свой меч и сказал: «Ваш отец поймет, потому что он знает, что это меч, который дал мне мой Учитель. Теперь вы можете владеть мечом, потому что вы тоже достигли высшего состояния сознания. Теперь потребность в мече осталась далеко позади».

Нужно добиться повышения человеческой сознательности.

Ответственность лежит на человеке.

Бог был очень опасной гипотезой: он снимал с вас всю ответственность.

Бог был ответственен за все, а вы ни за что не отвечаете. Он все создал. Он все уничтожит. Он посылает своего сына спасти вас. Вы как марионетки: вас могут спасти, вас могут сотворить. И каким унижительным способом он сотворил вас — из грязи!

Я думаю, что это произошло где-то здесь, на ранчо «Большая Грязь»; иначе откуда он взял так много грязи? И почему это место называется ранчо «Большая Грязь»? Он должен был сотворить человека именно здесь. Он создал вас из грязи. Не мог ли он быть немного более уважительным? Он мог бы сотворить вас из золота, из платины - из чего-нибудь драгоценного. Если он мог творить из грязи, то мог бы сотворить и из золота, но он - старый еврей, скупой: из грязи!

В этом смысл гумуса - влага, смешанная с грязью: гумус. От гумуса происходят слова гуманный, человеческий. Адам тоже означает грязь, землю - по древнееврейски. Вы просто игрушки в руках Бога. Не имеет значения, создает он вас серьезно или несерьезно: одно точно — он единственный владелец всего спектакля. Где ваша ответственность? Вашей ответственности быть не может, коль скоро есть Бог.

Если человечество стало безответственным, то это из-за Бога, а не вопреки ему. Это из-за Бога и всех религий, которые учили вас, что мир создан Богом, а Бог сострадателен и добр. Все ерунда. Его вовсе нет. И в чем его доброта? В чем сострадание? Он - творение хитрых священников, потому что без него они не могут эксплуатировать вас. Это абсолютно необходимая гипотеза для эксплуатации человека.

Отбросьте идею Бога, и внезапно вы почувствуете свободу, пространство, распространение и великую ответственность.

Выше вас никого нет.

Вы - наивысший пик творения, существования, жизни.

Выше вас никого нет.

В вас возникает чувство огромной ответственности.

Для меня именно это делает вас религиозными.

Вы начинаете чувствовать ответственность за всех животных, птиц. Как вы можете быть насильственными по отношению к ним? Как вы можете продолжать есть мясо? Невозможно. Вы - величайшая вершина сознания, и что вы делаете с бедными животными? Вы не можете позволить себе делать это. С появлением ответственности пробудится ваша человечность. Вы впервые сможете поднять свою голову и встать прямо.

Свобода и ответственность приходят вместе.

А когда встречаются радость свободы и радость ответственности, это настолько великолепно, что я называю это мгновение мгновением экстаза.

Тогда вы настолько благословенны, что можете благословить все существование.

Само ваше существо благословляет, непрерывно благословляет каждого далекого и близкого, человека или животное. Вы не можете плохо обходиться даже с камнями. Вы будете уважительными со всеми, к кому бы это ни относилось. Просто будет присутствовать ваша уважительность, безадресная благодарность. Вы будете испытывать чувство благодарности из-за такой большой свободы, из-за такой большой ответственности, из-за такой большой радости, из-

за такого большого экстаза, которые родились в вас. Вам не избежать этого чувства благодарности.

Люди спрашивают меня, что в моей религии будет на месте поклонения, приверженности, ведь они думают, что без Бога невозможно поклоняться и быть приверженным. Я хочу сказать вам, что это невозможно с Богом. Вся идея Бога настолько безобразна, что я не могу быть приверженным такой идиотской гипотезе. Я не могу поклоняться Богу, я не вижу ни одной причины, по которой я мог бы поклоняться Ему.

Для меня приверженность - это очищенное качество любви.

Она не имеет ничего общего с тем, на кого она направлена. Неважно, на кого она направлена: Иегова, Бог, Иисус, Будда. Адресация не имеет значения.

Приверженность - это свойство вашего сердца.

Вы чувствуете себя исполненными благодарности ко всему, что есть.

Вы чувствуете великую любовь ко всему, что есть.

Неважно, достоин ли человек этого или нет... ведь любовь - это не бизнес. Неважно, достоин ли тот другой или нет, важно, переполняется ли ваше сердце любовью или нет. Если оно переполняется, то достигнет того, кто достоин, достигнет того, кто недостоин. Оно не будет разбираться.

Облако полно, и оно изливается дождем. Вы думаете, что оно изливается только на людей хороших, избегая плохих людей? Что оно изливается только на добрых христиан, добрых индусов, добрых иудеев и не изливается на атеистов? Оно просто изливается, потому что полно.

Приверженность — это переполняющаяся любовь.

Обыкновенно любовь адресована кому-то. Это сырая любовь, не очищенная. Ей нужен какой-то объект, и ее так мало, - вот почему влюбленные так ревнивы. За этим стоит какая-то причина, о которой они не догадываются. Они могут полагать, что ревность - это плохо, и конечно, это плохо; но почему это плохо, они не знают. Они полагают, что ревность - это плохо, но смысл не в этом. Иметь такое малое количество любовной энергии, вот что плохо, - а отсюда уже, в качестве побочного продукта, вытекает ревность.

Женщина боится, что ее возлюбленный полюбит какую-нибудь другую женщину. У него так мало любви, как может она позволить ему уйти к какой-то другой женщине? Если он уйдет к другой женщине, то тогда она останется голодной, ведь она знает его и то, сколько в нем любви. Ее недостаточно даже для нее одной, как же может она представить себе, что придется еще делить его с кем-то другим? Нет.

Мужчина боится, что если его жена просто улыбнулась соседу, то этого достаточно, чтобы он закипел внутри себя, ведь он знает, как мало в ней улыбки. Если она потратила улыбку на соседа, то что же достанется ему? Если она счастлива с соседом - улыбается ему, смеется, шепчется, - а когда муж приходит домой, она лежит; у нее болит голова... Достаточно странно,

как только муж входит в дом, у жены тут же начинается головная боль. За мгновение до этого она смеялась с соседом, но ее муж, - само это слово вызывает у нее головную боль. «Опять он вернулся - этот чертов старикашка».

Настоящая же проблема заключается в том, что в них обоих слишком мало любви - и оба осознают это. И вы знаете, что если любовь дается кому-то другому, то ваша доля теряется. Это все равно, как жилье, используемое по очереди, но у вас больше нет этого жилья — подошла очередь кого-то другого жить в нем.

Приверженность - это переполняющая вас любовь. Даже когда никого нет, и тогда она переполняет вас, - это любовь к вещам, к столам, к стульям, к стенам. Она переполняет вас, не важно, на что она направлена. И это вам нужно понять.

Вот фундаментальный закон моей религии: если растет осознанность, так тут же растет и любовь.

Они не раздельны, они изменяются вместе.

Если вы растете в любви, то вы будете расти и в осознанности.

Если вы растете в осознанности, то будете расти и в любви.

В осознанности расти легче, потому что есть очень определенные, научные пути роста в осознанности. С любовью это труднее, потому что любовь - очень скользкая вещь, она выскользывает из рук. Осознанность вы можете держать крепко. Но не беспокойтесь: если вы растете в осознанности, то одновременно ваша любовь будет удерживать тот же уровень, на котором находится ваша осознанность. Это мое переживание.

Я никогда не говорю ничего, что не было бы моим переживанием. В себе я никогда ни на дюйм не видел различия между осознанностью и любовью. Пусть ваша осознанность идет вверх, любовь немедленно двинется на тот же уровень. Они всегда держатся на одном уровне. Когда осознанность достигает своей вершины, любовь переполняет вас; и эта переполняющая вас любовь и есть приверженность.

И когда есть любовь и осознанность, вы что, сядете и не будете ничего делать? Возможно, когда-нибудь появится человек, который, как я, просто сядет и ничего не будет делать; но гораздо более вероятно, что каждый будет что-то делать. И это что-то будет исходить из осознанности и любви.

Я называю этот акт поклонением.

Что бы вы ни делали - готовите еду, моете пол, колете дрова, - что бы вы ни делали, изливаются ваши осознанность и любовь. Это и есть поклонение. Не нужны никакие мантры, не нужны никакие молитвы, не нужен никакой Бог.

В моей религии есть место приверженности.

Есть место поклонению.

Но совсем нет места Богу.

Я сохраняю все существенное и снимаю все несущественное.

Священство заинтересовано в несущественном, потому что это несущественное может быть использовано для эксплуатации.

Существенное не может быть использовано для эксплуатации.

Существенное немедленно уничтожит священство.

Если растет ваша осознанность и ваша любовь становится приверженностью, одно определенно: вы не будете иудеем, вы не будете индусом, вы не будете мусульманином. Ваша осознанность не допустит всех этих глупостей. Ваша любовь, ваша приверженность, не позволит вам пойти в храм, в мечеть, в гурудвару, в синагогу, в церковь, потому что это просто идиотизм, орегонский идиотизм.

Нет смысла никуда ходить.

Где бы вы ни оказались, ваша приверженность тут же.

Где бы ни находился религиозный человек:

Тут и храм.

Тут и церковь.

Тут и синагога.

Маленький красивый рассказ... Основатель сикхизма, Нанак, был одним из тех красивых людей, к которым я питаю огромную любовь. Он был простым человеком. У него был всего лишь один ученик, и то только потому, что он любил петь. Все его поучения передавались пением, спонтанным пением, - не так, как слагает стихи поэт, - а его ученик играл на простом инструменте, чтобы только внести какую-то музыку в то, что говорил Учитель.

Нанак путешествовал - он единственный индийский учитель, который тоже путешествовал вне страны. Махавира и Будда никогда не покидали пределы своего штата Бихар, не то чтобы вообще Индии. Шанкара ходил по всей Индии, но не покидал ее границ. Нанак - единственное исключение; он ходил в Аравию. Он добрался до Мекки, где хранится святыня мусульман, черный камень, Кааба.

Этот камень очень редкий. С научной точки зрения это очень большой камень, упавший, по-видимому, с какой-то звезды или планеты; он не с Земли.

Почти каждый день, двадцать четыре часа в сутки, с неба падают тысячи камней. Ночью, когда вы видите такой камень, вы говорите: «Звезда падает», — это не звезда; это просто камень, плававший в вакууме, который окружает Землю, и неожиданно попавший в поле тяготения Земли и потом притянутый Землей. Каждый день падают тысячи камней, иногда очень большие камни.

Этот камень, в Каабе, может быть, самый большой из упавших камней. Он не с Земли, - это было определено научными методами, - это метеорит. А как создаются метеориты? Они создаются, когда умирает звезда или умирает планета и распадается на части. Миллионы лет эти осколки могут двигаться в вакууме, пока не попадут в какое-нибудь поле тяготения; тогда они притягиваются вниз. Сила притяжения настолько велика, что падающий камень и окружающий воздух вступают между собой в борьбу и камень сгорает. Камень сгорает из-за того, что вторгается в воздух с такой большой силой.

Вы видите эти падающие «звезды»; это не звезды, звезды очень большие. Если звезда упадет на Землю, с Землей будет покончено! Наше Солнце — это звезда. Оно в шестьдесят тысяч раз больше Земли; а ведь это очень средняя звезда, - есть звезды, которые в миллионы раз больше нашего Солнца. Наша Земля -очень маленькое место.

Нанак добрался до Каабы. Мусульмане не могли представить себе такого: они понимали, что он великий учитель, но когда пришла ночь, он уснул ногами к Каабе. Это было неуважительно. К нему подошли хранители и сказали: «Вы великий учитель, такое поведение представляется нам весьма невероятным. Вы пришли из Индии, где люди знают, как быть уважительными, и все же вы положили свои ноги в сторону нашего священного камня? Вы задеваете наши чувства. Для нас этот камень представляет Бога, для нас этот камень и есть Бог; так что поверните свои ноги в противоположном направлении».

Нанак сказал: «Я знал, что вы подойдете, поэтому я и положил свои ноги в сторону Каабы. Теперь вы хотите, чтобы я повернул их в противоположном направлении?» Они сказали: «Да». Нанак сказал: «Я сделаю так, - но помните, ваш Бог может быть и заключен в этом камне, но мой Бог не заключен ни во что. Куда бы вы ни повернули мои ноги, он там».

Рассказ, - это должно быть просто рассказ, - говорит, что они повернули его ноги, но куда бы они ни двигали его ноги, двигалась и Кааба. Это, наверное, всего лишь рассказ, потому что камни, даже если они упали с неба, в конце концов всего лишь камни. И в человеке не так много чувствительности: вам не следует ожидать, что камень будет двигаться.

Но рассказ этот красивый. Он просто говорит, что где бы вы ни были, если вы полны осознанности и преданности, то там есть и храм, там есть и святыня. На самом деле ваша переполняющая вас любовь и создает святыню вокруг вас. Куда бы вы ни пошли, вы движетесь вместе с нею.

У Бодхидхармы спрашивали: «Если вас бросят в ад, будете ли вы сопротивляться?»

Он рассмеялся и сказал: «Для чего? Ведь где бы ни был Бодхидхарма, там и лотосовый рай. Я буду чрезвычайно счастлив, потому что мое восхождение на небеса или в ад совершенно одинаково. Я Бодхидхарма. Если я войду в ад, ад немедленно превратится в небеса. Я бы предпочел сойти в ад, ведь кто же иначе преобразует его?»

Моя религия включает приверженность как часть осознанности.

Смысл приверженности исходит из любви - не к Богу, но ко всему, что есть.

Моя религия включает поклонение; но это поклонение не представляет собой каких-то

определенных мантр, молитв, Аве Марий...

Поклонение - это ваша созидательность с сердцем, полным любви, и существом, переполняющимся осознанностью. И тогда, что бы вы ни делали, - все есть поклонение.

Или если вам случится быть таким человеком, как я, ленивым, тогда вашим поклонением будет недеяние. Я ни на единое мгновение никогда не чувствовал, что я не поклоняюсь.

Мое поклонение - это просто ничего не делать: просто сидеть тихо и ничего не делать.

И трава вырастет сама... и настоящая трава!

Беседа 12

СМЕРТЬ: ПРЕДЕЛЬНЫЙ ОРГАЗМ

10 января 1985 года

Бхагаван,

В других религиях почти никогда не говорят о смерти, а если и упоминают, то с интонацией, полной страха. В Вашей религии о смерти говорят свободно и счастливо. Это важно?

Это, несомненно, одна из самых значительных вещей.

Она определяет, подлинна ли религия или же это псевдорелигия.

Псевдорелигия ничего не знает о смерти.

В действительности, она ничего не знает и о жизни, отсюда и страх, страх перед тем и другим. Невозможно бояться только смерти, потому что смерть не отделима от жизни, смерть является частью жизни. Смерть не является окончанием жизни, это просто инцидент в жизни; жизнь продолжается. Смерть случается много раз, миллионы раз; это просто инцидент. Но псевдорелигии боятся и того и другого.

Псевдорелигии боятся также и жизни.

Вы должны понять это в первую очередь; только тогда вы сможете понять, почему они боятся смерти. Эти религии превозносят отказ от жизни. Все они основаны на отрицательном отношении к жизни: что-то в этой жизни неправильно, жизнь произошла от первородного греха, это неправильно, что вы живете. Адам и Ева были наказаны, потому что хотели жить, они хотели знать, они хотели понять, исследовать, задавать вопросы, - в этом их первородный грех. Вы - наследники Адама и Евы. Вы рождены в грехе.

Псевдорелигии не могут поддерживать вашу жизнь. Они не могут научить вас искусству жить, жить напряженно и всеобъемлюще. Они могут научить вас только тому, как уйти от жизни, как избежать познания истины. Вы можете отнести это к истории о первородном грехе.

Первородный грех заключался в том, что Адам и Ева захотели узнать о жизни все. Они захотели

вкусию вечной жизни. Зачем продолжать жить жизнью, которая сиюминутна, преходяща, которая в любой момент может прерваться - малейший несчастный случай, и с вами покончено. Есть ли там что-либо еще? Или это все? В этом и был их первородный грех. А что же тогда есть первородная добродетель? Вы сможете легко сделать вывод. Первородная добродетель должна быть в отказе от жизни. Адам и Ева пытались постичь вечную жизнь; они хотели стать вечными, как боги.

Псевдорелигии говорят, что вы должны полностью отказаться от жизни, и так вы пойдете против Адама и Евы. И вы должны быть против них, если хотите вновь попасть в райский сад. И вы должны отказаться от сомнений, вопросов, скептицизма, потому что они — пути к познанию. Эта история очень символична. Она дает вам универсальный ключ ко всем религиям.

То, что Адам и Ева сделали, религии постарались переделать таким образом, чтобы вы опять были обласканы Богом, приняты назад на небеса. Религии боятся жизни, боятся познания, - а они неразделимы. Именно из-за этой истории и возникло разделение, потому что в ней самой они должны были существовать раздельно: древо вечной жизни и древо познания.

Но в действительности жизнь и является познанием.

Познание есть жизнь.

Не существует иного пути к познанию, кроме жизни. И не существует иного пути в жизни, кроме осознания того, что есть ваша жизнь.

Познание и жизнь - неразделимы.

Познающий становится просветленным, но он также и зажигается жизнью.

Псевдорелигии учат вас бояться и жизни тоже - вы забыли это в вашем вопросе — они боятся не только смерти. Они не говорят о смерти; считается невежливым говорить о смерти. Вы дурно воспитаны, если, сидя за обеденным столом, начинаете говорить о смерти. Да что за столом! Даже возле могилы, где люди собираются, чтобы отдать последнюю дань уважения, они не говорят о смерти.

Одним из развлечений моего детства было следовать за каждой похоронной процессией. Мои родители постоянно переживали: «Ты не знаешь человека, который умер, он тебе не родственник и не друг. Почему же ты беспокоишься по этому поводу и теряешь время?» Дело в том, что похороны в Индии отнимают три, четыре или пять часов.

Сначала, выходя из города, процессия движется, неся покойника, а затем сжигает тело на погребальном костре... Вы знаете индийцев, они не могут ничего сделать как следует: погребальный костер никак не разгорается; он будет гореть вполсилы и покойник не будет сожжен до конца. И все стараются что-нибудь сделать, потому что они хотят уйти как можно скорее. Но мертвецы тоже хитрые. Они прилагают все усилия, чтобы задержать вас там как можно дольше.

Я говорил родителям: «Вовсе не обязательно быть кому-то родственником. Я несомненно породнился со смертью, этого вы не сможете отрицать. И не важно, кто умирает, - для меня это

символично. Однажды я тоже умру. И я хочу знать, как люди обращаются с мертвецом, как мертвец ведет себя по отношению к живым; как же иначе я смогу узнать?»

Они сказали: «Ты приводишь странные аргументы». «Но, - сказал я, - вы должны меня убедить, что смерть ко мне не относится, что я не умру. Если вы меня в этом убедите, я перестану ходить; иначе же, позвольте мне изучать». Они не смогли сказать мне, что я не умру, поэтому я сказал: «В таком случае помолчите. Я не заставляю идти вас. И я наслаждаюсь всем, что там происходит».

Первое, что я увидел, это то, что никто не говорит о смерти, даже там. На погребальном костре сгорает чей-то отец, чей-то брат, чей-то дядя, чей-то друг, чей-то враг: он был в разной степени родства со многими людьми. Он умер, - а все они поглощены мелочами.

Они упорно говорят о фильмах, говорят о политике, говорят о рынке; они говорят обо всем, кроме смерти. Они собираются в маленькие группки и сидят вокруг погребального костра. Я постоянно перехожу от одной группы к другой: никто не говорит о смерти. И я наверняка знаю, что они говорят на другие темы, чтобы чем-то занять себя и не видеть горящего тела - потому что оно было также и их телом.

И если они наделены хотя бы малой проницательностью, они могут увидеть, что это их тело горит на погребальном костре - ничье иное. Это лишь вопрос времени. Завтра кто-нибудь из них окажется на погребальном костре; послезавтра еще кто-нибудь — каждый день на погребальный костер попадает новое тело. Однажды и меня положат на погребальный костер, и это будет последней заботой, которую люди окажут мне. Это их последнее «прощай»: они говорят о повышении цен, о девальвации рупии - перед лицом смерти. И все они сидят спинами к погребальному костру.

Они должны были прийти, поэтому они и пришли, но они никогда не хотели приходить. Поэтому они не хотят вдаваться в подробности происходящего, поэтому они присутствуют чисто формально, чтобы отдать дань традиции, только для того, чтобы показать свое присутствие. А также и для того, чтобы быть уверенными, что, когда они умрут, их не погрузят на муниципальный грузовик. Естественно, что их участие в похоронах стольких человек обязывает других людей устроить им подобающие проводы. Они знают, почему они там, - они там потому, что хотят, чтобы люди были там при их сожжении на погребальном костре.

Но что делают эти люди? Я спрашивал людей, которых знал. Иногда там бывал один из моих учителей и говорил о всяких глупостях - что кто-то флиртует с чьей-то женой... Я сказал: «Разве время сейчас говорить о чьей-то жене и о том, что она делает? Подумайте о жене того, кто умер. Никто не горюет по этому поводу, никто не говорит об этом».

«Подумайте лучше, что будет с вашей женой после вашей смерти. С кем она будет флиртовать? Что она будет делать? Подготовились ли вы к этому? Неужели вы не видите всей глупости? Рядом смерть, а вы стараетесь избегать ее всеми возможными способами». Но все религии делают именно так. А эти люди просто воплощают конкретные традиции конкретных религий.

Религии сначала заставляли вас бояться жизни; они осуждали ее: все, что осеняет вас знаком жизни, есть грех. Любовь - это грех, потому что она является признаком жизни. Так жизнь старается воспроизвести себя; это созидание жизни.

Влюбиться - что это значит? Так жизнь старается продолжаться, быть. Это биологическая попытка природы продолжать воспроизводить как можно больше тел, а значит больше жизней, душ, или как вы хотите их называть, смогут получить новые жилища, новые средства передвижения.

Если биология перестанет воспроизводить тела, где тогда вы собираетесь брать новые дома, когда старые рухнут? А старые дома не могут бесконечно обновляться. Придет время, и отремонтировать дом будет стоить гораздо дороже, чем снести его и построить новый. Природа старается обеспечить вас новыми домами. Вы влюбляетесь, потому что вас побуждает к этому чудовищная биологическая сила.

Все религии против биологии. Биология - это наука бытия, жизни. Все религии стараются помешать воспроизводству; их монахи, монашки не должны иметь потомства. До известной степени, это величайшее преступление против человечества.

Совсем другое дело, если у кого-то отсутствует биологическое побуждение к воспроизводству, их побуждение перешло в более высокие сферы созидания. В этом случае это нормально; такому человеку допустимо идти этим путем. Поэт может и не желать иметь детей. Достаточно его поэзии, более, чем достаточно: он ощущает себя состоявшимся. Его биология пошла не тем путем, но его поэзия будет жить, у нее будет своя жизнь. Поэт вложил в нее свою жизнь, так же, как и художник или музыкант смог вложить свою жизнь в музыку, в танец, в живопись, не испытывая никакого биологического побуждения. Но он вовсе не против биологии, просто его энергия перетекает в более высокую сферу. В этом случае я говорю, что здесь все в порядке.

Но что ваши монахи делают в монастырях? Что ваши монахини делают в монастырях? Во всех религиях они вовсе не являются созидателями. Они самые что ни на есть бесполезные на земле по одной простой причине, что единственным созидующим фактором, им присущим, является биология. Ниже биологии нет ничего созидающего; биология является низшим уровнем. Вы сможете подняться выше, но не сможете опуститься ниже.

Поскольку вам запрещено биологическое воспроизводство, то вы просто ископаемое существо, мертвец; вы перегной. Вы уже умерли, потому что если созидающая энергия перекрывается, вы просто не можете жить. Жить значит созидать.

Даже животные живут более полной жизнью, чем ваши монахи. Деревья живут более полной жизнью, чем ваши монахи, — по крайней мере, они цветут, плодоносят. Что создают ваши монахи? Они попросту непрерывно повторяют Библию. Но Библия уже создана. Держите ее в библиотеке, держите ее в музее, читайте ее в университете, - но повторять ее каждый день, как попугай... Вы думаете, что эти люди живут хоть как-то?

Существуют монастыри, из которых, попав туда однажды, невозможно выйти до самой смерти. Что это означает? В действительности, вы умираете в тот день, когда попадаете в этот монастырь. Вы отрезаетесь от жизни. Вам не позволяют наслаждаться пищей, потому что это часть жизни. Религия учит, что у вас не должно быть интереса к пище, ко вкусу пищи.

В Индии многие религии учат тому, как уничтожить вкус пищи перед тем, как ее съесть. В Индии существует много традиций, когда монах просит подавание и складывает все, что ему подали, в чашу. По их законам монаху не разрешается просить милостыню только в одном доме.

Но даже если он и получит подаяние только из одного дома, то все равно в его чаше окажутся и сладости, и что-нибудь соленое, и всевозможные специи, и рис, и разного рода приправы; и все это перемешивается. Но это еще не все! Сначала монах должен пойти к реке и погрузить заполненную чашу в воду - он должен все сделать наверняка, не рискуя - затем все перемешать... а уж потом этим наслаждаться! Приятно так позавтракать, пообедать или как еще вы хотите это назвать.

Действительно, однажды такое случилось: я сидел на берегу нашей деревенской реки, а монах, которого я знал, - он обычно просил подаяния также и в нашем доме и был дружен с моим отцом, они любили поболтать, - был занят ужасающим делом: он погружал в воду свою чашу для подаяний.

Я спросил его: «Думал ли ты когда-нибудь об одной вещи? От той пищи, которой ты наслаждаешься, отказался бы даже буйвол, даже осел».

Он сказал: «Что?»

Я сказал: «Да». Если вы хотите увидеть в Индии осла, вы сможете найти его возле реки, потому что люди, стирающие белье, возят на ослах свою поклажу к реке. Только они используют ослов. Никто другой даже не притронется к ослу, потому что стирающий белье относится к неприкасаемым, а значит и его осел тоже неприкасаемый. Итак, пока люди стирают белье, их ослы стоят на берегу и ждут, когда их снова нагрузят и они направятся домой.

Итак, я сказал: «Вот осел. Дай мне твою чашу для подаяний; и не волнуйся - если он станет это есть, я снова наполню твою чашу у себя дома. Если же он не станет есть, тогда ты съешь это сам».

Он сказал: «Я принимаю вызов».

Я поставил чашу для подаяний перед ослом, и осел попросту сбежал. А сбежал он по двум причинам: одной была пища, а другой - я. Монаху было неизвестно, что сбежать мог любой осел. Все ослы в нашей округе боялись меня, потому что при малейшей возможности я старался прокатиться на них, - просто для того, чтобы поизводить всю деревню. Я ездил на базар верхом на осле. Вся деревня обычно говорила: «Это уже слишком!» А я говорил: «Осла создал Бог, а Бог не может создать ничего плохого. И я не вижу, что здесь плохого. Он, бедняга, к тому же славный».

Поэтому все ослы отлично меня знали. И теперь, будь это хоть на большом расстоянии, хоть ночью, если я подходил к нему, осел немедленно убегал. Они стали узнавать меня. Монах не знал, что осел убежал по двум причинам, но он несомненно видел, что осел отказался от пищи.

Я сказал: «Это то, чему учит тебя твоя религия, - пасть ниже осла. Даже осел смог понять, что это не еда, что ее не стоит есть».

Но все, что дает даже малейший намек на жизнь, должно быть оторвано от своих собственных корней. Монах должен носить только лохмотья, которые он подобрал на улицах, куда люди их выбрасывали. В Индии люди очень щедры насчет этого, они выбрасывают свои вещи повсюду. Несмотря на то что муниципальные комитеты отвели для этого специальные места, никто не

обращает на это внимания. Кому захочется так далеко идти?

Мне было очень трудно объяснить моей бабушке, что она поступает неправильно, выбрасывая из окна второго этажа ненужные вещи, одежду, мусор. Она сказала: «Мне семьдесят лет, и все эти семьдесят лет я делала именно так. Оставь меня в покое. Мне осталось недолго жить, и я не смогу изменить свои привычки. Я не могу каждый раз спускаться вниз и идти на муниципальную свалку, нет. За все семьдесят лет ни разу не возникло такой проблемы, так зачем ее надо поднимать в оставшиеся мне два или три года? Я буду делать по-своему».

Я сказал ей: «Эта проблема возникает каждый день, просто вы не считаете это проблемой. Ваши вещи иногда попадают на людей, и они кричат».

Она сказала: «Это их проблемы».

Люди продолжают выбрасывать вещи, а монахи именно так и должны собирать их; и из маленьких кусочков, из любой одежды они делают одежду и накидки для себя. Мой отец обычно давал санньясинам, которых он очень любил, новую одежду, но они говорили: «Мы не можем принять новую одежду. Вы можете дать нам только старую, поэтому сначала порвите ее, а мы потом сошьем».

Кого эти люди собираются обмануть? Если их Бог всезнающий, он должен знать, что это новая одежда, изорванная в лохмотья. Они бросают ее в пыль, натирают грязью, и только после этого она становится для них достаточно хорошей.

Религии - против жизни, и это потому, что они прекрасно усвоили одну вещь: если вы живете, и живете в стремительном ритме, вам совсем не нужна никакая религия.

Религия становится необходимой только в том случае, когда ваша жизнь пуста. Тогда у вас нет другого выхода, кроме того, чтобы стать религиозным. Если эта жизнь пуста, то вы начинаете думать о той жизни: должны же вы о чем-то думать. Вы должны жить, по крайней мере, если не в реальности, то хотя бы в надежде.

Для отвлечения ваших мыслей и вашего бытия от этой жизни и привлечения к вымышленной, где-то в небесах, религиозные деятели используют очень твердую стратегию: осуждать эту жизнь.

В священном писании джайнов, которое является наиболее осуждающим из всех религий... все религии осуждающие, но джайны превзошли всех. Джайнские монахи постоянно поучают: «Что такое это тело? Кровь, мясо, кости, слизь, шлаки. Из чего состоит это тело? Из всевозможной грязи, покрытой тонкой кожей».

Это описывается с такими подробностями, что вы думаете: «Что эти люди, мясники или кто? Или, возможно, они продолжают изучать части мертвых тел, вникая в каждую деталь, потому что они не врачи?» Главным образом джайны... очень редко можно встретить джайна - доктора. Это только за последние двадцать или тридцать лет несколько джайнов стали врачами; до этого джайн не стал бы врачом. Кто станет выполнять эту грязную, работу хирурга и копаться внутри человеческих тел? Джайн упадет в обморок, он не будет способен выдержать этого.

Они не физиологи, они не врачи, они не мясники, но они собрали все «грязные» детали. Для чего? Чтобы создать в вашем мозгу образ грязи, поэтому, когда вы влюбляетесь в женщину, вы знаете, во что вы влюбляетесь - в кости и слизь. Только подумайте!

Просто отбросьте тонкую кожу и посмотрите на женщину - и вы в это влюбляетесь! Этот мешок - это именно то слово, которое они используют - мешок, кожаный мешок. Вы являетесь кожаным мешком, она тоже кожаный мешок, и оба вводят друг друга в заблуждение своей кожей. Продвиньтесь немного глубже и что вы обнаружите? Это будет тошнотворно. Джайнские монахи постоянно создают ощущение тошнотворности вокруг тел друг друга - и вокруг вашего тела тоже.

А жизнь возможна только через тело. С их таким мощным отрицанием тела жизнь становится невозможной. А если однажды перекрыть всю вашу энергию, она не сможет перейти в жизнь. Но энергия должна перемещаться. И она найдет какой-нибудь другой способ перемещения. Религии тут же предлагают вам замену: любите Бога. Он — не мешок слизи, крови и костей!

Я обычно спрашиваю монахов, и особенно монахов -индусов: «Вы называете людей “мешками, наполненными грязью”; тогда ваши воплощения Бога, кто были они? Как насчет Рамы? Нет слизи?» Тогда он должен быть таким же сухим, как Орегон. Он должен был умереть, потому что слизь абсолютно необходима. Она поддерживает возможность вашего тела двигаться. Это своего рода смазка для вашего внутреннего механизма. Естественно, один раз или дважды в год вы простужаетесь и избавляетесь от слизи. Это также необходимо, потому что старая слизь больше не нужна. Она должна быть выведена наружу, потому что образуется новая слизь и занимает место старой, это как замена масла в вашей машине.

Время от времени у машины тоже случается «простуда»; смените масло, иначе она не сдвинется с места. Старое масло теряет свойства смазки. Оно уже отработанное. Что, разве у Кришны или Рамы не было костей? Тогда их мешки должны были бы рухнуть. Как они могли бы стоять без костей? В них не было крови? Тогда каким образом там могло быть семя? Ведь у Рамы было двое сыновей! Великий, волшебный мешок: ни слизи, ни семени, ни крови, ни костей - и он произвел на свет двоих детей! Это чудо намного грандиозней того, которое Святой Дух сотворил с Марией, потому что Мария в конце концов была настоящим мешком.

Но в рассказе о Раме Сита также не является обыкновенным мешком, вроде вас. Оба мешка были бестелесны! Внутри они были пусты... Я спросил у тех монахов: «Либо вы говорите, что они были пустыми внутри - горячий воздух внутри, что еще? -либо они были заполнены. Есть только две возможности». И я сказал им: «Я хотел бы быть просто обычным мешком, чем заполненным или пустым мешком с горячим воздухом. Я просто отказываюсь; я хорош таким, какой я есть». Глупые идеи, но они продолжают существовать тысячелетия просто для того, чтобы создать вокруг этих людей ореол сверхъестественности.

Когда я впервые выступал в Бомбее, - это было, должно быть, в 1960, - я был приглашен комитетом джайнов. В Бомбее располагается самая богатая в Индии община джайнов, и самая большая по численности. Их празднование дня рождения Маха-виры, возможно, самое грандиозное во всей стране. Они празднуют его с большой роскошью повсюду, потому что они достаточно богаты, однако Бомбей все же держит первенство.

Они приглашают великих монахов, монахинь, ученых, чтобы поздравить их. Впервые я выступал

в Бомбее именно в день рождения Махавиры. Присутствовало по крайней мере двадцать или тридцать тысяч джайнов. И один человек, джайнский монах... он больше не монах. Он сейчас также в Америке, женат на женщине-джайне; он сбежал. Но в то время он был на вершине - он был гордостью джайнских монахов. Его имя - Читрабхану.

Мы никогда раньше не встречались - он ничего не знал обо мне. Естественно, он жил в Бомбее постоянно, что по существу джайнским монахам не разрешалось: он мог оставаться в одном городе только на три дня. Поэтому, что эти монахи делали? Они не уходили... Появившись раз в Бомбее, монах его больше не покидал, потому что жизнь в Бомбее очень комфортна, а кто захочет опять уходить в деревни, скитаться босыми по грязным дорогам? А в Бомбее удовлетворяют любое их желание, приготовят все, в чем они нуждаются.

Что они сделали, так это то, что они поделили Бомбей на много городов; каждый район, каждое предместье является у них городом. Из Вилепарла они переходят в Дадар - это административные районы Бомбея, а не самостоятельные города — из Дадара в Марин Драйв. Бомбей велик; в нем столько предместий, столько рынков. Это один из самых больших городов мира. Итак, монахи продолжают движение: три дня в Вилепарле, три дня в Дадаре, три дня в Санта Крузе, три дня в Джуху и три дня в Чоупатти - круг за кругом.

Этот человек, Читрабхану, жил в Бомбее пятнадцать лет. Его уважали, он был самым уважаемым в Бомбее. Он был самым лучшим оратором среди джайнских монахов в Бомбее, поэтому он всегда говорил первым. Я был тогда никому не известным молодым человеком, к тому же не монахом. И никто не был уверен, монах я или нет.

Один человек имел возможность доставить меня в Бомбей, это было простым стечением обстоятельств. Этот человек, Чиран-джилал Баджат из Варды, был главным управляющим у Джам-налала Баджаджа, а Джамналал Баджадж был одним из богатейших людей Индии. Этот человек, Чиранджилал Баджат, был причиной, по которой Махатма Ганди был доставлен из Гуджарата в Варду, в Мадья Прадеш. Ашрам Ганди был в Сабармати, недалеко от Ахмедабада.

А Чиранджилал Баджат был удивительным человеком, очень простым, очень любящим, и таким простым и таким любящим, что он никогда не мог себе представить, что два человека могут быть настолько противоположными. Он привез Ганди в Варду, потому что он убедил в этом Джамналала Баджаджа. Головной офис Джамналала Баджаджа был в Варде, в центральной Индии. В прошлом году там побывал его сын.

Но причиной был Чиранджилал Баджат, который хоть и был бедным человеком, но смог внушить Джамналалу: «Мы сослужим великую службу нашей стране, если сможем привести Ганди в Варду, от этого будет большая польза также и Варде, потому что Варда автоматически станет столицей Индии». И действительно, пока Индия не была освобождена, Варда была столицей. Дели остался столицей для британского Раджи, но для всех индийских борцов за свободу центром был Ганди, а его ашрам находился в Варде. Для революционеров все поезда и все дороги вели в Варду.

Чиранджилал Баджат имел влияние на Джамналала Баджаджа, и Джамналал Баджадж уважал этого старика, потому что он действительно был милым человеком. Было невозможно не уважать его, несмотря на то, что он был лишь его управляющим. Он отправился к Ганди и попросил его приехать в Варду, он сказал Ганди: «Этот Сабармати неподходящее место, потому

что там за какой-то единственный пайс вы вынуждены зависеть от других людей. Я же дам вам незаполненные чеки. Как только закончится ваша чековая книжка, вы немедленно получите другую, незаполненную. Это безусловно очень удобно для вас: как только вам понадобятся деньги, вы получите их в банке. Вам не надо просить меня».

Ганди был прирожденным бизнесменом, он сразу же увидел выгоду. Содержать Сабармати было очень трудно - хотя это был небольшой ашрам, там жили всего двадцать человек. И на средства, которые они тратили на еду и одежду, человек среднего класса смог бы содержать целое шоу. Но для Ганди это было очень трудно.

Видя такую возможность, - новая чековая книжка каждый месяц, - Ганди переехал в Варду. Это было такое потрясения для Гуджарата, что один из очень известных в Гуджарате поэтов, Наналал Бхатт, написал стихотворение против Ганди. Он был поэтом, который всегда в своих стихах восхвалял Ганди, был предан ему, как собака. А в этом своем стихотворении он сказал: «Человек, который был святым в Сабармати, стал грешником в Варде».

И это тоже из Наналала Бхатта, ученика Ганди: «Святой из Сабармати так низко пал из-за денег». Весь Гуджарат был разочарован. Странно, но Чиранджилал был причиной также и моего приезда в Бомбей.

Мы встретились на ярмарке джайнов, которая ежегодно проводится близ Джабалпура. Среди холмов стоит красивый храм, построенный на средства очень бедной женщины, которая молола зерно и этим зарабатывала себе на еду. Целыми днями она молола чужое зерно и в течение всей жизни сумела скопить достаточно денег, чтобы построить храм на холме.

Храм совсем небольшой. А на самой его верхушке - самая верхняя точка храма называется кайлас; он изготавливается из золота - в память об этой женщине, из уважения к ней вместо кайласа люди водрузили ее мельничный камень. Это примитивная вещь, которая используется в Индии. Вы даже не назовете ее мельницей, потому что в ней нет ничего, кроме двух камней: два круглых камня, положенных друг на друга. К верхнему камню приделана ручка, за нее камень вращают, и он трется о нижний камень. Вы кладете то, что вам нужно размолоть, между камнями и начинаете вращать верхний камень; камни все размалывают.

И эти два камня люди положили на кайлас храма в память о той женщине, потому что это было действительно чудом: она была беднейшей из бедных и смогла выстроить этот мраморный храм. Несмотря на то, что храм совсем маленький и что вокруг него было выстроено много других храмов, он все же продолжает оставаться центральным. И на протяжении тысяч лет в память о той женщине здесь устраивается ярмарка.

Я говорил, и Чиранджилал слушал меня. Когда я вышел из толпы и направился к машине, он уже стоял там. Была зима - он стоял, покрытый одеялом. Он сбросил одеяло на землю. Я не мог понять, что он хотел. Он сказал: «Присядь на минутку. Я бы хотел посидеть с тобой. Я слушал тебя. Что ты здесь делаешь? Ты нужен всей Индии. За всю свою жизнь мне не приходилось слышать того, что ты говорил здесь, а я, благодаря Махатме Ганди, общался со всеми великими умами, революционерами и Махатмами».

Из-за того, что он был главным управляющим у Джамналала, без всяких формальностей он стал генеральным директором ашрама Ганди. И Джавахарлал, и Субашчандра, и Маулария Азад - все

великие лидеры Индии - были их гостями, и он заботился о них, потому что был здесь главным. Джамнагал был стар и слишком богат, чтобы заниматься этим; это было обязанностью Чиранджилала. Они соорудили огромный дом для гостей, где могло бы расположиться по крайней мере пятьсот лидеров, мыслителей, философов, мудрецов, потому что люди прибывали непрерывно, чтобы встретиться с Махатмой Ганди. Непрерывно проводились конференции: политические, религиозные, литературные - все виды собраний. Благодаря Ганди здесь образовался центр.

Итак Чиранджилал сказал: «Я всех знаю в этой стране, и никто не говорит так, как ты. Что ты здесь делаешь? Ты должен отправиться в Бомбей ради Махавиры Джаянти».

Я сказал: «Я никого там не знаю, и никто не знает меня там».

Он сказал: «Не волнуйся. Все знают меня, и я знаю всех; я все устрою. Ты должен обещать поехать».

Я не мог отказать этому человеку. Из его глаз текли слезы и именно по той причине, что обо мне никто не знал. Я не беспокоился о том, доходят ли до людей мои слова - тоже мне, беда! Для него это была беда. Он сказал: «Я сделаю все: то, чего я не сделал для Махатмы Ганди, я сделаю для тебя. Но позволь мне вначале представить тебя в Бомбее. Потом все войдет в нужное русло».

Я сказал: «Хорошо, я приеду; не плачьте». Собралась толпа, было неловко - пожилой человек плачет, - поэтому я сказал: «Я приеду». Я сказал ему, когда прибывает мой поезд, но он был уже старик и в таких слабых очках, что я не могу с уверенностью сказать, мог ли он рассмотреть мое лицо, потому что то, как он смотрел вверх и вниз поверх очков... он старался смотреть на меня со стороны, чтобы понять, что я за человек. Я сказал: «Не волнуйтесь, я приеду. И даже если вы не узнаете меня, я узнаю вас - не волнуйтесь».

Я отправился в Бомбей, и из-за этого старика приключилось нечто странное. Каким-то образом он смог описать все правильно, но сказал, что я ношу белую шапочку. Как это пришло ему в голову? Наверное, из-за того, что все, кого он знал из приехавших в Варду - все носили головной убор Ганди, белую шапочку. Он видел тысячи людей в белых шапочках; вероятно, он забыл, что там было несколько человек, которые вообще не носили шапок.

Он описал меня как человека с небольшой бородкой, в белой одежде, длинной накидке; но каким-то образом у него в голове все смешалось, и он сказал, что я ношу белую шапочку. Я стоял у двери вагона, а тут и там бегали люди. Я понял, что они ищут меня, но я не видел того старика.

Я ждал старика, потому что если он не узнал меня, то я узнал бы его. Но я не видел его: он заболел и не смог прийти, поэтому он просто описал меня в письме. И все люди смотрели на мою голову. Никто не смотрел на мое лицо; они смотрели на мою голову и шли дальше. В результате я остался единственным пассажиром, которого не встретили, а они остались единственными встречающими, - двадцать или двадцать пять человек.

В конце концов я сказал: «Что за дела? Я остался один. И я вижу, что вы что-то ищете у меня на голове, но на моей голове никогда ничего не было». Они показали мне письмо. Я сказал: «Да, этот человек - Чиранджилал Баджат - создал для вас и для меня целую проблему!»

Они сказали: «Но он написал “белая шапочка Ганди”, и мы были озадачены, так как нашли много людей в шапочках Ганди, но все без бороды. Поэтому мы говорили: «Нет, это не тот человек». Мы нашли одного человека с бородой, но у него не было длинной накладки. Вы полностью подходили под описание, но у Вас не было шапочки».

Я сказал: «Этот старик... Я подозреваю, что все дело в его очках. Возможно, он увидел белую шапочку, потому что в течение почти всей своей жизни он видел только белые шапочки. Он помогал тысячам индийских революционеров, которые все носили белые шапочки, поэтому белая шапочка и отпечаталась в его мозгу. Он, должно быть, увидел ее, - я не подозреваю его в иных намерениях или в чем-то еще, - но где он?»

Они сказали: «Он заболел. Он очень извиняется, что не смог прийти, но не волнуйтесь: он поговорил о вас с каждым мало-мальски значительным человеком в Бомбее. Но по тому, как он описал вас и сказал: “Никто не говорит так, как он”, — мы полагали, что вы намного старше. Мы даже не могли подумать, что вы молодой человек тридцати лет».

На этой встрече никто из двадцати-тридцати тысяч человек, естественно, меня не знал. Сначала говорил Читрабхану, он говорил о наиболее значительных событиях из жизни Махавиры, о событиях, которые можно назвать чудом. Змея, кобра, укусила его; Махавира был поглощен медитацией, стоя босиком, и кобра укусила его. Из ранок на его ноге вместо крови потекло молоко. Джайны всегда верили в это - нет вопроса.

Когда встал я, я сказал: «Кажется, что этот человек, Читрабхану, немного спятил». Некоторые из присутствовавших на той встрече, стали впоследствии моими санньясинами. Они рассказывали мне: «Нам казалось, что сейчас начнется бунт. Кто этот человек? Он похож на мусульманина своей бородой, своими речами, тем, как он нападает на Читрабхану, бессменного лидера всех джайнских монахов и их общины!..»

А ему действительно сильно досталось, потому что если я наношу удар, то в полную силу, - или вообще не нападаю; третьего не дано. Я сказал: «Этот человек сумасшедший. Он должен объяснить, каким образом молоко полилось из ноги, потому что для образования молока женщине необходимы груди, особые физиологические процессы, которые в них происходят и преобразуют ее пищу, ее кровь в молоко. Либо нужно доказать, что у Махавиры на ногах есть груди, либо придется признать, что он мешок, наполненный молоком; иначе заберите свои слова обратно».

Стояла гробовая тишина. Я говорил в течение тридцати минут, нанося ему удары со всех сторон. И я сказал: «Вот такие глупцы являются вашими лидерами. Кто же тогда вы? Если вы принимаете подобных идиотов за лидеров, то вы сами пали намного ниже их. Этот человек хитер, и он обманывает вас, потому что все, о чем бы он ни говорил, просто потворствует вашему эго. Не так должен вести себя правдивый человек. Человек правды просто говорит правду; его не заботит, нанесет ли это вам удар, сделает ли врагом? Человека правды заботит только правда».

«Этот человек лжет; все, что он сказал, было ложью, хотя это и записано в священных писаниях. Эти священные писания тоже были написаны подобными людьми, поэтому для меня эти писания не авторитет. Этот человек для меня не авторитет. Он должен подняться и ответить на мои вопросы. Он должен доказать то, что он говорит; иначе завтра я собираюсь принести кобру,

и она укусит этого человека, и у него из ранки должна пойти не кровь; должно пойти молоко. Он должен подготовиться. Я даю ему двадцать четыре часа».

В итоге этот человек обманул всех, в чем не было сомнений, и сбежал в Америку вместе с девушкой из богатой джайнской семьи. Сейчас он профессор в Нью-Йорке и преподает философию джайнов. Какую философию джайнов он знает? Он до сих пор преподносит себя как джайнского монаха. В Америке никому не придет в голову спросить его: «Как же вы можете быть джайнс-ким монахом?» Он до сих пор продолжает говорить, что он джайнский монах, до сих пор носит их символы.

В тот день, когда он покидал Бомбей, он вынужден был уходить через черный ход, потому что тысячи джайнов ждали его, чтобы убить. Это из-за того, что никогда раньше джайнский монах не летал на самолете и, во-вторых, никто прежде не слышал, чтобы джайнский монах сбежал с женщиной. Может такое и случилось, но никто об этом не знает... и это тоже, так открыто. Была вызвана полиция, потому что было опасение, что если бы джайны поймали беглеца, они убили бы его.

Уважение очень легко превращается в ненависть. Оно сместилось в них к противоположному полюсу, так как больше не оставалось оснований для уважения, - в действительности, все, что он делал, вызывало прямо противоположное отношение. И этот человек, который просто удрал, будет дурачить весь мир, утверждая, что он джайнский монах, и никто никогда не подумает, что женщина рядом с ним...

Джайны хотели отнять у него все символы джайнского монаха: его чашу и другие предметы, которые существуют у этой конкретной секты. Сопровождаемый полицией, он был доставлен от заднего крыльца своего дома к самолету, и с тех пор он никогда не бывал в Индии. Он не мог: его ждут до сих пор, когда бы он ни появился.

Я спросил — и это была моя единственная встреча с ним: «В двадцатом веке вы призываете людей отвергать жизнь? Все ваши желания точно такие же, как у всех; это естественно. Если вы человек правды, то должны это признать, равно как и то, что вы подавляете свои желания. Или вы можете сказать, что сумели преодолеть их? В таком случае я попытаюсь разоблачить вас».

Он покраснел от гнева. И я показал людям: «Посмотрите на его лицо. Разве этот человек, переполненный гневом, может быть бесполом? Разве этот человек, переполненный гневом, может не быть жестоким? О чем говорит его лицо?» И, оставаясь джайнс-ким монахом, он трижды пытался меня убить!

Я возвращался из Пуны и уже собирался сесть в машину, как мне позвонил доброжелатель, пожелавший остаться неизвестным. Он сказал: «Бхагаван, вам нельзя ехать на машине, потому что на пути следования вас будут поджидать люди Читрабхану, это может быть опасно». Так что я был вынужден лететь самолетом, мне организовали специальный рейс. Но я все же попросил одного из моих друзей проехать на машине и посмотреть, - в той же самой машине, в которой должен был ехать я.

Они были там - с пистолетами, и дорога была перегорожена большими камнями. Они были в замешательстве, когда увидели, что в машине был не я. Мой друг сказал, что информация была правильной. И такое случилось трижды. Тот человек пытался убить меня. Таким был его ответ, а

эти люди вовсе не лишены жестокости.

Жестокость продолжает накапливаться. Если вам приходится от чего-то отказываться в своей жизни, вы накапливаете это внутри себя. Подобные люди более похотливы, чем обычные люди, более гневны, чем обычные люди; потому что обычными людьми овладевает гнев, когда они действительно разгневаны, но это мимолетно, это приходит и уходит. А те люди продолжают накапливать гнев. Они сидят как бы на вулкане; не хватает только кого-нибудь, кто нанесет им удар по слабому месту.

Чатрабхану никогда не выступал с одной сцены со мной. Он говорил организаторам, что выступать может только один: «Либо он, либо я. Вдвоем с одной сцены мы выступать не можем».

Но я сказал организаторам: «А я хотел бы выступать с одной сцены с ним. Он может выбирать. Если он считает, что говорить первым опасно, потому что, говоря после него, я в своей речи буду его критиковать, я готов говорить первым; пусть он критикует меня. Я готов к любому повороту событий. Если ему угодно, он может говорить первым, потом я; а затем он будет отвечать, - я к этому готов. Он может говорить дважды, я буду говорить только один раз; но я знаю, что мой один раз перекроет его два. Я видел его».

Он сидел, как изваяние, наливаясь гневом, его била дрожь, его почти трясло. Я сказал людям: «Посмотрите на его руки». Он держал листок бумаги, и листок дрожал. Я сказал: «Посмотрите на бумагу». На этом листке он набросал конспект речи против меня, но, в конце концов, решил, что из этого не будет толка, потому как, что за доказательства он может привести? Никто раньше не спорил по этому поводу. На протяжении двадцати пяти веков никто не спросил, каким образом из ног может вытекать молоко?

Нет, последователи не спрашивали. Они обучены не задавать каверзных вопросов. От них требовалось верить, потому что вера будет оплачена, а сомнение — это грех.

Но без сомнения нет познания; нет возможности для вас даже приблизиться к осознанию, к сознательности.

И эти люди подрезают те самые корни, от которых к вам приходит осознание и сознательность, - это жизнь, жизненные ситуации, проблемы, возможности.

Но если просто уклоняться и воздерживаться от жизни, то никогда не будет возможности достичь сознательности.

Рассказывают об одном индусском монахе, который в течение тридцати лет жил в Гималаях... Его проблемой было эго. И один мудрец - я имею в виду один дурак - предложил ему: «Удались в безмолвные долины Гималаев, и твое эго будет заморожено». Это займет какое-то время, поэтому не спеши возвращаться, пока полностью не будешь уверен».

И, конечно, если вы живете в Гималаях, в глубинной, далекой долине, где вы никогда не встретите другого человека, как вы сможете понять, есть ли у вас эго? Эго требуется другое эго; и тогда оно проявляется мгновенно. Если же другого эго нет, то нет и причины, по которой оно должно проявиться. Оно быстро засыпает.

Тридцать лет - долгий срок, и человек убедился, что эго у него больше нет. К этому времени его известность распространилась по равнинам, и люди стали приходить к нему, чтобы отдать дань уважения. Ему от этого стало еще лучше: «Я такой неэгоистичный». Конечно, когда люди касаются ваших ног, вы можете чувствовать полное отсутствие эго. В этом нет никакой проблемы, потому что ваше эго удовлетворено.

Однако эта проблема возникла снова, потому что начиналась Кумбха, ярмарка, которая является самой крупной в мире; на нее собирается по крайней мере тридцать миллионов человек. Нигде в мире не собирается столько народу, как на Кумбху, на ярмарку, которая проходит в Аллахабаде каждые двенадцать лет.

Итак начиналась Кумбха, и люди пригласили этого человека: «Вы там совершенно необходимы. Ваше присутствие будет благом для миллионов людей, которые соберутся со всей страны».

«Конечно», - сказал он. Сейчас он знал, что избавился от эгоизма. Он спустился с Гималаев на равнину, а когда он достиг этой безбрежной, подобной океану, толпы - нельзя увидеть, где она начинается, где кончается, и никто не знал его в этой толпе; - кто-то наступил ему на ногу, и тридцати лет как не бывало! Он вцепился человеку в горло и сказал: «Я тебя убью!» Но потом вдруг он вспомнил, что старался делать последние тридцать лет: «Что произошло за эти тридцать лет? Это было просто потерей времени - я все такой же, как и был».

Можно сидеть на одном и том же месте на протяжении тридцати жизней; и не будет никакой разницы. Единственный способ узнать, кто ты есть, из чего состоит твой ум, это жить полной жизнью и так разнообразно, как только возможно, открывая все двери и окна каждой стороне жизни, так что ты сможешь узнать себя изнутри, потому что каждое окно будет открыто внутрь тебя и каждый тайный уголок будет освещен.

Мне очень нравилась одна история. Один человек был очень, очень злым, злым настолько, как если бы вся его энергия превращалась в злобу. И это было не только на словах; он был очень силен и каждый день давал выход гневу, избивая и калеча людей за малейшую провинность. Однажды гнев настолько переполнил его, что случилось непоправимое; он бросил в колодец свою жену и убил ее. Это потрясло его.

Он любил эту женщину. А если он смог сделать подобное с человеком, которого любил, то что говорить о других? Он чувствовал себя виноватым и раскаивался. В этом городе был джайнский монах. Этот человек отправился к нему, потому что слышал, что джайнские монахи проповедуют не быть жестокими, не держать зла. «Может быть, он сможет каким-то образом научить меня этому».

Джайнский монах сказал: «Это просто: откажись от жизни. Без отказа от жизни ты не сможешь избавиться от всего этого. В жизни твой гнев будет каждый день тереться о другой гнев, твое эго будет тереться об эго других людей, и ты не сможешь найти ни мгновения, чтобы расслабиться и успокоиться. Поэтому отвергни жизнь. Отказаться от жизни - значит избегать всех тех ситуаций, которые несут неприятности, так ты сможешь наконец расслабиться и успокоиться. А я дам тебе мантру для песнопений. Выполняй ее».

И это можно понять. Злобные люди очень быстро принимают любые решения. Они могут убить. Когда этот человек убил свою жену, он сделал это быстро, не раздумывая дважды. Если бы он

подумал еще раз, он не бросил бы ее в колодец.

Такие люди ничего не обдумывают дважды. Он сказал: «Я готов прямо сейчас. Посвяти меня в монахи. И я не желаю проходить все эти пять стадий, с этого момента я хочу оказаться прямо на последней ступени».

Джайнский монах был несказанно счастлив. Это был обнаженный джайнский монах. Он был так счастлив, потому что в наши дни становится все труднее находить желающих быть посвященными в монахи - их осталось всего двадцать два. Во времена Махавиры их были тысячи. Одного Махавиру обычно сопровождали десять тысяч обнаженных монахов. Он сам был не против подобной компании.

Сейчас их осталось двадцать два, и когда один из них умирает, ему нет замены, потому что найти замену очень трудно. Сначала нужно пройти пять стадий, что занимает почти всю жизнь. Надо все отвергать, это предельное отречение: вы отрекаетесь от всего, даже от одежды. После уже нельзя ни до чего дотрагиваться.

«Этот человек очень редкий», - подумал монах. Он сказал: «Ты уникальный человек. Ты хочешь быть посвящен в монахи прямо сейчас и сразу на пятую ступень?»

Он ответил: «Прямо сейчас», - и он сбросил одежду точно так же, как бросил в колодец свою жену; не было никакой разницы. Но джайнский монах не понял смысла. А ведь это было так просто. Если бы я был там, я бы сказал, что все, что он делал, он делал одинаково, не было никакой разницы. Джайнский монах был, однако, очень счастлив. Он посвятил этого человека в монахи и дал ему имя Шантинат - Шантинат означает «владыка покоя и мира», - чтобы напомнить ему, что его гнев отброшен, жестокость отброшена и что с этого дня его жизнью будут править мир и покой.

Через двадцать лет он стал известен по всей стране. Один приятель из его деревни приехал повидать его. Это было в Нью-Дели; Шантинат остановился в Нью-Дели, потому что там охотно принимают великих лидеров, великих ученых, великих людей со всего мира, поэтому и он остался здесь.

Опять то же самое... Дели раскинулся на большей площади, чем даже Бомбей. Здесь нет небоскребов, поэтому он не растет ввысь, а растекается горизонтально - потребуется пять, шесть часов, чтобы пересечь его из одного конца в другой.

В Дели самое беспорядочное движение в мире с полным набором разных транспортных средств: повозки, запряженные буйволами, повозки, запряженные верблюдами, слоны, лошади и экипажи, велосипедные рикши, авторикши, автомобили и автобусы. Все века смешались на этих маленьких площадях старого Дели, которые не были созданы для автобусов и машин. Потребуется час, чтобы пересечь город, - можно застрять где угодно.

Дели очень легко можно разделить на множество деревень, поэтому Шантинат, джайнский монах, передвигаясь по ним, мог оставаться в Дели. Сюда стекались посланцы и смотрели на него с чувством удовлетворения, потому что джайнский монах действительно является предметом, достойным созерцания. Да, я сказал предметом, достойным созерцания: он - экспонат. На языке психологии он эксгибиционист.

Находятся некоторые люди, которых время от времени ловит полиция за появление обнаженными на улице, - эти джайнские монахи демонстрируют себя толпам людей. Их нужно содержать под надежным запором или в учреждениях для душевнобольных. Они истинные эксгибиционисты, а Дели для этого наилучшее место.

Земляк Шантината, слыша, что его имя стало известным, и видя его фотографии в газетах, очень им заинтересовался. Он отправился в Дели встретиться с ним. Он был беден; и ему было очень трудно совершить такое путешествие, но он занял денег и сумел-таки попасть туда. Он хотел увидеть друга, который стал такой великой, известной во всем мире фигурой.

Как только этот человек вошел в собор, Шантинат увидел его и тотчас узнал, но это было ниже его достоинства - узнать простого человека, поэтому он притворился, что не узнал его. Человек подошел ближе и спросил Шантината: «Сэр, могу я узнать ваше имя?»

Шантинат сказал: «Ты что, не читаешь газет? Я никогда еще не видел подобного глупца; мое имя знают все».

Он сказал: «Я невежественный человек из далекой деревни», - и он сказал название деревни. «Я - деревенщина, прости меня, но, пожалуйста, скажите мне свое имя».

Он сказал: «Меня зовут Муни Шантинат Дэва». Муни - так джайны называют монахов.

Человек сказал: «Шантинат?»

Он ответил: «Да! А что, у тебя есть сомнения на этот счет?»

И человек сказал: «Нет, у меня нет никаких сомнений, я просто думаю...» Он сказал: «Повторите еще раз, я забыл: как, вы сказали, вас зовут?»

Теперь Шантинат был в ярости. Он сказал: «Ты не слышал меня? Ты действительно идиот. Мое имя Шантинат Дэва!»

Человек сказал: «Я постараюсь запомнить. Но ваше имя такое длинное, а я так глуп». Он отошел на несколько футов, затем вернулся и сказал: «Повторите еще раз».

Шантинат Дэва схватил свой посох и сказал: «Ты так просто не поймешь. Я поговорю с тобой на другом языке, который ты поймешь наверняка. Подойди ближе, и я скажу тебе, кто я такой».

Человек сказал: «Я уже все понял - в этом нет необходимости. Я понял с самого начала, так же, как и ты. Ты притворялся, я тоже притворялся. Но, Шантинат Дэва, ничего не изменилось; только имя новое, а ты сам остался прежним. Я просто спрашивал твое имя, а ты схватился за свой посох. Если бы рядом был колодец, ты бросил бы в него меня вместо своей жены».

Ничто не изменится, если отойти от жизни.

Ничто не сможет измениться.

Жизнь должна быть прожита, должна быть познана.

И если жить без какого-либо подавления, без страха...

Здесь нечего бояться — это ваша жизнь.

Жизнь дана, чтобы жить.

Это подарок природы. Это не наказание; это просто подарок от существования.

Наслаждайтесь жизнью и зажигайте свечу своей жизни с обоих концов.

Живите так динамично, как только можете, и сам вкус жизни даст вам ключ к пониманию того, почему не надо бояться смерти. Узнав однажды жизнь, ее огонь, вы узнаете, что смерти нет.

Та жизнь, к пониманию которой приходят, живя очень интенсивно и динамично, и есть вечная жизнь.

Чувство вечности жизни приходит одновременно с процессом бытия. Чем глубже, насыщеннее ваша жизнь, тем быстрее вы придете к пониманию, что смерти нет.

Это только вступление в другую жизнь.

Мы празднуем рождение - люди думают, мы отмечаем смерть, - потому что смерти, как таковой нет, потому что ничто не умирает, только меняются формы. Жизнь переходит из одной формы в другую; и момент смерти человека должен быть для людей радостью, потому что он умирает только внешне. Это с нашей стороны кажется, что он умирает; с другой стороны - он рождается заново.

Да, он выходит из одного дома, - а мы живем в этом доме, поэтому нам кажется, что он умер, — и тут же входит в другой дом. Либо он может оставаться на какое-то время без дома, но это не смерть.

Девяносто девять процентов людей тут же снова рождаются в какой-либо другой форме жизни. Чем выше их сознание, тем выше будет эта форма. Это зависит от вас, насколько вы проявили свои способности, познавая жизнь и принимая на себя ответственность. Что в жизни вам будет большее разрешено - вы заслужили это. Вы доказали, что достойны лучшего подарка. Вы настолько хорошо распорядились последним подарком, что заслуживаете награды.

Все происходит автоматически. «Там» никто не решает; в противном случае Бога можно было бы подкупить, его можно было бы уговорить. Можно было бы пасть к его ногам и сказать: «Господи, прости меня. Ты так великодушен, а я просто грешник, прости меня».

Омар Хайям - он суфийский мистик - говорит: «Не мешайте мне грешить. Не мешайте мне пить. Не мешайте мне ходить к женщинам, потому что то, что вы пытаетесь удержать меня от всего этого, говорит о том, что вы сомневаетесь в сочувствии Бога. А я верю в его всепрощение». Он говорит, что не стоит тревожиться: когда вы предстанете перед Богом, обхватите его ноги; не отпускайте его, пока он не простит вас. И это монополия единственно человека. Над Богом нет никого, никто не собирается задавать ему вопросы; он ни перед кем не отчитывается. Он простит вас.

Нет. Жизнь - это не диктатура какого-то одного человека: существование само управляет собой.

Когда вы кладете руку в огонь и она обжигается, это не значит, что какой-то бог решил, что где-то там, в жизни, вы кладете руку в огонь и должны пострадать; или если он видит, что вы святой, то вы должны быть спасены от этого, вы не должны обжечься... Тысячелетия человек верил в то, что если говорить правду, то огонь не причинит вреда. Во многих странах была распространена проверка огнем - узнать, говорит человек правду или нет.

Но это же так просто. Я могу спросить вас: «Сколько времени на ваших часах?» Вы ответите: «Девять часов пять минут». А потом я скажу: «Положите руку на пламя свечи, и мы посмотрим, правду вы говорите или нет». Вы думаете, вы не обожжетесь, потому что сейчас именно девять часов пять минут? И если вы обожжетесь, то как насчет других проблем, где правду нельзя так просто доказать? В которых правда может быть под вопросом?

Здесь нет видимых проблем, но могут быть проблемы скрытые; возможно, ваши часы отстают или спешат - и нет девяти часов пяти минут, а только девять — и вы можете обжечься. Тогда я могу спросить что-нибудь еще: кто сидит рядом с вами или сколько у вас рук? Проще не бывает, не должно быть никаких проблем. Или просто, сколько будет два плюс два? И положите руку в огонь...

Все эти люди были настолько против жизни, что они навязали вам отталкивающие, негуманные, ненаучные понятия от имени Бога, говоря, что если вы будете правдивы, то Бог спасет вас. Но это можно проверить: Бога нет и нет никого, кто собирался бы спасти вас; и если вы положите руку в огонь, вы обожжетесь. Вы можете говорить правду, вы можете лгать; все это ничего не значит.

Если вы начали познавать жизнь, ваша осознанность постепенно растет.

И с ростом осознанности вы начинаете чувствовать, что вы не тело. Вы в теле, но вы не тело.

Ваша осознанность растет еще больше, и вы уже начинаете чувствовать, что вы не ум; вы в уме, но не сам ум.

Постепенно вы подходите к самому вашему центру. А ваш центр - это просто осознанность, с высоты которой вы можете созерцать свой ум, свои чувства, мысли, тело, боль, удовольствие, - все.

Вы же - просто созерцатель, не отождествляемый с тем, что вы созерцаете.

Теперь этот созерцатель продолжает наблюдать даже тогда, когда вы спите. В тот день, когда вы почувствуете созерцателя в вашем сне, в тот день вы узнаете: теперь смерть не что иное, как долгий сон. Для тела - это вечный сон, но созерцатель просто движется вперед, в другое лоно, в другое тело. И это движение продолжается, это переселение души будет продолжаться до тех пор, пока ваше созерцание не станет абсолютно чистым.

Когда ваше пламя будет лишено всякого дыма, тогда вы исчезаете во вселенной, в существовании.

Тогда вы не войдете в другой дом; вам больше не нужен никакой дом, вы уже выучили урок. То была школа: движение от одного дома к другому было движением из одного класса в другой. Но однажды вы оканчиваете школу - становитесь частью существования.

Вот почему мы празднуем, ведь нет смерти. Или человек въезжает в новый дом, - хорошее время, чтобы праздновать, -или человек входит в вечное существование. Это самое лучшее время, чтобы праздновать, и самый последний раз, чтобы праздновать.

Празднование смерти поможет вам понять, что в жизни нет ничего, чего следует бояться.

Если смерть - это празднование, то какие еще могут быть основания для страха?

И если вы можете праздновать смерть, то вы достигли зрелости.

Это доступно только тем, кто живет жизнью радости, постоянного празднования. Тогда смерть - это не окончание, но лишь небольшое происшествие, связанное со сменой вашей одежды, вашего дома, вашего тела. Но вы сами остаетесь все теми же навсегда - ничто не меняется в присутствии вам бытия.

От вечности к вечности вы остаетесь в точности теми же.

Беседа 13

НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК: ИНТЕЛЛЕКТ В ГАРМОНИИ С СЕРДЦЕМ

11 января 1985 года

Бхагаван,

Как мы можем верить в то, что душа продолжает существовать после смерти и переселяется в другие формы жизни или растворяется во вселенной?

Я никогда не просил вас верить во что-либо.

Это мое переживание, что душа существует после смерти, что она переселяется в другие формы жизни, и наконец, когда больше нечего изучать, не осталось никаких вопросов, никакого поиска, никакого желания, - когда достигается эта предельная точка абсолютного удовлетворения, исполнения, просветления, - тогда душа просто растворяется в существовании.

Чтобы переселяться, вам нужно иметь желание жить, желание быть исполненным; это основная необходимость.

Не вы будете рождаться вновь и вновь; ваше желание будет продолжаться и продолжаться и никогда не исполнится. Вы просто следуете за своим желанием как тень.

Я не говорил, что вы должны верить в это. Я скорее хотел бы, чтобы вы относились к этому скептически, сомневались бы и спрашивали бы. Я провоцирую вас спрашивать, а не верить.

Моя религия - это не вера.

Это поиск предельной истины.

Поэтому, что бы я ни говорил вам, основная причина, стоящая за этим, - это инспирировать вас не верить в догмы, но продолжать поиск.

Если я говорю, что душа существует после смерти, то для вас это всего лишь гипотеза.

Для меня это переживание.

Я не верю в это: я знаю, и я расскажу вам, как я знаю это.

Когда я говорю, что душа, в конце концов, растворяется во вселенной, то для меня это не надежда. Я знаю; это случается.

Я больше не отделен от существования.

В том, что касается меня, я больше не существую как индивидуальная единица. Я не был в этом состоянии уже много лет. Но я не говорю вам, чтобы вы верили в это.

Я просто провоцирую вас, призываю вас спрашивать.

Может быть, я не прав, - я ведь не непогрешимый папа, я не обладаю никакой божественной властью навязывать вам какую-то веру; у меня нет никакой власти, и я никаким образом не программирую вас. Я просто пытаюсь создать в вас стремление. Все в вас сновидение, дрема. Я пытаюсь пробудить вас, чтобы вы начали спрашивать.

Люди, которые говорят вам верить, - это люди, которые сами не верят. Я ведь знаю: то, что я говорю вам, - это мое переживание, я могу призвать вас к сомнению, к тому, чтобы вы были скептиками, пытались всеми возможными способами доказать, что это неправильно, - но я-то ведь знаю, что вам не удастся доказать, что это неправильно. Чем больше вы пытаетесь спрашивать, тем больше вы становитесь убежденными в самом факте.

Я не говорю, что вы должны убедиться, я говорю, что вы убедитесь. Даже наперекор своему собственному уму, вопреки всем вашим сомнениям, скептицизму, когда истина приходит как революция, все неверие, все сомнения просто исчезают, подобно теням. Вы внесли свет, тени начинают исчезать; они никогда и не существовали.

Поэтому только у человека, который знает, может хватить решимости сказать вам: «Сомневайтесь во мне, спрашивайте меня».

Есть вопрос, который задал мне один санньясин: «Бхагаван, раньше вы говорили о красивом пути истины, любви, о пути сердца. Теперь вы больше останавливаетесь на причинах, скептицизме, разумности. Изменилась ли ваша работа или это новая фаза вашей работы?»

Нет, это не новая фаза, это всего лишь другая сторона первой. Я учил вас доверию, потому что вы пришли из мира, который ничего не знает о доверии. Вы пришли из мира, который обучал вас интеллектуально, пытался отрицать существование вашего собственного сердца, отрицать, что чувствование — это тоже способ познания.

Я говорил о доверии, которое помогает мне открывать новую дверь в сердце. Не открыв этой двери, я не могу сказать вам: «Сомневайтесь, будьте скептиками», - ведь тогда я отправляю вас на опасный путь, не ведущий никуда. Это немного сложно, но постарайтесь понять.

Человек, который не знает ничего о чувствовании, о доверии, который никогда не переживал ничего, подобного любви, - его сердце никогда не подпрыгивало от радости, не танцевало от радости присутствия кого-то, — этот человек может сомневаться, но он не найдет ответа, потому что сомнение его будет совершенно пустым. Он не будет доверять своему собственному сомнению. Его поиск не будет иметь смысла. Он не будет доверять своему собственному поиску - он ничего не знает о доверии.

Поиску будет нужно доверие, потому что вы отправляетесь в неизведанное. Потребуется потрясающее доверие, ведь вы будете двигаться прочь от привычного и традиционного; вы будете двигаться прочь от толпы. Вы отправляетесь в открытое море, и вы не знаете, существует ли вообще тот другой, далекий берег.

Я не могу отправить вас в такой поиск, не подготовив вас к доверию. Это выглядит противоречивым, но что я могу поделать? Такова жизнь.

Лишь человек великого доверия способен на великое сомнение.

Человек малого доверия и сомневаться может немного.

Человек, вообще лишенный доверия, может лишь притворяться сомневающимся.

Он не может сомневаться.

Глубина приходит через доверие - и это риск.

Перед тем, как послать вас в неизведанные моря, я должен подготовить вас к этому великому путешествию, в которое вам придется отправиться одним, - но проводить вас до лодки я могу. Этому я и пытался учить вас, - красоте доверия, восторгу сердечного пути, - чтобы вы были достаточно смелыми и могли отправиться в открытый океан реальности. Что бы ни случилось, вы будете верить в себя.

Вот только посмотрите: вы доверяете мне, - но как вы можете доверять мне, если не доверяете себе? Это невозможно. Если вы сомневаетесь в себе, то как вы можете доверять мне? Вы намереваетесь доверять мне, а не доверяете и себе, - как вы можете доверять своему доверию?

Чтобы интеллект преобразовать в разум, абсолютно необходимо открыть сначала свое сердце. В этом различие между интеллектом и разумом.

Разум - это интеллект, настроенный в лад с вашим сердцем.

Сердце знает, как доверять.

Интеллект знает, как искать и находить.

Есть одна старая восточная история. Два нищих жили рядом с деревней. Один из них был

слепым, у другого не было ног. Однажды лес рядом с деревней, в котором жили эти нищие, загорелся. Они, конечно же, были между собой конкурентами, - одна и та же профессия, сбор подаваний с одних и тех же людей, - они постоянно злились друг на друга. Они были друг другу врагами, не друзьями.

Люди одной и той же профессии не могут быть друзьями. Это очень трудно, потому что встает вопрос конкуренции, клиентуры, - вы отнимаете чьих-то клиентов. Нищие помечают своих клиентов: «Запомните, это мой человек; не подходите к нему». Вы не знаете, какому нищему вы принадлежите, какой из нищих принял вас в свое владение, но какой-то из нищих на улице точно владеет вами. Он, наверное, сражался и победил, и вот теперь вы в его владении.

Я часто видел одного нищего возле университета; однажды я нашел его на рынке. Он постоянно был там, возле университета, ведь молодые люди более щедры, великодушны; с возрастом люди становятся более скупыми, более испуганными. Смерть приближается; теперь начинает казаться, что деньги - вот единственное, что может помочь. И если есть деньги, то тогда и другие будут помогать; если же денег нет, то даже собственные сыновья, собственные дочери не станут и беспокоиться о них. Молодые люди могут быть мотами. Они молоды, они еще заработают; вот она жизнь есть сейчас, и еще долгая жизнь впереди.

Он был богатым нищим, потому что университетские студенты... В Индии студент добирается до университета только в том случае, когда он происходит из богатой семьи. Иначе ему предстоит упорная борьба. Немногие бедные люди тоже попадают в университет, но это очень болезненно, тяжело для них. Я тоже был из бедной семьи. Ночами я работал редактором газеты, а днем ходил в университет. Годами я не спал более трех или четырех часов в сутки, - днем или ночью, когда удавалось выкроить время.

И этот нищий был очень силен. Никакой другой нищий не мог появиться на университетской улице; даже войти в нее было запрещено. Все знали, кому принадлежит университет, - вот этому нищему! Однажды я внезапно увидел молодого человека; старика не было. Я спросил его: «Что случилось? Где же старик? »

Он сказал: «Он мой тесть. Он отдал мне университет в подарок». А университет и не знал, что сменился его «владелец», что теперь владельцем стал кто-то другой. Молодой человек сказал: «Я женился на его дочери».

В Индии, когда вы женитесь на чьей-то дочери, вам дают приданое. Вы не просто женитесь на дочери: тесть обязан дать вам, если он достаточно богат, автомобиль, дом; если он недостаточно богат, сгодится и скутер; если нет и этого, подойдет, по крайней мере, велосипед. Но он что-то должен дать, - радио, транзисторный приемник, телевизор, - и что-то наличными. Если он по-настоящему богат, он предоставит вам возможность поехать за границу учиться, стать более образованным человеком, доктором, инженером, - и он будет за это платить.

Дочь этого нищего вышла замуж, и в качестве ее приданого этот молодой человек получил целый университет. Он сказал: «С этого дня эта улица и университет принадлежат мне. И мой тесть показал мне моих клиентов».

Я увидел старика на рынке и сказал ему: «Великолепно! Вы поступили хорошо, дав приданое».

«Да, - сказал он, - у меня единственная дочь, и я хотел что-нибудь сделать для моего зятя, Я отдал ему лучшее место для сбора подаяний. Теперь я здесь, снова пытаюсь организовать себе монополию на рынке. Работа здесь очень крутая, потому что нищих тут много, много главных, уже завладевших клиентурой. Но не стоит беспокоиться. Я управлюсь с ними; выброшу отсюда нескольких», — и точно, он так и сделал.

Итак, когда лес занялся огнем, те двое нищих задумались на мгновение. Они были врагами, даже не разговаривали друг с другом, но наступила минута опасности. Слепой сказал тому, у которого не было ног: «Теперь спастись можно только одним способом - садись мне на плечи; пользуйся моими ногами, а я буду пользоваться твоими глазами. Только так мы можем спастись».

Это было немедленно понято. Не было проблем. Человек без ног не мог убежать; он не мог пробраться сквозь лес - тот был весь в огне. Немного он мог двигаться, но это не помогло бы: нужен был выход, очень быстрый выход. Слепой тоже ясно понимал, что один он не сможет выбраться. Он не знал, где огонь, где дорога, где деревья горели, а где нет: слепой человек, он заблудился бы. Но оба они были разумными людьми; они отбросили свою вражду, стали друзьями и спасли свои жизни. Это восточная притча. Она о вашем интеллекте и о вашем сердце. Она не имеет никакого отношения к нищим, она имеет отношение к вам. Она не имеет никакого отношения к пожару в лесу, она имеет отношение к вам - ведь это вы в огне. Каждое мгновение вы сгораете, страдаете, вы в горе, в муке. В одиночку ваш интеллект слеп. У него есть ноги, он может быстро бегать, он может быстро двигаться, но поскольку он слеп, он не может выбрать правильного направления, в котором следует идти. Он обязательно будет постоянно запинаться, падать, ранить себя и чувствовать бессмысленность жизни. Именно об этом и говорят интеллектуалы со всего мира: «Жизнь бессмысленна».

Причина того, что жизнь кажется бессмысленной, лежит в том, что слепой интеллект пытается увидеть свет. Это невозможно.

Внутри вас есть сердце, и оно видит, оно чувствует, но у него нет ног; оно не умеет бегать.

Оно остается там, где оно есть, бьется, ждет: когда-нибудь интеллект поймет и сможет воспользоваться глазами сердца.

Когда я произношу слово «доверие», я имею в виду глаза сердца.

А когда я произношу слово «сомнение», я имею в виду ноги вашего интеллекта.

Они вместе могут вывести вас из огня; нет никаких проблем. Но запомните, интеллект должен принять сердце на свои плечи. Он должен это сделать. У сердца нет ног, только глаза, и интеллект должен слушаться сердца и следовать его указаниям.

В руках сердца интеллект становится разумом. Это преобразование, полное преобразование энергии. Тогда человек не становится интеллектуальным, он становится просто мудрым.

Мудрость возникает от встречи сердца с интеллектом.

И когда вы научитесь искусству, как синхронизировать биения вашего сердца с работой вашего интеллекта, тогда весь секрет будет в ваших руках, главный ключ к открытию всех тайн.

Я мог бы научить вас сомнению, но это сделало бы вас интеллектуалами. Так я искажил бы свои намерения, так я бы разрушил ваши жизни. И в том, что я делаю, нет противоречия. Прежде всего, я должен учить вас сердечному пути, потому что я хочу, чтобы вы поняли: сердце выше интеллекта. Я вынужден полностью отвергать интеллект, чтобы вы забыли ваши сомнения и скептицизм, накопленный вами со школ, колледжей, университетов, - которые ничего не знают о сердце, которые полагаются только на интеллект. Они создают интеллигенцию.

Даже их величайшие интеллектуалы, подобные Берtrandу

Расселу, Жану Полю Сартру, Мартину Хайдеггеру, - все они великие интеллектуалы... но бедные, слепые; они ничего не знают. Они обладают потрясающей способностью к приобретению знаний, но они ничего не знают. Они совершенно ничего не пережили, потому что переживание - это нечто, что случается через сердце.

Интеллект может привести сердце в то пространство, где случается переживание.

Сам же интеллект не может ощутить переживания.

Сердце будет тем, кто ощутит переживание.

Интеллект же может быть хорошим средством передвижения.

Если узды правления в руках сердца, то лошадь интеллекта потрясающе красива. И это и есть гармония, которая создает настоящего, подлинного искателя.

То было для меня проблемой: с чего начать? Я должен был начать с чего-то; или я должен был начать с сомнения, или я должен был начать с доверия. И то и другое я сравнивал, взвешивал годами. Невозможно учить и тому и другому; так можно только запутать людей. Самое лучшее, сначала учить одному, потом другому. Но и тогда возникают трудности. Вопрос вот в чем: эти два подхода представляются противоречащими друг другу. Но на самом деле это не так.

Разве дружба слепого нищего и нищего, лишенного ног, противоречива? Что еще может быть более гармоничным? Два человека действуют как один - что может быть еще более гармоничным? Кому-то принадлежат глаза, кому-то другому принадлежат ноги; но эти глаза и ноги, принадлежащие разным людям, функционируют так, как если бы они принадлежали одному человеку.

Я предпочел бы начинать с сомнения, потому что это проще; вы уже подготовлены к такому подходу. Именно этим всю свою жизнь занимался Дж.Кришнамурти, и он потерпел абсолютную неудачу. А теперь ему уже совершенно невозможно изменить свой стиль работы. Девяносто лет он непрерывно учил сомнению, скепсису, интеллекту, разуму... Он упорно работал; можно посочувствовать ему, но все, что он мог создать, - это Фомы неверующие по всему миру.

Эти Фомы неверующие слепы, может быть, и сам Дж.Кришнамурти не способен видеть ясно. Он не слеп, но его сердце не находится поверх его интеллекта; его интеллект сидит верхом на его сердце. Он никуда не сдвинулся: то, что он говорил в 1925 году, то же самое он говорит и в 1985, - то же самое.

Совсем недавно Шила говорила мне, что одна из моих санньясинов, Дикша, отправилась повидаться с Кришнамурти в Англию. Прежде всего, он не захотел повидаться с нею, но Дикша не такой человек, чтобы оставить кого-нибудь так просто. Она докучала ему, она не оставляла его в покое; в конце концов, бедный Кришнамурти вынужден был встретиться с Дикшей.

Но первое, что она сделала, ей не следовало делать. Она захотела завладеть кухонным хозяйством Кришнамурти, - то была хорошая идея, она прекрасная повариха, - но что она сделала неправильно: она упомянула, что была со мною. Это не очень подходящая рекомендация. Это не очень подходящая квалификация; это была абсолютно неправильная квалификация, неправильная рекомендация.

Если бы она спросила меня, я сказал бы ей, как подойти к Кришнамурти: как минимум, не упоминать моего имени, никогда, потому что моя работа прямо противоположна его работе. И он немедленно вошел в ярость... В то самое мгновение, когда она упомянула мое имя, вы не поверите, что такой человек, как Кришнамурти, мог говорить такое, - он сказал: «Да, Бхагаван был просветленным, но теперь он больше не является им».

Это что-то великолепное! Никто никогда не слышал, чтобы кто-то, ставший просветленным, перестал быть просветленным. Никто не может упасть оттуда, потому что некуда падать, нечему падать, некому падать; нет ни одного ингредиента. Куда вы будете падать? В вас вся вселенная, и вы во всей вселенной. Куда вам падать? Нет же никакого другого пространства. И кто может пасть? — Ведь тот, кто мог упасть, пал уже давным-давно: его падение и сделало возможным просветление.

Личность существует до просветления, не после него.

После просветления существует просветление.

Нет личности, нет эго, нет «я» - так кто же может упасть?

Это одна из тех вещей в существовании, которая невозможна: выпасть из просветления.

Да, один человек умудрился сделать это, и это был один из моих санньясинов, Гунакар; немцы могут делать и невозможное. Он много раз становился просветленным. Он сам себя объявлял просветленным: он не мог ждать. Он становился просветленным и потом начинал писать, пытаясь показать себя просветленным в письмах, - а все это была ерунда.

Он писал ко всем главам правительств всего мира; он писал письма всем членам ООН, объявляя о своем просветлении. И в тех письмах все было чепуха, но он стремился уведомить всех. Я попросил его прийти ко мне, чтобы я мог сам посмотреть на его просветление. Он пришел, был в очень нервном состоянии, и когда он сел передо мною, я сказал ему: «Ну что, снова стал просветленным!»

Он сказал: «Если вы, Бхагаван, так говорите, то... На самом деле, я так нетерпелив: я хочу стать просветленным».

Я сказал: «Это очень хорошо, что ты хочешь стать просветленным, но не стоит объявлять себя просветленным, если ты еще не стал им. Когда становишься просветленным, тебя распознают. Я

напишу письмо тебе, тебе самому не нужно мне писать, только подожди!»

Так что он говорил: «Хорошо, я не просветленный».

Так случилось три или четыре раза. С тех пор, как я приехал в Америку, он больше не приходил, потому что он не хочет больше снова становиться непросветленным. Но это единственный случай в истории человечества. Гунакар уникален! А вообще, если человек становится просветленным, его больше нет.

Ну вот, Кришнамурти и говорит Дикше: «Бхагаван был просветленным; теперь, с тех пор, как он переехал в Америку, он больше не просветленный». Это тоже странно. Кришнамурти живет в Америке; всю свою жизнь он прожил в Америке или в Англии, но его основной дом в Америке. Я здесь только три года, и за эти три года перестал быть просветленным. Что сказать об этом? Он прожил здесь всю жизнь, почти восемьдесят лет, - по меньшей мере в двадцать два раза дольше. Он должен перестать быть просветленным. И как Америка может сделать человека непросветленным? Да, возможно, что если вы родились орегон-цем, то вы так и не станете просветленным; такое возможно, здесь я не питаю особых надежд. Но даже Орегон не способен на такое чудо: сделать просветленного человека непросветленным. Кришнамурти же по-настоящему сердит на меня. Я просто смеюсь над бедным стариком. Он хорош, но почему он так сердится на меня? И только на меня? По всему миру так много гуру, и он не сердится ни на кого из них, а только на меня?

Причина совершенно ясна, но, может быть, не так ясна ему. Причина ясна: то, что он пытался сделать и в чем каждый раз терпел неудачу, я сделал за очень короткий период. Это профессионализм... Та же профессия - или нищего, или Учителя, разницы нет. У него нет клиентов, а у меня клиентов так много, что я все время рублю и бросаю, как-то отсортировываю неудачных.

Он искал людей, подобных вам, но не смог найти их из-за своей собственной стратегии. Он для первого шага выбрал сомнение - вот где он промахнулся. Он промахнулся на первом же шаге.

Я в качестве первого шага выбрал доверие.

И раз вы почувствовали вкус доверия, сомнение бессильно.

Сомнение может разрушить ваше доверие.

Сомнение разрушит ваши верования: их и нужно разрушить.

Сомнение разрушит все то, что не является подлинным: это и должно быть разрушено.

Что сомнение не может разрушить, так это доверие.

Когда сомнение сталкивается лицом к лицу с подлинным доверием, тогда сомнение принимает веру, - ее глаза, ее способ чувствовать, — как нечто выше себя. Это так ясно, нет другой возможности.

Ваше сомнение отдает поклон вашему доверию, и внутри вас случается их дружба. Ваше сердце - хозяин, ваш интеллект - слуга.

Вот что я имею в виду под разумностью. Именно разумность в пределе становится просветлением.

Так что я начал с доверия, потому что хотел людей, которые могут рискнуть довериться, которые достаточно уверены, чтобы рискнуть.

Доверие рискованно, сомнение не рискованно. Сомнение, на самом деле, пытается защитить вас; это оборонная мера, направленная на то, чтобы вас не обманули, чтобы вас не эксплуатировали, чтобы кто-нибудь не одурачил вас, чтобы вы не попали в руки жулика. Сомнение попросту предохраняет вас от того, чтобы вас обманули. Но если вы не имеете ничего, а сомнение продолжает предохранять вас, какой же во всем этом смысл? Это похоже на человека, который охраняет свой сейф и при этом прекрасно знает, что в нем ничего нет. Тогда что же вы охраняете? Спите спокойно, ведь там ничего нет! Что у вас есть такого, что можно эксплуатировать?

Да, человек доверия имеет что-то: он имеет пульсирующее, живое, чувствующее сердце.

Он имеет сокровищницу.

Вот тогда в охрану может быть поставлено сомнение.

Прежде всего я пытался создать в вас сокровище.

И теперь я говорю вам, что вам нужна охрана. У вас есть, что терять, вы должны быть бдительными.

И вовсе нет никакого противоречия. Только интеллектуалам будет казаться, что есть противоречие; для разумных людей будет сразу же ясно, что имеется синхронизм. Я могу казаться сумасшедшим, - но мое сумасшествие имеет в себе методу. Это не просто безумие, это безумие с методой.

Я не говорю вам: «Верьте мне»; я говорю вам: «Примите эту гипотезу», — и ведь я могу сказать вам: «Примите эту гипотезу...» — благодаря тому большому доверию, которое вы питаете ко мне. Я не прошу веры или верований, я просто говорю: «Я знаю кое-что, что не могу передать вам; я знаю кое что, что я даже не могу выразить вам. Но я могу дать вам гипотезу, просто чтобы начать с нее, чтобы вы могли начать спрашивать».

Когда я говорю, что душа переселяется, то для меня это переживание: я помню мои прошлые жизни. Я переселялся; для меня в этом нет сомнения, но я не прошу вас верить. Что я предполагаю, - это вызвать в вас интерес к этому странному поиску прошлых жизней. Если я знаю свои прошлые жизни, -ведь все они впечатаны в подсознании, ничто не потеряно, - то можно спуститься вниз по лестнице и пройти в свое подсознание, и вот тогда вы начнете познавать ваши прошлые жизни. Когда вы знаете, нет больше необходимости верить - ведь вы же знаете. Когда вы не знаете, никогда не верьте, ведь если вы верите, то вы никогда и не узнаете.

Так что верования не нужны ни на каком этапе жизни.

Когда вы невежественны, верование не нужно; оно очень опасно, потому что если вы начнете

верить, то кто же тогда отправится в поиск?

Верование останавливает поиск, убивает поиск.

А когда вы что-то знаете, то будет просто глупо верить в это. Какой смысл верить? Вы же знаете. Вы ведь не верите в солнце, вы не верите в розы, - вы знаете их. Вы верите в Бога, потому что вы не знаете его. Вы верите в душу, потому что не знаете ее.

Я пытаюсь уничтожить все ненужные гипотезы, чтобы не отвлекалось ваше внимание; тогда вы можете отправиться на поиски Бога. Одно верно: если Бог хочет встречи с вами, он будет искать вас. Не стоит быть настолько душевно нездоровым, чтобы в этой огромной вселенной пытаться найти Бога.

Человек добрался лишь до Луны. И это не так далеко; это ближайшая планета. Ближайшая звезда находится на расстоянии четырех световых лет. Если однажды мы изобретем - это невозможно, но предположим на мгновение - если однажды мы изобретем транспортное средство, ракету, которая будет двигаться со скоростью света, то тогда до ближайшей звезды можно будет добраться за четыре года. Это путешествие в одну сторону; путешествие с возвращением займет восемь лет. Самой главной проблемой является скорость, ведь на скорости света все становится светом. Не имеет значения, из какого металла сделана ракета, на такой скорости все превращается в свет, - совсем как при определенной скорости в воздухе возникает огонь.

В старые времена в Индии, и даже сейчас, - в своем детстве я видел это в нашей деревне, - курящие люди носили обычно два камня, белые камни, которые лежат на берегах любой из рек. Они клали немного хлопка между этими двумя камнями и терли хлопок между ними; это трение создавало огонь, хлопок загорался. Это была, наверное, самая примитивная зажигалка. Может быть, так и продолжают делать. Я не был в нашей деревне многие годы, - должно быть, они продолжают так делать. Кому будет нужна современная зажигалка? Нужен бензин, нужно и то и другое. Эти же бедные люди могут где угодно подобрать два камня и носить эти камни с собой. Вот самый простой и самый дешевый способ, и они могут в любой момент получить огонь.

Я видел людей, добывающих огонь трением друг о друга бамбуковых палочек. В штате Бихар, где живут аборигены, похоже, используется еще более примитивный метод: огонь добывается трением друг о друга двух кусков дерева. Вот так в лесах возникают пожары, ведь при сильных ветрах деревья трутся друг о друга и их трение вызывает огонь. Как раз на днях я рассказывал вам, что с неба падают и взрываются метеориты. Вы видите падающую звезду: это сгорает камень, потому что скорость вызывает огромное трение о воздух. Трение на такой скорости вызывает огонь.

Свет движется с предельной скоростью. На этой скорости все превращается в свет: само транспортное средство, пассажиры, все. Вам не добраться до ближайших звезд за четыре года. А если же мы движемся на той же скорости, - на той же, на которой двигались к Луне, - то путешествие займет тысячи лет в один конец; в оба конца еще тысячи лет. Людей, которых вы оставили, покидая Землю, вы не найдете, — совершенно никого. За эти годы все эти люди уйдут; пройдут целые поколения... Когда вы вернетесь, вы не узнаете ни одного лица. А опасности такого долгого путешествия...

Даже опасности путешествия на Луну были потрясающими, все что угодно могло пойти не так; а

ведь путешествие было таким коротким. Всегда что-то идет не так: машины, в конце концов, всего лишь машины. И там у вас нет склада и механиков, инженеров и ученых. Они все здесь, на Земле, с дистанционными органами управления, а эти дистанционные органы управления иногда тоже не работают. Полагаться целиком на машины на протяжении всех этих лет невозможно.

И еще одно: на той звезде Бога нет, потому что это ближайшая звезда. Если он хочет избежать человека, он может воспользоваться таким большим количеством звезд, - звезд, для которых Земля никогда и не существовала. Расстояние до них таково, что если в тот день, когда возникла Земля, их свет начал свое путешествие к ней, то к тому времени, когда этот свет доберется до Земли, она перестанет существовать. Расстояние таково, что ваших миллионов лет на Земле недостаточно для того, чтобы свет от них добрался сюда. А ведь есть звезды, расположенные еще дальше.

Если Бог захочет встретиться с вами, то единственный способ для этого заключается в том, чтобы он поискал вас; а он совсем не беспокоится об этом. Это человек беспокоится о Боге, глядя в небеса. Во времена Иисуса хорошо было смотреть в небеса, потому что считалось, что звезды располагаются очень близко, совсем как лампы, которые Бог создал, чтобы у нас ночью было хотя бы немного света. Мир был очень маленьким, звезды были очень близкими. Теперь-то мы знаем, что они вовсе не лампы, созданные, чтобы дать нам немного света, что есть миллионы звезд, непрерывно разбегающихся с той же скоростью, что и свет. Наша вселенная - это расширяющаяся вселенная.

Если Бог захочет встретиться с вами, то все дело за ним, -но я не думаю, что он заинтересован в этом.

Вы зря включились в поиск Бога. Все, чем вы закончите, будет лишь вашей собственной галлюцинацией, вашим собственным воображением.

Вот почему я хочу отбросить все ненужные гипотезы, чтобы вы могли сфокусировать себя на самой необходимой гипотезе, -и это ваше существо, ваша душа.

Пожалуйста, сначала найдите себя, потом пытайтесь искать Бога; иначе вы даже не сможете представить себя: кто вы? Если случайно вы где-то и встретитесь с ним и он спросит: «Кто вы?» - вы не сможете ответить ему; вы ведь не знаете. Ваше имя работать не будет, ваша религия работать не будет, ваши степени работать не будут; ведь вы - это не ваше имя, вы - это не ваши степени, вы - это не ваша профессия. Он не спросит: «Вы доктор, инженер или водопроводчик?» Он спросит: «Кто вы? Ваше образование может быть инженерным - забудьте об этом! Просто расскажите мне, кто вы». А вы не знаете. Вот он основной вопрос.

Я говорю вам, что вы есть, но вы не верьте мне, просто примите это все как гипотезу.

Вот почему я нуждаюсь прежде всего в вашем доверии, небольшом доверии: в доверии к тому, что этот человек не собирается подсунуть вам неверную гипотезу. Это уже большое доверие - я не прошу большего.

Иисус и Кришна просили полной самоотдачи. Я же прошу лишь об одной простой вещи, вещи, о которой попросит у вас любой ученый: «Это гипотеза - работайте над ней». Невозможно

сомневаться в гипотезе, запомните это, ведь гипотеза - это не вера, так что не возникает и вопроса о сомнении.

Гипотеза означает, что временно делается некоторое предположение, которое помогает вашему поиску. А когда вы найдете, вы сможете понять, верна гипотеза или нет. Вы сможете противопоставить гипотезе ваше переживание и вынести свое суждение. И если именно гипотеза дала вам переживание, то гипотеза была правильной. Если же гипотеза просто уводит вас в пустыню и в ней не появляется ни одного оазиса, тогда отбросьте эту гипотезу, - и чем скорее, тем лучше. Найдите что-нибудь получше. Но я говорю вам, что сам-то я нашел.

От вас требуется только гипотетическое доверие к Учителю, а не полная самоотдача. Как можете вы отдать себя полностью?

Я иногда чувствую себя просто удивленным тому, что Кришна говорит Арджуне: «Полностью отдайся мне». Если Арджуна задает тысячу и один вопрос обо всем, то может ли он полностью отдать себя? А для Кришны просить Арджуну, который непрерывно сомневается во всем, что говорит Кришна, и поднимает вопрос за вопросом, - для Кришны говорить Арджуне: «Просто полностью отдай себя мне»... Вы полагаете, что это детская игра? Как может этот человек отдать себя? И ведь Арджуна был великим интеллектуалом: все вопросы, которые он поставил перед Кришной, были по существу. А все ответы, которые Кришна дал ему, - это не ответы, а всего лишь объяснения в обход вопросов. Невозможно ответить, он просто пытается объяснить. Но Арджуна настаивает: Кришна пытается уклониться от одного вопроса, Арджуна ставит другой. Так продолжается и продолжается, как вдруг посреди всего этого разговора Кришна неожиданно спрашивает: «Просто отдай себя мне, оставь все на меня».

Я удивляюсь этому требованию Кришны, а также такому интеллектуалу, как Арджуна. Разве он не понимает, что этот человек не принадлежит к доверчивым людям? Но даже если найти доверчивого человека - человека, который не может жить полно, не может что-нибудь делать полно, то можно ли ожидать, что он отдаст себя полно? Более того, может ли самоотдача быть актом со стороны ученика?

Ко мне, бывало, ходил один молодой человек; он был очень легковверным, доверчивым, преданным. Ситуация между мною и им была прямо противоположна той, которая была между Кришной и Арджуной. Он просто так и сидел бы на полу и держал мои ноги; он говорил: «Примите меня. Я хочу полностью отдать себя вам».

Как-то раз я сказал ему: «Вы хотите полностью отдать себя мне, но я не хочу вашей самоотдачи! Вы намереваетесь навязать мне свою самоотдачу? Что я буду делать с нею? Она мне не нужна. Она может понадобиться вам еще где-нибудь, не растрачивайте ее целиком. Сохраните ее на всякий пожарный случай. Где-нибудь кто-нибудь может потребовать у вас самоотдачи с пистолетом в руках, что вы тогда будете делать? Вы скажете: «У меня не осталось больше самого себя, я всего себя отдал одному человеку». Вы будете в опасности - так что сохраните себя».

Он сказал: «Вы странный человек. Все учителя говорят: “Отдай себя”. И я пришел к вам; я верю в вас, и я хочу отдать себя вам».

Я сказал: «Послушайте, сегодня вы пришли отдать себя; завтра вы можете прийти и сказать:

“Верните мне меня обратно”. А мне придется без необходимости заботиться о вас, чтобы что-то не потерялось. Я могу положить вашу самоотдачу куда-нибудь, а вы в один прекрасный день появитесь и неожиданно попросите: “Отдайте мою самоотдачу”».

Он сказал: «Вы шутите».

Я сказал: «Я не шучу! Если вы отдаете себя, то вы имеете право забрать себя обратно. Вы хозяин, а не хозяин. Вы отдаетесь мне - кто же хозяин? Это ваше действие. Я же просто в стороне от вашего действия. Я ничего не делаю, вы делаете, - а завтра можете прекратить делать. Вы можете найти учителя получше; вы можете найти во мне какие-то недостатки, и вы можете забрать свою самоотдачу обратно».

Я сказал: «Я ничего не прошу у вас. Мне не нужна ваша самоотдача, все, что мне нужно, - это гипотетическое доверие. Вот что я говорю: это может оказаться верным, может оказаться и не верным. Так что нет необходимости доверять мне, просто делайте это под знаком “может быть”. Я не заинтересован в том, чтобы обманывать вас. Из того, что вы сидите в молчании, медитируя, я не собираюсь ничего выигрывать. Так что пусть вам будет совершенно ясно, что я не собираюсь ничего выигрывать от вашего сидения в молчании, от того, что вы становитесь просветленными: я не собираюсь никак участвовать в этом».

«Так что просто гипотетически... И почему я должен посылать вас в неверном направлении? У меня нет вкладов. Я не священник. Я не живу профессией священника. По какой причине, зачем, в конце концов, мне уводить вас в неверном направлении? Итак, всего лишь гипотетически, и этого достаточно. Больше этого, мне не нужно, потому что больше этого уже опасно. Сегодня вы говорите: “Я отдаю себя полностью”, - а потом вы подумаете, что больше ничего не нужно делать. Что вам еще делать? Вы уже все сделали, вы полностью отдали себя».

Кришна просит Арджуну: «Полностью отдай себя, и я позабочусь о тебе». Это совершенно определенно разрушает независимость, индивидуальность другого человека, его свободу искать; вы духовно совершенно убиваете этого человека. Но таким был путь всех религий. Таким образом, вы видите некоторое противоречие между доверием и сомнением. Нет его.

Я учил вас доверию, я учил вас сердечному пути, чтобы ваше сердце было открыто, доступно; у вас же есть глаза. Теперь я должен тренировать ваш интеллект. Я должен завершить мою работу до того, как я уйду. Я должен тренировать ваш интеллект, заострять его. Я должен учить вас сомнению, потому что сомнение - это не такая простая вещь.

Сомнению нужна большая смелость, потому что вы будете сомневаться во всем, в чем можно. Вас окружают всевозможные сомнения. Все утешающие верования будут отброшены, верования, которые давали вам некоторую уверенность, некоторую стабильность, некоторое ощущение того, что вы принадлежите большой традиции, уважаемой религии священных писаний, мессий, представителей Бога. Все эти вещи окружали вас. Они давали вам уютное ощущение того, что вы не одиноки. Я пытаюсь делать именно это: отсесть все, что дает вам ложное, уютное ощущение и что держит вас в дремоте всю вашу жизнь.

Верование - это опиум, который дают вам все религии в хороших дозах.

Я пытаюсь разрушить вашу привязанность к этому опиуму.

Все мое усилие направлено на то, чтобы оставить вас в уединении.

Да, вы почувствуете страх, вы почувствуете какую-то дрожь, вы почувствуете, что все потеряно; но это только в начале. Немного терпения - это переходная фаза. Вскоре вы ощутите в себе великую поднимающуюся энергию, которая никогда не поднимается в толпе, со всеми ее верованиями, потому что там она не нужна: вас там кормили с ложечки; вам самому не нужно было думать о своей пище.

Я отнимаю у вас все утешения, весь комфорт, - я имею в виду духовный, - чтобы вы были совершенно уединены в своем существе.

И тогда примите гипотезу: медитируйте, будьте тихими, просто наблюдайте себя.

Кто-то спросил: «Как мы можем быть уверены, что этот наблюдатель не является частью вашего ума?» Это существенный вопрос, но всего лишь интеллектуальный. Он не исходит из медитации, потому что в свой вопрос этот человек вносит три вещи, неосознаваемые им: ум, наблюдателя, - и того, третьего, кто думает: наблюдатель и ум - это одна вещь или нет? Есть третья составляющая, которая поднимает данный вопрос.

Я говорю вам: наблюдатель, ваш наблюдатель, - это часть вашего ума. И не только это, второй наблюдатель, стоящий позади первого, - тоже часть вашего ума.

Когда вы осознаете молчаливое наблюдение, вы нигде не увидите никакого ума; все мысли прекращаются. В этом красота и революция наблюдателя: когда вы находитесь в состоянии наблюдателя, оказывается, что нечего наблюдать.

Вот проблема: когда есть что наблюдать, наблюдателя нет; когда входит наблюдатель, наблюдать нечего. Может существовать только одно, оба вместе существовать не могут. Присутствие наблюдателя просто рассеивает ум; он больше не нужен. Он функционировал потому, что отсутствовал наблюдатель.

Гурджиев рассказывал обычно одну историю. Очень богатый человек отправился в паломничество. У него было много слуг и очень большой дворец, где он жил один со всеми этими слугами. Он созвал всех слуг и сказал им: «Один за другим, по очереди, вы должны стоять на страже. Я не знаю, сколько времени мне понадобится, может быть, много лет; путешествие долгое, паломничество опасно. Я могу вернуться, я могу и не вернуться, но дворец, сад, все должно быть сохранено так, как оно есть».

Они сказали: «Конечно. Мы выполним все, что вы скажете».

Этот человек отправился. Прошли месяцы, прошли годы. Мало-помалу слуги начали забывать, что они слуги, ведь хозяин отсутствовал так долго. Человеческая память не такая долгая, и есть вещи, которые человек по-настоящему и не хочет запоминать. Кто-то раб, а кто-то хозяин, - кто же захочет помнить об этом?

Каждый слуга должен был охранять дворец по очереди, и когда каждый из слуг охранял, он делал вид, что он и есть хозяин. Всякий, входящий во дворец или проходящий мимо, спрашивал: «Чей это дворец?» Слуга отвечал: «Это мой дворец, мой сад. Нравится ли он вам?»

Такое случилось со всеми стражниками. Прошли годы; стражники совершенно забыли о хозяине и о том, что он собирался вернуться. Теперь он наверное уже умер, должно быть, что-нибудь случилось с ним. И хорошо, что мы избавились от этого парня - теперь мы хозяева. Они объявили по всему городу: «Мы хозяева», - а город тоже забыл хозяина. То было очень давно - лишь старики помнили, что был тут кто-то, но все это так туманно. Когда он ушел, куда он ушел, и что случилось с ним, никто не знал.

Но однажды хозяин появился; он постучал в дверь. Слуги посмотрели на него и вдруг упали к его ногам: «Хозяин, вы вернулись!»

Он сказал: «Я говорил вам, что вернусь, хотя на это может уйти много времени».

Они сказали: «Простите нас, потому что люди из города будут говорить, что мы совершили против вас преступление. Мы совершенно забылись, и мы так сильно радовались тому, что теперь хозяева мы, что объявили об этом по всему городу, - и город поверил, что мы и есть хозяева».

Гурджиев рассказывал эту историю, говоря, что именно это происходит и с наблюдателем. Наблюдатель отсутствует; ум, -который есть просто слуга, - притворяется, что он и есть хозяин. И речь идет не о нескольких годах - хозяин отсутствовал миллионы лет. Может быть, хозяин никогда и не был в своем доме; речь не о том, что он ушел, ведь когда он возвращается, он больше не уходит. Так что ваши мысли, комбинации ваших мыслей, которые вы называете умом, с определенностью, с уверенностью считают, что они и есть хозяин.

Просто попытайтесь понаблюдать ваши мысли.

Запомните одну вещь. Мысль сама по себе не может наблюдать другую мысль, - это невозможно. Мысль не может стать наблюдателем другой мысли; поэтому, когда в вашем уме возникает мысль: «Я наблюдаю», - то это означает, что вы промахнулись, потому что ведь это же мысль. Когда есть наблюдатель, у вас не будет и идеи: «Ага! Хватай ее!» Потеряйте ее! Вы были как раз на грани, чтобы постичь это, но вошел Вернер Эрхард и покончил со всем: «Хватай ее!» Даже столь немного, всего лишь двух слов достаточно; ум возвращается к вам. Всегда получает или же не получает ум; наблюдатель же просто наблюдает. Он не формирует ни одной идеи, преобладает абсолютное молчание. И в это мгновение наступает видение, познание, переживание, - без всякой мысли. Можете ли вы испытать переживание чего-либо без всякой мысли? Вам нужно будет поучиться этому, потому что ум на протяжении столетий натренировался обдумывать всякое переживание в словах.

Вы видите прекрасный цветок розы: ум немедленно произносит: «Как красиво!» Вы не скажете этого вслух, вы не настолько больны, но про себя вы скажете: «Как прекрасно!» Но, произнося это, вы упустите переживание красоты цветка.

В то мгновение, когда вы говорите: «Как прекрасно!» - вы удаляетесь от цветка. Вы уже сравнили его с вашими прошлыми переживаниями цветов. И помните, ваши прошлые переживания должны были быть подобными этому: они тоже не были переживаниями, потому что в то время вы тоже упустили тем же самым образом, вы сказали: «Как красиво!» Вы всегда опаздывали на поезд.

Стоя рядом с цветком розы, просто стойте. Не можете ли вы удержаться на несколько секунд, только наблюдая состояние сознания, не вмешиваясь словами - прекрасное, безобразное, красное, желтое? Нет, просто стойте рядом - и это не трудно; нужна лишь небольшая сноровка, и вы можете упражняться в ней в любое время, занимаясь чем угодно. Просто не позволяйте словам вмешиваться между вами и тем, что происходит.

Когда эта сноровка имеется... та же ситуация возникает и внутри. Конечно, внутреннее переживание невыразимо и потрясающе более обширно и глубоко, чем красота цветка розы или красота заката; но то, что вы должны делать, одно и то же. Только почувствуйте вкус этого, утоните в этом, и за несколько секунд...

Это было точно подсчитано одним человеком, — то был Махавира, - и я соглашаюсь с ним, потому что и сам тоже подсчитывал: в точности сорок восемь секунд. Вы можете овладеть этим состоянием наблюдения без всяких слов за сорок восемь секунд, - я не прошу больше, ни даже целой минуты, на двадцать секунд меньше. Это что-то похожее на закон существования, который гласит, что в течение сорока восьми секунд переживание завершается. После этого никто не сможет отнять его у вас, вы не сможете выпасть из него. Вы можете переехать в Америку, вы можете переехать в Орегон, - вы не можете выпасть из него.

Я по-настоящему радовался, когда Шила рассказывала мне, что Дж.Кришнамурти думает, что я потерял свое просветление. Он, должно быть, в ярости! Он не может шутить, это точно. Он не тот человек, который может быть несерьезным, нет; он все время серьезен. Он должен быть серьезным. Но что волнует его? Он начал с неверного шага. Я не сделал этой ошибки. Если вы встаете с постели не с той ноги, что я могу поделаться? Это ваша постель и ваша нога, и вы поступали так на протяжении восьмидесяти лет; я ничего не могу с этим поделаться!

Вначале передо мною тоже стояла дилемма, но иногда вещи, которые совершенно не ценятся, оказываются чрезвычайно полезными. Моя лень оказалась потрясающе полезной. Я все время сидел на своей постели, пытаюсь сообразить, с какой же ноги встать. Так я прождал бы всю свою жизнь.

На протяжении почти семи лет я не говорил никому: «Я больше не являюсь частью вас». Да, некоторые люди стали подозревать во мне это, - те, кто уже имел такое же переживание. Одним из них был Магга Баба, очень бедный человек, нищий. Он был первым, кто схватил меня, - он встряхнул меня обеими своими руками, - и он сказал мне: «Тебе не одурочить меня!»

Я сказал: «Я ничего не сделал».

Он сказал: «Ты ничего не сделал, это верно, но ты был в некотором месте, которое ты прячешь».

Я сказал: «Это правда, но, пожалуйста, не говори никому, потому что я не хочу никакого беспокойства. Я встану с постели, но я еще не решил, с какой ноги встать».

Я ленивый человек, очень ленивый. Мой врач, доктор Дэварадж, хочет давать мне витамин D, потому что я очень ленив. Он считает, что мне не хватает кальция, - может быть! Но это потрясающе; очень хорошо, что его не хватает. Если бы я вскочил с постели, я был бы в той же путанице, что и Дж.Кришнамурти. Я встал с постели только тогда, когда я полностью выразил все. И с этого момента я двигался, рассчитывая каждый шаг.

Прежде всего, я учил вас доверию, сердцу, чувству, любви; а сейчас я учу вас сомнению, скепсису, интеллекту, потому что я хотел бы, чтобы вы стали целостными людьми. Вы можете быть полностью удовлетворены доверием, сердцем, но тогда вы не будете целостным человеком.

Я не назвал бы Миру целостным человеком, я бы не назвал Рамакришну целостным человеком. Они прекрасные люди, но интеллект в них упущен; все лишь только сердце. Слишком много сахара. От этого получается диабет. Я диабетик. Слишком много сердца, слишком много сладости, и вы страдаете от диабета, - я не хочу, чтобы кто-либо из вас страдал от диабета. Да, живя только сердцем, вы получите духовный диабет. Интеллект - это соль, приправа; это не сплошной сахар.

Я хотел бы, чтобы вы наслаждались целостностью вашего бытия, когда ваше тело, ваше сердце, ваш интеллект, все настроено в лад друг другу. Я назвал этого нового человека - Зорба Будда.

Беседа 14

ЕДИНСТВЕННАЯ НАДЕЖДА: ПРОСВЕТЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

12 января 1985 года

Бхагаван,

Не было бы Вам проще работать, не связывая себя с этим словом «религия»? Какой секрет кроется за Вашим выбором этого пути?

Я бы очень хотел никаким образом не быть связанным со словом «религия».

Вся история религии - это сплошная мерзость. Она отвратительна, она показывает деградацию человека, его человеческой сущности, все это есть зло. И это касается не одной, отдельно взятой религии, а всех религий без исключения, в которых повторяется одно и то же: человек эксплуатирует человека от имени Бога. И я чувствую себя неловко из-за того, что ассоциируюсь со словом религия. Но ничего не поделаешь: в жизни так случается, что приходится выбирать то, что ненавидишь.

В юности в университете меня знали как атеиста, человека нерелигиозного, противника всех моральных систем. Это было моей позицией тогда, это осталось моей позицией и сегодня. Я не изменился ни на дюйм; моя позиция продолжает оставаться прежней. Но оставаться и дальше атеистом, противником религии и морали стало проблематичным. Было очень трудно общаться с людьми, было почти невозможно наладить с ними какие-либо взаимоотношения. В моих отношениях с людьми эти слова - атеист, нерелигиозный, аморальный - стали подобны непреодолимым стенам. Я хотел бы оставаться прежним - я не видел в этом проблем, - но я заметил, что это мешало мне распространять свой опыт, делиться им.

В ту минуту, как люди узнавали, что я атеист, нерелигиозен и аморален, они немедленно замыкались. Того, что я не верю ни в какого Бога, что я не верю ни в какой рай и ад, было достаточно, чтобы люди начали избегать меня. Даже очень образованные люди - потому что я был профессором университета, и меня окружали сотни профессоров, ученых-исследователей, интеллигентных, образованных людей - просто избегали меня, потому что не имели мужества

защитить то, во что верили; у них не было для этого аргументов.

А я продолжал непрерывно спорить на улице, в университете, в панваллахском магазине — везде, где мне удавалось пристать к кому-нибудь. Я громил религию и пытался очистить людей от всей этой дряни. Но в результате я стал похож на остров; никто не хотел даже разговаривать со мной, потому что даже здороваться со мной было опасно: к чему это могло привести? В итоге я был вынужден сменить стратегию.

Я пришел к пониманию того, что люди, заинтересованные в поиске истины, как это ни странно, являются приверженцами какой-нибудь религии. Из-за того, что они считали меня нерелигиозным, я не мог общаться с ними; а это были люди, которые действительно были бы заинтересованы в познании. Это были люди, которые были бы готовы совершить со мной путешествие в неизведанные миры. Но они были приверженцами какой-нибудь религии, они состояли в какой-нибудь секте, исповедовали какую-нибудь философию; и то, что они считали меня атеистом и нерелигиозным, стало барьером. А это были люди, в обществе которых я хотел бы находиться.

Были и люди, не интересовавшиеся религией, но они не привлекали меня. Их волновали только мелочи жизни: как заработать больше денег, стать большим лидером — политиком, премьер-министром, президентом. Их интересы были слишком приземленными. Эти люди не интересовали меня. А они, в свою очередь, не были заинтересованы в том, что я мог им предложить, потому что вообще этим не интересовались.

Человек, желающий стать премьер-министром страны, не заинтересован в поиске правды. Если бы ему предложили на выбор истину и должность премьер-министра, он выбрал бы премьер-министра. Он сказал бы по этому поводу: «Истина может подождать. Мы еще успеем - в нашем распоряжении целая вечность, - а вот возможности стать премьер-министром может больше и не быть. Это случается крайне редко и только с очень немногими людьми. А истина - это наша природа, и в один прекрасный день мы ее непременно найдем. Сначала давайте сделаем то, что дается однажды, что мимолетно и скоротечно. Эта прекрасная мечта может никогда не повториться. Реальность никуда не денется, а мечта может растаять».

Их интерес ограничивается мечтанием, воображением. Это не мои люди, и мне было совершенно невозможно общаться с ними, потому что наши интересы были диаметрально противоположными. Со своей стороны я делал все возможное, но этих людей не интересовала религия, не интересовала истина, не интересовало ничто сколько-нибудь значительное.

Люди, которые были заинтересованы, являлись либо христианами, либо индусами, мусульманами, джайнами, буддистами: они следовали какой-либо идеологии, какой-либо религии. И я понял, что должен буду сыграть роль религиозного человека; другого пути нет. Только так я смогу найти людей, которые были бы подлинными искателями правды.

Я ненавижу слово религия и всегда ненавидел его, но был вынужден говорить о религии. Однако то, о чем я говорил, прикрываясь религией, и то, что люди постигали при помощи религии, было не одним и тем же. У меня это было стратегией. Я применял их слова - Бог, религия, освобождение, мокша, - но я вкладывал в них свой смысл. Таким путем я мог начать находить нужных мне людей; и люди начали приходить ко мне.

Мне потребовалось не так много лет, чтобы изменить свой имидж в глазах людей. Но люди только слушали слова, они не понимали смысла: люди понимают только то, что им говорят, они не понимают того, что передается без слов. Таким образом, я применил их собственное оружие против них самих. Я обсуждал религиозные книги и вкладывал значение, которое было полностью моим.

Я бы хотел говорить о том же самом без каких-либо комментариев - это было бы намного проще, потому что в этом случае я говорил бы с вами напрямую. И не было бы необходимости вникать в Кришну, Махавиру, Иисуса, а затем заставлять их говорить то, что они никогда не говорили. Но такова уж глупость человечества, что те же самые слова, которые я говорил раньше, люди не хотели даже и слышать... А теперь они тысячами собираются вокруг меня, потому что я говорил о Кришне.

А что я должен делать с Кришной? Что он для меня сделал? В каких отношениях я с Иисусом? Если бы я встретился с ним, когда он был жив, я бы сказал ему: «Ты - фанатик, к тому же не в своем уме, и я не могу сказать, что люди, которые хотели распять тебя, были абсолютно не правы, потому что им не оставалось ничего другого».

Это был единственный путь. Когда я начал говорить об Иисусе, меня стали приглашать выступить мои коллеги -христиане, христианские теологические институты, а я в душе не переставал смеяться, потому что эти глупцы считали, что это есть слова Иисуса. Да, я использовал его слова, — но здесь можно заметить кое-какую игру в слова, слову можно придать какой угодно смысл, - а они думали, что это действительно было откровение Иисуса... «Наши собственные христианские миссионеры и священники не сделали так много для Иисуса, как вы».

А я должен был молчать, прекрасно осознавая, что не имею ничего общего с Иисусом, и то, что я говорю, Иисус вполне мог даже и не понять. Он был, бедняга, совершенно необразованным. Несомненно, он был незаурядной личностью, поэтому ему было вовсе не трудно собрать вокруг себя небольшую группу необразованных людей, жаждавших радостей небесных. Этот человек многое обещал и ни о чем не спрашивал. Все так просто: какой вред может причинить вера в него? Нет ни опасности, ни вреда. Если нет ни небес, ни Бога, вы ничего не теряете. Если же случайно окажется, что этот человек - рожденный сын Божий, тогда можно без каких-либо затрат получить большой выигрыш: простая арифметика!

Но что действительно важно, так это то, что ни один образованный и культурный раввин не стал учеником Иисуса, и это потому, что эти раввины могут философствовать гораздо лучше и в гораздо более лучших выражениях. А этот человек ничего не знал. Он не приводил ни единого аргумента, он просто сообщал слова, услышанные от других людей; и он был довольно упрямым молодым человеком.

То, что я говорил об Иисусе, я говорил и прежде, но ни одно христианское общество, христианский колледж, христианский теологический институт не пригласили бы меня. Да что там приглашение! Если бы я захотел войти, передо мною закрыли бы двери. Таково было положение вещей: мне было запрещено входить в центральный собор моего родного города, на их стороне была полиция, и я никогда бы не смог туда попасть. Поэтому, когда внутри говорил индусский монах, снаружи стоял полицейский, чтобы помешать мне войти.

Я сказал: «Но я хочу послушать этого человека».

Офицер полиции отвечал: «Мы знаем, все знают, что когда вам случается говорить, все начинают слушать вас. А нас позвали сюда, чтобы не пускать именно вас, а не кого-либо другого; все остальные могут проходить. Если вы прекратите ходить сюда, мы сможем больше не беспокоиться, нам будет не обязательно стоять здесь по два-три часа каждый день. До тех пор, пока не закончится беседа, я буду стоять здесь только из-за вас, единственного человека».

Но сейчас тот же самый храм начал меня приглашать. И опять полиция была здесь — на сей раз, чтобы предотвратить переполнение храма! Они сказали мне - один офицер полиции, который стоял тогда, сказал мне: «Вы - это что-то! Сначала мы стояли здесь, чтобы выдворять вас из храма, теперь мы стоим здесь, потому что собирается слишком большая толпа, а это опасно - храм такой древний».

В нем были балконы, и по крайней мере пять тысяч человек могли разместиться в нем. Но когда там говорил я, то набивалось около пятнадцати тысяч человек. Поэтому люди размещались на балконах, которые обычно не использовались. Однажды создалась настолько серьезная ситуация, что балконы запросто могли бы рухнуть - так много людей было на них, а храм-то был все-таки старый. Поэтому было принято решение, что со следующего дня в храм будет допускаться только строго определенное количество человек.

Это вызвало неприятности. Этот офицер сказал: «Теперь новая беда! Вы говорите на протяжении двух часов, а люди начинают собираться за два часа до начала, потому что, если они придут позже, они могут и не попасть». Он сказал мне: «Вы - это что-то! Вы были против Бога».

Я сказал ему на ухо: «Я таким и остался, но не говори никому, потому что никто этому не поверит. А я навсегда останусь противником Бога. И до самой смерти я буду разоблачать все это. Но не стоит об этом говорить, потому что никто не поверит тебе, а я буду решительно отрицать, что когда-либо говорил тебе подобное».

Он сказал: «Вы - это что-то. Вы против Бога, а говорите о Боге?»

Но затем я должен был найти свои собственные пути. Я говорил о Боге, а потом говорил людям, что божественность была словом намного более хорошим. Это был путь ухода от Бога. Но из-за того, что я говорил о Боге, те люди, которые слушали меня, — которые были истинными искателями правды и которые подвергались эксплуатации со стороны духовенства, - начали проявлять ко мне интерес. Из всех религий я отобрал самое лучшее.

Другого пути не было, потому что я не имел бы возможности войти в их двери, а они не имели бы возможности прийти ко мне: этих нескольких слов было бы вполне достаточно, чтобы предупредить их. И я не мог упрекнуть их, я мог упрекать только себя. Я должен был найти какой-то путь, чтобы приблизиться к ним.

И я нашел такой путь; это было очень просто. Я просто подумал: «Использовать их слова, использовать их язык, использовать их священные писания».

«А если вы пользуетесь чьим-то ружьем, то это вовсе не значит, что вы не можете вложить в него свои собственные патроны. Пусть ружье будет чьим угодно, патроны в нем мои! -потому

что основную работу делают патроны, а не ружье. Что в этом плохого? » И это было просто, очень просто, потому что я мог использовать индусские слова и играть в ту же игру; я мог использовать мусульманские слова и играть в ту же игру; я мог использовать христианские слова и играть в ту же игру.

Не только эти люди приходили ко мне, но и джайнские монахи и монахини, индусские монахи, буддийские монахи, христианские миссионеры, священники - разного рода люди начали приходить ко мне. И вы не поверите: меня невозможно было увидеть смеющимся, потому что я так много смеялся в душе, что во внешнем проявлении уже не было необходимости. Я рассказывал вам разные шутки, но сам не смеялся, потому что мне приходится играть комедию всю мою жизнь! А что может быть более забавным? И я ухитрился так легко одурачить всех этих священников и великих ученых.

Они начали приходить ко мне и задавать вопросы. Поначалу я должен был с осторожностью пользоваться их словарем и вкладывать истинную начинку, в которой я был заинтересован, между строк, даже между словами. Я научился этому искусству от одного рыбака.

Я часами просиживал на берегу реки, потому что это было самое красивое место в моей деревне. Утро было прекрасным, вечер был прекрасным; и даже самым знойным летом находились места, где над рекой склонялись раскидистые деревья. Можно было сидеть прямо в воде, окруженным такой прохладой, что можно было забыть, что вокруг жаркое лето.

Я как раз сидел, глядя на утреннее солнце, а рядом рыбак удил рыбу. В Индии рыбаки пользуются наживкой. Повсюду рыбаки насаживают наживку на крючок, но в Индии она не должна быть вегетарианской, потому что те, кто ловит рыбу, не вегетарианцы, и тот, кто собирается ее покупать, не вегетарианец. Поэтому рыбак берет какое-нибудь насекомое, которое любит рыба, режет его на кусочки и насаживает на крючок, который привязан - как вы ее называете? Леска? - к леске, и рыба должна подплыть и ухватить наживку. А вместе с наживкой и крючок; крючок зацепит рыбу. Рыба приплывет за насекомым, но внутри его спрятан крючок, поэтому, проглотив это насекомое, рыба оказывается пойманной на крючок, и ее можно сразу же вытащить.

Вспоминая этого рыбака, я думал: «Я должен найти какой-нибудь способ, чтобы поймать своих людей. Сейчас они в разных лагерях, все они не со мной». Я был один: никто не был достаточно мужественным даже для того, чтобы общаться со мной или просто пройти рядом, потому что люди могли бы подумать, что он подобен мне, такой же изгой. Я нашел наживку: пользоваться их словами.

Сначала люди были просто шокированы. Те, кто знал меня долгие годы, кто знал, что я всегда был против Бога, были весьма озадачены, действительно озадачены. Один из моих преподавателей, которого я на протяжении всех лет учебы в высшей школе постоянно мучил, был очень религиозным человеком: он молился по утрам и вечерам и всегда носил на лбу символы своей религии... Я непрерывно изводил его вопросами обо всем; он не мог ответить ни на один из них.

Действительно, никто не сможет ответить на вопросы о вымышленном. Если бы эти вопросы относились к реальности, то можно было бы найти какой-нибудь выход и ответить на какой-либо вопрос. Но когда реальность полностью отсутствует, а нечто вымышленное вам

недоступно, вы будете бояться даже услышать подобный вопрос, потому что это вселяет сомнение в ваш разум.

Этот учитель жил недалеко от меня, поэтому я обычно изводил его в его же доме, так как в классе он запросто мог сказать: «Выйди вон!» - перед тем, как проверит посещаемость. Я отвечал: «Пожалуйста, сначала отметьте меня; иначе, даже если я буду приходить в школу каждый день, в конце четверти вы скажете, что моя посещаемость неудовлетворительна и я не могу быть допущен к экзаменам. Поэтому, пожалуйста, сначала отметьте меня».

Он сказал: «Я отмечу тебя, — но ты можешь вообще не приходить». Он отметил мне стопроцентную посещаемость, но сказал: «Сначала выйди вон. Прежде чем я начну урок, - потому что проверка посещаемости было первым делом, — а ты выйди вон!»

Я обычно приходил к нему домой и говорил: «Здесь вы должны обращаться со мной, как с богом, потому что в священном писании сказано: Атшху, дево бхава - «гость подобен Богу». Здесь вы не сможете велеть мне выйти вон; а английский язык в нашей беседе вообще неуместен, потому что я пришел, чтобы поговорить с Вами на религиозные темы».

Он заткнул уши. А его жена спросила: «Почему ты так боишься этого мальчика?»

Он ответил: «Я не хочу слышать того, что он хочет сказать. Я не могу вышвырнуть его из дома, это противоречит... Он прав, он говорит: «Атитхи дево бхава: гость - это Бог, не меньше; обращай с ним, как с Богом». Но ни одно священное писание не говорит о том, что я не могу заткнуть уши. Я не хочу слышать ни единого его слова, потому что он поселяет во мне сомнение. И единственная цель его прихода - посеять смуту».

Однажды его жена сказала: «Зачем тебе неприятности - он же не слушает тебя?»

Я сказал: «А вы понимаете? Вы думаете, ваш муж религиозный человек?»

Она сказала: «С тех пор, как ты начал приходить к нам, я перестала считать его религиозным человеком. Человек боится даже слушать что-либо, идущее вразрез с тем, во что он верит, - что это за вера?»

Однажды, когда я разговаривал с его женой, он был вынужден убрать пальцы от ушей для того, чтобы послушать, о чем я говорил. И когда он услышал, что его жена говорила, что он более не религиозный человек, - «Возможно, ты и прав: я никогда не думала, что он такой трус», - он вбежал в дом, потому что я был на кухне и разговаривал с его женой.

Он сказал: «Теперь ты сбиваешь с пути истинного мою жену! Тебе недостаточно одного меня? Теперь она говорит, что я не религиозный человек. Ты зародил идею в ее голове; она замучит меня. От тебя я могу отделаться, я могу вышвырнуть тебя из класса, но куда мне девать мою жену?»

Его жена сказала: «Все, что говорит этот мальчик, очень важно. И если ты истинно верующий, ты должен ответить ему».

Я встретился с этим учителем почти двадцать лет спустя, когда я проводил беседу в Бомбее. Я

говорил о наиболее популярном индийском священном писании, о Шримад Бхага-вад Гите. Он не поверил: тысячи людей... и я, говорящий о Бхагавад Гите! И не только тысячи слушателей, но также и сотни санньясинов. Он подошел к служебному входу и стал меня ждать.

Он сказал: «Что случилось? Ты переродился!» - и он дотронулся до моих ног.

Я сказал: «Не трогайте. Я вовсе не переродился, я все тот же. К тому же я очень упрямый: я собираюсь оставаться таким же до последнего вздоха. Не трогайте моих ног», - но он уже коснулся их.

Он сказал: «Ты, должно быть, шутишь! Если так много санньясинов...» Вот почему я выбрал оранжевую накидку, - чтобы отмежеваться от самой идеи древних санньяс. Между моими и чужими санньясинами не было никакой принципиальной разницы: было очень трудно понять, кто есть кто. А число моих санньясинов увеличивалось с каждым днем, в любом месте по всей стране. И когда мой учитель сказал, что в зале присутствует много мудрецов, я сказал: «Никто из них не является мудрецом! Откройте глаза и закройте уши. Вы не должны были приходить сюда, вы обыкновенный человек, все это не для вас».

Но он сказал: «Я слушал тебя - целую лекцию - и я читал Гиту на протяжении всей жизни, но никто никогда не трактовал слова Кришны так, как это сделал ты. Я читал много разных комментариев, но, услышав тебя, понял, что все они были третьего сорта».

И подобное случалось снова и снова. Однажды я выступал в мусульманском институте в Джабалпуре. Один из моих мусульманских учителей стал ректором этого института; он не мог знать, что я именно тот человек, которого он знал раньше. Кто-то сказал ему, что слышал мою беседу о суфиях и что это было что-то невероятное: «Мы никогда не думали о суфиях так, как говорил он, и если он посетит наш институт, это будет большой честью».

В Индии, как и в любой другой стране, если приходит мусульманин и говорит о Библии, вы чувствуете глубокое удовлетворение, ваше эго вырастает до небес. Или, если мусульманин, индус или буддист говорит об Иисусе, восхваляя его и его слова... А в Индии, где мусульмане и индусы непрерывно убивают друг друга, если вдруг немусульманин заговорит о суфизме... Мой старый учитель был безмерно счастлив; он пригласил меня на беседу.

Я сам искал подобные приглашения, потому что хотел найти своих людей, а все они прятались в различных местах.

Когда мой учитель увидел меня, он спросил: «Я только слышал что есть чудеса, но сейчас чудо передо мной! Ты говоришь о суфизме, об исламе, о фундаментальной философии ислама?»

Я сказал: «Вам я не буду лгать - вы мой старый учитель. Я всегда буду говорить только о своей собственной философии.

Да, я обучился искусству время от времени преподносить людям ислам на словах. Это самое большое, что я могу сделать».

Он сказал: «Боже мой! Мы попали в западню: в аудитории уже собрались люди. А ты остался все таким же злонамеренным, ничего не изменилось. Ты смеешься над нами? Один из наших

уважаемых преподавателей, большой авторитет в области суфизма, хвалил тебя. Из-за этого я и пригласил тебя».

Я сказал: «Он был прав, и вы тоже похвалите то, что я говорю. Но всегда помните, я буду говорить только то, что хочу сказать. И не имеет значения, кто меня приглашает, это так просто: если меня пригласят буддисты, я заменю всего несколько слов в лекции о суфизме и вместо суфизма буду говорить о дзэне. Я говорю все то же самое; просто в лекции о суфизме нужно кое-что кое-где изменить. Ну и, конечно, я должен быть бдительным - я не должен забывать, о ком я говорю, вот и все».

И я говорил. Конечно же, мой учитель присутствовал и был очень удручен, но когда он услышал то, что я говорил, он заметно повеселел. Он подошел ко мне, крепко обнял и сказал: «Ты, должно быть, шутил».

Я сказал: «А я всегда шучу - не принимайте это так близко к сердцу».

«Ты и есть суфий», - сказал он.

Я сказал: «Так говорят!»

Я выступал в Амритсаре в Золотом Храме, который сегодня принес народу Индии истинное горе. Это сикхский храм, и именно из-за него была предательски убита Индира Ганди; вся страна потрясена. Я выступал в этом храме. Везде, во всех уголках страны, люди тысячи раз задавали мне вопрос: «Зачем вы отпустили бороду?» Я уже привык к этому вопросу и развлекался тем, что разным людям отвечал по-разному.

Но в Золотом Храме, когда я говорил о Нанаке и его миссии, ко мне подошел очень старый сардар, дотронулся до моих ног и сказал: «Сардарджи, зачем вы обрезали волосы?» Это был новый вопрос, мне его задали впервые. Он сказал: «С вашей бородой все в порядке, но зачем вы обрезали волосы? Ведь вы такой религиозный человек».

Для того, чтобы быть сикхом, нужно соблюсти всего пять условий; вы сможете, да и любой сможет. Эти условия называются пять «К», потому что каждое слово начинается с буквы К. Кеш означает волосы, катар означает нож; каччха означает нижнее белье - зачем это, для меня до сих пор остается тайной. Это единственный вопрос, на который я не могу ответить. Какой философии это служит? Странно, но этому должна быть причина.

Я спросил сикхских священников и их верховного главу: «Все понятно - отрасти волосы, владей кинжалом или ножом -но каччха?.. Какой теологический, теософический, философский смысл имеет каччха?»

Они сказали: «Никто никогда не спрашивал об этом; мы просто должны следовать этим пяти К».

Возможно, во времена Нанака, когда он выбрал каччху, не прекращались войны между мусульманами и индусами. Он полностью изменил весь Пенджаб. Он дал людям совершенно новую энергию, с которой они должны были сражаться, и из индусов, которые не умели воевать, которые не хотели воевать, выросла воинственная раса. Одежда индусов была, возможно, не совсем подходящей для сражений. Просторные дхоти, свободные мантии - они были удобными,

очень удобными, и очень воздушными, что особенно ценно для жаркой страны; они напоминали о временах, когда у людей не было необходимости заниматься тяжелым трудом. Но для солдат такая одежда не годилась, поэтому Нанак изменил одежду: вместо дхоти он создал салвар, который представлял собой нечто вроде пижамы. Но на войне... в любой момент эта пижама могла с вас упасть, потому что она держалась всего на одном маленьком шнурке.

Я вижу, это очень развеселило Нилам, потому что она пенджабка. И она знает пенджабцев - все они весельчаки! Поэтому Нанак, должно быть, подумал, что было бы неплохо им иметь еще и нижнее белье, потому что их салвар может в любую минуту с них упасть, что вызовет беспорядок и приведет в замешательство - солдат не должен стоять голым посреди поля! Под их салваром должно быть что-то наподобие нижнего белья.

Этот старый сардар посчитал меня сардаром, потому что в Золотом Храме никогда и никто, кроме сардаров, не говорил; это было беспрецедентно. Он и в самом деле ломал голову, почему я, такой религиозный человек, обрезал волосы. А мне в то время было всего тридцать лет.

Тогда я сказал ему: «На это есть причина. Я пока не чувствую себя истинным сардаром, и не хочу, чтобы люди заблуждались на этот счет. Поэтому четыре условия я сохранил, а волосы обрезал. Когда я стану истинным сардаром, я отращу волосы».

Он сказал: «Это верно. Невероятно важно, что человек подумал о том, чтобы не прикидываться настоящим сардаром.

Вы много лучший сардар, чем мы: мы считаем себя истинными, потому что у нас присутствуют все пять признаков».

Среди этих людей я нашел своих. И это было не трудно, это был о просто. Я говорил на их языке, об их религиозных идиомах, цитируя их священные писания - говоря при этом то, что хотел сказать от себя. Разумные люди все это сразу понимали и начинали собираться вокруг меня.

Я начал создавать группы моих людей по всей Индии. Теперь для меня уже не было необходимости говорить о сикхизме, индуизме, джайнизме; теперь не было, но на протяжении десяти лет я непрерывно говорил о них. Постепенно, когда я уже нашел своих людей, я прекратил говорить о постороннем. После двадцати лет путешествий я также прекратил и путешествовать, потому что в этом тоже отпала необходимость. Теперь у меня были мои люди: если они хотели прийти ко мне, они могли прийти.

Тогда это было необходимостью; я не видел другого пути, чтобы найти своих людей. Все уже разделились. Не осталось открытого мира: кто-то христианин, кто-то индус, кто-то мусульманин. Очень трудно найти кого-нибудь, кто не принадлежит ни к какой религии. Я должен был найти своих людей из этих закрытых групп, но для того, чтобы проникнуть в эти группы, я должен был говорить на их языке. Соразмерно тому, как мое откровение становилось все более и более ясным, я постепенно отказался от их языка.

И после нескольких лет борьбы за появление моих саннь-ясинов я решил устроить этот трехгодичный период, своеобразную паузу, в течение которой любой, кто хотел меня покинуть, мог бы это сделать... потому что я не хочу вмешиваться в чью-либо жизнь.

Если я могу улучшить вашу жизнь - хорошо.

Если я не могу улучшить ваше существование, то будет лучше, если вы покинете меня.

Люди, которые были со мной просто потому, что им нравились мои беседы, не смогли перенести моего молчания: они ушли. Естественно, когда кто-то уходит, он должен найти повод, чтобы оправдать себя; он должен оправдать себя. Он не может просто сказать: «Я ухожу, потому что Бхагаван больше не говорит». Это показало бы, что он находился здесь не из-за меня, а только для того, чтобы слушать меня. Он мог бы получить то же самое при помощи магнитофона или видео; он мог бы прочесть книги - с этим нет проблем. Он был не со мной. Ему нравилось то, что я говорил, но это не был его собственный поиск, это было для него лишь развлечением.

Эта пауза помогла. Сначала я должен был найти своих людей; но, естественно, когда собираешь вокруг себя большое количество народа, среди них могут быть и случайные люди.

Вот, например, Нилам со мной - говорю ли я или нет, - а ее муж ушел. Он был здесь случайным; милый человек, любящий человек, но его интересовали только мои беседы. Он мог приехать из Пенджаба в Пуну для того, чтобы только послушать меня; он и сюда приехал, но он так и не смог найти то, что искал. Все это было только развлечением. Но для Нилам это было ее жизнью. Он просто поставил Нилам перед выбором: «Выбирай: либо остаешься здесь с Бхагаваном, либо уходишь со мной; я ухожу».

Нилам было очень тяжело, трудно, но она выбрала меня, оставила своего мужа и забыла о своей семейной жизни. Там она была богата, у нее был свой прекрасный дом, собственная машина, у нее было все. Здесь же, я вижу, ей приходится заниматься тяжелым трудом в саду, на дороге; но она безмерно счастлива и вся светится, как никогда раньше. Ее муж подождал несколько месяцев — возможно, она вернется, потому что с ней ее дочь, но дочь тоже отказалась возвращаться.

Ее дочь Прия выбрала меня, кого она видела мельком, и бросила своего отца, который ее очень любил. Прия - их единственный ребенок, но она отказалась; она не уйдет. Даже если Нилам уйдет, она по-прежнему собирается оставаться здесь. Муж Нилам снова женился, на этот раз на очень богатой вдове. Он был случайным: рано или поздно, этим путем или иным, он должен был покинуть нас. Он просто следовал за Нилам, потому что любил ее.

Итак, эти три года помогли: мы отбросили весь ненужный груз - потому что, чем выше вы продвигаетесь, тем больше багажа вы должны выбросить. На равнинах ваш багаж может быть большим, но когда вы начинаете двигаться выше, вы должны решить, что вам не нужно, и оставить это. На еще большей высоте, вы должны отбросить еще больший груз.

Когда Эдмунд Хиллари достиг вершины Эвереста, у него с собой вообще ничего не было. Он просто стоял там без вещей, потому что по мере восхождения ему пришлось все бросить. Вначале у него было множество всяких вещей и приспособлений - эта вещь и та вещь, баллоны с кислородом... Он был ученым, поэтому так многочислен был его багаж, его несли пятьдесят носильщиков. Но постепенно, на каждом привале, он был вынужден оставлять что-нибудь, потому что нести все это становилось невозможным. Было достаточно нести самого себя. Когда он стоял на вершине, у него с собой абсолютно ничего не было; чтобы донести себя до вершины

нужно быть невесомым. Эти три года помогли сбросить лишний груз; из-за этого изменилась моя речь, как вы могли заметить. Вы увидите многое... Те, кто слышал меня раньше и слушает меня теперь, испытывают большие затруднения — так много потрясений.

Но сейчас я просто говорю правду, которая является моей, потому что сейчас я могу верить, что вы поймете меня, что вам не нужны никакие посредники: Иисус, Махавира, Будда, Кришна.

Я могу говорить непосредственно с вами. Мне нет необходимости играть словами. Итак, эта пауза была перерывом в пути. Игра, в которую я должен был играть, была необходимым злом; иначе у меня не было бы возможности найти вас. Как вы думаете, смогли бы вы прийти к атеисту, аморальному, нерелигиозному человеку? Если вы зададите себе такой вопрос, вы поймете, что я был вынужден использовать религию и религиозную терминологию. Я пользовался этим против своей воли, только для вас. Именно для вас я проделал все это, но сегодня в этом нет больше необходимости. Кто-то спросил, посылают ли люди мне шутки, как это было в Пуне. Они начали забрасывать меня шутками. Я сказал нет, потому что сейчас шутки мне больше не нужны. В то время я не отказывался от них, потому что все это было не более чем развлечением. Теперь это больше не развлечение. Между прочим, если шутка сама придет ко мне, я не стану ее отвергать. Но сейчас я хочу говорить свою простую правду непринужденно, прямо, не раздумывая.

Поэтому и лекции стали такими длинными, потому что раньше мне было гораздо утомительнее говорить о чуждом, чем о правде. Я ухитрился выдерживать шестьдесят минут, семьдесят минут и, как максимум, девяносто минут. При превышении этого времени возникала опасность, что я могу забыть, о ком говорю! Я должен был класть перед собой вопросы и заметки, поэтому я мог, глядя на них, помнить, что эта лекция — о дзэне, эта — о суфизме, а эта — о хасидах, — и я никогда не сбивался. Тиртха читала рассказ, а у меня была своя собственная копия, поэтому я не забывал рассказ и не терялся, а всегда мог с легкостью двигаться в любом направлении.

Сейчас нет таких проблем. И я вовсе не должен ничего запоминать, я просто могу говорить все, что придет мне в голову; поэтому лекция стала такой длинной. А люди задавали вопрос, почему я заканчиваю беседы так внезапно, - я раньше никогда так не делал. Это верно. Когда я просто развлекал вас, я давал положенное начало, положенную середину и положенный конец; все гладко, завершено. А сейчас это все сыро, необработанно - неограниченные алмазы от всего сердца.

Поэтому нет начала, как такового, и нет конца. Я начинаю сходу. Чтобы это не было для вас слишком необычно, я попросил Шилу начинать с вопроса, просто для того, чтобы дать вам почувствовать, что... Иначе, если я начну говорить сразу, вы подумаете, что я окончательно спятил! Никто не спрашивает меня, а я отвечаю!

Но это действительно так: никто не задает вопросов, большинство вопросов я задаю сам и прошу Шилу их записать. Это не чьи-то вопросы. Поэтому бедная Шила сначала должна записать вопрос, а потом задать его; а поскольку это мой собственный вопрос, мне не нужно класть его перед собой. И я волен двигаться в любом направлении. Я начинаю внезапно, я и заканчиваю внезапно - это истинно так!

В жизни все начинается внезапно и кончается внезапно, и вы не спрашиваете, почему. Если кто-то внезапно умирает посреди дороги, ему не говорят: «Ты мог бы, по крайней мере, подождать,

пока доберешься до другой стороны. Середина дороги - разве это место для смерти? Ты мог бы подождать конца недели. А теперь люди должны отпрашиваться, чтобы прийти. Ты создал столько ненужных проблем. Разве ты не мог подождать немного - до субботы или воскресенья?»

Но жизнь оканчивается внезапно, и это никогда не бывает полной остановкой, это всегда подобно точке с запятой. Ни одна жизнь никогда не заканчивалась полной остановкой - это невозможно. Что-то всегда остается незавершенным. Что-то находится в процессе непрерывного роста и никогда не достигает своего полного цветения; что-то постоянно движется, а потом вдруг приходит внезапный конец.

Начало тоже внезапно. Если пристально всмотреться в существование - оно внезапно, неожиданно, - и я хочу, чтобы эти беседы были подобны существованию. Да, я буду кое-где останавливаться, там, где мне это будет нужно; иначе быть не может. Вы сейчас можете себе ясно представить, почему я вынужден использовать религиозный язык, почему я постоянно говорю о том, что Бога нужно спустить в канализацию, что надо забыть все о небесах и аде и что закон кармы - не что иное, как словесная шелуха.

И я больше не собираюсь демонстрировать свое уважение к Иисусу или к Будде, Махавире, Кришне. Я с ними обращаюсь, как директор школы со своими учениками. Если они ведут себя хорошо, они не будут наказаны, вот и все. Если не будут вести себя хорошо, тогда я им так всыплю, что они этого никогда не забудут.

Сейчас мне не нужна никакая маскировка.

Я могу стоять абсолютно голым, таким, как я есть, открытым для вас.

И я вовсе не собираюсь оспаривать подлинность своего авторитета.

Вот почему я называю свою религию безбожной, нерелигиозной.

Несколько странное сочетание - нерелигиозная религия, но само по себе слово религия очень красиво. Люди пользовались им, пользовались в несправедных целях - вот почему я говорю, что ненавижу его. Первоначальное значение этого слова действительно прекрасно, но кому интересно знать первоначальные значения слов?

Первоначальное значение слова «религия» - «собрать все части вместе, в одно целое».

Человек существует в виде толпы. Религия означает -сделать эту толпу настолько гармоничной, чтобы получилась единая индивидуальность, в буквальном смысле, потому что индивидуальность буквально означает неделимость: то, что ее нельзя разделить, что вы больше не фрагменты составной картинке-загадки, что каждый фрагмент положен туда, где он должен быть, и загадка пропадает. Она существовала, потому что фрагменты были не там, где должны были быть. Где должно быть ваше сердце.

Не здесь. Где должен быть ваш разум.

Не здесь. Где должны быть ваши эмоции.

Не здесь. Все сместилось; ваш дом ввергнут в хаос.

Религия означает создать космос, упорядоченную систему внутри хаоса.

Это слово прекрасно, но только в своем первоначальном значении; поэтому я и пользуюсь им. Но чтобы избежать злоупотреблений и неверных ассоциаций, я сначала говорю «нерелигиозная», а уже потом «религия». Все, что вы знаете о религии вплоть до сегодняшнего дня, все, о чем говорит религия, я отвергаю словом «нерелигиозная». А все, что должно быть сказано, но не было сказано, я говорю словом «религия».

Те, кто ищут правду, поймут это, полюбят, будут питаться этим, потому что все это больше не интеллектуальное развлечение, а духовная пища.

Я вкладываю в вас мое сердце.

И теперь время пришло.

Пока не поздно, я хочу передать вам все то, что долгие годы ждало своего часа.

Тысяч вопросов я вынужден был избегать в своих беседах, потому что они могли сразу же вызвать массу неприятностей. Я сказал «тысяч», потому что это был единственный путь поймать моих людей. Но сейчас позвольте мне расслабиться, просто говорить о том, что приходит мне на ум.

Я даже не знаю, каким будет мое следующее предложение или следующее слово. Поэтому время от времени я просто останавливаюсь на середине предложения. Я должен выждать. Если слово придет, то придет, если нет, то я смотрю на часы. Поэтому, когда я смотрю на часы, вы можете понять, что я жду нужное слово, а оно не приходит.

Меня спрашивала Вивек: «Вы продолжаете критиковать Кришнамурти; Кришнамурти продолжает говорить против вас. Вы, должно быть, оба в душе хихикаете». Я сказал: «Что касается меня, то я действительно хихикаю. А о Кришнамурти я бы этого не сказал. Он не способен смеяться, совершенно не способен. Он забыл, как это делается; он слишком серьезен, и чем старше он становится, тем серьезнее. Я могу понять, я мог бы оказать ему большую помощь, но он не может вынести даже одного вида моих санньясинов; иначе я мог бы передать ему одну из моих общин.

Кришнамурти искал людей, которые могли бы понять его и делать то, что он хотел. У меня столько коммун по всему миру, что я могу одну отдать ему. Мне было бы очень приятно, если бы он смог получить хотя бы частичное удовлетворение в последние годы жизни, возможно в последние дни.

Ему девяносто лет, в любой момент он может умереть. И перед смертью я хотел бы предложить ему любую из моих коммун. Если он хочет эту коммуну, пусть берет эту - я уступаю. Если он сможет управлять моими людьми... это слишком для него. Но он не смог справиться даже с Дикшей, несмотря на то, что она всеми силами пыталась убедить его: «Я покинула Бхагавана, я больше не с ним».

Он сказал: «То, что ты сделала - хорошо, хорошо, что ты покинула его, но я не допущу тебя на мою кухню - убирайся!» Почему? Дикша такая хорошая повариха, она смогла бы управляться на

его кухне, как положено; к тому же требования к питанию у него были очень скромные.

В его школе, в Бруквуде, в Англии, не более дюжины мальчиков и девочек. И это трудные дети; их не принимают в другие школы. Когда у родителей уже нет сил, когда они сыты по горло своими детьми, они посылают их в школу к Кришнамурти, потому что он принимает всех, кто приходит. Но туда идут немногие; я думаю, не больше дюжины. В последний раз там был один из моих друзей, там было не более восьми детей разного возраста. И Кришнамурти живет там же.

Для Дикши это была бы не трудная работа, но она, бедная, слишком хорошо думала о своем будущем: если она ушла от меня, то должна, по крайней мере, держаться Кришнамурти. Но он не допускает моих санньясинов в свою кухню. Он не желает видеть никого из моих санньясинов сидящими перед ним на его беседах. Но это его проблемы, а не мои. Многие из его последователей стали моими санньясинами, многие из его последователей стали моими любимцами. Многие из его любимцев, многие из его последователей были чрезвычайно во мне заинтересованы. Я не вижу никаких проблем.

Поэтому я сказал Вивек: «Я хихикаю - ситуация в целом довольно абсурдна. Бедная Дикша просит допустить ее на кухню! Он должен был разрешить ей. Это совершенно не гуманно — велеть ей убираться. Если это касается меня, то я предлагаю: он может взять любую из моих коммун. Если он хочет людей, которые могут рискнуть всем, то у меня есть такие люди».

Но он не мог выдержать, не мог рисковать, находясь среди моих людей. Он был в ярости, потому что был не в состоянии сделать то, что хотел, а я мог сделать то же самое, не прикладывая особых усилий.

Я ничего не делал.

Я говорил вам, что я просто лентяй.

А вот как я жил всю свою жизнь:

Я ничего не делал.

Но если во мне есть что-то, что привлекает людей, которые что-то делают - не претендуя ни на какую награду, кроме того, чтобы быть со мною, чтобы купаться в моей любви, омыться моей любовью, просто моим присутствием... Какое еще вознаграждение они получают? А ведь они рискуют всей своей жизнью.

Я могу дать ему людей, которых он никогда не встретит, потому что движется в неверном направлении. Он опоздал на поезд; но я в поезде и могу потянуть за стоп-кран. Если он захочет, чтобы я сошел с поезда, я сойду и буду на его месте, а он пусть займет мое; в этом нет проблем. Но для него самого возникнет проблема, потому что мир, который я создал вокруг себя, может управляться только таким несуществующим управляющим, как я.

Но для людей его слишком много. Он будет с каждым разговаривать по три часа. Его слишком много для вас - он заморочит вам голову. Одно интервью с ним будет вполне достаточно, вы не станете его просить о втором. Его могут спросить о чем-то одном, а он начнет говорить

совершенно о другом - полностью, абсолютно о другом. Он не слушает вопросов, он полон своей собственной идеологии. Ваши вопросы для него, как трамплин, после них он начинает забрасывать вас своими размышлениями. И по существу все, что он делает, является противоречием: с одной стороны, он проповедует, что нет необходимости в наставничестве, нет необходимости в Учителе; а с другой стороны, сам продолжает наставлять людей.

А как назвать то, что вы ходите по всему миру, как не тем, что вы учите людей? Вы разве сумасшедший? Вы именно учите людей. Возможно, вы внушаете им быть против подобного обучения, но это не имеет значения; это по-прежнему остается обучением. Вы можете говорить, что нет ни Учителя, ни ученика, но люди начнут этому следовать: «Да, нет ни Учителя, ни ученика; но мы приверженцы Кришнамурти, мы следуем за вами». Вы становитесь Учителем, они становятся учениками. Вы гневаетесь, потому что ставите людей перед дилеммой.

Это очень сложная дилемма. Если ученики действительно понимают вас, то они больше не придут вас слушать. Когда-нибудь подобное должно будет случаться: он приезжает на лекции в Бомбей или Нью-Дели и просто сидит, потому что никто не приходит - ведь нет ни Учителя, ни учеников, нет обучения, нет философии, ничего.

Поэтому он сидит неподалеку от галереи искусств Джехан-гир в Бомбее, где по вечерам собираются все вороны Бомбея -хорошенькое место он выбрал себе! А эти вороны в своей прошлой жизни, должно быть, были религиозными проповедниками, потому что все они кричат одновременно, все вороны, в то время как Кришнамурти проповедует свое учение. Он говорит людям: «Если вы осознанны и внимательны, то вас не должны беспокоить вороны, просто слушайте меня».

Но почему? Они осознанны и внимательны, но они слушают ворон, а не вас. Почему они должны слушать вас? Эти вороны создают такой хаос! Это их место: они каждый день заняты этим, и неважно, приходят ученики или нет. Вы приезжаете только раз в году на несколько дней; вы просто самозванец на их территории. Но в один прекрасный день никто не придет, тогда его учение будет исполнено. Но будет ли он счастлив? Нет, он хочет, чтобы приходило больше народу. И именно это продолжает его беспокоить.

Поэтому я сказал Вивек: «Я могу смеяться, потому что он не является для меня проблемой; для меня никто не является проблемой». Но мое существование очень задевает его, потому что это то, чего он хочет сам.

Несколько дней назад Сомендра написал письмо одной из здешних моих санньясинов - женщине. Та писала Сомендре: «Здесь, в коммуне, я так счастлива, как никогда прежде. И я не думаю, что смогла бы жить где-нибудь еще; мое место здесь». Сомендра, должно быть, пытался вытянуть ее отсюда, потому что он пытался создать коммуну в Швейцарии.

Видя из ее письма, что она вне досягаемости, он написал: «Если ты там счастлива, то и я тоже счастлив. Бог дал Бхагавану все, что он хотел. Я надеюсь, что в один прекрасный день Бог тоже даст мне то, чего хочу я».

Нет, Сомендра наивен. По сравнению с Кришнамурти Сомендра наивен. Он не знает, что пишет. Он не знает, что, будучи намного ниже, пытается соперничать со мной. Он надеется, что в один прекрасный день Бог подаст и ему тоже. Нет, бедный Сомендра, никто не запрещает ему... Я

могу отдать ему одну из моих коммун в Швейцарии - там у нас прекрасная община. Зачем отдавать? Ведь Бога-то нет, я знаю, и его надежда никогда не сбудется; и если я могу отдать ему коммуну, то к чему тогда беспокоить Бога?

Только один намек с вашей стороны, и я отдам вам коммуну, и вы будете вольны делать то, что захотите.

Но нет, он надеется, что Бог... И он думает, что именно Бог дал мне то, что я хотел. Вы думаете Бог помог мне? Я так не думаю. Бог, если он где-то есть, должно быть, очень старается, чтобы все испортить. Он, наверно, вселился в губернатора

Орегона, в генерального прокурора Орегона, в сенатора Хатфил-да - или Фатфилда? Бог, должно быть, вселился во всех идиотов Орегона, в 1000 Друзей Орегона, во всех сторожевых собак. Бог лает отовсюду! А Сомендра говорит, что он дал мне все, что я хотел. Нет, нигде, ни в одном священном писании не сказано, что Бог столь благороден!

Но я не бог, я человек: я могу быть благородным. А с Сомендрой я всегда шучу. Он один из моих патентованных дураков - он не мог этого понять, он даже сейчас этого не понимает.

Ваши усилия или помощь Бога не смогут создать коммуну.

Коммуна - это самопроизвольный феномен.

Я никогда не просил вас приходить ко мне, я никогда не писал вам писем, в которых просил бы приходить ко мне.

Вы сами нашли меня.

Это ваш личный поиск привел вас ко мне.

Сомендра пишет повсюду ко всем санньясинам: «Приходите, мы создадим великую коммуну». Никто не собирается слушать, никто не собирается приходить. Это не тот путь. Главное, он предал меня. Я очень верил в него, да и сейчас верю. Я любил его, как люблю вас. И для меня нет разницы, санньяси-ны вы или нет. Какая может быть разница?

Но люди, покидающие санньясу, попадают в очень трудное положение. Они не могут вернуться, потому что им стыдно: что сказать? Потому что, когда они уходили, их спрашивали: «Зачем вы оставляете санньясу?» Тогда они много наговорили против меня, против коммуны, против организации. Теперь же, если они захотят вернуться, окажется, что они закрыли за собой дверь. Люди спросят: «Что случилось? Вы говорили против всего этого; а теперь опять все хорошо?» С каким лицом?..

Но я хочу сказать всем санньясинам, которые хотят вернуться, что они будут приняты с радостью. Это в природе человека, время от времени сбиваться с пути. Это не страшно, а рядом со мной все не страшно. Вы хотели изведать мир как несанньясины - это нормально. Теперь вы видите, что тогда было не такое уж и плохое время, и вы хотите вернуться. Это ваш дом - возвращайтесь.

Зачем этот бедный Сомендра просит Бога?., ведь я знаю, что его нет, никто не сможет ответить.

И если он попытается создать свою собственную общину, он попадет в беду, получит неприятности и все виды проблем. Он пока не в состоянии оказывать помощь кому-либо. Он сам нуждается в помощи. Его стремление создать коммуны сродни желанию слепого собрать других слепых словами: «Приходите, следуйте за мною».

Возможно, некоторые слепые и пойдут за вами, но рано или поздно вы вместе со всей своей группой окажетесь в канаве. Надо абсолютно точно знать: есть ли у вас глаза? Можете ли вы видеть свет? Обладаете ли вы такой энергией, которой смогли бы поделиться с людьми? Если нет, тогда не стоит и начинать все это безумие, потому что вы играете жизнями людей. Вы во тьме, и вы приведете этих людей в еще большую тьму.

В те дни я должен был говорить от имени религии, от имени Бога. Это было вынужденно. Другого пути не было: это не значит, что я не искал других путей. Я пытался, но в результате люди просто закрывали передо мной двери. Я видел простой выход. Даже мой отец был озадачен, больше, чем кто-либо другой, потому что он знал меня с рождения - знал, что я атеист, прирожденный атеист; что я против религии, против священников.

Когда я начал выступать на религиозных конференциях, он спросил меня: «Что случилось? Ты изменился?»

Я сказал: «Ничуть, я просто изменил стратегию; на международной индуистской конференции очень трудно говорить иначе. Они не допустили бы на свою сцену атеиста. Они не допустили бы человека вне морали и вне Бога. Но они пригласили меня - и все, что я сказал, было сказано против религии и от имени религии».

Президентом конференции был шанкарачарья, глава индуистской религии. А открывал ее король Непала - Непал единственное индуистское королевство в мире. Шанкарачарья был в большом затруднении, потому что все, что я говорил, было полностью противоположным теме конференции. Но то, как я преподносил это, производило на людей большое впечатление. Он так разгневался, что встал и попытался выхватить у меня микрофон, но я сказал: «Одну минуту, я сейчас закончу». На одну минуту он остановился - и мне хватило одной минуты!

Я спросил людей - там, должно быть, было по крайней мере сто тысяч человек - я спросил их: «Чего вы хотите? Он президент, если он захочет, он может остановить меня, и, конечно, я остановлюсь. Но вы пришли сюда, чтобы слушать. Если вы хотите слушать меня, тогда все поднимите руки; а для того, чтобы было понятнее, поднимите обе руки».

Две сотни тысяч рук... Я посмотрел на старика и сказал: «А вы садитесь. Вы более не президент: двести тысяч рук полностью отстранили вас. Кого вы представляете? Вы были президентом - эти люди сделали вас президентом, теперь эти люди освобождают вас. И я смогу говорить столько, сколько захочу», - иначе это было бы невозможно. Из этого огромного количества слушателей я нашел своих людей: Бихар стал одним из главных источников моих санньясинов.

Таким же образом я ездил по всей стране, посещая религиозные конференции, находя своих людей. И в один прекрасный день у меня создалась целая группа моих людей, и я мог теперь не беспокоиться о чужих конференциях; моя группа созывала свои собственные конференции, свои собственные встречи. Но это потребовало времени.

Теперь я никого не ищу. Я нашел людей, которых достаточно, чтобы распространять мою работу по всему миру.

Вот почему я хочу замкнуть круг. Теперь я говорю то, что хотел сказать еще в начале, но это было трудно, потому что никто не был готов слушать.

Теперь у меня есть мои люди - чьи сердца открыты, чтобы впитать меня, принять меня в себя.

И прежде, чем я умру, я хочу перелить в вас все, что у меня есть.

Это подобно тому, как одна свеча зажигается от другой.

Вы можете продолжать зажигать одну свечу от другой: вы можете зажечь миллионы свечей.

И запомните, первая свеча ничего не теряет. Это вовсе не значит, что она должна потерять много света из-за того, что уже горят миллионы свечей. Нет, она ничего не потеряла, она приобрела.

Сначала в темном мире горела одна свеча. Теперь же в целом пространстве дарят свой свет миллионы свечей.

Их свет одинаков.

Их пламя разное.

Каждый санньясин должен быть пламенем в себе.

Но свет всех санньясинов должен быть одинаков: свет, который я хочу распространить по всей земле — потому что в этом единственная надежда. Без этого человечество не протянет и пятнадцати лет. Но если мы сможем создать свет, о котором я говорю, если мы сможем зажечь весь мир — и мы это можем...

Я начал путешествие в одиночестве. Люди стали приходить и присоединяться ко мне; теперь моих санньясинов тысячи. И вы видите? Я не так долго был в дороге, двадцать пять лет. А те трудности, с которыми мне пришлось столкнуться, вам уже не грозят. Однажды, один, я отправился в путь. Теперь моя свеча горит в тысячах свечей.

У каждой свечи тот же потенциал.

Она может зажечь миллионы свечей.

В предстоящие пятнадцать лет все станет интенсивнее.

Опасность станет интенсивнее.

Вызов станет интенсивнее.

Возможность окончательного уничтожения станет интенсивнее.

И возможность окончательного преобразования станет интенсивнее.

В эти пятнадцать лет все приобретет самые интенсивные из возможных формы, потому что планета, которая миллионы лет работала над созданием человеческого сознания, вошла в пространство, в котором станет перед выбором: либо смерть, либо полное преобразование.

Старые религии мертвы. Они не дают никакого выбора; они умирают по мере того, как умирает общество, и нет никого, кроме вас.

Вы должны понять всю тяжесть, всю важность, всю ответственность. Навсей земле нет никого, подобного вам, никого, кто избавился бы от старого хлама и кто готов стать новым типом человека. И не печальтесь, что вас так мало.

Когда я начинал, я был один. Но даже в то время я не считал, что я в меньшинстве, потому что истина никогда не может быть в меньшинстве.

Истина - это всегда целое; не большинство, а все сто процентов.

Мой дедушка всегда спрашивал меня: «Ты хочешь в одиночку преобразовать весь мир?»

Я отвечал: «Одной маленькой свечкой я могу сжечь целый лес. Здесь не нужна атомная бомба, надо просто правильно рассчитать время. Если ветер дует в сторону леса, достаточно одной свечи - и целый лес будет в огне. Поэтому не думайте, что я один, и не думайте, что я один могу сделать?»

Моего деда уже не было в живых, когда я начал посвящать людей в санньясу, иначе он был бы несказанно счастлив, потому что, как я говорил ему, так и случилось. Вы не меньшинство, не думайте так.

Один-единственный санньясин - даже один-единственный - вовсе не меньшинство, потому что истиной, горящей в нем, светом в его руках и поднятым факелом можно заново создать лицо земли.

И так случится, - но не с Божьей помощью, ведь Божья помощь приходила на протяжении тысяч лет, и вы видите, что получилось.

На этот раз, без Бога, - по крайней мере, в этот раз без Бога, без небес, без ада, без всего этого хлама!

Дайте лишь шанс чистой человечности, обыкновенному, естественному человеческому существу.

И я говорю вам, что это случится - никакой Бог не сможет помешать этому.

Беседа 15

ИСТИНА ВЫСКАЗАННАЯ - ИСТИНА МЕРТВАЯ

13 января 1985 года

Бхагаван,

Для чего Вы готовите нас, Ваших санньясинов?

Я готовлю моих санньясинов ко всему и ни к чему. Второе более важно. Первое - это лишь приготовление ко второму.

«Все» включает в себя все то, что необходимо человеку, чтобы достичь своего существа, быть исполненным, реализованным, быть содержательным, быть в том предельном состоянии, когда нет желаний, нет потребностей; когда человек удовлетворен собой.

Это блаженное состояние и есть состояние ничего.

Все, что необходимо для достижения ничего, влечет за собой несколько фундаментальных принципов.

Первый фундаментальный принцип - быть мятежным. Все религии уничтожают потенциал восстания в человеке. Очевидно: ведь учить мятежности означает учить этих людей восстать против традиции, против общепринятого, против общества, против религии; а ведь все это - их насущные интересы. Мятежность должна быть абсолютно вырезана. Но в тот момент, когда дух мятежности умирает в человеке, человек начинает жить лишь постчеловеческим существованием — ведь вашим настоящим духом является дух восстания.

Все религии учили вас прямо противоположному.

Они учили вас верить.

Я учу вас сомневаться.

Они учили вас вере.

Я учу вас поиску.

Они дали вам уже все готовое. Я же говорю вам, что если вы не достигнете чего-либо своими собственными усилиями, то это окажется абсолютно бесполезным. Бог, протянутый вам на ладонях, ничего не стоит.

Святое писание, прошедшее сквозь традицию... просто впитать ее, подобно попугаю, - это самоубийство. Вы отравляете себя, потому что чем более знающими вы становитесь, тем меньше остается у вас возможностей для того, чтобы искать и находить.

Как только вами овладевает эта глупая идея о том, что вы уже что-то знаете, так вопрос о поиске перестает возникать. Вопрос о поиске возникает только тогда, когда вы чувствуете, что ничего не знаете.

Но ни одна из религий не позволяет вам того, чтобы вы ничего не знали. Они все время навязывают вам знания, катехизисы, доктрины, догмы. Они набивают ваш ум самыми разнообразными пустыми словами. Слово всегда пусто, если оно не несет в себе вашего переживания.

Мое слово не может быть настоящей пищей для вас. Оно будет пусто - оно всего лишь оболочка. Содержимое? Нет способа передать содержимое. Я могу передать вам оболочку, слово, но как мне передать вам мое переживание, которое всегда остается со мною? Слово направляется к вам, и я вижу в ваших руках пустое, мертвое слово. А вещь, которую я хотел выразить, передать, транспортировать, остается со мною; она не покидает моего существа.

Таким образом, истина невыразима.

Только идиоты продолжают говорить об истине.

И те идиоты верят, что они говорят истину. Они говорят только ля-ля, и ничего другого. Они пустомели, но сами верят, что передают вам что-то, а ведь не имеют за собой ничего другого, кроме слов. Но им кажется, что передают вам что-то.

Человеку знающему никогда не покажется, что истину можно передать. Да, он может подтолкнуть вас к поиску, но передать вам саму истину он не может.

Таким образом, первое, это дух восстания, который влечет за собой сомнение, скептицизм, поиск. Потребуется потрясающая смелость, потому что вы пойдете против всех, всех, кто обладает властью. Политики, священники, сверхбогачи, педагоги в университетах - все они обладают властью.

Ваше усилие в поиске будет выступлением против всех них, потому что они говорят: «Истина была найдена Иисусом Христом; вам не нужно беспокоиться о ней. Просто верьте в Иисуса Христа».

Это так же глупо, как и то, когда кто-то говорит: «Теория относительности была открыта Альбертом Эйнштейном. Вам не нужно беспокоиться о теории относительности - просто верьте в Альберта Эйнштейна и все будет в порядке». Вы полагаете, что, веря в Альберта Эйнштейна, вы что-нибудь поймете в теории относительности? Какое отношение ваша вера в Эйнштейна имеет к теории относительности? Они совершенно не связаны друг с другом.

То же относится и к Иисусу, Кришне, Заратустре, Будде, Мухаммеду. Невозможно узнать того, что знает Иисус, просто веря в него. Прежде всего, как вы узнаете, что он знает? Далее, как вы уничтожите скептицизм, который рождается при самом вашем рождении?

Вере учат.

Сомнение же - это ваша естественная способность.

Существование дает вам качество сомнения, а насущные интересы некоторых людей уничтожают это качество и перекрывают его верованиями. Верованиями на их, не на ваш, вкус.

Я немного схожу с ума, потому что начал говорить против моей же собственной профессии, но тут я ничего не могу поделать. Я мог бы стать учителем мира с миллионами последователей, если бы не был настолько сумасшедшим, что начал говорить вам правду. Правда же заключается в том, что все насущные интересы направлены против вас: вашей индивидуальности, вашей природы, вашего потенциала. У этих людей есть их идеи, их ожидания, и они хотят, чтобы вы

исполняли их идеи. Они хотят, чтобы вы были марионетками в их руках. И чем более вы ведете себя подобно марионетке, тем более уважаемыми вы будете.

Один из моих профессоров, С.С.Рой, который жив еще до сих пор, очень любил меня и говорил мне, бывало: «Я всегда беспокоюсь о тебе. Я знаю, что все, что ты делаешь, ты делаешь искренне, но в этом мире за искренность не платят. Подлинность не уважают. Мятежность отвержена. И люди, стоящие у власти, достаточно сильны, чтобы сломать любую индивидуальность, потому что все общество - суды, закон, правительство, все - в их руках. Ты бессилён».

Я сказал ему: «Я знаю, что они имеют определенную власть, но, пожалуйста, не говорите, что я бессилён. У меня тоже есть некоторая сила, не той же категории, что у них, но более высокой. Они могут убить меня, но они не убьют моей истины. А моя истина для меня важнее моей жизни, потому что моя жизнь в любом случае подойдет к концу. Если она закончится в служении истине, тогда в ней будет определенное содержание, ведь истина не может быть убита. Можно распять Иисуса, но как распять истину этого человека? Если у него была какая-то истина, то она продолжает жить. Можно отравить Сократа...»

Я сказал профессору Рою: «Я люблю вас совсем как отца, я знаю, как вы любите меня, как вы уважаете меня, что весьма неожиданно, - профессор, известный по всей стране, уважает студента, — но я не могу принять вашего совета. Вы говорите все это с добрыми намерениями - я благодарен вам за это. Но позвольте мне быть распятым, пусть меня отравят, пусть вся власть будет против меня; и, тем не менее, я говорю вам, что мое переживание делает меня более сильным, чем все эти люди. Их власть - это что-то временное: сила, которую дает вам истина, вечна».

Он сказал мне: «Я понимаю, и все же я не смогу помочь тебе своей заботой. По твоему поводу меня преследуют кошмары - что тебя кто-нибудь застрелит, что тебя кто-нибудь распнет, что тебя кто-нибудь отравит». И все такие попытки были; он оказался прав. Всякий раз, когда совершались покушения на мою жизнь, я информировал его: «Один из ваших кошмаров стал явью. Но я выжил в нем, так что не волнуйтесь. Я выживу и в вашем следующем кошмаре».

Чтобы иметь мятежный дух, все, что вам нужно для этого, - это решимость; и она есть у вас. Вы просто забыли о ней. Каждый человек рождается, обладая потрясающей смелостью. Природа не разделяет так, что дает смелость Александру Великому и не дает смелости вам; это не так. В том, что касается природы, она абсолютный коммунист. Коммунисты - это не коммунисты, а вот существование - абсолютный коммунист. У него нет категорий: оно не создает трусливых людей и смелых людей. Нет, оно просто создает смелых людей. Трусость создается теми, кто хочет остаться навсегда у власти. Это они создают трусов, ведь только трусы никогда не поднимут восстания.

И это очень просто: за тысячи лет найдены все возможные тактики. Они стали потрясающе хитрыми. Они нашли все возможные споробы, чтобы ослабить вас, уничтожить саму идею восстания. Чтобы сделать вас трусами, они создали ад, - который и не существует вовсе. Но с самого Вашего детства вас программируют на то, что если вы совершаете определенные поступки, то будете за них страдать в аду. И иногда это так нелогично.

Бертран Рассел прав, когда говорит: «Если все преступления, которые я совершил, и все

преступления, о которых я только мечтал в своей жизни, будут наказаны, то самый жесточайший суд не сможет послать меня за решетку более чем на четыре года. А христианство говорит, что придется страдать в вечном аду». Любой идиот поймет, что такое наказание чрезмерно.

Похоже на то, что Бог наслаждается, наказывая людей; иначе, что же за преступления вы совершаете? Можете ли вы совершить преступление, заслуживающее вечного ада? Можете ли вы придумать преступление, заслуживающее вечного ада? Каким бы большим ни было преступление, - вы можете быть Адольфом Гитлером, вы можете быть Иосифом Сталиным, Мао Цзэ-дуном, - но и тогда должен быть предел. Даже если Адольф Гитлер совершил миллионы преступлений, то и тогда вечный ад был бы несправедливым наказанием.

А что говорить об обыкновенных людях? Вы иногда лжете; вы иногда совершаете то, что религии запрещают. Вы иногда мечтаете о чем-то таком, что ваше общество не может одобрить. В своих мечтах вы можете убежать с чьей-то чужой женой - лишь в мечтах. А вот джайнизм говорит, что эти ваши мечты будут наказаны, потому что он не делает различия между тем, сбежите ли вы по-настоящему или только помечтаете об этом; на Востоке и сама жизнь - не что иное, как сновидение. Все является сновидениями - разница лишь в продолжительности.

Ночью, когда вы во сне убегали с чьей-то женой, продолжительность была краткой, может быть несколько минут, но интенсивность была огромной. Продолжительность была краткой, но интенсивность была огромной. В те немногие секунды вы наслаждались, вы по-настоящему наслаждались. И из-за этого вашего сна эта женщина не сможет обозлиться на вас, - если, конечно, вы не влюбились в злобную женщину; но это другой вопрос. Это ваше сновидение; оно отражает вас. Если вы мечтаете во сне о злобной женщине, то это просто означает, что вы этого и хотите, и тогда естественно, вы этого и заслуживаете.

Джайнизм говорит, что внешняя жизнь, жизнь с открытыми глазами, - это тоже сновидение. Оно длится дольше, продолжительно, но его интенсивность не такая глубокая. Это сновидение может длиться годами, но оно не глубокое. Если поместить ваше сновидение с закрытыми глазами на одну чашу весов, а ваше сновидение с открытыми глазами — на другую чашу, то может оказаться, что они весят совершенно одинаково, потому что одно имеет большую продолжительность, но интенсивность его мала; продолжительность другого краткая, но интенсивность потрясающая. В любом случае и то и другое - сновидения.

С самого вашего детства каждая религия создает в вас страх. Другая сторона этого страха — жадность. И то и другое создается одновременно, это не две разные вещи. С одной стороны, создается страх: если вы сделаете что-то, то будете наказаны, и наказание будет таким большим, как это только возможно.

Вы удивитесь, когда посмотрите на идеи всех религий относительно ада. Эти священные писания были написаны великими святыми, и я всегда удивлялся тому, были ли эти люди святыми, или они были своего рода садистами, потому что лишь для того, чтобы представить себе все эти мучения, уже нужно иметь ум садиста. В этих представлениях нужно находить удовольствие.

Когда де Сад, от имени которого происходит название болезни «садизм»... де Сад в конце концов был отправлен в тюрьму. Он был маркизом, поэтому схватить его было совсем непросто. У него была его собственная земля, маленькое королевство, и было очень трудно найти

свидетелей против него. Каждый день ему для мучений требовалась новая женщина, - и он мог схватить любую женщину, которая попадалась ему на глаза; его люди приходили и хватали эту женщину.

У него была особая камера - иронически ее называли камерой любви, но это была камера его любви. В его камере любви по всем стенам были развешены странные инструменты, которые он сделал сам; он был очень изобретательным человеком. И все эти инструменты были предназначены для мучений. Он постоянно носил с собой саквояж, подобный докторскому, на тот случай, если он отправлялся куда-нибудь и там появлялась соответствующая возможность. Для этого он держал в своем саквояже несколько специальных миниатюрных инструментов, - переносной ад. Настоящий ад был в его дворце.

В конце концов, когда он был схвачен и заточен в тюрьму, никто не мог поверить тому, что этот человек смог придумать такое большое число способов мучить людей. Первое, что он делал, - женщина должна была раздеться, а он бил ее. Она вопила и кричала, убегала от него, а он гонялся за нею и хлестал ее до тех пор, пока кровь не начиналась сочиться из ее тела; только тогда начинал он заниматься любовью с нею.

Этот человек описал в своем дневнике каждую подробность о том, как должны использоваться его инструменты, как определенный инструмент будет загонять иголки вам под ногти... И убежать невозможно; ваши руки зажаты в механизме, а под ногти впиваются иголки. Чем больше вы кричите, чем больше вы плачете, тем больше он наслаждается всем этим. Он клал женщину на кровать из льда, обнаженную, и заставлял ее лежать на ней: ее привязывали к ледяной кровати. Естественно, она всеми способами пыталась освободиться, - и в этом была его радость.

Когда я читал о его жизни и его заключении в тюрьму... он ведь умер в тюрьме. Он был посажен в тюрьму, потому что был опасным человеком, и изменить его было невозможно. Во время своего тюремного заключения он начал писать романы. Как романы они были третьесортными, но в том, что касается раскрытия преступного ума, с его романами ничто не может состязаться. Никто не был в состоянии конкурировать с ним, потому что то, чего он не смог проделать в действительности, он проделал в своих романах.

Когда я читал все эти священные писания и то, как они описывают ад, мне показалось, что эти люди, написавшие их, писали близко к де Саду. Прежде чем называть их святыми, их следует назвать садистами. Они не делали, но они писали. Именно этим занимался и де Сад в последнюю часть своей жизни: он радовался тому, что писал, потому что делать было уже невозможно.

Эти святые не могли делать все такие вещи, потому что если бы делали, то уже не назывались бы святыми. Их тоже бросили бы в тюрьму - с соблюдением правил уважительного отношения. Им поклонялось все общество, и они не могли потерять этого уважения. Поэтому они нашли способ описывать все такие вещи, которые, будь на то хотя бы малейшая возможность, они проделали бы сами. На самом деле, здравый ум, здоровый ум не будет и думать о таких вещах.

Все это больные люди - и больные люди доминируют во всех религиях.

Здесь они создают ад; а рядом, для себя и других святых, и для тех, кто будет слушать их

заповеди, они создают небеса, рай.

И на небесах все виды наслаждений. Весьма странно: все то, что они осуждают здесь, что они осуждают в вашей жизни, - все эти вещи доступны на небесах.

В этом, кажется, нет логической связи. Если что-то плохо на земле, то как это вдруг оказывается хорошим на небесах? Мусульмане осуждают алкоголь и все спиртные напитки: всякий, кто употребляет их, падет в ад. Но на небесах - если послушать их, последовать им и поверить им - у вас будет алкоголь не то что в бутылках, но реки алкоголя! На небесах не спрашивают воды; на мусульманских небесах когда испрашивают питья, то это означает алкоголь. Воды нет: пить на самом деле означает выпить. Текут алкогольные реки, и не только для того, чтобы пить - плавать, купаться, тонуть в нем!

Все это устроено для святых, потому что на земле они были аскетами; они не притрагивались к спиртному. Великая награда! За то, что они не прикасались к алкоголю, теперь они тонут в нем — великая награда! Здесь они не смотрят на женщин, даже и в сновидениях, потому что Бог - это такая любопытная Варвара, что заглядывает под каждый череп: о чем это вы там думаете, о чем мечтаете. Что же это за Бога создали эти люди? Ему что, нечем больше заняться? И людей так много миллионов...

А теперь ученые говорят, что жизнь должна существовать по меньшей мере на пятидесяти тысячах планет, это минимум. Может быть больше, но столько уж точно: на пятидесяти тысячах планет, подобных нашей Земле, есть жизнь. И как вы думаете, один только человек мечтает, видит сны? Только посмотрите на вашу спящую собаку; посмотрите на вашего спящего кота, и вы поймете, что они тоже видят сны.

Собака вдруг откроет свою пасть и схватит муху, - но нет мухи, - насладится ею и снова уснет. Ей снился сон, она с наслаждением ухватила муху; но бедная собака так никогда и не узнает, был ли это сон или реальность, потому что собака не находится еще на том уровне сознания, когда можно отличить сон от реальности.

Недоступно это и маленьким детям. Очень маленькие дети просыпаются по утрам с плачем, и если спросить у них, почему они плачут, они ответят, что играли с кем-то и этот кто-то внезапно исчез. Они видели сон; и вот они проснулись, сна больше нет, но для них нет разницы между сном и реальностью. Чтобы увидеть различие, нужна некоторая зрелость.

Так что Бог подглядывает, должно быть, в головы жуков и быков, ослов и сторожевых собак из Орегона и за каждым записывает, сколько ему полагается наказаний, сколько наград. Вся эта идея предназначена лишь для того, чтобы испугать вас и сделать вас алчущими. Но без Бога очень трудно управиться с адом и небесами; нужен управляющий, вселенная такая обширная.

Чтобы управиться с действиями каждого и каждому отвести полагающуюся ему долю мучений, полагающуюся ему долю наслаждений, по делам его, - закон кармы, - абсолютно необходим великий управляющий, всемогущий, всеведущий, вездесущий, божественный. В противном случае, кто будет руководить адом и раем, кто будет поддерживать мир и покой? Эти люди из ада в любой момент захватят небеса.

Вы полагаете, что Адольф Гитлер, Сталин, Мао Цзе-дун, Наполеон, Александр, Надиршах,

Тамерлан и Чингисхан - все эти люди станут молчать в вечном аду? Они давно бы уже захватили ваши небеса, потому что, кто такие ваши святые? Эти бедные ребята? Их вытащат и сбросят в ад: «Отправляйтесь! Убирайтесь отсюда!» А если Александр Великий взойдет на небеса, как вы думаете, сможет ли святой Франциск противостоять ему? Или когда придет такой человек, как Надиршах...

Всякий раз, когда Надиршах завоевывал страну, - он много раз завоевывал Индию, - перед ним шла огромная армия, предупреждая его приближение. Особым методом, которым пользовался Надиршах, было сжигать на своем пути все деревни, все города. В этом состояло его предупреждение: «Надиршах идет». Не нужно было никому ничего говорить: он просто повергал огню каждую деревню, через которую проходил, и немедленно все по всей стране знали, что Надиршах идет. В огне оказывалось так много деревень, люди бежали и умирали... а армия продолжала свои поджоги. Никаких других предупреждений не требовалось.

Как-то раз одна танцовщица, слава о которой достигла Надиршаха... Он возвращался из Индии, и по дороге кто-то сказал ему: «Совсем недалеко отсюда, в нескольких милях, живет очень красивая женщина, великая танцовщица».

Тогда он сказал: «Нет проблем - приведите ее. Сегодня вечером будет праздник».

Женщину схватили. Она танцевала до полуночи и была хорошо вознаграждена, с этим ведь не было проблем: Надиршах наградил по всей стране. Она не могла поверить тому, что все это он дает ей, - столько драгоценных украшений, сколько она не видела за всю свою жизнь, - но, тем не менее, она сказала: «Пожалуйста, дайте мне в придачу еще и одного человека, потому что столько драгоценных украшений... Я даже не знаю, сколько они все стоят; я никогда не видела таких вещей, - а ведь я не бедная женщина. Даже цари приходили посмотреть меня, но вы царь царей. Никто не вознаграждал меня так всего лишь за один танец. Так что пошлите со мною хотя бы одного солдата, чтобы я чувствовала себя защищенной и смогла бы добраться до дому».

Он сказал: «Надиршах так не поступает. Пусть пойдет моя армия, и пусть она сжигает на своем пути все деревни, чтобы люди знали, что из лагеря Надиршаха домой возвращается танцовщица. И не беспокойся о тьме, ведь будут гореть все деревни; ты будешь ехать, как днем».

И вот что он устроил: на семь миль вдоль дороги были подожжены все деревни и все леса. Женщина не могла поверить своим глазам - этот человек создал дневной свет посреди ночи.

Как вы думаете, сможете ли вы управлять такими людьми? И они там не поодиночке; они там все вместе. И эти бедные парни, подобные святому Франциску, Иисусу, Будде, Махавире, просто убегут, только завидев этих людей. Они сами попросят их: «Пожалуйста, пошлите нас в ад. Мы не хотим здесь жить больше. Добро пожаловать вам».

Из-за того, что есть небеса и ад, нужен великий управляющий, босс, настолько могущественный, что все эти люди - просто ничто перед его силой.

Маленьким детям вводят программу. Это ввод программы в них; это изменение живого ума на мертвый компьютер. Ад, который держит вас в страхе, здесь, внутри вас, здесь же и небеса, которые поддерживают в вас алчность. И Бог здесь, постоянно наблюдающий за тем, что вы делаете, о чем думаете, о чем мечтаете. Это жизнь или это какой-то кошмар? И как вам быть

мятежными в такой ситуации? Это слишком рискованно.

Одним из друзей и последователей Кришнамурти в Индии является Дада Дхармадхикари. Он также великий последователь и друг Махатмы Ганди. И странно, - он очень стар, - он также и мой друг, но со мною дружить трудно. Его сын - генеральный прокурор штата Мадхья Прадеш, он живет в Джабалпуре, где я был профессором; он жил всего лишь в полумиле от меня.

Дада Дхармадхикари приезжает к своему сыну всякий раз, когда хочет отдохнуть или просто болен; в противном случае он всегда в движении. Он один из великих ораторов Индии. Он не верит ни в ад, ни в небеса, ни в Бога; он последователь Кришнамурти, и не новый, - не как последователь из Калифорнии, который меняет свои привязанности с изменением моды. Самое продолжительное время — это три года, вот средняя продолжительность для калифорнийца, - три года на супружество, потом нужно разводиться; три года на работу, потом пора кончать с ней; три года на университет, потом пора бросать его; три года на одном месте, потом наступает пресыщение: пора переезжать. Три года на движение Харе Кришна, потом три года на движение Муни - по три года на все.

Дада Дхармадхикари не такой. На протяжении пятидесяти лет, с самого начала деятельности Кришнамурти он был с ним, поэтому он целиком и полностью запрограммирован Кришнамурти. Этого последователи Кришнамурти не понимают. Они понимают, что христиане запрограммированы; они понимают, что индусы запрограммированы; они понимают, что запрограммированы все, но вот последователи Кришнамурти не запрограммированы. Вот где они не поняли Кришнамурти и его откровение. Они ведь тоже запрограммированы. Индус повторяет то, что сказали ему; последователи Кришнамурти повторяют то, что сказал им Кришнамурти. Но ни индус, ни они, не испытали переживания.

Я снова и снова разговаривал с Дада Дхармадхикари: «Дада» — Дада означает большого брата, это очень уважительное обращение, а он был так стар, что годился мне в деды. Я говорил ему: «Дада, вам следует понять одну вещь: все, что вы говорите, - это снова программа. Кришнамурти программировал вас на протяжении пятидесяти лет. Ни один индус не программировался так долго, потому что ребенок несколько лет слушается родителей, а потом уже поступает сам по себе. Этих нескольких лет достаточно, чтобы испортить его. Что же говорить о вас? Пятьдесят лет! Вы испорчены на многие жизни, до самых своих корней».

Он говорил: «Но это не программирование, это понимание. Я знаю, что Бога нет, нет ада, нет небес, - ничего. Все это чепуха и хлам».

Я сказал: «Хорошо; когда-нибудь, Бог, вероятно, пожелает, и я смогу разоблачить вас».

Однажды его сын прибежал ко мне и сказал: «Дада спрашивает вас. Он очень болен», — у него был слабый сердечный приступ, - поэтому я пошел. Я вошел в комнату, когда он говорил: «Рама, Рама, Рама...», с закрытыми глазами, - ведь умирая, получив сердечный приступ в пожилом возрасте, индусы вспоминают имя своего Бога. Индусы верят в то, что если умереть с именем Бога на устах, то тогда прощаются все грехи. Эти люди очень расчетливы: они так сильно пугают вас, и они же дают вам уловку, чтобы избежать наказания, ведь все в их руках. Так что если в последний момент, даже один раз, вы скажете «Рама» и умрете, то этого и достаточно.

У них есть один рассказ: умирал человек, который был убийцей, вором; назовите что угодно,

любое преступление, и он был в нем экспертом. Он умирал. У него был сын по имени Нараяна: Нараяна - это еще одно имя Бога. У индусов Бог имеет тысячу имен, так что трудно найти имя, которое не было бы именем Бога.

Я настаивал перед моими родителями: «Я не хочу, чтобы мое имя совпадало с каким-либо именем Бога, поэтому вы должны найти что-нибудь другое». На протяжении многих лет они не могли подобрать для меня имя. Они просто называли меня «Раджа»: Раджа означает царь, это имя не имеет отношения к Богу. Но это было только на время; они тем временем подыскивали имя. По-видимому, впервые во всей человеческой истории мое имя, Раджниш, используется потому, что такого не найдешь нигде. Да, теперь в Индии есть три или четыре ребенка с именем Раджниш, в мою честь, потому что их родители были санньяси-нами; а так, я был первым человеком, которому было дано это имя.

Это придуманное имя. Ему вы не найдете никакого прецедента. Я искал, упорно пытался найти, но не нашел ничего, потому что это придуманное имя, искусственное. Раджни означает ночь, а Раджниш означает господина ночи, луну. Это было творением моего дяди, поэта. Мне оно понравилось. Я сказал: «Это подойдет. В нем, по крайней мере, нет упоминания о Боге. Оно абсолютно очищено от религии: религии нет в нем».

Итак, тот человек, который был убийцей и преступником, умирал. Он делал все, что угодно, но никогда не был схвачен. Он точно был на пути в ад. Но в последнее мгновение он сказал: «Нараяна!» - своему сыну, - и умер. Его сын был вне дома, он вошел внутрь; пока сын подходил, этот человек умер. Так вот у индусов есть рассказ о том, что этот человек, благодаря тому, что произнес имя Бога, достиг небес и был принят как почитаемый святой.

Вот как эти люди дурачили вас: они пугают вас, но и подстрекают вас: все страстные желания исполняются на небесах. Они же дают вам очень простые методы - всего лишь имя Бога на ваших устах в последнее мгновение, всего лишь один раз. Иногда случается так, что человек умирает неожиданно. Смерть никогда не приходит с назначенным сроком, сообщая вам: «В шесть часов вечера будь готов, я приду». Она просто приходит, и, когда она здесь, вы уходите.

Индусы нашли метод и для этой ситуации, потому что миллионы людей умирают без имени Бога на устах. Поэтому, когда они умирают, приходит брамин, который повторяет имя Бога на ухо мертвому человеку. В рот мертвого человека наливают воду из Ганга, потому что вода из Ганга так же чиста, как имя Бога, - но в тело мертвого человека, которого нет больше! Вот они эти уловки...

Дада Дхармадхикари — достоверный атеист, антирелигиозный человек, человек анти всего: ада, небес, Бога, - и повторяющий имя Рама! Я сказал его сыну: «Потише. Позвольте мне приблизиться к нему». В комнате было темно, чтобы не беспокоить его, я двигался медленно и подошел к нему близко. Он повторял, не зная того, что я здесь: «Рама, Рама, Рама...»

Я сказал: «Я здесь, слушаю».

Он сказал: «Кто вы?»

Я сказал: «Человек, который хотел разоблачить вас. Вот подходящая возможность! Что вы делаете? Всего лишь небольшой сердечный приступ, и с Кришнамурти покончено! Пятьдесят лет

смыго прочь».

Он сказал: «Нет времени спорить. Я умираю, - пожалуйста, не сейчас».

Но я сказал: «Когда вы умираете, - это как раз то самое время, когда я должен удержать вас на пути, потому что если вы умираете, повторяя “Рама, Рама”, вы умрете идиотской смертью. Я не могу оставить вас так».

Он сказал: « Вы оставите меня в покое или нет...» - и закрыл глаза, снова начав повторять: «Рама, Рама, Рама».

Я сказал: «Что вы делаете? Сердечный приступ прошел, вы живы. И то был очень слабый сердечный приступ, - позднее вам будет стыдно за себя». На следующее утро, когда ему было немного лучше, я пришел повидаться с ним. Я сказал: «Что скажете об этом “Рама, Рама”?»

Он сказал: «Мне по-настоящему стыдно. Но случилось так, что когда я услышал, как доктор шепчет на ухо моему сыну, что вот наступил сердечный приступ, я сказал себе: теперь не время думать о том, существует Бог или нет, существуют ли ад и небеса. Всю свою жизнь я отвергал Бога. Как я предстану пред лицом его, если вдруг он действительно существует? Так что вреда во всем этом нет; в этой темноте никого нет, я буду повторять его имя. Если его нет, я ничего не потеряю; если он есть, я скажу ему: “Прости меня”. В последнее мгновение я вспомнил о вас!»

Я сказал: «А что же ваши пятьдесят лет? Что же все ваши доводы? Я ведь говорил вам снова и снова, что вы похожи на попугая. Трудно изменить старых попугаев, но если вы признаете, что вы тоже запрограммированы, - это будет хорошо. Не имеет значения, кто программирует вас».

Моя работа с санньясинами — это распрограммирование.

Здесь, в Америке, есть психологи, которые называют себя депрограмматорами. Нет, они не то, - они перепрограмматоры.

Если какие-нибудь родители обнаруживают, что их дети движутся с сторону какой-то религии, отличной от их религии, то даже родители, как известно, похищают своих детей. Сегодня происходит что-то, неведомое в истории человечества, - родители похищают своих собственных детей у людей Муни, у людей Харе Кришны и отводят их к психологам, которые притворяются депрограмматорами. То, что они делают, на самом деле является не распрограммированием, а перепрограммированием.

Они стирают результат и программу Муни; до этой точки верно - они депрограммируют. Но потом человека перепрограммируют в христианство, если он принадлежит христианским родителям, или в иудаизм, если он принадлежит еврейским родителям. Это перепрограммирование. Эти психологи - на службе чьих-то насущных интересов. Они преступники.

Ребенок пытался убежать как-то из одной тюрьмы; и конечно, он попадал в другую, но эта, по крайней мере, была новой, хотя бы какое-то развитие. Она, по крайней мере, не такая гадкая, как старая. Старая тюрьма была ветхим зданием, готовым в любое время рухнуть. Теперь он, по крайней мере, переехал в новый дом. Это, конечно, тоже тюрьма, но более современная, со

всеми самыми последними достижениями: телевидение, радио, электричество, телефон.

Он ничего не потерял; он не потерял тюрьму, он не потерял ничего другого. На самом деле он приобрел некоторые новые улучшения в тюремной системе. Его же перепрограммировали, заставили вернуться в старый дом, готовый рухнуть в любой момент, - и вы называете себя депрограмматорами. А потом вы получаете за это с родителей деньги. Вы преступники, получающие деньги за свои преступления.

Моя работа - в точности депрограммирование. Я просто распрограммирую вас. Индусы вы, или мусульмане, или христиане, или свихнувшиеся на Иисусе, или свидетели Иеговы, или люди Харе Кришны, или Муни, - какова бы ни была ваша порода, какова бы ни была ваша торговая марка, не имеет значения, - я просто распрограммирую вас. Взамен я не даю вам никакой программы. Я оставляю вас в уединении, с самим собой.

Я не даю вам никакой доктрины, заменяющей ад, заменяющей небеса, заменяющей Бога, - нет.

Я отнимаю у вас все, чем вы были запрограммированы, и предоставляю вас самим себе, чтобы вы искали и находили. Кто я такой, чтобы перепрограммировать вас?

И первое дело: обретите вновь мятежный дух, с которым вы рождаетесь, - который не является программой, который является самим вашим существом.

Второе дело: станьте индивидуальностями.

Общество пытается сделать вас личностями и никогда не индивидуальностями. Личность - это тот, кто обладает личными качествами, а это все — маска. Общество учит вас, как сидеть, как стоять, как вести себя, как поступать в определенных ситуациях. Всеми возможными способами общество готовит вас к тому, чтобы вы соответствовали статус-кво, существующему положению вещей.

Мой отец, когда сердился на меня, говорил мне, бывало: «Ты всегда будешь неподходящим человеком».

Я отвечал: «Для меня это слово означает что-то потрясающе уважительное. Да, я хочу всегда оставаться неподходящим человеком. В каждом обществе, в каждой нации, в каждой стране я хочу оставаться неподходящим человеком, потому что в тот момент, когда я стану подходящим, я буду всего лишь спицей в колесе. Тогда меня больше нет».

Личность - это маска, данная вам для того, чтобы ваше истинное лицо было скрыто. Это всего лишь одежда, с которой вы мало-помалу оказались отождествленными. Если что-то на долгие годы остается прикрепленным к вашему лицу, то вы и отождествляетесь с этим, ведь в зеркале вы будете видеть не лицо, вы будете видеть маску. В глазах людей вы будете видеть маску. Люди будут говорить вам, как вы красиво выглядите, какие у вас красивые глаза, вот вы и отождествляетесь со всем этим. Теперь уже невозможно обнаружить, что это всего лишь маска, что за ней есть еще что-то. Не этим вы предполагали быть.

Личность - это то, что обществу удалось сделать из вас.

А индивидуальность - это то, чего общество боится.

Личность создается обществом в соответствии с его собственными потребностями, а индивидуальность дика, естественна. Она не подходит к какому-то механизму; из нее нельзя сделать спицу в колесе.

Я хочу, чтобы вы были индивидуальностями, не личностями.

Отбросьте свою личность.

Отбросьте все идеи, которые вам дали эти люди. Да, иногда эти идеи доставляют большое удовлетворение. Кто-нибудь говорит: «Какой ты красивый!» Хватит ли у вас смелости спросить: «Дайте, пожалуйста, какое-нибудь доказательство».

Вот что случилось с одним из моих директоров колледжа.

Он хотел, чтобы я подходил к его колледжу. Я не подходил и был каждодневной для него проблемой. Почти каждый день меня приводили к нему и он говорил: «Вот странно. Я еще не видел учащегося, которого бы приводили ко мне каждый день, регулярно. Вы всегда тут?»

Я отвечал: «Я не могу позволить себе отсутствовать — меня это так радует».

Он испытал на мне все. Он думал, наверное, что если меня поддержать, то это поможет. Наказание не помогало, исключение не помогало. Я уже был исключен из других колледжей; это не помогло. Поэтому он сказал: «Вы такая красивая личность, такая разумная...»

Я сказал: «Постойте. Вы должны будете дать мне доказательства. На каком основании вы утверждаете, что я красивый? Дайте мне доказательства. И на каком основании вы полагаете, что я разумный? Вы считаете, что, говоря такие слова, вы сможете уничтожить мою индивидуальность?» Люди хотят, чтобы их считали красивыми и разумными, поэтому, когда кто-то говорит такое, они это принимают за чистую монету; от такого никто не откажется.

Я сказал: «Со мной в такую игру сыграть не удастся. С моей точки зрения, вы безобразны; и если вы захотите доказательств, я принесу их вам. С моей точки зрения вы глупы. Если бы вы были разумным человеком, то вы увидели бы, что “с этим человеком такая стратегия не сработает”. Вы не разумный человек. Как вы могли подумать, что можете купить меня так дешево?»

Он был шокирован, но сказал: «Вы правы. По-видимому, я недостаточно разумен, я ведь никогда не думал, что можно сказать кому-то: “Вы разумный человек”, - а он откажется принять это и потребует доказательств».

Скажите даже идиоту: «Ты великий, такой разумный, исполненный мудрости», — и даже идиот не откажется от такого. Такие шансы не встречаются каждый день; редко кто скажет вам, что вы исполнены мудрости. Редко кто побеспокоится о том, чтобы сказать вам, что вы красивы. А ведь это директор говорит с учащимся... Это была почти характеристика.

Я сказал ему: «Я не возьму эту вашу характеристику, потому что, с моей точки зрения, у вас самого нет никакого характера. Какая же ценность характеристики, полученной от человека, лишенного характера? Вы ведь прекрасно знаете, что у вас нет никакого характера».

Он знал, что я имею в виду, говоря это, потому что каждый вечер я видел его автомобиль, стоящий напротив публичного дома. Я сказал: «Только подумайте о своем автомобиле каждый вечер - где он стоит, и почему он стоит там. Вы неразумный человек: по крайней мере, вы могли бы парковать свой автомобиль в каком-то другом месте. Хотя бы столько разумности нужно иметь директору; вы могли бы парковать свой автомобиль в каком-то другом месте. Почему вы паркуете его прямо перед публичным домом? Может быть, вы и не ходите в публичный дом, но ваш автомобиль будет достаточным доказательством».

«У меня есть фотографии вашего автомобиля, стоящего перед публичным домом, и вас, входящего в этот дом». Я сказал: «Я только что научился фотографировать». Итак, я сказал: «Это что-то по-настоящему красивое; когда-нибудь это может пригодиться. Может быть, когда-нибудь вы захотите исключить меня; тогда я просто пошлю эту фотографию всему совету директоров колледжа, и тогда посмотрим, кого исключат».

Он сказал: «У вас есть фотография? Отдайте мне эту фотографию! Я не буду исключать вас, и я ничего не буду больше говорить. Пусть себе жалуются».

Я сказал: «Посмотрите, что вы пытаетесь делать, вы поддерживаете мое эго? Вот так и создается личность».

Другие люди поддерживают в вас ваше эго, говорят вам всякие вещи, - что вы такие хорошие, - и вот вы начинаете вести себя по-хорошему, потому что должны придерживаться того, что стандартные люди ожидают от вас. Вам говорят, что вы красивые, и вы начинаете дольше смотреться в зеркало, укладывать свои волосы, делать макияж и все такое. Вы должны придерживаться стандарта: люди считают вас красивыми, и вы ни на мгновение не задумываетесь, что вами манипулируют. Эти люди просто дергают за ваши веревочки, и вы становитесь марионетками.

Манипулировать легко каждым, нужно лишь знать, какого рода личность была дана этому человеку. Лишь небольшое знакомство, и вы знаете, за какие веревочки нужно тянуть, чтобы он танцевал под вашу мелодию. И этим занимается все общество. Люди танцуют под мелодию политиков.

Личность - вот ваш враг.

Она в руках тех, кто эксплуатирует вас, кто уничтожает вас.

Вам нужно отбросить вашу личность. Вам нужно отбросить все идеи, которые были внедрены в вас другими людьми: что вы такой, что вы этакый, - нет. Вы сами должны открыть, кто же вы. Это немного трудно, но это дает ощущение потрясающего удовлетворения. Конечно, так действовать трудно, потому что ваша личность стала почти вашей кожей, так близко она прикреплена к вам. Вы настолько сильно отождествлены с этим, что никогда и не думаете, что вы — это не ваша личность.

Первое, что следует запомнить, - это то, что вы не совпадаете с вашей личностью. Вы не осознаете, кто же вы, потому что прежде, чем вы сможете осознать это, - исходя из вашей реальности, исходя из вашего подлинного лица, - общество уже навязало вам свой образ, свою модель. Оно уже начало отсекал и отрубать все, что не подходит ему. Оно начало добавлять вам

произвольные, случайные вещи, чтобы сделать из вас людей, подходящих обществу.

Каждое общество создает свой собственный род личности, потому что каждое общество обладает своей собственной структурой.

В Южной Африке существуют племена, они все еще живы, в которых, когда проходит вождь... Вы не можете даже представить себе, что такое можно ожидать от общества, но в том обществе такое можно встретить. Есть и прямо противоположное. Например, в Индии, если ко мне приходит повидаться со мною очень правоверная женщина, она коснется моих ног и потом отпрянет назад. Она не станет показывать мне свою спину. Нет, это неуважительно; в Индии от леди такого не ожидают. Она будет двигаться назад, точно так же, как в храме. Там она подходит к статуе, касается ее ног, предлагает ей то, что принесла, и затем отходит назад. Она не может показать Богу свою спину.

Но в этом племени из Южной Африки, когда проходит вождь, каждая женщина должна стоять рядом с его дорогой, показывая ему свой обнаженный низ! В этом проявление ее уважения. Может быть, он заинтересуется чьим-то низом... Нет, я использую неправильное слово, «низом», - просто достаточно одной из нижних частей. У меня проблемы с числительными! Лишь подумав о щечках, я начинаю думать о низе. И вождь осматривает их, потому что если он не будет осматривать их, то это будет проявлением его неуважения к этим женщинам. В этом обществе вот так проявляется личность. Каждое общество может посмеяться над другим, но своему собственному обществу вы подходите и поэтому не видите никакой его абсурдности.

В позднее средневековье и даже после позднего средневековья продолжалась такая система: женщины пользовались занавеской — как это называется — своего рода платьем, под которым была конструкция из проволоки, за которой невозможно было представить себе фигуру женщины. Она выглядела совершенно как кукла, вся кругом, как раскрытый зонтик. Это была такая штука, похожая на зонтик, касающаяся пола. Ног женщины не было видно.

Бертран Рассел вспоминает это по своему детству, - он ведь принадлежал семье лордов. Он сам был лордом Бертраном Расселом, он отказался от применения этого безобразного слова. Он говорит: «Увидеть ноги женщины было невозможно. И того было достаточно, - если иногда, по случаю, мужчина видел ножки женщины, и того было достаточно, чтобы возбудить его сексуальность».

Вы не можете представить себе этого, по крайней мере, в Раджнишпуре. Рядом с вами женщина может идти совершенно обнаженной, и вы не взглянете на нее, и вы не потеряете к ней ни капельки уважения. Вот в чем смысл слова уважение: увидеть, посмотреть вновь. Здесь вы можете даже не осознавать того, кто проходит рядом с вами, мужчина или женщина, - это никого не волнует.

Рассел говорит: «В моем детстве просто увидеть обнаженную ножку женщины было достаточно». В Англии считалось, вплоть до начала этого века, что у королевы нет двух отдельных ног, что они соединены! Королева должна быть чем-то особенным. Так естественно было думать, потому что никто не видел ног королевы. Общим мнением по всей Англии было то, что королева - это не обыкновенная женщина: ее ноги соединены вместе. И только теперь, когда юбки становятся все короче и короче, ветерок иногда позволяет себе сыграть шутку с ее королевским высочеством, и низ не только виден, но иногда и фотографируется журналистами!

И вы знаете - все то же самое.

В каждом обществе, коль скоро навязана определенная идея, она сохраняется на столетия.

Вы должны понять все, что навязано вам, чтобы отбросить это.

Чтобы отбросить, достаточно лишь понимания.

Вы начинаете чувствовать разделение, медленно возникающее между вами и вашей личностью. Вы начинаете созерцать, как ваша личность меняет свое лицо. Встречая бедного человека, наблюдайте свой отклик; встречая богатого человека, наблюдайте свой отклик, - и вы увидите разницу. Откуда исходит эта разница? Оба человека имеют одинаковую ценность; нищета или богатство не создают человека. Но вас научили тому, что есть разница, и ваша личность немедленно изменяется, хотя вы и не осознаете этого.

Когда вы стоите перед вашим боссом, осознайте свой хвост, который будет помахивать. Только попытайтесь отыскать свой хвост, и вы увидите, как он помахивает. Когда вы стоите перед боссом, вы всегда улыбаетесь. Почему? Это помахивает ваш хвост.

Вы наблюдали за собаками. Иногда, когда они испытывают чувство недоверия, они делают одновременно две вещи: они лают и помахивают хвостом. Они стоят перед дилеммой, они не могут решить, что будет правильно: выбросить этого человека прочь с охраняемой территории или позволить ему войти. При таком затруднении, логическом затруднении, они делают и то и другое: и что бы ни случилось, не имеет значения, - что-то одно может быть отброшено. Если хозяин выходит и приветствует этого человека, собака немедленно прекращает лаять и продолжает помахивать хвостом. Даже у собаки есть личность. Она знает, что ей нужно делать, чего ждут от нее.

Понаблюдайте за собой в различных ситуациях. Кто-то оскорбляет вас; что происходит с вами, какова ваша реакция? Вам нужно больше обращать внимания на свою реакцию, чем на это оскорбление; оскорбление - это его проблема. Ваша реакция - вот ваша проблема. Разъяряетесь ли вы? Или вы способны выслушать в тишине все, что он говорит, без всякой реакции, - так поступить было бы правильно.

Прежде выслушайте, что он говорит. Может быть, он прав. Если он называет вас вором, зачем сердиться? Если вы не вор, вы должны поправить его недопонимание. А если вы вор, то вы или исправитесь, или просто почувствуете по отношению к нему благодарность за то, что он указал на что-то в вас. Но я не вижу смысла сердиться. Или вы вор, или вы не вор. Просто наблюдайте свою реакцию. Если вы вор, то он просто называет вещи своими именами. Он не враг вам. Просто поблагодарите его и скажите: «Вы правы, и я по-настоящему благодарен вам за то, что вы указали мне на это и дали мне это осознать. Да, я вор».

И просто наблюдайте, какая реакция будет у этого человека, - он ведь будет озадачен. Он будет в положении той же собаки. Он будет озадачен, потому что он ожидал от вас гнева, а вы продемонстрировали ему глубокое понимание. Он будет просто шокирован. Он не сможет представить себе, что когда вас назвали вором, вы не испытываете ни малейшего оскорбления.

А если вы не вор, вы можете просто сказать: «Вам нужно проделать еще небольшую домашнюю

работу по этому заданию, еще одно небольшое исследование. Я не вор. Это ваше дело, - вы можете продолжать верить в это, - но вы живете в мире недопонимания».

Но смысла гневаться я не вижу. Только наблюдайте ваши действия и реакции и поймите, что ваша проблема заключается в ваших действиях, в ваших реакциях, в ваших откликах. Вам нечего делать с действиями другого человека; это его проблемы. Оставьте его проблемы ему самому, - и вот он способ оставить их ему. Тогда вы абсолютно чисты, вы выходите из этого чистыми.

На этом пути ваша личность медленно ускользает прочь и начинает появляться ваше истинное лицо, - потрясающе красивое и благородное. Оно обладает не красотой тела, но красотой, которая гораздо глубже красоты тела, и благостью, которая не достигается годами молений в церквях, в храмах. Внезапно вы ощущаете новый цвет, новый аромат вокруг вас. В тот момент, когда раскрывается ваше истинное лицо, вы уже находитесь на пути к свободе, к подлинности, к целостности, к бесстрашию.

Вот что я имею в виду подо всем, что необходимо для достижения ничего.

Все - это окружение, а ничего - это центр. Все - циклон; а ничего - центр.

Но если все эти вещи не случатся вам, - бунтарский дух, индивидуальность, ваше истинное лицо, свобода, бесстрашие, подлинность, целостность, - вы не сможете войти внутрь себя.

Общество не хочет, чтобы вы входили внутрь себя. Общество хочет, чтобы вы выходили, - чем дальше вы отходите от своего центра, тем лучше, потому что, чем вы дальше, тем-полезнее вы для общества: вы можете быть использованы как средство. Общество не может использовать человека, который стоит в своем центре. Тогда он находится вне хватки общества. И человек, стоящий в своем центре, - который есть ничто, чистое ничто, просто пространство, чистое пространство.

Когда вы смотрите из этой чистоты, ваши глаза способны найти истину повсюду. Ваши глаза способны повсюду найти красоту. Ваши глаза способны видеть там, где раньше вы были слепы.

И не только ваши глаза, все ваши чувства приобретают потрясающие способности. Теперь вы слышите, но не слушаете. Слышание и слушание идут вместе. Конечно, прямо сейчас вы можете слышать, ведь у вас есть уши; но слушание требует чего-то большего. За вашими ушами должно располагаться молчание осознания. Прямо сейчас за вашими ушами располагается толпа мыслей; там нет молчания, поэтому вы всего лишь слышите.

Я говорю одно, вы слышите что-то другое, потому что эта толпа все время спутывает то, что вы слышите. Это изменение, редактирование, добавление: так создается все то, что вы слышите, но не слушаете.

Слушание возможно только в том случае, когда ваши уши наполнены пространством молчания, — когда вы всего лишь созерцатель. Тогда вы можете слышать в мельчайших вещах величайшую музыку. В ветре, играющем ветвями сосны, вы можете услышать музыку, которую не создаст ни один музыкант. Вы можете увидеть красоту в таких простых вещах, -птица в полете, - которые не волновали вас никогда раньше.

Вы совершенно по-новому начинаете ощущать запахи. Не только лишь глаза, способные видеть человека. Вы удивитесь, узнав, что, когда ваше внутреннее пространство доступно всем вашим чувствам, вы начинаете ощущать и запах человека. Если человек нереален, вы немедленно ощутите это в виде его запаха; если человек лжет, вы немедленно почувствуете это по запаху. Вы удивитесь, узнав, что запах тела каждой индивидуальности различен.

Биологически запах тела каким-то образом связан с сексуальностью. Вы, должно быть, видели, как животные обнюхивают половые органы друг друга. Вы думаете, они сошли с ума? За исключением человека, никто не сходит с ума. Выглядит странно, но посредством запаха пес ищет себе подругу. Он не рассматривает ее лица, не рассматривает ее носа, не рассматривает ее глаз и их цвет, не рассматривает ее светлых волос, чтобы убедиться в том, что она чистая арийка, германка, нордическая особа, - он обнюхивает ее. Он понимает все лучше вас. Если запах ему не понравится, эта подруга не для него, поскольку именно запах указывает на биологический потенциал этой подруги. Запах указывает на ее гормональную систему.

А видели ли вы, что делает человек? Он всеми возможными способами старается скрыть истинный запах своего тела с помощью всяческих дезодорантов, различных сортов мыла, парфюмерии. Что вы делаете? Может быть, вы не осознаете, но вы делаете это просто потому, что все так делают. Вы стараетесь спрятать ваш сексуальный запах, потому что вы не живете в таком свободном обществе, в котором живут собаки.

Вы живете в обществе, которое всецело является обществом рабов. Биологический запах вашего мужа может совершенно не подходить вам; ваш запах может совершенно не подходить вашему мужу. Теперь вы оба вынуждены прятать свой запах. И если ваш запах внезапно, на дороге, понравится кому-то и кто-то подойдет к вам и скажет: «Я влюбился в ваш запах», - вы будете шокированы. «Этот человек сошел с ума: «Влюбиться в мой запах».

Нет, вы должны прятать свой телесный запах парфюмерией, дезодорантами, всеми возможными способами, так что никто на дороге, на рынке, в клубе не подойдет к вам и не почувствует внезапно, что ваш запах подходит ему. Вы можете не быть мужем и женой; вы можете не быть знакомыми друг с другом. Запах тела не имеет ничего общего со знакомством, религией, кастой, мужем, женой, браком. Он ничего не знает об этом.

Человек пытался приглушить его, потому что он опасен. Но даже если не приглушать его, он не очень опасен, потому что ваш нос заложен. За ним не стоит свободное пространство, которое может определить не только вашу сексуальность, вашу сексуальную привлекательность, но вашу подлинность, вашу истинность, вашу честность.

Когда все ваши чувства сосредоточены вокруг того ничего, о котором я говорю, вы впервые начинаете ощущать существование, ото всех ворот, ото всех окон, открытых навстречу существованию. Но прямо сейчас вы отсутствуете, так что кому же посмотреть в эти окна? Окно может быть и открыто, но вас нет.

Вы спрашиваете меня, что я пытаюсь сделать с вами, с моими санньясинами, - ничего, что было бы меньше воскресения, возрождения, так чтобы я мог привести вас в ту точку, начиная с которой общество отвлекло вас.

Когда вы сможете начать снова с этой же точки, вы пойдете в том направлении, которое

является естественным для вас. И не бойтесь. Природа оснащает вас всеми гарантиями, так что если вы движетесь естественными путями, вы достигнете цели, достигнете вашего предназначения. Оно не далеко, оно как раз рядом с вами; вам нужно лишь протянуть руку. Но ваша рука должна быть подлинной. Это должна быть ваша рука: не рука вашего отца, не рука вашей матери.

Так случилось, что одного человека схватили за убийство другого человека. Он был схвачен, когда его руки были в крови, и приведен на суд. Проблем не было, потому что он сознался в том, что совершил убийство. Судья спросил его: «Хотите ли вы для своей защиты пригласить адвоката?»

Он сказал: «Нет, потому что нет проблемы: я совершил убийство, и эти люди, схватившие меня и приведшие меня сюда, являются свидетелями. Здесь дело ясное - я совершил убийство. Определите мне наказание».

За всю свою жизнь судья никогда не видел такого искреннего человека. Он сказал: «Мне жаль вас, я чувствую себя неважно из-за того, что мне придется дать вам наказание, но вы должны понять, что я вынужден следовать закону. Я могу лишь постараться дать вам наименьшее наказание».

Человек сказал: «Делайте то, что считаете правильным, - минимальное, максимальное, не имеет значения, - ведь когда я убивал этого человека, я действовал с полным осознанием всех последствий. А эти люди просто дураки; они беспокоились совершенно без надобности, - я сам пришел в суд, чтобы объявить, что совершил убийство. Так какое же мое наказание?»

Судья сказал: «Я дам вам только десять лет тюрьмы, хотя максимальным наказанием является смерть. Это минимум; меньше я дать не могу».

Человек сказал: «Очень хорошо - не переживайте по этому поводу. Но я хочу сказать одно: убийство было совершено моими руками, но не мною. Вы можете заключить в тюрьму мои руки, но не меня. Вы не можете выносить приговор против меня. Мои руки, вы видите их, они все еще покрыты кровью».

Судья задумался. Этот человек на самом деле кое-что. Но все же он сказал: «Хорошо, я подвергаю тюремному заключению обе ваши руки на десять лет, но как вы будете вне тюрьмы, когда ваши руки будут в тюрьме?»

Человек сказал: «Это не ваша проблема, это моя проблема».

Судья вынес приговор о том, что обе руки должны быть посажены в тюрьму на десять лет. Человек взял обе свои руки, а они были искусственными, положил их на стол перед судьей и покинул суд.

Истина очень близка, но ваши руки должны быть истинными, - не искусственными, не руками вашей личности, но вашей индивидуальности.

Мое усилие направлено никак не меньше, чем на то, чтобы полностью преобразовать вас от ложного к истинному.

